

Slav 1688.7.10

✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY

COOLIDGE FUND

April 29, 1938

11

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Предисловіе

ОТДѢЛЪ I: Статьи общаго характера.

СТР.

О чѣмъ говорить намъ іюльскіе дни. <i>В. Засуличъ</i>	5
Письма обо всемъ. (Поминадуръ и крамола. Децентрализація) <i>Н. Троцкаго</i>	17
Правительство на скамьѣ подсудимыхъ. <i>Л. Мартова</i>	24
Замѣтки журналиста. <i>Старовътра</i>	29
Письма обо всемъ. (Школа революція. Общая консервативная идея) <i>Н. Троцкаго</i>	34
Новая роспись и новый курсъ. <i>Ф. Дана</i>	37
Для порядка управленія. <i>Его же</i>	45
Письма обо всемъ. (Новое среднее сословіе. Осѣдло-образоват. цѣпъ) <i>Н. Троцкаго</i>	50
Письма обо всемъ. (Картина патріотич. Руск. Либеральные лозунги по сю и по ту сторону Вержболова) <i>Его же</i>	57
Письма обо всемъ. (Двѣ толпы) <i>Его же</i>	65
Такъ ли мы готовимся. <i>Л. Мартова</i>	69
Грядущій кризисъ. <i>Ф. Дана</i>	79
Анти-еврейская кампанія. <i>Его же</i>	87
Реформаторскія потуги. <i>Его же</i>	93
Подъ шумъ войны. <i>Старовътра</i>	100
Монархистъ въ роли террориста. <i>Л. Мартова</i>	105
Передъ голодомъ. <i>Н. Негорева</i>	111
Дорогая цѣна. <i>Ф. Дана</i>	117
Терроръ и массовое движеніе. <i>Л. Мартова</i>	124

	стр
Судь надъ полицейскимъ самодержавіемъ. <i>Н. Негорева</i>	130
Ляонанъ и реформы. <i>Ф. Дана</i>	136
Либерализмъ кишиневскихъ громилъ. <i>Л. Мартова</i>	142
Петербургская весна. <i>Его же</i>	147
Новая диктатура сердца. <i>П. Стрѣльскаго</i>	153
Дружина князя Святополка. <i>Его же</i>	159
Письма обо всемъ. (Передъ катастрофой). <i>Н. Троцкаго</i>	163
Борьба за свободу и классовая борьба. <i>Л. Мартова</i>	169
На очереди. <i>Его же</i>	180
Объ аграрной программѣ с.-р. <i>Игрэкъ</i>	185
Борьба за право. <i>Н. Негорева</i>	194
Изъ жизни и печати. <i>Ф. Дана</i>	196
Рабочій классъ и буржуазная революція. <i>Л. Мартова</i>	202
Земская дерзость и пролетарская безтактность. <i>Его же</i>	210
Итоги правительственной весны. <i>Ф. Дана</i>	216
Массовая стачка въ Баку. <i>Л. Мартова</i>	223
Объ одной политич. директивѣ. <i>Н. Негорева</i>	225
На вѣрномъ пути. <i>Л. Мартова</i>	229
Начало революціи. <i>Ф. Дана</i>	237
Революціонная стихія и пролетаріатъ. <i>Мартынова</i>	245
Заповѣдаль проектъ безболѣзн. ликвидаціи абсолютизма. <i>Негорева</i>	250
Девятое января. <i>Л. Мартова</i>	255
Въ водоворотѣ революціи. <i>Ф. Дана</i>	262
Правительство уходитъ. <i>Н. Негорева</i>	269
Одинъ изъ эпизодовъ революціи. <i>Кольцова</i>	273
О револ. работѣ въ деревнѣ. <i>Ф. Дана</i>	276
Капиталъ бунтуетъ. <i>Старовтра</i>	280
Что намъ дѣлать съ комиссіей Шидловскаго. <i>Л. Мартова</i>	286
Нарожденіе Новой Россіи. <i>Ф. Дана</i>	293
Правит. реформизмъ. <i>П. Стрѣльскаго</i>	300
Работа въ револуц. время. <i>Москаля</i>	304
Послѣ двухъ мѣсяцевъ. <i>Л. Мартова</i>	310
Двойная игра. <i>Старовтра</i>	315
Милиція или полиція. <i>Л. Мартова</i>	320
Бюрократія за работой. <i>Кольцова</i>	324
Борьба церкви и борьба съ церковью. <i>Его же</i>	329
Въ ожиданіи перваго мая. <i>Г. Плеханова</i>	332
Первая кровь въ майскіе дни. <i>Л. Мартова</i>	338
Правит. попеченіе о крестьяннатъ. <i>Его же</i>	339
Захватное право. <i>Ф. Дана</i>	343

Наканунѣ. <i>Ф. Дана</i>	стр. 345
Первомайскіе успѣхи и неудача. <i>Л. Мартова</i>	348
Къ современному положенію. <i>Ф. Дана</i>	358
Историческій день. <i>Л. Мартова</i>	364
Красный флотъ. <i>Его же</i>	369
Черноморское возстаніе. <i>Его же</i>	372
Демонстрація бюрократіи. <i>Ф. Дана</i>	378
Оборона или наступленіе. <i>Его же</i>	381
Наканунѣ ликвидаціи. <i>Л. Мартова</i>	388
Наша тактика и Госуд. Дума. <i>Ф. Дана</i>	392
Къ вопросу о Госуд. Думѣ. <i>Его же</i>	400
На очереди. <i>Л. Мартова</i>	409
Бакинскія звѣрства. <i>Ф. Дана</i>	415
На очереди. („Бойкотъ“ Думы и рев. самоупр.). <i>Л. Мартова</i>	421
Петербургское письмо. <i>Н. Негорева</i>	434

ОТДѢЛЪ II: Либерализмъ, демократія, студенчество.

Съ народомъ или противъ народа. <i>Ф. Дана</i>	441
Вѣрнооподанная оппозиція. <i>Кольцова</i>	447
Революціонное студенчество. <i>В. Засуличъ</i>	451
Пробужденіе демократіи и наши задачи. <i>Л. Мартова</i>	462
Мудрыя птицы. <i>Ф. Дана</i>	470
По поводу одного процесса. <i>Старовѣра</i>	477
Дурная игра. <i>Н. Негорева</i>	485
Конецъ г. Шниова. <i>Его же</i>	492
Эмансипація Митрафана. <i>Старовѣра</i>	495
Рекрутскій наборъ революціи. <i>Н. Негорева</i>	500
Явленіе либераловъ народу. <i>Н. Троцкаго</i>	506
Демократы на распутьи. <i>Н. Негорева</i>	511
Итоги земскаго парламента. <i>Л. Мартова</i>	518
Объединеніе буржуазной демократіи. <i>Ф. Дана</i>	524
Основной грѣхъ либеральн. программы. <i>Н. Негорева</i>	535
Либеральный политикъ приготовитъ классъ. <i>Его же</i>	539
Нѣчто о квалифициров. демократахъ. <i>Н. Троцкаго</i>	541
Трагедія либеральной души. <i>Ф. Дана</i>	546
Дворянская партія. <i>Н. Негорева</i>	554
Въ нагонѣ за союзами. <i>Ф. Дана</i>	557

	Демократы по-неволю. <i>Л. Мартова</i>	стр. 563
	Вождьѣніи либеральныхъ аграріевъ. <i>Кольцова</i>	567
>	Либеральный реализмъ. <i>Л. Мартова.</i>	572
	Организація буржуазной демократіи. <i>Ф. Дана</i>	581
	Не начало ли поворота. <i>Л. Мартова</i>	588
	Къ началу академич. года. <i>Ф. Дана</i>	598
	Рано пташечка заплѣла... <i>Мартынова</i>	602
>	Либеральные измѣны. <i>Л. Мартова.</i>	611
>	Братъ либерального блока. <i>Ф. Дана.</i>	618

ОТДѢЛЪ III: Война. Миръ.

	Въ тискахъ <i>Ф. Дана</i>	629
	Война!... <i>Его-же</i>	635
	Наша контръ-революція. <i>Кольцова</i>	637
	Тройная мобилизація. <i>Старовѣра.</i>	639
	Вѣрнопоходная пресса. <i>Б—ова.</i>	642
	На очереди. <i>Л. Мартова.</i>	648
	О патриотизмѣ. <i>Старовѣра</i>	652
	Строгость необходима. <i>Г. Плеханова</i>	657
	Разгромъ. <i>Л. Мартова.</i>	664
	Гибель Портъ-Артура. <i>Его-же</i>	672
	Что же теперь... <i>Ф. Данъ</i>	676
	Правятъ война и правятъ миръ... <i>Его же.</i>	679
	Миръ. <i>Его-же</i>	685

Предисловіе.

Предлагаемый сборникъ преслѣдуетъ цѣль ознакомить широкую публику съ ходомъ развитія взглядовъ такъ называемаго „меньшевистскаго“ теченія русской социалдемократіи, имѣющаго за собою уже трехлѣтнюю исторію. Мы воспользовались для этого статьями разныхъ авторовъ, появившимися за время 1903—1905 гг. въ „Искрѣ“. Считаюсь съ цензурными условіями, мы вынуждены были отчасти сократить нѣкоторыя статьи и совсѣмъ не включать въ сборникъ другія.

Идеи, отстаивавшіяся въ печатаемыхъ здѣсь статьяхъ, въ теченіе долгаго времени играли довольно большую роль въ жизни русской социалдемократіи. Поэтому, ознакомленіе съ этой, малоизвѣстной широкому кругу читателей, литературой представляется полезнымъ не только съ историко-литературной точки зрѣнія. Перелистывая сборникъ, читатель можетъ выяснитъ себѣ, какъ, на какихъ фактахъ общественной жизни складывалось отношеніе русской социалдемократіи—и подъ ея влияніемъ пролетаріата—къ разнымъ политическимъ теченіямъ: къ земскому

либерализму и „освободенской“ демократіи, къ различнымъ формамъ и приѣмамъ борьбы, къ различнымъ тактическимъ методамъ въ освободительномъ движеніи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, внимательный читатель найдетъ въ сборникѣ немало указаній на то, какую роль въ дѣйствительности играла социалдемократическая критика въ общесоциалдемократическомъ движеніи, какіе программные лозунги и тактическіе приѣмы социалдемократіи удалось сдѣлать достояніемъ широкихъ круговъ населенія—подчасъ въ упорной борьбѣ съ другими партіями и теченіями. Такія указанія особенно кстати теперь, когда въ демократической печати такъ тщательно стараются умалить громадныя заслуги социалдемократіи въ общенациональномъ освободительномъ движеніи.

„Меньшевистское“ направленіе, боровшееся сначала за свое существованіе, а позднѣе за преобладаніе въ социалдемократіи, недавно впервые заняло господствующее положеніе, ставъ официальнымъ стено партіи. Эта побѣда доказала его жизненность въ ряду другихъ теченій внутри партіи. Литературный матеріаль, предлагаемый въ „Сборникѣ“, можетъ до извѣстной степени дать представленіе о томъ, какъ подготовлялась эта идейная побѣда, какой партійный опытъ закрѣплялся въ сознаніи социалдемократовъ постепенными завоеваніями „новаго“ въ свое время теченія.

Редакція сборника.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ I:

Статьи общаго характера.

О чемъ говорятъ намъ июльскіе дни ?

(25 ноября 1903 г. № 53).

Громадной важности событія разыгрались на югѣ Россіи. Ихъ описанія наполняли собою ближайшіе къ нимъ номера подпольной прессы всѣхъ направленій и въ настоящій моментъ уже вытѣсняются съ ея столбцовъ другими матеріалами. А между тѣмъ поставленные этими событіями вопросы не только не подверглись обсужденію, но еще почти что не затронуты. Рѣшительную и вдумчивую ихъ постановку мы встрѣтили до сихъ поръ только въ одномъ, еще ненапечатанномъ, письмѣ изъ Кіева. Но мы убѣждены, что волнуютъ и мучаютъ эти вопросы далеко не одного только нашего кіевского товарища, а многихъ и многихъ русскихъ дѣятелей. Мысль русской социалдемократіи должна остановиться на нихъ; ихъ ставить не отдѣльные лица, а сама жизнь. Что именно произошло на нашемъ югѣ? были ли это стачки, демонстраціи, возстанія? «Ничего подобнаго не знала Россія и даже думается, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не зналъ міръ»,—пишетъ кіевскій товарищъ. Указавъ на громадныя размѣры движенія, онъ отмѣчаетъ затѣмъ то, что представляется ему «новымъ въ мировой исторіи»—это «безусловная солидарность всѣхъ рабочихъ» безъ всякаго различія профессій и національностей. Бастуютъ, какъ одинъ человѣкъ, всѣ рабочіе, начиная съ наилучше обставленныхъ профессій до самыхъ низшихъ чернорабочихъ. Стоять пароходы, задерживаются поѣзда, погасло электричество, бастуютъ приказчики большихъ магазиновъ, нѣтъ конокъ, быстро дорожаетъ хлѣбъ, не выходятъ газеты, нѣтъ мяса, некому чистить сапогъ, остановились постройки, въ Баку не хватаетъ воды. Въ Западной Европѣ, говоритъ кіевскій товарищъ, не смотря на полувѣковую исторію социалистическаго движенія, на организацію и политическую свободу, такъ ихъ стачекъ не бывало. Тамъ грандіозныя стачки случаются лишь въ извѣстныхъ профессіяхъ.

Авторъ правъ. Въ странахъ Западной Европы, имѣющихъ большія профессиональныя организаціи и давно существующія социалистическія партіи, еще не бывало стачекъ, достигающихъ такой всеобщности, какъ у насъ на югѣ, и—въ качествѣ явленія однороднаго со стачками въ отдѣльныхъ профессіяхъ—ихъ, думается намъ, никогда и не будетъ. Всеобщая стачка ради давленія на отдѣльныхъ предпринимателей, какъ получателей прибыли, средство очень сильное, но не цѣлесообразное. Именно по своей всеобщности и неизбежной по этому самому кратковременности, отдѣльнымъ предпринимателямъ, какъ таковымъ, она въ большинствѣ случаевъ можетъ причинить лишь незначительный вредъ, доставляя въ то же время громадные затрудненія всему населенію въ качествѣ потребителя. По самой сути дѣла, всеобщая стачка можетъ быть цѣлесообразнымъ средствомъ давленія лишь на общество, какъ организованное цѣлое; она и выдвигалась въ Европѣ (а въ Голландіи и Бельгіи отчасти практиковалась), какъ средство политическаго давленія, и проповѣдывалась, какъ приступъ къ социальной революціи.

Но всмотритесь хорошенько въ наши южныя стачки. Уже одно наиболѣе всеобщее изъ всѣхъ требованій: 8-ми-часовой рабочей день—самой своей международной цифрой говорить о своемъ скорѣе принціпальномъ, чѣмъ практическомъ значеніи, носить скорѣе характеръ лозунга, какимъ оно до сихъ поръ еще остается и въ Западной Европѣ, чѣмъ требованія, подлежащаго немедленному удовлетворенію. И въ дѣйствительности, если въ Баку всеобщая стачка выросла изъ частныхъ, если часть одесскихъ рабочихъ, въ которой запутавшіеся въ ономъ же собственныя сѣти независимцы возбудили надежды на покровительство начальства, дѣйствительно вѣрила въ удовлетвореніе всѣхъ своихъ требованій, то желѣзнодорожные рабочіе, взявшіе на себя инициативу всеобщей стачки въ Кіевѣ, опасались поспѣшнаго удовлетворенія, которое испортило бы все дѣло, и умышленно выставляли невыполнимыя, по ихъ мнѣнію, требованія. И способъ распространенія этой всеобщей стачки и многія явленія въ ея ходѣ и окончаніи въ значительной степени отнимаютъ у нея характеръ простой борьбы рабочихъ съ своими непосредственными предпринимателями. Распространяется движеніе съ громадной быстротой, перекидываясь изъ одного города въ другой и въ 2—3 дня охватывая все производство, причемъ, если рабочіе, начинающіе въ данномъ городѣ стачку, предъявляютъ своимъ хозяевамъ цѣлый рядъ требованій, то дальше многіе бросаютъ работу уже безъ всякихъ требованій, бросаютъ потому, что всѣ встали, что къ нимъ подошла толпа бастующихъ товарищей. Иной разъ (въ Екатеринославѣ, въ Одессѣ и проч.) требованія вырабатываются на массовыхъ, мно-

тысячныхъ митингахъ, состоящихъ изъ рабочихъ самыхъ различныхъ профессій. Въ разгаръ стачки не разъ случается, что тѣ или другіе предприниматели предлагаютъ своимъ рабочимъ очень большія уступки, но, пока длится одушевленіе, эти уступки рѣшительно отвергаются, и когда, подъ вліяніемъ утомленія, толпы на улицахъ рѣдѣютъ и митинги на пустыряхъ и площадяхъ прекращаются, стачка заканчивается еще дружнее, чѣмъ началась, и все становится на работу, безразлично, получили или не получили какія-нибудь уступки. Все это носитъ скорѣе характеръ общественнаго протеста цѣлаго класса противъ лежащаго на немъ экономическаго и политическаго гнета, чѣмъ простой стачки противъ своихъ непосредственныхъ предпринимателей. Мы не хотимъ, разумѣется, сказать, чтобы это массовое движеніе было сознательно направлено противъ существующаго экономическаго и политическаго строя Россіи. Но, несомнѣнно, что рядомъ со всеяческой нуждой оно было направлено и противъ неподвижности, угнетенности, самоуправства и безправія, свойственныхъ бюрократическому строю, а тѣмъ самымъ и противъ всехъ охранителей этого строя. И эта послѣдняя сторона движенія выразилась особенно ярко въ безпрерывной и въ большинствѣ случаевъ побѣдоносной борьбѣ съ полиціей и казаками за свободу уличныхъ собраний, рѣчей, кое-гдѣ шествій.

Да, такихъ стачекъ не видывала Европа, но ту солидарность возставшихъ рабочихъ массъ безъ различія профессій и національностей, которая особенно поражаетъ кіевского товарища, не разъ видали столицы континентальной Европы. Въ ихъ революціонные дни такъ же пусты были фабрики и мастерскія, хотя рабочіе уходили изъ нихъ, не предъявивъ хозяевамъ никакихъ требованій, а улицы были наполнены многотысячной толпой, въ которой рабочіе всехъ профессій перемѣшивались со студентами, съ одной стороны, и съ самымъ низшимъ слоемъ пролетаріата, не имѣющимъ никакой прочной профессіи, съ другой. И эти массы тоже начинали съ того, что слушали многочисленныхъ ораторовъ, говорившихъ съ какого-нибудь возвышенія или поднявшись на плечи товарищей.

Многія сцены, разыгравшіяся въ Кіевѣ, точно описаны съ того, что болѣе 50 лѣтъ тому назадъ происходило въ Парижѣ или Берлинѣ; рабочіе у вокзала, на угрозу стрѣлять распахивающіе груди съ крикомъ «стрѣляй», шествіе съ трупами убитыхъ товарищей. И, вмѣсто подавленности послѣ заливовъ, общее возмущеніе, крикъ «долой убійцы!», разростаніе движенія и въ ширь и въ глубь. Если бы выбывшій изъ строя 50 лѣтъ тому назадъ революціонеръ Парижа или Берлина вдругъ очутился среди толпы передъ вокзаломъ, онъ сразу почувство-

валъ бы себя въ той самой атмосферѣ, изъ которой вырвала его когда то вражья пуля. О подражаніи тутъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи: просто одинаковыя чувства въ аналогичномъ положеніи вызываютъ одинаковыя жесты, слова, дѣйствія. Кіевскій товарищъ самъ замѣчаетъ, повидному, что наши июльскіе дни имѣютъ болѣе общаго съ революціонными бурями Западной Европы, чѣмъ съ современными профессиональными стачками, хотя бы и самыми грандіозными; онъ самъ называетъ ихъ «прелюдіей къ революціи». Въ эти дни положеніе обь усиленной охранѣ фактически не дѣйствовало. «Всѣ дни, помимо тысячныхъ массъ, на всѣхъ рабочихъ улицахъ толпится народъ. Группы въ 20—50 человекъ на глазахъ городскихъ читаютъ листки, ведутъ пренія». А городовые благоразумно душатъ сѣмьчки. Когда же собравшись скопомъ, полиція вмѣстѣ съ казаками нападаетъ на сколько ябудь значительную толпу, то въ большинствѣ случаевъ терпитъ пораженія. «Народъ уже не боится казаковъ и полиціи. Во всѣхъ столкновеніяхъ съ ними обь, взявшись за камни, всегда обращалъ ихъ въ бѣгство». Такъ было въ Кіевѣ, но если кое-гдѣ конной и пѣшей полиціи въ соединеніи съ казаками и случалось сдерживать напоръ толпы, то въ общемъ эти спеціальныя охранители русскаго порядка были безопильны. Мѣшать въ такіе дни свободѣ массовыхъ митинговъ подъ открытымъ небомъ могутъ теперь только залпы регулярныхъ войскъ. Но и тутъ... Согнать данную толпу съ даннаго мѣста они еще могутъ, но «усмирить» волнующіяся массы, запугать, вызвать подавленное настроеніе—они не въ состояніи. Какъ разъ наоборотъ. Въ Екатеринбургѣ, гдѣ войска были пущены въ ходъ въ самомъ началѣ стачки, это не мѣшало ей сдѣлаться всеобщей и носить ярко протестующій характеръ. Въ Кіевѣ именно послѣ залпа у вокзала, настроеніе массъ достигло максимума революціоннаго подъема; стачка, до этого еще частичная, стала всеобщей и утихла только черезъ три дня послѣ залповъ на набережной, закончившихъ собою подвиги войскъ. Она стихла бы и въ томъ случаѣ, если бы войска вовсе не употреблялись. Свободное массовое проявленіе всѣхъ своихъ силъ—великое благо въ странѣ, гдѣ назрѣвшая потребность въ свободѣ не получаетъ никакого удовлетворенія; но недѣля такой интенсивной жизни на улицѣ не могла не вызвать утомленія. Утвержденіе «Рев. Россіи», что «движеніе стихло подъ давленіемъ военной силы», противорѣчитъ даже съ собственнымъ корреспонденціямъ.

Это движеніе не только не «разбилось обь утесъ самодержавія», но откололо отъ этого утеса громадный кусокъ. Рабочій классъ юга Россіи воочію доказалъ себѣ самому, правительству и всему населенію,

что, даже вооруженный одними камнями, онъ можетъ день за днемъ, несмотря на всѣ усилія жандармеріи, казаковъ и полиціи, пользоваться полной свободой слова на митингахъ подъ открытымъ небомъ, когда ему угодно покинуть для этого свои мастерскія; что всѣхъ силъ, находящихся въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, уже недостаточно для охраны свойственнаго нашему строю порядка, и противопоставить поднявшимся рабочимъ правительство можетъ теперь только войско. Рабочему классу придется, конечно, повторять и укрѣплять это доказательство, чтобы ввести его въ общее сознаніе, но самый фактъ представляетъ собою такой громадный шагъ въ ходѣ надвигающейся революціи, что переоцѣнить его нѣтъ никакой возможности. Въ самомъ дѣлѣ: если достаточную матеріальную силу правительство можетъ теперь видѣть только въ войскѣ, то на вѣрность, на прочную нравственную солидарность со своими интересами оно можетъ рассчитывать только со стороны полиціи. Кто въ настоящее время поступаетъ на полицейскую службу, тотъ заранѣе мирится съ ненавистью большинства населенія. Тотъ готовъ совершать всѣ злѣчества, которыя лежатъ на обязанности русской полиціи. Но у правительства нѣтъ никакихъ основаній вѣрить во всегдашнюю готовность къ убійствамъ со стороны насильно забранныхъ солдатъ. У него есть всѣ основанія подозрѣвать, что роль убійцъ своихъ же братьевъ очень непріятна значительной части солдатъ, а для иныхъ совершенно невыносима; что, посылая ихъ противъ рабочихъ, оно самое вынуждаетъ солдатъ горячо раздумывать о такихъ вопросахъ, которые иначе не пришли бы имъ въ голову, что число такихъ солдатъ должно расти отъ одного соприкосновенія съ взволнованной рабочей средой, не говоря уже о систематической пропагандѣ. Съ другой стороны, усиленная неблагонамѣренность гражданской учащейся молодежи имѣетъ много шансовъ заразить и военную, а правительство по горькому опыту знаетъ, какъ безсильны противъ такой заразы всѣ мѣры, какія оно только можетъ придумать.

Боевыхъ генераловъ, готовыхъ скомандовать убійство, у правительства всегда хватить, но оно не можетъ не знать, что съ каждымъ днемъ приближается къ тому моменту, когда ненавистный приказъ, вмѣсто выстрѣловъ поверхъ головы, начнетъ встрѣчать открытое неповиновеніе. Поставить правительство на путь собственноручнаго расшатыванія своего главнѣйшаго оплота могла только поднявшаяся рабочая масса. И во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, поскольку дѣло зависѣло отъ массъ, движеніе было въ высшей степени успѣшно. Оно показало, какъ велико уже единство рабочаго класса, какъ много въ немъ эле-

ментовъ организованности, позволившей ему сразу выработать такой простой способъ быстро мобилизовать всѣ свои силы.

Намъ, социалдемократамъ, нельзя, конечно, не огорчаться тѣмъ, что комитеты не были къ моменту движенія въдесятеро сильнѣе, не могли выпустить въдесятеро больше листовъ, выставлять въдесятеро больше ораторовъ, не могли, однимъ словомъ, въ достаточной мѣрѣ использовать недѣльной отпѣны самодержавныхъ порядковъ. Но, поскольку въ жалобахъ на то, что «стихійность опять переросла организованность... сознательность», слышится и нѣчто другое, эти жалобы, мнѣ кажется, основаны на недоразумѣнн. Да развѣ движеніе было стихійно? Если подъ стихійностью подразумѣвать первобытность вообще или по отношенію социалдемократіи, то въ нашемъ южномъ выступленіи не было ничего первобытнаго, все въ немъ говоритъ о вліяніи новаго ¹⁾ революціоннаго времени; на немъ лежитъ явный отпечатокъ воздѣйствія социалдемократіи—это въ значительной степени плоды ея многолѣтней работы.

Но въ данное время, въ данной формѣ движеніе не было предвидѣно, и его размѣры превзошли всѣ ожиданія? Это показываетъ только, какую великую эпоху мы переживаемъ. Въ нарастающей революціонной атмосферѣ всякое нужное слово рождаетъ стократное эхо, всякое кѣлесообразное усиліе, кромѣ прямого, приноситъ еще и косвенные плоды. Пока растетъ революціонное движеніе, «стихійность» въ этомъ смыслѣ всегда будетъ переростать организованность. Социалдемократія должна, конечно, проникнуть какъ можно дальше въ рабочую среду со своею сознательностью, раскинуть какъ можно шире организованность. Только этимъ организованнымъ ядромъ движенія она и можетъ распоразжаться съ полной увѣренностью въ соответствіи дѣятельн. плану. Но чѣмъ шире распространится непосредственное вліяніе комитетовъ, тѣмъ шире будетъ и та окружность, до которой будутъ долетать отголоски поднятаго движенія. А чѣмъ дальше отъ центровъ сознательности они долетаютъ, буда все болѣе и болѣе сѣрны массы, тѣмъ меньше поддаются учету и размѣры, и формы, и сроки проявленій массоваго движенія. Смущаться этимъ социалдемократіи не приходится. Но, съ другой стороны, было бы положительнымъ несчастіемъ, если бы, увлекшись всеобщими стачками, поставившими комитеты лицомъ къ лицу съ массовикомъ, социалдемократы забросили другія, основныя отрасли своей дѣятельности. Во времена экономнама, какъ ни

¹⁾ Одесская травля политиковъ этому ничуть не противорѣчитъ. Это крошечный, минутный выигрышъ зубатовцевъ въ отчаянной и теперь уже програнной игрѣ противъ новаго революціоннаго времени.

шлись за массовикомъ, ему-то собственно ничего не сказали, а лишь внушили все тѣмъ же передовымъ рабочимъ нѣсколько ложныхъ надежд, до сихъ поръ отзывающихся на ходъ движенія.

Усиленная пропаганда, распространеніе литературы, листовки, политическія демонстраціи вмѣстѣ со студентами—все это, хотя бы прямо и не затрагивало массовика, вліяетъ на него общимъ подъемомъ окружающей его атмосферы. Специальныя же усилія, направленные на стачку, могутъ не дать ровно ничего. Всеобщую стачку слѣдовало бы, имѣ кажется, предоставить самой жизни, прилагая къ ней всѣ заботы лишь тогда, когда она сама дается въ руки. Готовиться къ ней нужно, конечно, но всего лучше воспользуется всеобщей стачкой, всего больше готовъ къ ней будетъ тотъ комитетъ, у котораго всего богаче и шире будутъ поставлены всѣ отрасли его текущей работы.

«Рев. Россія» кажется большимъ бѣдствіемъ недостатокъ рѣшимости со стороны революціонеровъ. Она очень сожалеетъ, что во время волненій они не вступили (вооружившись, конечно) въ битву съ войсками.

Она напоминаетъ намъ, что многіе убитые предпочли бы смерть съ оружіемъ въ рукахъ въ уличной схваткѣ, на баррикадѣ или въ открытомъ нападеніи строя на строй. «Пусть открытая борьба на первыхъ своихъ стадіяхъ можетъ быть подавлена свинцомъ и кровью... но, вѣдь, надо же когда-нибудь начинать, и лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ погибнуть, спасаясь бѣгствомъ, отъ пальной пули». «Это—старыя и простыя истины», увѣряетъ она. Можетъ быть, это и истины, но совершенно не идущія къ дѣлу.

Дѣло совсѣмъ не въ томъ, какую именно смерть предпочли бы наши погибшіе товарищи, какъ и не въ томъ, что лично для себя предпочли бы живые революціонеры, а въ томъ, что именно требуется ростомъ революціоннаго подъема рабочихъ массъ. А мы глубоко убѣждены, что для великой южной демонстраціи, стачки, массового, протеста,—какъ хотите, опредѣлите это движеніе—скольконибудь стойкая битва съ войсками была бы просто противоестественна, а попытка передовой горсти революціонеровъ—вредна. У демонстраціи, пока психически она остается демонстраціей, нѣтъ того главнѣйшаго оружія—хотя бы демонстранты и были вооружены съ головы до ногъ,—которымъ очень плохо вооруженныя и даже почти безоружныя народныя массы на Западѣ столько разъ побѣждали войска. Вооружаться надо—это несомнѣнно,—надо и при демонстраціяхъ, массовыхъ митингахъ, протестахъ. Но сила далеко не одною оружіемъ. Какъ бы хорошо ни была вооружена народная масса, войска всегда будутъ вооружены

гораздо лучше. Оружіемъ массы, побѣждающей войска, можетъ быть лишь страстное упорство въ достиженіи опредѣленной цѣли. Народное волненіе превращается въ революцію, когда вся волнующаяся масса, объединявшись на одномъ или нѣсколькихъ опредѣленныхъ требованіяхъ, проникается рѣшимостью не покидать улицу, не расходиться, не прекращать борьбы, пока эти требованія не получаютъ удовлетворенія сейчасъ же, тутъ же, на мѣстѣ.

Такихъ требованій у выступившихъ на югѣ рабочихъ массъ не было.

Ихъ профессиональныя требованія непремѣннаго пребыванія десятковъ тысячъ на улицахъ не предполагали. Давленіе на хозяина оказываетъ самый фактъ отсутствія рабочаго изъ мастерской, а уже что онъ тамъ дѣлаетъ, когда не работаетъ,—отдѣльному хозяину, какъ таковому, болѣе или менѣе безразлично.

Рабочіе хотѣли собираться на улицахъ, слушать рѣчи и читать листки,—все эти они и защищали отъ казаковъ и полиціи, но разбѣгались передъ залпами, чтобы снова собраться въ другомъ мѣстѣ. Завоевать свободное пользованіе этими благами разъ навсегда, не сходя съ улицы,—ни у массы, ни у ея вожаковъ и въ помыслахъ не было, да и гдѣ, ке было навѣрное и ни у кого изъ соц.-революціонеровъ. Уличный крикъ «долой самодержавіе!» раздается пока еще только какъ лозунгъ, угроза, средство агитаціи, а не какъ революціонное требованіе, которое отстаивается въ упорной битвѣ, съ полнѣйшей рѣшимостью—добиться или умереть. Отстаивать же подъ ружейнымъ огнемъ свое пребываніе въ данную минуту на данной площади, у рабочихъ не могло быть достаточныхъ стимуловъ.

Съ другой стороны, нельзя судить и о стойкости войска по его поведенію въ іюльскіе дни. Когда на Западѣ отряды войскъ переходили на сторону народа, они, конечно, рисковали полатиться за это, если возстаніе будетъ побѣждено, но за то въ случаѣ побѣды ихъ ожидала всеобщая благодарность. Тамъ переходъ одного отряда увеличивалъ шансы побѣды, дѣйствовать заразительно на цѣлыя полки, а затѣмъ уже простой расчетъ заставлялъ власть оружіе.

Совсѣмъ иное дѣло такое волненіе, при которомъ никто не помышлялъ о немедленномъ уничтоженіи власти врага; чтобы при такихъ условіяхъ взять на себя инициативу перехода на сторону народа или хотя бы открытаго отказа стрѣлять, нужно гораздо больше героизма, чѣмъ для участія въ какой угодно демонстраціи. Отращеніе къ навязываемой войску роли, совершенно достаточное при революціи для перехода на сторону народа, можетъ вызвать при демонстраціи лишь отсутствіе «старанія», смотрѣніе сквозь пальцы на побѣгъ плѣнныхъ,

стрѣльбу поверхъ головъ, которая констатируется во всѣхъ корреспонденціяхъ. Для большаго нужно уже очень широкое распространіе революціоннаго настроенія въ войскахъ. По важнымъ волненіямъ нельзя, слѣдовательно, судить ни о боевой способности рабочей массы, ни о томъ, сколько среди войскъ людей, сочувствующихъ той сторонѣ, противъ которой ихъ ведутъ.

Одна и та же причина увеличиваетъ при демонстраціяхъ стойкость войскъ и уменьшаетъ его среди демонстрантовъ. Намъ кажется, поэтому, что, пока народныя волненія остаются протестами, стачками, демонстраціями (не ставятъ себя опредѣленной, немедленно достижимой цѣли), нападать на войска не слѣдуетъ въ ни какомъ случаѣ; намъ кажется далѣе, что демонстрація, уступившая лишь ружейному залпу, еще не можетъ считаться неудавшейся. Другое дѣло полиція, казаки, жандармерія. Противъ этихъ специальныхъ и безусловныхъ враговъ движенія слѣдуетъ бороться и при демонстраціяхъ. Противъ нихъ упорная стойкость совершенно обязательна.

«Не настала ли пора подумать... какъ именно должно произойти паденіе абсолютизма и что станетъ непосредственно на его мѣсто? Не пора ли уже начать опредѣлять способы и пути революціи?» спрашиваетъ кievскій товарищъ въ своемъ уже цитированномъ нами письмѣ. «Невольно кажется», продолжаетъ онъ, «что рѣшительная минута не такъ уже далека, и что встрѣтить ее неподготовленными, безъ опредѣленнаго плана было бы величайшей ошибкой. Думаю, что, если бы въ какомъ либо изъ центровъ намъ удалось временно овладѣть властью, то эта самая побѣда, вслѣдствіе отсутствія опредѣленнаго общерусскаго плана, обратилась бы въ поражение. А о побѣдѣ можно не только мечтать, но, какъ мнѣ кажется, и думать».

Товарищъ правъ, важныя событія речуются за то, что о побѣдѣ теперь ужъ можно, а слѣдовательно, и должно думать. Мысль должна начать иначе относиться къ идеѣ революціи, чѣмъ до сихъ поръ. Представленіе о томъ, какъ произойдетъ паденіе абсолютизма, должно конкретизироваться. Слова «народное восстаніе», «побѣдоносная революція» давно знакомы нашей подпольной прессѣ. Всего больше говорилось объ этихъ вещахъ въ прокламаціяхъ начала 60-хъ годовъ и въ бакунистскихъ писаніяхъ, привезенныхъ изъ-за границы Нечаевымъ. Но тогда, поскольку эти слова не были простымъ украшеніемъ слога, они выражали просто вѣру, подтверждаемую лишь преданіями далекой старины.

Въ текущей русской дѣйствительности не было ничего, что говорило бы о возможности близкой революціи. Думать о ней и въ то же время принасматриваться къ народной массѣ, значило терять вѣру въ революцію. И въ теченіе 70-хъ гг. вѣра въ близкое народное возстаніе постепенно исчезла. Соціалдемократы знали, что пролетариатъ революціонеръ по самому своему положенію,—и этого было совершенно достаточно, чтобы работать. Но пока пробужденіе касалось только тѣхъ передовыхъ рабочихъ, до которыхъ могли добраться соціалдемократы, оставалось невѣдомымъ, какъ и когда проснется массовизъ, а безъ него «думать» о побѣдоносной революціи было еще слишкомъ рано.

Ростовская стачка съ ея массовыми собраніями была первою ласточкой той весны, которая сказалась съ такой силой въ іюльскихъ волненіяхъ. Теперь впервые сама жизнь заставляетъ мысль останавливаться на конкретныхъ чертахъ этого еще недавно такого далекаго и невѣдомаго момента, заставляетъ думать о путяхъ и способахъ революціи.

Думать о нихъ, чтобы, по возможности, предвидѣть событія, совершенно необходимо, но представить себѣ революцію совершающуюся по заранѣ составленному плану, напередъ опредѣленными путями и способами, было бы, конечно, утопией. Это невозможно уже по тому одному, что, какъ бы ни была сильна и совершенна организованность соціалдемократіи, не отъ нея одной будетъ зависѣть ходъ событій. Во-первыхъ, этотъ ходъ будетъ зависѣть и отъ поведенія врага и отъ настроенія обывателя, превышающаго своею численностью всѣ заранѣ революціонные и активные элементы населенія. Наконецъ, этотъ ходъ будетъ въ значительной степени зависѣть отъ «общества».

Затѣмъ, въ движеніи самихъ рабочихъ массъ въ періодъ, предшествующій паденію абсолютизма, всегда будетъ нѣчто, не поддающееся учету, хотя бы движеніе дѣлкомъ совершалось подъ вліяніемъ соціалдемократіи. Вѣдь русскій рабочій классъ стоитъ лишь въ началѣ своего общественнаго воспитанія, соціалдемократіи предстоитъ еще долгій путь до того момента, когда большинство рабочаго класса превратится въ сознательныхъ соціалдемократовъ. До паденія абсолютизма этого не произойдетъ ни въ какомъ случаѣ. Но уже первые проблески пробужденія пролетариата уничтожаютъ въ его душѣ вѣру въ неприкосновенность всего существующаго и ставятъ его въ разрѣзъ съ нашимъ полицейскимъ режимомъ.

Поэтому то только и возможна у насъ побѣдоносная революція, но поэтому же непредвидѣнные движенія рабочихъ массъ перерастаютъ организованную работу соціалдемократовъ и — пока длится револю-

ціонный періодъ—будуть переростать ее, являясь въ то же время ея результатомъ.

Планъ социалдемократіи можетъ, мнѣ кажется, состоять лишь въ опредѣленіи своей роли въ томъ ходѣ событій, который она должна стараться предвидѣть, чтобы какъ можно сильнѣе вліять на него, но котораго она никогда не будетъ въ состояніи опредѣлять заранее, чтобы затѣмъ вести предначертанными путями.

Возвращаясь къ нашимъ южнымъ стачкамъ, можно, мнѣ кажется, надѣяться, что работа мысли и чувства, поднятая въ массахъ участіемъ въ волненіяхъ, одѣлаетъ ихъ еще воспримчивѣе и, если наши комитеты окажутся хоть сколько-нибудь на высотѣ задачи, слѣдующая же волна движенія, если и начнется со всеобщей стачки, то эта стачка въ гораздо большей степени, чѣмъ на этотъ разъ, окажется лишь формой движенія. Не трудно предвидѣть, что при растущей революціонности массъ крикъ «долой убійцы!» будетъ становиться все болѣе общимъ и изъ угрозы можетъ наконецъ превратиться въ цѣль, въ требованіе, а при этомъ условіи побѣда не только возможна, а, пожалуй, и неизбежна.

Еслибы революція могла совершаться по плану, она, разумѣется, должна бы начаться въ столицѣ. Здѣсь уничтоженіе власти врага сразу лишило бы силы весь правительственный механизмъ во всей провинціи. Но въ настоящій моментъ большая революціонная подвижность юга заставляетъ допустить возможность другого исхода русской революціи.

Если бы киевское «долой убійцы!» изъ простого выраженія ненависти перешло въ дѣло, и мѣстные инициаторы убійствъ вынуждены были такъ или иначе ступешаться передъ народнымъ гнѣвомъ, если бы даже примѣру Кіева послѣдовали всѣ революціонные центры юга—все это само по себѣ еще не означало бы сверженія существующаго режима. Все-таки потребовался бы окончательный толчекъ, хотя, несомнѣнно, что сила сопротивления была бы громадно ослаблена.

Едва ли можно усомниться въ томъ, что въ Петербургѣ сознательныхъ революціонныхъ силъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, и трудно допустить, чтобы здѣсь рабочая масса, даже самая «сѣрая», оставалась совсѣмъ незаатронутой революціоннымъ временемъ. Но и у врага силъ въ Петербургѣ тоже больше, чѣмъ гдѣ-либо. Здѣсь для взрыва, быть можетъ, недостаточно одного накопленія революціонной потребности въ свободномъ проявленіи своихъ силъ. Здѣсь, быть можетъ, нужно внѣшнее событіе, дѣлающее выступленіе обязательнымъ именно въ данный моментъ.

Кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіей Европы середины XIX вѣка, тотъ знаетъ, конечно, что мартовскія событія въ Берлинѣ и Вѣнѣ были вызваны февральской революціей въ Парижѣ. Нѣмецкое студенчество

давно уже было настроено революціонно, пробужденіе рабочаго класса въ Германіи дѣлало огромные успѣхи; ясно, однако, что самымъ ходомъ движенія революціонный взрывъ вовсе не былъ еще приуроченъ непремѣнно къ марту 1848 года. Но очень распространенное знаніе исторіи французскихъ революцій, рассказы о которыхъ служили агитационнымъ матеріаломъ, и еще шире разлившееся ожиданіе, что на этотъ разъ революція во Франціи послужитъ сигналомъ и для нѣмецкаго освобожденія,—все это придало вѣсти о февральской революціи такую волнующую силу, что двухъ недѣль, прошедшихъ отъ первыхъ извѣстій о ней до мартовскихъ дней въ Вѣнѣ и Берлинѣ, было достаточно, чтобы довести броженіе до окончательнаго взрыва.

Не суждено-ли побѣдоносной революціи на нашемъ югѣ сыграть по отношенію къ сѣверу роль революціоннаго Парижа для Германіи?

Кіевскій товарищъ сто разъ правъ, говоря, что встрѣтить рѣшительныя минуты, не подготовившись къ нимъ, было бы величайшей ошибкой со стороны социалдемократіи. Но первымъ шагомъ этой подготовки должно быть, по нашему мнѣнію, не оставленіе плана, а усвоеніе и широкое распространеніе самой мысли о реальной возможности, а, можетъ быть, и необходимости революціи въ близкомъ будущемъ.

Соціалдемократическая рабочая партія должна освоиться съ этой мыслью и приучить къ ней остальное населеніе. Широкое распространеніе увѣренности въ близкой революціи—это половина побѣды. Эта увѣренность должна какъ можно дальше проникнуть въ крестьянство. Къ активному участію въ революціи должно усиленно готовиться наше студенчество. Къ мысли о ея необходимости должно привыкнуть даже общество, продолжающее «не вѣрить» въ революцію, тогда какъ именно побѣдоносная революція становится теперь уже единственнымъ способомъ освобожденія, въ который вѣтъ надобности «вѣрить», о которомъ уже поздно мечтать, а остается «думать», какъ облегчить его ходъ и уменьшить количество уже льющейся крови.

Конкретные планы опредѣленныхъ дѣйствій въ томъ или иномъ случаѣ, примѣнительно къ тому или другому городу, могутъ начать вырабатываться лишь въ атмосферѣ, уже насыщенной ожиданіемъ близкой революціи. Они не могутъ, конечно, обсуждаться ни въ печати, ни на широкихъ собраніяхъ, но для того чтобы тѣсный кругъ профессиональныхъ революціонеровъ могъ выработать жизненный планъ, съ нимъ въ этомъ отношеніи должна думать и чувствовать въ унисонъ окружающая его среда.

В. Засуличъ.

Письма обо всемъ.

(15 ноября 1903 г. № 53).

Помпадуръ и крамола. Нѣтъ Руси, гибнетъ Русь!
«Децентрализація». Помпадуръ дореформенный, помпадуръ пореформенный, помпадуръ будущаго.

«Россия задыхается отъ централизаціи»,—еще Ѳеденька Кротиковъ зналъ корень зла, еще онъ находилъ, что необходимо «децентрализовать», т. е. радикально эмайсипировать помпадура отъ опеки законсъвъ. Конечно, помпадуръ никогда не былъ въ этомъ отношеніи стѣсненъ и всегда зналъ, что по времени и закону бываетъ переменна. Но теперь онъ почувствовалъ неутолимую потребность въ экстренной широтѣ движеній, энергій захвата и стремительности атакъ. Ибо врагъ неутомимъ. Крамола приобретаетъ безчисленные развѣтвленія и проявляется время отъ времени въ атакахъ, захватывающихъ начальственное дыханіе. Прежнимъ правителямъ приходилось искоренять либеральный «сенчикявъ ядъ», укрывавшійся либо въ акцизномъ вѣдомствѣ, либо въ земской управѣ,—да еще время отъ времени совершать крестовые походы противъ мужиковъ, становившихся по этому случаю на колѣни и заявлявшихъ: «Нечего съ насъ взять! Насъ и уколунуть негдѣ!» И въ тѣ времена требованіе полной и безусловной децентрализаціи было въ сущности простымъ проявленіемъ капризной помпадурской похотливости. Энергичный помпадуръ, одинъ изъ тѣхъ, внутри которыхъ «скрывается молнія», встрѣчалъ тогда препятствія не столько въ наличности закона, сколько въ отсутствіи врага. Тогдашній «помпадуръ борьбы» пытался, если помните, даже вызвать сатану—увы! тщетно,—чтобы помѣряться съ нимъ силами,—теперешній ни мало не нуждается въ столь фантастическихъ предпріятіяхъ. Прежде всего значительно расширился кругъ дѣйствія «сенчикина яда». Затѣмъ—что гораздо важнѣе—мужикъ, колѣнопреклоненно жаждущійся, что его негдѣ уколунуть, отодвинуть на задній планъ городскимъ рабочимъ, который не только не ограничивается указаніемъ на то, что его негдѣ уколунуть, но и отрицаетъ самое право «уколупывать» его, отри-

цаеть помпадур, какъ носителя этого права, отрицаетъ самый порядокъ, пронараждающій помпадуровъ.

Да и мужикъ все болѣе становится подозрительнымъ. То цѣльное крестьянское міросозерцаніе, ось котораго составляла идея: «Возь этого—нельзя», расплывается во все стороны. Мужикъ развращается.

Съ какой горечью отмѣчаетъ этотъ процессъ либерально-православный саратовскій помѣщикъ въ «С.-Петерб. Вѣдом.». Нѣтъ Руси, гибнетъ Русь!—«Ни костюмъ, ни пѣсня, ни разговоръ, ни интересы жизни—ничто не напоминаетъ русскаго характера, русской широкой души. Недлюбовъ къ землѣ, тяготѣніе къ городу, вѣчное недовольство жизнью (нѣчто страшно опасное во всехъ отношеніяхъ,—замѣчаетъ г. помѣщикъ)...—вотъ думы народныя!» Солдатина не только не воспитываетъ мужика, наоборотъ, вноситъ въ деревню развратъ. «Солдатъ, вернувшійся въ деревню,—самый недисциплинированный общественный элементъ, никого не уважающій, ничѣмъ не довольный и, главное, совершенно отвыкнущій отъ церкви. Потомъ слѣдуетъ—жалуется саратовскій народолюбецъ—жизнь на фабрикахъ, совершенно безнадзорная въ нравственномъ отношеніи; потомъ бѣдность, отчасти переселенческое движеніе, коснувшееся и центра—вотъ все это вмѣстѣ и вліяетъ на народную жизнь»... Нѣтъ Руси, гибнетъ Русь!

На ту же «безнадзорную въ нравственномъ отношеніи жизнь» крестьянства жаловался недавно въ ливенскомъ земствѣ г. Елифановъ, предлагавшій учредить «почетительство о народной религіозно-нравственности». «Крестьянское населеніе съ каждымъ годомъ и каждымъ часомъ выходитъ изъ надлежащаго своего быта»... Отхожіе заработки, «безконтрольное религіозно-нравственное поведеніе»—все это въ конецъ «портитъ» крестьянскую молодежь. «Такая жизнь крестьянства—прорицаетъ земскій Катонъ—не поведетъ къ хорошему, и въ недалекомъ будущемъ образуется массовый пролетаріатъ крестьянства».

Да, и отхожіе заработки, и «безнадзорная» жизнь въ городѣ и даже солдатчина, все это разлагаетъ священную «полусоціалистическую» общину, великій устой азіатской деспотіи, разлагаетъ стихійно, фатально—и тѣмъ вырываетъ почву изъ-подъ ногъ бюрократизма... И ни «почетительство о народной религіозно-нравственности», проектируемое темъ ливенскимъ земцемъ, ни «общественная вѣялка», предлагаемая во спасеніе Крестьянскимъ союзомъ партіи С.—Р.—ничто не остановить этого процесса. «Крестьянское населеніе съ каждымъ годомъ и каждымъ часомъ выходитъ изъ надлежащаго своего быта»...

Рабочій бунтуетъ, бунтуетъ мужикъ.

При такихъ затруднительныхъ условіяхъ помпадурѣ приходится божьей грозой носиться надъ «вѣренной ему губерніей». Вызвать въ юнъ вѣнки сатану для составзаній можно было въ сущности и съ соблюденіемъ уставовъ и обрядовъ судопроизводства. Другое дѣло — стоять и день и ночь лицомъ къ лицу съ врагомъ, который неистощимъ въ формахъ борьбы, неутомимъ въ нападеніяхъ, и неистребимъ по своей численности. Тутъ законъ можетъ только парализовать, обряды дѣлопроизводства могутъ только тормозить, — и проблема децентрализаціи, т. е. помпадурской разнузданности, встаетъ, какъ категорическій императивъ.

«Мнѣ кажется, — писалъ недавно князь Мещерскій, — что теперь въ особенности очень нужно, чтобы губернаторы прежде всего бросили переписку, а всецѣло отдались управленію губерніей на мѣстахъ... Бумага, идущая отъ губернатора къ верху, и бумага, идущая отъ губернатора къ низу, мало интересуютъ подвластнаго ему человѣка, а губернаторъ, неожиданно появляющійся въ двадцати — тридцати мѣстахъ своей губерніи, чтобы лично все увидѣть и провѣрить, можетъ въ два — три года сдѣлать счастливою свою губернію, ибо ложь исчезнетъ изъ бумагъ». Долой волокитную переписку! Да здравствуетъ молніеносный помпадуръ!

Не такъ давно (въ сентябрѣ) сенатъ пояснилъ, что губернаторъ долженъ препровождать на обсужденіе губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія всякое ходатайство земскаго собранія, которое онъ, губернаторъ, находитъ «неподлежащимъ». Князь Мещерскій, неистовый Роландъ идеи молніеноснаго помпадурства, тотчасъ же усмотрѣлъ въ этомъ оппозиціонное покушеніе на авторитетъ губернатора, столь возвышаемый «правительствомъ вообще и, въ частности, министромъ внутреннихъ дѣлъ» — и погрозилъ погрязшему въ юридическихъ опредѣленіяхъ сенату публицистическимъ перстомъ. Невиннѣйшая правовая схоластика сената, — и та оказывается стѣбонительной и несогласной съ «правительственными видами», въ которыхъ помпадуръ, одновременно появляющійся въ двадцати мѣстахъ, занимаетъ центральное мѣсто!

Въ своей прошлогодней «юбилейной» рѣчи, на которую съ холопскимъ ликованіемъ и либеральнѣйшими намѣреніями сошлась наша подъяремная печать, г. Плеве сказалъ: «Усиливая распорядительную власть на мѣстахъ, необходимо упростить порядокъ ея дѣйствія, дабы интересы и удобства населенія получили выщее огражденіе».

«Гражданинъ», для котораго не существуетъ законовъ стыдливости и который, повтому, играетъ первую скрипку въ публицистическомъ оркестрѣ мин. внутр. дѣлъ, комментируетъ мысль объ усиленіи мѣстной власти и «упрощенія» ея дѣйствій такимъ выразительнымъ примѣромъ. Въ N предвидѣлись уличные беспорядки. Губернаторъ далъ конфиденціальное порученіе, безъ шума купить нѣсколько возовъ розогъ («безъ шума—чтобы не поднять цѣнъ на розги», мило шутитъ князь). На каждомъ возу была крупно начертана надпись: «розги». Возчики, проѣзжая съ розгами по городу, объясняли любопытнымъ: это заготовлено для такой-то площади, для такого-то часа. И, разумеется, что демонстрацію какъ рукой сняло. Отсюда «Гражданинъ» выводитъ такую программную мораль: «Тамъ, гдѣ воѣ думаютъ про представителя власти: «онъ посмѣетъ высѣчь», тамъ есть и подчиненіе власти и спокойствіе: беспорядковъ совершенно не будетъ»... Отсюда ясно, что «упростить» порядокъ губернаторскихъ дѣйствій—значитъ создать для «представителя власти» такую обстановку, чтобы онъ смѣлъ «посмѣть». Тогда задача будетъ рѣшена.

Для созданія условій, превращающихъ губернатора въ ничѣмъ не стѣсненнаго и все смѣющаго административнаго экспериментатора, и создана коммиссія, которую наша легальная печать съ совершенно безсознательнымъ и тѣмъ болѣе глубокимъ юморомъ называетъ «коммиссіей о децентрализаціи».

Цѣлый рядъ дѣлъ, восходявшихъ до сего времени на «усмотрѣніе» одного или нѣсколькихъ министровъ и даже на «благовозарѣніе» самого «министра», предложено передать въ непосредственное вѣдѣніе начальниковъ губерніи. Сюда отнесены: отчужденіе крестьянскихъ надѣльныхъ земель, утвержденіе уставовъ разныхъ обществъ—научнаго благотворительнаго и экономическаго характера, открытіе библиотекъ, разрѣшеніе сѣздовъ, открытіе выставокъ и пр. и пр.—вплоть до устройства бракоразводныхъ дѣлъ.

Расширеніе губернаторской власти предположено не только за счетъ центральныхъ инстанцій, но и за счетъ мѣстныхъ учреждений «чуждаго вѣдомства». Усиливается опека губернаторовъ надъ самоуправленіемъ; такъ, имъ предположено предоставить распоряженіе земскими и городскими смѣтными назначеніями. Далѣе, по словамъ «Нов. Вр.», проектируется предоставить губернаторамъ надзоръ надъ дѣятельностью суда и надъ системами преподаванія въ гимназіяхъ, институтахъ и университетахъ.

Дальше идти некуда. Губернаторъ, контролирующій университет-

скую науку, губернаторъ, направляющій правосудіе, губернаторъ, устрояющій бракоразводныя дѣла!

«Можетъ ли быть порядокъ въ губерніи—спрашиваетъ «Гражданинъ»,—при дѣйствіи предразсудковъ независимости вѣдомствъ?» И мужественно отвѣчаетъ: «Очевидно не можетъ».

Этотъ отвѣтъ не простой «абсурдъ», какъ думаетъ наша умѣренно умная либеральная пресса,—это нѣчто гораздо больше: это пароль, навязываемый въ настоящій моментъ самодержавію его судьбою.

Самодержавіе сегодня совершенно не способно удержаться на почвѣ сколько-нибудь устойчивыхъ и постоянныхъ нормъ—хотя бы эти нормы только вчера были созданы для охраны самодержавія. Стихійноковарная жизнь, которая цѣпляется за все, которая выражаетъ противорѣчіе между собой и самодержавіемъ въ томъ, что ошибается лбами два служащихъ самодержавію вѣдомства, эта жизнь превращаетъ въ опасный предразсудокъ—независимость бюрократическихъ вѣдомствъ.

И на этомъ самодержавіе должно сломить голову. Ибо обыватель, даже совершенно чуждый конституціоналистскихъ платформъ, обыватель, интересующійся политикой только по воскресеньямъ, словомъ тотъ самый обыватель, которому имя легионъ—какъ онъ ни простъ, какъ ни добродушенъ—но онъ твердо хочетъ жить. У него есть свои неотъемлемыя потребности—и онъ хочетъ ихъ удовлетворять. А дѣлать это онъ можетъ лишь при нѣкоторой минимальной устойчивости гражданскихъ отношеній. Ему нужна полиція—для охраны, желѣзная дорога—для ѣзды, школа—для ученія, судъ—для торжества справедливости. И самодержавіе въ своихъ собственныхъ интересахъ должно ему гарантировать эти блага сколько-нибудь устойчивыми нормами,—иначе легионъ начнетъ шевелиться. Независимость вѣдомствъ и клокъ самоуправленія—эти реформы правительство Александра II выдвинуло для удержанія своихъ позицій. Но «независимость вѣдомствъ» придаетъ слишкомъ не эластичную структуру губернскому бюрократическому аппарату и потому, при нынѣшнихъ нервныхъ условіяхъ, все меньше и меньше способна охранять «порядокъ въ губерніи»; а самоуправленіе, какъ уже давно разъяснилъ Мещерскій, служить лишь школой будущихъ російскихъ Мирабо, воспитываетъ дворянъ «самой чистой санкюлотной воды». И передъ абсолютизмомъ вырастаетъ задача—задача жизни—отмѣнить всѣ нормы, обезнечивающія минимальнѣйшую свободу естественныхъ обывательскихъ тѣлодвиженій—и на мѣсто этихъ «предразсудковъ» поставить молніеноснаго губернатора, ничѣмъ нестѣсненнаго, не наталкивающагося

на междуведомственные стѣны, издающаго законы, творящаго судъ, поощряющаго науки и насаждающаго искусства, одновременно появляющагося въ двадцати мѣстахъ,—вообще нарушающаго во имя «порядка» законы времени и пространства...

Правительство возвращается къ идеѣ: губернаторъ—хозяинъ губерніи. Но это не тотъ дѣйствительный помпадуръ, губернаторъ—отецъ добраго и стараго времени—нѣтъ, его роль «осложнена» всѣми приобретениями пореформенной эпохи. У него на рукахъ земство со школами, агрономами, больницами и оппозиционными Мирабо. У него фабрики со стачками и демонстраціями.

Старый губернаторъ, какъ представитель своего государя, входилъ во все самъ. Но жизнь не торопила его и онъ всегда могъ сместись съ Петербургомъ. «Общій характеръ губернской власти дореформенной эпохи—говорить проф. Свѣшниковъ—былъ тотъ, что она являлась лишь исполнительницей закона и предписаній высшаго правительства, безъ права дѣйствовать самостоятельно, подъ собственною отвѣтственностью». Губернаторъ пореформенный былъ значительно урѣзанъ. Онъ уже не могъ втираться въ «вѣдомства». Онъ былъ (по крайней мѣрѣ по первоначальному замыслу) только чиновникомъ миин. внутр. дѣлъ. Рядомъ съ его волею былъ поставленъ рядъ учреждений (судъ, земство...), дѣйствующихъ съ той или другой степенью независимости. Далѣе слѣдуетъ губернаторъ боссонныхъ ночей кн. Менцерскаго, онъ же губернаторъ ближайшаго будущаго. Это снова отвѣтственный представитель высшей власти, который не только блюдетъ, но и входитъ, не только входитъ, но и отмѣняетъ, насаждаетъ, вообще вижетъ и рѣшаетъ.

Но жизнь уже бѣшено торопитъ его. Ему некогда сноситься съ медлительной бюрократической лабораторіей Петербурга. Мы уже знаемъ, что нынѣ нужно: «чтобы губернаторъ прежде всего бросилъ переписку». Губернатору нужна свобода, автономность, децентрализація. И ему дается все это.

Полный хозяинъ во вѣренной ему губерніи—губернаторъ имѣеть въ своемъ распоряженіи даже войска—по крайней мѣрѣ, на предметъ гражданскихъ войнъ. Остается еще предоставить губернатору право чеканить монету и сдѣлать самую должность наследственной (чего добивались французскіе губернаторы XVI столѣтія)—и система шестидесяти девяти «самодержавій» и «единодержавій» будетъ завершена.

Вѣшенный централизмамъ Петербурга, разрѣшающійся въ цѣлый рядъ административныхъ сатрапій; единодержавіе и самодержавіе, полностью отчуждающее свою власть министрамъ, которые, въ свою очередь,

сдать ее въ аренду оворѣ помпадуровъ,—развѣ это не система политическихъ абсурдовъ? Тѣмъ не менѣе, за этой формальной «нелогичностью» скрывается объективная логика нашего общественно-политическаго развитія. И послѣдній актъ «расхищенія царской власти бюрократіей», какъ говаривали славянофилы, представляетъ собою явленіе совершенно закономѣрное, порожденное внутренними тенденціями умиротворяющаго режима.

«Исполнскій ростъ народныхъ силъ,—говорилъ г. Плеве въ уже цитированной рѣчи—естественное послѣдствіе совершившихся переменъ въ общественной жизни, усложняя административную дѣятельность предъявляетъ къ ней все новыя и новыя требованія и ставитъ на очередь заботу объ усовершенствованіи способовъ управленія». Другими словами—абсолютизму приходится при помощи тѣхъ государственно-правовыхъ орудій, которые свойственны ему, какъ таковому, направлять и упорядочивать жизнь общества, которое все болѣе и болѣе превращается въ воплощенное отрицаніе самодержавія.

Петербургъ напрягалъ всѣ силы, чтобы удержать въ письменномъ столѣ министерства внутреннихъ дѣлъ ключи отъ всѣхъ—и большихъ и малыхъ—тайнъ русской жизни, но «исполнскій ростъ народныхъ силъ» превозмогъ. Задача оказалась неосуществимой. Централистическій идеалъ—на встрѣчу всероссійской, отъ периферіи къ центру идущей, волнѣ прошеній, ходатайствъ, запросовъ и доносовъ течетъ отвѣтная волна властныхъ резолюцій—этотъ идеалъ оказался уже не ко двору. Бюрократическій централизмъ самодержавія, рассчитанный на небольшой объемъ государственныхъ задачъ, на недифференцированность политической жизни, сказалъ свое послѣднее слово. Изъ бюрократическаго централизма выросла дилемма: либо централизмъ, но уже на базисѣ общественнаго самоуправленія съ верху до низу,—отъ волости до Всенароднаго Земскаго Собора; либо бюрократія, но уже на началахъ государственнаго «кустарничества», съ самодержавной властью въ розницу—отъ г. Плеве до урядника.

Заинтересованныя стороны равно откликнулись на эту дилемму. «Децентрализованная помпадурія», сказала бюрократія. «Долой самодержавіе», отозвался народъ.

Судить будетъ революція.

Н. Троцкий.

J. A. Czizanowski

Biblioteka №.....

Odzież.....

Правительство на скамьѣ подсудимыхъ.

(1 декабря 1903 года № 54).

Товарищъ Леонъ Гольдманъ, организаторъ русской типографіи «Искры», сказалъ въ своей замѣчательной рѣчи передъ судомъ Одесской палаты: «Когда наступаетъ время, что правительству приходится судить народъ—это значитъ: соврѣлъ моментъ, когда народъ долженъ посадить на скамью подсудимыхъ свое правительство!»

Народъ,—то есть толпа, масса, дѣйствительно, превратилась уже въ постоянного подсудимаго: не проходитъ недѣли, чтобы судьи не имѣли дѣла съ такъ называемыми «преступлениями толпы»,—преступлениями, въ которыхъ передъ лицомъ «правосудія» фигурируютъ наудачу, набумъ выхваченные рядовые этой толпы, простые единицы въ рядѣ имъ подобныхъ. Это не «герои», это даже не «первыя ласточки», возвѣщающія о приближающейся веснѣ; это въ подлинномъ смыслѣ слова люди массы, и каждый десятокъ такихъ людей, брошенныхъ на скамью подсудимыхъ, представляетъ собою на ней тысячныя и десятитысячныя толпы такихъ же «середняковъ», потому только не занявшихъ мѣста на той же скамьѣ, что у «правосудія» не хватило рукъ на всѣ шивороты, не хватило тюремныхъ камеръ для всѣхъ «виновныхъ», потому, наконецъ, что эта «преступная» толпа въ цѣломъ должна ходить на свободѣ хотя бы для того, чтобы своимъ трудомъ кормить то самое общество и государство, во славу котораго судятъ и караютъ ея сыновей.

Когда крестьяне цѣлыми уѣздами устраиваютъ «беспорядки», когда сотни тысячъ рабочихъ бросаютъ работу и заливаютъ улицы городовъ, правительство, выхватывая изъ толпы наудачу десятки и сотни обвиняемыхъ, въ ихъ лицѣ судить всю толпу, весь народъ.

Но, прежде чѣмъ этотъ народъ успѣетъ превратить правительство въ подсудимаго, каждый судъ надъ участниками того или иного акта происходящей въ Россіи политической драмы неизбежно превращается въ судъ надъ правительствомъ.

Иностранная печать сообщаетъ отчеты о ходѣ процесса княгиневскихъ громилъ—грандіознаго процесса съ сотнями обвиняемыхъ и сви-

дѣтелей, съ десятками адвокатовъ, процесса, грозящаго затянуться на много мѣсяцевъ. Эпизодъ той трагедіи, которую абсолютизму надо было поставить на сцену, чтобы замедлить шествіе революціи, этотъ процессъ не могъ не превратиться въ судъ надъ правительствомъ. Этому не могли помѣшать закрытыя двери, этого нельзя было предотвратить плутнями предварительнаго слѣдствія и нарушеніями закона во время слѣдствія судебного ¹⁾).

Напротивъ. Чѣмъ болѣе дѣтели «правосудія» пытались заткнуть всѣ щели, чтобы не дать прорваться истинѣ, тѣмъ скандальнѣе для нихъ эта истина выходитъ наружу въ ходѣ перекрестнаго допроса свидѣтелей. На скамью подсудимыхъ брошены рядовые изъ той толпы, которая подъ руководствомъ правительственныхъ агентовъ громила и убивала въ дни 6 и 7 апрѣля. Дѣйствительные вожаки этой варшавской ночи отсутствуютъ на этой скамьѣ, но ихъ приходится допустить въ роли свидѣтелей. Палата запрещаетъ, вопреки всѣмъ законамъ, касаться роли въ погромѣ лицъ, не привлеченныхъ къ суду, т. е. истинныхъ вождей погрома, умышленно устранившихся отъ обвиненія, но этотъ запретъ не можетъ остановить потока разоблаченій: пришлось бы останавливать каждаго свидѣтеля, показывающаго подъ присягой, и, какъ ни старается Палата, изъ—за спины сидящихъ на скамьѣ подсудимыхъ поденщиковъ и босяковъ передъ присутствующими то и дѣло встаютъ ирачныя тѣни дѣйствительныхъ двигателей невѣжественной толпы: застрѣлившійся нотаріусъ Писаржевскій, миллионеръ Пронинъ, студентъ Малай, членъ управы Синодино, цеховой старшина Степановъ и его патронъ по редакціи «Знамени»—безсмертный Крушевскій. Одни изъ нихъ составляли прокламаціи, въ которыхъ масса приглашалась убивать евреевъ и ей гарантировалось содѣйствіе войскъ и покровительство полиціи; другіе распространяли по трактирамъ эту «литературу»; третьи шли во главѣ толпы и подбивали ее къ болѣе широкому размаху производимыхъ ею злодѣяній; четвертые словомъ и перомъ агитировали послѣ погрома въ цѣляхъ извращенія истины, обьяленія виновныхъ и перенесенія вины на самихъ пострадавшихъ. Пронинъ, уличенный въ составленіи одной изъ прокламацій, прославляющихъ героевъ погрома, оказывается тѣмъ самымъ «почтеннымъ обывателемъ», который сѣзидилъ къ Іоанну Бронштадтскому и «убѣдилъ» его въ винѣ самихъ пострадавшихъ

¹⁾ Телеграфъ привезъ извѣстіе, что гражданскіе иудеи, въ концѣ концовъ, были вынуждены покинуть залъ засѣданія, въ видѣ протеста противъ безчисленныхъ нарушеній закона.

евреевъ во всемъ случившемся. Читатель помнитъ, что подъ вліяніемъ разсказа этого «почтеннаго» убійцы кронштадтскій чудодій написалъ въ «Знамени» покаянное письмо, въ которомъ бралъ назадъ высказанное имъ сначала сочувствіе пострадавшимъ и объявлялъ ихъ потемными палачами, а громилъ—дѣйствительными жертвами. Какими земными благами кудесникъ Кронштадтскій былъ соблазненъ къ освященію именемъ Христа гнусныхъ насилій—неизвѣстно; можно только сказать, что онъ достаточнымъ образомъ увѣнчалъ «работу» православнаго духовенства въ Кишиневскомъ погромѣ: представители церкви, какъ выяснено судомъ, были въ числѣ подстрекателей къ насиліямъ. Но лучше всего выяснена судомъ роль полиціи. Одинъ за другимъ проходятъ передъ судьями полицейскіе чиновники, бывшіе либо организаторами погрома, либо подстрекателями толпы на мѣстѣ буйства, либо попустителями самыхъ звѣрскихъ преступленій. Всѣ они начинаютъ съ обвиненія евреевъ въ томъ, что тѣ первые нападали на христіанъ, задѣвали ихъ и тѣмъ вызвали кровавый день 7 апрѣля. А затѣмъ, либо очная ставка съ свидѣтелями пострадавшими, либо обличеніе со стороны одного изъ подсудимыхъ—выясняютъ истинную роль всѣхъ этихъ полицейскихъ героевъ, этихъ «защитниковъ порядка»,—гнусную роль хладнокровныхъ подстрекателей разгоряченной толпы. Помощникъ пристава Задорожниковъ, приставъ Соловкинъ, помощникъ полиціймейстера Довгаль, полиціймейстеръ Ханженковъ, вице-губернаторъ Уструговъ, начальникъ охраннаго отдѣленія жандармскій полковникъ баронъ Лебендалъ—всѣ они, не говоря о мелкой солкѣ, городскихъ и околоточныхъ—уличены въ умышленномъ бездѣйствіи при видѣ убійствъ, происходившихъ на ихъ глазахъ, а нѣкоторые, сверхъ того, въ активномъ подстрекательствѣ гѣхъ, кто стоялъ «безъ дѣла», не участвуя въ грабежѣ. Начальникъ 10.000 гарнизона генералъ Бекманъ смущенно молчитъ, когда его спрашиваютъ, почему онъ не употребилъ войска на защиту убиваемыхъ, а рядомъ съ этимъ и частныя лица, и даже чины полиціи свидѣтельствуютъ, что солдаты расхищали имущество изъ разгромленныхъ квартиръ..... А затѣмъ идутъ дѣятели «правоудія». Одни—судебный слѣдователь Радзевичъ—находились въ качествѣ сочувственныхъ зрителей въ толпѣ, окружавшей погромщиковъ; другіе—много ихъ было!—вели слѣдствіе и—во славу г. Плеве—систематически подавляли истину, не записывали показаній, компрометирующихъ «интеллигентныхъ» участниковъ боины, застраивали свидѣтелей—слѣдователь Фрейнатъ и допрашивалъ-то нѣкоторыхъ съ нагайкой въ рукѣ!

Все, что говорила о кишиневскомъ погромѣ оппозиціонная, рево-

личная и иностранная печать,—все подтвердилось. Все, что въ опроверженіе ей писали реакціонныя газеты и правительство въ своихъ сообщеніяхъ,—все оказалось лживымъ. Отрицали потязанія надъ убиваемыми, надругательства надъ трупами: всѣ факты, сообщенные выше въ печати, подтверждаются на судебномъ слѣдствіи. Всѣ басни и кивающаго поведенія евреевъ опровергнуты, отчасти показаніями самихъ полицейскихъ. И въ довершеніе всего, правительственный рассказъ о фактической сторонѣ дѣлъ—о началѣ погрома, оказался истинно-вымышленнымъ въ томъ именно пунктѣ, который тотчасъ-же въ свое время оспорили кишиневскіе социалдемократы (см. брошюру «Кишиневская бойня»): именно, рассказъ о томъ, что еврей-хозяинъ карусели ударилъ христіанскую женщину и это, якобы, послужило поводомъ къ погрому. Удостоверено, въ частности показаніями самихъ полицейскихъ, какъ и утверждали социалдемократы, что карусели, по распоряженію полиціи, были закрыты и затануты полотномъ. Характерный примѣръ «достоверности правительственныхъ сообщеній!»

Темные, бессознательные исполнители замысловъ полицейскаго правительства сидятъ на окаймѣ подсудимыхъ, а истинные виновники, хотя и избалованные судомъ, разумеется, останутся на свободѣ. Но фактически они, а въ ихъ лицѣ весь режимъ, являются подсудимыми въ этомъ грандіозномъ процессѣ. Кишиневскій процессъ сорвалъ еще одинъ фиговый листокъ съ правительства, и оно стоитъ передъ стравой, которая узнаетъ подробности, вымышленныя слѣдствіемъ, во всемъ обратительномъ ужасѣ своей истинной природы: природы бандита, запятнаннаго самими гнусными преступленіями.

Но что всего знаменательнѣе въ томъ, что разоблачено въ кишиневскомъ процессѣ, это, на нашъ взглядъ, политическая подкладка бойни 6—7 апрѣля. Какъ ни старались задуть истину, она и въ этомъ пунктѣ прорвалась наружу. Населеніе подстрекали къ погрому, между прочимъ, и наигрывая на «вѣрнопопданныхъ» чувствахъ противъ революціонеровъ, которые, конечно, оказывались «жидами». Объ этомъ прямо заявилъ на судѣ упомянутый уже миллионеръ антисемитъ Проининъ, когда далъ такое объясненіе погрому: народъ де узналъ, что передъ Пасхой въ Кишиневѣ собрались евреи изъ разныхъ странъ и на собраніи въ синагогѣ постановили устроить бунтъ противъ правительства; натурально, народъ и пошелъ на евреевъ. Какъ ни гениально-остроумно въ устахъ почтеннаго буржуа это объясненіе погрома, оно, несомнѣнно, задѣваетъ одну изъ существенныхъ сторонъ организованной полиціей травли, подготовившей погромъ. Недаромъ выяснено (въ «Освобожденіи»), что режиссеромъ этой бойни былъ жандармскій баронъ

Левендаля, поставившій для этой цѣли охранное отдѣленіе въ мирномъ въ политическомъ смыслѣ Кишиневѣ! Недаромъ гражданскіе истцы могли представить суду картину, ходившую по рукамъ передъ погромомъ и изображавшую сцену убійства христіанки евреями для употребленія крови,—картину съ надписью: «расправляйтесь подобнымъ же образомъ съ жидовскими соціалъ-демократами!» Какъ рельефно въ этой картинѣ съ ея надписью вырисовывается обликъ того режима, который одновременно разнуздываетъ не вымершія еще врачныя силы отжившей старины и бросаетъ въ населеніе сѣмена современной «европейской» травли социализма! И какъ ясно встаетъ передъ нами движущая сила всей этой аранжированной жандармами и по жандармски подлой бойни—политическая борьба умирающаго режима съ его главнымъ, смертельнымъ, непобѣдимымъ врагомъ—классовымъ движеніемъ русокихъ, еврейскихъ и иныхъ пролетаріевъ.

Ради продленія жизни насквозь прогниваемаго режима, жрецы его заклали десятки мирныхъ бѣдняковъ въ дни 6—7 апрѣля этого года. Ради охраненія его «добраго имени» министерство російскаго правосудія превратило убійство одной женщины агентами власти, убійство, извлеченное на свѣтъ божій «бунтомъ» тихорѣцкихъ рабочихъ, въ крупное политическое дѣло, въ тяжбу между бюрократіей и всѣми честными людьми въ Россіи. Ради спасенія одного судебного слѣдователя правительство разило по дѣлу Золотовой столько грязной лжи, что оказалось въ концѣ-концовъ вынужденнымъ общать публикѣ полное и всестороннее раскрытіе истины. Пресловутое слѣдствіе дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бурцева, казалось, успокоило умы, и даже либеральныя газеты признали, что Золотова умерла «по неизвѣстной причинѣ», безъ прямого или косвеннаго содѣйствія мѣстныхъ самодержцевъ. Но «внутренняя политика» властно требовала, чтобы, по успокоеніи умовъ, были наказаны пролетаріи, «бунтовавшіе» противъ несомнѣннаго для нихъ факта убійства арестантки. Эта апелляція оскорбленнаго полицейскаго величества къ «правосудію» опять бросила правительство на скамью подсудимыхъ. Запрещеніе касаться обстоятельствъ смерти Золотовой—это по дѣлу о безпорядкахъ, вызванныхъ этой смертью!—вызвавъ протестъ и демонстрацію защитниковъ, свело на нѣтъ всю юридическую ловкость дѣйств. статскаго совѣтника Бурцева, всю политиканскую мудрость помогавшихъ правительству въ «успокоеніи умовъ» либеральныхъ органовъ. Публика узнала снова, что хотя, по увѣренію правительства, съ дѣломъ Золотовой все обстоитъ благополучно, но въ этомъ дѣлѣ все же есть нѣчто, что нужно правительству скрывать!

Отъ дождя да въ воду! Вотъ девизъ политики Шлеве! Спасаясь отъ пролетарской революціи, вызвать средневѣковой походъ на евреевъ и поднять всемірную бурю негодованія; чтобы утишить эту бурю, бросить на скамью подсудимыхъ темныя жертвы безсовѣстнаго подотречательства и—оказаться рядомъ съ ними на этой скамьѣ въ качествѣ уличеннаго коновода и организатора; ради спасенія одного чиновника, а въ его лицѣ принципа бюрократическаго самовластия, попытаться заглушить уголовное дѣло—и вызвать такую огласку этого дѣла, которая лучше всякой агитаціи подрываетъ этотъ принципъ; чтобы справиться съ этой агитаціей, блеснуть передъ обывателемъ золотымъ шитьемъ мундировъ всего вѣдомства юстиціи,—и кончатъ тѣмъ, чтобы на процессѣ противъ семи рабочихъ обнаружить, какая грязь за этими мундирами скрывается, а тѣмъ самымъ паки и паки скомпрометировать свои принципы... Вотъ она, современная внутренняя политика того выродившагоса строя, который формально еще судить «своей» народъ, но фактически не выходитъ изъ роли самаго главнаго, самаго преступнаго и всегда уличаемаго подсудимаго!

Л. Мартовъ.

Замѣтки журналиста.

(1 декабря 1903 года. № 54.)

Въ эти ненастные ноябрьскіе дни, когда самодержавно-бюрократическая машина, работая полнымъ ходомъ, производитъ подсчетъ ея только что скошенной жатвѣ, послѣ недавнихъ событій на югѣ, когда тюрьмы полны и пусты страницы печати, свободная же рѣчь находитъ себѣ укромный пріютъ лишь на скамьѣ подсудимыхъ, передъ лицомъ россійской Семиды,—надателю «Новаго Времени», г. Суворину, пришла въ голову мысль—говорить о веснѣ... «веснѣ русской жизни».

«Я старикъ,—писалъ онъ,—я много видѣлъ, ибо живу уже въ четвертое царствованіе. У меня длинный опытъ, и этотъ опытъ говорить мнѣ ежедневно, что наступаетъ весна русской жизни»...

Старая сирена заѣла о свѣтѣ и теплѣ, о «творчествѣ сверху», о «правительственномъ починѣ въ приглашеніи земскихъ людей», о Стаховичѣ и Шиповѣ—«представителяхъ цѣлаго сословія». И хотя сирена значительно подалась противъ прежняго въ голосѣ, но она все еще рассчитывала на привычный эффектъ своей ласковой рѣчи, на обычный гипнозъ податливой читательской массы. Она хотѣла сказать ложь и, противъ воли, выговорила правду.

Весна идетъ, и именно потому, что она идетъ, настоящая, подлинная, она такъ сильно дѣйствуетъ на аппаратъ самодержавной бюрократіи, заставляя его—въ интересахъ самообороны—напрягать свои послѣднія средства, истощать бюрократическую фантазію. Въ старомъ арсеналѣ не хватаетъ подходящаго оружія, чтобы парировать удары развивающейся жизни; каждый приходящій день несетъ свои задачи и заботы, а съ ними вмѣстѣ и новые варианты въ систему правительственной политики. Г-нъ Суворинъ рассказалъ намъ занятную «сказку» про одинъ изъ возможныхъ «вариантовъ», и вотъ, изъ-за этой маленькой «сказки», выступаетъ огромная «весенняя боль» разгорающейся гражданской войны

Зубодробительный кулакъ и кошачья хватка; упразднительный проектъ и ловко, подъ рукою, пущенный слухъ о земскихъ «свѣдущихъ» людяхъ; полицейскій «соціализмъ» и полицейскій застѣнокъ; жандармы, въ родѣ бар. Левендала, организующіе погромъ съ благословенія Плеве, и юноши, отправляющіеся на каторгу—за расклейка прокламацій... Сегодняшніе господа положенія чинятъ судъ и расправу, какъ это было въ Таганрогѣ «по законамъ военнаго времени». Имъ дозволено все: и разбой среди дня, и гнусная ложь во спасеніе.

Самодержавная бюрократія ищетъ путей—въ раздражающей обстановкѣ гражданской войны ей не до консерватизма пріемовъ.

Но есть сфера, въ которой власть—еще до недавняго времени—ощущала относительное спокойствіе. Это—сфера огражденной цензурою «легальной» русской печати. Старыя средства казались такими испытанными: фальсификація мнѣнія и, неопредѣленно растяжимый, но рѣзко отграниченный кругъ того, что вѣдать надлежитъ, и того, что есть отъ лукаваго; другими словами—офиціозно рептильная пресса и система цензурныхъ запретовъ. Этотъ двойной вить такъ увѣренно и что дальше, то глубже, врѣзался въ живое тѣло русской печати!

Однако, одно изъ этихъ средствъ весьма скоро исчерпало себя: запретительному творчеству самодержавной бюрократіи былъ положенъ быстрый предѣлъ—опустошеніемъ литературы. Нечего разорять тамъ, гдѣ уже все разорено и остались одни инвалиды. La où il n'y a rien

le roi perd ses droits—говорить французская пословица,—гдѣ ничего нѣтъ, тамъ и король теряетъ свое право.

Оглянитесь на послѣднія 5—6 лѣтъ—какая длинная вереница журнальных и газетныхъ могилъ на кладбищѣ русской печати! Отъ полузаконныхъ и незаконныхъ дѣтищъ революціоннаго марксизма и до легковѣсныхъ и легкомысленныхъ созданий кн. Барятинскаго и г-на Амфитеатрова! Все это жертвы, принесенныя богу «старого» порядка, закланныя даже безъ соблюденія тѣхъ обычныхъ обрядовыхъ формъ, которыя и на убійство накладываютъ штемпель «законности». Ну, а для того, чтобы унравиться съ тѣми, кто остался въ живыхъ, достаточно было—время отъ времени—простой плетви циркулярныхъ велѣній—не касаться известныхъ вопросовъ.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ общественное возбужденіе росло, а русская печать увядала, цензурные запреты становились все болѣе мелочными, все менѣе попадающими въ цѣль, и на первый планъ выдвигалась потребность власти—не отрицательно только, но и положительно воздѣйствовать, создавать себѣ общественное мнѣніе. Старое средство фальсификаціи пріобрѣтало новое значеніе, обновляло свои формы. Наступала эра развращенія печати par excellence: за неимѣніемъ Катковскихъ, усилкомъ разводились Булгарины! Откровенный консерватизмъ, безпардонная реакція были слишкомъ скомпрометтированы въ глазахъ массоваго читателя, того читателя, на уловленіе котораго и направлялись нарочитыя усилія. Мещерскій, Грингмутъ, Цертелевъ, Бодиско и прочіе, подобные имъ, годились для бесѣды со «своими» людьми, въ интимномъ салонѣ «избраннаго» общества, а не для широкихъ задачъ абсолютистской агитаціи. Не даромъ «Гражданинъ» Мещерскаго хронически нуждался въ субвенціи, не даромъ столь плачевной оказалась судьба экс-катковскаго «Русскаго Вѣстника», и, наоборотъ, преуспѣли «Петерб. Вѣдомости», лишь только кн. Эсперу Ухтомскому удачно вдумалось вприснуть застывшій консерватизмъ легкой струей свободомыслія. И еще болѣе знаменательный симптомъ: изъ рукъ «патріотовъ» ускользала газетная дешевка,—когда-то популярный комаровскій «Свѣтъ» медленно угасалъ, вытѣсняемый съ небосклона газетнаго мірка счастливой звѣздой свободнаго отъ какой бы то ни было односторонней опредѣленности, хорошо учитывающаго вѣнія времени г-на Пронпера—«Биржевыя Вѣдомости» пріобрѣтали безпримѣрное распространеніе.

Что же было дѣлать русскому абсолютизму? Отъ системы огражденія печати, какъ можно скорѣе переходить къ ея регулированію.

Консерватизмъ въ болѣе или менѣе безпримѣсномъ видѣ предоста-

влялся въ пользованіе «быдла» — народа; казалось, полуграмотный плебей еще можно кормить той залежалой пищей, которая была уже «негожа» для «чистой публики». Рядъ неудавшихся опытовъ (начиная съ половины 90-хъ годовъ) завершился, наконецъ, послѣдней весной, грандіозной попыткой повсемѣстнаго принудительнаго распространенія «Дружескихъ Рѣчей» князя Мещерскаго.

Консерватизмъ выдохшійся, безсильный самъ по себѣ, нуждался въ опорѣ извнѣ, въ какойнибудь острой приправѣ и онъ ее нашель... — между прочимъ — въ воинствующемъ націонализмѣ. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Величко былъ посланъ въ Тифлисъ, чтобы помощью газетки «Кавказъ» спихать грузинъ съ армянами: подобно ему въ настоящее время и г. Крушеванъ выполняетъ деликатное—и хорошо оплаченное—порученіе г. Плеве: поднимать упавшія акціи режима за счетъ избиваемыхъ евреевъ.

Но какъ ни любезенъ сердцу современнаго диктатора Россіи шалый редакторъ «Бессарабца» и «Знамени», центральный нервъ воспитательной дѣятельности русскаго правительства въ откошеніи къ печати все-таки не здѣсь, не на этихъ задворкахъ, у профессионаловъ національной травли.

Правительству необходимо вплотную подойти къ массовому читателю, а для того, чтобы это сдѣлать, надо овладѣть его—читателем—прессой, надо исподволь и незамѣтно подчинить ее правительственнымъ видамъ. Если эта пресса иногда позволяетъ себѣ волюность, либеральные аллюры, не бѣда: тѣмъ удобнѣе въ ней проводить контрабандой надлежащіе взгляды. Недаромъ съ давнихъ поръ повелось, что, когда русскому правительству желательно бросить въ публику то или другое «мясъ», оно прибѣгаетъ къ услугамъ не завѣдомыхъ «реакціонеровъ», а тѣхъ пестрыхъ людей на всѣ руки, которые засѣдаютъ въ шустрой суворинской газетѣ.

Органъ г. Суворина, безъ сомнѣнія, за долгій своей вѣкъ, изощрился въ нахожденіи того, что можно бы назвать равнодѣйствующей общественной настроенія. Онъ всегда былъ увѣренъ въ своемъ читателѣ, онъ зналъ, на какихъ струнахъ играть, чтобы произвести соответственное впечатлѣніе. Потому-то онъ и былъ всегда неоптимальнымъ для власти—въ роли ея сокровеннаго рупора, потому эта власть и почтила его юбилей (два года назадъ) совершенно исключительнымъ вниманіемъ. Но работа этой заслуженной рептиліи оказалось недостаточно къ моменту начинавшагося общественнаго подъема: задачи усложнились, старая рептилія повывдохлась. Необходима была новая метода. Съ легкой руки г. Соловьева—еще 6—7 лѣтъ тому назадъ—стали система-

тически предприниматься попытки введения своих людей въ редакціонныя коллегіи. Устранить одного, посадить другого—стало почти зауряднымъ явленіемъ въ практикѣ административнаго воздѣйствія. Эту практику на своихъ бокахъ испыталъ «Недѣльный» г. Гайдебуровъ, передъ ней свое время спасовалъ уже извѣстный намъ Проперъ: издатель «Бирж. Вѣдомостей» принужденъ былъ разстаться со своей первой скрипкой, г. Далнимъ и принять—«по рекомендаціи»—г. Иеронима Яонинскаго. И такимъ же героемъ съ печатью... рекомендаціи на челѣ является и вновь испеченный редакторъ «Петерб. Вѣд.», г. А. Столыпинъ: онъ былъ той дорогой цѣной, которой «Пет. Вѣдом.» ея. Ухтомскаго оплатили возможность своего дальнѣйшаго существованія...

Правительственная власть работаетъ всюю; она поддуваетъ по сходной цѣнѣ неудобныхъ для нея публицистовъ (такъ былъ, напримѣръ, обезвреженъ въ прошломъ году г. Шараповъ); она отражаетъ въ редакціи своихъ ставленниковъ, она даже создаетъ радикальные органы съ специальною цѣлью—лучше прослѣдить (провокакторъ Гуровичъ) литературныя нити и корни. Въ узкихъ рамкахъ подцензурнаго слова трудно, казалось бы, найти предѣлъ ея фальсифицирующему творчеству. Однако, и этотъ предѣлъ нашелся, и это творчество перестало достигать результатовъ—подъ дыханіемъ революціонной весны. Чѣмъ удачлѣе протекала работа правительства по прирученію печати, чѣмъ больше печать обезцвѣчивалась, тѣмъ быстрѣе возрасталъ контрастъ между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что требуется. Революціонная жизнь, «нелегальная» борьба стучалась во всѣ двери. Каждый день поднималъ новый рой самыхъ жгучихъ практическихъ вопросовъ. Вся читающая Россія говорила о томъ, о чемъ молчала наша бѣдная раба цензуры. И тѣмъ стремительнѣе перемѣщалось вниманіе читателя въ ту запретную область, гдѣ толкуютъ обо всемъ, гдѣ даются отвѣты, гдѣ живетъ свободная мысль. И когда мы видимъ теперь, что любой Васильсурекъ вытѣкает свою самодѣльную литературу и свои подпольные споры, то мы можемъ съ увѣренностью сказать: фальсификація умерла, обоганное слово нашло, наконецъ, свою Немезиду.

И съ тѣмъ вмѣстѣ, совершали свое вступленіе въ подцензурную печать «нелегальная» жизнь и «нелегальная» литература. «Нелегалщина», гонимая въ дверь, влетала въ окно: она осѣдала въ печати—сначала (въ 90-хъ годахъ) во образѣ рѣдкой гостыи, а затѣмъ все чаще и чаще—въ видѣ правительственныхъ сообщеній, замѣтокъ о процессахъ, полицейскихъ распоряженій, начальственнаго краснорѣчія. Она входила въ обиходъ печати и, наконецъ, заполняла собою ея об-

пественную хронику: такъ, надболѣе пикантныя обзорѣнія ежемѣсячныхъ журналовъ составляются почти сплошь изъ официальныхъ перепечатокъ. Мало того, нелегальщина становилась стороною, у которой есть свои литературные выразители: и съ этими выразителями уже необходимо бороться, на нихъ нужно клеветать, ихъ надо во что бы то ни стало дискредитировать. Подъ вліяніемъ «весны» правительственная политика получала новый толчекъ въ своемъ развитіи: власть начинала полемизировать.

Выбравъ подходящій объектъ, «умѣреннаго» г. Струве, она заслала своихъ клеветокъ на газетное поле брани и, закулисный режиссеръ, руководила перомъ той доблестной тройки изъ гг. Буренина, Мещерскаго и Аркадія Столыпина, которая вдругъ, на-дняхъ къ удивленію огороченной публики, обрушилась съ гикомъ и свистомъ на либеральнаго редактора «Освобожденія». И громъ, и молнія, и потоки льющейся грязи!

Что это?—Это все, читатель та «весна русской жизни», о которой говорилъ намъ старый лжець Суворинъ.

Старовѣръ.

Письма обо всемъ.

(15 декабря 1903 г. № 55).

Школа революціи. «Общая консервативная идея». Мѣстный отрядъ «партии порядка» за работой.

Школа революціи—большая и умная школа, ибо это прежде всего школа политическаго реализма.

«Быстрое и страстное развитіе классового антагонизма, говоритъ Маркъсъ, дѣлаетъ въ старыхъ и сложныхъ общественныхъ организаціяхъ революцію могущественнымъ факторомъ общественнаго политическаго прогресса... Во время этихъ бурныхъ потрясеній націи проходятъ въ пять лѣтъ больше, чѣмъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ въ теченіе вѣка». («Революція и контръ-революція въ Германіи»).

Изъ-подъ привычныхъ условностей гражданскаго обихода, изъ-подъ религиозно-церковной мистики, изъ-подъ хитротканной паутины юридической обрядности, условной казенной лжи, условнаго газетнаго народолюбія выступаютъ наружу подлинныя пружины общественной жизни.

Политическія идеи конкретизируются, политическія требованія оформляются...

Чѣмъ объяснить непропорціонально-большое вліяніе революціоннаго меньшинства?—такой вопросъ ставить передъ собою органъ князя Мещерскаго и приходитъ къ слѣдующему поразительному по своей отчетливости отвѣту. Первая причина—«въ организаціи меньшинства». Вторая—въ томъ, что «каждый отдѣльный актъ его революціонной пропаганды является неразрывной частью обширнаго революціоннаго движенія, цѣльной революціонной программой, направленной противъ всѣхъ формъ государственнаго строя и одновременно приводимой въ исполненіе въ отношеніи ко всѣмъ сферамъ общественной жизни».

Силою роста и сплоченія революціонной арміи сама партія реакціи вынуждается къ политическому самоопредѣленію. И «Гражданинъ» отъ дворянско-полицейскаго пошвиста толкается къ добруму или худому, но несомнѣнно политическому выводу: «Лишь тогда—такъ гласить этотъ выводъ—попытки консервативно-мыслящихъ противодействовать росту социализма и революціонныхъ идей явятся авторитетными, когда будутъ вытекать изъ общей консервативной идеи, также обнимающей всѣ формы государственнаго строя и всѣ сферы общественной жизни и цѣльной программы дѣйствій противъ основной идеи революціи, во всемъ объемѣ ея хитворнаго дѣйствія».

Изъ номера въ номеръ переносится энергическій призывъ «Пора приступить къ организаціи новой всеобщей партіи порядка для защиты страны отъ всеобщихъ мародеровъ». (№ 69). «Группируйте и объединяйте и въ центрѣ, и въ каждой губерніи всѣхъ убѣжденныхъ приверженцевъ порядка, ищите ихъ и создайте изъ нихъ главный штабъ и мѣстные отряды людей порядка» (№ 77).

Въ чемъ же состоятъ «общая консервативная идея», и какова вытекающая изъ нея «цѣльная программа дѣйствій»?

Девятаго ноября въ засѣданіи тверскаго уѣзднаго земскаго собранія гласный Столпаковъ (тайный совѣтникъ Алексѣй Николаевичъ Столпаковъ, членъ совѣта министерства путей сообщенія, «истинно-русскій человекъ», со строго-монархическимъ и православнымъ міровоззрѣніемъ), какъ рекомендуютъ его «Моск. Вѣдом.»; «очень ярый револю-

ціонеръ» въ 80-хъ г.г., а впоследствии—приспѣшникъ казнокрада Кривошеина», какъ рекомендуетъ его «Освобожденіе») внесъ предложеніе о преобразованіи школъ въ уѣздѣ въ церковно-приходскія и о передачѣ земствомъ дѣла образованія въ вѣдѣніе духовенства. Предложеніе это «энергично» поддержалъ предсѣдатель собранія, уѣздный предводитель дворянства Трубниковъ. Собраніе большинствомъ 17 противъ 7 приняло предложеніе «тайнаго» кривошеинца съ «православнымъ міросозерцаніемъ». Этими не ограничились. Постановлено учредить три врачебныхъ пункта, поручивъ ихъ ротнымъ фельдшерамъ, а не врачамъ, какъ было до сихъ поръ. Заодно ужъ была упразднена и должность земскаго агронома.

«Такъ отнеслись къ русскому народу—поясняетъ «Гражданинъ»—хорошіе русскіе люди во главѣ съ г. Столпаковымъ»,—и они были поддержаны «всеми до единого гласными отъ народа», которые поняли, безъ чего русскій народъ «превратится въ звѣря и антехриста, что одно и то же» (№ 93).

Этотъ союзъ «хорошихъ русскихъ людей» съ «гласными отъ народа»—дикихъ помѣщиковъ съ кулаками—старшинами, ставленниками тѣхъ же дикихъ помѣщиковъ въ роли земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, этотъ союзъ и долженъ формировать «мѣстные отряды людей порядка, которые будутъ руководиться «общей консервативной идеей»—борьбы противъ «основной идеи революціи».

Но такъ какъ всякое самое скромное учрежденіе, служащее культурнымъ запросамъ населенія, неминуемо начинаетъ группировать вокругъ себя оппозиционные элементы, то партія порядка должна придать своей работѣ характеръ систематическаго похода противъ такихъ элементарно-необходимыхъ культурныхъ учрежденій, какъ статистика, школа, медицина... И чѣмъ революціоннѣе темпъ жизни, чѣмъ шире идеи революціи захватываютъ культурныхъ работниковъ деревни, всѣхъ этихъ учителей, врачей, агрономовъ, тѣмъ въ большей степени борьба «отрядовъ порядка» противъ «всесословныхъ мародеровъ» не только по существу, но и по формѣ превращается въ борьбу лѣсного варварства противъ культуры «во всемъ объемѣ ея тлетворнаго дѣйствія»; тѣмъ содержательнѣе, тѣмъ неотразимѣе становится политическая педагогика этой борьбы. Слѣдить за всеми ея проявленіями, вскрывать ея революціонную мораль—такова одна изъ обязанностей социалдемократівъ.

Выступая въ этой борьбѣ, какъ носительница культурнаго развитія страны, социалдемократія должна однако, между прочимъ, и въ

интересахъ этого же самаго культурнаго развитія, оставаться собою, оставаться партией революціоннаго класса. Ибо только какъ партія историческихъ интересовъ пролетаріата, она способна развить всю ту сумму революціонной энергіи, которая необходима для свершенія великаго національнаго предпріятія, второй участникъ котораго, либеральная буржуазія, обнаруживаетъ такъ мало активности, пока вопросъ идетъ о политическомъ производствѣ, а не о политическомъ присвоеніи.

Н. Троцкий.

Новая роспись и новый курсъ

(15 января 1904 г. № 57).

Какъ извѣстно, на святкахъ полагается заполнять столбцы газетъ фантастическими разсказами и волшебными сказками. Такъ ужъ заведено изстари, и изъ года въ годъ читатели съ сердечнымъ трепетомъ читаютъ все ту же повѣсть о страданіяхъ угнетенной добродѣтели, прекращаемыхъ въ концѣ концовъ волшебной палочкой прекрасной феи. Фея должна явиться, потому что дѣло происходитъ на святкахъ, когда добродѣтели торжествовать полагается, когда неприлично огорчать читателя, когда, наконецъ, «по закону», всѣмъ и каждому должно быть весело...

Въ ряду такихъ рождественскихъ сказокъ не послѣднее мѣсто занимаетъ и произведеніе, неизмѣнно появляющееся на страницахъ газетъ перваго января cadaго года подъ скромнымъ заглавіемъ: «Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на такой-то годъ». Содержаніе этой сказки несложное: изъ года въ годъ прекрасная царевна, носящая прозанческое имя «русскіе финансы», страдаетъ отъ притѣсненій злыхъ разбойниковъ; она страдаетъ отъ роста расходовъ на «обезпеченіе государственнаго порядка и спокойствія», на «оборону страны», на «государственное

управленіе», на «пути сообщенія»; ее мучит необходимость считаться съ «ходатайствами с болѣе широкомъ удовлетвореніи самыхъ разнообразныхъ потребностей», вызванныхъ несчастной «привычкой къ благоприятному положенію хозяйства»; да мало ли что еще терзаетъ бѣдную, прекрасную царевну! И вотъ она гибнетъ на глазахъ растроганнаго читателя; кажется, еще минута, и отъ вредливой дѣвы не останется ничего, кромѣ огромнаго дефицита... Но тутъ является на выручку прекрасной царевны не менѣе прекрасная фея, «свободная личность», и картина сразу мѣняется: вмѣсто унынія и печали—радостное торжество, вмѣсто дефицита—«избытки»; царевна сохраняетъ невинность и приобретаетъ капиталъ, все кончается къ общему благополучію, и талантливый авторъ раскланивается съ почтеннѣйшею публикою до слѣдующаго года. Такова несложная фабула сказки, придуманной г. Витте и теперь съ меньшею «талантливостію» рассказанной русской публикѣ его преемникомъ.

Разумѣется, для тѣхъ, кто слышитъ эту сказку уже не въ первый разъ, фабула эта давно потеряла свою притягательную силу. Немного найдется на свѣтѣ простаковъ, которые продолжали бы восхищаться чудесными подвигами «свободной личности», потому что происхожденіе этой феи давно уже извѣстно всѣмъ и каждому. Непрерывныя увѣренія о «вполнѣ удовлетворительномъ» состояніи финансовъ и ежегодной реализаціи «избытковъ» съ одной стороны, и столь же непрерывныя лихорадочныя поиски за займами на всѣхъ иностранныхъ и русскихъ биржахъ, повышеніе старыхъ и введеніе новыхъ налоговъ достаточно недвусмысленно указываютъ на источникъ той «свободной личности», которая позволяетъ русскому министру финансовъ прикрывать прорѣхи государственнаго хозяйства золотыми заплатами.

«Послѣ насъ хоть потопъ»—вотъ въ концѣ концовъ историческій смыслъ этого хозяйства, обременяющаго страну колоссальными долгами и выжимающаго послѣднія крохи изъ мощныя трудового народа. Долги съ одной стороны, непрерывно растущіе косвенные налоги—и въ центрѣ ихъ доходъ съ водки—съ другой—вотъ довольно несложная система выкачиванія денегъ, на которой держится хозяйство самодержавнаго правительства. Введеніе новыхъ налоговъ на керосинъ, спички, сахаръ, пробирной пошлины и пошлины на паровые котлы и локомобили; повышение налоговъ на водку, вино, пиво, табакъ, повышение гербового сбора, повышение ввозныхъ пошлинъ почти на всѣ предметы, въ томъ числѣ на чай и хлопокъ; наконецъ, «винная монополія», т. е. устройство собственной монополюющей торговли водкой оптомъ и въ розницу, по ростовщическимъ цѣнамъ—вотъ плоды хозяйничанья самодержав-

ныхъ откупщиковъ за послѣднія 15 лѣтъ. Нечего и говорить, что всѣ эти налоги главной тяжестью своею ложатся на рабочій классъ и крестьянство.

Разумѣется, и роспись текущаго года ничѣмъ въ этомъ отношеніи не отличается отъ своихъ предшественницъ. Попрежнему почти все бремя расходовъ на поддержаніе самодержавнаго правительства, дворянскаго землевладѣнія, разжирѣвшаго духовенства, «отечественной промышленности» и проч., и проч. будетъ лежать на плечахъ трудящихся классовъ; попрежнему, несомнѣнное истощеніе страны непосильными поборами, несомнѣнное разореніе и ростъ задолженности, прикрываются кассовыми фокусами, въ которыхъ главную роль играетъ все та же «свободная наличность», на этотъ разъ въ суммѣ почти 200 милліоновъ рублей. Поэтому останавливаться на разборѣ цифръ, приводимыхъ въ новой росписи, рѣшительно не стоитъ труда. Не стоитъ потому, что это завѣдомо фальшивые счета вороватаго приказчика, единственная цѣль которыхъ такъ или иначе подвести «баланецъ» въ расчетѣ на то, что одинъ видъ этого «баланца» долженъ подѣйствовать успокоительно на доверчиваго хозяина.

Нѣсколько изумительна только та чрезвѣчная наглость, съ которою фокусники, поощряемые молчаніемъ народа, производятъ на этотъ разъ свою операцію пусканія пыли въ глаза. Въ то время, какъ весь свѣтъ съ напряженіемъ слѣдитъ за ходомъ столкновенія Россіи съ Японіей, когда каждый день можетъ вспыхнуть война, и когда завѣдомо для всѣхъ уже производятся огромныя экстренныя траты на закупку провіанта, снаряженіе и вооруженіе войскъ, военныхъ судовъ и крѣпостей; когда каждый день уноситъ все новыя и новыя милліоны народныхъ денегъ во славу нашего молоха; въ это самое время фокусники министерства финансовъ осмѣливаются публиковать «роспись», въ которой умудряются ни однимъ словомъ не упомянуть объ этихъ колоссальныхъ расходахъ и даже показывать якобы уменьшеніе расходовъ по... морскому министерству! Ужъ одинъ этотъ фактъ показываетъ, какую цѣну имѣютъ увѣренія о «сведеніи росписи съ соблюденіемъ должнаго равновѣсія между доходами и расходами».

И надо сказать: это фальшивое счетоводство, это надѣвательство надъ платящимъ налоги населеніемъ, это обремененіе страны все новыми и новыми долгами, это пренебреженіе всѣми насущными интересами и всѣмъ экономическимъ будущимъ Россіи во имя поддержанія хищническаго хозяйства будутъ возможны до тѣхъ поръ, пока самодержавное правительство еще пользуется нѣкоторымъ кредитомъ, пока оно находитъ еще возможность заключать займы на иностранныхъ рын-

нахъ. А кредитъ этотъ несякнетъ, возможность уничтожится только тогда, когда народъ открыто и прямо заявитъ, что не будетъ признавать долговъ, заключаемыхъ правительствомъ безъ согласія народа. При всемогуществѣ бандировъ для капиталистическаго общества, быть можетъ, окажется невозможнымъ, не рискуя вызвать всемірной войны, отказаться платить долги, уже сдѣланные русскимъ правительствомъ, но можно и должно добиться такого положенія дѣлъ, когда заключеніе новыхъ займовъ станетъ невозможнымъ для правительства. Тотъ день, когда это случится, будетъ днемъ крушенія абсолютизма который держится только поддержкой международныхъ банкировъ.

И о такой некредитоспособности режима должна прежде всего заявить социалдемократія, партія рабочаго класса, на который падеть главная тяжесть ликвидаціи организованнаго хищничества и разбоя. Но для того, чтобы такое заявленіе ея имѣло дѣйствительный вѣсъ и значеніе, а не оставалось риторической фразой, социалдемократія должна прежде всего завоевать себѣ такое вліятельное положеніе во всей политической жизни страны, стать такимъ вліятельнымъ факторомъ въ группировкѣ общественныхъ силъ, чтобы къ словамъ ея вынуждены были прилушничаться, чтобы ихъ вынуждены были принимать во вниманіе. Биржа — это такой чуткій и трезвый оцѣнщикъ удѣльнаго вѣса всѣхъ факторовъ политической жизни, что, можно безъ преувеличенія сказать, мѣра впечатлѣнія, какое произведетъ такое заявленіе социалдемократіи, можетъ служить мѣрой политическаго вліанія ея. Поэтому самая возможность для социалдемократіи выступить съ серьезнымъ и открытымъ заявленіемъ о финансовой несостоятельности правительства предполагаетъ предварительно огромную работу по укрѣпленію и завоеванію вліанія во всѣхъ отрасляхъ общественно-политической жизни страны; предполагаетъ превращеніе стихійнаго движенія рабочихъ массъ, въ гораздо большей степени возбуждаемыхъ, чѣмъ руководимыхъ социалдемократіей, въ сознательное движеніе рабочаго класса подъ всеобъемлющимъ руководствомъ социалдемократической партіи, предполагаетъ—не на словахъ только и не въ собственномъ сознаніи, а на дѣлѣ—главенство социалдемократіи надъ воимъ русскимъ революционнымъ и оппозиционнымъ движеніемъ. Социалдемократія должна употребить все усилія, чтобы заставить все другія борющіяся съ абсолютизмомъ партіи и группы населенія принять ея лозунги борьбы. Отъ степени пониманія социалдемократами своихъ собственныхъ задачъ, отъ широты ихъ политическаго кругозора будетъ въ значительной мѣрѣ зависѣть наступленіе этого момента.

* * *

Мы сказали, что роспись нынѣшняго года почти ничѣмъ по существу не отличается отъ своихъ предшественницъ. Есть однако въ ней одна сторона, которая представляется совершенно новою и знаменуетъ собою новый этапъ въ политикѣ абсолютизма. Послѣ эпохи «диктатуры сердца», оставившей кровавый слѣдъ въ мартирологѣ русской революціонной интеллигенціи и манявшей мирныхъ обывателей туманными посулами конституціонныхъ «гарантій», наступило «трезвое» время Александра III. Поколебавшійся въ своей основѣ абсолютизмъ, лишенный сколько нибудь прочной опоры въ развивающихся классахъ капиталистическаго общества, стѣснявшій все политическое экономическое и культурное развитіе страны, искалъ спасенія въ попыткахъ восстановить живыхъ покойниковъ крѣпостного общества—дворянство и церковь—и еще больше—въ розничной покупкѣ благосклонности отдѣльныхъ группъ и группокъ населенія цѣною покровительства ихъ минутнымъ хозяйственнымъ интересамъ. Интересы эти сталкивались другъ съ другомъ, были противорѣчивы, мѣнялись со дня на день, и правительство какъ ловкій канатный плясунъ, балансировало на колеблющейся почвѣ этой купли-продажи.

Свидѣкалы, съѣзды промышленниковъ, сельскохозяйственные общества, непрерывная игра покровительственными таможенными пошлинами и желѣзнодорожными тарифами, казенные заказы и воспособленія, разсрочки выкупныхъ платежей, фабричные законы—все это не что иное, какъ пестрая смѣлка правительственныхъ попытокъ удовлетворить поочередно хозяйственные интересы то тѣхъ, то другихъ группъ населенія и такими подачками—по самому существу дѣла всегда недостаточными и возбуждающими неудовольствіе другихъ группъ—связать непосредственно съ самимъ правительствомъ отдѣльныя, изолированныя группы, заставить всѣхъ ихъ видѣть въ казѣ, въ самодержавномъ правительствѣ источникъ тѣхъ великихъ и богатыхъ милостей, на которомъ покоится ихъ хозяйственное благополучіе, и тѣмъ самымъ, изолируя ихъ другъ отъ друга и противопоставляя другъ другу, не дать ручейкамъ групповыхъ интересовъ слиться въ болѣе могучее русло интересовъ классовыхъ; потому что классовые интересы любого слоя капиталистическаго общества прежде всего потребовали бы смещенія того тормоза на пути капиталистическаго развитія страны, какимъ является абсолютизмъ.

При такой системѣ всѣ нити внутренней политики, естественно, становились въ руки, державшія тотъ мѣшокъ, изъ котораго сыпались всѣ субсидіи, воспособленія и покровительства. Министерство финансовъ стало истиннымъ самодержцемъ всея Россіи, и ежегодное высту-

пление Витте съ государственною росписью ожидалось съ нетерпѣніемъ всѣми, кто на казенномъ покровительствѣ строилъ свое благополучіе. И если «докладъ» Витте приносилъ неизмѣнно не столько дѣйствительную программу внутренней политики на предстоящій годъ, сколько quasi-программу, единственною цѣлью которой было экамотировать общественное мнѣніе, то причина тому не отсутствіе «всесілія» у министерства финансовъ, а просто невозможность откровенно выразить постыдную программу, цѣлкомъ заключающуюся въ поддержаніи своего паразитнаго существованія на счетъ жизненныхъ соковъ народа. Но во всякомъ случаѣ ни одна роспись г. Витте не обходилась безъ того, чтобы руководящее положеніе министерства финансовъ въ ходѣ внутренней политики абсолютизма не выразилось въ широковѣщательныхъ разглагольствованіяхъ по всѣмъ вопросамъ, занимавшимъ вниманіе сколько-нибудь широкихъ слоевъ народа.

Однако, политика балансированія между минутными хозяйственными интересами отдѣльныхъ группъ населенія не могла быть долговѣчной. Не могла уже и по одному тому, что интересы эти слишкомъ противорѣчивы, чтобы можно было удовлетворить одни, не нанося ущерба другимъ; поэтому, въ концѣ концовъ, почти всѣ группы населенія, даже тѣ, которыя, базалось бы, полными пригоршнями получали подачки отъ министерства финансовъ, начали чувствовать себя неудовлетворенными. «Аппетитъ приходитъ во время ѣды», и кто задумалъ удовлетворить аппетиты изолированныхъ группъ и группокъ, тотъ долженъ быть готовъ къ тому, что — по мѣрѣ удовлетворенія — аппетитъ этотъ будетъ все болѣе и болѣе расти и превратиться въ волчій голодь. А главное, желѣзные тиски, въ которыхъ абсолютизмъ держитъ все развитіе страны, давали знать себя все сильнѣе и сильнѣе и должны были постепенно все въ большей и большей мѣрѣ консолидировать отдѣльные, особые интересы изолированныхъ группъ однихъ и тѣхъ же слоевъ капиталистическаго общества, въ ряды однородныхъ, прочихъ классовыхъ интересовъ.

И дѣйствительно, процессъ такой консолидаціи, далеко еще не достигшій своего завершенія даже въ средѣ наиболѣе далеко подвинутаго на этомъ пути класса — пролетаріата, непрерывно совершался и совершается за послѣдніе годы. Но, поскольку этотъ процессъ наростанія классового характера, классовой окраски думъ, чувствъ и настроеній всѣхъ группъ общества совершается, онъ выражается — и при общественно-экономическихъ условіяхъ самодержавія и не можетъ не выражаться — въ ростѣ политическаго недовольства. Это недовольство остается смутнымъ, не выливается въ опредѣленныя программы и сознательно формулиро-

важныя тактическія положенія постольку, поскольку этот процесс «консолидація» находится еще въ начальномъ періодѣ развитія. И лишь тогда, когда эти опредѣленные программы и тактическія положенія войдутъ въ плоть и кровь не отдѣльныхъ кучекъ идеологовъ только, а значительной части тѣхъ массъ, интересы которыхъ они должны выражать, безформенное политическое недовольство и безформенная политическая борьба превратятся въ политическую борьбу ясно выраженныхъ общественныхъ классовъ.

Но какъ бы недостаточенъ ни былъ уровень классоваго объединенія интересовъ родственныхъ группъ капиталистическаго общества, онъ во всякомъ случаѣ подвинулся настолько далеко, что отразился въ огромномъ подъемѣ политическаго недовольства всѣхъ заинтересованныхъ въ капиталистическомъ развитіи страны группъ общества; и этотъ подъемъ знаменовалъ собою крушеніе политики покровительства карманнымъ интересамъ отдѣльныхъ группъ и группокъ. Выгоды такого покровительства въ сознаніи его участниковъ начинаютъ перевѣшиваться тѣмъ ущербомъ, который приносятъ клещи абсолютизма. Правительство вынуждено было повернуть фронтъ. Слишкомъ неувѣренное въ завтрашнѣйшій день, чтобы рѣшиться повторить политику «диктатуры сердца»; потерявшее возможность продолжать свою политику розничной купли-продажи, оно должно было прибѣгнуть къ единственно оставшемуся въ его распоряженіи средству—грубой силѣ и полицейскому сыску. Эта пережѣвка фронта, выразившаяся внѣшнимъ образомъ въ паденіи Витте передъ всемогущимъ огнемъ Плеве, ознаменовалась переходомъ руководящей роли во внутренней политикѣ изъ рукъ министерства финансовъ въ откровенно-полицейскія руки министерства внутреннихъ дѣлъ.

И новая «роспись»—обърая, скупая на слова, чисто «дѣловая» по внѣшности, какъ нельзя лучше отразила это превращеніе министерства финансовъ изъ «вершителя судебъ» въ простой насосъ для выкачивания денегъ изъ народа.

Если прежде г. Витте запускалъ свои лапы въ карманы народа и творилъ касовые фокусы, непрерывно болтая и подчасъ намекая на такія перспективы, отъ которыхъ сердце замирало въ груди иного либерала, то теперь его преемники «сосутъ» молча, сосредоточенно, «сосутъ» sans phrases, съ самымъ дѣловымъ видомъ, а «перспективы» перенесли въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ. И если иной либералъ и ощущаетъ еще по временамъ замираніе при мысли о всякихъ «особыхъ совѣщаніяхъ», «комиссіяхъ со свѣдущими людьми», «обсужденіи на мѣстахъ» и пр., и пр., то во всякомъ случаѣ полицей-

скій душокъ такъ недвусмысленно вѣлся во всё эти «благія начинанія», что и самый нечувствительный носъ долженъ вскорѣ замѣтить его. Къ тому же полное отсутствіе у самодержавнаго правительства вѣры въ прочность собственнаго своего существованія и полицейскіе навыки министерства внутреннихъ дѣлъ заставляютъ его показывать самый не двусмысленный полицейскій кулакъ при всякой попыткѣ «мѣстныхъ людей» не только совершить какую нибудь микроскопическую «противозаконность», но даже только собраться подумать о ней.

И эта переменна фронта — новый признакъ слабости и умиранія существующаго режима—можетъ быть только выгодна для дѣла революціи. Срывая еще одинъ фигювый листокъ, прикрывавшій безобразную наготу деспотизма, свидѣтельствуя о дѣйствительной «несвязности» этого режима съ интересами всѣхъ группъ развивающагося капиталистическаго общества, новый курсъ самою циничною откровенностью своею необычайно облегчаетъ задачу политическаго воспитанія народа. И социалдемократія, конечно, используетъ этотъ благопріятный моментъ такъ, какъ только можетъ и должна использовать его классовая партія пролетаріата. Активное внимательство рабочаго класса подъ ея руководствомъ во всѣ сферы общественно-политической жизни страны, содѣйствуя развитію классового сознанія пролетаріата и классоваго характера его политической борьбы, будетъ въ то же время содѣйствовать разслоенію безформенной массы политически-недовольныхъ элементовъ и ускоренію консолидаціи групповыхъ интересовъ въ отчетливо сознаные интересы классовые, что и выразится въ усиленіи интенсивности политической борьбы всѣхъ прогрессирующихъ классовъ противъ тисковъ абсолютизма. Только такимъ путемъ, одновременно борясь со всѣми другими классами и этой самой борьбой толкая ихъ впередъ, пролетаріатъ и стоящая во главѣ его социалдемократическая партія и могутъ оказать могучую поддержку всякому революціонному и оппозиціонному движенію другихъ слоевъ общества, не становясь въ то же время простымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ.

Ф. Данъ.

Для порядка управления

(26-го Января 1904 г. № 58).

Въ статьѣ «Новая роспись и новый курсъ» мы уже говорили о «новомъ курсѣ» внутренней политики абсолютизма, выразившемся въ отказѣ отъ потерпѣвшей крушеніе системы покупки «вѣрноподданности» различныхъ группъ населенія на наличныя деньги и отдачѣ всей Россіи въ «вѣдомство» министерства внутреннихъ дѣлъ или, говоря по просту, подѣ полицейскій надзоръ и полицейскій кулакъ. Нужна, конечно, громадная доза самоослѣпленія со стороны одряхлѣвшаго развратнаго режима, чтобы надѣяться однимъ грубымъ насилиемъ сколько нибудь прочно закрѣпить за собой ту благосклонность, которой не могло доставить ему даже всемогущее въ нашъ вѣкъ золото. Можно съ увѣренностью сказать, что для такого смѣлаго предпріятія у него не хватитъ уже силъ.

Но пока, что «новый курсъ» движется впередъ на всѣхъ парахъ съ цинизмомъ и безцеремонностью, не оставляющими — по своей откровенности — желать ничего лучшаго. Мы еще будемъ неоднократно имѣть случай бесѣдовать о различныхъ проявленіяхъ его; сейчасъ же передъ нами лежатъ документъ, дающій полную программу всѣхъ «реформъ», которыя ожидаютъ россійскаго обывателя.

Документъ этотъ — «журналъ комиссіи по преобразованію губернскаго управления». Комиссія эта собралась впервые 27-го февраля 1903 г. и, какъ извѣстно, ей предшествовалъ изданный наканунѣ манифестъ. Программа новѣйшаго времени сводится, въ сущности, цѣлкомъ лишь къ тому, чтобы дать обывателя, непременно «осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ», и по возможности — при содѣйствіи самого обывателя — такъ называемыхъ «мѣстныхъ людей». Между прочимъ было повелѣно «преобразовать губернское управление для усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни трудами мѣстныхъ людей, руководимыхъ сильною, закономѣрною и передъ Нами строго отвѣтственною властью». «Трудами мѣстныхъ людей», «строгая отвѣтственность», «многообразныя нужды» — какъ видите все вещи хорошія.

Но, конечно, комиссія, состоящая изъ восьми губернаторовъ и двухъ товарищей министра внутреннихъ дѣлъ подѣ предсѣдательствомъ всероссійскаго палача Плеве, поняла въ чемъ тутъ сила, и не безъ

юмора прежде всего рѣшила «не останавливаться на отвѣтственности губернаторовъ, въ виду того, что отвѣтственность эта нынѣ дѣйствующими законами поставлена вполне правильно». Съ «закономѣрностью» порѣшили также довольно просто. До сихъ поръ, когда «законъ» являлся «препоной», такое трагическое положеніе, по показанію одного изъ участвовавшихъ въ комисіи сатраповъ, «неизбѣжно обрекало губернатора» на «превышеніе власти». Выводъ тутъ для російскихъ владыкъ, разумѣется, совершенно ясный: надо самое «превышеніе власти» обратить въ «законъ», и тогда ужъ власть непременно будетъ «закономѣрной». Изъ дальнѣйшаго обзора «постановленій» комисіи читатель увидитъ, что такъ дѣло и порѣшили, а затѣмъ осталась одна задача — сдѣлать власть «сильной», а къ ней почтенные члены комисіи и приступили со вкусомъ и ужъ безъ всякаго юмора, а съ серьезностью, можно сказать, ужасающей. И, кажется, въ этомъ направленіи они по-истинѣ совершили «въ предѣлахъ земныхъ все земное».

Прежде всего, какъ это и подобаетъ «новому курсу», одѣвающему абсолютизмъ въ полицейскій мундиръ, чиновникамъ министерства полиціи—губернаторамъ подчиняются представители рѣшительно всѣхъ «вѣдомствъ» въ губерніи. Конецъ либерализму акцизныхъ чиновниковъ! Конецъ пикировкамъ управляющаго казенной палатой (а давно ли онъ, какъ представитель министерства финансовъ, по-матривалъ на губернатора даже немножко свысока?) съ «начальникомъ губерніи!» Отнынѣ черезъ губернатора будутъ идти «руководящія указанія и распоряженія» всѣхъ «вѣдомствъ», губернаторъ будетъ производить ревизію всѣхъ «административныхъ установленій», губернаторъ будетъ «увольнять должностныхъ лицъ въ случаѣ неблагонадежности ихъ»; губернаторъ будетъ «пещись» о народномъ образованіи; губернаторъ будетъ распоряжаться по части «внутреннихъ распоряжковъ на фабрикахъ и заводахъ», его «требованія» должна будетъ непрекословно исполнять фабричная инспекція. Словомъ, всюду губернаторъ, губернаторъ, губернаторъ. А это значитъ, что если до сихъ поръ «руководящимъ» началомъ внутренней политики былъ поддушъ «вѣроподанныхъ», то теперь дѣятельность всѣхъ «вѣдомствъ» будетъ направляться съ точки зрѣнія совершенно неприкрытаго полицейскаго смысла.

Такимъ образомъ, «препоны» со стороны отдѣльныхъ «вѣдомствъ», съ ихъ корпоративнымъ патріотизмомъ и подъ-часъ отсутствіемъ спеціального «образованія» по части полицейскихъ дѣлъ, благополучно устраняются. Остается собрушить препоны еще мѣшающія въ лицѣ

«общественныхъ учреждений». Разумѣется, и тутъ комиссія оказалась боже, чѣмъ на высотѣ задачи.

Уже и до сихъ поръ губернаторамъ по отношенію къ земствамъ и городскимъ думамъ была предоставлена такая необъятная власть по части «пресѣченія», что даже комиссія должна была признать губернаторскія полномочія «достаточными со стороны надзора». Но за то она «не могла не обратить вниманіе на то, что губернаторъ относительно общественныхъ учреждений совершенно лишенъ правъ положительныхъ». «Не пушать» — оказывается для полицейскаго Аллаха слишкомъ мало; ему надо еще «тащить» обывателя въ абсолютистскій «рай». А между тѣмъ за «органами земскаго и общественнаго управленія» всегда остается право, такъ сказать, пассивнаго сопротивленія. «Право пассивнаго сопротивленія» — это ужасъ! Въмѣсто того, чтобы обнаруживать всѣмъ существомъ своимъ «готовность» принимать отеческіе удары начальства, обыватель пытается «уклониться!» Конечно, такому «ненормальному положенію дѣлъ» рѣшено было немедленно положить конецъ и постановлено: «Въ случаѣ уклоненія земскихъ или городскихъ общественныхъ учреждений отъ исполненія обязательныхъ для нихъ повинностей, а равно неисполненія ими мѣропріятій, вызываемыхъ сими повинностями, и признанія такихъ мѣропріятій со стороны губернатора неотложными, губернаторъ имѣетъ право назначать на приведеніе ихъ въ исполненіе опредѣленный срокъ. По истеченіи такого срока и при неисполненіи предложенія, губернаторъ приступаетъ къ осуществленію необходимыхъ мѣропріятій за счетъ земскихъ или городскихъ средствъ». То есть: я тебѣ «предлагаю»: можешь принять или отвергнуть; но ежели ты, такой сякой, отвергнешь, то ужь, голубчикъ, извини! Тогда ужь я «распоряжусь». А къ чему, главнымъ образомъ, будутъ относиться эти «распоряженія», изъ журнала засѣданій комиссіи видно достаточно ясно, хотя деликатный предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, и не называется прямо. Извѣстно, конечно, какъ часто за послѣдніе годы «общественныя учрежденія» начинали «почтительно» вздыхать по случаю все усиливаемыхъ и усиливаемыхъ «предложеній» о повышеніи «обязательныхъ» расходовъ на содержаніе полиціи, расквартированіи войскъ и тому подобныхъ мѣропріятій для охраненія «спокойствія» абсолютизма. Немудрено, что приходится «предложенія» замѣнять «распоряженіемъ».

Послѣ этого подвига комиссія надумала прекратить ненужные разговоры въ «общественныхъ учрежденіяхъ» (Мымрецовъ всегда любилъ, чтобы не было «шуму»), и немедленно губернаторъ получаетъ

право, помимо председателя земскаго или думскаго собранія, «снимать съ очереди обсужденіе какого-либо вопроса, признаваемаго губернаторомъ неумѣстнымъ по отношенію къ порядку управленія».

Административная прозорливость достигла такихъ размѣровъ, неумолимое чванянье губернаторскихъ ртовъ приняло такой ужасающій характеръ, что тутъ ужъ даже одинъ изъ засѣдавшихъ въ комиссіи старцевъ не выдержалъ и робко заявилъ «опасеніе, чтобы мѣры эти, которыя несомнѣнно являются чрезвычайно важными для порядка управленія, не были бы истолкованы, какъ желаніе съузить права общественныхъ учрежденій что неминуемо произведетъ неблагоприятное на мѣстахъ впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что въ губернскомъ земскомъ собраніи председательствуетъ первый избранникъ губерніи — губернский предводитель, который усмотритъ въ этомъ ограниченіе своихъ правъ». Но старичка сейчасъ же «успокоили». Комиссія «не могла не признать нѣкоторую преувеличенность его опасеній». Ибо, что касается превращенія «предложеній» въ «распоряженія», то сіе будетъ обсуждено предварительно «въ коллегиальномъ губернскомъ установленіи, при участіи представителей земства и города» *). Слѣдовательно, согласно «закону», сѣченіе «мѣстныхъ людей» будетъ производиться между прочимъ и ихъ собственными «трудами». А безобидное «снятіе съ очереди въ земскомъ собраніи вопросовъ, поставленныхъ на обсужденіе», разумѣется, вполнѣ обезпечивается... «тактомъ губернатора». Что же касается «перваго избранника», то комиссія довольно таки строго напомнила умственному старичку, что губернский предводитель исполняетъ обязанности председателя губернскаго земскаго собранія только въ томъ случаѣ, «если государь не назначитъ особое лицо». Избранникъ-то—избранникъ, но въ случаѣ чего можно сдѣлать такъ, какъ будто и не избранникъ.

За симъ, порѣшивъ войти въ болѣе тѣсныя сношенія съ отдѣльными корпусовъ жандармовъ, комиссія приступила къ «увѣнчанію зданія». Вънездъ полицейскаго творенія, конечно—положеніе объ усиленной охранѣ. Но вотъ бѣда: воюкія «обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся къ предупрежденію нарушенія общественнаго порядка и государственной безопасности» губернаторы могутъ («по закону!») издавать только тамъ, гдѣ дѣйствуетъ усиленная охрана. Какъ только выяснился этотъ прискорбный фактъ, комиссія сейчасъ же приняла героическое рѣшеніе и постановила, что «было бы соответ-

*) А именно, по проекту „губернскаго совѣта“, ихъ должно быть въ немъ человекъ 5—6 на 15—20 чиновниковъ подъ председательствомъ губернатора.

ственнымъ распространить этотъ порядокъ и на губерніи, не находящіяся въ исключительномъ положеніи», или, иначе говоря, и тамъ, гдѣ нѣтъ усиленной охраны, считать ее яко бы сущей, и ужъ ватѣмъ дѣйствовать «закономѣрно». При этой okazji вспомнили опять указаніи о необходимости пользоваться «трудами мѣстныхъ людей» и потому положили: «обязательныя постановленія могутъ касаться обязанности владѣльцовъ недвижимыхъ имуществъ и ихъ управляющихъ по внутреннему наблюденію въ границахъ ихъ владѣнія и также способамъ сего наблюденія». Шпіонство становится, такимъ образомъ, «закономѣрной-гражданской обязанностью «мѣстнаго человѣка».

Превративъ такимъ манеромъ губернатора въ «земного бога» въ полицейскомъ мундирѣ и съ нагайкой за поясомъ, комиссія впала, очевидно, снова въ юмористическое настроеніе и—явно уже ради озорства—рѣшила показать, что и на суды губернаторамъ «въ высокой степени наплевать», почему въ заключительномъ аккордѣ своей «пѣсни торжествующей свиньи» и признала, что «высокому значенію» губернатора несоотвѣтственно участіе его, въ качествѣ члена, въ составляемыхъ, подъ предсѣдательствомъ старшаго предсѣдателя мѣстной судебной палаты, особыхъ присутствійхъ для разсмотрѣнія пререканій между судебными и правительственными установленіями о подсудности дѣлъ о возмездіи вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные распоряженіями должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства»; стнмнѣ будетъ замѣнять его вице-губернаторъ.

Таковъ кругъ предначертанной «реформы». Резюмировать его можно въ краткихъ словахъ: сугубое положеніе объ усиленной охранѣ, расширяемое до безконечности,—въ качествѣ «рамокъ» административной дѣятельности; полицейскій сыск—какъ главный источникъ «соображеній» внутренней политики, и нагайка—какъ самый убѣдительный аргументъ для насажденія «безпредѣльныхъ» чувствъ.

Все это было бы очень страшно, если бы самою безстыдною обязанностью своею этотъ полицейскій режимъ не свидѣтельствовалъ о своей недолговѣчности. Въ странѣ, гдѣ уже миллионы трудящагося народа проснулись къ сознательной жизни и требуютъ человѣческихъ правъ, безумна попытка заставить весь народъ не жить ради «порядка управленія» и править, опираясь только на нагайку. Безумна и лишь выгодна для дѣла свободы. Она поможетъ партіи пролетаріата толкнуть въ открытую борьбу съ абсолютизмомъ тѣ слои народа, которые до сихъ поръ только робко, обиняками, проявляли свои свободолюбивыя стремленія. Передъ системой бѣлаго террора, направленной рѣшительно противъ всѣхъ группъ населенія, невозможно долго сказываться

«въ нѣтяхъ». Того, кто не хочетъ служить активнымъ пособникомъ ея, она бьетъ слишкомъ больно и волей-неволей заставляетъ громко выкрикнуть такъ долго подавляемый возгласъ: «долой самодержавіе!» А социалдемократія должна постараться, чтобы этотъ возгласъ смѣнился другимъ, болѣе положительнымъ и радикальнымъ!

Ф. Данъ.

Письма обо всемъ.

(10 февраля 1904 г. № 59).

Новое „среднее сословіе“. Выборы въ Петербургскую Думу. Болѣе или менѣе „соціалистическая“ демократія. Осѣдло-образовательный цѣнзъ. Кто скажетъ послѣднее слово.

Русская «интеллигенція» дописываетъ послѣднія страницы своей исторіи. Ея ростъ, развитіе, упроченіе ея позицій вызываетъ полное ея перерожденіе. Изъ своеобразнаго «ордена» съ привлекательной романтической окраской она превращается въ прованческое «среднее сословіе» буржуазнаго общества. Въ среднее сословіе, ибо она стоитъ между крайними соціальными классами, буржуазіей и пролетариатомъ. Въ этомъ она уподобляется старому мѣщанству. Но въ то же время она глубоко отличается отъ него—и по своей роли въ хозяйствѣ современнаго общества, и по своему политическому и идеологическому облику. Она является среднимъ сословіемъ новаго типа. Старое мѣщанство, какъ представитель хозяйственной рутинѣ и идейной примитивности, дробится каждымъ взмахомъ капиталистическаго колеса. Косное, невѣжественное, политически суевѣрное,—оно все въ прошломъ. Съ полнымъ основаніемъ оно могло бы обратиться къ новому «среднему сословію»: «Тебѣ я мѣсто уступаю, мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти».....

Новая демократія, поглощающая нашу старую, милую «интеллигенцію», не только не сокрушается развитіемъ крупнаго производства,—а, наоборотъ, расцвѣтаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Можно даже связать, что

эта развивающаяся группа въ цѣломъ есть не что иное, какъ воплощенный отвѣтъ на техническіе, административные и «идеологическіе» запросы крупнаго производства и выростающаго съ ними въ связи буржуазно-демократическаго государства. Она живетъ продажей своей «умственности». Поэтому, въ отличіе отъ стараго мѣщанства, она профессионально интеллигентна, профессионально инициативна, гибка, подвижна, не боится новыхъ словъ, не прячется отъ реформъ въ общественныя щели, наоборотъ, всегда толчется на политическомъ солнцѣ...

Ростъ этой интеллигентной демократіи обуславливаетъ повышение ея нравственной самостоятельности (отъ «народа») и политической самоувѣренности. Она организуется, сплачивается, выдвигаетъ самостоятельныя лозунги, вырабатываетъ (не стѣсняясь, конечно, плагиатовъ) самостоятельныя формы политическаго и философскаго мышленія. Она подбираетъ себя не слишкомъ скомпрометированное имя: въ послѣднее время она предлагаетъ называть себя «гражданской демократіей», чтобы не оказаться демократіей буржуазной¹⁾. Нѣтъ болѣе ни одного факта общественной жизни, на который она не налагала бы или не стремилась наложить свою печать. И чѣмъ дальше, тѣмъ настойчивѣе и увѣреннѣе.

Пролетаріатъ, поскольку онъ вступаетъ въ сферу политическихъ интересовъ, на первыхъ же шагахъ встрѣчается съ буржуазной демократіей. И его борьба за классовое самоопредѣленіе на половину, если не на три четверти, будетъ сводиться къ борьбѣ противъ опекунскихъ посягательствъ буржуазной демократіи. Не понимать этого имѣютъ привилегію только тѣ горе-соціалисты, которые продолжаютъ надѣяться, что російская интеллигенція въ непорочности донесетъ себя до соціализма. Наши ссылки на политическую волю буржуазной демократіи представляются имъ маневрированіемъ въ царствѣ призраковъ. «Излишне пускаться въ хитроумныя объясненія (извѣстныхъ явленій)... злыми кознями не существующей (несуществующей) у насъ «буржуазной демократіи», пытающейся отнять у пролетаріата предстоющую ему гегемонію во время переворота. Напимъ «ахъ бѣднымъ» изъ «Рус. Вѣд.»... далеко до такого макіавеллизма». («Вѣстн. Рус. Рев.» № 2, стр. 132). Таково противорѣчивое положеніе нашей буржуазной демократіи. Въ то время, какъ субъективно она вынуждается къ

¹⁾ См. въ „Рус. В.“ берлинскія корреспонденціи г. I, берштейнѣански-сервированнаго либерала, умнаго и талантливаго газетнаго фальсификатора германской политической жизни.

самоотрицанію, объективно она изо дня въ день и изъ часа въ часъ занимается самоутвержденіемъ.

Послѣдніе выборы въ Петербургскую думу, произведенные на новыхъ началахъ, приобщили къ избирательной кампаніи умѣренные верхи либеральной демократіи столицы въ лицѣ нанимателей дорогихъ квартиръ ¹⁾. «Цвѣтъ обеспеченной, знатной и популярной интеллигенціи Петербурга», какъ писали наши газеты, отолекулся съ подрядчиками, трактирщиками, лѣсоотроговцами. Побѣдителями оказались послѣдніе, такъ какъ «интеллигенція» оказалась застигнутой врасплохъ и обнаружилась—отсутствіе твердой организаціи, а также недостатокъ партійной дисциплины». («СПБ. В.»). Но урокъ выборовъ не прошелъ безслѣдно. Въ той напряженной вознѣ, которая происходила во время выборовъ—вокругъ нихъ, на собраніяхъ и въ прессѣ, буржуазная интеллигенція столицы накопила элементы организаціи и партійной дисциплины. И одна изъ петербургскихъ газетъ, утѣшая разбитыхъ квартиронанимателей, говоритъ съ полнымъ основаніемъ: «Это періодъ ученичества. Будемъ надѣяться, что выдѣлятся нѣсколько хорошихъ «учениковъ», которые могутъ стать учителями»...

Будемъ надѣяться!...

Нѣкая умѣренно-либеральная и умѣренно-умная провинціальная газета такими рѣчами характеризуетъ общественный смыслъ петербургскихъ выборовъ.

«Крупный квартиронаниматель, по своему матеріальному обеспеченію, а слѣдовательно и по условіямъ жизни, ничѣмъ не отличается отъ домовладѣльцевъ и купцовъ. На этой почвѣ (?), розни между ними нѣтъ и не можетъ быть. Но, съ другой стороны, въ категорію крупныхъ квартиронанимателей въ Петербургѣ входитъ почти весь цвѣтъ русской интеллигенціи. Это то обстоятельство раздѣлило людей, соединенныхъ общностью матеріальныхъ интересовъ, раскололо русскую, если можно такъ выразиться буржуазію. («Если можно такъ выразиться»?.. Конечно, можно! Дерзайте, почтеннѣйшій!). Другими словами, петербургскіе выборы лишній разъ доказали, что доктринерское дѣленіе населенія на буржуазію и не-буржуазію (цензура, очевидно, мѣшаетъ газетѣ сказать пролетаріатъ) не имѣеть никакой почвы въ современной Россіи: что, если что нибудь раздѣ-

¹⁾ Въ Петербургѣ весьма значительную, и притомъ наименѣе интеллигентную, инициативную и либеральную часть публики составляетъ бюрократія.

леть русское общество на двѣ половины, то это — степень культурности, умственного развитія и гражданского самосознанія».

«Такимъ образомъ, у насъ въ сущности нѣтъ либеральной буржуазной партіи. Всѣ наши либералы въ земствахъ, городскихъ думахъ и въ литературѣ держатся хотя умѣренной, но чисто демократической политики, такъ какъ отстаиваютъ чисто народные интересы: заботятся о развитіи мѣстнаго самоуправленія, о школахъ, о народной медицинѣ... Все наше прогрессивное движеніе... опирается на интересы рабочаго класса, а потому, по существу своему, оно носитъ болѣе или менѣе социалистическій характеръ. Въ социализма у насъ нѣтъ въ настоящее время ни одной прогрессивной политической программы».

Долженъ извиниться передъ читателемъ: конецъ цитаты (съ красной строки) взятъ мною не изъ либеральной газетки, а изъ «социалистически-революціоннаго» органа («Вѣсти. Р. Р.» № 1, стр. 236). Конецъ этотъ, тѣмъ не менѣе, какъ видите, прекрасно гармонируетъ съ началомъ. Но пусть нашъ бѣдный подцензурный коллега не пугается сдѣланнаго сопоставленія: оно означаетъ не то, что буржуазно—либеральная газета мѣлолитъ «революціонно—социалистически», а лишь то что социальсты—революціонеры мыслятъ буржуазно.

«Цвѣтъ русской интеллигенціи» стоитъ на одномъ матеріальномъ уровнѣ съ домовладѣльцами, купцами и фабрикантами. Слѣдовательно «рознь между ними нѣтъ и быть не можетъ». Тѣмъ не менѣе, интеллигенція, въ противовѣсъ капиталистамъ «опирается на интересы рабочаго класса» и выдвигаетъ программу «болѣе или менѣе социалистическаго характера». Либеральная газета, въ полномъ согласіи съ «доктриной» «Рев. Рос.», думаетъ, что социальнополитическая «рознь» вызывается только разными степенями «матеріальнаго обезпеченія», тогда какъ на самомъ дѣлѣ она опредѣляется различными ролями въ общественно-производственномъ процессѣ. Капиталисты владѣютъ орудіями производства и непосредственно эксплуатируютъ наемный трудъ. Интеллигенція орудіями производства не владѣетъ; живетъ продажей своей «интеллигентности», и непосредственно пролетаріата не эксплуатируетъ. Въ связи съ этимъ она заинтересована не столько въ повышеніи нормы прибавочной стоимости, сколько въ увеличеніи своей доли въ общемъ фондѣ національнаго дохода. А эта доля возрастаетъ по мѣрѣ «развитія мѣстнаго самоуправления, школъ, народной медицины», словомъ по мѣрѣ повышенія народно-культурнаго уровня—на общемъ для всей буржуазіи базисѣ капиталистическихъ отноше-

нй. Вотъ почему дѣятельность интеллигенціи по необходимости охватываетъ нѣкоторые «чисто народные интересы», ни мало не приобретаая этимъ путемъ «соціалистическаго характера». Такого рода характеромъ отличается только дѣятельность по объединенію пролетариата въ классовую партію во имя соціальной революціи. Мы же до сихъ поръ не слышали, чтобы «цѣвъ русской интеллигенціи» занимался въ петербургской думѣ или вокругъ нея такого рода работой.

Повторяемъ. Различіе въ политическихъ фізіономіяхъ извѣстныхъ группъ опредѣляется не степенью матеріальной обезпеченности, а характеромъ выполняемыхъ этими группами общественныхъ функций. Капиталисты, въ томъ числѣ и землевладѣльцы и домовладѣльцы, несущіе извѣстный налогъ съ имущества, всегда тяготеютъ къ установленію имущественнаго ценза во всѣхъ общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ. Наоборотъ, интеллигенція въ цѣломъ всегда противъ «несправедливаго» имущественнаго ценза. Ея симпатіямъ пользуется цѣвъ образовательный.

Джонъ Стюартъ Милль въ своемъ «Представительномъ правленіи» высказываетъ ту мысль, что «только въ просвѣщенномъ меньшинствѣ можно найти восполненіе или коррективъ стремленіямъ демократическаго большинства». Въ интересахъ такого «корректива» Милль допускаетъ множественность вотума¹⁾, но онъ не склоненъ обосновывать ее на имущественномъ цѣвѣ, ибо «критерій этотъ очень несовершененъ въ житейской борьбѣ: случай играетъ несравненно болѣе значительную роль, чѣмъ заслуга, и весьма трудно, — съ горечью жалуется Милль, — образованіемъ обезпечить себѣ соотвѣтственное соціальное положеніе». Посему «единственнымъ основаніемъ для предоставленія одному лицу нѣсколькихъ голосовъ можетъ служить личное умственное превосходство». Не слѣдуетъ только забывать, прибавимъ мы, что это «личное умственное превосходство» (образование) составляетъ монополию господствующихъ классовъ.

Образовательный цѣвъ, какъ данъ «личному умственному превосходству», всегда выдвигался нашей «болѣе или менѣе социалистической» демократіей противъ чумазаго думскаго купечества и противъ дикаго земскаго дворянства. Въ этомъ, если хотите, «прогрессивность» образовательнаго ценза. Но другой своей стороной онъ выдвигается противъ всеобщаго равнаго избирательнаго права, вытал-

¹⁾ Избиратели одной категоріи имѣютъ по одному голосу, избиратели другой по два и т. д. Такова, напримѣръ, система въ Бельгіи.

живая за черту политической активности широкия народныя массы. Въ этомъ его глубоко-реакціонная сторона, которая заставляетъ социал-демократію видѣть въ «образовательномъ цензѣ» не что иное, какъ «козны буржуазной демократіи», обуславливаемыя ей сознательнымъ или бессознательнымъ стремленіемъ отнять у пролетаріата «гегемонію во время переворота»...

Въ связи съ разбиравшимся въ земствахъ вопросомъ о пониженіи избирательнаго ценза въ нашей литературѣ снова была выдвинута «симпатичная» идея «осѣдло-образовательнаго ценза», въ пользу котораго все чаще «раздаются голоса». Основными требованіями указаннаго ценза выставляются: возрастъ 25 лѣтъ, три года жительства въ данной мѣстности и образованіе не ниже полнаго средняго. Для уѣздовъ Саратовской губерніи (въ городовъ) этотъ критерій означалъ бы приращеніе въ 286 избирателей: земскихъ служащихъ—152, служащихъ въ экономіяхъ—77, другихъ служащихъ—57. При этомъ среди земскихъ служащихъ 59 врачей, 26 ветеринаровъ, 10 страховыхъ агентовъ и 57 учителей. Все это кадры «несуществующей у насъ буржуазной демократіи». Но стремится ли она сама къ политической роли? Несомнѣнно. Въ той же Саратовской губерніи были опрошены всѣ врачи, ветеринары и страховые агенты по губерніи,—не согласились ли бы они уплачивать за право голоса отъ одного до двухъ процентовъ со своего жалованья. Изъ 102 опрошенныхъ лицъ 99 высказали полное согласіе ¹⁾. Здѣсь гражданская зрѣлость «гражданской демократіи» выдержала серьезное испытаніе.

А какъ относятся къ «осѣдло-образовательному» принципу—хотя бы наприимѣръ, «Русскія Вѣдомости»? Съ горячей симпатіей. Значитъ ли это, что наши «ахъ бѣдныя» изъ «Русск. Вѣд.» ставятъ себѣ прямую задачу—исторгнуть гегемонію у пролетаріата? Нѣтъ, не думаемъ,—къ этой цѣли сознательно стремятся пока лишь наши «ахъ бойкіе» изъ «Рев. Рос.». Что же касается широкой легальной «болѣе или менѣе социалистической» демократіи, то она «просто» строитъ политическія формы по образу и подобию своему. Она осѣдла, она образована. А значитъ—«осѣдло-образовательный» цензъ.

Отсюда видно, что не только «социалистическій», но и чисто демократическій характеръ значительнѣйшей части нашей интеллигенціи является чрезвычайно сомнительнымъ. Вся она и матеріально и духовно,—въ крайнемъ случаѣ только «духовно» (въ литературѣ)—связана съ

¹⁾ Три высказались противъ, но не потому, чтобы ихъ пугалъ налогъ на жалованье, а по другимъ причинамъ.

органами общественного самоуправления—сословно и имущественно привилегированными земствами, отчасти—думами. Земство рисуется ей провиденциальнымъ хозяиномъ Россіи. За предѣлами земской элиты начинается пассивный демосъ, опекаемый народъ. Очертить изъ земскаго центра избирательный кругъ тѣмъ или другимъ «осѣдо-образовательнымъ» радіусомъ—таковъ пока максимальный размахъ гражданскаго демократизма нашей гражданской демократіи.

«Обвиненіе» большинства интеллигенціи въ недемократизмъ можетъ показаться продуктомъ болѣзненной политической подозрительности. Въ самомъ дѣлѣ, мы такъ привыкли вѣрить въ нѣсколько неопредѣленные, но все же лучшія чувства интеллигенціи къ народу. И эта столь знакомая намъ публика можетъ отказать народу въ политическихъ правахъ? Клевета! На это мы отвѣтимъ.—Въ исторіи никогда не слѣдуетъ полагаться на добрыхъ знакомыхъ. Ибо ихъ лучшія чувства могутъ придти въ конфликтъ съ ихъ общественнымъ положеніемъ—и тогда они предадутъ,—разумѣется, «сарѣя сардце», можетъ быть, «со слезами на глазахъ»,—но всетаки предадутъ...

И психологическіе и политическіе моменты такого предательства готовятся совершенно независимо отъ воли самой интеллигенціи. Выше мы отчасти намѣтили уже механизмъ этого процесса. Интеллигенція выдвигала противъ земскихъ и думскихъ хозяевъ овой принципъ образовательнаго (или пониженнаго имущественнаго) ценза. Въ этомъ проявлялось и проявляется ея народолюбіе, такъ какъ именно во имя интересовъ народа, она требуетъ для себя избирательныхъ правъ. Въ процессѣ ея постепеннаго общественнаго самоопредѣленія этотъ цензъ становился для нея естественной нормой,—естественной тѣмъ болѣе, что онъ даетъ опорный базисъ для борьбы на два противоположныхъ фронта: сегодня—съ реакціонной буржуазіей, завтра—съ революціоннымъ пролетариатомъ. Такова тенденція. Она не исключаетъ, разумѣется, дальнѣйшаго выдѣленія изъ интеллигенціи радикальныхъ элементовъ.

Нужно помнить, что демократія въ цѣломъ поставлена въ гораздо болѣе благоприятныя условія политическаго развитія, чѣмъ пролетариатъ: къ ея услугамъ громадный литературный аппаратъ легальной прессы; вся практика органовъ нашего самоуправления и нашихъ легальныхъ сѣздовъ упражняетъ и закрѣпляетъ въ извѣстныхъ формахъ ея общественные инстинкты и развиваетъ въ ней вполне опредѣленные навыки политическаго мышленія,—и не только въ тѣхъ верхахъ интеллигенціи, которые уже теперь достучались въ городскія

думы, но и широкой «периферийной» интеллигентской массѣ, которая составляет агитационный аппаратъ всѣхъ избирательныхъ кампаній, легкую кавалерію всѣхъ оппозиционныхъ «оказательствъ».

Не будетъ, поэтому, ничего не ожиданнаго, если демократія окажется способной сказать свое опредѣленное и очень вѣское слово

«Долой абсолютизмъ!» скажетъ революціонизированный социал-демократіей пролетаріатъ.—«И да здравствуетъ осядло-образовательный цевъ!» отзовется согласнымъ хоромъ интеллигентная буржуазія, пригласивъ къ созыву учредительнаго собранія. Въ этомъ рѣшающемъ «діалогѣ» послѣднее слово должно принадлежать пролетаріату—должно, если не жалкой насмѣшкой надъ собственнымъ безсиліемъ были наши рѣчи объ авангардѣ... Это послѣднее слово прозвучитъ такъ: «Да здравствуетъ всеобщее, равное прямое и тайное избирательное право!»

Н. Троцкий.

Письма обо всемъ.

(25 февраля 1904 г. № 60).

Картина патриотической Руси.—Роль города.—Выигрышная позиция реакціи.—Либеральные лозунги по сю и по ту сторону Вержболова.—Фактическое самоустраненіе либерализма.

«Россія едина»... Петербургское дворянство и харьковскіе студенты, таганрогское военное собраніе и ростовскіе мастеровые, жители новой Бухты и брянскіе гимназисты, свѣтѣйшій синодъ и чистопольскіе старообрядцы,—всѣ готовы принести жизни своей и достояніе свое на защиту Россіи.

Сверху до низу—всѣ объединены чувствомъ патриотическаго братства. Студенты качаютъ офицеровъ, генералы цѣлуютъ студентовъ, «змѣяники и гады», по увѣренію «Московскихъ Вѣдомостей», «расползались», «консерваторы», «либералы» и «реакціонеры» дружно поютъ «Боже царя храни», вишиневская еврейская община конкурируетъ въ христіанскомъ всепрощеніи и въ монархической преданности съ

Суворинимъ, Юзефовичемъ и Крушеваномъ, дирекція казеннаго завода, строящаго броненосцы, называетъ рабочихъ въ патриотической прокламаціи «товарищами, отправляемыхъ на убой солдатъ величаютъ «братцами»... Такова суздальская картина, которую рисуютъ патриотическіе простаки и газетные проходимцы. Въ этой картинѣ много художественныхъ «дефектовъ», но самый важный—полное отсутствіе перспективы. Мы хотимъ восстановить ее для нѣкоторыхъ элементовъ картины.

Но прежде всего обратимъ вниманіе на то поучительное обстоятельство, что главнымъ, почти исключительнымъ, полемъ картины является городъ.

Въ критическіе моменты политической жизни нашей «крестьянской», нашей «деревенской» Россіи о мужикѣ и о деревнѣ почти совсѣмъ забыли. Патриотическіе адреса и «даянія», извлекаемыя земскими начальниками изъ «вѣреннаго» имъ крестьянскаго населенія, проходятъ почти незамѣтно, тогда какъ патриотическій визгъ двухсотъ или трехсотъ студентовъ находитъ всероссійскій, можно сказать—всемірный резонансъ. Относительное политическое значеніе города и деревни вырисовывается—и для реакціонныхъ и для революціонныхъ стародумовъ—съ замѣчательной яркостью. Налицо выступаетъ тотъ несомнѣнный фактъ, что организующая рука реакціи шаритъ въ тѣхъ же мѣстахъ, которыя посѣтила рука революціи,—что спѣшно вербуемые кадры роляистской арміи по необходимости рекрутируются не изъ цѣльныхъ «мужичьихъ» пластовъ, а изъ политически возбужденныхъ массъ городского населенія. Въ приближающійся «судный день» судьбу Россіи рѣшить городъ.

Техника мобилизаціонной кампаніи патриотизма была подготовлена многочисленными прежними, болѣе частными попытками реакціи овладѣть толпой и создать среди ея составныхъ частей—студентовъ, рабочихъ, городской буржуазіи—постоянныя организованныя ячейки, какъ опорные пункты дальнѣйшихъ операций... Въ этомъ отношеніи патриотическія демонстраціи прибавили мало новаго къ московскому опыту извѣстнаго празднованія 19 февраля или къ практикѣ еврейскихъ погромовъ.

Что въ послѣднихъ событіяхъ ново и чрезвычайно важно, такъ это та благодарная позиція, на которую попала реакція.

Воинственный шовинизмъ—одна изъ немногихъ формъ политическаго идеализма, доступнаго еще сегодня силамъ реакціи. Патриотическія иллюзіи, наиболѣе отдаленныя отъ повседневныхъ толчковъ жизни, позже другихъ реакціонныхъ иллюзіи раздѣдаются ея стихійной кри-

тисой, дольше других удерживаются въ сознаниі массы... Патріотическіе лозунги были поставлены войной въ порядокъ дня,—и реакція выиграла.

Тѣ самые студенты—«антиобструкціонисты», которые во время студенческихъ волненій жались къ стѣнѣ, тѣ самые думскіе и земскіе гласные, которые рѣшались проваливать школы и больницы преимущественно при закрытой баллотировкѣ, тѣ самые мѣщане, купцы, студенты и журналисты—юдофобы, которые были покрыты плевыми общественнаго презрѣнія послѣ антисемитскихъ вакханалій прошлаго года,—теперь всѣ оказались вынесенными на широкую улицу, вдвинутыми въ самую гущу политическихъ событій. Они даютъ улицѣ лозунгъ, они поютъ первый голосъ въ народномъ гимнѣ, властно вымываютъ на улицы театральные оркестры,—они во главѣ, они вожди, они—герои...

А либерализмъ?

Большія событія спихали его съ ногъ. Онъ привыкъ къ мелкимъ сиваткамъ. Онъ отваживался встрѣчать реакціоннаго врага законнымъ и дешевымъ свистомъ, когда врагъ выступалъ въ явно позорной роли земскаго (въ Твери) или уличнаго (въ Кишиневѣ) громалы. Но теперь, когда вчерашній громалы волной событій вознесенъ на выгрышную позицію выразителя патріотическихъ «энтузіазмовъ» націи,—либерализмъ затрубилъ отступление.

Сила реакціи сказалась въ томъ, что ея лозунги—очень общіе—въ это время отвѣчаютъ великому національному событію—войнѣ. Либерализмъ не нашелъ въ своемъ арсеналѣ ничего равносильнаго, ничего равноцѣннаго.

И не могъ найти. Противопоставить лозунгамъ реакціи можно только одинъ, единственный лозунгъ: Долой войну и ея виновника—абсолютизмъ! Но это лозунгъ—революціонный!

Сдѣлавъ сперва попытку сохранить подъ цѣпурнымъ прикрытіемъ (цѣпюра во многихъ случаяхъ—непроницаемая броня либерализма) вынужденный нейтралитетъ, либерализмъ не устоялъ на этой позиціи подъ высокимъ давленіемъ съ обѣихъ сторонъ. Тогда онъ рѣшилъ (конечно, безъ стговора) подхватить всей грудью лозунгъ, данный реакціей. Появъ,—а понять было не трудно,—что поднятый политическими хулиганами походъ есть злѣйшая, энергичѣйшая, ни передъ чѣмъ не останавливающаяся травля либерализма, либеральное «общество» послѣ минутнаго раздумья бросается впередъ съ дикимъ крикомъ: «держите вора!» И... тонетъ въ общемъ потокѣ. Одновременно оно спасаетъ себя и—предаетъ либерализмъ.

Разумѣется, оно оболыщаетъ себя тѣмъ, что борется съ врагомъ его же оружіемъ. Ему кажется, что, сдѣлавъ—«внѣшнимъ образомъ»—лозунги реакціи лозунгами «общества», болѣе того,—«народа», оно обезвредитъ ихъ, лишитъ ихъ первоначальнаго, т. е. реакціоннаго значенія, и можетъ быть даже перетянетъ ихъ, за неизбѣннѣмъ другихъ, на службу либерализму.

И не только либерализмъ по ою сторону Вержолова, но и либерализмъ «по ту сторону», либерализмъ штутгартскій поднялся до уровня событій. Г. Струве, втеченіе долгаго времени систематически отклонявшійся влѣво, тоже оказался вышибленнымъ налетѣвшею волною въ сѣдла. Онъ снова,—какъ въ своей игрѣ съ славянофилами, пытается дать лозунгъ, «цѣнный своей неопредѣленностью», лозунгъ, который не вѣрзался бы рѣзко диссонирующею нотой въ шумный шовинистическій хоръ.

Рядомъ съ возгласомъ въ честь «свободы» (политической?) г. Струве рекомендуетъ кричать: «Да здравствуетъ армія!» и «Да здравствуетъ Россія!»

Какая армія? Армія ярославскихъ «молодцовъ-фанагорійцевъ», армія влатоустовскихъ убійцъ, армія, топчущая Польшу, армія, закрѣпляющая хищенія на Кавказѣ? Или ему грезится армія, страхнувшая съ себя казарменный идиотизмъ и сходящая ружья революціонной улицы? Но если Струве думаетъ объ этомъ, если онъ вѣрнѣе въ это,—тогда лозунгу: «Да здравствуетъ армія!» долженъ предшествовать лозунгъ «да здравствуетъ революція!» Иначе г. Струве будетъ слишкомъ напоминать іезуита, который, давая ложную клятву, провозносить частицу и е.

«Да здравствуетъ Россія!» Но какая? Россія, наступившая сапогомъ на грудь Финляндіи, Россія штыками пришившая къ себѣ Польшу, Россія, жадно протянувшая руку къ Манджуріи и Корей? Россія—историческая хищница? Или тутъ рѣчь идетъ о той Россіи будущаго, которая признаетъ за каждой націей право на самоопредѣленіе? Если, такъ,—тогда, вмѣсто того, чтобы спекулировать на ложный патріотизмъ, который знаетъ только одну—кровью и желѣзомъ спаянную Россію, необходимо имѣть (а если нѣтъ—добывать) политическую честность и политическую отвагу—выдвинуть другой лозунгъ: «Да здравствуетъ свобода національнаго самоопредѣленія!»

Но нѣтъ,—«въ настоящій трудный моментъ неумѣтны (I) и потому нежелательны (II) другіе болѣе острые и воинствующие лозунги» (Лист. Освоб. стр. 2).

Это «въ настоящій моментъ», когда вопросъ о самодержавіи вынесенъ на улицу самимъ самодержавіемъ—неумѣстны воинствующіе лозунги!

Заигрывая съ военнымъ шовинизмомъ («да здравствуетъ армія!» ибо «армія—вооруженный народъ»), заигрывая съ штатсъ-патріотизмомъ («да здравствуетъ Россія!»), штуттартскій либерализмъ хочетъ направить патріотическій потокъ на колесо либеральной мельницы. Онъ не замѣчаетъ, что у этой мельницы нѣтъ колеса, ибо она... вѣтряная! И патріотическій потокъ несется мимо нея—на мельницу реакціи...

Слишкомъ ясно, слишкомъ очевидно — почему. Такъ какъ армія не есть, какъ думаетъ нелегальный либерализмъ, «вооруженный народъ», но его искусственно дрессированная часть, вооруженная противъ народа; такъ какъ въ международной игрѣ военныхъ силъ одной изъ ставокъ теперь является не честь государства, — какъ говоритъ легальный либерализмъ, — а честь его безчестія, то есть деспотизма; такъ какъ войной затронуты не «національные интересы», но интересы самаго антинаціональнаго учрежденія Россія, того же самаго деспотизма, — то лозунги въ честь Россіи и арміи, хотя бы и перенесенные на страницы либеральныхъ органовъ, останутся вѣрными своей реакціонной природѣ, служатъ мобилизація темныхъ силъ и выполняютъ единственную миссію — развращенія политической совѣсти общества.

Выражая радостную увѣренность въ «нашей» побѣдѣ, — ибо «мы» сильны и богаты—оффиціальное либеральное общество (думы, земства, пресса) твердо знаетъ, что мы бѣдны и слабы. Оно жметъ, оно сожметъ свою ложь и оно не можетъ не понимать, что его по достоинству оцѣнятъ вверху и внизу. Посылая вслухъ патріотическія проклятія Японіи, общество снова жметъ и жметъ цинично, ибо втихомолку оно желаетъ «нашимъ» войскамъ пораженія, и—какъ увидимъ далѣе—не можетъ не желать, такъ какъ именно на этомъ оно строитъ всѣ свои политическіе разсчеты.

Какой урокъ!.. Либерализмъ, который послѣднее время пытался вдохновиться священнымъ огнемъ на вершинахъ метафизики и религіи, какъ будто только ждалъ критическаго момента, чтобы непосредственно съ этихъ высотъ съ головой окунуться въ лужу политическаго предательства. «Умѣренность обязываетъ»,—учило «Освобожденіе»! Теперь мы видимъ, что умѣренность обязываетъ—къ политическому цинизму.

Не внушая большого довѣрія и уваженія къ себѣ со стороны справа, реакціонному вою котораго онъ подражаетъ, выбывая послѣдніе остат-

ки до вѣри изъ сосѣда слѣва, революціонный лозунгъ котораго онъ не въ силахъ поддержать, либерализмъ просто сбрасываетъ себя со счетовъ на весь критическій періодъ. Конечно, онъ выступитъ снова—либо къ моменту новой временной реакціи, если, вопреки всѣмъ вѣроятіямъ, переживаемый нами политическій подъемъ, не найдя исхода и утомившись внутренней работой, снова разобьется на дробныя политическія тренія;—либо только къ моменту окончательнаго подведенія итоговъ... И либерализмъ .силится ускорить наступленіе этого торжественнаго момента своей лицемерной патріотической лояльностью, стараясь облегчить самодержавію душевную драму «сближенія».

Но в сѣ точки зрѣнія голаго «подведенія итоговъ» — либерализмъ беспощадно обворовываетъ свое будущее.

Полтора года тому назадъ Антонъ Старацкій («Освоб.», № 7) совѣтовалъ земскимъ либераламъ «не снѣшить честь свое первородство». Этотъ совѣтъ можно теперь повторить съ удвоенной энергіей. Именно «въ настоящій трудный моментъ», когда такъ туго приходится врагу—мы говоримъ, конечно, объ абсолютизмѣ, а не объ Японіи—ясный и нетрусливый расчетъ долженъ былъ бы заставить либераловъ повысить энергію своего оппозиціоннаго давленія, выдвинуть «болѣе острые» и «болѣе воинственные» лозунги, и уже во всякомъ случаѣ не торопиться съ учетомъ своего первородства... Но они не ждутъ и они не вольны ждать: ихъ неудержимо влечетъ по уклону ихъ собственная тяжесть, а сзади ихъ подгоняетъ мятежная революціонная волна.

Имъ не терпится, и въ этомъ—свидѣтельство того, что либерализмъ разлагается прежде, чѣмъ успѣлъ сложиться. Близорукій и тупой, онъ раздѣлитъ судьбу нѣмецкаго либерализма, основныя черты котораго онъ несетъ въ себѣ.

А эти черты таковы:

«Нѣмецкая буржуазія развивалась такъ хлѣбиво, трусливо и медленно, что въ тотъ моментъ, когда она враждебно противостояла феодализму и абсолютизму, она увидѣла, что ей самой противостоять пролетаріатъ и всѣ фракціи буржуазныхъ классовъ, интересы и идеи которыхъ родственны пролетаріату... Оппозиціонно настроенная къ обонимъ и нерѣшительная по отношенію къ каждому изъ своихъ противниковъ, врозь взятому, потому, что она всегда видѣла—одного впереди, другого позади себя; съ самаго начала склонная къ предательству народа и компромиссу съ коронованнымъ представителемъ стараго общества, потому что она сама уже принадлежала старому обществу... безъ вѣры въ себя, безъ вѣры въ народъ, брюзжа противъ верховъ, дрожа передъ низами, эгоистичная на оба фронта и сознающая свой эгоизмъ... не до-

вѣряющая своимъ собственнымъ лозунгамъ, съ фразами вмѣсто идей, запуганная мировой бурей и ее же эксплуатирующая... пошлая за отсутствіемъ оригинальности и оригинальная въ пошлости—барышничая своимъ собственнымъ желаніемъ, безъ инициативы, безъ вѣры въ себя, безъ вѣры въ народъ, безъ мирового историческаго признанія... безъ глазъ, безъ ушей, безъ зубовъ, безъ всего...» ¹⁾—такую являлась нѣмецкая либеральная буржуазія 1848 года... А «самобытный» духъ нашей исторіи ничего не нашелъ нужнымъ прибавить къ этимъ чертамъ. Изъ нихъ и нужно исходить, уясняя себѣ линію поведенія современнаго русскаго либерализма. Какія перспективы открываются передъ нами? Каждый день политической жизни толкаетъ абсолютизмъ далѣе по его пути, накопляетъ недовольство въ массахъ, такимъ образомъ, заостряетъ противорѣчіе, все болѣе и болѣе уменьшая возможность «мирнаго обновленія» и увеличивая за счетъ этой возможности историческіе шансы революціи,—а вмѣстѣ съ тѣмъ, перенося центръ тяжести съ буржуазной оппозиціи на революціонныя массы, въ первую голову—на городской пролетаріатъ. Отсюда—политическое суевѣріе либерализма, его жадныя надежды на внимательство чего-то третьяго — случая, судьбы...

Является война. Либеральная буржуазія привѣтствуетъ ее какъ Мессію. Война должна взять на себя ту задачу, выполнить которую у оппозиціи нѣтъ энергіи, отказаться отъ которой нѣтъ возможности. Какъ? Тутъ открываются два пути.

Первый путь, это—колоссальный погромъ извѣтъ, повтореніе Севастополя. Крахъ военнаго «могущества» скомпрометируетъ весь правительственный персоналъ, болѣе того—самый режимъ. Неизбѣжное слѣдствіе отсюда—необходимость правительственнаго обновленія, и единственное средство обновленія—обращеніе къ «обществу».

Не исключена возможность другого болѣе «планомѣрнаго» пути. Прийти къ полному внѣшнему разгрому абсолютизмъ можетъ, лишь исчерпавъ всѣ возможности побѣды, а значить—доведя до высшаго напряженія всѣ силы и средства государства. Но максимальная степень такого напряженія—если отвлечься отъ общаго хозяйственнаго положенія страны—опредѣляется объемомъ общихъ интересовъ, связывающихъ правительство съ обществомъ. Взявъ отъ послѣдняго все, что можно было взять и даже сверхъ того, абсолютизмъ, прежде чѣмъ расширить свою голову объ англо-японскій бронированный кулакъ, можетъ попытаться расширить поле соприкосновенія правительствен-

¹⁾ Марксъ, „N. R. Zeit.“.

ныхъ интересовъ съ интересами «общества», то-есть заинтересовать господствующіе классы въ успѣхахъ правительственнаго предпріятія въ цѣломъ, поставивъ его, въ той или другой части, подъ ихъ контроль. На либерально-канцелярскомъ жаргонѣ это значитъ «призвать къ участию въ правительственныхъ трудахъ земскія силы страны». Незачѣмъ, разумѣется, говорить, что такого рода «призывъ» будетъ означать не энергичную ликвидацію пришедшаго къ банкротству государственнаго хозяйства, а лишь внесеніе въ него нѣкоторыхъ коррективовъ.

Но незачѣмъ, пожалуй, и разъяснять, что классъ «съ самаго начала склонный къ предательству народа и къ компромиссу», ни на что большее и не посягаетъ. И онъ не только не пытается отрѣзать современное правительство съ его авантюрой отъ всего общества, наоборотъ, съ дряблымъ пафосомъ говоритъ о «нашей» войнѣ, «нашихъ» успѣхахъ, о «нашемъ» миролюбіи и о вѣроломствѣ «нашего» врага. Буржуазные инстинкты подokaзываютъ оппозиціи необходимость не наносить ударовъ тѣмъ фетишамъ, которые называются «національной честью», «національной славой», «національнымъ дѣломъ», которые играютъ по отношенію къ интересамъ господствующихъ классовъ роль добрыхъ историческихъ гениевъ,—не только при крѣпостническомъ абсолютизмѣ, но и въ самой свободной изъ демократій. Эти націоналистическія иллюзіи, переходящія въ народное сознаніе со страницъ школьных учебниковъ, съ церковной паперти, съ ораторской трибуны, со столбцовъ буржуазной прессы, позволяютъ господствующимъ классамъ поддерживать въ народѣ необходимое духовное равновѣсіе, въ то время какъ фискальный аппаратъ — во имя колониальной политики — тянетъ изъ народа жилы щипцами милитаризма. Остановившаяся сегодня съ лицемернымъ уваженіемъ передъ образами націоналистической миеологии, либеральная буржуазія обнаруживаетъ этимъ, что она не рѣшается плевать въ колодезь, изъ котораго ей еще не разъ придется утолять свою жажду. «Да здравствуетъ Россія» и «да здравствуетъ армія!»

Да, пасуя передъ патріотической вакханаліей, оппозиція обнаруживаетъ не только полицейскій страхъ, она повинуется смутному голосу классоваго инстинкта. Но сознательный голосъ классоваго инстинкта требуетъ отъ нея немедленнаго и активнаго участія въ политическомъ размежеваніи общественныхъ силъ. Это противорѣчіе непримиримо,—оно коренится въ историческомъ положеніи буржуазіи. Практическій выходъ изъ противорѣчія опредѣляется степенью ея политическаго разложенія. Въ данномъ случаѣ степень такъ высока, что

либерализмъ пришелъ къ необходимости самоустраненія... пока
что. Изъ страха передъ силами революціи онъ уступаетъ имъ мѣсто.

Н. Троцкий.

Письма обо всемъ.

(5-го марта 1904 г. № 6)

Двѣ толпы.

Патріотическимъ манифестаціямъ приказано не быть. Полицейскіе регистраторы уровня патріотическихъ чувствъ забыли тревогу. Ихъ охватило опасеніе, какъ бы «патріотизмъ» не перешелъ въ свою противоположность—жизнь послѣднихъ лѣтъ не разъ доставляла имъ такіе «діалектическіе» сюрпризы!—и они приказали «порыву» прекратиться. И, повидимому, въ высшей степени во-время...

За широкую толпу пассивныхъ демонстрантовъ, примыкавшихъ по пути, въ силу законовъ массового сцѣвленія, за эту толпу никакъ нельзя было ручаться. Въ ея «патріотическихъ» крикахъ, поскольку они были, точно спертый воздухъ въ отдушину, выливались ея накипѣвшія по всякимъ и всяческимъ поводамъ чувства. И еслибъ ей былъ брошенъ съ энергіей другой лозунгъ, она подхватила бы и его. Уже слышался несмысленный, но несомнѣнно непатріотическій крикъ: «Соціалія, соединяйтесь!» (въ Таганрогѣ)... Создавались и подхватывались и другіе боевые крики... Опасность нарастала.

Что же касается другой, болѣе «дѣятельной» и активной части демонстрантовъ («все гнусное повылазило изъ своихъ угловъ!» пишетъ объ этой другой части кievскій корреспондентъ),—то ея непринужденное поведеніе прямо и непосредственно требовало полицейскаго «призыва къ порядку».

Почувствовавъ возможность расправитъ руки, эта публика вошла въ азартъ: останавливала извозчиковъ, отаскивала проѣзжихъ, многихъ заставляла обращаться въ общество. Тѣ, которымъ всегда приходится ломать шапку, теперь получили возможность кричать веѣмъ и каждому

«Шапки долой!» Некоторых настигали, сбивали съ нихъ шляпы паками, не падали при этомъ и женщины. Шляпы исчезали нерѣдко съ толпой. Въ порывѣ пьянаго возбужденія вливались въ частныя квартиры и подвергали хозяевъ патріотическимъ испытаніямъ. Врывались въ рестораны и трактиры, пили, ѣли и—не платили. Сплошь да рядомъ, какъ пишетъ московскій корреспондентъ, уносили съ собой изъ ресторановъ—очевидно, на память о патріотическихъ минутахъ—серебряныя ложки. Забирались въ театры во время представлений, заставляли играть и пѣть «Боже, царя храни!» и, уходя, прихватывали съ собой чужія вещи. Киевскій корреспондентъ пишетъ объ исчезновеніи изъ театра Соловцова семидесяти биноклей.. Уносились ридикюли, кошельки... Мирные граждане роптали.

Все это получало слишкомъ скандальный характеръ,—и патріотамъ предложено было вернуться къ обычнымъ занятіямъ. По градоначальническому или губернаторскому мавовенію, приостановилась только что вызванная патріотическая волна, которая въ своемъ «величавомъ» теченіи успѣла унести такое количество ложекъ, биноклей, кошельковъ...

Да, такъ широко затѣяно, такъ торжественно возвыщено, такъ шумно обставлено, столько восторга, столько энтузіазма, столько готовности отдать жизнь и достояніе—и въ результатъ обогащеніе уголовной хроники.

И это не случайность, что на патріотическій посвѣтъ полицейскаго соловья-разбойника откликнулись въ первую голову граждане, готовые приложить руку—по поводу порть-артурской блокады—къ серебрянымъ ложкамъ. Это не случайность,—это точный и категорическій отвѣтъ, данный обществомъ абсолютизму, на вопросъ: какихъ волонтеровъ оно можетъ выдвинуть отъ себя на активно-патріотическія роли? Это отвѣтъ на вопросъ, какіе чувства и истинны могутъ быть пробуждены новинистическими лозунгами въ толпѣ, нарочитыми людьми для нарочитой цѣли созданной.

И сама собой просится на сопоставленіе съ толпой, которую абсолютизмъ на часъ, на недѣлю или на мѣсяць вырываетъ изъ круга нашего вліянія, мысль и чувства которой онъ дразнитъ и разжигаетъ брадающими лозунгами человѣконенавистничества,—другая, совсѣмъ другая толпа—прошлогднихъ южнорусскихъ событій, или та, которую донской комитетъ отрываетъ отъ варварскихъ ощущеній кулачнаго боя и которую онъ электризуетъ огненными лозунгами революціи и свободы. Эта одухотворенная масса приподнимала каждого изъ своихъ членовъ, и онъ самъ себя казался выше цѣлой головой. «Какъ чудно

было смотреть на них! писалъ елисаветградскій корреспондентъ Стройные, съ головами вверхъ, шла они безъ препятствій!» («Искра», № 46).

«Не бойтесь, не бойтесь, — успокаивала перепуганныхъ одесскихъ обывателей толпа, — это вамъ не Кишиневъ, мы совсѣмъ другого хотимъ, среди насъ нѣтъ ни жидовъ, ни русскихъ, мы всё рабочіе....»

«Мы не лавки бьемъ, мы свободы добываемся», говорили участники «антипатріотической» манифестаціи въ Твери (см. корр. въ 62 №).

Великодушная и благородная, какъ всякая масса, которая связала себя невидимыми нитями революціонной солидарности и почувствовала свою коллективную силу, многотысячная толпа не позволяла себѣ выказывать насилие. «Яблочка не тронули!» — восклицаетъ наумленный обыватель торговой улицы.

Не было пьяныхъ, потому что въ такіе дни толпа не пьетъ. Не оскорбляли женщинъ, потому что въ такіе дни толпа не оскорбляетъ.

«Казалось — писать участникамъ событій — что живешь удесятеренной жизнью, все было такъ легко, цѣль такъ ясна и близка, въ сердцѣ столько безконечной отваги и самозабвенья!...»

И эти кіевскіе, екатеринославскіе и бакинскіе демонстранты — пока только демонстранты — связываютъ мысль съ тѣмъ революціоннымъ «народомъ», который умираетъ на уличныхъ баррикадахъ.... который умиралъ на нихъ столько разъ въ разныхъ странахъ Европы со времени 1789 года.

Въ тѣ большіе дни, когда толпа, обычная, сѣрая, продающая и продающаяся, забитая и угнетенная толпа покидала молотокъ и прилавокъ, ради ружья и баррикады, — уличный воздухъ становился чище и яснѣе, грубые и дрянные инстинкты уходили куда-то прочь вмѣстѣ съ мелкими и дрянными заботами, — возвышающій и облагораживающій трепеть охватывалъ все общество до самыхъ его трупобныхъ криковъ. И — замѣчательный фактъ! — чѣмъ выше поднимались волны революціи, тѣмъ меньше было число обычныхъ «преступленій» противъ «нравственности» и «собственности»... Когда революціонный вихрь проносился надъ Европой, полицейскіе нотабли напряженно слѣдили за барометромъ преступности. Къ срединѣ марта 1848 года прусскій министръ усмотрѣлъ тревожный признакъ въ уменьшеніи числа преступленій противъ собственности... Онъ не ошибся: 18 марта въ крови 133 труповъ захлебнулся прусскій абсолютизмъ «божьей милостью». Черезъ мѣсяцъ послѣ берлинскихъ баррикадъ президентъ полиціи объявляетъ публично, что «поведеніе подмастерьевъ и рабочихъ по праву заслуживаетъ всеобщей признательности». Съ прохожихъ не сбиваютъ

палками шляпъ, женщины могли безопасно ходить по улицамъ, и берлинскіе рестораторы могли быть спокойны за свои серебряныя ложки...

Таково нравственное вліаніе «революціоннаго насилія!» Реакціонныя поденщики университетской касседры не разъ пытались опорочить революцію, какъ явленіе, которое своимъ историческимъ смысломъ слишкомъ презрительно третируетъ ихъ грошовыя теорійки мирнаго преуспѣванія и во всемъ благого поспѣванія... Нѣкоторые изъ этихъ ученыхъ людшекъ утверждали, между прочимъ, что въ числѣ 183 убитыхъ было нѣсколько «уголовныхъ преступниковъ», выпущенныхъ незадолго до 18-го марта изъ берлинской тюрьмы, — утверженіе, ничѣмъ не подтвержденное... Но если бы такъ! Пошлые, бездарные фальсификаторы — они не понимаютъ, что чѣмъ больше они свалатся скромпрометировать личный персоналъ баррикадной арміи, тѣмъ выше и выше они возносятся возрождающую силу самой революціи... Жалкіе филистеры, они не понимаютъ объективной морали своего утверженія, которое по ихъ замыслу должно служить клеветой на революцію. Эта мораль ясна. Она гласитъ: смотрите, эти люди, которые въ дни «мирнаго преуспѣванія» ютились въ щеляхъ преступленія и въ труппахъ порока, которые въ дни реакціонной разнузданности оскорбляли бы прохожихъ, влямывались бы въ театры, опустошали бы карманы, — сегодня, когда изъ-подъ земли вырвались огненные языки революціи, нашли лучшимъ умереть на баррикадахъ!..

Ровно 23 года спустя послѣ берлинскихъ баррикалъ, 18 марта 1871 года, революція опять обнаружила свою чудотворную силу. Парижъ, старый, временно потухшій вулканъ, снова выдохнулъ изъ себя волну революціонной лавы... Пролетарская коммуна отшвырнула отъ себя разномастную реакціонную сволочь, красу, гордость и силу Второй Имперіи, — и Парижъ, международный Вавилонъ, обновилъ свою нравственную фізіономію.. Исчезли кутежи, прекратился пьяный развратъ — высшего и низшаго разряда. Ни одного ночного грабежа, почти ни одной кражи. Въ первый разъ со времени февральской революціи 1848 года улицы Парижа стали безопасны, хотя на нихъ не появлялось ни одного полицейскаго. Моргъ пустовалъ — не было самоубійць, не было таинственныхъ, никѣмъ не опознанныхъ труповъ.

«Мы не слышимъ болѣе — говоритъ одинъ изъ членовъ коммуны — ни о грабежахъ, ни о насиліяхъ противъ личности; полиція, какъ кажется, увлекла за собой въ Версаль всѣхъ своихъ консервативныхъ друзей»...

А затѣмъ? Порокъ и преступленіе залили улицы Парижа вмѣстѣ съ побѣдоносными войсками буржуазной реакціи. Воровство вернулось вмѣстѣ съ полиціей. Развратъ и насиліе вздохнули свободно, какъ

только увидѣли, что трехцвѣтное знамя буржуазнаго шовинизма нагло красуется на томъ мѣстѣ, гдѣ часъ тому назадъ гордо развѣвалось красное знамя пролетарской коммуны.

Идеализмъ революціи смѣнился идеализмомъ «реванша»... Война, этотъ «элементъ порядка, установленнаго богомъ», эта школа «мужества и безкорыстія, вѣрности долгу и самоотверженія», по опредѣленію военнаго мисника Мольтке, война, втеченіе десятилѣтій проповѣдуемая со всѣхъ реакціонныхъ кровель, заполнила политическую атмосферу Франціи—и въ этой атмосферѣ выросла панама, выросла дрейфусиада...

На эти большія параллели память толкается сопоставленіемъ преступующей стачечной массы, не трогающей «яблочка», и патриотической толпы, вторгающейся въ жилища и обрасывающей шляпы съ беззащитныхъ женщинъ. И эта не внѣшняя только связь малаго съ большимъ. Потому что волею исторіи мы съ каждымъ днемъ подвигаемся отъ малаго съ большому. Историческій потокъ, въ составъ котораго входятъ и кievская, и ростовская, и бакинская, и тверская стачечная толпа, все ближе и ближе подходитъ къ тому обрыву, за которымъ могучее теченіе превращается въ революціонный водопадъ...

... Пусть же полицейскіе псы зорко слѣдятъ за регистромъ преступленій: когда они замѣтятъ, что въ центрахъ политической жизни, несмотря на возбужденіе улицы, недопускающее правльнаго полицейскаго надзора, число преступленій становится все ниже и ниже, что оно готово склониться къ нулю, тогда—не рискуя ошибиться—они смогутъ сказать себѣ: «Это идетъ революція!»

Н. Троцкий.

Такъ ли мы готовимся?

(15 марта 1904 г., № 62).

Абсолютизмъ задыхается, потому что окружающая его общественная атмосфера находится въ непримиримомъ противорѣчьи съ его собственной природой. Историческое оправданіе абсолютизма заключалось въ томъ, что оно являлось единственной организацией, воплощавшей въ себѣ политическіе интересы страны—интересы самосохраненія и развитія государственнаго организма въ его экономической и политической борьбѣ. Общественное развитіе вырвало изъ-подъ ногъ абсолютизма эту опору, поскольку это развитіе, дифференцируя націю и усложняя отно-

шенія между отдѣльными ея составными частями, создавало новые политическіе интересы, новыя соціальныя потребности. Изъ организатора общества абсолютизмъ превратился въ его дезорганизатора, въ препятствіе всякому дальнѣйшему экономическому и культурному процессу. Съ этого момента абсолютизмъ былъ обреченъ на гибель.

Искусственно создать на одинъ моментъ вокругъ себя ту общественную атмосферу, которая соответствовала бы его исторической природѣ,—значить для абсолютизма продлить свое существованіе.

Въ нынѣшней войнѣ передъ абсолютизмомъ предстала соблазнительная перспектива новаго «героическаго» возрожденія въ роли оберегателя «національныхъ интересовъ», въ роли защитника страны отъ внѣшняго врага.

Надо ловить моментъ, моментъ временнаго искусственно вызваннаго оживленія общественнаго спроса на государственную власть въ ея нынѣшнемъ видѣ. Этотъ моментъ такъ долго ожидался, въ предвкушеніи его такъ много струнъ было натянуто до той степени, когда катастрофа можетъ быть вызвана новымъ легкимъ толчкомъ... Было бы наивно ожидать, что абсолютизмъ не воспользуется временнымъ подъемомъ его акцій на внутреннемъ рынкѣ, для попытки отвоевать хотя-бы нѣкоторыя изъ позицій, отбитыхъ у него въ предыдущіе дни. И не затѣмъ организовывало оно оргіи «патріотизма», чтобы упустить случай взять хотя бы временный реваншъ въ борьбѣ съ внутренними врагами.

Борьба развившихся въ нѣдрахъ современной Россіи общественныхъ силъ логически, неизбежно ведетъ къ такому моменту, когда передъ абсолютизмомъ встанетъ во всей рѣзкости дилемма: или добровольно сойти со сцены, или вызвать эти силы на открытый, беспощадный бой, чтобы, раздавивъ ихъ, попытаться оторочить на неопредѣленное время ликвидацію своей фирмы. Длительная борьба съ революціонными силами истощаетъ все ресурсы абсолютизма. Нѣтъ ничего худшаго для него, какъ привыканіе массы населенія къ самому факту политической борьбы, систематически ведущейся въ странѣ. Все устои режима разлагаются, когда населеніе осваивается съ этимъ фактомъ, стоящимъ въ такомъ рѣзкомъ противорѣчій съ политической системой, отрицающей въ корнѣ политическую самостоятельность общественныхъ силъ. Инстинктъ самосохраненія долженъ толкать абсолютизмъ на попытку однимъ сильнымъ кровопусканіемъ ускорить развязку переживаемой нами революціонной борьбы. И чѣмъ скорѣе—тѣмъ лучше для него, ибо тѣмъ съ меньшимъ рязкомъ для него связана будетъ такая попытка, въ которой оно поста-

вать на одну карту все свое существованіе. Это хорошо понимало наше правительство, когда время отъ времени пытались проводить насъ на быструю ликвидацію нашей «будничной», такъ глубоко подтачивающей абсолютизмъ, работы. Начиная съ военныхъ судовъ въ Варшавѣ осенью 1900 года, продолжая массовой сдачей студентовъ въ солдаты, жестокимъ избіеніемъ демонстрантовъ 1901 года, розгами фонъ-Валя и процессами противъ демонстрантовъ 1902 года и кончая кншиневской бойней и возвращеніемъ къ военному суду въ Таганрогѣ,—не прекращаются попытки форсировать революціонное настроеніе охваченныхъ движеніемъ массъ, чтобы принудить революціонеровъ выйти на открытый бой въ такой моментъ, когда перевѣсъ силъ безусловно на сторонѣ правительства.

Но правительство уже не могло послѣдовательно проводить политику осаднаго положенія со всѣми его выводами. Не могло потому, что за революціонными организаціями, противъ которыхъ непосредственно обращались его удары, стояли густыя колонны революционизирующагося класса, всѣмъ вѣсомъ своей массы сдерживающія политическую экспансивность наиболѣе обстрѣливаемыхъ элементовъ. Безумное предпріятіе Богодѣнова, казалось, увѣнчалось успѣхомъ: Карповичъ и Лаговскій грозили начать новую эру революціоннаго единоборчества, новую эру постепеннаго истощенія революціонной энергіи. Но выстрѣлъ Карповича раздался не въ безвоздушномъ пространствѣ. На него отвѣтило громовое эхо рабочей и разночинной толпы, пробужденной предыдущей социалдемократической агитаціей и только ждавшей сигнала, котораго не рѣшались подать тогдашнія организаціи. Стихийный потокъ увлекъ за толпой ея колебавшихся руководителей—и снесъ—на время—слабые ростки новаго терроризма. Ледъ былъ сломанъ—на «политику» предъявила спросъ широкія народныя массы, и передъ правительствомъ, вызывавшемъ на отчаянный, короткий бой тысячи революціонныхъ студентовъ, оказались десятки тысячъ готовыхъ къ систематической наступательной войнѣ рядовыхъ борцовъ, за которыми прозрачное полицейское око не могло не видѣть быстро формирующіеся новые и новые легионы. Правительство отступило, и репрессія вернулась къ обычнымъ «будничнымъ» формамъ, къ которымъ такъ недурно приспособилась разрушительная работа русской революціи.

Новые акты «сверхсмѣтной» провокаціи вызвали черезъ годъ покушеніе Балмашова, Лекерта и Качура. Нервное настроеніе охватило значительные революціонные круги, и на этотъ разъ, казалось, грозило подчинить себѣ всю боевую тактику революціонной арміи.

«Терроръ» и «вооруженная оборона» грозили увлечь всю революціонную молодежь. Но социалдемократія, идѣя за собою годъ массовыхъ проявленій политической борьбы, могла противопоставить «новымъ» увлеченіямъ внушительную силу своего вліянія. Чего не сдѣлала критика литераторовъ, то было додѣлано практикой элементарнаго массоваго движенія. Ростовскіе митинги съ ихъ десятитысячными толпами «призвали къ порядку» рвавшихся отъ массъ революціонеровъ. Началась эра дѣйствительно-массовой, хотя и очень еще раздробленной, антиабсолютистской агитаціи, началась болѣе широкая работа по организаціи самихъ «профессіонально-революціонныхъ» элементовъ. Новая «террористическая» полоса прошла, не задѣвъ нашихъ формирующихся кадровъ. Ростовская демонстрація 2 марта и июльская всеобщая стачка наградили социалдемократію за вѣрность принципамъ той тактики, которая создала ея силу и вывела страну изъ состоянія политической дремоты.

Ростовскіе ноябрьскіе дни нанесли сильный ударъ не только «красному», но и «бѣлому» террору. У правительства хватили силы и «мужества», чтобы задушить въ казематахъ двухъ смѣлыхъ юношей, чтобы варварскими мѣрами задавить демонстраціи малочисленныхъ передовыхъ отрядовъ—хотя бы они и были вооружены и готовы биться на жизнь и смерть; но оно снова и снова опускало руки передъ лицомъ новыхъ, поднятыхъ революціоннымъ плугомъ, пластовъ народной массы. Чтобы преодолѣть все противодѣйствіе, оказываемое его провокаціи энергіей опирающейся на массы революціонной силы, ему нужно было прежде всего создать вокругъ себя хотя бы какую-нибудь сочувственную атмосферу. Наступила пора усиленнаго «хожденія въ народъ» подъ руководствомъ Шаевича и барона Левендаля. Новая неудача! На клишиевскую бойню рабочія массы отвѣтили всеобщей стачкой, смывшей жалкое заданіе зубатовщины и обезцвѣнившей въ глазахъ правительства дорогіе эксперименты Вареломеевской ночи. И послѣ всѣхъ этихъ судорожныхъ попытокъ правительство снова стоитъ передъ неуловимой, неистребимой—ибо не могущей быть въ любой моментъ насильственно выведенной на открытое поле—революціонной силой, самымъ фактомъ своего существованія подтачивающей существованіе абсолютизма. Революціонная агитація стала уже своего рода стихійной силой, которая—даже при отсутствіи всякаго руководства—долго еще продолжала бы свое разрушительное дѣйствіе.

И вотъ теперь, когда правительство, кромѣ своихъ открытыхъ враговъ, видитъ передъ собой не однихъ только равнодушныхъ, когда

ряды его «умѣренныхъ» противниковъ порѣдѣли, а вчерашніе бандиты Кишинева, худо-ли, хорошо-ли, собрали вокругъ себя кое-какіе патристическіе кадры, — теперь правительство можетъ возобновить попытку посчитаться разъ навсегда съ современнымъ революціоннымъ движеніемъ и, въ первую голову, съ партіей пролетаріата. Оно не можетъ развернуть всѣхъ своихъ силъ въ борьбѣ съ вышнимъ врагомъ, которая стала для него борьбой за его существованіе, не задавивъ у себя дома подрывающаго его мощь, его престижъ, его кредитъ, революціоннаго движенія. Оно захочетъ воспользоваться и стихійной паникой, которую вызоветъ рядъ пораженій, и стихійнымъ подъемомъ шовинизма, который удастся ему вызвать на-время, если русской арміи достанутся тѣ или иные побѣдные лавры. Воспользоваться, — чтобы всѣми жестокостями, которыя можно совершать подъ прикрытіемъ «военнаго положенія», затопить въ морѣ крови наше движеніе. Всякое политическое проявленіе нашей партіи будетъ настойчиво толкать его на такую попытку, для повторенія которой исторія ему уже не предоставитъ болѣе благоприятныхъ условій. И въ то же время эта новая попытка будетъ носить азартный характеръ, ибо она будетъ совершаться въ такой моментъ, когда все населеніе пробудилось къ интересамъ «политикъ», когда при сколько-нибудь широкомъ развитіи открытой борьбы между реакціей и революціей не будетъ равнодушныхъ, не будетъ стоящихъ внѣ того или другого лагеря; въ такой моментъ, когда какой-нибудь маленькій пробѣлъ въ расчетѣ (а правительство показало уже, какъ мало оно способно расчитывать) переброситъ въ ряды его враговъ многія тысячи новыхъ адептовъ. Иначе говоря, правительство должно будетъ вызвать насъ на рѣшительный бой при условіяхъ, которыя могутъ оказаться для насъ, для дѣла революціи, самыми благоприятными. Могутъ оказаться постольку, поскольку мы окажемся способными овладѣть событіями, умѣло лавируя между Сциллой нерѣшительности и Харибдой политической нервозности, поскольку мы съумѣемъ—въ тѣхъ рамкахъ, въ какихъ, вообще, это возможно—заставить врага принять генеральное сраженіе тамъ и тогда, гдѣ и когда это для насъ удобнѣе.

Правительство въ опредѣленный моментъ попытается обрушиться на насъ со всей силой своей власти и раздавить рядомъ террористическихъ набѣговъ. Тѣмъ легче это будетъ для него, чѣмъ плотнѣе будетъ его облекать атмосфера шовинистическаго сочувствія, чѣмъ крѣпче окажется толща обывательскаго индифферентизма, отдѣляющаго міръ реакціи отъ міра революціи. Первой задачей нашей, стало быть,

является усиленная работа разрушенія этой толщи, работа, которая всячески затрудняла бы уплотненіе шовинистической атмосферы. Чѣмъ успѣшнѣе поведемъ мы эту работу, чѣмъ шире, разностороннѣе и революционнѣе развернемъ мы свою агитацію, чѣмъ революционнѣе, т. е. чѣмъ болѣе послѣдовательно социалистическимъ будетъ содержаніе этой агитаціи,—тѣмъ затруднительнѣе будетъ образованіе такой реакціонной атмосферы, которая сдѣлала бы для правительства психологически и физически мыслимымъ переходъ въ открытое наступленіе. Первой, поэтому, обязанностью всѣхъ партійныхъ работниковъ является самое энергичное развитіе всѣхъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи средствъ агитаціи и пропаганды, а, слѣдовательно, и всѣхъ доступныхъ намъ методовъ организаціи пролетарскихъ силъ. Громадный вредъ былъ бы нанесенъ нашему дѣлу, еслибы въ этотъ именно моментъ мы не сумѣли, благодаря той или иной предвзятой идеѣ, опѣнить и использовать всѣ моменты агитаціи. Большимъ промахомъ, напр., было бы игнорированіе значительно умножаемыхъ «военнымъ положеніемъ» поводовъ для агитаціи на почвѣ непосредственныхъ столкновеній отдѣльныхъ группъ рабочихъ съ капиталистами. Отовсюду идутъ вѣсти объ обострающемся, подъ влияніемъ войны, промышленномъ кризисѣ, о растущемъ недовольствѣ самыхъ отсталыхъ рабочихъ массъ. И въ то же время мы получаемъ все больше свѣдѣній, позволяющихъ заключить, что въ глазахъ многихъ товарищей этотъ видъ нашей агитаціи представляется «еретическимъ» пережиткомъ временъ «экономизма». Такъ, два члена николаевскаго комитета въ своемъ особомъ мнѣніи къ резолюціи своего комитета готовы, повидимому, усмотрѣть «возвращеніе къ идеямъ Credo» въ сдѣланномъ имъ Г. В. Плехановымъ напомнаніи, что голое отрицаніе «экономической» борьбы такъ же мало приличествуетъ социалдемократу, какъ и самый «экономизмъ»... А одесскіе товарищи, какъ намъ пишутъ, отказываютъ рабочимъ отдѣльныхъ профессій въ выпускѣ «спеціальныхъ» листовъ къ данному цеху на томъ основаніи, что это было-бы «экономизмомъ». Мы еще разъ обращаемъ вниманіе всѣхъ товарищей на необходимость борьбы со всѣми подобными увлеченіями.

Чѣмъ больше мы успѣемъ въ дѣлѣ умѣлой и принципиально-выдержанной агитаціи, тѣмъ легче будетъ наша задача въ тотъ моментъ «начала конца» абсолютизма, который можетъ наступить скорѣе, чѣмъ воѣ мы думаемъ. Мы обязаны напречъ всѣ свои силы, чтобы къ наступленію этого момента наша агитація проложила пути во всѣ слои начинающей пробуждаться народной массы, чтобы нами были завязаны крѣпкія организаціонныя связи со всѣми революціонными элементами

пролетариата и смежных съ нимъ и способныхъ поддаться его воздействию классовъ. Для достиженія этой цѣли, намъ нужно соблюдать величайшую экономію въ тратѣ нашихъ силъ, намъ нужно научиться, наконецъ, утилизировать всѣ имѣющіяся въ нашихъ рукахъ средства. Всякая «расточительность» въ этомъ отношеніи, готовность, во имя того или иного чисто-формальнаго организаціоннаго принципа, легко разрушить то, что, несмотря на всѣ наши великія прегрѣшенія, намъ удалось создать въ дѣлѣ партійной организаціи, всякая легкомысленная игра въ новые «расколы»—являются, при данныхъ обстоятельствахъ, вопіющимъ проявленіемъ революціонной незрѣлости, прямымъ преступленіемъ передъ партией. Всякія попытки подавленія—во имя такихъ же формальныхъ принциповъ—свободной коллективной инициативы въ главномъ нашемъ дѣлѣ революціонизированія рабочихъ массъ и организаціи ихъ авангарда являются въ данный критическій моментъ особенно вредными. Всякое стремленіе добиться однородности и отсутствія всякихъ «разногласій» внутри организаціи путемъ систематическаго «отсѣченія» несогласно мыслящихъ или ихъ приведенія къ тому знаменателю, при которомъ они «липились бы возможности» кого-то «подсидживать», иначе говоря, путемъ постоянного дробленія организованныхъ силъ, повело бы къ полному обесиленію нашей партіи, къ полной потери ею способности явиться дѣятельнымъ, ужьлымъ и серьезнымъ руководителемъ массъ.

И для чего могли бы понадобиться такіе методы партійной политики? Для огражденія «строго ортодоксальнаго» характера нашей партіи? Но всякій, неослѣпленный упорнымъ созерцаемъ одной свѣтящейся точки и не оглушенный трескомъ лишенныхъ всякаго содержанія формулъ, долженъ бы давно уже понять, какъ мало гарантій «ортодоксальности» можетъ дать эта безжизненная, хотя и очень «твердая» система. Подъ «знакомъ» вполне ортодоксальной программы въ нашей партіи начинаютъ развиваться элементы, которые, несмотря на усвоенную ими революціонную фразеологию или благодаря именно ей, грозятъ положить начало новому виду вульгаризаціи социализма, доходящей до утраты всякаго социалистическаго содержанія. Главной гарантій «ортодоксальности» нашей партіи должно служить восторженнее революціонное развитіе нашей политической практики, нашей работы пропаганды, агитаціи и организаціи. Только упражняя свои силы во все развивающейся политической дѣятельности, организующей и углубляющей классовую борьбу, наша, по необходимости, «заговорщическая» по формѣ организація можетъ успѣшно противоборствовать тѣмъ стихійнымъ факторамъ, которые, замыкая ее въ подпольѣ круж-

ковщины, стремятся превратить самое жизненное теоретическое мировоззрѣніе ея членовъ въ сухую абстракцію, виѣшнимъ образомъ припильенную къ политической психологій вульгарно-соціалистическаго пошиба. И все, что задерживаетъ развитіе такой политической дѣятельности, все, что мѣшаетъ концентраціи всѣхъ, накопленныхъ прошлымъ нашей партіи, силъ на дѣлѣ активной агитаціи и организаціи,—тѣмъ самымъ подтачиваетъ ту самую «ортодоксальность» нашего движенія, ради прекрасныхъ глазъ которой примѣняются эти методы. И если, вѣроятно, только крайней непродуманностью подсказаны заключительныя строки одной изъ первыхъ прокламацій нашего центрального комитета («Ко всѣмъ гражданамъ», январь 1904 г.), обѣщающаго, что «.... передъ алтаремъ народной свободы почтительно склонить свое боевое красное знамя единая рос. соц.-дем. раб. партія»,—то, можно опасаться, что слишкомъ усердное примѣненіе оперативныхъ методовъ обереганія нашей «ортодоксальности» обезсилятъ нашу партію до того, что она и впрямь вынуждена будетъ «почтительно» опустить передъ буржуазной свободой свое знамя тогда именно, когда получить возможность развернуть его передъ всей страной!

Думаютъ еще, что «централизація» въ той специфической формѣ, которая требуетъ, чтобы въ партіи не было «постоянныхъ, устойчивыхъ различныхъ теченій», не было «опредѣленнаго дѣленія на соперничающія большинство и меньшинство» (какъ требуютъ представители трехъ уральскихъ комитетовъ),—думаютъ, что [такая самобытная централизація спеціально нужна для дѣла выработки «строго законспирированной» организаціи, которая могла бы «подготовить все-россійское выступленіе». Но если методы созданія такой организаціи сами въ себѣ таятъ опасность пренебреженія живымъ дѣломъ агитаціи въ массахъ и организаціи массъ и, тѣмъ самымъ, атрофируютъ политическія способности самихъ руководителей, то не менѣе того они грозятъ замѣнить тотъ «естественный отборъ» конспиративно-революціонныхъ способностей, который дается, худо-ли, хорошо-ли, живымъ соревнованіемъ равноправныхъ и равноактивныхъ товарищей, «искусственнымъ» отборомъ, не всегда совершаемымъ успѣшно и умѣло. Товарищи хорошо знаютъ, что—по ироніи судьбы—съ того времени, какъ мы начали «вплотную» заниматься «выработкой строго конспиративной организаціи», нѣкоторыя важныя технико-конспиративныя функціи нашей партійной работы стали выполняться изъ рукъ вонъ плохо. И разумѣется, такая искусственно «подобранная» организація, оказавшаяся не въ состояніи справиться съ обыденными задачами

конспиративной техники, едва ли сможет воспитаться для такой «экстренной» задачи, какъ «подготовка всероссійскаго выступления».

Да и о какой «подготовкѣ выступления» вообще можетъ идти рѣчь у нашей партіи? Съ прискорбіемъ приходится констатировать, что среди нашихъ товарищей начинаетъ замѣтно проявляться чисто утопическое воззрѣніе на этотъ вопросъ, грозящее очень далеко отвести ихъ отъ русла классовой борьбы пролетаріата. Говорятъ о «подготовкѣ возстанія» въ смыслѣ прямого заговора, сфабрикованнаго «строга конспиративной организаціей» такъ, какъ, примѣрно, фабриковали къ нѣкогда французскіе революціонеры 40-хъ и 60-хъ годовъ прошлаго вѣка. Чѣмъ больше суживается въ сознаніи иныхъ товарищей представленіе о текущихъ политическихъ задачахъ нашей партіи, чѣмъ больше они проявляютъ на практикѣ склонность пассивно мириться съ бѣдностью и несовершенствомъ нашей ежедневной работы, и ея поразительной,—ничуть не меньшей, чѣмъ во времена экономизма,—отсталостью по сравненію съ требованіями, которые предъявляются стихійно поднимающимися массами,—тѣмъ усиленнѣе обращаются ихъ помыслы къ той свѣтащейся точкѣ, которая представляется имъ въ видѣ сфабрикованнаго въ подпольѣ «строга конспиративной организаціи» и по приказу «властнаго центра» приведеннаго въ дѣйствіе выступления. Между убожествомъ нынѣшняго дня и этой свѣтащейся вдали точкой не перекинуть мостъ реально представляемой и реально осуществляемой во все болѣе широкомъ масштабѣ политической работы. Сегодня, завтра и послѣзавтра одно «закрѣпленіе» однихъ и тѣхъ же результатовъ, достигнутыхъ неизбежной въ свое время борьбой—закрѣпленіе путемъ все новыхъ «раскодовъ», путемъ постоянной отсрочки въ выполненіи самыхъ неотложныхъ работъ, а тамъ—когда-то—откуда то появится изъ одного куска вылитая «строга конспиративная организація», которая «вдругъ» поведетъ на штурмъ въ назначенный день и часъ массы пролетаріевъ. И вы не думаете, что—еслибы такое чудо и совершалось—къ этому моменту между «конспиративнымъ ядромъ» и этими массами не окажется никакихъ промежуточныхъ звеньевъ, черезъ которыя передавалась бы имъ энергія революціоннаго призыва? Что въ такого рода «строга законспирированной» организаціи не окажется ни достаточно свѣтлыхъ политическихъ головъ, ни достаточно крѣпкихъ рукъ, чтобы она могла выступить въ роли дѣйствительнаго народнаго вождя?

Соціалдемократія можетъ «подготавливать выступленіе» только въ одномъ смыслѣ: готова свои собственныя силы къ возможному моменту выступленія массъ. Техническая сторона такой под-

готовки, какъ она ни важна, должна быть рѣшительно подчинена политической сторонѣ этого дѣла. А политическая подготовка нашей партіи и всего сознательнаго пролетаріата къ вполне возможному выступленію должна заключаться опять таки въ углубленіи и расширеніи агитаціи, въ упроченіи и развитіи организаціи всѣхъ революціонныхъ элементовъ пролетаріата. Только такая работа будетъ развивать насъ, какъ политическую партію, и тѣмъ самымъ укрѣплять наше вліяніе на народныя массы и повышать наше революціонное самочувствіе, какое необходимо для сознательной и рѣшительной постановки новыхъ и новыхъ, все болѣе смѣлыхъ и рискованныхъ практическихъ задачъ. Всѣ вопросы о формахъ организаціи, о методахъ объединенія и координированіи нашей текущей работы должны разрѣшаться такъ, чтобы ни на минуту не задерживалось развитіе этой политической, въ полномъ смыслѣ слова, дѣятельности партіи. Политическая организація, которая передъ лицомъ уже наступившихъ грозныхъ событій сосредоточилась бы на тщательномъ продѣлываніи комаровъ сквозь сито своей, якобы «ордоксальной», нетерпимости, попала бы въ самое смѣшное положеніе. Революционеры, думающіе о подготовкѣ возстанія и начинающіи съ «подготовки» раскола между связанными единствомъ программы частями партіи, оказались бы просто революціонными фразерами. Въмѣсто того, чтобы, какъ это дѣлаютъ выше цитированные уральскіе товарищи, думать о подготовкѣ для пролетаріата якобы нужныхъ ему на случай выступленія «диктаторовъ», надо начать проявлять себя въ роли самостоятельныхъ и отвѣтственныхъ политическихъ дѣятелей. Масса агитаціонныхъ и организаціонныхъ задачъ стоитъ передъ нами, и безъ успѣшнаго выполненія этихъ задачъ мы, какъ бы мы ни «централизовали» себя въ своемъ собственномъ представленіи, не окажемся способны даже замѣтить наступленіе рѣшительнаго момента въ борьбѣ съ абсолютизмомъ, не то что овладѣть имъ. Эта масса задачъ можетъ быть выполнена только при тѣсномъ сплоченіи всѣхъ социалдемократическихъ силъ. Такое сплоченіе можетъ быть достигнуто только добровольнымъ сотрудничествомъ во всѣхъ партійныхъ организаціяхъ представителей различныхъ «оттѣнковъ» одной и той же революціонной социалдемократіи. Политическое руководство этой дружной работой достанется только тѣмъ дѣятелямъ, которые проявятъ больше всего таланта, больше всего такта, больше всего энергіи въ дѣлѣ организаціи классовой борьбы, въ дѣлѣ объединенія и систематизированія ведущейся по всей площади движенія революціонной агитаціи.

Л. Мартковъ.

Грядущій кризисъ.

(1-го апрѣля 1904 года, № 63).

Еще не улеглись грозныя волины кризиса, охватившаго русскую промышленность за послѣдніе четыре года, какъ уже докоснется вѣтви о ковомъ уклоненіи экономического застоя. Если продолжительный кризисъ, угнетавшій всю хозяйственную жизнь до сихъ поръ, былъ проявленіемъ глубочайшихъ противорѣчій капиталистическаго способа производства, противорѣчій между быстрымъ развитіемъ производительныхъ силъ и тѣсными рамками буржуазныхъ отношеній собственности, скользящихъ это развитіе, то нынѣшнее обостреніе застоя является непосредственнымъ слѣдствіемъ войны. Всего два мѣсяца прошло со времени объявленія войны, а уже могучіе удары ея болѣзненно отзываются на всемъ хозяйственномъ организмѣ страны, и прежде всего, конечно, на тѣхъ «бѣлыхъ рабахъ», на плечи которыхъ въ конечномъ счетѣ перелажаются всѣ бѣдствія, всѣ лишения, всѣ язвы современнаго общества.

Незачѣмъ, конечно, говорить о Сибири, весь торгово-промышленный оборотъ которой въ корни подорванъ войной. Призывъ запасныхъ, оторвавшій отъ обычной трудовой жизни цвѣтъ населенія, конская мобилизація, лишившая крестьянина рабочаго скота, необходимаго для работы и подвоза продуктовъ въ города, и, наконецъ, полное прекращеніе движенія грузовъ по желѣзной дорогѣ, уже успѣвшіе наложить свою печать на весь укладъ хозяйственной жизни Сибири,—все это не могло не сказаться въ рядѣ банкротствъ, дороговизнѣ предметовъ первой необходимости, безработицѣ. Еще большими бѣдствіями грозитъ созданное войною положеніе въ будущемъ. Недостатокъ рабочаго скота съ одной стороны, прекращеніе подвоза сельскохозяйственныхъ машинъ, съ поразительной быстротой начавшихъ было входить въ обиходъ земледѣльческаго хозяйства Сибири, съ другой—должны до крайности затруднить какъ обработку и обсеменение полей, такъ и сборъ хлѣбныхъ и травъ. Нѣтъ сомнѣнія, что война дастъ сильнѣйшій толчокъ тому раслоенію сибирскаго крестьянства на зажиточную буржуазію и сельскій пролетаріатъ, которое уже не со вчерашняго дня началось и значительно усилилось съ проведеніемъ желѣзной дороги и ростомъ денежнаго хозяйства. Обостреніе этого процесса подъ влияніемъ войны отзовется острыми лишениями, быстрымъ разореніемъ для массы сельскаго населенія Сибири.

Но не одну Сибирью ограничались вызванныя войною бѣдствія. Потрясеніе кредита, остановка торговли съ Дальнимъ Востокомъ, общая неувѣренность въ завтрашней днѣ, мѣшающая заключенію всякихъ долгосрочныхъ сдѣлокъ, усиленное навязываніе бумажныхъ денегъ, внушающее законное опасеніе за судьбу золотой валюты,—все это вызвало застой въ торговыхъ оборотахъ, раньше всего сказавшійся въ крупныхъ торговыхъ центрахъ: изъ Одессы, Риги, Кіева, Варшавы, Лодви, Тифлиса, Баку—отовсюду сообщаютъ о прекращеніи платежей торговыми фирмами, о сокращеніи экспорта, о застой во всѣхъ дѣлахъ. Такія же вѣсти идутъ и изъ Петербурга, гдѣ особенно отмѣчается почти полное отсутствіе иностранныхъ комми-воажеровъ, обыкновенно въ это именно время переполнявшихъ всѣ петербургскія гостиницы. Область застоя какъ бы кольцомъ охватила всю Россію и все ближе и ближе подвигается къ ея центру.

Застой въ торговлѣ немедленно же отразился безработицей прежде всего въ цѣломъ рядѣ мелкихъ промысловъ—портняжномъ, столярномъ, слесарномъ и пр. Строительныя работы также почти прекратились, и десятки тысячъ рабочихъ и работницъ выброшены на улицу и подвергнуты всѣмъ ужасамъ безвыходной нищеты. Съ мелкихъ промысловъ безработица перекинулась уже и на крупныя производства. Уменьшается вывозъ керосина на востокъ, закрываются ящичные заводы въ Баку; грозятъ «сокращеніемъ рабочаго времени и вознагражденія» («Курьеръ» № 38), т. е., попросту говоря, безработицей и пониженіемъ заработной платы на варшавскихъ фабрикахъ; «почти на половину» сокращаютъ производство лодзинскіе фабриканты (Нов.); «цѣлый рядъ фабрикъ и мастерскихъ прекратили уже работу» въ Одессѣ (ирокл. одес. ком. «Война и рабочіе»); въ Ригѣ «на многихъ фабрикахъ, за недостаткомъ работы, распушено много рабочаихъ, на другихъ же работаютъ всего нѣсколько дней въ недѣлю» (Новости № 71); поколебались уже и московскія фабрики (см. корр. изъ Вильны въ № 63).

А вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшительно всюду алчные спекулянты бѣлой и черной кости создаютъ себѣ богатства на бѣдствіяхъ народа. «Благородное» дворянство и «именитое» купечество, жертвуя одной рукой «патріотическую» дань на алтарь отечества, другою тщательно запираютъ въ амбарахъ запасы хлѣба и другихъ жизненныхъ продуктовъ, рассчитывая на повышение цѣнъ, на выгодныя поставки и подряды, на наживу на счетъ тѣхъ самыхъ «героевъ», которыхъ не устаютъ прославлять лицемѣрно-крикливыя уста. Для сахарозаводчиковъ, даже ихъ собственныя «патріотическія» пожертвованія, и безъ того сба-

введенными ростовщическими условиями («Искра» № 61), служить предлогом повысить цены на сахаръ «въ виду сокращенія запаса» (Од. Новости № 6245). Проявившееся кое-гдѣ стремленіе правительства нормировать цены полицейскими указами, разумѣется, немногимъ поможетъ дѣлу.

И одновременно съ пониженіемъ заработковъ, съ полной безработицей идетъ быстрое повышение ценъ на хлѣбъ, мясо, овощи, дрова, сахаръ и пр. и пр. Голодь стучится въ двери рабочаго народа, того самаго народа, именемъ котораго прикрываются завоевательныя авантюры. Кризисъ, вызванный войною, только начинается, а мы уже слышимъ о тифѣ въ рабочихъ кварталахъ Одессы, о «сильномъ развитіи проституціи», объ «увеличеніи грабежей, кражъ и убійствъ» въ Прибалтійскомъ краѣ и другихъ мѣстностяхъ. Тифъ—это послѣдній даръ «отечества» работнику, выматывающему изъ себя всѣ силы, пока капиталъ находилъ въ томъ свою выгоду. Проституція—это послѣдній удѣлъ работницы, которая даже за грошевую плату не находитъ покупателей на свои трудовыя руки и можетъ избѣжать голодной смерти, лишь отдавъ на поруганіе денежному мѣшку свое тѣло и свою душу. Грабежи, кражи и убійства—это послѣднее средство, къ которому прибѣгаетъ доведенный до отчаянія пролетарій, не захваченный еще облагораживающимъ потокомъ классовой борьбы; это месть за всѣ лишеныя, за голодающую семью, за униженія, за вѣковой гнетъ, за нечѣстество, которое служитъ въ рукахъ капиталистическаго общества орудіемъ, задерживающимъ развитіе классоваго сознанія въ его паряхъ.

Но, конечно, этими примитивными формами непосредственнаго протеста и самообороны дѣло не ограничится. И не только потому, что сознательность, сплоченность, политическая воспитанность русскаго рабочаго класса слишкомъ далеко поднянулись впередъ, но и потому что бѣдствія кризиса охватываютъ уже, и еще больше охватятъ въ недалекомъ будущемъ, слишкомъ большую массу рабочаго народа, а протестъ массы никакъ не можетъ уложиться въ тѣсныя рамки «своихъ средствъ», дающихъ тотъ или иной исходъ накопившему чувству отчужденныхъ лицъ. Распространеніе же застоя на всю экономическую жизнь страны почти несомнѣнно. Слишкомъ тѣсными узами связаны другъ съ другомъ всѣ отрасли производства въ капиталистическомъ обществѣ, чтобы возможна была локализція кризиса. И временный подъемъ производства въ сферахъ, непосредственно обслуживающихъ военныя потребности, мало что можетъ измѣнить въ общей картинѣ положенія дѣлъ. Къ тому же, русскіе заводы слишкомъ неприспособ-

лены къ производству многихъ предметовъ военнаго потребленія, чтобы быть въ состояніи исполнять заказы въ требуемый срокъ, и въ газетахъ проскользнуло уже извѣстіе, что—въ виду отказа русскихъ заводчиковъ—военное министерство вынуждено обращаться съ заказами за границу. Внезапная пріостановка желѣзнодорожнаго строительства, затрудненія въ транспортѣ, ожидаемое повышеніе всевозможныхъ пошлинъ и налоговъ, грозящій переходъ къ бумажной валютѣ—все это еще болѣе усилитъ кризисъ и расширитъ область его распространенія. Прекращеніе или же затрудненіе подвоза американскаго хлопка, весьма возможное при современномъ положеніи международныхъ дѣлъ, грозило бы такимъ промышленнымъ крахомъ, такими неслыханными бѣдствіями для пролетаріата, какихъ еще не знала капиталистическая Россія.

Широкій разливъ безработицы и огромный подъемъ недовольства и протеста рабочей массы стоятъ на очереди. И вмѣстѣ съ тѣмъ, передъ социалдемократіей, передъ сознательнымъ авангардомъ рабочаго класса—наряду съ усиленной пропагандой социалистическихъ идей, для которой создается такая благодарная почва той обнаженностью, съ какой выступаютъ въ кризисѣ непримиримыя противорѣчія капиталистическаго общества—встаетъ неотложная задача овладѣть этимъ стихійнымъ движеніемъ протеста, подчинить его своему руководству, направить въ русло классовой политики пролетаріата.

Социалдемократія должна помочь пролетаріату политически ориентироваться, отдѣлать себя отъ соприкасающихся съ нимъ элементовъ и уяснить себѣ антагонистическую игру интересовъ современнаго русскаго общества. Въ какую форму выльется стихійный взрывъ—почти не зависитъ отъ насъ. И потому было бы чистымъ безуміемъ, если бы мы вздумали приурочить всю нашу организаціонную и агитаціонную дѣятельность лишь къ одной изъ возможныхъ формъ массоваго протеста. Все, что мы—по состоянію нашихъ силъ—можемъ сдѣлать въ этомъ направленіи, это употребить всѣ усилія, чтобы разъяснить рабочему классу невозможность рассчитывать въ эпоху кризиса на стачку, какъ на орудіе завоеванія непосредственныхъ матеріальныхъ выгодъ, съ одной стороны, и указать на опасность изолированныхъ, малочисленныхъ, не руководимыхъ ясно сознанной цѣлью насильственныхъ взрывовъ, съ другой; такіе взрывы въ атмосферѣ осядлагаго положенія послужили бы только въ рукахъ правительства средствомъ—рядомъ кровопусканій ослабить рабочій классъ къ моменту рѣшительной битвы.

Конечно, эти задачи наши, какъ онѣ ни малы относительно, все же достаточно велики и важны, чтобы социал-демократія отнеслась къ

нимъ съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ. Онѣ же будутъ неоднократно вставать передъ нами въ самомъ ходѣ стихійнаго движенія; и поскольку для насъ вообще возможно внести въ этотъ массовый потокъ элементы организаціи в подготовленности, постольку мы обязаны сдѣлать это, хотя бы цѣною напряженія всѣхъ нашихъ силъ. Но было бы крупной ошибкой преувеличивать доступную намъ мѣру воздѣйствія въ этомъ направленіи и закрывать глаза на то, что въ значительной степени стихійной будетъ та форма, въ которую воплотится нарастающая неудовлетворительность и недовольство рабочихъ массъ, и что съ этой стихійной формой—будь то всеобщая стачка, не ставящая себѣ никакихъ опредѣленныхъ экономическихъ цѣлей, массовыя манифестаціи безработнаго и голодающаго народа на улицахъ городовъ, попытки силою подчинить своимъ интересамъ административную и хозяйственную машину, или наконецъ, постепенный переходъ отъ стачки черезъ демонстраціи къ возстанію—намъ придется считаться, какъ съ данною. Было бы въ высшей степени опасно, еслибы мы, полагаясь на возможность для насъ непосредственнаго организаціоннаго руководства всей многомилліонной массой пролетаріата, не оцѣнили бы въ полной мѣрѣ первостепенную важность укрѣпленія элементовъ нашего политическаго руководства рабочимъ классомъ, и позабыли бы, что если первое и допускаетъ еще при извѣстныхъ условіяхъ концентрированіе всей социалдемократической сознательности и политическаго умѣнья въ кружкѣ руководителей движенія, «вождей» его, то второе настоятельно требуетъ развитія этой сознательности и этого умѣнья въ непрерывно расширяющіеся слои пролетаріата. Только при такомъ условіи и становится возможнымъ дѣйствительное политическое руководство, когда лозунги, исходящіе изъ верхушки партіи и основанные на тщательномъ и продуманномъ изученіи политической жизни, встрѣчаютъ растущую волну пониманія съ низовъ рабочей массы; и только при такомъ условіи возможны и сколько-нибудь прочныя организаціонныя связи наши съ массой.

Потому-то тѣ немногіе дни, которые еще отдѣляютъ насъ отъ открытаго проявленія пролетарскаго протеста, подъ напоромъ безработицы, жажды и голода, мы должны прежде всего посвятить политическому воспитанію того авангарда рабочаго класса, который уже охватываетъ и съ каждымъ днемъ все болѣе охватывается организаціонной и агитаціонной дѣятельностью нашей партіи; онъ послужитъ резервуаромъ, изъ котораго обильными струями будетъ просачиваться классовое сознаніе въ глубины рабочаго моря, цементомъ, который непрерывно свяжетъ социалдемократическую партію, съ тѣми аморфными пролетарскими

массами, интересы которых она стремится безпримѣсно выразить въ своей программѣ, тактикѣ, организаціи. Только такая крѣпкая, живая связь и сдѣлаетъ социалдемократію дѣйствительно политической партией рабочаго класса, не дасть ей превратиться въ машину, съ которой снять передаточный ремень, и которая—какую бы огромную силу она ни развивала—работаетъ безплодно, не приводя въ движеніе и не направляя никакого реального производственнаго процесса...

Итакъ, политическое воспитаніе доступныхъ нашему воздѣйствію массъ—вотъ очередная задача. Но воспитаніе массъ не можетъ быть основано исключительно на устной проповѣди отвлеченныхъ началъ социалистической науки; оно не можетъ ограничиться и однимъ агитационнымъ воздѣйствіемъ. Агитація—устная и посредствомъ прокламаций—будитъ чувство протеста, будитъ политическую мысль, даетъ элементы политическаго пониманія; но всего этого мало. Масса дѣйствительно учится, дѣйствительно воспитывается лишь въ процессѣ политическаго дѣйствія. Чѣмъ шире будетъ кругъ рабочихъ, вовлеченныхъ въ непосредственную политическую дѣятельность, принимающихъ активное участіе въ направленіи политической работы нашей партіи, тѣмъ плодотворнѣе будетъ этотъ подготовительный періодъ въ смыслѣ обезпеченія за социалдемократіей руководства движеніемъ рабочаго класса въ революціонную эпоху.

Война и вызванный ею кризисъ дадутъ благодарную почву для таковаго воспитанія передовыхъ слоевъ рабочаго класса въ активной политической дѣятельности, и мы должны умѣло воспользоваться политической конъюнктурой, чтобы поставить этихъ застрѣльщиковъ пролетаріата лицомъ къ лицу не только съ самодержавнымъ правительствомъ, истиннымъ виновникомъ войны и вызванныхъ ею бѣдствій, но и со всѣми классами русскаго общества, которые въ процессѣ политической ликвидаціи абсолютизма окажутся то явными врагами, то временными союзниками рабочаго класса.

Безработица—первый результатъ войны, должна послужить поводомъ для протеста противъ тѣхъ организацій имущихъ классовъ, которыя въ той или иной формѣ поддерживаютъ войну. Городскія думы, земства, дворянскія и купеческія собранія, съѣзды промышленниковъ, всѣ общественныя учрежденія, жертвующія деньги на флотъ и другія военныя надобности, всѣ они должны натолкнуться на протестъ пролетаріата, въ формѣ ли вынесенныхъ на рабочихъ собраніяхъ резолюцій, разсылаемыхъ по домамъ или разбрасываемыхъ на улицахъ, въ формѣ ли враждебныхъ манифестацій явившихся на засѣданія рабо-

чить, или въ какой-либо иной формѣ, наиболѣе соответствующей условіямъ времени и мѣста.

Дороговизна съѣстныхъ припасовъ сблизить рабочій классъ въ его протестѣ съ мелкимъ городскимъ мѣщанствомъ, одинаково страдающимъ отъ этой дороговизны, и крупнымъ завоеваніемъ для пролетаріата будетъ пробужденіе подъ его вліяніемъ политическаго недовольства въ этой инертной доселѣ средѣ. Здѣсь такъ же возможенъ рядъ обращеній рабочихъ собраній къ мелкому городскому населенію съ разъясненіемъ причинъ угнетающаго всѣхъ кризиса, съ привыкомъ къ со-вмѣстной борьбѣ въ тѣхъ предѣлахъ, которые допускаются классовымъ положеніемъ мѣщанства, отличнымъ отъ классоваго положенія пролетаріата. Такъ своей борьбой рабочій классъ пробудитъ къ сознательной политической жизни, толкнетъ въ политическую борьбу новый слой мелкой буржуазіи. Еще болѣе благоприятная почва создается для агитаціи среди страдающаго отъ дороговизны и безработицы сельскаго пролетаріата, обостренія его классоваго антагонизма съ сельской буржуазіей, и сближенія съ городскими рабочими. А протестъ рабочаго класса противъ поддержки военныхъ авантюръ правительства со стороны имущихъ классовъ усилитъ тѣ элементы ихъ, которые умѣютъ уже ставить основные интересы своего класса выше соображенія минутнаго политиканства, и понимаютъ, что классовые интересы всѣхъ развивающихся слоевъ русскаго капиталистическаго общества, не могутъ мириться съ поддержкой той войны, главная цѣль которой—укрѣпленіе абсолютизма. Такъ, самой борьбой своей противъ имущихъ классовъ рабочій классъ толкнетъ ихъ на путь болѣе широкой политической борьбы, заставитъ струну ихъ классовыхъ интересовъ звучать сильнѣе и заглушить нестройный аккордъ противорѣчивыхъ групповыхъ и личныхъ интересовъ минуты.

Такимъ образомъ, открывается необозримое поле для политическаго дѣйствія и политическаго воспитанія все растущахъ массъ рабочаго класса, и задача социалдемократіи использовать этотъ процессъ столкновенія рабочихъ лицомъ къ лицу съ представителями всѣхъ классовъ русскаго народа для выясненія тѣхъ предѣловъ, до которыхъ они могутъ идти вмѣстѣ съ пролетаріатомъ, тѣхъ границъ, которыя его отъ нихъ отдѣляютъ. Но, конечно,—и это необходимо помнить—въ полной мѣрѣ эта политическая активность можетъ быть использована лишь въ томъ случаѣ, если мы будемъ остерегаться тѣхъ шаблонныхъ формъ, которыя позволяютъ намъ подмѣнять самодѣятельность рабочаго класса нашей собственной дѣятельностью. Всѣ резолюціи, протесты, петиціи, постановленія и пр. и пр., имѣютъ въ этомъ смыслѣ

цѣну лишь постольку, поскольку они являются выраженіемъ политической воли участниковъ всѣхъ этихъ дѣйствій, поскольку каждое слово революціи дѣйствительно сознательно продумано и усвоено каждымъ голосующимъ за нее рабочимъ.

Не надо ни на минуту забывать, что тотъ взрывъ стихійнаго протеста, навстрѣчу которому мы идемъ, совершится въ такой социальнo-политической обстановкѣ, что можетъ послужить непосредственнымъ прологомъ той революціи, которую такъ долго ждутъ и которая все же придетъ вдругъ, незамѣтно, какъ «тать въ ночь». Но революція—это не просто штурмъ Бастиліи или Версаля, это—насмѣшленная развязка тысячъ самыхъ сложныхъ, самыхъ запутанныхъ вопросовъ социальнo-политической жизни, и схематическія формулы «долой самодержавіе» и «да здравствуетъ социализмъ», давая общіе, руководящіе принципы нашей агитаціи, сами по себѣ, безъ отчетливаго и яснаго пониманія социальнo-политической обстановки и умѣнья ориентироваться въ ней, ни на іоту не могутъ помочь въ отысканіи той нити классоваго движенія, за которую мы должны крѣпко держаться въ нашихъ странствованіяхъ по лабиринту текущей политики.

Но, если мы будемъ все это помнить и направимъ наши силы на подготовку элементовъ для политическаго руководства нашего борющагося рабочаго класса, грядущій кризисъ, грядущая волна стихійнаго протеста не застанутъ насъ безпомощными. Если бы тогда какой нибудь несчастный случай и вырвалъ изъ ореды борющагося пролетариата руководившій имъ до тѣхъ поръ комитетъ, мы можемъ быть спокойны: сѣмя политическаго воспитанія, брошенное въ періодъ «подготовительныхъ» работъ, не заглохнетъ. Въ атмосферѣ обостренной политической борьбы оно взойдетъ пышнымъ колосомъ, и масса, лишившаяся однихъ вождей, сумѣетъ выдвинуть изъ своей среды десятки другихъ, привыкшихъ къ самодѣятельности и политической активности. А это будетъ значить что наша партія исполнила свое дѣло, и, если кажемъ нибудь чудомъ исчезнуть вдругъ всѣ нынѣшніе комитетскіе социал-демократы, рабочимъ классомъ все же будетъ руководить социалдемократія.

Ф. Данъ.

Анти-еврейская кампанія.

(18 Апрелья 1904 г. № 64).

«По словамъ южныхъ газетъ, праздники св. Пасхи прошли въ Одессѣ, Кишиневѣ и другихъ городахъ при полномъ спокойствіи». — Этими строками, напечатанными петитомъ на послѣдней страницѣ, «Новое время» отмѣчаетъ конецъ предпринятой правительствомъ анти—еврейской кампаніи.

Кампанія эта началась задолго до «св. Пасхи», и, если пониманіе истинныхъ причинъ и цѣли кишиневской кровавой бани требовало нѣкотораго, хотя и слабого, напряженія ума, то нынѣшній крестовый походъ г. Шлеве и его сподвижниковъ совершался съ такой циничною откровенностью, что суть дѣла съ первой же минуты была ясна и для самыхъ крестоносцевъ, отъ мала до велика, и для намѣченныхъ жертвъ, и для посторонняго наблюдателя.

Въ доброе старое время польскіе (да и иные) короли имѣли обыкновеніе, при нуждѣ въ деньгахъ, прежде всего распускать слухи объ употребленіи евреями христіанской крови. Затѣмъ, когда напуганные евреи припадали къ «стопамъ всемилостивѣйшаго монарха» съ мольбой о защитѣ отъ грозящаго имъ погрома, начинался самый проваическій торгъ, и за сходную цѣну «помазанникъ божій» выдавалъ торжественную грамоту, въ которой подъ страхомъ самыхъ ужасныхъ каръ, земныхъ и небесныхъ, запрещалось распространять «злосамѣренные» слухи и возвѣщалось «всѣмъ и каждому», что всѣ «подданные», въ томъ числѣ и евреи, равно близки «любвеобильному сердцу монарха» и пр. и пр. И такъ изъ года въ годъ. Еврейскіе архивы полны такихъ грамотъ, и каждый разъ, какъ какой нибудь либеральный историкъ чувствуетъ надобность демонстрировать «просвѣщенность» того или иного изъ средневѣковыхъ тирановъ, въ этихъ грамотахъ онъ можетъ найти обильныя доказательства самыхъ гуманнѣйшихъ чувствъ, отсутствія «предрасудковъ», вѣротерпимости и прочихъ прекрасныхъ качествъ; и только прямая пропорціональность всѣхъ этихъ добродѣтелей величинѣ вырученной за нихъ денежной суммы наводитъ на нѣкоторыя подозрѣнія и размышленія.

Московское и петербургское самодержавіе въ средніе вѣка и при началѣ новыхъ не имѣло удовольствія владѣть собственными «жидами» и потому долго не подозрѣвало, какія золотыя яйца можетъ нести

еврейская курица, если только ее прижать хорошенечко. До такой степени не подозревало, что, когда при Елизаветѣ Петровнѣ нѣкоторые проицательные люди совѣтовали ей открыть доступъ въ Россію евреямъ, «кроткая Елизаветъ» простодушно заявила, что «отъ враговъ христовыхъ не желаетъ интересной прибыли», не будучи въ состояніи взять въ толкъ того чудеснаго метода, благодаря которому полученіе «интересной прибыли» сочетается именно съ прославленіемъ «имени христова» и униженіемъ «враговъ» его.

Съ раздѣлами Польши «мы» получали «своихъ» евреевъ. Но на первое время ихъ приходилось до известной степени щадить и даже оказывать имъ кое-какое покровительство, какъ возможной опорѣ русскаго абсолютизма въ борьбѣ съ польскимъ шляхетствомъ. А затѣмъ наступила времена, когда неудобно ужъ стало производить набѣги на еврейскій карманъ «en grand», и дѣло было «децентрализовано», отдало на откупъ всей сворѣ крупныхъ, среднихъ и мелкихъ чиновниковъ, производившихъ операцію грабежа евреевъ въ розницу, каждый за себя, а мѣстами соединявшихся и въ дѣла торгово-промышленныя компаніи для этой цѣли. Известно, что и до сихъ поръ евреями «кормятся» всѣ полицейскія и нынѣ власти, прикосновенныя такъ или иначе къ наблюденію за «неуклоннымъ» выполненіемъ тысячи запутанныхъ и крайне эластичныхъ, исключительныхъ законовъ противъ евреевъ. И несомнѣнно, что одной изъ не послѣднихъ причинъ сохраненія въ силѣ и усугубленія ограниченій въ правѣ жительства, приѣма въ учебныя заведенія и пр. и пр. служить упорное нежеланіе многочисленной бюрократіи разстаться съ этимъ неизсякающимъ источникомъ «безгрѣшныхъ» доходовъ.

Но самодержавному правительству, въ лицѣ его центральныхъ учреждений, не приходилось еще учинять сколько-нибудь крупнаго, одновременнаго «всееврейскаго» грабежа, да, казалось, никогда и не придется, ибо «времена не тѣ». Въ XX вѣкѣ не принято какъ-то торговать покровительственными грамотами. И, однако, въ лѣто отъ Р. X. 1904 г., при «всемогущемъ» г. Плеве невозможное оказалось возможнымъ, и съ началомъ войны, когда явилась острая нужда въ деньгахъ, немедленно начался самый открытый шантажъ, направленный противъ евреевъ.

Само собой понятно, что никакихъ особыхъ «патріотическихкихъ» чувствъ по случаю войны, имѣющей цѣлью укрѣпленіе азіатскаго деспотизма въ Россіи, евреи питать не могли. Для этого они слишкомъ больно чувствуютъ всѣ прелести черты себѣлости, усиленной воинской повинности, ограниченія доступа въ учебныя заведенія и другихъ

даровъ російскаго абсолютизма. Воспоминаніе о кишиневскомъ «празднованіи св. Пасхи» и осеннихъ погромахъ, усиленная отправка именно еврейскихъ солдатъ на Дальній Востокъ также врядъ ли могли расположить къ «добровольнымъ» пожертвованіямъ на дѣло войны тѣхъ евреевъ, которыхъ рабья психологія не лишила окончательно человѣческаго образа. Но, устроить всероссійскій грабежъ съ «добровольными» вычетами изъ жалованья и заработной платы, съ «добровольными» пожертвованіями сельскихъ сходоу при усердномъ «содѣйствіи» земскихъ начальниковъ, правительство не могло, конечно, равнодушно смотрѣть на уклоненіе отъ этой «добровольной» повинности евреевъ, самимъ небомъ предназначенныхъ не для чего иного, какъ для поддержанія пустыющихъ касъ «христіанскаго» государства.

По знаку, данному изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, немедленно начался самый ожесточенный походъ противъ евреевъ. Газетныя шавки не знали предѣла своему усердію. Застрѣльщикомъ въ погромной агитаціи явился достаточно уже извѣстный Крушеванъ и впервые дебитировавшій въ этой роли ренегатъ толстовства—г. Меньшиковъ, вѣкогда цѣлме томы наполнявшій «мучительными» размышленіями о томъ, имѣеть ли онъ «право» убить блоху, а нынѣ подстрекающій къ повторенію кишиневской бойни. Безстыдство руководимыхъ департаментомъ полиціи писакъ превзошло всякое вѣроятіе. Не только печатались выдуманныя извѣстія о какомъ-то броненосцѣ, якобы подаренномъ евреями японскому микадо, причемъ даже сами японцы оказывались «семитическаго происхожденія»; но г. Меньшиковъ увѣрялъ даже, что «вся нынѣшняя война, намъ нагло навязанная», есть чуть не прямое слѣдствіе «еврейской агитаціи», и сочувственно вторилъ Крушевану, пророчествовавшему, что «сама жизнь» дастъ «страшный, жестокой отвѣтъ» на эту «еврейскую агитацію», отвѣтъ, который покажетъ, что «нельзя безнаказанно издѣваться надъ всѣмъ человѣчествомъ». Газета «Знамя» раздавалась бесплатно во многихъ южныхъ городахъ, и нѣкоторые магазины начали даже специально въ нее заворачивать всѣ покупки. Чтобы не оставить ни малѣйшаго сомнѣнія въ офиціозномъ характерѣ похода, гг. градоначальники и губернаторы одновременно начали вести «бесѣды» съ «почетнѣйшими» евреями и внушать имъ, что при «такомомъ анти-патріотизмѣ» правительство не можетъ «ручаться», что требуются «доказательства» вѣрнопопдачныхъ чувствъ и пр. и пр. Въ Юзовѣ «командиръ казачьей сотни» произнесъ даже «сильную рѣчь» въ синагогѣ; проповѣдникъ въ казацкомъ мундирѣ и съ нагайкой за поясомъ приглашалъ евреевъ «деньгами прійти на помощь нашимъ героямъ».

Еврейская буржуазія уступила. «Вѣрноподанные» чувства и вещественныя доказательства ихъ полились рѣвкой. Отвратительная картина трусости, лицемерія, раболѣивства могла порадовать сердце г. Плеве. И радость эта была такъ велика, что немедленно же стали появляться «покровительственныя» грамоты губернскихъ сатраповъ, съ самымъ наивнымъ безстыдствомъ возвѣщавшія «населенію», что «всѣ государевы подданные, какой бы вѣры они ни были, пользуются одинаковымъ покровительствомъ и защитой законовъ» по той собственно причинѣ, что и евреи «добровольно и охотно вносятъ свои пожертванія въ пользу Краснаго Креста». Бессарабскому духовенству было предписано «съ церковной кафедры» обличать распространителей «агломерированныхъ» слуховъ и даже доносить о нихъ по начальству; «субъектовъ», возбуждающихъ «нелѣпныя толки», велѣно наказывать «по всей строгости законовъ» и т. д. Словомъ, правительство явило всѣ тѣ признаки «просвѣщенной гуманности», которою искони отличались отцы отечества, стянувшіе положительный за гуманность кушъ.

Большою ошибкою было бы, однако, думать, что этотъ отбой по всей линіи вызванъ только уступчивостью еврейской буржуазіи и проявленной ею готовностью расплатиться наличными. Скорѣе можно сказать, что не столько дѣйствительная опасность, сколько искренная трусливость заставила эту буржуазію уступить угрозамъ г. Плеве. Потому что угрозы эти на самомъ дѣлѣ были вовсе не такъ страшны.

Прежде всего, правительство не могло, конечно, не понимать, что, какъ бы ни прижало оно «своихъ евреевъ», ему никогда не удастся выжать изъ нихъ столько, чтобъ избѣгнуть необходимости обращаться за займами на войну къ «гнилому западу». Западъ же вообще и короли биржи, на которой еврейскіе капиталисты—Ротшильдъ и К^о—играютъ не малую роль, въ частности, отнюдь не благосклонно смотрятъ на такіе приемы «внутренней политики», какъ еврейскіе погромы. И не столько по человѣколюбію или особой симпатіи къ евреямъ, сколько потому, что система управленія при помощи періодическихъ боевъ колеблетъ правильный ходъ торгово-промышленной жизни и неопровержимо свидѣтельствуетъ о непрочности, авантюристскомъ характерѣ правительства, прибѣгающаго къ такимъ методамъ управленія. Съ мнѣніемъ же еврейской буржуазіи нашему правительству, хотя и со скрежетомъ зубовымъ, приходится серьезно считаться въ настоящее «затруднительное» время, и невозможно было показаться «Европѣ» въ грязномъ, забрызганномъ кровью бѣльѣ.

Затѣмъ, уже прошлагодній кишиневскій «опытъ», затѣянный съ цѣлью «отвлеченія» вниманія народной массы и расправы съ «вну-

тремя врагомъ», окончился полной неудачей для правительства. Если празднованіе дня перваго мая и потерпѣло нѣкоторый ущербъ, то этотъ внѣшній успѣхъ былъ купленъ дорогою цѣною подъема классової солидарности и организованности пролетаріата, подъема, выразившагося, какъ въ организаціи «самообороны» еврейскихъ рабочихъ, такъ и въ помощи имъ со стороны рабочихъ русскихъ. Агитаціонный же матеріалъ, доставленный разоблаченіемъ дѣйствительнаго смысла прошлогоднихъ погромовъ, своею революціонною цѣнностью, конечно, далеко превысилъ всю цѣнность достигнутыхъ правительствомъ жалкихъ «успѣховъ», выразившихся въ нѣсколькихъ десяткахъ убитыхъ, равныхъ и ограбленныхъ.

Предпринимаемая въ нынѣшнемъ году—«по случаю войны»—походъ на еврейскіе карманы, правительство придавало, конечно, огромную цѣну и новой попыткѣ направить не совсѣмъ удобное для него вниманіе народа къ причинамъ и ходу войны въ сторону евреевъ. На «политическія» причины анти-еврейской агитаціи указывалось и въ газетахъ, обвинявшихъ евреевъ въ «плетенія политической интриги», и въ бесѣдѣ министра внутреннихъ дѣлъ съ еврейской депутаціей. Но едва началась анти-еврейская агитація, все безуміе ея, съ точки зрѣнія самого правительства, противъ котораго, въ атмосферѣ вызваннаго войною возбужденія и недовольства, грозитъ обратиться всякое массовое движеніе, каковы бы ни были его первоначальныя, ближайшія цѣли, стало ясно даже г. Плеве. И именно это сознаніе своего бессилія—страхъ передъ Европой, сознаніе опасности своего положенія, смертельная боязнь всякаго массового движенія—именно это парализовало руку правительства раньше, чѣмъ она успѣла серьезно подготовить элементы погрома. Инспирированная министерствомъ внутреннихъ дѣлъ агитація только еще началась, какъ уже велѣно было бить отбой, и Плеве началъ разсылать секретные циркуляры, въ которыхъ рекомендовалъ примѣнять существующія «ограничительныя законоположенія» противъ евреевъ съ осторожностью, чтобы не усугублять недовольства въ «настоящее затруднительное время». Только политической драбности и трусости еврейской буржуазіи обязана успѣхомъ эта спекуляція на ея карманы.

Еврейскій пролетаріатъ отвѣтилъ на брошенный ему вызовъ не колѣнопреклоненіемъ, не униженными мольбами о «защитѣ», а новой организаціей и усиленіемъ самообороны. Это единственный правильный путь, не только потому, что лишь онъ одинъ можетъ радикально отбить охоту у правительства устраивать погромы, но и по своему политическому воспитательному значенію. Организація самообороны

приучает рабочий класс полагаться лишь на свои силы, она толкает и еврейскую буржуазию на путь борьбы. Сколько бы ни гремѣли казенные равнины против самообороны, какъ бы чудовищно-дерзкою имъ казалась ветхозавѣтнымъ, пропитаннымъ рабскимъ духомъ, евреямъ попытка противопоставить силѣ силу—и прошлогодніе погромы и событія въ Поричахъ¹⁾ показываютъ съ очевидностью, что все ростущіе слои еврейскаго мѣщанства начинаютъ, если не принимать активное участіе въ самооборонѣ, то, по крайней мѣрѣ, возлагать всѣ свои надежды на организованный рабочий классъ. И это концентрированіе общественнаго вниманія и общественныхъ упованій на организованномъ авангардѣ пролетариата; это перенесеніе надеждъ съ трепетнаго ожиданія «милостей» на боевой отпоръ сознательныхъ пролетаріевъ несомнѣнно является крупнымъ политическимъ приобретеніемъ для пролетариата. Не затемня классоваго сознанія рабочаго класса, укрѣпляя его сплоченность, организація самообороны создаетъ для рабочаго движенія атмосферу симпатій, позволяетъ ему использовать въ своихъ интересахъ средства и силы части буржуазіи и въ то же время толкаетъ самую буржуазию къ активной политической борьбѣ.

Но неправильно было бы думать, что дѣло «самообороны» есть исключительно дѣло еврейскихъ рабочихъ. Уже самыя причины провоцированія погромовъ со стороны правительства — въ конечномъ счетѣ всегда сводящіяся къ стремленію укрѣпить позицію абсолютизма—достаточно громко говорятъ о томъ, какой существенный интересъ для всего російскаго пролетариата заключается въ помѣхѣ кровавадымъ авантюрамъ. Точно также, какъ защищаясь отъ погрома еврейскую буржуазию, еврейскій пролетариатъ защищаетъ самого себя, такъ же пролетариатъ всѣхъ національностей борется за свое собственное дѣло, когда становится поперекъ дороги палачамъ, пытающимся разжечь національныя страсти. И какъ ни недостаточны были попытки сознательныхъ русскихъ пролетаріевъ придти на помощь избиваемымъ евреямъ въ прошломъ году, принципиальное значеніе ихъ было огромно. Онѣ явились не только живымъ примѣромъ солидарности и единства дѣла пролетаріевъ всѣхъ національностей, но и намекомъ на ту активную, самостоятельную роль во всѣхъ перипетіяхъ политической жизни страны, которую долженъ играть пролетариатъ, если хочетъ, чтобы классовая пролетарская политика была не пла-

¹⁾ Въ м. Поричи вся еврейская буржуазія сплотилась вокругъ организаціи самообороны, устроенной мѣстными и прибывшими изъ другихъ мѣстечекъ еврейскими и русскими рабочими, оказывала ей помощь деньгами квартирами и т. д.

политической фразой, а реальным фактомъ. И такая активная политическая дѣятельность скорѣе, чѣмъ цѣлые томы краснорѣчивыхъ разсужденій, покажетъ всѣмъ пролетаріямъ Россіи полное тождество ихъ интересовъ рѣшительно во всѣхъ областяхъ политической жизни и весь вредъ раздѣленія единого російскаго рабочаго класса національными, профессиональными, территоріальными и иными перегородками, не имѣющими никакого основанія въ классовыхъ интересахъ пролетаріата.

Погромная кампанія, поскольку она преслѣдовала политическія цѣли, не удалась. Но значеніе ея отъ этого не менѣе огромно. Она не только еще разъ показала въ истинномъ свѣтѣ отвратительную физиономію существующаго режима, она—и это самое главное—обнаружила въ самодержавной бюрократіи упадокъ вѣры въ себя, въ собственные силы обнаружила нерѣшительность, колебанія, боязнь передъ народомъ. Тѣмъ дружище долженъ быть натискъ на нее.

Ф. Данъ.

Реформаторскія потуги.

1 Іюля 1904 г. № 67.

Царствованіе Александра III оставило глубокой слѣдъ въ развитіи русской политической жизни. Истекавшій кровью абсолютизмъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы удержать въ своихъ слабѣющихъ рукахъ ускользавшія отъ него нити государственнаго управленія, и цѣлая гора реакціонныхъ законовъ и мѣропріятій изготовлялась ежегодно въ петербургскихъ канцеляріяхъ. Еще реакціоннѣе становилась годъ отъ году административная практика. Безжалостно урѣзывая всѣ, и безъ того немногочисленные, «прогрессивные» элементы въ законодательствѣ предыдущаго царствованія, новая эра поставила цѣлью своихъ стремленій, если не возстановленіе, — безнадѣжность такой утопіи была слишкомъ очевидна, — то, по крайней мѣрѣ, возможное приближеніе къ порядкамъ и отношеніямъ крѣпостной эпохи.

Но,—какъ это всегда бываетъ съ реакціонной политикой, идущей въ разрѣзъ съ самыми основными потребностями общественно-экономическаго развитія,—кратковременное укрѣпленіе позицій абсолютизма покупалось цѣною усиленія того самаго недовольства, той смуты и «крамолы», сокрушенія которой съ такой настойчивостью и прямолинейностью добивались. И это тѣмъ болѣе, что, ставя одною рукою преграды рваншему пути крѣпостного уклада развитію капиталистическаго общества, правительство,—въ силу требованій финансоваго хозяйства и необходимости искать благосклонности вліятельныхъ элементовъ,—другою рукою всячески содѣйствовалъ росту капиталистической промышленности. А капитализмъ и самъ по себѣ не можетъ надолго примириться съ гнетомъ самодержавно-феодалныхъ порядковъ и—что еще важнѣе—въ лицѣ пролетаріата создаетъ непримѣримаго противника всѣхъ устоевъ россійской самобытности. Въ этомъ же фактѣ капиталистическаго преобразованія Россія черпали все новыя и новыя силы и тѣ слои противниковъ абсолютизма, оппозиція которыхъ до тѣхъ поръ не находила достаточной поддержки въ сколько-нибудь широкихъ массахъ.

При такихъ условіяхъ создавался для абсолютизма своеобразный «порочный кругъ», въ которомъ каждое новое реакціонное мѣропріятіе съ удвоенной силой будило чувство протеста, накопляло элементъ глубокаго недовольства и все болѣе и болѣе отрѣзывало всякую возможность мирнаго, «реформаторскаго» развитія государственныхъ порядковъ въ сторону болѣе свободныхъ формъ общежитія. Если еще возможно было отропированіе Лорисъ-Меликовской конституціи въ 1881 году, то эпоха реакціи, крайне обострившая антагонизмъ всѣхъ развивающихся слоевъ общества къ режиму и въ то же время выдвинувшая и пробудившая къ политической жизни новые социальные слои, сдѣлала такое разрѣшеніе «назрѣваемаго» вопроса «сверху» невыполнимымъ. Если вначалѣ 80-хъ годовъ передъ правительствомъ стояла вполне посильная для него задача удовлетворить скромныя конституціонныя мечтанія верховъ «образованнаго» общества, то теперь не только эти «мечтанія» приняли болѣе обширный характеръ, но всякая попытка прикоснуться къ фундаменту обветшалаго государственнаго аданія неминуемо повела бы къ предъявленію своихъ политическихъ требованій и такими общественными элементами, которыхъ «сверху» удовлетворить во всякомъ случаѣ невозможно, потому что ихъ позиція принципиально враждебна самому существованію «верха».

Александръ III сошелъ въ могилу, когда, казалось, реакція востор-

ествовала по всей линіи, и всё опасныя для абсолютизма революціонныя и оппозиціонныя силы какъ бы притаялись. Но это только казалось, и первые же годы царствованія его преемника обнаружили ясныя признаки надвигающейся ликвидаціи, передъ лицомъ которой абсолютизма оказался совершенно безпомощнымъ. Реакція исчерпала себя, и дальше въ томъ же направленіи много идти было нельзя. Можно было усилить полицейскій сыскъ и гнеть; можно было попытаться укрѣпить административную власть и расправу; можно было еще нѣсколько стѣснить земскую «самодѣтельность». Но все это были не новыя мѣры; это былъ лишь количественный ростъ тѣхъ же самыхъ мѣропріятій, начало которымъ было положено въ 80-ые годы, а при крайне обострившемся нервномъ напряженіи всѣхъ прогрессивныхъ общественныхъ силъ, эта политика не окупалась уже больше даже тѣмъ временнымъ ослабленіемъ революціоннаго и оппозиціоннаго натиска, котораго удавалось добиваться правительству въ предшествующую эпоху: одинъ за другимъ открыто выступали противъ него всѣ оппозиціонныя слои русскаго общества, и правительство оказалось не въ силахъ, хотя бы на время, справиться съ ними. Въ силу указанныхъ выше причинъ, о сколько нибудь серьезныхъ попыткахъ «реформами» направить весь революціонный и оппозиціонный протестъ въ русло мирнаго и постепеннаго развитія не могло быть и рѣчи. Вокругъ каждаго, вновь выступившаго на сцену, общественнаго движенія правительство безпомощно суенилось, не рѣшаясь сколько нибудь серьезно прикоснуться къ шаткому зданію русскаго государственнаго порядка. Своей возней, своей противорѣчивой политикой оно только обостряло и ускоряло развитіе оформленнаго протеста. Первые же крупныя стачки рабочихъ заставили правительство усиленно хлопотать вокругъ «рабочаго вопроса»—и въ концѣ семилѣтнихъ хлопотъ мы видимъ колоссальный итогъ въ видѣ ряда демонстрацій и всеобщей стачки на югѣ. Правительство хлопотало вокругъ студенческаго движенія,—и за два года это движеніе изъ академическаго превратилось въ ярко политическое и вызвало на сцену всѣ тѣ отраженныя явленія, которыя сказались во временномъ возрожденіи террористическихъ стремленій. Правительство продолжало свои неустанныя хлопоты вокругъ земства,—и добилось консолидаціи и обособленія «третьяго элемента», появленія «освобожденства» и пр. и пр. Памятные петербургскіе съѣзды, техническій и пироговскій, подвели балансъ этой сторонѣ правительственныхъ хлопотъ.

Наконецъ зашевелился и послѣдній изъ тѣхъ китовъ, на которыхъ

еще опарался абсолютизмъ. Политика непрерывно усиливаемой государственной и дворянской «опеки», политика выкачивания денежныхъ ресурсовъ деревни и стѣсненія свободнаго развитія ея хозяйственной и культурной жизни—получила страшный отвѣтъ въ видѣ крестьянскаго возстанія въ черноземныхъ губерніяхъ. «Крестьянскій вопросъ» такъ же властно выдвинулся на авансцену государственной жизни, такъ же настоятельно требовалъ вниманія къ себѣ, какъ это уже раньше случилось съ вопросомъ рабочимъ, вопросомъ студенческимъ, вопросамъ земскимъ. Можно было заранѣе предсказать, что и въ разрѣшеніи «крестьянскаго вопроса» правительство проявитъ не болѣе творческой силы, не болѣе смѣлости и рѣшительности, чѣмъ во всѣхъ другихъ безчисленныхъ «вопросахъ» русской жизни. Притронуться сколько нибудь серьезно къ крестьянскому и неразрывно съ нимъ связанному аграрному вопросу вообще, выдернуть хоть одно звено изъ этой безконечно сложной и запутанной цѣпи общественныхъ отношеній—значило бы для «режима» рисковать дать толчокъ паденію той лавины революціи и оппозиціи, которая нависла надъ нимъ.

Достаточно вспомнить, что даже такой «реформы», какъ отмѣна тѣлеснаго наказанія, правительство до сихъ поръ не можетъ рѣшиться произвести, хотя «вопросъ» о розгѣ стоитъ «на очереди», и самой острой «очереди», уже добрый десятокъ лѣтъ. Но правило—*quieta non movetur* (не тронь существующаго) такъ прочно виѣдрилось въ психологію абсолютизма, что и до сихъ поръ розга въ качествѣ «законнаго» орудія правительственнаго воздѣйствія (о «незаконномъ» нечего и говорить) не отмѣнена. «Розга» стала чуть ли не символомъ «существующей формы правленія», и для робкихъ либеральныхъ душъ явилась возможность облекать свои конституціонные порывы въ форму «ходатайствъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія».

Неудрено, что и тогда, когда крестьянскій «бунтъ» поставилъ остро вопросъ о деревнѣ, растерявшееся правительство на это требованіе новыхъ отвѣтовъ могло лишь повторить собравшимся въ Курскѣ волостнымъ старшинамъ все тѣ же слова Александра III. Можно ли было лучше обнаружить все безсиліе правительства бороться съ начинающейся ликвидацией, обостренной тѣмъ самыми «старыми средствами», какія съ такимъ рвеніемъ примѣняли въ 80-ые годы? Не было новыхъ отвѣтовъ, не было новыхъ средствъ, а старая великъ крушенію. И все же правительству не оставалось ничего иного, какъ беспомощно топтаться на одномъ мѣстѣ, стараясь лишь возможно точнѣе попасть въ слѣды, оставленные стопами предшественниковъ;

наводненіе деревни «сельскими отражниками»—вотъ все, что можно было придумать «новаго».

Манифестъ 26 февраля 1903 г. наряду съ другими потугами на якобы реформы возвѣщалъ и «пересмотръ законодательства о сельскомъ состояніи». Известно, что всѣ предполагавшіяся «реформы» въ области государственнаго и земскаго управленія, въ области церковной, школьной и т. д. сводились ни къ чему иному, какъ къ попыткамъ усилить реакцію, одобливъ эти угрозы-бурчевскіе проекты легкой примѣсью сантиментально-либеральнаго постнаго масла. При постепенномъ же осуществленіи ихъ и эта примѣсь все болѣе и болѣе испарялась.

Не было, разумѣется, ни малѣйшаго основанія ожидать, что съ «крестьянскимъ вопросомъ» будетъ иначе. Тѣмъ болѣе, что уже въ самомъ манифестѣ повелѣвалось «въ основу сихъ трудовъ положить неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, выиславъ одновременно способы къ облегченію отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины». Уже въ этой формулировкѣ и въ этой заботѣ объ «облегченіи выхода» ясно, что не «уравнительныя», «справедливыя» тенденціи общины интересовали правительство, не объ ихъ охраненіи оно заботилось, а объ охраненіи и укрѣпленіи той крестьянской сословной обособленности, того крестьянскаго закрѣпощенія и безправія, которыя составляютъ существенное содержаніе пресловутаго общиннаго строя и всю тяжесть свою падаютъ главнымъ образомъ на «деревенскую бѣдноту». Еще разъ подтвердилось, что правительство не рѣшается затронуть «вѣковые устои», а отмѣна крутовой поруки, проектированная манифестомъ и выполненная 12 марта 1903 года, могла осуществиться только потому, что самое значеніе ея въ общей системѣ крестьянскаго закрѣпощенія упало до нуля. Въ остальномъ все должно было остаться по старому, только, конечно,—такова судьба всѣхъ «благихъ начинаній» умирающаго режима—съ новыми попытками усиленія той самой политики бюрократически—дворянско—поповской опеки, крушеніе которой и выдвинуло на очередь старые вопросы въ новой, острой формѣ.

«Пересмотръ законодательства о крестьянахъ» былъ прежде всего порученъ «редакціонной комиссіи» при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и теперь «очеркъ» ея работъ обсуждается въ «губернскихъ совѣщаніяхъ». Комиссія съ самаго начала исключила изъ своего разсмотрѣнія всѣ вопросы о порядкѣ управленія и правительственномъ надзорѣ за крестьянами, объ ихъ правахъ, личныхъ и имущественныхъ, о казенныхъ сборахъ и земскихъ повинностяхъ, т. е. исключила всѣ

дѣйствительно основные вопросы крестьянской жизни и ограничались лишь «пересмотромъ» тѣхъ законовъ, которые относятся къ ей «внутреннимъ распорядамъ». Нечего и говорить, что содержаніе «проекта» сводится цѣлкомъ къ сохраненію прежняго закрѣпленія крестьянъ съ нѣкоторыми лишь ухудшеніями, главнымъ образомъ въ области судебной. Сохраняя волостной, сословный судъ для крестьянъ и рекомендуя выработку особыхъ уголовного и гражданского кодексовъ для нихъ, «проектъ», съ одной стороны, создаетъ новую «сословную» апелляціонную инстанцію для крестьянъ подъ предѣлательствомъ земскаго начальника (до сихъ поръ апелліація на приговоры волостного суда приносилась въ уѣздные сѣзды), съ другой—неимоვნно сокращаетъ самое право апелліаціи, якобы «въ цѣляхъ сокращенія неосновательныхъ жалобъ». Для этого приговоры волостныхъ судовъ по нѣкоторымъ дѣламъ «подлежать приведенію въ исполненіе независимо отъ обжалованія или необжалованія ихъ», а, съ другой стороны, самое право жалобы обуславливается внесеніемъ денежнаго залога, «подлежащаго возврату лишь въ случаѣ признанія жалобы заслуживающей уваженія». Разумѣется, этотъ чудовищный налогъ на правосудіе, главнымъ образомъ, обезправитъ наиболѣе бѣдные слои деревенскаго населенія. Но и вообще, какъ ни мало склонны мы восторгаться російскимъ правосудіемъ, въ которомъ такъ совершенно перешлетается классовая юриспруденція съ административной нагайкой, на усиленіе «сословнаго» характера крестьянскаго суда мы не можемъ смотрѣть иначе, какъ на попытку еще болѣе усилить то безправіе и произволъ, которые тяготѣютъ надъ деревней, и еще болѣе обособить крестьянъ отъ общегражданскихъ интересовъ страны.

Въ остальномъ всё «предположенія» коммиссія не заслуживаютъ разбора, такъ какъ рѣшительно ничего новаго не дадутъ. Интересно лишь то явное безсиліе, съ которымъ коммиссія подходитъ къ каждому вопросу въ отдѣльности, пытается уяснить себѣ источники недовольства и раздраженія, заключающіеся въ «особенностяхъ» крестьянскаго законодательства и ихъ несоотвѣтствіи потребностямъ развивающейся жизни, намѣчаетъ тѣ пункты, въ которые слѣдуетъ внести измѣненія, и, въ концѣ концовъ, похоловши крутомъ да около и убѣдившись въ невозможности вынуть хоть одинъ камень изъ зданія, не свесши его цѣлкомъ, безнадежно машетъ рукою и ограничивается внесеніемъ какой нибудь новой реакціонной «поправки». Передъ нашими глазами проходитъ рядъ тщетныхъ попытокъ абсолютизма приспособиться къ новымъ условіямъ соціально-экономической жизни. Выясняется съ очевидностью, какъ немыслимо для него такое «приспособленіе». Ему

остаётся только продолжать свои безумныя попытки «приспособить» все развитіе народной жизни къ себѣ. Абсолютизмъ и прогрессивное развитіе общества—несовмѣстимы. Или абсолютизмъ или жизнь—такъ ставится вопросъ, и можно ли сомнѣваться, какой будетъ отвѣтъ, какъ бы ни старалось правительство дать его въ свою пользу!

Совершенно не понимая сущности развивающагося передъ его глазами общественно-экономическаго процесса, не давая себѣ яснаго отчета въ причинахъ полного банкротства традиціонной политики, въ тѣхъ колоссальныхъ измѣненіяхъ, которыя внесъ процессъ капиталистическаго развитія страны въ социальную структуру и психологію всѣхъ слоевъ русскаго народа, въ томъ числѣ и крестьянства, абсолютизмъ—устами редакціонной комиссіи—продолжаетъ бормотать все тѣ же, давно опровергнутыя жизнью слова, все тѣ же «безсмысленныя мечтанія». «Воспитанные въ неустанномъ, упорномъ трудѣ, привыкшіе къ исконной однообразной обстановкѣ жизни, пріученные измѣнчивымъ успѣхомъ земледѣльческихъ работъ къ сознанию своей зависимости отъ внѣшнихъ силъ природы и, слѣдовательно, отъ начала высшаго порядка, крестьяне, болѣе, чѣмъ представители какой-либо другой части населенія, стоятъ на сторонѣ создающихся и положительныхъ основъ общественности и государственности и такимъ образомъ силой вещей являются оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ теченій». Вотъ тѣ «старыя пѣсни», которыя продолжаетъ пѣть абсолютизмъ, вотъ то старое credo, которое онъ не устаетъ повторять: на «неустанномъ трудѣ», не дающемъ досуга и простора для мысли, на «однообразной обстановкѣ», суживающей умственный кругозоръ, на вѣрѣ въ «начала высшаго порядка», отвлекающей вниманіе отъ порядка общественнаго—на этихъ трехъ камняхъ зиждется церковь «режима». И онъ не хочетъ видѣть, какъ неустанно, какъ неумолимо перемалываетъ жизнь эти камни: слыть не хочетъ слышать и видѣть ни «разлагающихъ» новыхъ пѣсней, ни «безпочвенныхъ» новыхъ птицъ. А новыя времена несутъ съ собой и этихъ птицъ и эти пѣсни...

«Проектъ» комиссіи переданъ на разсмотрѣніе губернскихъ совѣщаній. Совѣщанія эти, конечно, не внесутъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ проектъ, развѣ только еще усилятъ такъ громко звучащія въ немъ реакціонныя ноты. За это ручается уже самый составъ совѣщаній, въ которыя входятъ чиновники всѣхъ вѣдомствъ, съ усиленнымъ участіемъ земскихъ начальниковъ, и представители отъ дворянства. Члены отъ земства приглашаются по выбору губернатора изъ числа уѣздныхъ земскихъ гласныхъ по одному на уѣздъ. Затѣмъ

губернаторъ, председательствующій въ «совѣщаніи», можетъ приглашать еще «свѣдущихъ» лицъ по своему усмотрѣнію.

Цѣль устройства такихъ совѣщаній изъ лицъ, якобы «довѣрjemъ общественнымъ облеченныхъ», не требуетъ поясненій. Это—попытка не только вскамотировать общественное мнѣніе, но еще и употребить эти, по внѣшности «мѣстныя», «общественныя» силы для санкціонирования и усиленія своихъ реакціонныхъ затѣй. Несомнѣнно, для приданія хотя бы нѣкотораго «приличія» всей этой реакціонно-бюрократической комедіи, кое-гдѣ губернаторы будутъ приглашать въ «совѣщанія» и пару-другую самыхъ нанумѣреннѣйшихъ «либераловъ». Хотѣлось бы думать, что хотя бы въ этомъ случаѣ у всѣхъ мудрыхъ птицъ либерализма хватить политическаго такта (его немного нужно для этого), чтобы отказаться прикрывать своимъ участіемъ позорную игру.

Итакъ, «пересмотръ» законовъ о крестьянахъ свелся къ простому констатированію дальнѣйшаго существованія той крѣпостной кабалы, изъ которой не выходила деревня со времени пресловутаго «освобожденія», и констатированію безсилія режима въ попыткахъ «реформъ». *Quia non potest* — не трогать существующаго, таковъ законъ его самосохраненія. Онъ не можетъ уже медленно, постепенно самоупазднаться путемъ реформъ сверху; онъ должно быть упраздненъ снизу.

И если абсолютизмъ такъ опасается всего «новаго», такъ боится притронуться къ тому, что существуетъ, такъ дрожить предъ всякимъ рѣшительнымъ толчкомъ, то можно себѣ представить ту роль, которую сыграетъ въ его судьбахъ колоссальная встряска всѣхъ устоевъ русской жизни войной на Дальнемъ Востокѣ!

Ф. Данъ.

Подъ шумъ войны.

(1 июля 1904 года, № 67).

Филс

I.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ тянется этотъ гипнозъ: люди противоположныхъ возрѣній, патріоты кнута и борцы революціи, разноцвѣтные

политики и безцвѣтная обывательская масса, — съ различными чувствами, но съ одинаковымъ волненіемъ, — хватаются изо дня въ день за газетный листъ, приносящій извѣстія съ «театра военныхъ дѣйствій».

На этомъ «театрѣ» разыгрывается драма ослѣпительной яркости, мирового значенія. Тамъ коснется жизнь, и безмѣрно растеть каждый часъ гекатомба человѣческихъ тѣлъ. Тамъ, помимо сознанія «героевъ», разрубается старый узелъ русской исторіи и завязываются новые узлы. Событіе за событіемъ ударяетъ по нервамъ, и утомленное вниманіе, не замѣчая, проходитъ мимо подавленного стога, задушеннаго крика — на родникъ. Что значить, въ самомъ дѣлѣ, этотъ крикъ, этотъ стогъ въ общемъ шумѣ войны, въ многотысячномъ хорѣ надеждъ, опасеній, проклятій, которыя несутся ей волѣдъ. Глазъ напряженно слѣдитъ за тѣмъ, куда идутъ полки на Людунскомъ полуостровѣ, и не видитъ — передвиженія тѣхъ штатскихъ людей, которые подъ охраной общественнаго невниманія свободнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, творять свое обычное дѣло. Они творять его лихорадочно спѣшно, они «ловятъ моментъ», быть можетъ, послѣдній, который предоставилъ въ ихъ распоряженіе угасающій режимъ, моментъ, когда жизнь — подъ нависшими тучами войны — какъ будто замерла, въ ожиданіи событій, когда накопляющіяся неудачи не успѣли еще сложиться въ политически-грозный итогъ, и «патріотизмъ» не обернулся своимъ тыломъ къ «властямъ предержажнымъ», когда обыватель пока еще только вполголоса выражаетъ свое удивленіе «неожиданному» фiasco русскаго оружія, когда либераль не знаетъ, врать ли ему «ура» или почтительно докладывать о желательности конституціи, когда революціонеръ никакъ еще не можетъ собраться привести въ порядокъ свои «домашнія» дѣла, и пробуждающееся сознаніе массъ встрѣчаетъ такъ мало организаціонной поддержки.

Въ эту-то «страдную пору» штатскимъ людямъ привольно совершать военные набѣги, производить диверсіи, брать одну за другой позиціи у непріятеля.

Непріятеля! У нихъ есть свой непріятель, исконный «наслѣдственный» врагъ, съ которымъ ведется борьба вотъ уже цѣлыя десятилѣтія, — революціонный интеллигентъ, сознательный рабочій. Съ ними давніе счеты, для нихъ про запасъ всегда имѣется лишняя пуля у «молодца фанаторійца», всегда найдется свободное мѣсто — за семью замками, всегда къ услугамъ — даровой проѣздъ въ гиперборейскія страны. Это — старая исторія, занимающая публику порой, какъ инте-

ресный романъ, какъ страшная сказка, слышанная когда-то въ дѣтствѣ, надъ кровавыми эпизодами которой проливались слезы и подъ звуки которой такъ сладко засыпалось!.. Старая исторія, захватывающая только тогда, когда въ ней начинаютъ примѣшиваться раскаты массоваго движенія, и лишь щекочущая обывательскіе нервы,—во всёхъ прочихъ случаяхъ!..

Неудивительно поэтому, если теперь, особенно теперь, проходятъ незамѣченными несчетные подвиги маленькихъ Наполеоновъ провинціи надъ непокорной ссылкой, подвиги, отчеты о которыхъ за послѣдніе мѣсяцы заполняли собой столбцы нелегальной печати. Тюремныя голодовки, походы Кутайсова, романовскій расстрѣлъ въ Якутскѣ—все, вѣдь, это въ порядкѣ вещей: революціонеру полагается претерпѣвать, штатскимъ людямъ—надъ революціонеромъ измываться. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ обыватель, но не совсѣмъ такъ, вѣроятно, думаетъ бы онъ, — еслибы въ ухахъ его не стоялъ шумъ войны, — о той непринужденности, съ которой творится въ переживаемый нами моментъ иного рода расправа. Дѣло уже идетъ не объ отщепенцахъ современнаго общественнаго строя, не они кладутся подъ всеуравнивающій прессъ самодержавно-бюрократической машины, нѣтъ, сокрушаются «отцы», сокрушаются «дѣти», сокрушаются полноправные члены той социальной семьи, которая не сегодня-завтра возьметъ въ свои руки судьбы обновленной Россіи. «Умѣренныя» «отцы» и самыя подлинныя дѣти!

Какихъ нибудь два года назадъ объ этихъ «отцахъ» мечтательно выдыхалъ Петръ Струве, тщетно пытаясь приноровить къ ихъ вкусамъ свою редакціонную profession de foi, и на нихъ же загадочно покоился взоръ всемогущаго Плеве, не столько грозя, сколько сузя имъ что-то. Въ то благодатное время свободомыслящій предводитель дворянства былъ чѣмъ то вроде jeune premier политической сцѣны, а съ заправкой московскаго сѣзда, г. Шиновымъ, какъ съ представителемъ земщины, велись дипломатическіе разговоры и переговоры въ министерскомъ кабинетѣ. Казалось, сила идетъ, передъ которой придется многому посторониться: недаромъ, въ великой тревогѣ метался «гражданинъ» Мещерскій, даже во свѣ отгоняя отъ себя навазчивые образы Стаховича и Шипова... Еще въ манифестѣ отъ 26-февраля слышатся отдаленные звуки этихъ прежнихъ бесѣдъ... И вдругъ, какой поворотъ!—въ замскихъ рядахъ было мертвенно тихо въ тотъ день, въ тотъ день настоящей весны, когда знаменитый председатель управы вылеталъ за бортъ излюбленнаго имъ корабля, какъ негодная ветошь-

И почти въ то же самое время властная рука ложилась на плечи общеземской организаціи «помощи больнымъ и раненымъ воинамъ», и не стѣсняясь, ставила точку—земскому патриотизму.

«Изъ князей въ грязи!»—сила стала безсильемъ, миражъ разлетѣлся какъ дымъ!

И однако, нельзя сказать, чтобы редакторъ «Освобожденія» или полномочный российскийъ министръ такъ-таки промахнулся въ своей старой оцѣнкѣ значенія либерально-умѣренной, умѣренно-вѣрнопо-данной земщины. Что два года назадъ, въ эпоху московскаго съѣзда уѣздныхъ комитетовъ и появленія на свѣтъ такъ называемой «конституціонной партіи», «умѣренные отцы» являли собой величину, съ которой приходилось считаться, это такъ же вѣрно, какъ вѣрно и то, что теперь патриотствующіе, швыряющіеся милліонами «отцы» представляютъ тотъ политическій нуль, который безъ труда можно скинуть со счетовъ.

Но откуда сіе? Какая фея исторіи подпудила надъ этими почтенными, надъ этими солидными людьми, произведя ихъ въ «калифы на часъ»?—*Массовое движеніе*, читатель, то самое движеніе, которое они ненавидятъ и боятся едва ли не больше ударовъ административнаго «воздѣйствія», движеніе, волны котораго, а не что либо другое, выплеснула ихъ на крыльцо всевластнаго временщика. Чѣмъ выше вздыкались эти волны, грозя смыть обветшалое зданіе, тѣмъ податливѣе становились козлева зданія, тѣмъ важнѣе казалась имъ роль добротнаго пособничества, тѣмъ выше оцѣнка его, тѣмъ крупнѣе его будущей эквивалентъ.

Партія-буфферъ, партія «отцовъ» всплывала на поверхность общественной жизни, сіяя отраженнымъ свѣтомъ ненавистнаго революціоннаго солнца! Но стоило только на-время ослабить горичимъ лучамъ этого солнца, чтобы исчезъ весь налетъ великолѣпія съ паразитствующей «партіи», чтобы потерявъ былъ смыслъ ея политическаго существованія. Даже пѣнокъ не сумѣла она снять съ тѣхъ сливокъ, которыя ей взбилъ въ свое время пролетарскій революціонный подъемъ; какое же значеніе могла она имѣть въ настоящій историческій антрактъ, когда въ воздухѣ висѣлъ патриотическій угаръ, когда массы притаились, а съ Востока, не переставая, доносился оглушающій шумъ громадной свирѣпой свалки? Она была не нужна, и штатскіе люди расправились съ ней легко и свободно, а наркотизированное «патриотизмомъ» «общество» даже и не пикнуло—если, впрочемъ, не считать инцидента въ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства.

«Общество» молчало. Оно молчало даже и тогда, когда «боевой» генералъ, герой русско-турецкой кампаніи и сподвижникъ финляндскаго Вобрикова, тотъ самый, что, по словамъ одной газеты, всегда приглашался туда, гдѣ необходимо было что либо предпринять по военному, откровенно объявилъ—на манеръ Святослава: иду на васъ, иду на дѣтей,—на вашихъ дѣтей, російское общество!

Воспитаніе въ идеѣ «безпредѣльной преданности царю и отечеству, въ неуклонныхъ правилахъ дисциплины и порядка»—старыя слова, и мы недавно еще слышали ихъ въ рескриптѣ, написанномъ Мещерскимъ,—для Зенгера, но эти старыя слова приобрѣтали новый смыслъ въ устахъ министра-«рубачи», произнесшаго ихъ, принимая въ свои руки бразды отечественнаго «просвѣщенія». Она означали, что теперь штатскіе люди меньше, тѣмъ когда бы то ни было, хотять отступиться отъ той головоломной задачи, надъ рѣшеніемъ которой только что свихнулся предтеча г. Глазова, что они готовы идти напроломъ, чего бы это ни стоило, только бы взять въ концѣ концовъ давно желанный призъ—душу русскаго дитяти. Объ этой «душѣ» и о способахъ ея уловленія много лѣтъ уже мечутъ жребій бюрократы всѣхъ толковъ. Латинскій языкъ или патріотическое отечествовѣдѣніе, сердечное попеченіе или хроническая «вселенская смазь»—все это лишь отдѣльныя главы одной длинной—предлинной повѣсти о томъ, какъ штатскій человекъ напрасно ходилъ по душу русскаго ребенка. Между г. Глазовымъ и тѣми, кто шелъ до него, разница лишь въ томъ, что его предшественники никогда еще эту задачу не рѣшались выставлять на показъ въ такой свободной отъ покрововъ, такой оголенной формѣ. Къ чему говорить о научныхъ системахъ, о педагогической мудрости, надо просто изъ ребячьей души сдѣлать вяленую воблу, а остальное—приложится! Это языкъ того историческаго момента, когда штатскій человекъ увидалъ, что онъ можетъ все, что ему нечего бояться, что «общество» слишкомъ «патріотично», чтобы встать на защиту поправной дѣтской души. Но и сама воспитательная задача никогда еще такъ властно, какъ теперь, не надвигалась на штатскихъ людей. Дѣло въ томъ, что никогда еще школьникъ не былъ въ такой степени «героемъ своего времени», никогда еще онъ не былъ такъ въ центрѣ вниманія этихъ людей. Каковы бы ни были причины, но не подлежитъ сомнѣнію: за истекшіей политическій годъ гимназистъ отгѣснилъ студента. Онъ создалъ свои организація, онъ сталъ демонстрировать, онъ началъ писать, онъ подошелъ вплотную къ борьбѣ съ настоящимъ режимомъ. И въѣдомъ своего торжества онъ можетъ назвать г. Глазова. Если три года назадъ Ванновскій явился

въ отвѣтъ на движеніе студентовъ, то военный генералъ есть безспорный продуктъ его—гимназиста—«политики».

Подъ непрестанный шумъ далекой войны, этотъ финляндскій герой и сокрушитель правовѣрныхъ будетъ теперь—между школьныхъ партъ—доживать свои побѣдные лавры...

Такова—трагикомедія русской дѣйствительности.

Старовскръ.

Монархистъ въ роли террориста

(25 Іюня 1904 г., № 68).

Въ эти дни, когда усовершенствованныя орудія истребленія немолчно совершаютъ свою работу на Дальнемъ Востокѣ,—усовершенствованный револьверъ Браунинга снова напомнилъ, что не въ однихъ лишь вопросахъ «мировой политики», но и въ вопросахъ внутренней борьбы послѣднее слово принадлежитъ—насилю.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ политически мыслящая Россія скорбно смотрѣла на получившій широкое распространеніе снимокъ прекрасной картины «Финляндія». Двуглавый хищникъ и геній маленькой страны, отбивающій у него книгу съ надписью Іех (законъ). Да, только законъ, только ту ограниченную, неравномѣрно распределенную между гражданами сумму вольностей, которая была записана въ хартиі начала вѣка,—только ее отстаивала маленькая нація, отстаивала со всей энергіей, со всей зостью ограниченного буржуазнымъ кругозоромъ консервативнаго патріотизма, молившаго оставить Финляндію «подъ сѣнью» той конституціи, которая позволяла ей пребывать вѣрноподданной провинціей, никакимъ общественнымъ интересомъ не связанной со всей порабощенной имперіей, съ борьбой ея гражданъ.

Прошло немного лѣтъ—и отъ старинной книги остались только корешки. Листокъ за листкомъ, выщипалъ двуглавый хищникъ запи-

саннья въ ней права и вольности. И тамъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ гордились отсутствіемъ всякой оппозиціи имперскому режиму, — тамъ нынѣ просвистѣли первыя пули революціоннаго протеста.

День убійства ген. Бобрікова останется исторической датой въ судьбахъ Россіи и особенно Финляндіи. Пуля финляндскаго патріота не остановитъ, разумѣется, ни на минуту систему, которая, шагъ за шагомъ, ведетъ Финляндію къ полному раззоренію, обезличенію и разложенію. Эту систему остановить только россійская революція, ибо абсолютизмъ не можетъ уже уступить въ чемъ нибудь Финляндіи, не рискуя тѣмъ самымъ поднять надежды другихъ, связанныхъ съ нею общей цѣлью угнетенія, своихъ внутреннихъ враговъ.

Но пуля Шаумана, несомнѣнно, подвинетъ впередъ переходъ Финляндіи изъ состоянія «слоньяно-оппозиціонной» провинціи въ положеніе одного изъ становъ революціи.

Кровь сына сенатора уравнила передъ лицомъ русской реакціи умѣренныхъ патріотовъ Финляндіи съ революціонерами Россіи, Польши и Кавказа. И реакціонная печать спѣшитъ уже сдѣлать вытекающіе отсюда для абсолютизма политическіе выводы.

Она сопоставляетъ убійство Бобракова съ убійствомъ Снягина. Та же почти обстановка, то же — скажемъ за реакціонную печать — изящество выполненія акта революціонной мести, такъ сильно повышающее производимое имъ сенсаціонное впечатлѣніе, та же отвага, тотъ же героизмъ мстителя. Но въ одномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ полувѣковой почти политической тяжбой между деспотизмомъ и русской демократіей; въ другомъ — первый актъ революціоннаго террора въ борьбѣ между тѣмъ же деспотизмомъ и цѣлой націей, въ авангардѣ которой стоятъ вся буржуазные классы, управлявшіе доселѣ страной.

Шауманъ былъ шведоманомъ, т. е. членомъ умѣренно-либеральной партіи, политическое вліяніе которой опирается на привилегіи отсталой конституціи. Довести такую партію до революціоннаго террора — для этого требуется политическая ловкость, до какой доселѣ, со времени 1848 г., не сумѣла возвыситься ни одна монархія. Эта особенность выстрѣловъ, раздавшихся, такъ сказать, изъ нѣдръ привилегированнаго класса, сейчасъ же была учтена буржуазнымъ общественнымъ мнѣніемъ Запада. Его пресса ни словомъ сожалѣнія не обмолвилась объ убитомъ палачѣ и не побоялась воспѣть героизмъ самоотверженнаго патріота. Вплоть до ультра-реакціонной германской «Post» газеты Запада говорятъ о неизбежности актовъ à la Шауманъ тамъ, гдѣ правители дѣйствуютъ à la Бобріковъ. Это не то, что го-

ворилось два года назад по поводу выстрѣловъ С. Балмашева. Еще бы! Тогда, пострадавшій въ лицѣ своего министра, абсолютизмъ въ глазахъ Европы фигурировалъ въ роли «международнаго жандарма», въ роли оплота противъ такихъ «разрушительныхъ» стремленій, торжество которыхъ въ Россіи неминуемо усилило бы разрушительныя стремленія мирового пролетарскаго движенія на Западѣ. Здѣсь—въ лицѣ Бобрікова—абсолютизмъ стоитъ передъ буржуазной Европой въ другой своей исторической роли, въ роли хищника-завоевателя, подъ пятой котораго стонутъ дѣлныя, сторванныя отъ европейской цивилизаціи, націи. И когда революціонный протестъ противъ абсолютизма въ этой его роли исходитъ изъ солидныхъ круговъ, безхарактерное и безпринципное общественное мнѣніе буржуазной Европы не можетъ не привѣтствовать политическаго убійства, которое еще вчера провозглашалось исчадіемъ «анархізма». И самая возможность для современной буржуазной печати сампативировать террору въ такихъ случаяхъ показываетъ, какой фальшью, какимъ лицемеріемъ проникнуто ея обычное «моральное» осужденіе террора русскихъ революціонеровъ и европейскіихъ анархистовъ.

Русская реакціонная печать не можетъ не чувствовать, какъ воспринимается Европой этотъ новый эпизодъ агоніи «режима». Какая-то припнбленность замѣчается во всѣхъ писаніяхъ реакціонныхъ газетъ объ убійствѣ Бобрікова. Безмысленныя угрозы по адресу того самого финляндскаго сената, который, частью изъ добровольнаго холопства, частью изъ политической продажности, шелъ рядомъ съ Бобріковымъ,—эти угрозы, мотивируемыя тѣмъ, что сенатъ «не охранялъ» генерала отъ пули Шаумана, могутъ только оттолкнуть отъ абсолютизма тѣ реакціонныя элементы финляндскаго общества, которые, путемъ блага террора и всякой деморализаціи, удалось отчасти приручить покойному ставленнику Плеве. Эти угрозы сами по себѣ показываютъ, что руссификаторы отчаялись въ «умиротвореніи» Финляндіи, что имъ не остается ничего другого, какъ объявить открыто, что они возьмутъ со всей націей средствами одного голаго насилія. Это и было объявлено извѣстіемъ дѣла объ убійствѣ Бобрікова изъ компетенціи финляндскихъ судовъ и отправленіемъ на его мѣсто преранійшаго изъ сатраповъ—князя Ивана Оболенскаго.

Но насиліе—оружіе обоюдоострое. Выстрѣлъ Шаумана еще разъ напомнилъ это, и не даромъ «Нов. Время», устами г. Вѣльева, заговорило о невыносимомъ положеніи руссификаторовъ, живущихъ подъ постояннымъ страхомъ индивидуальной и коллективной мести со стороны мятежнаго населенія. Тамъ, гдѣ вся нація чувствуетъ себя въ

положеніи загравленнаго звѣря, тамъ, гдѣ аристократы, священники и фабриканты вынуждены конспирировать и рукоплескать политическимъ убійствамъ; тамъ, гдѣ система насилія держится только колоссальнымъ численнымъ перевѣсомъ угнетателей надъ угнетаемыми, — тамъ не приходится уже мечтать о политической идилліи, и, по вѣрному выраженію г. Струве, надо удивляться не тому, что въ Финляндіи начались акты террора, а тому, что ихъ тамъ до сихъ поръ не было.

Своимъ выстрѣломъ Шауманъ шель навстрѣчу желаніямъ, можно сказать, всей финляндской націи, объединенной въ чувствѣ ненависти къ палачу Финляндіи. Но это общенациональное дѣло борьбы за самостоятельность Финляндіи исторіей возложено на плечи финляндской буржуазіи, политически господствующаго въ данный моментъ класса, подобно тому, какъ буржуазія же несла на себѣ дѣло національнаго освобожденія германской и итальянской націй. Финляндская буржуазія шла впереди въ борьбѣ съ руссификаціей, она поставляетъ главныя жертвы этой борьбы, она и выслала изъ своей среды героя 3 іюня.

Единичный терроръ — революціонное орудіе, которое наиболѣе по плечу приведенной въ революціонное настроеніе буржуазіи. Еще покойный Либкнехтъ (*Attentate und Socialdemocratie*) указывалъ, что въ исторіи революціонной эмансипаціи буржуазіи единичный терроръ игралъ видную роль. Ибо идеологическія традиціи буржуазіи дѣлаютъ ее склонной связывать опредѣленную систему съ личностью ея носителя и искать въ устраненіи этой личности ключа къ измѣненію системы.

Въ напечатанномъ за границей письмѣ, которое Шауманъ оставилъ для императора, характерно сказывается это отождествленіе системы и личности. Передъ мстителемъ за горе и униженіе Финляндіи стоятъ двѣ личности: свирѣпый Бобриковъ, котораго надо лишить возможности вредить, и монархъ, котораго «доброе сердце и благородныя намѣренія» слѣдуетъ разбудить, указавъ на совершающіяся беззаконія и преступленія. И Шауманъ пытается своимъ покушеніемъ вызвать поворотъ въ настроеніи монарха, «вѣрноподаннымъ» котораго остается до конца. Онъ не видитъ передъ собой исторически неизбѣжной системы: передъ нимъ только случайная комбинація. Что бѣлый терроръ въ Финляндіи необходимо связанъ съ разложеніемъ абсолютизма въ Россіи, что петербургскіе правители не могутъ уже щадить финляндскую «окраину», когда російская революція поставила передъ ними дилемму жизни или смерти — этого не замѣчаетъ политическая мысль

буржуазии, и въ своемъ невѣдѣніи возлагаетъ громадыя надежды на возможные послѣдствія устраненія одной личности.

При такихъ условіяхъ индивидуальный террористическій актъ, отражая въ себѣ политическое настроеніе дѣйствительно революціонной и готовой ко всякому революціонному протесту общественной среды, не таитъ въ себѣ тѣхъ политическихъ опасностей, которыми чреваты такіе же террористическіе акты тамъ, гдѣ рѣчь еще идетъ о развитіи весьма слабой политической активности общественныхъ группъ, пришедшихъ въ столкновеніе съ наличнымъ режимомъ. Въ Финляндіи террористическій актъ Шаумана знаменуетъ собой ту крайнюю степень раздраженія, которая охватываетъ всю передовую часть націи. Отдѣльный герой символизируетъ все общество со всеми его наивными иллюзіями, но и со всей его готовностью идти до конца въ борьбѣ съ режимомъ угнетенія. Если въ какомъ нибудь отношеніи актъ Шаумана можетъ имѣть вредныя послѣдствія, то только въ одномъ — онъ можетъ приостановить процессъ политической мобилизаціи финляндскаго пролетаріата, въ тотъ моментъ, когда онъ, не задолго до выстрѣла 3 іюня, впервые заявилъ внушительной демонстраціей на улицахъ Гельсингфоргса готовность вступить въ самую активную борьбу за свободу Финляндіи. И въ интересахъ дальнѣйшаго развитія этой борьбы финляндскаго пролетаріата, въ интересахъ того, чтобы эта борьба за свободу послужила къ развитію его классового самосознанія, надо пожелать, чтобы выстрѣлъ сына сенатора встрѣтилъ, съ точки зрѣнія политической цѣлесообразности этого метода борьбы, надлежащую критику со стороны нашихъ финляндскихъ товарищей.

Въ иномъ свѣтѣ представляется вопросъ о политическомъ террорѣ у насъ въ Россіи. Здѣсь главная, все еще не исполненная, задача заключается въ поднятіи политической активности недовольныхъ современнымъ режимомъ слоевъ населенія. Здѣсь инициатива революціоннаго протеста исходитъ отъ такихъ общественныхъ группъ, которымъ невозможно надолго вѣрить въ достаточность устраненія одной личности, — слишкомъ сложны для этого тѣ еоціальные мотивы недовольства, которые вызвали самый протестъ. Здѣсь, поэтому, террористическія настроенія всегда означаютъ либо временную задержку въ ростѣ активности уже заволнованныхъ народныхъ массъ, — либо присоединеніе къ общему движенію протеста новыхъ общественныхъ слоевъ, съ болѣе поверхностнымъ пониманіемъ политическихъ задачъ, съ болѣе, слѣдовательно, психологической готовностью совершать революціонное движеніе, не замѣчая того и вѣря въ достаточность частныхъ перемѣнъ въ данномъ режимѣ, готовность, такъ характери-

ающую финляндское общество и его героя. А поскольку эти политические мотивы дают себя знать в террористических увлечениях среди уже довольно далеко подвинувшихся в дѣлѣ революціонной мобилизаціи пролетариата и близкихъ ему круговъ студенчества, — постольку въ этомъ явленіи сказывается ростъ вліянія на эти общественные слои менѣе революціонной идеологіи буржуазнаго происхожденія. И постольку борьба противъ пропаганды террора есть борьба за вліяніе революціоннаго социализма съ его методами классовой борьбы противъ вліянія политическихъ идей и приемовъ борьбы буржуазной демократіи.

Когда общество находится въ состояніи такого политическаго возбужденія и революціонной готовности, что ружья, по выраженію, кажется, Макмагона, сами начинаютъ стрѣлать, тогда отдѣльный террористическій актъ, могущій, съ полнымъ правомъ, рассматриваться, какъ явленіе стихійное, не можетъ сыграть отрицательной роли, какъ бы ни было ничтожно непосредственное его практическое положительное значеніе. Тогда и моральное его дѣйствіе можетъ быть довольно велико. Въ этомъ случаѣ было бы смѣшно говорить о революціонномъ авантюризмѣ такого террора, какъ было бы нелѣпо пытаться его «систематизировать» и сдѣлать орудіемъ планомерной борьбы опредѣленной партіи. Другое дѣло—когда революціонная активность массы населенія только начинаетъ развиваться, и развиваться въ направленіи пониманія социально-политическихъ корней гнетущаго ихъ зла, и когда единичный террористическій актъ, прежде всего, отвлекаетъ начавшую работать мысль отъ системы къ ея индивидуальнымъ представителямъ и расслабляетъ начавшую формироваться революціонную волю массы. При этихъ условіяхъ успѣшный террористическій актъ естественнымъ образомъ группируетъ около себя опередившіе массу по нервности своего революціоннаго настроенія слои интеллигенціи и развиваетъ въ нихъ склонность подмѣнять политическую борьбу болѣе легкой, на первый взглядъ, игрой въ заговоры. Вотъ почему мы и говоримъ о дезорганизаторской роли террора въ Россіи.

Финляндское общество отстаивающее неприкосновенность разрушаемаго абсолютизмомъ буржуазно-конституціоннаго status quo, можетъ пройти всѣ фазы революціоннаго подъема, не замѣчая того, какъ оно изъ «вѣрнопоподаннаго» оппозиціонера превращается въ мятежника, а его героическіе сыны могутъ пойти даже на крайніе террористическіе акты, продолжая считать себя монархистами.

Русская демократія и, прежде всего, російскій пролетариатъ не могутъ подготовиться къ совершенію дѣйствительной революціи, не ра-

зорвать въ своемъ собственномъ сознаниі со всѣми историческими традиціями политической пассивности. Финляндскому обществу не приходится учиться политической активности—прошедшее школу политической жизни оно ни при какихъ условіяхъ не замѣнитъ политическую борьбу игрой въ заговоры. Русской демократіа и русскому пролетариату надо прежде всего научиться выступать политически. Въ исторіа Финляндіи убійство Бобрікова является первымъ случаемъ политическаго убійства; въ исторіа Россіи политическія убійства были искони суррогатомъ политической борьбы, признакомъ политической слабости и пассивности недовольныхъ «режимомъ» словесъ націи и полный разрывъ съ этой традиціей долженъ быть предварительнымъ условіемъ всякаго дѣйствительно-революціоннаго движенія.

Л. Мартовъ.

Передъ Голодомъ.

(25 Іюня 1904 г., № 68).

Тяжелыя послѣдствія бессмысленной и деракой войны, затѣянной самовластнымъ правительствомъ, осложняются новымъ бѣдствіемъ. Грозный призракъ неурожая и голода снова встаетъ передъ русской деревней. Въ настоящее время еще невозможно съ точностью опредѣлить силу удара, разразившагося надъ страной, и безъ того тратяще послѣднія средства на расплату за чужіе грѣхи. Газетныя сообщенія о размѣрахъ неурожая отличаются чрезвычайною сдержанностью и краткостью. Но и тѣ отрывочныя свѣдѣнія, которыя проникли въ несчастную подцензурную печать, ясно показываютъ, что крестьянскому хозяйству угрожаетъ серьезное разстройство. Засушливая осень, бѣдная атмосферическими осадками зима и холодная и вѣтряная весна самымъ губельнымъ образомъ отразились на ростѣ травъ и хлѣбовъ. «Петербургскія Вѣдомости» сообщаютъ, что въ Бессарабіа состояніе хлѣбовъ, виноградниковъ и выпасовъ для скота производятъ удручающее впечатлѣніе на земледѣльцевъ. Истощенные

засухой и вѣтрами яровые посѣвы находятся на краю гибели; озимые же настолько плохи, что уже никакіе дожди не въ состояніи ихъ поправить. Сѣнокосы повсемѣстно выгорѣли и крестьяне принуждены кормить скоть соломой. По позднѣйшимъ извѣстіямъ «Южныхъ записокъ» неудовлетворительный урожай въ районѣ юго-западныхъ желѣзн. дорогъ, въ особенности бессарабскаго и дунайскаго участковъ, выяснился съ такою опредѣленностью, что въ Одессѣ замѣтно упали цѣны на магазины для осыпки зерна. Въ херсонской губ., какъ пишутъ «Южн. записки», поля также представляютъ печальное зрѣлище. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на озимые посѣвы, въ виду ихъ полной безнадежности, уже выпущены скоть. «Рус. Вѣд.» сообщаютъ, что и въ Таврической губ. полевые работы заподали, и развитіе растительности вслѣдствіе холода идетъ очень медленно. Кіевскій корреспондентъ «Руси» утверждаетъ, что не только въ Кіевской, но и въ соседнихъ губерніяхъ не будетъ урожая ржи, культивируемой въ данномъ районѣ почти исключительно въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Яровые хлѣба также значительно пострадали отъ майскихъ холодовъ. Гречиха, конопля сильно повреждены. Сады и огороды, занимающіе видное мѣсто въ малорусскомъ хозяйствѣ, почти погублены заморозками. На сѣверѣ дѣла обстоятъ не лучше, чѣмъ на югѣ. По словамъ «Русск. Вѣд.» стоявшіе все время холода неблагоприятно повдіяли на ростъ яровыхъ хлѣбовъ и травъ въ Петербургской, Новгородской и Псковской губерніяхъ. Состояніе озимыхъ, особенно въ Петербургской губерніи, также нехорошо. Въ Московской губ. рожь вышла низкорослою; яровые хлѣба заподали всходами и не даютъ надежды на сносный урожай. Картофель во многихъ мѣстахъ загнилъ. Кормовые травы повсюду плохи. Сады и огороды повреждены снѣгомъ, градомъ и утренними заморозками. Кромѣ этихъ свѣдѣній въ газетахъ уже начинаютъ появляться сообщенія о томъ, какъ отразились военные приключенія російскаго правительства на неустойчивомъ и обезсѣленномъ крестьянскомъ хозяйствѣ. «Амурская газета» пишетъ, что въ Орловской волости близъ Четы населеніе за неизмѣнимъ хлѣба питается лебедю, а скоть валится отъ полной безкормицы. Въ Благовѣщенскѣ переселенцы толпами бродятъ по улицамъ, прося милостыни. Они возвращаются въ Россію и буквально голодаютъ. Въ Нижегородской губ. крестьяне страшно бѣдствуютъ отъ недостатка хлѣба и корма для скота. Все, что можно было продать, продано и съѣдено. Последнее уцѣлѣвшее имущество распродается за неплату податей. Кредитъ исчерпанъ до конца, а задатковъ подъ промышленныя работы подрядчики не даютъ по случаю войны. Въ Нѣжинскомъ уѣздѣ Черниговской

губ. восточныя ссудо-сберегательныя кассы прекратили выдачу ссудъ запаснымъ воинскимъ чинамъ. Въ Пошехонскомъ уѣздѣ наблюдается полный застой въ хлѣбномъ промыслѣ, составляющемъ главную опору населенія...

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что приведенныя свѣдѣнія далеко не полны. На основаніи отрывочныхъ замѣтокъ русскихъ газетъ можно съ увѣренностью предположить, что неурожаѣ поразили не только перечисленныя, но и однородныя съ ними по климатическимъ и хозяйственнымъ условіямъ губ. Тѣмъ не менѣе, даже тотъ матеріалъ, которымъ мы располагаемъ, позволяетъ заключить, что «недородъ» хлѣбовъ и травъ распространяется на значительную часть хлѣбородной площади Россіи. Петербургская, Псковская, Новгородская, Московская, Ярославская, Тверская, Костромская, Кіевская, Полтавская, Черниговская губерніи, Бессарабія и весь Новороссійскій край въ той или другой степени пострадали отъ неурожаа. Какъ мы уже сказали, въ настоящее время еще нѣтъ возможности опредѣлить силу неурожаа, но въ переживаемый моментъ даже такъ называемый «пестрый» урожай является серьезнымъ общественнымъ бѣдствіемъ, тѣмъ болѣе, что на международномъ хлѣбномъ рынкѣ обстоятельства складываются далеко не благопріятно для русскаго сельскаго хозяйства. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ Англіи, Германіи, Италіи, Франціи и Соединенныхъ Штатахъ ожидается вполне удовлетворительный урожай. Слѣдовательно, русскій хлѣбъ останется въ низкой цѣнѣ, и крестьяне будутъ вынуждены вынести на рынокъ даже ту часть, которую они, при болѣе высокихъ цѣнахъ, могли бы оставить для собственнаго потребления. Но главное зло заключается, разумѣется, въ тѣхъ политическихъ условіяхъ, которыя созданы для Россіи правительствующею шайкою. Безумная война уже произвела громадныя опустошенія въ народно-хозяйственной жизни. Застой промышленности и торговли не можетъ не оказать губительнаго вліянія и на положеніе сельскаго хозяйства. Городская безработица больно задѣваетъ и деревенское населеніе. Кромя того крестьянство испытало и непосредственный ударъ. Сотни тысячъ семействъ остались безъ куска хлѣба и безъ возможности добыть его. Въ ближайшемъ будущемъ крестьянству придется перенести энергичное взысканіе податей и, вѣроятно, увеличеніе налоговъ. Такимъ образомъ, тяжесть неурожаа усиливается въ нѣсколько разъ требованіями настоящаго политическаго положенія. Между тѣмъ опутанное крѣпкою сѣтью крѣпостническо-полицейскаго строя, крестьянство и при обычныхъ условіяхъ никогда не могло собственными силами справиться съ послѣдствіями неурожаевъ и постоянно

требовало государственной и общественной помощи. Но можно ли теперь рассчитывать на то, что помощь придет в сколько нибудь существенных размѣрахъ? Правительство, обирая крестьянъ до послѣдней нитки, никогда не считало своей обязанностью поддерживать голодающее населеніе. Подъ давленіемъ необходимости бюрократія выбрасывала крестьянамъ ничтожныя крохи собранныхъ народомъ богатствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ употребляла всѣ усилія, чтобы и эти жалкія подачки не ушли изъ чиновничьихъ рукъ. Земство, болѣе знакомое съ мѣстными нуждами, было отстранено отъ продовольственнаго дѣла. Частныя лица, въ простотѣ сердечной спѣшившія на помощь голодному и холодному крестьянству, подвергались всевозможнымъ надругательствамъ и, какъ преступники, были высланы изъ неурожайныхъ мѣстностей. Сами голодающіе крестьяне были официально объявлены лѣнтями, желающими воспользоваться даровымъ хлѣбомъ. Такъ относилось правительство къ пострадавшему населенію въ мирное время. Теперь, когда оно занято безумною войною, крестьяне не могутъ рассчитывать даже на тѣ жалкія крохи, которыя имъ доставались раньше. Всѣ средства государства будутъ поглощены военными потребностями. По приблизительнымъ вычисленіямъ французскаго спеціальнаго журнала, война обходится Россіи по 70 милліоновъ въ мѣсяцъ, т. е., если военныя дѣйствія, какъ это весьма вѣроятно, продолжатся два года, то Россія должна будетъ израсходовать 1,600 милліоновъ рублей. Но французскій журналъ не могъ, конечно, принять въ расчетъ русскаго казнокрадства. Г. Гензель, знающій родныя условія, высчитываетъ стоимость войны въ 90 милліоновъ рублей ежемѣсячно. Между тѣмъ, къ началу войны правительство имѣло свободныхъ денегъ на военныя нужды всего около 518 милліоновъ. Майскій заемъ далъ ему еще около 292 милліоновъ рублей. При такихъ условіяхъ ни о какой серьезной помощи голодающимъ не можетъ быть и рѣчи. Наоборотъ, правительство употребитъ всѣ усилія, чтобы «выжать» изъ населенія не только 15 милліоновъ для уплаты процентовъ по новому займу, но и тѣ сотни милліоновъ, которые необходимы для дальнѣйшаго веденія войны.

Не могутъ помочь голодающимъ и земскія учрежденія. И они такъ же, какъ и правительство, только усаливаютъ тяжесть неурожая своими пожертвованія на военныя нужды. По сообщенію «Правит. Вѣстника» до 11 марта 15 губернскими собраніями было ассигновано на военныя нужды 4.700.000 руб. Съ тѣхъ поръ сумма пожертвованій, навѣрное, удвоилась. Эти 8 милліоновъ составляютъ новый налогъ, свалившійся на измученное крестьянство, вслѣдствіе «высшихъ» со-

ображеній земскої політики. І если бы даже земство имѣло возможность оказывать поддержку неурожайнымъ мѣстностямъ, то это было бы простымъ перекачиваніемъ денегъ изъ одного крестьянскаго барнака въ другой. Но, къ сожалѣнію, нелѣпая земская политика «патріотизма» сдѣлала невозможной даже такую «помощь». Дѣло въ томъ, что земскія собранія, жертвуя милліоны на нужды арміи и флота, и въ непосредственное распоряженіе «сферъ», совершенно забыли о томъ, что по закону 25 іюня 1877 года на земскія и городскія общества возложена обязанность заботиться о семьяхъ запасныхъ, призванныхъ въ дѣйствующую армію. Между тѣмъ мобилизація, захватывая все болѣе и болѣе обширный районъ, вызвала такую острую нужду въ оставшихся безъ работниковъ семьяхъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ поспѣшило обратить вниманіе губернаторовъ на своевременное удовлетвореніе ходатайствъ, поступающихъ отъ семей призванныхъ къ оружію солдатъ. Губернаторы съ удовольствіемъ напомнили земству объ его обязанностяхъ, но земскія деньги уже отправлялись на Дальній Востокъ въ видѣ санитарныхъ отрядовъ, или лежали въ разныхъ «комитетахъ» по сооруженію флота и т. д. Большие взять денегъ было рѣшительно неоткуда, и недавно гордые «патріоты», попавъ въ затруднительное положеніе, принимаютъ такіа нелѣпо постыдныя рѣшенія, какъ Харьковское губ. собраніе, которое, только что пожертвовавъ 1 1/2 милліона на войну, теперь проситъ у правительства 2 милліона займа на пособія семьямъ запасныхъ солдатъ. По расчетамъ «Новаго Времени» на эти пособія потребуется, въ общемъ, не менѣе 30 милліоновъ рублей. Какъ найдутъ эту сумму земства и найдутъ ли они ее—трудно сказать, но во всякомъ случаѣ, голодающее населеніе не имѣетъ никакихъ основаній рассчитывать на серьезную поддержку со стороны земскихъ учрежденій.

Нельзя надѣяться и на добровольцевъ-филантроповъ. Во-первыхъ, Плевэ ихъ не пуститъ въ деревню, а «благотворить» черезъ посредство урядниковъ и земскихъ начальниковъ не согласится даже російскій обыватель; во-вторыхъ, война отозвалаась и на обывательскомъ жарманѣ. Въ предстоящей голодной «кампаніи» крестьянинъ, такимъ образомъ, останется безъ союзниковъ... если къ нему не придетъ революціонеръ. И онъ долженъ прійти...

Мы считаемъ излишнимъ доказывать важность настоящаго момента. При самомъ скептическомъ отношеніи къ современной дѣятельности очевидно, что всеобщая растерянность и всеобщее недовольство, переживаемое нынѣ Россіей, обязываютъ партію революціоннаго дѣйствія къ рѣшительной и беззавѣтной борьбѣ. Каждый

день войны приносить въ Россію новый фактъ полной неспособности бюрократіи, каждый день увеличиваетъ непосредственныя страданія народныхъ массъ. Голодь, тяжесть котораго ни правительство, ни «общество» не будутъ въ состояніи ослабить, подавить послѣдніе остатки «патріотическихъ» чувствъ и вызоветъ раздраженіе въ самыхъ глухихъ мѣстахъ и въ самыхъ заглушенныхъ умахъ. Въ такіе моменты, по авторитетному сужденію покойнаго Сипягина, каждый городъ, каждое мѣстечко, каждый поселокъ превращается въ «благопріятную почву для противоправительственной агитаціи», тѣмъ болѣе благопріятную, что мысль о неразрывной связи голода съ существующимъ порядкомъ въ достаточной мѣрѣ популярна среди значительной части русскаго населенія. Неудачная война, голодь, разореніе, при наличности революціонно-настроеннаго пролетаріата, озлобленнаго крестьянства, кедовольнаго «общества»,—въ такіе рѣдкіе моменты надо, по выраженію Г. В. Плеханова, агитировать и не оставаться за флагомъ!

Быть можетъ, всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Россіи придется подводить итоги политикѣ военныхъ приключеній и правительственнаго произвола. Каковы бы они ни были въ конечномъ результатѣ, ихъ содержаніе опредѣлится столкновеніемъ между абсолютизмомъ и «обществомъ». Передъ революціонной социалдемократіей развертывается, слѣдовательно, грандіозная перспектива организовать настолько сознательное участіе народныхъ массъ въ предстоящей схваткѣ между отживающимъ азіатскимъ и нарождающимся европейскимъ строемъ, чтобы народъ боролся за политическія права для себя, а не за политическія привилегіи для своихъ эксплуататоровъ. Эта цѣль можетъ быть достигнута только тогда, когда революціонная социалдемократія, на минуту не забывая особеннаго характера присущихъ ей задачъ, возьметъ на себя инициативу и главную роль въ общемъ антиабсолютистскомъ движеніи и объединитъ подъ своимъ знаменемъ городскія и сельскія народныя массы. Въ городахъ вліяніе социалдемократія достаточно велико; теперь же, когда война, голодь и разореніе до болѣзненности обострятъ гнетъ крѣпостныхъ пережитковъ въ современной деревнѣ, передъ партіей пролетаріата открывается широкая дорога къ уму и сердцу крестьянина. Крѣпкое сплоченіе въ единую армію городскихъ рабочихъ, революціоннаго класса по отношенію ко всему существующему строю, и крестьянства, революціоннаго класса по отношенію къ полуфеодалному строю, сохранившемуся въ сельской Россіи, становится близкимъ и возможнымъ.

Но, ставя себѣ задачей повліять на народныя массы и побудить ихъ къ непосредственному дѣйствію, социалдемократическая партія обя-

зана немедленно выяснить характеръ и содержаніе предстоящей дѣятельности. Та обычная полупропаганда, полугагитация, которая ведется въ историческіе будни, едва ли умѣстна въ настоящее «смутное» время. Въ моментъ всеобщей растерянности и всеобщаго ожиданія, переимѣнь недостаточно «проповѣдывать» необходимость уничтоженія абсолютизма, необходимо перейти къ разъясненію тѣхъ конкретныхъ формъ, въ которыхъ совершится это уничтоженіе, и дать руководящія указанія, съ чего начать. Поэтому мы полагаемъ, что насталъ моментъ придать болѣе конкретный характеръ обычной революціонно-просвѣтительной агитации партіи. Исходя изъ многочисленныхъ фактовъ, которые показываютъ полную неспособность правительства развязать мертвую петлю, затянутую имъ на народной шеѣ, мы должны сосредоточить главное вниманіе на популяризации того пункта нашей программы, который гласитъ, что полное, послѣдовательное и прочное осуществленіе политическихъ и социальныхъ преобразованій въ Россіи достижимо лишь путемъ низверженія абсолютизма и созыва учредительнаго собранія, свободно избраннаго всѣмъ народомъ.

Благодаря нашей агитации, требованіе созыва учредительнаго собранія должно широко разлиться по Россіи и громко зазвучать изъ глубины народныхъ массъ, изъ всѣхъ городовъ и поселковъ. И когда мысль объ учредительномъ собраніи, какъ единственномъ выходѣ изъ современнаго положенія, станетъ дѣйствительно народнымъ достояніемъ,—революціонная социалдемократія можетъ смѣло начать открытую войну противъ абсолютизма и завоевать въ ней такіе политическія позиціи, которыя она уже не отдастъ запоздавшей въ битву буржуазіи.

Н. Неворевъ.

Дорогая цѣна.

(10 іюля 1904 года № 69).

Въ иностранной печати упорно распространяются за послѣднее время слухи о какой то «комиссіи», якобы созванной въ Петергофѣ и занимающейся выработкой проекта «конституціи». Сообщаются даже подробности, вродѣ того, что будущая конституція должна осчастливить російскій народъ дарованіемъ ему чего-то вродѣ германскаго рейхстага; однако есть и маленькая разниаца: вмѣсто того, не столько

рѣшающаго, сколько могущаго противопоставить свое veto правительственнымъ законопроектамъ, голоса, который имѣеть рейхстагъ, грядущій російскій парламентъ будетъ имѣть лишь совѣщательный голосъ.

Придавая весьма мало значенія фактической сторонѣ этихъ соображеній, мы не можемъ, однако, не видѣть въ нихъ нѣкотораго отраженія настроенія, начинающаго проникать въ тѣ великосвѣтскіе и административные салоны, въ которыхъ корреспонденты «большой» европейской печати черпають сплетни, сообщаемыя ими въ редакціи своихъ газетъ. Тѣ сокрушительные удары, которые уже претерпѣлъ «режимъ» въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, очевидно, заставляютъ проникать въ души и самыхъ геморроидальныхъ особъ «первыхъ четырехъ классовъ» смутное сознаніе, что близится конецъ абсолютизма. Бѣшенство, съ которымъ «Московскія Вѣдомости» навидываются на злополучныхъ авторовъ «слуха», показываетъ только, что иностранная печать попала въ цѣль, въ болное мѣсто. *Sé non é vero, 'e ben trovato.*

Да и не было бы ничего удивительнаго, если бы среди рыцарей кнута и нагайки нашлись уже теперь предусмотрительные люди, заранѣе учитывающіе цѣну предательства по отношенію къ тому режиму, именемъ котораго самодержавная бюрократія такъ долго душитъ пробуждающій народъ. Скорѣе было бы странно, если бы этого не было. Исторія всѣхъ странъ показываетъ, что бюрократія всегда была готова служить всякому правительству и предать всякое правительство. Талейранъ, служившій республикѣ, директоріи, имперіи, Бурбонамъ, Орлеанамъ и всѣхъ ихъ поочередно предававшій, конечно, имѣеть всѣ основанія быть причисленнымъ къ лику святыхъ бюрократіи. И такъ какъ у господъ этого сорта нюхъ бываетъ очень тонкій, то конституціонные проекты тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ несомнѣнно представляютъ весьма отраднѣйшій симптомъ разложенія абсолютизма.

Но не мы, конечно, будемъ возлагать наши надежды на комиссіи изъ тайныхъ совѣтниковъ. Это—монополья російскаго либерализма. Зародившійся въ тяжелой атмосферѣ рабства, при первыхъ шагахъ своихъ уже увидѣвшій грозное «мене, текедь, фаресь», начертанное на всѣхъ стѣнахъ буржуазной Европы, русскій либерализмъ никогда не надѣялся на свои собственные силы, на борьбу. Какъ Петръ отъ Иисуса, отрекался онъ отъ «крайнихъ» дѣтей своихъ, когда не платоническое «сочувствіе», а дѣйствительная помощь могла дать имъ шансы на побѣду въ неравной борьбѣ съ абсолютизмомъ, опиравшимся

на огромную реакціонную силу пассивности народныхъ массъ. Не завоевать свободу, а получить ее хотѣть и хотеть русскій либерализмъ. Конституціонныя галушки готовыми должны упать ему въ ротъ. Самъ-ли абсолютизмъ его, либерала, «можетъ быть, ха ха... и поиздуеть», смѣлый-ли террористъ динамитной бомбой взорветъ російскій режимъ, крестьянскій ли «бунтъ» или рабочее возстаніе разорвутъ заржавленные оковы деспотизма,—россійскому либералу все равно. И когда революціонное движеніе—и не только рабочаго класса или крестьянства, но и интеллигентныхъ «дѣтей» либерализма—сочтется кровью изъ всѣхъ поръ, російскіе Мирабо, оставаясь пассивными зрителями революціонной трагедіи, лишь учитываютъ ея политическій балансъ и вписываютъ его въ тотъ ростовщическій вексель, который они предъявятъ въ минуты ликвидаціи абсолютизма одновременно и побѣжденному абсолютизму, и побѣдившему народу.

Однако, расчеты на чужую революціонную борьбу, изъ всѣхъ возможныхъ путей къ «полученію» свободы, менѣе всего по душѣ либералу. Съ одной стороны, «смута препятствуетъ царственнымъ трудамъ», какъ увѣряли орловскіе земцы, а вѣдь надежда на «помилваніе» не оставляетъ либераловъ, съ другой стороны, «всѣ эти убійства и волненія не дадутъ мирно трудиться и даже жить спокойно» «мирнымъ земледѣльцамъ», вроде господина Евреинова. Да и неизвѣстно еще, насколько благосклонно отнесется впоследствии къ политическому векселю либераловъ «разнузданная кучка анархистовъ, ничего не боящаяся, даже висѣлицы». Поэтому, не забывая трясущейся рукой вписывать въ свои бухгалтерскія книги статьи политическаго прихода, либераль всѣми силами старается изыскать другіе, менѣе опасные пути къ поученію конституціоннаго эдема. Однако, надежды на то, что самодержавіе вполне добровольно сдастъ свои позиціи излюбленнымъ людямъ, конечно, слишкомъ наивны даже и для русскихъ либераловъ. Какойнибудь внѣшній толчокъ, внѣ либерализма, но и внѣ самодержавія лежащая причина, должна привести къ вождѣльной «реформѣ». Только съ этой точки зрѣнія «сочувствовалъ» либерализмъ революціи, и только съ этой точки зрѣнія одѣивалъ онъ политически всякое стихійное народное бѣдствіе, подкапывающее основы существующаго государственнаго «порядка».

Такъ было во время голода. Либерализмъ не рѣшился выступить активно со своими конституціонными требованіями, ибо на почвѣ остраго недовольства широкихъ слоевъ народа и въ нервно-напряженной общественной атмосферѣ такое вытупленіе могло бы послужить непосредственнымъ прологомъ къ революціонному низверженію

абсолютизма; съ скрещенными на груди руками онъ ожидалъ минуты, когда «самъ собой» рухнетъ самодержавно-бюрократическій режимъ.

И точно такую же позицію занялъ либерализмъ теперь, когда не въ видѣ голода, а въ видѣ войны надвинулась на Россію огромныя, разрушительныя силы стихійности. «Въ виду войны всякія провозглашенія конституціонныхъ требованій и заявленій прекращаются, по крайней мѣрѣ, на эти первые и неясные мѣсяцы», пишетъ нѣкій конституціоналистъ въ № 50 «Освобожденія» и увѣряетъ, что на этотъ счетъ «нѣтъ никакихъ споровъ». Можно повѣрить этому компетентному голосу; можно повѣрить, что для либерализма «связанная съ войной тактика неизбѣжно требуетъ гораздо болѣе пассивнаго отношенія къ событіямъ текущей жизни». Болѣе того: мы видѣли уже, какъ «пассивные» по отношенію къ борьбѣ за свободу либеральные земцы «активно» принимали адреса по случаю войны и облагали на нужды ея новыми милліонными налогами разоренное и еще болѣе разоряемое войной населеніе, вмѣсто того, чтобы открыто заявить о непосильности для народа тѣхъ новыхъ тяготъ, которыя налагаются на него новыми авантюрами самодержавной бюрократіи. Но это «пассивное» свободолобіе и «активное» холопство ничуть не мѣшаютъ тому, что, благодаря войнѣ, ярче, чѣмъ когда либо, теплится въ сердцахъ либерала надежда на конституцію. Не даромъ, уже въ самомъ началѣ войны правительственнымъ рептиліямъ приходилось писать длиннѣйшія статьи для доказательства, что не нужно непременно новаго «Севастополя» для наступленія конституціонной весны. Либерализмъ долженъ желать пораженія русскихъ войскъ, потому что такое пораженіе вѣрнѣе всего заставитъ абсолютизмъ пойти на уступки. Сила этого желанія умѣряется опять таки лишь опасеніемъ революціоннаго взрыва, неизбѣжнаго при слишкомъ позорномъ военномъ крахѣ абсолютизма. Но, если не пораженіе, то ужъ, во всякомъ случаѣ, тотъ острый финансовый кризисъ, который неизбѣженъ даже при благополучномъ окончаніи войны, долженъ радостно манти сердце либерала. Отсюда — двѣ души въ груди либерализма. Сантиментально скорбятъ о страданіяхъ «солдатиковъ», какъ онъ скорбѣлъ о бѣдствіяхъ голодающихъ, либерализмъ лечитъ зияющія раны войны палліативами санитарныхъ отрядовъ и перевязочныхъ пунктовъ, какъ лечилъ смертельныя язвы голодобоковъ палліативами бесплатныхъ столовыхъ; и въ то же время война, какъ и голодъ, является для либерала тѣмъ стихійнымъ, внѣшнимъ, его лично весьма мало задѣвающимъ факторомъ, который сломить упорство дѣляющагося за свои самодержавныя прерогативы абсолютизма. По-

литическій паразитъ, либерализмъ строитъ свои спекуляціи на бѣдствіяхъ народа.

На бѣдствіяхъ народа! Да, то, что для либерализма виѣшняя, стихійная сила—будь то голодъ, война, или хотя бы острый финансовый кризисъ, — то для народа, для рядового крестьянства, и еще болѣе для рабочаго класса, подлинное бѣдствіе, реализующееся въ недоѣданіи, въ ростѣ «преступности» и проституціи, въ болѣзняхъ, въ усиленіи смертности, въ тысячахъ и десяткахъ тысячъ жизней, принесенныхъ въ жертву молоху милитаризма.

И каждая буква той конституціонной хартіи, которая для либераловъ «сама собой» явится въ результатѣ остраго потрясенія всего организма страны, будетъ оплачена цѣною крови народа. Простой подсчетъ этой крови покажетъ, что для пролетаріата и прилегающихъ къ нему слоевъ крестьянства революціонный способъ борьбы за свободу *дешевле* пассивнаго выжиданія стихійнаго хода событій. Уже по одному этому рабочій классъ не можетъ, сложа руки, ждать той свободы, которую принесетъ ему военный разгромъ Россіи, и не можетъ на этомъ разгромѣ строить всѣ свои надежды. Побѣда правительственныхъ войскъ въ преступно затѣянной войнѣ означала бы укрѣпленіе позиціи режима на трупахъ десятковъ тысячъ рабочихъ и крестьянъ. Но и свобода, купленная цѣной пораженія, была бы оплачена цѣлыми морями крови того же народа. Это, вѣистину, слишкомъ *дорогая цѣна* за ту свободу, которая выпадетъ при этомъ на долю пролетаріата.

Не нужно забывать, что, если либералъ является пассивнымъ зрителемъ тѣхъ стихійныхъ бѣдствій, которые подкапываютъ самодержавіе, то пролетарій является ихъ пассивнымъ *объектомъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ пассивнымъ *орудіемъ* политическаго катаклизма. Но свобода, въ достиженіи которой пролетаріатъ играетъ роль пассивнаго орудія стихійности, можетъ дать рабочему классу лишь *минимумъ* возможныхъ въ капиталистическомъ обществѣ политическихъ правъ. А вся работа социалдемократіи, направленная на развитіе классоваго сознанія и классовой организованности пролетаріата, имѣетъ цѣлью завоеваніе имъ *максимума* этихъ правъ. Самый смыслъ существованія партіи исчезаетъ, если въ нашемъ представленіи рабочій классъ долженъ пассивно ждать освобожденія отъ того «стихійнаго» крушенія абсолютизма, которое послѣдуетъ за разгромомъ Россіи японцами. И не о широтѣ политическихъ взглядовъ свидѣтельствуетъ проявляющееся кое гдѣ въ революціонной средѣ желаніе разгрома, а о недостаточномъ пониманіи задачъ социалдемократіи. Это не выраженіе высшей степени

сознательной классовой политики, а отрывка буржуазного демократизма съ его спекуляціями на «стихійность».

Если даже связывать представленіе о пораженіи съ неизбежностью послѣдующаго революціоннаго взрыва, то неужели рабочій классъ долженъ желать предварительно пройти черезъ всё бѣдствіе безработицы, черезъ всё муки голода и болѣзней, оставить на восточно-азиатскихъ поляхъ трупы десятковъ тысячъ своихъ сыновей и братьевъ, чтобы потомъ только пойти на баррикады новыми потоками крови добывать свободу?

Нѣтъ! Ни побѣда, ни пораженіе, а прекращеніе войны, прекращеніе кровавыхъ гекатомбъ, какъ слѣдствіе революціоннаго давленія рабочаго класса—вотъ лозунгъ пролетаріата. Этотъ лозунгъ одинаково далеко отъ хладнокровныхъ расчетовъ либерализма на гибель тысячей молодыхъ жизней и идиллическихъ утопій миролюбцевъ, вроде Берты Зуттнеръ или Льва Толстого. Пролетаріатъ не можетъ ставить себѣ утопической задачи прекратить порождаемый капиталистическимъ обществомъ войны, не уничтоживъ самого капиталистическаго общества. Онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ и въ такому порабоженію государства, въ которомъ онъ волей историческихъ судебъ живетъ и борется, такому порабоженію, которое превратило бы это государство въ объектъ чужой эксплуатаціи, подрѣзало въ корнѣ возможность его прогрессивнаго развитія, сдѣлало его новой Арменией, сохранило для пролетаріата весь гнетъ, всё несчастія, но безъ малѣйшей надежды на возможность революціонной борьбой сбросить съ себя всё путы социальнаго рабства; и въ этомъ смыслѣ сказалъ Бебель, что нѣмецкій пролетаріатъ «до послѣдняго человѣка встанетъ на защиту отечества и народа», если самому существованію Германіи будетъ грозить опасность. Но когда эти жизненные интересы народа не поставлены на карту, пролетаріатъ, какъ бы ни кричали объ отсутствіи у него патриотизма, *можетъ и долженъ* властнымъ революціоннымъ вмѣшательствомъ положить предѣлъ войнѣ, особенно войнѣ, не только не вытекающей изъ потребностей развивающагося капиталистическаго общества, но, напротивъ, имѣющей цѣлью задержать то политическое переустройство, которое необходимо для его развитія. И это революціонное вмѣшательство, чуждое пассивнаго ожиданія побѣды или пораженія, сохранить пролетаріату тысячи его сыновей и сотни милліоновъ денегъ, которые выкачиваетъ изъ его кармана и сама война и сопровождающій ее кризисъ.

«Миръ въ ближайшее время можетъ быть заключенъ лишь путемъ униженія и огромныхъ потерь», говоритъ тотъ же конституціоналистъ въ

«Освобожденія». Но кто будетъ униженъ? Пролетаріатъ ли, который заставитъ правительство выполнять свою революціонную волю? И какихъ огромныхъ потерь? Потерь ли той «чужой территоріи», по поводу которой даже г. конституціоналистъ говоритъ, что «съ поразительнымъ легкомысліемъ и невѣжествомъ полицейское самодержавіе *волокло* (курсъ вездѣ нашъ) Россію въ сложные мировые интересы, ей, по существу, *далекіе*»?

Смѣшны, конечно, надежды на ту контрибуцію, которую Россія получитъ въ результатъ побѣдоносной войны, и которая покроетъ военные расходы. Не говоря уже о великой сомнительности побѣдъ правительственнаго оружія, никакая контрибуція не сможетъ окупить всѣхъ тѣхъ колоссальныхъ жертвъ людьми и деньгами, которыя несетъ пролетаріату каждый лишній день войны. И при томъ, если затраты на войну покрываются изъ кармановъ народа, то не въ его карманы польется золотой дождь контрибуціи: пять миллиардовъ французской контрибуціи дали германскому рабочему классу, въ концѣ концовъ, лишь новый, дотогѣ неслыханный по своей остротѣ, кризисъ 70-хъ годовъ. А главное, то усиленіе позиціи абсолютизма, которое принесетъ побѣда, для пролетаріата будетъ означать продленіе его хроническихъ жертвъ и бѣдствій и новое затрудненіе его революціонной борьбѣ за свободу.

Пролетаріатъ, въ противоположность буржуазіи, вообще не можетъ *получить* для себя свободу, онъ можетъ только *завоевать* ее, долженъ оплатить ее своею кровью, будетъ ли онъ пассивнымъ орудіемъ политическаго переворота или сознательнымъ активнымъ борцомъ за свободу. Но, и по величинѣ жертвъ, и по достигаемымъ результатамъ, путь наступательной революціонной борьбы — самый экономный путь для рабочаго класса, и въ данномъ случаѣ его интересы совпадаютъ съ интересами всѣхъ трудящихся массъ. При той политической конъюнктурѣ, которая создана войной, этотъ путь ведетъ къ революціонному требованію мира и свободы. Всякою другою политическою тактикою рабочій классъ завоевалъ бы слишкомъ плохую свободу и слишкомъ дорогою цѣною.

Ф. Данъ.

Терроръ и массовое движеніе.

(25 іюля 1904 г. № 70).

Онъ былъ «государственный дѣятель», какъ это слово понимаетъ современное буржуазное общество. Это значитъ— онъ безнаказанно убивалъ изъ-за угла своего министерскаго кабинета; огражденный дорого-стоявшею народу охраной, онъ безошадно попиралъ чужія права и губилъ многія жизни. Теперь онъ убитъ мѣтко пушечной бомбой, и найдутся филистеры, которые будутъ кричать о безнравственности убійства, о жестокости мести. Но какая месть надъ личностью Плеве могла бы, напр., отплатить за апрѣльскіе дни въ Кишиневѣ?

Въ недавно закончившемся кенигсбергскомъ процессѣ, нѣмецкій прокуроръ ставилъ въ вину «Искрѣ», а, въ лицѣ ея, всей россійской социалдемократіи, что она, отрицая терроръ по соображеніямъ политической цѣлесообразности, не выражаетъ какого-либо нравственнаго возмущенія по поводу террористическихъ актовъ. Нѣмецкой прокуратурѣ не дождаться такого времени, когда россійская социалдемократія «возвысится» до той морали, которая способна возмущаться убійствомъ одного министра и набрасывать покровъ «государственной необходимости» на массовыя убійства, совершенныя по призыву того же министра.

Впрочемъ, на этотъ разъ буржуазная пресса Запада, не преминувъ выразить свое «нравственное» возмущеніе фактомъ убійства, да еще совершеннаго при участіи динамита, вызывающаго столь непріятныя ассоціаціи въ представленіи всякаго буржуа,—буржуазная пресса довольно опредѣленно заявила, что уничтоженіе Плеве явилось естественнымъ результатомъ его политической системы. Какъ мы отмѣтили выше (стр. 105), по поводу выстрѣловъ Е. Шаумана, въ пору покушенія Балмашева отношеніе европейскаго общества было инымъ. Изъ-за политическаго протеста противъ системы Силягина выглянулъ призракъ социальной революціи, и буржуазія цѣлостно и, какъ водятся, высоко-морально отнеслась къ выстрѣламъ молодого студента.

Два прошедшіе года измѣнили положеніе.

Кишиневская бойня, специально придуманная въ цѣляхъ борьбы съ движеніемъ социалистическаго пролетаріата, разорвала многія нити, связывавшія русскій абсолютизмъ съ европейской буржу-

азіей. Не о десяткахъ разстрѣловъ рабочихъ-стачечниковъ, не объ якутской трагедіи, не о безчеловѣчныхъ истязаніяхъ въ тюрьмахъ, не о каторжныхъ приговорахъ въ Таганрогѣ вспоминаетъ буржуазная пресса, когда объясняетъ психологическую необходимость того террора, подъ ударами котораго палъ Плеве. Она говоритъ о преслѣдованіяхъ Финляндіи, о кипишевской рѣвнѣ, о ссылкахъ писателей, о трагѣ студентовъ, о преслѣдованіяхъ земства. «Внутренній врагъ» всѣхъ порядочныхъ гражданъ Россіи, Плеве былъ, прежде всего, наиболѣе опаснымъ врагомъ для Россіи либеральной.

Пролетарское движеніе, на которое обрушились самыя жестокіе удары «системы» всемогущаго визиря, не могло быть остановлено ею въ своемъ развитіи, и въ іюльскіе дни 1903 г. русскій пролетаріатъ блестяще показалъ, что «бѣлый терроръ» ему не страшенъ. Другое дѣло—движеніе либеральное, съ его легальными опорными пунктами въ земствахъ и печати. Безшабашная система репрессіи, не останавливавшаяся передъ правонарушеніями и самымъ грубымъ насиліемъ, не могла не придавить либеральнаго движенія, и, безсильный развратить рабочій классъ, Плеве оказался въ силахъ внести сѣмена разврата въ земскую среду. Либеральная Россія не знала—даже имѣя въ виду Дмитрія Толстого—такого неумолимаго врага, какимъ былъ Плеве. Даже могущественный Витте долженъ былъ сойти со сцены, когда въ немъ министръ бѣлаго террора усмотрѣлъ нѣкій оплотъ либеральной «смуты». И если для пролетаріата уничтоженіе Плеве не только не сулитъ еще перемѣны всего режима, но не обѣщаетъ даже хоть какого нибудь измѣненія условій его борьбы противъ этого режима (для стачекъ и демонстрацій у абсолютизма всегда будутъ штыки и пули, для социалистовъ—тюрьмы и ссылки!), то для либеральнаго «общества» устраненіе тѣхъ маленькихъ «подробностей» системы, которыя связаны съ личностью «верховнаго палача Россіи»,—даже оно можетъ означать кое-какое облегченіе условій организаціи его движенія.

Едва ли мы ошибемся, поэтому, если скажемъ, что взрывъ 15 іюля будетъ праздничнымъ днемъ, прежде всего и больше всего, для нашихъ либераловъ. Для нихъ прежде всего поработали мужественные революціонеры, подготовившіе и совершившіе покушеніе. Пролетаріатъ встрѣтитъ съ чувствомъ непосредственнаго удовлетворенія извѣстіе, что бомба революціонера убила человѣка, отвѣтственнаго за кровь многихъ тысячъ пролетаріевъ и за физическія и нравственныя страданія многихъ активныхъ борцовъ за свободу. Отъ этого чувства нравственнаго удовлетворенія какъ нельзя болѣе далеко до политич-

ческой санкціи удачнаго террористическаго акта. Совершенный въ трудную для абсолютизма минуту, этотъ актъ можетъ внести и, навѣрное, внесетъ сильную деморализацію въ ряды правящей клики и поднять настроеніе протеста въ кое-какихъ, придавленныхъ Плеве, общественныхъ кругахъ. И если бы задача революціонной партіи сводилась къ роли «дезорганизаторскаго отряда» при арміи буржуазнаго общественнаго движенія, то террористическій ударъ, направленный на такого дѣятеля, какъ Плеве, могъ бы считаться политически-цѣлесообразнымъ дѣйствіемъ, которое—въ лучшемъ случаѣ—можетъ выбить «режимъ» изъ достигнутаго имъ состоянія равновѣсія и тѣмъ толкнуть его въ объятія пассивно-ожидającychъ вождедѣйнаго момента либераловъ.

Не таковы, однако, задачи единственно-революціонной партіи нашего времени—соціалдемократія. Роль «вышнѣяго толчка», измѣняющаго въ неблагопріятную сторону позицію самодержавія, можетъ играть наряду съ устраненіемъ какого-нибудь Плеве, цѣлый рядъ такихъ фактовъ, которые, по отношенію къ сознательной дѣятельности революціонеровъ, должны быть признаны явленіями «стихійными». Взятіе Портъ-Артура, капитуляція Куропаткина, голодъ въ деревнѣ,—такія событія могутъ внести въ высшія сферы ничуть не меньшую деморализацію, чѣмъ взрывъ бомбы у варшавскаго вокзала. И если абсолютизмъ до сихъ поръ не исчезъ съ лица земли русской, то ужъ никакъ не потому, чтобы на него не обрушилось достаточно подобныхъ ударовъ. Если онъ живъ, то лишь потому, что стоя подчасъ на краю гибели, онъ не имѣлъ передъ собою противниковъ, которые представляли бы достаточную политическую силу, чтобы мобилизовать народныя массы и повести ихъ на штурмъ его твердынь. Организациа революціоннаго движенія все еще безконечно отстаетъ отъ стихійно развивающагося процесса быстраго разложенія господствующаго режима. Этотъ стихійный процессъ періодически ставитъ режимъ въ то безвыходное положеніе, при которомъ всесторонній могучій натискъ народа можетъ вызвать непосредственную его ликвидацію. Мы пережили такой моментъ весной 1901 года, въ пору событій, связанныхъ съ возстаніемъ студенчества, мы пережили его снова весной 1902 года, когда отъ крестьянскаго возстанія задрожали стѣны абсолютистской Бастиліи, и прошлимъ лѣтомъ, когда весь южъ былъ охваченъ революціоннымъ пожаромъ всеобщей стачки. Въ любой изъ этихъ моментовъ концентрація всѣхъ революціонныхъ силъ въ атакѣ на абсолютизмъ могла, при благопріятныхъ условіяхъ, привести къ немедленной развязкѣ. Но силы русской народной революціи не были

организованы въ каждый изъ этихъ моментовъ, и за временнымъ подъемомъ наступала полоса затишья, призывавшая насъ энергично готовиться къ неминуемому слѣдующему прибою.

Съ началомъ войны самодержавіе снова оказалось «въ тискахъ», и каждый день войны «стихійно» наноситъ ему тѣ удары, которые основательно дезорганизуютъ правительственную машину и деморализуютъ правящіе круги. Еще разъ—все готово для похоронъ абсолютизма, не готовы только его могильщики—организованныя революціонныя силы. Нѣтъ никакой нужды въ лишніхъ «дезорганизаторскихъ» актахъ—генералъ Куроки и адмиралъ Того заботятся о томъ, чтобы ихъ было достаточно, а генералъ Куропаткинъ и адмиралъ Алексѣевъ самоотверженно принимаютъ на себя скорѣйшую передачу этихъ дезорганизаторскихъ толчковъ по назначенію. Необходима положительная работа организациі революціоннаго движенія массъ, необходимо постоянно, въ все болѣе широкихъ размѣрахъ, въ все болѣе рѣшительныхъ формахъ совершаемое политическое выступленіе этихъ массъ противъ абсолютизма—эта единственная школа подготовки народа къ тому всероссійскому натиску, который одинъ только основательно покончитъ съ абсолютизмомъ.

Намъ не приходится здѣсь подробно указывать, какъ мало дѣлается въ этомъ направленіи, до какой степени всѣ борящіеся съ абсолютизмомъ организациі недостаточно использовали послѣдніе, богатые событіями, мѣсяцы его агоніи. Не приходится намъ особенно настаивать и на томъ, что, въ частности, наша партія, единственная сколько нибудь плодотворно работавшая на этомъ поприщѣ, что она еще менѣе, чѣмъ въ предшествующіе критическіе моменты, выполнила все то, чего вправѣ былъ ожидать отъ нея пролетаріатъ. И врядъ ли съ чьей либо стороны встрѣтитъ мы возраженіе, сказавъ, что это обстоятельство еще и еще разъ краснорѣчиво взываетъ къ вамъ о скорѣйшемъ устраненіи изъ нашей партійной жизни всѣхъ тѣхъ ненужныхъ треній, которыя мѣшаютъ партіи развернуть всю ея революціонную энергію.

При такомъ положеніи дѣлъ, затрата хотя бы частицы революціонной силы на эффектные и симпатичныя по своимъ мотивамъ террористическія попытки дезорганизациі правительственнаго механизма представляются, въ лучшемъ случаѣ, напрасной тратой драгоценной энергіи. Не разуръшая того вопроса, который стоитъ передъ нами въ видѣ несоотвѣтствія между степенью разложенія абсолютизма и степенью организованности активно-боевыхъ силъ революціи, такіе новые «дезорганизаторскіе» удары только усложняютъ его. Говорять

объ агитаціонномъ («экспитативномъ») вліяніи террористическихъ актовъ. Но, если мы—революціонеры,—не можемъ агитаціонно использовать весь матеріалъ, даваемый намъ крупѣйшими и очевидѣйшими фактами повседневно совершающагося процесса разложенія абсолютизма, то искусственно вызывать новые поводы для такой агитаціи—значить, опять таки, только еще болѣе затруднять свою собственную задачу. Такова должна быть, на нашъ взглядъ, точка зрѣнія всякаго, для кого ближайшая политическая задача состоитъ въ революціонномъ сверженіи господствующаго режима народнымъ движеніемъ. Такова только и можетъ быть позиція пролетарской партіи. Но, разумѣется, для тѣхъ, кто суживаетъ эту ближайшую задачу, значеніе террористическихъ актовъ представится въ иномъ свѣтѣ. Кто заранѣе отказывается отъ народной революціи, тотъ можетъ возложить всѣ свои надежды на такое измѣненіе современнаго режима, которое явится результатомъ вынужденной вѣдлннми обстоятельствами «безболѣзненной» передачи политическаго наслѣдія абсолютизма Стаховичу и Ко. Тотъ можетъ, слѣдовательно, направить свои силы на умноженіе этихъ вѣдлннхъ «побудительныхъ толчковъ», тотъ можетъ брать на себя самоотверженную роль загонщика на службѣ у либеральнаго общества. Тотъ тѣмъ самымъ непосредственно и неизбежно содѣйствуетъ затрудненію той спеціальной задачи, которая выпадаетъ на долю революціонной народной партіи.

Намъ, социалдемократамъ, дѣло 15 іюля еще разъ напоминаетъ, что вся стнхійно—сладывающаяся обстановка крушенія абсолютизма направляется противъ тѣхъ политическихъ задачъ, которыя ставятъ себѣ революціонный авангардъ россійскаго пролетаріата. Мы еще не утратили вліянія на всѣ недовольные абсолютизмомъ политическіе слои, но кругъ нашего вліянія уже сужился относительно за послѣдніе годы, и мы увѣренно можемъ сказать, что о бою съ нами всегда найдутся революціонные элементы, готовые содѣйствовать приближенію паденія абсолютизма такими методами, которые, какъ выше указано, имѣютъ тенденцію затруднить рѣшеніе пролетаріатомъ его политической задачи. Принимая это обстоятельство за данное, наша партія должна соответственно построить свою борьбу противъ абсолютизма, заранѣе подготовившись къ возможнымъ «скюрпизамъ», вродѣ дѣла 15 іюля, и стараясь и ихъ использовать въ интересахъ приближенія всенароднаго подъема противъ нынѣшняго порядка.

Каждый террористическій актъ долженъ дать намъ новый поводъ разъяснить пролетаріату и другимъ революціоннымъ общественнымъ элементамъ нецѣлесообразность террора, какъ метода политической

борьбы для партіи народныхъ массъ. Но этого одного мало. Въ политической обстановкѣ даннаго момента удачно проведенный террористическій актъ можетъ вызвать такое передвиженіе фигуръ на государственной сценѣ, которое само по себѣ дастъ богатый матеріалъ для серьезной политической агитаціи, приучающей пролетаріатъ ориентироваться въ общественной жизни и закаляться для рѣшительной борьбы активнымъ выступленіемъ въ ней. Активное появленіе хотя бы только передовыхъ отрядовъ пролетаріата на этой сценѣ въ соответствующій моментъ,—вотъ къ чему должны мы стремиться прежде всего.

Историческимъ опытомъ подтвержденная объективная тенденція террористической борьбы въ Россіи заключается въ толканіи абсолютизма въ объятія къ либераламъ. Наши политическія стремленія идутъ въ разрѣзъ съ этой тенденціей. И мы должны разъяснить рабочимъ массамъ это противорѣчіе, должны показать имъ за «революционнымъ» трескомъ лопающихся бомбъ муравьиную работу слагающейся силы,—силы русскаго буржуазнаго либерализма, готовящагося перенять въ свои руки направленіе «государственного корабля»—рядомъ съ монархіей и бюрократіей и въ союзъ съ ними. Въ нашемъ отставаніи пролетарскихъ методовъ революціонной борьбы мы до сихъ поръ успѣвали лишь постольку, поскольку за нашей теоретической пропагандой шелъ каждый разъ новый подъемъ классоваго пролетарскаго движенія, ослаблявшій въ общественномъ сознаніи эффектъ предыдущаго цикла террористическихъ проявленій. Обуховцы помогли намъ ослабить «эксцитацію», вызванную Карповичемъ; ростовцы свели къ минимуму успѣхъ террора, возобновленнаго Балмашевымъ; южныя стачки заставили забыть отъ убійствъ Богдановича. И въ будущемъ только новый подъемъ массъ дастъ намъ прочную основу для развитія всесторонней политической кампаніи противъ абсолютизма во имя тѣхъ лозунговъ, которые диктуются намъ нашей программой.

«Къ массамъ!»—таковъ пароль даннаго момента. Къ массамъ, чтобы вести ихъ въ активную политическую борьбу подъ самостоятельнымъ знаменемъ.

«Лишь топну ногой, изъ-подъ земли появятся мои легіоны», говорилъ древній полководецъ. Соціалдемократія, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ съ полнымъ правомъ повторить о себѣ эти слова. Но только въ томъ случаѣ, если она сама тщательно позаботилась, чтобы ея правыиный сигналъ не могъ затеряться въ торичеллиевомъ безвоздушномъ пространствѣ, чтобы онъ нашелъ живой проводникъ въ атмосферѣ взаимнаго политическаго пониманія между партіей и массама. Въ сторону созданія такой неразрывной связи должны быть

направлены всё наши усилія; помощью агитаціи и организаціи мы можемъ добиться своей цѣли. Агитація, концентрированная вокругъ вопросовъ быстро разоблачаемаго войной банкротства «режима»; организація все болѣе и болѣе широкихъ рабочихъ массъ въ демонстраціяхъ революціоннаго протеста. Мы преодолѣмъ всё трудности, которыя встанутъ передъ нами на этомъ пути, если только сумѣемъ понять ту политическую мораль, которая таится для насъ въ покушеніи 15-го іюля. «Къ массамъ!» гласитъ эта мораль.

Л. Мартовъ.

Судъ надъ полицейскимъ самодержавіемъ.

(25 іюля 1904 г. № 70).

Въ русскихъ судебныхъ уставахъ, превосходно приспособленныхъ къ потребностямъ полицейскаго государства, сохранилась, по странному недосмотру, одна статья, которая, не имѣя почти никакого практическаго значенія, позволяетъ предавать гласности такіе факты административной практики, которые безъ нея никогда не выскользнули бы изъ-подъ покрыва вавцелярскаго тайны. Это 1316 ст. уст. гражд. суд. которая, въ случаѣ убытковъ, причиненныхъ кому либо нерадѣніемъ, медленностью или неосмотрительностью должностныхъ лицъ, предоставляетъ потерпѣвшему право искать денежнаго вознагражденія съ виновныхъ обычнымъ гражданскимъ порядкомъ. Эта статья всегда служила предприимчивымъ людямъ для уловленія правительственныхъ агентовъ, но, несомнѣнно, пользованіе ею рѣдко сопровождалось такимъ блестящимъ успѣхомъ, какъ въ рядѣ процессовъ, только что рассмотрѣнныхъ правительствующимъ сенатомъ. На юридическій крючокъ попали не мелкія рыбешки чиновнаго моря, не мелкіе исправники и урядники, а столпы и опоры «режима», творцы и толкователи государственной политики. Передъ лицомъ суда выступили бывший губернаторъ Раабенъ и вице-губернаторъ Уструговъ, окруженные цѣлымъ штатомъ кашиневской полиціи, и бывший петербургскій градоначальникъ, а нынѣшній кіевскій, волынскій и подольскій генералъ-губернаторъ Клейгельсъ.

Содержаніе процессовъ не отличается сложностью. Иски къ кишиневской администраціи были послѣднимъ отголоскомъ извѣстной кишиневской трагедіи. Нѣкоторые лица, потерпѣвшія матеріальный ущербъ отъ погрома и основательно полагавшія, что причиной погрома было, въ лучшемъ случаѣ, нерадѣніе мѣстной власти, требовали, чтобы кишиневская полиція, во главѣ съ губернаторомъ и вице-губернаторомъ, возмѣстила убытки, причиненные громилами. Кроме того, вѣдкій г. Британъ предъявилъ къ бывшему кишиневскому вице-губернатору Устругову специальный искъ, требуя возмѣщенія убытковъ, происшедшихъ отъ конфискаціи, по распоряженію Устругова, изданной г. Британомъ брошюры, разрѣшенной одесскою цензурою и содержавшей дословную перепечатку проповѣдей Іоанна Кронштадтскаго и житомирскаго архіерея Антовія по поводу кишиневскаго погрома. Дѣло генерала Клейгельса возникло по иску курсистки Забіякиной. Истина во время демонстраціи 4 марта 1901 г. подверглась избіенію, результатомъ котораго были переломъ реберъ и общее разстройство здоровья, губительно отразившіяся на ея трудоспособности. Вынужденная прибѣгнуть къ серьезному леченію, Забіякина требовала уплаты расходовъ съ Клейгельса, какъ главнаго распорядителя и устроителя мартовской бойни на Казанской площади.

Сенатъ безповоротнo и рѣшительно отказалъ всѣмъ истцамъ. Но въ объясненіяхъ отвѣтчиковъ, въ судебныхъ преніяхъ и мотивированныхъ заключеніяхъ сената содержится драгоцѣнный матеріалъ, который даетъ возможность не согласиться съ представителями высшей судебной власти въ Россіи, и найти виновнаго, ускользнувшаго отъ строгаго сенаторскаго ока.

Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно важны объясненія отвѣтчиковъ, ихъ система защиты. Къ нимъ предъявленъ гражданскій искъ, удовлетвореніе котораго, въ худшемъ случаѣ, грозитъ имъ потерей нѣсколькихъ сотенъ рублей. Казалось бы, что при такой постановкѣ вопроса отвѣтчику нѣтъ никакого расчета идти дальше истца и навлекать на себя большую кару. Между тѣмъ, никто изъ представителей власти, за исключеніемъ стараго и глупаго генерала Раабена, не остался въ предѣлахъ гражданскаго иска, никто не попытался исчерпывающимъ образомъ доказать, что въ его дѣйствіяхъ не было нерадѣнія и неосмотрительности, предусматриваемыхъ 1316 статьей. Главнымъ доводомъ отвѣтчиковъ было чисто формальное возраженіе, что они неподсудны сенату, что бездѣйствіе власти, которое приписывается имъ истцами, должно быть разсматриваемо, какъ уголовное преступленіе, уголовнымъ судомъ. Провинціальныя администраторы еще сдобриваютъ свою точку

зрѣнія нѣкоторымъ жалкимъ лепетомъ оправданія, но такой столпъ отечества, какъ Клейгельсъ, не счелъ нужнымъ представить высшему судилищу имперіи ни одного объясненія по существу. Съ чисто полицейской наглостью, онъ заявилъ только, что его дѣйствія подлежатъ не гражданскому, а уголовному суду въ порядкѣ 1085 ст. угол. суд.

Это однообразіе въ системѣ защиты, одинаковой и у генераль-губернатора, и у жалкаго кипиневскаго помощника пристава, — далеко не случайность. Надо замѣтить при этомъ, что уголовная отвѣтственность, призываемая на свою голову отвѣтчиками, весьма серьезна. По уложенію о наказаніяхъ, должностныя лица, виновныя въ злоупотребленіи властью, сопровождавшемся жестокостями и истязаніями (а таковы именно и кипиневскій погромъ, и усмиреніе казанской демонстраціи), подвергаются тяжелымъ карамъ, вплоть до лишенія правъ, заключенія въ арестантскія роты на 3 года и ссылки въ Сибирь на поселеніе. И тѣмъ не менѣе, не только въ разсматриваемыхъ процессахъ, но и во всѣхъ подобныхъ, должностныя лица, привлекаемыя къ гражданскому суду, прячутся подъ сѣнь уголовного закона. По словамъ повѣреннаго кипиневскихъ евреевъ, практика исковыхъ дѣлъ, разсматриваемыхъ соединеннымъ присутствіемъ правительствующаго сената, показываетъ, что отвѣтчики — должностныя лица весьма склонны прикрываться отводомъ объ уголовной подсудности и квалифицировать свои дѣйствія, какъ уголовное преступленіе. Это, повидимому, противорѣчащее всякому здравому смыслу, призываніе на себя тяжелыхъ уголовныхъ каръ составляетъ прочно установившійся и возведенный въ систему способъ полицейской защиты и объясняется тѣмъ безобразнымъ порядкомъ, который установленъ русскимъ законодательствомъ для отвѣтственности должностныхъ лицъ.

По общему правилу, каждый русскій чиновникъ предается уголовному суду той властью, которой онъ назначается на должность. Чиновники же, назначаемые верховной властью, до 1897 г. предавались суду опредѣленіемъ перваго департамента сената, а съ 1897 г. опредѣленія сената должны пройти черезъ комитетъ министровъ и получить высочайшее утвержденіе. Такимъ образомъ, низшіе агенты правительства покрываются высшими, а высшіе — самою верховною властью. И если губернаторы иногда и выдаютъ своихъ подчиненныхъ, то еще не было примѣра, чтобы былъ преданъ суду кто либо изъ губернаторовъ или министровъ, какія бы преступленія они ни совершали. Результатомъ такого порядка является полная безотвѣтственность высшей администраціи, когда ея дѣйствія принимаютъ характеръ уголовщины. Прячась одинъ за другого, агенты правительства находятъ, наконецъ, безопасное убѣжище, гдѣ ихъ не достанетъ никакой судъ.

Ясно, поэтому, что всякое должностное лицо старается отвергнуться от гражданского суда, къ которому может прибѣгнуть каждый обыватель, и отсылает истца къ уголовному, т. е. къ начальству отвѣтчика.

И Клейгельсъ, и Уструговъ, и всѣ пристава и помощники кишиневской полиціи требовали уголовного суда надъ собой. Съ ними согласился и сенатъ. Въ заключеніи по кишиневскимъ дѣламъ, оберъ-прокуроръ сената указалъ, что приписываемыя истцами отвѣтчикамъ дѣянія составляютъ уголовныя преступленія, и искъ объ убыткахъ, причиненныхъ этими дѣяніями, допустимъ лишь по преданіи отвѣтчиковъ уголовному суду. Въ дѣлѣ Клейгельса, обвиняемаго Забѣякиной въ намѣренномъ избіеніи толпы, по мнѣнію оберъ-прокурора, также имѣются всѣ признаки уголовного преступленія. Сенатъ заявилъ только, что онъ «не можетъ съ достовѣрностью ни признать, ни отвергнуть правильности положенія, выставленнаго истицею, и, поэтому, отказалъ ей въ искѣ».

Такимъ образомъ, какъ въ кишиневскомъ, такъ, въ особенности, въ петербургскомъ дѣлѣ и истцы, и отвѣтчики, и судъ вполне ясно подчеркивали преступный характеръ дѣятельности администраціи и, если истцы настаивали на гражданской отвѣтственности представителей власти, то исключительно по понятному желанію довести дѣло до гласнаго суда и пролить свѣтъ на возмутительнѣйшіе факты насилія и произвола, которые другимъ путемъ остались бы неизвѣстными широкой публикѣ. Они достигли цѣли. Теперь русскіе читатели знаютъ изъ легальныхъ газетъ и объ участіи правительства въ организаціи кишиневского погрома и о безобразномъ избіеніи демонстрантовъ на Казанской площади въ Петербургѣ.

Но—разъ факты преступленія установлены, разъ даже сенатъ сомнѣвается въ правильности дѣйствій Клейгельса, то почему же отвѣтчики вышли изъ суда какъ бы оправданными, почему виновные не понесли наказанія? Правосудіе, одна изъ ненасытныхъ потребностей души человѣческой, по выраженію одного стараго юриста, не можетъ удовлетвориться такимъ исходомъ.

И, однако, неправый по существу, приговоръ сената формально вполне правиленъ. Конечно, сенатъ склонился предъ администраціею, конечно, онъ долженъ былъ выяснить дѣло и не имѣлъ права оставаться предъ нимъ въ сомнѣніи и недоумѣніи, но, если бы даже онъ передалъ процессы въ уголовный судъ, то всѣ отвѣтчики вышли бы оттуда оправданными. Судебная машина работаетъ не для отвѣтной справедливости, она защищаетъ очень опредѣленные прави-

тельственные интересы, называемые въ законодательствѣ неопредѣленнымъ именемъ государственной пользы. У насъ эта машина защищаетъ интересы самодержавной бюрократіи, давно разошедшіеся съ интересами страны. При такихъ условіяхъ, развѣ можно разсчитывать на то, что уголовный судъ дастъ отрицательную оцѣнку дѣйствіямъ администраціи, клонившимся къ защитѣ самодержавія?

Поэтому, разсматриваемые процессы ставятъ болѣе важный вопросъ, чѣмъ вопросъ о порядкѣ отвѣтственности должностныхъ лицъ. И Клейгельсъ, и Уструговъ, и полицейскіе пристава знаютъ, что насиліе есть нарушеніе закона, есть преступленіе. Отводъ къ уголовной подсудности, сдѣлавшійся системою полицейской защиты — не только уловка для того, чтобы обезпечить себѣ безнаказанность. Въ ней,—быть можетъ, безсознательно,—сказалось истинное положеніе вещей. Представители власти не только изъ собственной выгоды, но и по искреннему убѣжденію считаютъ свои дѣйствія преступленіями, нарушеніями закона. Но законъ не обезпечиваетъ сохраненія существующаго порядка—приходится идти противъ закона. «По обстоятельствамъ времени,—восклицаетъ Уструговъ въ своемъ объясненіи,—было не только невозможно, но прямо преступно задумываться надъ буквою закона, какъ скоро поддержаніе государственнаго порядка и общественной безопасности требовали нѣкотораго игнорированія частныхъ матеріальныхъ интересовъ». Исторія послѣднихъ лѣтъ русской жизни показываетъ, что не одни матеріальные интересы игнорировались властью въ интересахъ «государственнаго порядка».

Духовныя потребности, личная неприкосновенность, даже самая жизнь человѣческая приносились и приносятся въ жертву молоху самодержавной бюрократіи. Инымъ путемъ современное правительство идти не можетъ. Когда государственныи строй становится ненавистнымъ и вреднымъ пережиткомъ старины, его поддержаніе превращается въ хроническое преступленіе исполнительной власти. Клейгельсъ совершенно основательно пишетъ въ своемъ объясненіи, что губернаторы и градоначальники при прекращеніи беспорядковъ дѣйствуютъ по своему усмотрѣнію и никакой отвѣтственности за свои дѣйствія не подлежать до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано злоупотребленіе предоставленнымъ имъ правомъ. Но «злоупотребленіе правомъ» возможно только тогда, когда власть дѣйствуетъ на основаніи правовыхъ положеній; если же ей предписывается дѣйствовать «по своему усмотрѣнію», если она даже предъ судомъ заявляетъ, что считаетъ преступнымъ задумываться надъ буквою закона, то ни о какомъ злоупотребле-

ни правомъ не можетъ быть и рѣчи, ибо никакого «права» въ данной области не существуетъ.

Конфискація имущества, насилия, даже убійства представляютъ себѣ злоупотребленіе, а обычное употребленіе власти агентами самодержавнаго правительства. Въ этомъ выводѣ заключается главный смыслъ разсмотрѣнныхъ процессовъ. Они неопровержимо доказываютъ, что преступленія должностныхъ лицъ, столь обильныя въ Россіи, объясняются вовсе не «низкимъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ» полицейскихъ чиновъ, а коренятся въ самомъ строѣ государственной жизни, въ старомъ порядкѣ, который съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе превращается въ дѣйствующее преступленіе.

Поэтому, абсолютизмъ является тѣмъ виновнымъ, котораго не могъ найти сенатъ въ кишиневскомъ и петербургскомъ дѣлахъ, потому, всѣ попытки очистить русскую общественную и государственную жизнь отъ удушливой атмосферы гнета и насидій должны быть направлены, прежде всего, на уничтоженіе абсолютизма. И это уничтоженіе наиболее важно и необходимо для рабочаго класса, такъ какъ его интересы не имѣютъ никакой цѣны въ глазахъ представителей самодержавнаго правительства. Бывшій губернаторъ Раабенъ откровенно заявилъ въ своемъ объясненіи, что своей главнѣйшей задачей онъ считаетъ «защиту кредитныхъ учрежденій, крупныхъ фирмъ, заводовъ и аптекъ». Жизнь и имущество бѣдняковъ-рабочихъ, по мнѣнію правительственнаго чиновника, стоятъ слишкомъ дешево, чтобы о нихъ беспокоиться. Этотъ взглядъ выражается во всѣхъ дѣйствіяхъ самодержавнаго правительства, и рабочій классъ только тогда освободится отъ его тяжелыхъ проявленій, когда рѣшительно и безповоротнo закончатъ съ существующимъ режимомъ.

Н. Негоревъ.

Ляоянь и реформы.

(1-го Сентября 1904 № 73).

«Рядомъ долгихъ искусовыхъ маневровъ съ нашей стороны, противникъ, подведенный къ Ляояну, вынужденъ, наконецъ, насть атаковать въ нашей укрѣпленной позиціи, въ условіяхъ для себя мало-выгодныхъ». Такъ лжесвидѣтельствовалъ по телеграфу «собственный» корреспондентъ «Правительственнаго Вѣстника» наканунѣ Ляоянской трагедіи, выбившей изъ строя съ обѣихъ сторонъ до 60.000 человекъ и окончившейся полнымъ пораженіемъ правительственной арміи. 60.000 чел.—цѣлое населеніе большого губернскаго города, отъ стариковъ до грудныхъ дѣтей—были сметены съ поля битвы раскаленнымъ потокомъ свинца и желѣза. А для сотенъ тысячъ, принимавшихъ участіе въ этой, почти безпримѣрной въ исторіи, битвѣ и пережившихъ ее,—какія нечеловѣческія страданія и лишенія, какое колоссальное напряженіе всѣхъ силъ—физическихъ и духовныхъ! А на ряду съ этимъ—огромное расточеніе созданныхъ народнымъ трудомъ матеріальныхъ богатствъ—въ видѣ орудій, пороха, свинца въ видѣ разрушенныхъ зданій, мостовъ и дорогъ, сожженныхъ запасовъ хлѣба, уничтоженныхъ складовъ аммуниціи! Вотъ цѣна крови и пота, которую въ одну недѣлю заплатилъ народъ Россіи и Японіи за свое пораженіе абсолютистской и капиталистической эксплуатаціи! Пусть говорятъ послѣ этого святоши и лицемеры о «кровожадности» революціи! Въ тотъ день, когда въ сознаніи русскаго народа ясно встанетъ мысль о непримиримости его интересовъ съ интересами самодержавнаго правительства, и десятой доли той крови, что пролита подъ Ляояномъ, не понадобится, чтобы стряхнуть съ Россіи иго самовласти! Неизмѣримо меньше крови долженъ будетъ пролить сознавшій свои классовые интересы пролетаріатъ въ тотъ часъ, когда могучимъ напоромъ соціальной революціи онъ навсегда смететъ всѣ основы эксплуатаціи человѣка человекомъ. О мести вызываютъ эти десятки тысячъ труповъ, усѣявшихъ собою поля Манджурии. Но этой местию—единственно цѣнной и плодотворной—можетъ быть лишь все та же неустанная работа развитія классового сознанія и организаціи эксплуатируемыхъ массъ, которая одна только можетъ положить предѣлъ обезкровленью народа во славу его эксплуататоровъ и къ которой такъ настойчиво призываетъ социалдемократія...

Послѣ Ялу, Кинъ-Чжоу, Дашичао, Вафангоу—Ляоянь не былъ неожиданностью. Вѣдь каждое изъ этихъ чуждыхъ нашему слуху

иметь означает лишь новый позорный столбъ для правительства и новая гекатомба для тѣхъ «высшихъ» классовъ, надъ которыми возносится пирамида капиталистической эксплуатаціи и деспотизма. И не мудрено, что «искусные маневры» Куропаткина, маневры, опредѣлявшіеся не столько стратегическими соображеніями, сколько соперничествомъ Алекоѣва, придворными интригами, внушеніями «внутренней политики», требовавшей «побѣды» какъ можно скорѣе—не мудрено, что они «вынудили» японцевъ чуть не десятый разъ наголову разбить «побѣдоносное» воинство русскаго правительства. Русская армія отступила, и притомъ въ такомъ безпорядкѣ, который иногда напоминалъ паническое бѣгство. Точные результаты битвы и всё ея вѣроятныя послѣдствія неизвѣстны и до сихъ поръ. Неизвѣстно, какія части окружены и взяты въ плѣнъ. Но что извѣстно, это—что японскія войска не только по пятамъ преслѣдуютъ отступающую русскую армію, но и двигаются параллельно съ ней и въ обходъ ея. Опасность быть окруженнымъ и вынужденнымъ къ сдачѣ въ плѣнъ для Куропаткина огнюдь еще не миновала. Объ этомъ достаточно краснорѣчиво говоритъ зловѣщее молчаніе съ театра войны. Если бы русскія войска уже вырвались окончательно изъ той западни, въ которую привели ихъ «искусные маневры», объ этомъ трубили бы во всё трубы. Теперь же, передъ очевидностью факта, должны были вѣсело приутихнуть и безконечно-длинные и наглѣе толки о знаменитомъ «планѣ», который, огранченнымъ образомъ, заключался въ томъ, чтобъ быть вѣчно битымъ и разбитымъ! Теперь, послѣ того, какъ восьмидесячными телеграфными распоряженіями изъ «самага» Петербурга и восьмидесячнымъ пассажемъ полководца Куропаткина передъ придворнымъ Куропаткинымъ стоили русскому народу десятковъ тысячъ убитыхъ и погубили всю кампанію текущаго года, лишь теперь пресмыкающаяся пресса находитъ въ себѣ «мужество» требовать, чтобы командующій Манчжурской арміей былъ «едино-командующимъ».

«О «планѣ» уже не говорятъ, а мучительно спрашиваютъ: уснѣютъ ли отступить. Не отрѣзаны ли?—пишетъ «Гражданинъ», съ самаго начала войны тонкимъ нюхомъ почуявшій, что она поставила самое существованіе самодержавія на карту. «О планѣ не говорятъ», или, вѣрнѣе, почти не говорятъ, ибо еще находятся лжецы, столь безстыдные, что продолжаютъ морочить публику этой дѣтской игрушкой: «Говорятъ», телеграфируетъ «Биржевымъ Вѣдомостямъ» „собственный, корреспондентъ изъ «Лондона», «будто Куропаткинъ сообщилъ своему штабу, что цѣль его—задержать наступленіе японцевъ на сѣверь—

достигнута, но теперь необходимо, во что бы то ни стало, достигнуть Мукдена, даже если-бы пришлось пожертвовать половиной армии для того, чтобы пробиться через неприятельские ряды». Да, генералу Куропаткину остается еще «пожертвовать» и второй половиной армии: тогда, пожалуй, «дѣль» правительства будет достигнута окончательно.

Каждая новая побѣда японцевъ могучимъ ударомъ топора врѣзывается въ гнилой стволъ абсолютизма. Японцы побѣждаютъ абсолютизмъ не только въ Ляоянѣ; они побѣждаютъ его въ Петербургѣ.

Нужда въ деньгахъ, напоръ всеобщаго неудовольствія, растерянность и неувѣренность въ себя съ стихійной силой толкаютъ российский абсолютизмъ на скользкій путь заигрыванія съ недовольными общественными силами. Отсрочка суда по дѣламъ объ убійствѣ Плеве и о вооруженномъ сопротивленіи въ Варшавѣ, льготы богатымъ евреямъ, рѣчь финляндскаго генералъ-губернатора, программное „интервью“ новаго министра внутреннихъ дѣлъ, новыя ноты въ отражающей петербургскія «вѣянія» печати,—вся совокупность этихъ признаковъ говоритъ за то, что мы присутствуемъ при моментѣ колебанія политики самодержавнаго режима.

Князь Оболенскій, «герой» харьковскихъ экзекуцій, расписался въ «уваженіи къ финляндцамъ за ихъ преданность своей родинѣ и внутреннему общественному строю», завѣрнулъ, что «въ его генералъ-губернаторство вовсе не предстоитъ новыхъ мѣропріятій, измѣняющихъ уже нынѣ установленный строй общественной жизни», выразилъ надежду, что «дѣло обойдется безъ возбужденія такихъ вопросовъ, кои могли бы взволновать умы «населенія» и, наконецъ, просиялъ не судить объ его особѣ по отзывамъ «русскихъ революціонеровъ». Назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ—послѣ долгаго періода колебаній, когда рѣшился вопросъ о выборѣ между «бѣшенымъ волкомъ» и «хитрой лисой»—князь Святополкъ-Мирскій, въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Echo de Paris», развилъ самую очаровательную программу во вкусѣ «диктатуры сердца». Оговорившись о «непримѣнности» у насъ парламентаризма, недавній—неудачный—соблазнитель сосланныхъ въ Сибирь студентовъ и «просвѣщенный» шефъ жандармовъ обѣщавалъ, что вся его дѣятельность будетъ проникнута истиннымъ и широкимъ «либерализмомъ»; земцамъ показывается перспектива самостоятельности, «во всѣхъ вопросахъ, касающихся школы, народнаго продовольствія, путей сообщенія и пр.»; подчеркивается необходимость «свободы совѣсти», улучшенія положенія евреевъ, снисходительности къ «заблуждающейся» молодежи и пр. и пр. «Другъ» высочайшихъ особъ, князь Мещерскій гремитъ противъ «громадной силы бюрократическаго по-

новластья» и «считаетъ долгомъ гражданина волюхъ повѣдать», что онъ «разувѣрился въ той официальной-консервативной политикѣ», которую проводилъ Плеве; онъ протестуетъ противъ «желѣзныхъ толковъ объ уничтоженіи земства» и требуетъ «приближенія народа къ престолу» и «настоящаго примѣненія самоуправленія», словомъ, снова выдвигаетъ полузабытый манифестъ 26 февраля 1903 г., какъ программу правительственныхъ дѣйствій. И въ то же время не только на страницахъ «Новаго Времени» Столыпинъ требуетъ равноправія для евреевъ, но даже Крушеванъ «мечтаетъ о томъ великомъ днѣ, когда челоуѣчество перекуетъ мечи въ плуги!».

Тщетно «Московскія Вѣдомости» съ героическимъ усиліемъ отстаивали «нашъ внутренній Портъ-Артуръ» и требовали для него «доблестнаго защитника»; тщетно доносили онѣ на «шаткія петербургскія сферы», которыя думаютъ «спасать Россію» посредствомъ «уступокъ ея злѣйшимъ врагамъ», и даже предлагали содѣйствіе какому-то браваго писаря изъ Уфимской губерніи, заявлявшаго о своей готовности «разорвать всѣхъ анархистовъ». Ляониская битва рѣшила вопросъ безповоротно въ пользу «хитрой лисы».

Мы вступаемъ въ эпоху «реформъ». Конечно, эти «реформы» будутъ мелочны и ничтожны; конечно, онѣ будутъ прежде всего имѣть въ виду «сохраненіе существующаго порядка»; конечно, самая долговѣчность «новой эры» будетъ зависѣть отъ сложной комбинаціи политическихъ факторовъ, отъ хода операцій на Дальнемъ Востокѣ, отъ группировки и проявленія общественныхъ силъ. Но какъ бы ни окончился этотъ первый шагъ по новому пути, одно несомнѣнно: то ослабленіе военнаго могущества самодержавія, которое уже достигнуто войной, финансовое истощеніе, деморализація правительственнаго механизма, подъемъ недовольства рѣшительно во всѣхъ слояхъ народа— съ необходимостью, рано или поздно, заставятъ правительство вступить все на тотъ же путь «уступокъ». И вотъ почему, ни мало не переоцѣнивая переживаемаго момента, социалдемократія должна отдать себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ задачахъ, которыя поставитъ передъ нею система «реформъ» сверху.

Не рабочему классу, конечно, ждать для себя выгодъ отъ этихъ «уступокъ». Мы заранѣе должны сказать себѣ, что онѣ дѣликомъ будутъ направлены на созданіе союза между абсолютизмомъ и верхушкою буржуазнаго общества. А что этотъ союзъ можетъ быть купленъ абсолютизмомъ за весьма дешевую цѣну—въ томъ порукой вся исторія нашего либеральнаго общества. Не было еще примѣра, чтобы это общество отказывалось отъ намѣны народу даже тогда, когда предъ

нимъ помахивали лишь туманными общаніями «реформъ». Тѣмъ же будетъ у него причинъ хвалить свою демократическую непорочность, когда въ ходъ будутъ пущены дѣйствительныя «реформы»—дѣйствительныя для дѣльцовъ буржуазнаго либерализма. Весьма характерно, что въ то время, какъ среди «хорошихъ господъ» безвозбранно обращаются филиппики «Гражданина» и такъ же безвозбранно ведутся разговоры о грядущемъ «обновленіи», о необходимости «умиротворенія недовольныхъ элементовъ», о «развитіи самостоятельности земскихъ учреждений», о «разумной свободѣ печати» («Новое Время»), провинціальной прессѣ воспрещено перепечатывать «Дневники» князя Мещерскаго. Это ограниченіе провинціальной печати, наиболѣе доступной «простому» народу, какъ нельзя лучше подчеркиваетъ истинный смыслъ тѣхъ сдѣлокъ, которыя, за спиною народа, готовятся среди «правящихъ классовъ».

Уже эти первые эпизоды изъ «штанай самодержавія» показываютъ съ очевидностью, какова можетъ быть та «свобода», которую—въ лучшемъ случаѣ—принесетъ стихійное вліяніе японскихъ побѣдъ. Эта свобода не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ свободой для пѣвкоосимателей буржуазнаго общества, союзомъ россійскаго абсолютизма съ верхними десятью тысячами. Капля за каплей будетъ цѣдить самодержавное правительство свои «уступки»: сегодня льгота еврейскимъ купцамъ 1-ой гильдіи, завтра—«полная свобода» земцевъ въ проведеніи мостовъ и дорогъ къ своимъ имѣніямъ, потомъ—«свобода печати» для газетъ, внесшихъ крупный залогъ и т. д. и т. д. И за каждую такую крупицу реформаторской чечевичы одинъ за другимъ полными пригоршнями будутъ отдавать высшіе классы свое, и безъ того не богъ вѣсть какое доброкачественное, демократическое первородство. Сегодняшній «герой»—революціонеръ, завтра будетъ казаться безпокойнымъ и безшабашнымъ искателемъ приключеній, влодѣемъ, мѣшающимъ правительству спокойно шествовать по пути «умиротворенія»; сегодняшній «младшій братъ», «мужичекъ», котораго кормятъ, котораго учатъ, вокругъ котораго такъ усердно хлопчутъ, завтра превратится просто въ невѣжественнаго мужика, которой лѣзетъ со своимъ суконымъ рыломъ, мѣшая «хорошимъ господамъ» созидасть его счастье изъ заплатачекъ мелкихъ «уступокъ»; рабочій, къ движенію котораго всё стремятся примазаться, котораго такъ усердно поощряютъ къ «геройской борьбѣ», будетъ награжденъ прозвищемъ необузданной «черни», спящей и во снѣ видящей, какъ бы побольше произвести грабежей, пожаровъ, убійствъ. А подъ шумокъ либеральныхъ страховъ, какъ бы «неумѣренность» не испортила дѣла и не отвратила правительство отъ

его «благих начинаній», все тѣснѣе и тѣснѣе будутъ лѣзть къ правительству тѣ дѣльцы индустріи и финансовъ, которые, не гонясь за журавлями въ небѣ, тѣмъ больше хватаютъ въ руки сивкичь реальныхъ льготъ. И когда пройдетъ тяжелое для абсолютизма время, когда онъ такъ или иначе выпутается изъ затѣянной авантюры, мы увидимъ въ полномъ блескѣ все тотъ же режимъ «божьей милостью», только въ дружескомъ объятіи не съ прогорѣвшимъ феодаломъ, не съ ожирѣвшимъ отъ привольной жизни попомъ, а съ вылощеннымъ на европейскій манеръ крупнымъ коммерсантомъ. И послѣ пышныхъ иллюзій все у того же разбитого корыта безомысленныхъ мечтаній придется очнуться русскому либерализму...

Незачѣмъ, конечно, говорить, что такой союзъ, вливъ новую кровь въ жиры дряхлаго режима и мобилизовавъ противъ освободительной борьбы пролетаріата часть тѣхъ силъ буржуазнаго общества, которыя до сихъ поръ относились къ рабочему движенію пассивно, а подчасъ и съ смутнымъ сочувствіемъ, какъ къ тарану, распатывающему устой «режима»;—незачѣмъ говорить, что такой союзъ необычайно затруднитъ нашу борьбу. А между тѣмъ онъ станетъ фактомъ при продолжающейся бездѣятельности, хотя и недовольныхъ, но безмолвствующихъ народныхъ массъ.

Только активное и сознательное вмѣшательство массъ, сдѣлавъ ихъ самостоятельнымъ факторомъ политической жизни и тѣмъ самымъ поддерживая наиболѣе прогрессивные слои самой буржуазіи, оможетъ скатить въ пропасть чуть двинувшійся камень абсолютизма. При всѣхъ иныхъ условіяхъ и десятки Ляояновъ, кромѣ неисчислимыхъ жертвъ, народу ничего не принесутъ. Начало «уступокъ» громко взываетъ ко всѣмъ, имѣющимъ уши, чтобы слышать, о томъ, какъ много еще предстоитъ работы, и какъ мало осталось времени.

Съ самаго начала войны лозунгомъ своимъ социалдемократія выставила требованіе мира. Если нужно подтвержденіе, что это былъ правый лозунгъ, мы имѣемъ тому убѣдительное свидѣтельство. «Миръ послѣ нашихъ неудачъ—ваша политическая смерть», пишетъ разоткровенничавшійся теперь «Гражданинъ». «Наша» т. е. самодержавія. Да, миръ—это политическая смерть самодержавія! «Миръ, заключенный подъ непосредственнымъ напоромъ народныхъ массъ, руководимыхъ социалдемократіей»—это побѣда пролетаріата!

Сотни тысячъ листовъ разнесли уже по всей странѣ это требованіе мира и обличеніе всѣхъ связанныхъ съ войной безобразій самодержавнаго режима; надо, чтобы этихъ листовъ была милліоны. Рядъ рабочихъ собраній высказавъ уже свое рѣзкое враждебное отношеніе къ войнѣ; надо

чтобы всё доступные нашему влиянію рабочіе прошли через эти собра-
нія и ясно и отчетливо продумали не только исторію возникновенія вои-
нъ, не только причины поражений, но и всё возможные послѣдствія. Надо,
что бы они отдали себѣ отчетъ и въ шатаніяхъ правительства, и въ
значеніи начавшихся «уступокъ», и въ грядущемъ перемѣщеніи обще-
ственныхъ силъ. Правительство даетъ льготы богатымъ евреямъ,—
надо, чтобы рабочій классъ зналъ, какое значеніе имѣютъ эти льготы
для борьбы еврейскаго пролетаріата, и вмѣстѣ съ тѣмъ и для борьбы
неразрывно связаннаго съ нимъ пролетаріата всероссійскаго; прави-
тельство ослабляетъ гнетъ надъ Финляндіей—рабочіе должны оцѣнить
значеніе этого политическаго акта; правительство пытается привлечь
земцевъ,—взоры рабочихъ должны обратиться въ эту сторону, должны
разобрать группировку общественныхъ силъ въ земствахъ, должны
своимъ вмѣшательствомъ оказать давленіе на нихъ, противопоставить
свою организованную волю всякому шагу навстрѣчу абсолютизму, ко-
торый захотятъ сдѣлать будирующие теперь элементы. До безконечности
можно было бы умножить эти примѣры. И всё они въ одинъ голосъ
вспіютъ о необходимости удесятить наши усилія по вовлеченію
рабочаго класса въ политическую жизнь страны. Ибо такая работа, и
только она одна, создастъ возможность сознательнаго вмѣшатель-
ства пролетаріата въ его классовыхъ интересахъ, въ процессъ раскрѣ-
пощенія и освобожденія Россіи. Только она одна дастъ возможность
сдѣлать и тотъ первый шагъ, который заключается въ требованіи
мира.

Ф. Данъ.

Либерализмъ кишиневскихъ громилъ.

(1-го сентября 1904 г. № 73.)

Либеральные намеки князя Мещерскаго и Столыпина о необходи-
мости «полегчить» евреямъ разрѣшились указомъ 11-го августа о
временныхъ измѣненіяхъ въ тѣхъ «временныхъ правилахъ», которыми
вотъ уже два десятилѣтія регулируется жизнь пятимилліонной массы.

На долю Мещерскаго и Столыпина выпала задача подготовить «общественное мнѣніе» къ мысли, что улучшеніе юридическаго положенія евреевъ не есть покушеніе на отечественные устои. И, однако, недалеко отъ насъ то время, когда циркуляры главнаго управленія по дѣламъ печати запрещали газетамъ, вообще, писать объ еврейскомъ вопросѣ. «Могущественнѣйшее правительство» боялось разговоровъ объ участи обитателей черты осѣдлости. Ибо нѣтъ такого позорнаго института въ нашей «конституціи», который не сросся бы до такой степени съ «идеей самодержавія», что всякое посягательство на него грозитъ атому послѣднему. Объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для крестьянъ тоже запрещалось говорить. Японскія побѣды заставили отмѣнить розгу. Онѣ же заставили прикоснуться къ насквозь прогнившему смрадному здазію «временныхъ правилъ» о положеніи евреевъ въ государствѣ.

Какая бездна человѣческихъ страданій воплощена въ двадцатилѣтней исторіи этихъ, въ отмѣну закона, изданныхъ правилъ, къ которымъ нынѣ робко прикасаются реформаторы самодержавнаго режима! Какая масса лжи, насилія и произвола санкціонирована ими, какая политическая коррупція разрослась на ихъ почвѣ! «Временныя правила» съ ихъ крючкотворскими пунктами, съ ихъ недомолвками и двусмысленностями—это сущій кладъ для питающейся исторической падалью бюрократіи, которая продавала и продаетъ евреямъ «право» на благожелательное для нихъ толкованіе въ каждомъ частномъ случаѣ того или другого параграфа. «Временныя правила» питали и питаютъ политическое всемогущество бюрократіи и являются неиссякаемымъ источникомъ той общественной порчи, той политической азиатчины, внѣ которой не можетъ существовать режимъ современный.

Не можетъ! Это хорошо понимаетъ третій изъ рептильныхъ писаекъ, подготовлявшій публику къ «реформѣ»,—г. Суворинъ, который увѣряетъ, что онъ никогда не былъ антисемитомъ, и тщится показать, что безправіе евреевъ не должно быть отмѣнено при настоящемъ режимѣ. Послѣ японскихъ побѣдъ онъ можетъ себѣ позволить роскошь выражаться такъ, чтобы допускать тотъ выводъ, что надо начать съ переменъ режима. Послѣ японскихъ побѣдъ и Витте можетъ толковать свою знаменитую «Записку» въ томъ смыслѣ, что для рѣшенія вопроса о земствѣ надо начать съ рѣшенія вопроса о самодержавіи.

Во всякомъ случаѣ «Новое Время» вѣрно поставило вопросъ: разговоры «наверху» объ «еврейской реформѣ» имѣли и имѣютъ въ виду не богѣе, какъ улучшеніе маленькихъ недостатковъ механизма чудовищнаго безправія. Новый законъ вовсе не касается положенія мил-

ліонів парієвъ, ютящихся въ чертѣ осѣдлости. Все его содержаніе — въ льготахъ и изъятіяхъ по праву жительства и праву приобрѣтенія имущества для купцовъ (первой гильдіи) и дипломированныхъ интеллигентовъ и ихъ семействъ. Кое-что изъ этихъ льготъ распространяется на тѣхъ солдатъ-евреевъ, которые отличатся въ нынѣшней войнѣ (на семейства убитыхъ — самодержавное правительство закономно въ «милостяхъ!» — «благодѣніе» не распространяется.) Это — все. Прибавьте къ этому новыя неясности и двусмысленности, дающія поводъ для кривотолкованій со стороны администраціи — а, слѣдовательно, для новыхъ вымогательствъ — и размѣръ «милости евреямъ» станетъ достаточно ясенъ.

Размѣры безправія, которому подвергнуты въ Россіи всѣ евреи, такъ чудовищны, что приходится придавать значеніе и тѣмъ крупнымъ льготамъ, которыя получаютъ нѣкоторые, хотя бы менѣе обдѣленные судьбой, категоріи. Но это обстоятельство не можетъ заставить насъ забыть, что тамъ, гдѣ страдаютъ отъ рабскаго безправія миллионы, облегченіе участи немногихъ тысячъ является злой насмѣшкой надъ этими миллионами. И лживымъ, купленнымъ лицемеріемъ звучать рѣчи тѣхъ — болѣе или менѣе «либеральныхъ» — газетъ, которыя привѣтствуютъ «гуманное» начало закона, еще разъ самими своими изъятіями санкционирующаго безпримѣрное гражданское безправіе цѣлаго народа.

И если какое-нибудь прогрессивное значеніе имѣетъ новый законъ — это только значеніе симптома, симптома затруднительнаго положенія самодержавія. Это симптоматическое значеніе ярко выступаетъ передъ нами, когда мы сопоставимъ нѣсколько моментовъ въ отношеніи государства къ евреямъ въ теченіе самаго послѣдняго времени — въ теченіе періода нынѣшней войны.

Выселеніе евреевъ изъ «оккупированныхъ» Манчжуріи и Квантуна, приказъ фонъ-Шлеве (напечатанный въ свое время въ легальныхъ газетахъ) о приостановленіи, до окончанія войны, высылки евреевъ изъ Сибири, въ виду неудобства «возбуждать неудовольствіе населенія» въ столь тревожное время, освобожденіе солдатъ-евреевъ отъ клейма «черты осѣдлости» — таковы три частныхъ факта, характеризующихъ пройденный путь.

Систематическій походъ на еврейскіе карманы помощью терроризаціи еврейской буржуазіи угрозой погромовъ, какъ награда за ея «анти-патріотизмъ», помпадурскія рѣчи о недостаточной поддержкѣ евреями краснаго креста и морскаго фонда, газетные слухи о помощи

русскихъ и американскихъ евреевъ японцамъ и т. д. и т. д.—таковъ начальный пунктъ «еврейской политики» этого періода.

Попытка подкупить крупную и среднюю еврейскую буржуазію въ Россіи и на Западѣ нѣкоторымъ ослабленіемъ «временныхъ правилъ» — таковъ политическій смыслъ конечнаго пункта—закона 11 августа.

Органъ берлинской биржи, «Berliner Tageblatt» настойчиво повторяетъ свой совѣтъ германскимъ капиталистамъ—не давать ни копейки русскому правительству, пока оно не введетъ «реформъ». Хладнокровно завѣщиваетъ всемірная плутократія шансы дальнѣйшаго существованія абсолютизма и—черезъ два слова въ третье—напоминаетъ Россіи: «Кипищевъ!» «Гениальный» шахматный ходъ фонъ-Плеве сорвалъ всѣ покровы съ государственнаго организма Россіи и заставилъ задуматься финансовую плутократію Европы и Америки. «Еврейскій вопросъ», какъ частная форма русской азіатчины, всталъ на первый планъ. И тѣмъ болѣе, въ ходѣ «мировой политики» абсолютизма, онъ загоняется въ тупой переулокъ, откуда нѣтъ выхода съ его обычными ресурсами,—тѣмъ болѣе зловѣщій призракъ кипищевскихъ жертвъ встаетъ передъ нимъ, преграждая дорогу къ денежнымъ сундукамъ «евреевъ внутреннихъ и вѣнскихъ». И въ привычныхъ надменныхъ звукахъ барскаго голоса нашихъ правителей вы уже слышите грубо-протельныя ноты: «жидъ, выручай!»

Предстоящій вѣнскій, а можетъ быть, и внутренній заемъ—вотъ о чемъ говоритъ намъ законъ 11-го іюня. Жидъ, выручай! кричитъ самодержавное правительство еврейской буржуазіи¹⁾. Не надо быть близко знакомымъ съ «естественной исторіей» этой разновидности мировой породы эксплуататоровъ, чтобы не сомнѣваться, что они откликнутся на этотъ призывъ. Тѣмъ болѣе, что либеральныя рептиліи сладко шепчутъ: вѣдь это только начало! Да, только начало, за которымъ продолженіе слѣдуетъ! Это продолженіе не заставило себя долго ждать. 11 августа подписанъ новый законъ, 22 августа одновременно вспыхнули еврейскіе погромы въ Ровно и Смѣлѣ, на сей разъ быстро прекращенные энергіей полиціи и войска. Черезъ нѣсколько дней болѣе грозный погромъ вспыхнулъ въ Сосновицѣхъ. «Только» нѣсколько десятковъ евреевъ ранены. Медовый мѣсяцъ былъ въ самомъ разгарѣ, а уже обозначилась обратная сторона только что отчеканенной медали. И на этой сторонѣ

¹⁾ Особенный пунктъ въ указѣ посвященъ льготамъ для г. г. «мануфактуръ и коммерціи соотвѣтниковъ» изъ евреевъ, т. е. подлинной еврейской плутократіи—для «бароновъ биржи».

уже выступают зловѣщія буквы: Кишиневъ! Въ азартной игрѣ за-путавашагося абсолютизма всякая новая карта моментально оказывается битой.

Смыслъ событій очевиденъ, онъ бьетъ въ глаза. Вопросъ о правѣ миллионѣвъ на гражданское существованіе не можетъ быть ни разрѣшенъ, ни смягченъ маленькими поправками къ чудовищнымъ законамъ. Въ еврейскихъ погромахъ — этомъ періодическомъ явленіи русской жизни — символизируется коренная ненормальность положенія пятимилліонной массы бѣдняковъ, лишенныхъ элементарнѣйшихъ гражданскихъ правъ.

Въ нихъ символизируется также вся азіатская сторона русской политической жизни, одичаніе остающихся въѣ русла революціоннаго обновленія люмпенскихъ и мелко-буржуазныхъ слоевъ народа, политическая тупость массы провинціальной «интеллигенціи» и буржуазіи, развѣдающая населеніе казенная идеологія челоѣконенавистничества. Погромы въ Сибѣ и другихъ мѣстахъ пришли кстати, чтобы напомнить еврейской буржуазіи и передовой части русскаго общества то, о чемъ въ туманныхъ фразахъ говоритъ «Новое Время»: что еврейское безправіе и питаемые имъ «погромы» являются составною частью того политическаго уклада, который именуется русскимъ самодержавіемъ. Никакія заплаты на дырявомъ рубищѣ «временныхъ правилъ» не смогутъ скрыть отъ культурнаго міра той сплошной язвы, которая покрывается этимъ рубищемъ, которая заражаетъ всю русскую жизнь. Чтобы еврей пересталъ быть «жидомъ», существомъ, подлежащимъ періодической «встряскѣ» погромами — для этого необходимымъ предварительнымъ условіемъ является устраненіе изъ русскаго законодательства самаго слова «еврей». А это невозможно безъ коренной ложки того строя, на которомъ красуется потертая выѣска: «самодержавіе, православіе и народность».

Погромы въ Сибѣ, Ровно и Сосновицахъ вскрываютъ еще разъ классовое неравенство, покрываемое общимъ гражданскимъ безправіемъ еврейскаго населенія. Что означаютъ для этихъ тысячъ еврейскихъ пролетаріевъ, ремесленниковъ и торговцевъ всѣ и всякія льготы для отдѣльныхъ единоплеменныхъ имъ представителей капитала и образованія? Погромы, какъ кульминаціонный пунктъ будничнаго, каждый день осязаемаго безправія, остаются неприкосновенными. Вѣчное обирательство и надѣвательство полицейскихъ чиновъ надъ еврейской массой остается въ силѣ и послѣ того, какъ право жительства и расселенія для нѣкоторыхъ категорій регулировано болѣе или

менше прочными положеніями закона. Богѣе того: изымая изъ подѣйствія повседнежнаго полицейскаго обложенія верхи еврейской буржуазіи—для того, чтобы обложить ихъ въ пользу самой «государственной казны»—самодержавіе, тѣмъ самымъ, отдаетъ еврейскую бѣдноту на пользу и разграбленіе жадной полицейской сворѣ. И если въ борьбѣ за самосохраненіе абсолютизмъ и впредь будетъ откупаться отъ своей гибели, между прочимъ, продажей отдѣльныхъ льготъ верхамъ еврейства, онъ, тѣмъ самымъ, будетъ все глубже и глубже погружать еврейскую бѣдноту въ тину его гетто. Тѣмъ самымъ, онъ будетъ все глубже и глубже раскалывать еврейство, и, примиряя съ собою его буржуазную часть, толкать его пролетарскіе элементы навстрѣчу той революціи, которая одна только похоронитъ навѣки княжескіе ужасы.

Л. Мартовъ.

Петербургская весна.

(20 сентября 1904 г., № 74).

Сразу какъ то заговорили о мирѣ.... Заговорили въ Германіи, заговорили и во Франціи, среди «друзей Россіи»—въ буржуазно-націоналистическихъ кругахъ ея. Въ иностранную печать проникають слухи о томъ, что и въ русскихъ правящихъ сферахъ допускаютъ возможность скорого заключенія мира съ Японіей. Корреспондентъ «Daily Telegraph» передаетъ соответственную свою бесѣду съ «сановникомъ», имя котораго, будучи разглашено, «произвело бы сенсацію». Гдѣ тѣ времена, когда европейская буржуазная печать въ одинъ голосъ повторяла слова русскихъ офицеровъ, что разговоръ о мирѣ можетъ начаться только послѣ того, какъ Россія нанесетъ Японіи рѣшительный ударъ?

Органомъ «новыхъ вѣяній» выступилъ «Гражданинъ» князя Мещерскаго. Послѣ Ллонискаго разгрома, онъ дерзаетъ заговорить о возможности заключить миръ съ Японіей и даже—вступить съ ней въ постоянный союзъ. И приемъ, который встрѣтилъ кн. Мещерскій въ другихъ органахъ рентильной печати, заставляетъ думать, что его выступленіе не является случайнымъ индивидуальнымъ капризомъ.

Самодержавное правительство «ошиблось»: своей вѣншией политикой, въ авантюристскомъ характерѣ которой сказалась историческая законность, оно втянуло Россію въ войну. Разъ началась война, оно

должно было поставить на карту военного успѣха все свое существованіе—оно должно было это сдѣлать, если не хотѣло рисковать «разнузданіемъ» тѣхъ общественныхъ силъ, которыя подтачиваютъ его существованіе. Уступить Японіи безъ войны или послѣ перваго «коварнаго нападенія», значило—сразу потерять свой престижъ вовнѣ и внутри страны. Но въ книгахъ исторіи было написано, что абсолютизму не удастся уже побѣдить ни въ одной войнѣ съ европейско-культурнымъ государствомъ. Черезъ полгода войны эта истина стала ясна всему міру. Потерпѣть же разгромъ со всѣми его послѣдствіями, въ свою очередь, значить самому признать свое банкротство и пригласить кредиторовъ къ ликвидаціи своего хозяйства. Какъ быть?

Клика, которой служить князь Мещерскій, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: не искушайте судьбу, ловите моментъ! Довольствуйтесь тѣмъ революционизированіемъ страны, которое уже достигнуто полугодомъ военныхъ неудачъ, заключимъ миръ и, вступивъ въ союзъ съ побѣдоносной Японіей, попытаемся затмить впечатлѣніе военной неудачи хитроумнымъ дипломатическимъ успѣхомъ! Этимъ мы остановимъ процессъ распада самодержавнаго режима. Пожертвуемъ ореоломъ военной славы, но—сохранимъ этотъ режимъ! Ибо каждый новый побѣдоносный шагъ японцевъ означаетъ новую брешь въ твердыні абсолютизма. Общественное мнѣніе не хотѣло и не хочетъ войны, и мирилось съ ней лишь до тѣхъ поръ, пока вѣрило въ ея скорое и побѣдоносное окончаніе. Удовлетворимъ общество въ его требованіи мира и, тѣмъ самымъ, отстоимъ право современнаго режима на дальнѣйшее существованіе.

Такъ говорятъ, устами кн. Мещерскаго, наиболѣе неподвижные политически элементы «охранительной» гвардіи. Будущее ничего не сулитъ имъ, носителямъ идеи дореформеннаго абсолютизма. Внутренняя логика политической авантюры страшитъ ихъ воображеніе. Попытаться отстоять существованіе любовнаго сердцу ихъ режима цѣной скачка въ неизвѣстное противорѣчить всей ихъ косной природѣ. И не случайность, что призывъ Мещерскаго къ миру раздался одновременно съ провозглашеніемъ отъѣмъ тѣлеснаго наказанія,—этой первой данью абсолютизма карающей исторической Немезидѣ.

Купить, цѣной прекращенія войны, «общественное мнѣніе»—такова ихъ программа, программа «дикихъ помѣщиковъ».

Но купить «внутренній миръ» такую цѣною, значить, для самодержавной Россіи, потерять всякій престижъ на международномъ рынкѣ. Миръ самодержавной Россіи съ побѣдоносной Японіей—это быстрая и «себѣ въ убытокъ» ликвидація всего хозяйства абсолютизма въ

области международной политики. Это—окончательный отказ отъ плодъ хитроумной (хотя и не всегда умѣлой) дипломатіи двухъ царствованій, это—низведеніе Россіи на степень «второстепенной» державы. А, между тѣмъ, престижъ «великой державы», престижъ военнаго и политическаго могущества, являющійся для самодержавной бюрократіи средствомъ прирученія извѣстныхъ экономически-сильныхъ социальныхъ группъ—для этихъ послѣднихъ является непосредственнымъ источникомъ ихъ привилегированнаго положенія въ государствѣ. Эксплуатація двухмиллиарднаго бюджета, эксплуатація громадной государственной машины и, въ частности, ея политическаго вліянія на международномъ рынкѣ является источникомъ политической и экономической «мощи» опредѣленной группы въ рядахъ имущихъ классовъ. Самодержавіе нашихъ дней не виситъ въ воздухѣ. Не выражая собою, какъ политическая форма, социальнаго господства того или другого класса, оно, въ процессъ борьбы за свое существованіе, срослось интересами съ опредѣленными группами имущихъ классовъ и въ своей политикѣ, черезъ всѣ свои шатанія, приспособилось къ интересамъ этихъ группокъ. Для этихъ группокъ, въ общемъ и цѣломъ, нѣтъ никакой непосредственной выгоды въ занятіи той или другой части Манчжуріи; но для нихъ важно, чтобы государственная машина, не ими направляемая, но приспособляющаяся въ своей работѣ къ ихъ интересамъ, шла полнымъ ходомъ, чтобы поддерживаемое ими правительствомъ вело на всемірномъ рынкѣ крупную игру. И не въ послѣдней степени связь съ этими элементами—продуктами новой общественной формации—толкала самодержавный режимъ на путь авантюръ во внѣшней политикѣ, тогда какъ «патріархальная» реакція Мещерскихъ, при всей безтолковости, безграмотности и непослѣдовательности ея политики, по существу своему, была склонна къ сохраненію «равновѣсія» и въ области международныхъ отношеній и лишь изъ «лояльности» и въ размѣрахъ казенной повинности поддакивала проповѣди агрессивныхъ дѣйствій въ защиту ли «братьевъ-славянъ» или во исполненіе «цивилизаторской» миссіи на Дальнемъ Востокѣ.

Въ этомъ противорѣчьи сказывается двойственная природа абсолютизмъ, стремящагося и не могущаго не стремиться соединить подъ крыльями своего орла социальные обломки крѣпостнаго прошлаго, съ самыми сильными элементами буржуазно-капиталистическаго будущаго.

Первые терпятъ, потому что должны терпѣть систематическое уклоненіе самодержавія отъ чистыхъ завѣтовъ эпохи Николая I, повторяющееся время отъ времени попираніе аграрно-сословныхъ интересовъ ради политическаго подкупа буржуазныхъ верховъ.

Вторые продают бюрократии свое право на политическую реализацию социальной силы класса, во главе которого они стоят, за щедрое удовлетворение своих хищнических appetitov. Политический застой внутри и активная политика во вне—таково наиболее полное выражение этого союза, а бюрократия есть тот честный маклер, который живет за счет куртажа с этой хищнической сделки.

Революционная сила—война—вбива клинъ въ этотъ прочный союзъ. Она ставитъ ребромъ вопросъ: «національная идея», или неприкосновенность современнаго режима? Или иначе: впередъ къ капиталистическому расцвѣту, или назадъ къ дореформенному дворянскому прозябанію?

Но эксплуатация «національной идеи», эксплуатация внешней финансовой политики въ стилѣ «великой державы» есть, какъ мы видѣли, основное условіе союза между пайщиками абсолютистской фирмы. И если одни, устами Мещерскаго, говорятъ: прочь національную идею ради неприкосновенности самодержавія, то другіе, въ лицѣ Суворина и Столыпина, отвѣчаютъ: долой политическую неподвижность, разъ что она стала поперекъ дороги развитію національной идеи. Если одни говорятъ: отречемся отъ «революционныхъ» методовъ современной внешней политики, то другіе провозглашаютъ: откажемся отъ послѣдовательной реакціи въ политикѣ внутренней. Если одни хотятъ мира въ интересахъ династій, то другіе требуютъ превращенія правительственной войны въ войну національную (или какъ пишетъ Суворинъ, народную)—цѣной отказа отъ послѣдовательнаго проведенія традиціонной системы. Одни стремятся прекратить международную авантюру, другіе—дополнить ее авантюрой въ сферѣ внутренней политики.

«Чего лучше?» ехидно возражаетъ Суворинъ князю Мещерскому, («Нов. Вр.» № 10.241): «если мы никуда не годны для войны, то, авось, годимся для мира. Петръ Великій былъ другого мнѣнія». А Столыпинъ (№ 10.243) поясняетъ: «Допустимъ, что мы пошли бы на такое униженіе (на миръ съ Японіей). Тѣмъ бы и кончилось? Предполагать это было бы крайне наивно: насъ немедленно бы разобрали на клочки наши европейскіе сосѣди, а остатки досталось бы, въ концѣ концовъ, тому же возрожденному Востоку». «Привыкъ къ заключенію мира, говорить о томъ въ другомъ мѣстѣ, исходить отъ той же партіи, которая до войны настойчиво тормозила нашу боевую готовность на Востокѣ и тѣмъ, къ несчастію, обусловила войну. Кн. Мещерскій не свои мнѣнія высказываетъ, а мнѣнія известнаго в ружка. Въ первый моментъ народнаго (!) одушевленія при-

шлось прикусить языкъ, а теперь наступила минута, когда явился со связью: а не попробовать ли старую погоду на новый ладъ?»

Комментаріемъ къ этимъ рѣчамъ двухъ продажныхъ публицистовъ видятся толки Меньшиковыхъ и имъ подобныхъ о необходимости реагировать на манчжурскія неудачи введеніемъ всеобщаго обученія, примеченіемъ «общественныхъ силъ», всесторонней «реформой». Суворинъ кстати вспоминаетъ, что онъ годъ назадъ предрекалъ наступленіе «весны» въ жизни Россіи, и выражаетъ надежду, что эта «весна» является въ ходѣ японской войны. Полемизируя съ кн. Мещерскимъ, онъ доказываетъ (№ 10.245), что не все еще для Россіи потеряно, что «война—это рентгеновскіе лучи. Они проникають до костей и указываютъ накопившуюся гниль. Они же укажутъ и здоровое тѣло». А корень «гнили» — въ «бюрократизмѣ».

Связавшія свою судьбу съ судьбою самодержавнаго режима эксплуататорскія группы подкапываютъ своему господину еще одну попытку обмануть исторію. Сдѣлать войну «народной», для чего дать извѣстный просторъ недовольнымъ «общественнымъ силамъ» — верхамъ и серединамъ иущахъ классовъ. Эту программу «Новое Время» подсказываетъ и новому министру внутреннихъ дѣлъ, который въ своихъ «программныхъ» рѣчахъ связываетъ идею продолженія войны съ туманными проектами привлеченія къ престолу «общественныхъ силъ». И всему міру торжественно объявляется, что война будетъ вестись, пока останется «хоть одинъ солдатъ, хоть одинъ рубль»!

Этого-то и боится ультра-реакціонная клика. Вести войну до конца значитъ—обезоружить, хоть отчасти, абсолютизмъ у себя дома. Никогда не проявлявшая склонности къ экспериментамъ «сердечнаго леченія», эта группа съ ужасомъ видитъ неизбежную связь дальнѣйшаго веденія войны съ новыми авантюрами «диетатуры сердца». Многоопытный старецъ Суворинъ понимаетъ, въ чемъ дѣло. Предоставляя своему новому фельетонному наѣзднику пугать кн. Мещерскаго перспективой, въ случаѣ мира, «быть на посылкахъ у надменнаго и жестокаго китайца и отдать ему свое добро на разживу, а дочерей на потѣху!!!», издатель «Нов. Врем.» наноситъ другу «высокопоставленнымъ» лицъ болѣе тонкій ударъ. Не отказавъ себѣ въ удовольствіи намекнуть на то, что миролюбіе князя имѣетъ какое-то отношеніе къ его брянскимъ акціямъ, онъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «г. Струве изъ Штутгарта давно совѣтуетъ «постоять передъ Японіей на колѣнкахъ», и я долженъ отдать предпочтеніе этому публицисту, ибо онъ совѣтовалъ это раньше, еще въ апрѣлѣ, и убѣдительно. Les extrêmes se touchent (крайности сходятся). Такъ, въ

смутное время казакъ Заруцкій, мужъ Марины, дружилъ съ княземъ Трубецкимъ»...

Новоявленный Министръ обличаетъ нашего «феодала» въ измѣнѣ отечеству, ради сохраненія своихъ кастовыхъ привилегій. Это только пикантно. Но за этой полемической перепалкой скрывается реальный политическій антагонизмъ, съ которымъ придется считаться по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія событій. Въ правящей кликѣ замѣчаются признаки разложенія. Одна изъ господствующихъ силъ готова дать Россіи миръ, подъ условіемъ отказа отъ политической реформы, другая, за санкцію преступной войны, обѣщаетъ... Суворинскую «веселу».

Развращенная политически тѣснымъ союзомъ съ бюрократіей, эксплуататорская группа, представляющая въ правящей кликѣ ея «европейскій» элементъ, слишкомъ далека отъ пониманія историческаго смысла совершающихся событій, слишкомъ привычна въ дѣлѣ предательства интересовъ даже того класса, во главѣ котораго она стоитъ, слишкомъ безыдейно и откровенно продажна, чтобы быть способной на какую-нибудь творческую инициативу. Это она—эта общественная группа—скомпрометировала себя прежде всего въ экспериментахъ Лориселиковщины и эпохи Ванновскаго. Авантюристская по преимуществу, она годна только служить въ рукахъ реакціи въ нужную минуту тѣмъ живцомъ, на который уловляются крупныя и мелкія рыбы російскаго либерализма. И за каждой фабрикаціей фальшивой «веселы» этимъ типомъ политическихъ старшихъ дворниковъ, немануемо должно слѣдовать наступленіе лютыхъ морозовъ бѣшеной, доживающей послѣдніе историческіе дни, реакціи.

Политическое обновленіе Россіи не можетъ имѣть своимъ исходнымъ пунктомъ либеральную инициативу этой банды политическихъ червонныхъ валоетовъ. Не съ ними, а противъ нихъ должна идти волна общественнаго движенія. И только эмансипировавшись отъ всякой политической солидарности съ этими вреднѣйшими изъ прислѣдниковъ реакціи, русская либеральная буржуазія можетъ надѣяться учестъ разложеніе современнаго режима въ его превращеніи въ правовое государство.

И противъ лозунга: «реформа и война!», противопоставляемого «Мещерскому» паролю: «миръ и порядок!», русскій либерализмъ долженъ издать кличъ: «миръ и свобода!» Пока онъ не сдѣлаетъ этого шага, онъ не можетъ надѣяться играть въ политической драмѣ другой роли, кромѣ шаблонной роли «обманутаго обманщика». Кто хочетъ обмануть исторію—уклониться отъ войны по всему фронту противъ современнаго режима, тотъ неизбежно будетъ обманутъ ея мародерами—

Святополками, Сувориными и К°. «Миръ и свобода»—вотъ то знамя, которое проведетъ рѣзкую грань между старой и новой Россіей и, сплотивъ снова въ одну семью растерявшихся нынѣ лакеевъ реакціи, противопоставитъ имъ соединенныя силы рвущихся къ освобожденію массовъ.

«Миръ и свобода»—этотъ лозунгъ, и только онъ, можетъ объединить въ данный моментъ для «совмѣстной борьбы отдѣльными и колоннами» разныя общественныя классы, противостоящіе господствующей интѣ. «Миръ и свобода» или, въ переводѣ на языкъ политическихъ требованій: немедленная приостановка военныхъ дѣйствій и созывъ всенароднаго учредительнаго собранія для ликвидаціи настоящаго государственнаго порядка и для заключенія мира.

Сознательный пролетаріатъ, выставившій съ самаго начала войны это требованіе, окажетъ поддержку только тому общественному движенію, которое ясно и недвусмысленно выставитъ этотъ лозунгъ.

Л. Мартновъ.

Новая диктатура сердца.

(20 сентабря 1904 г., № 74).

Будетъ ли отмѣчено большими переимѣнами во внутренней политикѣ Россіи вступленіе Святополкъ-Мирскаго въ должность министра внутреннихъ дѣлъ?—«Большими переимѣнами—нѣтъ, но я (Святополкъ-Мирскій) буду стараться согласовать мои дѣйствія съ духомъ истиннаго и широкаго прогресса, по крайней мѣрѣ, поскольку онъ не будетъ въ противорѣчій съ существующимъ строемъ».

Таковъ отвѣтъ новаго министра корреспонденту «Echo de Paris». Таковъ главный мотивъ новой «министерской программы». Что же она намъ сулитъ?

Было бы политически наввно ожидать отъ новаго министра серьезной рѣшимости «согласовать свои дѣйствія съ духомъ истиннаго и широкаго прогресса». Но допустимъ, что онъ рѣшилъ идти навстрѣчу

нѣкоторымъ насущнымъ нуждамъ страны, хотя бы въ интересахъ правительственныхъ. Что сможетъ сдѣлать въ этомъ направленіи правительство?

Въ самой постановкѣ вопросъ о новыхъ путяхъ политики для новаго министра всецѣло связанъ съ задачей сохраненія существующаго строя. И это второе, ограничивающее условіе даетъ фатально узкій смыслъ, какимъ бы то ни было начинаніямъ въ разрѣшеніи политическихъ проблемъ. Узкій смыслъ съ точки зрѣнія демократіи, роковой—для правительства, которому въ данный моментъ уже трудно наверстать потерянное въ политическомъ вѣсѣ и, обратно, легко потерять и остатокъ престижа.

И въ самомъ дѣлѣ, не смѣшны ли, лицомъ въ лицу съ растущей анархіей народной жизни, передъ моремъ народныхъ бѣдствій, тѣ карикатурныя мѣры, которыя намѣчаетъ новый шефъ жандармовъ? Прежде всего, что можетъ дать странѣ административныхъ помпидуровъ и военныхъ сатраповъ общаемаая министромъ децентрализація самоуправства? Аккомпанирующій въ этомъ пунктѣ новому министру дрижержъ реакціи, Мешерскій, ждетъ, что при этомъ вырвется вздохъ облегченія у губернаторовъ, освобожденныхъ отъ беспощадной опеки капризовъ департаментскихъ чиновниковъ. Это вѣрно. И горе Россіи, которая и такъ управляется по системѣ одиночнаго заключенія отдѣльныхъ гражданъ, отдѣльныхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, которая и сейчасъ состоитъ подѣ почти безконтрольнымъ производомъ отдѣльныхъ виртуозовъ-администраторовъ! Это будетъ побѣда реакціи. Не лежитъ ли нашъ исторически правильный путь въ противоположную сторону—къ превращенію помѣстнаго административнаго произвола, во-первыхъ, въ централизованную законодательную власть всенароднаго парламента и, во-вторыхъ, въ исполнительную власть отвѣтственнаго передъ парламентомъ кабинета министровъ? Несомнѣнно, всякій шагъ по пути децентрализація самоуправства отзовется новой болью въ тѣлѣ народа и, поскольку не замрутъ въ этомъ тѣлѣ процессы развитія,— это будутъ болѣе или менѣе революціонные акты самозащиты со стороны населенія.

Городскимъ и земскимъ учрежденіямъ предполагается предоставить возможно больше авторитета въ мѣстныхъ дѣлахъ. Значитъ ли это, что министромъ намѣчена отмѣна закона о предѣльномъ земскомъ обложеніи? Достаточно сопоставить этотъ планъ съ задачей правительства сохранить существующій строй, чтобъ отвѣтить на поставленный вопросъ отрицательно. Но я положительное рѣшеніе вопроса только выдвинетъ новую неразрѣшимую задачу, потому что предоста-

вить возможность свободного роста земскому бюджету при теперешней силѣ этого роста, это значить—дать голосъ всероссійскому земству въ выработкѣ государственнаго бюджета. Последнее же лежитъ за предѣлами возможнаго для самодержавнаго режима.

Дойдетъ-ли благосклонность къ земствамъ и думаемъ хотя бы до предоставленія имъ законодательной инициативы? Смѣшно было бы даже ставить подобные вопросы, если бы не важно было указать на одно необходимое слѣдствие всякой правительственной политики, проводимой въ интересахъ самодержавія. И политическій обманъ въ итогахъ пустыхъ обѣщаній, и политика уступокъ, не переступающихъ предѣловъ вынѣшняго режима, въ концѣ концовъ, вызовутъ встрѣчную волну дворянско-буржуазнаго недовольства, которая неминуемо добѣжитъ до поставленной ей преграды и разобьется въ брызги открытой оппозиціи, или уйдетъ въ подпочву нелегальной группировки радикальныхъ элементовъ.

Министръ обѣщаетъ возможно полную свободу совѣсти, но «съ нѣкоторыми оговорками». Не ясно ли, что подъ оговорки будетъ подведена вся сумма тѣхъ мѣръ религіознаго гнета, которыя прямо связаны съ желаніемъ прикрѣпить охрану путемъ руссификаціи, поддерживать косное православіе въ Вѣликороссіи? И правительству придется возопряться въ подавленіи недовольства ограбленной имъ армянской церкви, придется попрежнему мобилизовать поповъ и монаховъ противъ вольнодумной штууды.

Не будетъ абсолютной (!) свободы для евреевъ! Что же дастъ общезная относительная? Съ большою вѣроятностью можно утверждать, что въ мѣропріятіяхъ для и противъ еврейства Святополькъ-Мирскій, призванный одной рукой зажечь революціонный огонь, а другой—тушить, запоздалъ. Стараніями его предшественниковъ революціонная задача «режима» въ этой области почти уже закончена. Неслышаннымъ гнетомъ этотъ народъ мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ и пролетаріевъ доведенъ до революціоннаго каленія.

Министру грезится насажденіе прогресса, увеличеніе числа школы! Но идѣ за ними идетъ увеличеніе числа неспокойныхъ элементовъ въ лицѣ учителей и учительницъ, увеличеніе спроса на книжку, а, слѣдовательно, и на листки и брошюры «возмутительнаго содержания».

Повидимому, смутное предчувствіе революціоннаго исхода охранительныхъ начинаній не чуждо и генералу-министру, и онъ сознается въ своей бесѣдѣ, что «наше внутреннее положеніе, если и не чрезвычайно серьезно, все же запутанное». Но понялъ ли онъ, приступая

съ улыбкой къ своему дѣлу, что онъ неотвратимо идетъ прямой дорожкой къ могилѣ самодержавнаго режима? Понялъ ли, что онъ призванъ не для руководства всей суммой внутреннихъ дѣлъ государства, а на ту же специальную функцію, на которую была направлена вся энергія его предшественниковъ, т. е. призванъ завѣдывать дѣломъ россійской революціи, въ качествѣ бессознательнаго разжигателя революціоннаго инстинкта массъ и—дипломатическаго укротителя этого инстинкта.

Но субъективно онъ ставитъ себѣ, повидимому, задачу превратить революціонность массъ и одиночекъ въ притушенную политическую усталость, въ упадокъ нервной энергіи, вообще говоря, возможный вслѣдъ за чрезмѣрнымъ ея напряженіемъ.

И онъ ласкаетъ себя надеждой, что заблужденія молодежи сопровождаются раскаяніемъ, что она образумливается съ возрастомъ и изъ нея выходятъ «прекрасные работники», онъ снѣшитъ навстрѣчу «желаніямъ населенія» въ расширеніи авторитета земскихъ и городскихъ учреждений и думаетъ, что «добротой можно достигнуть счастливыхъ результатовъ» и въ еврейскомъ вопросѣ. Знакомая намъ диктатура сердца! Второй уже разъ за послѣднее десятилѣтіе остававливаемый волной оппозиціи самодержавный режимъ пытается ослабить удилъ «неукоснительной строгости». И что же? Первый разъ, при расцвѣтѣ режима Ванновскаго, раздался недвусмысленный, неодобрительный ревъ бюрократически-дворянской реакціи, въ общей свалкѣ тоже забирающей самостоятельную отъ правительства силу. Старичекъ сократилъ свою ласковую улыбку и поспѣшилъ ступешваться. Пусть бы новый апостолъ мира прислушался къ остраггающему завыванію «Моск. Вѣдом.». Положеніе новаго вождя внутренней политики невеселое: впереди шумъ неугомоннаго моря демократіи, за спиной—шипѣніе реакціоннаго крупнаго дворянства. Но, повидимому, новый вождь полонъ новыхъ надеждъ. Сбудутся ли радужныя мечты браваго генерала? Судя по всему, у насъ есть основаніе утверждать съ достаточной увѣренностью, что негодными мѣрами окажутся всѣ такіа полуреформы, что онѣ обратятся противъ самого же правительства, что бессильны уже и попытки убавокать революціонное недовольство генеральской лаской; что, наконецъ, эти попытки будутъ прерваны реакціей.

Характернымъ политическимъ симптомомъ является отповѣдь «Освобожденія», которое видитъ во всѣхъ этихъ заманчивыхъ перспективахъ не реальныя уступки, а лишь одинъ обольстительный запахъ ихъ, и потому—опасность для оппозиціи. Характернымъ симптомомъ это олужить потому, что «Освобожденіе» способно вообще легкомысленно воодушевляться и, даже теперь, въ сторонѣ отъ этой главнѣй

политической директивы недоверія къ правительству, предлагаетъ студенчеству не слишкомъ сплеча обращаться съ новыми нѣжными ростками самодержавной политики. Но тѣмъ болѣе знаменательно, что въ переходный моментъ наибольшей податливости сладкимъ общаніямъ оно не можетъ въ себѣ заглушить червячка недоверія. Къ сожалѣнію, статья «Освобожденія» не представляетъ даже коллективнаго мнѣнія либеральнаго слоя. И коренной вопросъ обсуждения и учета новоявленной «министерской программы» для насъ въ томъ, какъ будетъ реагировать на режимъ сердца широкая демократія, верхніе слои пробуждающихся массъ и прежде всего—рабочаго класса.

Опытъ недавняго прошлаго показалъ, что все правительственные «мѣропріятія» въ области положительной государственной работы не разряжаютъ существующей революціонности сознательныхъ слоевъ народа, потому что сами они не «революционны», не уничтожаютъ анархія въ жизни страны, потому что нисколько не удовлетворяютъ нужды народа въ правовой организаціи этой, все усложняющейся, жизни и оставляютъ безъ «конституціи»—безъ «законовъ войны»—классовые и національные конфликты.

Одинъ взглядъ назадъ—на весь ходъ рабочаго движенія параллельно съ ростомъ капитализма. Куда ведетъ мѣлкое положеніе рабочихъ массъ, лишенныхъ законодательнаго права и права стачекъ, союзовъ, собраний, лицомъ къ лицу съ азиатскимъ хищничествомъ русскаго промышленника? Все послѣдствія этого положенія пролетаріата: физическое и психическое вырожденіе его, хозяйственное обнищаніе до нес plus ultra, обостряютъ до крайности противорѣчія государственно-буржуазнаго строя, влекутъ Россію къ потрясающему экономическому краху. Возьмемъ все это, плюсъ искусъ войны, и оцѣнимъ политическую развязность или легкомысліе Святлопольскъ-Мирскаго, предлагающаго Россіи испить до дна чашу восточно-сибирскаго военнаго погрома.

Область національныхъ отношеній! Съ одной стороны, разнузданная, насильственная ассимиляція, съ другой—взаимное недоверіе. Демократическая Польша съ такъ называемой партіей польскихъ социалистовъ во главѣ, національная Финляндія, религіозная Арменія! Въ Финляндіи харьковскій Аракчеевъ-Оболенскій, говоря либеральными рѣчи, замѣствуетъ у своего прообраза методъ давать отдохнуть жертвамъ казни «сквозь строй» передъ новымъ актомъ пытки. Невелика, впрочемъ, надежда на то, что финны повѣрятъ ласковымъ рѣчамъ палача по призванію: недоверіе прочно посеяно.

Национализмъ и сепаратизмъ растутъ не только на окраинахъ: по

всему тѣлу Россіи, анархія національныхъ отношеній разряжается цѣлымъ рядомъ еврейскихъ погромовъ, повторяющихъ ужасы средневѣковья.

Государственная власть запоздала своевременнымъ уничтоженіемъ сословной грани объединить и согласовать общіе интересы землевладѣльцевъ бѣлой и черной кости: безправное крестьянство рѣшаетъ ихъ у себя въ деревняхъ по-домашнему: разгромомъ помѣщичьихъ усадебъ аграрными убійствами и поджогами.

И въ этомъ хасѣ разложенія государства крупницы либеральнаго попустительства въ правительственной политикѣ нисколько не идутъ къ согласованію интересовъ отдѣльныхъ слоевъ населенія. Напротивъ того, одинъ новый и послѣдній шагъ отъ защиты интересовъ господствующихъ классовъ въ сторону политическаго абсентизма—въ сторону защиты авантюристскихъ интересовъ одной правящей клики.

И, представленный самому себѣ, народъ все больше и больше втягивается въ процессъ выработки самобытнаго, революціоннаго «самоуправленія». Завязывается организація рабочихъ массъ для защиты своихъ классовыхъ интересовъ, нелегально группируются оппозиціонныя силы буржуазіи. Происходитъ усиленная борьба сторонниковъ партій въ области литературнаго размежеванія. Радикальная интеллигенція ассимилируется партіей рабочаго класса. Все сильнѣе и сильнѣе выясняется необходимость завершенія и закрѣпленія этихъ новыхъ формъ государственной жизни путемъ конституціи.

Въ этомъ неудержимомъ повышеніи уровня политическаго моря и давы гарантіи того, что волны революціоннаго прилива будутъ, не ослабѣвая, бить въ стѣны самодержавнаго строя. А слѣдовательно, ген. Святополкъ-Мирскій, который—по собственнымъ словамъ, мѣтилъ, вмѣсто Куропаткина, на поля Ляояна, а попалъ въ Петербургъ, дѣйствительно, становится во главѣ внутренняго военнаго министерства, на мѣсто «министра контръ-революціи фонъ-Плеве, какъ бы сладко ни грезилось ему кроткое управленіе замиренными подданными.

«Програмная рѣчь» новаго министра вноситъ только одно подтверждающее «да» въ недвусмысленную политику правительства, обнаруживая рѣшимость его, не смотря ни на что, отстаивать свое самовластие. И все сильнѣй и сильнѣй «военныя функціи» захватываютъ государственную власть, и разростается анархія представленнаго на волю исторической стихіи народа.

И все больше дробятся старыя формы государственнаго строя, оставляя разрозненный, готовый въ дѣло матеріалъ новаго государственнаго строительства. И становится ясной, осязаемой дѣйствительностью

возможность, не медля, приступить къ созидательной политической работѣ: къ укрѣпленію и расширенію социалдемократической партіи за счетъ всего того, что изъ человѣческаго матеріала, обрабатываемаго революціонной дѣятельностью правительства, можетъ быть ассимилировано партіей рабочаго класса на основахъ ея программы.

И. Стрѣльскій.

Дружина князя Святополка.

(5 октября 1904, № 75)

У Чернышева моста въ Петербургѣ идетъ спѣшная работа: отроится балаганъ для столичныхъ политическихъ гастролей провинціального князя Святополка: размалевывается вывѣска отечественной судальской работы; на вывѣскѣ красуется многообщающее слово: реформа. Прочные подмостки еще не сколочены, и гастролеръ, взобравшись на министерскій стулъ, лицомъ къ Европѣ, въ поль-оборота къ російской земщинѣ и печати, демонстрируетъ пресловутую вывѣску, сыплетъ рѣчь за рѣчью передъ иностранцами, поясняетъ и дополняетъ эти рѣчи передъ сотрудниками петербургской «Руси».

Провозглашается эра «довѣрія» правительства къ дѣтелямъ мѣстнаго самоуправления, и тотчасъ же щедрому на обѣщанія балагур-министру открываются распростертые объятія либеральной прессы, а „земщина“ спѣшитъ сдержанно принести благодарность за одну только готовность что-то совершить. Неужто же такъ великъ политическій кредитъ министровъ у русскаго „общества“, что не требуется и подкрѣпляющихъ слова фактовъ? Дѣйствительно, потокъ благодарностей опережаетъ какіе бы то ни было правительственные шаги, но кое-что уже и начато новымъ министромъ. Это кое-что по объему незначительно, но довольно многозначительно по содержанию. 22-го сентября издается указъ о присвоеніи одному изъ товарищей Министра Внутреннихъ Дѣлъ званія завѣдывающаго полиціей. Коротко говоря, возстановляется памятное III отдѣленіе, то самое, упраздненіе котораго было однимъ изъ первыхъ шаговъ Лорисъ-Меликовской «диктатуры сердца» Одновременно съ этимъ слѣдуетъ утвержденіе введенныхъ иркутскимъ генералъ-губернаторомъ репрессивныхъ мѣръ по отвхошенію къ осылкъ. На время войны генералъ-губернаторъ получилъ право налагать чув-

ствительныя административныя взысканія за „самовольныя отлучки“, и можеть въ розницу передовърять это право своимъ подчиненнымъ. Жалобы ссыльныхъ на незаконныя циркуляры Кутайсова удовлетворены тѣмъ... что циркуляры эти получаютъ силу закона.

Приняты мѣры и другого рода: отмѣненъ циркуляръ Плева, за-прещавшій присоединеніе земствъ къ общеземской военно-санитарной организаци; сданъ въ архивъ Государственнаго Совѣта реакціонный пособникъ Плева въ его «крестьянской реформѣ», товарищъ министра Стишинскій; тамъ же нашли себѣ успокоеніе пресловутые «ревизоры» — Зиновьевъ и Штюмеръ; возвращены въ свои тверскія мѣстна опальныя либералы—фонъ Дервизъ, Милюковъ; помилованы ссыльные: Мартыновъ и Чернолусскій.

Нужно взять всю сумму этихъ, въ одиночку незначительныхъ, шаговъ новаго курса, нужно не забывать, что программная болтовня новаго министра ведется подъ отдаленный грохотъ орудій на сибирскомъ востокѣ, чтобы освѣтить авансцену политической дѣятельности правительства.

Впереди всѣхъ—говорящій министр. Въ Вильнѣ онъ объявляетъ себя „другомъ-„благожелательной“ печати; общаетъ справедливость евреямъ отъ самаго „источника справедливости“; общаетъ „уравненіе въ правахъ“ польскому дворянству. На приѣмѣ чиновъ своего министерства онъ объявляетъ манифестъ 26 февраля 1903 года—своей программой. Усердный министръ оповѣщаетъ даже телеграммой бѣлостокскихъ евреевъ, что пойдетъ навстрѣчу нуждамъ еврейскаго населенія края. А черезъ 8 дней послѣ отправки этой телеграммы бѣлостокская полиція учиняетъ огнестрѣльную бойню бѣлостокскихъ рабочихъ, мирно собравшихся съ женами на загородную сходку; стрѣляютъ не въ сопротивляющуюся толпу, а въ спины бѣгущихъ жещинъ.

Между тѣмъ, широкофашательные діалоги министра съ корреспондентами заграничной прессы заканчиваются довольно неожиданно. Святополкъ, въ сущности, лишаетъ эти свои рѣчи всякаго политическаго вѣса, отрекаясь отъ нихъ въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Руси»: иностранцы де поняли его по иностранному, а, слѣдовательно, не поняли. Остается только обѣщаніе министра учиться «по крестьянскому вопросу» и «личныя» мнѣнія его о необходимости оживленія дѣятельности земства. Такое плачевное отступленіе было бы и смѣшно, и грустно, и непонятно, если бы не поведеніе политическаго хора, занимающаго ту же авансцену.

За внушительными фигурами Мещерскаго и Грингмута видѣются

отецъ и сынъ Суворины, далѣе—выползающія изъ академической раковины «Русскія Вѣдомости», наконецъ «Петербургскія Вѣдомости» и рядъ провинціальныхъ газетъ умѣренно-либеральнаго тона. Въ наиболѣе близкомъ къ министру реакціонномъ кружкѣ этихъ «представителей русскаго народа» происходитъ такая семейно-клубная сцена. Князь Петръ Дмитріевичъ (Мирскій) сказалъ любезную рѣчь; ура Петру Дмитріевичу! и «довѣрчиво» улыбающійся князь юбилейно взлетаетъ на воздухъ и падаетъ въ пухлыя руки своихъ собутыльниковъ. Но даже и въ эту обычную угодливо-либеральную болтовню временами врываются серьезные политическія ноты. Русскія пушки, сегодня въ рукахъ Куропаткина, завтра въ плѣну у Куроки, грозно режутъ, и дакая оргія войны разыгрывается все сильнѣе. Либералы чувствуютъ себя кредиторами правительства, они нетерпѣливо напоминаютъ о срокѣ уплаты долговъ, они требуютъ реформъ. Они грозятъ и манятъ, и выдаютъ правительству новые авансы кредитными билетами отвѣтнаго довѣрія. Послѣ органовъ печати выступаютъ съ выраженіемъ довѣрія правительству и учрежденія мѣстнаго самоуправления. Цѣлый рядъ земствъ отозвался благодарностью и довѣріемъ по адресу новаго министра. Также высказываются и городскія думы. «Программа» Святуполкъ-Мирскаго послѣ этого вота довѣрія становится программой обширнаго слоя русскіихъ либераловъ. И вотъ испуганный премьеръ—«malgré lui!»—начинаетъ пятиться назадъ и спѣшитъ, заявить, что его не поняли. Какъ будто бы и поздно! Напираловая на княжескихъ собутыльниковъ и на самого князя, толпа либераловъ какъ будто не хочетъ слышать сѣтованій на то, что новый государственный экспериментаторъ не понятъ толпой; она, толпа, требуетъ внимательнаго отношенія къ себѣ, требуетъ, чтобы, наконецъ, поняли ее самое тѣ, кому понимать надлежитъ. Игриво подбрасываемаго князя Святуполка теперь хотятъ поднять на щиты для того, чтобы двинуться въ походъ за спасенье Руси.

Позволительно думать, что княжеская дружина поведетъ этотъ походъ и противъ «остатковъ крѣпостнаго строя» и противъ «внутреннихъ враговъ». Какъ иначе можетъ быть истолковано отношеніе либеральной печати къ новымъ крупнымъ мѣрамъ репрессіи, предпринятымъ правительствомъ противъ революціоннаго движенія? Не является ли безусловнымъ одобреніемъ по адресу правительства молчаніе по этому поводу печати, которая, вообще говоря, довольно-таки откровенно «заговорила»? А что такое учрежденіе особаго вѣдомства общей и политической полиціи съ полномочнымъ начальникомъ во главѣ, какъ не усиленіе борьбы абсолютизма съ движеніемъ

народныхъ массъ? Очевидно, вѣрно «поняли» министра «Московскія Вѣдомости», когда настойчиво напоминали «либераламъ», что въ «программѣ» Святополка—манифестъ прошлаго года—вразумительно говорится о необходимости борьбы съ внутренней смутой. Уличной революціи, очевидно, будетъ объявлена безпощадная война. Наглые расправы съ рабочими, вродѣ Вѣлостокской, едва ли оставляютъ сомнѣніе въ томъ, что здѣсь новый курсъ будетъ только усиленіемъ стараго. Зато революціонность «учрежденій мѣстнаго самоуправленія»—этихъ позицій, занятыхъ либерализмомъ,—утоляется дешевымъ путемъ. Это путь минимальныхъ уступокъ, путь прирученія. Первые шаги правительства по этому пути уже колеблютъ, повидимому, всю шаткую массу либераловъ, готовую отъ оппозиціи перейти въ вѣрноподаданничество при одномъ лишь запахѣ чечевичной похлебки.

Это первая мутная волна освободительнаго движенія и, нужно сознаться, она мало похожа на мощный революціонный призывъ демократическаго моря.

Но среди этого либеральнаго шума съ недалекой «окраины» доносятся слова, обращенныя къ генералъ-губернатору Оболенскому:

«Осмѣливаемся доложить вамъ, что въ самыхъ глубокихъ слояхъ населенія, въ наиболѣ здоровой въ нравственномъ отношеніи части народа царитъ глубокая горечь, порожденная существующимъ, угнетающимъ порядкомъ вещей... Мы не можемъ больше выносить этого противнаго природѣ гнета, мы не въ силахъ долже дышать воздухомъ, который пропитанъ зловоніемъ низостей всевозможныхъ честолюбцевъ»¹⁾).

Если «прекрасный Іосифъ» абсолютистской политики, князь Святополкъ, сегодня не податливъ на страстные рѣчи жены Пентефрія—россійской либеральной прессы, то судьба даетъ ему совѣтчиковъ. Такого друга ояъ уже нашелъ въ лицѣ журнала «Право», или, точнѣе—въ лицѣ сотрудника этого журнала, либеральнаго кievскаго профессора, князя Е. Трубенцкаго. Завидуя «свободѣ слова» революціонной печати, драматически указывая на тысячи революціонныхъ листовъ, усыпающихъ грады и веся Россіи, Трубенцкой галлюцинируетъ новымъ внутреннимъ Портъ-Артуромъ—очевидно, отождествляя революціонный пролетаріатъ съ Японіей,—и требуетъ средствъ предупрежденія и защиты, въ видѣ дарованія свободы либеральной печати. Не заманчивый ли

¹⁾ Такъ говорятъ таммерфорскіе рабочіе своему сатрану Оболенскому въ адресѣ социалистической ассоціаціи этого города.

это союзникъ для правительства? И не стоитъ ли правительству, ради подобныя союзниковъ, потерять свою самодержавную невинность?

Тогда подъ «прогрессивное» знамя отважнаго князя соберется отборная дружина встревоженныхъ консерваторовъ и умѣренныхъ либераловъ, которые, конечно, не далеко зайдутъ въ увлеченіи «началами, чуждыми русской жизни». Но этой дружинѣ придется столкнуться съ революціонными полчищами рабочихъ: тому порукой «глубокая горечь» милліоновъ народа. И даже въ рядахъ привилегированнаго «общества» мы должны будемъ увидѣть два лагеря: лагерь тѣхъ, которые готовы рукоплескать сословно-цензовымъ реформамъ правительства и сдѣлать это правительство своимъ, и—лагерь тѣхъ, которые поймутъ связь своихъ интересовъ съ интересами широкихъ слоевъ демократіи и—на первыхъ шагахъ историческаго пути—совѣстность интересовъ «общества» съ ближайшими интересами рабочаго класса.

Каковъ бы ни былъ стратегическій планъ генерала Святополкъ-Мирскаго, передъ господствующими классами Россіи всего только два пути: либо перспектива «разговаривать» и считаться съ пролетарскими массами на городскихъ улицахъ при посредствѣ казаковъ и жандармовъ, при закрытыхъ магазинахъ и подъѣздахъ, либо «разговоры» съ представителями интересовъ рабочаго народа на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ привилегированная оппозиція предлагаетъ правительству разговаривать съ нею самою: въ государственныхъ и мѣстныхъ учрежденіяхъ.

И. Стрѣльскій.

Письма обо всемъ.

„Передъ катастрофой“.

(5 октября 1904 г., № 75).

Нѣмецкій журналистъ либеральнаго образа мыслей, безъ особаго литературныхъ или политическихъ «примѣтъ», просто средній буржуазный интеллигентъ, г. Гуго Ганцъ, посѣтилъ въ началѣ этого года Россію, провелъ въ ней три мѣсяца и написалъ о ней книгу.

Называется эта книга очень выразительно: «Передъ катастрофой».

Не нужно думать, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ какимъ-нибудь серьезнымъ научнымъ трудомъ. Нѣтъ, это просто очень длинный фельетонъ, составленный изъ нѣсколькихъ фельетоновъ обычнаго газетнаго размѣра. Ожидать отъ фельетониста буржуазной прессы оригинальныхъ сужденій или глубокихъ взглядовъ было бы непозволительною наивно-стью. Проверять и опровергать его обобщенія, занимающія среднее мѣсто между плохой мыслью и недурнымъ оборотомъ рѣчи, было бы непозволительною тратой времени. Впрочемъ, даже и такихъ часто фразеологическихъ обобщеній въ книгѣ г. Ганца очень мало. Это, конечно, только украшаетъ ее.

Книга, какъ мы сказали, называется «Передъ катастрофой». Не нужно, однако, думать, что авторъ имѣлъ въ Россіи дѣло съ нигилистами, заговорщиками, динамитчиками—и находится подъ ихъ непосредственнымъ внушеніемъ. Нисколько. На двадцати или тридцати строкахъ, которыя посвящены русскимъ революціонерамъ, авторъ книги въ 316 страницъ умудряется «Революціонную Россію» сдѣлать органомъ «Бунда», а «Бундъ» превратить въ лассальянскую организацию. Да простить его Богъ!

Г. Ганцъ почерпнулъ всё свои свѣдѣнія совсѣмъ въ другихъ кругахъ. Во время пребыванія на нашей родинѣ онъ находился въ лучшемъ обществѣ. «Извѣстнѣйшіе» банковскіе дѣльцы, «извѣстнѣйшіе» адвокаты и «извѣстнѣйшіе» литераторы Петербурга и Москвы продефилировали передъ нѣмецкимъ журналистомъ и теперь безыменно дефилируютъ передъ его европейскими читателями. Разумѣется, свѣтла петербургскаго либерализма не могли научить своего гостя большому, чѣмъ имъ самимъ даю. Во всякомъ случаѣ, Г. Ганцъ убѣдился, что «дальше такъ идти не можетъ».

«Ваше сіятельство»,—мы уже сказали, что нашъ авторъ имѣлъ дѣло съ людьми «лучшаго общества»—«я вывожу заключеніе, что въ Россіи нельзя повести рѣчь о начтожнѣйшемъ педагогическомъ или хозяйственномъ вопросѣ безъ того, чтобы не натолкнуться на высшую политику». Это наблюденіе является несомнѣнно самымъ цѣннымъ изъ наблюденій Г. Ганца. Оно означаетъ, что отъ всѣхъ вопросовъ, бѣды и золь современной Россіи всѣ широкія дороги и всѣ узкія тропинки ведутъ въ одинъ и тотъ же Римъ. И это—Римъ парламентскаго режима.

Но г. Ганцъ не хотѣлъ брать этого вывода на вѣру.

Либеральныя князья и графы изобразили передъ нимъ Россію въ такомъ мрачномъ видѣ, что онъ рѣшилъ для проверки поговорить

съ графомъ консервативнымъ. Вотъ какой у него вышелъ діалогъ съ «честнымъ консерваторомъ».

— Что вы слышали? спросилъ графъ.

— Что Россія голодаетъ, въ то время какъ правительство показываетъ избытки въ бюджетѣ.

— Къ сожалѣнію, вѣрно.

— Что интеллигенція въ состояніи отчаянія.

— Тоже вѣрно.

— Что можно бояться возрожденія терроризма.

— Въ такой же степени вѣрно.

— Что вся Россія надѣется лишь на то, что война будетъ проиграна, потому что только такимъ путемъ можетъ быть положенъ конецъ современному режиму.

— Опять-таки вѣрно.

— Что этотъ режимъ превысилъ всякую мѣру развращенности и можетъ быть сравненъ только съ преторіанскимъ режимомъ въ послѣдніе годы Рима.

— Это еще даже недостаточно вѣрно.

Гдѣ же выходъ? спрашиваетъ каждый разъ себя и своихъ собесѣдниковъ нѣмецкій журналистъ. Конституція. А путь къ ней? Указавше на этотъ путь мы уже слышали въ только что приведенномъ діалогѣ. Правительство потерпитъ полное военное поражение, на помощь которому явится колоссальный финансовый крахъ. Конституція явится естественнымъ финаломъ. До рѣшительной катастрофы нельзя ждать никакихъ измѣненій въ нынѣшнихъ порядкахъ. «Когда мы въ первый разъ принуждены будемъ сломать рубль (den Souverain kürzen), а это можетъ произойти скорѣе, чѣмъ мы теперь предполагаемъ, въ тотъ день, когда мы уже не будемъ въ состояніи платить наши старые долги при помощи новыхъ, когда наше внутреннее банкротство не сможетъ оставаться скрытымъ передъ заграницей и передъ императоромъ, тогда, можетъ быть, будетъ приступлено къ созыву своего рода учредительнаго собранія (eine Art Konstituante). Но не ранѣе».

Это говоритъ престарѣлый либеральный князь, бывший «государственный человѣкъ». Въ такомъ же родѣ высказывается и другой, полулиберальный князь X., «бывшій нѣкогда довѣреннымъ другомъ высокопоставленныхъ лицъ». Такъ же высказывается «одинъ изъ первыхъ адвокатовъ Петербурга», далѣе, одинъ «особенно компетентный» въ государственныхъ вопросахъ профессоръ, и, наконецъ, правильность этихъ предвидѣній признаетъ и консервативный графъ, который при этомъ проситъ своего собесѣдника помнить, что консерватизмъ и не-

годѣйство совсѣмъ не однозначачія понятія. Консерваторъ смотритъ на конституціонное будущее съ недовѣріемъ, либералы—съ признательностью, но необходимость измѣненія режима, въ результатъ «всеобщей катастрофы», кажется всѣмъ несомнѣнною.

Что такое эта «катастрофа»? Военный разгромъ и финансовое банкротство, т. е. такія объективныя, «стихійныя» явленія, которыя своей собственной силой—биржевымъ «рублемъ» Европы и евалифицированнымъ «дубьемъ» Японіи—гонять правительство на конституціонную сдѣлку съ либеральными, полулиберальными и совсѣмъ не либеральными князьями, графами, банкирами, профессорами и адвокатами. Въ ожиданіи конституціи съ «какимъ угодно скромнымъ парламентомъ» (*ein nach so bescheidenes Parlament*) эти дѣятеля, въ земствахъ, думахъ, университетахъ и прессѣ расписывающіеся въ непоколебимо-воинственномъ патріотизмѣ россовъ, отходя ко сну, возносятъ, по сочувственному свидѣтельству г. Ганца, слѣдующую краткую политическую молитву небесамъ: «Боже, помоги намъ, дабы мы были разбиты». («*Gott hilf uns, damit wir geschlagen werden*). И, какъ мы думаемъ, нѣтъ ничего вѣроятнѣе предположенія, что и г. Струве въ тотъ самый день, когда онъ, по соображеніямъ «политическаго реализма», выкрикнулъ: «Да здравствуетъ армія!», шепталъ потихоньку молитву либеральному богу «философскаго идеализма»: «Помоги намъ, дабы мы были разбиты»¹⁾.

Въ скромныхъ разчетахъ на конституцію «съ какимъ угодно скромнымъ парламентомъ» активныя проявленія оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ совершенно не фигурируютъ. Г. Ганцъ ничего не слышалъ отъ своихъ собесѣдниковъ о роли либеральной оппозиціи въ до-конституціонный періодъ,—просто потому, что ничего, кромѣ приведенной оппозиціонной молитвы, они и не могли въ тотъ моментъ сообщить нѣмецкому журналисту. Въ возможность народной ре-

¹⁾ Въ своей бесѣдѣ съ профессоромъ, г. Ганцъ выразилъ удивленіе тому, какъ можно желать побѣды врагу: вѣдь, на почвѣ сраженія умираютъ братья. Либеральный профессоръ возразилъ, что это „справедливо лишь отъ части“, ибо на театр военныхъ дѣйствій „въ первую голову отправлены поляки, евреи и армяне“... Ни болѣе, ни менѣе. Г. профессоръ могъ бы распространить и далѣе свое либеральное безстыдство и объяснить собесѣднику, что солдаты—это сѣрые мужики и рабочіе, а либералы—все люди „хорошаго общества“. Весьма кстати г. профессоръ пояснилъ ватѣмъ нѣмецкому журналисту, что *le russe est liberal jusqu'a trente ans, après—canaille* (русскій—разумѣй: русскій изъ „общества“—либераль до тридцати лѣтъ, а затѣмъ каналья... Мы думаемъ, что откровенный профессоръ давно перевалилъ за эту роковую грань.

волюціи г. Ганцъ не вѣрить. «Особенно компетентные» въ политическихъ вопросахъ профессоры, адвокаты и государственные люди внушили ему въ этомъ отношеніи полный скептицизмъ. На всемъ полѣ революціи г. Ганцъ видитъ лишь то, что легче всего видѣть либеральнымъ глазомъ изъ окошка профессорскаго кабинета: волнующееся студенчество да пару террористовъ. Студенчество, конечно, исполнено лучшихъ намѣреній. Со снисходительностью прозрѣвающаго будущее человѣка г. Ганцъ даже прощаетъ ему его временныя социалистическія тяготѣнія. Но онъ того мнѣнія, что политическій энтузіазмъ слишкомъ ненадежный панцырь противъ казацкой нагайки. Что такое горсть студенчества въ сравненіи съ колоссальнымъ, «скалящимъ зубы» чудовищемъ абсолютизма? Ничто! А сверхъ того?... Возможны еще, пожалуй, разрозненныя и въ своей разрозненности безсильныя возстанія угнетенныхъ націй, да матаежа голодныхъ крестьянъ... и ничего болѣе. Крестьянская революція, правда, можетъ оказаться грознѣе другихъ по своимъ размѣрамъ, но, по словамъ «бывшаго друга», князя Х., эта революція направится не противъ государственнаго только режима, но «противъ всѣхъ амущихъ и образованныхъ вообще, в она начнется съ того, что перебьетъ и перетопитъ всѣхъ, здѣсь находящихся»... Итакъ, еще разъ: для этого «несчастнѣйшаго изъ народовъ» одна надежда—военный крахъ на Востокѣ, финансовый крахъ на Западѣ.

А городской пролетаріатъ? Что о немъ говорить нѣмецкій журналистъ? Нѣсколько мимоходомъ брошенныхъ словъ политическаго презрѣнія къ «маленькой кучкѣ организованныхъ промышленныхъ рабочихъ»—это все.

О социалдемократіи, какъ руководительницѣ пролетаріата, г. Ганцъ даетъ отзывъ, представляющій счастливое сочетаніе буржуазнаго тупоумія Запада съ либерально-народническимъ тупоуміемъ нашего отечества.

«Марксисты, пишетъ нашъ авторъ, органомъ которыхъ служить «Искра», являются доктринерами, какъ и всюду, кланутся—какъ, по крайней мѣрѣ, увѣряютъ ревизионисты—теоріей обіянана и хотятъ, чтобъ крестьянинъ потерялъ всю землю и полностью пролетаризировался по катехвизису. Противъ нихъ выступилъ недавно умершій Михайловскій, который лучше зналъ Россію, чѣмъ горожане «Искры». Въ настоящее время марксисты считаются «(gelten) уже отфисненными назадъ».

Характерна для тѣхъ либераловъ, съ голоса которыхъ поетъ г. Ганцъ, ихъ политическая впечатлительность того «мимолетнаго типа», ко-

торый заставляет вспомнить—мы опираемся въ данномъ случаѣ на Успенскаго—впечатлительность телячьяго студня. Дверь откроется, слуга войдетъ, кто-нибудь откашляется,—студень отзывчиво трепещетъ. Трепетать собственно, казалось бы, нѣтъ серьезныхъ основаній. Но таковы ужъ свойства телячьяго студня.

Либеральная впечатлительность опредѣляется тѣмъ, что либеральная мысль способна срывать явленія лишь съ общественной поверхности и притомъ въ ихъ законченной формѣ. Пока они растутъ и развиваются въ социальныхъ нѣдрахъ, они ей чужды. Она имѣетъ дѣло не съ законами, а съ фактами, не съ тенденціями, а съ эпизодами. Но явленія болѣе капризны, чѣмъ создавшія ихъ въ тиши социальные силы. Отсюда такая поразительная внезапность въ смѣнѣ либеральныхъ настроеній. Чу! вотъ рабочія демонстраціи появились изъ подполья... Студенческіе беспорядки вылились на улицу... Тр-рахъ! Разорвалась бомба... «Общество» трепещетъ, ждетъ, торжествуетъ... Но еще мигъ, и все исчезло. Тамъ, внизу, идетъ какая-то невѣдомая сложная молекулярная работа, но на поверхности нѣтъ ничего, и «общество» съжигается, а никнетъ долу. Казалось бы, нѣтъ причинъ? Но таковы ужъ свойства либеральнаго студня.

Нѣмецкій журналистъ провелъ въ Россіи первые три мѣсяца настоящаго года... Это былъ моментъ страшнаго пониженія на биржѣ либеральныхъ настроеній. О революціи можно было говорить только съ пожиманіемъ плечъ... Прошлогодняя волна общественнаго протеста, взметнувшаяся въ «іюльскіе дни» на небывалую высоту, быстро шла на убыль... Январскіе Петербургскіе стѣады, техническій и пароговскій, были послѣдними событіями, вознесенными этой волной... Ее должна была смѣнить другая, можетъ быть, болѣе могучая, какъ вдругъ въ политическую жизнь врѣзилось колоссальное событіе, къ которому психологія революціонныхъ массъ только должна была еще приспособиться и которое на первыхъ порахъ позволило реакціи организовать шовинистическія демонстраціи. Г. Гаицъ имѣлъ случай видѣть въ Петербургскомъ Народномъ Домѣ, какъ это дѣлалось. Онъ описываетъ, какъ сухопарый черненькій господинъ вбѣжалъ въ залъ и, видимо для всѣхъ, что-то пошепталъ полицейскимъ, а тѣ—кое-кому изъ «народа». Какъ небольшая кучка людей трижды требовала гимна. Какъ публика трижды вставала, чтобы «спокойно и терпѣливо» (*gelassen und geduldig*) выслушать заказанный черненькимъ господиномъ гимнъ.

Но фактъ, во всякомъ случаѣ, былъ на-лицо. Полицейски-патріотическіе восторги, на фонѣ революціоннаго затишья, удручающе дѣйствовали на либеральныхъ импрессионистовъ... Конечно, «общество» и

вообще-то не склонно призывать революцію. Но оно начинало уже привыкать къ ней, какъ первые мѣсяцы войны все перевернуди вверхъ дномъ. Отсюда эти рѣчи запутаннаго и въ тоже время увѣреннаго въ своей побѣдѣ безсилія: мы—ничто, но насъ все таки опасеть азиатскій солдатъ и европейскій банкиръ. Еслибъ г. Ганцъ пріѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ раньше или на нѣсколько мѣсяцевъ позже, онъ вынесъ бы другія впечатлѣнія насчетъ шансовъ и возможностей русской революціи. А въ мартѣ 1904 г. онъ увезъ съ собой только голую увѣренность въ близкомъ крахѣ абсолютизма, увѣренность, которая все болѣе охватываетъ общественное мнѣніе западной Европы.

Н. Троицкій.

Борьба за свободу и классовая борьба.

(20 октября 1904 г., № 76).

Пролетарское движеніе въ Россіи стоитъ наканунѣ крупныхъ историческихъ событій, которыя предъявятъ громадные требованія къ его политической зрѣлости и сознательности. Близится моментъ, когда пролетариату придется выступить, какъ политической силѣ, передъ лицомъ всей Россіи, пробуждающейся отъ вѣкового сна, когда отъ позиціи, занятой пролетариатомъ въ волнующихъ всю страну вопросахъ, будетъ немало зависеть направленіе, въ которомъ будутъ рѣшаться эти вопросы; когда, въ силу этого, русскій пролетариатъ станетъ для всѣхъ интереснымъ, всѣмъ «дорогимъ»... какъ «дорогъ» всякій предметъ тому, кто хочетъ его сдѣлать «своимъ». Ибо рѣчь будетъ идти о томъ, чтобы сдѣлать русскій пролетариатъ «своимъ» для тѣхъ, кто вчера еще болѣе или менѣе игнорировалъ его существованіе, какъ фактора политической жизни. Ибо рѣчь будетъ идти о томъ, чтобы сдѣлать пролетариатъ чужимъ дѣлу его собственной классовой борьбы.

Было бы нелѣпнымъ сектантствомъ «бояться» такого перехода изъ блаженной обстановки политическаго подполья въ полный соблазновъ міръ открытой политической жизни. Трусливымъ филистерствомъ

было бы закрывать глаза на то, что этот переход совершается, можно сказать, на наших глазах, и что, поэтому, уже сейчас надо пролетариату готовиться къ предстоящему экзамену его политической зрѣлости.

Пролетариатъ становится «дорогимъ» для многихъ изъ тѣхъ, кто до сего дня «не замѣчалъ» его существованія. До такой степени «дорогимъ», что его начинаютъ защищать... противъ злостнаго обвиненія въ «классовомъ эгоизмѣ» его политическихъ побужденій. «Политическое рабочее движеніе... скорѣе идейное движеніе, чѣмъ «классовое» въ точномъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ защиты экономическихъ интересовъ класса... именно сейчасъ его идейная оболочка ставитъ его въ одинъ рядъ со всѣми остальными оппозиционными движеніями: оно направлено не противъ власти капитала, а противъ политическаго деспотизма, не противъ толстой мощи, а противъ нагаекъ и штыковъ, и сердце рабочаго бьется за идеалъ свободы такъ же безкорыстно, какъ и сердце интеллигента (курсивъ нашъ)». Такъ заявляетъ авторъ передовой программной статьи второй книги «Освобожденія», г. Независимый, «Отцы и дѣти. Къ характеристикѣ нашихъ политическихъ направленій». «Какое бы ни было наше мнѣніе объ общей социологической цѣнности гипотезы экономического матеріализма, сколько бы полезной мы ни считали ее для историческаго изученія, для научнаго обобщенія широкихъ историческихъ періодовъ, бываютъ моменты въ жизни народа, когда участники и самаго историческаго движенія не могутъ мыслить матеріалистически и съ точки зрѣнія этого образа мыслей оцѣнивать свое собственное дѣло». «Въ такія минуты отступаютъ на задній планъ всѣ эгоистическіе и матеріальные помыслы и раздоры; «всѣ за одного и каждый за всѣхъ» становится ловушкой времени, и энтузіазмъ самопожертвованія на пользу общаго дѣла охватываетъ не только личности, но и цѣлые классы» (стр. 3).

Участники движенія «не могутъ мыслить матеріалистически»! Это значитъ—они не могутъ отдавать себѣ отчета въ классовомъ характерѣ своей собственной борьбы. А «догматическое тупоуміе», которое пытается раскрыть борцамъ этотъ характеръ, ослабляетъ самое движеніе, ибо подрываетъ въ корнѣ необходимый для его успѣха революціонный энтузіазмъ. «Компрометировать скептическимъ сомнѣніемъ самый фактъ общенароднаго объединенія передъ лицомъ великой національной задачи, оспаривать его необходимость, и съ преувеличенной подозрительностью заботиться о дѣлежѣ шкуры еще не убитаго медвѣдя—врядъ ли особенно умно».

Если все это перевести на языкъ политической прозы, то надо будетъ констатировать, что «Освобожденіе» протестуетъ противъ позиціи социалдемократовъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ, объявляя ее вредной для дѣла свободы. Какъ мы видѣли выше, русское рабочее движеніе, подъ перомъ г. Независимаго, оказывается свободнымъ отъ вліянія классовыхъ интересовъ и въ этомъ отношеніи не уступаетъ другимъ видамъ общественнаго движенія. «Студенческія волненія и земская оппозиція, политическія убійства и политическія демонстраціи, сектантское движеніе въ народѣ и философско-идеалистическое движеніе въ интеллигенціи—во всемъ этомъ нѣтъ слѣдовъ классовой ограниченности и хозяйственной заинтересованности». Напрасно г. Независимый не включилъ въ этотъ переченьъ: «всеобщія» стачки на югѣ и крестьянскія аграрныя волненія,—тогда особенную убѣдительность приобрѣло бы его увѣреніе, что нѣтъ даже «слѣдовъ хозяйственной заинтересованности» въ броженіи пролетаріата, толкающемъ его на путь политическихъ демонстрацій, и въ броженіи среди крестьянства, создающемъ благоприятную почву для сектантства.

Разъ «разногласіи между либералами и революціонерами» не отражаютъ собой никакой классовой борьбы,—то для объясненія несомнѣннаго факта раздѣленія оппозиціи на революціонеровъ и либераловъ намъ остается апеллировать къ фактору... физиологическому. Не «сколько-нибудь точно опредѣленныя общественныя группы» ищутся передъ нами, а «группы людей съ различными темпераментами, различнымъ общимъ положеніемъ въ жизни (не только общественнымъ, но и семейнымъ, возрастнымъ и т. п.), различнымъ богатствомъ жизненной опытности и личной отваги». Короче—передъ нами «отцы» и «дѣти». Къ нимъ и обращается г. Независимый съ страстнымъ призывомъ протянуть другъ другу руки, соединиться въ общей борьбѣ за «свободу духа, свободу для всѣхъ и cadaго».

На очереди дня опять стоитъ призывъ къ «всеобщему братству» въ дѣлѣ борьбы съ однимъ врагомъ. Снова отъ русскихъ социалистовъ требуютъ, чтобы они положили въ карманъ—въ интересахъ побѣды надъ абсолютизмомъ—свой социализмъ, поскольку онъ обязываетъ своихъ адептовъ къ анализу классовыхъ отношеній въ каждый данный моментъ и къ «матеріалистическому отношенію къ своему собственному дѣлу». Странная вещь! Каждый разъ, когда заговариваютъ объ одномъ врагѣ—абсолютизмѣ, объ общей для всѣхъ задачѣ—борьбѣ съ нимъ, въ сторону социалдемократовъ и сознательнаго пролетаріата досылается укоризненный взглядъ и слышатся словечки о «догма-

гическомъ тупоуміи» и поврежденіи интересовъ свободы. Правда, г. Независимый спѣшитъ насъ увѣрить, что сердце пролетарія бьется такъ же безкорыстно, какъ и сердце гг. Стаховича, Шипова и князя Львова; но въ то время, какъ гг. Стаховичъ и его присные сознаютъ свое собственное безкорытіе и «идеалистически» смотрятъ на свою собственную борьбу, пролетаріатъ, идущій подъ знаменемъ социал-демократіи, старается «материалистически относиться къ своему собственному дѣлу» и, что при этомъ неизбежно и что хуже всего, «материалистически» заглядываетъ въ подоплеку Шиповскаго безкорытія. И г. Независимый долженъ констатировать, что лишенное всякой «классовой ограниченности» безкорытіе Шипова «сливается въ одинъ могучій потокъ» съ самой идеалистической борьбой съ абсолютизмомъ, тогда какъ столь же не ограниченное «хозяйственной заинтересованностью» безкорытіе социалдемократіи испорчено ограниченностью умственной, и ведетъ къ поврежденію интересовъ борьбы за свободу. Выходитъ, что, если не ради своей мощи, то pour les beaux yeux de Marx, но всетаки русскій пролетарій наноситъ ущербъ дѣлу освобожденія.

То, что началъ г. Независимый, кончилъ и пояснилъ передовикъ «Рев. Россія» (см. № 53 «На два фронта»). Какъ весьма хорошо памятно, гг. социалисты-революціонеры давно уже провозгласили то, что рассказываетъ г. Независимый: именно, что противоположность между русскимъ либерализмомъ и русскимъ социализмомъ, далекая отъ того, чтобы быть отраженіемъ антагонизма имущихъ и неимущихъ, является противоположностью между умѣренными и трусливыми отцами и радикальными и самоотверженными дѣтьми. Естественно было, поэтому, ожидать, что социалисты-революціонеры, на завтра послѣ того, какъ проголосовали на Амстердамскомъ съѣздѣ «дрезденскую» резолюцію, примутъ руку, братски протянутую имъ гг. Независимыми. И, однако, «Рев. Рос.» этого не сдѣлала. О, нѣтъ! «Мы не хотимъ никакой общей компромиссной политики либерально-социалистическаго «блока», мы отвергаемъ всякую мысль объ урѣзываніи своей программы или тактики, ради внесенія гармоніи въ дѣятельность различныхъ элементовъ». Эти слова имѣютъ всѣ шансы быть переведенными г. Рубановичемъ на европейскіе языки для ознакомленія «братской семьи социалистическихъ партій» съ направленіемъ только что принятаго въ эту семью Веньямина. А для г. Независимаго и братской семьи «идеалистовъ», собираемой имъ около знамени «Освобожденія», предназначены слѣдующія за симъ строки: «Единственно, о чемъ бы здѣсь могла идти рѣчь, это объ опредѣленіи такихъ элементовъ и такихъ тре-

бованій, которые уже въ настоящее время общи программамъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ партій; иными словами, можетъ идти рѣчь лишь объ операціи, которая подобна математическому выдѣленію и «вынесенію за скобки» общаго множителя различныхъ величинъ». (Р. Р. № 53 стр. 2).

Совершенно очевидно, что, при вынесеніи за скобки «общаго множителя» различныхъ политическихъ программъ, роль такого множителя играетъ программа того течения, которое требуетъ отъ современнаго режима всего меньше. «Общимъ множителемъ» для умѣренныхъ либераловъ, крайнихъ демократовъ и социалистовъ является конституціонная реформа нынѣшняго режима. Вынести его «за скобки» различныхъ программъ необходимо, чтобы получить отчетливое представленіе о характерѣ и содержаніи наличныхъ общественныхъ движеній. Но должна ли эта операція вынесенія за скобки опредѣлять собою, хотя бы въ известной степени, политическую тактику той партіи, отъ программы которой, послѣ этой операціи, «въ скобкахъ» остается ея «душа», сущность ея основныхъ стремленій? Къ этому сводится вопросъ, который затронуть въ «Рев. Рос.». Должны ли социалисты опредѣлять тактику своей борьбы въ данный моментъ простымъ сочетаніемъ наличныхъ общественныхъ программъ и выведеніемъ «за скобки», въ качествѣ «множителя» общихъ и общихъ дѣйствій, того, что въ этихъ программахъ есть общаго, т. е. — «долей самодержавіе»? Такъ именно смотрять «освобожденцы», и такъ же точно рѣшаетъ этотъ вопросъ «Рев. Рос.», когда, подойдя къ нему съ осторожностью, явно говорящей о блудливомъ желаніи не замочить хвоста въ болотѣ социалистическаго оппортунизма, заявляетъ: «Что касается до дѣйствій различныхъ партій противъ самодержавія, то рѣчь можетъ идти лишь о координированіи ихъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ они не противорѣчатъ другъ другу...» Какъ видите, для согласованности дѣйствій тѣхъ враждебныхъ самодержавію партій, которыя представляютъ собою различные социальные элементы, съ противорѣчивыми классовыми интересами, имѣется довольно узкая и ограниченная область. «Но было бы въ высшей степени неумно и вредно для интересовъ революціоннаго дѣла совершенно игнорировать ту простую истину, что врагъ нашего врага, въ известныхъ предѣлахъ, нашъ, если не другъ, то временный попутчикъ, случайный союзникъ».

Истинѣ нельзя выразиться: въ моментъ, когда дѣло идетъ о непосредственномъ выставленіи лозунговъ политической борьбы съ падающимъ режимомъ, наши «социалисты» общаются либераламъ «коорди-

нированность дѣйствій» на основѣ «выведенія за скобки» того общаго, что имѣется въ программахъ всѣхъ враговъ самодержавія. Они объ-щаваютъ такую координированность русскимъ либераламъ, добивающимся «ограниченія самодержавной власти», и не требуютъ отъ нихъ поста-новки на очередь вопроса о замѣнѣ самодержавія демократи-ческимъ государствомъ. Они обязуются вступать въ союзныя дѣйствія съ либералами, не получивъ отъ нихъ обязательства требовать все-общаго избирательнаго права. Партія «трудовыхъ крестьянъ, рабочихъ и интеллигенціи», они готовы оказать идущимъ къ государ-ственной власти «конституціоналистамъ» всякую поддержку, не обез-печивъ крестьянамъ, рабочимъ и интеллигенціи того, что новый по-рядокъ не оставитъ ихъ политически-безправными.

И такъ какъ російская соціалдемократія болѣе года назадъ именно этимъ условіемъ связала вопросъ о «координированности» своихъ дѣйствій съ дѣйствіями либеральной буржуазіи, то «Рев. Рос.» и посвящаетъ вторую половину своей статьи обвиненію соціал-демократіи въ томъ, что она «неисправимо глуха къ голосу жизни», которая-де требуетъ «достигнуть возможно большаго координированія дѣйствій всѣхъ противниковъ самодержавія»; что она «сама создаетъ и ревниво поддерживаетъ свое изолированное положеніе»; что она «будетъ вести ревниво ожесточенную войну даже не на два, а на всѣ четыре фронта»; что она даже не хочетъ образовать «соціалистическаго блока» изъ различныхъ соціалистическихъ организацій.

Поучительная картина: либеральный писатель взываетъ—объединяй-тесь всѣ для борьбы съ общимъ врагомъ! «Соціалистъ-революціонеръ», угодливо повливая хвостикомъ, отвѣчаетъ: мы съ удовольствіемъ, а вотъ тѣ, рядомъ съ нами, тѣ не пойдутъ, потому что «слишкомъ ясно обнаруживаютъ тенденцію вырождаться въ закованнѣшія секты», «слишкомъ заняты догматическимъ буквобдствомъ» (ibid стр. 3)! Точь въ точь жоресисты, натравливающіе буржуазную публику на гедистовъ, якобы, предающихъ дѣло республиканской свободы ради «марксовой догмы»!

Въ виду начинающейся послѣдней атаки на самодержавіе, будетъ ли либеральная буржуазія идти вмѣстѣ съ пролетаріатомъ къ завоеванію демократическаго режима, или ея политическіе представители сохранять за собой свободу заключить въ любой моментъ съ падаю-щимъ режимомъ конституціонную сдѣлку, которая лишитъ основныхъ политическихъ правъ народныя массы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ только и можетъ опредѣлять собой тактику народныхъ партій въ дѣлѣ «координированія» своихъ дѣйствій съ дѣйствіями «ямущихъ и сытыхъ».

И если именно теперь крики о необходимости «единения» сопровождаются змѣннымъ шипомъ о «догматическомъ тупоуміи» партіи пролетаріата и о вредѣ, приносимомъ ею дѣлу свободы, то для всякаго должно быть ясно, что дѣло идетъ о кампаніи, направленной къ тому, чтобы добиться такой «координированности дѣйствій», которая не обязывала бы «умѣренную» оппозицію написать въ числѣ своихъ требованій всеобщее избирательное право и полную свободу слова и коалицій¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ. Обратите вниманіе на эту «странность». Въ теченіе ряда лѣтъ руководимый социалдемократіей сознательный пролетаріатъ только и дѣлаетъ, что поддерживаетъ всякій политическій протестъ, исходящій изъ буржуазнаго общества. Онъ демонстрируетъ въ защиту отданныхъ въ солдаты студентовъ; его пресса выноситъ на свѣтъ гласности всѣ мерзости, совершаемыя правительствомъ противъ самоуправляющейся буржуазіи; его организациі ведутъ въ народныхъ массахъ агитацію по поводу каждаго башибузукскаго набѣга на земства, на легальную печать, на «третій элементъ»; его добровольческія дружины идутъ подъ солдатскія пули для защиты отъ янычаръ Плеве—отъ антисемитскихъ громилъ—жизни, чести и имущества всѣхъ евреевъ, будутъ ли то буржуа или пролетаріи. Въ свою очередь, пролетаріатъ не можетъ указать ни одного случая, когда бы пролитіе его крови, униженіе его сыновей, разореніе его семей вызвало бы смѣлый, открытый протестъ свободолюбивыхъ «отцовъ». И эти послѣдніе не могутъ указать ни одного случая, когда бы сознательный пролетаріатъ и социалдемократія не были бы готовы выполнить взятаго на себя долга пользоваться вѣдъ какимъ случаемъ нанести лишній ударъ абсолютизму. Въ отвѣтъ на туманныя и пустыя фразы объ общемъ единеніи, социалдемократія заявила открыто и прямо: вотъ тѣ условія, принятіе которыхъ дѣлаетъ для пролетаріата возможнымъ связать себѣ какими либо политическими обязательствами въ борьбѣ съ общимъ врагомъ. Принимаете ли эти условія вы, увѣряющіе, что «безкорыстно» боретесь за свободу для всѣхъ?

¹⁾ Въ № 58 „Освобожденія“, въ отвѣтъ на письмо нѣкоего Nemo, обвиняющаго „освобожденцевъ“ въ нежеланіи высказаться ясно за всеобщее избирательное право, г. Струве, видимо, разсерженный откровенностью своего единомышленника, увѣряетъ, что онъ «ломится въ открытую дверь». Но если это такъ и если среди освобожденцевъ вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ „не составляетъ предмета спора“, то какъ же объяснить статью г. Независимаго и прокламацію русскихъ освобожденцевъ? (см. ниже, въ отд. II, ст. „Явленіе либераловъ народу“).

И вотъ черезъ 1 1/2 почти года послѣ того, какъ вопросъ поставленъ, получается первый отвѣтъ, и онъ гласитъ: «догматическое ту-поуміе». Не думаютъ ли гг. «освобожденцы», что такими отвѣтами они побудятъ русскихъ пролетаріевъ отказаться отъ «матеріалистическаго отношенія» къ либеральному движенію? Не думаютъ ли они такими отвѣтами убить въ русскихъ пролетаріяхъ то недоувѣріе, которое въ нихъ воспитала безславная исторія русскаго либерализма?

А «соціалистамъ-революціонерамъ» мы скажемъ, что, своимъ дву-смысленнымъ, половинчатымъ и политиканскимъ отношеніемъ къ вопросу, они блистательно подтверждаютъ характеристику, данную имъ II съѣздомъ нашей партіи. Въ моментъ, когда должна рѣшиться на долгіе годы судьба освобождающейся Россіи, когда различныя соціальныя силы собираются подъ свои классовыя знамена, — въ этотъ именно моментъ, эти люди путаются въ ногахъ у пролетаріата со своими жалкими фразами объ «общемъ врагѣ», «глухотѣ» и «слѣпотѣ» и т. д. и больше всего стараются о томъ, чтобы не дать поставить буржуазии во всей рѣзкости и ясности вопросъ: «съ народомъ или противъ народа»?

* * *

«Пусть не указываютъ намъ на примѣръ великой французской революціи», говоритъ г. Независимый (стр. 3), «мечтавшей въ сверхчеловѣческомъ подъемѣ творческихъ силъ осуществить всеобщее братство человѣчества и осуществившей только буржуазную эксплуатацію! Это постоянное занугижаніе французской революціей, столь популярное, по своеобразной исторической комбинаціи идей, у наиболѣе радикальныхъ словъ русской оппозиціи, не только смѣшно, но и вредно. «Богаты мы, едва изъ колыбели, ошибками отцовъ и поздимъ ихъ умомъ. Но не мѣшало бы призвать и энтузіазмъ отцовъ! Пусть намъ дадутъ сперва французскую революцію со всѣми ея истинно-общечеловѣческими плодами, а съ вредными ея послѣдствіями мы уже сумѣемъ справиться!» (страница 3, курсивъ нашъ).

Вслѣдъ за г. Меньшиковымъ изъ «Новаго Времени», г. Независимый изъ «Освобожденія» «захотѣлъ» великой французской революціи на русской почвѣ. Желаніе весьма похвальное. Только... только одно меня смущаетъ: великіе буржуа 1789 г. сами «добывали» себѣ великую революцію, а наши Демутены не идутъ дальше формулы: «пусть намъ дадутъ»; знаменательная «фигура рѣчи»!

Дѣло, однако, не столько въ этой характерной обмолвкѣ, сколько въ той наивности, съ которою нашъ «идеалистъ»—въ отвѣтъ боящимся разочарованій прошлыхъ революцій—общаетъ то, буде революція совершится, онъ и его присяжные «съ ея вредными послѣдствіями уже сумѣютъ справиться». Вотъ онъ, голосъ сердца! И, вѣдь, подъ «вредными послѣдствіями» здѣсь разумѣется не что иное, какъ разочарованіе, которое охватывало народныя массы, когда онѣ, совершивъ революцію, замѣчали, что она не освободила ихъ отъ нищеты. Русскіе социалисты ставятъ себѣ вопросъ: какъ сдѣлать, чтобы не повторилось и у насъ того же разочарованія? Г. Независимый отвѣчаетъ: положитесь на насъ, мы уже справимся съ вредными послѣдствіями этого разочарованія. И передъ нашими глазами встаютъ картины разстрѣловъ на Марсовомъ полѣ, возстаніе бабувистовъ, июньскіе дни 1848 года... Вы правы, г-нъ Независимый, ваши собратья сумѣютъ справиться съ «вредными послѣдствіями!» Но именно для того, чтобы не дать имъ возможности «справиться» съ ними собственными имъ мѣрами—мѣрами буржуазной реакціи на революціонныя проявленія пролетаріата,—мы считаемъ прежде всего обязательнымъ для себя внушать пролетаріату «матеріалистическое отношеніе къ его собственному дѣлу», выяснить буржуазный характеръ предстоящей революціи и ту политическую позицію въ ней, которая гарантируетъ ему достиженіе максимума того, что можетъ дать ему такая революція, и которая, тѣмъ самымъ, застраховываетъ его отъ «вредныхъ послѣдствій», въ видѣ разочарованія. И мы обязаны дѣлать это не только въ интересахъ социализма, но и въ интересахъ политической свободы.

Г. Независимый совершенно не понимаетъ, въ чемъ сущность тѣхъ послѣ-революціонныхъ «разочарованій», о которыхъ ему напоминаютъ социалдемократы. Если бы дѣло шло только о вспышкахъ отчаянія народной массы, убѣдившейся, что завоеванный ею кровью режимъ не обезпечиваетъ ей человѣческаго существованія, то, какъ вѣрно указываетъ г. Независимый, съ такими «вредными послѣдствіями» буржуазія—побѣдительница сумѣетъ справиться. Но—и объ этомъ г. Независимый забываетъ—справившись, такъ или иначе, съ этими вспышками отчаянія, буржуазія подсѣкаетъ тотъ самый суевъ, на которомъ должно держаться зданіе «свободы для всѣхъ и каждого». Разочарованная дважды, безсознательная народная масса проникается индифферентизмомъ къ дѣлу свободы и покидаетъ буржуазный либерализмъ при первомъ же натискѣ цезаристской реакціи.

Реальный историческій антогонизмъ между социальными силами

слагающагося буржуазнаго общества и наличной государственной формой наши «идеалисты» пытаются свести къ его идеологическимъ проявленіямъ, къ голому антагонизму между «свободой для всѣхъ и каждому» и ея отрицаніемъ въ современномъ режимѣ. Словомъ, аркадская идиллія, такъ жестоко разрушенная и въ европейской буржуазіи, и въ европейскомъ пролетаріатѣ оуровымъ опытомъ великихъ и малыхъ революцій. Но то, что 100 слѣпкомъ лѣтъ назадъ было плодомъ естественной невинности не вкуоившей отъ древа познанія буржуазіи, теперь должно явиться результатомъ искусственнаго политическаго самовнушенія, «ментально» забывающаго вчера еще исповѣдывавшійся трезвый «реализмъ» бернштейнианства и уносящаго нашихъ «идеалистовъ» въ снятую ими на-прокатъ высь «вѣчныхъ истинъ». Философскому идеализму, говоритъ г. Независимый (стр. 12), «должно быть приписано весьма серьезное значеніе въ современномъ освободительномъ движеніи, ибо только онъ одинъ даетъ необходимое для молодыхъ умовъ (II) отвлеченное обоснованіе либерализма и дѣлаетъ его религіозной вѣрой» (курсивъ нашъ). «Сдѣлать» религіозную вѣру—въ томъ весь смыслъ, вся сущность, вся непрекрашенная правда «идеалистическаго» ученія. Отъ революціоннаго идеализма 18-го вѣка, этотъ фабричнымъ методомъ изготовляемый «идеализмъ», этотъ «паровой пыленокъ», высиживаемый въ кабинетѣ и лишенный всякой «души», такъ же далекъ, какъ далека здоровая, жизнерадостная чувственность древнихъ эллиновъ отъ нуждающейся во всестороннихъ возбуждителяхъ похотливости современнаго Uebermensch'a. И этотъ паровой пыленокъ новѣйшаго «идеализма» долженъ намъ, современнымъ русскимъ людямъ, дать тотъ энтузіазмъ, безъ котораго немислима, дѣйствительно немислима революція, низвергающая кумиры и сносящая на своемъ пути всѣ бастиліи! «Идеализмъ», неспособный ни на минуту отвлечь своихъ собственныхъ апостоловъ отъ тревожной мысли: какъ бы не оттолкнуть своимъ радикализмомъ Стаховичей и Шиповыхъ—этотъ «идеализмъ», основной посылкой котораго является идейная реакція противъ единственнаго идеалистическаго движенія нашей эпохи—противъ социализма—не способенъ заразить своимъ дѣланымъ «энтузіазмомъ» ни одного общественнаго класса.

Есть ли какія нибудь серьезныя основанія бояться того, что «материалистическое отношеніе къ собственному дѣлу» подорветъ «революціонный энтузіазмъ» народныхъ массъ и тѣмъ ослабитъ энергію ихъ борьбы за «буржуазную» свободу?

Если «идеалистическій» скептицизмъ современнаго либерала къ «этической» относительности всѣхъ реальныхъ формъ обществія, всѣхъ

правовыхъ и социальныхъ нормъ, не убиваетъ энтузіазма въ борьбѣ за уничтоженіе пережившихъ себя учреждений и отношеній, то почему бы материалистическому скептицизму социалиста въ исторической относительности идеаловъ буржуазной свободы подрывать энергію въ той же борьбѣ? Если безсознательный, политически-пассивный пролетаріатъ беззаветно проливалъ кровь за «отвлеченно-обоснованную» свободу, то почему пролетаріатъ сознательный не сможетъ отдать свою кровь за весьма «относительное» и весьма конкретное демократическое народовластіе, которое вручить ему воѣ оредства къ борьбѣ за освобожденіе отъ капитализма?

Онъ сможетъ, и онъ сдѣлаетъ это тѣмъ рѣшительнѣе и съ тѣмъ большимъ энтузіазмомъ, чѣмъ яснѣе будетъ представлять себѣ громадность дѣла своего освобожденія и чѣмъ болѣе реалистически будетъ цѣнить значеніе воѣхъ завоеваній, которыя могутъ облегчить это дѣло. И революціонный энтузіазмъ, о которомъ такъ хлопочутъ демократы, будетъ присутствовать въ этой борьбѣ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ обильнѣе будетъ она поддерживаться неизсякаемымъ источникомъ революціонной энергіи въ современномъ обществѣ—классовой борьбой пролетаріата. Въ отличіе отъ тѣхъ искусственныхъ источниковъ, въ которыхъ фабрикуются паровыя цыплята современнаго буржуазнаго «идеализма», этотъ источникъ не имѣетъ конца—пока социальные противорѣчія продолжаютъ накапливать революціонную энергію въ томъ классѣ, реальные интересы котораго совпадаютъ съ интересами общественнаго развитія. Пытаться временно задержать притокъ въ народныя массы этой энергіи—оторвать ихъ политическое движеніе отъ его классовой основы—значить, самымъ вѣрнымъ образомъ вредить дѣлу революціи, дѣлу свободы.

Л. Мартовъ.

На очереди.

№ 4.
(5 ~~август~~ 1904 г., № 77).

Слѣдя за открывшейся «новой эрой» въ области политическихъ отношеній между правительствомъ и буржуазнымъ обществомъ, развитія пролетариату значеніе этой новой эры и призывая его сознательный авангардъ къ активному вмѣшательству въ начинающуюся политическую драму,—соціалдемократы, не должны закрывать глаза на тѣ измѣненія, которыя могутъ быть внесены «эрой довѣрія» непосредственно въ условія ихъ дѣятельности въ самомъ рабочемъ классѣ. Я говорю здѣсь не только о томъ общемъ, невольномъ ослабленіи дѣйствія всемогущаго полицейскаго аппарата, которое кое гдѣ сказывается уже теперь и которое будетъ проявляться все болѣе по мѣрѣ того, какъ самодержавное правительство будетъ запутываться въ непривычной ему политикѣ «довѣрія». Конечно, будутъ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы замшевыя перчатки, одѣваемые на полицейскій кулакъ при его соприкосновеніи съ земцами или даже со студентами, во время снимались каждый разъ, когда придется его направить противъ пролетаріевъ. Недавнія полицейскія звѣрства въ Бѣлостокѣ, Варшавѣ и Ченотоховѣ служатъ тому порукой. Но несомнѣнно также и то, что общая дезорганизация полицейскаго аппарата не позволитъ проводить сколько нибудь систематической тактики, строго отличающей тѣхъ, кого нужно «пощадить», отъ тѣхъ, кого можно и должно «подтянуть».

Но я вмѣю въ виду нѣчто, гораздо болѣе важное, чѣмъ простое ослабленіе политической репрессіи и бдительности. «Эра довѣрія» означаетъ особую перемену въ политическихъ отношеніяхъ между деспотизмомъ и буржуазнымъ обществомъ. Но пролетаріатъ не отдѣленъ глухой стѣною отъ этого общества. Если «новая эра» идетъ мимо него, то лишь постольку, поскольку онъ самъ отдѣлился уже или находится въ процессѣ отдѣленія отъ буржуазной «націи». Тамъ же, гдѣ онъ идетъ за или вмѣстѣ съ «обществомъ» и поскольку онъ идетъ съ нимъ вмѣстѣ, дешевая благодать «новаго курса» не приминетъ разлиться и на него. Затѣянный «Русью» «фондъ народнаго просвѣщенія», послужилъ уже цѣли приобщенія довольно широкаго слоя рабочихъ къ ограниченнымъ интересамъ либеральнаго культурничества, воспрянувшему, благодаря этому курсу. Оживленіе дѣятельности по устройству

воскресныхъ и народныхъ читателей не приминетъ, въ свою очередь, отразиться привлеченіемъ многихъ и многихъ рабочихъ къ тѣмъ «маленькимъ дѣламъ» буржуазнаго либерализма и демократіи, которыя, въ атмосферѣ новой лордъ-мелниковщины, становятся центриками политической мобилизаціи оппозиціонныхъ силъ и факторами сплоченія около нихъ нужнаго имъ «народа». Вполнѣ возможно, что на этой почвѣ «сотрудничества» пролетаріевъ и передовыхъ элементовъ буржуазіи первые проявятъ потребность въ большей самостоятельности, тѣмъ та, которая доставалась имъ въ удѣлъ въ сѣрны будни полной политической реакціи. Характерно въ этомъ отношеніи заявленіе 139 рабочихъ инструментальной мастерской путиловскаго завода, что они дадутъ свой вкладъ въ «фондъ народнаго просвѣщенія» съ тѣмъ, чтобы этотъ фондъ не только находился «не въ рукахъ чиновничества», но и съ тѣмъ, чтобы въ его организаціи участвовали представители отъ рабочихъ ¹⁾. Не менѣе характерно и то, что на столбцахъ «Руси» уже высказываются желанія, чтобы въ первую голову средства фонда затратить на основаніе газеты для городскихъ рабочихъ!

Оживятся, надо думать, и всевозможныя легальныя рабочія общества изъ числа тѣхъ, которыя, равнымъ образомъ, являются ареной общественнаго сотрудничества пролетаріевъ и демократическихъ элементовъ «общества». Намъ нишуть, что въ рабочей средѣ оживаетъ идея «только профессиональнаго» движенія. Въ атмосферѣ «новой эры» эта идея можетъ, пожалуй, и не заглохнуть такъ, какъ она глхла въ условіяхъ полнаго безправія самыхъ умѣренныхъ профессионалистическихъ начинаній.

Словомъ, если «новая эра» не намѣрена и не можетъ пойти на встрѣчу революціонной классовой борьбѣ пролетаріата, то, идя на встрѣчу хотя бы частнымъ общественнымъ потребностямъ буржуазіи, она, по пути, открываетъ нѣкоторыя перспективы недостаточно созвучнымъ, но уже втянутымъ въ кругъ гражданскихъ интересовъ, слоямъ рабочихъ. Какъ борецъ за свое освобожденіе, пролетарій не затрагивается политической комедіей, арранжированной ки. Святополкомъ. Какъ пассивный участникъ оппозиціоннаго или просто культурно-либеральнаго движенія, онъ можетъ быть приглашенъ къ участию въ ней.

Это обстоятельство обязываетъ социалдемократію къ соответствующей умѣлой работѣ. Не въ ея интересахъ, конечно, чтобы въ этой стадіи разложенія нынѣшняго порядка тѣ или другіе слои тру-

¹⁾ См. „Русь“ отъ 28 октября.

дящейся массы были закрѣплены политически за чуждыми имъ, по существу, общественными силами. Но, разумѣется, помѣшать этому мы можемъ не суровыми окриками и не игнорированіемъ тѣхъ вполне реальныхъ и, въ основѣ своей, прогрессивныхъ и запросовъ, удовлетворенія которыхъ рабочая масса ищетъ тамъ, гдѣ ей открывается какая либо къ тому возможность.

Въ моментъ, когда для политическихъ проявленій различныхъ классовъ или отдѣльныхъ группъ внутри нихъ понемногу открывается широкое поле гласной, легализованной или только терпимой, дѣятельности, было бы наивностью самовлюбленныхъ заговорщиковъ пытаться убѣдить широкія массы населенія, находящіяся въ той или другой мѣрѣ подъ нашимъ вліяніемъ, не заполнять тѣхъ мѣстъ, которыя освобождаются для нихъ ослабленіемъ полицейской опеки. Но столь же непростительно было бы закрывать глаза на эти, въ сторону отъ руля нашей «доселешней», работы, совершающіеся, частные процессы политическаго развитія того класса, руководить которыми мы стремимся. Было бы ошибкой предоставить рабочимъ массамъ искать и находить себѣ новыхъ политическихъ руководителей въ сферѣ, скажемъ, культурно-образовательной и профессионально-экономической дѣятельности, въ сторону которой должна стихійно направиться ближайшимъ образомъ мысль широкихъ слоевъ пролетаріата въ данный моментъ ¹⁾. Было бы политической узостью не попытаться оказать свое воздѣйствіе на ходъ и исходъ этого введенія пролетаріата въ среду оппозиціонной общественно-политической дѣятельности либерально-демократической буржуазіи.

Нелишне будетъ указать, что такая тактика «невмѣшательства», со всеми ея роковыми послѣдствіями (быть можетъ, вплоть до образованія новой рабочей партіи, которая сформировалось бы, вѣкъ намъ, въ ходѣ пріобрѣтеннаго пролетаріатомъ опыта сотрудничества и—по мѣрѣ разочарованія—размежеванки съ буржуазіей), что такая тактика была бы неизбежна и неминуема для насъ, если бы въ нашей партіи восторжествовали тѣ, во-истину, заговорщическія тенденціи, для которыхъ почва была подготовлена всѣмъ такъ называемымъ «ленинизмомъ» и которыя впріогі исключаютъ для партіи какое бы то ни было соединеніе «подпольной» конспиративной ра-

¹⁾ Отмѣчу, что такое направленіе извѣстнаго «стихійнаго потока» въ рабочихъ массахъ не будетъ, въ сущности, означать ихъ отказа отъ «политики», ибо именно такое направленіе входитъ, какъ часть въ цѣлое, въ «политику»... Только не въ самостоятельную политику пролетаріата, а въ политику буржуазіи, ведущей за собой пролетаріатъ.

боты съ сложнымъ дѣломъ руководства сколько и-
будь открытой общественной дѣятельностью широ-
кихъ массъ. Въ тѣхъ кругахъ, гдѣ указанные заговорщицкія тен-
денціи получили достаточное развитіе, съ большимъ неодобреніемъ
относятся къ принятымъ II съѣздомъ партіи резолюціямъ о профессио-
нальной борьбѣ и о фабричныхъ старостахъ. И, дѣйствительно, эти ре-
золюціи ставятъ партіи тактическія задачи, которыя идутъ въ разрѣзъ
съ самымъ существомъ заговорщицеской организаціи. Это не мѣ-
шаетъ имъ вѣрно намѣчать путь, по которому должна идти полити-
ческая партія пролетаріата каждый разъ, какъ обрекающій ея на
«подпольное» существованіе режимъ открываетъ руководимому ею
классу тѣ или иные каналы для отстаиванія хотя бы небольшой доли
его интересовъ. Объ эти резолюціи, вѣроятно, очень и очень приго-
дятся намъ именно при дальнѣйшемъ развитіи святополковой эры
«довѣрія».

Во время переходнаго періода отъ полной политической реакціи
къ дѣйствительной политической свободѣ, которая легализируетъ всю
классовую борьбу пролетаріата, социалдемократія должна ставить
себѣ цѣлью, не ослабляя той своей «подпольной» организаціи, кото-
рая ей необходима для веденія революціонной, въ узко-техническомъ
смыслѣ слова (т. е. нелегальной и анти-легальной), борьбы, въ то же
время распространить, прямо или косвенно, свое вліяніе на всѣ тѣ
сферы общественной дѣятельности, въ которыхъ будутъ постепенно
находить себѣ примѣненіе культурно-политическія стремленія широкихъ
массъ пролетаріата. Если, подъ эгидой «довѣрія», рабочія массы втя-
нутся въ широкое движеніе въ сторону с а м о о б р а з о в а н і я, мы должны
будемъ въ этой сферѣ отыскать такія позиціи, которыя мы смогли бы
занять для того, чтобы направить и это движеніе отъ буржуазнаго
культурническаго либерализма къ пролетарской освободительной борь-
бѣ ¹⁾. Если оживится профессиональное движеніе среди рабочихъ, мы
должны овладѣть имъ и, равнымъ образомъ, сдѣлать его одной изъ
опоръ самостоятельной классовой пролетарской политики.

И не могу указывать здѣсь конкретно всѣ тѣ поводы, которыми
мы могли бы воспользоваться уже теперь, чтобы упредить другія
общественныя силы и взять на себя инициативу оформленія на-
мѣчающихся частныхъ движеній въ рабочемъ классѣ. Но одинъ при-
мѣръ мнѣ бы хотѣлось привести. Въ газетахъ промелькнуло извѣстіе
о предполагаемомъ созывѣ II-го всероссійскаго ремесленнаго съѣзда.

¹⁾ Нынешняя германская социалдемократія (ея марксистская фракція)
формально составила изъ союза рабочихъ общество самообразованія.

Весьма вѣроятно, что это начинаніе удастся. Отчего бы нашей партіи не воспользоваться этимъ, чтобы вызвать въ «сословія» ремесленныхъ подмастерьевъ, почти повсемѣстно затронутомъ нашей пропагандой, движеніе съ требованіемъ созыва, въ связи съ съѣздомъ хозяевъ, всероссийскаго съѣзда подмастерьевъ, а, можетъ быть, и, вообще, квалифицированныхъ рабочихъ? Нѣсколько десятковъ легальныхъ (не «зубатовскихъ», конечно) рабочихъ обществъ (взаимопомощи и т. п.) представляютъ вполне пригодную легальную «защѣпу» для такого предпріятія. Если бы эта идея осуществилась, отъ насъ самихъ зависѣло бы превратить такой «рабочій конгрессъ» въ крупный фактъ освободительной борьбы пролетаріата.

Предпріятіе, подобное указанному, ставитъ передъ нами вопросъ: не слѣдуетъ ли попытаться использовать для себя открывшуюся для буржуазной печати сравнительную (на русскій масштабъ) свободу? Я говорю, разумѣется, не о возможности для социалдемократовъ пользоваться той или другой легальной демократической «трибуной» для пропаганды марксизма. Пока наша партійная печать нелегальна, это участіе социалдемократовъ въ легальной литературѣ не представляетъ большого интереса для партіи. Но зато мы имѣемъ всѣ основанія смотрѣть на пользующіеся нѣкоторой свободой демократическіе органы легальной прессы, какъ на возможную арену для демонстраціи политическихъ стремленій рабочаго класса. Мы могли бы попытаться публиковать въ такихъ органахъ тѣ или другія заявленія, протесты, резолюціи нашихъ организованныхъ рабочихъ. Обращенія рабочихъ съ такими заявленіями въ легальные органы печати сослужили бы—независимо отъ ихъ успѣха—немалую службу въ дѣлѣ практическаго ознакомленія «рядовыхъ» рабочихъ съ тѣми политическими силами, съ которыми имъ впоследствии придется столкнуться на аренѣ болѣе широкой политической борьбы.

Я считалъ необходимымъ намѣтить нѣкоторыя «возможности», открывающіяся намъ, благодаря знаменательнымъ политическимъ событіямъ, развертывающимся въ Россіи. Эти немногія, указанные мной, возможности открываютъ перспективы разнообразной, интересной и новой по формамъ работы.

Л. Мартовъ.

Объ аграрной программѣ социалистовъ-революціо- неровъ.

(5 ноября 1904 г., № 77).

I.

Наступившій кризисъ русскаго самодержавно-бюрократическаго строя настоятельно заставляетъ въ настоящее время учесть всѣ общественныя силы, которыя примутъ участіе не только въ освободительной борьбѣ, но и въ конструированіи новаго политическаго строя.

Трудно, конечно, предрѣшить и напередъ точно учесть ту роль, которую сыграютъ различные классы въ этой борьбѣ во время и послѣ побѣды надъ абсолютизмомъ. Тѣмъ не менѣе, задача каждой политической партіи заключается не только въ томъ, чтобы, по возможности, опредѣлить роль всѣхъ общественныхъ силъ, но и выяснить, какія задачи осуществимы въ ближайшемъ будущемъ и какія въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Безъ такого учета всякая программа партіи будетъ представлять изъ себя или бессодержательный наборъ громкихъ фразъ, или, въ лучшемъ случаѣ, рядъ благихъ пожеланій, которыя могутъ никогда не осуществиться или привести совершенно не къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыхъ отъ нихъ ожидаютъ. Каждая политическая партія вырабатываетъ свою программу, и та программа для данной политической группы является наиболѣе удачной, лучше выработанной, которая ставитъ лучший политическій прогнозъ, которая яснѣе и точнѣе опредѣляетъ политическую роль каждого общественнаго класса.

Изъ проекта программы социалистовъ-революціонеровъ видно, что они, къ сожалѣнію, не знаютъ, ни того, что они могутъ, ни того, чего они хотятъ. Изъ дальнѣйшаго читатель увидитъ, что такое заключеніе единственно правильное, если вѣрить искренности авторовъ проекта программы, — а у насъ нѣтъ основаній въ нее не вѣрить.

Въ этой статьѣ мы не будемъ анализировать мотивировки программы, обнаруживающей своеобразное пониманіе дѣйствительности «соціал-революціонерами»: нужно было бы оспаривать почти каждое слово мотивировки, критикуя все міровоззрѣніе, выразившееся въ ней¹⁾.

¹⁾ Какой, напримѣръ, родной стариной вѣтъ огъ положенія, что русская промышленность, огороженная частоколомъ таможи отъ конкуренціи, «страдаетъ отъ недостатка внѣшнихъ рынковъ».

II.

Въ основѣ программы лежитъ такъ называемое «народническое» мировоззрѣніе, реставрированное по западно-европейскому образцу. Эта смѣсь «французскаго съ нижегородскимъ» отразилась неблагоприятно, какъ на общей мотивировкѣ программы, такъ и на программныхъ задачахъ, поставленныхъ «соц.-революціонерами».

Желая угодить всѣмъ рѣзко оппозиціоннымъ элементамъ современнаго общества—разночинной интеллигенціи, рабочимъ и крестьянамъ,—«соц.-революціонеры» ухитрились создать такую программу, отдѣльные пункты которой, дѣйствительно, выражаютъ интересы этихъ, столь разнородныхъ, общественныхъ группъ. Бѣда лишь въ томъ, что желаніе угодить всѣмъ привело неизбежно къ противорѣчію однихъ требованій другимъ.

Поскольку программа касается общедемократическихъ требованій, въ ней нѣтъ противорѣчій, потому что въ осуществленіи ихъ одинаково заинтересованы всѣ три группы, интересы которыхъ хочетъ представлять партія «соц.-революціонеровъ». Переходя же къ хозяйственнымъ отношеніямъ, «соц.-рев.» неизбежно попадаютъ въ противорѣчіе со своими же пожеланіями и требованіями.

1) «Въ вопросахъ рабочаго законодательства партія «соц.-революціонеровъ» ставитъ своею цѣлью... установленіе законодательнаго максимума рабочаго времени, сообразно нормамъ, указываемымъ научной гигиеной;—установленіе минимальныхъ заработныхъ платъ»... и т. д.

Все это хорошо и нельзя не одобрить, но... что будетъ съ «народнымъ производствомъ»? Вѣдь если эту мѣру провести въ жизнь и распространить на такъ называемыхъ кустарей, которые конкурируютъ съ крупнымъ производствомъ, благодаря низкой оплатѣ труда и удлинненному рабочему дню, то большая часть ихъ погибнетъ въ безнадежной конкуренціи! Огромное количество кустарей имѣетъ по одному, по 2—5 рабочихъ, многіе кустари работаютъ дома на хозяина сдѣлкою. Устраненіе этихъ кустарей дастъ огромный толчокъ капитализаціи промышленности. Соціалдемократы не боятся сокращенія мелкаго производства, такъ какъ они находятъ развитіе крупнаго капиталистическаго производства шагомъ впередъ въ хозяйственномъ развитіи общества; они не боятся, если защитой рабочихъ толкнуть это развитіе впередъ. Но для «соц.-рев.», «переустройство» современнаго общества начинать съ требованій, дающихъ толчокъ развитію крупной

промышленности на счет мелкой, какъ будто не пристало. Итакъ «соц.-рев.», чтобы угодить рабочимъ, готовы дать толчокъ развитію крупнаго производства на счетъ мелкаго! Во всякомъ случаѣ, это великодушно—жертвовать своими кровными убѣждениями, ради блага рабочихъ... Чтобы угодить крестьянамъ, «въ вопросахъ аграрной политики и поземельныхъ отношеній, партія «соц.-рев.» ставитъ себѣ цѣлью использовать (какъ?), въ интересахъ социализма и борьбы противъ буржуазно-собственническихъ началъ, какъ общинныхъ, такъ и вообще (?) трудовых (?) возрѣнія (?), традиція (!) и формы жизни русскаго крестьянства, въ особенности взгляды на землю, какъ на общее достояніе всѣхъ трудящихся. Въ этихъ видахъ партія будетъ стоять за социализацію (?) всѣхъ частновладѣльческихъ земель, т. е. за изытіе ихъ изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ и переходъ въ общественное владѣніе и въ распоряженіе демократически организованныхъ общинъ и территориальныхъ совѣтовъ общинъ на началахъ уравнительнаго землепользованія».

Допустимъ, что «соц.-рев.» цѣлякомъ «используютъ вообще трудовыя возрѣнія традиція и формы жизни крестьянъ», и раздѣлятъ землю поровну. Очевидно, для крестьянъ тогда наступитъ райская жизнь, и на фабрику никого изъ деревенскаго населенія и коврижкой не заманишь. Какіе же получатся результаты социализація земли? Обратимся къ фактамъ.

На сто душъ крестьянскаго населенія приходится посѣвной площади десятинъ ¹⁾:

I въ югозападномъ районѣ	51,2
II въ средне-черноземномъ	63,2
III въ промышл.-чернозем.	52
IV въ южномъ районѣ	121

Изъ общей площади земли приходится % владѣній:

въ I районѣ 46,9% крест. и 53,1% частн., каз. и удѣльн.
во II » 58,9% » » 41,1% » » » »
въ III » 52,3% » » 47,7% » » » »
въ VI » 48,4% » » 51,6% » » » »

Итакъ, если земледѣльческое населеніе не увеличится и если всѣ земли будутъ въ рукахъ крестьянъ, то количество земли у нихъ почти удвоится, и крестьяне будутъ имѣть посѣва почти вдвое болѣе, въ первыхъ трехъ районахъ по одной десятиной на душу, а въ южномъ

¹⁾ См. П. Масловъ „Условія развитія сельскаго хозяйства“ стр. 220.

по $2\frac{1}{2}$ десятины. Но мы взяли огромные районы съ десятками губерній. Если же разбить эти районы на болѣе мелкія территориальныя единицы, то мы найдемъ, что въ однихъ районахъ количество земли у крестьянъ почти не увеличится (тамъ, гдѣ нѣтъ помѣщичьихъ земель), а въ нѣкоторыхъ районахъ оно учетверится, упятерится. Особенно много земли, по отношенію къ земледѣльческому населенію, будетъ въ южномъ районѣ, гдѣ и теперь крестьяне и казаки занимаютъ огромное количество крестьянъ центрального черноземнаго района. Теперь крестьяне и помѣщики многоземельныхъ районовъ занимаютъ крестьянъ малоземельныхъ районовъ. Если отъ «соц.-рев.» не послѣдуетъ запрещеніе крестьянамъ нанимать рабочихъ, а другимъ нанматься, то увеличеніе крестьянской земли въ многоземельныхъ районахъ еще болѣе увеличитъ потребность крестьянъ въ наемномъ трудѣ. Правда, при увеличеніи крестьянскаго землевладѣнія, нужно думать, потребности крестьянъ увеличатся и заработная плата возрастетъ, но высокая заработная плата лишь благопріятствуетъ введенію сельскохозяйственныхъ машинъ у богатыхъ предпринимателей и легче сдвинетъ на заработки крестьянъ изъ плотно населенныхъ районовъ. Извѣстно, что въ рѣже населенныхъ районахъ и въ настоящее время процвѣтаютъ капиталистическія казачьи и крестьянскія хозяйства при уравнительномъ юридическомъ землепользованіи и при наймѣ своихъ многоземельныхъ, но бѣдныхъ соосѣдей. Если сравнить развитіе капиталистическаго крестьянскаго хозяйства въ многоземельныхъ и малоземельныхъ районахъ, то мы найдемъ, что при многоземельи капиталистическое хозяйство развивается сильнѣе и быстрѣе. Напримѣръ, въ южномъ районѣ, гдѣ какъ мы видѣли, земли у крестьянъ въ $2\frac{1}{2}$ раза болѣе, чѣмъ въ центральномъ, изъ крестьянъ выдѣлилась многочисленная группа богатѣевъ. Въ центральномъ районѣ эта группа слабѣе и тамъ, безъ содѣйствій «соц.-рев.», произошло уравниеніе... бѣдностью. Въ южномъ районѣ группа одношадныхъ и двухшадныхъ имѣетъ 77,8% всѣхъ лошадей (по переписи 1893 г.), а группа богатыхъ хозяйствъ въ шесть и болѣе лошадей имѣетъ только 1,4%. Въ южномъ районѣ первая группа имѣетъ 58% всѣхъ лошадей, а вторая группа, богатѣевъ, около 10% и все болѣе богатѣетъ на счетъ первой ¹⁾.

Почему же это происходитъ? Да потому, что при земельномъ просторѣ богатому есть гдѣ развернуться, завести большое хозяйство, а бѣдному, сколь бы земли у него ни было, нечѣмъ ее распашать и за-сѣять. Современный капиталистическій строй тѣмъ и отличается, что

¹⁾ См. тамъ же стр. 319—320.

при наличности капитала онъ растетъ тѣмъ быстрее, чѣмъ капиталъ больше, а безъ капитала приходится продавать свой трудъ, хотя и есть большой земельный надѣлъ. Уравнительное землепользованіе ничуть не мѣшаетъ однимъ засѣвать много, а другимъ оставаться безъ хлѣба и заниматься къ богатому оообѣду. Итаетъ, «переходъ земли въ общественное владѣніе» послужитъ толчкомъ для развитія капиталистическихъ крестьянскихъ хозяйствъ, потому что дастъ возможность богатымъ крестьянамъ расширить запашку, что мы и видимъ на югѣ и на востокѣ Россіи. А такое развитіе крестьянскаго хозяйства обостритъ классовую борьбу между богатыми и пролетаризированными крестьянами въ деревнѣ. Такъ программа хочетъ «использовать трудовыя воззрѣнія, традиціи и формы жизни русскаго крестьянства». Для социалдемократа обостреніе классовой борьбы въ деревнѣ не страшно, потому что черезъ эту борьбу пролетаріатъ и можетъ добиться социалистическаго строя; «соц.-рев.» же, желая остановить развитіе капитализма въ крестьянствѣ, получали бы противоположные результаты, если бы осуществили свою программу. Мы въ настоящее время можемъ наблюдать результаты крестьянскаго многоземелья. Эти результаты чрезвычайно благоприятны для всѣхъ крестьянъ: богатѣи расширяютъ запашки и ведутъ крупное хозяйство, а бѣдность получаетъ заработную плату вдвое выше, чѣмъ въ центральныхъ губерніяхъ и не находится въ такой кабалѣ у помещиковъ. «Соціалисты-революціонеры», не вскрывая тѣхъ классовыхъ противорѣчій, которыя явятся въ деревнѣ послѣ экспроприаціи крупнаго землевладѣнія, бевсовнательно обманываютъ и себя и деревенскую бѣдность, для которой необходимо начать классовую борьбу.

Нечего и говорить, что «соціализація всѣхъ частныхъ земельныхъ земель» даже при всеобщей народной революціи—безнадежная утопія, такъ какъ экспроприація мелкаго землевладѣнія такое же безнадежное дѣло, какъ и экспроприація вообще мелкой собственности. Нужно при этомъ замѣтить, что раздѣлъ земли между мелкими территориальными единицами легче создастъ мелкихъ землевладѣльцевъ, чѣмъ тогда, когда земля принадлежитъ крупной территориальной единицѣ, напр. цѣлой губерніи или уѣзду. Поясню это примѣромъ. Около деревни А—крупное помещичье владѣніе, которое крестьяне «уравнительно» раздѣлили и получили по 20 дес., которыя и будутъ распахиваться богатыми. Около деревни В другой волости нѣтъ помещичьей земли, и крестьяне деревни В будутъ арендовать у крестьянъ деревни А землю ¹⁾). Въ это

¹⁾ Такое явленіе наблюдается и теперь тамъ, гдѣ рядомъ съ малоземельными козанами, крестьянами, живутъ малоземельные.

одного помѣщика, въ деревнѣ А окажется нѣсколько помѣщиковъ—крестьянъ, которые не откажутся получать и кабальную аренду. Можетъ быть, «соц.-рев.» убѣдятъ крестьянъ отдавать даромъ излишнюю землю, находящуюся «въ уравнительномъ пользованіи», или, можетъ быть, при «соціализаціи» земли ренты не будетъ, или «вообще трудовыя традиціи крестьянства» этого не позволятъ?

При настоящемъ положеніи крестьянства въ Россіи возможна такая же революція, какъ и въ 18-мъ столѣтіи во Франціи. Если бы крестьянское движеніе было такъ же сильно, то экспроприація крупнаго землевладѣнія и передача его въ руки мѣстнаго самоуправленія крупныхъ территориальныхъ единицъ обострила бы классовую борьбу не только въ будущемъ парламентѣ, но и въ мѣстномъ самоуправленіи, очистивши эту борьбу сразу отъ элементовъ сословныхъ. Но, вѣдь, это задача социалдемократовъ, которые стремятся обострить классовую борьбу, а не «соц.-рев.», которые надѣются «уравнительнымъ землепользованіемъ» сгладить ее. Поэтому, между программой, предлагаемой Иксомъ, въ которой проектируется экспроприація крупнаго землевладѣнія, и программой соц.-демократовъ, принятой въ настоящее время, по существу нѣтъ никакой разницы, потому что та и другая программа имѣютъ въ виду вскрыть и обострить классовыя противорѣчія. Другой вопросъ, при какихъ условіяхъ лучше вскроются эти противорѣчія: во всякомъ случаѣ, ни одинъ соц.-дем. не будетъ стоять за современное помѣщичье землевладѣніе. Разница между программой соц.-дем. и «соц.-рев.» заключается въ томъ, что первые дадутъ правильный прогнозъ результатовъ революціи, не скрываютъ предстоящей классовой борьбы и хотятъ ее обострить. «Соц.-революціонеры», напротивъ, стремятся притупить классовую борьбу обманчивымъ «уравнительнымъ землепользованіемъ», и скрываютъ отъ себя и отъ другихъ тѣ результаты, которые будутъ при осуществленіи поставленныхъ ими задачъ. Это дѣлаютъ всегда демократы, которые за фразами о свободѣ, равенствѣ и братствѣ хотятъ скрыть вовсе не братскую классовую борьбу; съ этими соц.-дем. всегда будутъ бороться, вскрывая не только классовыя противорѣчія демократовъ, но и противорѣчія съ социалистической окраской...

III.

Цитированное выше требованіе въ вопросахъ аграрной политики «соц.-рев.» именуютъ «основнымъ требованіемъ программы-минимумъ». Но «соц.-рев.» совершенно основательно находятъ, что сверженіе аб-

соютизма и замѣна его конституціонной или иной формой не можетъ произойти безъ широкаго крестьянскаго движенія, при которомъ только и возможна экспроприація, по крайней мѣрѣ, наиболѣе крупнаго землевладѣнія. Въ такомъ случаѣ «соц.-рев.» выступаютъ: 1) «за расширеніе правъ общинъ и территоріальныхъ ихъ союзовъ по экспроприаціи частновладѣльческихъ земель; 2) конфискація земель монастырскихъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ и т. п. и обращеніе ихъ, равно какъ и государственныхъ имуществъ, на то же дѣло обезпеченія общинъ достаточнымъ количествомъ земли, а также на нужды расселенія и переселенія; 3) ограниченіе платы за пользованіе землею разбѣрами чистаго дохода хозяйства; 4) вознагражденіе за произведенныя улучшенія въ землѣ при переходѣ пользованія ею отъ одного лица къ другому; 5) обращеніе ренты путемъ спеціального налога въ доходную статью общинъ и органовъ самоуправленія».

Если мы разберемся въ этихъ требованіяхъ, то увидимъ, что, выставляя ихъ, «соц.-рев.» также не знаютъ, чего они хотятъ. Первый пунктъ нельзя разобрать потому, что, повидимому, самимъ авторамъ проекта неясно, какое «расширеніе правъ на экспроприацію частной собственности» возможно въ рамкахъ правового буржуазнаго строя, и они помѣстили громкую фразу, не опредѣлявши ея содержанія.

Второй пунктъ ведетъ, только въ меньшей степени, чѣмъ экспроприація всего крупнаго землевладѣнія, къ тѣмъ же результатамъ, о которыхъ мы говорили выше, потому что увеличеніе крестьянскаго землепользованія возможно только въ нѣкоторыхъ районахъ, тамъ, гдѣ есть монастырскія и удѣльныя земли.

Третій пунктъ имѣетъ важное значеніе. Но къ какимъ же результатамъ ведетъ осуществленіе требованія, выставленнаго въ немъ?

Въ настоящее время арендная плата бываетъ двухъ родовъ: или арендуютъ богатые крестьяне, по болѣе дешевой цѣнѣ, чтобы получить съ арендуемой земли прибыль, или арендуютъ по болѣе высокой цѣнѣ бѣдняки, чтобы получить какой-нибудь заработокъ, уплачивая землевладѣльцу въ арендной платѣ и ренту за землю, и прибыль, которую получилъ бы богатый арендаторъ. Послѣдній типъ кабальной аренды существуетъ потому, что бѣднякъ не можетъ конкурировать съ капиталистомъ, но вынужденъ арендовать и переплачивать за землю, хотя не выручаетъ за это и заработной платы. Если землевладѣльцу запретить сдачу земли по такимъ повышеннымъ цѣнамъ, запретить «кабальную аренду», то бѣднякъ освободится не только отъ кабалы, но и отъ земли, которую арендовалъ, потому что по пониженной арендной платѣ сниметъ землю капиталистъ, уплативши впередъ и арендную плату; т. е. третьимъ

пунктомъ своихъ требованій «соц.-рев.» дадутъ толчокъ къ устраненію кабальныхъ отношеній и къ развитію капиталистическаго хозяйства въ земледѣліи. Если теперь помѣщикъ находитъ выгоднымъ эксплуатировать бѣдняковъ кабарной арендой, въ которой онъ получаетъ и прибыль, и ренту, то при уничтоженіи такой аренды онъ самъ или капиталистъ-арендаторъ заведетъ капиталистическое хозяйство, чтобы получать въ хозяйствѣ ту прибыль, которую у него вырвали. Если авторы проекта не знали о существованіи двухъ видовъ аренды, то остается только рекомендовать имъ ту экономическую литературу, въ которой выяснено, при какихъ условіяхъ и какая бываетъ аренда. Было бы слишкомъ скучно и неудобно на страницахъ «Искры» разъяснять «соц.-революционерамъ» условія возникновенія и существованія того и другого типа аренды; замѣтимъ лишь, что кабарная (продовольственная) аренда и капиталистическая аренда исключаютъ другъ друга, и уничтоженіе первой благоприятно для развитія второй. Слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ «соц.-рев.» не знаютъ, чего хотятъ, потому что своими требованіями они облегчаютъ развитіе капиталистическихъ, классовыхъ противорѣчій въ деревнѣ.

Не напоминаютъ ли эти прожектеры заблудившагося въ лѣсу путника, который, стремясь домой, снова и снова возвращается въ лѣсную глушь?.. «Соц.-революционеру» хочется объединить всѣхъ крестьянъ, остановить развитіе капитализма, онъ выставляетъ требованіе, а оно приводитъ къ противоположнымъ результатамъ! Шутница-жизнь жестоко смѣется надъ революціонной маньяловщиной.

Четвертый пунктъ программы тоже интересенъ. При «уравнительномъ» пользованіи общинной землей легче всего сосредоточить землю въ рукахъ богатѣевъ, установивши вознагражденіе за произведенныя ими улучшения. Стоитъ богатому крестьянину сдѣлать на своемъ надѣлѣ значительныя улучшения и бѣдняку никогда не достанется его надѣлъ. Прощайте тогда передѣлы, умиляющіе такъ «соц.-революционеры», прощайте «уравнительное землепользованіе», прощайте «вообще трудовыя традиціи»! Ради культуры земли и экономического прогресса «соц.-рев.» пожертвовала и въ этомъ пунктѣ своимъ основнымъ принципомъ—равненіе крестьянъ подъ одно: это благоразумно, но непоследовательно и угрожаетъ толкнуть соц.-рев. въ соц.-демократическую ересь.

Наконецъ, пятый пунктъ аграрной программы, требуя экспроприаціи ренты путемъ обложенія, является наиболѣе энергическимъ средствомъ для уничтоженія мелкой аренды и для развитія рациональнаго капи-

капиталистическаго хозяйства. Въ самомъ дѣлѣ, если землевладѣльцу «соц.-рев.» запрещаютъ (третьимъ пунктомъ) брать арендную плату больше капиталистической ренты, а эту ренту налогомъ отнимаютъ, то доходъ отъ земли можно получить только ведя капиталистическое хозяйство, которое, кромѣ ренты, будетъ давать еще прибыль. Если бы «соц.-рев.», заимствуя этотъ пунктъ программы у Икса, подумали, къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ осуществленіе этого, а также и другихъ выставленныхъ ими требованій, то, вѣроятно, отказались бы отъ нихъ. Желая быть послѣдовательными, они ограничились бы требованіемъ «уравнительнаго пользованія» крестьянами той землей, которая у нихъ есть, прибавивши требованіе «уравнять» и весь крестьянскій инвентарь, чтобы крестьянамъ не повально было арендовать землю другъ у друга, вопреки найденнымъ соц.-революціонерами «вѣковыми традиціямъ».

Къ сожалѣнію, стремленіе угодить всѣмъ, вставши на точку зрѣнія и пролетарія и собственника, толкаетъ «соц.-рев.» къ беспардонному электизму, при чемъ ставятся въ одну программу самыя противоположныя требованія.

Соединить въ одну программу различныя требованія—поливши ихъ соусомъ народническаго утопізма, не трудное дѣло, но, вѣдь, нужно знать, что къ чему. Вносить въ головы рабочихъ, крестьянъ и «революціонной интеллигенціи» путаницу въ программныхъ вопросахъ вредно для каждой изъ этихъ группъ, и плохую услугу революціи дѣлаютъ «соціалисты-революціонеры», затуманивая ихъ классовое самосознаніе. Изъ анализа программныхъ требованій мы видимъ, что «соц.-рев.» не знаютъ, чего они хотятъ, не знаютъ, какія послѣдствія вытекаютъ изъ ихъ требованій.

Въ началѣ своей статьи мы указывали на необходимость для каждой партіи знать, что она можетъ и что она хочетъ, на необходимость политическаго прогноза. Изъ программы «соц.-рев.» видно, что они не знаютъ ни того, ни другого. Экспропріація всего, въ томъ числѣ и мелкаго землевладѣнія — безнадежная утопія. «Уравнительное землепользованіе» — мелкобуржуазная утопія, неосуществимая даже при полицейскомъ гнетѣ и при всеобщей бѣдности, благопріятствующей «равненію». Другіе пункты, заимствованные, главнымъ образомъ, изъ социалдемократическихъ программъ, ведутъ къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыхъ и ожидаютъ отъ нихъ социал-демократы: къ развитію и обостренію классовой борьбы въ деревнѣ и въ городѣ.

Въ остальныхъ пунктахъ своей программы «соц.-рев.» выставляютъ общедемократическія требованія, разбирать и критиковать которыя

нѣтъ никакого интереса. Мы хотѣли показать лишь то основное противорѣчіе, въ которомъ неизбежно должны путаться «соц.-рев.» въ своемъ стремленіи примирить пролетаріатъ съ своей эклектической мелко-буржуазной точкой зрѣнія: желая уместиться между двухъ и даже между трехъ стульевъ (интеллигенція, пролетаріатъ и все крестьянство) они сѣли... не туда, куда хотѣли.

Иерекъ.

Борьба за право.

(5 ноября 1904 г., № 77).

Въ то время, какъ земскіе либералы выхваляютъ къ умиротворенію и посылаютъ многозначительныя предостереженія крайнимъ партіямъ, политическая мысль народной массы проявляется въ грозныхъ актахъ, которые ясно показываютъ, что въ настоящее время всякая обыкновенная программа половинчатыхъ реформъ явится только препятствіемъ революціи.

Задавленный, угнетенный, ежечасно попираемый въ самыхъ элементарныхъ правахъ, народъ открыто возстаетъ противъ агентовъ самодержавной власти и вершитъ надъ ними скорый, но не милостивый судъ. Последніе номера русскихъ газетъ полны извѣстіями о кровавыхъ расправахъ населенія съ представителями правительства.

Въ началѣ октября въ селѣ Троицкомъ, Одесскаго уѣзда, послѣ дѣлаго ряда анонимныхъ писемъ, убитъ урядникъ Родковскій. 1-го октября въ Одессѣ тремя выстрѣлами изъ револьвера застрѣленъ околоточный Янцеловскій въ тотъ моментъ, когда онъ намѣривался арестовать рабочее собраніе. Въ Лодзи рабочіе разбили камнемъ голову жандарму Назаренко. Въ Батумѣ 13 октября раненъ выстрѣломъ приставъ Филимоновъ. Въ Бѣлостоцкѣ 6 октября, неизвѣстный молодой человѣкъ бросилъ въ канцелярію полицейскаго участка разрывной снарядъ, взрывомъ котораго ранено нѣсколько человѣкъ служащихъ. 9 сентября рабочій Подяковъ совершилъ покушеніе на одесскаго градоначальника Нейдгардта. 16 августа, въ саратовской тюрьмѣ про-

ломали кирпичемъ черепъ начальнику сыскаго полиціи Баранову. 13 августа въ Анджаанѣ вечеромъ, во время обхода, ранены помощникъ пристава, офицеръ стражи и городской. Въ Озургетскомъ уѣздѣ убійства настолько участились, что обратили специальное вниманіе правительства. Въ Аджицентѣ 13 августа на людной улицѣ совершенно было покушеніе на убійство мѣстнаго пристава. Въ Гродненскомъ округѣ убитъ помощникъ старшины. Во время процесса объ убійствѣ въ городѣ Пинскѣ шпіона Арнацкаго жандармскій ротмистръ Нартовъ жаловался, что рабочіе двухъ агентовъ убили и одного облили сѣрной кислотой. На судебномъ разбирательствѣ дѣла о гомельскомъ погромѣ полицейскіе чины также роптали на свою службу, указывая на то, что имъ каждую минуту грозятъ смерть или увѣчья.

Таковы факты, запестрѣвшіе на газетныхъ столбцахъ при первыхъ признакахъ нѣкоторой свободы печати. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что число ихъ быстро увеличится. Кромѣ убійствъ и покушеній на убійства, къ явленіямъ этого порядка необходимо причислить многочисленныя оскорбленія должностныхъ лицъ, дѣлами о которыхъ завалены наши судебныя учрежденія. Съ другой стороны, газеты сообщаютъ о многочисленныхъ процессахъ по обвиненію должностныхъ лицъ въ оскорбленіяхъ, побояхъ и даже убійствахъ обывателей. Въ общемъ и цѣломъ, получается картина очевидной гражданской войны между властью и населеніемъ. Правительство пожинаетъ зрѣлые плоды долгой и настойчивой политики. Оно упразднило законы положеніемъ объ усиленной охранѣ, оно облекло неограниченной властью каждаго агента полицейскаго самодержавія. Жандармскіе солдаты получили право производить дознанія и лишать свободы лицъ, заподозрѣнныхъ въ неблагонадежности. Шпіоны и полицейскіе наполнили все общественныя учрежденія, проникли въ семьи... Неосторожное слово, непочтительное отношеніе къ носителямъ самодержавной идеи влекло за собою тяжелое возмездіе. Больше всего, конечно, этотъ порядокъ давилъ низшіе классы населенія. Старый взглядъ на крестьянъ и рабочихъ, какъ на безправныхъ рабовъ, давалъ власти особую наглость въ притѣсненіяхъ и надругательствахъ. Если высшіе общественные слои могли иногда путемъ самыхъ разнообразныхъ усилій добиваться возстановленія поруганныхъ правъ, то темная народная масса была обречена безмолвно страдать и терпѣть, пока... хватить терпѣнія. Она долго терпѣла, но теперь, повидямому, и ея терпѣнію приходитъ конецъ.

Открытая гражданская война между властью и населеніемъ показываетъ, что приближается моментъ крушенія самодержавно-полицей-

скаго государства. Дезорганизация власти, неспособность ея удовлетворять простѣйшія потребности народа въ правосудіи, въ обеспеченіи личной неприкосновенности можетъ означать только скорое паденіе отжившаго строя. Самодержавіе лишилось силы даже охранять собственный государственный механизмъ, и онъ рассыпается подъ ударами народа. Но пока эти удары носятъ характеръ отдѣльныхъ единичныхъ протестовъ, они не могутъ принести серьезныхъ политическихъ результатовъ. Революціонная энергія народныхъ массъ только тогда будетъ использована целесообразно, когда она волеется въ рамки планообразной организованной дѣятельности, когда терроръ отдѣльныхъ лицъ смѣнится натискомъ массы на весь существующій строй. Этотъ натискъ уже слышится въ частыхъ вспышкахъ народнаго гнѣва, и революціонныя партіи должны быть готовы къ самымъ неожиданнымъ историческимъ событіямъ.

Н. Негоревъ.

Изъ жизни и печати.

(20-го ноября 1904 г. № 78).

Петербургская весна, какъ извѣстно, не можетъ обойтись безъ помощи начальства. Слабой сѣверной природѣ, тусклому сѣверному солнцу не подь-силу справиться въ короткій положенный срокъ съ той грудой мерзлой нечисти и навоза, которая скапливается на петербургскихъ улицахъ за долгую зиму. И потому, лишь только выглянули первые лучи весенняго солнца, начальство начинаетъ помогать природѣ, и тысячи заступовъ скалываютъ толстой слой смѣшаннаго съ грязью уличнаго льда. Уже не по этому ли петербургскому образцу думаютъ наши воители либерализма устроить «весну» всероссійскую! Какъ понять иначе, что теперь, когда вся страна въ страстномъ напряженіи ждетъ смѣлаго слова; теперь, когда десятилѣтія трусливой тактики просьбъ и «надеждъ» повысили наглость самодержавнаго правительства до чудовищной авантюры японской войны; теперь, когда совершенно исключительно стеченіе историческихъ обстоятельствъ дало возможность либе-

реализму пятой раздавить самодержавнаго дракона: какъ понять, что въ разгаръ «гласности», подъ «громъ обличительныхъ статей» «Русс. Вѣд.» заявляютъ, будто «можно надѣяться, что правительство захочетъ прислушиваться къ голосу общества и благосклонно отнесется къ его горячимъ пожеланіямъ»? Боже того: будто «самому правительству не чуждо сознание пользы и необходимости общественнаго содѣйствія?» Неужели этимъ старымъ дѣтамъ такъ и суждено ничему не научиться и ничего не забывать? Неужели имъ такъ и не суждено понять, что только мимолетную петербургскую весну можетъ дѣлать начальство въ сотрудничествѣ со стихіей? Неужели имъ такъ и не суждено понять, что содѣйствіе не дворниковъ, а народа, нужно для наступленія истинной весны всероссійской? Неужели они такъ и не поймутъ, что теперь время не просьбъ, а требованій, не дипломатическихъ ходовъ, а открытой борьбы? «Надежды на правительство теперь—это измѣна; каждый день откладыванія открытаго протеста—это преступленіе. Съ народомъ или противъ народа—вотъ два пути, другихъ нѣтъ; и противъ народа значитъ противъ свободы, ибо только могучій заступъ народа можетъ снять съ русской земли тотъ толстый пластъ замерзшей грязи, имя которому деспотизмъ.

* * *

Пока «весна» успѣла растопить лишь самый верхній слой этого пласта, и—боги праведные!—какіе уже пошлѣ ароматы! Цѣлыя тучи «обличеній» несутся со всѣхъ сторонъ, и остается лишь удивляться той еротости и истинно христіанскому долготерпѣнію, съ которымъ російскій обыватель переносилъ всѣ казни египетскія, терпѣливо дожидаясь минуты, когда тысячи труповъ на поляхъ Манчжуріи, сотни миліоновъ безоглядно растроченныхъ народныхъ денегъ и грозящее государственное банкротство дадутъ ему, наконецъ, возможность излить хоть часъ своихъ горестей на газетные столбцы. И какихъ, можно сказать, «первобытныхъ» горестей! Почитайте—ка «Русь», «Нашу Жизнь», «Право», «Русскія Вѣдомости» и ихъ провинціальныхъ соратниковъ. Прежде всего, со всѣхъ концовъ Россіи слышалось: бьютъ бьютъ, бьютъ. Бьютъ на улицахъ, въ участкахъ, бьютъ въ тюрьмахъ, бьютъ въ казармахъ, бьютъ даже докторовъ въ генеральскихъ квартирахъ! Кулакъ царилъ и царитъ во-всю; онъ безвозвратно гулялъ и гуляетъ по обывательскимъ спинамъ, а вотъ же терпѣли до сихъ поръ, сердешные! И лишь теперь, наконецъ, раздался «воплъ наболѣвшей души». Но не только бьютъ обывателя; надъ нимъ надѣваются. Его тащутъ на каждомъ шагу въ участокъ, его закононачиваютъ въ тюрьму,

въ которой окна закладываютъ кирпичами и завѣшиваютъ щитами, его ссылаютъ въ мѣста, куда дѣйствительно, никакой Макарь телятъ не гонялъ, его судятъ судомъ несправедливымъ, и, какъ нынѣ публично выдвигается, самъ верховный стражъ правосудія—сенатъ въ своихъ толкованіяхъ законовъ совершенно открыто руководствовался юридической нормой, извѣстной подъ названіемъ «чего прикажете?» И все это терпѣлъ обыватель. Терпѣлъ онъ и то, что читать ему позволяли лишь житія святыхъ—съ изытіемъ «опасныхъ» мѣстъ,—а писать разрѣшали обо всемъ, «кромѣ» внѣшней и внутренней политики, да еще плохого права голубей.

Мудрено ли, что теперь, лишь только пріоткрылись двери. ведущія въ завѣтный рай «гласности», тысячи обывателей наперерывъ другъ передъ другомъ слѣшать повѣдать міру свои страданія? Но, вмѣстѣ съ страданіями, они всенародно докладываютъ и о своемъ терпѣніи. Они докладываютъ, что на ихъ глазахъ били, сажали въ тюрьмы, ссылали, вѣшали, разстрѣливали, урѣзывали языки, сковывали руки, а они... они ходатайствовали, они «надѣялись», они просили. И еще разъ спросимъ: неужели и теперь еще найдутся люди, которые будутъ одновременно говорить о «правонорядкѣ» и ходатайствахъ, о «гарантіяхъ» и надеждахъ, о свободахъ и просьбахъ?

* *
* *
* *

Не только обыватель воспользовался весеннимъ просторомъ, чтобы излить свои печали. И пауки самодержавной бюрократіи, какъ водится, готовы съѣсть другъ друга въ той тѣсной банкѣ, куда загнали ихъ сейчасъ историческія судьбы, слѣшать свести публично свои счета и ввалить другъ на друга вину за тотъ крахъ, который принесла самодержавію война. Времена теперь смутныя, что будетъ—неизвѣстно, и „на всякій случай“ не мѣшаетъ зарекомендовать себя публикѣ съ отличной стороны.

Очень поучительна полемика, которая ведется теперь на страницахъ газетъ между министромъ иностранныхъ дѣлъ и адмираломъ Алексѣевымъ. Разумѣется, высокоблагородные господа не изволятъ пачкать въ чернилахъ свои собственные руки, да и занятые-то для нихъ непривычное. Не въ „писакѣ“ же имъ превратиться, по извѣстному просвѣщенному выраженію! Но въ „писакахъ“ недостатка не бываетъ и г. министр изволитъ говорить устами «Петербургскаго Телеграфнаго Агентства», а г. адмиралъ—кто бы могъ подумать это?—устами того самаго „Нов. Времени“, которое не уставало „обличать“ его въ помѣхѣ «единокомандованію» Куропаткина.

И министру и адмиралу очень хочется свалить съ себя отвѣтственность за тѣ ужасныя пораженія, которыя не перестаютъ терпѣть русская армія и флотъ съ самаго начала войны. Ради этого, пресловутый оухопутный адмиралъ, немедленно по прибытіи въ Петербургъ, заявилъ сотруднику парижской газеты «Echo de Paris» для распубликованія, что, если русскій флотъ оказался «неподготовленнымъ», то вина падаетъ отнюдь не на него, Алексѣева, завѣдывавшаго флотомъ, а на «успокоительныя» телеграммы, полученныя имъ изъ Петербурга послѣ разрыва дипломатическихъ отношеній между Россіей и Японіей. Очевидно, славный адмиралъ самъ никакъ не могъ догадаться, что разрывъ переговоровъ означаетъ войну и, если бы ему это во-время объяснили, то, конечно, въ одинъ сутки русскій флотъ былъ бы приведенъ въ полную «готовность». Такія ли чудеса можетъ творить русскій «витязь»!

Министръ иностранныхъ дѣлъ не могъ, съ другой стороны, допустить такой «клеветы», которая такъ явно обличала „непредусмотрительность“, или, проще говоря, ребяческую наивность и самонадеяннѣе русскій дипломатіи. И онъ пустился въ „опроверженія“. Увы, этотъ походъ въ область гласности былъ для бѣднаго дипломата крайне неудаченъ. Не только совершенно несомнѣнно установлено, что министерство иностранныхъ дѣлъ послѣ разрыва переговоровъ додумалось только до того, что теперь, дескать, нужно „выжидать развитія событій“, о чемъ «Прав. Вѣстникъ» и поставилъ публику въ извѣстность одновременно съ телеграммой о мнимои атакѣ японцевъ, вышедшей изъ строя три русскихъ судна,—но болѣе того: «Новое Время», при сей okazji, разоблачило весьма пикантный эпизодъ. По поводу статьи „Нов. Времени“ о неминуемости войны послѣ разрыва переговоровъ, „графъ Ламздорфъ просилъ Плеве внушить редакторамъ газетъ“ и пр. и пр. И Плеве, конечно, «внушилъ». А затѣмъ публику пытались одурманить вышеупомянутымъ, столь своевременнымъ, сообщеніемъ въ «Прав. Вѣстникѣ». Неизвѣстно, впрочемъ, хотѣли-ли эти жалкіе люди просто отстрочить хоть на день объявленіе о своемъ преступленіи, или они, въ безумномъ самоослѣпленіи, дѣйствительно, думали, что «войны не будетъ», потому что они «хотятъ мира».

Судя по тому, что адмиралъ Алексѣевъ за «свойотвенныя» ему «энергію и распорядительность» и за «боевыя заслуги» получилъ только что въ знакъ «искренней благодарности» орденъ Георгія третьей степени, побѣда въ полемикѣ остается пока за нимъ.

* * *

Всѣмъ «весна» принесла хоть какую-нибудь отраду, даже адмиралу Алексѣеву. Только Грингмутъ съ братьей остался обдѣленнымъ. Да и каково, въ самомъ дѣлѣ, положеніе этихъ «разбойниковъ пера и мошениковъ печати», когда изъ воѣхъ поръ сдавленнаго «режимомъ» русскаго народа несется одинъ дружный крикъ—«свободы»? Каково положеніе этихъ гадовъ, такъ приспособившихся къ кромѣшной тѣмѣ исконныхъ «старыхъ порядковъ», теперь, когда грядущая заря свободы бросаетъ первые отблески свои? Г. Грингмутъ и К^о. не пишутъ теперь: они, воистину, «брызжутъ слюною бѣшеннои собаки». И только меланхолическія воспоминанія о «славномъ царствованіи Александра III» скорбной нотой врываются въ неумолкающій лай цѣпныхъ псовъ Страстного бульвара.

Нѣтъ тѣхъ казней, которымъ бы мысленно не подвергъ г. Грингмутъ зловредныхъ «либераловъ». Даже къ японцамъ онъ согласенъ отнестись съ большей снисходительностью, чѣмъ къ «шайкѣ политическихъ воровъ». Но мало однихъ словесныхъ громовъ; «Моск. Вѣд.» рѣшили мобилизовать «народныя» силы въ защиту «стыга самодержавія». «Почему молчитъ дворянство? Можетъ ли молчать дворянство?» завопилъ г. Грингмутъ. И «дворянство» начало «топорщиться». «Дворянинъ» Павловъ потребовалъ къ отвѣту г. Петрункевича, изумляясь, что у этого злодѣя либерализма «не дрогнетъ рука останавливать ходъ исторіи, утверждая, что наша колониальная политика не имѣетъ ни малѣйшихъ шансовъ на успѣхъ». «Укажите, какіе «оски» тянуть изъ народа?» вопилъ «дворянинъ» Павловъ, «укажите «путы», изъ которыхъ онъ рвется!» Въ другой статьѣ тотъ же неустрашимый дворянинъ «доказалъ», что не только народъ не связанъ «путами», но, можно сказать, задыхается подъ бременемъ правъ: и къ землѣ-то онъ прикрѣпленъ (по «дворянину» Павлову, «обезпеченъ землей»), и въ Сибирь можетъ убѣгать отъ голодухи и малоземелья, и даже самыя непосильныя подати существуютъ только для того, чтобы демонстрировать «право» крестьянина не быть проданнымъ лично съ аукціона. Вообще, много храбрости обнаружилъ пылкій «дворянинъ». Даже отступление Куропаткина у него превратилось въ «наступление», ибо, хотя русскія войска сдѣлали «двѣсти верстъ движенія назадъ», но «походъ за 10.000 верстъ въ чужой странѣ называется движеніемъ впередъ, а не отступленіемъ». Доказавъ такъ блистательно, что за 10.000 верстъ «движеніе назадъ» называется «движеніемъ впередъ», храбрый воитель, ужъ, разумѣется, шутя, доказываетъ, что русскій народъ благоденствуетъ и ничего такъ не желаетъ, какъ перегрызть горло всѣмъ господамъ Петрункевичамъ.

Отяжки на письмо Павлова показали всю силу той рати, которая готова мобилизоваться под знаменем г. Грингмута. Увы, увы! Два-три «дворянина», нѣкая «русская», якобы томившаяся незнаемъ, что у нея есть на свѣтѣ единомышленники и теперь, послѣ письма Павлова, облегченно вздохнувшая (та же русская, впрочемъ, съ такимъ же изумленіемъ привѣтствовала за нѣсколько нумеровъ до того нѣкоего «честно и по-русски думающаго студента»), да какая-то княгиня Вадбольская—вотъ и все. Объявилось, правда, семеро «сочувствующихъ» крестьянъ, но, къ негодованію г. Грингмута, сейчасъ же обнаружилось, что это какой-то шутникъ мистифицировалъ редакцію. При такомъ избыткѣ силъ, собственно только и оставалось бы послѣдовать совѣту премудрой княгини и ждать, что «святая Русь умолитъ помазанника Божіа на колѣняхъ не давать воли ея внутреннимъ врагамъ».

Но «сила всегда молчитъ, топорщится безсиліе». И потому-то именно другой «дворянинъ» С. Нилусъ вздумалъ грозить «внутреннимъ врагамъ» русской «Вандеей», да какой еще! «Молчать вѣрная русская Вандея, потому что она не клочекъ великаго царства, а вся русская земля, и заговорить она только по призыву своего царя, но заговорить не какъ Вандея, а ужъ всею своею стомилліонною грудью». И, очевидно, для того, чтобы скорѣе «призвали», въ томъ же столбцѣ г. Юзефовичъ напоминаетъ «наиболѣе поучительный и жестокий ударъ», который «нанесенъ былъ Божіимъ Промысломъ одному изъ покушеній ввести въ Россіи государственное самоуправленіе». Этотъ ударъ—убійство Александра II «въ тотъ именно моментъ, когда имъ заложенъ былъ первый камень шаткаго политическаго зданія государственнаго самоуправления, къ счастью для Россіи такъ и оставшагося, за его кончиной, непостроеннымъ». Яснѣе сказать, кажется, нельзя. Очевидно, при случаѣ пламенные монархоты «Моск. Вѣд.» ничего не имѣютъ противъ сошествія Духа Святого въ динамитную бомбу или въ револьверный патронъ. Лишь бы во время «Божій Промыселъ» свое дѣло дѣлалъ. Надо признаться, серьезность и непреклонность такая, которой не мѣшало бы поучиться у «Моск. Вѣд.» кое-кому изъ «борцовъ» либерализма. Тутъ, по крайней мѣрѣ, люди знаютъ, чего хотятъ и идутъ на проломъ къ тому, чего они хотятъ. Книжки, по ея «дамскому положенію», разрѣшаютъ мечтать о «склоненныхъ колѣняхъ», но чтобы г. Юзефовичъ съ Грингмутомъ такой маниловщиной занялись... помилуйте, люди, хоть и дикіе, но взрослые!

Но все же пока—«вѣрное дворянство» молчать. «Страшно, грозно

это молчаніе»,—пугаетъ насъ «дворянинъ» Нилусъ, ожидающій «призыва». Но Грингмуту не терпится; онъ требуетъ, чтобы дворянство сейчасъ же сказало «свое истинно русское слово». Боюсь, что «слово» это придется Грингмуту не по вкусу, ибо голосъ «двѣхъ помѣщиковъ» будетъ и въ дворянскихъ собраніяхъ заглушенъ голосомъ современнаго землевладѣнія, которое также мало можетъ примириться съ самодержавнымъ строемъ, какъ и современная промышленность. И тогда не пожалѣетъ ли редакторъ «Моск. Вѣд.», что подстрекнулъ къ вышестательству въ процессъ крушенія абсолютизма еще одну общественную силу, и не останется ли тогда ему, самъ-другъ съ Юзефовичемъ, призвать на помощь «Божій Промыселъ», начать готовить бомбы въ подвалахъ дома на Страстномъ бульварѣ?

Ф. Данъ.

Рабочій классъ и буржуазная революція.

(1 декабря 1904. № 79).

22 ноября въ первый разъ сообщено на столбцахъ легальной печати принятое на легальномъ собраніи («банкетъ представителей интеллигентныхъ профессій въ С.-Петербурѣ», въ количествѣ 676 чел.) требованіе «немедленнаго созыва учредительнаго собранія изъ представителей всего населенія Россійскаго государства», требованіе, которое, будучи нѣкогда выставлено въ письмѣ Исполнит. Ком. Народной Воли Александру III, было—первою изъ нынѣ дѣйствующихъ политическихъ партій—введено въ свою программу партіей россійскаго пролетаріата, въ противовѣсъ, такъ легко прикрывавшей собой славянофильскія мечтанія, стереотипной формулѣ «земскаго собора». Выдвинутая нашей партіей формула революціоннаго преобразованія существующаго режима становится, воплотившись, популярнымъ требованіемъ, и этотъ фактъ можетъ служить

симптомомъ того политическаго вліянія, которое уже можетъ оказывать русская социалдемократія на ходъ буржуазной революціи.

Революція! Это слово у многихъ на устахъ въ эти яркіе дни всеобщаго политическаго возбужденія; но многіе ли могутъ сказать, что оно у нихъ не только на устахъ?

Воспитанное въ эпоху политическаго маразма, характеризующаго западно-европейское общество послѣдней четверти XIX вѣка, наше поколѣніе «забыло» о другихъ формахъ побѣды развивающагося буржуазнаго строя надъ старымъ государственнѣмъ порядкомъ, чѣмъ тѣ формы политическаго компромисса, которыми для Германіи и Австріи—нашихъ ближайшихъ соседей—окончился процессъ ихъ буржуазной «европеизаціи». По мѣрѣ того, какъ на «западѣ» буржуазная революція становилась «забытымъ словомъ» юности уныдающаго класса, а мечта о близкой «соціальной революціи» на востокѣ разбивалась о дѣйствительность російскаго капитализма,—въ русской прогрессивной интеллигенціи все больше укрѣплялась увѣренность, что ословно-бюрократическій абсолютизмъ нашихъ дней, «мирно» или подъ вліяніемъ ватиска снззду, смѣнится болѣе или менѣе «австрійскимъ» видомъ приспособленнаго къ нуждамъ буржуазнаго общества государственнаго порядка.

Время буржуазныхъ революцій миновало, да здравствуетъ революція и а р о д н а я!—говорилъ семидесятникъ, мечтаая перескочить изъ абсолютизма въ «царство труда». Время буржуазныхъ революцій миновало, да здравствуетъ буржуазная реформа! говоритъ современный русскій демократъ.

Дѣйствительность, казалось, оправдывала этотъ отказъ отъ революціи. Мощная сила мірового капиталистическаго развитія властно диктовала правящимъ классамъ отсталыхъ «восточныхъ» странъ необходимость преобразованія на европейскій ладъ главныхъ функций общественной организаціи—иначе этимъ странамъ грозилъ полный упадокъ. «Добровольное» приспособленіе государственныхъ и правовыхъ учрежденій къ потребностямъ капитализма казалось для нихъ естественнымъ и неизбежнымъ результатомъ воздѣйствія могущественнаго всемірно-капиталистическаго организма на новыя страны, а такое политическое прозябаніе основаннаго на этомъ компромиссѣ конгломерата новыхъ и старыхъ социальныхъ силъ—тѣмъ удѣломъ, который ждетъ эти страны—подчеркнута исторіи—вплоть до момента міровой пролетарской революціи. И въ то же самое время общества «новыхъ странъ», стихійно стремящаяся сбросить съ себя сословно-абсолютистскія цѣпи, окутывала все болѣе и болѣе пустая атмосфера и дейно политической реакціи, несшаяся изъ того самаго «запада», который своимъ экономи-

ческимъ движеніемъ революціонировалъ общественную структуру «востока». Эта реакціонная атмосфера заражала своими миазмами и нарождавшіяся социальныя ояны нашего востока. Въ этихъ миазмахъ гибли зародыши истинно-революціонныхъ проявленій буржуазной эмансипаціи въ Россіи, прежде чѣмъ успѣвали развиться въ дѣйствительно освободительное историческое движеніе.

Но эти именно обстоятельства—идейное вліяніе буржуазной реакціи, дѣлавшей зажившійся у себя на родинѣ абсолютизмъ, въ качествѣ ея «последняго оплота», политической необходимостью, и обусловленный той же реакціей сдавленный и безыдейный характеръ эмансипаціонныхъ стремленій русской буржуазіи—эти же обстоятельства отсрочивали все дальше и дальше наступленіе того момента, когда сознаніе неизбежной ликвидаціи своего собственнаго неограниченнаго господства должно было овладѣть самими представителями этого режима. Опираясь на западно-европейскую буржуазную реакцію и безъ особаго труда справляясь съ собственной оппозиціей, абсолютизмъ могъ откладывать, казалось, до безконечности уплату по предъявленному ему исторіей векселю. Но именно потому, что онъ могъ ее отсрочивать, задача, безъ разрѣшенія которой Россія не могла спастись отъ полнаго упадка, становилась все сложнѣе и запутаннѣе. Чудовищное несоотвѣтствіе между правовой формой и содержаніемъ социальнымъ требовало, для сохранения политическаго равновѣсія, такихъ средствъ, которыя своими неизбежными послѣдствіями дѣлали все болѣе утопичной мысль о «мирномъ» преобразованіи государственнаго режима. Каждая новая отсрочка накопляла новыя противорѣчія, требовавшія радикальныхъ реформъ, посягающихъ на привилегіи и коренные интересы правящей клики. Реформа сверху становилась все болѣе невѣроятной, революціонное преобразование снизу—все болѣе необходимымъ, какъ единственное рѣшеніе запутаннаго вопроса.

Въ то же время исторія создавала общественную силу, способную выйти изъ того тѣснаго круга, въ которомъ заключено было политическое движеніе слишкомъ поздно явившейся русской буржуазіи. Въ нѣдрахъ неспособнаго къ революціонному самоосвобожденію отъ абсолютизма буржуазнаго общества надрывали новаго типа социальныя противорѣчія—пролетаріатъ начиналъ свою классовую борьбу. Его политическое развитіе не сдавливалось идейными вліяніями европейской буржуазной реакціи; напротивъ, мировая пролетарская борьба противъ этой реакціи несла ему революціонные импульсы. Въ русской дѣйствительности оказывалась на лицо сила, способная, безъ оглядки назадъ, проникнуться, какъ классъ, тѣмъ революціоннымъ само-

забвеніємъ, безъ котораго немислима активная роль въ коренномъ общественномъ переворотѣ; сила, способная неуклонно толкать впередъ все общественное движеніе и активно революционизировать общественную атмосферу. Всякій знаетъ, какъ русскій рабочій классъ выполнилъ эту роль въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, какъ, въ ходѣ его классоваго движенія и подъ его вліяніемъ, постоянно разстраивалось политическое и социальное равновѣсіе существующаго порядка и складывались въ политическія партіи неформленныя массы создаваемыхъ процессомъ общественнаго развитія антагонистовъ абсолютизма. Рабочее движеніе клиномъ врѣзалось въ русскую политическую дѣйствительность, необычайно расширяя площадь враждебнаго соприкосновенія интересовъ современнаго буржуазнаго общества съ сословно-бюрократическимъ государствомъ и обостряя ихъ конфликты, заставляя самодержавіе усиливать агрессивный, т. е. антибуржуазный, антикультурный характеръ своей консервативной политики и побуждая либерально-демократическую буржуазію стремиться расширить содержание своего движенія до размѣровъ задачи народнаго освобожденія. Самый характеръ реакціонной политики вынуждалъ къ этому либерально-демократическую буржуазію, противъ которой—какъ и противъ всѣхъ прогрессивныхъ общественныхъ силъ—абсолютизмъ въ послѣдніе годы тщился мобилизовать самыя широкія массы пребывающихъ въ темнотѣ социальныхъ «низовъ». Знаменательная «аубатовская» манифестація 19-го февраля 1902 г. въ Москвѣ, кишиневско-гомельскіе эксперименты антисемитовъ, одесская всеобщая стачка (въ ея первой стадіи) и, наконецъ, патріотическія манифестаціи начала нынѣшняго года должны были ясно показать всѣмъ и каждому, что вопросъ о политическомъ будущемъ Россіи уже не можетъ рѣшаться безъ участія народныхъ массъ, что, слѣдовательно, сторонники общественнаго прогресса не могутъ разсчитывать на благопріятный исходъ своихъ попытокъ, если не сумѣютъ развить свое маленькое либеральное дѣло до размѣра національной политической задачи въ серьезномъ смыслѣ этого слова. И запутавшееся, въ ходѣ борьбы съ революціонной «крамолой», въ сѣтяхъ своей собственной политики, правительство словно умышленно спѣшило навязать своему либеральному врагу вѣтъ революціонный выводъ. Наступилъ японскій разгромъ и лозунгъ—«не реформы, а реформа» отиѣтилъ въ либеральномъ «обществѣ» первый проблескъ сознанія того маленькаго факта, что и на «востокахъ» исторія движется порою «скачками».

Буржуазная революція стала возможной перспективой для Россіи потому, что еще въ нѣдрахъ сословно-полицейскаго строя въ

ней зародилось враждебное буржуазнѣ классовое движеніе пролетаріата.

* * *

Оппозиціонная буржуазія вступаетъ въ медовый мѣсяцъ своего революціоннаго омыненія, когда демократы сознаютъ себя социалистами, либералы—демократами, слабохарактерные представители бюрократіи—либералами, крамольные реформисты—революціонерами. Въ этомъ, только еще начинающемся, хаосѣ «всеобщаго братанія» какъ не потерять голову трезвому, разсудительному сыну «уладочной эпохи», «идеалисту» въ философіи и «реалисту» въ политикѣ, человѣку съ «фаустовскими» стремленіями въ груди и вагнеровской степенностью въ поступкахъ, словомъ, редактору—издателю «Освобожденія».

Возражая своему единомышленнику, г-ну Немю, желающему убѣдить г. Струве въ необходимости для конституціоналистовъ «расширить предѣлы освободительнаго движенія», выставивъ на своемъ знамени всеобщее избирательное право,—редакторъ «Освобожденія» (№ 58) увѣряетъ, что г. Немю «ломится въ открытую дверь», ибо «освобожденцы» уже усвоили себѣ «необходимость энергичной борьбы за демократическій характеръ политической реформы Россіи». Но «демократическій характеръ политической реформы»—это, казалось бы, для современной Россіи означаетъ полную, всестороннюю, послѣдовательную буржуазную революцію, — народовластіе на мѣсто сословно-бюрократическаго полицейскаго государства? Но нѣтъ! Для г. Струве вопросъ стоитъ иначе. Не довести до ея логическаго конца буржуазную революцію желаетъ онъ, а наиболѣе вѣрнымъ способомъ остановить ее на полпути. Не развить до положеннаго имъ исторіей предѣла революціонную энергію общественныхъ силъ, подлежащихъ политическому руководству «либерально-демократической партіи», а обозначить напередъ предѣльный пунктъ ихъ развитія; апеллировать не къ неумолимой логикѣ историческаго развитія, а къ логикѣ нынѣшнихъ «господъ жизни», къ ихъ политическому разсчету. «При самодержавіи,—говоритъ г. Струве,—Россія находится въ состояніи скрытой... но разрастающейся вглубь и вширь хронической революціи, которая неизбежно перейдетъ въ острую форму, если не будетъ предпринята крупная реформа. Маленькая конституція можетъ или, вѣрнѣе, должна сейчасъ же породить дальнѣйшее политическое движеніе, которое, въ случаѣ упорства правящихъ классовъ, неизбежно приведетъ къ большой революціи... Для русской монархіи своевременный и откры-

тѣй компромиссъ съ демократическимъ конституціонализмомъ есть прямо таки вопросъ существованія».

Буржуазный мыслитель не можетъ не попытаться затенить всё дыры созданнаго его представленіемъ общественнаго міроздавія своимъ «идеалистическимъ» колапсомъ («если бы въ современной русской монархіи выдвинулся крупный, дальновидный реформаторъ, онъ»... и т. д.); навѣки развращенный двойной школой оппортунизма—бернштейнѣизмомъ и «идеализмомъ» — онъ не былъ бы вѣренъ самому себѣ, еслибы не потщился заградить могучій потокъ историческаго движенія самими противоестественными изъ «своевременныхъ и открытыхъ компромиссовъ»; онъ не былъ бы рабомъ выпестованнаго имъ дѣтяца—союза земцевъ съ демократіей,—еслибы не жаждалъ такой «большой» конституціи, которая вернула бы ему былую увѣренность въ невозможности самой маленькой революціи. Но—*hic Rhodus, hic salta!*—говорить идеологу буржуазіи современная русская дѣйствительность. Съ народомъ или противъ него? Или,—что тоже,—за революцію или противъ нея, выбора нѣтъ, и если сегодня даже Струве видитъ, что слишкомъ поздно мечтать о «безболѣзненномъ» переходѣ отъ русскаго абсолютизма къ австрійской олигархіи, то за в т р а даже Гейденъ должны будутъ понять всю утопичность надежды на переходъ къ «бисмарковской демократіи». Ибо ничто яное, какъ уродливый германскій полубабсолютизмъ, механически соединенный со всеобщимъ избирательнымъ правомъ, представляетъ собою тотъ «своевременный компромиссъ», который грезится нынѣ музѣ «Освобожденія»: только въ т а к о й формѣ можетъ реализироваться сосуществованіе нынѣ господствующихъ реакціонныхъ силъ съ конституціонными правами всего народа. И это—идеалъ вождя нашей «либерально-демократической партіи»! Это предѣлъ, который онъ пытается поставить овободительному движенію представляемаго имъ класса! Странное, но знаменательное ослѣпленіе: г. Струве позабылъ, что именно этотъ «своевременный компромиссъ» въ Германіи, если и отсрочилъ «большую революцію» до того момента, когда пролетаріатъ одинъ сможетъ ее совершить противъ всего буржуазнаго общества, то онъ же, прежде всего, похоронилъ буржуазную демократію какъ таковую... Нечего и говорить, что намѣчаемый г. Струве новый «компромиссъ» не разрѣшитъ тѣхъ общественныхъ задачъ, которыя исторія накопила ко дню ликвидаціи стараго строя и въ выполненіи которыхъ заключается сущность предстоящей «реформы». Онъ не можетъ удовлетворить самыхъ жгучихъ потребностей народныхъ массъ, а, слѣдовательно, не остановитъ «дальнѣйшаго полити-

ческаго движенія». Онъ не разрѣшитъ вопроса о «сверхштатномъ», съ точки зрѣнія законовъ буржуазнаго общества, голоданіи и вымираніи русскаго крестьянства, онъ не разрубитъ Гордиева узла національныхъ вопросовъ, онъ не эмансипируетъ окончательно «иновѣрное» населеніе отъ средневѣковой православной церкви. И, прежде всего, онъ, этотъ компромиссъ, разобьется о сознательную борьбу русскаго пролетаріата.

Главный двигатель и центральная фигура надвигающейся буржуазной революціи, русскій пролетаріатъ не можетъ,—если бы даже «захотѣлъ», если бы его даже убѣдили недалковидные вожди,—остановиться на полдорогѣ въ дѣлѣ историческаго разрушенія «до буржуазныхъ» формъ обществѣ. Онъ не можетъ допустить никакого «современнаго компромисса» между историческимъ прошлымъ и вытекающимъ будущимъ, потому что всякій такой компромиссъ будетъ оплаченъ имъ, потому что всякій такой компромиссъ будетъ совершенъ на счетъ его политическихъ правъ или сверхсмітныхъ матеріальныхъ лишеній. Гонимый впередъ развитіемъ историческаго процесса, онъ не можетъ остановиться въ локмѣ существующаго на томъ пунктѣ, гдѣ того бы хотѣла та или другая фракція оппозиціонной буржуазіи: потому что всякая такая остановка для него, несущаго главное бремя разрушительной работы, означаетъ шагъ назадъ по направленію къ полному безправію и матеріальному вырожденію. Силой вещей пролетаріатъ толкается къ противодѣйствию всякимъ попыткамъ остановить революціонное развитіе, и когда это стихійное противодѣйствіе не озаботено отчетливымъ сознаніемъ своихъ историческихъ задачъ, оно неизбежно выливается въ революціонную утопію, въ попытку обойти путь историческаго движенія, въ попытку предъявить буржуазной революціи невыполнимыя для нея требованія. Но если развитіе классовой борьбы русскаго пролетаріата сдѣлало возможной въ Россіи буржуазную революцію, то развитіе его классового самосознанія и его организациа вокругъ социалдемократическаго знамени сдѣлала маловѣроятнымъ для него этотъ трагическій исходъ его борьбы противъ измѣнническихъ попытокъ буржуазіи предать дѣло своей собственной революціи. Подъ руководствомъ социалдемократіи, русскій пролетаріатъ отстоитъ дѣло буржуазной революціи отъ всякихъ попытокъ погубить его «современными компромиссами». Воздѣйствуя на буржуазную оппозицію силой своего вліянія на народныя массы, силой своей сплоченности и самостоятельностью своей политической позиціи, сознательный пролетаріатъ, группируя вокругъ себя въ своихъ политическихъ

выступленіяхъ всѣ, въ данный моментъ еще не удовлетворенные соціальными элементами и, подчиняя ихъ своему руководству, тѣмъ самымъ двигаетъ впередъ развитіе буржуазной «реформы» за предѣлы, которые ей ставятся и будутъ еще ставиться вѣковскими отъ древа познанія ранними провозвѣстниками будущихъ измѣнъ либеральной демократіи. Соціальными силами, которымъ предстоитъ сыграть активную роль въ предстоящемъ преобразованіи, еще только начинаютъ выходить на политическую арену, драма буржуазной революціи еще только начинаетъ развертываться, почти не слышно крестьянства, молчатъ милліоны сектантовъ, слабы голоса задавленныхъ національностей. Только дѣйствительно революціонная программа внесетъ единство и планоустроенность въ процессъ пробужденія этихъ стихій. И эту программу, которая не можетъ не быть программой полнаго всесторонняго и послѣдовательнаго развитія буржуазной революціи, дастъ социалистическій пролетаріатъ. Во имя этой программы, онъ будетъ толкать впередъ буржуазное общество въ цѣломъ въ его борьбѣ съ абсолютизмомъ, во имя ея онъ будетъ раскалывать это общество всякій разъ, какъ тѣ или иные его фракціи, найдя удовлетвореніе своимъ частнымъ интересамъ въ томъ или иномъ «своевременномъ компромиссѣ», будутъ въ своей политикѣ идти въ разрѣзъ съ общими интересами буржуазнаго развитія.

Во имя этой революціонной программы, пролетаріатъ сегодня выдвигаетъ требованіе прекращенія войны и созыва всенароднаго учредительнаго собранія. Подхватываемая широкой оппозиціонной массой, навязываемая ею ея умѣреннымъ вождямъ, эти требованія уже сыграли видную роль въ дѣлѣ объединенія революціонной борьбы противъ абсолютизма, въ дѣлѣ углубленія пропасти между нимъ и его врагами.

Мы уже добились того, что противъ всенароднаго характера учредительнаго собранія никто изъ буржуазной оппозиціи не рѣшается открыто выступить; мы постараемся добиться и того, чтобы вся она сочла необходимымъ поддержать его. И въ дальнѣйшемъ развитія собитій пролетаріатъ счумѣетъ провести свою революціонную линію. Прекращеніе войны и созывъ учредительнаго собранія закончатъ прологъ революціи. Послѣдовательная, сверху до низу, демократизація государственнаго строя, осуществляющая самодержавіе народа и полноту гражданскихъ свободъ индивидуума; коренная ломка аграрныхъ отношеній, наносящая смертельный ударъ кабальнымъ порядкамъ и «первенствующему сословію»; революціонно-демократическое рѣшеніе «національныхъ вопросовъ»,—по этой линіи будетъ

направлять общественное преобразование сознательный пролетариатъ. И на этомъ пути онъ смететъ, какъ бутафорскую ветошь, жалкія постройки «своевременныхъ компромиссовъ».

Л. Мартювъ.

Земская дерзость и пролетарская безтактность.

(15 декабря 1904 года, № 80).

То, что такъ страстно призывали «Моск. Вѣд.», наконецъ, свершилось. «Съ высоты престола» достаточно внятно сказано «довольно» расхолодившемуся либеральному «обществу». Резолюція на докладѣ о Черниговской земской челобитной объявляетъ домогательства земцевъ «дерзкими и безтактными», и она, по своему, права, если принять во вниманіе, что либеральная оппозиція, приглашая самодержавіе самоупрадниться, ничѣмъ не грозитъ ему въ случаѣ его отказа. Не подкрѣпленныя просьбы естественно производятъ впечатлѣніе «неслышанной дерзости». Такимъ подкрѣпленіемъ могъ бы быть отказъ отъ соучастія въ расходѣ общественныхъ денегъ на веденіе войны, какъ и вообще отказъ отъ выдачи денегъ правительству, какъ общая стачка земскихъ органовъ самоуправления. Еслибъ бюрократія думала, что земская оппозиція стоитъ наканунѣ такихъ дѣйствій, она не пускалась бы на такія шутки. Но нѣсколькихъ явныхъ признаковъ безхарактерности буржуазной оппозиціи было достаточно для того, чтобы бюрократія сообразила, что, по существу дѣла, она имѣетъ передъ собой, въ лицѣ земцевъ, челобитчиковъ, а не людей, властно требующихъ и готовыхъ постоять за свои требованія. Она приказала городскимъ гласнымъ Саратова и Петербурга не обсуждать вопроса о реформѣ,—и они повиновались, не рѣшились выйти изъ предѣловъ полицейской «легальности», не собрались вопреки запрещенію, не пошла на явное его нарушение. Это обстоятельство показало, что либеральная оппозиція пошла въ атаку, не рѣшивъ заранее не отдавать безъ боя разъ уступленныхъ ей позицій. Ей дали нѣкоторый просторъ для печати—она не протестовала, когда, въ нака-

заніе за ея «злоупотребленія», ее вернули въ «первобытное состояніе». Ей позволяли собираться—но она разошлась, когда позволеніе было взято назадъ. Рѣшительности и радикализму рѣчей не соответствовала революціонность поступковъ. И самодержавное правительство константировало, что выступать съ заявленіями, не имѣя твердой воли заставить себя выслушать, значить совершать «дерзость» и «безтактность».

Отвѣтъ Черниговскому земству заканчивается собой «весну» въ правительственныхъ сферахъ. Закрытіе «Сына Отечества», запрещеніе обсуждать въ земскихъ собраніяхъ «общегосударственные вопросы», варварскія избиенія демонстрантовъ на улицахъ Петербурга и Москвы—все это показываетъ, что бюрократія собралась съ силами и готовится къ новой рѣшительной схваткѣ съ внутренними врагами. Но рядомъ съ голой репрессіей, она собирается еще пустить въ ходъ новый приемъ «зубатовской политики»—по крайней мѣрѣ, за эту зубатовскую политику борется въ настоящее время Святополкъ съ Побѣдоносцевыми, Муравьевыми К°. Конституціонному движенію пытаются противопоставить вытасченную изъ либерально-народническаго архива идею сотрудничества «земщины» и самодержавія. По мѣрѣ того, какъ выяснилось растущее недовольство придворной партіи разиѣрами, которые приняло конституціонное движеніе, и по мѣрѣ того, какъ голоса революціонныхъ элементовъ все отчетливѣе стали слышаться въ хорѣ общественнаго протеста,—въ самомъ оппозиціонномъ лагерѣ все явственнѣе намѣчались признаки близкаго разложенія. Ключъ: «Учредительное Собраніе!» раздавшійся на многихъ митингахъ и поддержанный революціонной «улицей», не преминулъ вызвать самое жгучее безпокойство на правомъ флангѣ «общества». И, вмѣстѣ съ поворотомъ Святополка въ сторону усиленныхъ репрессій, въ печати начинается походъ противъ конституціоналистовъ—подъ знаменемъ новой «земской реформы». Созданіе совѣщательнаго «центрального земства» или приглашеніе земскихъ людей въ (совѣщательный) Государственный Совѣтъ—такова приманка, которую шарлатаны «Нов. Врем.» выбрасываютъ оппозиціонной буржуазіи, въ противозѣсъ «правовому порядку». Около «верху» въ настоящее время ведется борьба между слѣпыми доктринерами реакціи и сторонниками этого плана «прирученія» буржуазной оппозиціи.

Если реакціи будетъ нанесенъ въ ближайшемъ будущемъ еще одинъ сильный ударъ, то, несомнѣнно, духъ Зубатова окажется побѣдителемъ надъ духомъ Плеве, и «центральное земство», въ томъ или другомъ видѣ, будетъ пожаловано. Если земцы не пожелають отречься отъ программы, выработанной на ноябрьскомъ съѣздѣ, они должны

будутъ отвѣтить категорическимъ отказомъ принять участіе въ этой политической комедіи. Пойдутъ ли они на такое революціонное дѣйствіе или предпочтутъ оппортунистическую тактику сдѣлокъ,—это будетъ всего менѣе, конечно, зависеть отъ ихъ собственной политической проницательности. Важную роль сыграетъ давленіе общественной среды, не послѣднюю, въ томъ числѣ, давленіе демократической интеллигенціи. Но демократическая интеллигенція, сама по себѣ, представляетъ весьма невнушательную силу, и она „должна будетъ въ этомъ убѣдиться, какъ только ея союзъ съ земскою буржуазіей станетъ стѣнителемъ для послѣдней. Чтобы ея вліяніе на земство могло укрѣпляться въ моментъ, когда съ земствомъ заигрываютъ сирава, для этого надо, чтобы на лицо было сильное революціонное движеніе слѣва, со стороны народныхъ массъ. Только примыкая къ сознательнымъ народнымъ массамъ, демократическая интеллигенція можетъ сама противостоять напору «земскаго благоразумія». А это значитъ, что удача или неудача новаго зубатовскаго эксперимента будетъ не въ послѣдней степени зависеть отъ отношенія демократіи къ революціонному выступленію пролетаріата. Для того, чтобы земскій либерализмъ не могъ нѣмѣнить конституціоналистской демократіи, надо, чтобы эта послѣдняя не нѣмѣняла пролетаріату.

Объ этомъ умѣстно напомнить теперь, когда наши демократы дали намъ нѣкоторый матеріалъ для сужденія о томъ, насколько отчетливо понимаютъ они свои задачи. Въ рядѣ случаевъ, какъ извѣстно, сознательные русскіе пролетаріи вмѣшались въ манифестаціи либерально-демократическихъ слоевъ «общества», чтобы предложить взывающимъ о необходимости всеобщаго «единенія» конституціоналистамъ ту платформу, которая могла бы позволить народнымъ массамъ видѣть въ буржуазной оппозиціи хотя бы временнаго союзника. Какой же приѣмъ встрѣтили при этомъ пролетаріи? Въ Харьковѣ (въ Юридическомъ Обществѣ) ихъ ораторъ былъ встрѣченъ криками «долой» и т. д., и въ этихъ безчинствахъ принимали активное участіе не только «сторонники порядка»,—партизаны проф. Гредескула,—но и только что ополчавшіеся противъ этого самаго профессора радикалы, которые, однако, охотно пользовались поддержкой пролетаріевъ, когда проваливали телеграмму кн. Святополку. Когда имъ не удалось заставить замолчать социалдемократическаго оратора, они пытались поворно бѣжать съ открытаго имъ «народнаго митинга», и харьковскимъ рабочимъ пришлось по-просту затворить выходные двери, чтобы заставить гг. «демократовъ» выслушать свою резолюцію. Въ Одессѣ, на банкетѣ въ «Благородномъ собраніи», столь же враждебный приѣмъ встрѣтилъ

нашего товарища, когда онъ явился для формулировки желанія «тысячъ демонстрирующихъ на улицѣ пролетаріевъ». Позорные крики: «вонъ», «не надо» и т. д. дали понять представителю одесскихъ рабочихъ, что гг. демократы, ничего не имѣя противъ того, чтобы русскіе пролетаріи сражались на улицахъ съ полиціей, готовы прійти въ бѣшенство, когда они вторгаются въ тѣ святилища, гдѣ либералы и демократы формулируютъ для правительства и Европы «нужды населенія».

«Пусть всѣ элементы устраиваютъ свои собранія и демонстраціи, — говоритъ «Освобожденіе» (№ 61) по поводу харьковскихъ событій, но пусть одна демонстрація не мѣшаетъ другой. Необходимо, чтобы всѣ, кто чувствуетъ потребность въ живомъ общеніи на почвѣ современныхъ жгучихъ вопросовъ, устраивали свои собранія и такимъ образомъ фактически осуществляли право собраній. Такой способъ — болѣе правильный и болѣе революціонный, чѣмъ тотъ, къ которому прибѣгли харьковскіе демонстранты».

Слѣдовательно, пусть рабочіе устраиваютъ «свои собранія» подъ градомъ казацкихъ нагаекъ на составляющихъ общую собственность городскихъ улицахъ и предоставятъ имѣющей возможность легально собираться демократіи проводить ея собственыя собранія. Это — очень откровенно сказано, — до цинизма откровенно для человѣка, который только что передъ этимъ объяснилъ, что демонстранты-рабочіе явились въ юридическое общество «просто потому», что это общество могло устроить публичное собраніе, а они не могли (курс. нашъ) говорить передъ публикой, они вынуждены были (курс. нашъ) вторгнуться въ чужое собраніе». Кажется ясно? Но авторъ до такой степени огорченъ тѣмъ, что «демонстранты помѣшали членамъ юридического общества произвести ихъ собственную демонстрацію — голосованіе и отправку телеграммы мин. внутр. дѣлъ», что совершенно сбивается съ своей аргументаціи и задаетъ демонстрантамъ пустопорожній вопросъ: «какъ дѣйствовать, чтобы добиться свободы собраній?», на каковой вопросъ и отвѣчаетъ вышеуказанными словами, смыслъ которыхъ: дайте намъ собираться съ разрѣшенія властей, а для себя обходитесь безъ разрѣшенія. Но для харьковскихъ рабочихъ дѣло вовсе не шло о вопросѣ, какъ имъ добиться для себя права собраній. Ихъ занималъ другой вопросъ: какъ добиться для всей страны широкой демократической свободы? И для борьбы за эту свободу они сочли нужнымъ явиться въ чужое для нихъ собраніе, чтобы попытаться увлечь его за собой на болѣе революціонный путь, чтобы предложить его членамъ присоединиться къ пролетарской

революціонной демонстраціи, чтобы предложить им оставить, как второстепенный, вопрос о Святополкѣ, и требовать, вмѣстѣ съ рабочими, созыва Учредительнаго Собранія. И, въ виду такой цѣли, величайшей наглостью и іезуитизмомъ отдають слова «Освобожденія»: «тѣ, кто негодуеть на то, что правительство нарушаетъ права ученыхъ обществъ и свободу ихъ сужденій, не должны сами,—хотя бы съ самыми благими наміреніями,—поступать подобнымъ же образомъ». Обвинять въ «свободномъ» органѣ сознательныхъ пролетаріевъ въ посягательствѣ на свободу и права гражданъ и ошуждствовать ихъ поведеніе съ поведеніемъ полиціи, значить вторить «Гражданину», который тоже, вѣдь, увѣряетъ, что сторонники свободы отнимають свободу слова у всѣхъ несогласно-мыслящихъ ¹⁾).

Русскіе пролетаріи ни на минуту не будутъ сбиты съ толку гнилыми разсужденіями демократическаго органа, поставившаго себѣ цѣлью придавать «благовидный характеръ навѣянному самыми заскорузлыми предразсудками и самой обывательской трусостью негодованію радикальной интеллигенціи на попытки пролетаріата принять участіе въ манифестаціяхъ противъ деспотизма. Они только посмѣются, когда прочтуть далѣе въ статьѣ «Освобожденія» слѣдующія слова по поводу предстоящихъ земскихъ собраній:

„Попытки... обращеній къ земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ будутъ несомнѣнно имѣть крупное политическое значеніе. Въ такомъ смыслѣ будутъ и уже начали дѣйствовать между прочимъ и революціонныя организаціи. Ихъ попытки прійти въ соприкосновеніе съ общественными собраніями будутъ имѣть, однако, положительное политическое значеніе лишь при условіи полного соблюденія правъ и

¹⁾ Въ примѣчаніи авторъ цитируетъ корреспонденцію „Искры“, которая признаетъ, что демонстрація въ Харьковѣ была „организована весьма неудачно“, и пользуется этимъ признаніемъ, чтобы противопоставить его словамъ передовой статьи въ „Искрѣ“, гдѣ сказано, что эта демонстрація „показываетъ, въ какомъ направленіи намъ слѣдуетъ дѣйствовать“. Очевидно, почтеннѣйшій авторъ, что направленіе, въ которомъ намъ слѣдуетъ дѣйствовать, есть именно то направленіе, которое вы осуждаете, какъ „посягательство на свободу ученыхъ обществъ“, и что, дѣйствуя въ этомъ направленіи, социалдемократы могутъ въ тоже время, при лучшей организованности, совладать съ тѣмъ „несвоевременнымъ безпорядкомъ“, о которомъ говоритъ нашъ корреспондентъ и который привелъ къ тому, что собраніе было „просто сорвано“. Этотъ безпорядокъ и шумъ объясняются прежде всего и больше всего политической невоспитанностью „массовой“ интеллигентской публики (въ томъ числѣ и членовъ самаго Общества), съ которою не удалось справиться организованному отряду харьковскихъ пролетаріевъ.

свободы суждений этих собраний». Интересно было бы знать, входят ли въ число «правъ» общественныхъ собраний «право» подчиняться министерскому запрещенію говорить объ «общегосударственныхъ вопросахъ», «право» пускать (какъ сдѣлалъ предсѣд. Тамб. губ. собр.) публичку «по билетамъ», «право» засѣдать подъ охраной полиціи, «право» «представителей населенія» не желать слушать являющихся къ нимъ «демонстрантовъ»? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы увидѣть всю неаппетитность разговоровъ о «свободѣ суждений», соблюдать которую должны пролетаріи. Одно изъ двухъ: либо общественныя собранія хотятъ имѣть дѣйствительную свободу суждений, въ которой имъ отказываетъ правительство, и тогда они заинтересованы въ томъ, чтобы стать подъ охрану населенія. Либо они пуще огня боятся этого населенія, и тогда они заранѣе отказываются отъ всякой «свободы суждений», дабы сохранить за собою святое «право»—бормотать въ предѣлахъ, дозволенныхъ начальствомъ.

«Передъ могущественнымъ народнымъ возстаніемъ», говорятъ «Освобожденіе», конечно, должны были бы смолкнуть и ступеваются существующія общественныя собранія и учрежденія, но демонстраціи тѣхъ силъ, которыми располагаютъ въ настоящее время русскіе революціонеры, легко могутъ, принявъ извѣстное направленіе, разстроить земскія собранія, стать же на мѣсто ихъ и вмѣсто нихъ говорить съ правительствомъ, дѣйствуя, какъ народъ, они, конечно, не могутъ» (курс, нашъ).

Въ этихъ строкахъ вопросъ поставленъ совершенно правильно и демократамъ слѣдуетъ задуматься надъ заключающеюся въ немъ дилеммой. Кто будетъ «говорить съ правительствомъ», «какъ народъ»—земская ли буржуазія или самъ народъ? Тотъ, кто уже убѣдился въ томъ, что для земской буржуазіи роль представителя грядущей революціи не по силамъ, будетъ только привѣтствовать попытки самого народа формулировать свои нужды. Тотъ, кто въ этомъ убѣдился, легко увидать въ этихъ попыткахъ начало «могущественнаго народного возстанія», передъ которымъ должны ступеваться слабыя организаціи инициальныхъ классовъ. И только тотъ «демократъ», который еще не рѣшилъ для себя самого, съ кѣмъ намѣренъ онъ идти въ ногу: съ «любящей» ли земской оппозиціей или съ революционнымъ народомъ? только тотъ удовлетворится двусмысленными разсужденіями «Освобожденія».

Рѣшить этотъ вопросъ необходимо всѣмъ демократамъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ рельефнѣе становится перспектива той сдѣлки, которую правительство Святополка желало бы предложить земской оппозиціи. Дѣй-

ствительные демократы и решительные конституционалисты заинтересованы в томъ, чтобы эта сдѣлка, имѣющая своей цѣлью разстроить ряды ихъ арміи, не удалась. Но она будетъ разбита тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ скорѣе должны будутъ «смокнуть и ступешаться» передъ требованіями народа сомнительные элементы земскаго либерализма. И плохую услугу дѣлу демократіи и конституціоннаго движенія окажутъ тѣ, кто, распарываясь передъ «могущественнымъ народнымъ возстаніемъ», скрупулезно подсчитываютъ силы, которыми «располагаютъ русскіе революціонеры»—на близорукій глазъ.

«Всеобщей мобилизаціи» «могущественнаго народнаго возстанія» естественно предшествуютъ «частныя мобилизаціи» передовыхъ пролетарскихъ отрядовъ. Кто не умѣетъ оцѣнить политическаго значенія выступленія этихъ отрядовъ, тотъ будетъ застигнутъ врасплохъ и началомъ дѣйствительнаго возстанія. И нѣтъ для демократіи другого способа содѣйствовать скорому наступленію этого начала, какъ поддерживая революціонныя попытки передовыхъ пролетаріевъ.

Съ помощью буржуазной демократіи или противъ нея, сознательный пролетарій долженъ дѣлать свое революціонное дѣло и нести во всѣ «общественныя собранія и учрежденія» свои политическія требованія, передъ которыми, какъ передъ требованіями народа, должны «смокнуть и ступешаться» узкіе корпоративные интересы маленькыхъ группъ оппозиціонной буржуазіи, идущіе въ разрѣзъ съ интересами освободительнаго движенія въ цѣломъ.

Пролетаріатъ долженъ выступать достаточно «безтактно»—въ смыслѣ Петра Струве—для того, чтобы земскія требованія конституціи перестали казаться «дерзкими».

Л. Мартковъ.

Итоги правительственной весны.

(23 декабря 1904 г., № 81).

«Манифеста» ждали долго, и услужливая молва широко разносила шагъ за шагомъ всѣ перипетіи того скорбнаго пути, который проходили «благія начинанія». Сначала говорили, что «вырабатывается конституція»; потомъ—что Государственный Совѣтъ будетъ пополненъ членами выбранными земствами, наконецъ—я это была крайняя мѣра полити-

ческаго разума, какую обывательская мысль еще предполагала у самодержавнаго правительства—что будутъ «назначены» новые члены въ Государственный Совѣтъ изъ числа «простыхъ» смертныхъ.

Но какъ «режимъ» всегда оказывалось и оказывается еще реакціоннѣе и ослѣпленнѣе, чѣмъ предполагаетъ самый пессимистическій обыватель. Въ ту минуту, когда исторія уже начинаетъ вырывать изъ подъ ногъ російскаго абсолютизма всё «основы», на которыхъ онъ еще кое-какъ держался, онъ прежде всего заявляетъ о своемъ желаніи «непремѣнно» сохранить «незыблемость основныхъ законовъ имперіи!»

Мы не станемъ теперь останавливаться на разборѣ тѣхъ «реформъ», которыя обобщаетъ указъ. Какъ ни туманно выражены очертанія этихъ «реформъ» въ указѣ, какъ заботливо онъ ни старается сохранить въ «принципѣ» всё прерогативы деспотизма—до положенія объ усиленной охранѣ включительно,—но достаточно ему попробовать хоть на шагъ двинуться въ сторону тѣхъ «предначертаній», которыми съ трогательною наивностью пытается правительство положить преграду напору революціи, достаточно хоть на пядь подвинуться въ сторону правового раскрѣпощенія крестьянъ, установленія независимаго суда, самостоятельности мѣстнаго самоуправленія и пр. и пр., чтобы все зданіе абсолютизма рухнуло, какъ карточный домикъ. Совершенно очевидно, что ни одной изъ этихъ «реформъ» не суждено быть осуществленной самодержавіемъ. И для современнаго настроенія умовъ, быть можетъ, наиболѣе характерно то преврѣніе, съ которымъ даже нѣкоторыя легальныя газеты проходятъ мимо правительственнаго реформаторства, не удостаивая ни единымъ словомъ всё тѣ великія и богатыя милости, которыя сулятся «отечеству» и которыя еще такъ недавно заставляли бы радостно забыться многія либеральныя сердца.

Событія послѣдняго времени, видно, не совсѣмъ даромъ прошли даже для самыхъ расположенныхъ къ маниловщинѣ лицъ.

Мы не будемъ сейчасъ доискиваться точнаго смысла и значенія той кучи «преобразованій», которымъ суждено отцвѣсть, не расплѣтши въ пасмурномъ климатѣ самодержавной Россіи. Но стоитъ подчеркнуть, какъ, безсильное во всѣхъ своихъ реформаторскихъ потугахъ, самодержавное правительство становится совершенно безплоднымъ, лишь только задумаетъ налить свои благодѣянія на самый прогрессивный классъ нашего времени—на пролетаріатъ. Въ рабочемъ классѣ концентрируется максимумъ революціонной энергіи и рабочій же классъ стоитъ, какъ самый ярый врагъ, передъ абсолютизмомъ. Казалось бы, всё основанія для противника попытаться успокоить этотъ бурный элементъ максимумъ возможныхъ для абсолютизма «уступокъ». Но этотъ «максимумъ»

такъ минималенъ, что даже тѣхъ «льготъ», которыя сулились пролетариату въ блаженную эпоху зубатовщины, «режимъ» обіщать уже не можетъ. И рожденный въ долгихъ мукахъ указъ 12 декабря ничего не предлагаетъ рабочимъ больше «государственнаго страхованія», то есть не того, что требуетъ пролетариатъ, имѣющій всѣ основанія не довѣрять страховымъ операціямъ полицейскихъ держимордъ и патентованныхъ казнокрадцовъ, а того, что требуютъ фабриканты и заводчики, чувствующие извѣстныя неудобства отъ закона о вознагражденіи за увѣчья и желающие свалить съ себя на плечи самихъ рабочихъ и плательщиковъ налоговъ тягости «страхованія». Общія рабочимъ только такую «льготу», абсолютизмъ тѣмъ самымъ откровенно признаетъ, что онъ уже и самъ не мечтаетъ о возможности «примиренія» своего съ пролетариатомъ. И министерскій лакей Суворикъ откровенно поясняетъ въ своей статьѣ объ указѣ, что «административные ссыльные, революціонеры и массы фабричныхъ рабочихъ» во всякомъ случаѣ не принадлежатъ къ той «благomyслящей части общества», на сочувствіе которой можетъ рассчитывать существующій режимъ.

Правительственныя «реформы»! Правительство позаботилось обставить возвышеніе ихъ такъ, чтобы и самому слѣпому обывателю подчеркнуть тщету цюваній на абсолютизмъ. Рядъ предостереженій и пріостановокъ газетъ, разносъ «дерзкихъ и безтактныхъ» земствъ, безпримѣрное по своей циничной наглости и жестокости избіеніе демонстрантовъ—вотъ каковъ былъ канунъ „предначертаній“, обіщающихъ русскому народу «разумную» свободу печати, «самостоятельность» и „независимость“ земствъ, охрану „неприкосновенности“ личности! А появившійся на слѣдующій же день постѣ указа наглый окрикъ «правительственнаго сообщенія» показалъ съ достаточной степенью вразумительности ту обстановку, въ которой предполагается проводить правительственныя «реформы», и тѣ мѣры, которыми правительство думаетъ обезпечить себѣ «сочувствіе». Указъ требуетъ «сочувствія благomyслящей части общества». Сообщеніе откровенно поясняетъ, что земства и думы, и общества, и собранія, и молодежь, и печать, и частныя лица и дѣятели мѣстнаго самоуправленія, и даже «лица, состоящіе на государственной службѣ»—все это относится къ разряду „неблагomyслящихъ“. Усваивая себѣ всю программу «Московскихъ Вѣдомостей» по части искоренія «вольнаго духа», правительство грозитъ расправой всей Россіи. Вся Россія „ослѣплена обманчивыми призраками“, только шайка придворныхъ бандитовъ знаетъ, чего требуютъ „насущныя нужды народныя!“ И инсинуируя насчетъ «пользы» враговъ, правительство тѣмъ самымъ открыто пытается натравить на дѣя-

телей освободительнаго движенія „народъ“, которому будто-бы „чуждо движеніе противъ существующаго порядка управленія“. Мы знаемъ, гдѣ будетъ искать этотъ «народъ» правительство: вчерашніе громили кишиневскихъ евреевъ еще разъ могутъ сослужить службу дѣлу отставанія «священныхъ завѣтовъ». А въ Тамбовѣ уже двинута въ походъ противъ «неблагомыслящихъ» шайка хулигановъ. Какъ ни чудовищенъ на первый взглядъ тамбовскій инцидентъ, но, въ сущности, можно было предвидѣть, что правительство такъ же мало остановится передъ тѣмъ, чтобы натравить подкупленную чернь на православное «неблагомысліе», какъ не остановилось оно передъ натравливаніемъ ея на «неблагомысліе» еврейское. Совѣты Грингутовъ, душегубскіе проекты Павловыхъ и Кузьминныхъ, «вандейскія» предложенія Нилусовъ встрѣтили въ высшихъ сферахъ то «довѣріе», которое обѣщано было «голосу общества». И послѣднее правительственное сообщеніе есть не только угроза административными и судебными карами, и онъ прямое поощреніе къ расправѣ съ «врагами». Изъ каждой строчки его звучитъ призывъ: «бей либераловъ и социалистовъ», призывъ такъ сходный по своему истинному смыслу съ столь недавнимъ: «бей жидовъ». Подонки образованнаго общества, въ лицѣ харьковскаго отдѣла „Русскаго Собранія“, въ своей „всеподданнѣйшей челобитной“, уже предлагавтъ свои услуги—«стать во главѣ общерусскаго всесословнаго движенія, отоставшающаго первенствующее положеніе православія и неприкосновенность самодержавія», и грозятъ «однимъ мощнымъ потокомъ смыть плѣсень нашей общественной жизни». Этими пресмыкающимися плѣсенью кажется все, что растеть выше уровня того самодержавнаго болота, въ тинѣ котораго они такъ привольно сбрахтаются.

Такъ мобилизуетъ свои силы правительство для предстоящей гражданской войны. Съ кишиневскими регалиями въ одной рукѣ и лоскуткомъ бумаги, на которой блѣдными чернилами нацарапаны проекты «реформы»—въ другой, выстунаетъ оно въ походъ на защиту «незыблемыхъ основъ».

Во имя «реформъ» самодержавное правительство уже не можетъ собрать вокругъ себя внушительной силы; ни одинъ жизнеспособный классъ уже не можетъ, не отказываясь отъ насущныхъ интересовъ своихъ, стать подъ знамя абсолютизма. Но во имя «Кишинева», подъ «священный стягъ» могутъ собраться, наряду съ отбросами общества и народа, всѣ отмирающіе и жадно дѣпляющіеся за жизнь слои. И на это воинство будетъ возложена миссія—«охранять священные завѣты предковъ».

Можно заранѣе предвидѣть, что «предначертанія» указа 12 декабря не составляютъ крайняго предѣла тѣхъ реформаторскихъ проектовъ,

съ которыми попытается еще выступить прижатое къ стѣнѣ правительство. Нѣтъ ничего невозможнаго ни въ томъ, что Комитетъ Министровъ, на который возложено проведение „реформъ“ въ жизнь, подниметь вопросъ о привлеченіи къ своимъ «работамъ» въ той или иной формѣ «дѣятелей, общественнымъ довѣріемъ облеченныхъ», ни даже въ томъ, что будутъ предложены тѣ или иные «либеральныя» преобразованія Государственнаго Совѣта. И если указъ врядъ ли соблазнитъ кого либо изъ малыхъ сихъ, тающихъ въ глубинѣ сердца славянофильскія мечтанія объ «единеніи царя съ народомъ», то труднѣе поручиться за стойкость «умѣренныхъ», когда правительство будетъ предлагать «обществу» призрачное участіе въ законодательствѣ, хотя бы это участіе было ничѣмъ инымъ, какъ помощью въ дѣлѣ «укрывательства слѣдовъ преступленія».

И на сей возможный случай нельзя не порадоваться, что при первомъ же шагѣ къ реформамъ «правительство такъ ясно» оскаливаетъ свои волчьи зубы и замахивается надъ всѣми «неблагомыслящими» полицейскою нагайкой. Въ эпоху «весенняго» ослѣпленія слишкомъ много лицъ, солидныхъ отцовъ и юркихъ дѣтей, связало себя такъ или иначе съ дѣломъ освобожденія Россіи. Слишкомъ много людей публично, своей подписью, засвидѣтельствовало свою «неблагонадежность и громко требовало уничтоженія самодержавія. Конечно, на политическую доблесть и стойкость огромной вереницы прошедшихъ передъ нами за послѣднее время отечественныхъ Мирабо возлагать большихъ надеждъ нельзя. Но, если не политическій разумъ и не гражданскія добродѣтели, то чувство личнаго самосохраненія должно внушить всему этому люду понимание необходимости не поддаваться на приманку пряника сомнительной сладости, предлагаемаго абсолютизмомъ. Привѣтливое киванье указа дополняется такими угрожающими жестами правительственнаго общенія, что безъ особой остроты разума любому Мирабо легко сообразить, какіе скорпионы ждутъ его, если абсолютизмъ выйдетъ побѣдителемъ изъ возгорѣвшей борьбы. Эта борьба зашла слишкомъ далеко, чтобы можно было ждать немедленной измѣны сколько-нибудь широкаго круга лицъ въ вопросѣ о томъ, „быть или не быть“ самодержавію.

Но та гражданская война, которую, съ беззащитностью испытаннаго авантюриста, провоцируетъ правительство, должна заставить широкіе круги либерально-демократическаго общества не остановиться въ самомъ началѣ этого пути. Исторія австрійской контръ-революціи, исторія муравьевскаго крестоваго похода въ Польшу показываетъ, куда пойдетъ затравленное правительство. Сегодня, по его почину,

гамбовскіе хулиганы избиваютъ земцевъ, завтра оно будетъ натравлять крестьянина на помѣщика, сѣраго рабочаго — на либеральнаго фабриканта, и въ этой гражданской войнѣ оно не остановится передъ эксплуатаціей всѣхъ тѣхъ иллюзіи, которыя въ первобытно-наивной формѣ, сливаясь съ архаическими идеалами варварской эпохи—православіемъ и самодержавіемъ, смутно бродятъ въ непросвѣтленной свѣтомъ политическаго сознанія душъ народныхъ низовъ. Отклоняя мысль народа отъ политическаго переворота и, ради этой цѣли, разжигая всѣ грубые инстинкты и страсти, эта гражданская война залетѣтъ пожаромъ и кровью деревни и города. Всероссійскій Клипкинъ — вотъ что сулитъ Россіи самодержавное правительство. А когда напуганные «высшіе» классы покорно припадутъ къ стопамъ его, тогда придетъ чередъ народу кровью расплачиваться за разбивающіяся о суровую дѣйствительность иллюзіи, и освященный демагогическимъ крещеніемъ абсолютизмъ вознесется надъ побѣжденной Россіей.

Все это будетъ, если удадутся планы сторонниковъ стараго «режима». Или, вѣрнѣе, все это могло бы быть, если бы эти планы могли удасться. Но они не могутъ удасться, потому что, въ лицѣ сознательнаго пролетариата, выступаетъ на сцену исторической драмы тотъ народъ, которому чужды утопіи и иллюзіи, который не можетъ пойти на удочку роялистскихъ демагоговъ, который знаетъ, что только черезъ развалы абсолютизма онъ можетъ выйти на путь борьбы за социальное освобожденіе. И эту твердую, увѣренную поступь въ борьбѣ могъ дать пролетариату только ростъ его классоваго сознанія, только его классовая организація. Въ той мѣрѣ, въ какой социалдемократія удасться стать во главѣ освободительнаго движенія и подчинить своему вліянію всѣ освободительныя силы, ровно въ той мѣрѣ становятся неосуществимыми кровожадные замыслы разбойниковъ роялизма, и тѣ попытки разжиганія гражданской войны, къ которымъ они прибѣгнутъ вадутъ на ихъ же голову.

Гражданская война подъ знаменемъ демагога и во имя цезаристскаго возрожденія абсолютизма, или демократическая революція — на этомъ распутьи стоитъ теперь страна.

Рабочій классъ не заставитъ себя долго ждать; чуткое ухо слышитъ приближающійся мѣрный шагъ рабочей арміи, идущей на беспощадный бой съ абсолютизмомъ. Правительство тоже напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы отстоять свои позиціи, и безъ боя не сдастся. А посреди этихъ двухъ непримиримыхъ силъ мечется до сихъ поръ въ нерѣшительности либерально-демократическое общество. Чѣмъ ближе часъ грозной битвы, тѣмъ настоятельнѣе для русской демократіи приим-

нуть опредѣленно къ той или другой сторонѣ. Самостоятельная роль либерализма, съ его легальными методами дѣйствія, сыграна. Онъ высказалъ все, что могъ сказать, и послѣдній политическій шагъ его земской организаціи можетъ, какъ это показали примѣры Московскаго, Смоленскаго и Черниговскаго земствъ, состоять лишь въ самоуправденіи. Надвигающаяся реакція съ ея безпощадною местию съ одной стороны, надвигающаяся революція съ ея «крайними» демократическими лозунгами съ другой, какъ два жернова, перемалываютъ промежуточныя формы общественнаго движенія. За гражданскую войну, организованную абсолютизмомъ, со всѣмъ ея варварствомъ и со всѣми ея реакционными результатами, или за революцію, стремящуюся воплотить въ жизнь наиболѣе совершенныя формы государственной демократіи—вотъ вопросъ, который надо рѣшить. Отказъ отъ всѣхъ политическихъ правъ въ пользу деспотизма, или отказъ отъ политическихъ привилегій въ пользу народа—вотъ между чѣмъ надо выбирать.

Приспокоенный сознанія величія своей исторической миссіи, можетъ смотрѣть рабочий классъ въ лицо грядущимъ событіямъ. Несокрушимый оплотъ прогресса и культуры, онъ воздвигнетъ утѣсь, о который разобьются волны реакціи. Насилію роялистскихъ громилъ онъ противопоставитъ силу борцовъ революціи, демагогическимъ натравливаніямъ—свѣтъ классоваго сознанія. И каждая капля той крови, которая прольется во имя революціи, будетъ живительной росой для ростковъ народной свободы. Теперь, когда правительственный отвѣтъ на конституціонное движеніе бросилъ лучъ свѣта на перспективы будущаго, теперь пролетаріатъ съ полнымъ правомъ можетъ сказать, обращаясь ко всѣмъ, кто хочетъ свободы: пора бросить всякую двусмысленность, пора открыто и безповоротно признать демократическіе лозунги народа! Всякое колебаніе, всякая попытка уклониться отъ послѣдовательнаго демократизма можетъ только облегчить замыслы абсолютистскихъ демагоговъ, отдать имъ всю страну на «потокъ и разграбленіе». Кто хочетъ послѣдовательной борьбы съ деспотизмомъ, тотъ уже не можетъ не быть за демократическія требованія народа.

Ф. Данъ.

Массовая стачка въ Баку.

(23 декабря 1904 года, № 81).

Газеты сообщили важное извѣстіе о начавшейся въ Баку и его районѣ стачкѣ рабочихъ нефтяныхъ промысловъ. По имѣющимся у насъ даннымъ, стачка охватила всѣ промыслы и превратилась во «всеобщую забастовку». Газеты не выходятъ, трамвайное сообщеніе прервано.

То, что намъ извѣстно о настроеніи умовъ въ Баку, позволяетъ думать, что такой оборотъ событій не является случайнымъ. Уже давно бакинскій пролетаріатъ порывается снова прибѣгнуть къ испытанному въ 1903 году средству рѣшительнаго воздѣйствія на своихъ враговъ. Онъ пытался сдѣлать это въ майскіе дни истекающаго года, но безуспѣшно. Броженіе, вызванное войной и усиленное «весенними» событиями, укрѣпило это стремленіе. Образовавшаяся недавно организація «бадаханскихъ и биби-ѣбатовскихъ рабочихъ» (отдѣлявшаяся отъ партійнаго комитета—надо надѣяться, не надолго—въ силу очень обострившихся организаціонныхъ разногласій) начала свою агитаціонную дѣятельность горячимъ призывомъ готовится ко «всеобщей забастовкѣ», какъ средству, которымъ пролетаріатъ положить конецъ преступной войнѣ. На это же средство указывала недавно изданная прокламація той же партійной организаціей, выпущенная ею по поводу «весенняго» разгула либераловъ: прокламація призывала рабочихъ своимъ давленіемъ— въ формѣ всеобщей стачки— исторгнуть отъ правительства удовлетвореніе народныхъ требованій. Мѣстный комитетъ принималъ живое участіе въ руководствѣ начавшимся движеніемъ.

Стачка вспыхнула 13 декабря, на другой день послѣ того, какъ былъ подписанъ «указъ» о невыблемости самодержавія. Она вспыхнула словно нарочно для того, чтобы показать абсолютизму и его либеральному противнику, что ведущійся между ними поединокъ совершается на почвѣ, которую въ каждый мигъ могутъ потрясти вулканическія ослы классовой борьбы пролетаріата. Она произошла какъ будто нарочно для того, чтобы подчеркнуть логическій выводъ, объективно слѣдующій изъ создававшагося, съ окончаніемъ «весны», политическаго положенія. Этотъ выводъ гласитъ: переговоры бюрократизма съ «обществомъ» кончились, время заговорить народу!

Каковы бы ни были дальнейшія перипетіи новой бакинской забастовки, она, при настоящих условіяхъ, обязательно приметъ, въ большей или меньшей степени, характеръ политическаго протеста. А если насъ не обманываетъ наше пониманіе царящаго въ широкихъ кругахъ пролетаріата настроенія, эта стачка—каковъ бы ни былъ ея ходъ и исходъ—сыграетъ значительную агитаціонную роль и дастъ, на ряду съ недавними демонстраціями въ Одессѣ, Харьковѣ и другихъ городахъ, сильный толчокъ переходу потенциальной революціонной энергіи, накопленной въ пролетарскихъ массахъ, въ энергію активную.

Мы привѣтствуемъ, поэтому, смѣлый починъ бакинскихъ пролетаріевъ снова испробовать дѣйствіе уже испытаннаго одважды боевого средства. Мы призываемъ всѣхъ товарищей внимательно слѣдить за событіями въ Баку, популяризировать ихъ въ массахъ и дѣлать надлежащіе выводы для близкаго будущаго. Переживаемое время требуетъ отъ російскаго пролетаріата высшей революціонной активности. Наша постоянная агитаціонная и организаціонная работа все ближе и ближе подводитъ насъ къ тому моменту, когда широкія пролетарскія массы ощутятъ живую потребность вступить въ рѣшительный бой со своимъ злѣйшимъ врагомъ. И въ этотъ моментъ только истинно-революціонная инициатива, только глубоко продуманная тактика позволять социалдемократической партіи [содѣйствовать тому, чтобы новый «стихийный» подъёмъ революціонной энергіи массъ превратился въ великій «девятый валъ».

Пролетаріатъ порывается сказать свое слово послѣ того, какъ либерально-демократическая буржуазія сказала все, что могла сказать. Это слово должно громко, какъ революціонный призывъ, раздаться на аренѣ нашей общественно-политической жизни, и организованный социалдемократіей пролетаріатъ, какъ самостоятельный и сознательный факторъ общественнаго преобразованія, наложить свое вліяніе на итогъ переживаемаго страной кризиса.

Въ странѣ, потрясенной до самыхъ глубинъ разыгрывающейся политической драмой; въ моментъ, когда всѣ жизнеспособные элементы всѣхъ классовъ готовы рукоплескать всякой формѣ политическаго протеста,—въ такой моментъ политическая массовая стачка можетъ съ успѣхомъ послужить въ рукахъ организованнаго пролетаріата тѣмъ рычагомъ, при посредствѣ котораго ояъ дастъ сильный толчокъ революціонному развитію событій. Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, «активную» стачку, не суживающую искусственно своего революціоннаго эффекта однимъ лишь экономическимъ давленіемъ прекращенія работъ,

но усиливающую этот эффект всеми видами открытого «уличного» протеста. Вот почему мы с надеждой смотрим на бакнинскую стачку.

Мы ограничиваемся здесь этими общими замечаниями, чтобы вернуться еще к данному вопросу, когда получатся более полные сведения о бакнинской стачке.

Л. Мартовъ.

Объ одной политической директивѣ.

(1 января 1905 г., № 82.)

Прошло уже довольно много времени с тѣхъ поръ, какъ Бундъ сдѣлалъ печальное открытіе, что въ области національнаго вопроса социалдемократическая мысль дала «несомѣнно меньше, чѣмъ въ какихъ бы то ни было другихъ крупныхъ политическихъ вопросахъ», и что специфическіе интересы пролетаріата угнетенныхъ національностей порождаютъ специфическія требованія, которыхъ, по непростительному упущенію, не имѣется ни въ одной социалдемократической программѣ. Однако, до настоящаго времени всѣ попытки Бунда пополнить столь важный пробѣлъ политическихъ воззрѣній международной социалдемократіи всецѣло исчерпывались однимъ «специфическимъ» требованіемъ—признанія всеобщаго еврейскаго рабочаго союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи единственнымъ представителемъ еврейскаго пролетаріата. Но это требованіе, при всей его опредѣленности, справедливо возбуждало нѣкоторое недоумѣніе и, во всякомъ случаѣ, не могло считаться сколько-нибудь цѣннымъ вкладомъ въ идейную сокровищницу интернациональной социалдемократіи.

Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, Бунду удалось найти яко бы самостоятельное политическое требованіе програмимаго характера. Это — требованіе національнаго самоуправленія¹⁾. Подъ національнымъ самоуправленіемъ политическіе мыслители «Вѣстника Бунда» понимаютъ не самоуправленіе отдѣльныхъ областей съ иноплеменнымъ населеніемъ,

¹⁾ Вѣстникъ Бунда №№ 4-й и 5-й, „Социалдемократія и національный вопросъ“.

а самоуправленіе каждой націи, какъ суммы всѣхъ индивидуумовъ, принадлежащихъ къ данной культурно-исторической группѣ, независимо отъ ихъ районнаго разселенія».

Задачи національнаго самоуправленія формулируются, въ сожалѣнію, въ очень туманныхъ и расплывчатыхъ выраженіяхъ. Ему предназначается область культурныхъ функций государства: «народной школы и другихъ просвѣтительныхъ учреждений, вѣдающихъ дѣла языка и искусства». Нація, гласитъ новая теорія, «самоуправляется лишь въ той области вопросовъ, въ которой проявляется національная жизнь, какъ таковая, т. е. въ области культурныхъ вопросовъ». «Этимъ ограничивается ея компетенція. Для всѣхъ остальныхъ дѣлъ и функций «національный союзъ» становится какъ бы несуществующимъ, его члены фигурируютъ уже не въ роли представителей данной націи, а просто въ роли жителей той или иной административной единицы, избирателей въ тѣ или иные органы областного самоуправленія, гражданъ російскаго государства... Культурныя же задачи передаются въ вѣдѣніе «національно-автономныхъ учреждений», избираемыхъ для себя каждой націей «на демократическихъ началахъ путемъ всеобщаго избирательнаго права».

Такова сущность тѣхъ политическихъ требованій, которыми Бундъ, въ специальныхъ интересахъ пролетаріата угнетенныхъ національностей, считаетъ необходимымъ пополнить программы социалдемократическихъ партій, таковъ его отвѣтъ на національный вопросъ. Только «вѣстнаго рода идейная неопытность, продуктъ недостаточно тщательной очистки своихъ взглядовъ и симпатій отъ привнесеннаго въ нихъ буржуазнаго хлама», препятствовала до сихъ поръ творцамъ и борцамъ великаго классоваго движенія, развивающагося подъ знаменемъ научнаго социализма, найти это глубокое и ясное рѣшеніе! Къ счастью для интернаціональной социалдемократіи, новый проектъ національнаго самоуправленія представляетъ сплошное недоразумѣніе, вытекшее изъ полнаго непониманія его авторами государственно-правовыхъ отношеній современнаго капиталистическаго общества, о которомъ только и можетъ идти рѣчь въ программѣ минимумъ, и знаменуетъ не косность и буржуазность социалдемократической мысли, а плачевную теоретическую немощь «единственныхъ представителей еврейскаго пролетаріата».

Понятіе самоуправленія, съ которымъ такъ неосторожно обходится «Вѣстникъ Бунда», въ качествѣ политическаго принципа означаетъ не самостоятельное завѣдываніе различныхъ общественныхъ или національных союзовъ ихъ собственными дѣлами, а опредѣлен-

ную систему государственного управления, определенное устройство местной администрации. Оно имеет целью не выполнение той или другой отдельной государственной задачи, а совокупность всех государственных задач, поскольку они ограничиваются местностью. Как государственный институт, самоуправление обладает принудительной властью, правом установления налогов, правом местного законодательства. Таким образом, самоуправление отнюдь не характеризуется удовлетворением «собственных» — хозяйственных или культурных — нужд данной общественной группы; наоборот, оно превращает все государственные нужды в «собственные» нужды всего населения. В этом смысл, современное право и определяет самоуправление, как самостоятельное осуществление населением общих задач государственного управления. Только такое самоуправление, передающее функции государства в руки народа, является особым политическим требованием и должно занимать места в политических партийных программах.

Но такое самоуправление неизбежно строится на территориальной, а не национальной основе. Задачи государства по отношению ко всем гражданам, их взаимные права и обязанности в государственном целом едины и одинаковы. В целом ряде таких функций самоуправления, как охрана труда, благоустройство местности, улучшение жизненных условий и т. п., раздробление территориальных единиц на национальные группы явилось бы реакционной реставрацией средневековых правовых отношений. Слабое сознание этого мелькает и у авторов «национального самоуправления», когда они признают необходимость «всенационального» территориального самоуправления для удовлетворения нужд «территориального» характера, т. е. в сущности, всех нужд, общих населению данной местности без различия национальностей.

Но мимолетный проблеск сознания немедленно гаснет, как только рядом с общим самоуправлением они строят особый национальный механизм и возводят его в звание политического института, на введении которого должна настаивать социалдемократия. Здесь начинается безнадежная путаница. То самоуправление, которое должно видеть проявление национальной жизни в языке, науке, искусстве, литературе и т. п., вовсе не представляет политического понятия. По отношению к духовной культуре нации государство несет только одну обязанность — обеспечить ей возможность свободного существования и развития свободными политическими условиями. Если культурные запросы нации вызывают необходимость национальных союзов, то

образование ихъ, естественно, не можетъ встрѣтить никакихъ затрудненій въ демократическомъ государствѣ. Но ни одно государство не имѣетъ ни права, ни основанія создавать такіе союзы принудительно и облекать ихъ полномочіями органовъ государственной власти. Это—добровольныя соединенія гражданъ, обязательныя исключительно для участниковъ. Государственная власть не можетъ насильственнымъ путемъ заставить еврея оказывать содѣйствіе національному обществу изученія еврейской литературы или еврейской исторіи. Политическія программы, поскольку онѣ предвидятъ возникновеніе подобныкъ національных «учрежденій», могутъ требовать только общаго и широкаго права союзовъ, которое, какъ извѣстно, составляетъ обычное требованіе всякой демократической партіи. Требования же національнаго культурнаго самоуправленія нѣтъ ни въ одной программѣ, такъ какъ такое самоуправленіе является государственнымъ институтомъ. Государство не знаетъ «учрежденій, вѣдающихъ дѣла языка, науки и искусства», ¹⁾ и нельзя требовать, чтобы оно отказалось отъ того, чего не имѣетъ.

Нѣсколько иной характеръ носить требованіе обособленной національной школы, выставленное «Вѣстникомъ Бунда». Демократическое государство обязано дать всѣмъ гражданамъ равное образование и, поэтому, не имѣетъ права отказаться отъ участія въ школьномъ дѣлѣ. Однако, при наличности національныхъ школьныхъ союзовъ, вопросъ можетъ заключаться только въ томъ, чтобы урегулировать ихъ отношенія къ государству, а не въ томъ, чтобы лишить ихъ свободы преподаванія и обученія. И надо надѣяться, что демократія разрѣшитъ этотъ вопросъ безъ всякаго ущерба національнымъ правамъ и достоинству.

Такимъ образомъ, всякая демократическая программа обезпечитъ различнымъ національностямъ разноплеменнаго государства возможность національнаго самоуправленія, какъ его понимаетъ Бундъ, но его практическое осуществленіе не можетъ стать задачей какой-либо политической партіи и, слѣдовательно, задачей государства, такъ какъ такое самоуправленіе является добровольнымъ соглашеніемъ отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ къ извѣстной націи.

Другой вопросъ—насколько національное самоуправленіе, этотъ блокъ пролетаріата съ буржуазіей въ области якобы единыхъ культурныхъ цѣлей, можетъ быть оправдано съ точки зрѣнія социалдемократіи.

¹⁾ Быть можетъ, Бундъ разумѣетъ здѣсь академія наукъ и художествъ? Но неужели онъ серьезно думаетъ, что въ нихъ «сконцентрируется вся накопившаяся энергія воинствующаго націонализма»?

Старая догма, въ которой Бундъ, по примѣру прочихъ ревизионистовъ, пытается найти «наименѣе укрѣпленное мѣсто» для своей атаки, не видитъ ничего привлекательнаго въ такой комбинаціи, при которой на плечахъ пролетаріата даже въ демократическомъ государствѣ взымается, кромѣ обычнаго гнета всей буржуазіи, еще специальный гнетъ родной буржуазіи въ вопросахъ культурной жизни. Но этотъ вопросъ, какъ и многіе другіе, возникающіе въ связи съ проектомъ національнаго самоуправленія, потребовалъ бы особаго разсмотрѣнія.

Въ настоящей замѣткѣ, мы имѣли цѣлью только показать, что первое самостоятельное политическое требованіе, выпущенное «Вѣстникомъ Бунда», оказывается, на самомъ дѣлѣ, вовсе не политическимъ. Никакихъ специфическихъ требованій, основанныхъ на специфическихъ интересахъ еврейскаго пролетаріата, Бундъ не выставилъ. Положительные результаты его творческихъ усилій равны нулю. Попытка органически связать націоналистическія утопіи съ пролетарскими интересами окончилась, какъ и слѣдовало ожидать, блестящею неудачею. «Национальная социалдемократическая программа» свелась къ плохому и запутанному пересказу общаго демократическаго символа вѣры.

Этотъ жалкій исходъ долгихъ исканій, окончившихся наиболѣе бесплодной и наименѣе классовой директивой, служитъ самымъ убѣдительнымъ свидѣтельствомъ двусмысленности и неустойчивости современной позиціи Бунда и его неспособности къ роли самостоятельнаго политическаго руководителя социалдемократическаго движенія.

Н. Несоревъ.

На вѣрномъ пути.

(7 янв. 1905 г.; № 83).

Въ то время, какъ въ осажденномъ внутреннимъ непріателемъ правительственномъ Портъ-Артурѣ идетъ спѣшная работа снаряженія новыхъ фортовъ и опусканія подводныхъ минъ;—въ лагерѣ его враговъ, въ процессѣ все учащающихся аванпостныхъ схватокъ, совер-

шается работа самоопределения общественных сил, или, что то же, формирования реальных политических партий.

Это—очень важная, по своей политической ценности, работа, и, в сколько-нибудь широких рамках, она может производиться только в периоды сильного общественного подъема. Тот общественный класс, авангард которого не успеет в предреволюционную эпоху произвести эту предварительную работу, окажется застигнутым врасплох самой революцией и будет вынужден больше или меньше продолжительное время играть в ней роль аморфной массы, неспособной вести самостоятельную классовую политику. А сущность этой работы заключается в политическом сплочении всех сознательных элементов данного класса, в ходъ ихъ активных выступлений на защиту политических требований, формирующая съ наибольшей ясностью и отчетливостью интересы этого класса. Когда сознательный авангард определенного класса политически объединился и организовался в такой активной кампании, совершающейся на глазахъ широких народных массъ, когда онъ, в ходъ своей политической организации, пользуется всеми случаями, представляющимися ему для вовлечения в сферу своей агитации все больше широких, досель инертныхъ, слоевъ этой массы; когда, наконецъ, онъ умѣетъ пользоваться моментами стихійнаго подъема этой массы для того, чтобы однимъ удачнымъ ударомъ прочно скрѣпить свою связь съ нею;—когда всѣ эти условия на-лицо, сознательный авангард можетъ сказать съ увѣренностью, что политическая «катастрофа» не застанетъ его в роли секты, оторванной отъ массы.

Начиная 3-й годъ своего существования, «Искра» писала в № 31 отъ 1 января 1903 года, обращаясь къ «той рабочей и интеллигентной молодежи, которая несетъ на себѣ главное бремя нашей революционной работы»:

«Помните, что в моментъ, когда будетъ происходить ликвидация теперешняго, в сущности подготовительнаго, періода нашего движенія, когда на расчищенной отъ абсолютизма аренѣ будетъ происходить открытая классовая борьба между враждебными социальными силами,—что в этотъ моментъ будетъ поздно искать отвѣта на вопросы, которые задастъ пролетариату жизнь—время будетъ отдать свои силы на борьбу за отвѣты, уже найденные!» *)

Сознательные пролетаріи хорошо поняли значеніе нынѣшняго момента для ихъ политическаго сплоченія в дѣйствительный револю-

*) «Идейныя традиціи и идейныя задачи пролетарскаго социализма».

ціонний авангардъ своего класса и отозвались на призывъ своихъ руководящихъ организацій къ широкой агитаціи за созывъ Учредительнаго собранія и прекращеніе войны. Въ томъ же № «Искры», какъ и въ предыдущихъ, имѣются сообщенія о рядѣ устроенныхъ рабочими собраній и манифестацій. Сознательные рабочіе хорошо оцѣнили возможное агитаціонное значеніе своихъ «вторженій» въ сферу приобрѣтимаго извѣстнаго права на «легальность» общественнаго движенія, руководимаго либерально-демократической оппозиціей. Ихъ не смутяли раздавшіеся со стороны многихъ либеральныхъ умниковъ и демократическихъ фразеровъ возгласы: «долгой!», «кто вы такіе?» и т. д. Ихъ, мы увѣрены, не смутятъ и раздавшіеся со стороны нѣкоторыхъ «революціонеровъ по недоразумѣнію» окрики: «назадъ!», «это не революціонно!» и т. д.

Ихъ не смутятъ глубокомысленныя соображенія (которыя можно услышать равнымъ образомъ и отъ распытившихся либераловъ и отъ недорѣзыхъ революціонеровъ) о томъ, что въ «настоящее время, когда»... и т. д., не слѣдуетъ обращать вниманія на такія «мелочи», какъ объединеніе уже вовлеченныхъ въ среду нашего вліянія пролетарскихъ элементовъ на почвѣ коллективнаго выступленія предъ правительствомъ и «обществомъ» съ манифестированіемъ своихъ требованій. Какъ доведенный до краснаго каленія либераль, такъ идущій, незамѣтно для себя, у него въ поводу революціонеръ указаннаго выше типа думаютъ, что «въ настоящее время» умѣстны только открытыя схватки дѣтей народа съ полицейской силой—вооруженныя демонстраціи. Имъ кажется, что, организуя, рядомъ съ либеральными и демократическими «мирными» манифестаціями, свои такія же манифестаціи, пролетаріи отказываются отъ выполненія своей исторической миссіи—собрать и вывести на открытый бой тѣ народныя массы, которыя одинъ только смогутъ разбить на голову полчища абсолютизма. Первый думаетъ, что пролетаріи—соціалдемократы занимаются этими «мелочами» въ силу своей страсти «сводить старыя счеты» съ несогласно мыслящими о характерѣ желательныхъ политическихъ завоеваній. Тѣ «революціонеры» изъ интеллигенціи, о которыхъ мы упоминали и которые, называютъ ли они себя «соціал.-революціонерами», или «марксистами» или подчасъ даже соціалдемократами, принадлежать всецѣло къ числу «революціонеровъ фразы», выведенныхъ настоящимъ бурнымъ моментомъ изъ состоянія обычной для нихъ политической бездѣятельности,—эти псевдо-революціонеры, въ свою очередь, воображаютъ, что соціалдемократы устраиваютъ свои «мирныя» манифестаціи въ земствахъ, думаютъ и на общественныхъ собраніяхъ потому,

что «оппортиunistически» гонятся за «практическими» завоеваніями, имѣющими известное значеніе въ «мирное» время, но несущественными въ періоды боевые.

Недоразумѣнія либеральныя достаточно только отмѣтить. Укажемъ развѣ, что—если появленіе рабочихъ на собраніяхъ либераловъ и демократовъ сопровождалось тѣмъ, что принято называть «сведеніемъ счетовъ», то это происходило лишь тамъ и тогда, гдѣ и когда либералы и «демократы» начинали сводить свои счета съ народной массой, заявляя своими резолюціями недовѣріе къ ней, или встрѣчая реакціоннымъ отпоромъ призывъ социалдемократовъ къ болѣе революціонному и демократическому выступленію. Если, напримѣръ, самарская демонстрація въ ноябрѣ ознаменовалась тѣмъ, что къ обычной народной поговоркѣ «долей самодержавіе» пришлось прибавить мѣстную характерную поговорку «долей либераловъ», то вина за это всецѣло падаетъ на послѣднихъ. Ибо, что бы ни думали эти господа, но не свобода существуетъ для либераловъ, а либералы для свободы, и если либеральнъ измѣняетъ дѣлу борьбы съ абсолютизмомъ, то преданность свободѣ обязываетъ кричать «долей либераловъ»!

На доводахъ революціонеровъ голой фразы слѣдуетъ остановиться внимательнѣе. Правда, въ настоящій моментъ влияніе ихъ на сознательныхъ пролетаріевъ приблизительно равно нулю, выступаютъ ли они въ качествѣ открытыхъ противниковъ нашей партіи, или же съ большимъ или меньшимъ правомъ присваиваютъ себѣ кличку «соціал-демократа». По вопросу объ агитаціи противъ войны имъ не удалось убѣдить, мы увѣрены, ни одного русскаго пролетарія, въ томъ, что требованіе «мира во что бы то ни стало»—недостаточно революціонно, ибо пролетарія никакъ не могли раздѣлить либеральнаго соображенія этихъ господъ, будто «преждевременный» миръ можетъ задержать крахъ самодержавія, никакъ не могли, поэтому, вдохновиться «революціоннымъ» энтузіазмомъ по адресу буржуазнаго японскаго правительства, преслѣдующаго японскихъ пролетаріевъ за ихъ борьбу съ милитаризмомъ. Также точно не удалось этимъ безпринципнымъ революціонерамъ внушить сознательному пролетариату политическую беззаботность относительно хода либерально-демократическихъ кампаній противъ деспотизма. Но если сейчасъ дѣло обстоитъ такъ, то завтра, при болѣе сильномъ подъемѣ народныхъ «низовъ», идея обойти трудности, представляемыя социалдемократической тактикой авантюристскими экспериментами надъ внезапно давшейся въ руки народной стихіей, можетъ приобрести известныя успѣхи среди менѣе сознательныхъ элементовъ нашего движенія. И это тѣмъ болѣе, что обостреніе

конфликта между либерально-демократическимъ «обществомъ» и самодержавіемъ должно будетъ создать массу новыхъ «революціонеровъ на часъ», которые будутъ стремиться морально и матеріально усилить наиболѣе безпринципныя и авантюристскія группы въ нынѣшнемъ революціонномъ лагерѣ. Намъ не удивило бы даже, если бы это обостреніе борьбы либерально-демократической буржуазіи съ абсолютизмомъ вызвало ближайшимъ образомъ, между прочимъ, созданіе новаго течения въ широкой средѣ социалдемократической интеллигенціи—съ извѣстной симпатіей къ террору, съ снисходительнымъ и «широкимъ» отношеніемъ къ всякаго рода «блокамъ», съ кантовой печатью склонности ко всѣмъ в всякомъ авантюристскимъ лозунгамъ въ агитаціи и къ противоположнымъ «синтезамъ» въ теоріи (напримѣръ, синтезъ Ницше и Маркса). Пусть поэтому сознательные пролетаріи внимательно относятся къ проповѣди тѣхъ, кого подымающаяся волна буржуазно-революціоннаго движенія заброситъ въ политическія сферы, близкія классовому движенію пролетаріата. При нашихъ политическихъ условіяхъ мы не всегда можемъ, встрѣтившись съ новымъ претендентомъ на «руководительство пролетарской борьбой», узнать подробно исторію его предыдущей политической дѣятельности и выяснить, въ какой заговорщической школѣ или въ какомъ буржуазномъ «блукѣ» онъ подвизался непосредственно передъ постановкой своей «социалдемократической» кандидатуры. Тѣмъ строже должны будемъ мы взвѣшивать каждое «новое слово», въ разгаръ революціонной борьбы бросаемое этимъ претендентами въ нашу агитацію, тѣмъ отчетливѣе должны мы выяснить для себя *qui prodest?*—кому на пользу тотъ или другой рекомендуемый пролетаріату планъ борьбы?

— Манифестаціи организованныхъ пролетаріевъ на собраніяхъ либерально-демократической оппозиціи, говорятъ намъ, недостаточно революціонны для настоящаго революціоннаго времени.

Почему собственно? Потому что онѣ не направлены непосредственно противъ абсолютизма? Невѣрно! Ибо, манифестируя, пролетаріи покрываютъ своимъ могучимъ голосомъ слабые голоса общественнаго протеста либеральной демократіи и тѣмъ самымъ усиливаютъ политическій эффектъ болѣе или менѣе легальныхъ выступленій земцевъ и тому подобныхъ элементовъ.

— Но эти выступленія не замѣняютъ вооруженныхъ столкновеній руководимой пролетаріатомъ народной массы съ силами реакціи?

Разумѣется, но не въ этомъ и цѣль такихъ манифестацій, какъ не въ этомъ заключалась—для социалдемократіи!—и цѣль обычныхъ въ нашей борьбѣ уличныхъ демонстрацій. Основная ихъ цѣль

была агитационная, и обычные демонстраціи сравнительно ограниченного круга сознательных рабочих и не могли ставить себя иной цѣли. Лишь такія, въ строгомъ смыслѣ слова, массовыя демонстраціи, которыя непосредственно вырастаютъ изъ стихійнаго подъема широкихъ слоевъ народа, въ обычное время слабо реагирующихъ на нашу агитацію,—дашь такія демонстраціи могутъ нами оцѣниваться съ точки зрѣнія ихъ возможнаго превращенія въ частныя выступленія, съ точки зрѣнія ихъ обобщенія въ одно всероссійское выступленіе народа. Но для того, чтобы имѣть передъ собой такія демонстраціи, какъ хроническое явленіе, надо усиленно и систематически вести агитацію въ самыхъ широкихъ массахъ всѣми имѣющимися въ нашемъ распоряженіи средствами. А чтобы вести такую агитацію, надо прежде всего концентрировать ее на опредѣленныхъ, ясныхъ и принципиально-правильныхъ политическихъ требованіяхъ, и эти требованія сдѣлать массѣ понятными во всей ихъ конкретности путемъ постоянного нагляднаго демонстрированія того реального соотношенія общественныхъ силъ въ «общенациональной» борьбѣ нашихъ дней, которое мы для себя констатируемъ теоретическимъ анализомъ и публицистическимъ освѣщеніемъ. Разнообразные политическіе уроки, данные имѣвшими уже мѣсто случаями «соприкосновенія» революціонныхъ пролетаріевъ и оппозиціонныхъ буржуа на аренѣ общей борьбы съ режимомъ бюрократіи въ Харьковѣ и Одессѣ, въ Кіевѣ и Саратовѣ, Петербургѣ и Черниговѣ, не останутся достояніемъ тѣхъ только тысячъ передовыхъ пролетаріевъ, которые явились непосредственными участниками этихъ событій. Втягиваемыя нашей агитаціей въ сферу активной борьбы новыя и новыя слои народа воспримутъ въ свое пробудившееся сознаніе совершенно опредѣленныя картины политической дѣйствительности, которыя будутъ ассоціироваться съ общими идеями, являющимися предметомъ нашей «повседневной» пропаганды и агитаціи. Наивно воображать, будто революціонное развитіе массы можетъ идти инымъ путемъ. Наивно представлять себя, будто крѣпкая организація «профессиональныхъ революціонеровъ», сильная только своей конспиративностью, гибкостью и революціоннымъ престижемъ, завоеваннымъ въ теченіе нѣвѣстнаго періода,—будто она сможетъ «овладѣть» поднимающимися въ моментъ остраго революціоннаго подъема новыми широкими слоями народной массы, и повести ее по тому пути, который диктуется нашими интересами. Увы! Политическій капиталъ, пріобрѣтенный въ условіяхъ подпольной работы, быстро обезцѣнивается въ яркіе дни дѣйствительной революціи, и политическій кредитъ, завоеванный при отсутствіи

конкурентов на него, может быть скоро и безвозвратно утратить. Для того, чтобы народная масса шла за нами в дни революции, необходимо, чтобы процесс приближения этой революции был одновременно процессом политического сплочения в ходъ активной и планомерной борьбы всѣхъ уже теперь сознательныхъ атомовъ этой массы, чтобы каждый временный подъемъ новаго слоя этой массы «естественно» крѣпко связывалъ возможно большую часть его съ уже сплоченнымъ ядромъ сознательнаго пролетаріата. Совершенно очевидно, что эта великая задача недостижима средствами одного лишь «накачиванія» народной массы прокламаціями, изготовленными партійными типографіями, да поневолѣ рѣдкими политическими «смотрами», которые партія можетъ дѣлать этой массѣ въ видѣ уличныхъ демонстрацій и стачекъ. Совершенно очевидно, что эта полезная и необходимая работа должна непремѣнно дополняться и политически осмысливаться интенсивнымъ участіемъ въ «повседневной» политической жизни уже объединенныхъ нами пролетарскихъ элементовъ ¹⁾. Тутъ же замѣтимъ, что только этимъ путемъ рѣшается, въ конечномъ счетѣ, тотъ вопросъ объ «укрѣпленіи связи партіи съ массой» и о «демократизаціи» нашей организаціи, который такъ живо интересуетъ теперь большинство членовъ нашей партіи.

Какъ это ни странно, но наша точка зрѣнія вызываетъ въ умахъ нѣкоторыхъ романтиковъ игривое представленіе о желаніи «добиваться осязательныхъ результатовъ» въ смыслѣ Бернштейна. Не понимая, что, въ качествѣ социалдемократовъ, мы не можемъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія революціоннаго вліянія на массы рассчитывать ни на что иное, кромѣ развитія классоваго самосознанія и классовой организаціи передовой части пролетаріата, эти романтики воображаютъ, будто отставаемая нами тактика жертвуетъ цѣлью—народной революціей—для «осязательнаго» результата, въ видѣ... пріобрѣтеннаго пролетаріатомъ политическаго опыта. Недавно одинъ политическій младенецъ на этомъ основаніи зачислилъ насъ въ бернштейнціицы. Но ему удалось это

¹⁾ На это мы указывали ровно два года назадъ въ вышецитированной статьѣ: „Нужныя русскому пролетаріату агитаторскія и организаторскія силы не могутъ въ достаточномъ количествѣ (надо было сказать: и качествѣ) выработаться на одной практикѣ нашей «будничной» работы, такъ безжалостно втянутой проклятымъ гнетомъ въ рамки почти сектантской «кружковщины». Эта практика должна дополняться не только возможно частымъ выступленіемъ революціонныхъ организацій на арену общественной борьбы, но и постояннымъ развитіемъ политической жизни въ нашихъ тайныхъ организаціяхъ, во всѣхъ группахъ и кружкахъ, составляющихъ нашу партію и тагобюджныя къ ней».

сдѣлать, и ему подобнымъ будетъ удаваться это только въ той мѣрѣ, поскольку онъ изъ числа ближайшихъ дѣлей социалдемократіи вычеркнулъ задачу формировапія классовой партіи пролетаріата, какъ «мелочь», которою слѣдуетъ поступиться, когда рѣчь идетъ о подготовкѣ выступленія. Сознательные русскіе пролетарія, разумеется, по достижеству оцѣнятъ подобныя попытки затуманить ихъ сознание, и не проиѣняютъ на чечевичную похлебку безкорыстныхъ аплодисментовъ либеральныхъ «друзей народа» и псевдо-революціонныхъ его льстецовъ своего права на первородство, на гордое сознание, что ничто болѣе не приближаетъ, ничто вѣрнѣе не обезпечиваетъ наступленія русской революціи, какъ каждый новый шагъ, дѣлаемый русскимъ пролетаріатомъ по пути развитія его классового сплоченія.

Социалдемократія не желаетъ уподобляться Помпею, который питалъ иллюзію, что ему стоитъ топнуть ногой, чтобы изъ земли выросли новые легіоны. Она предоставляетъ повтореніе плачевнаго опыта Помпея тѣмъ авантюристскимъ партіямъ, которые—подобно антисемитскимъ партіямъ многихъ западно-европейскихъ странъ—внезапно становятся общественной силой и столь же внезапно видятъ свои массы возвращающимися въ небытіе политическаго сна. Она говоритъ: «то, что жизнью взято разъ, не въ силахъ рокъ отнять у насъ», и стремится своей «повседневной» тактикой обезпечить себя отъ тѣхъ сюрпризовъ, которые неминуемо ждутъ демагогическія партіи.

Партія взяла вѣрный «курсъ», когда—хотя съ нѣкоторымъ опозданіемъ и не всегда достаточно быстрымъ темпомъ—повела свою нынешнюю кампанію, не смущаясь криками изъ партера и изъ галерки русскаго освободительнаго движенія. Она пойдетъ и далѣе по избранному ею пути, тѣмъ самымъ вѣрнѣйшимъ образомъ подготавливая себя и руководимые ею слои пролетаріата къ тому близкому уже моменту, когда результаты ея агитаціи смогутъ быть учтены въ открытомъ активномъ выступленіи самыхъ широкихъ массъ народа. Этотъ моментъ не за горами—баккинскія событія являются симптомомъ его наступленія. И наша теперешняя «кампанія» по поводу войны и по поводу либеральной «весны» должна имѣть результатомъ—выработать хорошо обученные кадры офицеровъ и унтеръ-офицеровъ той громадной арміи, которая въ этотъ моментъ будетъ вновь требовать отъ насъ политическаго руководства.

Начало революции.

(18 января 1905 г., № 84).

Послѣ Баку—Петербургъ. Вулканическую, насыщенную подземными парами, почву нефтяныхъ промысловъ всколыхнули первые удары надвигающагося землетрясенія, которому суждено снести до основанія вѣковое зданіе старой Россіи. Тысячекратнымъ эхо, громкимъ гуломъ отозвались эти удары въ наэлектризованной политической атмосферѣ столицы, стягивающей къ себѣ всѣ нити русской государственной жизни.

И какъ мало нужно было, на первый взглядъ, для того, чтобы привести въ движеніе колоссальную массу петербургскаго пролетаріата! Двое уволенныхъ рабочихъ—и встали заводы, фабрики и мелкія мастерскія огромнаго города. А затѣмъ—митинги, собранія, резолюціи, всеобщая стачка, покрытый тысячами подписей адресъ царю, атмосфера всеобщаго и необходимаго возбужденія, въ которой рождаются и разносятся по всему свѣту темныя предположенія, чудовищныя слухи, самую неопредѣленностью и грандіозностью своею заставляюще замирать сердца миллионовъ людей въ предчувствіи чего то великаго, чего то изъ ряда вонъ выходящаго, чего то острой гранью врѣзающагося въ исторію. Двое уволенныхъ рабочихъ—и грандіозное потрясеніе всей хозяйственной и политической жизни страны, рикошетомъ ударившее по странамъ всего міра, приостановившее снаряженіе эскадры, поколебавшее курсы, напугавшее биржевого молоха... Такъ въ горахъ неосторожное движеніе, повышенный голосъ путника заставляеть сдвигаться съ мѣста и падать всеразрушающую на своемъ пути лавину!

Двое рабочихъ, уволенныхъ за принадлежность къ рабочему «обществу»... Какъ будто не десятки и не сотни ихъ ежедневно, ежечасно, не только «увольняются», но арестовываются, ссылаются, заточаются въ казематы за участіе въ борьбѣ своего класса съ тяготящимъ надъ нимъ гнетомъ и эксплоатаціей! Но не даромъ мы переживаемъ время, когда мощные удары войны потрясли до основанія всѣ устои старой Россіи! И не даромъ въ десятилѣтней, неустанной борьбѣ росло и закалялось чувство протеста, чувство солидарности, боевое настроеніе и боевая сплоченность Россіи рабочей! Логика политической обстановки и логика революціоннаго положенія пролетаріата неизбѣжно, съ неумолимой необходимостью, вели къ такому положенію, когда доста-

точно искры, чтобы яркимъ пламенемъ вспыхнуло колоссальное движеніе народныхъ массъ. И та же логика, съ такою-же неизбежностью» выводитъ эти массы на путь открытой, революціонной борьбы съ абсолютизмомъ, въ желѣзныхъ объятіяхъ котораго задыхается пролетарскій исполнѣ.

Тѣмъ Зубатова стояла у колыбели того «Русскаго собранія фабрично-заводскихъ рабочихъ», протестъ котораго послужилъ сигналомъ къ началу всеобщей стачки. Грязныя полицейскія руки пестовали новорожденнаго, пытались влить отраву холопства и предательства въ сердца тѣхъ рабочихъ, которые объединились на борьбу за свои будничные экономическіе интересы, съ наивной вѣрой въ возможность вмѣстѣ хотя бы эту борьбу въ мертвящія рамки самодержавно-бюрократическаго режима. Но какъ быстро и легко, почти незамѣтнымъ движениемъ плеча, порвали пролетаріаты эти полицейскія шелковыя узы, которыми мечтала связать его жандармская фантазія! Какъ одесскіе стачечники 1903 г. однимъ фактомъ выступленія на путь открытой массовой борьбы далеко отбросили отъ себя грязную шайку зубатовскихъ агентовъ, такъ и петербургское «Общество», покончивъ съ зубатовщиной, теперь, можно сказать, въ первый же день участія своего въ движеніи могучаго массоваго потока, безповоротно рветъ послѣднія цѣпи, которыми старалась сковать его мнимая «благосклонность» правительствующихъ лицъ.

«Благожелательный» и «довѣрчивый» министръ внутреннихъ дѣлъ, принимавшій депутаціи земцевъ, адвокатовъ и иныхъ представителей либеральнаго общества, наотрѣвъ отказался и не могъ не отказаться принять депутацію забастовавшихъ рабочихъ. Не могъ не отказаться потому, что принять депутацію «либераловъ»—значило поощрять ихъ идти все по тому же пути чаянія конституціонныхъ благъ «сверху»; принять же депутацію рабочихъ—значило признать и поощрить массовое движеніе, требующее свободы «снизу» и уже потому революціонное. Вчерашній «покровитель» и «другъ» «собранія рабочихъ», петербургскій градоначальникъ Фуллонъ, забывая о печальной судьбѣ своего французскаго соотечественника, послужившаго 115 лѣтъ тому назадъ первымъ революціоннымъ украшеніемъ парижскихъ фонарей, сегодня грозитъ расправами требующимъ хлѣба и свободы рабочимъ. Думаетъ ли онъ, что завтра найдется въ Петербургѣ хотя бы одинъ пролетарій, готовый промѣнять свое классовое первородство на чечевичную похлебку его «благосклонности»?

Выходецъ изъ пропитанной всѣми предрассудками суевѣрія, невѣжества и холопства среды русскаго духовенства, священникъ церкви

при пересыльной тюрьмѣ, Георгій Гапонъ стоялъ во главѣ «Собранія рабочихъ». И посмотрите, какъ все та же неизбежная революціонная логика пролетарской борьбы подчинила себѣ этого сына государственной церкви! Волна могучаго пролетарскаго потока подхватила его и уже теперь, въ самомъ началѣ своего подъема, взметнула такъ высоко, какъ, конечно, никогда еще не случалось взметать ни одному православному «пастырю». Какимъ языкомъ долженъ былъ заговорить этотъ «смиранный» служитель алтаря! «Не акціонеры разоряются, а рабочіе; такъ ли товарищи?» вопрошаетъ Гапонъ депутацію, во главѣ которой онъ явился для переговоровъ съ директоромъ Путиловскаго завода, и тутъ же совершаетъ первый «революціонный» актъ—отказа признавать «власти предержавія», открытаго отказа считать директора завода представителемъ назначившихъ его акціонеровъ.

Въ маломъ, частномъ случаѣ съ Гапономъ видится великое, общее. Въ обстановкѣ надвигающагося на Россію великаго историческаго перелома, подъ давленіемъ социалдемократіи, кто хоть на день, хоть на часъ связалъ свою судьбу съ судьбою массоваго движенія рабочаго класса, тотъ долженъ, неизбежно долженъ, въ этотъ день, въ эту часть подыматься все выше и выше къ вершинамъ классовой идеологіи пролетариата. Будетъ ли Гапонъ продолжать идти въ ногу съ разрастающимся пролетарскимъ движеніемъ, и долго ли будетъ онъ идти—это частное, личное дѣло. Но что несомнѣнно, такъ это то, что, не желая отстать отъ движенія, онъ долженъ будетъ послѣдовательно идти впередъ; онъ долженъ будетъ обросить свою рясю, свои предрассудки, свои «легальныя» мечтанія, свою политическую близорукость и ограниченность, онъ долженъ будетъ все болѣе и болѣе становиться на революціонную, классовую точку зрѣнія. И если онъ этого не сможетъ, не сумѣетъ сдѣлать,—какъ выжатый лимонъ, отбросить его въ сторону стихій рабочаго движенія, использовавъ въ своихъ революціонныхъ цѣляхъ всѣ тѣ элементы революціонности, которые, въ причудливой комбинаціи, таились подъ складками поповской рясы.

Революціонная логика пролетарскаго движенія подчиняетъ себѣ всякаго, такъ или иначе тѣсно связавшаго судьбу свою съ этимъ движеніемъ. Но болѣе того. Она такъ же неизбежно, такъ же стихійно, часто «за порогомъ сознанія», подчиняетъ себѣ и самихъ участниковъ движенія, рядовую рабочую массу. Пусть политическое сознаніе этой массы еще беспомощно бродитъ посреди бугровъ и рытвинъ традиціонной идеологіи; пусть эта масса еще не отдаетъ себѣ отчета ни во всей полнотѣ своихъ интересовъ, ни въ томъ единственномъ пути, классовой организаціи и классовой борьбы, которымъ можетъ она придти

къ освобожденію. Стихійная сила положенія толкаетъ ее, хотя бы ошупью, выбраться на этотъ вѣрный путь. Если на сознаніи массъ еще лежитъ печать реакціонныхъ предрасудковъ и политической ограниченности, то въ дѣйствіяхъ ея уже прорывается присущая ей революціонность.

Иностранныя газеты сообщаютъ, что отачечники рѣшили подать «петицію» царю. Да, рабочая масса сохранила еще остатокъ вѣры въ то, что ей помогутъ сверху. Да, она подхватила эту идею обращенія къ «верху», которую съ такимъ усердіемъ со всѣхъ крышъ проповѣдуютъ мудрыя птицы либерализма... Но не съ униженнымъ самооправданіемъ, не черезъ переднія придворныхъ лакеевъ пытается она довести свое слово до царскихъ ушей. Тысячными толпами рѣшили рабочіе собраться къ Зимнему дворцу; они хотятъ, чтобы царь самолично вышелъ на балконъ принять «петицію» и присягнувъ, что требованія народа будутъ исполнены.

Такъ обращались къ своему «доброму королю» герои Бастиліи и похода въ Версаль! И тогда раздавалось «ура» въ честь показавшагося толпѣ по ея требованію монарха, но въ этомъ «ура» уже звучалъ приговоръ абсолютизму...

Рабочіе выставляютъ въ своей «петиціи» тѣ требованія, которыя съ упорствомъ и послѣдовательностью не переставала пропагандировать социалдемократія и только она: всенародное учредительное собраніе на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Рабочіе не «забыли» назвать учредительное собраніе его настоящимъ именемъ; они не оставили лишь «подразумѣваемой» ни одной изъ гарантій народныхъ правъ! И въ этомъ мы видимъ, мы съ гордостью видимъ слѣды работы социалдемократіи, ея кровной связи съ пролетарскимъ движеніемъ. Правда «петиція» повторяетъ и изношенныя либеральныя фразы насчетъ уничтоженія «средостѣнія» возможности сліянія черезъ голову «бюрократіи». Непоскушенная въ политической борьбѣ, рабочая масса не думаетъ еще объ огражденіи своихъ классовыхъ пролетарскихъ интересовъ, и услужливо подсовываемую ей славянофильскую труху принимаетъ за чистое золото политической свободы для народа. Пусть такъ. Сегодня она не понимаетъ политическаго положенія. Завтра она пойметъ его. Но и сегодня, довѣрчиво взявъ въ свои руки одно изъ потертыхъ либеральныхъ знаменъ, какъ несетъ она его? Возьмите самый «смѣлый», либеральный адресъ или резолюцію съ тѣми же требованіями, съ тѣми же обращеніемъ и посмотрите: какъ говорятъ либералы, и какъ говорятъ народъ. «Всѣхъ тѣхъ изъ

насть, которые осмѣливались возвышать свой голосъ въ защиту интересовъ народа и трудящихся классовъ, бросали въ тюрьму или ссылку». «Бюрократія толкала страну на край гибели и разоренія и позорной войной привела ее къ разгрому». «Если вы не удовлетворите нашей просьбы, мы умремъ на этой площади, передъ вашимъ дворцомъ. Намъ некуда больше идти, намъ открыты два только пути: путь, который ведетъ къ свободѣ и счастью, или тотъ, который ведетъ въ могилу». «Если наша жизнь должна быть принесена въ жертву страданіямъ Россіи, мы не пожалѣемъ этой жертвы, мы охотно принесемъ ее». Вотъ какимъ нелиберальнымъ языкомъ говоритъ даже либеральный рѣчи петербургскій пролетаріатъ. «Мы готовы умереть»—это значитъ: мы готовы биться за свободу, а не только просить ее. Отъ просьбы не умираютъ! Былъ ли слышенъ когда либо подобный языкъ? Да, онъ былъ слышенъ все въ тѣ же славные дни Великой революціи, когда зданіе стараго порядка трещало уже по всѣмъ швамъ, и когда революціонный народъ, сохраняя еще реакціонныя иллюзіи и политическую наивность, уже дѣлалъ революціонное дѣло. Но за революціоннымъ дѣломъ придетъ революціонное сознаніе, и уже то, какъ говоритъ сегодня пролетарская масса, показываетъ, что она будетъ дѣлать завтра. Мы уже видѣли, что во главу угла, какъ свои главные требованія, рабочіе поставили демократическіе лозунги социалдемократіи. Очевидно, что уже сегодня тысячи пролетаріевъ сознательно принимаютъ ихъ. Завтра ихъ такъ же сознательно примутъ десятки и сотни тысячъ. Мы знаемъ изъ иностранныхъ газетъ, что три завода бросили работу по призыву социалдемократовъ, что, бросая работу, рабочіе поютъ свою пролетарскую «марсельзу». Завтра стотысячная масса сплотится вокругъ краснаго знамени социалдемократіи.

Социалдемократія можетъ съ увѣренностью дѣлать такія предсказанія. Не она ли одна, при всеобщемъ скептицизмѣ, при всеобщихъ крикахъ объ «ограниченности», «сектанствѣ», «узости», «нетерпимости», не она ли одна съ самаго своего зарожденія неразрывно связала дѣло русской свободы съ дѣломъ рабочаго класса? Не она ли одна вѣрила въ силу и неизбежную революціонность пролетарскихъ массъ? Не она ли одна видѣла въ нихъ единственно надежную опору свободы и демократіи и клала всѣ свои силы на дѣло классового пробужденія и классовой организаціи этихъ массъ? И не она ли предсказала то выступленіе на арену борьбы съ абсолютизмомъ миллионныхъ рабочихъ массъ, начало котораго мы наблюдаемъ теперь въ Петербургѣ, и продолженіе котораго скоро—мы увѣрены въ этомъ—будемъ наблюдать по всему пространству Россіи?

Какой урок тѣмъ либеральнымъ маловѣрамъ, которые, оправдывая свою собственную ограниченность и трусость, говорили о томъ, что народъ «не участвуетъ» въ политическомъ освобожденіи Россіи, что народъ «молчитъ» и «врядъ ли заговоритъ», что только «образованное» общество «борется» за свободу, и что тѣмъ самымъ «борьба» непременно должна быть втиснута въ рамки «легальности»! Какой урокъ этимъ трезвеннымъ и умѣреннымъ политикамъ, которые не умѣли даже поднять своего взора къ вершинѣ того могучаго дуба, палыми жолудями котораго они питались! Пусть попробуютъ эти господа, хотя бы насильно, вдвинуть въ тѣсныя рамки «легальности» борьбу сотысячныхъ массъ петербургскихъ рабочихъ, даже теперь, когда массы еще подхватываютъ ихъ ограниченные лозунги!

Но, скажемъ мы сейчасъ же, какой урокъ и тѣмъ утопикамъ «конспиративной» организаціи, которые считали возможнымъ во имя привычки къ повиновенію, во имя формально-организационной «дисциплины», механическимъ рычагомъ «агентуры» двигать по своему усмотрѣнію миллионную армію рабочаго класса! Пусть попробуютъ они приложить эту наивно-аракчеевскую мѣрку къ тому грандіозному движенію, которое развертывается передъ нашими глазами! Пусть попробуютъ они въ организаціонномъ уставѣ третьяго, четвертаго и пятаго съѣздовъ «профессіональныхъ революціонеровъ» искать того магическаго средства, которое дастъ социалдемократіи величайшее доступное ей счастье—оцувевить этотъ массовый потокъ классовымъ сознаниемъ, политической самостоятельностью! Развѣ не ясно теперь, развѣ не очевидно, что ровно въ той мѣрѣ социалдемократія сможетъ овладѣть этимъ движеніемъ,—а, стало быть, и это движеніе сможетъ усвоить социалдемократическое сознание,—ровно въ той мѣрѣ сможетъ она направить это движеніе по классовому руслу, въ какой ея вчерашняя и сегодняшняя пропагандистская и агитаціонная работа выдвинула и выдвигаетъ кадры сознательныхъ социалдемократовъ изъ среды самой рабочей массы, перелила и переливаетъ черезъ эти кадры въ самую массу элементы классового сознанія, сдѣлала и дѣлаетъ ее политически воспріимчивой къ лозунгамъ, выдвигаемымъ социалдемократіей? Каждый атомъ этой «мелкой», «подготовительной» работы сторицею вернется ей теперь!

Совершенно ясны и тѣ задачи, огромныя, трудныя задачи, которыя ставитъ передъ с.-д. партіей выступленіе на авансцену русской исторіи, на революціонную авансцену рабочихъ массъ. Почему не «узкая» организаціи «профессіональныхъ революціонеровъ» дала толчокъ движенію этой лавины, а «Собрание

рабочихъ»? Потому что «собрание» это было действительно широкою организаціею, основанною на самодѣтельности рабочихъ массъ. Задачи, которыя ставило себѣ это «собрание», были ограничены; самодѣтельность концентрировалась на узкомъ полѣ «чисто экономической» борьбы; неотмежеванность отъ «правящихся сферъ» неизбежно вносила сѣмена реакціонности. Потому и возникшее подъ руководствомъ этого «Собрания» движеніе носить на себѣ на первыхъ порахъ печать ограниченности, зигзагами выбирается на правильный путь. Въ другихъ формахъ, сдавленныхъ «нелегальностью» нашего движенія, намъ необходимы тоже широкія организаціи, которыя связали бы насъ съ массою, намъ тоже необходима самодѣтельность пролетаріата; но въ основу этихъ организацій и этой самодѣтельности мы должны положить всеобъемлющіе цѣли классовой борьбы.

Начавшееся движеніе идетъ зигзагами, бредитъ въ потемкахъ, зачинается о реакціонность, о малосознательность остальныхъ слоевъ массы, дѣлаетъ ложные шаги. Должны ли мы отвернуться отъ него, осудить его, умыть руки? Должны ли мы, если революція въ началѣ пойдетъ «не по-нашему», и мы не сумѣемъ овладѣть ею настолько, чтобы заставить ее идти иначе, нападать въ тылъ революціи? Это была бы преступная, самоубійственная политика, — отказъ отъ того самаго дѣла, именемъ котораго мы освящаемъ свое существованіе!

«Шагъ дѣйствительнаго движенія дороже дюжины программъ», говорилъ Марксъ. И говорилъ не потому, конечно, чтобы онъ, всю жизнь свою посвятившій постановкѣ пролетарской программы на прочную научную основу, недооцѣнивалъ ея колоссальное значеніе. Но наша программа говоритъ намъ, что самая сущность массоваго пролетарскаго движенія революціонна, какими бы наносными пластами она ни заслонялась. И не для того программа существуетъ, чтобы во имя ея отворачиваться отъ непривлекательной для насъ внѣшности, а для того, и только для того, чтобы подъ всякою внѣшностью, подъ всѣми случайными проявленіями, отыскать искру революціонной сущности и раздуть ее въ революціонное пламя; чтобы заставить революціонное движеніе сдѣлать новый шагъ по революціонному пути. Какъ акушеры, мы должны помогать труднымъ и мучительнымъ, часто «неправильнымъ» родамъ классового сознанія. Въ этомъ — оправданіе, въ этомъ — весь смыслъ нашей дѣятельности.

Петербургское движеніе громкимъ голосомъ диктуетъ всѣмъ, въ комъ живъ духъ социалдемократіи, ихъ долгъ: на улицу, къ массамъ! На площадяхъ и улицахъ, у воротъ пустующихъ фабрикъ, въ рабо-

чих кварталахъ, въ трактирахъ и чайныхъ долженъ непрерывно звучать голосъ социалдемократа, несущаго въ «неправильное» движеніе массъ правильное пониманіе классовыхъ интересовъ и методовъ борьбы пролетаріата, критикующаго сегодняшній день для того, чтобы подготовить болѣе революціонный завтрашній! Каждый день всеобщей стачки долженъ быть новымъ шагомъ впередъ, шагомъ въ сознаніи массы, шагомъ въ дѣйствительномъ движеніи ея.

И не только въ Петербургѣ, но вездѣ и всюду, гдѣ есть социалдемократія, ея обязанность сейчасъ же развернуть все свои силы, стремиться превратить петербургское движеніе въ движеніе всероссійское. Этой работой наша партія сдѣлаетъ массы социалдемократическими, а себя массовой; этой же работой она совершитъ революцію. Потому что наступила пролетарская весна, а она несетъ съ собою революцію! И если нынѣшнее движеніе уляжется, это не будетъ значить, что оно прошло безслѣдно. Оно будетъ повторяться и возвращаться все съ большей и большей силой, пока могучимъ революціоннымъ натискомъ не освободитъ Россію!

13 Января.

Великая русская революція началась... Среди треска ружейной пальбы и грохота пушечной канонады родилась эта, такъ страстно жданная, такъ горячо призываемая освободительница народовъ. Въ день 9 января, на площади передъ дворцомъ канула въ вѣчность та традиціонная идея о «народномъ» самодержавіи, которая слабыми отблесками еще связывала революціонную волю народа. Въ этотъ день, когда на обращеніе народа отвѣтили пули и картечь; въ этотъ день, когда сотнями падали безоружные, и улицы столицы впервые украсились баррикадами; въ этотъ день, когда все, что служить еще абсолютизму, явилось народу въ отвратительной наготѣ наемныхъ убійць; въ этотъ день — порвалась «цѣпь великая» самодержавной традиціи, и однимъ ударомъ создалась традиція революціонная; потому что въ этотъ день не осталось въ столицѣ равнодушныхъ: кто не за самодержавіе, тотъ непременно противъ него, и крикъ: «долой

самодержавіе!»! стать выраженіемъ народной воли! И такова великая логика революціи: тотъ народъ, который вчера, казалось, такъ покорно и безучастно сносилъ иго самовластья, сегодня встаетъ во весь свой ростъ и дѣйствуетъ такъ рѣшительно, смѣло и послѣдовательно, какъ будто проходить школу великой французской революціи.

Каждый день приноситъ новыя, захватывающія духъ извѣстія. И какъ ни свирѣпствуетъ цензура, не забывающая душить слово и мысль, въ то время какъ всѣ другіе опричники душатъ людей; какъ ни слабо отражаютъ входящія вѣсти дѣйствительное положеніе дѣлъ, все же, быть можетъ, этотъ первый взрывъ петербургской революціи, дѣйствительно, уляжется. Но горе тому, кто подумаетъ, что вмѣстѣ съ нимъ уляжется и революція! Революція уже не можетъ остановиться, и, если можетъ быть о чемъ вопросъ, то лишь о темпѣ ея. Провинція рѣшить этотъ вопросъ. Уже волнуется Москва, уже возбужденіе перекинулось на окраины, и можно быть увѣреннымъ, что скоро загоритъ югъ. Задача социалдемократіи — ускорить и сдѣлать одновременнымъ это распространіе революціи. Въ этомъ залогъ скорой и быстрой побѣды.

Ф. Данъ.

Революціонная стихія и пролетаріатъ.

(18 января 1905 г. № 84).

Вихрь возстанія пронесся надъ Петербургомъ. Правительствующее чудовище разверзло свою пасть и поглотило тысячи жизней: оно почувало приближеніе конца. Варварство, накопленное въ теченіе вѣковъ, не могло быть раздавлено пролетаріатомъ одной столицы; оно погибнетъ при громкихъ проклятіяхъ повоемѣсто возставшаго народа. Событія съ головокружительной быстротой несутся къ этой развязкѣ. Непокколебимость русскаго курса на европейской биржѣ въ моментъ сильнѣйшаго революціоннаго кризиса и диктатура Трепова, смѣнливый режимъ растерянности и довѣрія Мирскаго, являются ея вѣрнѣйшими предзнаменованіями. Все или ничего—дѣлавъ настоящаго дня, данный абсолютизмомъ.

Первый эпизодъ великой русской революціи разыгрался въ фантастической обстановкѣ. — Петербургскіе рабочіе — отсталый элементъ, они равнодушны къ политикѣ, мы должны взяться за ихъ медленное, систематическое воспитаніе;—такъ говорилъ еще вчера Струве, такъ говорили либералы. Исторія посмѣялась надъ ихъ курьезной слѣпотой. Дебаты, начавшіеся въ собраніи рабочихъ, организованномъ для затѣннвнн ихъ сознанія, для ихъ политическаго развращенія, въ одну недѣлю разрослись въ возстаніе пролетаріата, которое потрясло всю Россію до основанія, потрясло весь цивилизованный міръ. И кому лихорадочно—торопливая исторія навязала роль вождя народнаго? Кто герой сегодняшняго дня? Какой-то никому невѣдомый Гапонъ, служитель православной церкви, дѣлане вѣка рабодѣйствовавшей передъ большими и малыми деспотами русской земли.

Глубокомысленнымъ, трезвеннымъ политикамъ изъ буржуазнаго лагера, не видящимъ дальше своего носа, все это должно казаться чудомъ, все это должно внушать оуевѣрное преклоненіе передъ таинственнымъ рокомъ. Для социалдемократіи—это не чудо, для нея это—неизбѣжное столкновение тѣхъ самыхъ общественныхъ силъ, подземную работу которыхъ она видѣла, результаты которой она предсказывала. Именно потому, что сфинксъ русской революціи социалдемократіей давно разгадана, она не потеряется въ моментъ самаго бѣшеннаго разгула народной революціонной стихіи. Эта стихія ей родная, въ ней социалдемократія родилась; но социалдемократія можетъ и должна ее подчинить себѣ, она уже подчиняетъ ее себѣ—сила знанія даетъ ей власть надъ революціей.

Великая буржуазная революція Россіи началась при благопріятныхъ условіяхъ. «Буржуазія вынуждена обращаться къ пролетаріату, просить его помощи и толкаетъ его, такимъ образомъ, на путь политическихъ движеній. Она сообщаетъ, слѣдовательно, пролетаріату свое политическое воспитаніе, т. е. вручаетъ ему оружіе противъ самой себя». Такъ писалъ Марксъ въ «Коммунистическомъ Манифестѣ», и это остается вѣрнымъ и понынѣ. Но соотношеніе силъ буржуазіи и пролетаріата въ современной Россіи гораздо болѣе благопріятно, чѣмъ было на Западѣ, когда Марксъ писалъ эти строки, т. е. наканунѣ 48 года.

Въ періодъ истекшей либеральной «весны» оппозиціонная буржуазія осмѣлилась говорить языкомъ гражданина только въ расчетѣ на поддержку со стороны пролетаріата. Недостаточно быстрое выступленіе на арену этого могучаго союзника обезкуражило, обезсмыслило ее; она терялась, не зная, что дѣлать, она не находила въ своемъ распоря-

женіи никакого оружія, кромѣ словъ, а одними словами абсолютизма не свалишь съ ногъ. Оппозиціонная буржуазія томительно выжидала революціоннаго выступленія пролетаріата, но въ тоже время она боялась этого выступленія: кто знаетъ, куда заведетъ насъ этотъ богатырь, когда онъ подыметъ? Такъ либералы топтались на мѣстѣ, разъядаемые рефлексіей. Къ счастью, стихія буржуазной революціи смѣлѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ тотъ классъ, непосредственное политическое господство котораго она подготавливаетъ. Какъ бы мелки и мизерны ни были думы и чувства политически сознательной буржуазіи Россіи, ея освобожденіе невозможно безъ великой народной революціи. Слишкомъ громадна инерція вѣкового гнета абсолютизма, поддерживаемаго европейской реакціей, слишкомъ далеко зашло впередъ движеніе русскаго пролетаріата, чтобы процессъ освобожденія буржуазнаго общества закончился какинъ нибудь жалкимъ компромиссомъ, соответствующимъ ничтожному размаху традиціонной политической мысли русскаго либерализма. Не сегодня, такъ завтра, не въ той, такъ въ другой формѣ, стихія буржуазной революціи должна была найти проводниковъ между властными политическими интересами буржуазнаго общества, прокладывающими себѣ путь, и революціонной энергіей пролетаріата. Исторія не ждетъ. Традиціонный либерализмъ не умѣетъ преодолѣть своей косности—исторія его отменяла. Наопѣхъ складывающаяся буржуазная демократія тоже не успѣла придти въ тѣсное соприкосновеніе съ народомъ. Исторія отыскивала революціонный проводникъ на сторонѣ, внѣ политическихъ партій. Роль такого проводника между политическими интересами буржуазнаго общества и остальными слоями рабочей массы сыгралъ неожиданно для всѣхъ и для самого себя священникъ Гапонъ.

Смыль священника, затѣмъ семинаристъ, исключенный и вновь принятый въ семинарію, толстовецъ, затѣмъ духовный академикъ, взыскающій града, тюремный священникъ, изобрѣтающій филантропическіе проекты съ благоволенія «верховъ», затѣмъ агитаторъ среди рабочихъ съ явнаго благоволенія полиціи и тайного либераловъ, наконецъ, народный трибунъ и вождь возстанія—таково *singulum vitae* (краткая біографія) этой мятежной натуры, проникнутой глубокимъ демократическимъ инстинктомъ и въ тоже время лишенной всякихъ политическихъ принциповъ. Лучшаго орудія для своихъ цѣлей слѣпая стихія буржуазной революціи не могла бы найти. Она сдѣлала случайнаго революціонера - «разстригу» своимъ героемъ. Но врядъ ли найдется въ исторіи другой герой, который съ большимъ основаніемъ,

тѣмъ Гапонъ, могъ бы примѣнить къ своимъ дѣяніямъ знаменитыя слова Бланки: «La foule en révolution n'est pas un regiment, au quel on commande, mais un élément, au quel on obéit». (Революціонная толпа—не полкъ, которымъ командуютъ, а стихія которой подчиняются).

Гдѣ вашъ хваленый пролетаріатъ? писалъ перебѣжчикъ Струве въ послѣднемъ номерѣ «Освобожденія», наканунѣ 9-го января. Гдѣ русская социалдемократія? — съ злорадствомъ спрашивали сознательные и бессознательные враги пролетаріата, основываясь на первыхъ официальныхъ вѣстяхъ съ поля битвы. На первый вопросъ теперь сумѣла отвѣтить даже буржуазная англійская пресса. Послушайте, бывший марксистъ, что пишетъ д-ръ Диллонъ, корреспондентъ буржуазной газеты «Daily Telegraph», поучитесь у англійскаго буржуа уваженію къ русскому пролетаріату: «Революціонное движеніе самопроизвольно возникаетъ въ рабочемъ классѣ; оно никоимъ образомъ не было вызвано буржуазными вождями... Профессора, академики, чиновники, тайные совѣтники собрались на званый обѣдъ, не подозревая, что имъ придется подвинуться подъ бумагой, требующей уничтоженія самодержавія. Если бы они что-либо объ этомъ раньше знали, они остались бы дома. Но во время обѣда у одного изъ присутствующихъ является мысль набросать декларацію противъ самодержавія и собрать подписи. Сначала всѣ конукались, но черезъ нѣсколько минутъ всѣхъ охватилъ революціонный порывъ, и они подписались съ энтузіазмомъ. Революціонная волна поднялась въ народныхъ глубинахъ, но она увлекаетъ также и со стихійной силой и верхніе слои». Это отвѣтъ либераламъ насчетъ пролетаріата. Но, къ счастью для русскаго пролетаріата, теперь уже можно отвѣтить съ чувствомъ удовлетворенія и на второй вопросъ: гдѣ была социалдемократія въ первые дни революціи? Она была въ сознаніи тѣхъ пролетаріевъ, которые боролись въ «Русскомъ Собраніи» съ разными демагогами и политическими шарлатанами, вродѣ г.г. Архангельскихъ и Строевыхъ, она была въ сознаніи организованныхъ и неорганизованныхъ товарищей, которые выдвинули на рабочихъ собраніяхъ Петербурга социалдемократическія требованія, которые заставили импровизированнаго вождя народнаго—Гапона присоединиться къ этимъ требованіямъ, которые сдѣлали ихъ боевымъ лозунгомъ всего петербургскаго пролетаріата; социалдемократія организовала и засѣдала въ стачечныхъ комитетахъ, она была во

главъ пролетаріата на баррикадахъ Васильевскаго острова, она завтра будетъ во главѣ всего русскаго пролетаріата.

Насъ не удивляетъ и не смущаетъ, что героемъ перваго революціоннаго натиска является человекъ, который до революціи былъ чуждъ социалдемократіи, былъ даже враждебенъ ей. Мы знали и всегда говорили, что мы живемъ въ атмосферѣ революціонизирующагося буржуазнаго общества; мы знали и говорили, что въ такой атмосферѣ пролетаріатъ неизбежно долженъ и будетъ получать революціонные импульсы и толчки отъ элементовъ, чуждыхъ ему. Но, нисколько не смущаясь тѣмъ, что разношерстные элементы толкають, сознательно или безосознательно, иногда даже противъ воли, тѣ или другіе слои пролетаріата на революціонный путь, социалдемократія ставила себѣ цѣлью ввести ясное сознаніе въ стихійно революціонизирующіяся рабочія массы и подчинить ихъ правильно понятымъ интересамъ рабочаго класса. И въ этомъ отношеніи десятилѣтняя работа социалдемократіи вполне исторически окупилась. Если чуждый ей священникъ Гапонъ увлекъ отсталыя массы петербургскаго пролетаріата на возстаніе, то въ рядахъ петербургскаго пролетаріата нашлось достаточно социалдемократическихъ элементовъ, чтобы ввести это возстаніе въ социалдемократическое русло, чтобы временнаго техническаго организатора возстанія пролетаріата идейно подчинить постоянному вождю пролетаріата—социалдемократіи.

Возстаніе 9 января есть только первый эпизодъ русской революціи, и чѣмъ больше будетъ развиваться великая историческая драма, тѣмъ больше въ хаосѣ революціонной стихіи будутъ кристаллизоваться очертанія и роли отдѣльныхъ политическихъ партій.

Первый непосредственный толчекъ народной революціи далъ человекъ, не принадлежащій ни къ какой политической партіи, не исповѣдавшій никакихъ политическихъ принциповъ, ничѣмъ не связанный ни со вчерашнимъ, ни съ завтрашнимъ днемъ. Только полная свобода отъ всякихъ обязательствъ позволила ему прибѣгнуть къ такимъ приемамъ ускоренія революціоннаго процесса, которые могли бы оказаться пагубными для дѣла революціи и для дѣла пролетаріата, если бы въ пролетаріатѣ не было достаточно элементовъ, которые использовали стихійное возбужденіе для социалдемократическихъ цѣлей, для цѣлей, основанныхъ на пониманіи историческаго процесса развитія общества. Для социалдемократіи Гапонъ, его сотрудники, его организація и его дѣятельность—одинаково объективныя явленія, за которыя она не могла бы ни въ какомъ случаѣ взять на себя моральную отвѣтственность, но которыя она обязана была всеосто-

роннымъ образомъ использовать. Это она сдѣлала въ Петербургѣ. Теперь, когда первый толчекъ данъ, достаточно одного чувства солидарности для того, чтобы вызвать всеобщую стачку въ Россіи, для того, чтобы въ разныхъ концахъ Россіи поднять рабочія массы. Теперь социалдемократія нетрудно, пользуясь этимъ пролетарскимъ чувствомъ, какъ рычагомъ, во всѣхъ концахъ Россіи, сразу, съ перваго же шагу, стать во главѣ революціоннаго движенія широкихъ массъ; теперь ей легче связать себя, какъ партію пролетаріата, самымъ тѣснымъ образомъ съ всенароднымъ движеніемъ во всѣхъ его перипетіяхъ; теперь она можетъ отъ имени выступившаго пролетаріата привлечь къ дѣлу революціи всѣ радикальные и быстро революціонизирующіеся элементы буржуазнаго общества. Теперь социалдемократія можетъ взять въ свои руки и гегемонію въ революціонной борьбѣ. Стихія буржуазной революціи встряхнула самыя отсталыя слои рабочихъ массъ. Социалдемократія превратитъ эту революціонную стихію въ орудіе для всесторонняго политическаго освобожденія Россіи.

Быть или не быть—стояло передъ самодержавно-бюрократическимъ чудовищемъ, загнаннымъ 9 января на край пропасти. Не быть! — отвѣтитъ ему возставшій народъ.

Мартыновъ

Запоздалый проектъ безболѣзненной ликвидаціи абсолютизма.

(18 янв. 1905. № 84).

Опубликованный Витте проектъ постепенной ликвидаціи гражданской обособленности крестьянства, которая до сихъ поръ считалась неприкосновеннымъ догматомъ русской внутренней политики, является характернымъ признакомъ полнаго разложенія священныхъ устоевъ російскаго абсолютизма.

Сословная обособленность крестьянства создана, разумеется, не самодержавіемъ; она выросла исторически на почвѣ крѣпостной организаціи сельско-хозяйственнаго производства. Но съ паденіемъ крѣпостного права въ Россіи эта обособленность утратила свои экономическіе корни и превратилась въ политическій институтъ, заботливо поддерживаемый самодержавнымъ правительствомъ.

Коснѣющая во мракѣ безпримѣрнаго невѣжества, подавленная варварскою нищетою, проникнутая первобытною вѣрою въ божеское всемогущество абсолютизма, крестьянская масса дѣйствительно обезпечивала правящимъ сферамъ увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, и всѣхъ ранговъ хищники имѣли основаніе цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ законовъ и учреждений огораживать крестьянство отъ омішенія съ остальнымъ населеніемъ.

Подавленіе самыхъ элементарныхъ культурныхъ потребностей, лишеніе общегражданскихъ правъ, унижительное закрѣпощеніе личности, грубая регламентація семейныхъ отношеній и хозяйственной дѣятельности, тяжелая эксплуатація денежными и натуральными повинностями,—воѣ средства были пущены въ ходъ, чтобы сохранить въ неприкосновенности обособленность крестьянскаго сословія. Правительство создало изъ крестьянства своего рода гетто, члены котораго искусственно подгонялись подъ извѣстный низкій духовный уровень. Всякій, кто, по тѣмъ или инымъ причинамъ, поднимался надъ нормальною чертою, выбрасывался изъ крестьянскаго сословія. Тщательно не допуская и выбрасывая воѣ инородные элементы, крестьянское гетто, однако, цѣпко держало въ роковыхъ границахъ рядовыхъ своихъ членовъ земельнымъ надѣломъ и паспортною системою. Выходъ изъ крестьянскаго общества и даже отлучка были поставлены въ зависимость отъ согласія и разрѣшенія міра, сельскихъ властей, домохозяевъ и родителей.

Несмотря на всестороннее и полное развитіе, современная изоляція крестьянства казалась ненасытнымъ самодержавциамъ еще недостаточной, и Плеве готовился увѣнчать зданіе реформой, которая окончательно обратила бы крестьянъ въ государственное рабство. Проектъ Плеве не имѣлъ никакаго экономическаго оправданія. Онъ былъ лишенъ даже фискальнаго значенія. Въ своей новой запискѣ Витте обстоятельно доказываетъ, что съ повышеніемъ цѣнности земли и съ отміною круговой поруки обособленность крестьянства потеряла всякій смыслъ съ точки зрѣнія фиска. Послѣдній идеологъ самодержавія, Плеве руководился только политическими мотивами.

«Воспитанные въ неустанномъ упорномъ трудѣ,—писалъ онъ,—

привыкшіе къ исконной однообразной обстановкѣ жизни, приученные измѣнчивымъ успѣхомъ земледѣльческихъ работъ къ сознанию своей зависимости отъ вѣшнихъ силъ природы и, слѣдовательно, отъ началъ высшаго порядка,—крестьяне болѣе, чѣмъ представителя какой другой части населенія, всегда стояли и стоятъ на сторонѣ создающихъ и положительныхъ основъ общественности и государственности и, такимъ образомъ, силою вещей являются оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ теченій».

И Плеве считалъ своимъ священнымъ долгомъ, въ эпоху всеобщей смуты, охранить послѣдній оплотъ самодержавія путемъ законодательнаго закрѣпленія общины, неотчуждаемости надѣльныхъ земель и особаго строя крестьянскаго управленія и суда.

Мечты Плеве не осуществились. Буржуазное общество рукою мужественнаго революціонера смело съ дороги своего развитія человѣка, въ полицейскомъ фанатизмѣ пытавшагося насильственно создать надыхающему «строю» ту классовую опору, которую онъ потерялъ въ процессѣ экономической эволюціи Россіи. Дальше Плеве идти было некуда.

Изоляція деревни не могла, конечно, остановить народно-хозяйственное развитіе, но она могла задержать ростъ производительныхъ силъ страны. Крестьянство, сдавленное тисками азіатскаго политическаго режима, на три четверти превратилось въ вѣчно голодную, доведенную до отчаянія массу, стихійное недовольство которой является постоянной угрозой существующему строю. Аграрный терроръ и кровавыя расправы съ агентами правительственной власти стали обычными проявленіями дѣйствительнаго настроенія деревни.

Болѣе счастливая экономически крестьянская буржуазія, озлобленная одинаковымъ политическимъ гнетомъ, скованная одною полицейскою цѣпью съ крестьянскимъ пролетаріатомъ, поневодѣ сливается съ общимъ крестьянскимъ потокомъ и занимаетъ въ немъ первое мѣсто. Сословная обособленность сплачиваетъ разнородные элементы современной деревни и присоединяетъ ихъ къ великому освободительному движенію, въ которомъ созрѣвшее буржуазное общество завоевываетъ новыя формы политической жизни.

Это движеніе становится съ каждымъ днемъ все глубже и шире. Историческая могила уже раскрывается передъ абсолютизмомъ. И послѣдній человѣкъ съ планомъ, оставшійся у него, спѣшитъ предотвратить катастрофу, предлагая безболѣзненно и мирно ликвидировать

ровать старый порядок и, прежде всего, сословную обособленность крестьянства.

Поддерживать долге систему крестьянского гетто значить, по мнѣнію Витте, закрывать глаза на современные нужды и потребности и жить воспоминаніями патриархальнаго прошлаго. Крестьяне—«живые люди, которымъ, какъ и всѣмъ намъ, дороги начала личной независимости, семейной самостоятельности домашняго очага». Поэтому, Витте готовъ снять съ крестьянъ всѣ спеціальныя пути, которыми ихъ такъ долго связывали. По проекту, общинное землевладѣніе остается только въ качествѣ добровольнаго товарищескаго владѣнія землей и превращается въ частно-правовой союзъ, лишенный государственнаго значенія. Особые сословные суды съ ихъ обычнымъ правомъ уничтожаются, какъ и особое крестьянское управленіе. Семейные раздѣлы, выходъ изъ общины, отлучки изъ деревни, вообще вся личная жизнь крестьянина освобождается отъ правительственной регламентаціи. Крестьянинъ долженъ стать такимъ же гражданиномъ своей страны, какъ и всѣ остальные.

Витте не доводитъ до конца своего проекта; онъ оставляетъ нѣкоторыя сословныя особенности крестьянства, связанныя преимущественно съ владѣніемъ надѣльной землей; но эти исключенія не измѣняютъ основной идеи его плана: ввести крестьянство въ общія правовыя условія буржуазнаго общества.

По отношенію къ предшествующей политикѣ правительства въ крестьянскомъ вопросѣ, планъ Витте несомнѣнно представляетъ крупный шагъ впередъ, но онъ страдаетъ однимъ недостаткомъ, который отнимаетъ у него всякое значеніе: онъ неосуществимъ на почвѣ полицейскаго самодержавія. Все зданіе русскаго государственнаго строя, отъ верховъ и до урядника, покоится на безправіи и темнотѣ миллионовъ населенія, насильственно замкнутыхъ въ сословныя рамки. Освобожденіе крестьянъ отъ гнета спеціальной опеки, сліянiе ихъ съ остальными сословіями неизбежно влечетъ за собою преобразование всего государственнаго механизма. Витте понимаетъ послѣдствія предлагаемой имъ реформы. Онъ видитъ, что граждански полноправный крестьянинъ потребуетъ своей доли въ мѣстномъ управленіи, и предлагаетъ образовать мелкую земскую единицу для удовлетворенія хозяйственныхъ и культурныхъ нуждъ сельскаго населенія. Дѣятельность этой мелкой единицы должна быть подчинена надзору земскихъ начальниковъ, но, какъ органъ управленія, новыя земскія учрежденія непосредственно примыкаютъ къ уѣздному земству. Укрѣпленное, такимъ образомъ, земство получаетъ новое право «извѣстнаго контроля» за дѣятельно-

стью низшихъ агентовъ полицейской и податной службы, которая съ уничтоженіемъ такъ называемаго крестьянскаго самоуправленія переходитъ въ исключительное вѣдѣніе правительства. Если бы проектъ Витте могъ осуществиться, онъ далъ бы новыя силы либерально-демократическому движенію, издавна пріютившемуся въ земскомъ самоуправленіи. Равноправное крестьянство, объединенное мелкими земскими организаціями, составило бы прочную опору буржуазной оппозиціи, лишенной въ настоящее время легальныхъ формъ политическаго общенія съ народомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, подчиненіе общественному самоуправленію низшихъ органовъ администраціи нарушило бы строгую систему бюрократическаго всевластія и правительственной безответственности, являющихся основными чертами абсолютизма. Борьба народа съ деспотическимъ произволомъ правленія и управленія получила бы новыя поводы и даже легальную опору въ контролѣ выборныхъ властей надъ дѣйствіями низшей администраціи.

Конечный результатъ освобожденія крестьянства и укрѣпленія земской организаціи, при такихъ условіяхъ, неизбѣжно долженъ быть формулированъ словами самого Витте въ его извѣстной запискѣ о «Самодержавіи и земствѣ»: «правильное и послѣдовательное развитіе всесословнаго представительства въ дѣлахъ мѣстнаго управленія неизбѣжно приведетъ къ народному представительству въ сферѣ управленія центрального, а затѣмъ и къ властному участию народа въ законодательствѣ и управленіи верховномъ». Такой результатъ естественно не можетъ входить въ расчеты русской самодержавной власти. По газетнымъ извѣстіямъ, проектъ Витте встрѣтилъ упорное сопротивленіе въ высшихъ сферахъ, не смотря на всю его жалкую умѣренность. Но не имѣя никакого практическаго значенія, онъ остается знаменательнымъ свидѣтельствомъ колебаній и растерянности правительства, свойственныхъ пред-революціоннымъ періодамъ въ жизни народовъ, когда власть пытается спасти себя усвоеніемъ политическихъ программъ своихъ противниковъ. Такъ на зарѣ великой французской революціи, когда въ душной атмосферѣ деспотическаго королевства уже повѣяло благодѣтельной грозой, наиболее догадливые министры Людовика XVI сдѣлали отчаянную попытку мирно и безболѣзненно вмѣстить буржуазное общество въ тѣсныя рамки стараго режима. Но безпорядочная и нерѣшительная политика запоздалыхъ реформаторовъ только обострила назрѣвшія противорѣчія, и бурный революціонный потокъ однимъ порывомъ смелъ, какъ упорное сопротивленіе королевскаго двора, такъ и хитроумныя комбинаціи неудачливыхъ чиновниковъ, ликвидировавъ запутанныя дѣла обанкротившагося государственнаго строя. Однако исторія начеку

не научаетъ тѣхъ, кто обреченъ на гибель. На зарѣ великой русской революціи Неккеръ русскаго двора повторяетъ бесплодный опытъ французскихъ министровъ и тщетно пытается отдалить послѣдній часъ, предлагая постепенную ликвидацію священныхъ исконныхъ устоевъ русскаго «строга». Выступленіе петербургскаго пролетаріата является достойнымъ отвѣтомъ на эти жалкія усилія.

Негоревъ.

Девятое января.

(27 января 1905 г. № 85).

Двѣ силы стояли другъ противъ друга; двѣ силы боролись за власть въ современной Россіи. На одной сторонѣ шайка темныхъ хищниковъ, воплощающая въ себѣ всё такъ называемыя историческія традиціи Россіи, мрачный ужасъ ея прошлаго, кровавый позоръ настоящаго, безысходную тоску ея возможнаго будущаго. На другой сторонѣ— рвущееся къ свободѣ «общество»—буржуазный либерализмъ и разночинная демократія, борцы за культуру и гражданственность.

Странной казалась эта тяжба двухъ крохотныхъ группъ, расположившихся на могучей спинѣ гиганта-народа. И когда сила, олицетворяющая буржуазное будущее Россіи, подымала свой голосъ, то реакціонная сила, гордая своей мрачной традиціей, насмѣшливо отвѣчала: народъ не съ вами! народъ безмолвствуетъ, ему нѣтъ дѣла до вашихъ стремленій! И подъ бичемъ злой насмѣшки русскій либерализмъ съживалъ свои историческія задачи и дѣло національнаго освобожденія страны принижалъ до дѣла «упорядоченія» существующаго порядка. Борьба между абсолютизмомъ и народомъ подмѣнялась борьбой «бюрократія» и «земщины». И на наглый вопросъ реакціонеровъ: гдѣ же народъ? «общество» подтверждало: революціонный народъ отсутствуетъ.

Между тѣмъ, пока велась эта тяжба, пока бюрократія и либерализмъ занимались своимъ невиннымъ фехтованіемъ, въ народѣ шла глухая работа мысли. Въ судорожныхъ потрясеніяхъ «мобилизаціон-

ныхъ беспорядковъ», въ взрывахъ массоваго отчанія, въ тамъ и сямъ пробивавшихся демонстраціяхъ и стачкахъ проявлялось революціонное броженіе. И на эту почву, взрыхленную неустанной работой соціалдемократіи, падали скудные лучи либеральной «весны», и благодарная почва пускала изъ себя множество еще незамѣтныхъ всады ростковъ. Откуда-то, словно изъ подъ земли, на оживленные «весной» либеральныя и демократическія газеты предъявлялся колоссальный спросъ, какой-то невѣдомый массовый читатель жадно ловилъ все, что хоть намекомъ говорило о рѣшительной борьбѣ за свободу. Десятки и сотни, порою тысячи, передовыхъ пролетаріевъ появлялись передъ либеральными собраніями и требовали отъ общества принятія демократической программы въ борьбѣ съ абсолютизмомъ и бюрократіей. Они говорили отъ имени миллионовъ трудящихся, они говорили, какъ организованный въ рабочую партію авангардъ російскаго пролетаріата. Но ихъ заявленія—встрѣчались ли они ворчливымъ брюжжаніемъ или горячимъ, но не безъ примѣси скептицизма, сочувствіемъ—не встрѣчали довѣрія. За сотнями и тысячами передовыхъ одиночекъ общество не хотѣло замѣтить массы. И либеральная борьба шлелась въ прежнихъ рамкахъ, въ томительной смѣнѣ смѣлыхъ рѣчей и трусливыхъ поступковъ, не дерзая признать себя частью народнаго движенія, не смѣя разорвать съ абсолютизмомъ, не рѣшаясь принять лозунговъ революціи и демократической программы. Революціоннаго народа для «общества» все еще не существовало.

Девятаго января революціонный народъ оказался на-лицо, наскоро организовавшій свои стотысячныя массы вокругъ созданныхъ самою реакціей учреждений, тѣсно сплотившійся вокругъ тѣхъ случайныхъ вождей, которые дерзнули повести его на рѣшительный бой, и съ поразительнымъ единодушіемъ написавшій на своемъ знамени тѣ политическія требованія, во имя которыхъ вела свою агитацію соціалдемократія. Отнынѣ знаменитая петиція петербургскихъ рабочихъ останется вѣчнымъ памятникомъ политическаго успѣха работы соціалдемократіи, и легкость, съ которою сотнямъ организованныхъ соціалдемократовъ удалось въ нѣсколько дней привлечь сплоченныя Гапономъ стотысячныя массы къ этимъ требованіямъ, является неоспоримымъ залогомъ дальнѣйшаго, все возрастающаго успѣха партійной работы.

Революціонный народъ оказался налицо—въ образѣ столичнаго пролетаріата, логикой стихійной классовой борьбы быстро мобилизованнаго для революціоннаго натиска. Не прошло двухъ недѣль со времени начала петербургской стачки, и около миллиона пролетаріевъ во всѣхъ концахъ Россіи бросило работу. Такое движеніе едва

ли знаетъ исторія классовой борьбы во всемъ мірѣ. Этотъ миллионъ пролетаріевъ, появившихся на политической аренѣ въ тотъ моментъ, когда либеральная «весна» готова была исчерпать себя до дна,—своимъ грандіознымъ выступленіемъ радикально измѣнилъ все политическое положеніе.

Девятаго января петербургскіе пролетаріи предъявили краткосрочный ультиматумъ абсолютизму и, обративъ залитую кровью мирную манифестацію въ революціонную схватку, нанесли ему страшный ударъ.

Какъ уличная революція, какою оно стало, благодаря логикѣ событій, девятое января не удалось—рабочія массы не имѣли оружія, оги не подготовились къ тому, чтобы овладѣть имъ въ тотъ моментъ, когда ощутили въ немъ потребность... Но именно эта неудача показала наглядно, что уличная революція можетъ и должна побѣдить въ современной Россіи, не смотря на то, что въ этой революціи пролетарскія массы не могутъ и мечтать о вооруженіи, скольконибудь равномъ тому, которымъ располагаетъ государство. Тайна успѣха прошлыхъ революцій заключалась не въ превосходствѣ оружія инсургентовъ надъ оружіемъ солдатъ, а исключительно въ томъ, что, дѣйствуя въ атмосферѣ сочувствія всего населенія, революціонеры могли оказывать войскамъ упорное сопротивленіе вплоть до того неизбежнаго психологическаго момента, когда дѣйствующія въ атмосферѣ всеобщей вражды войска начинали колебаться и освобождаться отъ гипноза дисциплины. Продержаться на улицахъ возможно дольше—такова техническая задача всякаго открытаго выступленія. И опытъ 9 января показалъ, что даже колоссальныя военныя силы не могутъ помѣшать стотысячнымъ массамъ владѣть улицей. Десять залповъ не могли «очистить» улицъ столицы.

...Девятое января показало всѣмъ, что не только революціонный народъ не есть выдумка социалдемократія, но что и народное возстаніе не есть ея иллюзія. Тѣмъ самымъ сильно не только возросла увѣренность революціонныхъ массъ въ возможность боевой тактики, но и симпатія окружающей среды къ революціоннымъ дѣйствіямъ пролетаріата. Своимъ «неудачнымъ» выступленіемъ 9 января петербургскіе пролетаріи завоевали своему классу вниманіе и сочувствіе всего населенія и несказанно облегчили веденіе дальнѣйшей борьбы за свободу Россіи.

Но они достигли еще большаго. Когда ночью 9 января борцы за свободу подсчитывали многочисленныя жертвы этого дня, они должны были, по справедливости, ко многимъ сотнямъ павшихъ прибавить цѣлыхъ четыре убитыхъ или, по крайней мѣрѣ, смертельно раненыхъ «истинно—русскихъ» идея.

Разъ навсегда поражена—и не излѣчиться ей во вѣки!—идея «народнаго» абсолютизма. Сыгравшій такую роль во всемъ движеніи, культивировавшій эту идею, Г. Гапонъ открыто и честно констатировалъ ея крушеніе. вмѣстѣ съ ней, однако, слетаетъ послѣдняя идеологическая риза съ стараго кроваваго строя, исчезаетъ послѣдняя тѣнь нравственной связи его съ народомъ.

Добита окончательно—послѣ ранъ, нанесенныхъ Зубатовымъ и Шаевичемъ,—идея російскаго полицейскаго социализма. Мыслимы еще новыя и новыя погудки на этотъ достаточно уже старый ладъ, но «духъ живъ» навсегда улетѣлъ уже отъ зубатовскаго «экономизма», и если бы новыя «дегальные союзы» были инспирированы правительствомъ, теперь уже съ самаго начала рабочіе будутъ входить въ нихъ со скрытой цѣлью возмущенія.

Въ крови и грязи сходить съ политической сцены «политика до вѣрня», сходить, чтобы никогда уже болѣе не обморочить ни Россіи, ни Европы. вмѣстѣ съ зубатовщиной полицейскаго социализма, убита зубатовщина полицейскаго либерализма.

И, наконецъ, на смерть пораженъ умѣренный російскій либерализмъ, спекулировавшій на истощеніе абсолютизма въ его борьбѣ съ внѣшними и внутренними врагами и на «безболѣзненную» передачу маленькой части государственной власти въ руки «земщины». Послѣ 9 января невозможно вершить судьбы Россіи безъ вѣдома русскаго народа. Послѣ 9 января нельзя стоять за свободу, напередъ устраняя народъ отъ пользованія плодами ея. Послѣ 9 января нельзя отождествлять «общественное мнѣніе» Россіи съ мнѣніемъ ея «верхнихъ десяти тысячъ».

Велико историческое значеніе этого перелома въ русской жизни. Оно же сказалось въ небываломъ еще нигдѣ взрывѣ открытаго сочувствія представителей всѣхъ общественныхъ классовъ дѣлу пролетарской борьбы. Пролетаріатъ—освободитель родины, пролетаріатъ—авангардъ всей націи—въ эти дни признавъ въ своей героической роли общественнымъ мнѣніемъ передовыхъ элементовъ либерально-демократической буржуазіи. Вести пролетаріатъ, вести систематически и послѣдовательно по тому пути, на который 9 января вступили петербургскіе рабочіе—такова та задача, выполняя которую російская социалдемократія сумѣетъ всецѣло использовать свое своеобразное историческое положеніе въ общенациональной борьбѣ за свободу. Вести пролетаріатъ по этому пути—значитъ реализовать въ полной мѣрѣ плоды неустанной работы социалдемократіи надъ формированіемъ въ современной Россіи самостоятельнаго классоваго пролетарскаго движенія.

Однимъ мощнымъ ударомъ петербургскіе пролетаріи закрѣпили за всѣмъ російскимъ пролетаріатомъ его позицію класса—освободителя націи, позицію класса, владѣющаго дѣйствительно гегемоніей въ общенациональномъ дѣлѣ. Освобожденіе Россіи, какъ производное классовой борьбы пролетаріата, эта головоломная «доктринерская» идея социалдемократовъ, облекается въ плоть и кровь на глазахъ русскаго общества. И когда въ отвѣтъ на подавленіе петербургскаго движенія величественный порывъ классовой солидарности вызываетъ стачки во всѣхъ концахъ Россіи, буржуазное общество не въ силахъ сопротивляться этому движенію, и, не имѣя возможности въ данный моментъ поднять свой протестъ до высоты, достигнутой въ Петербургѣ, Московскіе, Рязскіе, Ковенскіе, Саратовскіе и др. рабочіе, можно сказать, «шута», въ ходѣ сдѣланнаго ими себѣ военнаго осмотра, добываютъ себѣ значительныя экономическіе уступки, которыя при другихъ условіяхъ стоили бы имъ массы жертвъ и которыя значительно повышаютъ ихъ боевую энергію, боевую готовность и организованность. Въ одномъ уже этомъ колоссальное значеніе продолжающагося по сей день движенія.

Но еще болѣе важно то вліяніе, которое переживаемыя событія окажутъ на классовое сознаніе всего російскаго пролетаріата. Пусть въ данный моментъ въ большинствѣ случаевъ дѣло и не пойдетъ дальше стачки или мирной демонстраціи. Изъ январскихъ дней весь російскій пролетаріатъ выйдетъ выросшимъ политически на цѣлую голову. И плоды этого «стихійнаго» роста окажутся тѣмъ скорѣе и очевиднѣе, чѣмъ больше въ предыдущій періодъ социалдемократія успѣла заровнять въ эту стихійно поднявшуюся массу сознаніе ея историческихъ задачъ, чѣмъ тѣснѣе удалось ей своей агитаціей сплотить вокругъ себя передовые элементы этой массы. Все, что въ послѣдніе мѣсяцы было сдѣлано социалдемократіей въ этомъ направленіи—агитаціей противъ войны, агитаціей по поводу земско-либеральнаго движенія—скажется въ степени сознательности и революціонности внезапно поднявшихся массъ, какъ уже сказалось въ эти знаменательные дни въ Петербургѣ, гдѣ такъ легко, такъ поразительно быстро, благодаря умѣлой агитаціи социалдемократовъ, рабочія массы перешли отъ лозунговъ реакціонной демагогіи національ—либерализма къ революціоннымъ лозунгамъ социалдемократіи.

Январская эпопея всеросійской пролетарской борьбы сразу создаетъ для партійной работы такой широкій базисъ, котораго у партіи еще никогда не было. Полтора года отдѣляетъ ее отъ послѣдняго крупнаго массоваго выступленія пролетаріата. За эти полтора года

много силъ партіи было поглощено болѣзнями ея внутренняго развитія, много стихійныхъ факторовъ не давали ей возможности выпрямиться во весь ростъ и развернуть свою политическую работу. И, тѣмъ не менѣе, логика историческаго развитія вновь привела въ тѣсное сопрякосновеніе съ нашей порѣдѣвшей и ослабѣвшей арміей могучую силу пролетарской стихіи, и вновь въ результатъ этого сопрякосновенія социалдемократія становится крупнѣйшей политической силой современности, а пролетаріатъ охотно принимаетъ ея политическое руководство. Двѣсти тысячъ было за социалдемократіей въ памятные лѣтніе дни 1903 года — миллионъ уже стоитъ за нею сейчасъ въ этомъ гравдіозномъ пролетарскомъ выступленіи, отъ котораго, по прекрасному выраженію Розы Люксембургъ, «вѣетъ духомъ Маркса».

Періодъ необходимой подготовительной работы сильно сокращенъ январскими событіями, положившими начало революціонной мобилизаціи громаднхъ массъ народа. Усиливая во много разъ свою агитацію, охватывая ею миллионы рабочихъ, крестьянъ, солдатъ, буржуазныхъ слоевъ націи, партія должна теперь призывать ихъ къ всенародному выступленію.

Но чтобы ея работа шла успѣшнѣе и чтобы «духъ Маркса» не отлеталъ отъ нея, она должна идти въ томъ же направленіи, въ какомъ она развивалась послѣдніе мѣсяцы. Темпъ долженъ стать неизмѣримо болѣе быстрымъ, масштабъ практическихъ дѣйствій каждого дня уже сталъ болѣе крупнымъ, но принципы тактики и ея методы остаются тѣми же самыми. Революціонную мобилизацію массъ, с.-д.—партія сознательнаго пролетаріата—совершила посредствомъ сплоченія и организаціи передовыхъ пролетаріевъ въ самостоятельную и самостоятельно выступающую во всѣхъ событіяхъ общественной жизни пролетарскую партію. Пользуясь высоко поднявшейся волной революціоннаго возмущенія народа и поднимая ее все выше и выше—с.-д. будетъ крѣпко спланивать и спланивать въ одно великое дѣло—въ дѣйствительную рабочую партію—всѣ политически мыслящіе элементы рабочаго класса. И когда голосъ этого коллективнаго агитатора—рабочей партіи—станетъ слышенъ народнымъ массамъ во всѣхъ концахъ Россіи, когда его политическіе лозунги будутъ восприниматься всей возстающей Россіей, какъ они были восприняты вставшимъ 9 января рабочимъ Петербургомъ; когда звенья социалдемократической пролетарской организаціи, укрѣпленными ежечаснымъ упражненіемъ въ маневрахъ, аванпостныхъ сраженіяхъ и серьезныхъ битвахъ, станутъ охватывать всѣ революціонные элементы народныхъ низовъ—тогда россійской социалдемократіи будетъ обезпечено политическое

руководство неминуемымъ и быстро приближающимся къ осуществленію всенароднымъ выступленіемъ.

Недѣло и вредно мечтать о монополіи активной роли въ надвигающемся возстаніи для руссокой социалдемократіи. О чемъ она вправѣ, о чемъ она должна «мечтать»—это о политической гегемоніи для своего класса, о политически руководящей роли для себя, какъ авангарда класса—освободителя націи. А эта роль не можетъ быть ни достигнута, ни прочно закрѣплена за партіи тѣмъ, что ей удастся взять всецѣло въ свои руки техническую организацію и проведеніе выступленія.

Сознательный пролетаріатъ, опираясь на логику стихійнаго процесса историческаго развитія, используетъ для своихъ цѣлей всѣ элементы организаціи, всѣ элементы броженія, которые создаетъ моментъ «кануна революціи», нисколько не смущаясь тѣмъ, что всѣ эти элементы снимаются у него долю «техническаго руководства» самой революціей, и такимъ образомъ, волей неволей, посодѣйствуютъ перенесенію его требованій въ самые отстаемыя слои народной массы. С.-д. будетъ только рада, если, вслѣдъ за священникомъ, популяризировавшимъ въ массахъ ея требованіе разрыва государства съ церковью, вслѣдъ за легальнымъ рабочимъ обществомъ, организовавшимъ народный походъ по улицамъ Петербурга, русская революція обогатится генераломъ, который первымъ поведетъ народныя массы, или чиновникомъ, который первый провозгласитъ официальное испроверженіе правительства. С.-д. будетъ вправѣ видѣть громадный успѣхъ ея работы, если какое либо узко націоналистическое или ограниченно-буржуазное движеніе послужитъ послѣднимъ толчкомъ, отъ котораго затрясется Бастилія... Все это будетъ работать для рабочаго класса, если только рабочій классъ во всѣхъ перипетіяхъ революціи будетъ политическимъ авангардомъ націи, если подъ его политическимъ давленіемъ будутъ совершаться всѣ эти революціонныя превращенія, если только движущей силой всего революціоннаго процесса будетъ сознательная и планомерная работа социалдемократіи.

Задачей социалдемократіи въ данный моментъ является, поэтому, не столько «организовать» народную революцію, сколько «развязать» ее. Революція уже существуетъ потенциально въ мысляхъ и чувствахъ широкихъ народныхъ массъ. Надо дать ей выходъ въ открытомъ движеніи, надо реализовать ее—и эта задача лежитъ цѣлкомъ въ области агитаціи и организаціи массъ, въ области политическаго руководства массами. Никто не можетъ выполнить эту полити-

ческую работу лучше, чѣмъ социалдемократія, связанная своею 20-ти лѣтнею дѣятельностью съ народными массами. Никто не сможетъ выполнить ее въ интересахъ классовой борьбы пролетаріата, кромѣ той партіи, для которой борьба за освобожденіе Россіи тѣсно сплетается съ процессомъ революціоннаго самоопредѣленія рабочаго класса, съ процессомъ его организаціи для своего конечнаго и полнаго освобожденія.

Пусть же девятое января, начавшее новую эру въ жизни Россіи, положитъ начало и непрерывнымъ политическимъ успѣхамъ партіи, призванной исторіей стоять во главѣ національной русской революціи.

Л. Мартовъ.

Въ водоворотѣ революціи.

(3 февраля 1905 г. № 86.)

Говорятъ, наступило затишье... Говорятъ даже, что революція девятаго января окончилась неудачей, что теперь надо ждать другой, побѣдоносной революціи... Странное затишье... Странное пониманіе революціи.

Быстрое разложеніе и ломка верушки правительственнаго механизма; отказъ принять депутацію рабочихъ вчера, фабрикація на заказъ подобія такой депутаціи сегодня; генераль-губернаторъ и министерство ежовыхъ рукавицъ, смѣняющее министерство «довѣрія» и одновременно слухи о близкомъ созывѣ земскаго собора; обыскъ—дѣйствительный или предполагаемый—для характеристики господствующаго настроенія это почти безразлично—у предѣдателя комитета министровъ, и настойчивыя стремленія этого хитроумнаго Улисса бюрократіи возможно шире оповѣстять весь міръ о своей «невидовности» въ кровопролитіи 9 января; совѣщаніе министра финансовъ съ промышленниками, гдѣ ихъ, почти приставивъ ножъ къ горлу, «убѣждаютъ» сдѣлать рабочимъ тѣ ничтожныя уступки, которыя, по мнѣнію правительства, прольютъ цѣлительный бальзамъ на нанесенныя абсолютизмомъ кровавыя раны; административная скачка по дорогѣ къ «реформамъ», причѣмъ промышленники, которыхъ вчера силой главы

къ уступкамъ, сегодня призываются «ограждать» интересы рабочихъ въ вопросѣ о государственномъ страхованіи, а прелюбодію мысля Суворину и мракобѣю Мещерскому вручается судьба свободы печати, при благосклонномъ участіи соглашающихся покрывать всю эту грязь своими именами генераловъ отъ либерализма — Коки, Арсеньева и Стасюлевича. Вотъ неполная картина того шквала, который все перенорачиваетъ въ правительственныхъ верхахъ. А внизу? Общественныя и сословныя учрежденія, все съ большей и большей настойчивостью и опредѣленностью заявляющія свои освободительныя требованія; публичное выраженіе симпатій жертвамъ девятаго января и негодованія убійцамъ; заявленіе московскихъ промышленниковъ; пресса, не смотря на висящій надъ ней дамокловъ мечъ бѣлаго террора, говорящая подчасъ такимъ языкомъ, какой не часто встрѣчался и въ разгарѣ министерской «весны»; солдаты, убивающіе офицеровъ, которые приказывали стрѣлять въ народъ; стачечная гражданская война, охватившая чуть не половину Россіи; и кровь, кровь, цѣлыми потоками проливаемая борющимся пролетариатомъ...

И это — затишье? Это — неудачный конецъ революціи? Нѣтъ, это сама революція, не кончившаяся, а только начавшаяся, революція съ ея неизбежными смѣнами приливовъ и отливовъ, революція, проявляющаяся то въ мелкихъ партизанскихъ стычкахъ, то въ длительныхъ обходныхъ движеніяхъ, то въ прямой, фронтальной атакѣ на врага. И только мысль, привыкшая скользить по поверхности, только мысль не умѣющая охватить весь колоссальный фактъ социальна-политическаго переворота, какимъ является революція, во всей его полнотѣ, и цѣпляющаяся за отдѣльные «блестящіе» эпизоды, только мысль отороннаго наблюдателя и дилетанта революціи можетъ продиктовать представленіе о какомъ то первомъ «настоящемъ» натискѣ пролетариата, который будто бы еще только «предстоитъ».

Не къ «веснѣ», и не къ «теплому времени», и не къ какимъ нымъ срокамъ должна социалдемократія «готовиться», а сейчасъ, немедленно должна вложить въ уже совершающуюся революцію весь политическій и организаціонный капиталъ, накопленный ею. И только въ процессѣ непосредственнаго и всесторонняго участія въ революціи будетъ этотъ капиталъ затрачиваться производительно, будетъ возрастать съ головокружительною быстротою. Конечно, всѣ предположенія говорятъ за то, что—и, быть можетъ, не разъ еще—повторится генеральная битва по всему фронту между абсолютизмомъ и поднявшимся народомъ. Но смѣшно и недѣло пытаться заранѣе точно опредѣлять и назначить время этого сраженія въ зависимости отъ

того, какъ начертили мы наши военные «планы». Исторія всегда умѣла опутать чертежи любого Архимеда, перехитрить самаго хитраго стратега и застать «врасплохъ» того, кто не готовъ былъ въ любую минуту грудью встрѣтить врага. Не приурочивая свою дѣятельность ни къ какому опредѣленному «моменту», и не подчиняя ее всецѣло подготовкѣ опредѣленной формы «натиска», социалдемократія должна расположить свои силы такъ, чтобы быть всегда по возможности болѣе готовою и къ «натиску», и къ партизанскимъ стычкамъ, и къ тяжкимъ обходнымъ операціямъ.

И само собою разумѣется, что во всѣхъ «боевыхъ» эпизодахъ, революціонная по самому существу своему, социалдемократія должна стоять въ первыхъ рядахъ борющагося народа. Социалдемократія должна сдѣлать все, что въ ея силахъ, чтобы пролетаріатъ не оказался снова безоружнымъ и беззащитнымъ передъ лицомъ врага; она должна въ день кровавыхъ битвъ указать исходъ революціонному чувству народа, планомерно направлять боевую энергію массъ на самыя слабыя пункты вражескихъ укрѣпленій; своею бодростью, смѣлостью и отвагой она должна увлекать въ рѣшительное наступленіе поднявшуюся толпу. Но, становясь во главѣ народа, силой завоевывающаго себѣ свободу и дезорганизующаго ряды враговъ, социалдемократія съ тѣмъ болѣею настойчивостью и зоркостью должна имѣть въ виду главную цѣль свою—охрану классовыхъ интересовъ пролетаріата, не только въ смыслѣ напоминанія ему великихъ конечныхъ цѣлей его, но и въ смыслѣ самостоятельности участія его въ освободительной борьбѣ сегоднешняго дня.

Пусть горячѣе течетъ кровь въ жилахъ, пусть чаще бьется охваченное гнѣвомъ и радостною надеждою сердце, пусть злобно сжимаются кулаки! Тотъ не революціонеръ, въ комъ не дрожатъ напряженно всѣ фибры души въ эти великіе историческіе дни. Но пусть не кружится голова! Тотъ не политическій дѣятель, тотъ—не слуга пролетаріата, кто въ минуту высшаго душевнаго подъема теряетъ изъ виду ту путеводную звѣзду, которая яркимъ свѣтомъ свѣтила социалдемократія на всемъ протяженіи ея пути, кто сбивается съ дороги именно тогда, когда пролетаріату нужнѣе всего его служба.

И сегодня, какъ и вчера, какъ и завтра, социалдемократія не можетъ оставить ни на минуту своей критической работы.

Опираясь на классовые интересы пролетаріата, выдвигая эти интересы на первый планъ во всѣхъ стадіяхъ революціонной борьбы, социалдемократія будетъ тѣмъ самымъ мощно двигать впередъ самое революцію. И, конечно, въ этой работѣ ее не остановятъ лицемерные

крики о «рекламѣ для своей фракціи», исходящіе со стороны тѣхъ, кого весь развертывающійся ходъ историческихъ событій бьетъ по лицу. Соціалдемократія—не торговая фирма, не бойко торгующая лавочка, а великій историческій принципъ, освѣщающій всю совокупность современныхъ политическихъ, социальныхъ и экономическихъ отношений и дающій въ руки пролетаріата ключъ, который съ наименьшимъ трудомъ и наименьшими жертвами отворить ему завѣтные двери, ведущія въ царство свободы. Если исторія «рекламируетъ» этотъ принципъ, мы съ глубокою радостью привѣтствуемъ эту «рекламу». Мы «воспользуемся» ею для того, чтобы еще и еще разъ указать пролетаріату на необходимость классовой организаціи, классовой политики, классовой самостоятельности и самодѣтельности.

Въ мрачную эпоху 80-хъ годовъ, послѣ крушенія надеждъ борцовъ Народной Воли, посреди всеобщей растерянности и отчаянія, возвысила свой голосъ русская соціалдемократія, чтобы сказать, что нарождается, что народился уже классъ, которому суждено въ борьбѣ за свое освобожденіе освободить всю страну отъ позора деспотизма. Съ борьбой этого класса неразрывно связала соціалдемократія свое дѣло. Сквозь строй ожесточенныхъ нападокъ, недовѣрія, криковъ объ «узости», «истеричности», «сектанствѣ» несла она красное знамя классовой борьбы пролетаріата, какъ единственный залогъ свободы. Посреди трусливаго ожиданія неожиданныхъ милостей сверху, она одна хранила вѣру въ революцію. Посреди метанія отъ одного чудодѣйственнаго средства борьбы къ другому, она одна хранила вѣру въ борьбу народныхъ массъ.

Въ рядѣ долгихъ, упорныхъ битвъ росло классовое сознаніе и закалялся революціонный духъ рабочаго класса. Жертва воѣхъ вѣдъ гнета и эксплуатаціи, пролетаріатъ гордо могъ заявить, что его классовыя требованія одни только не носятъ на себѣ печати классовой ограниченности, что, ставя себѣ конечною цѣлью освобожденіе всего человечества, онъ и въ каждомъ этапѣ своей борьбы несетъ свободу для всѣхъ. И въ день 9-го января передъ всѣмъ міромъ пролетаріатъ выступилъ, какъ передовой борецъ, несущій въ дѣло освобожденія не только свою физическую силу, но и свои демократическіе лозунги, передъ которыми отнынѣ безповоротно должны ступать тѣ робкія, предательскія рѣшенія вопроса о свободѣ, которыя старался продиктовать народу классовый эгоизмъ имушихъ.

Революція началась, и она будетъ совершаться во имя созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія, во имя демократіи. Послѣ 9-го января вопросъ о полномъ народовластіи изъ области тѣхъ «уто-

пических» мечтаний, которые так охотно клеймят люди, принимающие свою близорукость за трезвость мысли, вопрос о народовластии встал на очередь дня. И с радостным чувством святителя, после долгой и упорной работы видящего первые всходы своего посева, социалдемократия может смотреть на тот размах политической мысли, который обнаружили петербургские пролетарии. Не из легальных газет, не из земских революций, не из либеральных рвений на банкетах вышел тот лозунг Всенародного Учредительного Собрания и всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, который сдѣлало своимъ петербургское движеніе. Социалдемократія одна ¹⁾ несла его рабочему классу, и, не руководя петербургскимъ движеніемъ организационно, она въ значительной степени руководила имъ политически.

«Было бы въ высшей степени опасно, если бы мы, полагаясь на возможность для насъ непосредственнаго организационнаго руководства всей многомилліонной массой пролетаріата, не оцѣнили въ полной мѣрѣ первостепенной важности укрѣпленія элементовъ нашего политическаго руководства рабочимъ классомъ» — писали мы 10 мѣсяцевъ тому назадъ ²⁾ и можемъ еще съ большей силой повторить это теперь, когда рѣчь идетъ не о движеніи одного только пролетаріата, а о движеніи всенародномъ.

Не упуская изъ виду необходимости расширять свой организационный базисъ и даже настаивая на ней, мы все же такъ мало дорожимъ «рекламой» для своей фракціи, что открыто признаемся: движеніе сотысячныхъ массъ, хотя бы непосредственно руководимыхъ не нами, но несущихъ наши политическіе лозунги, для насъ несравненно цѣннѣе таинственныхъ операцій самыхъ ортодоксальныхъ «неуловимыхъ» кружковъ конспираторовъ. Потому что мы вѣримъ въ революціонность рабочихъ массъ и вѣримъ, что логика политическаго положенія толкнетъ, въ концѣ концовъ, эти массы и въ партійную организацію. И, наоборотъ, мы не вѣримъ въ сомнительно-ортодоксальную алхимию «штаба спѣвшихся и подготовленныхъ руководителей», который, опираясь на одно слѣпое «довѣріе» массы, приведетъ ее въ царство народной свободы.

Съ этой позиціи насъ, конечно, не столкнуть тѣ революціонныя мухи-поденки, фантазія которыхъ тѣмъ необузданнѣе витаетъ въ

¹⁾ Этотъ лозунгъ выдвинуть былъ еще жевевскимъ «Социалдемократомъ» по случаю голода 1891—1892 г.

²⁾ «Грядущій кризисъ», Искра № 63.

области всевозможнаго прожектарства, чѣмъ менѣе связаны онѣ въ дѣйствительности съ революціонной партіей, съ революціоннымъ народомъ, съ революціоннымъ движеніемъ.

Оружіе! Захватъ государственнаго банка! Порча желѣзныхъ дорогъ!—вотъ «едва ли не самые настоятельные вопросы теперь», вопять картонные герои, для которыхъ одною формою «возстанія» исчерпываются всѣ проблемы, выдвигаемыя передъ социалдемократіей русской революціей. Да, нужно оружіе, нужно при соответствующихъ обстоятельствахъ портить желѣзныя дороги, нужно захватывать государственный банкъ, и нужно даже вести просто «революціонную» агитацію, когда не можешь, или не умѣешь, вести агитацію социалдемократической. Но и съ оружіемъ и со всякими захватами лучше всего справляются тѣ, кто не такъ громко брацаетъ саблей въ своемъ воображеніи, для кого и оружіе и возстаніе есть лишь необходимое средство для несравненно болѣе сложной и глубокой цѣли. Социалдемократія будетъ усиленно работать и надъ разрѣшеніемъ техническихъ вопросовъ борьбы, но она будетъ помнить, что въ дни революціи, когда развязывается вѣковой узелъ общественно-политическихъ отношеній и рѣшаются будущія судьбы страны, «самымъ настоятельнымъ» вопросомъ является для насъ вопросъ о политической позиціи рабочаго класса, и что только въ связи съ этой политической работой могутъ быть для социалдемократіи разрѣшены и вопросы технические.

Не впадая въ уныніе и разочарованность въ дни затишья, не увлекаясь авантюрами въ дни общественнаго подъема и возбужденія, старалась идти социалдемократія въ своей многолѣтней работѣ. Въ событіяхъ послѣдняго времени она слишкомъ ясно почувствовала свое духовное родство и связь съ рабочей массой, слишкомъ наглядно увидѣла воплощеніе въ плоть и кровь своего дѣла, чтобы эти событія еще больше не укрѣпили социалдемократію въ слѣдованіи по тому вѣрному пути, на который она стала. Какъ Антей, черпавшій свою силу отъ прикосновенія къ землѣ, росла и крѣпла партія каждый разъ, какъ могучій подъемъ пролетарской борьбы приводилъ ее въ соприкосновеніе съ мощными пластами рабочихъ массъ.

Можно ли сомнѣваться, что изъ всколыхнувшей миллионныя массы революціонной бури она выйдетъ окрѣпшей и усилившейся до неузнаваемости? Вѣдь, каждый день современной революціонной борьбы вливаетъ свѣжую кровь въ жилы социалдемократіи. Уже теперь партія настолько чувствуетъ свою органическую связь съ пролетариатомъ, что, вопреки мнѣнію тов. Парвуса, не отъ «такта» пары—другой интелли-

гентовъ зависятъ ея судьбы. Прошло то время, когда партія могла распасться, не выдержавъ тѣхъ желѣзныхъ тисковъ, въ которые пыталась заковать ее бюрократическая фантазія революціонныхъ администраторовъ. Полтора года тяжелой борьбы и упорной работы не прошли даромъ. Широкіе кадры рабочихъ тѣсно, кровно связаны со своей партіей, и партія можетъ съ гордостью сказать всѣмъ, кто вздумалъ бы грозить ей «расколомъ»: раскола быть уже не можетъ, можетъ быть только совершенно безразличное для партіи откалываніе отъ вся ничтожныхъ группъ, ничего не дающихъ партіи, ничѣмъ не связанныхъ ни съ нею, ни съ дѣломъ рабочаго класса.

Революція началась. Революція ставитъ передъ нами колоссальныя политическія задачи, какія не стояли еще ни передъ одной партіей въ мірѣ. Соціалдемократія, партія рабочаго класса, одна можетъ взять на себя бремя разрѣшенія этихъ задачъ. Силы дороги, ихъ нельзя расточать безплодно. Пусть же всѣ соціалдемократы, всѣ, кто чувствуетъ огромную отвѣтственность, налагаемую званіемъ представителя пролетарскихъ интересовъ, пусть всѣ сплотятся для дружной, совместной работы! Пусть коллективная мысль партіи неустанно работаетъ надъ рѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ революціи, и пусть народныя массы на каждомъ шагѣ своей революціонной борьбы видятъ во главѣ себя, въ рядахъ своихъ соціалдемократа. Петербургскіе товарищи показали первый примѣръ: соціалдемократъ, неустанно агитирующій, соціалдемократъ, идущій въ первыхъ рядахъ народнаго шествія, соціалдемократъ—первымъ умирающій на баррикадѣ!

Вотъ путь, по которому соціалдемократія должна идти!

Ф. Данъ.

Правительство уходитъ.

(10 февраля 1905 г. № 78).

Всероссійская стачка еще не закончилась; но ея ближайшія политическія послѣдствія уже опредѣлялись съ достаточной ясностью. Залитая кровью попытка петербургскаго возстанія послужила сигналомъ къ началу открытаго революціоннаго движенія. Рабочій классъ нанесъ первый рѣшительный ударъ отжившему строю, и всѣ силы созрѣвавшего буржуазнаго общества новой Россіи быстро мобилизуются и выступаютъ противъ столь грознаго недавно деспотизма.

Появленіе революціоннаго народа сразу измѣнило обычную картину многолѣтней политической борьбы. Либеральная демократія, возлагавшая свои главныя надежды на благожелательность сверху или благонамѣреннаго министра и тратившая свои усилія на безплодныя попытки заставить правящія сферы внять голосу страны, наглядно убѣждается и въ прошлой ошибкѣ и въ грядущей опасности политики торговли и переторжекъ съ коснымъ режимомъ за спиной народа. Пролетарская кровь возвращаетъ зрѣніе слѣпымъ и заставляетъ глухихъ слышать. Послѣ девятаго января даже съ амвона церкви шефа жандармовъ раздалась отходная существующему строю. «Оживаетъ и пробуждается богатырь—Святая Русь»,—говорилъ священникъ Рахмановъ, напутствуя уволеннаго министра довѣрія. «Встрепенудись всѣ слои общества... Какая сила остановитъ этотъ потокъ? Нѣтъ такой силы!»

И сознаніе, что нѣтъ такой силы, которая могла бы противостоять вѣтору народнаго моря, заставляетъ либеральную демократію отрѣкаться отъ безпомощныхъ верховъ и искать опоры и поддержки въ революціонномъ авангардѣ народныхъ массъ, въ пролетаріатѣ. Пролетаріатъ становится основною осью, къ которой примыкаютъ и вкрутъ которой располагаются самыя разнообразныя партіи, самыя разнородныя противники господствующаго режима; пролетаріатъ указываетъ имъ не только демократическіе лозунги движенія, но даже нѣкоторыя формы политической борьбы. Либерально-демократическое движеніе, втянувшее съ концомъ правительственной «весны» и вслухнувшее съ новой энергіей вмѣстѣ съ революціонною стачкою, уже не ограничивается болѣе или менѣе неопредѣленными резолюціями и торжественными ужинами во славу свободы. Оно переходитъ

къ дѣйствию и заимствуетъ у пролетаріата испытанное средство борьбы рабочаго класса съ его политическими и экономическими угнетателями.

Послѣ девятаго января массовая забастовка общественныхъ учреждений, на которую социалдемократія давно указывала, какъ на лучшій въ ихъ рукахъ способъ дезорганизациі государственнаго механизма, стала совершившимся фактомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пришлось приостановить дѣятельность судебныхъ учреждений, вслѣдствіе забастовки адвокатовъ. Ни одно высшее учебное заведеніе не функционируетъ въ настоящее время, вслѣдствіе забастовки студентовъ и профессоровъ; даже среднія учебныя заведенія захвачены стачечнымъ движеніемъ. Ученныя и профессиональныя общества приостановили свою дѣятельность. Даже такія политическія организаціи имущихъ классовъ, какъ земскія учрежденія, широко воспользовались пролетарскимъ средствомъ борьбы. Намѣчавшаяся еще послѣ ноябрьскаго земскаго съѣзда стачка земскихъ представителей въ то время встрѣтила непреодолимое препятствіе въ обычныхъ предрасудкахъ и обычной нерѣшительности земскаго либерализма. Всеподданнѣйшіе адреса земскихъ собраній декабрьской сессіи далеко отстаютъ отъ навѣстныхъ резолюцій петербургскаго земскаго съѣзда. Только три земства: Московское, Черниговское и Смоленское приостановили тогда свои занятія. Теперь, послѣ петербургскихъ событій, и земцы почувствовали приливъ гражданскаго мужества. Московское, Петербургское, Таврическое, Воронежское, Уфимское, Новгородское, Саратовское, Симбирское, Курское, Вологодское, Костромское и другія губернскія земскія собранія и Вологодская и Симферопольская городскія думы отказались работать при существующихъ условіяхъ.

Большинство учебныхъ заведеній, научныхъ и профессиональныхъ обществъ, и многія общественныя учрежденія заявили, что они прерываютъ свою дѣятельность до тѣхъ поръ, пока правительство не пойдетъ навстрѣчу законнымъ желаніямъ общества и не призоветъ свободно выбранныхъ представителей народа для участія въ законодательствѣ и управленіи страны. Конечно, демократическіе лозунги пролетаріата и теперь еще далеко не подхвачены всѣмъ оппозиционнымъ обществомъ, но тѣ политическія требованія, которыя еще въ декабрѣ высказывались рабскимъ языкомъ, теперь говорятся ясно и твердо съ гражданскимъ достоинствомъ.

Массовая забастовка земскихъ и городскихъ учреждений, выполняющихъ серьезныя задачи мѣстнаго государственнаго управленія, грозитъ серьезными затрудненіями, особенно опасными для правитель-

ства вслѣдствіе военнаго времени. Забастовка высшихъ учебныхъ заведеній и общественныхъ союзовъ нарушаетъ обычное теченіе общественной жизни. Въ странѣ начинается анархія, которая дѣлаетъ невыносимымъ самое существованіе.

Кровавое подавленіе рабочаго возстанія казалось правительству первымъ шагомъ къ возврату на дорогу безпощадной реакціи. Удаленіе Святопопка, рѣшенное еще девятаго января, знаменовало крушеніе полицейскаго либерализма и переходъ къ старой системѣ твердой власти. Военная диктатура въ Петербургѣ и усиленная охрана въ другихъ городахъ должны были обезпечить проведеніе въ жизнь реакціонныхъ плановъ. Но упорное сопротивленіе пролетариата, развившееся въ массовой забастовкѣ, распространившейся и на буржуазію, разрушило всѣ расчеты сторонниковъ деспотизма. Желѣзная рука, такъ часто и такъ безпощадно уничтожавшая всѣ побѣги новой жизни, на этотъ разъ оказалась безсильной передъ мощнымъ народнымъ движеніемъ. Реакція не удалась и превратилась въ покушеніе съ негодными средствами. Потокъ народного недовольства прорвалъ плотину деспотическаго гнета, и, вмѣсто торжествующихъ голосовъ реакціонеровъ, повсюду раздаются побѣдные привѣтствія свободѣ. Правительство въ смятеніи вынуждено уступить дорогу новымъ силамъ.

«Правительство идетъ!»—восклицалъ нѣкогда Катковъ, привѣтствуя мрачную реакцію, смѣнявшую либеральныя попытки Александра II. Правительство уходитъ!—можемъ мы сказать теперь, при видѣ послѣднихъ судорогъ абсолютизма. Пусть растерянная бюрократія еще хлопочетъ вокругъ обломковъ старой государственной машины,—революціонный порывъ рабочаго класса безповоротво опредѣляетъ исходъ нѣковаго политическаго спора: оно уходитъ, это правительство выродившагося развратнаго режима, озвѣрѣлыхъ министровъ—жандармовъ, правительство крови и позора, въ теченіе столькихъ лѣтъ угнетавшее многомилліонный народъ. Рѣшеніе созвать Земскій Соборъ, принципиально принятое въ высшихъ сферахъ и объявленное въ официозныхъ газетахъ, возвѣщаетъ начало капитуляціи абсолютизма.

Земскій соборъ, каковъ бы ни былъ его составъ, несомнѣнно поведетъ къ паденію абсолютизма, какъ системы безграничнаго произвола. Въ этомъ смыслѣ, его созывъ можетъ удовлетворить многихъ и многихъ изъ тѣхъ, кто теперь такъ любовно и горячо толкуетъ объ интересахъ народа. Но такой результатъ не можетъ удовлетворить громадное большинство народа и прежде всего пролетариатъ, который своей кровью завоевалъ себѣ въ январьскіе дни право на лучшее будущее въ освобожденной Россіи и которому еще, быть можетъ, до созыва Земскаго

Собора придется пролить не мало крови въ открытой борьбѣ съ издыхающимъ чудовищемъ.

Уже теперь очевидно, что, если даже поспѣшать созвать Земскій Соборъ, чтобы предупредить революціонный взрывъ, то этотъ Соборъ не отвѣтитъ на политическія требованія рабочаго класса. Петиція петербургскихъ рабочихъ была только первымъ революціоннымъ шагомъ пролетаріата; но и эта петиція, запечатлѣнная кровью тысячей жертвъ, требовала Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Между тѣмъ, редакторъ «Новаго Времени», всегда осѣдломленный о планахъ правительства, рѣшительно отвергаетъ это требованіе и началъ издѣваться надъ нимъ. Насколько можно судить по сообщеніямъ Суворина, предполагаемый Земскій Соборъ составитъ изъ представителей тѣхъ классовъ, для которыхъ пролетаріатъ является только подмостками для восхожденія на вершину политическаго господства надъ народомъ. Такимъ образомъ, бюрократическое самодержавіе легко можетъ смѣниться самодержавіемъ эксплуататоровъ и угнетателей рабочаго класса. И, если различные слои оппозиціонной буржуазіи уже готовы сложить оружіе передъ Земскимъ Соборомъ, то пролетаріатъ и его политическая организація—соціалдемократическая партія—отмѣчаютъ новый поворотъ политической жизни, главнымъ образомъ, для того, чтобы своевременно усилить свою боевую готовность, чтобы своевременно приучить мысль пролетаріата и народныхъ массъ къ возможной борьбѣ на два фронта: съ правительствомъ и остальными элементами буржуазіи. Намъ не разъ еще придется обожждать и выяснять каппи тактическія задачи по мѣрѣ того, какъ «принципіальное» рѣшеніе правительства созвать народныхъ представителей будетъ принимать конкретную форму. Но, во всякомъ случаѣ, основы нашей тактики не могутъ намѣниться. Самостоятельное революціонное выступленіе пролетаріата, какъ независимой классовою партіи, за одинъ разъ достигло того, чего не могли добиться ни мирныя усилія либеральной оппозиціи, ни террористическіе акты героевъ буржуазной демократіи. Революціонная стачка, поднявшая рабочую армію, пробудила буржуазію и нанесла смертельную рану абсолютизму. Правительство уходитъ!—вотъ смыслъ переживаемой правительственной анархіи. И пролетаріатъ долженъ мобилизовать всѣ силы, чтобы въ моментъ ликвидаціи стараго порядка использовать въ своихъ интересахъ первую рѣшительную побѣду, которую его смѣлая инициатива и его самоотверженная борьба за свободу уже одержали надъ деспотизмомъ, и сдѣлать ее рычагомъ для развитія революціи.

Н. Негорева.

Одинъ изъ эпизодовъ революціи.

(10 февраля 1905 г. № 87).

9 января сляшкомъ двѣсти тысячъ петербургскихъ пролетаріевъ шли ко дворцу съ намѣреніемъ изложить свои нужды и пожеланія. Они были встрѣчены пулями и штыками... 29 января правительство принуждено было объявить объ образованіи, подъ предсѣдательствомъ сенатора Шидловскаго, комиссіи изъ представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ, изъ представителей фабрикантовъ и рабочихъ «для безотлагательнаго выясненія причинъ недовольства рабочихъ въ г. Петербургѣ и его пригородахъ и выясненія мѣръ къ устраненію таковыхъ въ будущемъ». Признавъ 29 января, что недовольство рабочихъ имѣетъ свои причины, которыя необходимо выяснитъ, правительство само подписало приговоръ своему поведенію 9 января.

9 января есть начало революціи, 29-ое—одинъ изъ ея эпизодовъ. Какое значеніе этого эпизода? Высшимъ образомъ, онъ едва-ли не исчерпывается тѣмъ подписаннымъ самому себѣ приговоромъ, о которомъ мы сейчасъ говорили. Въ трудныя минуты своего существованія самодержавіе уже не разъ прибѣгало къ подобнымъ комиссіямъ, въ которыхъ хоронились многія изъ обѣщанныхъ и давно назрѣвшихъ реформъ. Сколько такихъ комиссій перевидали мы въ послѣдніе годы, сколько въ нихъ исписано бумаги, сколько потрачено на нихъ народныхъ денегъ! Результаты воишь явѣстны. Ждетъ ли иная судьба комиссію сенатора Шидловскаго? Конечно, нѣтъ.

Комиссія придумана для того, чтобы дать исходъ острому недовольству рабочихъ и убавить ихъ перспективой ожидаемыхъ улучшеній. Но, кромѣ того, правительство преслѣдуетъ другую, не менѣе важную для себя цѣль. 9 января былъ днемъ ужаса для правительства. Стало ясно, что даже въ легальныхъ и прирученныхъ рабочихъ союзахъ неизбежно развиваются политическія стремленія. Комиссія должна вернуть рабочихъ въ русло экономики: рабочихъ хотять убѣдить, что экономическія требованія могутъ быть удовлетворены самодержавіемъ и что, слѣдовательно, не въ интересахъ рабочихъ стремиться къ ликвидаціи современнаго политическаго строя.

Таковъ субъективный смыслъ комиссіи для правительства. Сомнительно, однако, чтобы послѣ 9 января эти планы могли удасться. Каждый, мало-мальски мыслящій рабочій непремѣнно спроситъ себя:

«Сколько же должно быть пролито нашей крови для того, чтобы правительство рѣшилось признать, что для нашего недовольства имѣются весьма основательныя причины? Сколько нужно намъ пережить 9-хъ января, чтобы наконецъ наступило 29-ое число, тоже очень мало намъ обещающее?»

Послѣ 9 января нельзя удовлетворить рабочихъ игрою въ выборы. Если бы даже петербургскіе рабочіе отличались такой политической близорукостью, что не замѣчали бы связи между всеобщимъ политическимъ положеніемъ страны и собственными судьбами, если бы они сосредоточили все свое вниманіе на комиссіи сенатора Шидловскаго, то и она должна преподнести имъ такой урокъ политической мудрости, какого они во вѣкъ не забудутъ. Часть петербургскихъ рабочихъ уже теперь представила сенатору цѣлый рядъ требованій, безъ выполненія которыхъ они не признаютъ для себя возможнымъ принять участіе въ выборахъ депутатовъ. Среди этихъ требованій значатся: открытіе 11 отдѣловъ собраній рабочихъ и право открывать новые отдѣлы, разрѣшеніе печатать безъ всякихъ изъятій постановленія и пренія въ собраніяхъ, полная свобода и неприкосновенность личности всѣхъ участниковъ собранія и предоставленіе рабочимъ права уполномочивать на защиту своихъ интересовъ не только рабочихъ, но и другихъ лицъ, которыхъ изберутъ рабочіе. Г. Шидловскій, который во вопросу объ открытіи рабочихъ собраній призналъ себя некомпетентнымъ и отослалъ рабочихъ къ новоявленному спасителю режима, генералу Трепову, точно такъ же, какъ по вопросу объ уплатѣ рабочимъ за время стачки, онъ отослалъ ихъ къ министру финансовъ, не смотря на то, что рескриптъ надѣляетъ его неограниченными полномочіями,—г. Шидловскій, по всей вѣроятности, и въ остальныхъ вопросахъ признаетъ себя некомпетентнымъ.

До сихъ поръ сенаторъ Шидловскій обѣщалъ рабочимъ только одно—неприкосновенность ихъ депутатовъ. Но, допуская даже, что г. Треповъ согласится сдержать слово, данное г. Шидловскимъ¹⁾, мы будемъ имѣть, въ качествѣ рѣдкихъ экземпляровъ, пару десятковъ рабочихъ, свободно разгуливающихъ по Петербургу, не смотря на произнесенныя ими (если они произнесутъ) въ нѣкоей комиссіи радикальныя рѣчи, тогда какъ ихъ товарищей за подобныя рѣчи, за критику поведенія ихъ въ комиссіи (если она чтонибудь узнаетъ объ этомъ поведеніи) будутъ сажать въ тюрьмы,сылать.

1) Французскія газеты сообщаютъ, что два делегата Путиловскаго завода уже арестованы.

Мы не будемъ даальше распространяться на эту тему. Ясно, что получатся урокъ нагляднаго политическаго обученія огромной важности. и что правительство само постарается сдать эпизодъ 29 января въ архивъ исторіи, куда уже сданы многочисленныя другіе эпизоды подобнаго рода.

Задача социалдемократіи, въ виду этого и другихъ подобныхъ эпизодовъ, предначертана ея поведеніемъ въ день девятаго января. Какъ тогда, она будучи убѣждена въ томъ, что у правительства не просятъ, а требуютъ, что всякія просьбы бесполезны, все же пошла впереди рабочихъ для того, чтобы тутъ же на мѣстѣ, на примѣрѣ совершающихся грозныхъ событій, вліять на сознаніе массъ, — такъ и теперь, будучи заранѣе увѣрена въ безсиліи и бесплодности комиссіи сенатора Шидловскаго, она обязана использовать агитаціонно этотъ эпизодъ правительственной растерянности, требовать и агитировать во имя свободы выборовъ рабочихъ депутатовъ, гласности преній, полной свободы слова на тѣхъ собраніяхъ, гдѣ будутъ выбираться депутаты, а также въ самой комиссіи и т. п. Партія должна открывать глаза рабочей массѣ на тотъ колоссальный обманъ, который практикуетъ правительство, якобы желающее услышать истинный голосъ рабочихъ и устраивающее выборы подъ надзоромъ полиціи, какъ это пытались сдѣлать на Путиловскомъ заводѣ, или подъ наблюденіемъ фабр. инспектора, какъ это, повидимому, будетъ установлено вездѣ. Но въ своей агитаціи партія, само собою разумѣется, не должна остановиться на этомъ. Она должна пойти дальше. Она должна позаботиться о томъ, чтобы посылаемые въ комиссію депутаты получили отъ рабочихъ мандатъ съ обязательствомъ заявить тамъ — и надо постараться, чтобы необходимость такого заявленія ясно ими сознавалась, — что я устраненіе причинъ недовольства рабочихъ и вообще плодотворная работа настоящей комиссіи невозможна при существующихъ политическихъ условіяхъ и что, поэтому, рабочіе настойчиво требуютъ созыва Учредительнаго Собранія. Только при такой агитаціи можно надѣяться, что и эпизодъ 29 января станетъ могучимъ стимуломъ развивающейся революціи.

Кольцовъ.

О революціонной работѣ въ деревнѣ.

(10 февраля 1905 г. № 87.)

Въ начавшейся русской революціи крестьянству суждено сыграть крупную роль. Неосмѣнно, что однимъ изъ главныхъ вопросовъ, которые встанутъ въ ходѣ революціи, лишь только рѣчь зайдетъ о новомъ устройствѣ государственныхъ порядковъ, и настоятельно потребуютъ разрѣшенія, будетъ вопросъ аграрный; а этотъ вопросъ безъ политическаго выступленія крестьянства, конечно, разрѣшенъ быть не можетъ.

Вотъ почему работа среди крестьянства и политическое воспитаніе крестьянства имѣетъ для с.-дем. партіи огромное значеніе. С.-д. аграрная программа даетъ достаточно руководящихъ указаній для такой работы. Не ставя никакихъ предѣловъ революціонному преобразованію аграрныхъ отношеній, программа подчеркиваетъ основныя тенденціи развитія современной деревни, даетъ принципиальное обоснованіе нашей политической агитаціи среди крестьянъ и указываетъ тотъ минимумъ, осуществленіе котораго с.-д. считаетъ безусловно необходимымъ для уничтоженія скрывающихся крестьянство остатковъ крѣпостническихъ отношеній.

За послѣдніе годы кое-гдѣ работа среди крестьянъ ведется социал-демократіей довольно энергично. Не слѣдуетъ, кромѣ того, забывать, что социал-демократическая литература, чаще всего прокламаціи, идетъ въ крестьянство и при помощи тѣхъ тысячъ нитей, которыя связываютъ городской пролетаріатъ съ деревней. Такимъ образомъ, можно думать, что, въ общемъ, политическія идеи социал-демократіи имѣютъ среди крестьянъ гораздо большее распространеніе и влияют на политическую мысль крестьянства гораздо сильнѣе, чѣмъ это можно предположить при первомъ взглядѣ на размѣры прочныхъ организаціонныхъ связей партіи съ деревней.

Но какъ бы то ни было, нельзя не признать, что планомѣрная, систематическая работа социал-демократіи въ деревнѣ далеко еще не стоитъ на той высотѣ, какая была бы для партіи желательна. Разумѣется, это объясняется не «игнорированіемъ» крестьянства, и ужъ, конечно, не тѣмъ «презрѣніемъ» къ деревнѣ, которое такъ охотно подсовываютъ социал-демократіи ея критики. Относительная слабость силъ по сравненію съ тѣми огромными задачами, которыя ложатся на плечи социал-демократіи, сама по себѣ достаточно оправдываетъ сосредото-

ніе работы въ городѣ. Это сосредоточеніе диктуется не только тѣмъ, что городской пролетаріатъ — самая крупная и передовая революціонная сила, мобилизовать которую было необходимо прежде всего. Рассматривая цѣлесообразность распредѣленія силъ партіи и съ точки зрѣнія интересовъ самого крестьянскаго движенія, мы пришли бы къ той же самой концентраціи работы въ городахъ. Ибо, при наличныхъ общественно-политическихъ условіяхъ Россіи, только существованіе сильнаго классоваго движенія пролетаріата можетъ обезпечить выведеніе и крестьянства на революціонный путь, чуждый реакціонныхъ иллюзій и утопій. Революціонное движеніе рабочаго класса есть необходимая предпосылка дѣйствительно революціоннаго движенія крестьянства и революціоннаго разрѣшенія аграрнаго вопроса. Такимъ образомъ, совершенно тщетно, и исторически несправедливо, было бы сѣтовать на «забвеніе» социалдемократіей деревни.

Но та революціонная полоса, въ которую мы вошли, налагаетъ на социалдемократію обязанность развернуть всѣ силы партіи. Усиливая интенсивность и размахъ своей работы во всѣхъ областяхъ своей дѣятельности, она должна подумать и о томъ, чтобы расширить и укрѣпить свое воздѣйствіе на крестьянство. И не только потому, что теперь необходимо усиленно и ускоренно содѣйствовать выступленію крестьянства на историческую арену для выполненія той крупной революціонной роли, которая несомнѣнно предстоитъ ему въ созидательный, если можно такъ выразиться, періодъ революціи, въ періодъ положительнаго творчества новыхъ правовыхъ, общественныхъ и экономическихъ порядковъ. И въ интересахъ такого политическаго воспитанія деревни, и въ интересахъ самой революціи, нужно вовлечь крестьянство въ активную дѣятельность и въ переживаемый нами нынѣ, по преимуществу разрушительный, революціонный періодъ, когда рѣчь идетъ прежде всего объ уничтоженіи современнаго государственнаго строя.

Крестьянское движеніе должно и можетъ явиться огромной силой, дезорганизующей и разрушающей современный государственный механизмъ. Но разрушительная сила можетъ дѣйствовать въ двухъ направленіяхъ—реакціонномъ и революціонномъ. Аграрный терроръ, направленный главнымъ образомъ не противъ правительственной власти (имъ въ лучшемъ случаѣ могутъ быть задѣты мелкіе представители ея), а противъ помѣщиковъ и вообще землевладѣльческой буржуазіи, тоже разрушительная сила. Но, не создавая политической организованности крестьянства, направляя мысль деревни на отдѣльныхъ лицъ и отдѣльныя мѣстныя нужды и тѣмъ отвлекая ее отъ всенародной революціон-

ной задачи, такого рода «разрушительное» участие крестьянъ въ общенародномъ движеніи грозитъ жестокими разочарованіями. А народныя «разочарованія», въ переводѣ на языкъ объективной дѣйствительности, выражаются въ потокахъ народной крови и въ истощеніи революціонной энергіи народа.

Само собою разумѣется, что социалдемократія не можетъ и не будетъ звать крестьянъ на этотъ реакціонный путь, на который можетъ звать ихъ тотъ, кто самъ зараженъ реакціонными утопіями, яви же тотъ, кто полагаетъ, что можетъ воспользоваться крестьянствомъ, какъ простой элементарной силой, въ интересахъ какого нибудь фантастическаго демагогическаго плана. По самому существу своему социалдемократія можетъ вести крестьянство только на путь, дѣйствительно революціонный. Но на революціонномъ пути нѣтъ работы, только разрушительной, нѣтъ мѣста демагогіи. Здѣсь разрушительная работа массъ всегда связана съ созидательной работой ихъ, съ организаціей, съ развитіемъ политическаго сознанія и самодѣятельности.

Въ этомъ духѣ только и можетъ быть разрѣшенъ вопросъ о тѣхъ формахъ, въ которыхъ социалдемократія должна пытаться сейчасъ же вовлечь крестьянство въ русло общенароднаго революціоннаго движенія. Событія послѣдняго времени въ Польшѣ, гдѣ по приговорамъ сельскихъ сходоу крестьяне сотенъ деревень отказывались вести сношенія съ властями на русскомъ языкѣ и тѣмъ вносили огромное разстройство въ функціонированіе правительственнаго механизма, бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на то направленіе, въ которомъ слѣдуетъ работать.

Надо усиленно агитировать за то, чтобы крестьяне принимали рядъ политическихъ постановленій на своихъ сходахъ. Прежде всего, слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы лозунгъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія и всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права сталъ общимъ кличемъ деревни. А для этого необходимо широко шире оповѣщать крестьянъ обо всемъ, что дѣлалось и дѣлается за послѣднее время въ странѣ, разъяснять имъ невозможность разрѣшенія аграрнаго вопроса внѣ рѣшенія вопроса политическаго, и указывать на созывъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія, какъ на единственный путь къ радикальному рѣшенію аграрнаго вопроса.

Такого рода революціи сельскихъ сходоу будутъ имѣть огромное принципиальное и политически-воспитательное значеніе. Но въ революціонное время крестьянство вынуждено будетъ приступить и къ непосредственнымъ революціоннымъ дѣйствіямъ. Рѣшительныя практи-

ческія дѣйствія положить начало бурному движенію въ деревняхъ. Отказъ подчиняться земскому начальнику и его суду; отказъ признавать утвержденныя начальствомъ «выборныя» власти деревни и свободный выборъ новыхъ; изгнаніе изъ деревни урядниковъ и сельскихъ стражниковъ; отказъ платить подати и отправлять повинности; отказъ отпускать запасныхъ, призываемыхъ подъ знамена, ставить рекрутовъ, являться на учебныя сборы и т. д.—вотъ цѣлый рядъ практическихъ мѣропріятій, которыя внесутъ страшную дезорганизацію въ правительственный механизмъ и которыя, въ то же время, будутъ политически воспитывать и организовывать крестьянъ... Нѣтъ сомнѣнія, что кое-гдѣ крестьяне попытаются одновременно захватывать необходимыя имъ земли. Разумѣется, и въ этомъ случаѣ не только невозможно быть противъ крестьянства, но, наоборотъ, слѣдуетъ ухватиться за эти первыя искры революціоннаго движенія крестьянства и постараться возможно ярче раздуть ихъ въ дѣйствительно революціонномъ направленіи. Слѣдуетъ стараться толкать крестьянъ отъ этого неполнаго, частичнаго, мѣстнаго рѣшенія аграрнаго вопроса къ революціонному всероссійскому рѣшенію его.

Возвращаясь къ намѣченнымъ выше практическимъ дѣйствіямъ, нужно сказать, что скольконибудь широкое примѣненіе ихъ означаетъ не что иное, какъ начало рѣшительнаго выступленія въ деревнѣ. Но для успѣха выступленія, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, необходимо, чтобы оно не расплылось въ рядѣ единичныхъ, не связанныхъ другъ съ другомъ попытокъ. Работа должна быть направлена на то, чтобы одѣлать эти первыя революціонныя попытки въ деревняхъ возможно болѣе одновременными и сочетать ихъ съ движеніемъ городскимъ. Лишь при условіи одновременнаго разлитія движенія по обширной площади, силы правительства будутъ по необходимости такъ раздроблены, что шансы на успѣхъ сильно повысятся.

Крестьяне подгородныхъ деревень могутъ, конечно, принимать непосредственное участіе и въ городскомъ движеніи, явившись на помощь. Они могутъ оказать большую услугу пролетаріату и тѣмъ, что будутъ снабжать его съѣстными припасами. Судя по проскользнувшимъ въ иностранной печати извѣстіямъ, петербургскіе подгородные крестьяне подвозили припасы стачечникамъ въ боевые январскіе дни. Но для того, чтобы съ прибытіемъ подгородныхъ крестьянъ, города не наполнялись политически-невѣжественнымъ и недисциплинированнымъ элементомъ, могущимъ (какъ это показали кое-какіе примѣры во время еврейскихъ погромовъ) внести дезорганизацію въ дѣло самаго движенія, для этого необходимо направить все усилія на то,

чтобы возможно тѣснѣе политически связать городской пролетаріатъ съ подгороднымъ крестьянствомъ: надо, чтобы подгородные крестьяне отдавали себѣ ясный отчетъ въ цѣляхъ и средствахъ борьбы рабочаго класса.

Намѣченная выше бѣглыми штрихами работа потребуетъ, конечно, много силъ. Мы не будемъ говорить теперь о технической постановкѣ такой работы, о возможности созданія кадра разъѣздныхъ агитаторовъ и организаторовъ и пр. Замѣтимъ только, что политическая работа сама создастъ новыя силы для выполненія ея. Нужно только возможно яснѣе поставить передъ рабочими вопросъ о необходимости и важности широкой работы среди крестьянства, и тогда въ связанномъ съ деревней городскомъ пролетаріатѣ найдутся нужныя для этого силы.

Ф. Данъ.

Капиталь бунтуеть.

(17 февраля 1905 г. № 88).

I.

Въ наши бурные, трагическіе дни, когда съ разныхъ концовъ огромной страны доносится гулъ гражданской войны, когда трескъ ружейнаго заряда и шумъ разорвавшейся бомбы врываются обычнымъ акомпаниментомъ въ героическую эпопею проснувшейся массы, въ эти дни сравнительно незамѣтно и блѣдно проходятъ событія большой, исторической важности.

Капиталь взбунтовался, капиталъ бунтуеть. Бунтуеть, конечно, съ оглядкой; конечно, въ предѣлахъ, какъ и подобаетъ солидной и важной персонѣ, сознающей свой вѣсъ въ государствѣ, но все же бунтуеть. Балованное чадо россійскаго протекціонизма, предметъ естественной зависти для другихъ общественныхъ группъ, для котораго законъ былъ не писанъ и который, казалось, «все можетъ» подъ сѣнью двуглаваго орла, который представлялся инымъ развѣ только оранжерейнымъ цвѣткомъ самодержавной теплицы, этотъ самый капи-

такъ явственно и громко заявляетъ власти, что ей пора на покой, въ архивную кладовую исторіи.

Имениемъ науки—говоритъ бывший чумазыи и нынѣшній московскій кунецъ—«джентльменъ», «голосомъ сотенъ милліоновъ рублей» вторить ему желѣзнодорожникъ, и «неумолкаемыми аплодисментами» встрѣчается ихъ новѣйшее политическое credo собраніемъ болѣе двухсотъ петербургскихъ фабрикантовъ.

«Существующее законодательство и способъ его разработки не соотвѣтствуютъ указаніямъ современной науки государственнаго права и потребностямъ населенія, въ частности русской промышленности» — нарекаютъ московскіе господа. «Послѣ того, какъ русская желѣзная промышленность перестала быть, главнымъ образомъ, поставщицей по казеннымъ заказамъ... — появяется совѣщательная контора желѣзнодорожниковъ,—неустроенность нашей народной жизни... стала для русскаго желѣзнаго промышленника очевиднымъ и крайне тягостнымъ явленіемъ». Безъ коренныхъ реформъ не обойтись, подтверждаютъ петербуржцы въ своей запискѣ отъ 31 января.

Что же значить сей сонъ? Отчего—говоря языкомъ корреспондента «Руси»—покраснѣли милліоны? Вѣдь, не потому же, что совѣтъ зазрѣла или внезапно обуяло ихъ гражданское чувство?

Нѣтъ, произошло лишь измѣненіе въ сочетаніи общественныхъ силъ, случилось лишь то, что самодержавная бюрократія—фатальнымъ ходомъ вещей—приведена было къ конфликту съ милліонами. Въ безмятежное сожительство власти съ капиталомъ клиномъ врѣзается рабочій вопросъ.

Казалось бы, пролетаріатъ, пробуждающійся къ жизни и борьбѣ и все болѣе входящій въ свою провиденціальную роль освободителя Россіи, долженъ былъ уже самымъ процессомъ своего пробужденія взволновать капиталъ въ реакцію и спавать его съ наличнымъ режимомъ. Кто, въ самомъ дѣлѣ, лучше, чѣмъ этотъ режимъ могъ держать въ уздѣ строптивую массу, кто съ большей убѣдительностью могъ вбивать ей аргументы всей мощью военно-полицейскаго аппарата?

Казалось бы,—и такъ оно и было на дѣлѣ—до поры до времени, Духъ свободомыслія никогда не считался въ числѣ добродѣтелей отечественнаго производства, и чтобы отыскать въ этой сферѣ хотя бы слабый налетъ либерализма, пришлось бы совершить довольно далекую экскурсію въ прошлое и произвести расконки въ общественныхъ формаціяхъ такъ называемой эпохи великихъ реформъ. Съ 80 годовъ, особенно съ того времени, когда морозовская стачка, какъ салютъ, по выраженію Каткова, возвѣстила *urbi et orbi* о рожденіи у насъ

революціоннаго рабочаго класса, промышленный капитал непрестанно развивался въ одинъ изъ главныхъ устоевъ современной политики. Онъ черпалъ свое вдохновеніе въ министерскихъ кабинетахъ, и онъ же—не взирая на всѣхъ земскихъ начальниковъ—безконечно больше воспособляемой бѣлой помѣщичьей кости, и что дальше, то сильнѣй, налагалъ свою лапу на общій ходъ государственной машины. Осуществленная при содѣйствіи франко-русскаго союза, система Витте была его триумфомъ. Онъ поглощалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, милліоны, онъ властно возвышалъ свой голосъ на съѣздахъ, онъ тайно и явно руководилъ чиновными комиссіями. И онъ былъ очень многими, если не всѣми, къ моменту коренного перелома, когда, наконецъ, развертывающееся рабочее движеніе заставило дрогнуть сокрушающій начальственный кулакъ самодержавія.

Однако, во второй половинѣ предшествующаго десятилѣтія, послѣ знаменательныхъ петербургскихъ событій 96 и 97 годовъ, въ правительственныхъ кругахъ сталъ явно намѣчаться новый курсъ—рабочей политики. Этотъ курсъ уже даетъ себя знать въ рѣчахъ полицейскихъ делегатовъ на засѣданіи комиссіи по подготовкѣ закона 2 іюня 1897 года. Въ этой комиссіи вице-директоръ департамента полиціи, Семякинъ и другой представитель министерства внутреннихъ дѣлъ развивали, ни болѣе ни менѣе, какъ утопію нормировки заработной платы правительственной властью—къ выцѣпленію недоумѣнію среды фабрикантовъ. «Если рабочіе убѣдятся—говорило министерство устами г. Щегловитова, что правительство, издавъ законъ, достигло благоприятныхъ результатовъ для рабочихъ, то они будутъ смотрѣть на него, какъ на защитника и покровителя, а если такого впечатлѣнія новый законъ имѣть не будетъ, то рабочіе будутъ болѣе склонны къ противоправительственнымъ внушеніямъ».

Этотъ же курсъ нашелъ свое дальнѣйшее развитіе въ продолговатомъ докладѣ московскаго оберъ-полиціймейстера Трепова, и свое утѣченіе—въ твореніяхъ Зубатова.

Лавина пролетарскаго движенія росла и, по мѣрѣ того, какъ росла, въ напуганныхъ головахъ начальственныхъ лицъ все сильнѣе работала мысль и все болѣе изощралась фантазія надъ вопросомъ, какъ предотвратить грядущую опасность. Задача, какъ будто, не была головоломной, ларчикъ даже просто открывался, и отечество могло быть спасено безъ дальнѣйшихъ околичностей—за счетъ толстой мощны капитала! Долой политику, и да процвѣтаютъ экономическія организациі рабочихъ—надо только локализовать вниманіе пролетаріата на его непосредственномъ контрагентѣ—противникѣ.

Дѣло, по видимости, начиналось съ полицейскихъ пустяковъ—съ общества взаимопомощи въ Москвѣ, съ противо-бундовской организаціи на западѣ, съ сомнительныхъ профессорскихъ бесѣдъ. Пустяки, однако, превратились весьма скоро въ серьезъ, и передъ агентурой правительства стала диллема—или сразу потерять всё приобрѣтеніа, или пуститься во всё тяжкія антикапиталистической агитаціи. Стачка на мануфактурѣ Гужона въ Москвѣ, въ 1902 году, уже явилась сигналомъ предостереженія: многолѣтній союзъ капитала съ властью далъ первую замѣтную трещину, и московскіе промышленники, негодуя, отправили протестъ министру финансовъ. «Если въ представленной имъ (рабочимъ) извѣстной организаціи, писали они, имѣется въ виду, отвлечение ихъ отъ участія въ антиправительственной политической дѣятельности, то не менѣе опаснымъ оказывается допущеніе ихъ къ дѣятельности антикапиталистической».... «тѣмъ болѣе, прибавляли они, что справиться съ массами, увлеченными какимъ либо успѣхомъ въ этомъ отношеніи, можетъ внослѣдствіи оказаться чрезвычайно труднымъ, если даже не совершенно невозможнымъ».

Съ своей точки зрѣнія, промышленники, конечно, были правы, и событія послѣдующаго года, особенно экспериментъ Шаевича въ Одессѣ, какъ нельзя лучше показали всю тщету бессмысленныхъ попытокъ, системой своего рода обводныхъ и отводныхъ каналовъ, обезвредить море народнаго волненія. Послѣ одесскаго краха, наступило было временное затишье: Зубатовъ исчезъ съ горизонта, Шаевичъ, былъ удаленъ въ мѣста «не столь отдаленныя»—провѣтриться. Но было уже поздно: лавина катилась, и у правительства не было ни малѣйшей возможности остановиться въ своемъ курсѣ. Начавъ съ а, оно должно было досказать до конца весь алфавитъ демагогіи, чего, бы ему это въ конечномъ счетѣ—ни стоило, и какъ бы ни великъ былъ ропотъ капитала. Оно хваталось за все и исходило въ потугахъ законодательнаго творчества и въ результатѣ злополучной двухлѣтней работы получило итогъ—фабричныя старосты, отвѣтственность предпринимателей, который только дразнилъ буржуазію и нимало не давалъ удовлетворенія рабочимъ.

А трещина, между тѣмъ, становилась все глубже, и червь недовольства все сильнѣе разѣдалъ капиталъ. Нуженъ былъ, однако, могучій толчокъ, чтобы разѣдающій червь могъ справиться съ толщей традицій; и этимъ толчкомъ оказалась война: она разрушила ореолъ военной силы правительства, она уничтожила вѣру въ его финансовую неуязвимость: она внесла разстройство—безъ надежды на

возмѣщеніе въ счетъ будущихъ благъ, она осушила дождь казенныхъ заказовъ, она все поставила на карту.

Потому-то, подь шумъ военныхъ неусиговъ и раздалось, впервые, ворчаніе «милліоновъ». Спервоначала еще глухое—нечленораздѣльное ворчаніе. Чувствовалось только, что капиталъ въ своей фрондѣ уже перешелъ отъ частнаго къ общему, отъ критики вѣдомствъ и лицъ къ разбору всего цѣлаго. Газетная молва говорила о московскихъ купцахъ, не желающихъ нести свою ленту «патріотизму», перо «услужливаго» публициста разъясняло и мотивы «купецкаго» воздержанія. Хозяину надъ милліонами рублей, господину надъ тысячами душъ не пристало сознавать себя чѣмъ-то производнымъ отъ воли бюрократа. Хозяинъ и господинъ въ своемъ дѣлѣ долженъ быть хозяиномъ и господиномъ и въ дѣлѣ государственнаго строительства. Наступала пора—такъ думалъ капиталъ—когда крылатое морозовское слово—купецъ все можетъ—готовилось перейти изъ міра застольнаго краснорѣчія въ міръ реальной дѣйствительности. Уже въ минувшемъ декабрѣ московская городская дума—купеческая *rag excellence*—поддержала резолюцію петербургскаго земскаго съѣзда и, поддержавъ, нашла отголосокъ въ московскомъ биржевомъ комитетѣ. Въ это же время въ Петербургѣ инженеры всѣхъ вѣдомствъ,—другими словами, распорядители и директора фабрично-заводскаго дѣла—вырабатывали за бакетной трапезой свои конституціонныя пожеланія.

Но нужно было вспыхнуть рабочему возстанію въ Петербургѣ, нужно было разлиться по всему пространству російской земли революціоннымъ волнамъ стихійнаго движенія, чтобы всѣ эти элементы политическаго недовольства капитала откристаллизовались въ спеціальныя политическія формулы, приняли обликъ особой политической разновидности и чтобы капиталъ, какъ таковой,—возвысилъ свой голосъ—наперекоръ заправиламъ бюрократіи.

Со стихіей шутки были плохи—это хорошо сознавало правительство. И всего менѣе расположенъ былъ къ шуткамъ пролетаріатъ, принявшій 9 января свое боевое крещеніе. Его нельзя уже было смазывать по губамъ полицейскою труху, бутафорскими законами. Ему необходимы были серьезныя уступки, ему нужна была свобода. И это же сознавалъ и капиталъ. Но въ то время, какъ власть еще искала спасенія въ экономическихъ уступкахъ, надѣясь, что чѣмъ больше она дастъ въ этой области,—за счетъ капитала—тѣмъ меньше уступить въ политикѣ, тѣмъ легче ей будетъ вскамотировать свободу; капиталъ, наоборотъ, энергично напиралъ на политику, видя въ ней

«начало всѣхъ началъ», какъ источникъ золь, такъ и палладіумъ возможнаго успокоенія.

Литературная дуэль между министромъ финансовъ Кокковцевымъ и петербургскими фабрикантами—наилучшее тому подтвержденіе. Фабриканты и слышать не хотятъ объ уступкахъ—негодуетъ Кокковцевъ, апеллируя къ общественному мнѣнію въ инспирированной имъ нововременской статьѣ.

Дѣло не въ уступкахъ, тѣмъ болѣе частичныхъ, респлицируютъ фабриканты, а «въ глубокихъ реформахъ общегосударственнаго характера». «Даже отъ полнаго удовлетворенія всѣхъ требованій рабочихъ прочнаго успокоенія все же ожидать нельзя—говорить ихъ заплюска,—такъ какъ рабочее движеніе не возникло изъ общаго сознанія рабочихъ объ экономическихъ невзгодахъ, а возбуждено и поддерживается изъ окружающей среды. Изолировать рабочихъ нельзя и успокоить рабочихъ уступками тоже нельзя, пока окружающая среда находится въ броженіи». А среда бродитъ, потому что «недовольство» «широко разлито во всѣхъ слояхъ русскаго общества», потому что «страдаетъ весь организмъ», потому что виной всему—существующій самодержавно-бюрократическій режимъ.

«Нѣтъ спора—заявляютъ и съ своей стороны желѣзнодорожники,— что жизненныя условія нашего рабочаго люда неудовлетворительны, но не отъ доброй или злой воли промышленниковъ зависятъ измѣнить или удержать эти печальныя явленія, такъ какъ жизненныя условія... представляютъ собой результатъ всего народнаго хозяйства и всего государственнаго строя даннаго народа». Москвичи же,—тѣ такъ даже договариваются до признанія—казалось бы, нѣсколько неожиданныя въ устахъ фабрикантовъ и заводчиковъ,—что настоящее движеніе рабочихъ массъ, «хотя и построенное на экономической почвѣ», есть плодъ «самой жизни» и «естественной потребности, вложенной въ самую природу человѣка», которая—потребность—есть потребность свободы.

«Такъ кончился пиръ ихъ бѣдою». Такъ врѣзавшійся кливъ пролетарскаго возстанія расщепилъ основы старой дружбы: и чѣмъ больше росло «народолюбіе» начальства, чѣмъ демонстративнѣе становилось его вниманіе къ профессиональнымъ запросамъ «вѣреннаго» ему рабочаго населенія, тѣмъ быстрее толкался капиталъ къ вольнодумству, тѣмъ рѣче и отчетливѣе вырисовывались контуры новаго политическаго теченія. На знамени этого теченія стояли слова: законность, свобода.

Въ интересахъ «промышленнаго развитія» необходимъ такой строй,

при которомъ столкновенія труда съ капиталомъ введены были бы въ «законныя формы», при которомъ рабочіе бы «знали, что они могутъ опираться только на законъ и должны оставаться только въ предѣлахъ закона», при которомъ «грубыя демонстраціи» не служили бы пугаломъ для правительства, а къ нимъ бы не «прислушивались внимательнѣе, чѣмъ къ заявленіямъ корректнымъ», при которомъ администрація не металась бы «то въ направленіи односторонней защиты предпринимателя, то въ сторону показной поддержки рабочихъ» (см. Записку инженеровъ), внося, такимъ образомъ, деморализацію въ среду «рабочихъ массъ» и «обостряя отношенія между ними и фабрикантами», при которомъ государственная жизнь регулировалась бы «участіемъ всѣхъ классовъ населенія и въ томъ числѣ промышленниковъ и рабочихъ» (неизвѣстно, впрочемъ, на основаніи какого избирательнаго права) и при которомъ царя бы всякая свобода—въ томъ числѣ и нарочито поминаемая господами желѣзнодорожниками свобода штрейкбрехерства, т. е. была бы «законнымъ образомъ ограждена отъ насилій рабочихъ стачечниковъ» личность повиннаго капиталу а работѣ пролетарія, при которомъ, однимъ словомъ, подлиннымъ хозяиномъ страны—но уже на законномъ основаніи—былъ бы его современное величество, господинъ капиталъ.

Съ такой-то «хартіей вольностей» въ рукахъ совершалъ свое вступленіе въ среду конституціонной оппозиціи бывшій щедриинскій Деруновъ, новоявленный «бунтарь» и будущій столпъ свободной Россіи.

Старовѣръ.

Что намъ дѣлать съ комиссіей сенатора Шидловскаго?

(17 февраля 1906 года; № 88).

Петербургскіе рабочіе требовали, чтобы было созвано всенародное Учредительное собраніе, на рассмотрѣніе котораго они отдавали свои многочисленныя социальныя требованія.

Разстрѣлявъ петербургскихъ рабочихъ 9 января, правительство

учреждает новую комиссію, въ которую предлагаетъ петербургскимъ рабочимъ послать своихъ избранныхъ всеобщей и тайной подачей голосовъ представителей для разсмотрѣнія «причинъ недовольства» петербургскаго пролетаріата.

Соціалдемократамъ неоднократно дѣлали упрекъ, что они тенденціозно представляютъ, какъ «побѣды» русскаго пролетаріата, такіе правительственные акты, которые, по своей цѣли, являются новыми и новыми попытками правительства отуманить сознание пролетаріата (законъ 2 іюня 1897 г., законъ объ отвѣтственности etc). Это «недоразумѣніе» между с.-д. и ихъ революционными противниками легко объясняется тѣмъ простымъ фактомъ, что соціалдемократія иначе, чѣмъ другія партіи, понимаетъ самое слово «побѣда» въ примѣненіи къ освободительной борьбѣ нашего времени.

Для соціаль-реформиста дѣйствительной побѣдой является такое событіе, которое означаетъ непосредственно замѣтное улучшеніе въ матеріальномъ положеніи соотвѣтствующаго класса. И, съ точки зрѣнія сколько нибудь послѣдовательнаго соціаль-реформизма, ни одна изъ многочисленныхъ за послѣднее десятилѣтіе «уступокъ» самодержавія не можетъ, поэтому, считаться сколько нибудь значительной побѣдой, ибо абсолютизмъ не можетъ дать рабочему классу дѣйствительнаго улучшенія его жизни. Для «чистаго политика», для революціонера буржуазной демократіи дѣйствительной побѣдой является лишь такое завоеваніе, которое непосредственно означаетъ замѣтную брешь въ политической системѣ, съ которой онъ борется. Съ этой точки зрѣнія, опять-таки, всѣ «уступки» рабочему классу по цѣнности равны нулю, ибо нисколько не ослабляютъ гнетъ, тяготѣющій надъ русскимъ народомъ.

Съ точки зрѣнія революціоннаго соціалдемократа, связавшаго всѣ свои освободительныя стремленія съ процессомъ классоваго развитія пролетаріата, дѣйствительной побѣдой является всякое завоеваніе, дающее возможность рабочему классу усилить свою организацію, свое классовое объединеніе, свою боевую готовность. И съ этой точки зрѣнія, всѣ добытыя трудной борьбой предыдущія уступки деспотизма представляютъ дѣйствительныя побѣды русскаго рабочаго класса, все значеніе которыхъ можетъ опредѣлить лишь тотъ, кто уяснилъ себѣ дѣйствіе каждой новой реформы на дальнѣйшее развитіе рабочаго движенія, на развитіе самосознанія пролетаріата и его организаціи.

Съ этой именно точки зрѣнія, декретъ, назначающій комиссію сенатора Шидловскаго, представляетъ собою крупную пролетарскую побѣду—вопреки тѣмъ замысламъ, которые внушили его авторамъ эту

«уступку». Но само собой разумеется, что свое действительное содержание это новое завоевание может развернуть лишь в той мере, в какой пролетариат сознательно использует шансы, доставляемые новой «реформой» делу его классового развития.

Вопрос о том, как реагировать на новую «уступку», вызовет, разумеется, самое живое обсуждение среди сознательных рабочих. Нечего говорить, насколько желательно, чтобы сознательный пролетариат усвоил себя в этом вопросе одну и ту же тактику на всем протяжении России. От этого в значительной степени зависит, принесет ли новая правительственная мера, вообще, какуюнибудь пользу.

Что комиссия Шадловского и перипетии ее «работы» должны занять видное место в нашей агитации — об этом, разумеется, не будет спора в наших рядах. Но, быть может, меньшее единомыслие обнаружится между нами в вопросе о том, в каком направлении должна вестись эта агитация?

«Рабочие должны отказаться от участия в этой комиссии, повторив, что они требуют всенародного Учредительного собрания» — так склонны ответить на заданный вопрос иные товарищи. Но борьба за созыв Учредительного собрания не только не противоречит прямому участию в комиссии, но и должна получить сильный импульс от этого участия. Ибо борьба за Учредительное собрание будет тем энергичнее, тем сознательнее, тем революционнее со стороны рабочего класса, чем прочнее в его сознании укреплится программа тех социальных требований, которые должны стать объектом борьбы в учредительном собрании и в законодательном механизме свободной России. И если борьба в комиссии Шадловского и около нее способна содействовать делу усвоения широкими массами пролетариата этих социальных требований, если она способна дать толчок организации рабочих масс во имя этих требований, то, тем самым, мы имеем серьезный довод против той отрицательной позиции, которую в данном вопросе рекомендуют упомянутые товарищи.

Не для того только, чтобы «наглядно» показать рабочим массам гнилость самодержавного реформаторства — они достаточно видят пример тому и мы не станем повторять пролетариату, что в смысле действительных улучшений новая комиссия ему не даст ровно ничего, — но чтобы дать им повод и удобные условия организации на почве выработки и отстаивания всероссийской пролетарской программы социальных реформ, должны мы принять самое активное участие в «трудах» новой комиссии.

Многочисленные сообщения петербургских газет показывают

намъ, какое плодотворное броженіе вызвано уже въ столичномъ пролетаріатѣ этой комиссіей. Рабочіе требовали, прежде чѣмъ приступить къ выборамъ, обезпеченія неприкосновенности своихъ делегатовъ — имъ болѣе или менѣе двусмысленно дадутъ соответственное обѣщаніе, которое, конечно, при первомъ же случаѣ будетъ нарушено. Они требуютъ—для организаціи выборной агитаціи—открытія закрытыхъ Третьевыхъ 11-ти отдѣловъ знаменитаго «Общества» — отказъ. Они требуютъ, чтобы имъ дано было право выбрать въ числѣ своихъ делегатовъ «интеллигентовъ» — отказъ. Зато они получаютъ обязательство, что на выборахъ не будутъ присутствовать ни чины полиціи, ни заводская администрація. Они дадутъ своимъ уполномоченнымъ императивный мандатъ требовать въ комиссіи свободы печати, собраній, союзовъ и стачекъ. Они настаиваютъ, чтобы будущія засѣданія комиссіи были публичны, чтобы ихъ протоколы печатались въ газетахъ.

Надо ли говорить, какая громадная агитаціонная работа могла и должна была быть совершена социалдемократами при обсужденіи рабочими массами всѣхъ этихъ вопросовъ, какой громаднѣйшій политическій опытъ дало имъ это обсужденіе, какъ сильно двинуло оно впередъ дѣло организаціи рабочаго класса?

Но передъ нами всего только первый актъ жизни новой «комиссіи». На очереди стоитъ привлеченіе вниманія къ ней рабочихъ провинціи. Комиссія назначена для выясненія причинъ недовольства петербургскихъ рабочихъ. Но, вѣдь, то же недовольство проявляется и всѣми рабочими Россіи. И всѣ рабочіе Россіи, естественно, обнаруживаютъ значительный интересъ къ этой комиссіи. Кое-гдѣ (Харьковъ, Одесса) рабочіе прямо требуютъ выборовъ делегата въ комиссію Шидловскаго. Какое же положеніе намъ занять въ этомъ случаѣ?

Мы должны повсюду повести самую энергичную агитацію за то, чтобы въ комиссію были допущены выборные отъ всѣхъ рабочихъ Россіи, чтобы рабочее представительство въ комиссіи Шидловскаго стало остономъ широкой временной организаціи рабочихъ массъ въ Россіи.

Вотъ одно изъ требованій, которое мы предъявляемъ въ комиссіи. Рядомъ съ нимъ мы требуемъ, вмѣстѣ съ петербургскими рабочими, гласности засѣданій, неприкосновенности личности делегатовъ, свободы обсужденія. При этомъ мы постоянно подчеркиваемъ, что никакихъ дѣйствительныхъ реформъ участіе въ комиссіи не обѣщаетъ рабочимъ, что это участіе имѣетъ для нихъ значеніе лишь постольку, поскольку его можно будетъ использовать въ интересахъ организаціи рабочихъ и въ интересахъ пропаганды рабочихъ требованій.

Къ тому моменту, когда будутъ напечатаны эти строки, петер-

бургскіе рабочіе дадутъ уже свой окончательный отвѣтъ объ условіяхъ, при наличности которыхъ они согласны довести до конца свое участіе въ комиссіи. Изъ доставленныхъ телеграммами свѣдѣній видно, что рабочіе намѣрены серьезно воевать изъ-за этихъ предварительныхъ гарантій. Тѣмъ лучше! Намъ остается только выяснить, какъ, съ нашей точки зрѣнія, должны дѣйствовать делегаты, если дѣло кончится тѣмъ, что таковыя будутъ избраны.

И прежде всего мы не согласны съ тѣмъ мнѣніемъ, что рабочіе делегаты должны, явившись въ комиссію, только заявить о необходимости созыва Учредительнаго собранія. Они обязаны заявить это требованіе, обязаны воспользоваться новой трибуной, чтобы провозгласить его, но, преслѣдуя цѣли популяризаціи въ массахъ пролетарскихъ требованій и организациі массъ во имя этихъ требованій, они не могутъ ограничиться этой демонстраціей.

Выборные петербургскаго пролетаріата должны, съ самаго начала, явиться въ роли представителей всѣхъ русскихъ пролетаріевъ, и весь російскій пролетаріатъ долженъ сдѣлать изъ нихъ своихъ представителей, настойчиво требуя въ то же время допущенія въ комиссію делегатовъ отъ другихъ городовъ.

Опираясь на коллективныя заявленія многихъ тысячъ рабочихъ въ разныхъ концахъ Россіи, рассылая во всѣ концы доклады о своей работѣ въ комиссіи, о борьбѣ, которую имъ придется въ ней вести, делегация рабочихъ представитъ собой громадную силу, организующую массы и воздѣйствующую на ея сознаніе. Она станетъ тѣмъ народнымъ трибуналомъ, къ которому будутъ обращаться съ заявленіями о своихъ нуждахъ рабочіе всѣхъ отраслей производства и всѣхъ областей Россіи и въ то же время тѣмъ агитаціоннымъ центромъ, который сможетъ давать лозунги текущей борьбѣ пролетаріевъ всей страны. И если социалдемократія удастся оказать достаточно сильное вліяніе на работу делегации, партія сможетъ направить надлежащимъ образомъ профессиональную борьбу російскаго пролетаріата.

Такова цѣль, которую сознательные рабочіе должны поставить себѣ, стоя передъ новой «уступкой». Будетъ ли достигнута эта цѣль, удастся ли черезъ посредство правительственной комиссіи завоевать себѣ организующій политическій центръ, зависитъ, конечно, отъ многихъ условій—не въ послѣдней степени отъ выдержки, энергіи и послѣдовательности сознательныхъ рабочихъ. Но будетъ ли она достигнута или нѣтъ, движеніе къ ней должно принести значительные результаты для дѣла организациі и воспитанія рабочаго класса, а это значитъ, что

соціалдемократія обязана со всей энергіей ваяться за агитацію въ указанномъ здѣсь направленіи.

Надо повсюду приглашать рабочихъ требовать допущенія ихъ делегатовъ въ столычную комиссію. Надо повсюду организовывать постоянныя сношенія уполномоченныхъ рабочихъ (быть можетъ для этого можно приспособить «фабричныхъ старостъ» и другихъ прежде узаконенныхъ депутатовъ, разумѣется, обновивъ ихъ составъ) съ официальными петербургскими делегатами; надо въ самомъ Петербургѣ отстаивать постоянное организованное общеніе делегатовъ съ ихъ избирателями, постоянное открытое обсужденіе всей массой рабочихъ тѣхъ социальныхъ реформъ и политическихъ требованій, которыя будутъ обсуждаться или ставиться въ комиссіи. Надо сдѣлать такъ, чтобы рабочая масса внимательно слѣдила за всѣмъ, что совершается въ комиссіи и около нея, и чтобы энергично протестовала противъ каждаго акта произвола, который разыграется въ ея нѣдрахъ.

Могучій разливъ стачечнаго движенія, охватившаго всю Россію, оставилъ послѣ себя новые громадныя кадры пролетаріевъ, сдѣлавшихъ первые шаги по развитію своего классоваго самосознанія и готовыхъ къ упорной борьбѣ за рабочее дѣло. Организовать эти кадры, исходя изъ потребностей той самой профессиональной борьбы, которая ихъ пробудила къ активности—такова великая задача, которая стоитъ теперь передъ с.-д. партіей и въ разрѣшенія которой пустыми рѣчами являются всякіе толки объ организаціи вооруженнаго возстанія подъ знаменемъ соціалдемократіи. Организовать ихъ такъ, чтобы борьба за повседневные интересы рабочихъ тѣсно сплелась въ ихъ дѣйствіи и въ ихъ сознаніи съ политической борьбой рабочаго класса въ цѣломъ—кто хочетъ этого, тотъ не можетъ пройти мимо такого крупнаго факта въ исторіи профессиональнаго рабочаго движенія въ Россіи, какимъ является учрежденіе комиссіи Шидловскаго, тотъ не долженъ упрощать всю агитацію соціалдемократіи, сводя ее цѣликомъ къ убѣжденію рабочихъ въ той истинѣ, что не въ такого рода комиссіяхъ рабочій классъ будетъ реализовывать свои экономическія требованія. Нѣтъ! необходимо показать рабочимъ, что и такія реформаторскія попытки самодержавія могутъ стать, въ рукахъ революціоннаго и сознательнаго пролетаріата, орудіемъ его классовой организаціи, средствомъ выработки и пропаганды его революціонной программы.

И пусть не боятся товарищи, что на этомъ пути ихъ ждетъ опасность забвенія политической борьбы съ самодержавіемъ, опасность впаденія въ «экономизмъ». Годы, отдѣляющіе насъ отъ стадіи «экономическихъ» увлеченій, многое измѣнили: измѣнили русскій пролетаріатъ

и—что еще важнѣе—измѣнили радикально всё условія его существованія. Если въ эпоху промышленнаго подъема, при слабости пульса политической жизни въ странѣ, легко было, увлекаясь профессиональною агитаціей среди нескушеннаго политическимъ опытомъ русскаго пролетаріата, пойти по «линіи наименьшаго сопротивленія» и растерять свою социалдемократическую политику въ организаціи борьбы за частныя экономическія улучшения,—то теперь, когда пролетаріатъ получаетъ политическіе импульсы со всѣхъ сторонъ, когда онъ самъ пропитанъ политическимъ недовольствомъ и борется въ условіяхъ полнаго экономическаго банкротства правящей Россіи, теперь эта опасность исчезла, и намъ слѣдуетъ потратить добрую долю своихъ силъ на то, чтобы организовать экономическую самооборону рабочаго класса, объединить его разрозненную профессиональную борьбу, сплотить на ней широкія пролетарскія массы, связывая эту борьбу съ основными политическими задачами пролетаріата въ данный моментъ. Если въ свое время профессиональное движеніе въ Россіи являлось историческимъ антиподомъ «политики» вообще, то теперь каждый новый шагъ, дѣлаемый русскимъ обществомъ въ водоворотѣ революціи, связываетъ крѣпче это движеніе со всенародною политической борьбой, и наша задача, задача социалдемократіи въ томъ и заключается, чтобы не дать ему стать опорой либерально-демократической политики (не говоря уже о политикѣ реакціонно-монархической). А этого мы можемъ достигнуть лишь въ той мѣрѣ, въ какой используемъ политическія силы своей партіи для облегченія пролетарскимъ массамъ того дѣла профессиональной организаціи и непосредственнаго улучшенія своего положенія, которое такъ умѣло дѣлаютъ массы, пользуясь моментомъ разложенія самодержавія. И, съ другой стороны, мы не можемъ рассчитывать на быстрое и прочное объединеніе профессиональной борьбы пролетаріата съ его политической борьбой въ цѣльной социалдемократической классовой борьбѣ, если не воспользуемся всеми представляющимися пролетаріату случаями на дѣлѣ завѣсить и оцѣнить заботы его политическихъ враговъ и временныхъ союзниковъ о социальныхъ реформахъ. Нечего и говорить, какой богатый опытъ въ этомъ отношеніи дадутъ пролетаріату работы правительственной комиссіи, въ которой найдутъ свое выраженіе отзывы всѣхъ социально-политическихъ программъ, созданныхъ общественной борьбой нашихъ дней. Но особенно слѣдуетъ подчеркнуть ту истину, что только веденная въ широкихъ размѣрахъ агитація, только серьезная организація массъ на почвѣ выдвинутой рабочимъ движеніемъ программы социальныхъ реформъ можетъ обезпечить намъ усвоеніе массами этого социально-политиче-

скаго опыта. И достигнуть этого результата обязана с.-д. партія, если хочет идти по тому пути, который прочно укрѣпить такъ замѣтно ослабѣвшую за послѣдніе годы ея связь съ массами.

Уже второй съѣздъ с.-д. партіи подмѣтилъ то значеніе, которое должно будетъ выпасть вѣкорѣ на долю ея «экономической» агитации, и рекомендовалъ партійнымъ работникамъ усилить дѣятельность въ этомъ направленіи. Надо признаться откровенно, что товарищепрактики немного сдѣлали для осуществленія этихъ пожеланій съѣзда. Пусть же такъ глубоко заинтересовавшая петербургскій пролетаріатъ правительственная «уступка» послужитъ поводомъ навестать то, что нами уже упущено!

Л. Мартновъ.

Нарожденіе Новой Россіи.

(24 февраля 1906 г. № 89).

Und neues Leben blüht aus den Ruinen...

Вотъ они передъ нами, мы переживаемъ ихъ, эти великіе дни всероссійскаго освобожденія, далекимъ и загадочнымъ сфинксомъ стоявшіе передъ взоромъ тѣхъ, кто въ страстныхъ поискахъ за свободой старался заглянуть въ туманную историческую даль.

Въ 40-хъ годахъ проблема русской свободы встаетъ уже во всей своей сложности, и съ двухъ разныхъ концовъ старается разрѣшить ее пытливая мысль. Самобытность—вотъ одно изъ рѣшеній замысловатой задачи. Въ глубинахъ народнаго «духа», въ его исконныхъ бытовыхъ особенностяхъ, въ «общинномъ» укладѣ крестьянской жизни, въ томъ, что отличало Россію отъ всѣхъ странъ цивилизованнаго міра, искало славнофильство орудіе того преобразованія, которое освободитъ народъ русскій отъ оковъ самовластья и избавитъ его въ то же время отъ язвъ, разъѣдающихъ «гнилой Западъ». Своимъ путемъ отъ своихъ

отсталыхъ формъ, къ своей самой совершенной свободѣ — такъ рисовались перспективы въ идеалистическихъ сферахъ славянофильства. Иначе рѣшали задачу западники. Въ той «общинѣ», которая такъ основательно завалена наслоениями крѣпостной эпохи, что лишь пріѣзжему гѣмцу—барону Гакотгаузену—удалось откопать эту народную «жемчужину» изъ груды наноснаго мусора, въ той самобытности и въ тѣхъ «тайникахъ духа», которые наполняли мистическимъ блаженствомъ сердца славянофиловъ, они справедливо усмотрѣли вѣрнѣйшую опору деспотизма, российской азиатчины. И съ рѣшимостью борца за свободу, готовога воззвать князья въ собственное сердце, когда это нужно, призывалъ Бѣлинскій «буржуазію», ту буржуазію, которая завоевала свободу Западу, которая завоеуетъ ее и Россіи. Европейскимъ путемъ, отъ европейски преобразованныхъ, буржуазныхъ формъ, къ европейской буржуазной свободѣ—вотъ другое, діаметрально противоположное рѣшеніе загадки историческаго сфинкса. И съ тѣхъ поръ эти два рѣшенія, то въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ, то причудливо переплетаясь, проходятъ черезъ всю исторію русской политической мысли. Но славянофильскія идеи вначалѣ значительно преобладаютъ и въ народничествѣ 70-хъ годовъ достигаютъ своего высшаго, революціоннаго выраженія. Народничество—это революціонное славянофильство, страдающее однако тайнымъ, тщательно скрываемымъ отъ другихъ, а подчасъ и самого себя, порокомъ западничества, порокомъ любви къ европейски-свободнымъ, буржуазнымъ формамъ общегитія. Зато въ карикатурномъ народничествѣ нашихъ дней этотъ порокъ едва-едва прикрывается негустымъ слоемъ славянофильскихъ румянъ, и оквозъ дырявое «самобытное» рубище совершенно явственно проглядываетъ оголенный буржуазный человѣкъ.

И однако исторія русскаго освобожденія пошла своими путями, далекими и отъ мистическихъ бредней славянофильства и отъ трезваго «обезьяничанья» западниковъ. Только марксизмъ, научный материалистическій анализъ дѣйствительности, могъ дать и даль 20 лѣтъ тому назадъ разгадку заданной сфинксомъ задачи. Европейское, буржуазное преобразование русской жизни—это дѣйствительно исходная точка русскаго освобожденія; въ этомъ оказались правы западники. Но не правы были они, когда думали, что главными застрѣльщиками борьбы за свободу будутъ тѣ «культурные» и имущіе слои буржуазнаго «общества», которые принесли свободу западно-европейскому міру. Какъ рабочая революція торжествуетъ свою побѣду русская буржуазная революція,—въ этомъ ее «самобытность», столь отличная отъ рисовавшейся славянофильскимъ мудрецамъ.

Буржуазная свобода, завоевываемая рабочей революціей, — таковъ былъ историческій прогнозъ, поставленный русскою социалдемократіей, такова историческая дѣйствительность сегодняшнихъ революціонныхъ дней. И это своеобразіе историческаго положенія неизбѣжно накладываетъ своей отпечатокъ на весь ходъ російской революціи.

Восьмичасовой рабочей день, повышение заработной платы, цѣлый рядъ экономическихъ улучшеній — вотъ непосредственная цѣль рабочаго движенія, наряду съ его широкими политическими требованіями. Восьмичасовой рабочей день — это не просто права человѣка, и даже не просто права трудящагося человѣка, а права человѣка трудящагося и о н а й м у. Являясь двигателемъ и главнымъ дѣятелемъ буржуазной революціи, пролетаріатъ свои классовыя требованія дѣлаетъ осью, вокругъ которой вертится освободительная борьба. Она начинается борьбу за буржуазную свободу съ такого конца, съ какого она никогда не начиналась, да и не могла начинаться, ибо ни одна предшествующая революція не видѣла такого крупнаго и концентрированнаго производства, такихъ гигантскихъ фабрикъ и заводовъ, такого скученнаго въ городахъ многомилліоннаго пролетаріата, какъ революція русская. Буржуазное общество всюду успѣло сбросить съ себя оковы абсолютной монархіи раньше, чѣмъ буржуазное производство достигло такой степени концентраціи, пролетаріатъ — такой многочисленности и сплоченности.

Права наемнаго рабочаго — это фокусъ русскаго революціоннаго движенія. Изъ нихъ исходятъ, къ нимъ пріурочиваются требованія политической свободы. Вотъ почему безъ капли разочарованія и пессимизма можемъ мы смотрѣть на то, что охватившая чуть не всю Россію забастовка подчасъ ставитъ на очередь вопросъ объ улучшеніи только экономическаго положенія трудящихся. Нужно этимъ «правамъ наемнаго рабочаго» войти въ кровь и плоть каждаго пролетарія, нужно имъ стать азбукой социальнаго мышленія всей рабочей массы, чтобы она могла въ полномъ объемѣ, увѣренной рукой произвести возложенную на нее исторіей гигантскую задачу радикальнаго очищенія авгиевыхъ конюшенъ деспотизма и кореннаго политическаго переустройства Россіи. Тѣмъ и отличается буржуазная революція, производимая сознательнымъ пролетаріатомъ, что политическая свобода буржуазнаго общества рисуется рабочему классу и выразительницѣ его интересовъ — социалдемократіи, не какъ самодовлѣющая цѣль, устраняющая всѣ социальные вопросы, разрѣшающая всѣ социальные противорѣчія, а какъ могучее средство облегченія борьбы пролетаріата за его социальное и экономическое освобожденіе. Поля-

тическая свобода для сознательнаго пролетаріата—всегда лишь средство; освобожденіе отъ экономическаго гнета и эксплуатаціи—цѣль. Политическая свобода, поэтому, не окружена для пролетаріата тѣмъ мистическимъ ореоломъ, которымъ такъ охотно окружаютъ ее буржуазные свобододолюбцы и который своимъ обманчивымъ блескомъ такъ часто заводилъ рабочія массы въ трясины буржуазнаго болота, такъ часто дарилъ безконечнымъ разочарованіемъ.

Политическая свобода съ самаго начала революціи встаетъ передъ главнымъ сознательнымъ дѣятелемъ этой революціи, какъ средство. И, однако, это обстоятельство отнюдь не наноситъ ущерба рѣшенію вопроса о свободѣ. Какъ разъ наоборотъ. Хотя политическая свобода для пролетаріата лишь средство, или—вѣрнѣе—именно потому, что она для него лишь средство, къ несравненно болѣе высокой цѣли, онъ ставитъ вопросъ о свободѣ съ такою полнотою и опредѣленностью, съ какою онъ никогда не ставился въ начальные периоды революцій. Лишь только мысль пролетарія, работающая надъ поднятіемъ экономическаго, культурнаго и соціальнаго уровня рабочаго класса, наталкивается на вопросъ о политической свободѣ, она раздѣляется съ этимъ деликатнымъ предметомъ съ деракою непочтительностью чловѣка, видящаго лишь строительный матеріалъ для возведенія грандіознаго зданія въ той грудѣ навороченныхъ камней, которая другимъ, менѣе требовательнымъ людямъ, кажется вѣнцомъ творенія. Первые дни совѣтнаго, массоваго обсужденія текущихъ нуждъ рабочей борьбы,—и самъ собою, путя рѣшается, какъ непреложный, вопросъ о необходимости свободы слова, союзовъ, собраній, стачекъ, неприкосновенности личности и жилища—всей той суммы «свободъ», которая годами пережевывалась и пережевывается въ замысловатыхъ передовицахъ легальныхъ газетъ и составляетъ чуть ли не конечный идеалъ столь многихъ «свободомыслящихъ» гражданъ. Еще рабочіе идутъ ко дворцу, еще вѣрятъ въ благожелательность начальства, но уже насущныя потребности ихъ борьбы толкаютъ ихъ на внесеніе въ свою петицію «деракаго» требованія созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія. И при первыхъ выстрѣлахъ, показавшихъ, что абсолютизмъ становится помѣхою на пути пролетарской борьбы, грозный крикъ вылетаетъ изъ тысячи устъ, быть можетъ, за минуту передъ тѣмъ готовыхъ кричать «ура». Медленнымъ, спотыкающимся шагомъ шла политическая мысль пролетаріата черезъ воѣ этапы совѣщательныхъ учрежденій, цензовыхъ парламентовъ, конституціонной монархіи тамъ, гдѣ рабочая масса вступала въ революцію въ качествѣ стихійной физической силы, тапнувшей въ хвостъ буржуазныхъ вожаковъ, не

обособившей своихъ интересовъ. Почти мгновенно, не по днямъ, а по часамъ, растетъ политическое сознание рабочихъ у насъ, гдѣ борьба за политическую свободу тѣсно сплетена съ классовой борьбой пролетариата. И въ сегодняшней, вѣками самодержавной Россіи, съ ея почти полнымъ отсутствіемъ политической жизни, уже возможна постановка вопроса о Россіи демократической, съ народовластіемъ. Только классовое сплоченіе и классовая борьба пролетариата, черезъ посредство социалдемократіи получившаго въ сущемъ видѣ экстрактъ историческаго опыта его западно-европейскихъ братьевъ, дѣлаютъ возможной такую быструю и колоссальную метаморфозу политическаго мышленія широкихъ народныхъ массъ. Права гражданина, выдвигаемыя, какъ гарантія правъ рабочаго человѣка, тѣмъ самымъ подняты на подобающую высоту. Классовая борьба пролетариата съ самаго начала ставитъ вопросъ о политическомъ освобожденіи въ самой радикальной его формѣ, и самый процессъ этого освобожденія становится процессомъ отшлифовки классового сознания и классового сплоченія рабочихъ массъ.

Но мало того. Во всѣхъ предшествующихъ революціяхъ пролетариатъ проходилъ длинную и обильную жертвами политическую школу подъ руководствомъ буржуазіи. Въ россійской революціи рабочий классъ, въ лицѣ своихъ передовыхъ слоевъ, самъ втягиваетъ въ нее все болѣе и болѣе широкіе пласты населенія, самъ является политическимъ двигателемъ и политическимъ учителемъ буржуазныхъ классовъ. Его борьба отраженнымъ дѣйствіемъ толкнула въ открытую политическую оппозицію многомиліонный промышленный капиталъ. Она придаетъ смѣлость и энергію буржуазной демократіи и подчасъ диктуетъ ей политическіе лозунги. Но еще болѣе мощно и непосредственно сказалась руководящая роль пролетариата на соприкасающихся съ нимъ слояхъ городской мелкой буржуазіи и, прежде всего—всякаго служилаго люда. Всѣхъ, кто служить по найму, заразилъ мощный порывъ борьбы рабочаго класса. Неслыханныя почти нигдѣ забастовки банковскихъ и конторскихъ служащихъ, почтальоновъ и телеграфистовъ и—даже!—полицейскихъ, стачки приказчиковъ, такъ трудно организуемыя даже при свободныхъ политическихъ условіяхъ западно-европейскихъ странъ; еще болѣе рѣдкія и трудныя стачки прислуги—все это стало сразу обыденнымъ явленіемъ въ цѣломъ рядѣ городовъ. Стремясь поднять свой собственный экономическій, социальный и культурный уровень, пролетариатъ заражаетъ той же жаждой улучшенія, тѣмъ же страстнымъ стремленіемъ выпрямить согнутую спину, почувствовать себя человѣкомъ, оградить свое достоинство, добиться человѣ-

ческихъ условій существованія огромный слой труженниковъ, до сихъ поръ пассивно и индифферентно несшихъ тяжелое ярмо подневольнаго труда. Быть можетъ нѣтъ болѣе разительнаго примѣра этого жаднаго стремленія къ «выпрямленію» человѣческой личности, чѣмъ великая забастовка противъ «хозяевъ» самыхъ отверженныхъ паріевъ современнаго общества, несчастныхъ проститутокъ. Какъ мощно нужно было всколыхнуть все застоившееся болото русской жизни, съ какою невѣдомою оялой должна было ударить по сердцамъ миллионовъ людей великая борьба пролетаріата, чтобы отзвуки ея донеслись въ отрѣзанные отъ всего міра, пропитанные грязью и униженіемъ, притоны рабынь капиталистическаго веселья!

Огромнѣ историческій прыжокъ отъ абсолютизма къ демократическому народовластію, который готовится сдѣлать Россія. Въ спѣшной, лихорадочной скачкѣ забастовокъ, въ страстномъ подъемѣ борьбы за человѣческія права приспособляются миллионы народа къ грядущимъ новымъ условіямъ жизни. Почти съ головокружительной быстротой вчерашній російскій обыватель, заспанный, нечесанный, неумный преобразуется въ будущаго гражданина свободной демократіи. Недалекъ день, когда этотъ процессъ преобразования съ такою же быстротой охватитъ и крестьянство. Но рожденіе будущихъ гражданъ влечетъ за собой огромный и быстрый переворотъ во всѣхъ социальско-экономическихъ отношеніяхъ Россіи. Пролетарій, работающій 8 часовъ; приказчикъ, отказывающійся отъ той «патріархальной» простоты отношеній, которая на всю жизнь, почти безвыходно приковывала его къ прилавку и заставляла быть «на побѣгушкахъ» у хозяина; прислуга, требующая отдѣльной комнаты, ограниченія рабочаго времени, вѣжливаго обращенія, освобожденія отъ унижительныхъ «осмотровъ» или подчиненія той же процедурѣ на равныхъ правахъ и хозяевъ,—вѣдь всѣхъ этихъ, на первый взглядъ такихъ скромныхъ, «сѣрыхъ» переиѣнъ достаточно для того, чтобы перевернуть весь наличный укладъ современной Россіи. Промышленное производство, торговля, домашняя жизнь — все это должно сразу европеизироваться, яля вѣрнѣе — принимая во вниманіе быстроту переворота—американизироваться. Необычное расширеніе производства, оборудованіе его самыми усовершенствованными машинами—вотъ первое неизбѣжное слѣдствіе удовлетворенія требованія рабочихъ; полный переворотъ въ торговлѣ, концентрація ея, возникновеніе колоссальныхъ торговыхъ базаровъ—непремѣнный спутникъ успѣшной борьбы приказчиковъ; преобразование всей домашней жизни, ростъ отелей, гостиницъ, ресторановъ, средствъ передвиженія, улич-

ной жизни—безъ всего этого немислимо «человѣческое» существованіе пряслуги. А всё эти перемѣны въ свою очередь влекутъ за собою самыя грандіозныя измѣненія.

Всѣ социальныя и культурныя устои самодержавной Россіи рушатся, какъ рушится ея политическое зданіе. Слышнеть уже трескъ подгнившихъ балокъ, грохотъ падающихъ стропиль. Новая, свободная Россія, демократическая и культурная, уже ясно вырисовывается изъ груды обломковъ разрушающагося азіатскаго караванъ-сарая. Ничто уже не можетъ остановить революціоннаго потока, и какъ щепку смететъ онъ тѣ плотины, которыя пытается воздвигнуть на его пути издыхающій режимъ. Послѣ кроваваго воскресенья въ Петербургѣ и разстрѣловъ въ Варшавѣ, Ригѣ, Лодзи и десятки другихъ городовъ, послѣ рѣзни въ Баку, послѣ избіенія студентовъ въ Москвѣ и Казани и гимназистовъ въ Саратовѣ и Курекѣ, правительство стоитъ передъ еще болѣе грознымъ и рѣшительнымъ движеніемъ, чѣмъ прежде. Нарядившись въ доспѣхи рыцаря печальнаго образа, правительство пытается винуть угрозу всей странѣ и призвать на священную войну противъ «крамольниковъ» всё темныя и слѣпныя силы русскаго народа. Но еще не высохли чернила, которыми подписанъ этотъ призывъ, повторяющій, хотя иными словами, знаменитую фразу о томъ, что «никогда листъ бумаги не встанетъ между мною и народомъ», какъ грозная рѣшимость петербургскаго пролетаріата внушаетъ трусливому правительству блудливую мысль написать рескриптъ, въ которомъ уже общается этотъ «бѣлый листъ». Въ оной жалкой глупости оно думаетъ неловкимъ фокусомъ обмануть надвигающуюся на него историческую Немезиду, оставивъ весь тотъ грандіозный политическій, социальный и культурный переворотъ, который уже совершается на его глазахъ!

Рабочій классъ регистрируетъ, что его борьба уже привела къ неслыханному въ Россіи общанію созвать выборныхъ отъ народа, но, не возлагая никакихъ надеждъ на общанія и не ожидая ничего отъ правительства, перейдетъ къ своему великому очередному дѣлу, которое смететъ безъ остатка всё крѣпостныя самодержавныя путы...

Ф. Данъ.

Правительственный реформизмъ.

(24 февраля 1905 г. № 89).

Последними словами правительства являются манифестъ 18 февраля и рескриптъ того же дня. Манифестъ—исполнѣ реакціонный. Рескриптъ что-то общааетъ, оставляя за правительствомъ полный произволъ реакціонныхъ дѣйствій. Манифестъ, какъ таковой, будетъ широко распространяться въ народѣ, будетъ читаться съ церковныхъ амвоновъ, и разнесетъ по всей Руси вѣсть о «непоколебимой твердости» правительства. Рескриптъ, обещающій призвать представителей отъ народа, изданъ въ формѣ бумаги на имя министра внутреннихъ дѣлъ и можетъ быть даже не допущенъ въ провинціальныя газеты.

Подобныя обстоятельства едва ли позволили бы видѣть въ этихъ актахъ правительственной политики хоть какой-нибудь шагъ въ сторону широкихъ реформъ, если бы не связъ ихъ съ попыткой призвать представителей отъ рабочихъ въ комиссію Шидловскаго.

Несмотря на полную ея неудачу, эта послѣдняя затѣя была со стороны правительства попыткой дѣйствительнаго реформизма. Она была новымъ неудавшимся начинаніемъ рабочей политики, которую можно назвать эволюціей отъ Зубатова къ Бисмарку, которая, не давая желательнаго властямъ успокоенія рабочихъ массъ, и привела, въ концѣ концовъ, къ новому эксперименту общегосударственнаго характера: къ обѣщанію созыва представителей, избранныхъ народомъ, съ цѣлью выработки проекта реформъ.

Весь этотъ путь «реформизма» не былъ политически продуманнымъ, не былъ широкимъ планомъ самозащиты правительства противъ притязаній его «внутреннихъ враговъ»; его нельзя даже назвать сознательно согласованнымъ съ требованіями политическихъ партій. Этотъ путь поперебѣннаго реакціоннаго взкучиванія и легкаго допустительства до поры до времени достигалъ цѣли и обусловилъ собою поразительную живучесть чудовищнаго режима, который, исчерпавъ всю овою прогрессивность 19 февраля 1861 года (съ его послѣдующими законодательными выводами), 19 февраля 1905 года стоитъ на

той же точкѣ и оказывается неспособнымъ отказаться даже отъ реакціонныхъ новеллъ къ «великимъ реформамъ».

Созывъ представителей отъ петербургскихъ рабочихъ и созволеніе на созывъ представителей отъ народа въ законодательное собраніе являются двумя послѣдними этапами этой политики приспособленій, которая началась выстѣ съ выступленіемъ массоваго рабочаго движенія на сцену русской исторіи. Новый курсъ, послѣдніе шаги служить только метаморфозой младенческихъ формъ той же политики.

Но метаморфоза эта очень велика, а въ послѣднемъ актѣ политической растерянности правительства—въ обѣщанія созвать народныхъ представителей—приводить къ совершенно другому содержанію той же попытки полуступокъ.

И дѣйствительно. Если попытка Зубатова и Шаевича выполнялись мелкими сошками, встрѣчали со стороны властей только покровительство и инспирацію, касались нуждъ только рабочаго класса, то оба послѣдніе акта проводятся уже центральнымъ правительствомъ, при чемъ второй изъ нихъ, являясь попыткой утишить разгоравшійся пожаръ революціи, идетъ навстрѣчу необходимости социально-политическихъ и національно-государственныхъ реформъ. И если вульгарная первоначальная зубатовщина на дѣлѣ сводилась къ тому, что организація рабочихъ служила только подсобнымъ средствомъ специально для полицейски-шпионскихъ цѣлей, для вылавливанія неблагонадежныхъ одиночекъ, то «зубатовщина» періода расцвѣта все больше и больше обличалась съ полицейскимъ «соціализмомъ», въ экспериментѣ же съ комиссіей Шидловскаго главной цѣлью стало удовлетвореніе требованій рабочихъ, при чемъ полицейскія мѣры въ видѣ «изъятія» наиболѣе сознательныхъ, были подчинены этой цѣли, какъ служебное, хотя, конечно, безусловно необходимое для правительства средство, и было бы излишней мнительностью искать специально-провокаторскихъ намѣреній въ этой послѣдней комиссіи. Удовлетвореніе нѣкоторыхъ нуждъ рабочихъ явилось гораздо болѣе дѣйствительнымъ способомъ внуздания революціонной массы, чѣмъ исключительная борьба съ агитаторами.

И можно было надѣяться, что комиссіей Шидловскаго былъ бы разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ о созданіи профессиональных организацій рабочихъ. Это даже подтверждено словами Шидловскаго, который на ультиматумъ рабочихъ делегатовъ отвѣтилъ намекомъ, что возможно и возстановленіе ихъ легальной организаціи. Россія предстояло увидѣть копію отечественнаго производства съ рабочей политики желѣзнаго канцлера. Но не сошлись «на

пустынях»—на амнистии и неприкосновенности личности, на свободѣ слова и печати, т. е. на условіяхъ, необходимыхъ для одной стороны, неприемлемыхъ для другой. Повторяется старая сказка: попытки переговоровъ между властями и рабочими заканчиваются со стороны агентовъ правительства отказомъ, ссылкой на отсутствіе полномочій, а со стороны рабочихъ депутатовъ—отказомъ отъ участія въ комисіи.

Потерпѣвъ неудачу, правительство огибнуть исподтипу новый актъ заботливости о нуждахъ населенія. Побудительныхъ причинъ достаточно. Уничтожающія пораженія въ Манчжуріи, необходимость новаго займа въ 800 милліоновъ франковъ, анархія на Кавказѣ и въ Польшѣ, угрожающее, хотя и выжидательное, положеніе петербургскаго пролетаріата, неудовлетвореннаго пресловутой комисіей Шидловскаго,—причины достаточно крупныя для того, чтобы не только поколебать правительство, но и дать перевѣсъ партіи уступокъ.

Рескриптъ изданъ. Онъ старается логически связаться съ реакціонными мотивами, и въ то же время открываетъ болѣе или менѣе широкій просторъ оптимистическимъ толкованіямъ его текста.

Онъ оговариваетъ условіе сохраненія абсолютизма. Онъ оставляетъ за комисіей министра внутреннихъ дѣлъ возможность указать, какъ угодно, порядокъ выборовъ въ законодательное собраніе, стало быть, и возможность получить наиболѣе реакціонный составъ представителей. Онъ оставляетъ за верховной властью право окончательнаго утвержденія проекта реформъ.

«Либерализмъ» рескрипта едва ли доказываетъ, что сломлена «непреклонность» реакціи, а средствъ для самозащиты у нея достаточно. Возможна мобилизація черной сотни, новая рѣзня и разстрѣлы, травлѣваніе полиціей христіанъ на евреевъ, татаръ на армяня,—все это становится возможно все больше и больше, до размѣровъ чудовищныхъ погромовъ. И призывъ сидѣть всѣмъ «благочестивымъ» еще разъ напоминаетъ намъ, что эти темныя силы режима—въ распоряженіи правительства.

Но все это, въ связи съ совершающимися на Кавказѣ и въ Польшѣ кровавыми сценами, является только краснорѣчивымъ напоминаніемъ принципа: на войнѣ, какъ на войнѣ!

На войнѣ, какъ на войнѣ! Такойъ первый революціонный выводъ изъ правительственныхъ актовъ послѣднихъ дней. А исторія недавняго прошлаго учить насъ, чѣмъ заканчиваются «уступки». Боритесь беспощадно!—слѣдуетъ сказать рабочимъ массамъ; наступайте тогда, когда говорятъ съ вами о мирѣ! Наступайте рѣшительнѣе, потому что врагъ поколебался! Наступайте, чтобы вынудить его къ сдачѣ!

Внимательному учету подлежат и «прогрессивные» выводы из рескрипта, которые хотя и не навязываются правительством, но так охотно дѣлаются элементами «либеральными» въ широкомъ смыслѣ этого слова. Возможность такихъ выводовъ, возможность ихъ воплощенія въ реальную историческую дѣйствительность существуетъ, вопреки волѣ правительства, опять-таки въ фактическомъ соотношеніи силъ, въ размахѣ революціи, въ успѣхѣ Ногя и Куроки подѣ Мукденомъ. И тутъ великая опасность въ уступчивости, въ скромности политическxъ желаній господъ либераловъ. Опасность въ возможномъ влияніи ихъ на отсталые, несознательные элементы рабочаго класса. Отъ реакціонной бессознательности народа, отъ дѣтской вѣры въ абсолютизмъ,—одинъ ближайшій шагъ къ либеральной умѣренности.

Изъ объятій Зубатова, градоначальниковъ въ роли «соціалистовъ», эти отсталые элементы легко могли бы перейти въ объятія либераловъ. При этомъ они легко могли бы явиться точкой опоры для всѣхъ тѣхъ, кто успѣхъ демократіи принимаетъ съ десяткомъ консервативныхъ, цензовыхъ «но». И въ этомъ случаѣ, если бы недалековидная тактика умѣренныхъ привела къ желательному для нихъ ослабленію революціонности массъ, путемъ воздѣйствія на отсталые слои рабочаго класса, это могло бы повести къ краху самыхъ скромныхъ конституціонныхъ возжеланій, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ. Могло бы. Но задача социалдемократіи не допустить этого.

Несомнѣнно, что революціонная цѣль пролетаріата стоитъ не только неизмѣримо дальше обманнаго реформизма правительства. Она стоитъ много дальше идеаловъ даровенной цензовой конституціи, дальше демократизированной монархіи, она въ демократическомъ народовластіи. И его борьба должна неизмѣнно идти къ этой цѣли, не обольщаясь полууступками. Но путь къ этой цѣли не лежитъ черезъ дебри той, якобы «революціонной непримиримости», которая знаетъ лишь «бойкотъ» всѣхъ реформаторскихъ полумѣръ правительства только потому, что онѣ недостаточны. Не бойкотомъ, а революціоннымъ натискомъ на неудовлетворительныя стороны этихъ полууступокъ слѣдуетъ прежде всего ствѣчать правительству, подобно тому, какъ это сдѣлали петербургскіе пролетаріи съ комиссіей Шидловскаго.

И какъ въ случаѣ съ этой комиссіей, такъ и въ проектируемомъ созваніи представителей народа условіемъ *sine qua non* должно быть выставлено: выборы въ законодательное собраніе на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права; полная свобода выборной агитаціи; немедленная амнистія всѣмъ, привлеченнымъ и осужденнымъ по политическимъ и религіознымъ дѣламъ.

Эти требования широко откроют народу двери законодательного собрания, превративъ его въ дальнейшемъ ходѣ революціонной борьбы въ учредительное собраніе, или захлопнуть эти двери, какъ закрылись делегатскія собранія комиссіи Пидловакаго, но зато приведутъ къ разоблаченію правительственнаго обмана.

Въ томъ и другомъ случаѣ, мы одинаково будемъ апеллировать къ революціи.

П. Стрѣльскій.

Работа въ революціонное время.

(3 марта 1905 г., № 40.)

Почему не „узкая“ организація „профессиональныхъ революціонеровъ“ дала толчекъ движенію этой лавины, а „Собраніе рабочихъ“? Потому что „Собраніе“ это было дѣйствительно широкою организаціей, основанной на самодѣятельности рабочихъ массъ...

Въ другихъ формахъ, сдвинутыхъ „нелегальностью“ нашего движенія, намъ необходимы тоже широкія организаціи, которыя связали бы насъ съ массою, намъ тоже необходима самодѣятельность пролетариата, но въ основу этихъ организацій и этой самодѣятельности мы должны положить всеобъемлющіе цѣли классовой борьбы“ („Начало революціи“, № 84).

Передъ всякимъ социалдемократомъ стоитъ въ настоящее время жгучій вопросъ: что дѣлать? Принципіально «Искра» рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что необходимо устраивать широкія организаціи, основанныя на самодѣятельности пролетариата и приспособленныя къ цѣлямъ классовой борьбы. И это, какъ я понимаю, предлагается не только какъ общее социалдемократическое средство, нужное вездѣ и всегда, но и какъ специальное условіе дѣятельности именно теперь, въ начавшійся революціонный періодъ, чтобы приводить въ движеніе «лаvinу»

и направлять ее по социалдемократическому руслу. Это, конечно, не единственное средство,—«Искра» говорить и о «технической» подготовке¹⁾),—но главное, без чего немислима пролетарская победа над самодержавіемъ и установленіе широкаго демократическаго строя. Воплиъ раздѣляя эту точку зрѣнія, я хотѣлъ бы поднять слѣдующій практическій вопросъ: съ чего слѣдуетъ начать работу по устройству такихъ широкихъ организацій, и какое содержаніе придать агитаціи въ этомъ направленіи, имѣя въ виду именно настоящій революціонный моментъ, когда рабочія массы уже выступили въ стачечномъ движеніи, когда все находится въ броженіи, и когда особенно остро чувствуется нужда въ поднятіи революціоннаго настроенія рабочихъ массъ и объединенія ихъ, съ цѣлью наиболѣе успѣшной борьбы на два фронта: и противъ абсолютизма и противъ капиталистовъ.

Извѣстно, что революціонные моменты, подобные тому, какой переживаемъ сейчасъ мы, характеризуются, прежде всего, тѣмъ, что въ это время многія правительственныя функціи какъ бы отмираютъ; законы и порядки хотя еще не отменены пока, но, благодаря выступленію на сцену революціонныхъ массъ, не прамѣняются. Сопротивленіе капиталистовъ-промышленниковъ напору пролетарскихъ требованій тоже ослабѣваетъ,—по столько, по сколько первые теряютъ поддержку въ правительствѣ. Происходитъ фактическій захватъ на это время различныхъ свободъ и нѣкоторыхъ завоеванія въ экономической области. Это необходимо живо помнить именно теперь, чтобы наилучшимъ образомъ воспользоваться даннымъ моментомъ въ интересахъ пролетариата.

Дѣйствительно, что происходитъ сейчасъ въ Россіи? Съ начала января возникаютъ огромныя массовыя стачки, постепенно перекатываясь по всей странѣ. Мы уже успѣли забыть, что стачки по закону все же у насъ запрещены, настолько онѣ устраиваются свободно. Со стачечниками ведутъ переговоры, ихъ признаютъ, тогда какъ еще недавно практиковался шаблонный приѣмъ правительства запрещать предпринимателямъ вступать съ рабочими въ переговоры объ ихъ требованіяхъ, пока они находятся въ стачкѣ. Свобода стачекъ фактически завоевана на это время. То же и съ собраніями рабочихъ. Съ самаго начала движенія гапоновскія общества въ Петербургѣ выскочили изъ своего казеннаго устава, сбросивъ его, какъ негодную скорлупу, и на собраніяхъ рабочихъ стали заниматься тѣмъ, чѣмъ хотѣли, а не тѣмъ, что позволено. Составъ собраній не ограничивался только членами об-

¹⁾ Этой стороны я здѣсь не касаюсь вовсе.

щества, а заключалъ въ себѣ всю огромную массу поднявшихся рабочихъ. Безнаказанно проходили также митинги на улицахъ. Свобода слова на собраніяхъ и митингахъ была полная. Могутъ сказать, что въ Петербургѣ правительство допустило эту свободу собраній исключительно лишь съ тою цѣлью, чтобы осуществить свой дьявольскій планъ—вызвать безоружныя массы на общую манифестацію на площади и тамъ ошеломить ихъ бойней, но вѣдь послѣ 9 января во многихъ городахъ, гдѣ возникали стачки, происходилъ цѣлый рядъ такихъ свободныхъ собраній, и правительство должно было ихъ терпѣть, пытаясь только мѣшать открытымъ массовымъ демонстраціямъ и случаямъ насилія со стороны стачечниковъ. Конечно, правительство еще можетъ расправляться жестоко, когда ему приходится имѣть дѣло съ одиночками или съ небольшими группами, но тамъ, гдѣ оно встрѣчается со сплоченными массами въ ихъ стремленіи къ захвату различныхъ свободъ, лапы его перестаютъ дѣйствовать.

И такое стремленіе⁶ къ захвату свободъ на три четверти, если не всецѣло, совершенно стихійно, не обязано никакому партійному плану, а существуетъ только потому, что массы находятся въ революціонномъ выпѣнии,—только потому, что онѣ выступили. Это ихъ естественное и неизбежное выраженіе. Въ результатѣ, является частичная дезорганизация правительства и отерывается, и при томъ не только для рабочихъ, а для всѣхъ слоевъ населенія, расчищенное революціоннымъ движеніемъ свободное поле для политической работы.

Благодаря бездѣйствію во многихъ случаяхъ правительственныхъ лапъ, стачечники получаютъ сравнительно легко и нѣкоторыя уступки со стороны предпринимателей. Конечно, эти уступки не прочны, и капиталисты, какъ всегда, будутъ стремиться при первой возможности ихъ взять обратно, но ужъ отъ организованной части пролетаріата, отъ социалдемократической партіи будетъ зависеть не давать капиталистамъ такой возможности, а напротивъ—закрѣпить полученные уступки и работать надъ дальнѣйшимъ ихъ расширеніемъ. Однако, наиболѣе характернымъ явленіемъ для настоящаго времени слѣдуетъ признать не то, что хозяева поддаются на требованія стачечниковъ, а то, что революціонно настроенные рабочіе стремятся сами, не дожидаясь отвѣта хозяевъ или вопреки ихъ отвѣту, установить лучшія условія труда; они, такъ сказать, сами забираютъ себѣ то, что имъ нужно. Такъ, на нѣкоторыхъ заводахъ въ Петербургѣ рабочіе по окончаніи стачки являются на работу, но работаютъ только восемь часовъ, пытаются такимъ образомъ самостоятельно установить восьмичасовой рабочий день.

Итакъ, есть свободное поле и есть стремленіе рабочихъ сейчасъ же, же дожидаясь окончательныхъ результатовъ борьбы съ правительствомъ, воспользоваться имъ для улучшенія своего положенія. Рабочіе сейчасъ же хотятъ на расчищенномъ мѣстѣ устраиваться по-возможности. И это лучший способъ борьбы, такъ какъ при немъ закрѣпляется каждый послѣдовательный шагъ. Но рабочія массы, при той малой степени организованности, какую онѣ теперь имѣютъ, сами по себѣ, едва ли могутъ достигнуть многого въ этомъ направленіи. — Организовать соответственнымъ образомъ массы для дѣла самоустроения, вести вмѣстѣ съ ними одновременно и разрушительную, и созидательную работу, такъ чтобы созидательная часть олужила рычагомъ для дальнейшихъ, болѣе успѣшныхъ, разрушеній и ускорила этимъ общій процессъ ликвидаціи стараго строя — и является, по моему мнѣнію, ближайшей неотложной задачей социалдемократической партіи.

«У насъ нѣтъ сейчасъ правительства, есть только враждебная вооруженная банда, которая бьется съ населеніемъ за свое существованіе». — Приблизительно такіа восклицанія часто приходится читать и слышать послѣ петербургскихъ событій 9 января. Необходимо, чтобы это восклицаніе не висѣло въ воздухѣ простой революціонной фразой, а послужило лозунгомъ, отправнымъ пунктомъ, отъ котораго слѣдуетъ начать работу. Нужно уничтожить за собою мосты къ отступленію и безъ оглядки дѣйствовать, не принимая въ расчетъ номинальнаго существованія правительства и считаясь только съ враждебною вооруженною силою. И это будетъ очень близко къ дѣйствительности, такъ какъ на самомъ дѣлѣ правительства, какъ устроющей силы, у насъ почти не осталось. Мысль объ отсутствіи правительства и о возможности устраиваться самимъ необходимо постоянно внушать рабочимъ. Нужно сейчасъ же начинать жить свободнымъ демократическимъ строемъ, нужно теперь же организовывать рабочія массы для возможнаго проведенія въ жизнь социалдемократической программы-*minimum*. Нужно самостоятельно, никого не спрашиваясь и открыто, устраивать массовыя собранія рабочихъ. Если вооруженная сила помѣшаетъ устройству ихъ гдѣ-нибудь въ центральномъ мѣстѣ, перенести ихъ на фабричныя дворы, воспользоваться сосѣднимъ трактиромъ, куда экспромтомъ собратся подъ видомъ чаепитія, прервать на время, по данному сигналу, работу на фабрикѣ и тутъ же, въ самомъ фабричномъ помѣщеніи, устроить собраніе. Нужно всячески практиковать революціонную свободу собраній и на этомъ организовывать массы. Нужно открыто, а не по-прежнему — конспиративно, устраивать среди широкихъ массъ рабочихъ всякіе профессиональные союзы, общества взаимопомощи, кассы,

при чемъ придется, можетъ быть, только законоспирировать хранение денегъ, чтобы ихъ не удалось отнять. Нужно организовать открытые кружки рабочихъ для чтенія—безразлично—легальной и нелегальной литературы. Вообще нужно стремиться превратить за это время большую часть нелегального, если не въ легальное, то въ совершенно открытое и широкое, дѣйствующее въ силу революціоннаго выступленія массъ.

На хозяевъ, ослабленныхъ бездѣйствіемъ правительства, необходимо давить самовольнымъ сокращеніемъ рабочаго времени, организаціей различныхъ формъ представительства отъ рабочихъ для вмѣшательства въ столкновенія хозяевъ съ отдѣльными рабочими, для наблюденія за благоустройствомъ фабрикъ, за всѣмъ внутреннимъ распорядкомъ и прочее. Нужно насильственно и окончательно уничтожить унижительную систему обысковъ при выходѣ изъ фабрики. Нужно теперь же начать прямо гнать всякую внутреннюю полицію на фабрикѣ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ея жизнь нестерпимою.

Мнѣ хотѣлось здѣсь только показать направленіе, въ которомъ слѣдуетъ вести работу; отдѣльные примѣры могутъ быть неудачны, но товарищи, работающіе на мѣстахъ, безъ сомнѣнія, найдутъ десятки другихъ способовъ, чтобы организовывать пролетаріатъ для фактическаго захвата свободы. Одно важно: по возможности сдѣлать такъ, чтобы ближайшему будущему строю оставалось только закрѣпить то, что самостоятельно приобрѣтено пролетаріатомъ въ революціонный періодъ.

Разумѣется, правительство будетъ стремиться всячески мѣшать этой самостоятельной созидательной работѣ, но, во-первыхъ, по теперешнему времени оно далеко не сможетъ захватить всѣхъ случаевъ, а во-вторыхъ, тамъ, гдѣ и могло бы, оно непременно будетъ запаздывать, такъ что во всякій данный моментъ столкновеніе будетъ происходить при болѣе благоприятныхъ условіяхъ для рабочихъ, т. е. когда они будутъ усилены всей предшествовавшей работой по организаціи. Сейчасъ правительство, ради собственнаго спасенія, старается направить остріе рабочаго движенія въ экономическую область, противъ предпринимателей; послѣдніе, видя, что правительство не только не облегчаетъ ихъ положенія, но еще затрудняетъ его, начинаютъ открыто переходить въ оппозицію и стараются, въ свою очередь, повернуть остріе противъ правительства. Та и другая сторона готовы, поэтому, на нѣкоторыя попустительства и поблажки. Нужно пользоваться этимъ обстоятельствомъ и расширить свои захваты настолько, чтобы всякая положительная мѣра правительства какъ бы таяла въ своемъ ничтожествѣ передъ тѣмъ, что самостоятельно добыто пролетаріатомъ.

Мнѣ кажется, было бы ошибкой откладывать созидательную часть работы на конец революціоннаго періода; сначала, молъ, разрушительныя дѣйствія, а потомъ созиданіе. Это, можетъ быть, было бы выгодно, если бы вся выступившая масса или большинство ея состояло изъ сознательныхъ рабочихъ, для которыхъ ясна вся дальнѣйшая перспектива, но, вѣдь, такихъ рабочихъ незначительное меньшинство. Возможно, что, подъ вліяніемъ одного лишь стихійнаго взрыва, рабочія массы завтра же совершатъ окончательное нападеніе на правительство, но этого можетъ и не быть, и пройдутъ еще долгіе мѣсяцы, прежде чѣмъ будетъ завоеванъ демократическій строй. Между тѣмъ, отъ одного голаго призыва къ нападенію еще трудно ждать большихъ результатовъ. Нужно дать почувствовать массамъ переѣмну къ лучшему въ ихъ положеніи, нужно развернуть передъ ними положительную, обаятельную сторону пролетарскаго движенія, нужно показать имъ, что онѣ сами и сейчасъ же могутъ начать «творить жизнь», а не только бороться, нужно вызвать на этой работѣ ихъ самодѣятельность и инициативу и убѣдить такимъ образомъ на фактѣ, что социалдемократическая партія становится рабочей партіей.

И тогда всякое покушеніе на добытое пролетаріатомъ встрѣтитъ съ его стороны удесатеренный отпоръ и удесатеренное стремленіе покончить съ покушающимися. Всѣ промежуточные моменты революціоннаго періода, вродѣ уродливаго земскаго собора, фальшиваго представительства съ совѣщательнымъ голосомъ и прочее, будутъ тогда менѣе опасны: требованія рабочихъ будутъ стоять выше этихъ промежуточныхъ уступокъ, ибо рабочіе уже будутъ понимать цѣну настоящей свободы. При такомъ образѣ дѣйствій, политическое освобожденіе рабочаго класса можетъ произойти скорѣе, полнѣе и съ большимъ запасомъ для дальнѣйшей борьбы.

Москва.

Послѣ двухъ мѣсяцевъ.

(6-го марта 1905 г., № 91).

Безпримѣрная въ исторіи русскаго рабочаго движенія петербургская стачка, видимо, близится къ концу. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, ожидать, чтобы петербургскимъ рабочимъ удалось простоять еще в третій мѣсяць. И безъ того нельзя не удивляться тому, что пролетаріи столицы держались такъ долго почти безъ всякой денежной помощи извнѣ, среди зимнихъ холодовъ, подъ постоянными ударами треповской диктатуры. Стачка, вѣроятно, еще продлится недѣлю-другую и закончится, оставивъ по себѣ тысячи безработныхъ съ тѣхъ фабрикъ и заводовъ, гдѣ ховяева особенно свирѣпы, а рабочіе менѣе стойки. Для другихъ промышленныхъ заведеній ближайшій итогъ исторической забастовки выразится въ рядѣ частныхъ реформъ, а главнымъ результатомъ будетъ—прочное и глубокое революціонизированіе сознанія сотенъ тысячъ пролетаріевъ, пережившихъ незабываемые уроки въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ.

Стачка идетъ на убыль, потому что она должна когда нибудь кончиться.

Казалось бы, главный врагъ, съ которымъ боролся пролетаріатъ въ эти дни, самодержавная бюрократія—долженъ былъ бы спокойно ждать этого уже недалекаго финала—полнаго возобновленія работъ. Но петербургскіе рабочіе прекращаютъ стачку не съ видомъ побѣжденныхъ, а съ явнымъ и нескрываемымъ намѣреніемъ продолжать неустанную борьбу противъ стараго порядка. Блестяще проведенная ими революціонная кампанія противъ шарлатанскаго эксперимента съ комиссіей Шидловскаго, увѣличавшаяся самоубійственнымъ закрытіемъ этой комиссіи, наглядно показала, что на удочку «сердечнаго попеченія» — послѣ 9 января — петербургскій пролетаріатъ не пойдетъ ¹⁾.

¹⁾ Выше—въ статьѣ: «Что намъ дѣлать съ комиссіею Шидловскаго?»—предложено товарищамъ другой планъ кампаніи, въ связи съ пресловутой комиссіей. Онъ былъ рассчитанъ на болѣе продолжительный періодъ, чтобы позволить пролетаріату всей Россіи испытать ея революціонизирующее дѣйствіе. Мы полагали, что предлагавшаяся нами товарищамъ тактика могла бы отодвинуть неизбежный—при самодержавіи—моментъ остраго разрыва рабочихъ съ этой реформаторской попыткой и тѣмъ собрать вокругъ руководимыхъ социалдемократіей «выборщиковъ» весь російскій пролетаріатъ. Если бы это удалось, мы бы ускорили образованіе такой массовой всерос-

Эта пощечина правительственному реформаторству вызвала въ шайкѣ, держащей въ рукахъ бразды правленія, жгучую жажду мести. Послѣ такого моральнаго пораженія ее уже не могла утѣшить такая виѣшня я побѣда, какъ вынужденное голодомъ возвращеніе рабочихъ къ своимъ станкамъ.

Надо было попытаться, во что бы то ни стало, сломить рабочихъ, заставить ихъ вновь почувствовать утраченный страхъ передъ грубой «мощью». И правительство, опираясь на ожидавшійся эффектъ «либеральнаго» рескрипта 18-го февраля, вслѣдъ за закрытіемъ комиссіи Шидловскаго, приступаетъ къ провокаціи рабочихъ на рѣзкія дѣйствія. Закрываются казенные заводы, объявляется о зачисленіи стачечниковъ—запасныхъ въ дѣйствительную армію, примѣняются новыя мѣры полицейскаго насилія, арестуются бывшіе выборщики, которыхъ только что старались увѣрить, что блажью являются изъ заботы о формальномъ обеспеченіи своей неприкосновенности.

Правительство надѣется совершить этотъ славный походъ подъ прикрытіемъ своей «либеральной» диверсіи въ сторону «арѣльныхъ общественныхъ силъ». Косная обывательская масса должна—такова идея правительства—отблагодарить его за данныя 18-го февраля обѣщанія поддержкой военно-полицейскаго набѣга на революціонный пролетариатъ. Прижатое къ стѣнѣ, самодержавіе не можетъ уже ждать, чтобы «соврѣлы» гнилой плодъ его реформаторскихъ потугъ—оно должно требовать отъ «арѣльныхъ общественныхъ силъ» немедленной выдачи росписки на всю номинальную стоимость обѣщанныхъ подачекъ. Но такъ какъ политическій кредитъ правительства упалъ слишкомъ низко, чтобы буржуа, не успѣвшій еще окончательно утомиться отъ царящей «анархіи», призналъ себя, безъ оговорокъ, удовлетвореннымъ этой сомнительнаго качества монетой, то для безпреступнаго вовлеченія его въ невыгодную сдѣлку пущены въ ходъ испытанный аппаратъ рептильной прессы. Мобилизованы новременскіе борзописцы.

Только что (въ № отъ 19 февраля) успѣвъ, устами всѣхъ своихъ корифеевъ—самого Суворина, Л. Л. Толстого и Розанова—выразить свое умиленіе передъ рескриптомъ 18 февраля и обѣщать, въ числѣ прочихъ сулимыхъ имъ благъ, всеобщее «умиротвореніе», только что призывавъ «русскія партіи» «помириться», чтобы не было «шума, свары, ссоры»,—«Новое Время», на слѣдующій же день, скорбитъ о неудачѣ

сіискій организаціи, которая намъ необходима для планомерной, повсемѣстной и рѣшительной атаки и начало которой теперь заложено въ Петербургѣ.

комисіи Шидловскаго и пытается натравить противъ 400 выборщиковъ 150-тысячную массу рабочихъ, якобы несолидарную съ проявленной ими непримиримостью. Масса, видите ли, стремилась принять участіе въ выборахъ,—слѣдовательно, она ждала положительныхъ результатовъ отъ комисіи; стало быть, выборщики обманули ея довѣріе, предпославъ выборамъ делегатовъ свои условія. Безстыдная газета инсинуируетъ, что «толпа поддается гипнозу», а тѣмъ объясняя солидарность, проявленную общамъ собраніемъ выборщиковъ 17 февраля. И, однако, «Новое Время» хорошо знаетъ, по личному опыту, что данная «толпа» оказалась способной не дѣйствовать подъ первыми впечатлѣніемъ возмущеннаго чувства. Когда на этомъ же собраніи 17 февраля «поддающаяся гипнозу толпа» увидѣла передъ собой, въ числѣ прочихъ представителей печати, «молодцовъ» изъ «Нов. Вр.» и «Свѣта», она потребовала ихъ удаленія изъ собранія. Но стоило только тѣмъ самымъ «вожакамъ», которые служатъ теперь мишенью реакціонныхъ нападковъ и полицейскихъ преслѣдованій, указать товарищамъ, что рабочій классъ выше всего ставитъ полную гласность, чтобы нововременцы были оставлены въ залѣ, причемъ, однако, собраніе приняло резолюцію, выражающую презрѣніе обимъ почтеннымъ органамъ. «Нов. Вр.» не сочло нужнымъ сообщить своимъ читателямъ объ этомъ эпизодѣ, дабы съ тѣмъ большей развязностью повести атаку на цвѣтъ петербургскаго пролетаріата, на російскій пролетаріатъ вообще.

День ото дня эта атака принимаетъ все болѣе наглый характеръ. Подъ аккомпаниментъ подпольной агитаціи въ пользу еврейскихъ погромовъ, нововременскіе корреспонденты обличаютъ «бундовцевъ», сообщаютъ о козняхъ молтавскихъ социалдемократовъ,—по ихъ расчетамъ, сплошь евреевъ. Когда же Петербургъ въ мрачномъ отчаяніи воспринималъ извѣстія о мукденскомъ разгромѣ, газета, въ своей передовой статьѣ отъ 26 февраля, характерно озаглавленной «Прощенный день», пишетъ:

«Зная истиннаго русскаго человѣка (!), его душу, его здравый смыслъ, мы рѣшаемся утверждать, что забастовка вообще и, въ частности, въ области труда, необходимаго для военныхъ надобностей, является дѣломъ не русскіхъ людей». Что нужды, что за 6 дней до того, г. Меньшиковъ писалъ въ той же газетѣ: «Все эти демонстраціи, стачки, забастовки—чистѣйшая нечѣстность, будто онѣ на англійскія и японскія деньги»... *Calomniez, il en restera toujours quelque chose.* Въ наши дни погромной агитаціи пресловутые «18 милліоновъ» могутъ еще пригодиться! И передовикъ продолжаетъ: «Накнпъ смутныхъ

дней, наступивших на Русь, избилуетъ не столько русскими людьми, сколько всякой международной сволочью, отъ которой пора освободить смиренныхъ русскихъ труженниковъ» (курсивъ нашъ).

Провокаторская попытка натравить рабочую массу на ея революціонный авангардъ преслѣдуетъ, прежде всего, цѣль собрать подъ знамя, выкинутое 18 февраля, либеральную буржуазію и противопоставить ее народнымъ массамъ. Къ несчастью для существующаго режима, либеральная буржуазія не можетъ, если бы и захотѣла, продать дѣло свободы по предлагаемой цѣнѣ. Ибо судьба російской «реформы» слишкомъ тѣсно связана съ революціоннымъ рабочимъ движеніемъ, чтобы до реализаціи конституціи буржуазія могла, заключая миръ съ монархіей, обратиться противъ пролетариата. Въ то время, какъ «Новое Время» съ сладкой миной призываетъ «прогрессивные элементы» на борьбу съ «международной сволочью», правительственный аррьергардъ «Московск. Вѣдомостей» призываетъ «истиннаго русскаго человѣка», прежде всего, къ погрому этихъ самыхъ «прогрессивныхъ элементовъ». И «Новое Время» со злостью афериста, которому не удается набросить, наконецъ, петлю на свою жертву, проявляетъ неудовольствіе тѣмъ, что реакціонная демагогія, рядомъ съ «соціалистами, армянами, евреями и поляками», натравляетъ черную сотню противъ «студентовъ» и «земцевъ». Бѣдная газета пытается даже увѣрить, что прокламація съ призывомъ: «бей студентовъ» исходитъ отъ «революціонной социалдемократической партіи». Но ей никто не вѣрять, ибо русская исторія привязала либеральное и демократическое движеніе къ рабочему и сдѣлала рабочій классъ оплотомъ всего прогрессивнаго развитія. Попытка теперь же, «гипнозомъ» рескрипта, оторвать отъ оппозиціоннаго движенія болѣе вліятельные элементы буржуазіи не приведетъ ни къ чему, кромѣ новаго посрамленія того «истинно-русскаго» направленія, въ которомъ наша столь явное выраженіе политическая развращенность, сбывшаяся старымъ режимомъ въ теченіе 40 лѣтъ его медленнаго разложенія. Своей антисоциалдемократической и антиеврейской кампаніей нововременцы могутъ сыграть только роль второй скрипки, аккомпанирующей воинствующимъ и знающимъ хорошо, чего хотѣть, катковцамъ «Моск. Вѣдомостей», подобно тому, какъ всѣ хитроумные спасители абсолютизма изъ высшей бюрократіи—всѣ эти Святополки, Витте, Ермоловы—всей своей «хитрой механикой» только содѣйствуютъ бьющимся съ энергіей отчаянія ультра-реакціонерамъ.

У этихъ, по крайней мѣрѣ, руки не связаны. Имъ не дано пони-

мать безнадёжности ихъ позиціи и, преслѣдуя цѣли, развудать, подъ флагомъ борьбы за «исконныя русскія начала», гражданскую войну, они не ослабляютъ энергіи ледяемаго ими Атилова похода дѣленіемъ всего «гражданскаго общества» на правыхъ и виноватыхъ. Предъ ихъ лицомъ всё одинаково заслуживаетъ истребленія—отъ террористовъ до Шиповыхъ, отъ гимназистовъ до либеральствующихъ поповъ. Поэтому они могутъ не праздно мечтать о крестовомъ походѣ руководимой околоточными «черной сотни» противъ «либераловъ и революціонеровъ». Пользуясь готовымъ аппаратомъ выдрессированной полицейской организаціи, они начали уже свою работу въ неслыханныхъ еще размѣрахъ. Надъ буржуазнымъ обществомъ еще боже, чѣмъ надъ пролетаріатомъ, нависаетъ опасность цѣлой серии Варооломеевскихъ ночей. Бакинская драма показала, чего слѣдуетъ ожидать.

Противъ реакціонныхъ крестовосцевъ организованный пролетаріатъ вооружается, насколько позволяютъ ему его скромныя средства. Среди демократической буржуазіи поднимаются разговоры объ организаціи городской милиціи. Въ добрый часъ! Пролетаріатъ энергично поддержитъ всякій шагъ буржуазіи въ дѣлѣ организаціи самообороны населенія, лишь бы только это дѣло велось внѣ всякихъ реакціонныхъ узювокъ, направленныхъ противъ него самого.

Во всякомъ случаѣ, впечатлѣніе бакинскихъ, еодосійскихъ, курскихъ и т. п. событій не таково, чтобы облегчить лавкамъ деспотизма задуманную ими попытку те перь уже перевести на сторону падающаго режима часть враждебныхъ ему силъ. Послѣ Мукдена еще больше дѣйствительныхъ уступокъ должно быть дано, хотя бы и самымъ умѣреннымъ элементамъ, чтобы остановить ростъ ихъ недовольства. Всякій шагъ промедленія со стороны правительства только еще больше запутываетъ его положеніе.

При такихъ условіяхъ, шансы революціоннаго движенія все растутъ, и среди борющихся общественныхъ силъ пролетаріатъ можетъ занять—въ интересахъ народной революціи—самыя выигрышныя позиціи. Надо только неуклонно усиливать энергію натиска, надо только неустанно расширять операціонную базу.

Начавшіеся во многихъ мѣстахъ крестьянскіе беспорядки и возмущаемая газетамъ новая мобилизація могутъ сыграть роль второго дѣйствія великой русской революціи. Соціалдемократія обязана сыграть въ немъ подобающую роль.

Л. Мартовъ.

Двойная игра.

(10-го марта 1905 г., № 92).

Событія не ждут! Всего нѣсколько мѣсяцевъ отдѣляютъ насъ отъ «весны» Свѣтополака, отъ балетнаго времени, но эти мѣсяцы наполнены—падениемъ Портъ-Артура, петербургскою бойней, всероссійской стачкой, бакинскою рѣзней, мукденскимъ разгромомъ; мѣсяцы, равноцѣнные эпохамъ, когда каждый наступающій день несетъ въ себѣ каторгю, и каждый часъ затягиваетъ туже и крѣпче петлю на отжившемъ режимѣ.

▲ Событія не ждутъ и форсированнымъ темпомъ толкаютъ режимъ къ его гибели. Абсолютизмъ умираетъ—въ процессѣ многообразномъ и сложномъ, похожій на гигантскую машину, у которой сломанъ передаточный механизмъ и которая еще стучитъ и гремитъ безчисленными своими частями, бессильная, однако, произвести необходимую работу.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ: въ то время, какъ дѣловая промышленная жизнь цѣпенѣтъ на всемъ пространствѣ Россіи, въ то время, какъ наука бастуетъ и даже малыши перестали учиться, только всероссійская канцелярія работаетъ во-всю, то и дѣло извергая продукты своего торопливаго творчества, наводняя страну циркулярами, насыщая воздухъ шумомъ своей суетни. Указъ погоняется указомъ, комиссія смѣняетъ комиссію. Чиновничій міръ исходитъ въ напрасныхъ усиліяхъ остаться господиномъ положенія. Какая-то бездѣльная дѣловитость! Распоряженія, отміны распоряженій и въ результатѣ хаосъ, въ которомъ лишь истиннѣе самосохраненія поддерживаетъ извѣстный порядокъ—планомѣрность въ рефлекторныхъ движеніяхъ, цѣлесообразность въ безцѣльномъ, казалось бы, топтаніи на одномъ мѣстѣ; единосохраняющій истиннѣе-регуляторъ, который и изъ хаоса умудряется выработать что-то вроде тактики и среди «мерзости запустѣнія» создавать стратегическіе планы. Какъ это ни покажется страннымъ, разлагающаяся, идущая на смарку система имѣетъ свой «планъ» и свою доморощенную тактику.

Ей предстоитъ, подъ угрозой исчезнуть, возстановить равновѣсіе прошлаго или—буде нельзя—создать заново комбинацію силъ, которая, покоясь на взаимности нужды и услугъ, сохранила бы систему въ возможно менѣе измѣненномъ видѣ.

Что дѣлать? Какъ быть?—Если, съ одной стороны, неудачи войны

сокрушили традиционный престиж и съ нимъ вмѣстѣ свели почти на нѣтъ международный кредитъ абсолютизма, то, съ другой—пробуждающіяся народныя массы до основанія измѣнили взаимное отношеніе режима и вліятельныхъ группъ дворянско-буржуазнаго общества.

Для самодержавія съ пробужденіемъ массъ исчезла возможность поддерживать долѣе нерегулированную законодательными нормами, патріархально-бытовую исконную методу свою—пріобщенія отдѣльныхъ имущихъ слоевъ къ пользованію фактической властью враздробь, или къ непосредственнымъ выгодамъ финансово-экономической политики.

Патріархально-бытовая метода возможна и умѣстна только тамъ, гдѣ у власти абсолютно свободныя руки, гдѣ ей нѣтъ основанія оперировать, оглядываясь, гдѣ она не рискуетъ въ каждый данный моментъ столкнуться съ тѣмъ, что называется «народомъ», какъ съ субъектомъ, творящимъ свою волю, а не просто какъ съ объектомъ различныхъ стороннихъ усмотрѣній. Пока «народъ безмолвствуетъ», первенствующія сословныя и имущія группы не поднимаютъ претензій о «гарантіяхъ» столько же потому, что и безъ всякихъ гарантій на нихъ изливается властью максимальная сумма возможныхъ государственныхъ благъ, сколько и потому, что онѣ безсильны передъ властью подкрѣпить аргументацію вразумительнымъ обращеніемъ къ «народу».

Но картина мѣняется, лишь только «народъ» становится или готовится стать участникомъ историческаго дѣйствія. Собирающаяся дѣйствовать масса рѣзкимъ диссонансомъ врывается въ закрѣпленное годами сожительство: для обѣихъ сторонъ она превращается въ разлагающій ферментъ и одновременно—въ общую апелляционную инстанцію. Такъ, стоило власти въ борьбѣ съ революціей начать производить свои диверсія въ сторону находящихся въ движеніи фабрично-заводскихъ рабочихъ, чтобы промышленный капиталъ сталъ валить всю вину за революцію на власть и переходить въ либералы. И стоило, съ другой стороны, либеральнымъ помѣщикамъ достаточно громко заговорить о пережвѣнѣ режима, чтобы власть устами своихъ публицистовъ стала грозиться Вандеей и не на шутку готовить что-то въ родѣ Варсоломеевской ночи. Если власть не прочь, когда нужно, разыграть «народъ» противъ «общества», то «общество» неизмѣнно и всегда готово приводить въ движеніе «народъ» противъ власти, и только въ расчетѣ на него развертываетъ свое откровенно-оппозиціонное знамя.

Этой новой конъюнктурой, этимъ прежде небывалымъ уравненіемъ—съ искомъ въ видѣ приходящихъ въ сознаніе массъ—и опре-

дѣляется современное поведеніе власти. Ей надлежитъ разрѣшить своего рода квадратуру круга, ту головоломную двойную задачу, которая гласитъ:

Въ процесѣ ломки старыхъ общественныхъ отношеній и народненія новыхъ нацунать, собрать и спаять въ одинъ блокъ тѣ общественные элементы, которые располагали бы достаточными силами и при этомъ выражали бы готовность поддерживать реставрированную «исправленную и дополненную» власть противъ всякаго давленія снизу, и въ то же время самой использовать, какъ можно полнѣе это давленіе снизу, какъ для того, чтобы ускорить сформированіе блока и загнать въ него максимальное количество колеблющихся силъ, такъ и для того, чтобы выговорить себѣ въ немъ наилучшія условія, наиболѣе подходящія нормы.

Вотъ почему мы и присутствуемъ за послѣднее время при странномъ, казалось бы, зрѣлищѣ: власть, одною рукою заводящая толки о земскомъ соборѣ, лансирующая—при посредствѣ расторопныхъ газетчиковъ—всевозможные «проекты» и «соборные» интервью государственныхъ мужей, другою рукою организуешь свои черныя банды, дабы «внутреннимъ врагамъ», включая въ ихъ число и почтенныхъ вольводумныхъ помѣщиковъ, было впредь не повадно, и спасительный страхъ могъ оказать достоюжное дѣйствіе. Вотъ почему рескриптъ 18 февраля сопровождается аккомпаниментомъ крестьянскихъ волненій, въ которыхъ подчасъ не послѣднюю, хотя и далеко еще неразъясненную роль играютъ то «патріотическая» рѣчь священника (какъ то было въ Аткаревскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи), то неизвѣстно откуда появившіеся на базарахъ прасолы, говорящіе, что «нужно бить студентовъ и баръ»—какъ о томъ сообщаетъ изъ Курской губерніи Дмитріевскаго уѣзда г. Шебуевъ въ «Руси».

Вотъ почему широко дебатируется вопросъ, какъ «подстроить» выборы въ земскій соборъ (крылатое словечко сановника изъ «Новаго Времени»), кого къ нему припустить и кого оставить за бортомъ, и гдѣ провести демаркаціонную линію, которая бы расщепила Россію на Россію съ правами и на Россію безъ правъ,—и одновременно страна наводняется—отъ края до края—зловѣщими опасеніями и слухами, повѣствуется о новонепеченномъ самарскомъ губернаторѣ Засядко, организушемъ, будто бы, особыя крестьянскія дружины, говорится о лигѣ патріотовъ, рассылающей на югъ подметныя письма, какъ по знаку дирижера откуда-то берутся и въ Цесковѣ, и въ Казани, и въ Москвѣ и во многихъ другихъ городахъ прокламаціи въ заборно-угрожающемъ стилѣ, избитыя дѣти (въ Курскѣ и прочихъ

мѣстахъ) документируютъ реальность угрозъ, а баккинскія событія кровавымъ пятномъ стоятъ въ глазахъ потрясеннаго зрителя.

Что и говорить: азартно-хитроумная игра, но, надо признать, и безнадежная игра, игра невпопадъ, игра безъ малѣйшей перспективы успѣха!

Что могло еще казаться исполнимымъ, возможнымъ въ сравнительно спокойныя времена обывательскихъ будней—«органической эпохи», было напередъ обречено на постыдное фіаско въ наши дни революціоннаго перелома, коренной передѣлки.

Не то, чтобы власть, приступая къ своей подлежащей рѣшемію проблемѣ, такъ-таки совсѣмъ не считалась съ дѣйствительными величинами и не знала своего «уравненія». Власть—не лишенный разумѣнія эмпирикъ, недурной наблюдатель. Но она бессильна понимать явленія въ ихъ непрестанной эволюціи—смѣнѣ, она терается въ водоворотѣ событій, она органически неспособна разбираться въ процессахъ исторіи. Она только помнить—ясно и твердо, что было вчера, и совершенно упускаетъ изъ виду, что это бывшее вчера преобразуется сегодня, съ тѣмъ чтобы измѣниться еще болѣе на завтра—въ пестромъ ходѣ вещей, подъ перекрестнымъ огнемъ разнообразныхъ воздѣйствій.

Воплощенный анахронизмъ, она и мыслить посредствомъ однихъ анахронизмовъ: такова ея концепція «народа», таковы ея представленія о характерѣ и объемѣ движенія разнородныхъ круговъ дворянско-буржуазнаго «общества». Она знаетъ, напимѣрь, она не сомнѣвается въ томъ, что она знаетъ досконально хорошо своего «либерала», того либерала, который въ тягчайшія минуты репрессій не переставалъ коситься, озираться съ опаской на сермяжную Россію, а потому, не колеблясь, собираетъ это свое «знаніе» пустить въ оборотъ и построить на немъ спекуляцію. Достаточно, полагаетъ она, малой порціи кровопролитія, довольно, хотя бы издалека, невзначай, махнуть тѣнью пугачевщины, чтобы проявляющія наклонность къ свободѣ «помѣстья» опять припаян въ разумъ и дались въ руки правительству.

И прошлое, какъ будто, цѣликомъ подтверждаетъ это мнѣніе. Даже культурные, даже передовые представители помѣстнаго землевладѣнія, при всемъ завѣдомомъ своемъ «народолюбіи», болѣе искони недугомъ народобоязни—естественнымъ выраженіемъ ихъ классовой подоплеки, и только старались прикрыть свой недугъ—даже въ собственномъ сознаніи—благозвучными разсужденіями на тему о крестьянской темнотѣ, крестьянскомъ невѣжествѣ. Эти разсужденія проходили красной нитью черезъ кампанію, которую нѣсколько лѣтъ тому назадъ вели земцы по

вопросу о мелкой земской единице, совмѣщая въ себѣ прихотливую снѣсь изъ стремленій приблизиться къ народу (чтобы на него политически опереться) и столь же сильныхъ опасеній, какъ бы ихъ не захлестнула народная волна. И развѣ не звучали въ томъ же смыслѣ либеральные голоса въ засѣданіяхъ иныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ? развѣ не слышали мы въ позапрошломъ году краснорѣчивыхъ выраженій недовѣрія къ народу — по поводу министерскаго запроса о пониженіи избирательнаго права? развѣ не видѣли мы еще недавно, какъ петербургскій ноябрьскій съѣздъ осторожно обходилъ щекотливую тему всенароднаго избирательнаго права? И развѣ, наконецъ, совсѣмъ еще на-дняхъ не приходилось намъ читать записку о земскомъ соборѣ, поданную въ нижегородское губернское земское собраніе народникомъ Штанге, въ которой этотъ извѣстный устроитель артелей, хорошо освѣдомленный по части «пожѣтныхъ» кривотолоковъ, не безъ наивности увѣщавъ «владѣльческіе классы» не бояться и пойти на «разумныя, неизбѣжныя уступки»?

Все это — съ подлиннымъ вѣрно, все это — такъ, и однако: не успѣли еще продохнуть чернила, которыми г. Штанге писалъ свое обращеніе къ земцамъ, какъ пахнуло новымъ духомъ. Такъ, земское собраніе въ Москвѣ — въ концѣ февраля — уже *en toutes lettres* — заявляетъ о необходимости народнаго представительства «на началахъ всеобщаго и равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права» и въ противоположность недавно еще популярной идеѣ о чисто политической конституціонной платформѣ (за нее ратовалъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, между прочимъ, радикальный «Сынъ Отечества») намѣчаетъ аграрную реформу. Такъ, въ думахъ — невиданный случай — вносятся предложенія объ организаціи милиціи, о передачѣ полицейскаго аппарата изъ правительственныхъ рукъ въ вѣдѣніе представительныхъ учреждений; такъ извѣстныя своей академичностью умѣренно-либеральныя и неумѣренно-скучныя «Русскія Вѣдомости» начинаютъ говорить человѣческимъ голосомъ о необходимости вооруженнаго сопротивленія, въ отвѣтъ на курскій погромъ гимназистовъ, а бакинскіе капиталисты образуютъ особый комитетъ самообороны, заодно съ представителями рабочихъ организацій.

Это не значить, конечно, что все перевернулось вверхъ дномъ въ подлунномъ нашемъ мірѣ, что капиталистъ сталъ кротокъ, какъ агнець, и либераль пріобрѣлъ львиное сердце, но это значить, что революція уже перешагнула черезъ игрушечныя махинаціи современныхъ Макиавелли. Игроки самодержавнаго режима думали играть на вѣрняка, но, подсчитывая карты, надѣясь либераловъ побить кулаками

народной толпы и народную толпу скрутить грудами либераловъ, они не учли одного: что въ огромномъ процессѣ, въ которомъ тонетъ ихъ собственный корабль, все органически слито въ одно цѣлое, все связано въ одну цѣпь взаимодѣйствій.

И либеральное общество является не болѣе, какъ частью этого цѣлаго — великой буржуазной социальной революціи. Оно воспринимаетъ отъ него директивы, оно получаетъ все новые импульсы, оно несетса — и съ каждымъ днемъ все сильнѣй — на гребнѣ пролетарской волны. И въ сознаниі этой своей органической связанности, оно, волей-неволей, должно повышать демократизмъ своей программы, революціонность своихъ дѣйствій. Оно въ собственныхъ кровныхъ интересахъ вынуждено слѣзнуть — пока не поздно — связаться съ народомъ и прежде всего съ крестьянствомъ, пойти навстрѣчу его требованіямъ.

Вотъ объ эту то центростремительную силу революціи, вотъ объ эту то снайку живыхъ ея силъ и разбиваются и будутъ разбиваться и впредь всѣ усилія и хитрости безнадежно больного режима.

Староверъ.

Милиція или полиція.

(31 марта 1905 г., № 95.)

Какъ предсказала «Искра» въ свое время, организованный реакціей походъ «черныхъ сотенъ» противъ «общества» оказалъ благотворное воздѣйствіе на сознание его либеральной части. Если и до сихъ поръ еще эта часть «общества», въ громадномъ своемъ большинствѣ, далека отъ мысли о необходимости примѣненія силы въ борьбѣ за свободу, то въ борьбѣ за свою жизнь, собственность, неприкосновенность личности, которымъ угрожаютъ черныя банды защитниковъ абсолютизма, либеральная оппозиція готова подумать объ организаціи боевой силы. Вопросъ о городской милиціи поднятъ въ разныхъ концахъ Россіи, нѣкоторые общества и отдѣльные гласные уже вошли съ соответственными представленіями въ городскія думы. Въ Ялтѣ,

во время недавних беспорядков, горожане даже уже организовали подобную милицию.

Можно было бы приветствовать этот шаг, делаемый либеральной буржуазией, если бы новая идея слишком долго не оставалась в области одних «мечтаній». В то время, как реакционная партия съ наглымъ цинизмомъ продѣлываетъ первые опыты, избывая интеллигенцію ономъ и въ розницу, а ея пресса открыто и фанатично ведетъ пропаганду дальнѣйшихъ погромовъ, — либеральный обыватель проявляетъ въ дѣлѣ подготовки самообороны медлительность и «постепенность», способная заставить усомниться въ серьезности его намѣреній бороться хотя бы за спасеніе своихъ дѣтей—гимназистовъ, противъ которыхъ организованна страшная травля, прикрываемая не только полиціей, но и судьями (Псковъ).

Дальше разговоры о милиціи въ городскихъ думахъ дѣло не пошло нигдѣ, кромѣ Пензы, Мелитополя и Симферополя, гдѣ думы постановили организовать небольшія городскія стражи.

О причинѣ этой нерѣшительности говорятъ знаменательныя слова одесскаго городского головы, извѣстнаго либерала г. Зеленаго, сказанныя имъ недавно одному журналисту. По словамъ г. Зеленаго, положеніе обывателя весьма трагично: реакционная пропаганда ведется во всю, грозя со дня на день новымъ повтореніемъ кишиневскихъ и бакинскихъ ужасовъ. Съ другой стороны, рабочіе (въ Одессѣ), по словамъ городского головы, заявили, что будутъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать «интеллигенцію» противъ поднятой реакціонными демагогами, «черной сотни». Можно себѣ представить, спрашиваетъ Зеленый, что произойдетъ, если 15.000 рабочихъ вступать въ бой съ 20.000 громилъ?

«Слѣдовало бы организовать милицію на службѣ города, но... намъ ее не разрѣшать ни въ какомъ случаѣ». И городской голова констатируетъ безвыходное, трагическое положеніе обывателя.

Такимъ образомъ, съ перваго взгляда все дѣло въ томъ, что либеральная буржуазія не рассчитываетъ получить благословенія правительства на организацию охраны населенія... противъ черныхъ сотенъ. И, дѣйствительно, было бы болѣе чѣмъ наивно, рассчитывать на готовность правительства разрѣшить своимъ противникамъ подготовить самооборону. Но не пора ли вообще понять, что разъ уже дѣло дошло до необходимости для «общества» заботиться о самозащитѣ противъ полицейскихъ явчаръ, то не приходится продолжать недостойную и гру въ легальность? Не ходатайствовать о разрѣшеніи подготовить самозащиту приходится въ этомъ случаѣ, а готовить ее «самовольно». Такъ поставленъ «обществу» вопросъ не нами, революціоне-

рами, такъ поставленъ онъ самой реакціей, аргументирующей бакинскими, тамбовскими, курскими звѣрствами.

Повсемѣстное, подготовленное заранее, по взаимному соглашенію, постановленіе городскихъ думъ объ отказѣ въ отпускъ средствъ на содержаніе полиціи, объ организаціи милиціи и о призывѣ всѣхъ гражданъ къ самозащитѣ, въ виду отсутствія безопасности личности и жилища—вотъ чего требуетъ отъ правящей въ городахъ буржуазіи нынѣшнее положеніе, вотъ что она должна сдѣлать, если хочетъ оградить себя серьезно отъ опасности Варооломеевской ночи.

Пусть приведеніе въ исполненіе такихъ постановленій натолкнется на полицейскія рогатки и сразу не сломитъ ихъ; пусть правительственная власть окажется еще достаточно сильной, чтобы на всемъ протяженіи страны подавить это движеніе. Энергичныя дѣйствія въ этомъ направленіи, во всякомъ случаѣ, революционизируютъ городское населеніе и позволяютъ при первомъ же новомъ подъемѣ народной массы осуществить принятое раньше рѣшеніе. Могла же въ Ялтѣ, въ то время, когда полицейскія власти прятались по чердакамъ, организоваться милиція, въ составѣ 2000 человекъ. Понятно, что разъ организованная, эта милиція уже не такъ-то легко будетъ разсѣяна дезорганизованнымъ правительствомъ.

Очевидно, однако, что вступать на этотъ революціонный путь, перейдя Рубиконъ либеральной благонамѣренности, невозможно для тѣхъ, кто не способенъ сдѣлать шагъ противъ абсолютизма, не оглядываясь боязливо назадъ на растущую силу городского пролетаріата. А это именно и дѣлаетъ, напримѣръ, г. Зеленый, когда рисуетъ картину предстоящихъ ужасовъ сраженія между рабочими и «черной сотней». Повидимому, для этого либерала пролетаріи, общавшіе съ оружіемъ въ рукахъ «защищать интеллигенцію», немногимъ менѣе страшны, чѣмъ поднятые Крушеваномъ хулиганы. Но при такомъ отношеніи къ революціонной «толпѣ», разумѣется, нельзя рѣшить вопросъ о милиціи иначе, какъ въ рамкахъ «разрѣшенія» начальства, то есть, въ сущности, рѣшить въ отрицательномъ смыслѣ. И событія, происшедшія въ Ялтѣ, наглядно показали, чего можно ожидать при такой постановкѣ вопроса.

Ятинскій погромъ производили босьяки. Городъ защищала отъ нихъ самообразовавшаяся «милиція» и, когда безпорядки прекратились, сошедшіеся на первое засѣданіе думы немногіе гласные постановили выразить благодарность «ремесленникамъ и рабочимъ», защищавшимъ обывателей. Въ думу были внесены предложенія: организовать постоянную милицію и перенять въ вѣдѣніе города полицію. А затѣмъ...

загѣмъ произошло собесѣдованіе гласныхъ съ губернаторомъ и на этожъ собесѣдованіи со стороны гласныхъ раздавались рѣчи о винѣ «агитаторовъ», приучившихъ рабочихъ къ забастовкамъ, объ обиліи «неблагонадежныхъ» элементовъ и о необходимости болѣе неукоснительнаго ихъ преслѣдованія и т. п. О благодарности, которой былъ обязанъ городъ рабочимъ, всё позабыли... За то, когда сталъ обсуждаться вопросъ о милиціи, то губернаторъ устранилъ его указаніемъ на то, что, состоя изъ людей «не дисциплинированныхъ», милиція сама можетъ устраивать «безпорядки», и, полюбовнымъ соглашеніемъ, вмѣсто «ходатайства» о милиціи, отцы города сдѣлали постыдное постановленіе о необходимости расквартированія военнаго отряда въ Ялтѣ. Поздравляемъ заранѣе ялтинскихъ обывателей съ тѣмъ днемъ, когда, въ присутствіи этого отряда, ихъ будутъ грабить и убивать, какъ это дѣлали въ Баку!

Можно мечтать о томъ, чтобы рядомъ съ преторіанцами правительства, создать своихъ собственныхъ преторіанцевъ на службѣ у домовладѣльческой олигархіи, готовыхъ одинаково защищать сегодня жизнь и собственность буржуазіи противъ «черныхъ сотенъ», а завтра— «порядокъ» противъ революціоннаго пролетаріата. Но этимъ мечтамъ суждено оставаться мечтами. Дѣло защиты «порядка» противъ пролетаріата правительству незачѣмъ уступать буржуазіи—это та единственная его функція, которая можетъ дѣлать его по временамъ и ужимкамъ для буржуазіи. А вооружить буржуазію противъ себя—никакъ не можетъ входить въ его расчеты. Слуги реакціи, какъ говорилъ еще Лассаль, не краснобаи, а люди дѣла, и въ этомъ отношеніи не мѣшаютъ поучиться у нихъ и сторонникамъ прогресса.

Исторически создавшееся положеніе таково, что буржуазія не можетъ обороняться противъ реакціонной клики иначе, какъ подготавливая къ оборонѣ въ то же время пролетаріатъ. Только аппелляціей къ пролетаріату, который готовъ всегда вступить въ борьбу съ угнетеніемъ, можетъ она свести на—нѣтъ рогатки полицейской «легальности», санкціонирующей ея нынѣшнюю беззащитность противъ подвиговъ полицейскихъ громилъ.

Выяснить это положеніе буржуазному «обществу» должно быть задачей дѣйствительно демократическихъ его элементовъ. Сдѣлавъ это, они окажутъ серьезную услугу дѣлу свободы!

Пролетаріатъ, конечно, не будетъ дожидаться, пока эта задача будетъ выполнена буржуазной демократіей. Вѣрный своему прошлому, онъ, по-прежнему, будетъ брать на себя, хотя бы и безъ поддержки со стороны, дѣло отпора полицейскимъ «ваидейцамъ». Поступая такъ,

онъ всего вѣрнѣе будетъ «столкать» буржуазію на единственно правильный путь. И, поскольку вопросъ объ организаціи милиціи будетъ становиться реальностью, онъ предъявить буржуазіи свои условія для совместной съ ней борьбы противъ реакціонныхъ бандъ.

Эти условія должны заключаться въ требованіи, чтобы городская милиція состояла не изъ постоянныхъ наемныхъ „стражниковъ“, а изъ всѣхъ желающихъ гражданъ, вознаграждаемыхъ изъ городскихъ средствъ за потраченное на службу въ милиціи время и снабжаемыхъ всѣмъ нужнымъ на счетъ этихъ средствъ.

Милиція должна быть организована совершенно демократически, и къ дѣлу ея организаціи должны быть привлечены не участвующіе въ нынѣшнемъ городскомъ самоуправленіи выборные представители рабочихъ. Отряды рабочихъ и явятся главной боевой силой противъ «черной сотни».

Рабочій классъ долженъ настойчиво добиваться осуществленія такой городской милиціи. Его должно энергично поддерживать въ этомъ требованіи революціонное студенчество, не знающее куда приложить свою энергію въ періодъ хронической „забастовки“ и заговаривающее уже кое-гдѣ о созданіи академическихъ «легионовъ». Правительственная реакція, оказавшая уже своей неловкой игрой столько услугъ революціонному дѣлу, не замедлитъ создать условія, благоприятныя для реализаціи такихъ требованій, которыя не одному бавворукому либералу покажутся теперь утопіей.

Л. Мартовъ.

Бюрократія за работой.

(31-го марта 1905 г., № 95).

Пока возмущенія крестьянскія волненія не приняли еще столь широкихъ размѣровъ, чтобы всецѣло привлечь къ себѣ общественное вниманіе, пока другіе революціонные и оппозиціонные элементы собираются съ силами для новаго натиска на самодержавіе, это послѣднее

пользуется моментами видимого затишья для мобилизаціи контръ-революціонныхъ силъ и для подсчета своихъ возможныхъ союзниковъ.

Разъ, два... и обчелся: союзниковъ оказывается немного. Всѣ группы и классы, появившіеся въ послѣднее время на общественной аренѣ, высказали въ болѣе или менѣе рѣшительной формѣ свое недо-вѣріе самодержавію. Самодержавіе должно было пойти на уступки, но итайнѣ продолжаетъ старую игру, продолжаетъ какъ старый шулеръ, который не въ состояніи оставить привычныя манипуляціи, но въ то же время принужденъ постоянно озираться, какъ бы не быть пой-маннымъ.

Бакинская рѣзня, организація «черныхъ сотенъ», пропаганда анти-еврейскихъ погромовъ—таковы новѣйшія проявленія наступательной тактики слугъ «режима». А тѣмъ временемъ намѣчаются и линіи воз-можнаго отступленія, но сама бюрократія не рѣшила еще—куда она будетъ отступать—къ рескрипту ли 18-го февраля, къ указу ли 12 де-кабря, или еще дальше куда-нибудь, по стопамъ, незабвенныхъ пред-шественниковъ. Рескриптъ 18-го февраля вызвалъ рядъ заявленій раз-личныхъ общественныхъ группъ, рядъ дискуссій въ прессѣ и на собра-ніяхъ о наилучшей формѣ предполагаемаго народнаго представитель-ства. Наиболѣе близкіе къ самодержавію слои высказались за пред-ставительство сословное, при чемъ «Новое Время», выражающее взгляды этой части русскаго общества, считаетъ такое представительство един-ственно способнымъ выразить интересы всѣхъ группъ и классовъ на-селенія. Тотъ же органъ, очевидно, вспомнивъ, что для полноты со-словнаго представительства необходима сословная организація нашего *deuxième état* (второго сословія, т. е. духовенства), нынѣ почти от-сутствующая, повелъ дѣйствительную агитацію въ пользу созыва со-бора духовенства и выбора всероссійскаго патріарха. Этимъ путемъ надѣются создать крѣпкую опору реакціи въ будущемъ россійскомъ зем-скомъ соборѣ и обуздать поднимающіе въ послѣднее время свой го-лосъ демократическіе элементы среди нашего сельскаго и городского духовенства, а можетъ быть и получить отъ него денегъ для дальнѣй-шаго веденія войны. Правительство, поторопившееся дать согласіе на созывъ подобнаго собора, въ то время, какъ созывъ народныхъ пред-ставителей откладывается въ долгій ящикъ, ясно показало, что оно считается съ возможностью сословнаго представительства и готово заняться подготовкой соответствующаго аппарата.

Такова одна изъ линій предполагаемаго отступленія абсолютизма.

Но есть другія. Рескриптъ 18-го февраля, мерцающій вдали при-зракъ народнаго представительства, долженъ былъ успокоить, и въ дру-

гую, не столь бурную эпоху, навѣрное успокоилъ бы—общественное мнѣніе, а продолжающіяся «реформаторскія» работы въ многочисленныхъ комиссіяхъ, начиная съ комиссіи по дѣламъ печати и кончая пресловутой комиссіей по дѣламъ Дальняго Востока, должны были окончательно усыпить общественную бдительность.

Бюрократія, для которой все же реформы на основѣ указа 12-го декабря меньшее зло, чѣмъ реформы на основѣ рескрипта 18-го февраля, думала укрѣпиться въ комиссіяхъ, созданныхъ на основаніи указа. Главный исполнитель рескрипта 18 февраля, министръ внутреннихъ дѣлъ, весьма недвусмысленно далъ понять обществу, что не только дѣло созыва народныхъ представителей откладывается въ долгій, долгій ящикъ, но что и дѣлать-то, собственно, этимъ представителямъ будетъ нечего, такъ что пожалуй и созывать будетъ незачѣмъ. Созыву представителей должно предшествовать совѣщаніе, а, какъ видно изъ бесѣды Булыгина съ представителемъ московской думы, онъ даже еще ничего не знаетъ ни о характерѣ, ни о времени этого совѣщанія, такъ какъ «въ настоящее время происходятъ подготовительныя работы, участіе въ которыхъ принимаютъ не только лица высшей администраціи, но и ученые». Объ этихъ ученыхъ специально объяснялъ корреспонденту «Matin» правитель канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ, г. Лужимовъ. По словамъ этого послѣдняго, «министръ считаетъ совѣщаніе бесполезнымъ, пока у него не будетъ проекта для разработки. Министръ обратился къ тремъ профессорамъ, которымъ поручено представить записку о дѣйствіи законодательныхъ учрежденій за границей и о средствахъ для учрежденія представительства въ Россіи». Словомъ, бюрократія работает, работает усердно и не покладая рукъ надъ труднымъ и весьма сложнымъ дѣломъ искорененія собственной кривоизогнутости. Обструкция самодержавія своими собственными начинаніями,—вотъ до чего додумалась всероссийская бюрократія, до чего до сихъ поръ не могла додуматься ни одна парламентская оппозиція.

Но съ комиссіями дѣло не выгорѣло. Отдѣльныя комиссіи потеряли всякій интересъ, какъ только онѣ замкнулись и обнаружили вполнѣ ясную тенденцію тянуть канитель *ad calendae graecas*, т. е. до того момента, когда онѣ станутъ бесполезны той или другой изъ воюющихъ нѣтъ сторонъ. Такъ случилось и съ комиссіей Коковцева по рабочему вопросу, и съ комиссіей Кобеко по вопросу о печати. Нужна вся наивность либеральнаго профессора, чтобы, подобно князю С. Н. Трубецкому обращаться къ комиссіи Кобеко съ просьбой: «Господа! сдѣлайте что-нибудь сейчасъ, пока еще не поздно! Можно согласиться съ предложеніемъ кн. Трубецкого о примѣненіи къ цен-

зурному уставу, циркулярамъ и правиламъ цензурныхъ ножицъ и цензурной икры», но смѣшно обращаться съ такимъ предложеніемъ къ комисіи, воѣ либеральныя рѣшенія которой принимались противъ голоса ея председателя (представителя мин. вн. дѣлъ), т. е. безъ хозяина, и которая, въ концѣ концовъ, такъ деморализовалась, благодаря своей келейности, что даже въ своемъ якобы либеральномъ большинствѣ высказалась за сохраненіе статьи о предварительной конфискаціи газетъ и журналовъ.

Что касается другихъ комисій, то не найдется, вѣроятно, другого кн. Трубецкого, который рѣшился бы нарушить ихъ покой ¹⁾. Пускай въ комисіи Коконцева рѣшаютъ, что и рабочимъ должна быть дана свобода стачекъ,—каковой свободой они уже давно пользовались, хотя бы и противъ желанія закона,—и совершенно замалчиваютъ вопросъ о свободѣ союзовъ, безъ которыхъ стачки почти совсѣмъ немислямы,—можно быть увѣреннымъ, что не въ комисію Коконцева понесутъ свой протестъ сознательные рабочіе. Не придадутъ, вѣроятно, большого значенія и состоявшемуся на дняхъ рѣшенію объ обязательномъ открытіи университетовъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ и объ увольненіи воѣхъ тѣхъ студентовъ, которые къ тому времени откажутся посѣщать лекціи. Кто знаетъ, гдѣ въ сентябрѣ будетъ самъ г. Глазовъ и иже съ нимъ?

Трудность для бюрократіи остановиться на какой-нибудь средней линіи и на ней укрѣпиться заключается въ томъ, что она оказывается совершенно неспособной считаться съ измѣнившимися обстоятельствами, что она полагаетъ, что стоитъ на твердой почвѣ, тогда какъ подъ ней вулканъ, что для новыхъ временъ пользуется старыми, сданными уже въ архивъ исторіи, приемами. Скорый созывъ совѣщанія вернулъ бы ей многія симпатіи, и мы видѣли, какъ къ Булыгину потянулись уже съ предложеніями быть допущенными на совѣщаніе земцы, городскіе дѣятели, адвокаты. Уступивъ Булыгину, мы увидѣли бы вскорѣ, что за этими первыми потянулись бы другіе, и бюрократія удалось бы увлечь за собой добрую часть умѣренныхъ либераловъ. Но Юпитеръ лишаетъ разума тѣхъ, кого хочетъ погубить: Булыгинъ остался твердъ и даже не обѣщалъ, что въ совѣщаніе можно будетъ посылать выборныхъ; правительство, по его словамъ, въ свое время прибѣгнетъ къ совѣту

¹⁾ Когда писались эти строки, мы не знали еще о возвращеніи въ Одессу извѣстнаго зубатовца г. Шаевича, который, по видимому, намѣренъ продолжать, столь внезапно прерванную въ 1903 г., карьеру «рабочаго агитатора», рекомендуя рабочимъ требовать участія въ комисіи Коконцева. Для какой собственно надобности?

земских и городских дѣателей, но въ какой формѣ произойдетъ это приглашеніе, министр внутреннихъ дѣлъ сейчасъ сказать не можетъ.

На этомъ переговоры прекратились. Весьма вѣроятно, что въ этой формѣ они и не возобновятся: поскольку вопросъ о приглашеніи въ совѣщаніе министр ставитъ въ зависимость отъ рѣшенія самого правительства, представителямъ соответствующихъ общественныхъ учреждений остается или подчиниться этому рѣшенію, или махнуть на него рукой.

Тѣмъ менѣе это совѣщаніе можетъ представлять интересъ для социалдемократіи. Социалдемократія никогда не пыталась никакихъ иллюзій насчетъ бюрократическаго реформаторства. Это не мѣшало ей дѣлать подобное реформаторство исходнымъ пунктомъ своей критики, при томъ, конечно, условіи, чтобы эта критика производилась не въ абстракціи, не въ области отвлеченныхъ идей, а здѣсь, въ нашемъ дѣйствительномъ мірѣ, путемъ столкновения пролетарскихъ массъ со всѣми проявленіями бюрократически-реформаторскаго аппарата, и организаціи ихъ въ процессѣ этого столкновения. Такую роль сыграла въ свое время комиссія Шидловскаго, которая могла стать центромъ широкой, революціонной агитаціи только потому, что предметъ ея занятій глубоко задѣлывалъ интересы широкой волнующейся массы, а соблюденіе нѣкоторыхъ демократическихъ формъ, которыя могли расширяться въ процессѣ самой борьбы—оставляло мѣсто для постоянного широкаго контроля этихъ массъ надъ своими уполномоченными. Комиссія Шидловскаго была мастерской, гдѣ могла развиваться и крѣпнуть революціонная энергія пролетаріата, и, въ концѣ концовъ, было безразлично, откуда эта накопившаяся энергія взорветъ самую мастерскую, извнѣ или изнутри. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ Булыгинскимъ совѣщаніемъ: уже обрисовывающійся сейчасъ калейный характеръ его сразу лишилъ бы делегата или делегатовъ рабочихъ, если бы таковые туда попали, связи съ посланшей ихъ массой, сразу скрылъ бы ихъ дѣйствія отъ контроля этой массы и въ атмосферѣ лжи и гнета скомпрометировалъ бы вождей и деморализовалъ бы массы. Совѣщаніе, подобно всѣмъ новѣйшимъ комиссіямъ, будетъ носить специфически полицейскій отпечатокъ, оно будетъ походить на застѣнокъ, гдѣ будетъ душиться всякая инициатива и всякое свободное проявленіе въ дѣлѣ защиты общественныхъ интересовъ, а не на арену свободнаго состязанія прогрессивныхъ общественныхъ группъ. Въ застѣнкѣ не борются, а медленно умираютъ. Глупо также лѣзть въ застѣнокъ, чтобы раздвинуть его стѣны: его надо снести. Точно также Булыгинское совѣща-

не можно взорвать только извѣтъ, исключительно путемъ агитаціи въ пользу созыва Учредительнаго Собранія.

За этой линіей бюрократіи некуда будетъ отступать.

Кольцовъ.

Борьба церкви и борьба съ церковью.

(5 апрѣля 1905 г., № 96).

Реакціонеры изъ «Гражданина» и «Московскихъ Вѣдомостей» отнеслись отрицательно къ идеѣ о созывѣ Помѣстнаго Собора, предложенной Витте и поддержанной «смирненными» отцами изъ Синода. «Чѣмъ желательнѣе эта реформа, писали «Моск. В.», тѣмъ нежелательнѣе послѣдственное, необдуманное ея осуществленіе въ настоящее, именно, столь смутное время». А это значить, что по мнѣнію «Моск. В.» осуществленіе реформы въ той формѣ, какую она можетъ получить сейчасъ, нежелательно ни въ настоящее, ни въ будущее время.

И по понятнымъ причинамъ. «Моск. Вѣдом.», наравнѣ съ г. Витте, хотѣли бы сдѣлать духовенство опорой абсолютизма; но въ то время, какъ Витте торопится организовать духовенство сейчасъ, считается съ возможностью созыва Земскаго Собора, въ которомъ онъ надѣется заставить представителей духовенства плясать подь дудку бюрократіи, «Моск. Вѣдом.» и «Гражданинъ» самую мысль о созывѣ Земскаго Собора считаютъ совершенно недопустимой... конечно, «въ настоящее, столь смутное время».

Не можетъ также реакціонная пресса не видѣть, что придуманный г. Витте способъ спасенія самодержавія ведетъ изъ огня въ полымя. Вѣдь въ Помѣстный Соборъ тоже надо будетъ выбирать, надо будетъ пережить предвыборную агитацію, а въ «настоящее, столь смутное время» это куда какъ не безопасно. Не могла реакціонная пресса не прислушаться къ тѣмъ голосамъ, которые шли изъ среды самого духовенства и изъ среды мірянъ и которые давали очень недвусмысленную оцѣнку дѣйствительному положенію вещей. Мечта или дѣйстви-

тельность—это стремление Витте объединить все православное духовенство около всероссийскаго митрополита? Мечта, утопія—отвѣчали многочисленные голоса, раздавшіеся изъ разныхъ концовъ Россіи. Они говорили, эти голоса, что въ современномъ православномъ духовенствѣ нѣтъ такого крупнаго интереса, который соединилъ бы его въ одинъ цѣлый организмъ, а, наоборотъ, есть причины для разъединенія, для внутренней борьбы. И прежде всего—это противоположность между чернымъ и бѣлымъ духовенствомъ, между высшей и низшей іерархіей, между аристократами и плебеями. И стоило лишь газетамъ заговорить о возможности Собора, какъ отовсюду посыпались жалобы на привилегированное положеніе чернаго духовенства, всюду и вездѣ отгѣсняющаго на задній планъ многочисленную рать священниковъ нашихъ сель и городовъ. Эти голоса говорили даждѣ, что церковная реформа невозможна безъ привлеченія на церковный Соборъ мірянъ, которые, «въ настоящее, столь смутное время» не замедлятъ потребовать для себя опредѣленныхъ гарантій.

Выборы духовныхъ лицъ приходомъ—вотъ къ чему могло придти церковное движеніе.

Но опасность лежала еще глубже. Можно ли было при настоящихъ условіяхъ, т. е. при условіяхъ всеобщаго революціоннаго броженія, рассчитывать на то, что церковное движеніе останется въ намѣченныхъ предѣлахъ. Не естественно ли было ожидать,—и опять многочисленные голоса подтверждали справедливость такой мысли—что передовые элементы общества перешагнутъ и за эту грань и потребуютъ гарантій противъ возможной эксплуатаціи церкви вообще, потребуютъ казавденія отъ ея гнета и мракобѣсія, т. е. логически придутъ къ требованію отдѣленія церкви отъ государства?

Все это было въ перспективѣ: на соборѣ—борьба чернаго духовенства съ бѣлымъ и борьба мірянъ съ духовенствомъ, а внѣ собора борьба радикальныхъ партій противъ господства церкви. И реакціонная пресса принялась быстро тушить начинавшій разгораться пожаръ, встрѣтивъ, какъ и слѣдовало ожидать, поддержку въ оберъ-прокурорѣ Синода, а черезъ него и въ самыхъ высокихъ сферахъ.

Ясно, что эта семейная драка между различными представителями міра реакціи, между защитниками старыхъ, отжившихъ идей, только разстрѣиваетъ ряды нашихъ враговъ, подкапываетъ оныи самодержавнаго режима. Церковь чувствуетъ, что и она устремляется въ ту же пропасть, въ которой суждено погибнуть абсолютизму, и пытается на склонѣ дней своихъ отдѣлать свои судьбы отъ судебъ самодержавія. Но тщетно! Ни церковь вообще, ни русско-православная церковь въ

частности, не создали и не могли создать элементовъ для борьбы съ абсолютизмомъ, борьбы, ведущейся подъ влияніемъ совершенно другихъ лозунговъ, ничего общаго съ интересами и ученіями церкви не имѣющихъ. Попытка придать этой борьбѣ сколько-нибудь релігіозный характеръ не можетъ уже привлечь къ революціонной арміи ни одного новаго бойца и должна кончиться полнѣйшимъ фіаско.

Вспомнимъ, какъ позорно вели себя представители церкви послѣ 9-го января и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, когда кулакъ и нагайка занимались успокоеніемъ волнующихся обывателей. Вспомнимъ, что главнымъ импульсомъ къ нынѣшнему движенію духовенства послужило то обстоятельство, что совѣтъ министровъ рѣшилъ дать нѣкоторыя права старообрядцамъ. Церковь, жившая до сихъ поръ угнетеніемъ иновѣрцевъ, вдругъ увидѣла передъ собой опасность появленія свободнаго конкурента. Многіе добрые люди любили повторять до самаго недавняго времени, что наша промышленность тепличный цвѣтокъ, поддерживаемый только попеченіями правительства. Событія послѣднихъ мѣсяцевъ показали, какъ глубоко ошибались эти «добрые» люди. Какъ только промышленники замѣтили, что правительство начинаетъ зангирывать съ рабочими на ихъ счетъ, они очень ясно дали понять этому правительству, что они сумѣютъ воздать око за око, зубъ за зубъ, что они будутъ указывать рабочимъ на «политику» всякій разъ, когда правительство будетъ стараться толкать рабочихъ на путь узкой «экономики». Въ этомъ сказалось несомнѣнное сознаніе своей силы. А какъ поступила официальная церковь? Она не посмѣла сказать, что будетъ вмѣстѣ съ представителями другихъ гонимыхъ релігій завоевывать права, а стала ходатайствовать объ особой, новой, спеціальной привилегіи для себя.

Но, скажутъ намъ, не всѣ служители церкви стоятъ на этой точкѣ зрѣнія. Намъ, навѣрное, укажутъ на новую партію, именуемую «христіанскимъ братствомъ борьбы» и ставящую себя слѣдующія цѣли: 1) «борьбу съ безбожными проявленіями свѣтской власти», 2) «борьбу съ пассивнымъ состояніемъ въ отношеніи къ государственной власти, вследствие чего церковь идетъ на служеніе самымъ низменнымъ цѣлямъ и предаетъ дѣло божіе», 3) «утвержденіе въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ принципа христіанской любви».

Значать, мы ошибались: въ церкви не все обстоитъ такъ глупо, какъ мы предполагали. Она способна создать партію борьбы. А средство этой борьбы?.. «Принципы христіанской любви!» Какъ будто маловато! «Соціальные принципы христіанства оправдывали древнее рабство, прославляли средневѣковое крѣпостничество и, въ случаѣ

надобности, готовы взять под свою защиту и угнетеніе пролетаріата, правда, сдѣлавъ при этомъ печальную мину. Соціальные принципы христіанства проповѣдуютъ необходимость существованія господствующаго и угнетеннаго классовъ, при чемъ въ заботахъ о послѣднемъ они высказываютъ благочестивое пожеланіе, чтобы первый отличался благотворительностью. Соціальные принципы христіанства переносятъ прекращеніе всѣхъ мерзостей на небо и этимъ самымъ оправдываютъ продолженіе этихъ мерзостей на землѣ. Соціальные принципы христіанства признаютъ всѣ подлости угнетателей по отношенію къ угнетеннымъ или справедливымъ наказаніемъ за первородный грѣхъ и другіе подобные грѣхи, или испытаніями, которыя Господь въ своей безконечной благодати ниспосылаетъ на своихъ избранниковъ. Соціальные принципы христіанства проповѣдуютъ трусость, презрѣніе къ самому себѣ, униженіе, покорность, смиреніе, словомъ всѣ качества канальи, а пролетаріатъ, который не хочетъ позволить, чтобы съ нимъ обращались какъ съ канальей, нуждается въ мужествѣ, въ сознаніи собственного достоинства, гордости и независимости гораздо больше, чѣмъ въ хлѣбѣ. Соціальные принципы христіанства отличаются лукавствомъ, а пролетаріатъ — революціонностью». Такъ писалъ Марксъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, прибавивъ при этомъ, что, сверхъ этого, «соціальные принципы христіанства за свое восемнадцатилѣтнее развитіе не совершили ничего путнаго». Врядъ ли кто-нибудь будетъ утверждать, что за послѣдніе 60 лѣтъ что-нибудь въ этомъ отношеніи измѣнилось. А еще менѣе найдется охотниковъ искать этотъ прогрессъ у представителей нашей официальной церкви.

Кольцовъ.

Въ ожиданіи перваго мая.

(18 апр. 1905 г., № 97)

Западно-европейскія газеты переполнены тревожными слухами изъ Россіи, вызванными приближеніемъ праздника пролетаріевъ во всѣхъ странахъ. На югѣ, будто бы, ждутъ жестокихъ еврейскихъ погромовъ, на сѣверѣ, будто бы, трепещутъ въ ожиданіи разбойничьихъ подвиговъ знаменитыхъ отъицъ «хулигановъ». Кто распространяетъ эти тревожные слухи?

По всей вѣроятности, то самое правительство, которое, утративъ всякое уваженіе со стороны честныхъ людей всѣхъ партій, заключило нынѣ братскій союзъ съ пролетаріатомъ оборванцевъ, «этимъ пассивнымъ продуктомъ разложенія нынѣшняго порядка вещей». Оно подстрекаетъ его къ нападенію на враговъ абсолютизма. Но, всегда готовые замѣнить всякому союзу, хулиганы, живущіе въ роскошныхъ палатахъ, очень не прочь были бы предать нынѣшнихъ союзниковъ, хулигановъ, ютящихся въ разныхъ вертепахъ, и выступить въ прибыльной роли спасителей общества отъ ихъ разбоевъ. Нѣкоторые простодушные люди, можетъ быть, и живутъ въ объятіи правительства, испугавшись страшныхъ слуховъ, имъ же рапускаемыхъ въ ожиданіи перваго мая, но такіе люди явятся исключеніемъ изъ общаго правила. Разбойники, украшенные золотымъ шитьемъ, еще больше внушаютъ недовѣрія «обществу», чѣмъ разбойники, одѣтые въ лохмотья, и какъ бы ни были сильны опасенія, вызываемыя въ немъ тревожными слухами, но надо думать, что въ большинствѣ случаевъ оно предпочтетъ обойтись безъ дружескихъ услугъ со стороны правительства.

Нравственная связь между обществомъ и «бюрократіей» нарушена совершенно: всѣ мало-мальски толковые люди понимаютъ теперь, что Россія не дождется ни одной капли добра отъ разбойничьей шайки, присвоившей себѣ право распоряжаться ея судьбами. Это очевидно; но, къ сожалѣнію, не менѣе очевидно и то, что въ борьбѣ съ ненавистной ему «бюрократіей» наше общество ограничивается пока одними словами. У насъ говорятъ теперь чрезвычайно много,—говорятъ на банкетахъ, говорятъ на съѣздахъ, говорятъ на всякаго рода собраніяхъ. И это, разумѣется, очень хорошо, особенно въ виду того, что Россія страшно долго молчала и что рѣчи, раздающіяся въ такомъ изобиліи, отличаются по большей частіи весьма возвышеннымъ содержаніемъ. Но этого совсѣмъ еще недостаточно. Если когда-то стѣны іерихонскія пали, по увѣренію Библіи, отъ звука трубъ «юбилейныхъ», то въ наше прованческое время чудесъ не бываетъ, и твердыня абсолютизма едва ли падетъ вслѣдствіе многочисленныхъ ораторскихъ упражненій нашихъ многочисленныхъ любителей свободы. Чтобы повалить абсолютизмъ, необходима сила, сила же пріобрѣтается не словами, а дѣйствіями. Конечно, въ политикѣ слово имѣетъ очень часто значеніе дѣла, но это бываетъ тогда—и только тогда,—когда говорящій несетъ новую мысль въ новую общественную среду, прежде этой мысли недоступную, и тѣмъ пробуждаетъ политическое сознаніе этой среды. Вотъ если бы наши либеральные и радикальные ораторы «пошли въ народъ», какъ это дѣлали революціонеры семидесятыхъ годовъ и какъ

это дѣлаютъ теперь социалдемократы; если бы ихъ рѣчи содѣйствовали развитію политическаго сознанія въ народной массѣ, тогда ихъ слово приобрѣло бы значеніе важнаго историческаго дѣла. Но они предпочитаютъ агитировать «промежь себя», обращаться къ той интеллигенціи, которая и безъ того уже настроена крайне враждебно по отношенію къ абсолютизму. Поэтому ихъ краснорѣчивыя разсужденія все болѣе принимаютъ характеръ простой забавы. И это чрезвычайно жаль, такъ какъ съ правительствомъ шутки очень плохи. Оно уже много разъ и, какъ нельзя болѣе убѣдительно, показало, что оно не останется рѣшительно ни передъ чѣмъ въ борьбѣ со своими врагами. Если оно пока еще даетъ какія либо обѣщанія, то исключительно потому, что хочетъ съ ихъ помощью выиграть время и приготовиться къ отпору. Вѣдь оно еще не потеряло надежду на то, что Рождественскій разобьетъ адмирала Того и тѣмъ придастъ новый оборотъ всему ходу нашей войны съ Японіей. И надо говорить прямо: если бы счастье улыбнулось, наконецъ, нашимъ морякамъ на водахъ Тихаго океана, то наши петербургскіе правители тотчасъ же подняли бы голову, а шансы ихъ торжества надъ освободительнымъ движеніемъ въ Россіи немедленно же увеличились бы въ значительной степени. Въ томъ-то и заключается глубокой трагизмъ нынѣшняго положенія всѣхъ россианъ, одѣтыхъ въ военные мундиры, что теперь для нихъ побѣдить «непріятеля» значитъ нанести пораженіе своему собственному отечеству. Изъ этого глубоко трагическаго положенія есть для нихъ только одинъ выходъ: обратить противъ правительства то, что куплено трудомъ и потомъ народа. И, конечно, нынѣшняя война откроетъ глаза большому числу ея участниковъ: можно съ увѣренностью сказать, что изъ ихъ среды выйдетъ не мало революціонеровъ. Но какъ бы тамъ ни было, не подлежитъ никакому сомнѣнію то обстоятельство, что физическая сила до сихъ поръ на сторонѣ правительства, и что это правительство въ подходящій моментъ не побоятся прибѣгнуть къ физической силѣ. Говорятъ, что физическая сила не уничтожитъ идеи: «идея на штыки не уловляется». Это весьма старая истина. Но практическое значеніе этой убѣдливой сѣднями истины сводится къ нулю томъ, не менѣе старой, хотя, можетъ быть, и менѣе почтенной истиной, что на штыки съ большими удобствами уловляются люди, увлеченные идеей, а это все, что нужно правительствующимъ хулиганамъ. Великія историческія идеи побѣждали только тогда, когда на защиту ихъ сторонниковъ противъ физической силы «охранителей» поднималась физическая сила народной массы.

Въ виду этого, весьма естественно спросить себя: что же сдѣлали наши либералы и наши демократы для того, чтобы воодушевить народныя массы идеей политической свободы? На этотъ вопросъ всякій безпристрастный человѣкъ отвѣтитъ: в р а й н е м а л о. И только потому, что наши либералы и демократы сдѣлали въ этомъ отношеніи крайне мало, наше «общество» могло быть встревожено слухами о томъ, что хулиганы готовятся по своему отпраздновать день перваго мая. Какъ бы ни были многочисленны эти несчастные, они—полнѣйшее ничто въ сравненіи съ трудящимся населеніемъ Россіи, а этому населенію достаточно шевельнуться, достаточно нахмуриться, чтобы положить конецъ ихъ безчинствамъ. Ясно, стало быть, что къ нему и надо апеллировать противъ этихъ безчинствъ. Но наши либералы и демократы не только не апеллируютъ къ нему въ подобныхъ случаяхъ, но боятся подчасъ нѣкоторыхъ его классовъ не меньше, чѣмъ самихъ хулигановъ.

Еще совѣмъ недавно либеральныя «Новости» выражали страхъ передъ «черными сотнями», къ которымъ, по ихъ словамъ, принадлежить классъ городскихъ ремесленниковъ. Но что же такое городскіе ремесленники, если не составная часть нашей мелкой буржуазіи, т. е. того самаго класса, идеологами котораго служатъ, въ огромномъ своемъ большинствѣ, наши краснорѣчивые демократы? Почему же демократы до сихъ поръ не обратили вниманія на ремесленниковъ? Почему они не позаботились о томъ, чтобы повліять на ихъ образъ мысли? Почему они не дали себѣ труда показать имъ, какъ много выиграютъ они отъ паденія абсолютизма? Почему они предоставили правительству вербовать ремесленниковъ въ «черную сотню» и не постарались завербовать ихъ въ армію политической свободы? Скажутъ, пожалуй, что трудно сдѣлать это. Мы спорить и преколовить не станемъ. Пусть будетъ очень трудно. Дѣло революціонной борьбы, дѣло завоеванія политической свободы вообще очень трудное дѣло, а сдѣлать его все-таки надо, и потому оно должно быть сдѣлано.

А крестьянство? Теперь, съ началомъ холерной эпидеміи, въ нашей печати все чаще и чаще раздаются голоса, грозящіе намъ повтореніемъ печальной памяти холерныхъ бунтовъ въ Поволжьи. И надо замѣтить, что теперь такое движеніе было бы гораздо опаснѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде, потому что агенты правительства постарались бы осложнить его травлей на оппозиціонную интеллигенцію. Но и здѣсь самъ собой возникаетъ неизбѣжный вопросъ: что сдѣлали нашими либералами и демократами, чтобы обезпечить себѣ политическое довѣріе крестьянства? И опять приходится давать на него грустно звучащій

отвѣтъ: край не мало. Между тѣмъ, сдѣлать надо много, очень много. Надо показать крестьянству, что алчйшіе враги его находятся именно въ рядахъ охранителей, что оно очень много выиграетъ отъ паденія абсолютизма. Надо убѣдить его въ томъ, что сочувствіе къ нему существуетъ только въ рядахъ противниковъ нынѣшняго порядка. А для этого надо умѣть поддерживать его въ его собственномъ движеніи, направляющемся прежде всего противъ источниковъ хронической нищеты, свившей себѣ такое прочное гнѣздо въ деревнѣ. Пусть только оппозиціонная «интеллигенція» поддержитъ начинающееся движеніе крестьянства, и тогда ей нечего будетъ опасаться никакихъ холерныхъ бунтовъ.

Повторяемъ, намъ очень хорошо извѣстно, что сдѣлать все это несравненно труднѣе, чѣмъ произнести на какомъ-нибудь съѣздѣ или банкетѣ рѣчь на тему о правахъ человѣка и гражданина. Но другого выхода нѣтъ и не будетъ. Серьезная борьба всегда требуетъ серьезныхъ усилій, а серьезными усиліями преодоливаются даже очень серьезные трудности. Посмотрите на социалдемократовъ, которыхъ такъ часто обвиняютъ въ «квіетизмѣ». Когда они рѣшили на свой ладъ повторить практиковавшееся революціонерами семидесятыхъ годовъ «хожденіе въ народъ», когда они принимались за пропаганду и агитацію въ средѣ пролетаріата, ихъ со всѣхъ сторонъ окружали, повидимому, непреодолимые трудности. И эти трудности на ихъ пути ставила не одна только полиція. Нѣтъ, ихъ дѣло страшно затруднилось также народолюбивымъ усердіемъ тогдашней интеллигенціи, которая съ пѣною у рта и «цифрами» въ рукахъ доказывала имъ, что, благодаря выгодамъ своего самобытнаго экономического развитія, Россія избавлена отъ «язвы пролетаріата» и что, вслѣдствіе этого, возлагать свои надежды на пролетаріевъ могутъ лишь жалкіе педанты, совершенно сбитые съ толку нѣмецкими книжками и позабывшіе о томъ, что мы—не нѣмцы. Но жалкіе педанты упорно шли своею новою дорогою, не смущаясь ни постоянными преслѣдованіями со стороны правительства, ни непрерывными насмѣшками со стороны «интеллигенціи», и теперь могутъ похвалиться уже немалымъ успѣхомъ: классъ, появленія котораго народническая интеллигенція боялась, какъ «язвы», оказался самымъ передовымъ и самымъ надежнымъ носителемъ революціонной идеи въ Россіи. Лассаль сказалъ на своемъ сильномъ и образномъ языкѣ, что пролетаріатъ есть тотъ камень, на которомъ будетъ воздвигнута церковь будущаго. Подъ церковь будущаго онъ понималъ социализмъ. Въ Россіи можно сказать, что зданіе политической свободы тоже будетъ основано, главнымъ образомъ, на

томъ камнѣ, который называется пролетаріатомъ. Но пролетаріату нужна поддержка со стороны другихъ классовъ, трудящагося населенія, и съ этой стороны немалую пользу могли бы принести ему наши демократы и даже наши либералы, которые такъ любятъ свободу и такъ далеки еще отъ народной массы.

Господа, краснымъ батальонамъ не страшны черныя сотни! Поддержите же эти батальоны, помогите ихъ мобилизации. Они освободятъ отъ поворотаго ига деспотизма и свой собственный классъ, и всю Россію...

Правительство хорошо понимаетъ, какъ опасно для него рабочее движеніе, и потому, въ ожиданіи перваго мая, оно, съ одной стороны, пугаетъ «общество» хулиганами, а съ другой дѣятельно готовится къ подавленію рабочихъ демонстрацій. Что-то будетъ? Отложатъ ли нашъ пролетаріатъ свои демонстраціи до перваго мая стараго стиля или теперь же выйдетъ на улицу? И ограничится ли онъ одними демонстраціями или, доведенный до крайности безчисленными и нестерпимыми мученіями только что пережитой зимы, онъ вступитъ съ правительствомъ въ тотъ отчаянный бой, котораго ему не миновать въ борьбѣ за политическую свободу, но къ которому онъ, къ сожалѣнію, еще недостаточно подготовленъ? Вотъ вопросы, которыхъ нельзя не признать теперь важнѣйшими вопросами нашей внутренней жизни.

И не однихъ насъ они волнуютъ. Жгучій интересъ къ нимъ разделяетъ съ нами вся международная социалдемократія.

Всѣ члены нашей рабочей арміи должны стоять теперь на своихъ мѣстахъ, и горе тѣмъ, которые добровольно покинутъ ихъ въ эту критическую минуту.

Г. Плехановъ.

Первая кровь въ майскіе дни.

(23-го апрѣля 1905 г., № 98).

Снова потоками льется кровь польскихъ пролетаріевъ... Въ «спасательную» недѣлю русская армія день за днемъ стрѣляетъ въ рабочихъ на улицахъ Чекстохова, Варшавы, Лодзи, Калиша, покрывая неогладимымъ пятномъ свои военные мундиры. Новая эра «благоволенія» къ буржуазной Польшѣ должна была ознаменоваться новыми убійствами революціонныхъ польскихъ пролетаріевъ.

Убитыхъ уже теперь около 100 человекъ. Новыми всеобщими стачками отвѣчаетъ пролетаріатъ Польши на эти звѣрства, снова показывая міру, какаѧ неистощимая отвага, какаѧ неиссякаемая энергія таится въ немъ. Двухъ мѣсяцевъ не прошло съ тѣхъ поръ, какъ стала заканчиваться полумилліонная стачка, начатая польскимъ рабочимъ въ январѣ и стоявшая ему, кромѣ массъ лишеній, какимъ не подсчитаннаго въ точности количества убитыхъ. Еще не зажили недавнія раны, еще не сказано послѣднее слово безстыднаго звѣрства военныхъ судовъ надъ участниками январской борьбы — и стоило только наступить великому майскому дню, чтобы улицы польскихъ городовъ украсились красными знаменами, наполнились тысячными толпами демонстрантовъ. И стоило только раздаться первымъ выстрѣламъ, чтобы могучій левъ—польскій пролетаріатъ—снова воспрянулъ, готовый снова сразиться съ врагомъ, снова проливать свою кровь.

Кровь пролилась, она будетъ еще литься въ эти дни. Такъ хочеть проклятая судьба, поставившая революціоннѣйшую часть пролетаріата Россіи въ условія господства постояннаго военнаго положенія въ ея родинѣ. Болѣе, чѣмъ какаѧ либо другая часть народовъ Россіи, польскіе рабочіе могутъ о себѣ сказать, что они заслужили право на достойную великаго народа политическую свободу.

Застрѣльщики «майской кампаніи», польскіе товарища имѣютъ право рассчитывать на то, что вся пролетарская Россія отзовется на примѣръ, данный ими, повсюду организовавъ въ майскіе дни ту или иную революціонную манифестацію. Стрѣляя въ мирно шествовавшихъ варшавскихъ рабочихъ, правительство бросило наглѣйшій вызовъ всему російскому пролетаріату, которому оно официально грозило самымъ жестокимъ подавленіемъ всякой попытки къ борьбѣ подъ майскимъ знаменемъ. Пусть же въ отвѣтъ отъ всей рабочей Россіи

на свой вызовъ правительство услышитъ новое подтвержденіе готовности пролетаріата снести съ лица земли всё препятствіа въ свободной борьбѣ.

Л. Мартовъ.

Правительственное попеченіе о крестьянахъ.

(23-го апрѣля 1905 г., № 98.)

Русское правительство недовольно недостаточно быстрымъ и недостаточно бурнымъ развитіемъ русской революціи. Этотъ выводъ напрашивается самъ собой при сопоставленіи различныхъ проявленій его государственной мудрости.

Въ отвѣтъ на волненіе рабочаго класса и городской буржуазіи, требующихъ политической свободы, указъ 12 декабря провозглашаетъ реформу, имѣющую цѣлю поднять положеніе крестьянства. Правительство надѣется противопоставить непримиримо-враждебному отношенію къ нему городского пролетаріата и буржуазіи благожелательно-выжидающее отношеніе крестьянства. Не безъ содѣйствія земскихъ начальниковъ, изъ крестьянства выбиваются десятки благодарственныхъ адресовъ. Но наступаютъ январскіе дни. Городская революція подняла свои волны на недостигаемую еще высоту. Теперь мало уже «нейтрализовать» деревню, ее надо мобилизовать противъ города. Аппаратъ полицейской провокаціи пущенъ въ ходъ. Средства ея ограничены, методы воздѣйствія—первобытны. Поднять мужика въ защиту голаго принципа православія и самодержавія—выше ея скудныхъ силъ. Убогой идеями, ей приходится идти по линіи наименьшаго сопротивленія, то есть, въ концѣ концовъ, по той линіи, на которой реакціонные предрассудки мужика соприкасаются съ его примитивно-революционными инстинктами. Свой лозунгъ: «бей интеллигента, социалиста, земца, либерала», она вынуждена перевести на понятный болѣе отсталымъ слоямъ крестьянства языкъ: «бей барина!» Задаваясь цѣлю натравливать деревенскую сермягу на городской пиджакъ, она вынуждена въ свою демагогическую агитацію вплести мотивы социальной борьбы

между мелкимъ и крупнымъ землевладѣніемъ. Спекулируя на политическую темноту и реакціонность крестьянства, она разжигаетъ его социальное недовольство—вѣчный источникъ политическаго просвѣщенія и революціонизированія. Начавъ съ попытки помѣшать проникнуть революціонной заразѣ въ деревню, правительство само заноситъ ея туда. Зловѣщее «слишкомъ поздно!» раздастся, по обыкновенію, въ отвѣтъ на новыя политическія авантюры разлагающагося режима.

Слишкомъ поздно! Прежде, чѣмъ полицейскіе демагоги успѣли организовать «безпорядки» въ подлужный уѣздовъ, самостоятельно начались «безпорядки» въ десяткахъ мѣстностей. Одно уже это обстоятельство разрушаетъ дьявольскій умыселъ. Кишиневъ и Баку въ видѣ «примѣрныхъ сраженій» могутъ, по замыслу правительства, пригодиться въ его «внутренней политикѣ»; но «всероссійскій Кишиневъ», но повсемѣстная гражданская война, даже подъ реакціоннымъ знаменемъ, прежде всего деворганізууетъ его собственныя силы, уничтожаетъ кредитъ, разлиываетъ панику въ окружающихъ его общественныхъ слояхъ, деморализуетъ его собственный бюрократическій механизмъ и, въ концѣ концовъ, лишаетъ всякой возможности направлять имъ же разнузданную стихію. Централизованный бюрократическій аппаратъ еще можетъ, по указанію свыше, разлить по странѣ анархію, онъ уже давно неспособенъ служить цѣли организаціи какого бы то ни было общественнаго движенія. И если локализованные общественныя «буиты» могли пригодиться для цѣли устрашенія буржуазной оппозиціи, то всеобщее крестьянское возстаніе, каждый часъ грозящее освободиться отъ налипшей на немъ реакціонной политической программы, имѣетъ ближайшимъ послѣдствіемъ такое напряженіе репрессивной энергіи, которое одно можетъ обезсилить абсолютизмъ до полнаго истощенія.

Слишкомъ поздно! Въ атмосферѣ и а ч а л а революціи «вандейское» движеніе быстро идетъ къ превращенію въ движеніе противъ всѣхъ Бастилій. Тѣмъ болѣе ясна эта опасность, чѣмъ рѣшительнѣе на окраинахъ, облегающихъ громадное тѣло черноземной Руси, формируется организованное и сознательное революціонное движеніе крестьянской бѣдноты. Разгорается руководимое социалдемократами крестьянское движеніе въ Гуріи и распространяется на весь Кавказъ. Организованная и политически сознательная борьба польскихъ и латышскихъ батраковъ и арендаторовъ указываетъ сельскому населенію сосѣднихъ областей тотъ путь, на которомъ оно рѣшительно разоидется съ абсолютизмомъ. Уже въ юго-западныхъ губерніяхъ начинаются массовыя стачки и бойкоты. Если русскій черноземъ по к а еще

же идетъ дальше разгрома усадебъ, передѣла полей и сожженія сахарныхъ заводовъ—этихъ символовъ капитализаціи аграрныхъ отношеній, —то кто можетъ поручиться реакціонерамъ за завтрашній день? Кто можетъ дать имъ какую-нибудь гарантію, когда они видятъ, что въ крестьянствѣ зрѣетъ политическое недовольство, когда они чувствуютъ, что оппозиціонное и революціонное вліяніе города пробиваютъ бреши въ толщѣ крестьянскаго индиферентизма, когда они замѣчаютъ, что и съ буржуазнаго и съ пролетарскаго конца городского движенія въ деревню идутъ какія-то вѣти, по которымъ хоть отчасти переливается въ нее пониманіе «городскихъ» программъ, сочувствіе городскимъ лозунгамъ? Правда, въ данный моментъ крестьянское стихійное возстаніе идетъ еще въ сторонѣ, повидимому, отъ этихъ слабо пробивающихся струй демократическаго и социалистическаго броженія деревни, но долго ли еще продлится такое движеніе?

Подъ напоромъ крестьянскихъ «бунтовъ», подстегиваемые полицейской провокаціей, крайніе элементы буржуазной демократіи спѣшатъ формулировать аграрную программу, которая бы могла сдѣлать ихъ борьбу популярной въ глазахъ поднимающагося крестьянства.

Хотя и очень плохо и очень нерѣшительно, демократическая оппозиція пытается, такимъ образомъ, повернуть противъ правительства, представленное имъ къ ея груди оружіе. Въ то же время наиболѣе умѣренные изъ оппозиціонныхъ элементовъ, связанные съ землевладѣніемъ, спѣшатъ построить абсолютизму золотой мостъ для отступленія. За прекращеніе полицейской демагогіи они сулятъ отказъ отъ конституціоналистскихъ требованій. Покинутый всѣмъ міромъ, абсолютизмъ вновь пріобрѣтаетъ, хотя и небезкорыстныхъ, союзниковъ. Повернувшееся къ нему въ дни недавней «весны» своей либеральной стороной, всероссійское дворянство начинаетъ оборачиваться къ нему теперь стороной реакціонной. Надо ловить моментъ и спѣшить закрѣпить скорѣе начинающееся сближеніе. Надо бить отбой и, посуливъ крестьянину праздничнаго «благодѣтеля», надѣляющаго его барской землей, вновь показать ему исконное правительство сѣрыхъ будней, охраняющее «неприкосновенность частной собственности».

Указъ, учреждающій мѣстныя комиссіи для опредѣленія убытковъ, понесенныхъ помѣщиками отъ крестьянскихъ безпорядковъ и взысканія этихъ убытковъ съ крестьянъ, заканчиваетъ короткій періодъ новомодной игры въ «народную политику». Еще разъ правительство подысало себѣ свидѣтельство безнадежнаго банкротства. Выступая рѣшительно противъ поспрившагося имъ же подъ сурдинку крестьянскаго движенія, оно одновременно разрушаетъ иллюзію «мужичкаго прави-

тельства» въ головахъ крестьянъ и—иллюзію «правового абсолютизма» въ головахъ тѣхъ самыхъ «національ-прогрессивистовъ», ради которыхъ оно разрываетъ съ крестьянствомъ.

Въ самомъ дѣлѣ: нужна ли еще лучшая иллюстрація реакціонности въ всякихъ фантазіяхъ о совместиности европейской политической свободы съ сохраненіемъ азіатской деспотіи, чѣмъ этотъ новый актъ «правосудія»?

Вѣдъ всякаго суда крестьянство цѣлой мѣстности подвергается вымыванію военной контрибуціи въ пользу «благороднаго сословія». Убытки опредѣляются комиссіей изъ чиновниковъ и мѣстныхъ помѣщиковъ. Упраздненная круговая порука восстанавливается. Общаніе объ уравненіи крестьянскаго сословія въ гражданскихъ правахъ грубо нарушается отдачей крестьянскаго имущества въ зависимость рѣшеній чиновно-помѣщичьихъ комиссій. Провозвѣщенное «охраненіе полной силы закона» звучитъ насмѣшкой. Только что—въ рескриптѣ Горемыкину—оказанныя слова о необходимости помочь пошатнувшемуся крестьянскому хозяйству реализуются въ указѣ, предписывающемъ добывать это убогое хозяйство. И «зрѣлыя общественныя связи», вызывающія въ монархіи о союзѣ съ ними для охраны «порядка», должны (даже устами «Новаго Времени») констатировать, что все, что можетъ имъ предложить правительство, исчерпывается грубымъ насиліемъ и полнымъ произволомъ.

Въ тотъ самый моментъ, когда на правительство явился спросъ, какъ на регулятора разнуздавшейся гражданской войны, оно оказалось способно выступить только въ роли башибузука, открыто отдающаго свою грубую силу на служеніе одной сторонѣ и тѣмъ самымъ еще пуще разжигающаго эту войну. Для другой роли у него нѣтъ уже никакихъ средствъ. И обернувшійся лицомъ къ бюрократическому идолу дворяннѣ-помѣщикъ видитъ въ его полированной поверхности свои собственныя черты, искаженныя бѣшенствомъ ущемленнаго собственника, столь далекая отъ того европейскаго облика «перваго сословія» въ облагороженномъ «реформами» государствѣ, который рисовался при созданіи либерально-монархическихъ программъ.

Захочетъ ли помѣстное дворянство признать себя въ этомъ портретѣ? Приметъ ли оно участіе въ «комиссіи по дѣламъ крестьянскаго разоренія», куда правительство не безъ хитраго расчета приглашаетъ мѣстныхъ земскихъ дѣателей? Промолчатъ ли оно на своихъ съѣздахъ о новомъ вопиющемъ насиліи надъ крестьянской массой, о новой гнусной насмѣшкѣ надъ элементарнымъ понятіемъ права и

законности? Станетъ ли оно соучастникомъ правительства въ его походы на крестьянство?

Какъ бы ни отвѣтила дѣйствительность на этотъ вопросъ, теперь уже ясно, что время двусмысленныхъ политическихъ позицій миновало для умѣренно-либеральныхъ элементовъ оппозиціи. Стихійное крестьянское движеніе продолжаетъ то, что начало сознательное движеніе пролетаріата—вырываетъ все болѣе глубокую пропасть между консервативными и «разрушительными» силами русской дѣйствительности. Или современный режимъ во всей его азіатской красѣ, или революція,—другого выхода нѣтъ. Но революція, низвергающая старый политическій порядокъ, немислима при сохраненіи социальнаго *statu quo*.

Незыблемость аграрныхъ отношеній, завѣщанныхъ крѣпостнымъ правомъ, является чистой утопіей для того, кто не желаетъ укрѣплять падающій режимъ. Близорукіе фанатики кастовыхъ интересовъ могутъ не замѣчать этого. Буржуазное общество въ цѣломъ должно понять это, если не хочетъ проиграть свое собственное дѣло.

Чѣмъ рѣшительнѣе и послѣдовательнѣе поведетъ рабочая партія свою революціонную работу въ деревнѣ, тѣмъ скорѣе буржуазное общество пойметъ положеніе дѣлъ, тѣмъ радикальнѣе будетъ та аграрная революція, которую оно должно будетъ поддерживать.

Л. Мартновъ.

Захватное право.

(23 апр. 1904 г., № 98).

Послѣ девятаго января кануны дней, имѣющихъ особое историческое значеніе въ глазахъ широкихъ массъ народа, становятся днями «реформъ», или, вѣрнѣе, обѣщаній реформъ.

Наканунѣ годовщины освобожденія крестьянъ, 18-го февраля было обѣщано рескриптомъ народное представительство и дано указомъ такъ называемое право «петицій», или открытаго заявленія пожеланій по части организаціи этого представительства. Наканунѣ 18-го апрѣля (1-го мая), дня всемірнаго праздника рабочихъ, возвѣ-

цены реформы въ вѣроисповѣдной области и кое-какія льготы крестьянамъ по части сложенія недоимокъ. На всѣхъ этихъ правительственныхъ общаніяхъ, уже при самомъ рожденіи ихъ, лежитъ печать двоедушія, изыскивающаго одновременно съ общаніемъ и «нанудобѣйшіе пути» къ его нарушенію. И само собой разумѣется, что, лишь только проходить опасный день, какъ общаніе откладывается въ дальній ящикъ.

«Народное представительство» и по сей день еще находится въ стадіи «собиранія матеріаловъ», а что касается пресловутаго права «петицій», то циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12-го апрѣля ставитъ тѣ точки надъ і, которыхъ благодушные люди могли не замѣтить въ указѣ отъ 18-го февраля. Великій визирь разъясняетъ: не допускается «разсмотрѣніе вопросовъ, по содержанію своему не соответствующихъ предуказаннымъ съ высоты престола преобразованіямъ». Это разъ. А во вторыхъ, обсужденіе «видовъ и предположеній» въ собраніяхъ разрѣшается лишь въ томъ случаѣ, «если не будетъ усмотрѣна опасность возможныхъ волѣдствіе сего нарушеній общей тишины и спокойствія». Словомъ, министръ объясняетъ, что, «не пренебрегая» и пр., слѣдуетъ все же принять къ «непремѣнному руководству» старинное и мудрое правило отечественной конституціи, что «ежели ты ничего не сдѣлаешь, то тебѣ ничего за это и не будетъ», но въ случаѣ чего... правительство намѣрено «распорядиться». Если-бы у правительства сохранялась прежняя возможность «распорядительства», то, конечно, всѣ тѣ резолюціи, постановленія, ходатайства, заявленія и пр. и пр., которыя теперь сыпятся какъ изъ рога изобилія, должны были бы отойти въ область преданій о прекрасной, но мимолетной веснѣ. Но силы абсолютизма слишкомъ поглощены расправой съ заявляющими свои требованія народными массами, чтобы оно могло услѣдить и во время принять необходимыя мѣры «преосвѣченія» во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ обсужденіе «видовъ и предположеній» исходитъ изъ «привилегированныхъ» слоевъ общества. Водворяется своего рода «захватное право» собраній, слова, союзовъ, печати. Мы, конечно, можемъ только радоваться тому что «общество», хотя и съ недостаточной на нашъ взглядъ энергіей, пользуется этимъ «правомъ» и вырываетъ у хищника его добычу. Но не мѣшаетъ помнить о томъ, что только потоки крови, проливаемые въ открытой борьбѣ народомъ, составляютъ основу этой своеобразной неписанной «конституціи». А въ такомъ случаѣ, пожалуй, не слѣдовало-бы, подобно г. Струве (Осв. № 68), презрительнымъ движеніемъ руки отметать «жуткія предчувствія катастрофы» и «рѣшать

отрицательно» вопросъ о «пригодности или цѣлесообразности боевого натиска въ данный моментъ». Если то, что происходило послѣ 9-го января чуть не по всѣмъ пунктамъ скопленія рабочихъ, то, что происходитъ на Кавказѣ, и то, что произошло и происходитъ въ Польшѣ, а также событія въ деревняхъ—не есть уже начинающійся натискъ, то было-бы любопытно послушать, въ какомъ-же видѣ представляетъ себѣ ходъ натиска г. Струве, съ изумительной смѣлостью утверждающій, будто партией социалдемократовъ «всѣцѣло владѣетъ идея вооруженнаго сопротивленія и матеріальной (курсивъ «Освобожденія») его подготовки».

Нѣтъ, г. Струве, пора понять, что только наличие уже начинающагося натиска въ «данный моментъ» и даетъ вамъ и вашимъ единомышленникамъ возможность переходить изъ «созерцательнаго» настроенія въ «дѣйственное»...

Ф. Данъ.

Наканунѣ.

1905 г., № 99).

Быстро летятъ навстрѣчу другъ другу вскадры Рождественскаго и Того; началось уже снова побойше въ Манчжуріи; быть можетъ, недалекъ день, когда свершится окончательный приговоръ надъ военными авантюрами абсолютизма. А въ то же время глаза всего міра прикованы къ русскимъ городамъ и, прежде всего, къ Петербургу, гдѣ сознательный пролетаріатъ готовится въ день 1-го мая открыто выступить, подъ краснымъ знаменемъ социалдемократіи... Силы исторической стихіи и силы пролетарскаго сознанія соединились, чтобы яркими чертами отмѣтить начало мая въ исторіи русской революціи...

Геройскій пролетаріатъ Польши первый вышелъ на поле брани, и съ 18 апрѣля не прекращается его кровавая борьба, то разсыпавшаяся рядомъ мелкихъ партизанскихъ стычекъ, то снова вспыхивающая яркимъ пламенемъ массоваго протеста. Грандіозной манифеста-

цей почтили варшавскіе рабочіе своихъ павшихъ братьевъ. «Проводимъ ихъ въ могилу такъ, какъ не провожали ни одного изъ царей», писалъ въ своей прокламаціи варшавскій к-тъ С. Д. П. и Л. Рабочіе откликнулись на его призывъ, и замерла въ день похоронъ вся жизнь огромнаго города. Стали фабрики и заводы, закрылись магазины, прекратилось движеніе трамваевъ и извозчиковъ. Грознымъ крикомъ протеста звучало это траурное молчаніе городской жизни надъ гробомъ женщинъ и дѣтей, павшихъ жертвою послѣднихъ дней издыхающаго режима. Какъ бы нарочно для того, чтобы усилить чувство омерзѣнія, на женщинъ и дѣтей направились, прежде всего, пули и штыки озвѣрѣлыхъ правительственныхъ слугъ: всего 11 мужчинъ старше 20 лѣтъ оказалось въ числѣ тѣхъ 54 жертвъ, о которыхъ само правительство дало официальные свѣдѣнія.

Приближаются дни, когда пролетаріатъ всей Россіи выступитъ на тотъ же путь, по которому уже 13 тяжелыхъ дней идутъ его польскіе братья. Но правительство не могло дожидаться этихъ страшныхъ для него дней и само перешло въ наступленіе. Уже давно организовались и мобилизовались его силы. Въ статьяхъ правительственныхъ «Губернскихъ Вѣдомостей» и подкуленныхъ газетъ, въ сотняхъ тысячъ прокламацій, въ «патріотическихъ» обществахъ, съ церковной кафедръ велась неустанная агитація, будились всѣ темные инстинкты и всѣ слѣпныя силы, мобилизовалась черная рать восточной деспотіи противъ грядущей свободной демократіи.

И вотъ снова начались еврейскіе погромы. Незачѣмъ тратять двухъ словъ для доказательства, что эти погромы ничто иное, какъ наступленіе абсолютизма на революцію. Реакція сама позаботилась о томъ, чтобы разъяснить всѣмъ и каждому, что «бей жидовъ» значитъ ничто иное, какъ «да здравствуетъ самодержавіе». Абсолютизмъ ускорилъ наступленіе, чтобы застать революцію неподготовленной. Онъ забылъ, что революція «готовится» въ самомъ ходѣ своемъ. Ему скоро придется убѣдиться, что другого «наступленія», кромѣ Куропаткинскаго, для него быть уже не можетъ. Да и первые эпизоды этой «наступательной» войны достаточно ясно доказываютъ это.

Правительство оказалось уже слишкомъ слабымъ, чтобы начать свое наступленіе, даже въ наиболѣе выгодной для него, замаскированной формѣ еврейскихъ погромовъ, въ пунктахъ, наиболѣе занятыхъ революціею. Ему пришлось начать съ Мелитополя и идти въ Житомиръ. Оно не осмѣливается напасть на революцію съ фронта и думаетъ побѣдить ее отраженнымъ вліяніемъ своихъ обходныхъ движеній. Но и тамъ, гдѣ «божьей милостію» удалось подвинуть темную

ратъ на доблестные подвиги во славу деспотизма, и тамъ не совѣтъ благополучно сошли для правительства его походы. Еще неизвѣстно, чѣмъ кончилась ужасная житомирская драма. Но уже извѣстно, что не безоружную, охваченную паническимъ страхомъ, толпу евреевъ встрѣтили передъ собою башибузуки. Они встрѣтили вооруженнаго врага, готоваго на насиліе отвѣтить силой. Погромъ превратился въ «бой» двухъ сторонъ, и именно о «бой» говорятъ лаконическія телеграммы изъ Житомира. А въ Мелитополь, о которомъ теперь имѣются уже полныя свѣдѣнія, хулиганы, натравленные полиціей, встрѣтивъ вооруженный отпоръ, стали, въ концѣ концовъ, бить сами полицію. Теперь пришло извѣстіе о новомъ подвигѣ полиціи: она подошла фабричное село Смоленское подъ самымъ Петербургомъ, ея агенты испортили пожарныя машины и имѣли дерзость и наглость звать рабочихъ воспользоваться суматохой и начать погромъ фабрикъ и частныхъ домовъ. Если это была «пробная мобилизація» для Петербурга, то правительству пришлось убѣдиться, что тутъ пѣсенка его опѣта...

Таково положеніе силъ реакціи... А въ это время снова бурно вздымается волна забастовокъ, въ которыхъ организуются и спланиваются рабочіе всей Россіи. Револьверныя пули свистать, и каждый день нѣсколько слугъ правительства падаютъ подъ ударами мстителей. Бомба, брошенная въ ряды солдатъ въ Варшавѣ, показала, что польскіе организованные рабочіе готовы пустить въ ходъ новое грозное оружіе противъ насилія; и правительство знаетъ, что организованные рабочіе русскихъ городовъ не отстанутъ въ этомъ отношеніи отъ польскихъ товарищей. Крестьянское движеніе все разрастается, Гурія охвачена восстаніемъ, которое готово перекинуться на весь Кавказъ. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, все чаще и чаще приходится вѣсти о колебаніяхъ солдатъ, о готовности ихъ встать на сторону народа... Рѣшеніе союза инженеровъ поддержать рабочихъ въ день 1-го мая показываетъ, насколько близокъ часъ побѣды народа, насколько великъ охватывающій рабочую среду и перелившійся въ сопрягающіеся съ нею слои общества подъемъ революціоннаго чувства и энергіи...

Въ такой обстановкѣ придется русскому пролетариату встрѣчать день 1-го мая. Правительство начало погромы и открыло гражданскую войну. Теперь наступленіе переходитъ въ руки революціи. День классоваго праздника рабочихъ станетъ, быть можетъ, исходнымъ пунктомъ послѣдняго натиска на абсолютизмъ, какъ все классовое

движеніе пролетаріата стало исходнымъ пунктомъ русской революціи. Во всякомъ случаѣ мы наканунѣ крупныхъ событій..

Ф. Данъ.

Перво-майскіе успѣхъ и неудачи.

(15-го мая 1906 г., № 100).

Сбылись ли ожиданія, которыя связались въ этомъ году съ представленіемъ о первомъ мая у большинства русскихъ гражданъ?

И да, и нѣтъ. Да—поскольку повсемѣстное празднованіе «маевки» въ той или иной формѣ, вопреки всѣмъ военно-полицейскимъ мѣрамъ, показало передовой слой пролетаріата готовымъ выполнить свой долгъ по призыву партіи. Да—поскольку сотни тысячъ пролетаріевъ воспользовались майской агитаціей, чтобы возобновить прерванное въ февралѣ то великое стачечное движеніе, политическое и социальное-революціонное значеніе котораго трудно переоцѣнить. Нѣтъ—поскольку, въ общемъ и цѣломъ, планомерныя политическія дѣйствія партіи и стихійное движеніе широкихъ пролетарскихъ массъ не слилось съ самаго начала, въ исходныхъ своихъ пунктахъ, поскольку рабочая масса «готовилась» къ первому мая сама по себѣ, организованные рабочіе—сами по себѣ; поскольку, поэтому, майскія манифестаціи въ той или иной формѣ, избранной организаціями, прошли почти вездѣ безъ участія той самой массы, которая черезъ день-другой по-своему, въ стачкахъ, манифестировала свою готовность вести борьбу со своими врагами.

Почти вездѣ, гдѣ были устроены манифестаціи—въ Петербургѣ, Харьковѣ, Москвѣ, Екатеринославѣ, Ростовѣ, Кіевѣ—на сборные пункты явились почти только организованные. Въ этомъ смыслѣ партія потерпѣла неудачу. Особенно ощутительна она въ Петербургѣ, гдѣ съ невиданнымъ до тѣхъ поръ размахомъ партія вела предмайскую агитацію, гдѣ эта агитація, опираясь на предыдущую работу социалдемократіи, наполнила собою всю общественную жизнь столицы за время, предшествовавшее пролетарскому празднику.

Петербургская неудача вызвала на первых порах сильное разочарование в среде социалдемократов. Контраст между затраченной энергией и полученными результатами был слишком велик, чтобы не вызвать известного упадка духа. Но, в конце концов, петербуржцы «переварили» свою неудачу, исследовали ее причины и извлекли из нея, как ниже увидит читатель, в высшей степени полезный для всей партии политический урок.

Прежде чем говорить об этом уроке, мы должны коснуться одного интересного эпизода, который косвенно бросает некоторый свет на «мораль» майской неудачи. Мы имеем в виду ту идейную борьбу, которую пришлось пережить нашей петербургской Группе во время предмайской агитации.

Разсматривая послѣднюю, какъ прямое продолженіе такъ удачно проведенной ею «избирательной» кампаніи по поводу комисіи Шидловскаго, Группа, какъ извѣстно, намѣтила планъ майскаго выступленія въ рядѣ массовыхъ митинговъ съ отпоромъ, въ случаѣ нападенія полицейскихъ полчищъ. Цѣлая серия импровизированныхъ митинговъ въ теченіе предмайскаго періода должна была подготовить массу къ этому политическому акту.

Противъ плана Группы выступили какъ Петербургскій комитетъ, такъ и бюро бывшаго Ц. К. партіи. Чтобы начертать списокъ недозволенныхъ плановъ группы, надо упомянуть о Петербургскомъ Комитетѣ «партии социалистовъ-революціонеровъ».

Въ своемъ письмѣ бюро Ц. К. ¹⁾ развиваетъ слѣдующую мысль.

«Послѣ января и всего того, что за нимъ слѣдовало, въ Петербургѣ не можетъ имѣть мѣста общая, заранее подготовленная, организованная, предварительно оповѣщенная демонстрація, какъ таковая, да еще съ заранее обѣщаннымъ отпоромъ... Это, въ полномъ смыслѣ

1) Надо замѣтить, что въ этомъ письмѣ «бюро» изложило планъ группы на основаніи «нѣсколькихъ частныхъ разговоровъ бюро съ членами группы», благодаря чему получилось довольно извращенное представленіе объ общемъ смыслѣ этого плана. Группа протестовала противъ такого изложенія, и предложила «бюро» увѣдомить организацию о протѣскаемой ошибкѣ. «Бюро», по-видимому, не сдѣлало этого и отвѣтило группѣ, что «сообщеніе, разосланное по организаціямъ, сохраняетъ свое значеніе независимо отъ плана Петербургской Группы, такъ какъ противопоставленіе изложенныхъ нами двухъ плановъ можетъ имѣть мѣсто въ другихъ организаціяхъ». Такимъ объясненіемъ Группа признала себя (единогласно) неудовлетворенной. До известной степени, такимъ образомъ, критика бюро Ц. К. опиралась на какое-то недоразумѣніе. Но кое-что въ ней надо отнести на счетъ неправильныхъ, на нашъ взглядъ, представленій о характерѣ нашей тактики въ революціонное время

слова, полвека. При настоящихъ условіяхъ позвать на такую «демонстрацію» совершенно то же, что призвать петербургскій пролетаріатъ къ возстанію, назначенному на 1 мая. И эта «демонстрація», дѣйствительно, неизбежно превратилась бы въ возстаніе, если бы удалось поднять сотни или, по крайней мѣрѣ, десятки тысячъ рабочихъ. Но такъ какъ Группа понимаетъ, что этого сдѣлать ей не удастся, то она назначаетъ вооруженную демонстрацію, т. е. заранее обреченное на кровавую неудачу частичное возстаніе тысячи въ три, пять или десять человекъ. Невѣроятнымъ послѣдствіемъ неизбежнаго истребленія нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ, оторванныхъ отъ массы такой чисто формальной цѣлью, какъ вооруженная демонстрація, будетъ ненависть къ нашей Партіи и страшная психологическая реакція среди петербургскаго пролетаріата».

Въ свою очередь, бюро Ц. К. предлагаетъ «звать массу не на вооруженную демонстрацію, а на митинги для того, чтобы обсудить вопросъ: что дѣлать дальше? и выслушать по этому вопросу голосъ Р. С. Д. Р. Ц.» «При этомъ мы не только не ограничиваемъ себя заранѣе исключительно лишь разрозненными порайонными митингами, но, наоборотъ, разрабатываемъ стратегическій планъ объединенія этихъ митинговъ и дальнѣйшихъ дѣйствій объединенной массы. И этотъ планъ мы приведемъ въ исполненіе при наличности соответственнаго объема массы и надлежащаго настроенія ея. Но зовемъ мы сейчасъ на митинги. Преимущество такого плана дѣйствій очевидно: мы имѣемъ тутъ въ возможности, въ перелективѣ, и демонстрацію и даже возстаніе. Но мы не беремъ на себя невыполнимыхъ организаціонныхъ обязательствъ устроить «вооруженную демонстрацію» (или, что то же, частичное возстаніе) при всякихъ обстоятельствахъ».

Если, такимъ образомъ, бюро Ц. К., повидимому, имѣло въ виду только показать непрактичность даннаго метода устройства демонстраціи, оно незамѣтно сбилось на точку зрѣнія отрицанія возможности активныхъ уличныхъ выступленій (до возстанія) вообще.

Изъ отвѣга Группы на это письмо мы приведемъ слѣдующее мѣсто.

«Всякій, кто знаетъ позицію «меньшинства» и, въ частности, группы, понимаетъ, что ей и въ голову не могло придти «назначать» на первое мая «частичное возстаніе», начавъ его вооруженной демонстраціей. Согласно Ц. К., такая демонстрація равносильна возстанію. Не можетъ быть возстанія—не должно быть и вооруженной демонстраціи... Группа... не раздѣляетъ мнѣнія, болѣе выдержанно выраженнаго въ майскомъ листкѣ «Вюро Ком. В—ва», что вооруженное выступленіе мыслимо лишь съ мыслью о возстаніи, что разъ возстаніе

невозможно, то и, вообще, выступленіе на улицы съ оружіемъ въ рукахъ не должно имѣть мѣста, ибо силы должны быть сосредоточены на подготовкѣ возстанія,—и классовый праздникъ, слѣдовательно, долженъ быть принесенъ въ жертву этой задачѣ. Группа думаетъ иначе. Въ развитіи буржуазной революціи мы стремимся къ накопленію пролетарскихъ элементовъ для борьбы за революцію социалистическую—путемъ его классового сплоченія, путемъ укрѣпленія его классовой позиціи. Этой общей точкой зрѣнія опредѣляется и наше отношеніе къ майскому выступленію. Мы не можемъ отказаться отъ него, не можемъ «праздновать молча» у себя дома или на тайныхъ сходкахъ въ лѣсу, какъ предлагали товарищи изъ Комитета «большинства», потому что именно майское выступленіе—могучее средство для объединенія пролетаріата подъ знаменемъ нашей партіи, для выдѣленія его, какъ класса, изъ всей демократической массы... Лучшимъ видомъ майскаго выступленія мы считаемъ у насъ демонстрацію съ вооруженнымъ относомъ въ виду русскихъ условий».

«Но мы не стремимся къ демонстраціи во что бы то ни стало въ ея чистомъ, такъ сказать, видѣ; мы призываемъ пролетаріатъ къ открытому у л и ч н о м у празднованію перваго мая вообще, "не предрѣшая, въ какія формы оно выльется. Для насъ цѣнно заявленіе широкими слоями пролетаріата въ этотъ день своихъ требованій, демонстрированіе готовности къ борьбѣ за нихъ. Группа отнюдь не противопоставляетъ митингъ демонстраціи, какъ дѣлаетъ Ц. К., для нея это вопросъ факта, вопросъ техническій, правильное рѣшеніе котораго возможно единственно при самомъ выступленіи. Мы представляемъ себѣ, что могутъ производиться и митинги, и демонстрація, или только митинги, или только демонстраціи—смотря по мѣсту и условіямъ выступленія».

Ошибочная мысль бюро Ц. К. болѣе послѣдовательно выражена въ листкѣ Петербургскаго Комитета Партіи. Въ немъ мы читаемъ: «Первое мая не можетъ быть, конечно, днемъ вооруженнаго возстанія. Вооруженное возстаніе нельзя назначить заранее. Оно поднимается неожиданно въ моментъ наибольшаго подъема народныхъ силъ. Мирныя демонстраціи невозможны: онѣ разгоняются у насъ казаками и полиціей. Довольно уже полосовали наши спины нагайками и пашками, мы не дадимъ превратить нашъ великій рабочий праздникъ въ оргію oprичниковъ! Вооруженная демонстрація допустима только, какъ начало вооруженнаго возстанія (курсивъ нашъ), ибо правительство не отступитъ, конечно, передъ нашимъ оружіемъ, не исчерпавъ всѣхъ своихъ силъ. Итакъ, товарищи, выйти перваго мая на улицу безоружнымъ было бы безумно; выйти вооруженно—преждевременно».

«Готовясь къ вооруженному возстанію», говорить Одесскій Комитетъ, «мы должны помнить, что нельзя его начать въ любой часъ, а должно ожидать наиболѣе подходящаго момента. И, поэтому, мы не можемъ призывать къ демонстраціи перваго мая, такъ какъ теперь невооруженная демонстрація обратилась бы въ кровавое избіеніе, а вооруженная—въ народное возстаніе, а мы еще сейчасъ не настолько вооружены, чтобы надѣяться отстоять силой свои требованія».

Выступивъ противъ открытаго празднованія перваго мая, Петербургскій Комитетъ партіи социалистовъ-революціонеровъ заявилъ въ своей прокламаціи:

«Не до праздниковъ русскому трудящемуся люду... Это право на праздникъ надо вырвать у опричников, наряду съ общечеловѣческими правами. Но какъ? Борьбой планомерной, упорной, гдѣ обдуманъ каждый шагъ, гдѣ подчитана каждая сила... Не до праздниковъ тутъ. Они насъ ждутъ впереди, когда мы силой достанемъ себѣ свободу. А пока пусть будетъ обдуманъ каждый шагъ, пусть учтена будетъ каждая сила. Довольно жертвъ, которыя покорно падаютъ подъ ударами опричниковъ. Довольно этихъ агнцевъ, добровольно идущихъ на закланіе... Довольно... Мы выйдемъ снова на улицу... но не для праздника, а для борьбы. Ждите призыва своихъ революціонныхъ организацій... Пусть то не будетъ первое мая (!). Но то будетъ зато день послѣдней борьбы, день рѣшительной побѣды... и уже недалекъ этотъ день!»

Стоитъ сопоставить все эти однородные мотивы съ фактомъ грандіозной вооруженной демонстраціи 18 апрѣля въ Варшавѣ, чтобы выразить удивленіе по поводу той энергии, съ которой насъ хотятъ убѣдить, что «послѣ 9 января» «невозможно» звать на улицы... вплоть до послѣдняго боя, который будетъ назначенъ какимъ-нибудь всемогущимъ «центромъ»!

Какъ мы видѣли, Петербургская Группа не стала на точку зрѣнія, отвергающую массовыя революціонныя демонстраціи въ настоящій моментъ. Но не позволяетъ ли постигшая ея собственныя начинанія неудача сдѣлать тотъ выводъ, что правы были именно противники такихъ выступленій?

Ставя такъ вопросъ, мы нисколько не склонны забывать различій между тактической позиціей Петербургскаго и Одесскаго комитетовъ (равно, какъ петербургскихъ соц.-рев.), съ одной стороны, и бюро бывшаго Ц. К.—съ другой. Но при всемъ различіи между ними нетрудно убѣдиться, что въ основаніи обѣихъ критикъ плана Группы лежитъ одна и та же идея—мысль о невозможности собрать въ дан-

ный момент и а с с у во имя такой «формальной» цѣли, какъ революціонная демонстрація. И, въ свою очередь, эта мысль покоится на убѣжденіи, которое въ свое время высказалъ на страницахъ «Искры» тов. Т., что послѣ 9 января наше движеніе «умерло въ возстаніе», что, слѣдовательно, ни къ какимъ активнымъ дѣйствіямъ вплоть до возстанія звать массу не приходится.

Итакъ, не оправдала ли майская неудача въ Петербургѣ этихъ пророковъ?

На первый взглядъ можетъ показаться, что, да. «Митинги—демонстрація» не привлекли къ себѣ неорганизованную пролетарскую массу. Не значить ли это, что мы должны принять точку зрѣнія Петербургскаго Комитета и предлагать массамъ «погодить» съ активными политическими выступленіями вплоть до того момента, когда мы сами подготовимся къ активному выступленію?

Маленькая историческая справка поможетъ намъ выяснитъ дѣло. Читатель, навѣрное, помнитъ, что полгода назадъ въ Петербургѣ разыгралась «политическая драма», аналогичная той, которая произошла 1 мая. Только распредѣленіе ролей въ ней было обратное. Тогда, въ ноябрѣ прошлаго года—комитетъ «впередовцевъ» назначилъ демонстрацію, а «искровцы»—будущая Группа—возстали противъ нея, и—оказались правы: на демонстрацію рабочія массы не пришли. Петербургскіе «искровцы» утверждали тогда, что демонстрація не можетъ удасться потому, что организація не подготовила для ея успѣха элементовъ въ рабочей массѣ. Но будущіе члены «группы» не пытались доказывать, что рабочія массы Петербурга уже не пойдутъ на демонстрацію потому, что они еще не готовы къ рѣшительной битвѣ. Эта осторожность петербургскихъ «искровцевъ» въ тактическихъ выводахъ избавила ихъ отъ очень смѣшнаго положенія, въ которомъ они очутились бы съ началомъ текущаго года, когда сотни тысячъ петербургскихъ пролетаріевъ показали, что ихъ можно «поднять» на демонстрацію. Было бы очень хорошо, еслибъ помня объ этомъ урокѣ, петербургскіе товарищи оказались столь же осторожны въ выводахъ и послѣ того, какъ партійная организація обожглась на молокѣ, не спѣшили бы дуть на воду.

И все таки фактъ на лицо: и до 9 января, и послѣ него социал-демократія въ Петербургѣ терпитъ неудачу, когда самостоятельно призываетъ пролетаріатъ къ активнымъ революціоннымъ дѣйствіямъ. Она терпитъ неудачу, когда пытается это сдѣлать, опираясь на одинъ голый фактъ охватившаго массы политическаго возбужденія. И она снова терпитъ неудачу, когда приступая къ организація новаго массоваго

выступления, опирается уже на энергичную агитационную работу нескольких месяцев, ознаменовавшуюся такими успехами, как провалъ комиссіи Шидловскаго. Что же это значить? Не вправѣ ли мы сдѣлать самые песимистическіе выводы о предѣлахъ, поставленныхъ влиянію на пролетаріатъ нашей партіи, какъ инициативной силы?

Попытка отмахнуться отъ этого вопроса утверженіемъ, что движеніе «уперлось въ возстаніе», должна быть отвергнута, какъ покушеніе съ завѣдомо-негодными средствами. Вѣдь, если бы это было такъ, то тогда передъ нами сталъ бы вопросъ: какія же у партіи надежды, что ей удастся активно руководить рѣшительнымъ выступленіемъ? Ей, не имѣющей возможности готовить къ нему себя самое и народныя массы на практикѣ широкихъ выступленій? Ибо дѣтки навѣятымъ было бы думать, что революціонная организація можетъ «сразу» повести массы на рѣшительное всенародное выступленіе, имѣя за спиной только опытъ тѣхъ бывшихъ демонстрацій, которыя, по нынѣшнему масштабу революціоннаго времени, являются чѣмъ-то вродѣ «потѣшныхъ игръ», по сравненію съ истинно-революціонными дѣйствіями.

Чѣмъ болѣе серьезно мы относимся къ вѣроятности рѣшительнаго столкновенія, тѣмъ менѣе можемъ мы согласиться съ точкой зрѣнія петербургскихъ комитетчиковъ. Побѣдоносное народное движеніе, не выростетъ изъ пассивныхъ и безмолвныхъ массъ. Оно разовьется изъ постоянныхъ революціонныхъ, организованныхъ и планомерныхъ проявленій народной массы.

Организаціонное влияніе партіи на массы безконечно отстало отъ ея идейнаго влиянія на нихъ. Вотъ фактъ, о которомъ снова кричатъ майскія неудачи. Массы учатся у партіи думать, онѣ не довѣряютъ ея указаніямъ, какъ имъ дѣйствовать. И если партія хочетъ извлечь для себя полезный урокъ изъ происшедшихъ событій, она должна прежде всего понять, какъ ей вести работу, чтобы усилить свое организаціонное влияніе на массы?

Послѣ 9 января мы говорили въ «Искрѣ»: прежде всего намъ надо развязать революцію. Многие не поняли насъ и не могутъ понять до сихъ поръ. А, между тѣмъ, практика вновь и вновь подтверждаетъ намъ, что революціонныя силы современности находятся въ связанномъ состояніи. Кто не понималъ этого до сихъ поръ, пусть представитъ себѣ раскрытую майской неудачей картину петербургской дѣйствительности: сотни тысячъ политически возбужденныхъ рабочихъ десятки тысячъ вчера еще рукоплескавшихъ социалдемократическимъ ораторамъ на предмайскихъ митингахъ, и—всего полторы—двѣ тысячи явившихся на призывъ организація демонстрировать свои чув

ства! Это ли не картина революціи, связанной, безыльной, выжидающей? Какимъ же непониманіемъ надо обладать, чтобы при видѣ этой картины твердить, что намъ надо задерживать «преждевременныя» проявленія активности массъ, пока мы сфабрикуемъ тотъ «штабъ спѣвшихся руководителей», который въ благоприятный моментъ позоветъ и поведетъ эти массы?

Надо развязать революцію! Надо добиваться въ Россіи того, что уже есть на Кавказѣ и Польшѣ, надо добиваться, чтобы и въ Россіи, какъ на этихъ «обраинахъ», масса не только сочувствовала революціонной борьбѣ, но и участвовала въ ней, чтобы она довѣряла инициативѣ партіи и готова была бы активно поддержать ее. А поскольку это будетъ достигнуто, постольку призывы «держатъ» революцію за шиворотъ, ибо она «преждевременна», будутъ казаться всѣмъ революціонерамъ столь же смѣшными, какъ они должны теперь казаться польскимъ и кавказскимъ социалдемократамъ, хорошо знающимъ, что каждое революціонное выступленіе массы не истощаетъ, а умножаетъ боевой капиталъ. И постольку же станетъ невозможнымъ, чтобы призывы организацій къ активнымъ дѣйствіямъ носили авантюристскій и дѣйствительно дезорганизацiонскій характеръ.

Но, скажутъ намъ: Польша и Кавказъ—одно, Россія—другое. Въ Польшѣ и Кавказѣ пролетарское движеніе окружено плотной атмосферой сочувствія различныхъ классовъ населенія, революционизированнаго существующимъ режимомъ, и это обстоятельство облегчаетъ всякія рѣшительныя дѣйствія пролетариата. Конечно. Но неужели они думаютъ, что можно придти къ рѣшительной борьбѣ, не создавъ вокругъ пролетарской борьбы въ самой Россіи атмосферы такого же сочувствія? Неужели думаютъ, что, кто говоритъ: «готовить выступленіе», тотъ не говоритъ тѣмъ самымъ: воздѣйствіе на широкія народныя массы въ цѣляхъ привлеченія ихъ симпатій къ этому самому выступленію?

А это опять таки значитъ: надо развязать революцію, потенциально залягавшуюся въ тѣхъ классовыхъ противорѣчіяхъ, которыя подняли къ общественно-политической жизни доселѣ инертные слои населенія.

Развязывать революцію нельзя, готовя выступленіе въ революціонной лабораторіи кружковой подпольщины. Развязывать революцію можно только, привлекая къ политическому дѣйствію самыя широкія массы народа. Между тѣмъ, майскій опытъ еще разъ показалъ, что партія плохо умѣетъ привлекать массы къ такому дѣйствію. Массы слушаютъ партію очень сочувственно, онѣ участвуютъ очень

охотно, — онъ не идетъ за нею по ея призыву. А это именно и значитъ, что, при сильномъ идейномъ влияніи на пролетаріатъ, партія далеко еще не достигла нужного организационнаго влияния на него. Между тѣмъ, вопросъ о «развязываніи» революціоннаго процесса для социалдемократіи есть въ то же время вопросъ объ организациіи массъ для самостоятельнаго дѣйствія въ революціи.

Вотъ почему послѣ 9-го января мы, выступивъ противъ всякихъ попытокъ связать «разнуздавшуюся» революцію, одновременно выдвинули, какъ самую насущную задачу даннаго момента, вопросъ объ организациіи массъ въ политической и экономической борьбѣ. Вотъ почему мы считали нужнымъ со всей рѣшительностью выставить лозунгъ: «шире двери!» и призвать къ «захвату» пролетаріями своихъ «правъ» и «свободъ».

Подъ впечатлѣніемъ этой насущнѣйшей задачи момента работала и первая общерусская конференція и въ ея резолюціяхъ о профессиональныхъ союзахъ, о неоформленныхъ организаціяхъ и др. рѣзко сказала эта точка зрѣнія, общая всей части партіи, которая осталась непредставленной на пресловутомъ «съѣздѣ». И въ то же время своимъ проектомъ реорганизациіи партійнаго коллектива конференція намѣтила тѣ необходимыя измѣненія въ его структурѣ, безъ которыхъ партія врядъ ли сможетъ успѣшно разрѣшить новыя задачи организациіи массъ.

Петербургская Группа, задавшись вопросомъ о значеніи майской неудачи, пришла къ выводамъ, подтверждающимъ ту точку зрѣнія, на которую стала конференція. Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ майскихъ дней одинъ изъ петербургскихъ товарищей писалъ намъ: широкая организація — въ этомъ спасеніе!

Здѣсь же мы считаемъ полезнымъ познакомить товарищей съ коллективнымъ мнѣніемъ петербургской группы, какъ оно выражено въ письмѣ одного изъ ея активныхъ членовъ. Это письмо, кстати, даетъ интересныя свѣдѣнія объ отношеніи извѣстнаго слоя сознательныхъ рабочихъ къ нашимъ организаціямъ.

«Обычный типъ нашей политической организаціи — центральный кружокъ на заводѣ, стремящійся намѣтить возможно больше кружковъ по образу и подобию своему, только качествомъ ниже. Работа кружками, мы заранѣе исключаемъ этимъ возможность охватить широкіе круги пролетаріата (десятокъ тысячъ по кружкамъ не размѣстишь). Признавая методомъ работы — твореніе возможно большаго числа политическихъ кружковъ, стремимся выдѣлать въ нихъ всеаго удовле-

важмаго нами рабочаго, мы отрывае́мъ его отъ массы, отъ ея жизни и даже какъ бы противопоставляе́мъ ей. Не лучшіе слои рабочихъ выдвигаются въ наши организаціи, а просто знакомые нашихъ рабочихъ. Въ нашихъ кружкахъ можно только учиться (и то плохо). Потребности къ активной работѣ они не удовлетворяютъ. И хорошіе рабочіе—гапоновцы (соц.-дем.) говорятъ: «Зачѣмъ я къ вамъ пойду? я и такъ все это знаю». Дѣйствительно, идти за тѣмъ, чтобы «числиться за организаціей»—не велика штука. Въ итогѣ—у насъ преимущественно самый молодой, самый невліятельный элементъ среди рабочихъ. «У насъ все молодятники», говорилъ рабочій—гапоновецъ, «вы его рассказываете, а онъ—васъ, а масса на рабочую партію, которая ея должна быть, смотритъ, какъ на чужую, которая со стороны ей что-то хорошее хочетъ сдѣлать». И вправду—масса напряженно ожидала перваго мая, предвидя что-то большее и хорошее для себя, но не отводя себѣ въ этомъ активной роли. И къ нашимъ митингамъ, разъ мы ихъ не овязываемъ такъ или иначе съ активностью массы, съ длительнымъ къ нимъ интересомъ, отношеніе подчасъ, какъ къ какому-то занимательному перерыву въ работѣ. «Придетъ интеллигентъ на заводъ», говорилъ вдумчивый рабочій соц.-дем. городского района, «прокричитъ всѣ свои «долой», и мы покричимъ и уйдемъ. А намъ нужно не это, что вообще «долой»—извѣстно, а надо обсужденіе всего, разборъ всей жизни». И рабочіе таки показали, что они не считаютъ себя связанными сочувственными кликами на митингахъ: взяли и не вышли перваго мая. Какъ разбить рамки кружковщины, какъ измѣненіемъ методовъ работы привлечь всѣ лучшіе элементы рабочаго класса? Группа, не договорившись пока подробно, выдвигаетъ инициативу соц.-дем. въ дѣлѣ профессиональной организаціи рабочихъ. Явочнымъ порядкомъ оснуемъ рабочіе союзы, заводскія кассы и т. п.; изъ демократическихъ организаціи дадимъ рабочей массѣ выдвинуть своихъ вожаковъ, удовлетворимъ ихъ потребность въ активной работѣ; свяжемъ наши митинги съ предложеніями объ основаніи обществъ рабочихъ для борьбы за свое экономическое, политическое и духовное освобожденіе; серьезной постановкой руководства профессиональной борьбой, необходимостью объединенія для которой уже признана рабочими массами, создадимъ прочную основу для роста вліянія нашей партіи; на собраніяхъ обществъ, обсуждающихъ всѣ вопросы, интересующіе рабочаго, будемъ отбирать элементы, выдвигающіеся и годящіеся въ нашу боевую партійную политическую организацію, которая пусть представляетъ собой не хаотическое сборище полусознательныхъ, просто революціонно-настроенныхъ рабочихъ, а сплю-

ченіе рабочихъ — социалдемократовъ, организовавшихся для подобной агитаціи, руководящихъ профессиональными союзами и заводскими кассами и опирающихся на нихъ».

Можно съ увѣренностью сказать, что только работа въ направленіи, намѣчаемомъ въ этомъ письмѣ, поволитъ социалдемократіи справиться съ той стихіей, которая до сихъ поръ поработала ее себѣ. И лишь посколькy ей удастся это сдѣлать, будетъ въ полной мѣрѣ достигаться та специальная задача, которую ставитъ себѣ наша партія, — задача сплоченія русскихъ пролетаріевъ въ самостоятельную классовую силу, двигающую буржуазную революцію. •

Л. Мартовъ.

Къ современному положенію.

(1 іюня 1905 г. № 101).

Эскадра адмирала Рождественскаго, начавшая свое боевое плаваніе позоромъ при Гулль, кончила его позоромъ при Цусимѣ. Всѣ военные специалисты сходятся въ томъ, что мѣръ не выдалъ еще такого полного, такого позорнаго пораженія, какъ то, которое выпало на долю флота русскаго правительства въ Корейскомъ проливѣ. Да и можно ли было ожидать чего-либо другого? Адмиралы, привыкшіе совершать походы только по казеннымъ сундукамъ; офицеры — дѣти привилегированной касты, невѣжественные, опытные въ плаваніи лишь по паркетамъ великосѣтскихъ гостинныхъ и чиновничьихъ канцелярій; матросы, — на половину только что оторванные отъ сохи, на половину — непосредственно передъ отправленіемъ въ походъ получившіе въ Севастополѣ внушительный урокъ любви къ самодержавному отечеству при усмиреніи извѣстнаго «бунта». Таковъ составъ экипажа, на который возложена была «священная» миссія отстаивать правительство на водахъ Тихаго океана. А самыя суда? А снабженіе эскадры всѣмъ необходимымъ? Достаточно вспомнить ту канвовую печать, которою отмѣчена самодержавная бюрократія, чтобы понять, что хищничество и казнокрадство, не пощадившее Портъ-Артура, зачу-

сжавшее свои цѣпныя лапы въ карманы изголодавшейся и измученной арміи въ Тиренчѣ, Ляоянѣ, Мукденѣ, не дрогнуло и передъ послѣднимъ козыремъ правительства—армадой Рождественскаго.

Нужно только удивляться той силѣ внушенія, которую еще сохраняютъ хвастливые крики правительственной печати, а которая заставляла даже кое-какихъ европейскихъ специалистовъ считаться—послѣ Гулліа!—съ возможностью побѣды правительственного флота! Европейская и русская реакція все еще не хотѣли вѣрить той полной внутренней гнилости и слабости стараго режима, которая давно уже съ математической точностью была констатирована социалдемократіей, какъ боялся вѣрить этой гнилости и слабости европейскій и русскій либерализмъ. Ляоянъ, Мукденъ и Портъ-Артуръ научили либерализмъ вѣрной оцѣнкѣ дѣйствительности. Цусима—раскрываетъ глаза и реакціи. Послѣ Цусимы русская реакція требуетъ замѣны самодержавія военной диктатурой, европейская—въ лицѣ германскаго императора—начинаетъ искать опоры въ счастливомъ желтолицемъ побѣдѣлѣ, которому еще недавно «за одинъ косой взглядъ» грозилъ «брошенный кулакъ».

Свершилось неизбежное. И никогда еще не было такъ ясно, что каждый день дальнѣйшаго существованія абсолютизма и дальнѣйшаго веденія преступной войны означаетъ колоссальную растрату народной крови и народнаго достоянія. Тысячи убитыхъ и сотни милліоновъ рублей стоила народу морская авантюра. Можно уже теперь сказать, что завтрашній день сулитъ новыя и новыя жертвы. Если народъ не заставитъ прекратить войну,—потеря Владивостока и гибель манчжурской арміи неизбежны. Но мало того. Послѣ Цусимы, болѣе чѣмъ когда-либо, война начинаетъ вестись не только на счетъ настоящаго страны, но и на счетъ ея будущаго. Она грозитъ подрѣзать источники существованія страны и заложить сѣмя новыхъ тяжелыхъ конфликтовъ въ будущемъ. О господствѣ на Тихомъ океанѣ теперь, безъ флота, смѣшно и думать. Но сейчасъ рѣчь ужъ идетъ не о господствѣ, а сохраненіи на этомъ Средиземномъ морѣ будущаго тѣхъ позицій, которыми Россія уже давно владѣетъ. Потеря же этихъ позицій означаетъ для капиталистической Россіи новое обостреніе вопроса о ближнемъ Востокѣ и грозитъ кровавыми осложнениями на Балканахъ и въ Индіи. Наладившіеся пути капиталистическаго развитія должны будутъ претерпѣть рѣзкое измѣненіе, а такое измѣненіе неизбежно будетъ куплено новыми потоками народной крови и народныхъ денегъ.

Вотъ почему такъ остро почувствовалась перемѣна послѣ пора-

женія при Цусимѣ. Правительство отмѣтило эту переимѣну учрежденіемъ фактической диктатуры Трепова. Оно не понимаетъ, что теперь оно слишкомъ безомыно для диктатуры! Диктаторъ можетъ воздвигнуть десятокъ висѣлицъ, онъ можетъ обливать кровью города и деревни, но онъ безсиленъ задержать гибель стараго порядка. Онъ такъ безсиленъ, что первые же шаги его были его пораженіемъ. Онъ запретилъ съѣздъ земцевъ въ Москвѣ, а съѣздъ состоялся; онъ запретилъ собраніе городскихъ головъ въ Москвѣ, а оно собралось; онъ запретилъ засѣданіе петербургской думы, а оно прошло въ полномъ порядкѣ. Демонстраціи рабочихъ въ Петербургѣ и либераловъ въ Павловскѣ, собраніе журналистовъ на пароходѣ и инженеровъ въ Сестрорѣцкѣ, стачки и демонстраціи, револьверныя выстрѣлы и бомбы по всей Россіи подчеркиваютъ ничтожество и безсиліе этого диктатора.

При такихъ условіяхъ учрежденіе диктатуры достаточно ясно подчеркиваетъ истинный характеръ того «народнаго представительства», о близкомъ введеніи котораго носятя улозные слухи, но не лишаетъ достовѣрности самыя слухи. Болѣе того. Если у правящей клики осталась хоть капля пониманія дѣйствительнаго положенія дѣлъ, она должна непремѣнно попытаться ухватиться за это послѣднее средство отсрочить свою гибель. И дѣйствительно, газеты за послѣднее время полны сообщеніями о тѣхъ перипетіяхъ, которыя переживаетъ рожденный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ «конституціонный» уродецъ. Этотъ уродецъ представленъ почтеннѣйшей публикѣ въ напечатанномъ въ № 10.495 «Новаго Времени» сообщеніи о «государственной думѣ». Дальнѣйшія газетныя свѣдѣнія передаютъ, что этотъ Булыгинскій проектъ принятъ съ самыми незначительными измѣненіями и совѣтомъ министровъ. Такимъ образомъ, можно считать, что мы имѣемъ уже передъ собой въ законченномъ видѣ тотъ «листъ бумаги», которымъ правительство думаетъ—въ крайнемъ случаѣ—разсчитаться съ «любезными вѣриподданными» за нѣка безотвѣтственнаго хищничества, за сотни тысячъ жертвъ войны вѣшной и внутренней.

Въ этомъ проектѣ все характерно, начиная съ названія будущаго «представительнаго учрежденія». Даже въ архангелскомъ «соборѣ» правительство почуяло слишкомъ «вольный» душокъ! Начавъ съ «Земскаго Собора», перейдя къ «Земскому Совѣту», правительство, какъ говорить «Новое Время», сдѣлало «за истекшія мѣсяца» «измѣненія, касающіяся наименованія нашей будущей нижней палаты». Въ самомъ названіи былъ сугубо подчеркнутъ совѣщательный характеръ учрежденія (думал), вытравлено всякое упоминаніе объ опальной

«земляны» и нарочито выдвинуто подчиненіе «конституціонной» палаты государственной опричнинѣ!

О самой «конституціи» не стоить, пожалуй, и говорить: 1½—2 мѣсяца въ году заседающая «дума» съ верхней палатой въ видѣ государственнаго совѣта, сохраняющаго нынѣшнее свое устройство,— что это, какъ не насмѣшка надъ тѣмъ «народнымъ представительствомъ», котораго требуютъ самые широкіе слои населенія? Но чего нельзя особо не отмѣтить, это той системы избирательнаго права, которая будетъ положена въ основу этого жалкаго «представительства». Выборы предполагается производить на основѣ избирательной системы земскаго Положенія 1864 г. Въ трехъ избирательныхъ коллегіяхъ (сѣздахъ), устанавливаемыхъ этимъ положеніемъ—уѣздныхъ землевладѣльцевъ, городскихъ и сельскихъ обществъ,—будутъ такъ или иначе представлены всѣ классы населенія—отъ владѣющихъ кое-какой собственностью городскихъ мѣщанъ и крестьянъ до купцовъ, землевладѣльцевъ и зажиточныхъ, солидныхъ членовъ «либеральныхъ профессій». Только рабочимъ да еще пролетаризированному интеллигенту-разночинцу нѣтъ мѣста ни въ одномъ изъ «сѣздовъ». Чечевичной похлебкой каррикатурнаго представительства правительство думаетъ приманить либерализмъ и демократію къ измѣнѣ двигателю російской революціи—пролетариату, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самой революціи.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что значительная часть «прогрессивныхъ» элементовъ готова была бы къ такой измѣнѣ, если бы историческая обстановка не толкала ее повелительно на совершенно иной путь. Такъ какъ правительство и имущимъ классамъ можетъ дать только каррикатурное представительство, и такъ какъ даже и эта карриатура не можетъ появиться на свѣтъ иначе, какъ въ рамкѣ военной диктатуры, неслыханнаго даже для Россіи разгрома административнаго произвола, открытой организаціи правительственныхъ «черныхъ сотенъ», безграничнаго владычества казацкой нагайки и положенія объ усиленной охранѣ, то и тотъ, кто внутренне уже созрѣлъ для измѣны, не можетъ измѣнить, ибо не самопроизвольно возникающіе идеалистическіе порывы, а жизненные интересы начинающей заживо разлагаться капиталистической націи толкаютъ имущіе классы къ борьбѣ за европейскіе «гарантіи», за неприкосновенность личности, имущества, жизни, за прочный «правопорядокъ». И такъ какъ абсолютизмъ не можетъ дать и тѣни такихъ гарантій, то волей неволей приходится либерализму и демократіи подвигаться все болѣе и болѣе влѣво, все ближе и ближе къ той огненной полосѣ, гдѣ яркимъ пламенемъ вспыхиваютъ проблески народной революціи. На гигантской

накавалнѣ военныхъ пораженій вдребезги разобьетъ революціонный молотъ ржавыя оковы деспотизма.

Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что тѣ, кому будетъ даровано «право» избирать представителей въ государственную думу, не захотятъ воспользоваться этимъ правомъ. Отсюда нѣтъ. Адресъ московскаго земскаго съѣзда, составленный, въ общемъ, въ выраженіяхъ, болѣе или менѣе похожихъ на тѣ, которыми должны говорить люди, хоть на половину сознающіе себя гражданами, а не только «подданными», адресъ этотъ весьма характерно умалчиваетъ не только объ избирательномъ правѣ, но и о правахъ того представительнаго учрежденія, немедленнаго созыва котораго требуютъ земцы. Та фигура умолчанія, которая была употреблена въ ноябрьскихъ земскихъ резолюціяхъ, и противорѣчивый смыслъ которой пришлось очень скоро раскрывать различнымъ группамъ земцевъ, теперь снова повторяется въ цѣляхъ все того же «единогласія». Какъ будто прошлый опытъ все еще не научилъ земскую демократію, что настоятельные запросы революціи и критика социалдемократіи заставляютъ очень быстро сбрасывать всѣ туманныя оболочки, закрывающія дѣйствительную сущность требованій различныхъ группъ. Когда наканунѣ, въ шиповскомъ «частномъ» совѣщаніи, часть тѣхъ самыхъ людей, которые участвовали въ земскомъ «единогласіи», устами г. Хомякова открыто выступаетъ противъ всеобщаго избирательнаго права, ссылаясь на то, что это «проповѣдь теоріи борьбы», выступаетъ противъ демократической «платформы», заявляя, что это— «послѣвъ» того «раздора, который мы вездѣ видимъ за границей», то можетъ ли оставаться хоть малѣйшее сомнѣніе насчетъ смысла того «единогласія», на которомъ опирались земцы? Это единогласіе означаетъ ничто иное, какъ готовность измѣнить народу; и ту же готовность выражаетъ чудовищное обѣщаніе адреса превратить русско-японскую войну въ «войну національную». Страстное стремленіе объединить всю оппозицію имущихъ классовъ то и дѣло заставляеть буржуазную демократію дѣлать зигзаги. Но, хотя не какъ свободный человѣкъ, а какъ рабъ, прикованный къ колесницѣ триумфатора, она вынуждена будетъ идти за побѣдоносной революціей.

Теперь, въ случаѣ осуществленія созыва государственной думы, начинается новый фазисъ русской революціи, и социалдемократія должна быть готова встрѣтить его во всеоружіи, должна быть готова использовать всякую комбинацію обстоятельствъ въ интересахъ все того же требованія своего—созыва всенароднаго учредительнаго собранія, свободно избраннаго всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Всякое другое представительное учрежденіе, хотя бы оно

было и иного кадра, чѣмъ Булыгинская дума, въ глазахъ социалдемократіи можетъ быть лишь этапомъ на пути къ всенародному учредительному собранію. Необходимо теперь же, въ связи съ предстоящими выборами въ думу, развить самую широкую агитацію и заложить основы широкой рабочей партіи. Нужно объяснить рабочимъ массамъ тотъ новый актъ насилія надъ нами, который совершаетъ правительство, лишая ихъ избирательнаго права, и нужно организовать ихъ для борьбы за учредительное собраніе. Нужно объяснить имъ, какую крупную революціонную роль могли бы сыграть депутаты рабочихъ въ выборномъ учрежденіи, каковы бы ни были намѣренія творцовъ этого учрежденія. Полулегальные, самовольно образующіеся рабочіе агитаціонные комитеты, должны быть образованы немедленно. Въ тѣсной связи съ нашей нелегальной организаціей они должны пустить въ ходъ всѣ наличныя въ рабочемъ классѣ силы для агитаціи за созывъ всенароднаго учредительнаго собранія и для всесторонняго использованія всей избирательной кампаніи, какіе бы классы и группы въ ней ни участвовали. Они должны предъявлять требованія всенароднаго учредительнаго собранія въ категорической формѣ всѣмъ общественнымъ группамъ, имѣющимъ право на участіе въ выборахъ, они должны требовать отъ этихъ группъ императивнаго мандата для ихъ представителей—заявить въ думѣ требованіе созыва учредительнаго собранія и всѣхъ гарантій, необходимыхъ для свободы выборовъ, и отказаться отъ всякаго участія въ необходимыхъ для правительства, имѣющихъ цѣлью поддержаніе хода государственной машины, работахъ фальсифицированнаго «народнаго» представительства. Эти агитаціонные комитеты должны стать центромъ тяготѣнія широкихъ рабочихъ массъ и связать ихъ съ подпольной партіей. Ненароднымъ выборамъ по земскому положенію 1864 г. они должны противопоставить идею народныхъ выборовъ—всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Они должны звать всѣ слои населенія—городскаго и сельскаго—немедленно приступить къ осуществленію этой идеи и одновременно съ тѣмъ, какъ будутъ выбираться «законные» депутаты, выбрать своихъ собственныхъ, дѣйствительныхъ представителей. Уѣздныя и губернскія собранія такихъ представителей революціоннаго народа, съ возможностью посланки ими своихъ депутатовъ на общероссійское собраніе, могутъ создать мощную организацію для всего революціоннаго движенія, направленнаго на завоеваніе всенароднаго учредительнаго собранія. Они создадутъ какъ бы пѣлюю отъ представительныхъ органовъ революціоннаго самоуправленія съ революціоннымъ всероссійскимъ представительнымъ собраніемъ во главѣ.

Роль, которую может сыграть такое революционное самоуправление народа, если бы его удалось осуществить въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ, необорима. Оно сможетъ диктовать свое требованіе учредительнаго собранія всѣмъ прочимъ прогрессивнымъ группамъ, ибо поставитъ ихъ передъ совершенно ясной диллемой: или съ безнадежно гибнущимъ режимомъ, или съ безусловно побѣждающей революціей.

Но, разумѣется, и въ этихъ представительныхъ органахъ революціоннаго самоуправленія, въ этой дѣйствительной организаціи всенароднаго выступленія, движущимъ нервомъ, ферментомъ революціоннаго броженія останется сознательный пролетаріатъ. Мѣрой его классовой сознательности и классовой организованности, мѣрой влияния и роста социалдемократіи, самостоятельной рабочей партіи, будетъ опредѣляться мѣра революціонности «народныхъ» представительныхъ органовъ. А потому для успѣха борьбы мы теперь же должны начать готовить рабочія массы къ активному и самостоятельному выступленію въ связи съ созывомъ государственной думы. Отъ состава думы, отъ способа дѣйствія ея членовъ будетъ зависеть, насколько это выступленіе, направленное прежде всего противъ самодержавной бюрократіи, будетъ направлено и противъ самой думы. Оно поддержитъ революціонные шаги членовъ думы, и оно же смететъ ихъ вмѣстѣ съ старымъ порядкомъ, если они вѣдутъ двойную игру и идти на уступку деспотизму...

Ф. Данъ.

Историческій день.

(15 іюня 1906 г., № 102).

Это былъ, дѣйствительно, историческій день со всѣми присвоенными такому по штату необходимыми аксессуарами—начиная съ кучи закулисныхъ интригъ, торговъ и переторжекъ между лицедѣями-участниками «событія», продолжая милыми недоразумѣніями, вродѣ непредусмотрѣнныхъ г. Ив. Петрункевичемъ, при появленіи его во

дворца, бѣлыхъ перчатокъ, безъ которыхъ невозможно было часто выполнить намѣченную программу, кончая разными остроумными анекдотами, прилипшими къ изложенію подробностей совершившагося, наконецъ, событія.

Конечно, историческій день въ духѣ современной буржуазіи: не было пролито крови, никакихъ не произошло потрясеній, было сказано много, много словъ.

Либеральный лидеръ, князь С. Трубецкой, говорилъ краснорѣчиво. Онъ сказалъ, что желаніе делегаціи и тѣхъ, кого она представляетъ, возстановить единеніе царя съ народомъ и тѣмъ укрѣпить престолъ. Онъ перечислялъ преступленія бюрократів, протестовалъ противъ ословнаго представительства, настаивалъ на скорѣйшемъ выполненіи правительствомъ обѣщанія, даннаго имъ 18 февраля, сказалъ, что народъ обвиняетъ чиновниковъ въ «измѣнѣ». Онъ заявилъ, что выбору представителей должно предшествовать введеніе свободн слова, собраній и т. д. ...

А дальше? А дальше... все пошло по старому. Газетамъ не дали дѣйствительнаго текста рѣчи императора, «Русь» закрыли за напечатаніе текста земской петиціи, бывшихъ делегатовъ, послѣ посѣщенія ими Петергофскаго дворца, подвергли полицейскому надзору. Это не помѣшало либеральной и «демократической» прессѣ со слѣдующаго же дня начать славословить о «великомъ» событіи. «Верховной властью», говорить «Сынъ Отечества», «въ качествѣ представителей общества, приняты люди, которые въ недалекомъ прошломъ считались колебателями основъ и чуть ли не крамольниками».

Демократическая газета забываетъ, что «представители общества» гг. Петрункевичъ, Шаховской и др. были признаны съ того именно момента, когда они впервые стали дѣйствовать, какъ «потрясатели основъ и чуть ли не крамольники»; когда они явились депутатами отъ «незаконнаго» съезда; когда они отказались «просить» составъ своей депутаціи, чего требовали отъ нихъ министры; когда они заговорили объ «обращеніи къ народу», о «стачкѣ земствъ и городовъ»—на случай отказа въ ихъ приѣмѣ. Забывать объ этомъ, значитъ, затушевывать дѣйствительный смыслъ одержанной было земцами побѣды.

Но это затушевываніе не случайно, ибо по мѣрѣ того, какъ земскіе депутаты преодолевали препятствія, поставленныя имъ правительствомъ, они сами затушевывали «крамольный» характеръ своей миссіи.

Ультимативному тону петиціи, выработанной земскимъ съездомъ, совершенно не соответствуетъ характеръ заявленія кн. Трубецкаго.

По дорогѣ во дворецъ земскіе «представители общества» утратили значительную дозу воодушевлявшаго ихъ на сѣздѣ настроенія. И если при составленіи самой петиціи обычный мелкій оппортунизмъ земскихъ вождей отразился въ умолчаніи о всеобщемъ избирательномъ правѣ и въ двусмысленныхъ фразахъ о «национальной войнѣ», которую смогутъ санкціонировать народные представители,—то въ рѣчи лидера депутаціи вы напрасно стали бы искать слѣдовъ негодованія, вызываемаго во всемъ населеніи двуличіемъ правительственной политики, диктатурой Трепова, новѣйшими убійствами на Кавказѣ, въ Иваново-Вознесенскѣ и Польшѣ.

Земскимъ дѣятелямъ представлялся случай явиться выразителями настроенія массы населенія, на представительство интересовъ котораго они предъявляютъ притязаніе. Только глубокое революціонное возмущеніе населенія, проявившееся съ особенной силой послѣ Цусимскаго краха, дало имъ возможность сдѣлать тотъ шагъ, который привелъ ихъ во дворецъ черезъ всѣ преграды «бюрократіи». Простой политическій расчетъ требовалъ отъ либераловъ, чтобы они, въ качествѣ выборныхъ части населенія, явились передатчиками революціоннаго протеста всего населенія. Вѣдь, не могли они забыть, что то, что имъ дозволили 6 іюня, было запрещено 9 января петербургскому пролетариату.

Памятуя это, земцы, казалось бы, могли говорить, какъ люди, чувствующие, что выставляемые ими требованія будутъ поддержаны грозными народными массами. Но для этого, конечно, они должны были соответственно формулировать эти требованія. А это значило бы передать правительству объявленіе о войнѣ, предоставивъ ему самому предлагать либераламъ условія мировой сдѣлки. Это былъ бы путь революціонный, конечно, но онъ одинъ сдѣлалъ бы земское выступленіе началомъ конца абсолютизма.

Взамѣнъ этого, земцы начали съ указанія своихъ условій мира, они обѣщали укрѣпить режимъ при условіи, что двусмысленное, и ничтожное по своему содержанію, обѣщаніе рескрипта 18 февраля будетъ выполнено. Они обѣщали, слѣдовательно, отказаться отъ дальнѣйшаго «потрясанія основъ», если правительство пойдетъ на какуюнибудь сдѣлку съ тѣснымъ кругомъ представленныхъ ими слоевъ общества.

Если на экстренномъ земскомъ сѣздѣ «демократы» пожертвовали всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ избирательнымъ правомъ, чтобы побудить «шиповцевъ» подписать конституціоналистское заявленіе, то 6 іюня они уже самыя свои требованія формулировали въ

терминахъ пидовой программы. «Единеніе царя съ народомъ»—подъ этимъ знакомъ земскіе делегаты одержали свою Пиррову «побѣду» надъ бюрократіей.

«Вотъ ужъ годъ»,—пишетъ французскій журналистъ Люсьенъ Эррь (L'Humanité, 22 іюня), «какъ всё общественные классы, какъ всё естественно создавшіяся или искусственно созданныя группы русскаго народа, какъ всё сѣзды, союзы, собранія, свободомыслящія газеты соглашаются на одинаковой формулировкѣ трехъ главныхъ требованій: 1) немедленное прекращеніе войны, 2) немедленный созывъ учредительнаго собранія на основѣ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ, съ полномочіемъ установить новый режимъ на мѣсто самодержавно-бюрократическаго; 3) немедленное провозглашеніе адементарныхъ правъ гражданина—свободы слова и печати, собраній и союзовъ, неприкосновенности личности и т. д. Изъ этихъ трехъ основныхъ требованій кн. Трубецкой только неполно выразилъ одно лишь послѣднее; онъ ничего не сказалъ о первыхъ двухъ. Выразить ихъ, заявить ихъ значило бы, очевидно, ускорить развязку кризиса, значило бы стремительно бросить абсолютизмъ и націю въ рѣшительное столкновение, въ которомъ одинъ изъ двухъ долженъ быть побѣжденъ, значило бы открыть революцію. Делегация не осмѣлилась или не захотѣла повѣрить въ такой исходъ. Будущее, конечно, покажетъ, что она ошиблась».

«Умѣренность и осторожность всегда являются слабостью, когда они не составляютъ—какъ въ данномъ случаѣ—безумія и преступленія противъ націи (курсивъ нашъ). Эти люди знаютъ лучше насъ, что ихъ умѣренность и «терпимость» являются единственной опорой правительства и что оно погибло бы, еслибъ они осмѣлились обратиться съ воззваніемъ къ націи противъ него. Лучше насъ они знаютъ, что слова этого правительства живы, что его общанія лицемерны, что сердце его полно злобы, желчи, уязвленной гордости, неумолимой ненависти, и что только его трусость сдерживаетъ проявленіе яростнаго, упрямаго гнѣва. Кто знаетъ! Быть можетъ, отъ нихъ зависѣло вызвать революціонное движеніе, которое унесло бы существующій режимъ: склонясь съ довѣріемъ и признательностью передъ завѣдомо для нихъ лживыми и фальшивыми заявленіями правительства, они, быть можетъ, на время задержали освободительный порывъ націи».

«Надо, чтобы революція исправила ошибки либерализма».

Такъ разсуждаетъ «знакомый съ бурями французъ», безъ сомнѣнія, недостаточно знакомый съ предыдущей исторіей земскаго либерализма.

Надо полагать, что его разсужденія весьма и весьма не понравятся нашимъ «демократамъ». Это не мѣшаетъ имъ быть, какъ нельзя богѣ, логичными, съ точки зрѣнія челоуѣка, проникнутаго стремленіемъ увидѣть Россію свободной.

Земская делегація сдѣлала все возможное, чтобы отодвинуть моментъ рѣшительнаго разрыва между имущими классами и правительствомъ. Тѣмъ самымъ, она лишній разъ показала всю вздорность и реакціонность стремленій либерально-конституціоналистской партіи руководить общенароднымъ движеніемъ, направленнымъ на завоеваніе свободы.

Иронія судьбы захотѣла подчеркнуть этотъ отрицательный итогъ земской «побѣды». Какъ сообщаютъ иностранные корреспонденты, монархъ послѣ общаго рѣчей сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ каждому делегату и, между прочимъ, спросилъ И. И. Петрункевича, не состоитъ ли онъ предводителемъ дворянства? Получивъ отрицательный отвѣтъ, императоръ выразилъ надежду, что лидеръ демократовъ-конституціоналистовъ еще будетъ занимать этотъ почетный постъ.

Послѣ того, какъ кн. Трубецкой заявилъ въ своей рѣчи протестъ противъ сословнаго представительства, проектируемаго правительствомъ, эти слова монарха пріобрѣтаютъ, конечно, особый смыслъ. Русская буржуазная демократія формулируетъ свои требованія; ей отвѣчаютъ выраженіемъ увѣренности, что все останется по старому, вплоть до сословныхъ учреждений. На томъ пути, по которому Петрункевичи плетутся за традиціонныхъ земскихъ «либерализмомъ», нельзя перескочить черезъ должность «предводителя дворянства»!

* * *

Послѣ визита либераловъ, реакція подняла голову и, объявивъ военное положеніе въ Лодзи, покрывъ этотъ «польскій Манчестеръ» тысячею труповъ, объявила еще разъ, что представительное учрежденіе, которое будетъ дано земцамъ, будетъ носить чисто совѣщательный характеръ. Опубликованныя въ «Нов. Врем.» свѣдѣнія о выработываемомъ совѣтомъ министровъ законѣ о государственной думѣ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ этомъ. «Участіе народныхъ представителей въ законодательствѣ» будетъ организовано такъ «правильно», какъ могъ того пожелать самъ Плеве. Мудрые законодатели совѣта министровъ все предусмотрѣли—и прежде всего парламентскую обструкцію. Законопроектъ, неразсмотрѣнный государственной думой въ опредѣленный срокъ, получаетъ силу закона, помимо голосованія думы. Предсѣдатель—по назначенію—получаетъ тираническую власть надъ

думой и закрываетъ ей засѣданія послѣ предостереженій «депутатамъ» о томъ, что они выходятъ за извѣстные «предѣлы»: Наконецъ, дума двумя третями голосовъ исключаетъ неудобныхъ большинству депутатовъ, а съ другой стороны, только одобренные двумя третями голосовъ думы законопроекты разсматриваются государственнымъ совѣтомъ. Если ко всему этому прибавить, что, кромѣ законовъ, Россія будетъ продолжать управляться указами, то картина получится совершенно ясная.

Визитъ либераловъ могъ имѣть, съ ихъ точки зрѣнiя, одинъ только смыслъ: помѣшать рожденiю на свѣтъ такой «конституцiи». Они проиграли сраженiе.

«То, что испортилъ либерализмъ, должна исправить революцiя».

Л. Мартновъ.

„Красный“ флотъ.

(21-го iюня 1906-г., № 103).

16 iюня.

Передъ нами лежитъ листокъ бумаги, на которомъ неумѣлой рукой выведены слѣдующiя строка:

«Бѣдные, бѣдные матросы!.. Долго ли вы будете погибать ни за что? Долго ли вы будете жить въ темнотѣ, забытые хищнической дисциплиной? Скоро ли вы сбросите съ себя этотъ тяжкiй гнетъ и сдѣлаетесь свободными отъ гнетущаго васъ ига?»

Проснитесь же, проснитесь!»

Такими словами заканчивается письмо матросовъ черноморскаго флота, полученное нами на-дняхъ и помѣченное 11-мъ мая. Усиленное стремленiе излить свои чувства на бумагѣ стало проявляться среди матросовъ въ самое послѣднее время, когда революцiонное настроенiе въ матросской массѣ Севастополя стало расти съ каждымъ днемъ. Въ концѣ мая комитетъ крымскаго союза Р. С. Д. Р. П. сообщалъ, что среди матросовъ идутъ усиленные толки о томъ, чтобы овладѣть

броненосцами и идти на Одессу. Не прошло и недели, как телеграфъ принесъ извѣстiе о томъ, что «мечта» матросовъ осуществилась. Экипажъ «Князя Потемкина»—этого «Сахалина», какъ говорили матросы, имѣя въ виду каторжный режимъ, установленный на этомъ кораблѣ,—экипажъ адмиральскаго судна уничтожилъ своихъ командировъ, выкинулъ красное знамя и, присоединившись къ начавшейся до того всеобщей стачкѣ одесскихъ рабочихъ, превратилъ эту стачку въ возстанiе.

Что будетъ дальше? Что произошло уже послѣ этихъ грандіозныхъ по своему значенiю, фактовъ? Когда мы пишемъ эти строки, мы еще ничего не знаемъ, кромѣ сенсационныхъ и противорѣчивыхъ извѣстiй, наполняющихъ телеграммы швейцарскихъ газетъ. Слухи о возстанiи моряковъ въ Либавѣ, объ отказѣ одесскихъ солдатъ стрѣлять въ народъ, о присоединенiи всѣхъ севастопольскихъ матросовъ къ товарищамъ съ «Кн. Потемкина». Изъ всѣхъ этихъ извѣстiй послѣднее наиболѣе вѣроятно. Черезъ нѣсколько дней туманъ противорѣчивыхъ извѣстiй разсѣется, и мы узнаемъ—побѣдило ли дѣло свободы, на этотъ разъ начавшее борьбу, опираясь на вооруженную силу, или еще разъ о вѣщiя условiя, препятствующiя организаціи революціонныхъ силъ, разбилась геройская попытка.

Но если бы она и на этотъ разъ разбилась, если бы одесскому пролетариату и черноморскимъ морякамъ не удалось начать побѣдоноскаго по своимъ результатамъ возстанiя, значенiе совершившагося событія не поддается преувеличенiю. Ножъ революціи вошелъ въ самое сердце стараго порядка—его военныя силы поднялись противъ него. Тысячи сочувствующихъ революціи солдатъ увидятъ воочию, какъ это дѣлается, какъ «забитые хищнической дисциплиной» дѣлаются «свободными отъ гнетущаго ихъ ига», какъ солдатъ превращается въ гражданина. Ледъ сломенъ, революціонному пролетариату остается теперь только дерзать, теперь уже не можетъ быть сомнѣнiя, что вооруженная сила уйдетъ отъ правительства.

Дерзати! въ этомъ словѣ вся мудрость той революціонной тактики, которая подсказывается обстоятельствами момента. Начавшееся въ Одессѣ движенiе должно быть поддержано всѣми средствами. Болѣе благоприятнаго случая для побѣды трудно дожидаться. Убѣдившись въ одномъ пунктѣ, побѣдоносная революціа должна начать активное наступленiе на остальные области, подымая крестьянство, провозглашая народовластiе, мобилизуя городской пролетариатъ.

Революціонный инстинктъ и социалдемократическое сознанiе должны подсказать на мѣстахъ, какъ проводить эту тактику. Одно можно

только пожелать, чтобы ихъ дѣйствія были столь же рѣшительны и обдуманки, какъ первые шаги матросовъ.

Революція подвигается гигантскими шагами. Грандіозныя и трагическія событія лодзинскаго возстанія уже превзойдены черноморскими событіями. Творчество великой русской революціи неизсякаемо. Счастливы тѣ, кто сумѣетъ внести свою лепту въ это творчество!

Да здравствуетъ же русская революція! Да здравствуетъ народо-властие! Да здравствуетъ «красный» флотъ!

20-ое іюня.

Въ настоящій моментъ еще нельзя себѣ составить полнаго представленія о положеніи дѣлъ. Очевидно одно: всѣ слухи о сдачѣ «Потемкина»—наглая ложь правительства. Эскадра адм. Кригера, посланная для усмиренія «Потемкина», вернулась съ позоромъ въ Севастополь, не только не приведя «красный броненосецъ» къ повиновенію, но и потерявъ еще другой броненосецъ «Георгій Побѣдоносецъ». Последній, впрочемъ, повидимому, оказался менѣе стойкимъ, чѣмъ «Потемкинъ», и вступилъ въ переговоры о сдачѣ. Несомнѣнно также и то, что въ Одессѣ рабочимъ не удалось справиться съ вооруженкой охлой, и «Потемкинъ» съ малыми судами счелъ нужнымъ отправиться въ Румынію для того, чтобы запасти углемъ и провіантомъ. Что будетъ дальше?

Иностранная печать заполнена лживыми клеветническими сообщеніями, имѣющими цѣлью забросать грязью возставшихъ моряковъ. Нѣтъ той гнусности, которая не была бы пущена въ ходъ европейской печатью, лакействующей на двойной службѣ—у русскаго правительства, которое увидѣло себя на краю бездны, и у западной буржуазіи, которой встревоженное воображеніе рисуетъ картину грядущаго крушенія милитаризма. И въ то время, когда революціонеры-матросы провозглашаютъ освобожденіе русскаго народа, европейская печать третируетъ ихъ «пиратами» и «бандитами» и воспроизводитъ лживыя извѣщенія русскыхъ шпіоновъ о томъ, что матросы дѣйствовали въ состояніи опьяненія, что они жгли городъ и т. д.

Въ настоящее время, когда всѣ подробныя сообщенія телеграфныхъ агентствъ о сдачѣ «Потемкина» безъ единого выстрѣла были наглядно опровергнуты фактомъ появленія этого самаго «Потемкина» въ румынскихъ водахъ, когда выяснилось съ несомнѣнной очевидностью, что «безъ единого выстрѣла» отступилъ передъ Потемкинскимъ адмиралъ Кригеръ, боявшійся возмущенія остальныхъ броненосцевъ,—въ настоящее время неистощимые въ измышленіяхъ офиціозы увѣряютъ, что экипажъ «Потемкина» истощенъ голодомъ и лишенъ угля, такъ

что вынужденъ будетъ сдаться въ скоромъ времени. Увидимъ, не придется ли въ ближайшемъ будущемъ отказаться и отъ этой выдумки.

Л. Мартосъ.

Черноморское возстаніе.

(1 іюля 1905 г. № 104).

Черезъ 11 дней послѣ того, какъ на немъ взвилось красное знамя, «Князь Потемкинъ» сложилъ оружіе, а экипажъ его высадился въ Румынію. Первая попытка вооруженнаго возстанія не удалась. Къ счастью, эта неудавшаяся попытка стоила революціи, сравнительно, немного жертвъ, и это обстоятельство въ высокой степени увеличиваетъ революціонное дѣйствіе, которое она окажетъ, несмотря на неудачи, на народныя массы.

Въ настоящій моментъ мы еще не обладаемъ достаточнымъ количествомъ данныхъ, чтобы всесторонне выяснить вопросъ о причинахъ неудачнаго конца столь успѣшно начатаго дѣла. Но кое-какими данными мы располагаемъ, а потому имѣемъ возможность подвести нѣкоторые итоги этому событію русской революціи, затмившему собою всё ея предыдущіе этапы.

И прежде всего, мы имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы судить о возникновеніи самаго возстанія моряковъ. Мы знаемъ, что поводомъ къ нему послужило столкновеніе команды съ офицерами, сопровождавшееся убійствомъ одного товарища. Случайная искра зажгла пожаръ, для котораго революціонная работа подготовила достаточное количество горючаго матеріала.

Это обстоятельство съ самаго начала опредѣлило характеръ возстанія и задачи, поставленныя имъ революціонерамъ. Въ головахъ организованныхъ матросовъ давно уже зародился опредѣленный планъ того возстанія, которое они начнутъ, овладѣвъ всѣми судами. Согласно этому плану, революціонный флотъ забираетъ Одессу, поднимаетъ возстаніе на Кавказѣ. Вы же, говорили матросы Крымскому

Союзу, дайте въ это время знать Польшѣ и Петербургу, чтобы поддержали.

Нельзя ничего возразить по существу противъ этого плана; можно сказать, что онъ самъ собой напрашивался, какъ выходъ изъ даннаго положенія революціонныхъ силъ. Однако, прежде чѣмъ организаціей могли быть приняты хотя бы тѣ дѣйствія, которыя являлись обязательными въ силу вѣроятности въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ общаго возстанія черноморскихъ моряковъ, — наступили тѣ событія, которыя съ быстротой молніи переиначили всю обстановку намѣченнаго плана и поставили передъ революціонерами вопросъ—или отступить, или рѣшительно идти впередъ? Матросы избрали второе, и дѣйствія ихъ вполне соответствовали обстоятельствамъ. Въ Одессѣ въ то время рабочими велась баррикадная битва, и это обстоятельство подсказывало имъ совершенно новый планъ дѣйствій.

Съ самаго начала, слѣдовательно, на этомъ возстаніи сказалась типичность столь обычныхъ еще упованій на повсемѣстное возстаніе, начатое «по плану». Къ возстанію приближаетъ прежде всего широкая агитаціонная дѣятельность; а ея развитіе, по необходимости, вызываетъ въ массахъ то революціонное броженіе, которое не ждетъ сигнала свыше, чтобы вылиться въ отдѣльномъ возстаніи. Задача организаціи революціи начинается съ того момента, когда возстаніе вспыхнуло или неудержимо готово вспыхнуть: возможность этой организаціи и всѣхъ подготовительныхъ для ея успѣха дѣйствій дается общей революціонной атмосферой, въ которой возникаютъ возстанія, не какъ случайные эпизодическіе акты, но какъ необходимыя слѣдствія острого отозвученія общественныхъ силъ.

Задача организаціи революціи стала передъ социалдемократами, когда внезапно вспыхнувшее возстаніе отдало имъ въ руки грозную боевую силу. Приходилось составлять планъ борьбы примѣнительно къ данному положенію. Прежде всего—связать возставшій экипажъ съ борющимися на улицахъ Одессы пролетариатомъ и объединить эти два движенія одной политической программой. Матросы такъ и поступили. Прибытіе броненосца въ Одессу и выставленіе его экипажемъ революціонной программы подняло революціонное самосознаніе одесскаго пролетариата, устроившаго морякамъ восторженную встрѣчу. Мы не знаемъ, какъ ихъ встрѣтила либерально-демократическая часть буржуазіи. Отдѣльныя фразы въ полученныхъ письмахъ заставляютъ думать, что ея политическое поведеніе было ниже всякой критики и заслуживаетъ самаго суроваго осужденія. Само собой разумѣется, что происшедшія вскорѣ послѣ прибытія «Потемкина» вспышки «босицкаго

бунта» съ поджогами и грабежами не могут оправдать враждебнаго или даже пассивнаго отношенія общества къ случившейся въ его двери народной революціи...

Прибывъ въ Одессу, «Потемкинъ» сталъ на стражѣ волновавшагося и манифестировавшаго пролетаріата. Представители послѣдняго приглашали матросовъ къ энергичнымъ активнымъ дѣйствіямъ. Предложенный одеситами планъ борьбы заключался въ высадкѣ части матросовъ на берегъ, вооруженіи рабочихъ излишнимъ оружіемъ, бывшимъ на кораблѣ, и занятіи города народомъ, во главѣ котораго, подъ охраной пушекъ броненосца, пошли бы моряки. Повидимому, этотъ планъ являлся наиболѣе дѣлесообразнымъ. Воспользоваться первымъ моментомъ дезорганизациі власти, чтобы напасть на нее и попытаться увлечь на свою сторону колебавшіеся полки — это значило повести борьбу при наиболѣе благоприятныхъ условіяхъ. Взять городъ въ свои руки, провозгласить въ немъ низверженіе правительственной власти и организовать демократическое самоуправленіе гражданъ — подобно тому какъ матросы «Потемкина» организовали на броненосцѣ всенную республику — значило дать возстанію политическій центръ, дать ему политическую организацію. Это значило — могучимъ движеніемъ вызвать наружу все скрытыя въ различныхъ слояхъ населенія революціонныя силы, побудить буржуазную демократію занять опредѣленное отношеніе къ провозглашенной политической свободѣ, дать окрестному, только что поднявшемуся, крестьянству, опорный пунктъ для организаціи своего революціоннаго самоуправленія, дать всей остальной Россіи стимулъ перейти къ активной борьбѣ. Начавшееся на военномъ кораблѣ возстаніе должно было стараться возможно скорѣе укрѣпить въ городѣ.

Возставшіе матросы не рѣшились принять предложеніе одесскихъ социалдемократовъ. Они находили, что высадка части экипажа до того, какъ опредѣлится отношеніе остальной части флота, нецѣлесообразна. Здѣсь невозможно восторженно выяснитъ, насколько были ихъ соображенія вѣрны. Ясно, что, имѣя въ тылу еще не ушедшій изъ рукъ правительства флотъ, они могли считать рискованной высадку на сушу. Но, съ другой стороны, взятіе народомъ Одессы само явилось бы тѣмъ событіемъ, которое ускорило бы переходъ остальныхъ судовъ на сторону народа. Если же приходилось дожидаться появленія эскадры Кригера, то, дождавшись ея отступленія передъ краснымъ флагомъ «Потемкина» и выяснивъ, что настроеніе массы матросовъ въ данный моментъ не позволяетъ правительству принять сраженіе, матросы, очевидно, могли вернуться къ первоначальному плану одесскихъ со-

ціалдемократовъ, хотя бы при болѣе худшихъ, чѣмъ за два дня до того, условіяхъ.

Бомбардировать Одессу матросы не рѣшились. Они объяснили корреспондентамъ иностранныхъ газетъ въ Румыніи, что не желали раззорять бѣдной части населенія. Не принявъ плана высадки въ Одессѣ, что могли они еще сдѣлать? Идти на Кавказъ, чтобъ, высадившись тамъ, дать толчекъ къ народному возстанію?..

Но надо признать, что, поставивъ свои дѣйствія въ зависимость отъ пассивнаго поведенія остальныхъ судовъ и понимая, что этой пассивностью морскія власти попытаются воспользоваться, чтобы сколотить себѣ хоть маленькій, но надежный отрядъ,—зная это, «Потемкинъ» имѣлъ основаніе считать нападеніе на пока еще спокойный Кавказъ рискованнымъ предпріятіемъ, которое, при неудачѣ, могло позволить Кригеру отрѣзать броненосцу всякое отступленіе. При такихъ условіяхъ плаваніе по Черному морю становилось безцѣльнымъ, и, рано или поздно, оставалось выбрать лучший изъ оставшихся исходовъ—ликвидировать возстаніе, эмигрировавъ на иностранную терриорію.

Такимъ образомъ, наиболѣе благоприятный моментъ для развитія возстанія былъ упущенъ въ первые дни по прибытіи въ Одессу. Естественно возникаетъ вопросъ: не потому ли проиграно дѣло, что в сѣ ожидали дальнѣйшихъ инициативныхъ дѣйствій отъ «Потемкина»? Не потому ли проиграно дѣло, что одесскія организаціи не попытались перейти въ наступленіе, не дожидаясь десанта съ «Потемкина», что военные кружки въ Одессѣ не попытались немедленно начать «солдатскій бунтъ», чтобы перевести на сторону революціи какую нибудь военную часть, что организованные матросы въ Севастополѣ не постарались увлечь хотя бы еще одно судно на путь возстанія?

Мы нарочно ставимъ эти вопросы, хотя хорошо знаемъ, что знакомые съ обстоятельствами дѣла люди могутъ отвѣтить: это было, въ данномъ положеніи, немислимо. Возможно, что такъ. Но это только и значить, что дѣйствительной причиною неудачи явилась общая неподготовленность къ возстанію данныхъ революціонныхъ элементовъ.

Знали ли одесскіе рабочіе—широкіе слои ихъ—каковы задачи рабочаго класса по отношенію къ народному выступленію? Знали ли они, до какой степени успѣхъ зависить отъ рѣшительныхъ коллективныхъ дѣйствій всѣхъ слоевъ народной массы, бьющихся въ одну точку, смѣщающихъ правительственную власть, «развязывающихъ» народную революцію? Привыкли ли они къ плановѣрнымъ массовымъ дѣйствіямъ

опирающимся на широкія народныя массовыя же организаціи? Привыкли ли они, научились ли они выступать какъ политическій а в а н г а р д ъ народа, заинтересовывая въ успѣхъ непролетарскіе слои населенія, знакома ихъ съ политическимъ смысломъ революціи? Знали ли ближніе крестьяне, что имъ надо идти въ городъ? Знали ли рабочіе окрестныхъ городовъ, что имъ надо во что бы то ни стало помѣшать концентраціи правительственныхъ силъ въ Одессѣ, что они должны разрушать желѣзныя дороги, устраивать желѣзнодорожныя стачки, отвлекать войска собственными «безпорядками»?

Очевидно, на всё эти вопросы приходится дать отрицательный отвѣтъ. И этотъ отрицательный отвѣтъ, давая объясненіе главнымъ причинамъ неудачи возстанія, даетъ и разрѣшеніе вопроса о томъ, что же дѣлать для успѣха въ будущемъ.

Но мы не исчерпали всего вопроса о недочетахъ социалдемократіи, если бы не упомянули объ обнаружившейся въ эти дни слабости организаціи. Изолированность мѣстныхъ движеній снова оказалась въ ясной формѣ. Черезъ четыре дня послѣ прибытія «Потемкина» въ Одессу, въ Николаевѣ, охваченномъ всеобщей забастовкой и волненіями рабочихъ, организованные рабочіе имѣли самыя смутныя свѣдѣнія о какомъ-то «бунтѣ матросовъ». Цѣль, преслѣдуемая правительствомъ—изолировать охваченную пожаромъ мѣстность—оказывается для него достижимой, благодаря, въ значительной мѣрѣ, «кустарному» характеру социалдемократической работы, искусственно закрѣпленному утопическими представленіями о такомъ централизмѣ, который сдѣлаетъ ненужной для каждой мѣстной группы заботу о связываніи даннаго движенія тысячами организаціонныхъ нитей съ окрестными движеніями.

Еще въ письмѣ о вооруженіи, съ которымъ «Искра» обратилась къ организаціямъ сейчасъ послѣ 9 января, было указано на то, что обычное представленіе о «подготовленномъ и назначенномъ» возстаніи, однимъ ударомъ свергающемъ существующее правительство и замѣняющемъ его новымъ,—что это представленіе, въ лучшемъ случаѣ, покоится на подмѣнѣ все народнаго возстанія—возстаніемъ столичнаго населенія, на подобіе тѣхъ, какія рѣшали судьбу революціи во Франціи. Этому представленію противопоставлялась тогда же картина революціи, вспыхивающей гдѣ либо вообще, въ одной изъ многочисленныхъ, охваченныхъ движеніемъ, областей Россіи, и планомерно распространяющейся на всю страну съ перспективой послѣдняго удара въ правительственномъ центрѣ. За вѣроятность такого хода событий говорятъ особенныя условія возникновенія и развитія русскаго рево-

люціоннаго движенія и—не въ послѣдней мѣрѣ—боевая гегемонія въ немъ социалистическаго пролетаріата.

Представленіе о революціонномъ центрѣ, двигающемъ по ниточкамъ милліонами возрастающаго во всѣхъ концахъ Россіи народа, принадлежить къ числу худшихъ продуктовъ распаленной фантазіи «героевъ голубинаго полета». Партизаны такого рода «командованія революціей» обыкновенно упускаютъ дѣйствительныя возможности направить ходъ событій подъ предлогомъ, что еще не назрѣлъ моментъ для желѣмага ими «подготовленнаго и назначеннаго возстанія». Представленіе о послѣднемъ съ другой стороны, понижаетъ активность тѣхъ революціонныхъ группъ, которымъ приходится имѣть передъ собой подлинно возставшую массу и которыя ждутъ не отъ себя, не отъ своей инициативы, а отъ кого то другого (или отъ стихій), распространенія вспыхнувшей революціи за первоначальныя ея предѣлы.

Если вѣрно, что страна «вплотную» подошла къ всенародному возстанію—а это въ извѣстномъ смыслѣ вѣрно,—то каждое успѣшное частичное возстаніе можетъ сдѣлаться исходной точкой возстанія всероссійскаго. Революционеры въ этомъ случаѣ могутъ сдѣлать возставшую мѣстность центромъ, не дожидаясь активныхъ дѣйствій революціонныхъ элементовъ въ другихъ мѣстностяхъ, но, напротивъ, стимулируя эти послѣднія... Когда кругомъ накопилось столько горячаго матеріала, когда не хватаетъ только надежды населенія на побѣду, тогда такая тактика для уже одержавшихъ успѣхъ революционеровъ представляется обязательной. Поэтому, и организаціонная работа должна ставить себѣ цѣлью прежде всего обезпечить возможность управлять большими массами.

Сказаннаго достаточно, чтобы изъ неудачи, постигшей «Потемкина», сдѣлать еще разъ тѣ выводы, къ которымъ пришла обще-партійная конференція «меньшинства» въ своей резолюціи. Только усиленное выполненіе всѣми социалдемократами намѣченной въ этой резолюціи программы дѣйствій позволитъ въ будущемъ добиться большихъ непосредственныхъ результатовъ...

Что же касается результатовъ косвенныхъ, то возстаніе матросовъ «Потемкина», несмотря на свою конечную неудачу, оказало громадную услугу революціи. Эра перехода военныхъ силъ на сторону народа открылась. Правительственныя силы деморализованы. Въ солдатскую и офицерскую среду внесень духъ «мятежа». Отнынѣ революціонное движеніе въ арміи будетъ идти гигантскими шагами. И это обстоятельство все чаще будетъ ставить вопросъ объ использованіи дающихся въ руки военныхъ силъ революціи. Вотъ почему обязан-

ностью всей партіи является постараться, чтобы вновь полученный урок не пропал даромъ. Необходимо самымъ широкимъ образомъ ознакомить народныя массы съ закончившейся только что попыткой возстанія, надо популяризировать среди нихъ социалдемократическую программу революціонныхъ дѣйствій, надо возможно шире ставить весь вопросъ передъ организованными солдатами. Тогда только неудавшееся, какъ въ возстаніе, предприятие «Потемкина» само сыграетъ громадную роль въ дѣлѣ подготовки населенія къ побѣдоносной борьбѣ. Тогда только, по выраженію резолюціи, принятой конференціей, приобретаютъ значеніе и техническія приготовленія.

Исторія знаетъ неудачныя возстанія, имѣвшія болѣе революціонное значеніе, чѣмъ иные побѣды повстанцевъ. Возстаніе «Потемкина» принадлежитъ къ числу такихъ «неудачныхъ» возстаній. Революционерамъ не приходится сожалѣть, что взрывъ на «Потемкинѣ» произошелъ до того, какъ матросамъ удалось подготовить возстаніе во всемъ флотѣ.

Л. Мартосъ.

Демонстрація бюрократіи.

(1 іюля 1905 года, № 104).

Земская депутація 6-го іюня сдѣлала несомнѣнно, съ своей стороны, все возможное, чтобы превратить свое хожденіе въ смѣшной фарсъ. Накланявшись по всемъ канцеляріямъ, пожавъ руки всей «высоко поставленной» шайкѣ, обмѣнявшись визитами съ генераль-кнутабойцемъ Треповымъ, она, если не одвинула пресловутую «стѣнку бюрократіи», отдѣляющую «царя отъ народа», то, по крайней мѣрѣ, ползкомъ пробралась подъ нее и предстала передъ монархомъ. Но это эффектное положеніе депутація сумѣла использовать лишь затѣмъ, чтобы какъ можно больше и «убѣдительнѣе» поговорить и какъ можно меньше сказать. Въмѣсто «народныхъ трибуновъ», передъ трюмомъ предстали обыкновеннѣйшіе болтуны, ужомъ извивавшіеся въ искусно-построенныхъ оборотахъ рѣчи и старательно обходившіе «опасныя» мѣста. Какъ

ни грустно, приходится признавать, что горькая правда, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ думалъ авторъ, заключается въ словахъ члена другой депутаціи, гр. Вобринскаго: «это люди словоохотливые, одаренные краснорѣчіемъ, но для которыхъ суть дѣла и корень вопросовъ всегда готовы ступешаться передъ красотой слова». Какъ иначе оцѣнить людей, ведущихъ «борьбу» противъ самодержавія и требующихъ въ тоже время чтобы самодержецъ сталъ «царемъ всего народа»? Немудрено, что даже косноязычная бюрократія побилла рекордъ въ составленіи съ краснорѣчивѣйшимъ профессоромъ кн. Трубецкимъ и сказала ясно то, что хотѣла—о «самобытныхъ» началахъ—между тѣмъ, какъ профессору, того, что онъ «хотѣлъ», сказать несомнѣнно не удалось. И сѣтельный «врагъ бюрократіи» оказался столь одурченнымъ, что считъ даже совмѣстнымъ со своимъ достоинствомъ принять порученіе писать «записку» объ университетскомъ вопросѣ, утѣшаясь тѣмъ, что она прямо попадетъ куда слѣдуетъ, минуя ненавистную «бюрократію», которю, очевидно, въ придворной канцеляріи пахнетъ!

Но если либеральная депутація возлюбила фигуру умолчанія, то русская революція не оказалась солидарной съ нею. Иваново-Вознесенскъ, Тифлисъ, Батумъ, Лодзь, Варшава, Кронштадтъ, Либавъ, Одесса, Севастополь не только громко досказали то, о чемъ либералы «хотѣли» говорить, но не говорили, но сказали и много такого, о чемъ «земскіе люди» говорить и въ мысляхъ не имѣли. Русская революція поправила дѣло, испорченное либерализмомъ, и даетъ ему возможность, теперь, на предстоящемъ новомъ земскомъ съѣздѣ, сказать, наконецъ, серьезное слово, а словомъ этимъ не можетъ быть ни что иное, какъ полная и безусловная апелляція къ народу, съ полнымъ и безусловнымъ признаніемъ требованій народа. Не новыя обличенія «бюрократіи», не измышленія цензовыхъ нормъ, которыя такъ или иначе лишили бы народъ полноправнаго участія въ представительствѣ, не безсодержательныя «компромиссныя» формулы ради сохраненія «единогласія», но только открытыя революціонныя дѣйствія дадутъ возможность либерализму сыграть серьезную роль въ дѣлѣ русскаго освобожденія. Иначе новый земскій съѣздъ будетъ ни чѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ стараго фарса. Посмотрите: вѣдь вся страна превратилась въ одинъ кипящій котелъ, возстаніе вспыхиваетъ то тутъ, то тамъ, флотъ и армія явно перестаютъ быть послушнымъ орудіемъ тираніи и все чаще и чаще сами выступаютъ въ роли зачинщиковъ активной борьбы со старымъ режимомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, занятіе японцами Сахалина и появленіе японской эскадры передъ Владивостокомъ служатъ грознымъ предупрежденіемъ о близости новаго ужаснаго разгрома! Неужели въ

такое время демократія займется снова улавливаніемъ въ свои сѣти гг. Шиповыхъ и другихъ кандидатовъ въ министры и отрѣжетъ себя отъ мощнаго потока народной революціи? Революція исправила ошибку и преступленіе, совершенаго либерализмомъ и демократіею. Но революція не всегда будетъ такъ терпѣлива и карающимъ мечомъ обрушится на тѣхъ, кто будетъ упорно закрывать глаза на ея уроки. Пусть вспомнятъ это тѣ, которые соберутся на съѣздъ 6-го іюля!

Исправивъ ошибки либераловъ и придавъ серьезный смыслъ задуманному ими фарсу, революція, наоборотъ, превратила въ фарсъ серьезно задуманную демонстрацію реакціи. На «выходъ» земцевъ бюрократія задумала отвѣтить демонстраціей, и на 21-ое іюня была призвана депутація «Союза русскихъ людей». Три графа, дворянинъ-аристократъ и генералъ явились, чтобы говорить отъ имени этого центрального комитета «черныхъ сотенъ». Народъ—въ образѣ одного старообрядца, одного мѣщанина и четырехъ крестьянъ, былъ призванъ, чтобы своимъ одобрительнымъ мычаніемъ придать вѣсъ заявленіямъ черносотенныхъ атамановъ. Дворяне говорили, народъ молчалъ...

Нужно признаться, и на этотъ разъ слуги реакціи не оказались «краснобаями» и съ полнымъ правомъ могли, въ приведенныхъ нами выше словахъ гр. Бобринскаго, съ высококомѣрнымъ презрѣніемъ отозваться насчетъ затемняющаго «суть дѣла и корень вопроса» краснорѣчія своихъ либеральныхъ соперниковъ. Господа Шереметевы и Бобринскіе «суть дѣла» сказали прямо: продолженіе войны во что бы то ни стало, новыя мобилизаціи, новые налоги, водвореніе «порядка», сохраненіе въ неприкосновенности самодержавія и, прежде всего, сохраненіе сословности—вотъ чего они дѣйствительно желаютъ и вотъ что они прямо сказали. Они не заявляли, что «не считаютъ себя призванными» обсуждать формы будущаго представительства, а напрямикъ отрѣзали, что «представительство» намъ «не свойственно», что Земскій Соборъ не есть и не долженъ быть представительствомъ, а простой совѣщательной комиссіей, въ которой каждое сословіе подаетъ свой голосъ отдѣльно и т. д. и т. д. Словомъ, сказали именно то, что хотѣли.

Но реакціонная демонстрація запоздала! И хотя «народъ» мычалъ о готовности крестьянъ и рабочихъ «жертвовать всѣмъ для пользы царя и родины, чтобы помочь побѣдить врага и восстановить порядокъ», но «Князь Потемкинъ» и всѣ событія послѣднихъ дней сплошномъ грозной картиной стояли передъ очами бюрократіи, чтобы она могла дать волю своимъ «чувствамъ», опираясь на стоявшую передъ нею хулиганско-дворянскую рать. Въ отвѣтъ на рѣчи «господъ» и привѣтствія «братцевъ», дышавшія готовностью тащить и не пущать, имъ не было

уже сказано ничего о «самобытных» началах, а, наоборот, указано на то, что «сама жизнь» «укажетъ пути»... Самодержавное правительство можетъ быть спокойно: «жизнь» знаетъ твердо «путь» свой, но на этомъ пути нѣтъ мѣста «родной старинѣ»!

Демонстрація самодержавія не удалась. Добровольный фарсъ либерализма дополнился невольнымъ фарсомъ реакціи. Пусть подумаютъ надъ этими уроками революціи тѣ, кому сіе вѣдать надлежитъ...

Ф. Данъ.

Оборона или наступленіе.

(18 іюля 1905 г., № 106)

Все ближе и ближе придвигается день, въ который собираются «осчастливить» Россію, кромѣ военной диктатуры, черныхъ сотенъ и казацкихъ драгонадъ, еще и «представительнымъ» учрежденіемъ въ византійско-домостроевскомъ стилѣ. За послѣднее время, правда, внушительная логика событій заставила, повидимому, и въ скорбной головѣ бюрократіи зашевелиться мысль о необходимости нѣсколько «европеизировать» построенное ею зданіе «представительства». Въ иностранной печати уже появились извѣстія о различныхъ узорахъ и пристройкахъ, которыми самодержавная бюрократія думаетъ прикрыть болѣе чѣмъ «самобытный» фасадъ булыгинской государственной думы. Но всё эти карнизики, балкончики и галлерейки столь мало мѣняютъ существо дѣла, что—если «благимъ намѣреніямъ» суждено осуществиться въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ—мы должны, несомнѣнно, считаться съ возможностью «представительства» того именно специфическаго типа, какой былъ предъявленъ въ булыгинскомъ проектѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ встаетъ все настоятельнѣе вопросъ: что дѣлать, какъ реагировать на этотъ новый актъ самодержавно-бюрократической политической мудрости? Вопросъ этотъ оживленно обсуждается не только въ рядахъ социалдемократіи. Имъ занимался земскій съѣздъ, на него еще раньше далъ отвѣтъ «Союзъ союзовъ». Бойкотировать ли

или не бойкотировать булыгинскую думу? Стараться ли привлечь народные массы къ реактивванію на союзныя думы, и если да, то въ какой формѣ и съ какими цѣлями? Тѣ или иные отвѣты на эти вопросы и опредѣляютъ собою основные контуры тактики по отношенію къ данному политическому моменту.]

Въ статьѣ «Къ современному положенію» мы пытались намѣтить эти контуры, какъ они представляются намъ съ точки зрѣнія партіи пролетариата. Но вопросъ настолько важенъ, что не мѣшаетъ еще разъ подробнѣе остановиться на немъ.

Мы знаемъ, что земскій съездъ оставилъ открытымъ вопросъ относительно бойкота булыгинской думы. «Союзъ союзовъ» же высказался за такой бойкотъ. Необходимо подвергнуть позицію, занятую либерализмомъ и демократіей, критической оцѣнкѣ съ точки зрѣнія нашей собственной тактики и извлечь изъ этой позиціи возможно больше элементовъ для раздуванія революціоннаго пожара и для классоваго самоопредѣленія пролетариата.

Основной принципъ нашей тактики въ переживаемое революціонное время—это стремленіе не останавливать развитія революціи, а, наоборотъ, развязать ее, употребить всѣ усилія, чтобы придать революціонному процессу возможно большую экстенсивность и интенсивность, помочь ему до дна всколыхнуть застоявшееся всероссійское болото. Съ этой точки зрѣнія, всякое завоеваніе, сдѣланное народомъ въ революціонной борьбѣ, для насъ цѣнно, прежде всего, какъ опорный пунктъ для дальнѣйшихъ революціонныхъ шаговъ. Отсюда вытекаютъ два вывода. Во первыхъ, такъ какъ непрерывное поступательное движеніе революціи совершенно невозможно безъ одновременнаго прогрессивнаго роста концентраціи и организаціи широкихъ народныхъ массъ, то наша тактика должна всегда быть направлена къ тому, чтобы вносить такое концентрирующее и организующее начало въ нашу дѣятельность. Создавать своего рода агитаціонныя трибуны все большаго и большаго масштаба и использовать всѣ возможности, представляющіяся для такого созданія, съ одной стороны, и организовывать массы на почвѣ агитаціи, раздающейся съ этихъ трибунъ, съ другой—наша непосредственная задача. Это—первый выводъ изъ основнаго принципа нашей революціонной тактики. Второй же выводъ заключается въ томъ, что всякое вызываемое нами массовое движеніе имѣетъ для насъ значеніе не въ качествѣ изолированнаго, самодовлѣющаго явленія, а лишь какъ одно изъ звеньевъ той цѣпи массовыхъ движеній, которая все укрѣпляетъ и расширяетъ революціонную организацію массъ, организуетъ всенародное выступленіе.

Удовлетворяет ли этимъ условіямъ тактика безусловнаго бойкота проектированной «думы», принятая «союзомъ союзовъ»? Нѣтъ сомнѣнія, что, несмотря на всю свою каррикатурность, и отчасти даже именно вслѣдствіе этой каррикатурности и грубѣйшаго нарушенія всѣхъ политическихъ правъ народа, булыгинская дума дала бы въ руки революціи огромный агитаціонный матеріалъ. Она дала бы во всякомъ случаѣ тотъ всероссійскій пунктъ концентраціи политическаго вниманія народныхъ массъ, который крайне полезенъ для объединенія и усиленія политической агитаціи. Агитація, широко развернутая вокругъ вопросовъ о самомъ составѣ думы, о порядкѣ ея функціонирования, вокругъ вопросовъ, поднимаемыхъ въ самой думѣ, и рѣшеній, даваемыхъ ею, несомнѣнно, дала бы богатѣйшій матеріалъ для политическаго воспитанія массъ и революціонной организаціи ихъ. Отвергать эту трибуну, при всѣхъ ея недостаткахъ, цѣлесообразно съ нашей точки зрѣнія лишь въ томъ случаѣ, если мы одновременно создаемъ взамѣнъ ея лучшую трибуну, лучшіе пункты концентраціи политическаго вниманія и революціонной организаціи.

Рѣшились ли «союзы», постановляя бойкотъ булыгинской думы, создать одновременно другіе, болѣе выгодные въ агитаціонномъ и организуемомъ отношеніи, пункты политическаго тяготѣнія? Нѣтъ, они ограничились однимъ бойкотомъ *pur et simple*.

Правда, бойкотъ дополняется въ ихъ представленіи демонстративной политической забастовкой. Но, не говоря уже о томъ, что проведеніе всеобщей забастовки разсчитано лишь на элементы народной массы, уже такъ или иначе втянутые въ круговоротъ политическаго движенія, и оставляетъ совершенно въ сторонѣ многомиліонную массу крестьянства, по самому положенію своему лишеннаго возможности «бастовать»,—не говоря объ этомъ, и самая забастовка рабочихъ и лицъ интеллигентныхъ профессій мыслится, именно, какъ «демонстрація», какъ изолированный, самодовлѣяющій актъ выраженія недовольства, долженствующій оказать «моральное» вліяніе. Предполагается не взрывъ стихійнаго движенія, по отношенію къ которому задача сводится къ тому, чтобы раздуть пламя до крайнихъ возможныхъ предѣловъ, до уличнаго выступленія, до революціи. Нѣтъ; имѣется въ виду мирная манифестація, которая въ 3—4 дня должна завершить свой циклъ и которая направлена не къ революціонному захвату народомъ тѣхъ правъ, которыхъ его лишили, а лишь къ выраженію протеста противъ такого лишенія, причемъ, конечно, предполагается, что давленіе этого протеста побудитъ «власть имущихъ» къ «уступкамъ», которыя предотвратятъ революцію. Не намѣ-

тивъ никакой опредѣленной боевой задачи тому движенію массъ, которое они проектируютъ въ видѣ всеобщей забастовки, «союзы» вырвали изъ него революціонное жало.

Вотъ почему, несмотря на свою революціонную и радикальную вѣдливость, тактика, принятая «союзомъ союзовъ», на самомъ дѣлѣ, отличается крайнею пассивностью. И себѣ самимъ, и массѣ «союзы» отводять чисто пассивную роль. Это—нѣчто вродѣ политическаго «непротивленія злу». Во злѣ не участвуютъ, противъ него протестуютъ, но съ нимъ и не борются активно, сидѣ зла не противопоставляютъ силу добра ¹⁾).

И какъ всякая пассивная тактика, и намѣченная «союзомъ союзовъ», несомнѣнно, вредятъ интересамъ народныхъ массъ.

При неудачѣ, или неполной удачѣ—она ведетъ лишь къ самоустраженію сознательныхъ элементовъ. Она даетъ возможность организоваться—въ данномъ случаѣ на почвѣ государственной думы—темнымъ и реакціоннымъ силамъ и оставляетъ въ хаотическомъ состояніи элементы прогрессивные, понижая, такимъ образомъ, ихъ относительную силу или, въ лучшемъ случаѣ, оставляя ихъ въ томъ же положеніи, не двигая впередъ.

При удачѣ—она ведетъ къ ряду уступокъ со стороны правительства, уступокъ, которыя, въ свою очередь, ведутъ къ умиротворенію и откатыванію одного за другимъ верхнихъ слоевъ оппозиціонныхъ элементовъ и изолируютъ въ безправіи «нижшіе классы», остающіеся, при послѣдовательномъ проведеніи такой тактики, политически неорганизованными. И нужно имѣть слишкомъ много наивной вѣры въ имманентную гражданскую доблесть либерализма и демократіи, чтобы не предвидѣть заранѣе того момента, когда именно противъ этихъ низшихъ классовъ, вѣсомъ своего стихійнаго движенія вынудившихъ правительство къ уступкамъ, встанутъ всѣ умиротворенные слои оппозиціи.

Вотъ почему мы никакъ не можемъ согласиться съ товарищемъ, приславшимъ намъ на-дняхъ письмо, посвященное вопросу о нашей тактикѣ по отношенію къ созыву государственной думы. Этотъ това-

¹⁾ Статья эта была набрана, когда въ англійскихъ газетахъ появилось извѣстіе, что «союзъ союзовъ», совместно съ земскою лѣвой, рѣшилъ выступить на путь болѣе активной тактики въ направленіи, намѣченномъ нами здѣсь и указанномъ уже раньше въ ст. „Ель современному положенію“. Остается выждать болѣе подробныхъ свѣдѣній, чтобы оцѣнить, насколько послѣдовательно пошла „конституціонно-демократическая партія“ по новому пути.

ришъ выходить изъ того предположенія, что совѣтъ думы никакимъ образомъ не можетъ послужить «толчкомъ къ всероссійскому вооруженному возстанію пролетаріата». Онъ полагаетъ, что «такъ какъ пролетаріату то и не придется участвовать въ выборахъ», то «тутъ не можетъ быть мѣста избирательной агитаціи». Остается, стало быть, за «невозможностью» возстанія, «другая реакція со стороны пролетаріата, физически, можетъ быть, менѣе яркая, но болѣе внушительная въ качествѣ демонстрація (курсивъ нашъ) его сознательной политической зрѣлости». «Единственной (курсивъ нашъ) формой активнаго выступленія пролетаріата можетъ быть въ данномъ случаѣ всеобщая политическая забастовка во имя всеобщаго избирательнаго права и учредительнаго собранія. Эта забастовка могла бы быть кратковременной, хотя бы въ нѣсколько дней, пробной мобилизаціей политическихъ силъ социалдемократіи, практической цѣлью которой должно быть политическое давленіе на тѣ классы общества, которые будутъ призваны въ выборамъ...» Угроза вторичной, уже не «пробной» всеобщей забастовкой «со всѣми ея осложненіями, легко предвидимыми въ этомъ случаѣ, явилась бы гарантіей достаточно сильнаго вліянія этой первой политической забастовки на все общество, а въ томъ числѣ и на избирателей». Такъ говоритъ авторъ письма.

Сравнимъ предлагаемую имъ тактику съ тактикой «Союза союзовъ». Отличіе состоитъ въ томъ, что авторъ письма исходитъ изъ предположенія, что дума не бойкотируется избирателями. Но такъ какъ пролетаріатъ къ числу «избирателей» не принадлежитъ, то вопросъ о бойкотѣ и не—бойкотѣ ему рѣшать не придется: этотъ вопросъ стоитъ внѣ его тактики. И поскольку рабочій классъ будетъ, въ данномъ случаѣ, вести свою самостоятельную и активную политику, то или иное рѣшеніе о бойкотѣ можетъ нѣсколько видоизмѣнять форму, время, мѣсто и обстоятельства выступленія пролетаріата, но не можетъ повліять на существо пролетарской тактики. И вотъ, что касается тактики самого пролетаріата, то авторъ письма рекомендуетъ ему ту же самую пассивную, оборонительную позицію, какъ и «Союзъ союзовъ». Элементовъ наступленія, революціоннаго захвата въ предлагаемой пробной забастовкѣ нѣтъ. Правда, они намѣчены въ видѣ угрозъ уже не «пробной», а настоящей забастовкой, «со всѣми ея осложненіями», какъ глухо выражается авторъ. Но вѣдь это только «угроза», а для даннаго момента проектируется все же не болѣе, какъ та же самая «мирная демонстрація»,—разсчитанная притомъ на силы не всего народа, а лишь одного рабочаго класса—какую реко-

мендуетъ в «союзъ союзовъ». Поэтому, намъ кажется слишкомъ оптимистической высказываемая авторомъ письма надежда, что «намѣченной всеобщей забастовкой пролетаріатъ дѣйствительно сталъ бы во главѣ всего общественнаго освободительнаго движенія. Она явилась бы и лучшимъ средствомъ его организаціи для дальнѣйшей борьбы».

Нѣтъ, для того, чтобы «стать во главѣ всего освободительнаго движенія», пролетаріатъ долженъ не «демонстрировать» только передъ населеніемъ, а своей тактикой дѣйствительно вовлечь его въ борьбу. А чтобы использовать свое выступленіе для организаціи въ цѣляхъ дальнѣйшей борьбы, въ это выступленіе долженъ быть вложенъ элементъ революціонной организаціи массъ.

Съ этой точки зрѣнія мы можемъ только еще разъ настоятельно рекомендовать вниманію товарищей тотъ планъ революціоннаго выступленія, который уже намѣченъ нами въ статьѣ «Къ современному положенію». Хотя «пролетаріату то и не придется участвовать въ выборахъ», это отнюдь не мѣшаетъ намъ захватить себѣ право «избирательной агитаціи» путемъ учрежденія рабочихъ агитаціонныхъ комитетовъ для агитаціи во имя всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права и Учредительнаго собранія. Они должны призывать и къ осуществленію этой идеи въ томъ или иномъ видѣ. Они должны поставить себѣ цѣлью организовать выборы народомъ своихъ уполномоченныхъ революціонныхъ депутатовъ внѣ тѣхъ «законныхъ» рамокъ, которыя будутъ установлены министерскими проектами. Они должны звать крестьянъ посылать своихъ свободно выбранныхъ депутатовъ въ города для совмѣстнаго съ городскимъ населеніемъ обсужденія вопроса, что дѣлать. Поскольку такая тактика удастся,—и мы, конечно, должны быть готовы къ тому, что она удастся не всюду и не повсюду—постольку намъ удастся покрыть страну сѣтью органовъ революціоннаго самоуправленія. Всероссийское объединеніе такого самоуправленія создастъ и ту политическую всероссійскую трибуну, которая намъ такъ нужна. Если путемъ созданія такой трибуны удастся «сорвать» булыгинскую думу, то это, конечно, нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ «срываніе» ея простымъ бойкотомъ, безъ созданія чего либо лучшаго взамѣнъ. Во всякомъ случаѣ работа въ этомъ направленіи сдѣлаетъ все, что въ нашихъ силахъ, для революціонизированія и революціонной организаціи народныхъ массъ.

Но при такой постановкѣ задачи, вопросъ о бойкотѣ или не—бойкотѣ думы привилегированными избирателями теряетъ для насъ свою остроту. Ибо, поскольку дѣло организаціи революціоннаго самоуправ-

ленія удастся, постольку архангелской думѣ, если бы она и собралась, останется или подчиниться, или исчезнуть. И тутъ то активное выступленіе массъ, хотя бы въ видѣ политической забастовки, приобретаетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ въ проектахъ «Союза созовъ» в цитированнаго нами выше пасьяма. Тутъ политическая забастовка не будетъ простой «демонстраціей недовольства», а будетъ боевымъ шагомъ, направленнымъ къ прямой поддержкѣ шаговъ органа революціоннаго самоуправленія, если созданіемъ его дума будетъ «сорвана»; къ поддержкѣ революціонныхъ шаговъ органа революціоннаго самоуправленія и думы противъ самодержавной бюрократіи, если дума все же соберется и рѣшитъ встать на революціонный путь; къ поддержкѣ органа революціоннаго самоуправленія противъ бюрократіи и думы, если послѣдняя окажется реакціонной. Мы видимъ, какъ наступательная и организующая тактика, не связывая намъ рукъ тѣмъ способомъ дѣйствій, который сочтутъ за благо принять другіе партіи и классы, скорѣе всего дѣлаетъ насъ готовыми къ войнѣ на всѣ фронты. Но, при такихъ условіяхъ, политическая забастовка совершенно теряетъ свой мирный и «демонстративный» характеръ. Мы должны смотрѣть на нее именно какъ на возможный и прологъ болѣе бурныхъ событій, и въ вызванной нами къ жизни организациі революціоннаго самоуправленія эти событія должны найти достаточную опору для превращенія въ движеніе всенародное.

Намъ остается еще возразить на внутреннѣе скептицизмомъ сомнѣнія относительно того, чтобы намъ, дѣйствительно, удалось хоть въ сколько нибудь обширныхъ размѣрахъ выполнить ту огромную задачу, которую мы поставили. Мы не раздѣляемъ этого скептицизма и полагаемъ, что при энергіи, умѣлости и рѣшимости мы сможемъ сдѣлать очень много въ этомъ направленіи. Но если бы мы даже сдѣлали очень мало, то во всякомъ случаѣ и это малое будетъ плюсомъ въ дѣлѣ всенародной «организациі революціи». Прибѣгнуть, въ случаѣ неуспѣха, къ «призыву» къ простой демонстративной забастовкѣ будетъ никогда не поздно. Наоборотъ, какъ бы малы не были результаты нашихъ усилій въ намѣченномъ выше направленіи, они, во всякомъ случаѣ, будутъ попутно наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ подготавливать успѣхъ нашего «призыва». Но начинать съ того, чтобы ставить себѣ минимальную цѣль—значить, въ революціонное время, осуждать себя на полное безсиліе, на полную зависимость отъ чужой тактики. Наоборотъ, ставить себѣ возможный въ данной исторической обстановкѣ максимальныя цѣли, идти къ нимъ, что называется, напроломъ—это единственно-цѣлесообразная

тактика, и уже самый ходъ обстоятельствъ, которыхъ мы не можемъ заранѣе полностью усчитать, покажетъ, насколько мы можемъ приблизиться къ поставленной цѣли.

Революціонное наступленіе по всей линіи—вотъ чего требуютъ отъ насъ историческая дѣйствительность.

Ф. Данъ.

Наканунъ ликвидаціи.

(13 авг. 1905 г. № 108).

Оно родилось, наконецъ, на свѣтъ, столь долго жданное дѣтище Булыгинскаго «совѣщанія»? Въ промежуткѣ между двумя послѣдовательными черносотенными погромами, черезъ день послѣ военнаго суда въ Вильнѣ и наканунѣ военнаго суда въ Тифлисѣ,—выполвъ на свѣтъ этотъ негнѣшый плодъ бюрократическаго «творчества».

Надо признаться откровенно: абсолютизмъ проявилъ геніальныя способности въ изобрѣтеніи такой организаціи общественнаго представительства, которая была бы совершенно лишена всякой даже тѣни конституціоннаго характера. Можно подивиться той утонченно-азиатской хитрости, съ которой каждое предоставленное будущей думѣ «право» сводится на-нѣтъ той «обставочкой», которая для использованія этого «права» создается. Дума имѣетъ право обсуждать всѣ законы, но... для окончанія этого обсужденія можетъ быть назначенъ правительствомъ срокъ, послѣ котораго обсужденіе, хотя бы и не законченное, прекращается. Дума имѣетъ право «обсуждать» бюджетъ, но... она не можетъ имѣть ровно никакого вліянія на составленіе этого «бюджета», не можетъ отказывать правительству въ кредитахъ, и не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что именно обсужденіе бюджета будетъ всегда казаться правительству чрезмѣрно «затикушимся» и именно къ нему будетъ регулярно примѣняться та «срочная» гильотина, которую оставляетъ въ своихъ рукахъ правительство. Дума имѣетъ право дѣлать запросы министрамъ, но... великіе и малые визири могутъ отвѣчать на эти вопросы черезъ мѣ-

сяцъ (!), а могутъ и совсѣмъ не отвѣчать. Дума имѣетъ право контролировать дѣятельность администраціи и можетъ дѣлать замѣчанія по поводу этой дѣятельности, но... она обязана каждый разъ указать, какой именно законъ въ данномъ случаѣ нарушенъ, т. е. лишена возможности критиковать ту практику административнаго произвола, которая въ Россіи представляетъ беззаконіе, воплощенное въ форму законовъ, предоставляющихъ административной власти полный просторъ. Дума обсуждаетъ всѣ законы, но... она лишена права касаться «основныхъ» законовъ Россійской Имперіи» и т. е. именно тѣхъ законовъ, которые въ первую голову должны встать на очередь передъ всякимъ представительнымъ собраніемъ.

Таковъ очерченный положеніемъ кругъ вѣдѣнія Государственной Думы. Кратко выразить его можно безъ всякихъ преувеличеній въ нѣсколькихъ словахъ: Государственная Дума даетъ свои заключенія по тѣмъ вопросамъ, которые правительству будетъ благоугодно представить на ея обсужденія.

Вотъ и все. Подъ названіемъ Государственной Думы правительство пытается создать одну изъ тѣхъ комиссій «совѣдующихъ» людей, какія уже неоднократно собирались въ самыя реакціонныя минуты російской исторіи.

Подобно такимъ комиссіямъ, «Дума» будетъ собираться келейно, публица не будетъ допускаться. Отчеты о преніяхъ въ Думѣ должны: проверяться не ею самой, а ея предсѣдателемъ. Вопросъ о закрытіи засѣданія для предсѣдателя печати также будетъ рѣшаться не Думой, а тѣмъ же предсѣдателемъ. Члены Думы пользуются «полной свободой слова»... но они предаются Сенатомъ (а не самимъ собраніемъ представителей) суду за «преступленія», совершенныя ими при исполненіи ихъ служебныхъ, то башь, общественныхъ обязанностей (например, какъ остроумно предположила одна нѣмецкая газета, за «оскорбленіе» министра выраженіемъ ему непочтенія при проверкѣ его дѣйствій).

Члены Думы будутъ числиться «народными представителями». Какой «народъ» они будутъ представлять—объ этомъ «Положеніе» стыдливо умалчиваетъ, предоставляя дать отвѣтъ на этотъ вопросъ особому избирательному регламенту. Что это будетъ «народъ» сословно-цензовый, не составляло ни для кого тайны съ того момента, какъ Булыгинъ началъ работу въ своей лабораторіи. Что сословія, допущенныя къ участію въ выборахъ, будутъ представлены крайне неравномѣрно; что крестьянство будетъ поставлять ничтожную долю всего числа депутатовъ—это всегда само собой разумѣлось. Но чего никто не

ожидалъ—это заявленія, что, съ божьей помощью, къ январю 1906 года можно будетъ произвести выборы по 50 кореннымъ губерніямъ и что избирательныя права Польши, Кавказа, Сибири, Туркестана и Степного края будутъ еще выработаны особой комиссіей. Очевидно, всей избрѣтельности нашихъ государственныхъ мужей не хватило на то, чтобы придумать «безопасную» для правительства форму фальсификаціи общественнаго мнѣнія тѣхъ областей, въ которыхъ, какъ въ Польшѣ и Кавказѣ, царитъ открытое возмущеніе.

Посмотримъ теперь—какъ будетъ представлять свой сословно-позывный «народъ» Булыгинская дума?

Трех- и двухстепенныя выборы, сами по себѣ, являются средствомъ сдѣлать представителя независимымъ отъ избирателей. Но правительство не можетъ удовлетвориться этими средствами. Насмѣхаясь надъ самыми элементарными политическими приличіями, оно, одновременно съ дарованіемъ булыгинской «конституціи», беретъ назадъ данное имъ 18 февраля этого года «разрѣшеніе» обсуждать «предназначенія объ усовершенствованіи законовъ», тѣмъ самымъ дѣлая невозможной легальную избирательную агитацію, а слѣдовательно, и фактическое осуществленіе права на представительство. Московскій генералъ-губернаторъ, отецъ фактическаго автора «конституціи», такъ и заявилъ земцамъ, что отнынѣ обсужденіе политическихъ вопросовъ должно считаться исчерпаннымъ и потому онъ «не потерпитъ» никакихъ съѣздовъ и совѣщаній земцевъ.

Безъ права собраній, безъ свободы печати, безъ гарантіи личности, должны «осчастливленные» новой милостью обыватели осуществить свое право поставить депутатовъ. Правительство умѣетъ—такимъ образомъ себя защитить противъ всякихъ «случайностей», связанныхъ съ проведеніемъ въ жизнь вынужденныхъ «реформъ».

И, однако... за вои́мъ тѣмъ, правительство не чувствуетъ себя спокойнымъ. Въ реакціонныхъ кругахъ царитъ несомнѣнное недовольство рѣшеннымъ, наконецъ, «скачкомъ въ неизвѣстное». Реакція чувствуетъ, что каррикатурная Булыгинская «конституція» является все-таки новымъ и очень важнымъ этапомъ по пути разложенія существующаго порядка.

И прежде всего она является таковымъ, какъ симптомъ неувѣренности правительства въ своихъ силахъ. Въ манифестѣ 6-го августа, рядомъ съ обычными заявленіями о «незыблемости» самодержавія, обыватель прочтетъ уже обѣщаніе дальнѣйшихъ «усовершенствованій» въ государственномъ порядкѣ—буде они станутъ необходимы, т. е., если ихъ сумѣетъ вырвать у реакціи народъ.

И затѣмъ—и это самое важное—тѣмъ болѣе хатроумные авторы «Положенія» старались сковать по рукамъ и ногамъ будущую «Думу», тѣмъ фатальнѣе они ставятъ передъ ней неумолимую дилемму: или немедленно потонуть въ пучинѣ всенароднаго презрѣнія, или немедленно же и вопреки всѣмъ 63 параграфамъ «Положенія» стать органомъ конституціонной оппозиціи имущихъ классовъ, ведущихъ агрессивную борьбу противъ самодержавія. Отъ позорнаго положенія, предложеннаго имъ по плану Булыгина, члены Думы, кѣмъ бы они ни были избраны—смогутъ избавиться лишь постольку, поскольку они рѣшатся перейти за «легальныя» границы отмежеваннаго ими стоила въ государственной конюшнѣ. Лишній разъ правительство отклонило отъ себя дававшуюся ему въ руки возможность покончить миромъ свою тяжбу съ «вышними» классами, чтобы вновь пріобрѣтенной силой обрушиться на народныя массы. Кичливая придворно-чиновничья клека не въ состояніи отвѣтить иначе, какъ «плевкомъ», на слишкомъ частые заискивающіе подходы нытѣшней буржуазной оппозиціи. Она не можетъ примириться съ мыслью, что «умиротворить» эту оппозицію можно только цѣной хотя бы «австрійскаго» конституціонализма. И поскольку она органически же въ состояніи понять этого, поскольку правительство каждой своей «реформой» обостряетъ и безъ того отчаянное свое положеніе, постольку для революціонныхъ партій является возможность каждую такую «реформу» использовать для новой и болѣе успѣшной атаки на самыя основы существующаго государственнаго порядка.

Организовать такую новую атаку на почвѣ, созданной октроированіемъ булыгинской «конституціи»—такова очередная задача нашей партіи.

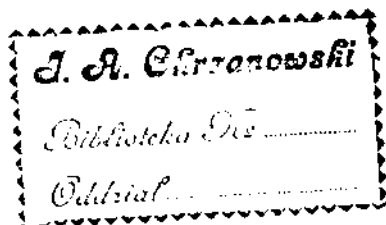
Мы писали уже въ «Искрѣ» о томъ, какъ представляемъ мы себѣ нашу боевую кампанію въ связи съ новымъ фактомъ руской политической жизни. Всѣ виды пролетарскаго протеста противъ гнилой «реформы»—политическія стачки, уличныя демонстраціи, манифестаціи,—должны быть подчинены одному общему тактическому началу; мы должны, пользуясь обстановкой, которая создана и будетъ создаваться Положеніемъ 6-го августа, работать надъ выработкой элементовъ оводобнаго народнаго представительства, элементовъ революціоннаго самоуправленія народа, которое, частью, быть можетъ, опираясь на «Думу» (въ случаѣ, если она, будучи созвана, вступитъ въ острый конфликтъ съ правительствомъ), частью же и главнымъ образомъ черезъ ея голову, создамо бы столь необходимую Россіи широкую политическую арену для

рѣшительной побѣды надъ абсолютизмомъ и столь необходимую пролетаріату подходящую арену для его революціоннаго самоопредѣленія, какъ самостоятельнаго класса.

Только въ той мѣрѣ, въ какой намъ удастся выработать элементы такого революціоннаго самоуправленія, мы будемъ имѣть передъ собой и необходимыя политическія предпосылки для побѣдоноснаго всенароднаго выступленія.

Не ограничиваясь демонстраціями, протестами противъ безобразій правительственной «конституціи», мы должны немедленно же приняться за сплоченіе подъ руководствомъ революціоннаго пролетаріата всѣхъ «лишенныхъ правъ» на почвѣ самаго энергичнаго и активнаго вмѣшательства во всѣ перипетіи открывающейся передъ нами эпопей перваго эксперимента абсолютизма съ «представительствомъ».

Л. Мартовъ

Наша тактика и государственная Дума.

(18 августа 1905 г. № 108).

Нами получено отъ товарища Череванина слѣдующее письмо:

«Дорогіе товарищи! Не сегодня—завтра, можетъ быть, будетъ объявлено о созывѣ Государственной Думы, а по вопросу о нашей тактикѣ въ отношеніи ея существуетъ, повидимому, пока полнѣйшій разбродъ. Прежде всего мнѣнія раздѣляются, повидимому, по той же линіи, по которой они раздѣлялись въ вопросѣ о комиссіи Шидловскаго. Какъ видно изъ листовки Донского Комитета и Петербургской Группы, обѣ эти организаціи высказываются за бойкотъ. Участіе въ выборахъ въ такую Думу они считаютъ позорнымъ, измѣной дѣлу революціи и заранѣе клеймятъ тѣхъ либераловъ, которые примутъ участіе въ выборахъ. Такимъ образомъ, исключается возможность сдѣлать Государственную Думу оружіемъ демократической революціи и отвергается, очевидно, агитація, направленная въ эту сторону. Государственная Дума разсматривается, очевидно, только какъ одинъ изъ

объектовъ агитаціи, направленной противъ самодержавія. Занятіе такой позиціи по отношенію къ Государственной Думѣ имѣло бы омысль только въ одномъ случаѣ: если бы была большая вѣроятность ожидать возстанія въ отвѣтъ на объявленіе о созывѣ Государственной Думы. Тогда бы эта позиція была дѣйствительной, тогда бы она звала къ борьбѣ. Но если эта вѣроятность не особенно большая, если объявленіе о созывѣ Государственной Думы не явится сигналомъ къ возстанію, если оно будетъ встрѣчено сравнительно спокойно, тогда занятіе указанной позиціи явится фактическимъ устраненіемъ отъ живой работы, реагированіемъ на, можетъ быть, поворотный пунктъ въ освободительномъ движеніи парой шаблонныхъ листовъ, изблещающихъ самодержавіе и либераловъ. Подобная тактика пойдетъ, пожалуй, навстрѣчу тѣмъ буржуазнымъ демократамъ, которые боятся вступить на почву революціи, но въ то же время желаютъ сохранить свою демократическую чистоту. Въмѣсто того, чтобы брать на себя революціонное обязательство идти въ Государственную Думу съ тѣмъ, чтобы добиваться превращенія ея въ революціонное собраніе, ниспровергающее абсолютизмъ и созывающее Учредительное собраніе на основѣ всеобщаго и т. д. избирательнаго права, куда спокойноже просто не принять участія въ выборахъ, объявивши Государственную Думу не тѣмъ, что намъ нужно, и затѣмъ дожидаться у моря погоды. Нѣтъ, такой тактики мы не можемъ предлагать либераламъ, не можемъ и себя осудить на бездѣйствіе. Одинъ харьковскій товарищъ намѣчаетъ такой планъ дѣйствій: при объявленіи созыва Государственной Думы социалдемократія призываетъ пролетаріатъ къ пробной политической стачкѣ, чтобы демонстрировать свою силу; затѣмъ, когда Государственная Дума созвана, пролетаріатъ призывается ко второй стачкѣ съ цѣлью давленія на Государственную Думу. Недостаткомъ этого плана является ни на чемъ не основанная вѣра въ силу влияния социалдемократической организаціи на массу, вѣра, что ея призывъ къ политической стачкѣ, да еще пробной, имѣетъ самъ по себѣ дѣйствительную силу, что наличность его даетъ какія нибудь серьезныя гарантіи, что политическая стачка дѣйствительно будетъ, что она превратится въ демонстрацію силы пролетаріата, а не въ демонстрацію нашего безсилія. Увы, такихъ гарантій она въ себѣ не заключаетъ. А если мы добьемся, что весьма вѣроятно, демонстраціи нашего безсилія, это броситъ сильнѣйшее бревно подъ ноги тактикѣ воздѣйствія на Государственную Думу и агитаціи вокругъ этого воздѣйствія.

Что касается вашего плана, то я совершенно согласенъ съ вами, поскольку вы отвергаете политику бойкота и рекомендуете рѣшитель-

ное вмешательство въ выборы и давленіе на нихъ, согласенъ также съ необходимостью образованія полулегальныхъ агитаціонныхъ комитетовъ, но не могу согласиться съ вашимъ предложеніемъ организаціи всенародныхъ выборовъ и созданія на ихъ почвѣ революціонной организаціи народа, поскольку это предложеніе приурочивается къ моменту объявленія о созывѣ Думы и слѣдующихъ за нею выборовъ. Подобное предложеніе можетъ имѣть смыслъ только постольку, поскольку мы ожидаемъ, и съ большимъ основаніемъ ожидаемъ, что организація всенародныхъ выборовъ перейдетъ очень быстро въ активное наступленіе, потому что въ противномъ случаѣ могло бы имѣть самыя скверныя послѣдствія неизбежное при такой тактикѣ прекращеніе нашего существованія въ качествѣ конспиративной организаціи и открытіе всѣхъ картъ передъ полиціей. Можно согласиться съ вашимъ проектомъ только въ смыслѣ проекта, который можно имѣть въ виду, если во время выборовъ или послѣ конституированія Государственной Думы сильное революціонное возбужденіе охватитъ широкія массы.

Та тактика, которую я предлагаю, заключается въ слѣдующемъ: объявленіе о созывѣ Государственной Думы даетъ сигналъ къ агитаціи въ трехъ направленіяхъ: а) невозможность удовлетвориться Думой, необходимость Учредительнаго Собранія на почвѣ всеобщаго и т. д., а также необходимость предварительнаго установленія свободы слова, собраній и т. д.; б) необходимость активно вмешиваться въ выборы и оказывать давленіе на другіе слои, чтобы депутаты въ Государственную Думу были посланы съ императивнымъ мандатомъ—добиваться превращенія Государственной Думы въ революціонное собраніе, созывающее Учредительное Собраніе, в) организація повсемѣстныхъ митинговъ и собраній и постановка на нихъ вопроса о необходимости оказать давленіе на Государственную Думу, потребовать отъ нея созыва Учредительнаго Собранія, обсужденіе вопроса о способѣ этого давленія, выдвиганіе проекта политической стачки, какъ отвѣта на отказъ Государственной Думы немедленно по своему созывѣ предпринять это революціонное дѣйствіе. Въ отличіе, такимъ образомъ, отъ харьковскаго товарища, я отвергаю совсѣмъ первую пробную политическую стачку, а вторую стачку съ цѣлью давленія на Государственную Думу я предлагаю только въ качествѣ проекта на рабочихъ собраніяхъ, и только въ томъ случаѣ, если намъ удастся организовать по всей Россіи настоящіе массовые митинги, и если политическая стачка изъ нашего проекта превратится въ рѣшеніе, вынесенное повсюду на этихъ рабочихъ митингахъ, только тогда мы подготовимъ дѣйствительно

революціонное воздѣйствіе на Государственную Думу и только тогда мы будемъ въ состояніи его провести. Что будетъ дальше, обажеть ли политическая стачка желательное воздѣйствіе на Государственную Думу, или превратится въ вооруженное возстаніе,—мы рѣшить сейчасъ не можемъ».

* * *

Послѣ № 101 «Искры», на который ссылается тов. Череванинъ, вопросъ о нашей тактикѣ, въ связи съ созывомъ Госуд. Думы былъ нами рассмотрѣнъ еще разъ подробнѣе въ № 106 (см. «Оборова или наступленіе?»). Съ тѣхъ поръ, насколько намъ извѣстно, все большее и большее число товарищей примыкаетъ къ рекомендованной нами тактикѣ активнаго вмѣшательства въ ходъ политической жизни и наступленія и безповоротно отвергаетъ политическій абсентеизмъ, усиленно навязываемой партіи нѣкоторыми «вождями», очевидно съ цѣлью принести на алтарь возлюбленнаго «временнаго правительства» всю свою quasi-соціалистическую непорочность сразу.

Уже такъ называемая «земская кампанія», носившая преимущественно «учебный», подготовительный характеръ, показала, что среди огромнаго большинства соціалдемократическихъ работниковъ обѣихъ фракцій политическая мысль достигла такой степени зрѣлости, чтобы понять всю самоубійственность политики невмѣшательства и воздержанія въ мнимыхъ интересахъ «подготовленія возстанія». Теперь, когда дѣло идетъ уже не объ учебныхъ маневрахъ, а о настоящей битвѣ, политика скрещенныхъ рукъ, конечно, вайдетъ еще менѣе адептовъ. Но если бы таковые и нашлись, то, несомнѣнно, имъ очень скоро пришлось бы убѣдиться въ одномъ: что на худой конецъ рабочій классъ вмѣшается въ ходъ событій безъ нихъ, помимо нихъ, противъ нихъ. А въ этомъ случаѣ имъ не оставалось бы ничего другого, какъ или se demettre (подать въ отставку), или, какъ это бывало кое-гдѣ и въ «земской кампаніи», se doumettre (подчиниться, т. е. иначе говоря, оказаться «хвостистами» — употребляемъ излюбленное выраженіе тѣхъ рыцарей революціонной фразы, которые на словахъ не уставали идти «во главѣ», на дѣлѣ же во всѣхъ политическихъ выступленіяхъ партіи въ послѣдніе два года неизмѣнно плелись въ тылу движенія). Итакъ, наступательная тактика, «рѣшительное вмѣшательство въ выборы и давленіе на нихъ»,—это исходный пунктъ и, скажемъ сейчасъ же, самый важный и существенный пунктъ. Въ дальнѣйшемъ могутъ быть разногласія лишь въ деталяхъ, въ тѣхъ или иныхъ формахъ проведенія въ жизнь этого основного принципа.

Предложенная нами тактика складывается из трех моментов: 1) подготовительной, агитационной кампании в связи с созывом Госуд. Думы; 2) закреплении результатов этой агитации в виде, хотя бы зачаточной, формы массовой революционной организации или, иначе говоря, организации революционного самоуправления народа; и 3) активных выступлений народных масс, имеющих целью поддержать шаги этой организации революционного самоуправления. При такой тактике самый вопрос о бойкоте или не—бойкоте Думы совершенно теряет для нас свой жгучий характер; он становится вопросом второстепенным, и пролетариат, которому, в виду «лишения прав», вообще не предстоит бойкотировать, готовится к войне на всь фронты.

Товарищ Череванинъ принимает первый и третій пункт нашего тактического плана и отвергает второй. Въ № 108 «Искры» мы старались показать, что этот второй пункт является не только тактически необходимым, но прямо—таки неизбежнымъ слѣдствіемъ разъ занятой позиціи активного наступления. Мы не знаемъ, переубѣдила ли тов. Череванина наша аргументація, но в его собственное письмо даетъ достаточно материала для подтвержденія справедливости нашей точки зрѣнія.

Говоря о политической забастовкѣ, какъ средствѣ «давленія» на Государственную Думу (прибавимъ отъ себя а также, быть можетъ, и на «избирателей»), товарищ Череванинъ вполне правильно отвергаетъ излюбленный методъ простаго «призыва», а требуетъ для дѣйствительности ея «рѣшенія», вынесеннаго повсюду на рабочихъ митингахъ. Въ такой постановкѣ вопроса заключается вполне правильное пониманіе того, что наша подпольная организация не пользуется, да, по условіямъ своего существованія, и не можетъ пользоваться такимъ влияніемъ на массы, чтобы одного ея «призыва» было достаточно для увѣренности въ успѣхѣ задуманнаго дѣла. Очевидно, тов. Череванинъ понимаетъ, что «политическая забастовка» должна опираться на организационную и политическую самостоятельность самой массы. Подпольная организация можетъ сыграть въ этомъ случаѣ крайне важную роль инициатора, политическаго вдохновителя и руководителя, можетъ дать въ руки массы кое—какой организационный аппаратъ, кое—какія организационныя ячейки, при полномъ успѣхѣ, при развертываніи политической забастовки въ революціонное выступленіе можетъ даже раствориться въ возникающей въ атмосферѣ такого выступления широкой, массовой социалдемократической организации пролетариата, но никоимъ образомъ не можетъ въ своемъ наличномъ,

подпольномъ видѣ охватить своими организаціонными клѣтками то грандіозное массовое движеніе, которое рисуется товарищу Череванину и намъ. Иначе говоря: съ успѣхомъ «политической забастовки», намѣчаемой не въ видѣ «демонстраціи», а въ видѣ активного, боевого выступленія массъ, и въ мѣру этого успѣха, должна переродиться и качественно повышаться партійная организація, поскольку она захочетъ приобрести и сохранить организаціонное вліяніе на ходъ событій. Но если партійная организація, въ ея теперешнемъ составѣ или обновленномъ, перестанетъ быть организаціей, воздѣйствующей на рабочія массы извнѣ, а станетъ признаннымъ представителемъ ихъ и выразителемъ ихъ воли, то можно ли примѣнять къ такому положенію дѣла ту же мѣрку страховъ и опасеній, которая примѣнима къ теперешнему положенію? Можно ли одновременно думать о грандіозномъ, дѣйствительно всерабочемъ движеніи и опасаться ареста социалдемократическихъ руководителей въ виду «прекращенія ихъ существованія въ качествѣ конспиративной организаціи?» Но, вѣдь, и «прекратить» то они это постылое «существованіе» лишь въ той мѣрѣ, въ какой имъ, какъ организаціи, удастся стать общепризнаннымъ органомъ воли рабочихъ массъ: а въ такомъ случаѣ страшнѣ ли арестъ? Да и самое вліяніе такого ареста, еслибы онъ и случился, на рабочія массы было бы, конечно, совершенно иное, чѣмъ теперь, когда во мракѣ ночи, подъ покровомъ тайны исчезаютъ въ пасты тюремъ «конспиративные» анонимы...

Все это — непосредственные выводы изъ данной тов. Череванинымъ постановки вопроса о политической забастовкѣ. Тѣмъ неожиданнѣе тотъ аргументъ, которымъ онъ думаетъ побить наше предложеніе объ организаціи революціоннаго самоуправленія народа. Неожиданнѣе потому, что, вѣдь, если вопросы объ агитаціонныхъ рабочихъ комитетахъ и политической забастовкѣ являются до известной степени партіейными — поскольку въ рабочей средѣ мы съ полнымъ правомъ можемъ рассчитывать на преобладающую и руководящую роль, — то организація всенародныхъ революціонныхъ выборовъ, само собой разумѣется, никоимъ образомъ дѣломъ одной нашей партіи быть не можетъ. Мы можемъ въ данномъ случаѣ явиться инициаторами, можемъ въ городахъ и кое-гдѣ въ деревнѣ показать примѣръ, но рассчитывать собственными силами поставить это дѣло во всеароссійскомъ масштабѣ намъ нельзя и думать. Слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы примѣръ нашихъ рабочихъ агитаціонныхъ комитетовъ побудилъ къ такому же образу дѣйствій и другія демократическія и революціонныя партіи, съ которыми мы и встрѣтимся въ тѣхъ представитель-

и хъ учрежденіяхъ, какими явятся, несмотря на свой революціонный характеръ, проектируемые нами органы народнаго самоуправленія. Мы вправѣ, конечно, ожидать, что въ рабочихъ агитаціонныхъ комитетахъ социалдемократы окажутся въ значительномъ большинствѣ, но думать о большинствѣ въ органахъ революціоннаго самоуправленія народа, если они возникнутъ въ сколько-нибудь широкомъ масштабѣ, конечно, невозможно.

Опасаться «раскрытія всѣхъ картъ передъ полиціей» въ случаѣ успѣха кампаніи, разумѣется, не приходится, ибо, конечно, если революціонное настроеніе и политическая готовность не только рабочихъ, а широкихъ народныхъ массъ достигнетъ степени, нужной для успѣха, то народъ сумѣетъ и защищать своихъ избранниковъ. Но въ случаѣ неуспѣха? Въ этомъ случаѣ попросту никакія «карты раскрыты» не будутъ, ибо и «раскрываться» онѣ будутъ опять опять-таки лишь въ мѣру успѣха.

Представимъ себѣ худшій случай: организовать выборы удастся лишь въ нѣсколькихъ крупныхъ городахъ. Почему тов. Череванинъ думаетъ, что выбранными окажутся непременно члены нашихъ организацій? Хорошо бы, если бы это было такъ, и въ такомъ случаѣ, мы думаемъ, безопасность нашихъ организацій только безконечно возросла бы отъ того, что рабочіе такъ же взяли бы къ членовъ, какъ своихъ избранниковъ, подъ свою защиту, какъ они взяли выборщиковъ въ комиссіи Шидловскаго. Но этотъ самый опытъ съ комиссіей Шидловскаго показываетъ, къ сожалѣнію, что выбирать будутъ, хотя и социалдемократовъ или рабочихъ, готовыхъ стать социалдемократами, но не членовъ нашей организаціи. И опять таки, лишь въ той мѣрѣ, какъ нашей организаціи удастся въ процессѣ этихъ политическихъ выступленій переродиться, стать болѣе массовой, лишь въ той мѣрѣ шансы на избраніе именно ея членовъ увеличатся. Но въ той же мѣрѣ будутъ падать «конспиративныя» опасенія.

Тов. Череванинъ говоритъ, что наше «предложеніе можетъ имѣть смыслъ лишь постольку, поскольку мы ожидаемъ, что организація всенародныхъ выборовъ перейдетъ быстро въ активное выступленіе». Да, мы ожидаемъ, что, при успѣхѣ, организаціи революціоннаго самоуправленія народа рано или поздно должны столкнуться съ правительствомъ и, въ случаѣ неустойчивости послѣдняго, привести къ открытымъ столкновеніямъ въ видѣ ли одновременнаго выступленія въ разныхъ мѣстахъ, въ видѣ ли ряда послѣдовательныхъ стычекъ.

А развѣ тов. Череванинъ не ожидаетъ того же самаго и отъ «дѣйствительно революціоннаго воодѣянія» политической забастовки? Развѣ

ему не ясно, что—въ случаѣ «неуступчивости» Думы и, прибавимъ, правительства, которое, вѣдь, можетъ принять рѣшительныя мѣры противъ «уступчивой» Думы—развѣ ему не ясно, что при такихъ условіяхъ дѣло тоже должно дойти до рѣшенія вопросовъ столкновеніемъ. Какая же разница между нашимъ планомъ и планомъ т. Череванина? Разница есть, и очень существенная. Онъ предлагаетъ привлечь къ «дѣйствительно-революціонному воздѣйствію» только пролетаріатъ (который, вѣдь, одинъ только и можетъ «бастовать»); мы говоримъ, что въ это дѣло надо вовлечь не только рабочія массы, но и весь народъ. Та самая концентрація политическаго воспитанія и массовая революціонная организація, которая создается для рабочихъ политической забастовкой, въ томъ видѣ, какъ она рисуется тов. Череванину, можетъ и должна быть создана для всего народа въ видѣ организація революціонныхъ выборовъ «Народной Думы» въ противовѣсъ Думѣ государственной. Въ конечномъ счетѣ планъ тов. Череванина и золируетъ пролетаріатъ, подготавливая элементы только рабочаго выступления; между тѣмъ какъ мы имѣли въ виду подготавливаніе элементовъ выступления всенароднаго, которое только и можетъ разрѣшить стоящую передъ нами революціонную задачу замѣны Государственной Думы Всенароднымъ Учредительнымъ Собраніемъ.

Организація революціоннаго самоуправленія—это и есть единственный способъ дѣйствительной «организаціи» всенароднаго выступления. Кто отвергаетъ этотъ путь, тотъ въ сущности отвергаетъ и самое всенародное выступленіе, подмѣняя его выступленіемъ отдѣльныхъ классовъ и группъ, или, что еще хуже, группокъ и кружковъ. Работа по подготовленію организаціи революціоннаго самоуправленія народа и есть дѣйствительная работа по «подготовкѣ» выступления, на фонѣ которой и могутъ пріобрѣсти важное значеніе подготовительныя работы техническаго характера. Это надо особенно подчеркивать теперь, когда въ нѣкоторыхъ сферахъ нашей партіи политическая наивность дошла до такой степени, что люди захлебываются словами о всенародномъ возстаніи, оружіи, бомбахъ, пишутъ трактаты по военной тактикѣ и стратегіи, а революціонное самоуправленіе народа согласны пропагандировать не иначе, какъ съ дозволенія правительства, хотя бы и «временнаго».

Ф. Данъ.

Къ вопросу о Государственной Думѣ.

(29 августа 1906 г., № 109).

Никогда еще ни одинъ тактическій вопросъ не служилъ предметомъ такого оживленнаго и вдумчиваго обсуждения на мѣстахъ, какъ вопросъ о нашей тактикѣ въ связи съ созывомъ Государственной Думы, и никогда еще мѣстные работники не принимали такого активнаго участія въ самомъ процессѣ выработки тактическихъ указаній.

Среди мотивированныхъ мнѣній по разбираемому тактическому вопросу крайне интереснымъ во многихъ отношеніяхъ является мнѣніе Маріупольской группы Донецкаго Союза, которое мы воспроизводимъ цѣликомъ, въ томъ видѣ, какъ оно было намъ прислано. Вотъ это мнѣніе:

«Созывъ Государственной Думы ставить передъ социалдемократіей чрезвычайно серьезную задачу: наряду съ расширеніемъ партіи вовлечь широкія народныя массы въ сферу революціонныхъ дѣйствій, имѣющихъ цѣлью не дать самодержавію укрѣпить свои позиціи комедіей «представительства». Во все время этой кампаніи нашимъ лозунгомъ естественно будетъ Всенародное Учредительное Собраніе на извѣстныхъ началахъ. Къ моменту собранія Государственной Думы (если она соберется) массы должны быть готовы къ выступленію настолько сильному и согласованному, чтобы это могло быть послѣднимъ штурмомъ твердынь абсолютизма. Южное бюро ¹⁾, предлагая свой планъ, говорить: «нельзя указывать массамъ на всякаго выбирающаго, какъ на измѣнника и предателя, такъ какъ этимъ мы отрѣзали бы себѣ пути вліять на либераловъ, заседающихъ въ Государственной Думѣ». Помимо принципіальной невыдержанности этой тактики, она обрекла бы нашу агитацію на половинчатость, а массы—на бездѣтельность. Въ виду серьезныхъ дѣйствій, которыя придется совершать массамъ, наша тактика должна быть проста, послѣдовательна и принципіально выдержана.

Самымъ серьезнымъ моментомъ мы считаемъ время первичныхъ избирательныхъ собраній. Они будутъ непосредственно близки массамъ, и дѣйствія, направленные противъ нихъ, будутъ понятны ей. На нихъ она должна подготовиться къ дѣйствіямъ, согласованнымъ на протяженіи всей Россіи. Это соображеніе заставляетъ насъ перемѣстить центръ

¹⁾ Фракціи „меньшинства“

тяжести борьбы съ собранія Государственной Думы на эти первичныя избирательныя собранія. Если мы говоримъ народу, что Государственная Дума—надувательство, то мы должны помѣшать ей собраться. Мы должны массу вести вплоть до того, чтобы силой помѣшать выборамъ. Весьма вѣроятно, что лѣвые либералы, если они даже рѣшатъ принимать участіе въ выборахъ, откажутся отъ нихъ послѣ соответствующаго заявленія руководимой нами массы. Въ послѣднемъ случаѣ они присоединятся къ народу, выбирающему рев. депутатовъ (планъ «Искры»). Въ противномъ случаѣ, народъ заставитъ всѣхъ сторонниковъ умѣренной тактики выбирать представителей народа, отгородивши ихъ отъ народа солдатскими штыками. Наряду съ революціонными выборами, это было бы очень поучительною для массъ иллюстраціей борющихся силъ. Во многихъ мѣстахъ эти избирательныя собранія не могли бы совсѣмъ состояться, или состоялись бы при такой неприглядной обстановкѣ, что «народное представительство» сразу лишилось бы того блеска, который, собственно говоря, и нуженъ правительству. Борьба эта, благодаря конкретной обстановкѣ, подвинетъ далеко политическое воспитаніе массъ и дастъ возможность вовлечь въ борьбу и элементы, до сихъ поръ индифферентные. Это будетъ революція на мѣстахъ, но только на нее мы и можемъ пока мѣсть рассчитывать, не впадая въ «твердокаменное» прожектерство.

Сообразно нашему плану, и революціонные депутаты народа приобретаютъ нѣсколько иную окраску. Ихъ задачей будетъ использовать на мѣстахъ свое влияніе съ цѣлью углубленія настроенія массъ. Возможно, что при широкомъ размахѣ революціоннаго движенія эти депутаты могли бы образовать временное правительство въ данномъ городѣ, что способствовало бы дальнѣйшему обостренію борьбы. Эту же цѣль (мѣшать выборамъ) мы преслѣдуемъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ происходить вторичныя избирательныя собранія. Возможно, что къ этому моменту революціонная масса, вниманіе которой было бы сосредоточено на избирательныхъ собраніяхъ, могла бы въ той или иной формѣ (полит. стачки, демонстрація, митинги и т. п.) выступить одновременно на разстояніи губерніи (область). Все время Государственной Думы долженъ противопоставляться лозунгъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія. Чѣмъ удачнѣе будетъ движеніе въ первой и во второй стадіи (перв. и вторичн. избирательныя собранія), тѣмъ непригляднѣе будетъ этотъ выкидышъ исторіи, эта послѣдняя карта абсолютизма. Вѣроятно, что, если революціонный народъ окажетъ дѣйствительное сопротивленіе осуществленію Государственной Думы, правительство приостановитъ дальнѣйшее проведеніе въ жизнь своего плана,

такъ какъ такая Дума самодержавію будетъ не къ чему. Въ послѣднемъ случаѣ правительство или вернулось бы къ осадному положенію безъ оговорокъ, или заявило бы о своей готовности приспособить (въ какой-нибудь новой комиссіи) своей проектъ «согласно заявленіямъ различныхъ группъ населенія». Такъ или иначе, это было бы очевиднымъ успѣхомъ революціи,—успѣхомъ, который способствовалъ-бы дальнѣйшему расширенію ея. Если бы т. о. правительство признало себя побѣжденнымъ, то дальнѣйшая наша тактика намѣталась бы сообразно кореннымъ образомъ измѣнившимся условіямъ. (По нашему мнѣнію, если бы еще не было «конца», то во всякомъ случаѣ самое непосредственное его «начало»).

Но возможно также, что, не смотря на противодѣйствіе народа, правительство, при содѣйствіи самыхъ умѣренныхъ элементовъ, подъ защитой вѣрныхъ еще солдатскихъ штыковъ упорно стремилось бы осуществить свои предначертанія. Допустимъ, что все же созвали бы Государственную Думу. Послѣдняя, послѣ всего происшедшаго, была бы совершенно дискредитирована въ глазахъ всего міра, и тогда, можно надѣяться, первый день засѣданія Государственной Думы былъ бы первымъ днемъ побѣдоноснаго всероссійскаго выступленія. Надѣяться на это не будетъ увлеченіемъ, если мы примемъ во вниманіе ту колоссальную революціонную работу, которую придется предварительно совершать на мѣстахъ народу и, сообразно этому, уровень его политическаго воспитанія къ этому моменту. Революціонные депутаты, съѣхавшіеся къ этому времени въ столицу (это возможно при полной дезорганизациіи власти), на ряду съ Государственной Думой будутъ центромъ, къ дѣйствіямъ котораго будетъ приковано вниманіе революціоннаго народа.

При наличности настроенія и умѣнія ориентироваться въ вопросѣ, эта концентрація революціоннаго вниманія будетъ рѣшительнымъ моментомъ въ развязкѣ революціи. Задачей революціоннаго движенія въ моментъ собранія Государственной Думы должно быть не столько провозглашеніе послѣдней Учредительнымъ Собраніемъ, сколько сложеніе ею полномочій, предоставленныхъ ей не народомъ. Государственная власть, будучи вырвана изъ рука самодержавной бюрократіи, не пала бы и къ той, сомнительнаго свойства, Думѣ, противъ которой будутъ направлены вышеизложенныя дѣйствія массъ. Здѣсь есть всѣ данныя на то, чтобы революція вступила въ кульминаціонный пунктъ своего развитія.

Агитаціоннаго матеріала будетъ, конечно, очень много во время кампаніи. Мы будемъ широко пользоваться агитаціонными собраніями

«законныхъ» избирателей, которыя правительство, повидимому, разрѣшить, конечно, съ урѣзанной программой. Отъ насъ будетъ зависѣть, чтобы выступленіе пролетаріата на этихъ собраніяхъ послужило для него хорошимъ урокомъ. Соображенія, которыя представляли сторонники неудавшейся «земской кампаніи» остаются въ силѣ и теперь (особенно теперь, когда противопоставленіе нашей программы программѣ либераловъ приметъ совершенно конкретный и животрепещущій характеръ). Наша агитація въ широкихъ массахъ будетъ облегчена тѣмъ, что нѣкоторая освѣдомленность у насъ будетъ, и все, что связано съ Государственной Думой, несомнѣнно будетъ вызывать интересъ. Какъ и всякая кампанія, этотъ планъ долженъ содѣйствовать все той же цѣли: расширенію влияния нашей партіи на широкія массы пролетаріата и придавію ей пролетарскаго характера. Этому будутъ содѣйствовать тѣ полулегальные агитаціонные комитеты, о которыхъ говорить «Искра». Къ образованію такихъ комитетовъ необходимо приступить немедленно, но вопросъ этотъ требуетъ еще особой разработки.

Итакъ, нашъ планъ сводится къ слѣдующему. Гдѣ возможно, самое объявленіе о созывѣ Государственной Думы должно быть встрѣчено взрывомъ революціоннаго протеста. Гдѣ это невозможно, мы должны использовать этотъ фактъ въ нашей агитаціи. Мы используемъ всѣ собранія «законныхъ» избирателей для того, чтобы приучить пролетаріатъ отличать друзей отъ врага. Нашимъ лозунгомъ служить въ этомъ періодѣ: «Мы требуемъ созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія— долой выборы въ Государственную Думу!» Мы ведемъ массу къ мѣсту избирательныхъ собраній и заявляемъ «законнымъ» избирателямъ требованіе народа. Неповинующіеся, какъ враги народа, разгоняются. Во время цѣлаго ряда митинговъ и народныхъ собраній выбираютъ депутаты народа. Ихъ задачей будетъ вліять на массу на мѣстахъ, а потомъ, съѣхавшись въ столицу, въ противоположность Государственной Думѣ, представлять волю народа. Отъ собравшейся Государственной Думы мы требуемъ сложенія полномочій».

Какъ видятъ читатели, маріупольская Группа принимаетъ цѣлкомъ основные принципы тактики, предложенной въ статьѣ «Къ современному положенію» и затѣмъ подробнѣе развитой въ статьяхъ «Оборона или наступленіе?» и «Наша тактика по отношенію къ Государственной Думѣ». Эти основные принципы сводятся къ тому, чтобы использовать самый фактъ созыва Государственной Думы со всѣми связанными съ нимъ событіями для революціонной мобилизаціи и организаціи широкихъ народныхъ массъ въ цѣляхъ замѣны Думы свободно избраннымъ

всенароднымъ Учредительнымъ Собраніемъ. Мариупольская группа принимаетъ и тѣ конкретныя предложенія, которыя были нами сдѣланы. Но, принимая этотъ планъ, мариупольская группа вноситъ въ него нѣкоторыя дополненія и измѣненія, частью служащія дальнѣйшимъ развитіемъ положенныхъ въ основу плана идей, частью же, по вашему мнѣнію, стоящія въ прямомъ противорѣчіи съ этими идеями и грозящія помѣшать осуществленію раздѣляемыхъ мариупольской группой плановъ.

Совершенно вѣрнымъ кажется намъ указаніе мариупольской Группы на необходимость использовать въ интересахъ намѣченныхъ нами цѣлей первичныя и вторичныя собранія избирателей. Нѣтъ сомнѣнія, что ту роль, какую сыграла для перодовыхъ элементовъ пролетаріата такъ называемая «земская кампанія» (мы не знаемъ, почему мариупольская группа называетъ ее «неудавшейся»), для широкихъ массъ рабочихъ должны сыграть эти избирательныя собранія, которыя несомнѣнно дадутъ достаточно благодарный матеріалъ для агитаціи и для освѣщенія политической позиціи различныхъ группъ населенія. Массовое выступленіе пролетаріата на этихъ собраніяхъ съ заявленіемъ своихъ требованій можетъ имѣть не только «воспитательное» значеніе для самого пролетаріата, но и практически—политическое значеніе въ смыслѣ вліянія на поведеніе привилегированныхъ избирателей. Известно, что, не смотря на свои по необходимости ограниченныя размѣры, выступленіе сознательныхъ рабочихъ на засѣданіяхъ земствъ и думъ не осталось безъ вліянія на отношеніе либерализма и демократіи къ ряду политическихъ вопросовъ и, прежде всего, къ вопросу объ избирательномъ правѣ. Тѣмъ большее значеніе въ этомъ смыслѣ должны имѣть массовыя выступленія рабочихъ.

Само собой разумѣется, что въ «избирательный» періодъ рабочая масса должна ставить себѣ задачей не только выступать на собраніяхъ «законныхъ» избирателей, но захватывать себѣ самой право собираться для свободнаго обсужденія политическаго положенія и побуждать къ такому же захвату и другіе слои населенія. Этотъ захватъ и будетъ первымъ шагомъ къ постройкѣ зданія революціоннаго самоуправленія народа. И тутъ мариупольская Группа совершенно права, подчеркивая мѣстный характеръ этихъ начальныхъ актовъ революціоннаго выступленія народа. Звать населеніе уѣздныхъ и губернскихъ городовъ къ «самовольному» выбору представителей, призывать крестьянъ посылать своихъ уполномоченныхъ для совѣстнаго съ городскими обсужденія положенія дѣлъ, создать рядъ уѣздныхъ и губернскихъ революціонныхъ «парламентовъ», какъ органовъ выраженія ре-

вожжюционной народной воли, какъ оплота для народнаго движенія въ цѣляхъ уничтоженія «существующаго порядка»—таковъ долженъ быть политическій образъ дѣйствій. Изъ этой «мѣстной» организаціи революціоннаго самоуправленія, быть можетъ, и вырастетъ тотъ всероссійскій органъ революціоннаго представительства, который окончательно сольетъ всѣ «мѣстные» ручейки народнаго движенія въ одно всероссійское русло.

«Развязать» революцію и закрѣпить за собою революціонныя позиціи въ возможно большемъ количествѣ мѣсть—это задача, ничего общаго не имѣющая съ жалкой дѣтской выдумкой новѣйшихъ революціонныхъ стратеговъ, мечтающихъ о назначеніи «всенароднаго» выступления въ три часа ночи съ воскресенья на понедѣльникъ. Но это—задача настолько сложная и трудная, что надо заразиться изрядной долей оптимизма, того самаго неосновательнаго оптимизма, который маріупольская Группа обличаетъ въ «твердокаменномъ прожекторствѣ», чтобы построить всю свою тактику на увѣренности, что «къ моменту собранія Государственной Думы можно уже будетъ идти на послѣдній штурмъ твердынь абсолютизма» и что «первый день засѣданія Государственной Думы» будетъ непременно «первымъ днемъ побѣдоноснаго всероссійскаго выступления». О, конечно; если бы «къ моменту собранія Государственной Думы» налицо оказалась уже организація революціоннаго самоуправления—или, что то же самое, организація народныхъ силъ для рѣшительной борьбы—которую съ извѣстнымъ правомъ можно было бы назвать «всенародною», которая явилась бы выразителемъ думъ, чувствъ, настроенія и воли многомилліонныхъ народныхъ массъ,—ну, тогда, конечно, не зачѣмъ было бы ожидать того агитаціоннаго и революціоннаго—возбуждающаго дѣйствія, которое, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ произвести засѣданія Государственной Думы. Ну, а если нѣтъ? Если организація революціоннаго самоуправленія къ «первому» дню не достигнетъ еще необходимой широты и интенсивности? Если для самаго развитія этой организаціи, для подчеркиванія и закрѣпленія въ умахъ народа сознанія необходимости противопоставить своихъ революціонныхъ избранниковъ членамъ цезаревой и бюрократической Думы, агитаціонный матеріалъ, доставляемый обсужденіемъ общегосударственныхъ вопросовъ съ такой центральной всероссійской трибуны, какой, не смотря ни на что, явится Дума, окажется вовсе нелишнимъ? Не ясно ли, что въ первомъ случаѣ, въ случаѣ удачи, Дума исчезнетъ или переродится безъ всякихъ усилій съ нашей стороны и что, слѣдовательно, стараться во что бы то ни стало уже теперь помѣшать ея созыву—значило бы совершенно безплодно тратить

силы, необходимы на несравненно болѣе плодотворную работу революціонной агитаціи и организаціи? Не ясно ли, что во второмъ случаѣ, въ случаѣ незаконченности постройки революціоннаго самоуправления народа, отсутствіе такого мощнаго орудія агитаціи и революціоннаго возбужденія, какимъ, при умѣломъ использованіи, окажутся засѣданія Думы, отозвалось бы прямымъ ущербомъ для нашей революціонной работы, для ускоренія всенароднаго выступленія? Очевидно, что въ настоящее время помѣшать созыву Думы — любымъ образомъ не можетъ быть нашей цѣлью. Наша цѣль сейчасъ — организація революціоннаго самоуправления. Невозможность для Думы собраться должна быть, во всякомъ случаѣ, лишь однимъ изъ возможныхъ слѣдствій достиженія нами этой цѣли, а никакъ не самодовлѣющей задачей, которую мы будемъ выполнять наряду съ организаціей революціоннаго самоуправления.

Между тѣмъ, маріупольская Группа дѣлаетъ къ нашему плану именно такое дополненіе, что, наряду со всей той положительной революціонной работой, которая нами была намѣчена и которую она принимаетъ, она выдвигаетъ принудительный «бойкотъ» Думы «законными» избирателями. Къ тому же и путь, предлагаемый группою чреватъ огромными опасностями.

Этотъ путь сводится къ тому, чтобы силою мѣшать выборамъ, а «неповинующимся» «разогнать». Такимъ способомъ рассчитываетъ маріупольская Группа заставить либераловъ дѣйствовать сообразно интересамъ пролетаріата, какъ она ихъ понимаетъ. Вся политическая тактика нашей партіи, поскольку она соприкасается съ либеральнымъ и буржуазно-демократическимъ движеніемъ, направлена къ той же самой, вполне законной цѣли, но въ чемъ это выражалось? Мы всегда отремилась создать своей дѣятельностью такое настроеніе въ рабочемъ классѣ и народныхъ массахъ вообще, которое заставило бы либераловъ, волей или неволей, признать, напр., всеобщее и проч. избирательное право, заставило бы ихъ, волей или неволей, захотѣть принять это требованіе въ свою программу. Маріупольская же Группа вовсе не ставитъ вопроса о томъ, чтобы заставить либераловъ захотѣть дѣйствовать въ нашемъ духѣ. Воздѣйствіе на политическую волю либераловъ она подмѣняетъ воздѣйствіемъ на ихъ личность. Маріупольская группа по-просту рассчитываетъ за шиворотъ «тащить» либераловъ туда, куда имъ идти не хочется.

Но является вопросъ: при такомъ упрощенномъ способѣ «воздѣйствія» на либераловъ рассчитываютъ ли маріупольскіе товарищи на активное участіе многомилліонныхъ народныхъ массъ? Если да, то

невольно напрашивается мысль, что народные массы, способные такъ активно выступать на защиту своей политической идеи, способные силой побѣдить имущіе классы, могутъ совершенно спокойно игнорировать дѣйствія этихъ классовъ и создавать свое революціонное самоуправленіе, предъ которымъ ступаетъ и пропадетъ жалкая Дума, избранная безсильной кучкой «законныхъ» избирателей. Къ чему же въ такомъ случаѣ «шумъ»? Но, думается, что сами мариупольскіе товарищи не станутъ отрицать весьма малую вѣроятность такого внезапнаго подъема политической сознательности и активности въ милліонахъ крестьянства и даже въ широкой рабочей массѣ, которая бы позволила этимъ крестьянамъ и пролетаріямъ, уже ко времени первыхъ избирательныхъ собраній, явиться активными участниками проектируемаго группой «разгонянія». А при такихъ условіяхъ—и это будетъ путь наименьшаго сопротивленія—болѣе чѣмъ вѣроятно, что это «разгоняніе» явится предпріятіемъ не рабочихъ, не крестьянъ, не народа, а все того же тонкаго слоя вооруженныхъ сознательныхъ рабочихъ, дѣйствующихъ за народъ. Это будетъ тоже заговорщицкое возстаніе, но уже возстаніе не противъ стараго политическаго порядка, а противъ буржуазіи. Конечно, кучка отважныхъ людей можетъ разъ, и другой, и третій «разогнать» собраніе, но нечего, разумѣется, и мечтать о томъ, чтобы она дѣйствительно сдѣлала выборы «недѣйствительными».

Совершенно несомнѣнно, что, при такомъ образѣ дѣйствій, наша партія имѣла бы всѣ шансы возстановить противъ себя не только либераловъ, но и крестьянство и широкіе слои пролетаріата. Ибо, повторимъ: хоть съ какой-нибудь точки зрѣнія такая своеобразная «тактика» могла бы быть «нужна» лишь при неподготовленности крестьянства и рабочихъ къ усвоенію и воплощенію идеи революціоннаго самоуправления. А при этомъ условіи мы имѣли бы народныя массы, и въ частности крестьянскихъ уполномоченныхъ, которые, вѣдь, тоже придется «разогнать», противъ себя. Съ другой стороны, наши разгоняющіе товарищи могли бы встрѣтить въ своемъ предпріятіи совершенно неожиданную и врядъ ли желательную поддержку «черныхъ сотенъ» вездѣ, гдѣ «господскіе» выборы будутъ грозить провести въ Думу болѣе или менѣе «радикальныхъ» кандидатовъ.

И это «сотрудничество» съ черными сотнями» оказалось бы вовсе не случайнымъ. Оно показало бы—и показало бы совершенно вѣрно,—что, принявъ «дополненіе» мариупольскихъ товарищей, мы сыграли бы роль прямо реакціонную. «Бойкотъ» Думы, безъ предварительнаго

созданія лучшаго, чѣмъ Дума, революціоннаго органа, вообще могъ бы привести лишь къ самоустраненію наиболѣе прогрессивныхъ элементовъ имущихъ классовъ, лишь къ отказу ихъ использовать свои силы въ интересахъ политическаго освобожденія страны; онъ привелъ бы къ упроченію организаціи всѣхъ реакціонныхъ силъ, которыя имѣли бы свой центръ и опору въ Думѣ, между тѣмъ какъ силы оппозиціонныя и революціонныя оставались бы по-прежнему въ раздробленномъ состояніи. Но «бойкотъ», проведенный путемъ насилія революціонеровъ надъ избирателями, привелъ бы еще къ худшимъ послѣдствіямъ. Правительство явилось бы въ благородной роли охранителя «свободы» выборовъ, а своей «тактикой запугиванія» мы бы, съ своей стороны, сдѣлали бы все возможное, чтобы бросить въ его объятія и либераловъ, и демократовъ, и крестьянство, въ представленіяхъ котораго, правительство, несомнѣнно, постарается связать Государственную Думу съ обѣщаніемъ аграрныхъ реформъ и которому нужно будетъ изжить еще эту иллюзію раньше, чѣмъ встать безповоротно на путь открытой революціи.

И если бы правительство дѣйствительно вернулось послѣ этого къ неприкрытому «осадному положенію», то можно быть увѣреннымъ, что на его сторонѣ были бы симпатіи значительной части крестьянства и того либеральнаго общества, которое теперь протестуетъ противъ этого «положенія». Ибо, благодаря дѣйствіямъ социалдемократіи, это «осадное положеніе» явилось бы въ глазахъ широкихъ слоевъ средствомъ для охраны «общества» и крестьянства отъ насильственныхъ покушеній рабочихъ. Но и въ томъ лучшемъ случаѣ, который предполагаютъ маріупольскіе товарищи, въ случаѣ успѣха, въ чемъ выразился бы этотъ «успѣхъ»? Въ томъ, что правительство «заявило бы о своей готовности приспособить свой проектъ согласно заявленіямъ различныхъ группъ населенія». Но какого характера были бы эти «уступки»? Намъ, кажется, не можетъ быть двухъ мнѣній на этотъ счетъ. Если мы своею «боевою» дѣятельностью, направленной противъ «общества» и крестьянъ не только сдѣлали себя ненавистными тѣмъ и другимъ, но еще вдобавокъ сторвали себя и отъ широкихъ слоевъ пролетаріата, то врядъ ли можемъ мы надѣяться на то, что именно пролетаріату удастся отвоевать себѣ широкія политическія права. Терроризированное нами населеніе охотно сплотится вокругъ монархіи, на почвѣ «умѣренной» конституціи, и мы своими дѣйствіями явно сдѣлаемъ съ своей стороны все возможное, чтобы сдѣлать эту конституцію не однимъ изъ этаповъ развивающейся

революціи, а жалкимъ финальнымъ аккордомъ богатѣйшей революціонной симфоніи.

Отказываясь отъ использованія тѣхъ элементовъ прогрессивности, которые, какъ это не станетъ отрицать маріупольская группа, имѣются для переживаемаго историческаго періода въ русскомъ либерализмѣ, вопреки его трусливости и пр. и пр., стремясь преждевременно замѣнить по отношенію къ этимъ прогрессивнымъ элементамъ силу политической критики критикой физической силы, мы несомнѣнно содѣйствовали бы стремленію правительства и реакціонныхъ элементовъ поставить возможно скорѣе «точку къ реформамъ». Между тѣмъ, наша тактика, тактика революціонеровъ, должна быть направлена къ тому, чтобы не допустить этой точки, чтобы каждую «реформу» превращать въ ступень революціи, чтобы слѣлать революцію непрекращающейся, вплоть до пересеченія ея пламени на другія страны цивилизованнаго міра...

Такія проблемы нападеніями кучки вооруженныхъ людей на собранія гражданъ, хотя бы и «умѣренныхъ», не рѣшаются...

Ф. Данъ.

На очереди.

(29-го авг. 1906 г., № 109).

Говорятъ что аргументаціей «Искры» противъ «бойкота» Государственной Думы пользуются «правые» освобожденцы въ своей борьбѣ съ «лѣвыми», какъ извѣстно, мѣстами высказывающимися за «бойкотъ». А такъ какъ правое крыло либерализма собирается идти въ Думу не для революціонной борьбы съ самодержавной бюрократіей, то, какъ будто, выходитъ, что мы своею аргументаціей поддержали тактику умѣренныхъ либераловъ противъ крайнихъ.

Въ самомъ фактѣ нѣтъ ничего удивительнаго. Аналогичныя явленія имѣли мѣсто и раньше, будутъ имѣть мѣсто и впредь. Когда это имъ выгодно, либералы пользуются противъ крайнихъ демократовъ аргументами, заимствованными у марксизма. Какой либераль, борясь

противъ аграрной утопіи народниковъ, не воспользуется парой аргументовъ, взятыхъ на-прокатъ у марксистовъ? А развѣ реакціонеры сплошь и рядомъ не побиваютъ «матеріалистическими» доводами того или другого либеральнаго «идеалиста».

Разумѣется, и у реакціонера, и у либерала при этомъ не обходится безъ маленькаго... искаженія заимствованной у социализма мысли.

Въ передачѣ реакціонеровъ, матеріалистическій анализъ становится очень удобнымъ оружіемъ для проповѣди неизбежности даннаго порядка, и въ этомъ духѣ уже не одинъ борзописецъ «Московскихъ Вѣдомостей» интерпретировалъ противъ либераловъ матеріалистическое пониманіе исторіи, не одинъ зубатовецъ такой интерпретаціей пытался отвести пролетаріатъ отъ политической активности. И точно также политическій реализмъ, противопоставляемый социалдемократами утопическому романтизму, не однажды превращался подъ перомъ либерала въ оправданіе самаго вульгарнаго «практицизма».

Если вѣрно, что правые либералы пытаются эксплуатировать нашу «противобойкотную» пропаганду, то это производится такой же фальсификаціей нашихъ идей.

Мы говоримъ: участіе въ выборахъ можетъ стать орудіемъ революціонной борьбы. Демократы, стоящіе «за бойкотъ», напротивъ, склонны видѣть въ такомъ участіи безплодную и опасную игру. Умѣренныя либералы не раздѣляютъ опасеній демократовъ. Значить ли это, что, подобно намъ, они смотрятъ на свое участіе въ выборахъ, какъ на средство двинуть впередъ революцію?

Если либералы думаютъ (а они, несомнѣнно, такъ думаютъ) войти въ Думу для того, чтобы заниматься тамъ той игрой въ «вѣрноподданную оппозицію», какую они до сихъ поръ продѣлывали на земскихъ сѣздахъ, то это ихъ занятіе въ лучшемъ случаѣ будетъ совершенно безплоднымъ для дѣла русской свободы, въ худшемъ и очень вѣроятномъ сыграетъ въ руку реакціи. Если они надѣются «расширить рамки Думы» такъ называемыми «легальными» средствами, то они могутъ быть увѣрены, что очень скоро вступятъ въ острый антагонизмъ съ народными массами, которыя должны будутъ разсматривать всякое участіе въ «политической работѣ» законосовѣщательной Думы, какъ поддержку либералами надающаго режима, какъ стремленіе либераловъ еще дальше отойти отъ народнаго движенія.

Революціоннымъ, и, слѣдовательно, прогрессивнымъ можетъ быть только такое участіе въ выборахъ, которое ставитъ себѣ цѣлью «взорвать» Думу, а извнутри содѣйствовать этому взрыву можно, только поддерживая то движеніе, которое будетъ «взрывать» Думу снаружи

и которое одно только и может ее «взорвать». Либераль или демократъ, который явится въ Думу съ тѣмъ, чтобы тамъ всеми—вплоть дореволюціонныхъ—средствами отстаивать немедленный созывъ Учред. Собранія—такой либераль или демократъ можетъ своей дѣятельностью въ Думѣ содѣйствовать народной революціи. Всякое другое поведеніе, препятствуя обостренію конфликта между абсолютизмомъ и страной, превратитъ думскихъ либераловъ въ посмѣшнице реакціи и въ объектъ ненависти народа. Надо выбирать!

И мы думаемъ, что этотъ выборъ очень ясно стоялъ передъ тѣми демократами, которые предпочли высказаться за «бойкотъ». Понимая опасность полной компрометаціи своей партіи, если они, вступивъ въ Думу, не рѣшатся стать на революціонный путь, и не чувствуя готовности теперь же вступить на этотъ путь, они предпочитаютъ «гордо» отвернуться отъ участія въ избирательной борьбѣ, отъ участія въ Думѣ. Напротивъ, «умѣренные», отлично понимающіе «гдѣ раки зимуютъ» и твердо вѣрящіе въ возможность сдѣлокъ съ самодержавіемъ, готовы, на худой конецъ, пренебречь возростаемъ вражды къ нимъ народныхъ массъ.

Поэтому, совершенно наивно утвержденіе «Пролетарія» (№ 15), будто рѣшеніе бойкотировать Думу есть, со стороны демократіи, «первый шагъ къ сближенію съ революціоннымъ народомъ», дѣлающій для пролетаріата обязательной поддержку тактики этой демократіи. Столь мрачно подозрительный во всѣхъ случаяхъ жизни «Пролетарій» становится неопозволительно довѣрчивымъ къ демократіи и, при томъ, безъ всякихъ серьезныхъ основаній. Провозгласивъ «бойкотъ», сдѣлала ли демократія хоть одинъ шагъ, позволяющій думать, что она намѣрена начать борьбу революціонными средствами? Мы такихъ шаговъ не знаемъ. «Пролетарій»—тоже, но онъ питаетъ себя слѣдующими утѣшеніями: «если бойкотъ не хвастовство, если мобилизація («мобилизація всѣхъ демократическихъ силъ») не фраза, если возмущеніе держимъ вызовомъ (правительства) не актерство — тогда вы должны порвать съ «соглашателями», встать на сторону теоріи самодержавія народа, принять, и на дѣлѣ принять, единственно послѣдовательные лозунги революціонной демократіи: активное наступленіе, революціонная армія, временное революціонное правительство».

Все это очень убѣдительно, но... но все это заставляетъ насъ поставить одинъ лишь вопросъ: «а если это, дѣйствительно, фразы»? А если всѣ эти заявленія только прикрываютъ одно желаніе «переждать грозу», остаться въ сторонѣ отъ того остраго столкновенія пролетаріата съ абсолютизмомъ, которое неизбежно вспыхнетъ, когда вступить

въ силу «конституція» 6-го августа и которое столь же неизбежно потребуетъ отъ всѣхъ, участвующихъ въ Думѣ и не желающихъ оказаться въ лагерѣ реакціи, рѣшительныхъ шаговъ по тому революціонному пути, на которомъ разыграется это столкновение?

Мы имѣемъ полное право поставить этотъ вопросъ потому, что до сихъ поръ мелкобуржуазная демократія, о которой идетъ рѣчь, рѣшительно отвергала идею помощи активному народному движенію (напримѣръ, на съѣздѣ адвокатовъ), потому, что она не оказала никакой поддержки тому движенію, которое вспыхнуло въ іюнѣ, потому, что она и теперь, заговоривъ о бойкотѣ, не постаралась убѣдить насъ въ своей готовности идти за пролетаріатомъ¹⁾.

Да! Когда буржуазная демократія рѣшится свои силы отдать дѣлу революціонной борьбы, тогда мы съ ней готовы будемъ серьезно по-толковать о томъ, не пригодится ли для цѣли обостренія конфликта

¹⁾ Вотъ иллюстрація къ только что сказанному: умѣренные „Русскія Вѣдомости“ заявляютъ: „Бюрократія знаетъ, что Государственная Дума, если она хотя и въ слабой степени огорчитъ настроеніе страны, не поддержитъ расшатывающагося режима и нанесетъ ему послѣдній ударъ“. Либеральная фанфаронада о „нанесеніи послѣдняго удара“ при условіи „слабago отраженія настроенія страны“, конечно, никого не убѣдитъ. Призывъ „сплотиться и сомкнутымъ строемъ идти на штурмъ бюрократической цитадели“ больше всего говоритъ о желаніи умѣренно-либеральной газеты избѣжать политическаго соперничества на выборахъ между приличными демократами и безцѣтными либералами, а, можетъ быть, даже и между тѣми и другими съ одной стороны и „шпиовцами“ съ другой. Готовясь къ дѣйствительному „штурму“, зовуть прежде всего не къ выборамъ, а къ организаціи народныхъ массъ. И заключительная фраза газеты—„Всякое воздержаніе отъ выборовъ при такихъ обстоятельствахъ является преступленіемъ. Ни одинъ голосъ со стороны прогрессивныхъ партій не долженъ пропасть,“—эта фраза явно говоритъ о желаніи возложить всѣ надежды на борьбу на „парламентской“ почвѣ. Съ другой стороны, посмотрите, какъ рикостируетъ радикальный „Сынъ Отечества“, тяготящій къ „бойкоту“. Разбирая соображеніе „Нашей Жизни“ о необходимости ознакомить избирателей съ программами кандидатовъ, газета спрашиваетъ: „Должны ли эти программы печататься съ разрѣшенія цензуры или безъ ея вѣдома? Если съ разрѣшенія, то много ли партійныхъ программъ дойдеть до избирателя въ своемъ настоящемъ видѣ. Если безъ ея вѣдома, то много ли найдется кандидатовъ (курсивъ нашъ), которые рѣшатся снабдить своей подписью такіа нелегально изданныя программы? А, если это и рѣшится, то онъ попадетъ, конечно, но отнюдь не въ Думу“...

Не очевидно ли, товарищи изъ „Пролетарія“, что демократическіе сторонники бойкота не столько „качнулись“ въ сторону революціи, сколько „откачнулись“ отъ перспективы „предварилки“, грозящей въ случаѣ серьезной избирательной агитаціи?

страны съ самодержавной бюрократіей предлагаемый ею «бойкотъ». Но, съ другой стороны, мы думаемъ, что, когда это совершится, то вопросъ о «бойкотѣ» замѣнится и для буржуазной демократіи совершенно другимъ вопросомъ: объ организаціи революціоннаго самоуправленія, а слѣдовательно, (имѣйте въ виду это, тов. Ленин!), а, слѣдовательно, и революціонной арміи и агрессивной гражданской войны противъ реакціи.

До тѣхъ же поръ, мы позволяемъ себѣ предложить буржуазной демократіи, чтобъ она намъ показала на дѣлѣ, какъ она будетъ мобилизовать на почвѣ бойкота «всѣ демократическія силы», которыя находятся въ ея «вѣдомствѣ»: крестьянство и мелкую буржуазію. Мы попросимъ ее сначала оправдать слялогизмъ «Пролетарія» о томъ, что сказавшій «бойкотъ» уже тѣмъ самымъ сказалъ «открытое активное выступленіе»... Но буржуазная демократія вовсе не думаетъ спѣшить показать намъ свой прогрессъ отъ тактики «банкетовъ» къ революціонной тактикѣ. Провозглашая «мобилизацію», она про себя прибавляетъ:

„Туда умнаго не надо—
„Я пошлю туда Реада,
„А тамъ—посмотрю“,

и посылаетъ въ бой пролетаріатъ, вотируя необходимость массовой политической стачки, т. е. средства борьбы, которое по своему характеру является серьезнымъ орудіемъ лишь въ рукахъ наемныхъ рабочихъ, а для всей массы мелкобуржуазныхъ собственниковъ вовсе непримѣнимо; и подмигиваетъ одобрительно тѣмъ, кто, подобно бундистамъ въ «Послѣднихъ Извѣстіяхъ», общается пролетарскими кулаками «разогнать» выборщиковъ для того, чтобы не дать собраться этой неприятной Думѣ, въ которой—реакція постаралась!—въ первый же день придется бѣдному демократу сказать ясно: за что онъ стоитъ—за самодержавіе бюрократіи или за самодержавіе народа?

Роль генерала Реада на посылкахъ у «Союза союзовъ» не прельститъ, надо думать, ни одного социалиста. И мы можемъ только предостеречь отъ этой «идеализаціи» тактики лѣвыхъ элементовъ демократіи, которою переполнена статья № 15 «Пролетарія». Редакціи этого органа, повидимому, удалось убѣдить себя, что «Искра» рекомендуетъ тактику хожденія «въ хвостъ монархической буржуазіи». Это—потому, что самъ «Пролетарій» видитъ выборъ только между пассивнымъ приобщеніемъ къ тактикѣ одной изъ изъ двухъ фракцій буржуазной оппозиціи. Ограничивъ себя этими рамками, онъ, подобно представителямъ обѣихъ этихъ фракцій, рѣшаетъ, что тактика «Искры» прибли-

жается къ желаніямъ умѣренныхъ. Но, если и умѣренные и крайніе буржуа имѣютъ нѣкоторое право не знать, что кромѣ либеральнаго оппортунизма и революціонной демократической фразы, есть еще тактика пролетарской революціи, то «центральный органъ» т. Ленина обязанъ это знать. Самостоятельная классовая тактика пролетаріата не идеализируетъ ни праваго, ни лѣваго крыла буржуазіи. Соціалдемократія знаетъ, что въ данный моментъ и правые и лѣвые къ революціоннымъ приемамъ борьбы не намѣрены приступить; рассчитывая, что «лѣвые» современемъ будутъ двинуты на путь революціи, она и не думаетъ на этомъ основаніи оказать имъ теперь же слишкомъ большой политической кредитъ, чтобы не оказаться самой въ роли обладательницы кучи дутыхъ векселей. Передъ социалдемократіей стоитъ вопросъ: какъ использовать въ интересахъ революціи (а, слѣдовательно, и въ интересахъ классового сплоченія пролетаріата) Булгинскую «конституцію». Требуя, чтобы всѣ враги стараго порядка мобилизовали свои силы для борьбы за созывъ Учредительнаго Собранія, социалдемократія, должна рассчитывать только на вліяніе организованнаго давленія пролетаріата, какъ на правые, такъ и на лѣвые и крайніе лѣвые элементы буржуазной оппозиціи. Вовлеченіе послѣднихъ въ водоворотъ революціонной борьбы возможно будетъ лишь постольку, поскольку социалдемократія окажется активной и грозной силой, поскольку, слѣдовательно, она сумѣетъ въ ходѣ данной борьбы мобилизовать массы пролетаріата. Тактика «бойкота» на нашъ взглядъ никакихъ массъ не мобилизуетъ. Мобилизовать ихъ можетъ всего лучше или избирательная кампанія—если бы пролетаріатъ получилъ право голоса—или организація революціоннаго самоуправленія, въ которой можно приступить, воспользовавшись избирательной кампаніей тѣхъ классовъ, которые «дорвались» до Думы. Возможно, что расшатка самодержавія еще не достигла той степени, а силы социалдемократіи еще недостаточно велики, чтобы теперь же ей удалось достигнуть въ этой области «осязательныхъ» результатовъ. Но и въ этомъ случаѣ все, что она успѣетъ, хотя бы мѣстами, одѣлать для организаціи массъ на почвѣ революціоннаго самоуправленія, сослужить большую службу въ будущемъ. И лишь въ той мѣрѣ, въ какой она будетъ успѣвать въ дѣлѣ организаціи революціоннаго самоуправленія, она сможетъ заставить буржуазныхъ демократовъ идти за нею на пути къ рѣшительной борьбѣ.

Трудно думать, чтобы «Пролетарій» не понималъ хода нашей мысли. И, тѣмъ не менѣе, онъ дерзаетъ говорить объ «оппортунистической» и «революціонной» тактикѣ двухъ фракцій нашей партіи.

Но, вѣдь, давно уже извѣстно, что нежеланіе засѣдать въ правительствѣ въ роли меньшинства вмѣстѣ съ представителями нынѣшняго «Союза союзовъ» есть признакъ оппортунизма. Съ этой «революціонной» точки зрѣнія будущихъ русскихъ министровъ (виноватъ! министерской партіи, ибо «Пролетарій» протестуетъ противъ приписыванія «вождямъ фракціи намѣренія стать у власти»), съ этой точки зрѣнія, наша тактика, рассчитанная на классовую самостоятельность и высшую революціонную активность пролетаріата, не можетъ не казаться «оппортунистической».

Л. Мартосъ.

Бакинскія звѣрства.

(10 сент. 1905 г., № 110).

Огонь и мечъ царятъ на Кавказѣ... Тысячами косятся человѣчскія жизни, стаптываются засѣянными поля, цвѣтушія деревни исчезаютъ съ лица земли, города лежатъ въ развалинахъ... И только, когда въ городѣ не остается уже жителей, тогда смокаютъ выстрѣлы, потому что некому уже стрѣлять, только тогда потомокъ выгнаннаго французами коронованнаго авантюриста, а нынѣ «усмиритель» на службѣ російскаго правительства, — Людовикъ Бонапартъ можетъ телеграфировать Петербургу: въ Шушѣ все спокойно.

Въ Шушѣ все спокойно! Такъ становилось постепенно «спокойно» и въ Петербургѣ, и въ Варшавѣ, и въ Лодзи, и въ Ригѣ, и въ Иваново-Вознесенскѣ, и въ Одессѣ, и въ Кишиневѣ, и въ Черноморскомъ флотѣ... Такъ становится «спокойно» въ той далекой Манчжуріи, гдѣ не осталось вершка земли, не обогрѣннаго кровью... Трупы искалѣченныхъ солдатъ, убитыхъ мирныхъ гражданъ, изнасилованныхъ женщинъ, растерзанныхъ дѣтей... какимъ утѣшительнымъ «спокойствіемъ» вѣсть отъ нихъ для правительства! Сколько разверзтыхъ могилъ — столбиками врагами, сегодняшними или завтрашними, у него меньше! Сожнутые навѣки уста, застывшіе въ посмертномъ окоченіи руки — какъ хорошо это для «охраненія государственнаго порядка и спокой-

ствія!» И баяны деспотизма, подвизающіеся въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», уже оладостратно смакують картину «успокоенія, распространенаго на всю Россію». Кровавыя усмиренія, разстрѣлы, висѣлины должны трупами «грамольнаго» народа покрыть страну. Труны не говорятъ, они не борются. Правда, самымъ мертвымъ молчаніемъ своимъ они вопіють. Но къ этому воплю глухи правительственныя башибузуки; онъ находитъ могучій, тысячекратный откликъ лишь въ сердцахъ измученнаго, горящаго огнемъ революціоннаго возбужденія, страстно рвущагося къ освобожденію многомилліоннаго народа; онъ отзовется въ безпощадной карѣ, въ безпощадной мести народа угнетателямъ, которые каждый день своего смраднаго существованія побулаютъ цѣною тысячей человѣческихъ жизней. «Но... когда-то все это еще будетъ! Быть можетъ, на нашъ вѣкъ хватитъ возможности безнаказанно носиться опустошающимъ ураганомъ по всей странѣ; а послѣ насъ хоть потопъ!» думаютъ російскіе помпадуръ всѣхъ ранговъ. А пока что, такъ пріятно читать отрадное извѣстіе наемнаго привнца: въ Шушѣ все спокойно!

Но еще въ Шушѣ не успѣло все «успокоиться», какъ правительство предпріяло новый, болѣе грандіозный опытъ «успокоенія» въ Баку. Что бы ни говорили слуги деспотизма, какъ бы ни усердствовали продажныя газеты въ описаніи раздиравшей бакинское населеніе «національной вражды», какъ бы горестно ни вздымалъ руки къ небу Іуда Суворинъ, не перестававшій въ своемъ «Новомъ Времени» всячески раздувать эту «вражду» по прямому порученію правительства, факты установлены незыблемо. Всѣмъ извѣстно, что еще во время февральской рѣзни застрѣльщиками и кововодами полу-дикихъ невѣжественныхъ татаръ являлась бакинская полиція съ бакинскимъ губернаторомъ княземъ Накашидзе во главѣ. Всѣмъ извѣстно, что послѣ этой рѣзни, которую пришлось «преждевременно» прекратить, благодаря рѣшительному вышпательству организованнаго безъ различія національности бакинскаго пролетаріата, власти открыто вооружала татаръ окрестныхъ деревень бердаиками, доставлявшимися съ казенныхъ заводовъ. Всѣмъ извѣстно, что когда рабочіе и промышленники соединились вмѣстѣ, чтобы организовать революціонную охрану жителей и промысловъ, правительство всѣми силами препятствовало вооруженію этой охраны и не далѣе, какъ 2 недѣли тому назадъ, отказало нефтепромышленникамъ въ разрѣшеніи закупить оптомъ оружіе. Всѣмъ извѣстно, что тамъ, гдѣ только было можно, правительство жадно ухватывалось за національныя и релігіозныя антагонизмы, затемняющіе и осложняющіе классовую борьбу, и старалось раздуть

искры традиционной расовой и религиозной ненависти в пламя пожара, в которомъ, во взаимной враждѣ и бойнѣ, истощались бы силы всѣхъ сторонъ, потонула бы все ярче и ярче разгорающаяся ненависть всѣхъ народностей къ душашему всѣхъ ихъ режиму. Имеемъ крестьянина и помѣщика, имеемъ рабочаго и фабриканта, имеемъ латыша, эстонца и вѣмца, имеемъ поляка, еврея и русскаго, правительство попеременно, съ одинаковою злобною радостью натравливало другъ на друга всѣ народности, всѣ классы Россіи, истощая ихъ во взаимной враждѣ, искусственно задерживая ихъ на ступени примитивной, неразвитой, а потому губительной борьбы,—въ которой братъ не узнавалъ брата,—отклоняя удары всѣхъ ихъ отъ своей преступной головы. Начиная крестовый походъ въ Гомелѣ, Бѣлостокѣ, Кшипиневѣ во имя Христа, правительство съ такимъ же удовольствіемъ поднимало кавказскихъ и персидскихъ татаръ на «газавать» во имя Магомета.

И то ужасное, непоправимое бѣдствіе, которое обрушилось на бакинскій нефтепромышленный районъ, есть—несомнѣнно и очевидно для всѣхъ—дѣло грязныхъ, кровавыхъ рукъ російскихъ сатраповъ. Какъ вездѣ въ Россіи, правительство пользовалось стихійною, слѣпою, не освѣщенной классовымъ сознаніемъ ненавистью быстро пролетаризирующагося татарскаго крестьянина къ армянской буржуазіи, къ армянскимъ Колупаевымъ и Разуваевымъ, чтобы натравить его на армянскаго рабочаго. Ужасная, но старая исторія. Мы видѣли ее въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ ненависть латышскихъ и эстонскихъ крестьянъ и мѣщанъ къ нѣмецкимъ помѣщикамъ и нѣмецкой буржуазіи правительство старалось обратить въ ненависть къ «нѣмцамъ» вообще; видимъ въ сѣверо-западномъ краѣ и на югѣ, гдѣ искупительной жертвой за преступления деспотизма должны служить евреи, видимъ въ Польшѣ, въ Финляндіи. И мы знаемъ, по имѣющимся уже налицо историческимъ примѣрамъ знаемъ, что классовый инстинктъ и классовое сознаніе пробьютъ себѣ путь черезъ толстую кору грязи и крови, подъ которою хочеть задавить правительство классовое движеніе пролетаріата; что, несмотря на остроту и живучесть національныхъ традицій, несмотря на то, что эти же традиціи находятъ себѣ мощную—я столь выгодную для правительства—поддержку въ дѣятельности пытающихся опереться на нихъ буржуазныхъ революціонныхъ партій, несмотря даже на то, что и социалистическое движеніе пролетаріата на первыхъ шагахъ своихъ не всегда и не всюду умѣетъ начисто раздѣлаться съ національною ограниченностью и національными предрасудками; мы знаемъ, несмотря на все это, что самое обостреніе борьбы, вызываемое челоѣконенавистническою про-

повѣдѣю правительственныхъ громилъ, втягиваетъ въ нее слонъ, которые, быть можетъ, иначе еще долго спали бы политическимъ сномъ, и готовить благодарную почву для социалдемократической проповѣди классовой солидарности, полного тождества классовыхъ интересовъ пролетаріевъ всѣхъ племенъ и всѣхъ языковъ.

Люди могутъ долго бороться между собою мелкими подвохами, мелкими взаимными непріятностями просто по инерціи, по привычкѣ, по традиціи, но люди не могутъ грабить, жечь, рѣзать другъ друга, заливать кровью города, разрушать источники своего собственного существованія, безъ того, чтобъ у нихъ не всталъ рѣзко и опредѣленно вопросъ: зачѣмъ все это, изъ-за чего вражда? Но, когда этотъ; вопросъ встанетъ въ головахъ рабочихъ, будь то русскіе, армяне, татары, евреи, поляки, латыши, не много времени понадобится имъ, чтобы убѣдиться, что на разныхъ языкахъ, но одно и то же говорятъ всѣ они, не много времени понадобится, чтобы натравленные другъ на друга братья прозрѣли, подали другъ другу руки для совмѣстной беспощадной борьбы съ тѣмъ, кто такъ кровожадно насмѣялся надъ ними. Если февральская бакинская рѣзня положила начало социалдемократической организаціи татаръ, то можно быть увѣреннымъ, что нынѣшнія, еще болѣе ужасныя событія быстро подвинутъ впередъ дѣло объединенія пролетарской борьбы на Кавказѣ.

Но на правительствѣ останется вина за тѣ кровавые ужасы, которыми сопровождается пробужденіе татарскаго пролетаріата къ революціонной классовой борьбѣ, которыми знаменуется начало кавказскаго возстанія.

Конечно, слѣное, какъ всегда, правительство не рассчитало всѣхъ послѣдствій своихъ шаговъ; оно забыло, что въ атмосферѣ, насыщенной порохомъ, нельзя играть съ огнемъ; оно не поняло, что при томъ страшномъ революціонномъ возбужденіи, которое схватываетъ всю страну сверху до низу, оно властно развязать движеніе, но не властно остановить его. И нѣтъ сомнѣнія, что бакинскія событія пошли куда дальше, чѣмъ того хотѣли ихъ инициаторы. Они думали устроить одну изъ тѣхъ примѣрныхъ бойней, какія такъ счастливо удавались въ Гомелѣ и Кипиневѣ; они думали, водворивъ «миръ» на Дальнемъ Востокѣ, заодно маленькимъ кровопусканіемъ «заморить» и бунтующій Кавказъ. И вмѣсто этого—вдругъ ужасающая трагедія, которая еще отзовется могучими потрясеніями всей хозяйственной жизни Россіи. Хищники зарвались. Когда они поняли, какой страшный ударъ они нанесли самимъ себѣ, было уже поздно! Ихъ артиллерія могла остановить

кровавое пролитіе; она не могла возстановить разрушеннаго питательнаго нерва всей русской промышленности.

Городъ Баку разрушенъ; убитые и раненые считаются тысячами; промыслы уничтожены почти до основанія; на ихъ возстановленіе потребуются мѣсяцы; 40.000 рабочихъ выброшено на улицу; волжское судоходство и значительная часть русской промышленности оставлены безъ топлива и вынуждены будутъ съобрать или вовсе прекратить производство; это значитъ, что русскіе города переполнятся новыми сотнями тысячъ безработныхъ, голодныхъ, въ дополненіе къ тѣмъ милліонамъ голодающихъ, которые появятся въ результатъ огромнаго неурожая. И только, когда все это стало уже непоправимымъ фактомъ, только тогда правительство опомнилось и рѣшило: «охрана нефтяныхъ промысловъ есть дѣло первоостепенной государственной важности». Оно, которое сдѣлало все, чтобы вызвать разрушеніе промысловъ; оно, которое сдѣлало все возможное, чтобы не дать революціонному самоуправленію бакинскихъ гражданъ взять на себя эту охрану; оно теперь готово «охранять» промыслы, когда ихъ уже нѣтъ, когда нечего охранять!

Въ такихъ то обстоятельствахъ правительство пытается еще искать «виноватаго», на котораго можно было бы свалить свои собственныя злодѣянія. Намѣстникъ Кавказскій уже нашелъ «виноватаго» — въ лицѣ революціонныхъ партій и сообществъ! Но, обличая ихъ, рыцарскій сатрапъ только подчеркиваетъ истинныя причины, произведенныхъ по наущенію правительства злѣвѣствъ. Онъ прямо говоритъ, что вина революціонныхъ партій въ томъ, что онѣ стремятся къ измѣненію существующаго образа правленія. Этого довольно! Давно извѣстно, зачѣмъ правительство устраивало еврейскіе погромы, черкесотенные походы, армянскую рѣзню. Оно само неоднократно проговаривалось объ этомъ въ своихъ «сообщеніяхъ». Кавказскій намѣстникъ еще разъ заявляетъ русскимъ гражданамъ: за то, что вы не хотите жить въ рабствѣ, за то, что чувствуете себя не подданными, а гражданами, за то, что вы стремитесь къ измѣненію образа правленія, при которомъ на алтарѣ торговыхъ прибылей высокопоставленныхъ лицъ могутъ безнаказанно приноситься въ жертву ваши жизни и ваше достоинствіе, — за все это я буду вооружать хулигановъ, вооружать темныхъ татаръ и натравливать ихъ на васъ, безоружныхъ; за все это я буду разрушать ваши деревни и города, уничтожать вашу промышленность, выгонять васъ на улицу безъ работы и безъ хлѣба! И, совершивъ все это, я приглашу васъ «успокоиться» въ нѣдрахъ Государственной Думы, которая де вырываетъ почву изъ-подъ ногъ у подпольныхъ организацій!

Правительству придется еще раз убѣдиться, что дѣло обстоит не совсѣмъ-то такъ, какъ оно себѣ представляетъ. Чтобы вырвать почву изъ-подъ ногъ у подпольныхъ организаціи, его Дума должна была бы быть совсѣмъ иного калибра, именно такого, какового оно и не можетъ дать, оставаясь самовластнымъ; потому что «вырвать почву» можно только тѣмъ, что «подпольныя» организаціи станутъ явными и охваченное ими могучее движеніе народныхъ массъ камня на камнѣ не оставитъ отъ всей абсолютистской постройки. Но не только на счетъ «вырыванія почвы» грозитъ ему жестокое разочарованіе. Нѣтъ, и насчетъ истинныхъ виновниковъ бакинской катастрофы и всѣхъ связанныхъ съ нею бѣдствій народъ долженъ быть и будетъ освѣдомленъ.

Каждый безработный рабочій долженъ будетъ знать, кто оставилъ его безъ работы; онъ долженъ знать, какъ звѣрская политика напередъ чѣмъ не останавливающагося режима привела къ ужаснѣйшему разоренію всей страны; онъ долженъ будетъ знать, съ какою цѣлью ведется правительствомъ систематическое натравливаніе одной народности на другую: какъ война на Дальнемъ Востокѣ, какъ бы подъ увеличительнымъ стекломъ, показала всю губительность абсолютизма и всѣ его язвы, такъ бакинская катастрофа своими колоссальными размѣрами дѣлаетъ доступнымъ всѣмъ и каждому смыслъ той травли «инородцевъ», того разжиганія вражды между національностями, которое на-ряду съ черносотенною агитаціею, стало теперь важнѣйшимъ дѣломъ правительственныхъ чиновниковъ, начиная отъ намѣстниковъ и кончая городовыми.

Но, кромѣ рабочихъ, и всѣ другіе слои населенія, прямо или косвенно задѣтые катастрофой, не смогутъ оставаться дольше равнодушными зрителями политики «натравливанія». Въ малыхъ размѣрахъ она была терпима для незатронутыхъ ею непосредственно слоевъ. Направленная противъ «интеллигенціи» въ видѣ черносотенныхъ безчинствъ—она могла даже встрѣчать кой-какое поощреніе или, по крайней мѣрѣ, злобное удовлетвореніе у тѣхъ, кто въ понятіи «баринъ» топилъ всѣ отгѣнки и различія въ средѣ привилегированныхъ классовъ. Но бакинскія событія ударятъ больно и всю сочувствовавшую подвигамъ правительства, по части держанія знамени «народности», или насивно-равнодушную къ этимъ подвигамъ публику. Экономическія послѣдствія бакинской катастрофы ударятъ по карману всякаго мелкаго лавочника, всякаго базарнаго торговца, всякаго трактирщика, всякаго мѣщанина и крестьянина. Правительство сдѣлало все, чтобы и этой части населенія внушить основательное отвра-

щеніе къ своей хулиганско-націоналистической агитаціи, чтобы и ее толкнуть въ оппозицію къ той политикѣ крови и желѣза, которую еще только и держится деспотизмъ.

Ну, а для Кавказа бакинскія событія, конечно, значать и еще болѣе. То, что уже произошло послѣ нихъ въ Тифлисѣ, Ватумѣ, Сухумѣ и другихъ мѣстахъ, показываетъ, что, быть можетъ, своими подвигами правительство само дало послѣдній толчокъ той лавинѣ кавказскаго возстанія, которая такъ явно готовится обрушиться со дня на день. И нѣтъ сомнѣній, что не правительство выйдетъ побѣдителемъ изъ этого возстанія, ибо нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что кавказское движеніе не останется одинокимъ...

Ф. Дакъ.

На очереди.

(10 сентября 1906 г., № 110).

«Бойкотъ» Думы и революціонное самоуправленіе народа.

Было бы удивительно, еслибъ одѣланное въ «Искрѣ» предложеніе по вопросу о тактикѣ социалдемократіи по отношенію къ Булыгинской Думѣ не вызвало со стороны «Пролетарія» самыхъ горячихъ, хотя и совершенно безтолковыхъ возраженій. «Соціалдемократическая маниловщина», «путаница», «уклоненіе отъ единственно революціонной тактики пролетаріата» — такими словечками редакція пытается «уничтожить» нашъ скромный плакъ.

Но слова словами, а дѣло заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться внимательно. Какую позицію въ этомъ вопросѣ думаютъ занять наши «большевики»?

«Искра» отвергла «пассивный бойкотъ» Думы; «Пролетарій» также отвергаетъ его, именно потому, что онъ пассивенъ. Далѣе, газета указываетъ, что по существу, вопросъ о бойкотированіи или небойкотированіи думы есть вопросъ «внутренней буржуазной демократіи», и про-

летаріатъ долженъ при рѣшеніи вопроса, какое ему поддерживать изъ двухъ теченій внутри демократіи, отдать предпочтеніе тому теченію, которое будетъ болѣе революціонизировать политическую жизнь.

Нельзя не замѣтить, что авторъ статьи съ самаго начала сунулъ постановку вопроса, чѣмъ отчасти подготовилъ себѣ и неправильное рѣшеніе тактической задачи. Надо было выяснить сначала: какъ долженъ дѣйствовать, при данномъ положеніи общественныхъ силъ, по отношенію къ созываемой Думѣ пролетаріатъ? Въ зависимости отъ отвѣта на этотъ вопросъ, мы уже могли бы рѣшать, какая изъ двухъ пропагандируемыхъ внутри буржуазной демократіи тактикъ выгоднѣе для социалдемократіи, т. е. для революціи? какую социалдемократіи будетъ легче использовать для ускоренія революціоннаго развитія?

Идя другимъ путемъ къ рѣшенію тактической задачи, «Пролетарій» съ самаго начала ставитъ тактику социалдемократической партіи въ зависимость отъ тактики буржуазной демократіи, т. е. отъ тактики болѣе революціоннаго изъ двухъ ея теченій. Но размахъ нашей собственной борьбы можетъ быть только суженъ тѣмъ, что мы стремимся не наиболѣе революціонную для данныхъ обстоятельствъ тактику развить, но лишь сравнительно болѣе революціонную тактику буржуазіи поддержать.

Самый вопросъ о болѣе революціонной тактикѣ буржуазной демократіи «Пролетарій» рѣшаетъ такъ:

Рабочій классъ... «безусловно заинтересованъ въ поддержкѣ той части буржуазной демократіи, которая революціоннѣе, окъ заинтересованъ въ расширеніи политической агитаціи и обостреніи ея. Бойкотъ Думы—есть усиленное обращеніе буржуазіи къ народу, развитіе ея агитаціи, увеличеніе числа поводовъ нашей агитаціи, углубленіе политическаго кризиса, т. е. источника революціоннаго движенія. Участіе либеральной буржуазіи въ Думѣ—есть ослабленіе ея агитаціи въ настоящемъ, обращеніе ея болѣе къ самодержавной бюрократіи, чѣмъ къ народу, приближеніе контръ-революціонной сдѣлки между самодержавной бюрократіей и буржуазіей».

Быть можетъ, теперь, послѣ опубликованія «Положенія о Государственной Думѣ», «Пролетарій» признаетъ, что участіе либераловъ въ выборахъ не только не отвлечетъ ихъ отъ обращенія къ народу, но, наоборотъ, впервые сдѣлаетъ такое обращеніе вопросомъ жизни и смерти для либерализма? Какъ извѣстно, избирательный законъ рассчитанъ на то, чтобы болѣе или менѣе подневольными голосами крестьянъ и болѣе или менѣе «черносотенными» голосами мѣщанъ мелкихъ городовъ за-

давить голоса «просвѣщенной» земельной и городской буржуазіи. Участвіе въ такъихъ выборахъ требуетъ отъ либераловъ, чтобы она «усиленно обращалась къ народу», стоя повсюду впереди въ защитѣ свободы выборовъ, разжигала конфликты между массой избирателей и администраціей, которые будутъ неизбѣжно возникать изъ бонапартистскаго характера всей Вулыгиноской затѣи. Кто хочетъ, чтобы либералы серьезно «обратились къ народу» (а «Пролетарій» хочетъ этого), тотъ долженъ желать, чтобы они приняли участіе въ выборахъ въ Думу.

Создавая свое «Положеніе», правительство хорошо знало, къ чему оно стремится: удаливъ изъ числа избирателей пролетаріатъ и демократическую интеллигенцію, оно ставитъ лицомъ къ лицу въ избирательныхъ коллегіяхъ социальныя группы, наименѣе политически воспитанныя и наименѣе политически объединенныя, то-есть, наименѣе способныя отвѣчаться отъ минутныхъ групповыхъ интересовъ и возвыситься до пониманія своихъ классовыхъ интересовъ въ цѣломъ. Столкнувая такія группы между собою и тщательно устраняя отъ общенія съ ними тѣ элементы, которые могли бы внести въ ихъ взаимную дробную борьбу революціонно-объединяющее начало, правительство рассчитываетъ эксплуатировать въ свою пользу ихъ взаимные конфликты. Это обстоятельство должно особенно отталкивать идеологовъ буржуазіи отъ участія въ избирательной борьбѣ. Не даромъ московскій либераль, г. Головинъ, съ сокрушеніемъ говорилъ о будущемъ «парламентѣ лавочниковъ». Но мы то, вѣдь, хорошо знаемъ, что столкновение социальнo-групповыхъ интересовъ, въ какой примитивно-грубой формѣ оно бы ни совершалось, есть, въ концѣ концовъ, основной «источникъ революціоннаго движенія» и, между прочимъ, именно потому, что такое столкновение вынуждаетъ политическихъ идеологовъ «обращаться къ народу», олявать однородные по социальнымъ интересамъ элементы въ политическія партіи.

Всѣмъ извѣстна эволюція россійскаго буржуазнаго либерализма и буржуазной демократіи. Еще 2—3 года назадъ тотъ и другая были въ высшей степени не-народными партіями, въ томъ смыслѣ, что оставались, и отчасти намѣренно оставались, далекими тѣмъ самымъ слоямъ народа, интересы которыхъ, по крайней мѣрѣ, въ данный моментъ они брались представлять. Мы говоримъ обыкновенно о «мелкобуржуазномъ» характерѣ «освободительской» демократіи, говоримъ съ полнымъ основаніемъ. А между тѣмъ фактъ тотъ, что досамаго послѣдняго времени эта демократія и представленная ею идеологически масса подлиннаго мелкаго мѣщанства—городского особенно и сельскаго—въ значительной мѣрѣ находились въ самыхъ враждебныхъ взаимныхъ отношеніяхъ. И если въ послѣдніе мѣсяцы буржуазная демократія порывается «пойти въ народъ», то, смѣемъ

увѣрить редакцію «Пролетарія», она это дѣлаетъ не столько въ силу того, что ее «толкаетъ» къ этому социалдемократія разоблаченіемъ ея «половинчатости», сколько въ силу того, что все ближе приближается моментъ, когда она явится дѣйствительнымъ вершителемъ политическихъ судебъ страны. А приближеніе этого момента тѣсно связано съ первыми же выборами, въ которыхъ «благороднымъ» Петрункевичамъ придется ставить свои кандидатуры передъ тѣми, кого нынче прорзительно называютъ «лавочниками», кого завтра уже придется величать «коммерсантами».

Практическая необходимость выступить политическими дѣятелями передъ этими—получившими нынѣ право голоса—народными слоими скорѣе всего очистить русскихъ либераловъ и демократовъ отъ присущаго имъ традиціоннаго барскаго отношенія къ «черни», столь тѣсно связаннаго съ полной ихъ неспособностью къ мужественнымъ дѣйствіямъ. Общеніе съ этой «чернью» на той аренѣ, гдѣ «чернь» явится хозяиномъ положенія, скорѣе всего вынудитъ либераловъ рассчитывать въ своей политикѣ на массы; необходимость же—подъ угрозой полнаго разгрома «черной сотней»—пробивать себя къ этой «черни» дорогою сквозь частоколы, которые на всемъ пути наставило и еще наставить полицейское самодержавіе, самымъ вѣрнымъ путемъ приведетъ ихъ къ познанію всей тщеты маниловскихъ иллюзій о «мирномъ» развитіи и заставитъ ихъ—подъ давленіемъ все той же угрозы—толкать на борьбу съ этимъ режимомъ свой отсталый «народъ».

Ошибка, въ которую впалъ «Пролетарій», имѣетъ 2 источника: во первыхъ, изслѣдуя революціонность двухъ буржуазныхъ тактикъ, почтенная газета—и это все чаще и чаще случается съ ней по мѣрѣ того, какъ она все дальше уходитъ отъ марксизма,—беретъ «революціонность» со стороны субъективнаго настроенія опредѣленной группы, а не со стороны объективнаго значенія ея политики. Субъективно, конечно, настроеніе, подсказывающее тактику «бойкота», революціоннѣе, чѣмъ то, которое побуждаетъ нѣкоторыхъ лѣвыхъ земцевъ не уклоняться отъ участія въ выборахъ. Но объективное значеніе пропагандируемаго воздержанія сводится только къ тому, что буржуазная демократія приглашается еще немножечко «погодить» идти въ «народъ», пока революціонный пролетаріатъ и внѣшнія неудачи не загонятъ правительство въ такой тупикъ, изъ котораго ему придется приманивать къ себѣ обывателя уже «заправскимъ» парламентомъ, разоруженіемъ разнузданной теперь «черной сотни».

Второй источникъ ошибки «Пролетарія» заключается, какъ выше указано, въ узости самой постановки вопроса, въ исканіи не наибо-

лѣе революціонной тактики, которую пролетариатъ долженъ навязать демократіи, а лишь болѣе революціонной между тѣми, которыя намѣтились уже въ самой этой демократіи. Безспорно, за тактику участія въ выборахъ высказались и должны были высказаться внутри буржуазной демократіи, прежде всего, наиболѣе оппортунистическіе ея элементы, которые и не могутъ себѣ представить этого участія иначе, какъ въ видѣ ступени къ полному миру съ правительствомъ. Но это только и значить, что, если мы можемъ «держать» оказывать свое вліяніе на весь ходъ національно-политической жизни, то мы должны попытаться поднять ее выше плоскости, въ которой движутся обѣ намѣтившіяся въ демократіи политическія тактики, и, отвергая одинаково, какъ либеральное «приспособленіе къ Думѣ», такъ и демократическое «бойкотированіе» ея, выставить на своемъ знамени и сдѣлать лозунгомъ общенациональнаго движенія «революціонное преодоленіе» булыгинской «конституціи».

Вмѣсто того, чтобы пассивно приспособляться къ «болѣе» революціонной—по намѣреніямъ ея adeptовъ!—тактикѣ одной изъ фракцій демократіи, «Искра» предлагаетъ рабочимъ организовать такую агитаціонную кампанію «незаконныхъ» всенародныхъ выборовъ, которая заставила бы всю буржуазную демократію приспособить свою тактику къ этому «новому факту» политической жизни по мѣру того, какъ практика выборовъ «законныхъ» будетъ все болѣе и болѣе обострять политическую борьбу между прогрессивными и реакціонными силами нашего отечества. И «Пролетарій» рассчитываетъ найти нѣкоторое количество «добрыхъ людей (употребляя любимое выраженіе т. Н. Ленина), которыхъ можно будетъ убѣдить въ томъ, что такая тактика есть именно уклоненіе отъ единственно-революціонной тактики пролетариата!»

Дабы оглушить заранѣе этихъ «добряковъ», авторъ передовицы угрожающе напоминаетъ о «земской кампаніи «Искры».

Напоминаніе сдѣлано очень котаи и мы имъ воспользуемся. Параллель, дѣйствительно, умѣстна.

Когда либералы вели свою земскую кампанію, то среди нихъ намѣчались двѣ тактики: одна, которую можно приурочить къ фигурамъ Стаховичей и Шиповыхъ, другая, которой слѣдовали будущіе «конституціоналисты». Тактикѣ тѣхъ и другихъ «Искра» и «искровцы» предложили противопоставить тактику, рассчитанную на участіе въ общественномъ движеніи, приуроченномъ къ земствамъ, сознательныхъ слоевъ народной массы, въ качествѣ фактора, активно воздѣйствующаго на органы общественнаго самоуправленія буржуазіи, навяз-

вынуждающего их свои демократическіе лозунги, толкающего их на путь болѣе радикальной борьбы, вынуждающего их считаться съ голосомъ того народа, отъ имени котораго они говорятъ. Эта тактика, конечно, должна была очень и очень придтись не по душѣ особенно представителямъ лѣваго земскаго крыла, которыхъ внимательство пролетаріевъ въ ихъ кампанію лишило заранѣе ореола двигателей и направителей общественнаго развитія. Г. Струве въ тѣ поры прочелъ намъ по этому поводу суровую нотацию. Но г. Струве былъ не одинокъ въ заграничной печати. Рядомъ съ нимъ выступилъ противъ насъ Н. Ленинъ, закричавшій гласомъ велимъ объ «уклоненіи отъ революціонной тактики» и вслѣдъ за тѣмъ предлагавшій намъ устраивать демонстраціи не въ земствахъ, а «передъ участками», т. е. то самое, что предлагалъ г. Струве. Похвальныя усилія обоихъ заграничныхъ писателей не достигли, однако, цѣли, и рабочіе въ цѣломъ рядѣ мѣстъ манифестировали въ земствѣ, думахъ и на демократическихъ съѣздахъ, добиваясь отъ либераловъ и демократовъ включенія въ ихъ «челобитныя» и резолюціи требованій, въ которыхъ заинтересованы народныя массы. Къ великому огорченію для тов. Н. Ленина, но къ великой пользѣ для дѣла, эту тактику усвоили себѣ социалдемократы во многихъ мѣстахъ, гдѣ въ общемъ господствовало направленіе «большинства» (укажемъ для примѣра комитеты: Одесскій, Сѣверный, Нижегородскій, Тверской, Саратовскій, Самарскій). Потерпѣвъ поражение въ этомъ вопросѣ, Н. Ленинъ скромно умолкъ и ни словомъ не отвѣтилъ на извѣстное письмо Плеханова и на второе письмо редакціи «Искры», въ которыхъ защищалась наша тактика противъ злобныхъ нападокъ «Впередъ». И, когда на пресловутомъ «III-емъ съѣздѣ» пришлось составить «статейный списокъ» уклоненій «Искры» отъ единственно-революціоннаго пути, то участники съезда не рѣшились ни однимъ словомъ напомнить о томъ «предательствѣ интересовъ пролетаріата», которое мы совершили, рекомендуя пролетаріату не сосредоточивать всего своего вниманія на «участкахъ» въ то время, какъ въ своихъ «закрытыхъ помѣщеніяхъ» земцы залагаютъ основанія своей политической гегемоніи надъ освободительнымъ движеніемъ народа. Только теперь, когда первый конфузъ отъ ихъ неудачи съ «земской кампаніей» прошелъ у «впередовцевъ», они, время отъ времени, упоминаютъ объ этомъ грѣхонаденіи... «Новой Искры». Надѣемся, однако, что впредь Ленинъ, такъ любящій перечислять случаи нашего согласія съ «Освобожденіемъ», не позабудетъ упоминать, что въ своей критикѣ искровской «земской кампаніи» онъ совпалъ съ г. Струве.

Въ вопросѣ о «земской кампаніи» Ленинъ и его сторонники объ-

ективно ограждали «неприкосновенность» той тактики, которую намѣтали себѣ лѣвые земцы—конституціоналисты, отъ всякихъ помѣхъ со стороны пролетаріата. Если бы мы обладали злымъ правомъ публицистовъ «Пролетарій», мы должны были бы сказать, что ленинцы невольно сыграли въ этомъ случаѣ роль «прихвостней» земскаго либерализма. Нынче «Пролетарій» опять-таки фактически борется за то, чтобы «Союзу союзовъ» не мѣшали организовать свой безплодный и ничуть не революціонный «бойкотъ». Какъ въ прошломъ году, ленинцы всё усилія направляютъ къ тому, чтобы удержать пролетаріатъ отъ веденія собственно й тактики, рассчитанной на активную его роль въ общенациональномъ движеніи, на его растущее вліяніе на не пролетарскіе народныя элементы. Объективно они при этомъ пассивно слѣдуютъ за болѣе «лѣвыми» изъ буржуазныхъ демократовъ. Въ этомъ сказывается ихъ жоресистская шуйца. Субъективно они освящаютъ это воздержаніе... отъ революціонной тактики «лозунгомъ»: всенародное выступление. Въ этомъ ихъ бланкетская десница. Ибо, какъ жѣтко сказалъ тов. Плехановъ (см. Дневникъ Соціалдемократа № 2), ничего, кромѣ «ублюдка [жоресизма и бланкетизма], не представляютъ собой нынѣшнія тактическія воззрѣнія нашихъ «большевиковъ».

Намъ могутъ замѣтить, что «Пролетарій», поддерживая тактику «Союза союзовъ», дополняетъ ее предложеніемъ не ограничиваться «пассивнымъ» бойкотомъ, а предпринять бойкотъ активный. Но ошибся бы читатель, если бы подумалъ, что подъ активнымъ бойкотомъ здѣсь разумѣется то, что на жаргонѣ студенческихъ беспорядковъ разумѣлось подъ именемъ «активной обструкція», т. е., въ примѣненіи къ данному случаю, стремленіе не допустить избирателей произвести выборы—то, что предлагаютъ маріупольскіе товарищи. Нѣтъ! у «Пролетарія» рѣчь идетъ о гораздо меньшемъ. «Активный бойкотъ, говоритъ онъ, долженъ обозначать удесятереніе агитаціи, устройство собраній вездѣ и всюду, утилизацію избирательныхъ собраній, хотя бы путемъ насильственнаго проникновенія въ нихъ, устройство демонстрацій, политическихъ забастовокъ и т. п.» Великій ты утопистъ, но утопія у тебя всегда маленькая,—приходится сказать «Пролетарію». Да какой же сторонникъ «пассивнаго» или просто бойкота откажется отъ подобной активности? Ясно, что рѣчь здѣсь идетъ только о томъ, какими средствами вести агитацію въ то время, какъ, хотя бы часть, «законныхъ» избирателей будетъ производить выборы. И авторъ далѣе говоритъ: «Активный бойкотъ есть агитація, вербовка, организація революціонныхъ силъ въ увеличенномъ масштабѣ». Но каковы же должны быть спеціальныя лозунги дан-

и о й агитаціи, агитаціи въ данныхъ обстоятельствахъ, созданныхъ первыми въ Россіи политическими выборами? Авторъ отвѣчаетъ: «Такимъ лозунгамъ можетъ быть только активное боевое выступленіе».

Итакъ, развивая свой «активный бойкотъ», социалдемократія будетъ призывать массы... вы думаете, къ немедленнымъ выступленіямъ? Жестоко ошибаетесь! «Разумѣтея», заканчиваетъ авторъ свою статью, «тотъ, кто знаетъ мѣстные условія (?), всегда будетъ предостерегать отъ преждевременныхъ попытокъ выступленія». Стало быть, мы будемъ активно призывать массу пассивно ждать часа всенароднаго выступленія, а до тѣхъ поръ устраивать «демонстраціи и забастовки». Это то и называется «единственно—революціонной тактикой» и эта то «тактика» противопоставляется предложенію звать массы теперь же къ проявленію самой высокой революціонной активности и энергичному «захватыванію» правъ и свободъ, къ организаціи теперь же революціоннаго самоуправленія. Посмотримъ же теперь, какъ нашъ ублюдокъ жоресивма и бланкизма справляется съ этой идеей революціоннаго самоуправленія.

«На практикѣ попытки организовать до побѣды возстанія выборы народомъ своихъ уполномоченныхъ будутъ цѣлкомъ на-руку освобожденцамъ и вырождаются въ то, что социалдемократы окажутся въ хвостѣ у нихъ». Если эта угроза что-нибудь означаетъ, то лишь одно: что, по автору, социалдемократія настолько мало еще влияетъ на народныя массы, что ея попытка, теперь же «окунуться» въ эту пучину, должна окончиться рѣшительной побѣдой демократовъ надъ нею. Если бы это было такъ, это было бы очень печально. Но если это такъ, то на чемъ же, собственно говоря, основана надежда «Пролетарія» на возможность въ ближайшемъ же будущемъ осуществить «диктатуру пролетаріата и крестьянства»? Вѣдь, казалось бы, партія, столь невліятельная, что не сможетъ устоять противъ буржуазныхъ демократовъ при выборахъ «незаконныхъ» уполномоченныхъ, едва ли имѣетъ шансы оказаться «во главѣ» побѣдившаго народа? Или ленинцы, въ самомъ дѣлѣ, думаютъ, что при побѣдѣ они окажутся «на гребнѣ» только потому, что въ это время, по воѣмъ прецедентамъ, «освобожденцы» окажутся у себя по домамъ, а нѣкоторые даже и подъ кроватами? Но, вѣдь, тѣ же прецеденты учатъ, что къ моменту провозглашенія временнаго правительства это добровольное заключеніе демократовъ приходитъ къ концу... Во всякомъ случаѣ, очевидно, что, если ленинцы такъ охотно взлетаютъ въ высь мечтаній о «диктатурѣ», то это вовсе не потому, чтобы они чувствовали твердую почву подъ ногами на аренѣ открытой борьбы передъ массами со

всѣми врагами социализма. «Отъ хорошей жизни не полетишь»,—говорилъ еще Горбуновскій купецъ.

Но—позвольте!—скажете намъ авторъ статья. Вѣдь, я объясняю, почему мы окажемся побиты «освобожденцами». Дѣло во внѣшнихъ препятствіяхъ. «Рабочимъ и народу самодержавная бюрократія, пока она не замѣнена временнымъ революціоннымъ правительствомъ, и е д а с т ь произвести никакихъ выборовъ, сколько-нибудь заслуживающихъ названія народныхъ,—а освобожденцы, гласные-земцы, произведутъ выборы и безперервно выдадутъ ихъ за «народные», за «революціонное самоуправленіе».

Ну, это, господа, простая пустая отговорка. Васъ приглашаютъ организовать громадное революціонное дѣло, попярающее всякія законныя рамки, а вы хотите насъ увѣрить, что, если намъ удастся его организовать, то насъ революціонеровъ, единственную партію, причившуюся уже маневрировать и дѣйствовать, не имѣи опоры ни въ какихъ законныхъ гарантіяхъ,—насъ отгѣснять люди, о которыхъ вы сами на каждомъ шагу твердите, что они не умѣютъ преодолевать противодѣйствія самодержавной бюрократіи, что они боятся дѣйствовать «нелегально», что они боятся идти къ народнымъ массамъ. И съ какихъ поръ васъ начала смущать «безперермонность» либераловъ, готовыхъ на фальсификацію народныхъ выборовъ?

Конечно, не оставляетъ никакого сомнѣнія тотъ фактъ, что, если революціонные выборы удастся организовать повсюду, то выпшедшее изъ нихъ представительство отнюдь не можетъ явиться социалистическимъ, несмотря на всѣ тѣ прѣимущества, какими, по сравненію съ выборами легальными, будутъ обладать партіи, привыкшія не считаться съ легальностью. Оно не можетъ явиться социалистическимъ, ибо масса «простого» народа въ Россіи еще далека отъ социализма. Болѣе того. Это представительство—разъ оно будетъ организовано болѣе или менѣе повсемѣстно—не можетъ быть в такимъ, которое дало бы основаніе надеждѣ на осуществленіе «диктатуры пролетаріата и крестьянства». Ибо масса того же самаго «простого» народа далека въ данный моментъ не только отъ социализма, но и отъ якобинскаго демократизма, и непремѣнно нашла бы своихъ представителей отчасти въ той именно организованной буржуазной демократіи, устраненіе которой Ленинъ считаетъ предпосылкой для излюбленной имъ диктатуры. Это такъ, и это вполне объясняетъ, почему, собственно, «Пролетарій» такъ боится революціонныхъ народныхъ выборовъ. Но это обстоятельство, конечно, нисколько не доказываетъ опасности подобныхъ выборовъ, а только

лишній разъ свидѣтельствуеть, на какомъ зыбкомъ пескѣ построены нѣкоторые «планы». «Отъ хорошей жизни не полетишь»!

Отвергать предложеніе организаціи «революціоннаго самоуправленія» на томъ основаніи, что, если эта организація не уластятъ (если ее «фальсифицируютъ» либералы), то неудачей воспользуются «освобожденцы»,—это тоже самое, что отвергать активное выступленіе на основаніи того, само по себѣ совершенно вѣрнаго, соображенія, что въ случаѣ, если выступленіе будетъ раздавлено, въ выигрышъ могутъ оказаться «нововременцы».

Но «Пролетарій» знаетъ еще одинъ доводъ противъ нашей «зати»... «Организація революціоннаго самоуправленія, выборъ народомъ своихъ уполномоченныхъ есть не прологъ, а эпилогъ выступления. Ставить себѣ цѣлью осуществить эту организацію теперь, до выступления, помимо выступления, значитъ ставить себѣ нелѣпную цѣль и вносить путаницу въ сознаніе пролетаріата». Годъ тому назадъ пророчилъ я тов. Ленину, что не доведетъ его до добра усвоенная имъ въ то время манера фривольныхъ насмѣшекъ надъ діалектикой.

Теперь онъ уже не можетъ даже себѣ представить дѣло иначе, какъ что революціонное самоуправленіе или осуществлено до паденія абсолютизма (такъ, думаетъ онъ, предполагаетъ «Искра»), или что оно будетъ осуществлено (какъ желаетъ онъ самъ) послѣ паденія абсолютизма. Что революціонное самоуправленіе можетъ осуществлѣться въ ходѣ систематической атаки на старый порядокъ, съ тѣмъ, чтобы крахъ послѣдняго, скажемъ, подъ натискомъ народа хотя бы въ нѣсколькихъ городахъ, завершилъ и закрѣпилъ это до паденія режима начавшееся дѣло самоуправленія,—представить себѣ такую картину писатели «Пролетарія» абсолютно не могутъ, при одномъ намека на нее они начинаютъ безмысленно хихикать по поводу «возстанія—процесса» и, въ припадкахъ смѣха, окончательно лишаются способности сознательно относиться къ мыслямъ своихъ противниковъ.

А, между тѣмъ, жизнь всетаки слѣдуетъ законамъ діалектики и, вопреки всѣмъ метафизикамъ, совершаетъ свои революціонныя ломки неизмѣнно, какъ процессы. По Ленину, революціонное самоуправленіе можетъ быть только эпилогомъ выступления. А гурійскіе и тифлискіе «мужики», не дождавшись «ленинскаго» выступления, практикуютъ это революціонное самоуправленіе; а латышскіе крестьяне успѣшно слѣдуютъ по проложенному ими пути; а польское крестьянство тамъ и сямъ проводитъ въ жизнь тѣ-же первые элементы «возстанія—процесса»; а городскіе пролетаріи во всѣхъ концахъ Россіи революціоннымъ путемъ вырываютъ «подъ носомъ» у правительства

отдѣльные элементы самоуправленія, собирая свободные митинги, организуя заводское представительство, завоеывая временами для цѣлыхъ пригородовъ свободу отъ нашествія полиціи и войска... И удивительно!—всѣмъ этимъ эмпирикамъ революціи и въ голову не приходитъ, что такъ какъ безъ законныхъ гарантій всѣ эти завоеванія непрочно (а это несомнѣнно), то задаваться пріобрѣтеніемъ ихъ будетъ «внесеніемъ путаницы», а лучше подождать, пока временное правительство позволить имъ собираться на «биржахъ», выгонять изъ селъ назначенныхъ старшинъ, вести въ деревенскихъ управленіяхъ дѣлопроизводство не на «казенномъ» языкѣ и т. д. и т. д.

Повидимому, изъ всѣхъ сознательныхъ пролетаріевъ нашей партіи только одинъ не понялъ еще, какъ фактически подготавлиется «рѣшительная побѣда надъ абсолютизмомъ»—именно «Пролетарій» жевневскій. Можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что, не обладая истинно-диалектикой революціонной массы, онъ слишкомъ легко освободилъ себя отъ той диалектики, къ которой его обязываетъ наша теорія?

Но тамъ, гдѣ «марксисту» измѣняетъ диалектика, обыкновенно на сцену выступаетъ самая вульгарная софистика. О склонности т. Ленина къ софистикѣ мнѣ пришлось говорить какъ разъ тогда, когда я пророчилъ ему бѣду отъ его восстанія противъ диалектики. Софистъ, чтобы «побить» противника на одномъ частномъ пунктѣ, очень охотно беретъ оружіе изъ его собственнаго арсенала. Когда, напримѣръ, тов. Ленину надо было разнести нашу «крестьянскую» революцію и революцію о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ, то онъ, ничто же сумняшеса, доказываетъ, что «единственная революціонная тактика» требуетъ, чтобы мы и крестьянскіе комитеты (т. е. органы революціоннаго самоуправленія) создавали теперь же, и 8-ми-часовой рабочий день завоевали немедленно, «не дожидаясь санкціи «сверху». Тогда, слѣдовательно, тов. Ленина не смущало ни то соображеніе, что намъ правительство «не дастъ» организовать этихъ комитетовъ, ни то, что, въ силу этого, пожалуй, комитеты попадутъ въ руки соц.-революціонеровъ... Не смущало тогда и то положеніе, что «самоуправленіе» есть не прологъ, а эпилогъ...

Споръ о томъ, что чему должно предшествовать—самоуправленіе рѣшительной битвѣ или рѣшительная битва—самоуправленію?—легко можетъ превратиться въ знаменитый споръ о курицѣ и яйцѣ, если подходить къ вопросу съ такой несправимо метафизической точки зрѣнія, которая свойственна нашимъ нынѣш-

нимъ «экономистамъ на изнанку». Всенародное выступленіе должно быть и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ насильственнымъ, ломающимъ всякое сопротивленіе, распространеніемъ начавшаго и пустившаго уже извѣстные корни «революціоннаго самоуправленія». До какихъ предѣловъ успѣетъ распространиться, — въ предѣлахъ даннаго порядка — народное самоуправленіе, выражающееся въ систематическомъ «захватѣ» правъ, прежде, чѣмъ однимъ мощнымъ ударомъ распространится на всю остальную поверхность общественной политической жизни — это вопросъ, не зависящій отъ нашихъ «плановъ» — его рѣшать особо благоприятныя условія, которыя заранее предугадать невозможно. Но революціонеръ, который убѣжденъ, что дѣло идетъ въ рѣшительной битвѣ, обязанъ пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, представляющимся народу для коваго «захвата», такъ какъ чѣмъ шире будетъ плоскость временно (конечно!) оккупированной такимъ «процессомъ» территорія, тѣмъ мощнѣе будетъ размахъ движенія, тѣмъ глубже его корни; тѣмъ шире слои организованныхъ для выступленія силъ. И какъ комично звучитъ «возраженіе»: «вамъ не дадутъ». Да развѣ мы спекулируемъ на то, что намъ «дадутъ», а не на то, что мы сумѣемъ «взять». Развѣ въ самой борьбѣ за уже взятое и назадъ отбираемое мы не видимъ источника дальнѣйшаго революціоннаго движенія? Развѣ это именно борьба не организуетъ лучше всего и вѣрнѣе всего тѣ силы, которыя революція должна имѣть за собой въ моментъ рѣшительнаго столкновенія?

«Если бы одесскими товарищами, продолжаетъ мямлить «Пролетарій», въ знаменитые одесскіе дни посоветовали въ видѣ пролога выступленія не организацію революціонной арміи, а организацію выборовъ одесскимъ народомъ своихъ уполномоченныхъ, то одесскіе товарищи, разумѣется, осмѣяли бы такое предложеніе». Очевидно, все движеніе потерпѣло неудачу потому, что во время не прибыли въ Одессу по почтѣ совѣты «Пролетарія» «организовать революціонную армію» на деревянныхъ лошадяхъ и съ нестрѣляющими револьверами?.. А мы позволяемъ себѣ думать, что одесскіе товарищи должны были немедленно по полученіи съ «Потемкина» ультиматума о бомбардировкѣ города созвать собраніе всѣхъ гражданъ для обсужденія вопроса, какъ принудить власть не подвергать города разгрому? Смѣемъ думать, что, если бы горожане выбрали временные органы самоуправленія, на мѣсто попятавшейся плутократической думы, то въ распоряженіи революціонныхъ элементовъ въ слѣдующіе дни при благоприятныхъ

обстоятельствахъ уже была бы кой-какая организація, могущая и предпринимать рѣшительныя дѣйствія.

Суверенное презрѣніе къ революціонному самоуправленію народа цѣликомъ коренится къ бланкистской половинѣ ленинскаго міровозрѣнія. Говоря о всеяродномъ выступленіи, «впередовцы» обыкновенно не только игнорируютъ революціонное самоуправленіе въ періодъ непосредственной подготовки къ выступленію, но и въ періодъ, имѣющій наступить послѣ первыхъ его побѣдъ. Захвативъ одинъ городъ, революціонеры, по ихъ мнѣнію, должны «провозгласить временное правительство» и затѣмъ «давленіемъ сверху» уничтожить реакцію, выпуская благодѣтельные декреты, подавляя контръ-революціонныя попытки, заливая страну ворохомъ революціонно-канцелярскихъ бумагъ, смѣщая чиновниковъ и назначая новыхъ и т. д., и т. д. При этомъ они любятъ упоминать о Парижской Коммунѣ и не понимаютъ, почему именно «меньшевики» въ своихъ резолюціяхъ употребляютъ этотъ терминъ—«коммуна». Поэтому будетъ небезынтересно привести здѣсь нѣсколько строкъ изъ предисловія Энтельса къ «Гражданской войнѣ во Франціи» Маркса:

«Воспитанные въ школѣ заговорщиковъ и привыкшіе къ строгой дисциплинѣ, бланкисты думали, что сравнительно небольшое число смѣлыхъ, хорошо организованныхъ людей, можетъ, при благоприятно сложившихся обстоятельствахъ, захватить власть и удержать ее до тѣхъ поръ, пока не удастся привлечь народъ на сторону революціи и сгруппировать его вокругъ небольшой кучки вожаковъ. Чтобы такое дѣло удалось, нужна была раньше всего диктаторская централизація власти (курсъ нашъ) въ рукахъ новаго правительства. Что же сдѣлала коммуна, въ которой большинство состояло изъ бланкистовъ? Она выпустила воззваніе къ провинціямъ Франціи, въ которомъ приглашала всѣ коммуны соединиться съ Парижемъ въ одну національную организацію, въ организацію, впервые созданную, дѣйствительно, самой націей»,—т. е. организовать революціонное самоуправленіе.

Путь революціоннаго самоуправленія есть единственный путь организаціи силъ для дѣйствительнаго всенароднаго движенія, для всѣхъ тѣхъ будущихъ выступленій, которыя станутъ столь необходимыми въ ходѣ революціи. И только та партія будетъ играть роль дѣйствительнаго двигателя революціи, только та сможетъ въ стихійно-вспыхивающихъ движеніяхъ играть сколько нибудь руководящую роль, которая возможно раньше научитъ массы и научатся сама дѣйствовать на почвѣ революціоннаго самоуправленія народа. Но кто желаетъ

дѣйствовать въ этомъ направленіи, тотъ долженъ безповоротно отвергнуть, между прочимъ, и всякія попытки задерживать частныя движенія, если они могутъ, по своей конкретной обстановкѣ, служить дѣлу расширенія сферы дѣйствія революціоннаго «захватнаго права».

И только «подъ знакомъ» развитія революціоннаго самоуправленія надо разсматривать вопросъ о принятіи или непринятіи тактики «бойкота», и только тактика, рассчитанная на развитіе революціоннаго самоуправленія народа, сможетъ извлечь дѣйствительную пользу для революціи изъ «законныхъ» выборовъ.

Л. Мартовъ.

Петербургское письмо.

(24-го сент. 1905 г., № 111).

Нынѣшній осенній сезонъ начинается при исключительныхъ условіяхъ. Близость выборовъ въ Государственную Думу заставила и оппозицію и отчасти и революцію поторопиться возвращеніемъ «съ дачи» и сразу пустить полнымъ ходомъ скрипучую машину общественной жизни. Никогда еще русская политическая мысль не работала такъ напряженно, никогда еще различныя общественныя группы не чувствовали громадной практической важности каждаго намѣченнаго шага, который легко можетъ стать непоправимымъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда еще не обнаруживалось такъ ярко все жалкое безсиліе шаблонныхъ фразъ о необходимости единства всѣхъ прогрессивныхъ силъ Россіи и чувствительныхъ призывовъ къ забвенію междоусобныхъ распрей предъ великой задачей преобразованія самодержавно-бюрократическаго режима въ правовой, какъ теперь. То глубокое и непримиримое противорѣчіе интересовъ различныхъ общественныхъ группъ, на

которое постоянно указывали социалдемократы, становится въ настоящее время очевиднымъ фактомъ для самыхъ непроницательныхъ приверженцевъ виѣ-классовой и надъ-классовой полетики. Общественныя группы, еще недавно братски слившіяся въ туманѣ расплывчатыхъ резолюцій и неопредѣленныхъ «платформъ», уже вступаютъ въ оживленную перестрѣлку и готовятся къ открытой войнѣ. Всѣ политическія группировки, сложившіяся весною, находятся наканунѣ коренныхъ измѣненій. Но, чтобы эта эволюція была болѣе понятна и ясна читателямъ, необходимо, прежде всего, хотя въ бѣглыхъ чертахъ охарактеризовать тѣ позиціи, которыя занимали различныя общественныя группы къ началу нынѣшней осени.

Прошедшая весна была эпохой энергичной и бурной мобилизаціи русской демократіи. Всевозможные союзы, собранія и сѣзды захватывали самые дѣятельные черноземные пласты русской земли въ ея буржуазной части. Правда, они думали быть собирателями всей русской земли безъ различія классовъ, но эта химерическая задача немедленно была разбита жизнью. При всѣхъ стараніяхъ объединить политически мыслящіе элементы населенія на такихъ общихъ формулахъ, которыя никого бы не задѣвали и давали всякому возможность вложить въ нихъ собственное содержаніе, союзы должны были въ первые же моменты своей жизни рѣшительно и безповоротно покончить съ пролетарскимъ социализмомъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и включили въ свои программы туманныя заявленія о необходимости поддерживать угнетенныя трудящіяся массы. Но ни одинъ изъ союзовъ не могъ и не хотѣлъ признать рабочихъ, какъ классъ, преслѣдующій свои собственныя политическія и экономическія задачи. Дѣло доходило до того, что когда на всероссійскомъ сѣздѣ журналистовъ (въ началѣ апрѣля) группа литераторовъ — социалдемократовъ провела въ программу пунктъ, по которому союзъ долженъ былъ оказывать содѣйствіе борьбѣ рабочаго класса за его политическое и экономическое освобожденіе, то профессоръ Милюковъ заявилъ, что онъ поставленъ въ необходимость выйти изъ союза, такъ какъ онъ, Милюковъ, не социалдемократъ и, вообще, не социалистъ. Другой членъ сѣзда, видный и радикальный дѣятель земской оппозиціи, Колубакинъ заявилъ о своемъ выходѣ изъ союза послѣ того, какъ социалдемократы провели резолюцію о немедленномъ введеніи восьмичасоваго рабочаго дня. «Эти господа,—сказалъ онъ,—требуютъ введенія восьмичасоваго рабочаго дня не только для промышленныхъ, но и для сельскохозяиственныхъ рабочихъ. Помилуйте! Вѣдь, такимъ образомъ, у меня остаются необруванными покосы! Кроме того, какой же союзъ мы можемъ

заключать съ ними, когда завтра же мы будемъ выступатьъ въ народныхъ собраніяхъ въ качествѣ непримиримыхъ противниковъ. Я—практикъ, и, какъ практикъ, не понимаю и не допускаю такого союза». Подъ влияніемъ подобныхъ заявленій союзъ журналистовъ рѣшилъ вычеркнуть изъ программы всю социалдемократическую часть и остаться только при общей формулѣ о необходимости замѣны абсолютизма правовымъ государствомъ.

Такое гильотинированіе программы вызвало лишь одно заявленіе протеста, тотчасъ же взятое, однако, обратно. Приблизительно въ тѣхъ же расплывчатыхъ общихъ формулахъ составлены были и программы другихъ союзовъ. Повсюду интересы пролетаріата, какъ класса, не получили признанія. Естественно, что представители рабочей партіи должны были отколоться отъ буржуазно-демократическихъ организацій, становившихся крѣпостью противниковъ самостоятельнаго пролетарскаго движенія. Образованіе союзовъ провело, такимъ образомъ, рѣзкую черту между сторонниками пролетарскаго социализма и буржуазной демократіей, склонной, въ лучшемъ случаѣ, къ социальнореформаторскимъ заплатамъ капиталистическаго строя.

Пролетарскій социализмъ и демократическое народовластіе—съ одной стороны, социальное реформаторство и правовое государство—съ другой,—вотъ, что стало опредѣлять политическую позицію каждаго человѣка со времени образованія союзовъ. Кто же остался по одну и кто по другую сторону черты? Здѣсь то и выяснилась классовая подоплека различныхъ общественныхъ группъ. На лѣвой остались только социалдемократы, на правой—вся либеральная и демократическая оппозиція и... социалисты-революціонеры. Они вошли въ союзы, которые, одинъ за другимъ, примкнули къ Союзу освобожденія. При этомъ, разумѣется, социалисты-революціонеры утратили послѣдніе слѣды социализма и даже политическаго радикализма. Они растворились въ Союзѣ освобожденія, такъ что освобожденцы съ гордостью навывали на публичныхъ собраніяхъ свой союзъ партій англійскаго типа, т. е. такого типа, при которомъ, въ противоположность нѣмецкому, въ партійной организаціи объединяются люди различныхъ социальнополитическихъ взглядовъ. Конкретнымъ результатомъ англофильства нашихъ политическихъ противниковъ было полное исчезновеніе социалистовъ-революціонеровъ, какъ самостоятельной политической группы, съ политической сцены. Они потеряли личность, какъ говорятъ китайцы.

Во время многочисленныхъ, почти ежедневныхъ, собраній прошлой весны не было случая, когда социалисты-революціонеры выступили бы

въ качествѣ представителей особой политической линіи. Всегда и во всемъ они поддерживали освободенцевъ противъ социалдемократовъ, при чемъ очень часто поддерживали самые правые, отсталые элементы оппозиціи, возбуждая ропотъ даже на освободенской дѣвой. Мертвая петля блока не давала социалистамъ-революціонерамъ уклониться ни на одну линію отъ освободенскаго русла, и каждое голосованіе было торжествомъ соединенной «партіи англійскаго типа» надъ партіей рабочаго класса. При этомъ, социалисты-революціонеры не стѣснялись даже «проектomъ» своей программы и поддерживали освободенцевъ даже тогда, когда послѣдніе въ той или иной формѣ проваливали социалдемократическія резолюціи о демократическомъ народовластіи, или тогда, когда освободенцы посылали привѣтствія земскимъ сѣздамъ, написанныя туманнымъ стилемъ канцелярскихъ бумагъ. Только во время этой весенней кампаніи можно было оцѣнить столь часто возбуждавшую неудовольствіе мягкосердечныхъ людей резолюцію II сѣзда Р. С. Д. Р. П. о социалистахъ-революціонерахъ. Плохіе социалисты и плохіе буржуазные революціонеры, они путались подъ ногами у послѣдовательныхъ политическихъ партій и мѣшали всѣмъ, поскольку либералы не успѣвали обратить ихъ въ домашнихъ животныхъ. Но либералы охотно марились съ маленькими неудобствами союза. Социалисты-революціонеры лишились политическаго значенія и перестали, въ сущности, быть политической партіей, но они остались, какъ «боевая организація» интеллигенціи. Разорвавъ съ пролетариатомъ, боевая организація стихійно была отброшена къ либераламъ и стала служебнымъ органомъ оппозиціи. Оппозиція получила, наконецъ, возможность тономъ хозяина говорить правительству: уступи намъ, а то они будутъ стрѣлять. Этимъ объясняется тотъ значительный притокъ денежныхъ средствъ и тотъ ростъ интеллигентскихъ симпатій которыми съ нѣкоторымъ основаніемъ хвалятся теперь социалисты-революціонеры.

Такимъ образомъ, къ лѣту этого года въ Петербургѣ мы наблюдали только два лагеря. Въ одномъ расположились всѣ отщепенки либерально-демократической оппозиціи съ боевой организаціей въ качествѣ исполнительнаго органа, въ другомъ—социалдемократы. Безъ сомнѣнія, въ первомъ лагерѣ были огромныя разногласія. Но моментъ историческаго развитія способствовалъ сліянію, а не распаденію буржуазіи, и она преодолевала всѣ тренія, чтобы двигаться впередъ сплоченной массой противъ абсолютизма и противъ пролетариата.

Ворьба этихъ двухъ лагерей и составляетъ содержаніе политической жизни Петербурга въ теченіе истекшей весны. На содержаніи

борьбы и не буду останавливаться: она известна читателямъ. Теперь борьба вливается въ новыя формы. Законъ о Государственной Думѣ раскололъ «партію англійскаго типа» на составныя части. Еще немного,—и она превратится въ аморфную массу, отдѣльные атомы которой снова соберутся затѣмъ въ новыя политическія тѣла.

Процессъ этого образованія и составитъ содержаніе моихъ дальнѣйшихъ писемъ *).

Н. Негоревъ.

*) Продолженіи этихъ писемъ въ „Искрѣ“ не послѣдовало въ виду вѣкорѣ послѣдовавшаго прекращенія изданія „Искры“ за границей, когда уже въ Россіи смогла открыто (увѣ, кратковременно!) выходить социалдемократическое „Начало“.

Отдѣлъ II-й:

Либерализмъ.

Демократія.

Студенчество.

Съ народомъ или противъ народа.

(15 декабря 1903 г. № 55)

Недавно закончившаяся сессія уѣздныхъ земскихъ собраній представляла выдающійся политическій интересъ. Посреди огромнаго общественнаго возбужденія, вызваннаго все усиливающимся подъемомъ революціонной борьбы народа, г. г. земцамъ предстояло обсудить вопросъ о желательномъ съ ихъ точки зрѣнія измѣненіи ценовыхъ нормъ для выборовъ въ земскія собранія.

Вопросъ этотъ былъ вынесенъ на обсужденіе земствъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Самый фактъ рѣшенія вопроса не исключительно бюрократическимъ путемъ, а посредствомъ предварительной постановки его на обсужденіе лицъ, «довѣряемъ общественнымъ облеченныхъ», не представляетъ собою, по нынѣшнимъ временамъ, ничего особенно исключительнаго. Это просто одна изъ тѣхъ костей, которыя, ради предохраненія «общества» отъ заразы революціоннаго возбужденія, правительство выбрасываетъ время отъ времени для либеральнаго пережевыванія земскимъ «излюбленнымъ людемъ», то въ комиссіяхъ, засѣдающихъ въ Петербургѣ, то на мѣстахъ. Достаточно извѣстна та забавная старательность, съ которою въ такихъ случаяхъ гг. либералы хлопочутъ вокругъ брошенной имъ подачки, больше всего въ мірѣ заботятся о томъ, чтобы какъ-нибудь не потребовать слишкомъ многого, не потерять, — чего Боже упаси — репутаціи «трезваго государственнаго ума» въ глазахъ того или иного превосходительства! Извѣстна и та — не менѣе забавная — жалобная растерянность и горькое недоумѣніе, которое эти хлопотуны обнаруживаютъ каждый разъ, когда, несмотря на всѣ ихъ старанія показать, что они, ей Богу-же, ничего «такого» не требуютъ, всѣ «труды» ихъ паки и паки владутся подъ сукно, а превосходительный перстъ грозитъ имъ, какъ напавшимъ мальчишкамъ.

Конечно, надо было быть слишкомъ большимъ оптимистомъ, чтобы ожидать, что наши земцы рѣшительно и прямо свяжутъ вопросъ о

земскомъ избирательномъ цензѣ съ вопросомъ о нашемъ общемъ государственномъ строѣ; что они съ такою же смѣлостью скажутъ отъ имени народа, что дѣйствительное мѣстное самоуправленіе вообще несовмѣстимо съ самовластіемъ въ управленіи государственнымъ, съ какою сказалъ эту истину въ своей запискѣ г. Витте отъ имени самодержавія.

Но если какой-нибудь вопросъ давалъ земскимъ либераламъ возможность, и оставаясь въ тѣсной средѣ вопросовъ мѣстнаго самоуправления, связать свою борьбу съ борьбою широкихъ слоевъ народа, и прежде всего пролетариата, то это, конечно, вопросъ объ избирательномъ правѣ въ земскія собранія. При наличности хотя бы весьма скромнаго политическаго чутія и политическаго смысла, способнаго стать хоть на время выше классоваго инстинкта, вырастающаго на почвѣ мелкихъ хозяйственныхъ интересовъ минуты, земцы могли въ этомъ случаѣ, и не выходя изъ своей земской скорлупы, сдѣлать свои требованія національными, общенародными требованіями. Для этого надо было только одно: высказаться за всеобщее, равное и прямое избирательное право во все земскія представительныя учрежденія. Конечно, съ точки зрѣнія правительства, такое требованіе было бы «неосуществимо», но за то оно было бы вполне осуществимо съ точки зрѣнія народа, а главное, дало бы тотъ единственный лозунгъ, который могъ бы быть активно поддержанъ пролетариатомъ, идущимъ во главѣ освободительной борьбы. Земцы не сдѣлали этого. Теперь, когда результаты обсужденія вопроса на уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ уже извѣстны, можно сказать, что народъ, на которомъ съ тѣми или иными несущественными видоизмѣненіями и за единичными отклоненіями въ ту и другую сторону, единодушно сошлись почти все земства,—это возвращеніе къ Положенію 1864 года въ связи съ пониженіемъ земельного ценза, необходимаго для прямого и косвеннаго участія въ избирательныхъ собраніяхъ.

Требуя возвращенія къ Положенію 1864 года, земцы подчеркиваютъ его «безсловный» характеръ. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Сущность созданнаго этимъ Положеніемъ избирательнаго права была въ краткихъ чертахъ такова: гласные избирались на трехъ отдѣльныхъ избирательныхъ сѣздахъ—отъ землевладѣльцевъ съ прямымъ избирательнымъ правомъ для крупныхъ и косвеннымъ, черезъ уполномоченныхъ, для мелкихъ; отъ городскихъ купцовъ, промышленниковъ и владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ извѣстной цѣнности; отъ сельскихъ обществъ съ косвенными выборами черезъ уполномоченныхъ, назначаемыхъ сельскими сходами.

Такимъ образомъ, независимо отъ имущественнаго ценза съ особыми привилегіями для болѣе крупныхъ собственниковъ (прямые выборы), Положеніе 1864 года закрѣпляло и сословное разслоеніе. Если вспомнить, что ко времени паденія крѣпостнаго права почти вся частно-владѣльческая земля была сосредоточена въ рукахъ дворянства, то естественно, что выдѣленная въ особое избирательное собраніе группа землевладѣльцевъ являлась въ сущности ни чѣмъ инымъ, какъ особою организаціей дворянскаго сословія. Если же прибавить, что изъ 318 уѣздовъ въ 202 группѣ землевладѣльцевъ было предоставлено избирать половину всѣхъ гласныхъ, то ясно, что на дѣлѣ Положеніе 1864 года давало въ огромномъ большинствѣ земскихъ собраний преобладающее вліяніе именно дворянству. Еще въ 1883—1886 гг. гласные дворяне и чиновники составляли 42,4 процента всего числа уѣздныхъ гласныхъ (5.595 изъ 13.196). Но—и это самое главное—сословный характеръ былъ приданъ избирательному праву выдѣленіемъ изъ среды всѣхъ землевладѣльцевъ вообще въ особую группу крестьянъ, получившихъ избирательныя права въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ. И этотъ сословный характеръ «Положенія» былъ настолько ясенъ самому творцу его—Валуеву, что онъ открыто говорилъ о «необходимости дать нѣкоторый перевѣсъ классу болѣе образованному и развитому».

Но послѣ освобожденія крестьянъ аграрныя отношенія, несмотря на сохранившійся гнетъ остатковъ феодально-крѣпостнаго режима, начали сильно эволюционировать въ сторону перестройки на началахъ буржуазно-капиталистическихъ. Быстрое перетеканіе земли изъ рукъ сохранившихъ традиціи барщинно-оброчнаго хозяйства дворянъ въ руки торгово-промышленнаго класса и поднимающихся слоевъ зажиточнаго крестьянства; дробленіе дворянскихъ имѣній волѣдствіе раздѣловъ при переходѣ по наслѣдству и частичныхъ продажъ; повышеніе дѣнъ на землю; постепенный переходъ къ чисто торговому земледѣлію и связанное съ нимъ примѣненіе болѣе интенсивныхъ системъ обработки земли, несовмѣстимыхъ съ кабалнымъ, полукрѣпостнымъ трудомъ, поскольку послѣдній основанъ на обработкѣ помѣщичьей земли крестьянскимъ инвентаремъ; усиленная зависимость денежнаго землевладѣльческаго хозяйства отъ общаго хода государственнаго управленія, въ особенности же отъ господствующей финансовой и таможенной политики; наконецъ, быстрое возрастаніе вліянія торгово-промышленнаго класса во всѣхъ сферахъ общественной жизни;—все это, взятое вмѣстѣ, заставляло все большую часть дворянства, защищающаго свои классовыя интересы, чувствовать себя все болѣе и болѣе не феодаль-

нымъ сословіемъ, а классомъ капиталистическаго общества, сельской буржуазіей, хотя и бѣлой кости, но по сущности своихъ интересовъ ничѣмъ не отличающейся отъ такой же буржуазіи черной кости. Вмѣстѣ съ этимъ Положеніе 1864 года утрачивало свой сословный характеръ, поскольку онъ обуславливался преобладаніемъ дворянства. Присущій ему феодально-крѣпостнической отпечатокъ все въ большей мѣрѣ сводился лишь къ тѣмъ сословнымъ ограниченіямъ, которыми оно сковывало крестьянство и, главнымъ образомъ, пролетарскіе и полупролетарскіе слои его, такъ какъ зажиточные крестьяне, владѣя купленными участками земли, принимали—въ зависимости отъ размѣровъ купчаго владѣнія—прямое или косвенное участіе въ избирательныхъ собраніяхъ землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ, съ развитіемъ капиталистическихъ отношеній Положеніе 1864 года все болѣе и болѣе превращалось изъ санкціи сословныхъ привилегій въ санкцію привилегій буржуазныхъ, имущественныхъ.

Въ эпоху реакціи восьмидесятыхъ и начала девяностыхъ годовъ, въ ряду другихъ попытокъ опереть падающее самодержавіе на подновленное, въ качествѣ феодальнаго сословія, дворянство, было издано и новое земское Положеніе 1890 года, рѣзко выдвигавшее на первый планъ сословный принципъ, сократившее до минимума и поставившее подъ опеку администраціи представительство крестьянъ, понизившее число гласныхъ отъ торгово-промышленнаго класса и отдавшее болѣе половины всѣхъ мѣстъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ (5 433 изъ 9 523—57,1 процента) въ руки дворянъ.

Но жизнь переросла сословныя рамки. Та часть дворянства, запутавшаяся въ долговыхъ обязательствахъ и неумѣющая перестроить свое хозяйство на капиталистическихъ основахъ, которая искала спасенія отъ неминуемаго банкротства въ сохраненіи за собою положенія привилегированнаго феодальнаго сословія, все болѣе и болѣе должна была возлагать свои надежды не на собственные силы, а на явныя или замаскированныя податки, бросаемыя ей со стола самодержавной бюрократіи; вмѣстѣ съ этимъ, теряло для нея значительную долю своего интереса участіе въ мѣстномъ самоуправленіи. Всѣ ея надежды связались съ сохраненіемъ феодально-самодержавнаго режима во всемъ государствѣ, и она уходила изъ сферы мѣстнаго самоуправления, чтобы играть роль царевыхъ слугъ въ мѣстномъ и государственномъ управленіи. Этимъ—въ связи съ олицетвомъ высокими цензовыми нормами, стоящими въ противорѣчій съ непрерывно совершающимся процессомъ дробленія крупныхъ дворянскихъ имѣній—въ значительной степени объясняется тотъ фактъ, что нерѣдко на избирательное собраніе отъ

дворянъ являлось меньше лицъ, чѣмъ то число гласныхъ, которое нужно было выбрать.

Но тѣмъ большимъ тормазомъ являлись сословныя рамки, искусственно созданныя Положеніемъ 1890 года, для тѣхъ дворянъ, которые уже успѣли настолько приприспособить свое хозяйство къ условіямъ капиталистическаго общества, что чувствовали себя не чѣмъ инымъ, какъ частью всей землевладѣльческой буржуазіи. Въ ихъ глазахъ сословныя рамки должны были выступать только, какъ лишнее препятствіе къ объединенію всѣхъ представителей землевладѣнія, необходимому для широкой и упорной защиты ихъ классовыхъ интересовъ. Объ этомъ прямо заявляли нѣкоторые гласные-дворяне: «Система, созданная новымъ Положеніемъ (1890 г.), говоритъ гл. мовгор. губернскаго земства Тютюмовъ,—прямо возбуждаетъ зависть разныхъ элементовъ къ дворянству, лишая солидарности землевладѣніе, которое съ трудомъ удерживается среди всеобщей борьбы, мѣшаетъ землевладѣльцамъ слиться въ одно цѣлое».

Отсюда—естественное стремленіе этой части дворянъ отказаться отъ своихъ «сословныхъ привилегій» и вернуться къ «бессословному» Положенію 1864 года, «бессословному», при нынѣшнемъ уровнѣ общественно-экономическаго развитія, для имущихъ классовъ. Конечно, въ этомъ стремленіи своемъ модернизированное дворянство встрѣчаетъ горячую поддержку со стороны землевладѣльческой и торгово-промышленной буржуазіи.

Очерченная же выше эволюція распределенія земельной собственности и аграрныхъ отношеній вообще, съ одной стороны, и вызванная необходимостью придать борьбѣ земельной буржуазіи за свои интересы не мѣстный, а государственный, политическій характеръ—потребность опереться въ этой борьбѣ на болѣе широкіе круги населенія, съ другой, заставила либеральныхъ земцевъ написать на своемъ знамени другой девизъ: пониженіе земельного и имущественнаго ценза.

Но мы уже видѣли, что при современныхъ условіяхъ возвратъ къ Положенію 1864 года съ пониженіемъ ценза составляетъ не что иное, какъ коалицію всѣхъ слоевъ буржуазнаго землевладѣнія (вкупѣ съ зажиточнымъ крестьянствомъ) безъ пролетаріата, городского и сельскаго, и полупролетарскихъ элементовъ крестьянства, а слѣдовательно, въ силу самого хода вещей, противъ нихъ. Что въ данномъ случаѣ несомнѣнно играла роль не обычная «мудрая» политика либераловъ, опасующихся «разсердить» правительство «неумѣренными» требованіями, а именно узко-эгоистическіе классовые, хотя бы въ значительной степени и не создаваемые отчетливо, интересы буржуазіи, показываетъ тотъ страхъ

передъ «народомъ» который съ похвальною откровенностью высказывался столь многими гласными. «Я убѣжденъ, что при переходѣ земскаго дѣла въ руки крестьянъ... пришлось бы поставить крестъ на все земское дѣло», говорить консервативный г. Гриммъ въ саратовскомъ земствѣ. «Эта масса (крестьянская бѣдность) могла бы волною захлестнуть другіе слои болѣе развитыхъ классовъ», вторитъ ему либеральный Львовъ. «Другое дѣло соединять такія общественныя группы, которыя способны къ сліянію, гдѣ можетъ угадываться известная однородность пониманія; тогда достигнется и цѣль сплоченія общества.»

Мы уже видѣли, какова эта «цѣль», дѣлающая необходимымъ устраненіе пролетарскихъ и полупролетарскихъ элементовъ отъ участія въ мѣстномъ самоуправленіи. Между тѣмъ, не говоря уже о принципиальномъ значеніи выставленія либеральными земцами тѣхъ или иныхъ лозунговъ, особенно въ области избирательнаго права, какъ показателей того, какъ далеко намѣрены идти въ оныхъ требованіяхъ при крушеніи абсолютизма эти господа, уже теперь предъявляющіе притязанія на право «говорить съ правительствомъ отъ имени народа»; не говоря уже объ этомъ, пролетаріатъ кровно заинтересованъ въ ходѣ дѣлъ мѣстнаго самоуправления, облагающаго его налогами, распорядка дѣломъ народнаго образованія и врачебной помощи, завѣдующаго санитарнымъ надзоромъ, издающаго обязательныя правила о порядкѣ производства работъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ и торгово-промышленныхъ заведеніяхъ и т. д., и т. д. И именно потому, что онъ въ этомъ кровно заинтересованъ, земцы выставляютъ требованія о недопущеніи его къ участію въ самоуправленіи. Минимые «представители народа» отрекаются отъ него въ тотъ самый моментъ, когда заходитъ рѣчь о представительствѣ народа!

Но если классовый инстинктъ заставляетъ земцевъ заглушать внушенія политическаго разума, повелительно диктующаго имъ необходимость искать въ народѣ опоры для своихъ «либеральныхъ» требованій; если земцы не хотятъ идти съ народомъ, то народъ сумѣетъ завоевать свободу безъ нихъ и противъ нихъ. Дѣло социалдемократіи разъяснить пролетаріату, городскому и сельскому, истинное значеніе политической дѣятельности земствъ, и тогда пролетаріатъ сумѣетъ заставить земцевъ—подъ страхомъ политической смерти—идти дальше, чѣмъ это имъ диктуетъ ихъ классовая буржуазная психологія.

Только выставивъ на своемъ знамени, совершенно открыто и недвусмысленно, требованіе всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права для всѣхъ гражданъ и во всѣхъ представительныхъ учрежденіяхъ, либеральные земцы могутъ рассчитывать встрѣтить въ организован-

номъ пролетаріатъ союзника въ дѣлѣ достиженія этой ближайшей задачи; безъ такого ловунга и въ этой ограниченной сферѣ борьбы пролетаріата за свое полное освобожденіе отъ всѣхъ видовъ гнета и эксплуатаціи, земцы будутъ для него противникомъ, котораго необходимо побѣдить одновременно съ абсолютизмомъ для достиженія ближайшей политической задачи социалдемократической партіи—завоеванія демократическаго народовластія.

Съ народомъ противъ абсолютизма или съ абсолютизмомъ противъ народа—такова въ концѣ концовъ будетъ диллема, которая встанетъ передъ либеральнымъ земствомъ,—я ему не мѣшаетъ теперь же подумать о ней.

Ф. Данъ.

Вѣрноподданная оппозиція.

(15 декабря 1903 г. № 55).

Опубликованіе свѣдѣній о засѣданіяхъ «Комиссія о центрѣ» вызвало своеобразные комментаріи нашихъ реакціонныхъ, либеральныхъ и полулиберальныхъ газетъ. Въ названную комиссію, какъ извѣстно, вошло 14 чиновниковъ (а съ предѣвателемъ комиссія, сенаторомъ Коковцевымъ, даже 15) и 18 представителей земскихъ учреждений. Послѣдніе составили особую записку, въ которой изложили свой взглядъ на реформы, необходимыя въ интересахъ сельскаго населенія земледѣльческаго центра. Вокругъ этой-то записки и вертѣлись всѣ разговоры.

Первый накинулся на земцевъ кн. Мещерскій. По его мнѣнію, нельзя ждать никакой пользы отъ земскихъ дѣятелей, и лучше на будущее время приглашать въ комиссію представителей отъ крестьянъ по указанію губернаторовъ. За «Гражданиномъ» сказали свое вѣское слово и «Московскія Вѣдомости», которыя посовѣтовали обращаться въ такихъ случаяхъ къ людямъ дѣловитымъ—дѣловитые, молъ, люди не стануть составлять такихъ ужасныхъ записокъ. О дѣловитости можетъ судить администрація, но, во всякомъ случаѣ, не среди зем-

цевъ слѣдуетъ искать дѣловитыхъ людей. Въ такомъ духѣ агитировала реакціонная правая, а либеральная лѣвая, въ лицѣ «Русскихъ Вѣдомостей», взяла земцевъ и ихъ записку подъ свою защиту. Газета заявила, что «многіе взгляды, выраженные въ ней (т. е. въ запискѣ земцевъ) по отдѣльнымъ вопросамъ, могутъ вызвать сомнѣнія и споры, но такія разногласія не поколеблютъ ея основного положенія», состоящаго въ томъ, что «нынѣшнее правовое положеніе крестьянъ должно быть признано устарѣлымъ и требуетъ полнаго пересмотра, и что цѣлью послѣдняго долженъ быть подъемъ личности крестьянина, немалый безъ установленія прочнаго правопорядка». Среднюю линію нашелъ Суворинъ: необходимо взаимное довѣріе между правительствомъ и земскими силами. «Та нравственная связь,—пишетъ онъ,—которая существуетъ между правительствомъ и русскими людьми, выражается въ *миѣнни* (курсивъ нашъ). Правительство можетъ *принять его или отвергнуть* (курсивъ опять нашъ). Но выслушать его слѣдуетъ. Не сегодня, такъ завтра оно пригодится». Въ заключеніе г. Суворинъ заявляетъ, что «наступаетъ весна русской жизни», и высказываетъ пожеланіе, чтобы въ нее «вѣрили воі русскіе люди и работали спокойно и добросовѣстно, не увлекаясь призраками и оппозиціей». «Средняя линія» не замедлила оказать свое дѣйствіе и, прежде всего, на либераловъ, которые не могутъ, вѣдь, не причислять себя къ русскимъ людямъ. Ужъ и вправду не почувалъ ли «опытный старикъ» вѣсну? «Будемъ ждать этой весны», — воскликнули «Русскія Вѣдомости». А съ другой стороны, суворинская формула должна была дѣйствовать успокоительно, если не на самого князя Менцера, то на большинство его реакціонныхъ сторонниковъ: вѣдь, дѣло идетъ о миѣнни, которое можно принять или отвергнуть, да и съ этимъ торопиться нечего, такъ какъ не обязательно сдѣлать это сегодня, а можно отложить и на завтра. Что русскимъ людямъ надо работать «спокойно и добросовѣстно, не увлекаясь призраками и оппозиціей» — объ этомъ давно твердить и самъ князь. А что касается «весны», то вѣдь весна веситъ рознь: въ Петербургѣ вонъ весну дѣлають дворники, и ничѣмъ она отъ любой осени не отличается.

Но что было всего курьезнѣе въ этой газетной вознѣ, это то, что все это происходило около пустого мѣста. Ни по формѣ, ни по содержанію записка земцевъ ничѣмъ не выдавалась и не отличалась отъ десятковъ всякихъ записокъ, ходатайствъ, адресовъ, съ которыми время отъ времени обращались къ правительству представители того или другого земства. Но время обязываетъ. Если лѣтъ десять тому назадъ еще можно было, при извѣстной дозѣ либеральной наивности,

мечтать о реформаторской дѣятельности самодержавія, и въ податѣ земскихъ ходатайствъ видѣть выполненіе гражданскаго долга, то въ царствованіе фонъ-Плеве *обязательно* говорить другія рѣчи, если господа земцы не хотятъ превратить всю свою дѣятельность въ жалкій фарсъ. Въ парламентахъ Луи Филиппа всегда имѣлась къ услугамъ правительства своя доморощенная «оппозиція» или даже цѣлыхъ двѣ оппозиціи—одна легитимистская, реакціонная, и другая династическая, скажемъ, либеральная, роль которыхъ (чаще всего помимо ихъ желанія) состояла въ томъ, чтобы облегчить тому или иному изъ многочисленныхъ министровъ июльской монархіи шествіе по «средней линіи», всегда болѣе или менѣе приближавшейся къ линіи реакціи; и такую же жалкую роль играютъ господа земцы въ правительственныхъ комиссіяхъ, осужденныхъ по самой сути своей на бездѣйствіе.

Мы выше видѣли, со словъ «Русскихъ Вѣдомостей», каковы основныя положенія записки земскихъ представителей. Таже газета старается, изо всѣхъ силъ старается, доказать, что ничего революціоннаго въ этихъ положеніяхъ нѣтъ. Оказывается, что уже давно въ правительственныхъ сферахъ, и въ разныхъ комиссіяхъ, и въ докладахъ «самого» министра финансовъ высказывались тѣ же положенія. Земцы въ полномъ согласіи съ правительствомъ,—чего же лучше? Но... тутъ выступаетъ на сцену «средняя линія», выразителемъ которой явился предсѣдатель комисіи, заявившій въ отвѣтъ на записку представителей земства, что «объяснять экономическій упадокъ земледѣльческихъ мѣстностей общими причинами едва ли вообще правильно,» — что «правовой порядокъ невѣдь въ Европейской Россіи одинъ и тотъ же, между тѣмъ экономическое положеніе весьма различно,» и что «придавать исключительное значеніе причинамъ и мѣрамъ общаго характера, значитъ отождествлять задачи настоящей комиссіи съ задачами Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности и отрицать самую возможность какихъ-либо мѣръ, направленныхъ къ удовлетворенію мѣстныхъ нуждъ средне-земледѣльческаго района, о которыхъ собственно должна идти рѣчь въ настоящей комиссіи».

Отсюда слѣдовало, что весну должны дѣлать дворники, а реформы—чиновники, которые знаютъ, что входитъ «въ обсужденіе общихъ причинъ» не полагается. Съ какимъ успѣхомъ совершается эта реформаторская дѣятельность бюрократіи, видно изъ признанія того же предсѣдателя комиссіи.

«Открывая засѣданія комиссіи—разсказываютъ газеты—предсѣдатель В. Н. Коконцевъ ознакомилъ собравшихся съ историческимъ очеркомъ вопроса объ изслѣдованіи экономическаго положенія центральнаго рай-

она Россіи. Уже въ началѣ 80-хъ годовъ въ повременной печати и въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ, а также въ нѣкоторыхъ официальныхъ изданіяхъ стала высказываться мысль объ особенно неблагополучномъ положеніи нѣсколькихъ центральныхъ губерній Россіи. Недородъ 1891—1892 г. и, вызванный этимъ недородомъ, мѣропріятія по содѣйствію населенію пострадавшихъ мѣстностей пробудили болѣе внимательное отношеніе къ экономическому положенію страны. Начало выясняется, что, такъ называемая, средне-черноземная полоса, слышавшая еще въ 70-хъ годахъ житницей Россіи, стала обнаруживать признаки экономического застоя. Но всѣ эти указанія и изслѣдованія имѣли разрозненный и случайный характеръ до тѣхъ поръ, пока при министерствѣ финансовъ въ 1897 г. не была образована коммиссія для изученія экономическаго положенія центрально-черноземныхъ губерній, и изъ опубликованныхъ этимъ кружкомъ трудовъ «можно было сдѣлать заключеніе объ особенномъ неблагополучіи девяти губерній центральной Россіи... 16 ноября 1901 года съ высочайшаго утвержденія была образована коммиссія съ цѣлью изученія мѣръ, необходимыхъ для поднятія экономическаго благосостоянія средней полосы Европейской Россіи. Съ тѣхъ поръ прошло около двухъ лѣтъ».

Итакъ: уже около 25 лѣтъ тому назадъ (фактически гораздо раньше) правительству было извѣстно, что не все обстоитъ благополучно. За это время разореніе страны шло гигантскими шагами, границы оскудѣвшаго центра все болѣе и болѣе приближались къ границамъ Россійской имперіи, а главный виновникъ этого разоренія—правительство—собирало матеріалъ, созывало коммиссіи и... только. Казалось бы, земскимъ членамъ коммиссіи оставалось только указать на эту абсолютную неспособность бюрократіи, и предложить ей убраться, чтобы представить представителямъ народа рѣшеніе этихъ жгучихъ вопросовъ. Но представители «вѣрнопопданной» оппозиціи не умѣютъ требовать, они привыкли только смиренно просить. «Въ послѣднее время—пишутъ они въ концѣ своей Записки—правительство, признавая полезнымъ участіе земскихъ дѣятелей при обсужденіи разныхъ вопросовъ, вызываетъ этихъ дѣятелей въ засѣданія при министерствахъ; для пользы дѣла крайне желательно, чтобы программы, подлежащія обсужденію, передавались предварительно на земскія собранія, чтобы представители земства, избранные земскими собраніями являлись выразителями мнѣній этихъ послѣднихъ».

Да, «для пользы дѣла» бюрократіи это крайне желательно! Бюрократія дѣлаетъ реформы или, вѣрнѣе, притворяется, что собираются что-то реформировать, но для того, чтобы вѣрнѣе дурачить страну, она

отъ времени до времени принуждена обращаться къ содѣйствию «штѣстныхъ силъ». Призывъ свѣдущихъ людей занимаетъ соответствующее мѣсто во внутренней политикѣ г. Шлеве рядомъ съ еврейскими погромами, угнетеніемъ Финляндіи, грабежами въ Арменіи и пр., и пр. Господа земцы вольны принимать участіе въ этой комедіи и играть ту смѣшную роль, которую предписываетъ имъ самодержавный министръ. Но, дѣлая это, они не имѣютъ никакого права ридиться въ тогу «представителей населенія».

Кольцовъ.

Революціонное студенчество.

(15 января 1904 г. № 57).

I.

Въ манифестъ ¹⁾ всероссійскаго студенческаго съѣзда 1903 г., на который собрались представители центральныхъ революціонныхъ учрежденій 19 высшихъ учебныхъ заведеній Россіи, констатируется по докладамъ делегатовъ тотъ фактъ, что «повсемѣстнымъ и наиболее характернымъ признакомъ настоящаго историческаго момента, переживаемаго студенчествомъ, является болѣе или менѣе рѣзкая дифференціація въ средѣ студенчества».

Съ одной стороны, все оппозиціонное студенчество рѣзкою гранью отдѣлилось отъ реакціоннаго, оплачиваемаго въ различныя легальныя общества. Съ другой стороны: «въ передовыхъ слояхъ студенчества происходитъ непрерывный процессъ дифференціаціи, распредѣляющій ихъ между существующими революціонными идеологіями. Такимъ образомъ, въ нѣдрахъ организаціи стараго типа, созданнаго періодомъ академизма, растутъ и развиваются новыя силы. Съѣздъ находитъ возможнымъ лишь привѣтствовать этотъ процессъ, какъ залогъ растущаго политическаго самосознанія массъ студенчества, какъ залогъ его правильнаго революціоннаго развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, приходится констатировать фактъ неудовлетворительности старыхъ типовъ организаціи... На осно-

¹⁾ Мы получили рукописный экземпляръ этого манифеста.

ванія докладовъ, пришлось констатировать въ большинствѣ случаевъ фактъ упадка вліянія на студенчество союзныхъ совѣтовъ и организаціонныхъ комитетовъ, какъ учреждений искусственно поддерживающихъ свое существованіе. Объединеніе въ этихъ учрежденіяхъ самыхъ разнородныхъ по своему міровоззрѣнію элементовъ, являющееся слѣдствіемъ такого же искусственнаго объединенія и въ смѣшанныхъ организаціяхъ стараго типа (землячествахъ и т. д.), не даетъ возможности выработать «единой» политической программы, которой по существу современнаго дифференцирующагося студенчества выработать и невозможно. Изъ столкновенія этихъ разнородныхъ и часто противоположныхъ элементовъ въ организаціяхъ и ихъ центральныхъ учрежденіяхъ создается такое положеніе вещей, при которомъ силы студенческихъ дѣятелей взаимно парализуются. «Выходъ изъ этого положенія съѣзды находятъ въ замѣнѣ старыхъ организацій, искусственно соединившихъ людей самыхъ различныхъ воззрѣній, обособленными организаціями, группирующими студентовъ съ одинаковыми социальнополитическими воззрѣніями. Но, независимо отъ этой группировки, все передовое студенчество, признающее лозунгъ: «долей самодержавіе», можетъ въ важнѣйшіе моменты выступать, какъ цѣлое. Съѣзды находятъ поэтому «необходимой, изъ тактическихъ соображеній, коалицію означенныхъ разнородныхъ группъ, которыя такимъ образомъ въ моментъ борьбы окажутся объединенными въ «Коалиціонномъ Совѣтѣ» для «соглашенія и планомерности дѣйствій всѣхъ группъ».

Сообразно съ измѣнившимися условіями, съѣзды находятъ прежній способъ студенческой борьбы—забастовки и обструкцію, не выдерживающими никакой критики и рекомендуетъ:

- а) агитаціонныя, систематически организуемыя сходки;
- б) устройство агитаціонныхъ митинговъ на публичныхъ лекціяхъ, концертахъ и пр.
- в) демонстраціонныя забастовки въ дни важнѣйшихъ политическихъ и общественныхъ событій, обязательныя въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи въ слѣдующіе дни: 8 февраля, 19 февраля, 4 марта, 1 и 3 мая и 3 ноября, какъ день, къ которому съѣздомъ приурочено чествованіе всѣхъ товарищей, павшихъ въ борьбѣ съ существующимъ режимомъ;
- г) уличныя демонстраціи, какъ чисто студенческія, такъ и съ другими общественными слоями (что касается вооруженныхъ демонстрацій, съѣзды находятъ возможнымъ ихъ устройство лишь послѣ предварительныхъ переговоровъ и соглашенія съ комитетомъ партіи).

Насколько можно судить по краткимъ даннымъ, сообщеннымъ въ

цитируемомъ нами документѣ, рѣшенія студенческаго съѣзда, дѣйстви-тельно, были, какъ говорить «Манифестъ», «неизбѣжнымъ выводомъ изъ существующаго положенія вещей».

Произошло именно то, что уже годъ тому назадъ предвидѣла «Искра». Студенты не могли оставаться нейтральными, незаинтересованными зрителями происходящей борьбы социальна-политическихъ направле-ній, а, вникши въ эту борьбу, не могли не выбирать между протаво-положными мнѣніями, не могли, слѣдовательно, не внести разложенія въ организаціи, объединявшія прежде всю враждебную абсолютизму часть студенчества.

При такихъ обстоятельствахъ, распаденіе на группы различныхъ направленій до такой степени неизбежно, что самое нежеланіе углуб-литься въ вопросы, разъединяющіе студенчество, само стремленіе остаться при одномъ объединяющемъ его лозунгѣ «Долой самодержавіе» уже образуетъ особое направленіе чистыхъ политиковъ-революціонеровъ, не социалистовъ.

Разумѣется, студенческія социалдемократическія организаціи бу-дутъ въ своей дѣятельности на почвѣ обще-студенческаго движенія сообразоваться съ тактикой партіи, къ которой они примыкаютъ. Но что возможны и полезны политическія манифестаціи, въ которыхъ все студенчество, признающее лозунгъ «Долой самодержавіе», высту-паетъ сообща, и что для оглашенія по тактикѣ такихъ выступленій можетъ понадобиться «Коалиціонный совѣтъ» изъ делегатовъ различ-ныхъ организаціи,—этого отрицать намъ не приходило въ голову, хотя «Революц. Россія» и не преминула по этому случаю доставить себѣ двойное удовольствіе попытаться лишній разъ щипнуть «неумо-лимыхъ сектантовъ», а, главное, польстить студенчеству, будто бы дав-шему намъ «и въ этомъ отношеніи хорошій урокъ».

Но у социаль-революціонеровъ есть другая, болѣе реальная при-чина радоваться. Въ «докладѣ» о съѣздѣ, напечатанномъ въ № 37 «Рев. Росс.»¹⁾, говорится о «крайне интенсивномъ ростѣ поздняго (чѣмъ соц.-дем.) выступившихъ группъ соц.-революціонеровъ». Мы такому «росту» ра-доваться, конечно, не можемъ, но объ этомъ мы поговоримъ въ слѣ-дующей статьѣ.

¹⁾ Нами полученъ гектографиров. экземпляръ этого «доклада». Онъ под-писанъ: «Группа студентовъ социаль-революціонеровъ». Въ «Рев. Рос.» онъ напечатанъ безъ этой подписи, какъ «докладъ съѣзда». Въ текстѣ револю-ціи, приводимыхъ въ этомъ «докладѣ», имѣются нѣкоторыя отличія отъ тек-ста революцій въ «Манифестѣ».

II.

(10-го февраля 1904 г. № 59).

Въ «Докладѣ» о второмъ общестуденческомъ съездѣ «группы студентовъ социалистовъ-революционеровъ», напечатанномъ въ № 37-мъ «Рев. Рос.», говорится, что распространеніе среди студенчества взглядовъ социаль-революционеровъ идетъ такъ интенсивно, что теперь уже нельзя опредѣлить, имъ или социалдемократамъ принадлежитъ «идеальное преобладаніе», несмотря на то, что группы социалистовъ-революционеровъ образовались позднѣе. Мы далеко не увѣрены въ полномъ безпристрастїи «Доклада», но что социаль-революционеры имѣютъ нѣкоторый успѣхъ среди студенчества — это видно и изъ другихъ данныхъ. Чѣмъ объясняется это явленіе? У него можетъ быть, конечно, много временныхъ, побочныхъ, второстепенныхъ причинъ. Но все же, то обстоятельство, что эти взгляды распространяются именно теперь, когда соц.-революционеры все рѣшительнѣе возвращаются отъ социализма къ народничеству, убѣждаетъ насъ, что известное настроеніе, вызывающее желаніе быть социалистомъ, распространено среди студенчества гораздо шире стремленія выяснять себѣ трудные и сложные вопросы социализма. Почему социалдемократы связываютъ социализмъ именно съ пролетариатомъ и призываютъ всѣхъ эксплуатируемыхъ и угнетенныхъ стать на точку зрѣнія пролетариата? Почему, стремясь къ низверженію абсолютизма, они характеризуютъ тотъ политическій строй, который замѣнить его, такимъ непрїятнымъ эпитетомъ, какъ «буржуазный»? Почему, считая экономическія измѣненія основными, обуславливающими собою и измѣненіе взглядовъ, и политическія перемѣны въ жизни общества, социалдемократы признаютъ, тѣмъ не менѣе, своей главнѣйшей задачей вліяніе на умы рабочихъ, пробужденіе ихъ классоваго самосознанія, а ближайшей цѣлью проснувшагося пролетариата считаютъ завоеваніе политической свободы? Съ жаромъ и наираженнымъ вниманіемъ выяснялись эти и многіе другіе вопросы въ то время, когда социалдемократамъ приходилось пробиваться сквозь сплосной строй устоявшихся народническихъ воззрѣній, долго выполнявшихъ у насъ подъ цензурнымъ туманомъ должность чего-то въ родѣ социализма и повліявшихъ на самый способъ мышленія цѣлыхъ поколѣній русской интеллигенціи.

Въ этихъ спорахъ народничество было разбито. Его старые адепты остались, конечно, при своихъ взглядахъ, но ихъ воззрѣнія потеряли оную надъ свѣжими умами, а главное, исчезли старые пріемы мысли, пріучавшіе умъ довольствоваться въ самыхъ жгучихъ соціальныхъ вопросахъ туманными и неопредѣленными положеніями.

Но вотъ, социалисты-революціонеры начинаютъ за послѣдній годъ быстро отступать въ эту область тумана и увлекаютъ за собою часть студенчества.

Самымъ яркимъ выраженіемъ этого возстановленія народничества является критика нашей программы въ 32—33 №№ «Рев. Рос.». Она цѣлкомъ переноситъ насъ въ тѣ блаженные времена, когда г. В. В. и Михайловскій обвиняли социалдемократовъ въ прислужничествѣ буржуазіи, а г. Кривенко серьезнѣйшимъ образомъ увѣрялъ, что всякій послѣдовательный социалдемократъ долженъ открыть кабакъ или, по меньшей мѣрѣ, лавочку. Юнымъ студентамъ, незнакомымъ со спорами того времени, но тяготящимъ къ соц.-революціонерамъ, мы совѣтовали бы хорошенько подумать надъ слѣдующимъ мѣстомъ этой статьи: «Исторія знаетъ, конечно, не мало примѣровъ, когда кровь трудящихся массъ проливалась затѣмъ, чтобы доставить побѣду однимъ эксплуататорамъ надъ другими. Бывали случаи, что интеллигенція въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей въ угоду буржуазіи (курсивъ нашъ) вела народъ на баррикады. Но массы шли, и герои ихъ вели, не зная объ обманѣ, который таился для нихъ въ ближайшемъ будущемъ. Мы этотъ обманъ уже хорошо знаемъ. И въ наши дни, конечно, только герои догмы съ легкимъ сердцемъ могутъ посылать трудящійся людъ въ бой за «ускореніе буржуазнаго прогресса».

Итакъ, развѣ «обманъ открылся», то звать на борьбу противъ абсолютизма, зная, что на его мѣсто водворится тотъ буржуазный политическій строй, какой въ болѣе или менѣе законченной формѣ господствуетъ во всемъ цивилизованномъ мѣрѣ, могутъ только «герои догмы», социалдемократы, но ужъ никакъ не соц.-революціонеры?

Нѣтъ, конечно. Мы отлично знаемъ, что такъ далеко назадъ къ анархическому народничеству «Земля и Воля» или реакціонному народничеству г. В. В. социалисты-революціонеры не идутъ. Вина социалдемократовъ не въ томъ, что они призываютъ къ низверженію абсолютизма, а въ томъ, что это низверженіе «мыслится ими не какъ возможность реализовать нѣкоторую часть своихъ основныхъ (т. е. социалистическихъ) требованій и нанести въ то же время ударъ буржуазіи, а лишь какъ актъ, долженствующій расчистить дорогу наступающему капитализму. Говоря коротко, революція, включаемая «Искрой» въ число бли-

жайшихъ задачъ партіи, должна быть осуществлена не во имя социализма противъ всѣхъ старыхъ и новыхъ враговъ его, а во имя буржуазнаго общества противъ стѣсняющихъ его остатковъ феодализма».

На той же (6-й) страницѣ г. Новобранцевъ сознается, что хотя авторы разбираемой имъ программы «съ особой силой напираютъ» на свое требованіе политической свободы, необходимой пролетаріату въ борьбѣ съ буржуазіей, и «закругляютъ» имъ, по выраженію г. Новобранцева, вышеприведенныя рѣчи, но что онъ «намѣренно прерываетъ цитаты въ мѣстахъ только что упомянутаго имъ округленія, чтобы поговорить о немъ не мимоходомъ».

Слѣдовательно, вина социалдемократовъ въ томъ, что они не внушаютъ пролетаріату, будто, свергая абсолютизмъ, онъ можетъ немедленно получить «нѣкоторую часть» социалистическаго строя и нанести ударъ господству буржуазіи, что они не обѣщаютъ ему ничего, кромѣ политической свободы, которую при этомъ ему самому придется постоянно отстаивать отъ посягательства буржуазныхъ партій и въ этомъ отстаиваніи, въ непрерывной классовой борьбѣ роста, развиваться и набираться силами для своей великой, конечной цѣли—социалистической революціи.

А что же именно обѣщаютъ пролетаріату социалисты-революционеры? Во-первыхъ, объединивъ его мысленно въ одно слитое цѣлое съ крѣпкимъ землѣ хозяйственнымъ крестьянствомъ и назвавъ это мысленное цѣлое рабочимъ классомъ, они обѣщаютъ ему, въ лицѣ его непролетарской части, землю, а затѣмъ... затѣмъ слѣдуютъ рѣчи объ «ударахъ господству буржуазіи», «брепяхъ въ цитадели царства весплоатаци» и прочія столь же опредѣленные вещи. «Всѣ наши усилія, говоритъ г. Новобранцевъ на слѣдующей страницѣ, должны быть направлены къ тому, чтобы въ рѣшительный моментъ (паденія абсолютизма) буржуазія не торжествовала, а трепетала». Последняя задача, дѣйствительно, достижима. Заставить «трепетать», если не буржуазію, то многихъ и многихъ буржуа очень легко. Только кому и затѣмъ это нужно? Всѣ наши усилія должны быть направлены къ тому, чтобы тотъ буржуазный строй, который замѣнить самодержавіе, былъ возможно болѣе демократиченъ и возможно полнѣе гарантировалъ свободу, чтобы борющийся за это пролетаріатъ вынесъ изъ революціонной эпохи, когда и люди, и классы, и учрежденія въ нѣсколько мѣсяцевъ переживаютъ десятилѣтія, какъ можно больше для своего развитія, чтобы онъ вышелъ изъ нея сплоченнымъ въ сплоченную классовую социалдемократическую партію, способную отстоять свои революціонныя пріобрѣтенія во всѣхъ дальнѣйшихъ перипетіяхъ и ко-

лебаніяхъ. Таковы должны быть наши главнѣйшія задачи въ революціонную эпоху. Когда та или другая часть буржуазіи будетъ противиться ихъ выполненію, заставить «затрепетать» ее войдетъ, конечно, въ эти задачи. Но трепеть для трепета пролетаріату не нуженъ. А чтобы вся буржуазія, вся разнородная масса русскихъ гражданъ, не принадлежащихъ къ пролетаріату, трепетала при мысли о возстаніи «черни», этого страстно хотѣлось бы «Московскимъ Вѣдомостямъ», объ этомъ хлопотеть иной разъ полиція, подбивавшая кіевскихъ рабочихъ во время всеобщей стачки идти громить Крекшатины... Успѣхомъ всё эти хлопоты, конечно, не увѣчаются.

На самомъ дѣлѣ, социалисты-революціонеры чрезвычайно облегчаютъ себѣ задачу составленія туманныхъ фразъ съ революціонной выѣшностью, посредствомъ особаго употребленія слова «буржуазія».

Въ русскомъ языкѣ нѣтъ слова, которое передавало бы смыслъ нѣмецкаго слова бюргерство или французскаго—буржуазія. Когда въ нѣмецкой социалдемократической литературѣ говорятъ о бюргерскихъ партіяхъ, бюргерской прессѣ (bürgerliche Parteien... Presse), то подразумеваютъ всё непролетарскія партіи, всю несоциалдемократическую прессу. Ближайшее опредѣленіе буржуазіи, бюргерства—это все населеніе за исключеніемъ пролетаріата, съ одной стороны, и привилегированныхъ сословій—гдѣ они имѣются—съ другой.

Буржуазный политическій строй—(предполагая всеобщую подачу голоса) политическое полноправіе и равноправіе всего «народа», всѣхъ гражданъ данной страны, въ томъ числѣ и пролетаріата, съ тою только разницею, что ему-то—лишенному собственности въ мірѣ собственниковъ—невозможно фактически пользоваться своими политическими правами иначе, какъ сплотившись въ прочно организованную, самостоятельную политическую партію.

При отсутствіи у насъ въ Россіи легальной политической жизни, открытыхъ гласныхъ политическихъ партій, наша легальная пресса не особенно нуждается въ томъ широкомъ европейскомъ понятіи «буржуазія», которое мы только что отмѣтили. А при надобности она составляетъ его себѣ изъ нѣсколькихъ элементовъ: «народъ», затѣмъ «общество» и, наконецъ, его наилучшая часть «интеллигенція.» Французскому же слову «буржуазія», во всей нашей окрашенной народничествомъ прессѣ, дано было особое употребленіе. Изъ хорошаго, «симпатичнаго» цѣлага: народъ, общество, интеллигенція—была выдѣлена его неприятная часть: капиталисты, ростовщики, частные землевладѣльцы недворянскаго происхожденія и проч., и имъ только спеціально и исключительно было присвоено званіе буржуазіи, поскольку, конечно, ихъ пред-

ставители не являлись людьми просвѣщенными, заботящимися о чемъ-нибудь хорошемъ, въ родѣ народнаго образованія. Въ этомъ случаѣ ихъ переводили въ «общество», такъ какъ «буржуазія» никакихъ интересовъ, кромѣ барышей, не полагается.

Когда народники употребляли слово «буржуазія» въ своемъ специальномъ смыслѣ, разговаривая промежь себя о легальныхъ русскихъ дѣлахъ, большой путаницы еще не выходило. Но намъ въ нашихъ нелегальныхъ разговорахъ понятіе *буржуазіи* въ его европейскомъ смыслѣ совершенно необходимо. И когда социалисты-революціонеры, говоря объ исторіи Европы, употребляютъ слово «буржуазія» въ народническомъ смыслѣ, изъ этого выходитъ величайшая нелѣпость; а когда, полемизируя съ нами, они этотъ смыслъ намъ подсовываютъ, то, кромѣ нелѣпости, получается еще и передержка. Непримѣръ, «Искра» называла «Освобожденіе» органомъ либеральной буржуазіи. «Нечего сказать, нашли буржуазію», восклицаетъ г. Новобранцевъ и поучаетъ насъ, что русская буржуазія въ противоположность инымъ прочимъ не думаетъ о своей миссіи освобождать, что наши либералы соединяются вовсе не во имя классовыхъ интересовъ (барышей что-ли?), а «во имя лежащихъ на интеллигенціи обязанностей прійти на помощь угнетенному народу...» и если «Освобожденіе» объединило и объединяетъ кого, то дѣйствительно только «отцовъ» изъ той самой интеллигенціи, «дѣти» которой являются самоотверженными борцами за революціонное дѣло. Отцы несомнѣнно отличаются отъ насъ умѣренностью своей тактики и своихъ требованій. Но это не принципиальная противоположность... Результаты движенія будутъ, конечно, умѣреннѣе, чѣмъ желали бы мы, и именно потому, что отцы вѣроятнѣе всего явятся бухгалтерами революціи...» «Буржуазные же классы, какъ классы, въ движеніи не при чемъ», поучаетъ онъ въ заключеніе, «политическое освобожденіе Россіи—дѣло русской интеллигенціи и русскаго рабочаго народа, и пора понять, что никто другой въ немъ не приметъ активного участія. А если это такъ, то имъ же должны принадлежать и социальныя результаты грядущаго переворота».

Разумѣется, «Освобожденіе» группируетъ людей образованныхъ и ужъ несколько не «во имя» карманныхъ интересовъ тѣхъ, кого «Революціонная Россія» угодно называть специально и исключительно буржуазіей, а во имя именно освобожденія, хотя бы только отъ излишествъ тѣхъ бѣдствій, которыя приноситъ самодержавіе всему «угнетенному народу». Но гдѣ же и когда въ предреволюціонное время самые умѣренныя изъ буржуазныхъ органовъ, ратовавшихъ за освобожденіе, требовали его во имя барышей богатой части буржуазіи? И группиро-

вали такіе органы вездѣ и всегда людей, интересующихся политической жизнью всей страны, а не однимъ только благополучіемъ своего личнаго кармана. Точно также и представители крайнихъ демократическихъ теченій среди европейской буржуазіи какъ нельзя лучше подходили подъ русское понятіе «революціонной интеллигенціи». Переберите вождей Великой французской революціи и вы увидите, что большинство изъ нихъ окажется по народнической терминологіи интеллигентами, причѣмъ изъ этихъ интеллигентовъ очень многіе (послѣдователи Руссо) носились съ планами такихъ «ударовъ» богачамъ, которые оказались бы полезны дѣлавшимъ революцію саняхотамъ.

Во всѣхъ революціяхъ первой половины XIX вѣка выдающаяся роль среди революціонныхъ элементовъ принадлежала учащейся молодежи и та ея часть, которая входила въ тайныя общества, брательная съ рабочими, конспирировала и агитировала, дѣлала все это ужъ конечно не «въ угоду» тому элементу, которому соц.-рев. исключительно присваиваютъ имя буржуазіи. Въ 40-хъ годахъ среди нихъ были сильно распространены различные виды первоначальнаго социализма и много, много неопредѣленныхъ социальныхъ благъ, много ударовъ богатой буржуазіи ожидали они отъ развивавшагося движенія и своими ожиданиями заражали и тѣмъ самымъ «обманывала» рабочихъ. И тотъ же бессознательный «обманъ» стремятся теперь организовать по всей линіи социалисты-революціонеры.

Не всё соц.-револ. доходить до такой явной наивности въ сужденіяхъ о революціи, какъ г. Новобранцевъ. Мы взяли его статью потому главнымъ образомъ, что именно онъ, заведя рѣчь о «герояхъ», которые вели толпу «въ угоду буржуазіи» и объ «обманѣ», который «мы уже хорошо знаемъ», въ то же время, въ той же статьѣ призываетъ современныхъ героевъ, и прежде всего студенчество, къ производству того же, буквально того же самаго, бессознательнаго «обмана», который невольны совершали революціонные дѣти европейской буржуазіи. Мы уже сказали, что не всё соц.-рев. такъ откровенно наивно, но къ самообману, а слѣдовательно и «обману» призываютъ теперь всё. Всѣ они топятъ понятіе *пролетарій* въ общемъ понятіи *трудящійся человекъ* и тѣмъ самымъ уничтожаютъ идею социализма, уничтожаютъ (еслибы пролетаріатъ ихъ послушался) самую возможность организованной и самостоятельной партіи пролетаріата, а слѣдовательно, и вообще партіи трудящихся и угнетенныхъ, такъ какъ ихъ разношерстная масса можетъ группироваться лишь вокругъ однороднаго, сплоченнаго ядра пролетаріата. Словомъ, уже этимъ однимъ отрицаніемъ самостоятельнаго значенія пролетаріата, соц.-революціо-

неры зачеркивают всё приобретённое второй половиной XIX вѣка и возвращаютъ насъ къ понятіямъ, господствовавшимъ среди дѣтей западной буржуазіи въ то время, когда она была революціонна. Всѣ соц.-революціонеры хватаются затѣмъ неизмѣннѣмъ «догмы», вынуждающей социалдемократовъ знать, что практически возможно и что невозможно «завтра или послѣзавтра». Они чужды той «астрологіи, которая смѣло пускается въ историческія пророчества» относительно предстоящей революціи, они не хотятъ довольствоваться той ничтожной программой - минимумъ, которую выставили социалдемократы, они потребуютъ гораздо большаго. Определённое требованіе они выставляютъ, правда, только одно: *землю крестьянамъ*.¹⁾ Утопленному пролетарію обѣщаются лишь «удары господству буржуазіи», «глубокія преобразованія въ социальномъ строѣ», «брешь въ цитадели царства эксплуатаціи» и другія столь же ясныя фразы. (Сборникъ программныхъ статей «Рев. Рос.», стр. 69—70). Но тѣмъ хуже, тѣмъ труднѣе было бы рабочему, попавшему въ сѣти этихъ туманныхъ фразъ, изъ нихъ выпутаться. Пока что, однако, въ эти сѣти запутывается, повидимому, легче всего учащаяся молодежь. Предъ ней стараются социалисты-революціонеры далеко-далеко перешагнуть социалдемократовъ въ революціонности; ей поютъ они свои лучшіе диаманты то прямо, то подъ именемъ революціонной интеллигенціи. Намъ хотѣлось бы, чтобы студенты, увлекающіеся этими взглядами, ясно представили себѣ, какую отвѣтственность за состояніе пролетаріата тотчасъ же послѣ революціи, о которой идетъ рѣчь, взяли бы они на себя, если бы въ качествѣ социалистовъ-революціонеровъ съумѣли внушить ему свои взгляды.

Большая разница, въ самомъ дѣлѣ, выйти изъ побѣдоносной битвы съ убѣжденіемъ, что завоевана лишь возможность свободно объеди-

¹⁾ Требованіе нашей программы относительно возвращенія сельскимъ обществамъ отрѣзанныхъ земель, служащихъ для закабаленія цѣлыхъ селеній, г. Новобранцевъ называетъ „подаркомъ буржуазіи“. Положимъ, что именно эти земли, необходимыя всѣмъ домохозяевамъ, будутъ лучше защищены отъ перехода въ исключительное владѣніе сельскихъ богачей („буржуазіи“), чѣмъ всякія другія. Но мы знаемъ, конечно, что, во-первыхъ, отрѣзки принесутъ пользу только крестьянамъ, ведущимъ самостоятельное хозяйство, и что, во-вторыхъ, эта польза будетъ прямо пропорціональна степени зажиточности каждаго хозяина. Но если „отрѣзки“ будутъ подаркомъ буржуазіи, то и переходъ всѣхъ земель въ руки крестьянъ былъ бы точно такимъ же „подаркомъ“ той же буржуазіи, только по размѣрамъ превосходящимъ отрѣзки ровно настолько, насколько всѣ земли, принадлежащія помѣщикамъ, больше той части, которую они отрѣзали у крестьянъ.

яться, учиться, организовать и растить свою силу, что приобретена лишь легальная почва для борьбы за улучшения условий найма, лишь свободная арена для проявления энергии пролетариата, его стремления к свету, к знанию. В этом случае сознательным рабочим пришлось бы на просторы и в широких размахах продолжать то же самое, уже привычное и дорогое дело, которым с величайшими трудностями и жертвами они уже и раньше занимались. Они знали бы, что всё дальнейшее приобретение, весь путь к тому счастью, которое может дать только социалистический строй, зависит от их собственной активности и энергии, что входящие в партию пролетариата образованные люди могут помогать ему своими знаниями, но сами по себе ничего—кроме этих знаний—дать не могут.

Другое дело выйти из боя со мыслью, что какие-то большие экономические блага уже завоеваны, что возможность реализовать какую-то часть социализма уже приобретена одержанной победой. Понимали бы рабочие во всем этом, конечно, так же мало, как и сами соц.-революционеры, и вынуждены были бы возложить все надежды по части «реализации» завоеванных благ на великую «внеклассовую» силу интеллигенции. Чутко насторожившись, они ждали бы от нее чудеса, готовые поддерживать ее своей боевой силой и «заставлять трепетать буржуазию».

Но предъ ярким светом широкой гласности и ясности положения не сможет устоять никакая привычка к туманным фразам. Студенты отрезвились бы, и поняли, наконец, границы возможного. Вѣдь и самъ г. Новобранцевъ, гремя противъ «догматиковъ», не оглашающихся «мыслить» невысказанное, тут же мимоходомъ свидѣтельствуетъ о своей полной готовности стать очень трезвымъ, когда дело дойдетъ до подсчета «результатовъ». Онъ заранѣе знаетъ, что эти результаты будутъ довольно «умѣренны», такъ какъ бухгалтерами революціи явятся умѣренные «отцы».

Да, волей неволей, революціонныя дѣти отрезвились бы, какъ отрезвились и ихъ западные предшественники; но въ какомъ положеніи очутились бы пролетаріи, возложившіе на нихъ все надежды? Студенчество Западной Европы сыграло большую и красивую роль въ революціонныхъ драмахъ первой половины XIX вѣка. Но драмы доигрывались, и исторія принималась тотчасъ же писать эпилогъ, въ которомъ значилось: «буржуазія обманула рабочихъ». Но вѣдь рабочие вѣрили не фабрикантамъ или ростовщикамъ, не тѣмъ, кому по народнической терминологіи присвоено имя буржуазіи. Тѣхъ они ненавидѣли, а любили съ ними бравшихся и вмѣстѣ съ ними дравшихся

на баррикадахъ студентовъ, вѣрили лишь той буржуазіи, которая у насъ называется революціонной интеллигенціей. Только она и могла «обмануть» рабочихъ, заражая ихъ своимъ испрениимъ самообманомъ. Нашему студенчеству исторія впервые даетъ возможность сыграть ту же блестящую роль въ революціонной драмѣ, набѣгнувъ эпилога. Научный социализмъ, гарантируя рабочихъ отъ роли обманутыхъ, гарантируетъ въ то же время студентамъ возможность быть революціонерами, не обманывая ни себя, ни другихъ, прямо смотря въ лицо дѣйствительности и называя вещи ихъ именами. Но эта возможность налагаетъ на нихъ обязанность не относиться слишкомъ легко къ идеѣ социализма, не называть себя социалистами, не познакомившись сперва съ научнымъ социализмомъ, не попытавшись понять его и провѣрить собственнымъ умомъ, дѣйствительно ли только злая воля мѣшаетъ намъ говорить объ одновременномъ сверженіи абсолютизма и господства буржуазіи, или для мыслящихъ людей это, дѣйствительно, немислимо.

В. Засуличъ.

Пробужденіе демократіи и наши задачи.

(25 янв. 1904 г. № 58).

Въ то время, какъ въ области международной политики правительство тщетно пыталось выпутаться изъ сквернаго положенія, въ которое его поставило столкновение съ Японіей,—въ области внутренней политики оно начало новый годъ двумя громкими актами: «упраздненіемъ» тверскаго земскаго либерализма и закрытіемъ, съ помощью полицейской команды, имъ же самимъ разрѣшеннаго съѣзда дѣятелей по техническому образованію. Счастливое предзнаменованіе для 1904 года!

Торжественно обставленный актъ «разоренія» мятежнаго тверскаго гнѣзда завершаетъ девятилѣтнюю кампанію, начавшуюся съ высочайшаго запрещенія всякой общественной службы представителямъ тверскаго земства за «безмысленныя мечтанія» января 1895 года, продолженную систематическими неутвержденіями въ должностяхъ зем-

скихъ избранныхъ, систематическими пререканіями губернской власти съ земскими собраніями, и въ самое послѣднее время ознаменованную преданіемъ суду за «преступленія по службѣ» нѣсколькихъ либеральныхъ дѣателей тверскаго земства.

Внѣшнимъ поводомъ къ окончательной отдачѣ тверскаго земства «на потокъ и разграбленіе» слугамъ г. Плеве послужило, повидимому, сопротивленіе, оказанное губернскимъ земствомъ «упразднительнымъ» затѣямъ не безъ помощи администраціи подобраннаго въ реакціонномъ составѣ тверскаго уѣзднаго собранія, «раскассированнаго» и свѣтскую школу, и земскую агрономію, и всѣ, вообще, сколько нибудь культурныя начинанія земства. Но, независимо отъ этого внѣшняго повода, расправа съ тверскими земцами объясняется, въ конечномъ счетѣ, той славой «крамольнаго» либеральнаго гнѣзда, которая установилась за тверскимъ земствомъ въ радѣ лѣтъ. Ударъ тверскому земству направлень противъ всего земскаго либерализма.

Тверское губернское земство отдано въ полное распоряженіе губернатора, который получаетъ право замѣнять выборную управу управой по назначенію, высылать изъ губерніи лицъ, которыхъ дѣятельность «вредно» отражается на земскомъ дѣлѣ, увольнять служащихъ и пр., и пр. Тому же Мамаеву нашествію подвергнуто и уѣздное новоторжское земство—наиболѣе радикальное изъ тверскихъ. Въ мотивахъ къ новымъ «скорпіонамъ» говорится о крамолѣ революціонной, связшей гнѣздо подъ покровительствомъ крамольниковъ либеральныхъ, о пропагандѣ народныхъ учителей среди крестьянъ и т. п.

Новый набѣгъ, произведенный на тверское земство, представляетъ собою новое испытаніе политической зрѣлости нашего земскаго либерализма. Перекося безропотно расправы съ воронежскими и суджанскими земцами, отважится ли онъ на сколько-нибудь мужественный повсемѣстный протестъ противъ разгрома, которому подверглись его тверскіе представители? Мы не знаемъ этого, какъ не знаемъ того, какое вліяніе окажетъ этотъ разгромъ на тольکو что начавшійся снова,—и начавшійся по взаимному соглашенію, какъ утверждаетъ «Освобожденіе»,—либеральный походъ губернскихъ собраній. Одно лишь можно сказать навѣрное: земцы потеряютъ прекрасный случай отплатить бюрократіи за реакціонныя вакханаліи послѣднихъ лѣтъ, если не воспользуются затруднительнымъ положеніемъ, въ которомъ она теперь находится, наканунѣ войны, если не встанутъ со всей энергіей на защиту своихъ, и безъ того уже почти къ нулю сведенныхъ, «вольностей».

Опираясь на реакціонныя слои земельного дворянства, правитель-

ства во всёх современныхъ актахъ репрессіи по адресу органовъ самоуправленія преслѣдуетъ, между прочимъ, одну опредѣленную цѣль: разорвать насильственно ту политическую связь между имущими классами и демократіей, которая являлась постояннымъ источникомъ «радикализаціи» земства и которую реакціонеры не перестаютъ обличать, какъ политическое зло первостепенной важности, со времени извѣстной рѣчи самарскаго вице-губернатора о «третьемъ элементѣ».

Если бы правительству удалось «выкурить» третій элементъ изъ земства, если бы, цѣной разрушенія всей произведенной этимъ элементомъ культурной работы, ему удалось политически «обездушить» современное земство до той степени, чтобы оно превратилось въ представительство реакціонно-аграрныхъ интересовъ, оно, несомнѣнно, ослабило бы въ высшей степени организованную силу оппозиціонно-настроенныхъ имущихъ классовъ; но столь же несомнѣнно оно проложило бы дорогу *много рода* концентраціи враждебныхъ его существованію социальныхъ силъ, «концентраціи подъ знаменемъ болѣе радикальной и болѣе демократической программы, чѣмъ какою можетъ быть программа движенія, въ центрѣ котораго стоитъ организованное—съ сильно выраженнымъ сословнымъ началомъ—цензовое представительство. Разорвать политическую связь «третьяго элемента» съ буржуазнымъ либерализмомъ, значить, конечно, ослабить политическую силу организованной въ земствахъ либеральной партіи. Но это значить въ то же время усилить «тягу» третьяго элемента—демократической интеллигенціи—къ активнымъ народнымъ низамъ, это значить—содѣйствовать освобожденію ея отъ умѣряющаго вліянія либеральной буржуазіи.

Недаромъ г. Струве въ свое время (въ предисловіи къ «Запискѣ» Витте) съ своей точки зрѣнія умѣренного либерала предостерегаетъ самодержавіе отъ разрушенія того моста между элементами «порядка» и элементами революціи, какимъ можетъ явиться въ критическій часъ организованное представительство имущихъ классовъ. Направленная слѣпымъ инстинктомъ самосохраненія, разрушительная политика абсолютизма несомнѣнно способствуетъ перемѣщенію *влѣво* политическаго центра системы оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ. И абсолютизмъ убѣдится въ томъ, когда въ революціонный моментъ будетъ тщетно искать окрестъ себя, кому бы отдать «полцарства за коня».

Взрослая въ нѣдрахъ земской организаціи, интеллигентная демократія начинаетъ операться на аренѣ самостоятельнаго политическаго дѣйствія, в, выступая на ней, она подхватываетъ крайніе лозунги, выдвинутые земскимъ либерализмомъ, чтобы усложнить ихъ

болѣе демократическими, болѣе активно - *политическими* лозунгами, данными революціонной борьбой *пролетаріата*.

Интеллигентная демократія уже не ограничивается въ своей борьбѣ сферой вопросовъ, въ которыхъ замыкался связанный съ опредѣленными классами населенія земскій либерализмъ; свои *desideria* она заимствуетъ уже не изъ одной лишь области сословнаго и бюрократическаго гнета, подъ тяжестью котораго изнываетъ крестьянство. Она прямо подходит къ вопросамъ, выдвинутымъ подъемомъ городской рабочей массы, и изъ классовой борьбы пролетаріата черпаетъ матерьялъ для *своего* политическаго протеста противъ современнаго режима.

Это весьма интересный и знаменательный процессъ политической концентраціи разночинной демократической интеллигенціи около рабочаго движенія. Начавшись идеологическимъ движеніемъ въ формѣ «легальнаго марксизма» дѣтъ десять назадъ, которому сопутствовало сближеніе съ пролетаріатомъ на почвѣ удовлетворенія его культурныхъ запросовъ (воскресныя и вечернія школы и т. п.),—въ послѣдніе годы, съ обостреніемъ политической борьбы пролетаріата, онъ принимаетъ формы открытаго *политическаго сотрудничества* двухъ различныхъ социальныхъ силъ въ борьбѣ съ общимъ политическимъ врагомъ. И если передовое студенчество въ своей демократически - настроенной массѣ, при самомъ началѣ новыхъ «безпорядковъ», приглашаетъ на свои сходки городскихъ пролетаріевъ, чтобы совмѣстно съ ними вырѣшить вопросъ о формѣ политическаго протеста, то болѣе «солидные» круги демократіи находятъ другіе методы сближенія съ рабочими. Вокругъ «рабочихъ процессовъ», процессовъ о стачкахъ, демонстраціяхъ и всяческихъ «безпорядкахъ», организуется цвѣтъ молодой адвокатуры—такъ, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ во Франціи около политическихъ процессовъ коммунистически - революціонныхъ обществъ формировались кадры будущихъ депутатовъ, журналистовъ и иныхъ вождей буржуазной демократіи. А за этими юристами-демократами уже начинаютъ втягиваться въ ту же работу по защитѣ «преступныхъ» пролетаріевъ признанные свѣтила юриспруденціи, далекіе отъ всякаго радикализма «умѣренные отцы» адвокатуры. За молодой демократіей долженъ будетъ пойти солидный буржуазный либерализмъ.

Фабрика съ вызываемыми ею новыми культурными запросами, паровая машина съ порождаемыми ею революціонными проявленіями классовой борьбы—вотъ тѣ новые факторы, которые формируютъ политически нашу демократію. Пока она, по преимуществу, организуетъ-

валась на почвѣ «содѣйствія» многочисленнымъ нуждамъ вѣчно голоднаго и всегда пассивнаго крестьянства, она могла лишь служить вспомогательнымъ отрядомъ помѣщичьему либерализму и въ значительно большей степени проводила его программу, чѣмъ диктовала ему свою. Примыкая, по-своему, къ социальной борьбѣ пролетаріата, она получаетъ возможность проявить свою собственную политическую фантомію.

Упомянутый въ началѣ статьи Съездъ дѣятелей по техническому образованію явился крупной демонстраціей этой новой политической силы. Уже самое количество участников—двѣ съ лишнимъ тысячи—показываетъ, какой политической силой можетъ стать эта разбросанная по градамъ и весямъ, проникающая во всѣ общественныя учрежденія, социальная группа. А общее направленіе работъ и рѣшеній съезда свидѣтельствуетъ о томъ, какой политической прогрессъ отмѣчаетъ собою развитіе этой группы за послѣдніе годы. Либерально-культурныя элементы явно пасуютъ передъ радикально-демократическими. Рядомъ со старыми народами общекультурной и либеральной борьбы съ бюрократіей, клерикализмомъ и сословностью, громко раздаются новые мотивы—отзвукъ выдвинутыхъ пролетарской борьбой радикальныхъ политическихъ и экономическихъ требованій.

Восьмичасовой рабочей день и свобода союзовъ — эти два требованія впервые раздѣлились на русскомъ легальномъ съездѣ. И, вмѣстѣ съ этой данью растущему вліянію русскаго рабочаго движенія, легальные демократы отдали извѣстную дань и порожденной этимъ движеніемъ потребности радикальнѣе формулировать и полнѣе развить традиціонныя общекультурныя и обще-прогрессивныя требованія о свѣтской и свободной школѣ, объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, о свободѣ печати, объ уравненіи евреевъ въ правахъ... Какъ большой шагъ впередъ въ дѣлѣ «легальной борьбы», слѣдуетъ отмѣтить и особенно привѣтствовать рѣшеніе — замѣнить традиціонныя «ходатайства» передъ правительствомъ пропагандой принятыхъ постановленій въ обществѣ. Этому примѣру послѣдовали в Пироговскій врачебный съездъ, явившійся, по своему политическому содержанію, отголоскомъ съезда «техническаго».

Правительство, разумѣется, не могло долго выносить такого «безпорядка» и оба съезда должны были умереть насильственной смертью, причемъ находчивая столичная полиція примѣнила даже новые методы безкровной расправы съ «общественнымъ мѣшкѣмъ».

Мы, разумѣется, должны привѣтствовать проявившееся съ особенной силой на «техническомъ» съездѣ стремленіе очень широкихъ и

разнородных кругов интеллигентной демократии внести въ свой коллективный протест такіа социальна-политическіа требованія, въ осуществленіи которыхъ специально заинтересованъ русскій пролетаріатъ. Внесеніе такихъ требованій въ программу русскихъ демократовъ подкажывается простымъ правильно понятымъ политическимъ разсчетомъ. Разумѣется также, что, привѣтствуя такую эволюцію демократіи, мы не отказываемся отъ своего права и своей обязанности подвергать тщательной, и строгой, хотя и далекой отъ мелочности, критикѣ каждый шагъ, дѣлаемый ими въ новомъ направленіи, поскольку въ такихъ шагахъ, наряду съ стремленіемъ идти впередъ, будетъ болѣе или менѣе сказываться свойственная буржуазной демократіи непоследовательность и половичатость въ постановкѣ чисто-демократическихъ требованій, какими бы психологическими факторами ни объяснялась эта половичатость. Поэтому мы не преинемемъ указать дѣятелямъ съѣзда, что, взявшись протестовать противъ позорящаго Россію режима безправія евреевъ, они не должны были останавливаться на полпути и, требуя (замѣтите, не ходатайствуя передъ правительствомъ!) передъ лицомъ общества равноправія для евреевъ, кончившихъ курсъ учебныхъ заведеній, закрывать глаза на гораздо болѣе тяжкое безправіе еврейской бѣдоты. Мы не преинемемъ указать имъ, что требованіе свободы печати и союзовъ, требованіе свободы совѣсти, свѣтской школы и отчѣны сословности представляетъ собой, по своему объективному значенію, отрицаніе самодержавнаго режима и что въ этомъ отрицаніи останавливаться на поддорогѣ, не говоря прямо и ясно: *созывъ учредительнаго собранія и выработка конституціи*, — значитъ ослаблять агитаціонно-просвѣтительный характеръ резолюцій, весь смыслъ которыхъ — когда авторы ихъ сами отказались отъ надежды воздѣйствовать на правителей — именно во влияніи на общественное мнѣніе ¹⁾. Мы укажемъ также, что, выбирая для яркой и внушительной демонстраціи противъ современныхъ порядковъ гг. Стенанова и Проина, участники съѣзда могли бы для демонстраціи своихъ положительныхъ прогрессивныхъ взглядовъ выбрать предметомъ сочувственной оваціи политическаго дѣятеля съ нѣсколько менѣе сомнительной репутаціей либерализма, чѣмъ какою обладаетъ третьягодншній радикаль, вчерашній вице-министръ, принимавшій участіе во всѣхъ реакціонныхъ оргіяхъ эры Сипягина, и

¹⁾ Нечего говорить, что изловчившіеся въ своей работѣ легальные дѣтели всегда сумѣютъ «прицѣпить» такое крайнее требованіе къ тѣмъ вопросамъ, которыми занимался съѣздъ.

сегодняшній фрондеръ—потому, что впасть въ немилость — г. В. И. Ковалевскій.

Мы не замедлимъ, наконецъ, отмѣнить и особенно подчеркнуть это характерное ограниченіе требованія «свободы союзовъ» свободою союзовъ «экономическихъ» (потребительныхъ и профессиональныхъ), съ игнорированіемъ союзовъ политическихъ — тѣхъ союзовъ, которые *всего нужнее* рабочему классу. Мы отмѣнимъ это ограниченіе, чтобы указать пролетариату, что представители демократіи не способны, съ своей точки зрѣнія, оцѣнить значеніе самостоятельной политической дѣятельности рабочаго класса, и что самъ пролетариатъ долженъ позаботиться объ агитаціи въ пользу свободы *этой* его дѣятельности. И мы докажемъ демократамъ, что сознательный пролетариатъ не желаетъ довольствоваться правомъ экономической дѣятельности, не желаетъ отдать дѣла политическаго прогресса въ монопольное вѣдѣніе «образованнаго общества». Мы докажемъ имъ, что сознательный пролетариатъ не намѣренъ за чочевичную похлѣбку экономическихъ и культурныхъ реформъ продавать право политическаго первородства, имъ пріобрѣтеннаго въ качествѣ перваго, главнаго и наиболѣе умѣлаго могильщика стараго порядка. И мы скажемъ радикальной буржуазной демократіи: мы пойдемъ рука объ руку съ вами только въ томъ случаѣ, если вы безъ недомолвокъ и безъ оговорокъ подпишете выдвинутыя нами основныя политическіе требованія.

Какъ, однако, скажемъ мы демократіи все это, диктуемое намъ нашей программой и принципами нашей тактики?

Неужели мы ограничимся тѣмъ, что къ моменту того или иного выступленія демократовъ, подобнаго тому, какое имѣло мѣсто на техническомъ съѣздѣ, мы пошлемъ имъ прокламацію отъ нашего комитета и заявимъ въ ней о своемъ, социалдемократическомъ, отношеніи къ выставленнымъ демократіей лозунгамъ, къ примѣняемымъ ею методамъ? Неужели мы удовлетворимся только такой демонстраціей *во имя* пролетариата? Не слишкомъ ли мало будетъ этого для того, чтобы оказать замѣтное воздѣйствіе на соотношеніе общественныхъ силъ, опредѣляющихъ политическое направленіе пути, которымъ идетъ наша родина?

Этотъ вопросъ вполне умѣстно поставить въ наше время, когда пониманіе сложныхъ практическихъ задачъ нашей объединенной партіи упрощается порою самымъ непростительнымъ образомъ. Слишкомъ часто въ представленіи товарищей вся наша агитаціонная работа сводится къ интенсивному выпуску прокламацій, къ широкому распространенію произведеній печати.

Если бы намъ удалось сколько-нибудь хорошо приспособить свою организацію къ *этой* цѣли, то мы—при прочихъ равныхъ условіяхъ—были бы, вѣроятно, способны время отъ времени организовать политическія демонстраціи того типа, который установился практикой послѣднихъ лѣтъ, т. е. могли бы время отъ времени выводить для протеста противъ самодержавія въ его наиболѣе основныхъ и наиболѣе всеобщихъ проявленіяхъ болѣе или менѣе густыя толпы проснувшихся къ политической жизни рабочихъ.

Эту ли задачу должны мы преслѣдовать въ своей агитаціи? Такимъ ли путемъ мы, «подготавливая революцію» подготовленіемъ рабочаго класса къ ней, выполнимъ свою обязанность политическаго воспитанія пролетаріата, какъ самостоятельной и всегда готовой къ борьбѣ за эту самостоятельность политической силы? Нетрудно видѣть, что, выполняя *такую* работу, мы еще не выходимъ изъ рамокъ того, что на нашемъ мѣстѣ выполняла бы революціонно-демократическая партія, имѣющая извѣстное оприкосновеніе съ массой городского пролетаріата.

Но вѣдь мы, выполняя эту работу, «наполняемъ ее классовымъ содержаніемъ», поскольку въ этихъ самыхъ листкахъ разоблачаемъ буржуазную ограниченность и либеральную половинчатость политическихъ дѣйствій другихъ классовъ, поскольку связываемъ свою агитацію по данному вопросу съ основами нашей программы?

Все это, скажемъ мы, очень нужно, хотя, къ сожалѣнію, далеко не всегда, и далеко не всегда умѣло, выполняется при нашей агитаціи, но всегда этого недостаточно для удовлетворительнаго рѣшенія стоящихъ передъ нами практическихъ задачъ.

Революціонное классовое воспитаніе пролетаріата не достигается однимъ только воздѣйствіемъ печатнаго и устнаго слова; а участие болѣе и менѣе широкихъ слоевъ пролетаріата въ общеполитическихъ, общенародныхъ манифестаціяхъ противъ основъ существующаго режима *само по себѣ* даетъ имъ только самое элементарное политическое воспитаніе, подобно тому, какъ участие ихъ въ организованныхъ стачкахъ *само по себѣ* вырабатываетъ только *зачатки* классового самосознанія.

Необходимо живое, активное участіе самого пролетаріата, въ лицѣ хотя бы непосредственно руководимой нашей партіей его сознательной части, во всѣхъ актахъ политической и общественной жизни. Необходимо, чтобы социалдемократія выступала не только *во имя*, но и *во главу* пролетаріата; необходимо, чтобы въ ея выступленіяхъ пролетаріатъ не только «стоялъ» за нею, но и *шелъ* за нею.

Маленькій, мимеографомъ отпечатанный листокъ петербургскаго

комитета нашей партіи, обращенный «къ членамъ съѣзда дѣятелей по техническому образованію», является хорошимъ свидѣтельствомъ того, какой характеръ принимаетъ на практикѣ наше «участіе въ политической жизни» Россіи. Въ событіи, въ которомъ активно участвуютъ *тысячи* рядовыхъ буржуазной демократіи, демократія пролетарская фигурируетъ въ лицѣ одной лишь своей руководящей группы, и возможно, что этотъ актъ «хожденія партіи пролетаріата во всеѣ классы» совершился при полномъ даже невѣдѣніи сознательныхъ и способныхъ къ политической активности словей пролетаріата о томъ, что его представителями совершенъ «по Искрѣ» этотъ актъ...

Мы не думаемъ, чтобы большинство дѣйствующихъ въ Россіи товарищей надѣялось этой, повстинѣ, «отпиской» отъ настоящаго дѣла замѣнить самое дѣло, необходимость котораго теперь признана всеми; но мы знаемъ, что дальше такой отписки, въ большинствѣ случаевъ, дѣло не идетъ. И мы думаемъ, что наши разговоры о лучшей формѣ организациі партійнаго дѣла рискуютъ оказаться праздыми разговорами, если по главнѣйшимъ функціямъ этого дѣла мы будемъ отписываться листкомъ печатной бумаги.

Передовые, пробужденные нами къ политической мысли, слов рабочаго класса должны активно участвовать въ каждомъ крупномъ актѣ общественной жизни, достойномъ привлечь ихъ вниманіе. Они— а не только ихъ сидящіе въ комитетахъ руководители—должны «разговаривать» съ тѣми или другими организованными группами другихъ социальныхъ классовъ; они—эти передовые слов пролетаріата—должны—открытой ли демонстраціей, принятіемъ ли на тайныхъ собраніяхъ резолюцій—пытаться оказать *политическое давленіе* на ту или другую общественную группу, отолкнувшуюся съ самодержавіемъ, для того ли, чтобы побудить ее къ болѣе энергичному отстаиванію прогрессивныхъ требованій или для того, чтобы толкнуть ее на путь болѣе радикальнаго, болѣе демократическаго протеста. Только сталкиваясь *на практикѣ* съ различными общественными группами, только практически и непосредственно «сотрудничая» съ ними въ дѣлѣ отстаиванія общихъ интересовъ противъ общаго врага, передовые— все болѣе широкіе—слов пролетаріата научатся понимать то реальное отношеніе общественныхъ силъ, которымъ должна опредѣляться тактика ихъ собственной партіи, научатся отличать своихъ возможныхъ союзниковъ отъ своихъ ложныхъ друзей, начнутъ воспитывать въ себѣ и во все болѣе и болѣе широкихъ массахъ своего класса конкретное представленіе о *своей классовой политикѣ*, отличной отъ политики всѣхъ остальныхъ, борющихся рядомъ съ пролетаріатомъ,

общественныхъ группъ. Только путемъ такого живого участія пролетаріата въ общественной жизни можетъ выработаться у насъ дѣйствительно рабочая партія, достойная этого имени. И только содѣйствуя каждымъ актомъ своей повседневной работы образованію этой партіи, наши организаціи выполнять на дѣлѣ задачи, диктуемыя намъ нашей программой.

Ограниченный политическій кругозоръ буржуазной демократіи диктуетъ ей такую «формулу прогресса» для рабочаго движенія: рабочіе организуются въ «экономическіе» союзы, ведутъ при ихъ посредствѣ экономическую борьбу и представляютъ демократамъ всѣхъ видовъ и оттѣнковъ активное участіе въ политической жизни. Соціалдемократія отвергаетъ такое отстраненіе пролетаріата отъ активного участія въ выработкѣ высшихъ формъ политической жизни. Русская соц.-дем. интеллигенція отвергла предлагавшуюся ей программу—«содѣйствія экономической борьбѣ рабочихъ и участія въ политической борбѣ общества»,—т. е. политическаго растворенія въ либерально-демократическомъ «обществѣ». Русская соціалдемократія написала на своемъ знамени—*выработку самостоятельной политической рабочей партіи, ведущей самостоятельную классовую политику*. Но до сихъ поръ и въ дѣлѣ выработки рабочей партіи, и, тѣмъ паче, въ дѣлѣ проведенія послѣдовательной классовой политики, мы сдѣлали очень мало, и—что хуже всего—мы какъ будто перестаемъ замѣчать, какъ мало мы сдѣлали. А, между тѣмъ, еслибы дѣло выработки самостоятельной рабочей партіи не пошло у насъ дальше «распущенія» всѣхъ «демократически» устроенныхъ рабочихъ организацій и превращенія комитетовъ въ «агентуру» центрального комитета, если бы дѣло веденія классовой пролетарской политики ограничилось бы полемикой между Женевой и Штутгартомъ, да прокламационной «отпиской» нашихъ комитетовъ въ «вѣдомства либеральныхъ и демократическихъ дѣйствій», то, нѣтъ сомнѣнія, что мы бы *на дѣлѣ* недалеко ушли отъ той самой перспективы, которую манили насъ авторы *Credo*, которую мы отвергли *въ идеѣ*. Ибо мы—соціалдемократическая интеллигенція—участвовали бы, какъ крайняя глѣвая, въ политической работѣ демократіи, въ то время, какъ пролетаріатъ время отъ времени поддерживалъ бы насъ—а, вмѣстѣ съ нами, и демократію—внушительными нападеніями на твердыни деспотизма.. Намъ нужно, настоятельно нужно развить до самыхъ широкихъ предѣловъ общепартійное и мѣстное издательство агитаціонной литературы, намъ нужно этой литературой реагировать на всякое серьезное явленіе общественной жизни. Но никогда это *средство*, при-

мѣняемое нами для достиженія опредѣленной цѣли, не можетъ замѣнить собою самой цѣли, которую должно быть—систематическое самовоспитаніе пролетаріата путемъ участія въ политической жизни государства.

Соціалдемократическая политика рабочего класса не тождественна съ политическимъ движеніемъ пролетаріата, руководимымъ людьми съ социалдемократическими убѣжденіями. Запомнить это необходимо всякому, кто хочетъ на дѣлѣ выполнить долгъ идеолога пролетаріата. Никогда не забывать этого—значитъ потерять совершенно не вдушую къ социалдемократу счастливую способность—способность изъ-за формы проглядѣть содержаніе, изъ-за деревьевъ не видѣть лѣса, изъ-за вопроса о «централизациі вокругъ пустого мѣста» проглядѣть серьезный вопросъ объ организаціи стѣхійной пролетарской борьбы въ сознательную политическую борьбу пролетаріата.

Л. Мартковъ.

Мудрыя птицы.

(15 марта 1904 г. № 62).

«Ужь сколько разъ твердили міру, что лесть гнусна, вредна»—и однако и до сихъ поръ, и теперь болѣе, чѣмъ когда либо прежде, либеральныя вороны не могутъ не выронить своего крошечнаго кусочка либеральнаго сыра, лишь только лисицы реакціи начнутъ хоть чуть-чуть похваливать ихъ носикъ, перышки и, въ особенности, голосокъ. Правда, вороны бываютъ разной степени добродѣтели. Иныя оказываются не въ силахъ устоять при первомъ же взметѣ игривыхъ лисьяхъ глазокъ, другія—дѣлаютъ отчаянныя усилія въ борьбѣ со своимъ податливымъ сердцемъ. Но какъ бы то ни было, сердце не камень, и нѣтъ такой вороны, которая устояла бы до конца противъ всѣхъ нѣжныхъ приступовъ лисы и рано или поздно не каркнула бы «во все воронье горло».

Эта истина настолько старая и настолько очевидная для всякаго,

хоть сколько-нибудь знакомого съ исторіей развитія либеральнаго вороньяго рода со времени героической эпохи его—великой французской революціи,—что не надо было обладать даромъ пророчества, чтобы предоказать, что и напѣ русскій либерализмъ не преминетъ «каркнуть» именно въ ту минуту, когда его гражданскія доблести будутъ призваны совершить, наконецъ, свои великіе подвиги во славу народнаго «освобожденія».

И если въ ту достопамятную эпоху, когда отчаянные удары борцовъ Народной Воли поколебали старый режимъ и подали надежду на возможность превращенія конституціонныхъ «мечтаній» въ конституціонное дѣло, политическая добродѣтель либераловъ не устояла передъ ухаживаніями «диктатуры сердца» и позволила имъ совершенно явственно «каркнуть» о своей полной готовности искоренять крамолу и крамольниковъ въ дружественномъ сотрудничествѣ съ «ненавистнымъ» режимомъ, то имѣть, конечно, никакой причины изумляться, что теперь, когда война, обостривъ переживаемый страной внутренній политическій кризисъ, потребовала отъ всѣхъ участниковъ политической жизни рѣшительнаго отвѣта на выдвинутые ею вопросы, отвѣта не только словомъ, но и дѣломъ,—имѣть причины изумляться, что и теперь либеральная ворона не обнаружила той непреклонности сердца, которая не дарована ей историческими судьбами и что, разинувъ свое «горло», она не могла запѣть иначе, какъ... по-вороньи. Если что и изумительно, то только та чрезмѣрная, можно сказать, податливость, которую обнаружила въ данномъ случаѣ почтенная птица. Можно быть увѣреннымъ, что даже крымская ворона нашла бы такую степень сердечной слабости нѣсколько шокирующею.

Нѣтъ сомнѣнія, что, если когда либо либеральные «отцы» имѣли случай показать непочтительнымъ революціоннымъ «дѣтямъ» образецъ мужественной «мирной» борьбы за свободу, то именно теперь. Задыхающееся въ тискахъ его же политикой вызванныхъ несчастій, правительство безпомощно размахиваетъ руками во всѣ стороны, ища хоть какой нибудь опоры. Вчера еще казацкими нагайками разгонявшее народныя «скопища», оно сегодня само зоветъ манифестантовъ на улицу, пытается опереться на ту самую «толпу», которая до сихъ поръ не упоминалась правительственными устами иначе, какъ съ прибавленіемъ эпитета «безчиновная» и съ перечисленіемъ убитыхъ, раненыхъ, арестованныхъ. Устами своихъ продажныхъ газетъ оно начинаетъ восхвалять ту самую «европейскую культуру», которая до сихъ поръ только едва терпѣлась на задворкахъ російской самобытности и состояла подъ усиленнымъ надзоромъ: оно пытается радиться въ плащѣ

борца за «цивилизацию» «гнилого» Запада против «азиатского варварства». А давно ли съ цинизмомъ, почти граціознымъ, лейбъ-газетчикъ, князь Ухтомскій, провозглашалъ, что «мы—азіаты»? Нынѣ же, даже спеціальнѣйшій органъ политическаго смысла, «Московскія Вѣдомости» торжественно возвѣщаютъ всему міру, что «можно имѣть разныя политическія программы и идеалы... Можно... принадлежать къ разнымъ политическимъ партіямъ, потому что формы правленія въ мірѣ разнообразны». Эти истины, неслыханныя въ устахъ ищейки, даже къ безобиднымъ «Русскимъ Вѣдомостямъ» пристававшей съ упорнымъ вопросомъ: «како вѣруешь?» свидѣтельствуютъ о совершенно исключительномъ нервномъ разстройствѣ правящей клики. Еще большимъ свидѣтельствомъ служатъ игривыя мелодіи «Новаго Времени» и другихъ рептилій на тему о грядущемъ внутреннемъ «обновленіи», о благодѣтельномъ влияніи войны на ходъ «реформъ». Цѣлыя передовицы посвящены даже доказательствамъ того, что не нужно вовсе превращенія Портъ-Артура въ новый Севастополь для водворенія въ Россіи конституціонной «весны», что «весна» и такъ будетъ, непременно будетъ. Все это должно было и самымъ недогадливымъ внушить мысль, что недаромъ бюрократическая лиса, сдерживая свои плотоядные инстинкты, занимается замысловатыми комплиментами.

Словомъ, «либералы» понадобились, а г—ну Струве пылкая фантазія рисовала даже, что они уже «призваны» и—съ разрѣшенія начальства, конечно—«говорятъ монарху смѣлое и честное слово». Увы! Фантазій не суждено было воплотиться въ дѣйствительность. Если «улица», хоть и подобранная спеціалистами по части сыска и вѣрноподданности, оказалась слишкомъ близкой, физически близкой къ той заправской, трудящейся «улицѣ», которая по части благонамѣренности состоитъ въ великомъ подозрѣніи, слишкомъ близкой, чтобы опасность заигрываній съ нею сейчасъ же не дала себя знать самымъ чувствительнымъ образомъ, то ворона оказалась только вороной и ничѣмъ больше. По обыкновенію, въ тотъ самый моментъ, когда могучая волна историческихъ событій сразу вознесла русскую политическую жизнь на необычайную высоту, обострила и выдвинула въ самой рѣзкой формѣ коренной русской вопросъ о борьбѣ съ абсолютизмомъ, въ тотъ самый моментъ, когда можно и нужно было сказать, наконецъ, свое «смѣлое и честное слово» и сказать не въ тайныхъ апартаментяхъ дворца, а всенародно, въ этотъ самый моментъ либералы даже самой высокой марки не нашли ничего лучшаго, какъ шмыгнуть въ подворотню. Мало того. Они не нашли въ себѣ даже настолько гражданскаго «мужества», чтобы молчать. Они заго-

ворони. И языкъ ихъ былъ языкъ рабовъ. Предательство, измѣна дѣлу свободы, той самой свободы, на altarѣ которой вынудившіе герои либерализма приносили торжественныя аннибаловы клятвы, началось по всей линіи и достигло такихъ размѣровъ, передъ которыми не устоялъ даже штудтгартскій рыцарь безъ страха и упрека. «Да здравствуетъ армія!»,—каркнула мужественная ворона и на крайній случай оставила себѣ про запасъ простое и выразительное— долой фонъ-Плеве!» Это каркнуто дѣйствительно «въ мѣру» вороньяго мужества и доблести, и «попадаетъ» въ завѣтную «цѣль»—«совѣщаній» съ этимъ самымъ «фонъ-Плеве» «о государственныхъ дѣлахъ» и «смѣлыхъ словъ» въ Зимнемъ дворцѣ. И понятиѣ не вполне понятна та «скорбь и обида», которую г. Струве сначала хотѣлъ «смолча перестрадать», а затѣмъ вылить публично, и все по той только причинѣ, что его «учителя», г. г. Стасюлевичъ и Арсеньевъ—перевели его вербительное карканье—«да здравствуетъ армія» на «простое и выразительное» и къ тому же «вполнѣ вразумительное»—«да здравствуетъ самодержавіе». Либеральный кусочекъ сыра одинаково вываливается изо рта и въ томъ и въ другомъ случаѣ, и если для г. г. Стасюлевича и Арсеньева подвошеніе рабьяго адреса и составляло конечную «мѣру» ихъ гражданскаго мужества, то вѣдь вопросъ о «мѣрѣ» есть вопросъ частный, второстепенный, о которомъ можно спорить. Къ тому же «учителя» г. Струве—вороны старыя и умудренныя опытомъ и не безъ основанія могутъ полагать, что, выступивъ на путь податливости, и ихъ непреклонный «ученикъ» современемъ начнетъ говорить «вполнѣ вразумительно» и нѣсколько измѣнить свою «мѣру» вещей. Тѣмъ съ большимъ основаніемъ могутъ они это полагать, что уже и теперь, при всей глубинѣ своей «скорби», г. Струве спѣшитъ заявить, что ихъ поступокъ «конечно, не измѣна убѣжденіямъ». Въ этомъ драгоценномъ признаніи заключается дѣйствительная «мѣра» вороньихъ «убѣжденій», ни къ чему, кромѣ «словъ», не обязывающихъ; словъ, хотя бы ужъ не «честныхъ и смѣлыхъ», ибо, конечно, поднесенный г. г. Стасюлевичемъ и Арсеньевымъ адресъ петербургскаго земства врядъ-ли кто-нибудь въ мірѣ сможетъ признать «смѣлымъ», а тѣмъ паче «честнымъ». Г—ну Струве—«нельзя молчать». Нѣтъ, ему необходимо заговорить и указать «патріотическому чувству» г. г. Стасюлевичей и Арсеньевыхъ ту подворотню, въ которой оно можетъ какъ нибудь прикрыть свой позоръ отъ «простого» народа и не вызывать слишкомъ ужъ скандальныхъ для столповъ либерализма похвалъ «Московскихъ Вѣдомостей». Онъ рекомендуетъ имъ «кормить и грѣть заблудшихъ, лечить больныхъ и раненыхъ».

Указывая эту лазейку, участвуя въ «сокрытіи слѣдовъ преступленія» либеральныхъ воровъ передъ народомъ, не является ли г. Струве косвеннымъ участникомъ самого преступленія, и далеко ли отъ этого укрывательства до прямого пособничества? А тогда не окажется ли правъ г. Арсеньевъ, «на внутреннихъ обозрѣніяхъ» котораго г. Струве «получилъ свое политическое образованіе!»

Еще большія надежды въ этомъ отношеніи подаютъ г. «Земскій гласный Т.», тотъ самый «непреклонный» вонтель либерализма, который и сапогъ не успѣлъ еще выносить съ тѣхъ поръ, какъ кричалъ, что «не останавливаясь передъ жертвами, мы должны энергичнымъ протестомъ показать... мы должны засвидѣтельствовать свою солидарность съ политическими цѣлями революціонеровъ» и пр. и пр. Г—нъ Т. тоже впалъ было въ «отчаяніе», увидѣвши, что въ «корабль его надеждъ» обнаружилась такая огромная «брешь» измены и предательства. Но воронье сердце махило его отыскать въ этой «бреши» — «пшеницу естественнаго и здороваго національнаго чувства», и онъ напелъ ея столько, что «плевежь», въ сущности, почти не оказалось. Все дѣло въ томъ, что мужественные рыцари либерализма въ теченіе своей продолжительной героической борьбы все еще не удосужились «найти новыя формы» для своего «энергичнаго протеста». Только это несчастное обстоятельство и заставило ихъ «засвидѣтельствовать свою солидарность» съ революціонерами въ «шаблонной, вѣками установленной формѣ»... И съ радостью сплшитъ г. Т. «засвидѣтельствовать» свое твердое «убѣжденіе», что «многіе изъ *колынопреклонныхъ* подданныхъ были и останутся *непримиримыми* врагами самодержавія». Мигъ одинъ, и соблазнительная картина колынопреклонной «непримиримости» безповоротно увлекаетъ земскаго Баяна на путь того самаго карканья, которое только что приводило его въ «отчаяніе». Онъ уже рѣшаетъ «отложить до болѣе благоприятнаго момента все, хоть сколько-нибудь спорное», въ томъ числѣ и вопросъ «о причинахъ войны» и «тому—нужна-ли Россія Манчурія»; онъ отказывается «оспаривать дѣлсообразность денежныхъ ассигновокъ» на войну. Онъ требуетъ лишь, чтобы либеральныя воробы «приняли на себя обязательство энергически добиваться его (народа) освобожденія *послѣ* окончанія войны». Спрашивается, если въ листкѣ г. Струве разрѣшается всѣмъ «непримиримымъ» земскимъ воронамъ пребывать «колынопреклонными» до самаго окончанія войны, т. е. вплоть до того момента, когда имъ не нужно будетъ самимъ *становиться* на колѣни по той простой причинѣ, что къ тому времени лисца переотанетъ говорить комплименты и сможетъ *поставить* ихъ на колѣни, если онѣ

сами того «добровольно» не пожелаютъ,—то чѣмъ же провинились г.г. Арсеньевъ и Стасюлевичъ? Неужели только тѣмъ, что избрали для своего предательства «шаблонную форму?» «Послѣ», о, послѣ они, разумѣется, ополчатся на брань за свободу, и притомъ непременно самымъ «энергичнымъ» образомъ! Только не теперь, когда они, вмѣстѣ съ г. Струве, проникнуты сознаниемъ «огромной важности обдуманнаго поведенія», вмѣстѣ съ нимъ считаютъ «вонистующіе лозунги—неумѣстными», и вмѣстѣ съ нимъ же желаютъ встать «твердой ногой» на ту «общую почву», которая создалась у нихъ, благодаря «національной бѣдѣ», съ «массой равнодушныхъ людей».

Шаблонная форма! Да; за нее не только не вправѣ сердиться г. Струве, но, пожалуй, и лучше, чтобы вороны каркали въ «формахъ», издревле для того установленныхъ. Это дѣлаетъ, по крайней мѣрѣ, всякое недоразумѣніе немислимымъ и избавляетъ доорыхъ людей отъ заблужденія. Увидя «колѣнопреклоненную» ворону, конечно, только земскій гласный Т. приметъ ее за «непримиримаго врага» и возложить на нее свободолюбивыя надежды. Но не всегда вороны бываютъ такъ просты; вороватость—не послѣднее изъ прекрасныхъ свойствъ, приобщихъ мудрой птицѣ, и нѣтъ числа тѣмъ «новымъ формамъ», въ которыя она облакаетъ свое предательское карканье. Гг. Струве и земскій гласный Т., мечущіе громы негодованія въ своихъ «учителей», показали уже намъ «какъ это дѣлается». А вотъ, если вѣрять «Гражданину», гг. либеральные земцы добиваются отерочки губернскихъ совѣщаній по крестьянскому дѣлу, ибо «никто не рѣшится въ такое время выступать въ активной роли оппозиціи» и «представители оппозиціи предпочтутъ не являться на совѣщаніе». Если это такъ—а естественная исторія вороньяго рода заставляетъ думать, что это именно такъ,—тутъ оказывается на лицо не только предварительное учитываніе своего собственнаго вѣроломства и признаніе полнѣйшей невозможности для вороны удержаться отъ карканья, лишь только ее начнетъ раздраживать лиса, но и одна изъ столь желанныхъ «новыхъ формъ» того же стараго предательства. Сказаться «въ нѣтяхъ», когда жизнь требуетъ къ отвѣту, значить предать то дѣло, которому якобы служишь. И не нужно думать, что «формы» эти вообще столь просты и однообразны. Мы присутствуемъ только при началѣ повальнаго «карканья». Идутъ другіе, болѣе бурные, болѣе боевые дни, дни революціи, которые потребуютъ рѣшительныхъ дѣйствій и подлинныхъ, а не игрушечныхъ, жертвъ. Эти дни однимъ ударомъ сметутъ всѣ водвороты, разрушатъ всѣ лазейки, сорвутъ всѣ покровы, которыми можетъ маскироваться предательство въ наше время, лишь предвѣщающее

грозный час подведенія политическихъ итоговъ стараго хозяйства. Тогда всѣ участники политической жизни должны будутъ, хотятъ они того или нѣтъ, сказать открыто и прямо свое слово. И тогда многія, многія изъ тѣхъ воронъ, которыя теперь еще крѣпятся въ борьбѣ со своимъ блудливымъ сердцемъ, которыя подчасъ даже и сами начинаютъ искренно любоваться своею твердостью, многія и многія изъ нихъ не выдержатъ рѣшительнаго испытанія и каркнуть свое «да», когда народъ скажетъ «нѣтъ».

Рабочій классъ долженъ предвидѣть это и заранее усчитать истинную мѣру тѣхъ надеждъ и упованій, какія онъ можетъ возложить на неустрашимыхъ борцовъ либерализма и демократіи всѣхъ отбѣнковъ. Онъ долженъ знать, что вороны каркать будутъ во всякомъ случаѣ, и только отъ силы пролетаріата будетъ зависѣть не дать этому карканью погубить дѣло свободы. Война, съ вызваннымъ ею обостреніемъ постановки всѣхъ политическихъ вопросовъ, должна послужить политическому воспитанію рабочаго класса. Зорко и внимательно долженъ онъ слѣдить за всѣми изгибами политической жизни, долженъ приучить слухъ свой различать воронье карканье и въ заглушающемъ его стройномъ аккордѣ самыхъ нѣжныхъ звуковъ. И главное, онъ долженъ съ неослабной энергіей вести свою собственную политическую кампанію, не смущаясь ни злобнымъ завываніемъ реакціонныхъ шакаловъ, ни нѣжными мелодіями либерально-демократическихъ сиренъ.

Гг. Стасюловичъ и Арсеньевъ и всѣ, иже съ ними, своимъ «патріотическимъ» пыломъ заслужили полное одобреніе и правительства, и цѣнныхъ псовъ московскаго Страстнаго бульвара. Г. Струве не такъ посчастливилось, ибо онъ жеманится и каркаетъ пока лишь вполголоса, между тѣмъ какъ спросъ предъявленъ на чувства «безпредѣльные». «Московскія Вѣдомости» жестоко обругали его, и можно себя представить, что г. Струве чувствуетъ себя теперь мученикомъ и великимъ воителемъ свободы. Но, пожалуй, въ душѣ его зародился ужъ и червь сомнѣнія, не слишкомъ-ли мало шпеницы «здороваго національнаго чувства» предъявилъ онъ, точно-ли «въ мѣру» каркнулъ¹⁾.

Но рабочій классъ, во всякомъ случаѣ, не убоится тѣхъ «острыхъ и воинственныхъ лозунговъ», которыхъ побоялись рыцари либерализма и демократіи. Пролетаріатъ не испугается лицемѣрныхъ упрековъ

1) Судя по № 48 „Освобожденія“, повившемуся, когда наша статья уже печаталась, предположеніе это вполне оправдалось, и г. Струве имѣетъ всѣ надежды, съ дальнѣйшимъ ростомъ своихъ „національных“ чувствъ, заслужить, если не похвалу, то хоть снисходительное прощеніе „патріотомъ“.

Угрюмъ-Бурчюевыхъ, упрековъ въ «измѣнѣ отечеству и народу русскому». Не испугается потому, что слишкомъ хорошо умѣетъ отличать отечество отъ терзающей его шайки хищниковъ, и слишкомъ хорошо знаетъ, что служеніе правительственной кликѣ есть худшій видъ измѣны отечеству и народу. И потому-то, во имя существованія отечества и народа, «до послѣдняго человѣка» долженъ пролетаріатъ пойти на штурмъ твердыни деспотизма, пошатнувшейся подъ ударами той войны, которую правительство хочет сдѣлать новымъ орудіемъ порабощенія російскаго отечества и народа. Съ своими собственными лозунгами, подъ своимъ собственнымъ знаменемъ, знаменемъ социал-демократіи, долженъ пойти рабочій классъ въ бой. Сквозь всѣ бури революціи долженъ онъ пронести это знамя, и въ самый день наступленія политической свободы оказаться сплоченнымъ вокругъ него. Онъ долженъ—потому что иначе политическій итогъ той революціи, которую своею кровью оплатитъ пролетаріатъ, опредѣлится . . . карканьемъ воронъ.

Ф. Данъ.

По поводу одного процесса.

(18 апрѣля 1904 г. № 64).

Когда три года тому назадъ—въ отвѣтъ на боголѣповскій приказъ объ отдачѣ студентовъ въ солдаты—раздался выстрѣлъ Карповича, и въ революціонныхъ кружкахъ молодежи опять, какъ и встарь, забродилъ старый призракъ террора, передъ русской социалдемократіей всталъ тревожный вопросъ: не грозитъ ли етотъ стихійный взрывъ террористическихъ настроеній откристаллизоваться въ партійный приѣмъ, не кивнетъ ли онъ всѣмъ шаномъ закрѣпить свое выраженіе въ соответствующей организаціи? Тревога социалдемократовъ была тѣмъ болѣе законна, что преобладающе-интеллигентскій составъ авангарда движенія дѣлалъ революціонную среду нарочито воспримчивой для террористическаго повѣтрія, воспримчивой особенно въ тотъ моментъ про-

бужденіи демократіи, когда политическое сознаніе ея, казалось, такъ быстро руло, а рабочія массы такъ медленно за нимъ поспѣвали.

Повѣтріе и на самомъ дѣлѣ захватило тогда весьма многихъ социалдемократовъ, но, главное, отвело немаловажную струю отъ интеллигентскаго потока, безраздѣльно направлявшагося до тѣхъ поръ въ единое русло социалдемократіи. Воздухъ, насыщенный симпатіями къ террору и отголосками студенческой борьбы, выросилъ въ сравнительно-короткое время то, что ранѣе лишь едва прозябало: меньше, чѣмъ черезъ годъ послѣ выстрѣла въ Боголѣпова, худо ли, хорошо ли, но консолидировалась «партія» «соціалистовъ-революціонеровъ», а съ небольшимъ черезъ годъ—въ прокламаціи отъ 3 апрѣля 1902 года—политическому міру уже рекомендовалась «боевая организація» этой партіи.

Правда, отъ наблюденія тѣхъ, кто внимательно слѣдилъ за жизнью революціонныхъ организацій, и тогда уже не ускользнули нѣкоторыя... какъ бы сказать—«странности»: съ первыхъ же шаговъ, въ первыхъ же словахъ новорожденного почувалось что-то неладное, какое-то противорѣчіе, не поддающееся еще точному учету, но оттого не менѣе ошущимое, противорѣчіе между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что кажется, между показной стороной и стороной интимной дѣйствительности. Дальнѣйшія событія, точнѣе—ихъ полное почти отсутствіе, какъ нельзя лучше подтверждали первоначальныя предположенія—террористическій прѣтокъ былъ простымъ пустоцвѣтомъ!

Но почему?—вотъ вопросъ. Почему террористическое слово такъ изъ рукъ вонъ плохо претворялось въ дѣло, и террористическа настроенные слои демократической интеллигенціи оказались бессильными выдѣлить сколько нибудь дѣеспособную организацію для осуществленія поставленной цѣли?

Кое-какимъ матеріаломъ для сужденія объ этихъ и связанныхъ съ ними вопросахъ можетъ служить намъ теперь процессъ Гершуни, разбивавшійся недавно въ Петербургѣ.

Процессъ Гершуни есть процессъ «боевой организаціи» или—правильнѣе было бы сказать—процессъ «боевой организаціи» есть процессъ Гершуни. Въ самомъ дѣлѣ, попробуйте снять окутавшій «боевую организацію» «романтической» флеръ, и передъ вами предстанетъ фигура одного человѣка, несомнѣнно энергичнаго, самоотверженно-преданнаго своему дѣлу и—что особенно важно—умѣющаго вліять, подчинять своей волѣ людей.

Кто стоятъ за четой Григорьевыхъ?—Гершуни, тотъ самый таинственный «Федоръ Петровичъ», который, по словамъ Дорошенка-

Бартошкина, «может разъяснить всякій споръ» и «агитаціонныя бесѣды» котораго дѣйствуютъ такъ неотразимо.

Кто подготовляетъ Качура?—Гершуни. «Гершуни настолько подчинилъ его своей волѣ,—говоритъ Качуръ въ своемъ показаніи—что онъ сталъ слѣпо вѣрить, что убійство князя Оболенскаго есть заслуга передъ обществомъ»...

Кто, наконецъ, руководитъ молодымъ Балмашовымъ, вырабатывая ему планъ кампаніи?—Все тотъ же Гершуни.

Снаряжая въ походъ, онъ заботливо слѣдитъ—до послѣдняго шага—за подысканнымъ имъ же исполнителемъ, онъ входитъ въ мельчайшія детали предпріятія, вплоть до отпиливанія щекъ у револьверовъ Браунинга, онъ всюду и вездѣ—искусный ловець человѣковъ, инсигаторъ, режиссеръ, лѣтописецъ, пиндаръ, адвокатъ «боевой организаціи». Способный, кажется, на все, передъ однимъ онъ только пасуетъ—онъ не въ силахъ замѣнить многообразіемъ таланта коллективный трудъ организаціи. Въ томъ цѣломъ, которое олицетворяетъ собой Гершуни, есть все, что хотите, есть въ лучшемъ случаѣ—бюро для присканія и эквилировки одиночекъ террористической борьбы, но нѣтъ и самаго лучшей тѣни планомерно дѣйствующей коопераціи; нѣтъ того, что составляло когда-то отличительную черту Исполнительнаго Комитета Народной Воли.

Достаточно вспомнить прежніе подкобы, покушенія и вообще сложности въ своихъ развитыи предпріятія, чтобы признать, что одно дѣло работа революціонной группы въ нѣсколько десятковъ членовъ и другое—обмундированіе смѣльчака, снабженіе его деньгами, совѣтами и револьверомъ съ подходящей надписью. Для послѣдней цѣли за- глаза довольно, пожалуй, и одной энергичной личности, время отъ времени секундируемой—для отдѣльныхъ случаевъ—тѣмъ или другимъ пособникомъ.

Гершуни и пришлось взяться именно за эту, единственно возможную для него упрощенную задачу. Онъ только не понималъ фатальности такого упрощенія, не понималъ, что тѣмъ самымъ онъ сразу замыкаетъ террористическое дѣло своей, *soi-disant*, организаціи въ тѣ же тѣсныя рамки, о которыя обычно бьется порывъ террориста—одиночки, что тѣмъ самымъ исключена даже *возможность* развитія, возможность того наростанія сенсацій, безъ котораго терроръ—мѣтворожденное дѣтище. Что другое, а охранять своихъ членовъ, находящихся на важнѣйшихъ политическихъ аванпостахъ, самодержавная бюрократія умѣетъ и при малѣйшемъ намекѣ на опасность создаетъ такія условія, при которыхъ наиболѣе «занятересованныя» лица достаточно гарантированы отъ

дѣйствій упрощеннаго террора. Недаромъ, посмотрите,—начавъ оперировать съ министровъ, «боевая организація» принуждена была затѣмъ отступать... къ губернаторамъ и—внѣ всякаго сомнѣнія—только дальнѣйшее ея небытіе спасло ее отъ печальной необходимости—поддерживать свое существованіе истребленіемъ квартирныхъ...

Это было необходимое слѣдствіе упрощенной системы.

Но зачѣмъ было упрощать?—скажутъ намъ. И не было ли это упрощеніе первороднымъ грѣхомъ Гершуни?

Нѣтъ, то была не вина, а бѣда его, бѣда всего новѣйшаго періода террора: Гершуни не имѣлъ возможности создать организацію, потому что для *такой* организаціи не существовало,—да и не могло существовать за послѣдніе годы,—подходящаго персонала. Если въ свое время Исполнительный Комитетъ Народной Воли, вмѣстѣ со всѣмъ наслѣдьемъ предшествовавшаго періода, унаслѣдовалъ и опытныхъ борцовъ, закаленныхъ въ жестокомъ искусствѣ революціоннаго отбора, то въ совершенно иномъ положеніи находилась современная демократія, едва пробудившаяся къ политической жизни и уже охваченная террористическою лихорадкой. Она застала пустившее глубокіе корни движеніе, но это движеніе—отдѣльными колебаніями, неоформленными настроеніями не въ счетъ—не обнаружало ни малѣйшаго намѣренія поступать ради нея своимъ революціоннымъ достоинствомъ. Волей-неволей пришлось демократіи вербовать адептовъ террористической практики среди того хаоса элементовъ, который былъ вызванъ къ активности водоворотомъ студенческихъ волненій, среди лицъ, еще вчера не имѣвшихъ касательства къ «незаконной» работѣ, а сегодня волей судебъ предназначенныхъ играть ответственныя роли. Неудивительно, что въ этой средѣ, лишенной преемственности и не успѣвшей создать традицій, можно было, на худой конецъ, найти храбраго юношу, готоваго схватиться за предложенный ему револьверъ и сложить свою побѣдную голову, но никакимъ образомъ нельзя было отыскать специалистовъ революціи, необходимыхъ кандидатовъ для *подлинной* боевой организаціи.

Конечно, случайности всегда приходится отводить извѣстное мѣсто, но нельзя *одной* злой случайностью объяснить то немѣрно большое число предателей, которое фигурировало въ настоящемъ процессѣ. Это былъ симптомъ органическаго порока, основного неурюстройства современнаго террористическаго движенія; результатъ необходимости для организатора-террориста быть недостаточно строго разборчивымъ, дѣйствовать въ извѣстной мѣрѣ ощупью, въ темноту, въ обстановкѣ, лишенной организаціонныхъ опоръ. А лучшимъ свидѣтельствомъ того, какой нетронутой революціонной новью была вся та почва, которая питала

своими соками террористическое теченіе, можетъ служить намъ примѣръ самого Гершуни, этого несомнѣнно наиболѣе выдающагося представителя современнаго терроризма.

«Кто мы, и что намъ принесло сюда?» спрашиваетъ Гершуни на судѣ и отвѣчаетъ разсказомъ своей жизни. Онъ былъ долгое время культурнымъ работникомъ. «Мнѣ казалось,—говоритъ онъ,—что, не жертвуя своей личной жизнью, а на такъ называемой легальной почвѣ можно истинно служить народу, можно, хотя и медленно, но прочно строить совмѣстно съ нимъ зданіе его будущаго блага». И Гершуни остался бы этимъ культурнымъ работникомъ, если бы не тѣ невыносимыя условія, въ которыя поставлена въ самодержавной Россіи просвѣтительная дѣятельность. Подъ ихъ вліяніемъ онъ началъ приходить къ заключенію, «что все то, что онъ дѣлаетъ, есть не то, что долженъ дѣлать, и что единственный виновникъ этого—современный политическій строй». «И все же,—замѣчаетъ онъ,—какъ ни тягостно такое состояніе, я, какъ и многіе, тянуть ту несчастную лямку, ограничиваясь лишь однимъ сочувствіемъ и услугами революціонному дѣлу. Не знаю, долго ли тянулось бы для меня такое положеніе при другихъ условіяхъ, но одно событіе въ 1900 году для меня, какъ и многіхъ другихъ, положило конецъ всѣмъ сомнѣніямъ и колебаніямъ. Я говорю о «временныхъ правилахъ», какъ чудовище Павловскихъ временъ придавившихъ Россію».

Эти слова необычайно знаменательны: не картина растущаго массоваго движенія, не отчаянная борьба приходящаго въ сознаніе пролетарія, усмиряемаго солдатскими прикладами, не тотъ основной контрастъ между богатствомъ и бѣдностью, который когда-то заставлялъ «семидесятника» «отречься отъ стараго міра» и «отрясать его прахъ съ своихъ ногъ», выбилъ Гершуни изъ коленъ народолюбиваго просвѣтительства, а только лишь звѣрская расправа со студентами, и не мѣшай, не уродуй правительство его культурныхъ начинаній, онъ—возможно—до скончанія дней своихъ такъ и остался бы на этой излюбленной стезѣ либеральной демократіи.

Такъ думали, такъ чувствовали многіе,—прибавляетъ Гершуни. Возможно, скажемъ мы,—мы никогда не сомнѣвались въ томъ, что террористъ нашихъ дней есть лишь взбунтовавшееся чадо двуликой демократіи, которая однимъ своимъ лицомъ обращена къ народу, а другимъ—къ просвѣщеннымъ элементамъ имущаго общества.

Но, если правъ Гершуни, то что значатъ тѣ громы, читатель, которые обрушились когда-то на «Искру»—съ легкой руки «боевой организаціи»? и почему то, что является возможнымъ,—и не только возмож-

ной, но в громогласно исповѣдуемой на судѣ—подсплекой революціонера Гершуня, вождя террористовъ, превращается въ собственную свою противоположность, въ оскорбленіе величества русской революціи, развѣ рѣчь заходить—о студентѣ Балмашовѣ? Мудрый Эдикъ, разрѣши!...

Въ своемъ послѣднемъ «письмѣ къ товарищамъ» Гершуня говорить о вредѣ партійной полемики, онъ заклинаетъ не полемизировать, онъ признаетъ, что много тяжелого пришлось за все это время пережить, благодаря тому, что жандармы начали пользоваться совершенно новымъ орудіемъ—«партійной полемикой».

Мы не можемъ, къ сожалѣнію, согласиться съ Гершунемъ, мы думаемъ, что и здѣсь ему измѣнило его чувство дѣйствительности, какъ измѣнило ему оно не разъ, какъ измѣняется и въ томъ случаѣ, когда онъ хочетъ насъ увѣрить, что изъ процесса «съ очевидностью выяснилось», что «правительство готово временно примириться съ существованіемъ всѣхъ другихъ теченій, но рѣшило направить всѣ свои удары, чтобы раздавить партію социалистовъ-революціонеровъ». Мы полагаемъ: если изъ процесса что-либо съ несомнѣнной «очевидностью» «выяснилось», такъ это—негодность, нецѣлесообразность, недопустимость приемовъ, которые мы окрестили когда-то названіемъ «революціонной беллетристики». Это она, это фантазія «беллетриста» несетъ теперь невыносимо-тяжелую расплату, это ей на каждомъ шагѣ мстятъ печальная изнанка террористическаго дѣла, та некрасивая проза жизни, съ которой только что смыли румяна. И если Качуръ явился чьей либо жертвой, то ужъ, конечно, прежде всего, жертвой той внутренней фальши, которая пропитала—съ головы до пятъ—такъ называемую «боевую организацію».

И плакаться приходится теперь не на полемику: рѣзкая полемика обычно только сыпь, которую разрѣшается скрытая болѣзнь, подтачивающая силы революціонной среды, но она въ то же время и единственное лекарство, могущее иногда спасти больного, или тотъ оперативный ножъ, который тѣмъ вѣрнѣе даетъ желанный результатъ, чѣмъ острѣе оточенъ.

Подымать же приходится въ настоящее время вопросъ не о томъ, имѣла ли какую-либо возможность «Искра» повѣрить на слово заявленію «боевой организаціи» и тѣмъ самымъ—признать послѣднее слово Балмашева не отвѣчающимъ истинѣ, ¹⁾ а гораздо болѣе серьезный вопросъ: почему завелась эта фальшь въ революціонномъ организмѣ?

Было бы большою ошибкой свалить весь грѣхъ на ту или другую

¹⁾ Балмашевъ на судѣ заявилъ, что дѣйствовалъ единолично (Ред.).

отдѣльную личность. Дѣло не въ отдѣльномъ лицѣ, хотя бы и склонномъ къ «романтизму», а въ томъ роковомъ противорѣчїи, среди котораго вращается любая заговорщическая группа, и отъ котораго только особенно круто пришлось—въ силу навѣстныхъ условій—злополучной «боевой организаціи»: это противорѣчіе между поставленными цѣлями и реальными возможностями, роковое противорѣчіе, изъ котораго—въ конспиративной, заговорщической обстановкѣ—такъ легко развиваются тенденціи провести, обмануть дѣйствительность, хотя бы вытаскивая себя изъ болота безсилія за собственные волосы.

Отъ этого противорѣчїя, а значитъ, въ извѣстной мѣрѣ, и отъ этой фальши не застрахована никакая группа, никакая партія, разъ только въ ней начинаютъ развиваться элементы заговора. Только постоянное общеніе съ массой и тактика, рассчитанная вся—съ начала до конца—на это общеніе, могутъ спасти такую партію или группу отъ надвигающейся опасности.

Таковъ урокъ, преподаанный процессомъ Гершуня.

Saveant consules!

Старовъръ.

Дурная игра.

(1-го мая 1904 г., № 65).

Патріотическое безуміе, охватившее имущіе классы русскаго общества, достигло вышшихъ предѣловъ. Городскія думы, вѣчно плачущія о недостаткѣ средствъ, и земскія собранія, постоянно кричащія о бѣдственномъ положеніи сельскихъ хозяевъ, съ какою-то бѣшеною щедростью жертвуютъ сотни тысячъ рублей на нужды арміи, на усиленіе флота, на помощь больнымъ и раненымъ воинамъ. Харьковское земство дошло даже до такого изступленія, что ассигновало миліонъ безъ указанія опредѣленной цѣли, просто въ непосредственное распоряженіе. . . . Какъ бы позабывъ о горькихъ жалобахъ на произволъ и неспособность бюрократіи, еще недавно окрасившихъ яркимъ цвѣтомъ неблагонадежности труды уѣздныхъ комитетовъ, излюбленные

мѣстные люди наперерывъ спѣшаютъ спасти эту самую бюрократію въ тотъ моментъ, когда она, очевидно, изнемогаетъ подъ бременемъ собственного безсилія. Либеральное знамя, только что выброшенное надъ нестройною обывательскою толпою, снова падаетъ на землю и топчется въ грязь при благосклонномъ содѣйствіи старыхъ аннибаловъ либерализма—Стасюлевича и Арсеньева. Хохолскія чувства и раболѣпныя дѣйствія развигнаются въ такую отвратительную панораму, что даже мудро-кроткое «Освобожденіе» не выдержало и вынуждено было признать, что и въ формѣ и размѣрахъ земскихъ пожертвованій «какъ будто нѣтъ чувства мѣры и политическаго такта».

Но, разумѣется, уклончивая и умѣренная либеральная газета ограничивается только стыдливими ужимками и кивками. Между тѣмъ, поведение мѣстныхъ людей представляетъ настолько крупное и, въ своемъ родѣ, знаменательное явленіе русской общественности, что мы обязаны ясно и точно опредѣлить его характеръ и значеніе въ борьбѣ, которая избавить Россію отъ позора и несчастія абсолютизма.

Первый вопросъ, который возникаетъ при извѣстіи о каждомъ новомъ пожертвованіи и о каждомъ новомъ адресѣ, гдѣ, по выраженію Валуева, знавшаго толкъ въ этой литературѣ, отголоски Золотой орды, соединяются съ византийскою витіеватостью семинарій, это—вопросъ объ искренности и глубинѣ монархическихъ чувствъ, проявляемыхъ теперь «черноземными силами» въ такой убѣдительной формѣ, какъ денежная помощь протставшемуся—и морально и матеріально—правительству. Вниманіе, которое сосредоточивается около этого вопроса, вполне понятно. Одни хотятъ найти въ отвѣтѣ на него показатель степени политическаго развитія русскаго общества, другіе думаютъ доказать отсутствіе въ Россіи оппозиционно настроенной буржуазіи, третьи пытаются подкрѣпить мнѣніемъ большинства свои реакціонныя возжеланія.

Болѣе объективное отношеніе къ вопросу, однако, не даетъ основаній ни для пессимистическихъ, ни для оптимистическихъ выводовъ. По крайней мѣрѣ, российская социалдемократическая партія не имѣетъ повода измѣнять ни одного изъ своихъ взглядовъ на соотношеніе общественныхъ силъ въ современной Россіи. Безъ сомнѣній, въ патриотическихъ манифестаціяхъ есть очень и очень значительная доля искренности, но эта доля цѣликомъ исчерпывается ненавистью къ внѣшнему врагу, «посягающему на честь и безопасность родной страны». Націонализмъ и шовинизмъ, руководившіе толпами уличныхъ манифестантовъ, свойственны въ полной мѣрѣ и буржуазіи.

Либеральная чернь по существу мало отличается от черни въ обычномъ смыслѣ слова; и М. Стаховичъ въ національномъ вопросѣ едва ли стоитъ на высшей точкѣ зрѣнія, чѣмъ пресловутый «унтеръ» Половинкинъ, открывшій въ «Новомъ Времени» пожертвованія на усиленіе русскаго флота. Но въ вопросахъ внутренней государственной жизни, либеральная чернь отличается болѣе развитымъ сознаниемъ, чѣмъ чернь уличная. И уѣздные комитеты и вся вообще провинціальная жизнь въ послѣдніе годы показываютъ съ несомнѣнной ясностью, какъ упадокъ беззавѣтной преданности монарху, такъ и желаніе обывателя освободить свою шею отъ бюрократическаго ярма. Было бы совершенно святою наивностью думать, что тѣ же люди, которые годъ тому назадъ писали доклады и произносили рѣчи о необходимости разныхъ «правъ и свободъ», которые еще въ январѣ этого года принимали горячее участіе въ техническомъ и биржевомъ сѣздахъ, которые, наконецъ, и въ «своихъ мѣстахъ» ведутъ хотя и мелкую, но непрерывную борьбу съ бюрократическимъ самодержавіемъ на почвѣ культурныхъ начинаній,—чтобы эти люди питали сколько нибудь горячую вѣру въ троицу самодержавія, православія и народности. Въ мѣстной жизни желѣзныя лапы тріединого чудовища чувствуются слишкомъ болѣзненно, чтобы не желать освобожденія, и, конечно, не случайность, что всякій разъ, когда правительство «обращается къ обществу», послѣднее возбуждаетъ вопросъ о правахъ и по поводу какого-либо деревенскаго акушерства требуетъ свободы печати. Слѣдовательно, земцы и думцы искренно манифестировали противъ японцевъ, но вовсе не искренно—за самодержавное правительство: оно напрасно отнесло на свой счетъ витіеватыя словеса земскихъ адресовъ. Земскими политиками, несомнѣнно, руководилъ расчетъ самаго корытного свойства, расчетъ далеко не новый. Съ шестидесятихъ годовъ и вплоть до настоящаго времени наши либералы полагаютъ мѣрами кротости вразумить самодержавіе и убѣдить его совершить... самоубійство. Въ дѣлахъ успѣшнаго исхода своего замысла, либералы считаютъ долгомъ показывать лояльность и преданность верховной власти, ожидая, что она наградитъ ихъ участіемъ въ дѣлахъ государственнаго управленія. И хотя полувѣковъ опытъ непреклонно показалъ, что російскій абсолютизмъ не обнаруживаетъ ни малѣйшей склонности къ самоубійству, тѣмъ не менѣе либералы продолжаютъ вѣрить въ возможность столь противостественнаго акта и ухаживаютъ за абсолютизмомъ съ тѣмъ большимъ усердіемъ, чѣмъ скорѣе они надѣются завлечь его на алтарь конституціи. Эти завѣтныя мечты проснулись теперь съ особой си-

лой. Безовліе самодержавія окрыляе фантазію, и либералы удваиваютъ любовь передъ Аппсомъ.

Но, быть можетъ, подъ вліаніемъ испытанныхъ неудачъ, они вносятъ въ обычную тактику новый приѣмъ: подкупъ. «Общество» не только плетъ заскучавшихъ дворянъ, подъ предлогомъ націонализма, искать сильныхъ опущеній, вмѣсто Монако въ Портъ-Артуръ, но и жертвуетъ сотни тысячъ на алтарь отечества. Эти сотни тысячъ—последній ходъ либераловъ въ ихъ игрѣ съ правительствомъ и изъ немъ необходимо остановиться, такъ какъ онъ открываетъ многое, на что теперь стараются набросить покровъ сторонники «единенія» всѣхъ партій и теченій.

Мы не видимъ необходимости останавливаться на доказательствахъ полной невѣрности обычной тактики земскихъ либераловъ. Самое поверхностное знакомство съ исторіей мѣстнаго самоуправленія въ Россіи показываетъ, что никакихъ результатовъ заигрываніе съ правительствомъ не принесло. Не принесетъ оно и теперь ожидаемой пользы. Верховная камарилья не дастъ Россіи даже самой кудой конституціи, несмотря на жертвуемые милліоны. Такимъ образомъ, искренніе и честные либералы, мечтающіе о конституціи, ничего не выиграютъ; зато могутъ очень много выиграть тѣ, кто, хотя и состоитъ теперь въ оппозиціи, но заботиться не столько о конституціи, сколько о сверженіи съ хрѣномъ. Новыя льготы по займамъ въ дворянскомъ банкѣ, различныя привилегіи въ мѣстномъ самоуправленіи, быть можетъ, даже нѣкоторое, если не фактическое, то формальное участіе въ государственной жизни путемъ разнообразныхъ совѣщательныхъ учрежденій при министерствахъ, откуда ловкіе люди могутъ перескакивать въ ряды бюрократіи,—вотъ тѣ мѣры, которыя можно предвидѣть и которыя, несомнѣнно, способны вылѣчить отъ либеральной заразы значительную часть нынѣшней «оппозиціи его величества».

Эти мѣры, конечно, только отчасти облегчатъ ярмо бюрократическаго самодержавія для привилегированнаго класса и, вѣроятно, почти не затронутъ разночиннаго слоя буржуазіи, который быстро растетъ и начинаетъ захватывать вліаніе и въ городѣ и въ деревнѣ. Такимъ образомъ, буржуазно-оппозиціонное и даже революціонное движенія не только не растаютъ отъ милостей сверху, но даже, быть можетъ, обострятся. Буржуа—разночинецъ, «трудомъ» обившій копейку и чуждый дворянской сентиментальности, предъявитъ самодержавію ростовщическій счетъ за ту долю патріотическихъ милліоновъ, которую онъ уплатитъ теперь для спасенія бюрократіи въ военныхъ затрудненіяхъ. Но эти счеты насъ теперь не касаются. Важно то, что ни рабочіе

адреса, ни миллионныя взятки не дадутъ русскому пролетариату ни въ городѣ, ни въ деревнѣ даже того *minimum*'а политической свободы, который ствѣриваетъ дорогу къ широкой соціальной борьбѣ. И не только пролетариату. Тѣ «плывыя» реформы, которыя можеть купить либерализмъ, не будутъ, вообще, имѣть всенароднаго значенія, такъ какъ они ограничатся рядомъ льготъ для наиболѣе обезпеченныхъ слоевъ, принимающихъ теперь участіе въ мѣстномъ управленіи. Но эти льготы будутъ куплены на чужія деньги: на деньги трудящейся массы. У насъ принято выкрикивать шаблонныя фразы въ томъ родѣ, что «въ земствѣ кѣтъ сословной розни», что «земство въ равной мѣрѣ заботится о нуждахъ всего населенія» и т. п. Многие вѣрятъ этимъ жалкимъ словамъ, загниптотизированные парадными отчетами о земскихъ школахъ и земской медицинѣ. Но существуетъ очень скучная и недостаточная публикѣ сторона земской жизни, которая неопровержимо показываетъ, что изъ 10,243 земскихъ гласныхъ, опредѣленныхъ для 34 губерній Положеніемъ 1890 года, 7081 человекъ принадлежатъ къ дворянамъ и крупнымъ землевладѣльцамъ, и только 8162 человека — къ крестьянамъ. Мы говоримъ о земскомъ обложеніи. Вопросъ этотъ мало изслѣдованъ въ нашей литературѣ, но нѣкоторыя данныя все же имѣются. Такъ, напримѣръ, въ ростовскомъ земствѣ по раскладкѣ на 1880 годъ дворяне платили земскаго сбора по 11 коп. съ десятины, а надѣльные крестьяне — по 20 коп. Въ тѣхъ же 80-хъ годахъ въ либеральной тверской губерніи дворяне платили по 10 коп., а крестьяне по 19 коп. съ десятины. Та же «уравнительность» раскладки отмѣчена въ московской и во многихъ губерніяхъ. Мы не имѣемъ подъ руками новѣйшихъ цифръ, но «система» земскаго обложенія остается до сихъ поръ безъ перемѣны. Въ 1900 году псковскіе статистики обнаружили въ нѣкоторыхъ губерніяхъ такія упрощенныя основанія раскладки земскихъ сборовъ, какъ занесеніе всей крестьянской земли въ первый разрядъ, помѣщичьей же — во второй и третій. Затѣмъ, въ погѣднихъ отчетахъ фабричныхъ инспекторовъ за 1901 годъ неоднократно констатируется, что крестьянская земля облагается земствомъ на «сомнительныхъ и темныхъ» основаніяхъ. Принимая во вниманіе, что огромное большинство земли находится въ рукахъ крестьянъ, мы можемъ съ увѣренностью заключить, что, по преимуществу, вышлатить земскія пожертвованія. Городскіе сборы въ такихъ городахъ, какъ Петербургъ и Москва, думы которыхъ ассигновали по миллиону съ лишнимъ на военныя нужды, составляютъ также, главнымъ образомъ, изъ рабочихъ копеекъ. Не слѣдуетъ забывать и того, что рабочій народъ уплачиваетъ и всѣ налоги, которые перекладываютъ на него домовла-

дѣльды и содержатели харчевень, трактировъ и т. п. Слѣдовательно, патріотическія пожертвованія земскихъ собраній и городскихъ думъ упадутъ преимущественно на наиболѣе необезпеченные классы населенія, многіе представители которыхъ даже и не узнаютъ, что имъ выпала высокая честь «добровольными» пожертвованіями создавать русскій флотъ. Голодаевки и Неѣловки съ недоумѣніемъ разложатъ «по душамъ» милліоны, брошенные деспотизму дворянскими земствами; харьковскіе крестьяне, еще не уплатившіе помѣщикамъ знаменитой «контрибуціи», по постановленію этихъ же помѣщиковъ обречены въ теченіе 20 лѣтъ выплачивать 1½ милліона, изъ которыхъ одинъ предназначаютъ прямо въ карманы Безобразовыхъ и другихъ предпріимчивыхъ придворныхъ проходимцевъ. Городскія думы оказались прижимистѣ дворянскихъ земствъ, но и ихъ пожертвованія, разложенныя на домохозяевъ и торговцевъ, отзовутся на бюджетъ рабочихъ массъ. При современномъ положеніи русской деревни и промышленной заминкѣ, эти сверхштатные налоги больно ударятъ и крестьянина, и рабочаго. На какомъ-то земскомъ собраніи дворяне, очевидно, послѣ хорошаго завтрака или обѣда, кричали: «заложимъ женъ и дѣтей нашихъ», за что и получили выговоръ въ «Освобожденіи», которое указало, что въ настоящее время эти слова лишены всякаго смысла. Увы! они лишены смысла только по откошею къ дворянамъ. Крестьянамъ же и рабочимъ, несомнѣнно, придется не только закладывать, но, подъ бременемъ патріотическихъ налоговъ, и продавать своихъ женъ и дѣтей въ кабалу. Такимъ образомъ, деньгами трудящейся части населенія «мѣстные люди» думаютъ купить у правительства льготы для обезпеченнаго меньшинства. Не всё они, конечно, ознаютъ свою позицію, хотя, несомнѣнно, очень многіе изъ нихъ прекрасно понимаютъ, чего можно добиться такимъ путемъ отъ такихъ правителей, и, если не идутъ дальше, то только потому, что опасаются демократической пучины. Арсеньевъ, этотъ Аннибалъ, на старости превратившійся въ Маргариту, уже заплѣлъ въ «Вѣстн. Европы» о «довѣріи» къ лояльному вѣрнопопданному земству, которое нельзя смѣшивать съ революціонно-настроенными народными массами. Но эта плѣня извѣстна. Ее давно поютъ и либералы, и консерваторы славянофильскаго типа...

Современная патріотическая оргія ничего, такимъ образомъ, не измѣнитъ въ соотношеніи общественныхъ силъ Россіи. Взятка, которую буржуазія даетъ промотавшемуся правительству, избавляетъ послѣднее отъ непосредственной опасности, но не вводитъ ничего новаго въ дальнѣйшій ходъ событий. Это—спекуляція имущихъ классовъ чужими деньгами, спекуляція, результаты которой явно ничтожны и

ограничатся мелкими подачками въ пользу верхнихъ слоевъ населенія. Поэтому, на обязанности социалдемократіи, какъ единственной защитницы народныхъ интересовъ, лежитъ выясненіе истиннаго значенія щедрости земскихъ и городскихъ учреждений. Комитеты нашей партіи должны тщательно изучить, какъ будутъ разложены на деревенское и городское населеніе громадныя суммы, пожертвованныя на «патріотизмъ», и попытаться организовать протесты въ различныхъ формахъ (неплатежъ новаго налога рабочими-мѣщанами, имѣющими собственные дома, какъ въ Николаевѣ, Севастополѣ, небольшія демонстраціи предъ домами вліятельныхъ гласныхъ, изданіе литературы, которая должна отмѣчать повышеніе цѣнъ на квартиры и призывать рабочихъ къ подачѣ петицій въ городскія думы о нормировкѣ квартирной платы и т. п.). Показывая массѣ на конкретныхъ фактахъ связь общаго съ частнымъ, комитеты должны вовлечь ее въ активную повседневную борьбу съ вызванными войною мѣропріятіями правительственныхъ и общественныхъ учреждений, и увеличеніе налоговъ явится однимъ изъ лучшихъ поводовъ къ ряду *дѣйственныхъ* протестовъ массы противъ правительства и буржуазіи. вмѣстѣ съ тѣмъ, настоящимъ моментъ является чрезвычайно удобнымъ и для доказательства необходимости рабочимъ организоваться въ самостоятельную политическую партію, не довѣряя своимъ интересамъ либераламъ, позиціи которыхъ обрекаетъ ихъ на вольное и невольное предательство народныхъ массъ. Мы не скрываемъ трудности предстоящей задачи; но наши цѣли никогда не опредѣлялись легкостью ихъ достиженія. Какими бы соображеніями ни осложнилась наша борьба противъ «общества», мы обязаны вести ее, такъ какъ патріотическая вакханалія, не имѣя историческаго значенія, приносить непосредственный вредъ не только пролетаріату, но и широкимъ слоямъ населенія. И на этотъ разъ борьба тѣмъ болѣе неизбежна, что она направляется и противъ главнаго виновника войны—абсолютизма.

Н. Негоревъ.

Конецъ г. Шипова.

(15-го мая 1904 г., № 66).

Можно и должно отказать Плеве въ государственномъ умѣ, въ чести и совѣсти, но нельзя отказать ему въ твердости и послѣдовательности. Въ то время, какъ либеральныя группы русскаго общества дѣлають робкіе вигзаги и бессмысленные выверты, «министръ борьбы» неуклонно ведетъ овою политическую линію. Еще не улеглось смятеніе, вызванное въ либеральныхъ рядахъ разгромомъ тверскаго и новоторжскаго земствъ, а на земскія головы свалилась уже новая лавина: неутвержденіе г. Шипова въ должности предсѣдателя московской губ. земской управы. Оцѣнивая эти факты съ точки зрѣнія «мѣстныхъ людей», мы затрудняемся сказать, какой изъ нихъ важнѣе, настолько выдающуюся роль играетъ г. Шиповъ въ земской средѣ. Даже князь Мещерскій признаетъ, что «фактъ необходимости, въ которому было поставлено правительство, не утверждать г. Шипова, есть глубоко печальный фактъ, ибо жертвою его является одинъ изъ самыхъ выдающихся, если не самый выдающийся, дѣятель въ земскихъ учрежденіяхъ, по обширнымъ размѣрамъ его дѣятельности въ области земской самодѣятельности и земской инициативы»... Но значеніе этого факта далеко не исчерпывается тѣмъ, что правительство выбросило за бортъ талантливаго работника. По соображенію того же Мещерскаго, причины неутвержденія г. Шипова заключаются въ томъ, что онъ «со своею безспорно даровитою дѣятельностью въ области земскаго хозяйства соединялъ стремленіе не только не вести эту дѣятельность въ общеніи съ административною властью, но, напротивъ, обособляясь отъ нея и подчасъ противодействуя ей. Долго она терпѣла это совмѣстительство полезной дѣятельности главара московскаго земства съ оппозиціею противъ правительства, но, наконецъ, вынуждена была не утвердить выбора г. Шипова уже тогда, когда около него начала образовываться цѣлая школа земской оппозиціи». Такимъ образомъ, умерщвляя г. Шипова, какъ гражданина, Плеве имѣлъ цѣлью совершить убійство цѣлаго политическаго направленія, цѣлой «школы земской оппозиціи». Мы не думаемъ, чтобы Мещерскій ошибался въ своемъ толкованіи; столкновеніе Шипова и Плеве, дѣйствительно, полно глубокаго принципіальнаго смысла: оно раскрываетъ практическую цѣнность той политической «школы», которая считаетъ въ своихъ рядахъ многочисленныхъ земскихъ дѣятелей и въ которой бывший пред-

офдатель московскаго губ. земства занимать, несомнѣнно, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Но Мещерскій, по обыкновенію, преувеличилъ антиправительственные замыслы и «школы», и ея представителя. Г. Шиповъ никогда нечувствовалъ склонности къ крайнимъ мнѣніямъ. Насколько можно судить объ его политическихъ убѣжденіяхъ, онъ былъ сильно зараженъ ядовитыми пережитками славянофильскихъ мечтаній о земскомъ царѣ, опирающемся непосредственно на вѣрное ему население. Разумѣется, этотъ взглядъ далеко не совпадаетъ съ твердою вѣрою Шлеве въ «спасительную» силу централизованной администраціи съ цезаризмомъ во главѣ и съ тайною полиціею въ подложьи», но ничего революціоннаго въ себѣ не заключалъ и не заключаетъ. Политическая безопасность г. Шипова и его школы усугубляется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что г. Шиповъ, какъ и г. Шлеве, не питалъ ни симпатій, ни довѣрій къ демократіи. Во время кашумѣвшеи агитаціи по поводу мелкой земской единицы г. Шиповъ и его «школа» вели самую энергичную борьбу противъ демократизаціи земскихъ учрежденій, хотя, изъ всѣхъ земскихъ покушеній съ негодными средствами на существующій порядокъ, мелкая земская единица была наиболѣе прилично задуманнымъ приѣмомъ. При этомъ г. Шиповъ и его сторонники, повторяя обычные доводы о крестьянскомъ безправіи и невѣжествѣ, предлагали свой проектъ «экономическихъ попечительствъ», въ которыхъ крестьянская самостоятельность должна была попасть подъ тщательную опеку не только правительства, но и земцевъ-помѣщиковъ. Выступая за руководство дворянъ и крупныхъ землевладѣльцевъ въ мѣстныхъ дѣлахъ, школа г. Шипова, безусловно, мечтала о представленіи имъ нѣкотораго участія и въ дѣлахъ государственнаго правленія. Но практическая цѣнность этихъ мечтаній сводится почти къ нулю, какъ ихъ славянофильскою туманностью, такъ и методами ихъ проведенія въ жизнь. Для земцевъ шиновскаго толка борьба съ правительствомъ не существовала и не существуетъ. Ненавидя самовластную бюрократію, она, однако, считали возможнымъ заключать съ нею договоръ самаго сомнительнаго свойства, въ надеждѣ на различныя уступки привилегированной части землевладѣльцевъ. Тотъ же самый г. Шиповъ, въ пресловутые дни увѣданныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ, послѣ душернаго разговора съ Шлеве, съ политически-безстыднымъ легкомысліемъ настаивалъ на исключеніи изъ принятой для комитетовъ тайнымъ земскимъ съѣздомъ программы нѣкоторыхъ необходимыхъ общихъ требованій и, между прочимъ, требованія объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія. Какъ извѣстно, основаніемъ отказа отъ первоначальной программы онъ выставилъ слова Шлеве, будто бы

эта программа, при ее очевидной неосуществимости, раздражает «низшие сферы» и препятствует министру расширить права земствъ въ мѣстныхъ дѣлахъ. Еще недавно, во время весенняго совѣщанія представителей губернскихъ земствъ о взаимномъ перестрахованіи, когда Плеве арестовалъ участвовавшихъ въ совѣщаніи страховыхъ инспекторовъ, псковскаго и московскаго, за нежеланіе подать руку агенту назначенной тверской управы, г. Шиповъ, какъ и всѣ его сторонники, не только не выразилъ протеста, но и взялъ на себя обязанность передать земскимъ служащимъ, членамъ комисіи, распоряженіе министра, чтобы «третій элементъ» разбѣзжался немедленно по домамъ. «Освобожденіе» въ мельчайшемъ примѣчаніи «совершенно не могло понять» тогда, почему Шиповъ является въ роли глашатая полицейскихъ распоряженій. Между тѣмъ, эта роль вполне вытекаетъ изъ той тактики, которой всегда придерживается оппозиціонная земская группа шиповскаго толка. Проникнутая крупно-землевлдѣльческимъ и отчасти сословно-дворянскимъ недоувѣріемъ и презрѣніемъ къ рядовому крестьянству, лишена, вслѣдствіе этого, прочной опоры и серьезной, активной политической силы, чуждая яснаго представленія о неразрывной органической связи между формами правленія и управленія, эта группа ведетъ робкую, уклончивую и безрезультатную защиту мѣстныхъ нуждъ и пользы, постоянно уступая натискамъ самовластной бюрократіи самыя существенныя свои права въ наивной надеждѣ чтонибудь сохранить и даже что-нибудь, когда-нибудь, получить въ награду за лояльность. Узкій практицизмъ ея задачъ создаетъ въ глазахъ «здорово-мыслящихъ» обывателей иллюзію ихъ осуществимости, ея политическій оппортунизмъ навѣваетъ сладкія мечты о мирномъ соглашеніи съ правительствомъ въ смыслѣ полученія скромной доли въ государственномъ пирогѣ. Такова эта «школа земской оппозиціи», таковы ея вожди и учителя. Если Плеве осуждаетъ ихъ на политическую смерть, то этотъ приговоръ характеризуетъ только требованія бюрократіи, а не требованія оппозиціонной группы. Г. Шиповъ, какъ и его союзники, уступилъ правительству все, что могъ. Однако, онъ не могъ и, вѣроятно, не желалъ уступать: своей талантливости, своей работоспособности; ихъ онъ не продалъ Плеве, предпочитая распахивать земскую ниву по своему разумію. Бюрократія не вынесла этого.

Современный государственный механизмъ не терпитъ даже скромной мѣстной самостоятельности. Случилось то, что давно должно было случиться: г. Шиповъ лишенъ права общественной дѣятельности. Дальнѣйшая эволюція г. Шипова для насъ не имѣетъ интереса: пойдетъ ли онъ налѣво или направо,—это его личное дѣло, но для его народа и,

вообще, для русскаго либерализма «печальный фактъ необходимости» неутвержденія талантливаго работника даетъ поучительный урокъ. Склонность къ мирнымъ соглашеніямъ, недовѣріе къ народнымъ массамъ, оппортунистическое заигрываніе съ правительствомъ, наивное ожиданіе какого нибудь новаго Лористъ-Меликова, пассивная тактика—свойственны не только г. Шипову и его сторонникамъ, но даже и болѣе лѣвой земской группѣ, собирающейся подъ знаменемъ «Освобожденія». И та, и другая соединены тѣсными узами общихъ свойствъ и общихъ интересовъ.

Между тѣмъ, послѣдняя начинаетъ затягивать въ свои сѣти и многихъ «овецъ безъ стада», руссійскихъ интеллигентовъ-разночинцевъ. Въ результатъ—то поразительное политическое безплодіе, которое обнаружили наши либерально-демократическія теченія въ критическій моментъ, переживаемый нынѣ Россіей. Ихъ представителямъ Шиповская исторія должна послужить предостереженіемъ и напомнить, что только на одномъ, единственно вѣрномъ, революціонномъ пути, указываемомъ рабочимъ движеніемъ, имъ не придется, какъ нѣкогда Герцену, въ тоскѣ и разочарованіи восклицать: «зачѣмъ не взялъ я ружье у работника и не остался за баррикадой?»

Н. Негоревъ.

Эмансипація Митрофана.

(10 іюля 1904, № 69).

Въ Россіи, какъ въ «благоустроенной» странѣ, наряду съ телефонами, телеграфами и прочими приобрѣтеніями культуры, полагается быть и своему общественному мнѣнію. Это «мнѣніе», какъ и всюду, есть мнѣніе «господствующихъ» классовъ; но, совѣмъ не какъ всюду, это русское «мнѣніе» пребывало до сихъ поръ въ положеніи того великовозрастнаго юнца, который говоритъ уже басомъ, у котораго пробиваются усы, и который, тѣмъ не менѣе, все еще ходитъ въ короткихъ панталончикахъ и читаетъ нравоучительныя книжки о добродѣтели Ванѣ и непослушномъ Колѣ. Строгий дядька слѣдуетъ по

пятамъ и блюдетъ, какъ бы «дитё» не испортилось. И «дитё» пока-мѣстъ не портилось. Правда, милому ребенку приходила иногда въ голову блажь сбросить кудрый костюмъ и загигнуть въ запретную книжку; но стоило дядьѣ погромче крикнуть, и «дитё» опять шата-гало въ «стрункѣ», какъ и подобаеть его воспитанности. Однако, времена перемѣчивы, и этой воспитанности стала грозить опасность съ тѣхъ поръ, какъ педагогія дядька встрѣтила соперника въ *другой* педагогіи, въ тѣхъ «урокахъ», которые изо дня въ день преподаеть теперь нашему питомцу старая гувернантка—исторія. Она преподаеть элементарныя истины, которыя давно уже вошли въ научный обиходъ, но отъ этого, увы, еще не сдѣлались достояніемъ тѣхъ, кому бы ихъ слѣдовало знать. И каждый «урокъ» такъ вразумительно наглядеть, она такъ усердно вколачиваетъ его въ ученическую голову, что всякій разъ невольно поднимается вопросъ: сколько же нужно еще колотушекъ, чтобы отечественный недоросль, наконецъ, сталъ взрослымъ человѣкомъ, и неужели для того, чтобы доказать никчемность само-державной бюрократіи, необходимы еще Тюренченъ, Кинчжоу, Ва-фангоу и нныя военныя прелести?

Нашему Митрофану пора выходить изъ-подъ старой уязки, и Митрофанъ, говорятъ, за послѣднее время, дѣйствительно, какъ будто собирается изъ-подъ нея выходить.

«Въ обществѣ шумно, безтолково, тревожно» — пишетъ «Новое Время». «Если въ нашей печати почти нѣтъ критики военныхъ дѣй-ствій, то тѣмъ ея болѣе въ обществѣ», критики, «подбитой ироніей», основанной на «якобы фактахъ», которые «даютъ ему право разво-дить свою критику», критики недоброжелательной, або даже «блестя-щій подвигъ Владивостокской эскадры не обошелся безъ проявленія нѣкоторой доли этой ироніи». «Насъ преслѣдуютъ несчастія, вдругъ превосходное дѣло, и вмѣсто того, чтобы встрѣтить его, какъ встрѣ-чаютъ счастье, начинаютъ судачить, змѣинныя жала высовываются и двигаются изъ стороны въ сторону, ища себѣ сочувствія, поддержки, поощренія».

Другими словами: эмансипація Митрофана начинается съ того, что ояъ, сто кратъ оболганный, отказывается долѣе вѣрить «счастью» своего ментора-дядьки, отказывается даже и тогда, когда это «сча-стье», вопреки обыкновенію, существуетъ въ неподдѣльномъ, хотя и микроскопическомъ видѣ, отказывается потому, что есть предѣлъ и его, Митрофана, легковѣрью. Политически невоспитанный человѣкъ, вѣдь, не есть еще кретинъ, котораго можно безнаказанно морочить, преподнося ему каждый день небыллицы—въ долгіе мѣсяцы напряжен-

ныхъ ожиданій, пораженія фальсифицируя въ побѣды, вмѣсто «маленькихъ недостатковъ механизма» демонстрируя аппаратъ, работающій якобы безъ сучка и задоринки. Доблестное войско, мудрые полководцы, лихорадочная дѣятельность, блистательные отчеты, высочайшія благодарности, и въ результатѣ — ни съ мѣста, или хуже того: одно заушаніе за другимъ, не взирая на разливавшее море празднословія. А празднословили всё: отъ государственныхъ заправиль и до послѣдняго газетчика, до борзописца, повѣствующаго о томъ, какъ казакъ съ одного маху отрубаетъ японскую голову и навизываетъ на пику вражьи тѣла. Весь читающій міръ, затаивъ дыханіе, внималъ героической борьбѣ далекаго островного народа, а въ это самое время рабья печать позорила свои столбцы разказами о томъ, какъ японскій солдатъ шелъ, де, пьяный въ бой, и потому что пьяный, проявлялъ чудеса своей храбрости. Съ легкой руки шустрой стаи Тряничкиныхъ съ принцемъ Бурбономъ во главѣ (многоговорящее имя, читатель! — этого рода добро, какъ извѣстно, единственное, подлежащее ввозу въ Россію безданно - безошлинно), загуляла изъ номера въ номеръ молва о чинимыхъ непріятелемъ звѣрствахъ: желтолицый азіатъ, молъ, не хочетъ ни въ чемъ отставать отъ блѣднолицаго «европейца», положившаго столько стараній на потопленіе китайскихъ женъ и дѣтей въ темныхъ водахъ Амура. Мало того: японецъ не ограничился тѣмъ, что вредилъ намъ, гдѣ могъ, онъ еще предавался разврату въ горахъ Манчжуріи, какъ о томъ засвидѣтельствовало извѣстное своей правдивостью перо г. Немировича-Данченко. А въ станѣ россіянъ, между тѣмъ, было патриархально и почти идиллическо: здѣсь всё чувствуютъ себя, какъ братья — писалъ достовѣрный «очевидецъ», одинъ изъ многихъ, чья суздальская кисть не переставала все время малевать фигуры «солдатиковъ», по гробъ преданныхъ «отцамъ-командирамъ», и «отцовъ-командировъ», день и ночь болѣющихъ о вѣрныхъ ихъ попеченію «ребятахъ». Даже самъ пресловутый «намѣстникъ» съ своимъ придворнымъ сералемъ приобрѣталъ благочестивый патриотическій видъ, подъ нажимомъ неразборчивой кисти...

Въ крупномъ и въ маломъ, какъ въ основныхъ вопросахъ дѣйствительности, такъ и въ мелочныхъ деталяхъ, «аксессуарахъ» войны, всюду и вездѣ царило одно и то же — педагогическое художество.

Что такое японская война для Россіи?

— Незначительная непріятность, прыщъ на ногѣ, — заявлялъ, наприимѣръ, знаменитый ученый, промѣнявшій науку на мѣстечко въ министерствѣ; а министерство, съ своей стороны, слѣша, подтвер-

ждало въ стоустый рупоръ своимъ лейбъ-журналистамъ, что «свободная наличность» ничуть невредима, что, наоборотъ, она цвѣтетъ, не взирая на надвинувшійся кризисъ.

А война для Японіи?—Близкое разореніе, грядущій крахъ, когда не сегодня—завтра страна Восходящаго Солнца смиренно запроситъ прощанья у великодушнаго русскаго колосса...

Мобилизованная ложь, какъ докучный осенній дождь, барабанила въ общественное сознаніе, не давая ему ни отдыха, ни сроку, только бы спасти первобытность отъ напора навязчивой правды. И чѣмъ долѣе она барабанила, тѣмъ все менѣе получался желанный эффектъ и все болѣе нетерпѣнія проявлялъ Митрофанъ, задумываясь надъ тѣмъ, что слышалъ. Набивши оскомину на этомъ «бѣдламѣ», онъ все больше и больше входилъ во вкусъ той неприятной, горькой правды, которая дѣзала отовсюду, со всѣхъ сторонъ, сквозь поры цензуры, изъ нѣдръ подполья, изъ зарубежныхъ вольныхъ странъ, изъ переписки друзей, изъ устъ въ уста, изъ боязливаго обывательскаго шепота. Такъ что, когда дядька недавно вздумалъ скрыть отъ него—о чемъ уже шумѣлъ телеграфъ всѣхъ странъ—катастрофу «Пересвѣта» и другихъ судовъ портъ-артурской эскадры, то оказалось, что было уже поздно: Митрофанъ твердо зналъ свою контрабандную «правду», и его невозможно было сбить съ этой «правды» никакими запоздалыми увѣреніями.

«Адмиралъ Того лжетъ!»—кричали ему. «Ладно!—реплицировалъ Митрофанъ. Лжетъ или нѣтъ, я не знаю, но я знаю одно, что вы-то уже лгали навѣрное, выдавая собственный нашъ суррогатъ, въ которомъ было скрыто наиболѣе существенное, за подлинное донесеніе противника.

А еще немного спустя, и Митрофанъ иронически улыбался въ отвѣтъ на усилія дядьки—загипнотизировать его гекатомбой въ 30.000 убитыхъ японцевъ, онъ понималъ, что это просто педагогическій приѣмъ, неискусное средство—оттянуть, отсрочить сколько-нибудь близкій часъ его окончательной эмансипаціи.

И хотя въ настоящій моментъ Портъ-Артуръ еще не взятъ и Куропаткины еще не въ Матсуямѣ, но прежній легковѣрный Митрофанъ подаетъ уже большія надежды превратиться въ завятаго скептика, склоннаго при случаѣ обсуждать щекотливый вопросъ—о дѣеспособности самодержавной бюрократіи.

Съ точки зрѣнія Митрофана, самодержавной бюрократіи такъ и полагается преслѣдовать честь, насиловать совѣсть, она можетъ, пожалуй, залѣзть въ народный карманъ и распространять вокругъ себя

безграмотность, она может многого не выполнить и еще больше сдѣлать скверно, но есть одна специальность, въ которой она неукоснительно обязана быть на высотѣ, подъ угрозой своего исчезновенія, Это—военное дѣло, на которомъ она выросла, оперилась, получила право всероссійскаго гражданства, сдѣлала карьеру; на немъ она проявила когда-то талантъ организатора, и въ немъ лежатъ до сихъ поръ ея послѣднее оправданіе. Эту истину чувствуетъ Митрофанъ, ее знаетъ хорошо и его, власть имѣющій, дядька. Отсюда то великое смятеніе, которое приноситъ каждое извѣстіе съ театра войны, говорящее о превосходствѣ японцевъ: отсюда и судорожные порывы укрыть очевидность, ескамотировать случившееся. И было бы съ полгоря еще, если бы бѣда ограничивалась однѣми картонными подошвами, гнилыми сухарями, плохимъ транспортомъ, традиціоннымъ воровствомъ. Этой бѣды не занимать было стать и въ прежніе годы. Хуже то, что не-пріятель превосходить не вѣтъ однимъ, но и качествомъ живого матеріала.

Грамотный солдатъ, образованный офицеръ, дѣльный, даровитый военачальникъ. Непріятель побѣдилъ при Кинчжоу, потому что его создатель-артиллеристъ умѣлъ индивидуализировать прицѣлъ; онъ побѣдилъ на Ялу, въ Вафангоу, умѣя не только храбро лѣзть на штыки, но и планомерно управлять своими дѣйствіями. Онъ побѣдилъ, потому что его офицеръ щеголяетъ не однимъ молодечествомъ, а и знаетъ досконально свою профессію и способенъ на дѣлѣ примѣнить все то, о чемъ говоритъ послѣднее слово его военной науки. Онъ побѣдилъ, потому что его генералъ—не просто заслуженный фрунтовики, который сегодня командуетъ полками, потому что вчера сокрушалъ губернію. Онъ побѣдилъ потому, наконецъ, что вся его военная среда есть лишь точное отраженіе реформированнаго общественнаго строя, рвущагося впередъ и ставящаго себѣ большія историческія задачи...

Краснорѣчіе фактовъ неутрачено, и въ результатѣ пятимѣсячной кампаніи даже Митрофанъ поколебался... Теперь онъ втайнѣ строчитъ хорошенькій проектъ конституціи. И мы ее вскорѣ увидимъ, читатель, — Митрофанову конституцію!

Старовѣръ.

Рекрутскій наборъ революціи.

(1 августа 1904 г. № 71).

Всеподательнѣйшій рапортъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Зиновьева о результатахъ правительственной ревизіи московскаго земства представляетъ серьезную политическую важность. Авторъ сосредоточиваетъ главное вниманіе не на тѣхъ или другихъ недостаткахъ повседневной земской работы, не на либеральныхъ мечтаніяхъ объ увѣнчаніи зданія, а на дѣятельности разночинной интеллигенціи, собранной подъ земскимъ знаменемъ, и ея характеристикѣ съ точки зрѣнія правительства. Такая постановка вопроса придаетъ рапорту особое значеніе: онъ становится не только обычнымъ эпизодомъ изъ исторіи традиціонной борьбы чиновничества съ земствомъ, но и первымъ обвинительнымъ актомъ, предъявленнымъ самодержавіемъ русской демократіи, постепенно занимающей старая позиціи либерализма. Устами Зиновьева правительство признаетъ появленіе новаго «внутренняго врага», которому суждено сыграть выдающуюся роль въ развитіи русской общественной жизни. Земская интеллигенція, вызвавшая тревогу въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, сложилась не въ безвоздушномъ пространствѣ. Она развилась подъ влияніемъ разрастающихся потребностей общественной жизни, параллельно развитію бюрократіи, подъ влияніемъ расширяющихся потребностей государственной жизни.

Половинчатая и нерѣшительная реформа шестидесятыхъ годовъ, включившія общественное представительство въ систему государственнаго управленія, какъ бы подѣлили государственную работу между опричиной и земствомъ. Это раздѣленіе фактически выразилось въ томъ, что бюрократія направила всѣ усилія на военную организацію государства и укрѣпленія отжившаго свой вѣкъ самодержавія, культурныя же задачи государства, отъ разрѣшенія которыхъ почти отказалось правительство, всецѣло вѣпнали на долю земскаго самоуправленія, на долю мѣстныхъ людей. Но послѣдніе не имѣли возможности справиться собственными силами съ трудными и сложными запросами развивавшейся страны. Личный составъ земскихъ учреждений былъ съ самаго начала до крайности ограниченъ полицейскимъ контролемъ и сословною организаціею представительства, а съ 1890 года, когда правительство передало дѣла мѣстнаго управленія почти исключительно помѣстному дворянству, земскія выборныя силы стали совершенно ничтожной величиной. Между тѣмъ, эволюція крѣпостной Россіи въ современное государство, породила и порождаетъ уплощеніе

функций власти, какъ въ той области государственнаго управленія, которая осталась въ вѣдѣніи бюрократіи, такъ и въ той, которая отошла въ вѣдѣніе земства. Главная причина недостаточности земскихъ выборныхъ силъ кроется, однако, не въ ихъ количественной слабости, а въ измѣнившихся условіяхъ политической и народно-хозяйственной жизни пореформенной Россіи. Паденіе крѣпостнаго права приобщило Россію къ всемірному процессу капиталистическаго развитія, которое безслѣдно стираетъ сословныя грани полуфеодалнаго общества. Дворянство, въ рукахъ котораго сосредоточивалось до шестидесятыхъ годовъ мѣстное управленіе, быстро отрывается отъ почвы и теряетъ свое экономическое и политическое значеніе. На поверхность жизни поднимается оредній классъ, притягивая къ себѣ наиболѣе энергичныхъ и приспособленныхъ къ борьбѣ за существованіе представителей всѣхъ сословій. Этотъ процессъ образованія классовъ буржуазнаго общества на мѣсто дореформенныхъ сословій отразился и на земскомъ самоуправленіи. Несмотря на всѣ усилія правительства, современное земство является организаціей земельной и промышленной буржуазіи, организаціей очень неудовлетворительной, затемненной отжившими сословными формами, науродованной произволомъ самодержавной бюрократіи, но все же буржуазной организаціей. И поскольку буржуазія становится хозяиномъ положенія, она уничтожаетъ ту примитивную систему управленія, при которой всѣ дѣла вершались личнымъ усмотрѣніемъ представителей первенствующаго сословія, отечески опекающаго остальныхъ. Для буржуазіи государственная дѣятельность теряетъ характеръ патріархальности и высшаго предназначенія, и превращается въ оплачиваемую профессию, требующую специальныхъ качествъ и специальной подготовки. При такихъ условіяхъ, земская дѣятельность не могла ограничиться примитивною формою личнаго управленія выборныхъ мѣстныхъ людей. Развитіе народнаго образованія, медицины, агрономіи, статистики и др. отраслей земской работы потребовало многочисленнаго персонала специально подготовленной интеллигенціи. Такъ выросла земская бюрократія, на которую обрушивается теперь гнѣвъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Она создана потребностями третьяго сословія и, въ большинствѣ случаевъ, вышла изъ него. Преобладающее количество земской служилой интеллигенціи принадлежитъ къ крестьянамъ, мѣщанамъ, духовному сословію, мелкому чиновничеству. Въ ея лицѣ русская демократія беретъ реваншъ за лишеніе права участія въ мѣстномъ самоуправленіи и входитъ въ составъ государственнаго механизма. И чѣмъ дальше идетъ разложеніе стара-

го сословнаго общества, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ разночинная интеллигенція.

Съ шестидесятыхъ годовъ она играетъ крупную, но неодинаковую роль въ русской жизни. Съ момента своего появленія на исторической сценѣ и до успокоенія на тощей земской нивѣ, русскій разночинецъ пережилъ тяжелую эволюцію, отражающую процессъ социально-экономическаго развитія Россіи. Въ первомъ періодѣ своей исторіи разночинская интеллигенція, отвергаемая живымъ еще феодальнымъ обществомъ, прикнула къ народной массѣ и, въ порывѣ утопическаго социализма, съ одинаковой энергіей боролась какъ противъ правительственнаго консерватизма, такъ и противъ дворянскаго либерализма. Непримируемая и послѣдовательная, она шла прямымъ путемъ къ намѣченной цѣли и почти поголовно легла въ неравномъ бою. Второе поколѣніе выросло уже въ новыхъ условіяхъ. Идеалы социализма померкли при столкновеніи съ суровой дѣйствительностью, политическія надежды гибли на висѣлицахъ и въ каторжныхъ рудникахъ. Вместе съ тѣмъ, измѣнялись экономическія отисненія дореформенной Россіи, нарождалась и крѣпла крупная и мелкая буржуазія, распространялось образованіе, усваивались нѣкоторые привычки культурной жизни, расширялся тѣсный кругъ интеллигенціи. Разночинецъ, чувствовавшій себя отщепенцемъ феодальнаго міра, начиналъ сознавать себя роднымъ дѣтищемъ и полноправнымъ членомъ новаго общества. Борьба противъ основъ современнаго строя смѣнилась борьбою противъ отдѣльныхъ недостатковъ механизма, разрушительная работа уступила мѣсто постепенному мирному и культурному воздѣйствію на темную массу многомилліоннаго народа. Всесословное земство, развивавшее широкую и всестороннюю дѣятельность, нуждавшееся въ знающихъ и способныхъ работникахъ, привѣтливо раскрыло двери прирученному разночнику и указало почти необозримое поле для приложенія интеллигентныхъ силъ. Вчерашній отщепенецъ вошелъ, какъ свой человѣкъ, въ ряды правящихъ классовъ, вошелъ, сохраняя прежнюю фразеологію, стараясь окружить ореоломъ старой славы свою новую дѣятельность. Это непониманіе коренной разницы въ положеніи сохранилось среди земской интеллигенціи до самаго послѣдняго времени. «Земство—говорили служащіе московскаго земства въ адресѣ, поднесенномъ Михайловскому въ день его юбилея,—представляетъ единственное учрежденіе, въ которомъ, по нашимъ русскимъ условіямъ, можетъ проявиться организованная общественная самодѣятельность, оно же оказывается единственнымъ легальнымъ убѣжищемъ для проявленія критической дѣятельности критически мыслящей личности.» Эта цитата ярко выражаетъ судьбу всего движенія. «Критически мыслящая личность», кото-

рая должна быть революціонной по самому своему существу; восхваляется «легальное» убѣжище въ видѣ... земскихъ учреждений! Въ дѣйствительности, дѣятельность земской служилой интеллигенціи носить черты самой мѣщанской умѣренности... Критически мыслящая личность, приспособляясь къ требованіямъ существующаго строя, отказалась сначала отъ борьбы противъ современнаго общества, а затѣмъ и противъ правительства. Она замкнулась въ крѣпости маленькихъ дѣлъ и вела войну почти исключительно противъ слишкомъ ревностныхъ администраторовъ и дикахъ помѣщиковъ не столько съ народомъ, сколько за народъ. Она не знала границъ компромиссамъ и развила въ себѣ безудержный пессимизмъ, стремясь получить хоть чтонибудь, хоть какънибудь. Но все же разночинная интеллигенція внесла много живого и цѣннаго въ провинціальную глушь. Въ культурныхъ обществахъ, въ мѣстной печати, въ частныхъ кружкахъ она сливалась съ провинціальной молодежью и обывателями и поддерживала въ нихъ демократическія идеи, правда, иногда въ мелкобуржуазной окраскѣ, будила мысль, оглашала проявленія произвола, организовывала просвѣтительные союзы, вообще, усиленно хлопотала о томъ, чтобы придать благообразную форму «людской пыли» какъ именуютъ Витте російскихъ обывателей. Оживленіе буржуазной демократіи, отмѣченное началомъ студенческихъ волненій, вызвало оживленіе и въ средѣ земской служилой интеллигенціи. Разночинецъ почувствовалъ подъ собою твердую почву; его работа стала интенсивнѣе и смѣлѣе. Но характеръ этой работы не измѣнился. Рапортъ Зиновьева, тщательно искавшего «преступленій» въ дѣятельности земской интеллигенціи, рисуетъ, однако, только самую умѣренную просвѣтительную работу.

Мы видимъ, что разночинная интеллигенція и демократическіе элементы земской среды сьорганизовались въ различные совѣты при управахъ: экономическіе, школьные, санитарные и т. п. Такимъ образомъ, они обезпечили себѣ нѣкоторую защиту отъ произвола отдѣльныхъ представителей земскаго управления. Затѣмъ они выработали программу минимальныхъ демократическихъ требованій, которую и стали проводить, несмотря на робость «послѣдней» дворянскаго сословія. Народныя школы, вѣшкольное образованіе, народная медицина, агрономическая помощь крестьянству—въ той или другой степени попали въ руки демократической интеллигенціи и прониклись ея духомъ. Рапортъ Зиновьева съ ужасомъ приводитъ слова одного изъ земскихъ школьныхъ инспекторовъ о томъ, что въ основу народныхъ школъ должно быть положено свободное самодѣтельное развитіе чело-вѣческой личности, а такое развитіе нравственной личности человѣка

можетъ успѣшно идти только въ свободной школѣ. Еще съ большимъ ужасомъ петербургскій бюрократъ указывалъ на то, что интеллигенція возбуждала такіе вопросы, какъ вопросъ о правовомъ и матеріальномъ положеніи больничныхъ служителей, что она не ограничилась «предѣлами своей компетенціи» и, кромѣ своихъ специальныхъ функцій, занималась и общекультурной работой. Съ характерной для высшаго сановника самодержавнаго правительства тупостью, Зиновьевъ приводитъ, въ укоръ земскимъ служащимъ, примѣръ врача, получившаго благодарность земскаго собранія за особые труды въ области народнаго образованія. Наконецъ, интеллигенція, по словамъ Зиновьева, осмѣлилась «критиковать» дѣйствія земства и даже губернскаго начальства. Всѣ эти грѣхи, конечно, не могутъ быть признаны особенно тяжкими. Еще недавно правительство, зорко слѣдя за либеральными мечтаніями земскихъ дѣятелей, снисходительно относилось къ муравьиному строительству демократической интеллигенціи; нѣкоторые вѣдомства посылали иногда даже весьма пріятливыя улыбки по адресу земской демократіи, и часто статистики и агрономы, изгнанные ретивыми губернаторами, находили тихую и пріятную пристань въ министерствахъ земледѣлія или финансовъ. Однако, эти мирныя отношенія могли продолжаться только до тѣхъ поръ, пока демократія, занятая борьбой за положеніе въ рядахъ буржуазнаго общества, стыдливо закрывала глаза на безобразіе самодержавія и даже, въ рѣдкихъ, правда, случаяхъ, готова была прибѣгнуть къ содѣйствію власти для одолженія либеральнаго, но зараженнаго сословными предрасудками, земскаго дворянства. Какъ только третье сословіе стало на собственные ноги, оно неизбежно обратило свое вниманіе на азіатскія условія общественной дѣятельности, создаваемыя абсолютизмомъ. Близость столкновенія почувствовало и правительство. Честь перваго открытія новаго внутренняго врага, какъ извѣстно, выпала на долю самарскаго вице-губернатора Кондоидя, который констатировалъ, что въ послѣдніе годы среди представителей администраціи и помѣстныхъ обывателей, вѣдающихъ по закону мѣстное хозяйство, появился и приобрѣлъ крупное вліяніе новый «третій элементъ», въ лицѣ вольнонаемныхъ земскихъ служащихъ. Проницательный администраторъ и сотрудникъ реакціонныхъ газетъ тогда же предсказалъ, что новые люди принесутъ съ собою «вредныя» политическія тенденціи. Вслѣдъ за Кондоидя тѣ же мысли высказалъ и вятскій губернаторъ Клингенбергъ, а теперь противъ земской служилой интеллигенціи выступилъ и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ. Его рапортъ показываетъ, что правительство признало работоспособность земской демократіи на поприщѣ столь

нежелательнаго ему подъема культурнаго уровня народа и рѣшило, отдѣлавшись нѣсколькими ударами отъ земскихъ либераловъ, направить главныя силы на борьбу съ болѣе твердымъ и послѣдовательнымъ противникомъ. Это рѣшеніе приводится уже въ исполненіе. Набѣгъ Зинковьева еще не закончился, онъ еще «ревизуетъ» земскія учрежденія различныхъ губерній, а гоненіе на земскую демократію уже въ полномъ разгарѣ. Въ Уфѣ, Вяткѣ, Перми, Курскѣ, Орлѣ, Тамбовѣ, Самарѣ и другихъ городахъ земская интеллигенція потерпѣла жестокой разгромъ, который, очевидно, распространится и на другія мѣстности. Систематическое опустошеніе земства будетъ, несомнѣнно, проведено съ неуклонной твердостью и послѣдовательностью при содѣйствіи реакціонныхъ элементовъ помѣстнаго дворянства. Мирная культурная работа, при такихъ условіяхъ, обращается въ безмысленную мечту; интеллигенція съ горечью убѣждается, что ея зданіе, построенное цѣною громадныхъ усилій и тяжелыхъ компромиссовъ,—только вавилонская башня, затѣянная въ гордомъ и наивномъ ослѣпленіи. Одно мановеніе руки всесильнаго сатрапа—и всѣ камни перемишаны, строители разбросаны въ разныя стороны, сотни людей остались безъ дорогаго дѣла и безъ средствъ существованія. Но только полицейская философія можетъ надѣяться на успокоительные результаты политики гнета и насилія, да и ея надежды слишкомъ внушительно разрушаются бомбами. Правительство, отрывая мирныхъ культурныхъ работниковъ отъ земской нивы, вынуждаетъ ихъ къ отчаянной борьбѣ за жизнь. Изгнаніе «третьяго элемента» изъ среды государственнаго строительства является, повтому, по выраженію Герцена, прежде всего, грандіознымъ рекрутскимъ наборомъ революціи. По слабости политическаго развитія, земская демократія при первыхъ признакахъ грозы пыталась выдвинуть противъ правительства либеральную партію, чтобы ея вліяніемъ парализовать намѣренія самодержавной бюрократіи и мирнымъ путемъ добиться хотя нѣкоторыхъ констатціонныхъ гарантій. Но земскій либерализмъ оказался слишкомъ вялымъ и расплывчатымъ, чтобы активно вмѣшаться въ теченіе государственной жизни. Съ другой стороны, и буржуазная масса частью оказалась недостаточно развитой политически для рѣшительнаго наступленія, частью, по самому своему характеру, не обнаружила способности къ открытой борьбѣ и свалила всю тяжесть грознаго боя на свой передовой отрядъ, разночинную интеллигенцію. Въ такомъ положеніи передъ интеллигенціей раскрывалась одна дорога, дорога революціонной самозащиты при пассивномъ сочувствіи и одобреніи общества. Но, возвращаясь снова къ тѣмъ методамъ борь-

бы, которыми онъ начиналъ свое историческое поприще, разночинецъ ставить себя теперь другія задачи. Онъ утратилъ, въ сорокалѣтнемъ странствованіи по пустынѣ буржуазнаго общества, вѣру въ народныя массы и социалистическіе идеалы; онъ крѣпко связалъ себя съ завтрашними хозяевами русской жизни и отказался отъ далекихъ «конечныхъ цѣлей»; оставленный варварскимъ правительствомъ въ работѣ мирнаго завоеванія общества и государства, онъ съ болѣзненной жадностью обратилъ свои взоры къ солнцу политической свободы и, не имѣя силы двинуть въ борьбу за нее народныя массы, направилъ противъ отдѣльныхъ представителей власти оружіе отдѣльныхъ революціонеровъ, въ надеждѣ дезорганизовать бюрократію и сдѣлать ее болѣе уступчивой и мягкой. Но за единичными выстрѣлами и взрывами нельзя забывать порождающей ихъ общественной группы. Уже недалеко то время, когда русская буржуазная демократія, защищая свои жизненные интересы, выступитъ, какъ революціонная политическая партія. Порожденная буржуазнымъ развитіемъ русскаго общества, встрѣтившимъ пренятствіа въ азіатскомъ правительствѣ, демократическая партія сосредоточитъ всѣ свои силы и помыслы на политическомъ освобожденіи Россіи; ея социальная программа будетъ носить печать буржуазнаго реформаторства, и рабочій классъ явится для нея только орудіемъ для достиженія поставленныхъ политическихъ цѣлей. Какъ и всякая буржуазная демократія, она не осуществитъ, однако, даже строго послѣдовательнаго демократическаго строя и выступитъ противъ революціоннаго социализма въ защиту современнаго общества. Въ сложной и трудной работѣ разрушенія существующаго политическаго уклада Россіи демократія сыграетъ крупную и прогрессивную роль и, съ этой точки зрѣнія, чрезвычайно желательно ея скорѣйшее появленіе изъ туманныхъ нѣдръ «Освобод.» и «Рев. Рос.». Но это появленіе нисколько не измѣнитъ ни задачъ, ни современной позиціи русскаго пролетаріата. Только самостоятельная политическая рабочая партія, партія революціоннаго социализма, способна выразить и отстаивать дѣйствительные интересы рабочаго класса, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ.

Н. Нелоревъ.

Явленіе либераловъ народу.

(20 октября 1904, № 78).

«Освободенцы» обратились къ народу съ прокламаціей о войнѣ и конституціи. Либералы, которые именемъ народа привыкли ходатайствовать передъ правительствомъ, непреклонною силою вещей вынуждены апеллировать къ народу отъ правительства. «Народъ», вызванный социалдемократіей къ политической жизни, заставилъ себя признать—сперва правительство, затѣмъ русскихъ «радикаловъ» старой вѣры, наконецъ, либераловъ. Изъ третьяго лица онъ превращается для всѣхъ во второе. Говорятъ не только о немъ, говорятъ съ нимъ. Его убѣждаютъ, его призываютъ, его содѣйствія ищутъ.

Обращеніе «освободенцевъ» съ программной прокламаціей къ народу—крупный политическій шагъ. «Освобожденіе», неофициальный центральный органъ либеральной партіи, санкціонируетъ это обращеніе либераловъ и придаетъ ему значеніе боевого акта цѣлой партіи.

Въ историческую минуту, требующую высшей опредѣленности и рѣшительности, либералы переступаютъ «порочный кругъ» пассивности и легальности и спускаются внизъ съ *Vademecum*'омъ въ рукахъ. Прокламація написана для массы, старается говорить языкомъ, понятнымъ массѣ, и взываетъ къ интересамъ массы.

Что же говорятъ либералы народу?

Они говорятъ ему, что война никому не нужна, что верховная власть не хотѣла ея, что верховная власть миролюбива. Они это доподлинно знаютъ. Они говорятъ далѣе, что соблазнительями являются дурные совѣтники, не освѣдомляющіе объ истинныхъ нуждахъ народа, ибо «иные изъ вельможъ государственныя дѣла ведутъ не по совѣти, а по корысти, для своего кармана и для почестей, а иные изъ вельможъ—глухы». Чтобы помочь дѣлу, нужно созвать народныхъ представителей. Царь отъ нихъ будетъ узнавать правду «какъ это было изрѣдка въ старину, когда русскіе цари жили въ Москвѣ». «Управлять дѣлами будутъ всѣ сообща—государь, министры и собраніе народныхъ представителей».

Такъ строятъ свободную Россію либералы. Они берутъ подъ свою защиту монархію. Въ своей конституціи они отводятъ ей красный уголь. Собраніе народныхъ представителей созывается не для выраженія *суверенной* воли народа, а въ помощь *монарху*. Но если само-

державное правительство, дѣйствительно, нуждается теперь въ такой помощи, то нуждается ли народъ въ самодержавномъ правительствѣ? Если безъ конституціи уже не обойтись самодержавному правительству, то неужели же и конституція не обойтись безъ самодержавнаго правительства? Либералы не отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, потому что не осмѣливаются даже его поставить. Партія «Освобожденія», еще не побѣжденная въ борьбѣ, еще не приступившая къ этой борьбѣ, на глазахъ всего русскаго народа, становится на колѣни. Таковъ ея либерализмъ!

Вокругъ трона, за которымъ признается неприкосновенное право исторической традиціи, должны распожиться ея народные представители. Но какой «народъ» будутъ они представлять, по росписанію либераловъ? Народъ *Земствъ и думъ*?—за которыми тоже вѣдь неприкосновенное право исторической традиціи... Будетъ ли представленъ народъ «безъ традицій», народъ безъ сословныхъ, имущественныхъ и образовательныхъ привилегій? Мы спрашиваемъ: тѣ представители, которые призваны спасать народъ и монархію, будутъ (ли они выбираться на началахъ *общаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права*? Мы спрашиваемъ либераловъ прямо и рѣшительно, и мы сумѣемъ заставить ихъ дать народу столь же прямой и рѣшительный отвѣтъ на нашъ вопросъ. Въ воззваніи на этотъ счетъ не сказано ни слова. И это, разумѣется, тоже отвѣтъ, хотя и не прямой и не рѣшительный. Онъ означаетъ, что либералы отказываютъ народу, къ которому обращаются, въ политическихъ правахъ. Иначе они не молчали бы. Политическихъ правъ не даютъ народу сюрпризомъ. Когда о нихъ молчать, значитъ ихъ не хотятъ дать. И это прежде еще, чѣмъ правительство успѣло предложить «либераламъ» условія, на которыхъ было бы выгодно продать народъ!...

Таковъ ихъ демократизмъ!...

У нихъ нѣтъ отваги противопоставить принципъ принципу... Еще до борьбы за новую Россію, они протягиваютъ руки для соглашенія со старой Россіей. Они опираются на примѣръ сословно-совѣщательныхъ земскихъ соборовъ въ прошломъ, вмѣсто того, чтобы взывать къ торжественному провозглашенію народной воли въ будущемъ. Словомъ: они апеллируютъ къ анти—революціонной традиціи русской исторіи, вмѣсто того, чтобы создать историческую традицію русской революціи. Такова ихъ политическая отвага!

Итакъ, русское конституціонное правительство составляютъ: «государь, министры (неизвѣстно, передъ кѣмъ отвѣтственные) и собраніе

народныхъ представителей (неизвѣстно, какой «народъ» представляющихъ)».

Стоить организовать на этихъ началахъ государственную власть, и тогда—адѣсь начинается центральное мѣсто либеральнаго *vaudemens'a*—и тогда всѣ вопросы разрѣшаются сами собою, всѣ невзгоды и всѣ бѣды русскаго народа сниметь, какъ рукой. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ народу удавалось добиться конституціи, онъ, по словамъ прокламаціи, «вездѣ устранивалъ себѣ правые суды, уравнивалъ подати и облегчалъ налоги, уничтожалъ взяточничество, открывалъ для дѣтей свои училища, и *быстро богатѣлъ*... И еслибъ и [русскій народъ, такъ пишутъ либералы, потребовалъ себѣ и добился конституціи, то и онъ избавился бы *отъ оскуднѣнія, разоренія и всякихъ притѣсненій* точно такъ же, какъ избавились отъ него и другіе народы... Когда будетъ въ Россіи конституція, то народъ черезъ своихъ представителей, навѣрное, отиѣнитъ паспорта, заведетъ хорошіе суды и управленіе, упразднитъ самовластныхъ чиновниковъ, въ родѣ земскихъ начальниковъ, и въ мѣстныхъ дѣлахъ будетъ управляться своими свободно выбранными людьми, заведетъ множество школъ, такъ что *всякій сможетъ получить высшее образованіе, освободится отъ всякой тѣсноты, наказаній розгами* (послѣ полученія «высшаго образованія»?) и *заживетъ съ довольствомъ*. Словомъ, при конституціи, т. е. при управленіи отравою царя вмѣстѣ съ собраніемъ народныхъ представителей, народъ будетъ свободенъ и добьется *настоящей, хорошей жизни*». Такъ пишутъ либералы.

Конституціонное ограниченіе царской власти не только спасетъ отъ розги и нагайки, но и обезпечитъ отъ бѣдности, лишеній, экономического гнета и дастъ возможность «быстро богатѣть»,—вотъ мысль, которую она хотятъ внушить народу. Созвать Земскій Соборъ,—и нѣтъ вопросовъ нищеты, гнета, безработицы, проституціи, пролетаризаціи народныхъ массъ, преступности и невѣжества. Такъ говорятъ либералы. Но говорить такъ, значить явно и беззащѣнно издѣваться надъ всей соціальной дѣйствительностью, называть черное бѣлымъ, горькое сладкимъ, значить закрывать глаза себѣ и другимъ—на опытъ всей той исторіи, которую буржуазная Европа предѣлала въ теченіе послѣдняго столѣтія, значить попирать ногами кричащіе факты, игнорировать все, что образованный человекъ можетъ узнать изъ любой европейской газеты,—значить спекулировать единственно на невѣжество русской народной массы, на египетскую тьму полицейскаго государства, да на низкій уровень политической морали въ рядахъ собственной партіи. Это значить замѣнять обращеніе—извращеніемъ, агитацію—де-

магогіей, политическую конкуренцію—недобросовѣстной спекуляціей. Это значитъ увѣренно идти къ превращенію собственной партіи, которая идеологически является представительницей «народа», въ простую кличку, сознательно эксплуатирующую темноту народа. Мы говоримъ это со всей энергіей,—и наши слова должны услышать не только каждый революціонный пролетарій, но и каждый русскій либераль.

Прокламацію писали образованные люди. Они знаютъ, что ничего изъ того, о чемъ они говорятъ народу, на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Они знаютъ, что и послѣ того, какъ будетъ созванъ Земскій Соборъ, порядокъ на Руси останется буржуазный. Они знаютъ, отлично знаютъ, что конституція не спасаетъ маленькаго собственника отъ пролетаризаціи, не даетъ безработному работу, не охраняетъ рабочаго ни отъ нищеты, ни отъ развращенія. Они знаютъ, что высшее образованіе доступно не всемъ, что оно есть монополія имущихъ. Они все это знаютъ,—читали, видѣли, сами говорили и писали,—знаютъ, не могутъ не знать.—Вы, напр., г. Струве, вы, который одобряете «этотъ простой по формѣ и вразумительный по содержанію призывъ», отвѣтите прямо въ «Освобожденіи»: знаете вы все это или нѣтъ?—Да, они знаютъ это. Но, сверхъ того, они знаютъ, что народъ, къ которому они обращаются, этого еще не знаетъ. И они говорятъ народу то, чего нѣтъ, и то, во что они сами не вѣрятъ. Они лгутъ народу. Они обманываютъ народъ.

Неужели они не подумали, что у самаго порога ихъ встрѣтитъ социалдемократія? Что она позаботится о томъ, чтобъ свести ихъ на очную ставку съ исторической истиной? Они должны были бы хоть это предвидѣть. Но въ прокламація они не произнесли даже имени социалдемократіи. Они пытаются разговаривать съ народомъ черезъ голову той партіи, которая, задолго до ихъ выступленія, говорила съ народомъ о тѣхъ же вопросахъ, но говорила иначе, которая заставила ихъ самихъ обратиться къ народу. Надо думать, они понимаютъ, что они вступили на путь прямой и непосредственной политической борьбы съ социалдемократіей. Нашей партіи не страшенъ такой противникъ!

Съ суевѣрной почтительностью предъ монархіей, съ недоувѣріемъ къ демократіи, безъ политическаго энтузіазма, безъ оппозиціонной энергіи—«безъ инициативы, безъ вѣры въ себя, безъ вѣры въ народъ, безъ міроваго историческаго призванія, не довѣряя собственнымъ лозунгамъ, съ фразами вмѣсто идей»,—таковъ этотъ противникъ, сознательно или бессознательно бросившій вызовъ партіи рабочихъ массъ.

Социалдемократія приметъ вызовъ.

Н. Троцкій.

Демократы на распутьи.

(5 ноября 1904 г., № 77).

Земская улица справляет торжественный праздник. После долгих лет непреклонного преслѣдованія, земскіе либералы снова призваны спасать отечество. Къ ихъ голосу прислушиваются, ихъ мнѣнія должны, въ той или другой степени, опредѣлить завтрашній день русской исторіи. Какъ растерявшееся правительство, такъ и разночинная интеллигенція любовно обращаютъ взоры къ мѣстнымъ людямъ и ждутъ отъ нихъ отвѣта на наболѣвшіе вопросы нашего времени. Министерство внутреннихъ дѣлъ созываетъ своего рода земскій соборъ, а либерально-демократическая пресса спѣшить облечь его довѣріемъ народа. «На земскихъ людей—пишутъ «Кіевск. Отклики»—выпала счастливая доля общественного представительства; волею судьбы они, въ столь знаменательное время, получаютъ возможность говорить отъ имени страны, высказать ея пожеланія, основанныя на многолѣтнемъ опытѣ. И будемъ вѣрить, что они сдѣлаютъ свое дѣло»...

Неудивительно, что, встрѣчая такое отношеніе, земскіе либералы начинаютъ чувствовать себя хозяевами положенія и пытаются диктовать свою волю не только издающему режиму, но и революціоннымъ элементамъ пробудившагося народа. Открывая еледкое земское собраніе, извѣстный А. А. Стаховичъ, человекъ, несомнѣнно, искренній и доброжелательный въ предѣлахъ своего ограниченного кругозора, съ тревогою умоляетъ крайнія партіи не варушить революціоннымъ дѣйствіемъ благодѣтельнаго развитія новаго курса и не толкнуть правительство въ объятія реакціи. Вслѣдъ за нимъ, газетный проходимецъ Столыпинъ, на страницахъ вывернушагося наизнанку «Нов. Вр.», призываетъ къ умѣренности радикальное студенчество, опять таки въ интересахъ свободы. Студенческія волненія и демонстраціи, по увѣренію Столыпина, «дорогой подарокъ» «kozyрь, неожиданный, громадный козырь въ рукахъ реакціонеровъ». «Не слѣдуетъ дѣлать этого подарка, не нужно ловить воображаемыхъ рѣшетокъ: теперь и двери открыты, широко открыты». Въ эти широко открытыя двери войдутъ представители земскихъ собраній, затѣмъ, уже при закрытыхъ дверяхъ, постановятъ рѣшенія, которыя удовлетворяютъ жгучія нужды студентовъ, крестьянъ, рабочихъ и, вообще, всего русскаго населенія. Все будетъ сдѣлано къ общему благу и удовольствію, если только, ко-

нечно, не помѣшаютъ непримиримые и бессмысленные революціонеры. Вотрите же довѣріе земскимъ либераламъ! Такія ноты звучатъ въ рѣчахъ земскихъ гласныхъ и въ писаніяхъ радикальныхъ журналистовъ. Русская буржуазная демократія, въ жгучей жаднѣ политическаго освобожденія, готова устранить себя, какъ самостоятельную силу, и передовѣрить свои полномочія тѣмъ людямъ, которые, въ силу историческихъ условій, случайно получили возможность говорить отъ имени страны.

Ни одна партія не имѣетъ столькихъ основаній стремиться къ свободѣ, какъ социалдемократія. Ни одна партія не принесла дѣлу свободы такихъ многочисленныхъ и кровавыхъ жертвъ, какъ социалдемократія. Но именно потому, что намъ, дѣйствительно, дорога свобода народа, мы имѣемъ право и обязанность строго взвѣсить политическую цѣнность поведенія русскаго «общества», съ такой готовностью дающаго полномочіе говорить именемъ всего народа своимъ самымъ ненадежнымъ представителямъ. Мы не станемъ разсматривать совершенно ясный вопросъ о томъ, насколько утвержденные въ министерство Плеве предсѣдатели губернскихъ и уѣздныхъ управъ или предводители дворянства, которые составляютъ основную ткань предстоящаго земскаго съѣзда, могутъ явиться даже выразителями земскаго либерализма. Пусть они всё будутъ послѣдовательными либералами,—и тогда демократія не можетъ передать имъ своихъ полномочій.

Исторія русскаго земства даетъ намъ право на это недоувѣріе. Земскій либерализмъ ведетъ свое происхожденіе непосредственно отъ дворянскихъ конституціонныхъ движеній конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Онъ сложился изъ двухъ разнородныхъ теченій: одно—слабое и мало вліятельное—выражало потребности нарождавшагося тогда капиталистическаго хозяйства, другое—сильное и значительное—являлось крѣпостнической оппозиціей правительству, стремившейся политическою властью дворянства укрѣпить разрушенную жизнью феодальныя привилегіи господствующаго сословія. Но въ конкретныхъ политическихъ требованіяхъ оба теченія сливались въ одномъ конституціонномъ потокѣ. Либеральные депутаты редакціонныхъ комиссій въ своей оппозиціи противъ бюрократіи и абсолютизма шли сомкнутымъ строемъ съ конституціоналистами-крѣпостниками. И они не имѣли основаній расходиться, такъ какъ политическія требованія той и другой группы, въ особенности, послѣ безповоротнаго рѣшенія уничтожить крѣпостную зависимость, оказались, по существу, одинаковыми. И тѣ и другіе стояли за дарованіе гражданскихъ правъ народу и политическихъ правъ дворянству; и тѣ и

другіе допускали распространіе политическихъ правъ на крупныхъ землевладѣльцовъ и лицъ съ высшимъ образованіемъ; и тѣ и другіе не признавали народную массу достаточно зрѣлой для политической дѣятельности.

Тѣ же черты земскій либерализмъ сохранилъ и при второмъ подъемѣ конституціоннаго движенія въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Подъ вліяніемъ революціоннаго натиска, правительство, какъ и теперь, призвало земскія силы къ спасенію распатаннаго смутой трона. Земскіе либералы имѣли возможность развить предъ правительствомъ полную и стройную программу своей партіи. И они это сдѣлали. Но и тогда они не далеко ушли отъ требованій своихъ предшественниковъ, даже въ скромной области мѣстнаго самоуправленія. «Либеральная программа», — писалъ «Вѣстникъ Европы» ¹⁾ — стоитъ вездѣ и всегда за значительное пониженіе имущественнаго ценза и совершенное уничтоженіе его для лицъ, получившихъ извѣстное образованіе». Тѣ же мысли отстаивалъ и офиціальныи органъ земскаго либерализма — газета «Земство», редактировавшаяся вышшимъ сотрудникомъ «Русск. Вѣд.» г. Скалономъ. Несомнѣнно, подъ давленіемъ измѣнившихся экономическихъ условий, программа земскаго либерализма восьмидесятыхъ годовъ утратила яркость сословной окраски и восприняла буржуазность окружающей дѣятельности, но она не сдѣлалась болѣе демократической. Народъ попрежнему оставался за политическими кулисами, уступая авансцену привилегированнымъ классамъ.

Третій подъемъ земскаго либеральнаго движенія еще не принялъ окончательной формы, но нашедшія въ прошломъ году пренія въ земскихъ собраніяхъ по вопросамъ о мелкой земской единицѣ и земскомъ избирательномъ цензѣ показываютъ, что земскій либерализмъ остается, по существу, на старой позиціи. Кроме того, земскія пренія обнаружили наличность значительной группы сторонниковъ узко-сословныхъ дворянскихъ привилегій, группы, съ которою придется серьезно считаться при ликвидаціи существующаго порядка. А экономическія требованія современныхъ земскихъ либераловъ, какъ показали труды сельскохозяйственныхъ комитетовъ, являются самыми крѣпостническими вождедѣвіями.

Этотъ характеръ земскаго либерализма буржуазная демократія должна бы принять во вниманіе, прежде чѣмъ вручать ему полномочія рѣшать судьбу страны. Разумѣется, что самая плохая конституція

¹⁾ 1882 г. апрѣль. Внутрен, обзорѣн.

лучше самого хорошего абсолютизма. Но, не говоря уже о требованіяхъ послѣдовательнаго демократизма, нѣтъ никакихъ основаній думать, что либералы доставятъ Россіи даже самую плохую конституцію. До сихъ поръ правительство умѣло съ большимъ успѣхомъ пользоваться анти-демократическимъ характеромъ земскаго конституціоннаго движенія. Въ восьмидесятихъ годахъ правительство искусно раскололо земскую оппозицію, обѣщая, съ одной стороны, возстановленіе политическаго преобладанія дворянства, а съ другой, принимая народническую программу экономической политики по отношенію къ крестьянству. Безъ сомнѣнія, бюрократія не могла выполнить намѣченной программы, какъ по ея противорѣчію съ народнохозяйственнымъ развитіемъ, такъ и по собственной неспособности. Но, если правительство оказалось безсильнымъ удовлетворить народныя нужды, то народъ не имѣлъ никакихъ данныхъ повѣрять, что эти нужды будутъ удовлетворены либералами, когда они сосредоточатъ политическую власть въ рукахъ господствующихъ классовъ. И земское движеніе, встрѣчаемое равнодушіемъ или даже враждебностью народа, до сихъ поръ оставалось безплоднымъ и не могло обезпечить даже мѣстное самоуправленіе отъ посягательствъ самодержавной бюрократіи и реакціоннаго дворянства.

Въ переживаемый моментъ земскій либерализмъ находится, правда, въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Жизнь вывела его изъ тѣсныхъ рамокъ землевладѣльческаго класса. Подъ конституціоннымъ знаменемъ сгруппировались разнообразныя элементы буржуазной демократіи съ разночинной интеллигенціей во главѣ. Лѣвый флангъ земскихъ либераловъ уже воспринялъ въ сознаніе это измѣненіе. Въ саратовской комиссіи о пересмотрѣ нормъ земскаго избирательнаго ценза гласный Львовъ вполнѣ опредѣленно охарактеризовалъ глубокую перемѣну въ личномъ составѣ конституціонной оппозиціи и ясно сформулировалъ новыя задачи земскаго движенія. Онъ указалъ, что, вслѣдствіе начала равнаго раздѣла наслѣдства, дѣти землевладѣльцевъ вынуждены искать средства къ существованію въ либеральныхъ профессіяхъ. Становясь врачами, адвокатами, учителями, молодое поколѣніе дворянства переходитъ въ ряды разночинной интеллигенціи и проникается ея демократическимъ настроеніемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, оно перекидываетъ мостъ между землевладѣніемъ и буржуазіей, связываетъ въ одно цѣлое исторически раздѣленныя общественныя группы и преобразовываетъ узкій земскій либерализмъ въ широкій общественный потокъ демократическаго движенія. И г. Львовъ горячо убѣждаетъ неповоротливыхъ земскихъ «отцовъ» раскрыть глаза на дѣйствительность и признать грядущую русскую демократію.

Это лѣвое теченіе земскаго либерализма сближало его съ демократическими элементами русскаго общества и дало ему новую силу. Это теченіе, несомнѣнно, побуждаетъ радикальную интеллигенцію передовѣрять свои нужды представителямъ земской оппозиціи. Но, не говоря о томъ, что даже земская крайняя лѣвая, въ цѣломъ, далеко не отличается послѣдовательнымъ демократизмомъ и носить еще слѣды своего сословнаго происхожденія, мы не имѣемъ увѣренности, что въ данную минуту побѣда останется за этою фракціею земскаго либерализма. Наоборотъ, есть полное основаніе предполагать, что теперь выдвигается впередъ либеральная правая, въ которой еще до сихъ поръ живъ духъ сословно-дворянскаго конституціоннаго движенія шестидесятыхъ годовъ. При условіи обращенія правительства къ предводителямъ дворянства и представителямъ земскихъ управъ, за правымъ крыломъ земскаго либерализма почти обезпечено компактное большинство. Этимъ и объясняются тѣ призывы къ умѣренности, которые раздаются нынѣ изъ земскихъ круговъ по адресу крайнихъ элементовъ.

Умѣренная, уклончивая и нерѣшительная тактика земскихъ либераловъ вполне вытекаетъ изъ основныхъ особенностей ихъ программы. Ставя своей цѣлью расширеніе политическихъ правъ имущихъ классовъ, земскій либерализмъ не можетъ рассчитывать на поддержку широкаго народнаго движенія. Поэтому, онъ возлагаетъ всѣ надежды на добрую волю правительства, стихійною силою вещей доведеннаго до сознанія необходимости политическихъ преобразованій. Естественно, что при такихъ условіяхъ формы воздѣйствія на самодержавное правительство должны отличаться особою мягкостью и осторожностью, и самое воздѣйствіе должно мотивироваться пользами самодержавія, необходимостью спасти его отъ гибельнаго натиска бурныхъ волнъ народнаго недовольства. Эта тактика, отнюдь не необходимая для лѣваго демократическаго крыла земской оппозиціи, является классическою тактикою земскаго либерализма въ его цѣломъ. Ходатайство—вотъ, въ сущности, единственный методъ дѣйствія, которыми располагаютъ земскіе либералы.

Теперь, когда имъ снова выпала отвѣтственная роль, они неизбежно должны были переоцѣнить старыя приемы борьбы и подумать о новыхъ методахъ дѣйствія. Но ихъ политическая позиція заранее обрекала на неуспѣхъ всѣ поиски новыхъ путей. «Моск. Вѣд.» сообщали, будто либералы рѣшили пользоваться свободою слова и собраній, не обращая вниманія на отсутствіе законодательныхъ гарантій. Сама по себѣ, эта мысль заслуживаетъ полнаго сочувствія.

Неисполненіе требованій полицейскаго самодержавія, открытое игнорированіе всёхъ административныхъ запретовъ—является удачнымъ и цѣлесообразнымъ пріемомъ борьбы. Но послѣдовательное проведеніе этой тактики неминуемо поведетъ къ столкновенію съ современнымъ полицейскимъ государствомъ, неминуемо повлечетъ переходъ къ явному выступленію противъ власти. Между тѣмъ, всякое выступленіе только тогда можетъ рассчитывать на успѣхъ, когда оно поддерживается широкими народными массами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что требованія политическихъ привилегій, выставленныхъ на знамени земскаго либерализма, не привлекутъ къ себѣ симпатій народной массы. Она останется равнодушной къ борьбѣ либераловъ и, какъ въ восьми-десятихъ годахъ, спокойно перенесетъ разгромъ либеральной партіи.

А, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще разъ рухнетъ для даннаго момента надежда на освобожденіе Россіи, въ интересахъ котораго буржуазная демократія съ такимъ легкомысліемъ ступовывається оейчасъ предъ умѣренными элементами оппозиціи и передаетъ свои полномочія отцамъ земскаго либерализма, забывая, что всё расчеты отцовъ основаны только на случайныхъ и временныхъ настроеніяхъ верховной власти.

Какъ и въ эпоху «Народной Воли», господствующая нынѣ группа земскихъ либераловъ не располагаетъ никакими средствами борьбы, кромѣ увѣщаній, и, какъ тогда, такъ и теперь, она, вѣроятно, вынуждена будетъ сойти со сцены, уступивъ мѣсто революціонерамъ. По крайней мѣрѣ, мы не можемъ поручиться, что правительство снова не извернется въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и не сумѣетъ какимъ либо ловкимъ политическимъ ходомъ отсрочить свою гибель, пока противъ него въ качествѣ представителей народа будутъ стоять одни либералы. Поэтому, торопливое и необдуманное надѣленіе земскихъ гласныхъ правами народныхъ представителей является въ высокой степени необдуманнымъ актомъ, которымъ русская нарождающаяся демократія самоубійственно лишаетъ себя политическаго значенія. Уничтоженіе абсолютизма, въ силу историческихъ условій русскаго общественнаго развитія, можетъ быть достигнуто только активными усиліями самого народа. Никакое политическое замѣстительство въ этомъ случаѣ недопустимо и, поскольку разночинная интеллигенція передаетъ полномочія демократіи въ земскія руки, она безразсудно рискуетъ дѣломъ политическаго освобожденія Россіи.

Судьба свободы въ Россіи зависитъ не отъ верховъ нашего общества. Она будетъ рѣшена голосомъ народа. И къ нему должны быть направлены въ переживаемую критическую минуту взоры всёхъ искрен-

них сторонниковъ демократическаго обновленія русской жизни. Было бы, конечно, политической безграмотностью игнорировать такой крупный фактъ, какъ созывъ земскихъ представителей. Но еще большей безграмотностью является передовѣрие земскимъ гласнымъ демократическихкихъ мандатовъ. *Демократія должна дѣйствовать самостоятельно отъ земскихъ либераловъ и, въ качествѣ самостоятельной силы, вліять на поведеніе земскихъ либераловъ, стараясь превратить суррогаты общественнаго представительства въ всенародное учредительное собраніе.*

Нѣкоторое сознаніе этой необходимости уже начинаетъ проявляться въ буржуазно-демократическихъ кругахъ. Такъ, недавно въ Саратовѣ, на собраніи санитарнаго Общества, присутствовавшая, въ количествѣ около 400 человекъ, публика громкими аплодисментами единогласно приняла текстъ телеграммы Святополку, въ которой выражалось пожеланіе, чтобы «довѣріе къ творческимъ силамъ страны нашло себѣ выраженіе въ прочныхъ формахъ участія представительства всего русскаго народа въ законодательствѣ и управленіи». Это требованіе, столь отличное отъ рабскихъ привѣтствій земскихъ собраній, представляетъ дѣйствительный голосъ демократіи. И такія требованія должны быть обращены не только къ правительству, но и къ членамъ предстоящаго земскаго сѣзда. Нѣтъ никакого основанія оставлять ихъ въ снокойной увѣренности, что они имѣютъ право говорить за народъ. Народъ долженъ непосредственно подать свой голосъ и сказать свое рѣшительное слово. Демократія обязана всеми силами содѣйствовать революціонному пробужденію народныхъ массъ. Но для этого она не должна пасовать предъ либералами, она должна отвергнуть ихъ политическую гегемонію и, учитывая либерализмъ, какъ развѣдочный отрядъ въ предстоящей стычкѣ, твердо и непреклонно примкнуть къ единственно революціонной партіи нашего времени—соціалдемократіи, подъ напоромъ которой запатался російскій «старый порядокъ» и которой, очевидно, суждено нанести ему и послѣдній рѣшительный ударъ. Пока же буржуазная демократія плетется подъ земскимъ флагомъ, въ хвостѣ увѣреннаго либерализма, она всегда подвергается опасности попасть подъ перекрестный огонь и потерпѣть полное пораженіе.

Н. Негоревъ.

Итоги „земскаго парламента“.

(20 ноября 1904 г. № 78).

Мигъ вождедѣнный насталъ! Нотабли русской «земли», умѣренные «отцы» земства сказали, наконецъ, «свое вѣское слово». Земская мысль развѣшилась отъ бремени открытымъ конституціоннымъ требованіемъ.

Несомнѣнно, роды были трудные. Несомнѣнно, много пришлось хлопотать ученой повитухѣ—«освобожденской» партіи,—чтобы привести къ благополучному—для родильницы и ребенка—концу этотъ долгій, почти слоновой продолжительности, процессъ беременности. Нельзя не воздать должнаго тонкому искусству этой хлопотуньи, которая съумѣла добиться вождедѣннаго результата, не прибѣгнувъ даже къ хирургической операціи—къ революціонной помощи народныхъ массъ. Все обошлось «чивно, благородно», и прятаншіеся, какъ увѣряетъ иностранная пресса и какъ мы охотно вѣримъ, отъ всякихъ проявленій «народной симпатіи» земскіе нотабли изъ своихъ келейныхъ засѣданій вынесли на свѣтъ божій свое законченное твореніе, точно выражающее смыслъ и сущность того либерально-демократическаго «блока», надъ укрѣпленіемъ котораго такъ усиленно потрудилося «Освобожденіе».

Несомнѣнно, въ засѣданіяхъ «земскаго съѣзда» и, еще больше, за его кулисами, разыгралась богатая дѣйствіемъ политическая комедія. Надо было «примирить» съ конституціоннымъ характеромъ движенія вліятельнаго Шипова и его либерально-славянофильскую группу; надо было примирить «сѣрыхъ» отцовъ провинціи съ политическимъ характеромъ манифестаціи вообще; надо было примирить съ ея либеральнымъ характеромъ нѣкоторыхъ реакціонныхъ предсѣдателей и предводителей; надо было примирить съ ярко-оппозиціонной тенденціей рѣшеній съѣзда—свою собственную группу, ея рядовыхъ членовъ. Надо было, наконецъ, убѣдить немногихъ представителей демократизма удовлетвориться неопредѣленностью выраженій и формулировкой пожеланія объ учредительномъ собраніи и согласиться на умолчаніе о всеобщемъ избирательномъ правѣ: изъ всѣхъ задачъ вѣроятно, наиболее легкая, ибо демократы на самомъ съѣздѣ и за его кулисами были, судя по всему, наиболее «самоотверженными» изъ дѣятелей «блока».

Вся эта трудная работа лежала, безъ сомнѣнія, на основномъ ядрѣ земскихъ конституціоналистовъ, и они удачно выполнили, повидимому,

свою задачу. Конституціонная резолюція, за вычетомъ одного пункта, о которомъ ниже, собрала подписи всѣхъ, кромѣ 2-хъ участниковъ собранія. Это большой успѣхъ, знаменующій собой кульминаціонную точку въ развитіи историческаго земскаго либерализма. Резолюція 6—8 ноября пріобрѣтаютъ значеніе политическаго событія первостепенной важности. Прогрессивная русская буржуазія впервые «полнымъ голосомъ» сказала: прости! выпестовавшему ее просвѣщенному крылу самодержавной бюрократіи, впервые отвѣтила достойной политическихъ дѣятелей «черной неблагодарностью» шарлатанамъ сердечнаго попеченія, такъ долго превращавшимъ въ одинъ изъ устоевъ самодержавія то общественное самоуправленіе, которому, по самой исторической сущности, надлежало быть его могильщикомъ.

Надо сказать, что министерство «новаго курса» много поработало для достиженія этого счастливаго результата. Когда бѣдный Святиполкъ предложилъ организаторамъ «тайнаго» земскаго съѣзда сдѣлать послѣдній официальнымъ, онъ вызывалъ къ жизни такихъ «духовъ», съ которыми привыкла и умѣетъ справляться столичная бюрократія. И если онъ все-таки почувствовалъ себя очень скоро въ положеніи волхва известной сказки, то только потому, что вмѣстѣ съ духами земской оппозиціи, онъ, не замѣчая того, «разнуздывалъ» и духовъ революціонной демократіи. Петербургъ взволновался и—первые показатели возрождающагося массоваго натиска—студенческія сходки заговорили революціоннымъ языкомъ, а варшавскіе пролетаріи, въ рядѣ уличныхъ сраженій, въ то же время напомнили просвѣщенному министру, съ какими стихіями ему придется имѣть дѣло. «Сегодня 4 ноября, писалъ намъ одинъ товарищъ изъ Петербурга, и, быть можетъ черезъ 2—3 дня накопленное сознаніе выльется въ стихійный процессъ... спросите любого встрѣчнаго, гдѣ онъ будетъ 6-го, и онъ вамъ, почти не задумываясь, скажетъ: на площади, гдѣ будетъ земскій съѣздъ. Мнѣ кажется, ясно, что стихійная манифестація, во всякомъ случаѣ состоится». Языкъ прессы становился все болѣе нетерпѣливымъ, изъ провинціи полетѣли радикальные адреса земскому съѣзду. ¹⁾

И старая знакомая «нервозность», столько разъ уже парализовавшая въ рѣшительную минуту авантюристскую предпринимчивость нашихъ болѣе или менѣе сознательныхъ провокаторовъ диктатуры сердца,—эта роковая нервозность, ростъ которой такъ отчетливо выражаетъ со-

¹⁾ Какой то доноситель сообщаетъ въ „Моск. Вѣд.“ что саратовскіе земцы, отправляясь въ Петербургъ, были провожаемы не только „красными“ рѣчами своихъ товарищей, но и пѣніемъ марсельезы.

бою приближеніе великаго краха самодержавія, снова погубила его игру. Земской оппозиціи не суждено было испытать минуты блаженства на груди «весенняго» обольстителя. «Оппозиціонныя группы возвращаютъ себѣ свободу дѣйствій», писалъ въ № 60 «Освобожденія» его петербургскій корреспондентъ. Принимають ее—слѣдовало бы сказать, ибо эта «свобода» была имъ брошена въ лицо наглой бюрократіей.

Видѣвъ съ сотрудникомъ г-на Струве, мы готовы возблагодарить судьбу за то, что жертва генеральскаго флорита еще сохранила свое либеральное цѣломудріе; но въ отлѣченіе отъ него, мы не можемъ забыть, что еще одинъ ласковый взглядъ,—и эта впечатлительная дама утратила бы душевное равновѣсіе.

Но рокъ судилъ иначе, тотъ рокъ, который безпощадно влечетъ къ могилѣ дряхлый государственный режимъ. Бюрократическій фетишизмъ ослѣпилъ петербургскихъ зубатовцевъ высшей марки. Не помѣшавъ земскимъ нотаблямъ собраться и вынести болѣе или менѣе «любяльныя» оппозиціонныя заявленія—съ этимъ еще могла, хоть и скрѣпя сердце, мириться весенняя политика, но дать этому собранію санкцію официальности, подписать заранѣе подъ его невѣдомыми рѣшеніями священную формулу «дозволено цензурой»—это было слишкомъ. И очертя голову, сознавая, что дѣлаетъ новую глупость, правительство спѣшно взяло назадъ свое разрѣшеніе. И, словно по мановенію жезла, обычнаго типа собраніе «свѣдущихъ людей» превратилось тѣмъ самымъ въ земскій парламентъ, а его разнородные элементы грубымъ движеніемъ солдатской ботфорты брошены въ объятія конституціоналистовъ. То, что могло бы превратиться въ жалкую комедію, стало серьезнымъ политическимъ дѣйствіемъ. Рѣшающій голосъ въ земскомъ парламентѣ пріобрѣтали открытые конституціоналисты, продававшіе ему свою программу. Эта послѣдняя, какъ выше указано должна была, чтобы объединить собраніе, считаться съ заскорузлой «умѣренностью» земской правды и вотъ почему, безъ сомнѣнія, мы не находимъ въ резолюціяхъ 6—8 ноября ни протеста противъ войны, ни требованія всенароднаго представительства въ учредительномъ собраніи и будущемъ конституціонномъ аппаратѣ. Земскіе демократы, которые только что объявили себя сторонниками всеобщаго избирательнаго права (см. ихъ брачный договоръ съ соц.-рев. и «P. P. S.» въ «Humanité»), пожертвовали ради сохраненія своего стараго брака (по расчету) съ «умѣренными» этимъ требованіемъ; они не сочли даже нужнымъ приложить его къ резолюціямъ, хотя бы какъ мнѣніе радикальнаго меньшинства.

Конечно, эта скромность субъективно мотивировалась нежеланием вносить «дистармонию» в земский блок. Но такъ какъ ихъ самопожертвованіе—на счетъ принциповъ—не могло помѣшать г. Шипову и К^о приложить свое особое мнѣніе (21-го члена), мнѣніе противниковъ рѣшительнаго конституціонализма, то примѣненныи крайней лѣвой «пріемъ умолчанія» только лишній разъ показали ея политическую безхарактерность и ни къ чему не привели.

Но этотъ характерный фактъ, самъ по себѣ, менѣе всего можетъ быть признанъ случайнымъ. Онъ явился неизбежнымъ выводомъ изъ того обстоятельства, что, умѣло использовать, противъ земской правды, нелѣпую политику Святополка, для проведенія конституціонной программы, земская лѣвая не преминула сдѣлать этой правдой существенную уступку въ области тактики. Вмѣсто того, чтобы отвѣчать на «полу-запрещеніе» съѣзда апелляціей къ общественному мнѣнію; вмѣсто того, чтобы, сдѣлавъ свои засѣданія возможно болѣе гласными, пойти навстрѣчу поднимающемуся въ широкихъ демократическихъ низахъ движенію—конституціоналисты сдѣлали все возможное, чтобы умалить не посредственно-агитаціонное значеніе своего «перваго шага». Мало того, что они засѣдали «въ потемкахъ»; мало того, что они не приняли резолюціи протеста противъ дѣйствій правительства по отношенію къ нимъ, что они не протестовали противъ запрещенія печати касаться ихъ съѣзда—но, какъ намъ сообщаютъ, они усиленно старались, чтобы петербургская «толпа» не вздумала отвѣтить революціоннымъ эхомъ на ихъ слабозвучащіе голоса. Ради сохраненія земскаго «блока», освобожденская лѣвая послушно слѣдовала по старымъ протоптаннымъ дорожкамъ либеральной благонамѣренности, прямокомъ ведущимъ въ болото тѣхъ самихъ «подумѣръ», противъ которыхъ такъ краснорѣчиво на-дняхъ предостерегалъ на банкетѣ саратовскихъ либераловъ г-нъ Уиковскій.

Вина новаго не вливаютъ въ мѣхи старые. Разрывая съ традиціей земско-либеральной и вступая подъ знамя открытаго конституціонализма, нельзя остановиться на подорожѣ и упускать возможность нанести сильный ударъ врагу тогда, когда онъ еще можетъ быть застигнутъ врасплохъ. Въ качествѣ первой рѣшительно конституціоналистской демонстраціи земской буржуазіи, съѣздъ 6—8 ноября могъ бы явиться исходнымъ пунктомъ для всесторонняго бурнаго натиска на самодержавіе. Но для этого надо было не прятаться отъ народа, не давать—если вѣрны свѣдѣнія нѣкоторыхъ иностранныхъ газетъ—полиціи общанія избѣгать уличныхъ манифестацій, не парализовать значенія своей собственной побѣды—побѣды надъ собственными полити-

ческими традиціями, не давать опомниться потерявшей голову реакціи, не спѣшать развѣжаться «по домамъ», а затянуть плодотворный процессъ усиливавшагося кругомъ ихъ броженія. А для этого надо было только одно—стать рѣшительно и твердо на демократическую точку зрѣнія и не бояться политическаго выступленія народной массы. Только въ этомъ случаѣ земская демонстрація превратилась бы въ революціонное дѣйствіе. Было бы наивностью думать, что не только умѣренные либералы, но и болѣе радикальные земскіе демократы самостоятельно придутъ къ мысли объ апелляціи къ народному движенію. Ни ихъ прошлое, ни ихъ поведеніе въ октябрьскіе дни не даютъ намъ права на такую надежду. Задача расширить политическое значеніе вставшаго на принципиально правильный путь буржуазно-конституціоннаго движенія и влить въ него революціонное содержаніе, падаетъ всецѣло на плечи рабочей партіи.

Только этимъ путемъ она сможетъ выполнить свою миссію—подготовить организованный пролетаріатъ къ самостоятельной политической роли въ наступающей буржуазной революціи и—въ процессѣ роста его политическаго давленія на рядомъ съ нимъ борющіеся противъ деспотизма общественныя силы—обеспечить ему роль дѣйствующаго авангарда этой революціи, которой такъ неизбежно намѣняютъ и будутъ измѣнять всѣ фракціи буржуазнаго либерализма. Голоса революціоннаго пролетаріата почти не было слышно въ тѣ ноябрьскіе дни, когда земскіе отцы отечества говорили отъ имени измученной абсолютизмомъ страны. Но тѣмъ же явно носилась и передъ самодержавствующей бюрократіей, когда она спѣшно брала назадъ свое согласіе на съѣздъ, и передъ умѣренными земцами.

И земскій либерализмъ далъ свою санкцію историческому факту выступленія русскаго народа на арену активной политической борьбы, когда вписалъ въ число своихъ требованій организаціи народнаго (а не центральнаго земскаго) представительства и реорганизацію существующаго мѣстнаго самоуправленія, путемъ предоставленія избирательнаго права, «по возможности» (1), всему населенію. Такова сила событій: всего только годъ назадъ подавляющее большинство земцевъ объявило единственнымъ прочнымъ базисомъ прогресса и культуры сохраненіе помѣстнаго и образовательнаго ценза въ общественномъ самоуправленіи; лишь же самыя отсталыя и зависимыя отъ бюрократіи (представители управъ) элементы одѣлали тотъ скачекъ, послѣ котораго земство, какъ таковое, теряетъ свой *raison d'être* въ качествѣ камня, на коемъ, по старому повѣрью, совиждется церковъ кон-

ституціоннаго будущаго Россіи! И мы, перефразируя извѣстное изреченіе, вправѣ сказать «земскому» либерализму: «умри, Денисъ, ты лучшаго ничего не сдѣлаешь».

Ноябрьскія резолюціи могутъ сыграть крупную роль въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія анти-абсолютистскаго движенія. Но не отъ ихъ авторовъ зависитъ теперь реализовать эти возможные результаты. Очередь за пролетариатомъ. Онъ «подхватить» выпешдшее слова на поверхность общественной жизни конституціонное движеніе и, придавъ ему сознательно-революціонный характеръ, обозначить яркими, недвусмысленными красками его демократическіе лозунги. Онъ будетъ оказывать такое воздѣйствіе на стоящій въ центрѣ этого движенія либерально-демократическій «блокъ», чтобы каждое его уклоненіе вправо отрывало отъ него и отбрасывало къ социалдемократіи его демократическіе элементы, чтобы каждый шагъ его влѣво, совершаясь подъ явнымъ давленіемъ народныхъ массъ, велъ къ революціонному обостренію разгорающійся конфликтъ между старой и новой Русью.

Ноябрьскія событія въ Петербургѣ будутъ имѣть свое продолженіе въ предстоящей сессіи губернскихъ земскихъ собраній. Буржуазная демократія, несомнѣнно, мобилизуетъ все свои силы, чтобы не дать земскимъ резолюціямъ въ губерніяхъ опуститься значительно ниже того уровня, на который ей удалось поднять ихъ въ петербургскомъ парламентѣ. Наша обязанность добиваться, чтобы уровень этотъ былъ еще поднять, чтобы наше политическое требованіе—созыва всенароднаго учредительнаго собранія—громко раздавалось на этихъ собраніяхъ, чтобы конституціонныя манифестаціи на нихъ превратились—активнымъ и сознательнымъ участіемъ пролетариата—въ революціонныя событія. Опытъ нашихъ харьковскихъ товарищей, которые подготовили и провели въ самый день открытія «земскаго парламента» въ столицѣ демонстрацію въ мѣстномъ юридическомъ обществѣ, показываетъ, въ какомъ направленіи намъ слѣдуетъ дѣйствовать. И если мы сумѣемъ всесторонне повести подготовительную работу агитаціи и организаціи, второй актъ конституціоннаго движенія оппозиціонной буржуазіи можетъ совпасть съ первымъ рѣшительнымъ выступленіемъ русскаго пролетариата, какъ самостоятельно-дѣйствующей политической силы, сознательно налагающей свое революціонное вліяніе на ходъ и исходъ начинающейся развязки исторической драмы.

Противъ воли его активныхъ участниковъ, сдѣлавшихъ все возможное для умаленія его значенія, земскій съѣздъ сталъ крупнымъ политическимъ событіемъ, въ силу объективной логики историческаго развитія. Это обстоятельство, непреложно свидѣтельствуя о томъ, какъ

благоприятно складываются условия для решительной революционной инициативы, обязывает партию пролетариата къ открытію энергичной и планомерной политической кампаніи. Время не ждетъ, товарища!

Л. Мартовъ.

Объединеніе буржуазной демократіи.

(1 декабря 1904 г., № 79).

Очередная задача—политическое освобожденіе Россіи—встала во весь свой ростъ, во всей своей ясности, во всей принципиальной простотѣ и фактической сложности. И тотъ вопросъ, который она поставила передъ всеѣми стекающимися подъ освободительное знамя партиями и группами, этотъ вопросъ требуетъ ясныхъ и опредѣленныхъ отвѣтовъ.

По мѣрѣ того, какъ даются эти отвѣты, все яснѣе и яснѣе изъ пестраго конгломерата столь многочисленныхъ «направленій» выступаютъ на нашихъ глазахъ сравнительно простые архитектурныя линіи соціального строенія. Традиционныя идеологическія облаченія, вчера еще раздѣлявшія разныя группы, падаютъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, и родственныя души, впервые сбросившія покровъ ненужной ветоши, узнаютъ другъ друга и радостно бросаются въ объятія, послѣшно отставляя въ сторону, какъ «идеалъ»—прекрасный, но далекій—то, что вчера казалось священнымъ и неприкосновеннымъ «символомъ вѣры».

Прологъ русской революціи только открывается, а уже процессъ сплоченія однородныхъ соціальныхъ элементовъ начинается съ поразительной быстротою.

На берегахъ Невы, въ памятные дни «земскаго парламента», мы видѣли одинъ изъ актовъ этого сплоченія; многолюдные банкеты, собранія ученыхъ и литературныхъ обществъ, новыя предпріятія въ области періодической прессы—это все этапы на пути объединенія буржуазной демократіи на «легальной», осѣненной министерскимъ

«довѣрїемъ», поверхности русской жизни. Напечатанный въ № «Листка Освобожденїя», документъ показываетъ намъ тотъ же процессъ сплоченїя въ нелегальномъ подпольѣ.

«По инициативѣ нѣсколькихъ членовъ Финляндской оппозиціи»—собрались на конференцію делегаты 7 организацій: партїи социалистовъ - революціонеровъ, польской социалистической партїи (П. П. С.), грузинской партїи социалистовъ - федералистовъ-революціонеровъ (Сакартвело), армянской революціонной федераціи (Дрошакъ), польской національной лиги (Liga Narodowa), финляндской партїи активнаго сопротивленїя и Союза Освобожденїя. Мы не знаемъ, какимъ образомъ попалъ въ эту тѣсную компанїю делегатъ восьмой организаціи—латышской с.-д. рабочей партїи. Всѣ эти партїи и группы единогласно пришли къ известнымъ заключенїямъ, къ которымъ присоединилась впоследствии и «Бѣлорусская социалистическая (?) громада». Делегатъ латышской социалдемократїи заявилъ, впрочемъ, что принимаетъ всѣ результаты конференціи ad referendum, т. е. подвергнетъ ихъ предварительному разсмотрѣнію и утвержденїю своей организаціи.

Заключенїя эти, поскольку конференція сочла возможнымъ ихъ опубликовать, сводятся къ слѣдующему, единогласно принятому, заявленїю (мы опускаемъ мотивировку):

«Ни одна изъ представленныхъ на конференціи партїй, соединяясь для согласованныхъ дѣйствїй, ни на минуту не думаетъ тѣмъ самымъ отказаться отъ какихъ бы то ни было пунктовъ своей программы или тактическихъ приѣмовъ борьбы, соответствующихъ потребностямъ, силамъ и положенїю тѣхъ общественныхъ элементовъ, классовъ или національностей, интересы которыхъ она представляетъ.

«Но въ то же время всѣ эти партїи констатируютъ, что слѣдующїе основные принципы и требованїя одинаково признаются всѣми ими:

1) Уничтоженїе самодержавїя; отмена всѣхъ мѣръ, нарушившихъ конституціонныя права Финляндіи;

2) Замена самодержавнаго строя свободнымъ демократическимъ режимомъ, на основѣ всеобщей подачи голосовъ;

3) Право національнаго самоопредѣленїя; гарантированная законами свобода національнаго развитїя для всѣхъ народностей; устраненїе насилїя со стороны русскаго правительства по отношенїю къ отдѣльнымъ націямъ.

«Во имя этихъ основныхъ принциповъ и требованїй, представленные на конференціи партїи соединятъ свои усилїя для ускоренїя не-

избѣжной гибели абсолютнама, одинаково несомнѣимаго съ достиженіемъ всѣхъ тѣхъ дальнѣйшихъ разнообразныхъ цѣлей, которыя ставитъ себѣ каждая изъ этихъ партій».

Таковъ новоявленный «блокъ», и это именно—«блокъ», а не что иное; ибо не отдѣльный политическій актъ, не отдѣльный моментъ текущей борьбы, а огромная задача цѣлаго историческаго періода—уничтоженіе самодержавія—связала на долгое время участниковъ конференціи общими узлами.

Таковы условия, на которыхъ сочла возможнымъ «согласовать» свои дѣйствія крайняя «лѣвая» буржуазной и націоналистической оппозиціи, и достаточно бѣлаго сопоставленія этихъ условий съ тѣмъ, что дѣлается на «правомъ», соприкасающемся съ умѣренной земскою фрондой, крыль той же оппозиціи, чтобы увидѣть, что «средняя линія», на которой сошлись разнообразные элементы, и тутъ и тамъ болѣе или менѣе одинакова. Да иначе и быть не могло: ибо передъ нами не два разныхъ «блока», не двѣ разныхъ группировки, а одна сплошная цѣль объединившейся буржуазной оппозиціи всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, отъ блѣднорозоваго г. Гейдена до ярко-краснаго г. Гарденина.

Мы напрасно стали бы искать въ тѣхъ «основныхъ принципахъ» и требованіяхъ, которые договаривающіяся группы сочли возможнымъ взять за общую «скобку», «крайнихъ» демократическихъ требованій, еще такъ недавно блиставшихъ въ качествѣ «ближайшихъ» въ программахъ кое-какихъ изъ участвовавшихъ въ конференціи партій: ни требованіе народовластія, ни требованіе прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, ни требованіе созыва учредительнаго собранія не нашли себѣ мѣста въ тѣхъ «общихъ пунктахъ, которые могутъ послужить основой для согласованнаго дѣйствія въ данный историческій моментъ», какъ выражается протоколъ конференціи. Иначе говоря, та общая, дѣйствительно, а не мнимо «ближайшая» цѣль, на достиженіи которой—конечно, сохраняя цѣликомъ (въ самомъ дальнемъ чуланѣ) свои «идеалы», конечно, ничѣмъ не жертвуя изъ своей «программы»!—готовы соединить свои практическія усилія участники конференціи, есть ограниченная монархія при условіи всеобщей (но не больше) подачи голосовъ. «Средняя линія», получившаяся въ результатъ помѣси освобожденцевъ съ чистыми націоналистами съ одной стороны и «крайними» социалистами, столь недавно съ презрѣніемъ отвергавшими самую мысль о «буржуазной» революціи и требовавшими, если не «соціальной», то, по меньшей мѣрѣ, «трудовой», съ другой—эта «средняя линія»—въ результатъ хамическаго процесса ассоціаціи на конферен-

ция—оказалась ниже уровня освободителей самих по себе! Въ самомъ дѣлѣ: въ томъ же «Листкѣ» гдѣ напечатаны рѣшенія конференціи, «Союзъ Освобожденія» заявляетъ, что «прежде всего признаетъ существенно необходимымъ положить въ основаніе политической реформы принципы всеобщей, равной, тайной и прямой подачи голосовъ». Въ основу «блока» легли тѣ минимальныя требованія, которыя сочли возможными принять наиболѣе отсталые элементы изъ участниковъ конференціи.

Не зачѣмъ, конечно, говорить, что мы и отъ буржуазной демократіи требуемъ большаго. Не зачѣмъ говорить, что мы требуемъ отъ нея программы, включающей въ себя всю полноту демократическихъ гарантій, и видимъ постыдную намѣну дѣлу свободы въ той «скромности», которую обнаружили участники соглашенія. И тѣмъ не менѣе... тѣмъ не менѣе мы готовы отъ всей души привѣтствовать начавшійся процессъ внесенія ясности во взаимныя отношенія борющихся съ абсолютизмомъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ.

Разрушеніе иллюзій—это прогрессъ несомнѣнный, а такихъ иллюзій не мало пришлось разрушить или, по меньшей мѣрѣ, поставить на надлежащее мѣсто для того, чтобы положить основаніе новому «блоку».

Одна изъ крупныхъ заслугъ конференціи это—вовлеченіе разрозненныхъ національныхъ теченій въ русло общероссійской борьбы. И въ этомъ знаменательномъ фактѣ сказываются съ очевидностью революціонныя плоды реакціонной «обручительной» политикѣ самодержавія. Впервые финляндская оппозиція открыто выходитъ изъ тѣсныхъ рамокъ Великаго Княжества и ставитъ финляндскій вопросъ, какъ вопросъ всероссійскаго освобожденія. Впервые національ-демократы польской «Ligi Narodowa», доселѣ враждебно относившіеся ко всякой мысли о союзѣ съ русской оппозиціей, рѣшаютъ присоединить свои усилія къ общерусской борьбѣ противъ абсолютизма и признать, такимъ образомъ, польскій вопросъ частью все того же всероссійскаго вопроса о низверженіи стараго порядка; и по тому же пути пошли и армянскіе націоналисты «Дрошакъ». Впервые національ-соціалисты П. П. С., такъ недавно еще ставившіе непрѣмнымъ условіемъ даже частныхъ соглашеній съ россійскими социалистами обязательство со стороны послѣднихъ активно содѣйствовать возстановленію независимости Польши и клеветавшіе на русское движеніе, впервые эти неутомимые сепаратисты соглашаются объединить свою борьбу съ борьбою русской оппозиціи.

И что характерно для этой партіи, претендующей на званіе со-

ціалістической, это та легкость, съ которою она отказалась отъ своихъ закоренѣлыхъ предразсудковъ, лишь только почувствовала себя въ родной буржуазно-демократической стихіи. Куда дѣлся тотъ скептицизмъ и невѣріе по отношенію къ русскому революціонному движенію, которые обуревали П. П. С., пока это движеніе являлось ей лишь въ образѣ партіи пролетаріата? Куда дѣлось то предостереженіе о «вредѣ» «всероссійскихъ» программъ, которое косялось передъ П. П. С. при зарожденіи еврейскаго рабочаго движенія? Куда дѣлась вѣра, что «политическая самостоятельность Польши» есть «единственно вѣрная гарантія народныхъ правъ»? П. П. С. ищетъ теперь этой гарантіи въ политическомъ освобожденіи Россіи и, соединяясь ради этой цѣли съ русской буржуазной демократіей, она довольствуется тѣмъ признаніемъ права на самоопредѣленіе, котораго ей казалось такъ безконечно мало въ программѣ — *minimum* демократіи социальной. Нечего и говорить, что мысли о превращеніи грядущей революціи въ «соціальную» далеко-далеко улетѣли отъ П. П. С. на заграничной «конференціи». И мы приветствуемъ это начало выступленія буржуазно-демократической партіи въ ея неприкрытомъ буржуазно-демократическомъ видѣ. Нѣсколькими двусмысленными «соціалистами» меньше—это выгода для дѣла социализма, для дѣла развитія классоваго сознанія пролетаріата; нѣсколькими хорошими буржуазными демократами больше—это выгода для дѣла демократіи, а только черезъ демократію можетъ пройти рабочій классъ къ своей великой цѣли... Лишь бы эти эксъ-соціалисты становились хорошими демократами; пока этого про нихъ, какъ мы видимъ, сказать еще нельзя...

Не будемъ останавливаться на однородной эволюціи «грузинской партіи социалистовъ-федералистовъ-революціонеровъ», этомъ убождѣ чуть не десятка направленій, совмѣстившихся въ парѣ лицъ; при дружескомъ содѣйствіи и покровительствѣ г. г. социалистовъ-революціонеровъ, эта «партія» бывшихъ анархистовъ благополучно и безъ лишнихъ замедленій прослѣдовала подъ сѣнь демократической буржуазіи, какъ тому и слѣдуетъ быть.

Еще съ большей стремительностью, чѣмъ П. П. С., спѣшатъ на дѣлѣ обросить «соціалистическій» плащъ социалисты-революціонеры. Не забывшій разглагольствованій о «трудоустройствѣ», не буржуазной революціи, кievскій комитетъ ихъ «партіи» еще мечтаетъ, что вотъ-вотъ «начнется свѣтлая эра социализаціи», а уже рука г. Гарденина вынесла «за скобку» признаніе въ качествѣ общей ближайшей цѣли простого приспособленія, хотя бы и не «революціоннаго», политическихъ формъ къ буржуазному строю общества. А въ «Смыслъ Отечества» на-

свідники «незабвеннаго учителя» соц.-рев., Н. Михайловскаго, откровенно заявляютъ, что «соціальныя противорѣчія должны быть на время забыты», и даже «крестьянскій вопросъ» трактуютъ лишь какъ вопросъ «о дарованіи крестьянину общихъ правъ». Куда дѣлась священная «соціализація», изъ-за которой столько копій ломали г. г. соц.-рев.? Еще юный «союзъ учащихся соц.-рев.» кричитъ «долой буржуазію», а въ это самое время сознающіе «непримиримую вражду» между «арміей труда» и «всѣми другими партіями» вожди социалістовъ-революціонеровъ доверчиво вкладываютъ свою руку въ дружески протянутую имъ руку самой доподлинной «буржуазіи». Еще вновь образовавшаяся минская группа, помня старые ловушки и старыя фразы, поучаетъ «всѣхъ гражданъ», будто историческій «обманъ» народа буржуазіей заключался именно въ томъ, что «народу дано право выбирать очень малое число представителей», а въ это самое время «партія», вступая въ «блокъ», не требуетъ даже признанія со стороны всѣхъ участниковъ его права народа на прямое и равное представительство съ имущими классами!

Мы рады, что соц.-рев. вступили, наконецъ, на тотъ путь, на которомъ они единственно плодотворно могутъ использовать свои силы для дѣла политической свободы; мы рады, что они начинаютъ выбрасывать за бортъ весь тотъ вздоръ о «соціализаціи», «трудоваго революціи», о необходимости для буржуазіи «трепетать» отъ ихъ социалістическихъ доблестей, который они съ такимъ упорствомъ городили цѣлые годы, напрасно дробя силы буржуазной демократіи и внося дезорганизацію и путаницу въ то дѣло развитія классоваго сознания и организаціи пролетаріата, которому посвящаетъ себя социалдемократія; мы надѣемся, что они и дальше съ такою же рѣшительностью пойдутъ по пути слиянія съ родственными имъ теченіями и, вмѣстѣ со своею симферопольскою группою, признаютъ, что, по крайней мѣрѣ, «до тѣхъ поръ, пока Россія не раскрѣпощена отъ ц. рабства», имъ надлежитъ «выступать, какъ революціонерамъ политическимъ», отложивъ свои «соціалістическія» стремленія до лучшихъ временъ. Мы рассчитываемъ, что своему центральному органу и всѣмъ своимъ комитетамъ, группамъ и союзамъ они посовѣтуютъ послѣдовать честному примѣру симферопольской группы и делегаціи на конференціи и перестать, наконецъ, болтать тѣ невыносимыя глупости о «соціализмѣ», которыя заполняютъ ихъ листки. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, узаконить «двойную бухгалтерію», какъ принципъ партійной дѣятельности ¹⁾.

¹⁾ И особенно нельзя, вступивъ уже въ „буржуазный“ блокъ, умалчивать объ этомъ, какъ дѣлаетъ только что вышедшій № 55 „Рев. Росс.“, и кричать

И когда с.-р.—ы все это сдѣлають, когда они внесуть единство во всѣ свои дѣйствія и станутъ тѣмъ, чѣмъ должны быть, т. е. добрыми демократами, тогда у насъ не будетъ причинъ сохранять и столь обижавшую ихъ резолюцію нашего II съѣзда. Тогда мы и съ ними сможемъ вступать въ отдѣльныхъ случаяхъ въ такія же временныя соглашенія, какія считаемъ возможными по отношенію къ другимъ лѣвымъ фракціямъ буржуазной демократіи. Но мы напомнимъ гг. с.-р.—амъ, что для этого надо быть добрыми демократами; мало одного устраненія изъ ихъ программы требованій, «затемняющихъ классовое сознание рабочаго класса»; нужно еще, чтобы ихъ лозунгомъ борьбы вездѣ и всегда служило «всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право», а они и этого лозунга не сумѣли обезпечить при своемъ вступленіи въ «блокъ». Правда, первые шаги трудны; быть можетъ, поэтому, на первыхъ порахъ своего шествіанія по открытому пути буржуазнаго демократизма, с.-р.—ы оказались—увь!—плохими демократами; но все же отъ «трудовой революціи» прямо къ монархической конституціи, съ возможностью даже двух-и трехстепенныхъ выборовъ,—скачекъ черезчуръ смѣлый!

Таковъ новоявленный «блокъ» и, привѣтствуя его, какъ несомнѣнный шагъ впередъ, мы все же не можемъ не констатировать крайней убогости того политическаго сredo, которое послужило его основой; тѣмъ болѣе, что даже эти минимальныя требованія, несмотря на круговую поруку всѣхъ участниковъ, не вездѣ и не всегда проводятся. Мы уже подчеркивали отсутствие хотя бы особаго мнѣнія «освобожденцевъ» насчетъ избирательнаго права въ резолюціяхъ земскаго съѣзда. И если г. Водовозовъ (какъ пишутъ изъ Кіева) полагаетъ, что изъ «резолюціи» путемъ «косвенныхъ уликъ» можно вычитать хотя бы только всеобщее избирательное право, то, во-первыхъ, это неправда ¹⁾, а, во-вторыхъ, мы думаемъ, что резолюціи пишутся не для того, чтобы умалчивать о требованіяхъ, а для того, чтобы высказывать ихъ. Да, кромѣ того, памятная «освобожденская»

о необходимости «для рабочихъ, для социалистическихъ элементовъ составить прочный социалистическій блокъ». Что это значитъ? Хотятъ-ли г.г. соц.-рев. засѣдать въ двухъ «блокахъ» сразу, быть именниками и на Онуфрія и на Антопа, или они уже откровенно сами не причисляютъ себя къ «социалистическимъ элементамъ» и даютъ лишь благожелательные совѣты намъ, социалдемократамъ?

¹⁾ Насчетъ представительства въ органахъ самоуправленія, напримѣръ резолюція прямо оговариваетъ, что требуетъ лишь «по возможности» привлеченія «всѣхъ наличныхъ силъ», хотя по п. 7 «политическія права» должны быть «равны».

прокламація («Народъ и война»), ни единымъ словечкомъ не заикающаяся о всеобщемъ избирательномъ правѣ, достаточно показывается, насколько серьезно считаютъ себя связанными взаимными обязательствами участники «блока». И для насъ несомнѣнно, что, пока буржуазная демократія однимъ бокомъ прислоняется къ умѣренному либерализму, пока она ставитъ себѣ задачу слить въ одно цѣлое все отгнѣны буржуазной оппозиціи, до самыхъ умѣренныхъ включительно, до тѣхъ поръ нечего и думать о расширеніи предѣловъ ея «демократизма», ни даже о томъ, чтобы общепризнанный на конференціи минимумъ серьезно и настойчиво проводился въ жизнь. Интересамъ единства и «гармоническаго» сочетанія въ сѣхъ теченій неизбежно будутъ приноситься въ жертву и демократизмъ программы, и революціонность тактики.

Мы были своевременно увѣдомлены о созывѣ конференціи и своевременно же, по соглашенію съ другими пятью социалдемократическими организаціями, выработали мотивированный отказъ принять въ ней участіе. Мы не знаемъ, почему партія «Пролетаріатъ» не довела до свѣдѣнія конференціи свой отказъ ¹⁾. И совершенно непостытельнымъ, съ нашей точки зрѣнія, является участіе въ конференціи, хотя и не присоединившагося еще къ ея рѣшеніямъ, но и не протестовавшего противъ нихъ открыто, делегата латышской С.-Д. Р. П. Мы полагаемъ, что самъ нашъ латышскій товарищъ чувствовалъ, какии рѣзкимъ диссонансомъ является присутствіе, вопреки общему рѣшенію социалдемократовъ, представителя пролетарской организаціи посреди этихъ, чуждыхъ пролетаріату, элементовъ.

Социалдемократія — единственная партія, ведущая принципиально выдержанную политику, единственная партія, у которой «конечная цѣль» является не ни къ чему не обязывающимъ на практикѣ субъективнымъ «идеаломъ», предназначеннымъ для прикрытія убогости и ограниченности цѣли «ближайшей», не средствомъ для наигрыванія на идеалистическихъ стремленіяхъ удовлетворяемыхъ массъ, а конкретной исторической задачей, неразрывно связанной со всей текущей борьбой и опредѣляющей формы и частныя цѣли ея; социалдемократія ни въ коемъ случаѣ и ни ради какихъ ближайшихъ задачъ не можетъ связать себѣ рукъ. Какъ бы ни казалось, на первый взглядъ, что «блокъ» ни къ чему не обязываетъ, что онъ не

¹⁾ Центр. Ком. Бунда („Посл. Извѣстія“ № 202) заявляетъ, что отвѣтъ Бунда на предложеніе участвовать въ конференціи „заповѣдалъ по независимымъ отъ Бунда причинамъ“. Но мы не понимаемъ, почему Ц. К. Бунда, вопреки условію, не публикуетъ текстъ этого „отвѣта“.

урѣзываетъ «программъ» и оставляетъ полную «свободу дѣйствія» всѣмъ участникамъ соглашенія, на самомъ дѣлѣ это не такъ. И лучше всего можно видѣть это на примѣрѣ спеціалистовъ по части всякихъ «блоковъ»—Жореса и Прессанса. Вѣдь, по ихъ словамъ, и участие во французскомъ «блокѣ» ради «общей» цѣли—поддержанія республики и демократической свободы—«ни къ чему не обязываетъ». И мы охотно вѣримъ господамъ Жоресу и Прессансу, что они тоже сохраняютъ «всю полноту социалистическаго идеала». Но, увы! Политическая борьба ведется не на небесныхъ высотахъ жоресовскихъ «идеаловъ», а на презрѣнной землѣ; и, какъ бы непорочны ни были идеальные помыслы социалистическихъ «блокаровъ», эта непорочность не мѣшаетъ имъ, ради «общей ближайшей цѣли», какъ мы видѣли это еще на-дняхъ, ни защищать систему шпіонства и доисовъ, ни вогтирывать кредиты на поддержаніе милитаризма, ни даже ассигновать народныя деньги на «секретные фонды», предназначенныя для покупки и политическаго сыска. Такова неумолимая логика «ближайшей цѣли», не связанной неразрывными узами съ цѣлью конечной. Пусть думаетъ Жоресъ, что строгая вѣрность принципамъ, это лишь—«формальныя соображенія»; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго для оппортуниста, у котораго принципъ и дѣло, теорія и практика ничѣмъ не связаны другъ съ другомъ. Но что сказать о другомъ защитникѣ «удивительной и неуязвимой формы блока», г. Прессансѣ? Этотъ господинъ, посылающій свои «привѣтствія» всѣмъ казненнымъ, навшимъ отъ солдатскихъ пуль, сосланнымъ и заключеннымъ жертвамъ деспотизма, огромное большинство которыхъ боролось и борется подъ знаменемъ социалдемократіи, смѣетъ намекать, что къ новому «блоку» не примыкаютъ лишь «нездѣльные доктринеры, непримиримостью прикрывающіе свою трусость»!.. Социалдемократія можетъ презрѣніемъ отвѣтить на инсинуаціи этого сотрудника сомнительно-социалистической «Humanité» и несомнѣнно капиталистическаго «Temps».

Социалдемократія не можетъ, подобно участникамъ конференціи, думать, что «полная свобода дѣйствій для всѣхъ партій не только не противорѣчатъ, но, напротивъ, находится въ полной гармоніи съ ихъ намѣреніями координированнаго дѣйствія». Нѣтъ, «свободы дѣйствій» мы допустить не можемъ. Не измѣняя дѣлу пролетаріата, мы не можемъ допустить, чтобы націоналисты всѣхъ видовъ звали рабочій классъ положить всѣ свои силы на поддержаніе націоналистическихъ тенденцій; мы не можемъ допустить, чтобы «освобожденцы» обманывали пролетаріатъ вадорными сказками о томъ всеобщемъ благоденствіи, которое наступитъ, будто бы, на другой день послѣ завоеванія

освобождения; мы не можем допустить затемнения классового сознания пролетариата мещанскими утопиями, насчет всевозможных «социализаций» и «коопераций», и внесения дезорганизации в дело его классового сплочения; и больше всего мы не можем допустить такой постановки вопроса о задачах рабочего класса в политическом освобождении России, при которой вся его роль сводится к «облегчению начинаний либералов» и «помощи им», какъ выражается все тотъ же несравненный Прессансе.

И такъ какъ ни одна буржуазная партія, не переставъ быть буржуазной, не можетъ отказаться ни отъ своихъ представлений о роли и значенія народныхъ массъ въ политической борьбѣ, ни отъ своихъ методовъ и средствъ борьбы, то именно потому для социалдемократіи никогда и ни при какихъ условіяхъ невозможны прочныя и продолжительныя союзы съ буржуазными партіями. Такіе союзы, всегда вносящіе принципиальную путаницу и тѣмъ самымъ стирающіе грань между пролетариатомъ и крайними элементами буржуазіи, могутъ имѣть реальную цѣнность лишь тогда, когда, по счастливому выраженію «Рев. Рос.», «выносятся за скобку общій множитель»: но, естественно, что этотъ «множитель», эта реальная величина, которая признается «общей цѣлью», есть программа той изъ входящихъ въ соглашеніе единицъ, которая требуетъ минимума. Соединить на этомъ «минимумѣ» максимумъ усилій—вотъ единственное оправданіе и единственный смыслъ «блока», если только онъ не остается простой игрушкой. И если бы даже участники «блока» этого не вознавали, то логика собитій очень скоро научитъ ихъ этой политической азбукѣ.

Не съ вѣтру взятая субъективная фантазія, не пылкость революціоннаго темперамента, не субъективные идеалистическіе порывы продиктовали намъ нашу программу—минимумъ; классовые интересы пролетариата, интересы развитія его сознания и организаціи въ цѣляхъ скорѣйшаго и полнаго освобожденія его отъ капиталистической эксплуатаціи, требуютъ, чтобы въ данный историческій моментъ мы добивались не постепеннаго реформированія самодержавно-крѣпостническаго государства, а революціонной перестройки всего общественнаго зданія на основахъ полной демократизаціи. При такой постановкѣ вопроса, социалдемократію связывали бы по рукамъ тѣ скромныя цѣли, которыя признавали себѣ «общими» участники «блока». И каждый разъ, какъ на очередь встанетъ вопросъ о длительномъ союзѣ съ буржуазными партіями, социалдемократія должна будетъ отвѣчать на него отрицательно. Временное соглашеніе, допускаемое на извѣстныхъ условіяхъ, не имѣетъ ничего общаго съ такимъ союзомъ. Временное

соглашеніе имѣетъ предметомъ одинъ, точно опредѣленный актъ, заранѣе обсужденный и взвѣшенный всѣми участниками соглашенія, и кончается съ окончаніемъ этого акта. Блокъ—обнимаетъ рядъ дѣйствій, растянутыхъ на періодъ времени неизвѣстной продолжительности. Соглашеніе заключается во имя опредѣленнаго дѣйствія, блокъ—во имя общей цѣли, которой затѣмъ должны быть подчинены всѣ дѣйствія. Каждый отдѣльный актъ борьбы противъ абсолютизма, каждый отдѣльный эпизодъ ея можетъ стать для насъ предметомъ соглашенія, но «соглашеніе», содержаниемъ котораго является самая огромная изъ текущихъ историческихъ задачъ въ ея цѣломъ, для насъ невысказано. Такое соглашеніе связало бы насъ по рукамъ и ногамъ на долгій періодъ и имѣло бы смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если бы социалдемократія отказалась отъ мысли въ самомъ процессѣ борьбы за уничтоженіе абсолютизма развивать классовую организацію пролетаріата.

Но если даже взглянуть на дѣло съ столь любезной противникамъ «доктринерства» практической точки зрѣнія, то нѣтъ сомнѣнія, что вступленіе социалдемократіи въ «блокъ» было бы пагубно для дѣла свободы. Являясь лишь крайнимъ звеномъ той цѣпи, начало которой заложено въ «земскихъ парламентахъ», социалдемократія сыграла бы въ этомъ случаѣ лишь роль развѣдочнаго отряда въ массахъ и возбудителя народнаго движенія, не окрашеннаго въ яркій классовый цвѣтъ. Мы уже слишкомъ много разъ говорили объ этомъ, чтобы надо было еще разъ пояснять, какъ, при такихъ условіяхъ, пролетаріатъ только облегчилъ бы умѣренныя «начинанія» либераловъ. А торжество этихъ «начинаній» означало бы лишь замѣву революціоннаго переворота затяжнымъ, и для «низшихъ» классовъ крайне болѣзненнымъ, процессомъ медленнаго отмиранія самодержавно-бюрократическихъ и крѣпостническихъ порядковъ.

И, наоборотъ, самостоятельное и активное выступленіе организованнаго рабочаго класса подъ знаменемъ социалдемократіи съ «крайними» демократическими лозунгами заставитъ всѣхъ и каждого, кто хочетъ найти опору въ народѣ, принять и отстаивать эти лозунги. И такъ какъ умѣренный либерализмъ уже на земскомъ съѣздѣ показалъ въ достаточной степени свою дряблость и безхарактерность, когда потребовались смѣлыя дѣйствія, то энергичное и послѣдовательное выступленіе партіи пролетаріата заставитъ всѣ демократическіе элементы буржуазіи принять и—что самое главное—провести въ жизнь политическіе лозунги социалдемократіи, и сдѣлаетъ ее центромъ тяготѣнія всего разношерстнаго радикализма.

Но для этого рабочая партія должна выступить на политическую арену въ полную мѣру своей мощи и силы. Незатѣмъ говорить, насколько содѣйствовало бы такому выступленію фактическое объединеніе всѣхъ пролетарскихъ организацій Россіи. Но, конечно—только пролетарскихъ. И мы не скажемъ вмѣстѣ съ «Vorwärts'омъ», что «даже» (bereits) это будетъ «огромнымъ успѣхомъ»; а скажемъ, что именно это, и только это, будетъ успѣхомъ дѣйствительнымъ.

Когда руководимый социалдемократіей рабочій классъ выпрямится во весь свой ростъ и скажетъ свое мощное слово—а событія въ Одессѣ Харьковѣ, Екатеринодарѣ, Саратовѣ и другихъ городахъ, какъ первые раскаты надвигающейся грозы, показываютъ, что это время не за горами,—тогда, и только тогда мы сможемъ облегченно сказать: дѣло свободы обезпечено! Прологъ революціи кончается, начинается революція!..

Ф. Данъ.

Основной грѣхъ либеральной программы.

(15 декабря 1904 г., № 80).

Ноябрьскій съѣздъ земскихъ представителей оставитъ крупный слѣдъ въ исторіи политическаго развитія Россіи. Резолюціи, принятые земскими дѣятелями на засѣданіяхъ 6, 7 и 8 ноября, являются не только первой внушительною манифестаціею имущаго русскаго общества противъ полицейско-самодержавнаго режима, но и впервые заявленною, опредѣленною программю либеральной партіи, медленно и трудно складывавшейся послѣдніе годы усердными стараніями буржуазной демократіи. Давно ожидаемая программа не получила, правда, достаточно точнаго и яснаго выраженія. Буржуазная демократія, кровно заинтересованная въ томъ, чтобы знамя либерально-демократическаго блока привлекло какъ умѣренные умы господствующихъ классовъ, такъ и бурныя силы народныхъ массъ, окутала туманнымъ покровомъ наиболѣе сомнительные пункты своей деклараціи и вообще, постаралась придать ей такую отвлеченную, алгебраическую форму, которая можетъ быть

наполнена самымъ различнымъ содержаніемъ. Однако, благовидная внѣшность скромной уклончивости оказалась не въ состояніи скрыть антинародную сущность земскихъ резолюцій. Ее выдаетъ не столько двусмысленность и намѣренная недоговоренность отдѣльныхъ положеній, сколько основная точка зрѣнія, строго и послѣдовательно выдержанная во всѣхъ одиннадцати членахъ либеральнаго символа вѣры.

Коренную причину ненормальности современнаго государственнаго порядка русская оппозиція видитъ въ томъ, что бюрократическій строй разобщаетъ верховную власть съ населеніемъ и порождаетъ между ними взаимное недоверіе. Между тѣмъ, «правильное теченіе и развитіе государственной и общественной жизни возможно лишь при условіи живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ народомъ». Поэтому либеральная программа считаетъ безусловно-необходимымъ для созданія и сохраненія этого живого и тѣснаго общенія и единенія между властью и обществомъ и для обезпеченія правильнаго развитія государственной и общественной жизни, «правильное участіе народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія, въ осуществленіи законодательной власти, въ установленія государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи». Эти разсужденія заключаютъ, какъ неизбежный логическій выводъ, безповоротное и окончательное уничтоженіе россійскаго абсолютизма; но онѣ съ тою же послѣдовательностью устанавливають, на мѣсть разрушеннаго абсолютизма, главныя основы новой политической системы, которая въ корнѣ отрицаетъ необходимую, съ демократической точки зрѣнія, полноту правъ народа.

Демократія принципиально признаетъ законодательную, верховную власть только за народомъ, который является самодержавнымъ властителемъ своихъ судебъ. Всѣ законы исходятъ отъ народа. Правительство представляетъ только исполнительную власть; оно не править, а управляетъ на точномъ основаніи законовъ, и за всѣ свои дѣйствія несетъ отвѣтственность передъ народомъ. Политическая программа либерально-демократическаго блока не признаетъ принципа народнаго суверенитета. Въ то время, какъ демократія требуетъ полной передачи верховной власти народу, либералы утверждаютъ, что главная ненормальность существующаго порядка заключается только въ разобщенности правительства съ населеніемъ, и настаиваютъ на дарованіи гражданамъ лишь известной доли въ тѣхъ правахъ, которыми обладаетъ самодержавная корона. Послѣдняя попрежнему остается источникомъ законовъ, главою законодательной и исполнительной власти и сохраняетъ свои священныя и мистическія полномочія. Ея воля ставится не только

рядомъ съ волей народа, но и надъ нею. Какъ училъ старый теоретикъ конституціонной монархіи, Штейнъ, санеціи монарха предоставляется выражать не одні потребности администраціи и не одну волю народнаго представительства, но и высшее ихъ соотношеніе.

При такихъ условіяхъ грядущая русская конституція, неожиданно даже для самихъ либераловъ, легко можетъ принести осуществленіе гнилой славянофильской теоріи, согласно которой царю должна принадлежать вся сила власти, а землѣ—вся сила мѣнныя. Но мѣнныя имѣетъ цѣнность лишь тогда, когда за нимъ стоитъ могущество власти. Если теорія признаетъ равноправность державныхъ функций короны и народа, то практика не считается съ необеспеченными правами. Корона, въ рукахъ которой сосредоточиваются государственныя средства, войско и бюрократія, которая обладаетъ законодательными полномочіями, неизбежно превратитъ въ декоративное учрежденіе народное представительство съ его скромнымъ правомъ участія въ законодательствѣ. Бумажныя конституціи европейскихъ монархій первой половины прошлаго вѣка служатъ неопровержимымъ историческимъ свидѣтельствомъ, какъ распределяется государственная власть между сильной короной и ничтожнымъ парламентомъ. И не только въ моменты острыхъ столкновеній между властью и народомъ монархическая конституція оказывается карточнымъ домикомъ, она не обезпечиваетъ народныхъ интересовъ даже въ обычное время, при нормальномъ теченіи государственной жизни. Признаніе народнаго суверенитета обусловливаетъ полную зависимость исполнительной власти отъ народа, въ лицѣ его представителей. Глава государства, формируя составъ исполнительныхъ органовъ, обязанъ призывать къ высшему управленію только членовъ парламентскаго большинства, выражающаго въ данный моментъ преобладающую народную волю. Монархъ—суверень не ограниченъ никакими обязательствами и назначаетъ министровъ страны по личному произволу и усмотрѣнію. Избраніе министровъ изъ членовъ парламентскаго большинства составляетъ неотьемлемую черту дѣйствительнаго парламентскаго правленія, которое основывается на солидарности правительства, если не съ народомъ—въ современномъ классовомъ обществѣ такой солидарности быть не можетъ,—то съ болѣе или менѣе широкими слоями населенія.

Въ Германіи и Австріи, гдѣ парламентаризма въ полномъ смыслѣ слова не существуетъ, гдѣ правительство не зависитъ отъ воли народныхъ представителей, борьба между властью и населеніемъ до сихъ не превращается и—рано или поздно—неизбѣжно должна закончиться провозглашеніемъ народнаго суверенитета. Но отсталые элементы

русского либерализма извлекли для себя из опыта западной Европы лишь тот урок, что конституционная монархія представляет лучшее средство для сохраненія привилегій, выросших из сословно-квѣстнаго строя, для сосредоточенія политической власти въ руках привилегированнаго меньшинства и для неограниченной эксплоатации верхними десяты тысячамъ широкихъ массъ населенія. Это стремленіе является реальной основой политики наиболѣе вліятельныхъ элементовъ земскаго либерализма. Дѣтище разнороднаго конгломерата, въ которомъ буржуазная демократія соединилась съ дворянской фрондой, — либеральная программа земскаго съѣзда должна была установить и установила политическія основы не только классоваго, но и олигархическаго угнетенія народа. Поэтому умолчаніе о всеобщемъ, прямомъ и равномъ для всѣхъ гражданъ избирательномъ правѣ вовсе не представляется разсчитаннымъ приемомъ Эзоповскаго языка и не погашается седьмою резолюціею, гласящею, что «личныя, гражданскія и политическія права всѣхъ гражданъ должны быть равны». Лживость этого заявленія лучше всего опредѣляется тѣмъ, что оно находится въ явномъ и не замаскированномъ противорѣчіи съ девятою резолюціею, которая высказываетъ требованіе, чтобы «къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи были привлечены по возможности всѣ наличныя силы мѣстнаго населенія». Участіе въ мѣстномъ самоуправленіи цѣликомъ входитъ въ область политическихъ правъ гражданъ, и, однако, либеральная программа, только что широкообѣщательно провозглашавшая политическое равенство, на первомъ же пробномъ камнѣ даетъ глубокую трещину и ограничиваетъ народныя права какою-то неопредѣленною «возможностью». То же ограниченіе, хотя и въ менѣе ясномъ видѣ, заключается въ послѣднемъ, столь превосходномъ по вѣщности, пунктѣ либеральной деклараціи, гдѣ выражается надежда, что «верховная власть призоветъ свободно избранныхъ представителей народа, дабы при ихъ содѣйствіи (!) вывести наше отечество на новый путь государственнаго развитія». Здѣсь не только отсутствуетъ всякій намекъ на суверенитетъ учредительнаго собранія, созваннаго для кореннаго обновленія русской жизни, но и «представители всего народа» подмѣнены «представителями народа». Въ политическихъ программахъ такіе «пропуски» означаютъ лишеніе политическихъ правъ миллионновъ рабочаго люда.

Эти основныя промахи либеральной программы вполне опредѣляютъ ея антинародный характеръ. Между тѣмъ, она — зрѣлый плодъ того либерально-демократическаго блока, который взлѣгали освободенцы и къ которому теперь примкнули социалисты — революціонеры, вступя

съ финляндскими, польскими, грузинскими и другими националистами. Такимъ образомъ, земская программа приобретаетъ на дѣлѣ значеніе объединенной платформы всѣхъ буржуазныхъ партій, стремящихся къ уничтоженію самодержавія. Поддерживаемый «революционными» партіями, либерально-демократическій блокъ явно пытается навязать свою программу великому освободительному движенію современной Россіи и исказить его возможные результаты. И только сознательное, самостоятельное и энергичное вмѣшательство революціонной социалдемократіи въ загорѣвшійся по всей линіи бой между старой и новой Россіей можетъ разстроить этотъ заговоръ противъ народа и обезпечить рабочему классу его необходимыя права. Когда на политической аренѣ появятся стройные ряды рабочихъ батальоновъ и рѣшительно оттѣснятъ съ авансценъ вялые и колеблющіеся элементы амушлага общества, тогда только отдѣльные ручьи народнаго недовольства сольются въ мощный и широкій революціонный потокъ, который бурнымъ порывомъ смететъ всѣ пережитки, такъ дорого стоящіе рабочему люду.

Н. Негоревъ.

Либеральный политикъ приготовительнаго класса.

(18 января 1905 года, № 84).

Шумъ либеральныхъ банкетовъ вскружилъ голову г. Струве. Редакторъ «Освобожденія», до сихъ поръ предписывавшій правила хорошаго поведенія двору, Витте и другимъ высокимъ особамъ, счелъ долгомъ осчастливить политическимъ совѣтомъ російскую социалдемократію.

Съ гордостью окидывая взглядомъ широкое конституціонное движеніе русской интеллигенціи, либеральный мудрецъ не придумалъ для русскихъ рабочихъ ничего лучшаго, какъ сослать ихъ въ «приготовительный классъ политическаго воспитанія».

По мнѣнію г. Струве, «революціоннаго народа въ Россіи еще нѣтъ»... «Русскій рабочий культурно отсталъ, забыть и (мы имѣемъ

въ виду, главнымъ образомъ, рабочихъ петербургскихъ и московскихъ) еще не достаточно подготовленъ къ организованной общественно-политической борьбѣ».

И г. Струве предлагаетъ социалдемократіи и освобожденцамъ соединиться и «всякими разумными средствами ускорить рожденіе» революціоннаго народа, которое, какъ любезно, но въ полномъ противорѣчій со своей основной мыслью, предсказываетъ г. Струве, можетъ послѣдовать каждую минуту.

Эти «разумныя средства» заключаются въ организаціи легальнаго профессиональнаго рабочаго движенія, которое, оставаясь формально не политическимъ, подготовитъ когда нибудь кадры для социалдемократической партіи. Русскіе социалисты и демократы должны сознательно наложить на себя постъ осторожности и оппортунизма, чтобы вовлечь рабочій классъ въ освободительную борьбу современной Россіи. Совѣты г. Струве опубликованы 6 января. 9 января «забитый» петербургскій пролетаріатъ, не успѣвъ освѣдомиться въ разумныхъ средствахъ, придуманныхъ для его политическаго воспитанія въ либеральной лабораторіи Парижа, поднялъ всама возстанія и требованіемъ Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права доказалъ, что онъ гораздо болѣе политически созрѣлъ, чѣмъ колеблющаяся демократія «Освобожденія». Жизнь наглядно обнаружила ничтожность политическихъ рецептовъ г. Струве, безопасно вскрыла убожество либеральной мысли. «Культурно отсталый» рабочій не только наполнилъ въ себѣ достаточно мужества и сознанія, чтобы отдать жизнь за требованіе полного освобожденія народа, но и сумѣлъ развить такое мощное движеніе, которое увлекло въ свой потокъ наиболѣе чуткіе элементы либеральной демократіи. Не петербургскіе либералы продиктовали петербургскимъ рабочимъ свою программу и свой планъ дѣйствій, но петербургскіе рабочіе заставили часть петербургскихъ либераловъ забыть, по крайней мѣрѣ на время, колебанія и жалкіе извороты и встать на путь революціонной борьбы.

Политическія разглагольствованія, опубликованныя г. Струве 6 января, въ корнѣ опровергнуты политическимъ дѣйствіемъ 9 января. Русскій рабочій однимъ ударомъ обратилъ въ ничто претензіи либераловъ на руководящую роль въ освободительномъ движеніи и раскрылъ политическую отсталость ихъ вождя.

Г. Струве до сихъ поръ посвящалъ свои силы политическому воспитанію высокородныхъ верховъ ямущаго русскаго общества. Для нихъ политическая программа приготавительнаго класса была вполне умѣстной, и въ качествѣ наставника политическихъ младенцевъ «Осво-

боженіе» недурно выполнило свои задачи. Но, когда г. Струве отрывается от родной почвы и пытается поучать пролетариатъ, мы имѣемъ право сказать ему словами поэта:

Танцуй свою „Дѣву Дузаа“,
Но въ носокъ оставь мужика!

Н. Негоревъ

Нѣчто о квалифицированныхъ демократахъ.

(10 марта 1905 г., № 92).

Нужно сказать правду: самый вредный типъ демократовъ, это—изъ бывшихъ марксистовъ.

Главные ихъ черты: непрерывная точащая и ноющая, какъ зубная боль, ненависть къ социалдемократіи. На нашей партіи они мстятъ за свое прошлое или можетъ быть за настоящее.

Марксизмъ безъ остатка выскоблилъ въ нихъ то естественное «нутро», безъ котораго, какъ ни ухитрайся, какими философскими медикаментами себя ни пользуй, все равно не становишь дѣльнымъ политическимъ радикаломъ. Они слишкомъ скептики, чтобы броситься въ революціонный авантюризмъ. Они слишкомъ мало связаны съ помѣщачьимъ землевладѣніемъ и слишкомъ «интеллигентны», чтобы раствориться въ земскомъ либерализмѣ. Они никогда, въ сущности, не знаютъ, что съ собой дѣлать. Они могутъ немножко и такъ, но могутъ немножко и этакъ. Даже самые дѣловитые и суетливые изъ нихъ являются, если приглядѣться, какими-то лишенными опредѣленныхъ вѣсцовъ политическими фланерами. До недавняго времени они шатались въ небесахъ философіи со скучающимъ видомъ (среди самыхъ бурныхъ интуизмовъ г. Бердяева слышались зѣвки), переходя отъ системы къ системѣ совершенно такъ же, какъ переѣзжаютъ съ курорта на курортъ. Марксизмъ ихъ повредилъ—нѣкоторыхъ на всю жизнь. Нравственная связь съ пролетариатомъ и его партіей, если и была когда то, порвалась совершенно, но полученная отъ марксизма способность подмѣчать въ политикѣ игру классовыхъ интересовъ со-

хранялась. И эта способность их преслѣдуетъ, она лишаетъ ихъ не только «энтузіазма», но и необходимаго минимума самоуваженія.

Освободивъ ихъ отъ демократическаго нутра и лишивъ возможности быть откровенными либералами, марксизмъ позволялъ имъ на все, и на свою собственную политическую позицію въ томъ числѣ, смѣтрѣть со стороны. Возьмите объективную роль освобожденской «демократіи»: состоитъ въ ординарцахъ при земскомъ либерализмѣ. А самооцѣнка: «мы рождены для вышшаго, но временно исполняемъ черную работу исторіи; когда все сіе совершится, мы обернемся еще другой, невѣдомой всѣмъ, стороной. А пока—не выщипте». И «пока» они разрѣшаютъ себѣ быть плохими либералами на томъ основаніи, что они не просто демократы, а демократы вышшаго квалифицированнаго типа.

Позиція со стороны позволяетъ имъ свысока третировать «Освобожденіе», и ихъ нѣсколько не стѣсняетъ при этомъ то, что они носятъ имя «освобожденцевъ».

Идея Струве—«довести правду до вышнихъ сферъ»? Конечно, мы согласны, что это плоское неприячіе!... Выкрики, что русская армія въ войнѣ съ Японіей «исполнитъ свой долгъ!»—разумѣтся, это недостойная и неумная спекуляція на повышеніе шовинизма.—Но какъ же вы молчите, господа? Вѣдь, это же вашъ органъ! Представьте себѣ, что наша «Искра» что нибудь въ этомъ же родѣ—въ одну сотую долю... вѣдь партія ее немедленно разнесла бы въ клочья! О, они себѣ это отлично представляютъ, но, вѣдь, именно потому то они насъ и не любятъ...

Ихъ политическая позиція—прикомандированныхъ къ земскому либерализму—не позволяетъ имъ «высказывать то, что есть», хотя они и видятъ и знаютъ, что есть. Они, можетъ быть, подавили бы въ себѣ, пока, голосъ марксистскаго анализа (все же не богъ вѣсть, какъ силенъ у нихъ этотъ голосъ!), еслибъ—не мы. Мы слѣдимъ все время за ихъ эволюціями, разъясняемъ имъ, какимъ путемъ они идутъ, предсказывали, куда придутъ. Мы безтактны, мы все вскрывали, мы разворачиваемъ гладко причесанныя резолюціи, ко всему предираемся, требуемъ прямыхъ отвѣтовъ. Неприятностей не оберешься...

«Настоящіе» либералы, т. е. болѣе или менѣе черноземнаго или мануфактурнаго происхожденія, тѣ насъ искренно и глубоко не понимаютъ,—и, разумѣтся, ни мало не ломаютъ себѣ надъ этимъ головы. Мы для нихъ вѣншее препятствіе, лучше было бы, еслибъ насъ не было,—но психологическихъ затрудненій мы для нихъ не создаемъ. Либеральные «дикіе помѣшники», вродѣ покойнаго Евренкова, счи-

таютъ насъ выродками, «анархистами» и башибузукми и, безъ сомнѣнія, вѣрятъ Суворину, что мы ведемъ свою родословную отъ Болотникова, который бунтовалъ въ смутное время, и что мы разбрасываемъ прокламаціи съ призывомъ «бить жидовъ и студентовъ», лишь бы произвести «по своему дѣлу шумъ». Болѣе просвѣщенные знаютъ, что социалдемократія—политическая партія, очень безпокойная, стремящаяся къ коммунизму, но все-таки партія, противъ которой, къ тому же, парламентарная Европа выработала цѣлый арсеналъ оборонительныхъ орудій.

Другое дѣло—освобожденскіе либералы («демократы») съ марксистскимъ прошлымъ, эти насъ понимаютъ,—понимаютъ, во всякомъ случаѣ что мы ихъ понимаемъ, и это вызываетъ въ нихъ крайне непріятныя внутреннія «переживанія» и—ненависть къ намъ.

Они всѣ очень воспитанные люди, вращаются въ лучшихъ мѣстахъ, утратили всякіе остатки радикальной угловатости,—и имъ кажется, или, по крайней мѣрѣ, они такъ говорятъ, что, будь мы воспитаннѣе, сдержаннѣе въ формѣ,—все было бы еще ничего. Но это, въ лучшемъ случаѣ, наивная иллюзія. Правда, нечего, грѣха таить, мы далеко не всегда блещемъ благовоспитанностью, и отъ тѣхъ или иныхъ дѣяній намъ, можетъ быть, безъ вреда для дѣла можно было бы и отказаться. Хорошій тонъ—хорошая вещь. Но суть не въ немъ. Не крикливый тонъ ненавидятъ они въ социалдемократахъ, а ихъ опредѣленность, «прямолинейность», упорство, самоувѣренность и—больше всего—политическую неподкупность. Смотрите, чего-чего только не совершили за послѣднее время либералы: кажется, слѣдовало бы хоть сколько нибудь «восчувствовать». Но нѣтъ, социалдемократы нисколько не растаяли. И это раздражаетъ и озлобляетъ. Ибо, восчувствуй мы, какъ слѣдуетъ быть,—выходило бы, что какъ будто позиціи «Освобожденія» оправданы.

Глухая ноющая обида на социалдемократію прорывается у нихъ на каждомъ шагѣ. «Освобожденіе», какъ ни старалось не полемизировать, но и у него сорвалось въ статьѣ противъ «Искры» почти злорадное заявленіе, что «революціоннаго народа» въ Россіи нѣтъ, что политически-сознательный пролетаріатъ, это—выдумка социалдемократіи. Освобожденцы изъ «бывшихъ» всегда и неизмѣнно констатируютъ съ злораднымъ чувствомъ наши промахи и недочеты, отсутствіе пролетаріата «въ самый нужный моментъ», и этимъ какъ бы оправдываютъ себя въ собственныхъ глазахъ: революціоннаго народа нѣтъ, какъ нѣтъ, а либералы все-таки... Именно все-таки.

Но революціонный пролетаріатъ явился—и притомъ «въ самую

нужную минуту». Освобожденцы это попробовали безпристрастно констатировать. Киевскій комитетъ ихъ, напริมѣръ, возвѣстилъ въ гектографированномъ листѣ, написанномъ тѣмъ специфическимъ слогомъ, какимъ «Русск. Вѣд.» пишутъ о преимуществахъ выборнаго начала предъ бюрократическимъ, что нынѣ къ требованіямъ всей земской и интеллигентной Россіи присоединился и пролетаріатъ, заслуги коего предъ освободительнымъ движеніемъ, впрочемъ, и въ прошломъ громадны. Что то въ этомъ родѣ. О социалдемократіи ни слова. Зато въ докладахъ и всякихъ публичныхъ и частныхъ заявленіяхъ именно бывшіе марксисты, игнорируя факты и политическую логику, утверждаютъ, что социалдемократія къ петербургскимъ событіямъ никакого отношенія не имѣла,—тамъ были: «Гапонъ и... мы», Гапонъ велъ, «мы» поддерживали. *C'est simple, comme bonjour!*

Помощь, которую рабочая партія получаетъ отъ либеральнаго «общества», ничтожна,—и главная доля вины за это падаетъ несомнѣнно на «освобожденцевъ». Именно они составляютъ ту прослойку, которая соединяетъ насъ съ «настоящими» либералами или, вѣрнѣе, отдѣляетъ насъ отъ нихъ. Освобожденцы, повидимому, старательно прививаютъ своимъ кліентамъ ту мысль, что рабочій классъ, это—одно («какая прелесть эти рабочіе!» пишетъ г-ну Струве его петербургскій корреспондентъ послѣ 9-го января), а рабочая партія это—совоѣмъ другое. Но самостоятельныхъ связей съ пролетаріатомъ въ его повседневной организационной работѣ у нихъ нѣтъ, соприкосновеніе создается только въ моменты крайняго подъема, какъ во время петербургскихъ событій, когда либералы черезъ освобожденцевъ давали деньги на стачечниковъ, а освобожденцы, вслѣдствіе этого, вообразили, что они, вмѣстѣ съ Гапономъ, руководятъ рабочимъ движеніемъ.

Конечно, не всѣ освобожденцы проходили черезъ марксизмъ, но приходится признать, что «марксисты» среди нихъ самыя вліятельныя, они задаютъ тонъ. И это тонъ политической разслабленности, какаго-то вымученнаго оппортунизма, на видъ ужасно реалистичнаго, а на самомъ дѣлѣ, совершенно доктринерскаго. Все, отъ надуманнаго Струве лозунга: «Да здравствуетъ армія!» и до имъ же надуманныхъ политическихъ яслей для пролетаріата (читай N отъ 6-го января)—какъ все это жизненно, умно, не правда ли? Замѣчательное дѣло! Если гдѣ нибудь интеллигенція, съ вѣсомъ и съ положеніемъ, какъ петербургскіе инженеры, певелится рѣзко, съ настроеніемъ, знайте,—тамъ у руля не квалифицированные демократы, а совершенно простые смертные...

Можно встрѣтить не мало народу, который, благодаря освобожден-

скими истолкователямъ, вѣрить, что земцы выдвинули вполне демократическую программу. Если вы займетесь, Вамъ отвѣтять: а седьмой пунктъ: политическія права всѣхъ гражданъ должны быть равны,— вѣдь, это и означаетъ ваше всеобщее, прямое, равное и тайное... Чего же вамъ еще? Многие такъ-таки искренно воображаютъ, что этотъ сакраментальный седьмой пунктъ (о которомъ, къ слову сказать, вся послѣдующая политическая практика земцевъ ничего не хочетъ знать) разъ навсегда долженъ зажать ротъ социалдемократіи. «Седьмой пунктъ» — высшее торжество освобожденцевъ; это индульгенція, которую они думаютъ отдѣлаться отъ отвѣта за прошлые и будущіе грѣхи. И когда стало ясно, что мы эту индульгенцію считаемъ просто фальшивымъ политическимъ документомъ, они ознакомились тѣмъ болѣе, что отлично знаютъ нашу правоту: недаромъ же они были на той кухнѣ, въ которой готовились знаменитыя земскія резолюціи.

Нельзя отрицать того, что освобожденцы оказали нѣкоторое влияние на либераловъ и легонько подтолкнули ихъ впередъ. Но успѣхи ихъ на этомъ поприщѣ имѣютъ скорѣе дипломатическій, чѣмъ политическій характеръ. Такіе успѣхи получаютъ отъ переговоровъ, увѣщаній, удачныхъ личныхъ комбинацій, благовременныхъ умолчаній, ловко просунутыхъ резолюцій, которыя означаютъ все и ничего.

Конечно, и личные комбинаціи, и увѣщанія, и переговоры совершенно неизбѣжны въ политикѣ, но это часть служебная. У освобожденцевъ же это — все, а частью служебной являются политическія деклараціи, программныя статьи, пункты седьмые и иные. Результаты такой политики прочны лишь до перваго испытанія. «Индивиды позволяютъ себя обманывать, классы — никогда».

Рескриптъ 18 февраля готовить квалифицированнымъ демократамъ тяжелый вкусъ. «Освобожденіе» еще совсемъ недавно (въ ту эпоху, когда въ Россіи еще «не было» революціоннаго народа) видѣло даже въ манифестѣ 12 декабря указаніе пути, по которому пойдетъ обновленіе Россіи: уступочка за уступочкой подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, освобожденское воспитаніе рабочихъ въ политической обстановкѣ, созданной уступочками, просвѣтительные комитетчики, — словомъ, программа «освободительной» казители, рассчитанная глѣть на 50. Съ этой, по-истинѣ орлиной, точки зрѣнія, рескриптъ 18 февраля открываетъ духъ захватывающіе горизонты. Оставалось бы только радоваться. Но дѣло въ томъ, что этотъ рескриптъ скоро и притомъ въ очень ясной, конкретной формѣ поставитъ передъ земцами вопросъ о сдѣлкѣ съ правительствомъ за счетъ самыхъ элементарныхъ и очевидныхъ интересовъ народа. На предложеніе правительства нужно

будетъ отвѣтить либо да, либо нѣтъ. Мы здѣсь еще не знаемъ, какъ отнеслось къ рескрипту «Освобожденіе». Но освобожденцы боятся. Они очень знаютъ, что «пунетъ седьмой» ноябрьскихъ революцій никого ни къ чему не обяжетъ. И отъ самихъ освобожденцевъ потребуется нѣчто болѣе определенное, чѣмъ софистическіе комментаріи къ рѣшеніямъ земскаго съѣзда. А орудій давленія у освобожденцевъ нѣтъ,—они заботились не о сплоченіи силъ (хотя бы одной интеллигентной демократіи!) для давленія на земцевъ, а о развращеніи (другого слова не подыщешь) политической совѣсти этой интеллигенціи безоговорочнымъ ольдованіемъ за земцами.

Испытаніе близко, уклониться отъ него отпизкой въ «Освобожденіи» не удастся. Господамъ квалифицированнымъ демократамъ придется признать политическую мораль: обмануть можно себя, но не исторію.

Н. Троцкий.

Трагедія либеральной души.

(17-го Марта 1905 г. № 93).

Въ февральской книжкѣ «Образованія» извѣстный земець, г. Николай Шишковъ очень яро, но и очень неудачно, полемизируетъ противъ помѣщенной въ декабрьской книжкѣ того же журнала статьи Н. Иорданскаго о «земскомъ либерализмѣ». Играя словомъ «народъ», подмѣняя этимъ словомъ два гораздо болѣе определенныхъ слова — «весь народъ», наирая на то, что земцы хлопотали будто бы только для народа, и замалчивая, что они всегда боялись дѣйствовать черезъ народъ, г. Шишковъ тщетно старается опровергнуть весьма неприятный, но и совершенно несомнѣнный фактъ: каждый разъ, когда до сихъ поръ передъ земцами вставалъ вопросъ—съ народомъ или безъ народа, они рѣшали его въ пользу второй половины диллемы, а при наличныхъ общественно-экономическихъ отношеніяхъ это значитъ не только «безъ народа», но и противъ него. Субъективное «народолюбіе» земцевъ, на которое ссылается г. Шишковъ, ничего не мѣняетъ

въ объективномъ положеніи дѣлъ. «Все для народа, ничего черезъ народъ» — этотъ девизъ принимали и такія общественныя силы, которыя врядъ ли даже г. Шашковъ заподозрять въ способности выражать дѣйствительные интересы всего народа...

Стихийное народное движеніе, проявлявшееся рядомъ вспышекъ, въ связи съ колоссальными потрясеніями, вызванными войной и дезорганизовавшими весь правительственный механизмъ, внушило земцамъ въ ноябрьскіе дни идею «народнаго» представительства. Январское выступленіе организованнаго и политически сознательнаго народа, въ лицѣ пролетарскихъ массъ, заставило ихъ выдвинуть идею представительства «всенароднаго». Всеобщее, равное, прямое избирательное право и тайное голосованіе стало тѣмъ дозунгомъ, безъ котораго почти немислимо въ настоящее время выступать передъ лицомъ страны съ «освободительными» программами. Но, если идея «народнаго» представительства, несмотря на пресловутый пунктъ 7-й (резолуціи ноябрьскаго земскаго съѣзда) о равенствѣ правъ всѣхъ гражданъ, пунктъ, въ который такъ много старались «втолковать» и подъ которымъ такъ много хотѣли «подразумѣвать» не по разуму усердные сторонники «объединенія» всѣхъ «революціонныхъ» силъ, если, несмотря на этотъ пунктъ, идея «народнаго» представительства могла облечься въ плоть и кровь въ видѣ пожеланій губернскихъ земскихъ собраній, требовавшихъ лишь представительства земствъ, то, разумѣется, еще меньше гарантій, чтобы земцы и идущія въ дружескомъ единеніи съ ними силы не постарались уклониться отъ навязанной имъ революціей идея представительства все народнаго.

Если выступленіе народа городовъ, пролетаріата, политическому воспитанію котораго была посвящена неустанная двадцатилѣтняя работа социалдемократіи, нѣсколько ослабило навремя исконную болянь народа въ кругахъ земскаго либерализма, не причастнаго непосредственно къ эксплуатаціи промышленныхъ рабочихъ, то послѣдующія событія заставили снова слытѣе зазвучать струну этой боляни. «Черныя сотни», организованныя правительствомъ, какъ ни малочисленъ, въ сущности, ихъ составъ, напомнили о тѣхъ темныхъ и неизслѣдованныхъ низахъ народа, гдѣ гнѣздятся поработенныя и невѣжественныя массы, не знающія, куда направить порожденный крайней степенью нищеты и угнетенія протестъ, и потому способныя, хотя бы временно, служить орудіемъ реакціи. А выступленіе на сцену крестьянства, въ своемъ неформившемся еще движеніи одинаково равнодушно вырубавшаго лѣса и дикаго реакціонера и либеральнаго «друга народа», снова обострило кое въ комъ то безпокойное чувство страха передъ

народомъ, которое основывается на прорывающихся севозъ самый толстый слой сентиментальнаго «народолюбія» классовыхъ противорѣчій между крупнымъ помѣщичьимъ землевладѣніемъ и мелкой, сопряженной съ кабалой, крестьянскою собственностью.

Необходимость выкинуть знамя всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права съ одной стороны, и тайная, по необходимости же тщательно скрываемаая, боязнь этой системы избирательнаго права, съ другой—вотъ разыгрывающаяся на этой почвѣ современная трагедія либеральной души. Эта трагедія тщательно скрывается отъ нескромныхъ чужихъ взоровъ, сами герои ея всѣми силами пытаются увѣрить другихъ, а, быть можетъ, и самихъ себя, въ личности у нихъ твердаго убѣжденія, что всеобщее избирательное право—это «единственно справедливое выборное начало» ¹⁾, основанное на «выводахъ государственной науки» ²⁾ и пр. и пр. Но «сомнѣнія и опасенія», терзающія душу либерала при мысли о томъ, что Ахеронтъ ворвется въ область «государственнаго строительства», почти инстинктивно заставляютъ его искать обходныхъ путей, чтобы какъ нибудь отсрочить наступленіе этого часа испытаній. Удовольствовавшись въ ноябрѣ «идеей» народнаго представительства, онъ хотѣлъ бы теперь сдѣлать «идею», и только «идею», представительство всенародное. Онъ хотѣлъ бы, чтобы «единственно справедливое» и пр. всеобщее избирательное право было «той формой, къ которой нужно стремиться» (Четвериковъ), чтобы оно было чѣмъ-то вродѣ прекраснаго идеала, свидѣтельства на искренность «народолюбія», но только не задачей сегодняшняго дня. И не рѣшаясь высказать этого прямо, либеральная мысль старается отвлечь вниманіе на подготовку «условія» для «разумнаго осуществленія всеобщей, тайной подачи голосовъ» (Четвериковъ), на необходимость «перевоспитать» народъ, на всевозможныя «неудобства» отъ немедленнаго введенія всеобщаго и прямого избирательнаго права, словомъ, на неизбежность «погодить», а «пока что» довольствоваться менѣе «спрзведливыми» и менѣе «научными» выборными системами. Къ сожалѣнію, надо признать, что иронія «Гражданина» (№ 20), рассказывающаго объ «интеллигентахъ», «изъ страха передъ народомъ» «сочинившихъ планъ конституціи съ тремя палатами», далеко не лишена основанія. Запутавшіеся въ задачахъ «подготовленія» и «воспитанія» либеральные про-

¹⁾ Сергій Четвериковъ. Народные избранники. Русскія Вѣдомости № 65.

²⁾ В. Кузьминъ-Караваевъ. Основы всенароднаго представительства въ Россіи. Русь № 59.

жектеры, понимающие необходимость такъ или иначе дать хоть иллюзію сытости народнымъ «волкамъ» и въ то же время желающие во что бы то ни стало сохранить въ полной цѣлости и неприкосновенности либеральныхъ «овецъ», додумываются до такихъ чудовищныхъ системъ, которыя вполнѣ стоятъ «трехъ палатъ».

Образчикомъ этихъ трусливо-нелѣпныхъ проектовъ могутъ служить уже цитированныя нами двѣ статьи. А если у кого нибудь осталось бы еще сомнѣніе насчетъ истинныхъ причинъ, заставляющихъ г.г. Четвериковыхъ, Кузьминыхъ-Караваевыхъ и прочихъ народолюбцевъ утруждать себя столь тяжеловѣскими измышлениями, то тому г-нъ Четвериковъ говоритъ вполнѣ ясно: «достаточно напомнить, что въ Россіи значится 88 губерній и областей, что выборы хотя бы одного крестьянина отъ губерніи дали бы крестьянскій элементъ въ народное собраніе въ числѣ 88-и человекъ, т. е. группу людей, по своей численности могущихъ склонить вѣсы въ ту или другую сторону при разрѣшеніи цѣлой массы вопросовъ, имъ чуждыхъ и по ихъ развитію даже мало доступныхъ». Sapienti sat! И мы, конечно, можемъ спокойно предоставить г.г. Шишковымъ писать панегирики трогательной любви къ «мужичку» г. Четвериковыхъ.

Г. Четвериковъ хочетъ санкціи «народнаго совѣта», какъ «необходимаго условія для проведенія въ жизнь cadaго правительственнаго проекта и новаго законоположенія», но въ то же время настаиваетъ на необходимости «не нарушать прерогативъ верховной власти». Озабоченный надлежащимъ «воспитаніемъ» народа для такой колоссальной задачи, онъ придумываетъ какіе-то «совѣщательные и избирательные комитеты», въ которыхъ «представители отъ крестьянскихъ обществъ, выбираемые по одному отъ пяти волостей» (какова пропорція?!), и «представители отъ рабочихъ союзовъ» потонутъ въ сонмѣ всякихъ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, предсѣдателей земскихъ управъ, городскихъ головъ, представителей духовенства, гласныхъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ, думъ, представителей университетовъ, биржевыхъ обществъ, комитетовъ мануфактуръ и торговли и пр. и пр.—всего до 150 человекъ, которые и будутъ «воспитывать» мужиковъ и пролетаріевъ и выбирать депутатовъ въ «народный совѣтъ». Почтенный изобрѣтатель этихъ «воспитательныхъ» комитетовъ самъ вынужденъ признаться, что «постановка дѣла» у него очень «сложна». Но зато какія выгоды! Во-первыхъ, къ избранію привлечены «все» — крестьяне («по одному отъ пяти волостей!») и рабочіе (отъ «союзовъ!»), а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и крестьяне и рабочіе лишены, впрямь до прохожденія полнаго курса выучки подъ руководствомъ г.г. Чет-

веряковыхъ, возможности выбирать собственныхъ представителей для рѣшенія «чуждыхъ» имъ дѣлъ. Зато народолюбивый авторъ предоставляетъ имъ полную возможность: 1) «приглядѣться», какъ рѣшаются «государственные вопросы» господа, и 2) «подавать свой вѣскій, по численности (!), голосъ въ пользу того кандидата, который въ совѣщательныхъ засѣданіяхъ комитета высказалъ бы полное пониманіе крестьянскихъ или рабочихъ нуждъ». Ну, а если такого «кандидата» съ «полнымъ пониманіемъ» не найдется, то «черному народу» предоставляется полное право на своихъ бокахъ испытывать, что корень ученія и въ «воспитательныхъ комитетахъ» либераловъ бываетъ горекъ.

Какъ видимъ, г. Четвериковъ очень ужъ «простъ», и патентованный либераль, земець, гласный думы, профессоръ, и генераль Кузьминъ-Караваевъ его безъ труда заткнетъ за поясъ. Но и его «подготовительные» проекты шиты бѣлыми нитками, и основная мысль ихъ—лишить полноты представительства рабочихъ и крестьянъ—совершенно ясна. Забавна уже самая формулировка тѣхъ причинъ, которыя заставляютъ г. К.-К. «поступаться» «отвлеченною справедливостію», и для него олицетворяемою всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ избирательнымъ правомъ. Совершенно вѣрно, что «успѣшность выборовъ» предполагаетъ «политическую агитацію», «предвыборную борьбу» и «образованіе партій». Но, конечно, эта «предвыборная борьба» не должна тянуться такъ ужъ «долго», какъ это предполагаетъ г. Кузьминъ-Караваевъ, ибо «политическая агитація» ведется уже и теперь, и «партіи» тоже существуютъ, и именно въ процессъ «предвыборной агитаціи», а не внѣ ея, онѣ будутъ крѣпнуть и окончательно оформливаться. Если г. Кузьминъ-Караваевъ хочетъ сказать, какъ это вполне основательно можно предположить по разсѣяннмъ въ его статьѣ замѣчаніямъ, что «крайнія» партіи организованы лучше, чѣмъ «умѣренныя», то такъ и надо было прямо говорить. Тогда было бы уже совершенно ясно, къ чему клонять почтенный профессоръ, умудряющійся на протяженіи 20 строкъ говорить, что «полицейскіе окрики и мѣры всегда приводятъ къ торжеству того, кому мѣшаютъ и не позволяютъ говорить», и въ тоже время жаловаться, что именно благодаря «окрикамъ», «мѣшавшимъ говорить» г. Кузьмину-Караваеву, «восторжествовали» почему-то не его мнѣнія, а «крайнія сужденія».

Не болѣе въ серьезъ можно принять и мнѣніе г. К.-К., что, благодаря отсутствію у насъ извѣстныхъ широкимъ слоямъ «политическихъ дѣятелей», голоса разобьются, Иванъ будетъ выбирать Петра, а Петръ Ивана и пр. Политическая извѣстность очень быстро создается при политической агитаціи и предвыборной борьбѣ, и если «опасенія»

единомышленниковъ г. К.-К. серьезны, то имъ лучше всего не изыскивать способы устроить «хорошіе» выборы при ея отсутствіи, а требовать, и настойчиво требовать немедленнаго созданія условій, обеспечивающихъ полную свободу агитаціи. Тогда не придется терзаться и тѣмъ, что изъ-за раздробленія голосовъ «представительство», посланное фактически «десятой, двадцатой, сотой частью избирателей будетъ дискредитировано въ глазахъ всѣхъ и вся». Но намъ, признаться, это терзаніе либеральнаго генерала не кажется слишкомъ серьезнымъ. Насколько намъ извѣстно, г. Кузьминъ-Караваевъ такъ мало чувствовалъ себя «дискредитированнымъ» въ качествѣ гласнаго тверскаго земства и петербургской думы, что свободно выступалъ отъ имени народа и даже заявлялъ, будто «теорія всеобщаго избирательнаго права совершенно непримѣнима къ земскому самоуправленію»¹⁾. А любопытно было бы знать: какая именно «часть» населенія тверской губерніи или города Петербурга «послала» г. Кузьмина-Караваева въ гласные?

Истинная основа проектовъ либеральнаго земца вовсе не въ этихъ мнимыхъ затрудненіяхъ, а совсѣмъ въ другомъ. «Идея государственнаго всеединства затуманена въ сознаніи идее й единства классоваго и групповаго (курсивъ нашъ),— вотъ гдѣ лежитъ причина сомнѣній и опасеній», говоритъ онъ съ тѣмъ, чтобы черезъ столбецъ сказать, что «рабочіе—единственный (курсъ нашъ) рѣзко обособленный классъ въ современной русской группировкѣ», и такимъ образомъ признаться, что именно «адея классоваго единства» пролетаріата внушаетъ ему «сомнѣнія и опасенія».

Г. К.-К. знаетъ, что «рабочіе—сила», и потому, конечно, и не думаетъ уже о томъ, чтобы вовсе лишить ихъ представительства. Приурочивая выборы депутатовъ къ земствамъ и городскимъ думамъ, соответственно «пополненнымъ» крестьянами и квартироустроителями, онъ создаетъ для рабочихъ «спеціальную групповую избирательную единицу», предоставляя имъ «въ большихъ городахъ и въ негородскихъ фабрично-заводскихъ центрахъ» выбирать «одного или нѣсколькихъ представителей». Дѣло сводится, такимъ образомъ, для К.-К., какъ и для Четверикова, къ ограниченію представительства рабочихъ, къ ихъ «изоляцияціи», не позволяющей имъ стать центромъ притяженія для всѣхъ слоевъ «униженныхъ и оскорбленныхъ» и привлечь себѣ на службу интеллигентные элементы нерабочей среды. Словомъ, именно противъ социалдемократіи направлены всѣ замышленія г. К.-К.: понимая невозможность лишить рабочихъ всякаго представительства, онъ старается поставить его въ такія рамки, чтобы оно было представительствомъ

¹⁾ Кузьминъ-Караваевъ. Земство и деревня, стр. 254.

интересовъ отдѣльныхъ группъ рабочихъ, а не рабочаго класса. Ради этой-же цѣли г. К.-К. предоставляетъ рабочимъ выбирать «каждое лицо, пользующееся правомъ голоса въ данномъ территориальномъ районѣ» (курс. нашъ). Такое ограниченіе было бы прямо направлено противъ того интеллигентнаго пролетаріата, изъ рядовъ котораго вербуются часть социалдемократической интеллигенціи, в который, гнѣздясь по «комнатамъ», не попадетъ, конечно, въ тѣ квартирананимательскія «общенія», черезъ которыя, по проекту К.-К., интеллигенція только и можетъ стать «пользующеюся правомъ голоса».

Можно было бы «по человечеству» простить г. К.-К. это, столь естественное для него, стремленіе урѣзать права классоваго рабочаго движенія. Но отвратительно то лицемеріе, съ которымъ эти антипролетарскіе и антидемократическіе проекты обосновываются мнимымъ опасеніемъ за самихъ рабочихъ, которые будто бы при всеобщемъ и пр. избирательномъ правѣ потонуть въ рядахъ другихъ избирателей и потому не будутъ въ состояніи послать своихъ представителей. Либеральный профессоръ не останавливается даже передъ явно нелѣпымъ утвержденіемъ, будто «рабочіе на Западѣ не замыкаются такъ глухо отъ другихъ слоевъ населенія, какъ у насъ». А если принять во вниманіе, что невозможность немедленнаго введенія всеобщаго и пр. голосованія К.-К. объясняетъ, какъ мы видѣли, прежде всего отсутствіемъ политической организованности, вслѣдствіе чего-де «разобьются» голоса, и что, съ другой стороны, по его же словамъ, «у рабочихъ имѣется чрезвычайная сплоченность и крѣпкая внутренняя организація», то совершенно очевидно, что не отсутствія представительства рабочихъ, а чрезмѣрнаго представительства ихъ опасается народолюбивый земець ¹⁾.

Но страхъ либеральной души передъ народомъ распространяется не на однихъ только рабочихъ. Крестьяне находятъ не больше благоволенія въ очахъ ея. А такъ какъ у крестьянъ нѣтъ той «чрезвычайной сплоченности» и «организаціи», какъ у пролетаріата, то съ ними, естественно, можно церемониться гораздо меньше. И К.-К. попросту засовываетъ крестьянъ избирателей въ земства, гдѣ они тоже могутъ преимущественно «приглядываться». Правда, сохраняя со-

¹⁾ Слѣдующіе слова Витте («Новости», № 55) показываютъ степень и характеръ организованности рабочихъ: «Коммиссія (Шидловскаго) была сорвана, главнымъ образомъ, благодаря политическимъ вождямъ социалдемократіи... Одобрять дѣйствія «крайнихъ» партій въ рабочихъ неурядицахъ положительно никто не можетъ, хотя нельзя не признать, что партіи эти дѣйствуютъ вполне организованно».

словное обособленіе крестьянъ (и это надо замѣтить!), онъ предлагаетъ «нынѣшнихъ крестьянъ-гласныхъ» въ земствѣ замѣнить «выборными отъ волостей». Но не самъ ли г. К.-К. мотивировалъ въ свое время «непримѣнимость» всеобщаго избирательнаго права въ земствахъ зависимою крестьянъ отъ земскихъ начальниковъ и другихъ властей? Такимъ образомъ, и «выборные отъ волостей» будутъ выбраны несвободно, да, вдобавокъ, еще совершенно потонуть въ массѣ другихъ гласныхъ. А на исчезновеніе «земскихъ начальниковъ» и прочихъ представителей «твердой власти» либеральный земецъ даже и не рассчитываетъ. Однимъ изъ главныхъ аргументовъ противъ всеобщаго избирательнаго права у него и сейчасъ служить «немыслимость перевоспитать въ короткое время губернаторовъ и особенно земскихъ начальниковъ».

Отложить всеобщее избирательное право до тѣхъ поръ, пока г.г. Кузьмины-Караваевыи удастся «перевоспитать» и народъ и «губернаторовъ», значитъ, дѣйствительно, довольствоваться чистой и де е й «всенароднаго» представительства. Но, спрашивается: зачѣмъ-же «перевоспитывать» бурбоновъ самодержавной бюрократіи. Не проще-ли смѣстить ихъ? Но въ томъ-то и бѣда либеральной души, что «смѣстить» ихъ можетъ только революція, а господинъ Кузьминъ-Караваевъ, подобно г. Четверикову, «всю надежду» возлагаетъ на «слиянiе царя съ народомъ». Въ этой боязни революціи—другое выраженіе все той-же трагедіи либеральной души, боящейся народа. И оно показываетъ, какъ боязнъ народа толкаетъ часть земскаго либерализма прямо въ объятiя реакціи.

Г.г. Кузьмины-Караваевы и имъ подобные нападаютъ въ тылъ освободительному движенію и облегчаютъ демагогическія затѣи правительства. И если бы судьба свободы зависѣла только отъ нихъ, то можно поручиться, что и конституція осталась бы однимъ «сметаніемъ». Но, къ счастью, дѣло революціи находится въ надежныхъ рукахъ пролетаріата, и въ своемъ поступательномъ движеніи она заставитъ все болѣе и болѣе широкіе круги либерализма и демократіи идти съ народомъ, такъ какъ идти противъ него будетъ равносильно обреченію себя на погибель вмѣстѣ съ отмирающимъ режимомъ. До полнаго крушенія абсолютизма трагедія либеральной души должна будетъ все чаще и чаще, хотя бы и нехотя, разрѣшаться въ прямое пособничество революціи.

Ф. Данъ.

Дворянская партія.

(5 апрѣля 1905 года, № 96).

Періодъ революціонныхъ демонстрацій и всеобщихъ стачекъ, начавшійся 9-го января, закончился къ тому моменту, когда рескриптъ Булыгину засвидѣтельствовалъ міру, что самодержавіе готово, при случаѣ, вступить въ переговоры о капитуляціи. Съ этого момента начинается періодъ спѣшной организаціи общественныхъ силъ, готовящихся принять то или другое участіе въ выработкѣ условій созыва народныхъ представителей и самой избирательной комиссіи. Московскій съѣздъ земцевъ сплываетъ земскую дѣву. Съѣздъ адвокатовъ, врачей, профессоровъ, цѣлый рядъ всероссійскихъ и областныхъ съездовъ представителей свободныхъ профессій закладываютъ основаніе для политическаго объединенія всѣхъ элементовъ радикальной демократіи.

Рядомъ съ этими партіями, игравшими до сихъ поръ въ жизни «общества» доминирующую роль, идетъ образованіе новыхъ политическихъ соединеній. Изъ стана оппозиціи и изъ стана консерваторовъ отлагаются различныя группы, освобождающіяся изъ-подъ опеки того или другого «блока» для того, чтобы болѣе самостоятельно выступить на политической аренѣ съ своимъ собственнымъ программнымъ отѣтникомъ. Земско-дворянская правая выдѣляетъ прежде всего пресловутыхъ предводителей, разразившихся своимъ знаменитымъ политическимъ манифестомъ, который, надо признать, встрѣтилъ гораздо болѣе суровое осужденіе со стороны реакціи, на встрѣчу которой повернули предводители, чѣмъ со стороны либераловъ и демократовъ, противъ которыхъ они выступили прямо. Манифестъ дворянскихъ предводителей, этотъ характерный отвѣтъ дворянства на начавшееся аграрное движеніе, является первой попыткой вчера еще оппозиціонной группы остановить революціонное движеніе въ самомъ началѣ и приступить къ новой концентраціи социально-охранительныхъ силъ, такъ безжалостно разсѣянныхъ въ разныя стороны бурнымъ процессомъ революціонной логики и быстрымъ ходомъ внутреннего разложенья существующаго порядка. Увы! реакціонныя иллюзіи такъ же мало способны остановить ходъ общественнаго развитія, какъ иллюзіи революціонныя—ускорить его. Безсильные оживить абсолютизмъ, вожди

дворянства только вносят своей легкой критикой существующаго лишняго «смуту» въ атмосферу всеобщаго недовольства и вызываютъ противъ себя острое возмущеніе въ монархическомъ лагерѣ.

Навстрѣчу предводителямъ идетъ «партія земскихъ предателей», группа «шиповцевъ», подчинившаяся 6—7 ноября прошлаго года большинству земскаго съѣзда, но теперь находящая моментъ благоприятнымъ для выполненія своей исторической миссіи—стать центромъ тяготѣнія для тѣхъ землевладѣльческихъ элементовъ, которымъ «твердая» монархическая власть столь же необходима для охраны ихъ привилегій и ихъ классовыхъ интересовъ, сколько неудобна для нихъ громоздкая бюрократическая машина, вѣвъ которой—увъ!—немыслима эта твердая власть. Съ другой стороны, навстрѣчу предводительской «партіи» идетъ та высшая столичная аристократія, которая имѣла во главѣ достаточно опозоренныхъ рыцарей ордена Шлеве—вродѣ Стишинскаго и Штюрмера—и теперь восчувствовала необходимость готовиться къ организованной общественной борьбѣ на новой аренѣ и начала складываться, какъ сообщаютъ газеты, въ «конституціонную правую». Для воѣхъ этихъ, по существу, консервативныхъ элементовъ рескриптъ 18-го февраля представляетъ болѣе или менѣе полную программу, исчерпывающую ихъ стремленія въ области «реформъ». И если у самодержавной бюрократіи хватятъ еще на столько ловкости, чтобы состряпать какой-нибудь «булыгинскій парламентъ», она пріобрѣтетъ болѣе надежную и солидную опору, чѣмъ та, которую ему могутъ доставитъ недѣльные «ташкентцы» и дикіе помѣшники «Московскихъ Вѣдомостей».

Не безъ разсчета на эту новую опору, правительство увеличало безконечный рядъ «совѣщаній» и «комиссій», разрабатывающихъ «назрѣвшія реформы» новымъ «особымъ совѣщаніемъ», объ образованіи котораго сообщаетъ рескриптъ отъ 30-го марта на имя тайнаго совѣтника Горемыкина. Исходя изъ того, что «въ нѣкоторыхъ (1) внутреннихъ губернияхъ Имперіи хозяйственное положеніе крестьянскаго сословія въ значительной степени поколеблено», рескриптъ признаетъ необходимымъ «незамедлительно приступить къ изысканію средствъ для устраненія этого прискорбнаго явленія». При этомъ рекомендуется, какъ «непремѣнное условіе», «охраненіе частнаго землевладѣнія отъ всякихъ на него посягательствъ». Въ программѣ «Совѣщанія» намѣчается «облегченіе возможности переселенія» и «завершеніе отграниченія крестьянскихъ надѣловъ отъ земель прочихъ владѣльцевъ, дабы тѣмъ самымъ въ ящшимъ образомъ утвердить въ народномъ сознаніи убѣжденіе въ не-

прикосновенности всякой частной собственности».

Как видите, новое совѣщаніе едва ли не будетъ занято гораздо больше вопросомъ объ охранѣ помѣщичьяго землевладѣнія противъ «всякихъ на него посягательствъ», чѣмъ нуждами «крестьянскаго сословія». Совѣщаніе Горемыкина, свѣдѣющее собой слишкомъ «либеральное» совѣщаніе Витте о сельскохозяйственной промышленности, упраздненное въ тотъ же день 30-го марта, должно попробовать «отписаться» отъ крестьянскаго движенія мелкими «улучшеніями». Нечего и говорить, что вліяніе его «трудовъ» на дѣйствительную жизнь будетъ не большимъ, чѣмъ вліяніе работъ комисіи Коконцева по рабочему вопросу. Являясь новымъ свидѣтельствомъ неутомимости бюрократіи по части изобрѣтеній новыхъ рецептовъ для излеченія общественныхъ недуговъ, рескриптъ 30 марта сыграетъ одну только роль—возбудитъ новые толки въ крестьянской средѣ и, слѣдовательно, усилитъ волненія въ ней.

Задача—осуществить крестьянскую «реформу» «при непремѣнномъ условіи сохраненія частнаго землевладѣнія отъ всякихъ на него посягательствъ» является, по существу своему, задачей противорѣчивой. Реформа, въ которой нуждается крестьянство, какъ сословіе, есть, прежде всего, освобожденіе крестьянской земельной собственности, до сихъ поръ полукрѣпостной.

Внѣ созданія свободнаго крестьянства немислимо укрѣпить его «поколебленное хозяйственное положеніе». А освободить крестьянскую собственность и крестьянское хозяйство немислимо безъ «посягательствъ» на священное право собственности помѣщичьей. Вотъ почему крестьянство въ своемъ стремленіи къ устраненію пережитковъ крѣпостнаго права и къ улучшенію своего матеріальнаго положенія, является въ настоящее время потенциально-революционнымъ. Вотъ почему, вопреки во всемъ реакціоннымъ предразсудкамъ и иллюзіямъ, налипшимъ на крестьянское движеніе, оно не можетъ не кончить рѣзкимъ столкновеніемъ съ существующимъ государственнымъ порядкомъ, слишкомъ тѣсно связаннымъ съ «частнымъ землевладѣніемъ», чтобы отказаться хоть на время отъ охраны его противъ «посягательствъ».

Н. Негоревъ.

Въ погонѣ за союзами.

(23 апрѣля 1905 года, № 98).

Соціалдемократія имѣетъ, какъ извѣстно, привилегію возбуждать великую нелюбовь и даже ненависть со стороны всѣхъ другихъ политическихъ партій, всегда единодушныхъ, когда дѣло идетъ о нападкахъ на социалдемократическую партію. Партія пролетаріата, впервые нашедшая ключъ къ сердцу и а р о д н ы хъ массъ, впервые сумѣвшая пробудить и воспитать ихъ политическую мысль, организовать и мобилизовать ихъ на почвѣ ототавванія ихъ классовыхъ интересовъ, для борьбы противъ существующаго режима и тѣмъ дать реальную опору для борьбы всѣхъ слоевъ образованнаго «общества», эта партія не перестаетъ подвергаться самымъ ожесточеннымъ нападкамъ со стороны свободолюбивыхъ элементовъ этого самаго «общества».

Еще въ послѣднемъ номерѣ «Р. Р.» (№ 64) г. «Бывшій социалдемократъ» нашелъ въ себѣ достаточно вкуса, чтобы использовать въ этомъ направленіи противъ социалдемократіи отрывки изъ «недоконченной рукописи» И. П. Каляева, приговореннаго теперь къ смертной казни. О, конечно, г. В. С. сдѣлалъ это «не для полемики съ социалдемократами!» Но намъ кажется все же весьма характерной эта ненависть къ социалдемократіи, заставляющая даже дань удивленія передъ героизмомъ облекать въ форму полемики противъ «Искры». Вѣдь не пришло же въ голову г. В. С. противопоставить революціонность настроенія Каляева, ну, скажемъ, хоть «постепеновщикѣ» того «Освобожденія», съ которымъ «Революціонная Россія», послѣ парижскаго брака и до сихъ поръ—официально, по крайней мѣрѣ,—не развелась! Очевидно, очень ужъ досадила всѣмъ ужасная грѣшница—социалдемократія! И самымъ ходячимъ упрекомъ противъ нея, несомнѣнно, является обвиненіе въ помѣхѣмъ всевозможнымъ «координированнымъ» дѣйствіямъ, во внесеніи раскола и раздробленія въ ряды оппозиціи, въ ослабленіи дружнаго «натиска» на правительство и пр., и пр.

Было счастливое время, когда трогательное согласіе и единеніе господствовали почти на всемъ полѣ оппозиціонной журналистики. Отъ отца выѣзшихъ соц.-рев. — «Русскаго Богатства» — до праматери выѣзшихъ «умѣренныхъ» купеческой и земской линіи — «Вѣстника Европы» — царилъ одинъ и тотъ же неопредѣленный сѣро-розовый цвѣтъ, въ которомъ тонули всѣ оттѣнки политической мысли и всѣ разногласія.

Но было ли это единение признакомъ силы оппозиціи? Нѣтъ; оно служило неопровержимымъ доказательствомъ ея слабости; оно подчеркивало чисто оборонительную позицію, которую — и то съ сомнительнымъ успѣхомъ — приходилось занимать всѣмъ «прогрессивнымъ» элементамъ. Отсутствие политическаго дробленія оппозиціи и мирное сожителство всего оппозиціоннаго лагеря означали ничто иное, какъ малую практическую цѣнность политическихъ программъ. «Идеаль» — политическая свобода — былъ такъ далекъ, что было совершенно излишне опредѣлять конкретнѣе свое отношеніе къ нему. Можно было довольствоваться самыми туманными формулами, благодаря туманности своей объединявшими всѣхъ.

Выступление пролетаріата въ срединѣ девяностыхъ годовъ показало правильность расчетовъ социалдемократіи. Оно же впервые предъявило оппозиціонному «обществу» оппозиціонный «народъ» и тѣмъ самымъ повысило шансы оппозиціи вообще. Политическая свобода начала выступать изъ окутывавшаго ее тумана и приобретать болѣе опредѣленные очертанія. Вместе съ тѣмъ предъ всѣми оппозиціонными группами предстала необходимость соответственно усилить и опредѣленность своей политической позиціи. Эта большая опредѣленность означала повышение силы оппозиціи. Но она же означала начинающееся дробленіе ея. Изъ-подъ покрововъ общаго сходства всѣхъ оппозиціонныхъ группъ, основывавшагося на отрицательномъ отношеніи ихъ къ существующему режиму, начали выглядывать, хотя сначала и весьма слабо, индивидуальныя фивіономіи, индивидуальность которыхъ обуславливалась взглядами на методы и цѣли положительной политической борьбы.

Внимательный анализъ показалъ бы, что уже въ эту эпоху, подъ влияніемъ первой волны пролетарскаго движенія, намѣтились общими штрихами всѣ тѣ направленія, которыя теперь, на нашихъ глазахъ, консолидируются въ политическія партіи. Первый же натискъ рабочаго класса на существующій государственный порядокъ, натискъ, въ значительной степени стихійный, воздѣйствовалъ на оппозиціонное «общество» такимъ образомъ, что «раскалывалъ» его, одновременно повышая совокупность его силъ и оппозиціонности. Роль социалдемократіи, истолковывавшей историческій смыслъ стихійнаго движенія рабочихъ массъ, показывавшей его социальныя корни и вѣроятное будущее, сводилась въ этомъ отношеніи лишь къ ускоренію и интенсификаціи этого процесса, одновременнаго и неразрывно связаннаго другъ съ другомъ нарастанія силы оппозиціи и ея расколенія.

Въ томъ же самомъ направленіи шло воздѣйствіе рабочаго движенія и его авангарда—соціалдемократіи—на либерализмъ и демократію и втеченіе всего остальнаго періода, отдѣляющаго насъ отъ середины 90-хъ годовъ. Съ ростомъ рабочаго движенія и усиленіемъ его классоваго характера, выражающимъ растущую опредѣленность тѣхъ задачъ, которыя онѣ себѣ ставятъ, растутъ и надежды на возможность политическаго переворота въ Россіи; изъ области «мечтаній» конституція переходитъ въ область совершенно очевидной возможности. А вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ опредѣленность политической физиономіи оппозиціонныхъ группъ, растетъ ихъ сила и ихъ «дробленіе».

Разумѣется, литературная критика соціалдемократіи, являвшаяся лишь отраженіемъ фактической критики рабочаго движенія, казалась, какъ кажется и до сихъ поръ, либерально-демократическимъ группамъ, черпавшимъ изъ этого самаго движенія свои силы, досаднымъ нарушеніемъ гармоніи и единства въ борьбѣ съ самодержавной бюрократіей. Не понимая того процесса, который толкалъ ихъ впередъ, онѣ или отрицали свою эволюцію, или считали ее плодомъ самопроизвольнаго развитія и роста своей политической мысли. И въ каждый данный моментъ своего развитія онѣ требовали «единенія» на основѣ достигнутаго ими уровня. Отсюда—любовь къ туманнымъ и неопредѣленнымъ формуламъ, которыя, поскольку онѣ относились къ будущимъ формамъ политической свободы и социальныхъ преобразованій, могли выразить все, что угодно, или ничего; и отсюда же—великая нелюбовь къ соціалдемократіи, которую сама классовая позиція ея заставляла ставить политическіе вопросы все въ болѣе и болѣе острой и опредѣленной формѣ и создавать такимъ образомъ реактивъ для опредѣленія классовой природы всѣхъ другихъ оппозиціонныхъ группъ.

Въ высшей степени характерно, что соціалдемократія первая работала себѣ программу, опредѣленно и ясно формулирующую не только конечныя, но и ближайшія цѣли ея. Въ томъ вопросѣ объ уничтоженіи абсолютизма и политической свободѣ, по отношенію котораго и раздается все болѣе сѣтованій насчетъ дробленія силъ, соціалдемократія первая сказала въ точныхъ и конкретныхъ терминахъ, чего именно она хочетъ. И до самаго послѣдняго времени (мы оставляемъ въ сторонѣ окраины и націоналистическія партіи) соціалдемократія одна только имѣла программу, такъ что, въ сущности, одна только соціалдемократія и была политической партіей; всѣ прочія оппозиціонныя и революціонныя группы были и остались лишь на-

правленіями, формулюювавшими только общіе штрихи своей дѣятельности и своихъ цѣлей.

Это отсутствіе программъ и дало возможность чуть не накануне переживаемаго нами революціоннаго періода, уже успѣвшаго такъ безошадно обнажить классовую подоплеку многихъ «народолюбивыхъ» направленій, поставить на очередь вопросъ объ «объединеніи» силъ. «Освобожденіе» объявляло въ это время, что русское освободительное движеніе «не носитъ на себѣ печати классовой ограниченности», а «соціалисты» «Рев. Россіи» (№ 54, стр. 6) увѣряли, будто «крайняя лѣвая конституціоналистовъ» «уже теперь» выражаетъ «гласно нѣкоторыя симпатіи къ социализму»!

Попытка «объединенія» удалась. Парижскій «блокъ» и ноябрьскій земскій съѣздъ—это, въ сущности, одна непрерывная цѣпь, такъ какъ освобожденцы, принимавшіе участіе и здѣсь и тамъ, служили соединительнымъ звеномъ.

Правда, с.-р-ы хвалились, будто своимъ «блокомъ» имъ удалось отдѣлать «такіе элементы, которые чужды специфическимъ классовымъ интересамъ аграрно-буржуазнаго ядра и тяготеютъ ко многимъ тенденціямъ социалистической демократіи» (это г. Струве-то!), элементы, которые якобы не желаютъ вести никакихъ переговоровъ съ правительствомъ о «взаимодѣйствіи» съ нимъ для «умиротворенія страны», («Р. Р.», № 56, стр. 6) и т. п. Но, во 1-хъ г. Струве теперь уже печатно заявилъ, что «разговаривать» съ правительствомъ онъ пересталъ не въ эпоху «блока», а лишь послѣ 9-го января, а во 2-хъ «Р. Р.» (№ 55, стр. 2—3) сумѣла втолковать массу прекрасныхъ вещей (въ томъ числѣ и всеобщее в пр. избирательное право) и въ резолюціи земскаго съѣзда, удивляясь лишь въ своей неизреченной наивности, почему это у земцевъ явилась «странная мысль—говорить лишь далекими намеками въ вопросѣ, который для рабочихъ массъ имѣетъ самое жгучее значеніе! Такимъ образомъ очевидно, что, по признанію самихъ с.-р-овъ, политическая платформа «блока» и земскаго съѣзда была, въ сущности, одна и та же. Желанное «единеніе» было достигнуто, и можно было позволить себѣ двойной залпъ ругательства по адресу «узости», «доктринерства», «сектантской нетерпимости» социал-демократіи, которая одна оставалась теперь за порогомъ святилища объединенной оппозиціи.

Торжество «единенія» продолжалось, однако, недолго. Не успѣлъ еще «блокъ» совершить ни единого дѣйствія, какъ грянула январьская буря и однимъ ударомъ разрушила такъ старательно возведенное зданіе. Если до январьскихъ событій рабочій классъ, поскольку движеніе его

было стихийнымъ и не обращалось непосредственно противъ абсолютизма, игралъ, въ значительной степени, лишь роль разрушительной и дезорганизующей правительственный механизмъ силы, то теперь положеніе измѣнилось. Начиная съ 9-го января, все большая и большая часть рабочаго класса ставитъ себѣ сознательной цѣлью борьбу не только за политическую свободу вообще, но и за опредѣленныя, конкретныя формы ея, именно тѣ, которыя намѣчены въ программѣ социалдемократіи. Такое открытое выступленіе широкихъ массъ на непосредственную борьбу и знаменуетъ собой начало революціи. Политическая свобода и связанная съ ней социально-экономическія преобразованія становятся, такъ сказать, осознательными. Выдвигается рядъ социально-политическихъ проблемъ, которыя можно почти нащупать руками и отъ которыхъ нельзя отговориться туманными фразами. Дѣло идетъ «въ серьезъ» и классовые интересы заставляютъ отнестись къ нему «въ серьезъ».

Послѣ 9-го января на нашихъ глазахъ совершается не только распаденіе объединенной оппозиціи, но и образованіе политическихъ партій съ опредѣленной политической и социально-экономической программой. Классовый характеръ рабочаго движенія заставляетъ выдѣлиться въ особую группу промышленный либерализмъ. Вовлеченіе въ движеніе крестьянства даетъ толчокъ образованію «правой» и «лѣвой» партій земскаго либерализма.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, социалдемократія перестала пользоваться привилегіей вести одновременно борьбу на два фронта, хотя и различными методами: противъ самодержавной бюрократіи и противъ всѣхъ другихъ, хотя бы и «прогрессивныхъ», партій, поскольку ихъ дѣятельность противорѣчитъ классовымъ интересамъ пролетариата. Всякая новообразующаяся партія сейчасъ же начинаетъ такую же войну противъ всѣхъ, во имя представляемыхъ ею классовыхъ интересовъ. Купеческая партія прямо заключаетъ «конвенцію» противъ требованій рабочихъ; Шиповская партія, открывая войну противъ самой идеи ограниченія абсолютизма, тѣмъ самымъ направляетъ свою программу не только противъ рабочей и крестьянской демократіи, но и противъ купечества и противъ своихъ же, болѣе либеральныхъ, собратій — земцевъ, которые думаютъ опасаться отъ аграрной революціи аграрной реформой или полуреформой, вмѣсто того, чтобы бросаться по Шиповскому рецепту въ объятія самодержавнаго правительства. Только что родившіеся, наши «національ-прогрессисты» не только требуютъ ценовыхъ выборовъ, но считаютъ нужнымъ сейчасъ же нарочито подчеркнуть свое твердое намѣреніе бороться противъ всеобщаго избира-

тельного права. Вот онъ, истинный смыслъ знаменитаго пункта 7-го земской резолюціи о «равенствѣ политическихъ правъ» всѣхъ гражданъ!

Такъ постепенно, съ ходомъ революціи и съ усиленіемъ революціоннаго натиска на старый режимъ, спадаютъ идеалистическіе покровы, обнажаются классовые интересы и растетъ «дробленіе». Та либеральная буржуазія, которую видѣла раньше одна социалдемократія, встаетъ теперь передъ всѣми во всей своей силѣ и организованности. И, быть можетъ, теперь даже «соціалисты» изъ «Рев. Россіи» поймутъ, почему социалдемократія не могла связывать себя съ почтенной компаніей парижской конференціи и петербургскаго съѣзда.

Они, впрочемъ, и сами чувствуютъ теперь—и уже съ точки зрѣнія не только «соціалотичности», но и «революціонности»—нѣкоторый конфузъ отъ своихъ похужденій въ поискахъ за «союзомъ». Мы еще рассчитываемъ вернуться къ этому вопросу, а пока—совѣтуемъ читателю хоть бѣгло пробжгать и сравнить №№ 55, 56, 61 и 64 «Революціонной Россіи», чтобы увидать: куда приводитъ «безпокойная ласковость взгляда», ищущаго «единенія» и «союза» во что бы то ни стало.

И теперь, когда намъ указываютъ на вставшіе на революціонный путь элементы демократіи и совѣтуютъ заключить блокъ съ ними, мы скажемъ: мы знаемъ, знаемъ такъ же хорошо, какъ знали это раньше относительно гг. Шиповыхъ, Трубецкихъ, Струве и пр. и пр., что эволюція этихъ элементовъ далеко еще не кончилась, что настанетъ моментъ, когда «печать классовой ограниченности», лежащая на нихъ и видимая нами, станетъ видна и всѣмъ такъ же ясно, какъ она видна теперь соц.-рев. относительно г. Струве. Мы знаемъ, что главная сила нашей партіи—въ ея классовомъ характерѣ, который только и даетъ намъ возможность политически спланивать, организовывать и мобилизовать все большія и большія массы пролетаріата. А только процессъ такой политической мобилизаціи дѣйствительно подготавливаетъ народъ къ активной борьбѣ.

Вступить въ блокъ съ буржуазно-демократическими, хотя бы и революціонными элементами, значить сглаживать острые грани классоваго характера нашей партіи, ибо только при этомъ условіи соглашеніе для опредѣленной цѣли приобретаетъ хоть какой-нибудь смыслъ. Но сдѣлать это, значить уменьшить размахъ нашей работы, революціонизирующей рабочее движеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ подрѣзать и питающуюся этимъ движеніемъ революціонность буржуазной демократіи.

Ф. Данъ.

Демократы по-неволю.

(1 мая 1905 г. № 99).

Земскій съѣздъ призналъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ требованіе всеобщаго избирательнаго права. Большинствомъ въ 3 десятка голосовъ онъ призналъ прямое избирательное право. Значеніе этого рѣшенія онъ «смягчилъ» принятіемъ двухпалатнаго представительства. Но и при этомъ смягченіи вотумъ земскаго съѣзда представляетъ въ извѣстномъ смыслѣ побѣду демократіи. Сообщенныя печатью подробности совѣщанія земцевъ показываютъ размѣры этой побѣды. Не далеки отъ насъ тѣ «ноябрьскіе» дни, когда земцы приняли формулу «народное представительство», умолчавъ о представительствѣ «всенародномъ». Читателямъ памятно, какъ всѣ отгѣнки буржуазной демократіи ополчились на защиту этой формулы земской лѣвой, оспаривая то толкованіе, которое наша партія съ самаго начала дала такому умолчанію. Читатель помнитъ всѣ эти увѣренія въ томъ, что всеобщее избирательное право «само собой подразумѣвается» въ земскихъ резолюціяхъ, что никакого анти-демократическаго умысла въ умолчаніи не было. Читатель помнитъ, что къ этому адвокатскому истолкованію присоединился въ то время и органъ «соціалистовъ-революціонеровъ», только что передъ тѣмъ вступившихъ въ «блокъ» съ этими самыми лѣвыми земцами—освобожденцами тоже. Читатель помнитъ, что полемика по этому вопросу навлекла на голову нашей партіи много новыхъ громовъ, и что лишній разъ было доказано въ тѣ поры міру, что социалдемократія «нетерпима», что она изъ-за «фракціонныхъ расчетовъ» мѣшаетъ объединенію всѣхъ оппозиціонныхъ силъ, что она изобрѣтаетъ разногласія и т. д., и т. д.

Но какъ ни возмущала «всѣхъ» социалдемократическая критика, она нашла-таки откликъ въ средѣ пролетаріевъ и дѣйствительно-революціонныхъ элементовъ интеллигенціи. Въ десяткахъ и сотняхъ заявленій рабочіе и студенчество выразили политическое недовѣріе ноябрьской земской программѣ. За этими манифестаціями послѣдовало могучее январское движеніе пролетаріата, и на знамени этого движенія было написано ярко и отчетливо: «всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право». Земской лѣвой нельзя было уже прятаться за туманныя ноябрьскія формулы, если она не хотѣла остаться за бортомъ движенія. Въ недавно изданной г. Струве книжкѣ «Земство и политическая свобода» (журналы комиссіи—собранія Саратов.

губ. земства) мы находимъ въ высшей степени поучительное свидѣтельство эволюціи земской политики. Въ преніяхъ саратовскихъ земцевъ по поводу доклада участниковъ ноябрьскаго сѣзда характерно отразилось быстрое движеніе впередъ, къ которому были вынуждены событіями представители земскаго либерализма. И если бы у насъ не было другихъ данныхъ для сужденія о вліявшихъ на эту эволюцію факторахъ, то съ насъ было бы достаточно того, что въ подписанной 10 января резолюціи содержится слова, взятая изъ знаменитой петиціи петербургскихъ рабочихъ: «мы ничего не хотимъ для себя, а все для Россіи».

Но у насъ есть и другія данныя. Видные участники ноябрьскаго сѣзда—гг. Юматовъ и Масленниковъ выступаютъ на январьскомъ собраніи съ предложеніемъ дополнить ноябрьскія резолюціи, выставивъ требованіе всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. И посмотрите, какъ аргументируетъ въ январѣ тотъ же самый Масленниковъ, который въ ноябрѣ подписалъ «11 пунктовъ». На вопросъ гл. Обухова: «стояте ли вы за права народа, или нѣтъ?», онъ отвѣчаетъ: «можетъ быть, кровь народа, которая течетъ въ моихъ жилахъ, говоритъ мнѣ все это — но я — за народъ, я хочу на него работать! И когда вы предлагаете мнѣ эту неясную формулу (NB: «всеоб. изб. право» безъ дальнѣйшихъ поясненій), я считаю своею обязанностью выставить ея неясность... За что мы все время воевали? За привилегіи вучки людей, за тѣхъ, кто владѣетъ большимъ капиталомъ? Почему эти ясныя слова (NB. «равное и тайное»), которыя созданы страданіемъ народа, вызываютъ возраженія?»

Такъ говорилъ земецъ Масленниковъ черезъ какой-нибудь мѣсяць послѣ того какъ «демократы» Водовозовы и «соціалисты» Гарденины старались убѣдить насъ, что «выставляя неясность» нѣкоторыхъ словъ не только не является нашей обязанностью, но и свидѣтельствуетъ о нашей «узости». Любопытно, какъ возражалъ Масленникову передовой земецъ Н. Н. Львовъ:

«Меня удивляетъ патетическій тонъ Алексѣя Михайловича (Масленникова). Онъ хочетъ выставить себя борцомъ за народныя права; надѣясь, онъ не хочетъ этимъ сказать, что другіе не стоятъ за эти права. Меня удивляетъ еще одно. Отчего онъ, если взялся защищать народныя интересы, не заявлялъ и не настаивалъ на необходимости ввести слова «тайная» подача—тамъ, на совѣщаніи? Тамъ это было обойдено. Тамъ мы говорили о всеобщемъ избирательномъ правѣ, и думали, что если бы это постановленіе вошло въ жизнь, это было-бы огромнымъ приобретеніемъ... Я не понимаю, отчего настаиваютъ на

«тайной» подачи голосовъ, какъ на единственномъ способѣ защиты народныхъ правъ: въ вопросѣ о тайной подачѣ голосовъ могутъ быть сомнѣнія. Напримеръ, какъ вы проведете тайную подачу голосовъ при огромномъ процентѣ безграмотныхъ въ нашемъ населеніи?» Далѣе ораторъ заявилъ по поводу той же тайной подачи голосовъ: «Если мы это скажемъ, это не будетъ дѣйствительно наша мысль (подчеркнуто въ подлинникѣ). Мы можемъ намѣтить только линію, по которой мы можемъ и должны идти». Гласный К. Б. Веселовскій послѣдствіемъ защитилъ гл. Масленникова отъ упрека въ переиhrъиваніи взглядовъ. «Упрекъ Масленникову, отчего онъ на съѣздѣ не поднималъ и не отстаивалъ этого вопроса, можетъ быть обращенъ съ такимъ же правомъ и ко мнѣ. Я долженъ сказать на это, что событія идутъ съ такою быстротой, что мы не можемъ знать даже того, что будетъ завтра. Теперь мы видимъ, что уже самъ народъ властно требуетъ участія въ законодательствѣ. И мнѣ кажется, странно закрывать ему дорогу къ этому участию. А системой открытой подачи, не прямого, не равнаго избирательнаго права—эта дорога закроется».

Къ этому гл. Масленниковъ добавлялъ: «Что касается до того, почему въ Петербургѣ я не стоялъ за это добавленіе, такъ это потому, что я думалъ, что этотъ порядокъ настолько совнанъ, что подразумевается самъ собой». Въ этомъ и увѣрили насъ, прибавимъ мы отъ себя, гг. Водовозовы, Гарденины и прочіе прислужники либеральныхъ помѣщиковъ. Но,—продолжаетъ одинъ изъ этихъ помѣщиковъ, г. Масленниковъ: «Но я началъ настаивать на немъ тогда, когда стали возражать, что это не нужно, что это утопія». «И люди поддерживаютъ необходимость оговорить, что подача голосовъ должна быть тайной потому, что они желаютъ, чтобы народное право было бы дѣйствительно народнымъ правомъ и, значитъ, вы не хотите этого, если не хотите сдѣлать такую оговорку».

Гг. Гарденины и Водовозовы! Это не социалдемократы, это не «развращенные» ими рабочіе говорятъ; это говорятъ либераль-помѣщикъ: если кто не хочетъ сказать «равное, прямое, тайное», это значитъ, что онъ не желаетъ, чтобы «народное право стало дѣйствительно народнымъ правомъ!»

«Народъ не пойметъ вашихъ мотивовъ», продолжалъ г. Масленниковъ «и будетъ думать, что мы стараемся устранить его.—Наводитъ его на такія мысли будетъ съ нашей стороны нетактично. Умолчаніе о всеобщемъ избирательномъ правѣ въ резолюціи совѣщанія породило массу сомнѣній».

Итакъ, гг. Львовъ, Масленниковъ, Веселовскій свидѣтельствуютъ

о томъ, какъ права была социалдемократія, когда утверждала, что 6—9 ноября было «обойдено» требованіе всенароднаго представитель-ства, и что земцамъ это требованіе было «не нужно». Предоставляемъ послѣ этого всёму судить о томъ, какую роль играли революціонеры а la Гарденинъ и демократы а la Водозовъ въ то время, какъ земцы начинали соображать, что, какъ выразился гласный Ибонниковъ, «умолчать объ этомъ, дѣйствительно, нельзя», хотя, по мѣткому сви-дѣтельству гл. Львова, «это не наша мысль».

Дѣйствительно, «не наша». И самъ гласный Львовъ подтвердилъ это своимъ примѣромъ, когда на апрѣльскомъ съѣздѣ выступилъ уже энергичнымъ защитникомъ тѣхъ самыхъ требованій, которыя въ январѣ противъ него защищалъ Масленниковъ и которыя въ ноябрѣ онъ «обходилъ» вмѣстѣ съ Масленниковымъ. Движеніе либеральной «земской мысли» есть ни что иное, какъ отраженіе движенія русской революціи.

Земская лѣвая развивается въ сторону демократической программы. Но она дѣлаетъ это не потому, чтобы такова была ея воля, а потому что ее къ тому толкаетъ сила событій. «Это не наша мысль»—эта печать лежитъ на всѣхъ прогрессивныхъ дѣйствіяхъ земскихъ консти-туціоналистовъ. Въ наивной до цинизма формѣ это выражаетъ крайній органъ петербургскихъ «демократовъ»—«Сынъ Отечества». Въ пере-довой статьѣ № 55 мы читаемъ:

«Успокоится ли весь этотъ многомилліонный народъ, если будетъ введенъ избирательный цензъ и соберутся представители, въ избраніи которыхъ онъ не участвуетъ? Повѣрятъ ли онъ, что эти представи-тели средняго и высшаго классовъ защитятъ и его интересы, не при-несутъ ихъ въ жертву интересамъ своихъ избирателей? Вѣдь нашъ рабочій очень ужъ слышавъ о «буржуазіи», «классовыхъ интере-сахъ» и «классовой борьбѣ». Мужикъ такихъ словъ, правда, еще не знаетъ, но это не мѣшаетъ ему относиться къ «барамъ» съ неменьшею подозрительностью и враждебностью.

«...Представители среднихъ классовъ довѣрія народу не внушаютъ. Остается только всеобщее избирательное право, какія бы прак-тическія неудобства въ данное время оно ни представляло. Что дѣлать? Вѣдь, Россія находится въ положеніи человѣка, захваченнаго пожаромъ во второмъ этажѣ. Выпрыгнешь въ окно—рисуешь сломать ноги, останешься—впрямь сгорать».

«Сынъ Отечества»—органъ демократовъ. Считается даже, что на немъ почіетъ благодать такъ называемой «русской субъективной школы», состоящей, какъ извѣстно, въ духовномъ родствѣ съ «русской

соціалістической школой» соціалистовъ-революціонеровъ. И вотъ, этотъ-то органъ демократовъ открыто признается, что для него вопросъ о демократіи есть вопросъ о рискованномъ прыжкѣ изъ второго этажа горящаго дома! Представители традиціи «долга народу» смотрятъ на предоставленіе народу полноты политическихъ правъ, какъ на вынужденный, авантюристскій экспериментъ. Они прямо говорятъ, что были бы рады не требовать правъ для народа, еслибы соціалдемократія не ознакомла рабочаго класса съ идеей «классовыхъ интересовъ» и «классовой борьбы», еслибы реакція не пустилась въ демагогическую агитацію среди крестьянъ. Они, требующіе похода «объединенія въ борьбу противъ общаго врага», признаются, что только подъ давленіемъ пролетаріата начинаютъ «довѣрять» ему настолько, чтобы не добиваться ограниченія его политическихъ правъ. Говоря словами г. Львова, они, заявляя о всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ избирательномъ правѣ, выражаютъ не свою мысль, не свое желаніе.

Пролетаріатъ не долженъ создавать себѣ никакихъ иллюзій относительно такого демократизма. Онъ долженъ брать факты, каковы они въ дѣйствительности, и помнить, что только его революціонное давленіе, только его самостоятельная классовая борьба превращаетъ либераловъ по природѣ въ демократовъ по-невогѣ.

Л. Мартювъ.

Вождельнія либеральныхъ аграріевъ.

(1 іюня 1905 г., № 101).

На состоявшемся въ концѣ апрѣля съѣздѣ по аграрному вопросу земскихъ дѣятелей и представителей науки, на основаніи ряда докладовъ и послѣ преній принята была резолюція, встрѣченная, насколько мы могли убѣдиться, сочувственно всею нашей передовой печатью. Все увѣрены, что проведеніе въ жизнь содержащихся въ этой резолюціи мѣръ можетъ немедленно помочь крестьянству и умиротворить его.

Потребностью умиротворить крестьянъ, приостановить разгорающееся крестьянское движеніе, несомнѣнно въ сильной степени руководились и участники съѣзда. Еще далекіе отъ ночи четвертаго августа, еще надѣясь нѣкоторыми уступками предупредить всеобщее аграрное возстаніе, представители помѣщичьяго землевладѣнія готовы поторговаться съ крестьянствомъ, сдѣлать ему кой-какія уступки.

Съ другой стороны, вызванная общими условіями развитія русской общественной жизни, политическая эволюція земства въ послѣднее время заставляеть его искать опоры въ народѣ и прежде всего въ крестьянствѣ. Это обстоятельство должно было заставить земскихъ либераловъ принять во вниманіе требованія крестьянъ и въ той или иной формѣ пойти навстрѣчу ихъ желаніямъ. Если при всемъ томъ отъ предлагаемыхъ ихъ резолюцій мѣропріятій отдаетъ духомъ крѣпостничества, то въ этомъ повинна, конечно, не ихъ злая воля, а ихъ классовая подоплека. Всеобщее же удовольствіе прогрессивной прессы мы можемъ объяснить только тѣмъ пропитавшимъ ее оппортионизмомъ, который такъ старательно прививаетъ ей на столбцахъ «Освобожденія» г. Петръ Струве.

Отказавшись, въ соотвѣтствіи съ духомъ новаго времени, отъ всякаго рекламированія крестьянскихъ банковъ, мелкихъ кредитовъ, организацій переселенія и проч. и проч., наши земцы въ своей московской резолюціи указываютъ, что одной изъ первыхъ задачъ народнаго представительства является аграрная реформа, т. е., по указанію той же резолюціи, борьба съ малоземельемъ. Но такъ какъ (цитируемъ резолюцію) «націонализація земли въ настоящее время не можетъ служить практической программой аграрной политики въ Россіи», такъ какъ «широкое развитіе переселенія невозможно, за недостаткомъ пригодныхъ для того свободныхъ земель», а «крестьянскій банкъ при современной его организаціи не можетъ помочь злу», то устранить зло малоземелья можно только «путемъ дополнительнаго надѣленія крестьянъ землею». Откуда же взять эту землю и на какихъ основаніяхъ представить ее крестьянству?

На съѣздѣ присутствовало нѣсколько старовѣровъ, которые не потеряли еще вѣры въ кредитъ, переселенія и т. под. и не такъ еще пропитались духомъ новаго времени, чтобы мѣнять старую «догму» на новую. Не проникшись еще, по этой причинѣ, мыслью о необходимости пойти на уступки народу, эти «догматики» боялись,—и съ своей точки зрѣнія основательно,—что уступчивостью можно лишь создать прецедентъ для крестьянской жадности, и поэтому пытались вернуть собраніе на стезю стариннаго правовѣрія. «Резолюція, гово

рили они, указываетъ только на необходимость дополнительнаго надѣленія крестьянъ и оставляетъ въ сторонѣ другія стороны вопроса, не менѣе существенныя, а именно интенсификацію крестьянскаго хозяйства, облегченіе податнаго бремени, другія экономическія и финансовыя реформы. Само по себѣ проектируемое надѣленіе крестьянъ землей—мѣра палліативная по отношенію къ улучшенію крестьянскаго хозяйства, такъ какъ проектируемый размѣръ прирѣзокъ новеликъ и не улучшить положенія крестьянъ въ сравненіи съ ихъ положеніемъ послѣ 1861 года; постепенный же приростъ населенія черезъ 20—30 лѣтъ снова создастъ острое малоземелье, какимъ страдаетъ деревня теперь. Съ другой стороны, для частнаго землевладѣнія практикуемыя мѣры слишкомъ радикальны, такъ какъ уже теперь больше, чѣмъ на половину сокращаютъ площади удобныхъ помѣщичьихъ земель и, кромѣ того, оставляютъ перспективу возможности въ будущемъ дальнѣйшихъ отрѣзокъ, грозящихъ совсѣмъ уничтожить частное землевладѣніе». (Цит. по № 117 «Русск. Вѣд.»).

Мы видимъ, что расхожденіе между сторонниками «дополнительнаго надѣла», съ одной стороны, и экономическихъ и финансовыхъ реформъ, съ другой,—было, по меньшей мѣрѣ, столь же глубоко, какъ расхожденіе между фабрикантами и чиковниками въ комиссіи по рабочему вопросу Коконцева. Но то, что не удалось этой комиссіи—найти синтезъ между экономикой и политикой—было благополучно рѣшено на аграрномъ съѣздѣ, ибо «несмотря на указанныя возраженія, часть которыхъ была признана справедливою самими докладчиками, основное положеніе докладовъ и проекта резолюціи о необходимости дополнительнаго надѣленія крестьянъ землей путемъ отрѣзокъ отъ частновладѣльческихъ земель при посредствѣ выкупа, почти не вызвало возраженій, и принципиально противъ нея высказался только одинъ участникъ совѣщанія». («Русск. Вѣд.»).

Итакъ — въ б у т ѣ, какъ синтезъ между политикой и экономикой! Государственной власти или народному представительству предстоитъ принять мѣры, чтобы не дать крестьянству уйти отъ новой кабалы, какъ оно не могло и до сихъ поръ не можетъ отдѣлаться отъ кабалы старой. «Нужно, говоритъ князь Петръ Д. Долгоруковъ, чтобы выкупъ былъ произведенъ по справедливой оцѣнкѣ земли, чтобы реформа эта была совершена безъ насильственной ломки, постепенно, при мирномъ переходѣ земли въ руки земледѣльца» ¹⁾). Нужно, слѣдовательно, чтобы

¹⁾ № 116 Русск. Вѣд., докладъ князя П. Д. Долгорукова: „Аграрный вопросъ съ точки зрѣнія крупнаго землевладѣнія“.

крестьянство заплатило въ три-дорога за землю, большая часть которой у него же въ свое время была отрѣзана, чтобы оно заплатило долги разорившихся помѣщиковъ и помогло имъ дальше вести свое хозяйство, чтобы, слѣдовательно, оно, незамѣтно для самого себя, оказалось опутаннымъ по рукамъ и ногамъ новыми тяготами. «Въ 1861 году, говорится въ другомъ докладѣ ¹⁾, на выкупную операцію потребовалось до 900 мил. р.; болѣе 800 мил. переведены были на крестьянъ, и выпущено около 600 мил. бумагъ. Въ настоящее время для выкупной операціи не будетъ противодѣйствія со стороны кредитныхъ учреждений, въ которыхъ заложена выкупная земля. Если государство приметъ на себя эту операцію, гарантируя платежи, то частные банки легко согласятся на переводъ долга на крестьянъ». Еще бы не согласиться, когда правительство гарантируетъ платежи и проценты съ процентовъ, которые будутъ выколачиваться съ крестьянъ, но которые часто не легко бываетъ получить съ вынѣвшихъ кредиторовъ!

Но если съ крестьянствомъ не считали нужнымъ церемониться, то объ интересахъ помѣщичьяго землевладѣнія не забываютъ ни на одну минуту (объ этомъ, правда, въ резолюціи не говорятъ, но не забываютъ ни въ одномъ докладѣ). Помѣщичьему землевладѣнію не только приносятся въ жертву интересы крестьянской массы и государства, но считаютъ нужнымъ принять особыя мѣры къ его сохраненію и процвѣтанію. «При проведеніи выкупной операціи должны быть сохранены помѣщичьи единицы, чтобы хозяйство могло вестись безъ ущерба для владѣльцевъ, чтобы была сохранена требуемая условіями хозяйства данной мѣстности пропорція угодій, чтобы постройки не оказывались тягостью при сокращеніи площади помѣщичьяго владѣнія» ²⁾. Въ награду за эти жертвы господа помѣщики обѣщаютъ сохранить въ неприкосновенности... свои либеральныя идеи: «При представительномъ образѣ правленія,— читаемъ мы въ докладѣ М. Я. Герценштейна по вопросу о націонализаціи земли,—въ высшей степени желательно, чтобы капиталисты имѣли въ памяти противовѣсь въ лицѣ землевладѣльцевъ. Исторія фабричнаго законодательства въ Англіи блистательно показываетъ, какое вліяніе можетъ оказать антагонизмъ, существующій между землевладѣльцами и капиталистами. Не менѣе важное значеніе имѣетъ частное землевладѣніе для самоуправленія, которое у насъ не сказало еще своего послѣдняго слова. Нельзя отрицать, что наши земства

¹⁾ М. Я. Герценштейна—о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ, см. «Русск. Вѣд.» № 122.

²⁾ Тамъ же.

играли и продолжают играть очень важную роль въ исторіи нашего политическаго и общественнаго развитія». Увѣренность господина профессора рѣшительно ни въ чемъ не основана. На европейскомъ континентѣ антагонизмъ между землевладѣльцами и капиталистами приводилъ чаще всего не къ развитію фабричнаго законодательства, а къ усиленію эксплуатаціи рабочихъ массъ, такъ какъ каждый изъ этихъ классовъ предпочиталъ укрѣплять свое господство на угнетеніи народа, а не на втагиваніи его въ социально-политическую борьбу. Исторія Англій больше нигдѣ не повторилась, да новѣйшая исторія Англій доказываетъ, что и тамъ въ этомъ отношеніи многое измѣнилось къ худшему. А что касается спеціально нашихъ земцевъ, то особенной заботливостью объ интересахъ рабочихъ они не отличались: для городскихъ рабочихъ ими сдѣлано весьма мало, а сельскимъ рабочимъ отъ дѣятельности земствъ было не тепло, а подѣ-часъ очень холодно.

Особый пунктъ резолюціи требуетъ, чтобы безземельные крестьяне, ведущіе самостоятельное земледѣльческое хозяйство, также были обеспечены землей, даже раньше, чѣмъ воѣ другія группы. Такая заботливость о полупролетарскихъ элементахъ деревни во всякомъ случаѣ связана съ очень чувствительными удобствами для помѣщиковъ, такъ какъ, такимъ образомъ, часть крестьянскаго населенія прикрѣпляется къ опредѣленному мѣсту и обезпечиваетъ нужныя въ хозяйствѣ рабочія руки. Безземельное крестьянство получить клочекъ земли, но въ то же время приготавливаются послушные рабочіе въ будущемъ, а полупролетарское населеніе деревни отрывается отъ союза съ сельско-хозяйственными рабочими въ борьбѣ за улучшеніе условій труда, такъ какъ, въ надеждѣ стать самостоятельными хозяевами, деревенская бѣднота не будетъ видѣть больше надобности бороться съ эксплуататорами наемныхъ рабочихъ.

Еще нѣсколько замѣчаній для полноты характеристики либерально-аграрныхъ затѣй. По мнѣнію профессора А. А. Мануилова, дополнительные надѣлы должны быть прирѣзаны не въ собственность крестьянъ, а въ собственность государства, которое будетъ передавать землю въ пользованіе крестьянъ: «съ принципіальной и практической точки зрѣнія, говоритъ профессоръ Мануиловъ, вполне правильно, чтобы эта выкупленная земля принадлежала къ государственному земельному фонду и отдавалась имъ въ пользованіе, такъ какъ выкупъ совершается ради государственныхъ интересовъ, и государство должно распоряжаться такъ, какъ считаетъ нужнымъ въ общественныхъ интересахъ». Словомъ, крестьянинъ, не только временно-обязанный плательщикъ государства, но отдается ему цѣликомъ подѣ опеку. И понятно, что

объ его интересахъ будетъ продолжать заботиться бюрократія, не нынѣшняя, самодержавная, а новая, либеральная, назначенная «народными» представителями: «въ каждой губерніи должны быть учреждены особыя поземельныя комиссіи общественно-государственнаго характера съ возложеніемъ на нихъ заботъ о поддержаніи крестьянскихъ интересовъ и съ порученіемъ имъ осуществленія реформы дополнительнаго надѣленія землею». («Рус. Вѣд. № 123»). Sapienti sat! Ища сочувствія крестьянъ, господа крупные землевладѣльцы боятся ихъ содѣйствія. Чтобы избѣжать революціоннаго вмѣшательства народа, они придумываютъ аграрную программу, въ осуществленіи которой этотъ самый народъ не игралъ бы никакой роли. Съ этой цѣлью аграрный вопросъ вырывается изъ всей общеполитической обстановки, и намѣчается рядъ мѣропріятій, которыя, обманывая народную массу насчетъ удовлетворенія ея потребности въ землѣ, на самомъ дѣлѣ налагаютъ на народъ новую тяжесть въ формѣ выкупныхъ платежей, сохраняютъ обособленность крестьянства, какъ сословія, несущаго особую повинность и находящагося подъ спеціальной опекой государственной власти.

Таковы вождѣнія нашихъ либеральныхъ аграріевъ, вождѣнія, которыя проистекаютъ именно изъ двойственности ихъ существа: какъ либералы и аграріи, они не могутъ желать ни революціонизированія деревни, ни полной демократизаціи ея строя.

Кольцовъ.

Либеральный „реализмъ“,

(15 іюня 1905 г., № 102).

Нѣтъ ничего непривлекательнѣе и тупѣе того новомоднаго «политическаго реализма», который, безглаголиво морща носъ по поводу разсчитанной на революцію тактики «крайнихъ партій», воображаетъ себя «ужасно» практичнымъ именно тогда, когда строитъ вымученно-доктринерскую, безжизненную программу дѣйствій для демократическихъ силъ. «Реализмъ» этого сорта, столь же мало реалистичный на самомъ

дѣлѣ, какъ мало идеалистиченъ дополняющій его въ мировоззрѣніи тѣхъ же политиковъ ихъ quasi—идеализмъ,—реализмъ этотъ сводитъ всю свою мудрость къ эклектическому сочетанію всѣхъ возможныхъ выгодъ отъ «легальнаго» и «нелегальнаго» методовъ политической борьбы, отъ «эволюціонной» и «революціонной» тактикъ, отъ «умѣренности» и «радикализма» въ программѣ. Что нужды, что для такого сочетанія приходится омертвить всѣ составные элементы своей программы и тактики, оторвавъ ихъ отъ той конкретной исторической обстановки, въ которой они родились!—эклектизмъ этимъ не смущается: вѣдь, самъ онъ, какъ система мышленія, только и живетъ этого рода пищей; что нужды, что на практикѣ такое сочетаніе ведетъ къ компрометирующимъ союзамъ, къ вѣчному пасованію передъ консервативными элементами въ развивающемся общественномъ движеніи, къ возрожденію уже умершихъ естественной смертію, уже отброшенныхъ историческимъ развитіемъ, двусмысленныхъ программъ и партій: практической реализмъ «освобожденцевъ» умѣетъ найти «хорошую сторону» въ каждомъ своемъ пораженіи, и, съ неизмѣнностью «Ваньки-встаньки», онъ ухитрится подыматься на ноги послѣ каждой моральной оплеухи, полученной имъ отъ сосѣда саѣва или сосѣда справа.

«Политическій революціонизмъ крайнихъ партій не облегчаетъ, а затрудняетъ имъ доступъ къ народнымъ массамъ». «Изъ этого слѣдуетъ, что для того, чтобы найти къ массамъ доступъ, намъ не только не нужно превратиться въ придатокъ социалдемократической и социальнo-революціонной партіи, а, наоборотъ, необходимо оставаться самими собой и не поддаваться искушенію революціонизма». «Тактический революціонизмъ, внушаемый народнымъ массамъ и ими усвоенный, при сильномъ или желающемъ показать свою силу правительствѣ, неизбежно ведетъ къ кровавымъ уличнымъ столкновеніямъ, которыя принимаютъ форму бойни массъ съ полиціей и войсками. Вести массы на такую бойню значить—вести ихъ на «революцію» въ техническомъ смыслѣ слова». «Наша «умѣренная» программа, чуждая доктринальныхъ требованій, непонятныхъ народнымъ массамъ, не затрудняетъ, а облегчаетъ намъ доступъ къ нимъ»... «Требованіе республики, т. е. низверженія монархіи и династіи, массѣ народа непонятно и можетъ стать ей понятнымъ не изъ проповѣди, а какъ выводъ изъ фактовъ жизни, еще не наступившихъ и не находящихся въ нашей власти». «Программный республиканизмъ, который былъ чуждъ революціоннымъ дѣятелямъ Франціи 1789 года и который такъ характеренъ для современныхъ русскихъ революціонныхъ партій, и есть яркій образецъ того революціонизма, который такъ же глубоко отличается отъ рево-

люди, как мертвая доктрина отлична от живой действительности». «Республиканский переворот может быть только следствием упорства самодержавного правительства, нагромождения им дальнейших ошибок и преступлений. Как бы ни были велики эти ошибки и преступления, никто не может сказать, что они будут достаточно велики для того, чтобы республиканское сознание захватило массы и превратилось в непреодолимую силу. Но даже, если бы считать такой ход вещей неизбежным... даже в этом случае программный республиканизм, пропаганда и афиширование *республиканской идеи* (курсив ваш), в смысле испровержения монархии, будут политической ошибкой, будут, с объективной точки зрения, не служением делу революции, а революционизмом, вредным для революции». «Революционизм вездѣ и всегда забывает (!) о томъ, что онъ усиливаетъ, а въ извѣстныхъ случаяхъ прямо создаетъ въ неподготовленныхъ умахъ противореволюционную оппозицію, силу и значеніе которой трудно предусмотрѣть, но которая всегда является серьезнымъ препятствіемъ для дела революции». Если къ этому прибавить, что республиканская пропаганда, вѣроятно, всего болѣе «отталкиваетъ» отъ конституціи также и дворъ, то нельзя будетъ не подивиться глубокому «политическому реализму», пропитывающему собою всё эти сентенціи, авторомъ коихъ, конечно, не могъ быть никто иной, какъ г. П. Струве.

Въ № 72 «Освобожденія» онъ старательно доказываетъ всю злобность «революционизма», присущаго «крайнимъ партіямъ»—дабы убѣдить своихъ сомнѣвающихся товарищей въ надежности избраннаго нашими демократами пути. Въ первый разъ г. Струве и «освобожденцы» вообще активно выступаютъ противъ республиканской пропаганды. Надо ли здѣсь доказывать всю несостоятельность «реалистической» аргументаціи автора? Надо ли объяснять, что если умы населенія въ данный моментъ «неподготовлены» къ усвоенію этихъ идей, то задачей передовой партіи является именно готовить умы къ ихъ усвоенію? Если вы считаете возможнымъ (хотя бы только возможным!), что «ошибки и преступления» монархіи поставятъ передъ націей ребромъ вопросъ о республикѣ, то не должны ли вы теперь же объяснить націи возможность такого исхода и—желательность его съ вашей точки зрения демократа? Не кажется ли вамъ, что «ведеть на бойню» народъ всего болѣе тотъ именно политикъ, который благодушно представляетъ «событіямъ» вкочлачивать въ народное сознаніе дальнейшіе выводы изъ начатой борьбы, самъ же не хочетъ и пальцемъ о палецъ ударить, чтобы съэкономить народу хотя бы одно, кровавой цѣной оку-

паемое, разочарованіе въ иллюзіяхъ? который самъ питаетъ эти иллюзіи, дабы не столкнуться съ инертной оппозиціей «неподготовленныхъ умовъ», дабы не «скомпрометировать себя» въ глазахъ отсталыхъ слоевъ народа? Не припомните ли вы, что вы, во все время существованія вашей партіи, слѣдовали этому мудрому правилу и говорили о совмѣстности самодержавія и политической свободы, когда передовые слои націи кричали о конституціи? бормотали о конституціи, когда они требовали уже Учредительнаго Собранія? предостерегали противъ криковъ «долой войну!», когда эти крики уже раздавались на улицахъ, революционизируя сознаніе широкихъ массъ народа? Неужели этотъ опытъ не убѣдилъ еще васъ въ томъ, что политическая партія, претендующая на руководящую роль въ освободительномъ движеніи, не можетъ оставаться простой «счетчицей» совершающихся въ странѣ событій, что она обязана стремиться освѣщать своей пропагандой тотъ путь, на который ведетъ націю историческое развитіе?

Этотъ путь—вы это признаете—коренная ликвидація сословно-крѣпостническаго режима, замѣна полицейскаго самодержавія—народовластіемъ, съ закончивою формою народовластія на основѣ современного способа производства.— Степень завоеваній, которыя удастся сдѣлать демократической свободѣ въ Россіи, ближайшимъ образомъ будетъ зависѣть отъ степени напряженія общественной борьбы между революціонными и консервативными силами. И степень этого напряженія, въ свою очередь, зависить отъ глубины противорѣчій между социальными интересами этихъ силъ. Станетъ ли ктонибудь отрицать, что пропасть отдѣляющая интересы, представленныя абсолютной монархіей, отъ интересовъ пролетаріата, крестьянства и другихъ активно борющихся слоевъ, уже теперь такъ глубока, что трудно себѣ представить возможность сколько нибудь приемлемаго даже для «неподготовленныхъ» умовъ компромисса между старой и новой Россіей, между существующими традиціями и потребностью всего населенія въ элементарныхъ гражданскихъ правахъ, между крѣпостными институтами, тяготящими надъ деревней и аграрными интересами крестьянства; между нагайкой и розгой—и культурными и политическими потребностями пролетаріата; между казеннымъ православіемъ и идейными запросами народа, между исторической «національной» политикой абсолютизма и освободительными движеніями народовъ Россіи. Надо игнорировать всю многострадальную исторію борьбы за освобожденіе Россіи, чтобы не видѣть, что социальныя задачи, ваврѣншія къ моменту ликвидаціи позорнаго прошлаго нашего отечества, сведуть на нѣтъ всякую недоделанную ре-

форму, уничтожить всякій либеральный компромиссъ, снова и снова будутъ приводить страну къ катализмамъ, пока не получатъ своего разрѣшенія. Ни національные вопросы, ни аграрный вопросъ, ни вопросъ объ элементарной свободѣ борьбы наемнаго труда, ни полный разрывъ съ «мировой политикой» старой Россіи, не будутъ разрѣшены безъ радикальной «очистки» нашей политической арены.

Поэтому, социалдемократія, просто какъ партія революціонная, обязана теперь же мобилизовать силы для борьбы за полное торжество революціи; поэтому, она вправѣ, требовать такой же борьбы отъ всѣхъ дѣйствительныхъ представителей демократіи.

Кто видитъ, что развитіе событій дѣлаетъ все менѣе и менѣе вѣроятной возможность для правящей клики предотвратить народное возстаніе реформой (а г. Струве неоднократно указывалъ, что эта вѣроятность все убываетъ), тотъ не можетъ отказаться отъ обязанности, по меньшей мѣрѣ, говорить народу о выступленіи, просвѣщать «неподготовленные умы» объ его неизбежности въ извѣстный моментъ, содѣйствовать народной организаціи въ цѣляхъ его. На столбахъ «Освобожденія» мы, конечно, ни разу не встрѣтили призыва къ буржуазной демократіи помочь пролетаріату самовооружиться. За то въ той же статьѣ г. Струве мы встрѣтили назидательное поученіе о томъ, что «въ матеріальныхъ столкновеніяхъ пусть нападающей стороной всегда (!) будетъ правительство. Ибо въ политической борьбѣ рѣшающимъ факторомъ является всегда факторъ моральный, и побѣдять тотъ, кто правъ передъ лицомъ страны, т. е. ея всеобщаго мнѣнія. А въ гражданской войнѣ нападающій всегда окажется неправымъ». О, глубокое мудріе! Если я никого не трону, то и меня никто не тронетъ. «Практическій реализмъ», скрытый въ этихъ строкахъ, такъ и не можетъ дойти до дальнѣйшаго вывода, что, въ концѣ концовъ, во «всеобщемъ мнѣніи» неправымъ оказывается побѣжденный, и что побѣда—окончательная побѣда—предполагаетъ непременно акты наступательные со стороны будущаго побѣдителя.

Кто борется противъ послѣдовательно демократической агитаціи, тотъ борется и противъ послѣдовательно революціонной тактики, умѣющей использовать всѣ «легальныя» позиціи, но никогда не забывающей, что конфликты, подобные вышнему конфликту между старой и новой Россіей, въ концѣ концовъ, разрѣшаетъ сила. Борются же противъ революціонной тактики въ то самое время, когда мысль о ней начинаетъ проникать уже въ нѣкоторые слои самой буржуазной демократіи, значить, не только не стремятся двигать впередъ эту общественную группу, но и стараются задержать ея революціонное

развитіе. Въ этомъ стараніи весь смыслъ статьи г. Струве, какъ въ этомъ же былъ смыслъ всей его публицистической дѣятельности въ послѣдніе годы. Кому на пользу старается г. Струве? Онъ самъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ:

«Оторвавшись отъ земскихъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, элементовъ, третій элементъ—по вполне понятнымъ психологическимъ причинамъ—круто потянетъ влево и неизбежно впадетъ въ революціонизмъ, т. е. утратитъ связь съ жизнью и возможность широкаго массоваго воздѣйствія на нее, возможность творческаго и руководящаго участія въ русской революціи». Обратнo, говоритъ г. Струве, оторванные отъ «третьяго элемента», земцы «теряютъ связь съ общедемократическимъ сознаниемъ».

«Идея политической необходимости программной солидарности и тактическаго сотрудничества земской оппозиціи и демократической интеллигенціи, рука объ руку работающихъ надъ политическимъ пробужденіемъ народа, который самъ призывается рѣшать свои судьбы,—эта идея есть суть нашей политической философіи и она же должна быть регулятивнымъ началомъ нашего партійнаго самоопредѣленія».

Откровеннѣе нельзя высказаться. Политическая философія, суть которой въ отдачу народа подъ политическую опеку коалиціи землевладѣльцевъ, ничего до сихъ поръ не дѣлавшихъ для «политическаго пробужденія народа», и интеллигенціи, будившей народъ лишь при явномъ противодѣйствіи этихъ самыхъ землевладѣльцевъ,—такая политическая философія есть философія борьбы съ демократіей. Въ интересахъ тактики, вытекающей изъ этой философіи, необходимо, конечно, бороться противъ послѣдовательно демократической агитаціи, вынуждающей «третій элементъ» самоопредѣляться въ сторону революціонной тактики. Въ интересахъ этой политической философіи, приходится стремиться парализовать развитіе революціонно-демократическаго движенія, дабы не дать ему расторгнуть съ такимъ трудомъ созданную связь между либеральнымъ землевладѣніемъ и радикальной разночинной интеллигенціей. «Задача къ двойственному союзу земской оппозиціи и демократической интеллигенціи—привлечь третью рѣшающую силу—народъ,—говоритъ г. Струве, осуществима только при полномъ единеніи первыхъ двухъ силъ».

Либеральное землевладѣніе нужно г-ну Струве для охраненія буржуазной демократіи отъ политическаго разложенія, которымъ грозитъ ей оближеніе съ народными массами. Борьба съ «революціонизмомъ крайнихъ партій», воздѣйствующихъ на народъ, а черезъ него на буржуазную демократію, является, поэтому, для «освободженцевъ» дѣломъ

необходимой самозащиты, дѣломъ отстаиванія той тактики, которая вытекаетъ изъ ихъ «политической философіи».

Характеръ этой тактики достаточно извѣстенъ всѣмъ наблюдателямъ современности. Вѣчное балансированіе между политическимъ радикализмомъ разночинца и глубоко вѣвшимися оппортунизмомъ собственника, вѣчное «жертвованіе» своей программой ради того, чтобы подвинуть земцевъ на одинъ вершокъ и дать имъ, вождь за тѣмъ, оттолкнуть себя же назадъ на два вершка—такова «господствующая идея» этой тактики. На этихъ же дняхъ намъ былъ данъ поучительный примѣръ ея примѣненія. Въ то время, какъ послѣ Цусимскаго боя «Союзъ союзовъ» выработалъ резолюцію, констатирующую бесполезность всякихъ «ходатайствъ» и призывающую друзей свободы всѣми средствами заботиться объ уничтоженіи существующей власти и о созывѣ всенароднаго учредительнаго собранія, (см. въ № 237 П. Изв.),—другой «союзъ»—союзъ земскихъ шиповцевъ и земскихъ конституціоналистовъ—постановилъ требовать отъ царя созыва какихъ нибудь «народныхъ представителей». Конституціоналисты и шиповцы добились пріема, добились наверху двусмысленнаго отвѣта, ни къ чему необязывающаго правительство, но усиливающаго временно позицію «умѣренныхъ» элементовъ въ ихъ борьбѣ противъ рѣшительныхъ, революціонныхъ дѣйствій либерально-демократическаго «блока». Кто сомнѣвается въ такомъ значеніи «событія 6-го іюня», пусть прочтетъ статью, помѣщенную въ № 152 «Руси» умѣреннымъ земцемъ г-номъ Кузьминымъ-Караваевымъ (подъ загл. «Народные Представители, вы нужны!»).

Привѣтствуя земскій майскій съѣздъ, который «оказался на высотѣ политической зрѣлости», поскольку призналъ, что представительство должно быть организовано «на обязательно всеобщемъ, прямомъ, равномъ и тайномъ голосованіи», Кузьминъ-Караваевъ идетъ прямо къ своей цѣли. Онъ констатируетъ, что всеобщее избирательное право «приобрѣло колоссальную популярность, и что его сторонники рѣшительно и неуклонно отвергаютъ всякія уступки». И онъ опасается, что первое «народное представительство», которое Булыгинъ организуетъ, конечно, не на этомъ началѣ, разобьется объ оппозицію борцовъ за всеобщее избирательное право. Поэтому, онъ считаетъ своевременнымъ обратиться съ пламеннымъ воззваніемъ къ демократамъ.

«Раскола нѣтъ (послѣ майскаго съѣзда). Но онъ каждый день можетъ возродиться. Требующіе всеобщей подачи голосовъ сейчасъ же и отвергающіе какія бы то ни было уступки! Вы сила, сила громадная! Отъ васъ будетъ зависеть, какъ пройдутъ выборы, и какой будетъ

результатъ. Вы можете внести умиротвореніе въ страну, успокоеніе умовъ. Вы же можете разбудить окончательно готовяся проснуться и кое-гдѣ проснувшіяся боевыя силы народа. Но тогда направить ихъ, дать имъ исходъ—будетъ вѣ въ вашей власти». «Неужели вы откажетесь баллотировать и баллотироваться? Неужели вы направите свои усилія на дискредитированіе выборовъ? Неужели вы будете дѣйствовать по принципу: все или ничего?».

Кажется, ясно? Необходимо примириться съ октроированнымъ фальшивымъ представительствомъ, дабы не дать пробудиться боевымъ силамъ народа. Ибо «для тѣхъ, кто не вѣрятъ въ мирное разрѣшеніе кризиса, кѣмъ руководить нынѣ стремленія и кто ставить себѣ нынѣ идеалы,—такая (т. е. непримиримая) постановка логична. Но для тѣхъ, кто сохраняютъ надежду на мирный исходъ, кому одинаково чужды и бюрократическій произволъ и неясныя очертанія нигдѣ неизвѣданныхъ новыхъ формъ соціальнаго быта»... тѣ должны «примириться съ фактомъ», «вести въ предѣлахъ факта—да съ оглядкой (!)—предвыборную агитацію», «не задаваться созданіемъ сразу идеально прекраснаго, даже просто хорошаго», ибо «пора потушить пламя внутренней усобицы». Пусть представители, какіе ни есть, избранные безъ всякихъ гарантій свободы (требовать ихъ отъ «бюрократіи», по мнѣнію К.-К., могутъ только не рассчитывающіе на «мирный исходъ»), не на основѣ всеобщаго избирательнаго права, «установить, въ согласіи съ царемъ, обновленный государственный строй». Пусть либерализмъ и демократія, какъ это было на земскомъ майскомъ съѣздѣ, стремятся къ одной общей цѣли—«обновить дорогую отчизну, вырвать изъ рукъ тѣхъ, кто ее поставилъ на край гибели, и не дать въ руки тѣмъ, кто готовъ ее сбросить въ водоворотъ соціальной революціи, въ омутъ западной анархіи или нашей русской пугачевщины».

Чтобы не осталось сомнѣнія, о комъ здѣсь идетъ рѣчь, нашъ земскій Кавеньякъ (г. Кузьминъ-Караваевъ состоитъ въ генеральскомъ званіи) заявляетъ, что сформировавшаяся раньше другихъ партій «лѣвая революціонная»—пользуется «движеніемъ, какъ средствомъ вызвать взрывъ и соціальныя перевороты, а потому также (какъ и реакціонная) стремится противодѣйствовать успѣшному и скорому осуществленію «реформы».

Статья земскаго генерала ставитъ точки надъ і въ статьѣ г. Струве. Струве призываетъ демократію не порывать ни въ какомъ случаѣ съ земцами, дабы имѣть возможность работать надъ политическимъ пробужденіемъ народа; г. Кузьминъ-Караваевъ поясняетъ, что уходъ демократіи отъ земцевъ, когда они станутъ у власти, толкнетъ ее на

пробужденіе «боевыхъ силъ народа», съ которыми потомъ не справиться. Г. Струве говоритъ, что радикализмъ тактики вредитъ дѣйствительной революціи; г. Караваевъ поясняетъ, что для того, кто серьезно стремится къ революціи, радикальная тактика умѣстна, ибо ведетъ къ цѣли; но что задача всѣхъ, чуждыхъ «анархій и пугачевщины», «предотвратить взрывъ», жертвуя «теоріей, приобрѣвшей колоссальную популярность», отказываясь отъ поддержки выставленнаго рабочими и крестьянами требованія всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. Г. Струве говоритъ, что республиканизмъ вредитъ, потому что мѣшаетъ осуществленію демократической конституціи; г. Караваевъ поясняетъ: «чтобы предотвратить взрывъ» и не отдать страны тѣмъ, кто «готовъ ее бросить въ водоворотъ социальной революціи», надо «дѣйствовать въ согласіи съ царемъ».

Послѣ шестого іюня либеральная буржуазія вновь обрѣла надежду на возможное соглашеніе съ абсолютизмомъ на основѣ кастоваго представительства. Она хорошо понимаетъ, что такое соглашеніе поставитъ ее въ острый антагонизмъ съ сознательнымъ пролетаріатомъ и революционными слоями крестьянства. Она знаетъ, что противостоять натиску этихъ силъ ей невозможно, не опираясь на буржуазную демократію и не пользуясь ею для вліянія на менѣе сознательные, остальные слои народа. Во имя побѣдъ, одержанныхъ ею уже надъ буржуазной демократіей, она требуетъ отъ послѣдней дальнѣйшаго слѣдованія за нею. Она требуетъ, чтобы буржуазная демократія «не дискредитировала» выборовъ въ государственную думу, хотя послѣдніе будутъ производиться при дѣйствіи усиленной охраны, подъ ружейные выстрѣлы на окраинахъ, при свистѣ нагаекъ, полосующихъ тѣло русскаго пролетарія.

Если буржуазная демократія не послѣдуетъ призыву Кузьмина-Караваева, то уже, конечно, не по винѣ своего лидера—редактора «Освобожденія».

Что же сдѣлаютъ сознательные рабочіе? Они, конечно, не сведутъ своей тактики къ вопросу «баллотировать или не баллотировать» друзьямъ свободы? Можно и баллотировать съ тѣмъ, чтобы «дискредитировать» фальшивое представительство—это вопросъ конкретныхъ обстоятельствъ. Но отъ «дискредитаціи» фальшивыхъ выборовъ они, конечно, не откажутся и потребуютъ отъ демократіи участія въ этомъ дѣлѣ. Какъ говорятъ наши ряжскіе товарищи въ своей прокламаціи («Гибель флота и революціи», изд. ряжск. группы): «мы не дадимъ земскому собору сдѣлаться вершителемъ нар. однихъ судьбъ. Мы потребуемъ отъ него созыва всенароднаго учредительнаго собранія».

Л. Мартовъ.

Организація буржуазной демократіи.

(21 іюня 1905 г., № 103).

Дадеко ли то блаженное время, когда социалдемократія владѣла почти монополіей политической организаціи и готова была съ снисходительностью богатаго барина похлопывать по плечу «бѣдную» и «слабую» буржуазную оппозицію, общаая ей, отъ своихъ избытковъ, «помощь» въ дѣлѣ организаціоннаго строительства? А теперь революціонная буря какъ бы встряхиваетъ мѣшокъ, въ которомъ въ безпорядкѣ расположились зерна различной тяжести, и размѣшаетъ ихъ въ порядкѣ, соответствующемъ ихъ удѣльному вѣсу. И на нашихъ глазахъ происходитъ небывалый по своей интенсивности процессъ сплоченія либерализма и демократіи, быстро обгоняющихъ насъ въ дѣлѣ организаціи и уже, въ свою очередь, порою поглядывающихъ на насъ съ снисходительнымъ сожалѣніемъ. «Они (с.-д.) массаи не владѣютъ», — вотъ мысль, которая опяняетъ широкими перспективами сердце демократа и заставляетъ его думать, что только «наша (демократовъ) пассивность» привела къ тому, что «задача мобилизаціи массъ оказалась фактически монополизированной крайними партіями» («Освоб.» № 71).

Создалось положеніе, которое еще 2—3 года тому назадъ многимъ показалось бы немислимымъ: «половинчатая» демократія не только организуетъ, безъ нашего благосклоннаго содѣйствія, свой интеллигентный авангардъ, но собирается еще оспаривать у насъ нашу исконную политическую вотчину — народныя массы и, въ частности, пролетаріатъ, — и открыто заявляетъ, что ей «оппортунизкъ» побѣтъ въ глазахъ массъ рекордъ по сравненію съ нашимъ «революціонизмомъ».

Революціонная эпоха, создающая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе благоприятныя условія для столкновенья и объединенія, сразу измѣнила шансы въ дѣлѣ организаціоннаго строительства въ пользу буржуазной оппозиціи. Сказались социальныя преимущества тѣхъ слоевъ, изъ которыхъ вербуются ея адепты: матеріальная обеспеченность, позволяющая не слишкомъ много думать о хлѣбѣ насущномъ, европейская образованность, создавшая извѣстные навыки политической мысля, осѣдлость, связавшая «солидную» интеллигенцію тысячьми узъ взаимныхъ услугъ, знакомствъ, дружбы, привычка къ коллективной общественной дѣятельности, выработанная участіемъ въ различныхъ профессиональных, ученыхъ, литературныхъ, артистическихъ

обществахъ и т. д. и т. д. Всѣ эти—на первый взглядъ имѣющіе такъ мало значенія—факторы выступили на сцену и облегчили буржуазной оппозиціи дѣло ея организаціоннаго строительства, лишь только, благодаря измѣненію политической атмосферы, краеугольнымъ камнемъ такого строительства перестало быть мученичество и готовность къ самопожертвованію героевъ революціоннаго долга. А полная готовность ко всякимъ «компромиссамъ» и полная свобода отъ программной и тактической «узости» позволяетъ развить «приспособляемость» организаціи до крайнихъ предѣловъ. И вотъ, передъ нами, какъ бы по маговенію волшебнаго жезла, выросла организація либерально-демократической партіи. Правда, это—организація «профессіональная». Но нужно быть ослѣплымъ, чтобы не видѣть, что «профессіонализмъ» здѣсь только вывѣска, форма, за которой скрывается отнюдь не «профессіональное» содержаніе. «Профессіональные союзы» инженеровъ, врачей, адвокатовъ и проч. и проч.—это только формы организаціи либерально-демократической партіи. Профессіональныя задачи играютъ въ этихъ союзахъ совершенно подчиненную роль. Это—не объединеніе людей, ставящихъ себѣ различныя политическія задачи, но рѣшающихъ совместно бороться за одни и тѣ же профессіональные интересы, а, наоборотъ,—объединеніе людей одной профессіи для выполненія одной и той же политической задачи. Конечно, го ворятъ: союзы объединяютъ людей разныхъ «убѣжденій». Это вѣрно, поскольку подъ «убѣжденіями» подразумѣваютъ ни къ чему не обязывающее, болѣе или менѣе смутное, общее политическое и соціальное мировоззрѣніе. Это—невѣрно, поскольку обязательнымъ для воѣхъ членовъ союза «среднимъ» убѣжденіемъ является политическая и соціальная программа даннаго союза и принятая имъ политическая тактика. Для оцѣнки же смысла и значенія политической организаціи важно не то, что каждый членъ ея въ отдѣльности будетъ думать, а то, что всѣ члены ея, въ качествѣ коллективнаго цѣлага, будутъ дѣлать.

Въ литературѣ долго и упорно ведутся дебаты о природѣ новоявленныхъ «профессіональных» союзовъ и ихъ отличіи отъ «партій». Въ концѣ концовъ, оказывается, однако, что построить различіе между союзомъ и партией можно лишь на почвѣ полного отдѣленія «убѣжденій» отъ «дѣйствій», на почвѣ превращенія партіи въ народную залу, весьма удобную для тонкихъ и прочувствованныхъ бесѣдъ съ гостями, но отдѣленную длиннымъ корридормъ отъ того рабочаго кабинетасоюза, гдѣ хозяинъ совершаетъ овою подлинную, а не воображаемую работу. Но быть «отвѣннымъ республиканцемъ въ душѣ»—на подобіе императрицы Екатерины II—и сочинять проекты конституціи съ се-

храненіемъ полуабсолютистской монархіи дано не всякому, да и вообще подобнаго рода «республиканизмъ», могущій въ назиданіе потомкамъ служить украшеніемъ біографіи его носителя, совершенно безразличенъ для современниковъ.

Такимъ образомъ, «профессиональные союзы»—это нечто иное, какъ приспособленная къ вѣдшимъ условіямъ, «компромиссная» форма организаціи политической партіи. Это, въ концѣ концовъ, вынуждены призывать самые горячіе сторонники объединенія всѣхъ «враговъ бюрократіи» въ союзахъ (см. наприм., В—въ № 96 С. О.).

Конечно, «платформы» союзовъ отличаются отъ того типа детально разработанныхъ и строго опредѣленныхъ программъ, который присущъ «партіямъ» въ европейскомъ смыслѣ слова. Эти «платформы» очерчиваютъ политическія задачи, стоящія передъ союзами, лишь въ общихъ чертахъ, въ контурахъ, дающихъ возможность весьма существенно разнообразить воплощеніе этой «платформы» въ жизнь, «примѣнительно» къ обстоятельствамъ. И въ этомъ смыслѣ можно сказать, что союзы—не партія, а лишь зачаточная форма партіи. Но тутъ повинна не столько форма организаціи, сколько природа и историческое положеніе русской буржуазной демократіи, лишаящая ее возможности въ данный историческій моментъ, до паденія самодержавія, выработать и выставить такую, наприм., детализированную и конкретную программу, какая имѣется у социалдемократіи. Буржуазная демократія вынуждена довольствоваться такъ называемыми «незыблемыми (!) основами», ибо детализація программныхъ требованій повлекла бы за собой лишь образованіе не связанныхъ между собою единствомъ организаціи и тактики конституціонно-демократическихъ группъ. («Осв.» № 69—70). Вотъ почему, и для такой несомнѣнной «партіи», какъ «Союзъ Освобожденія», неопредѣленная политическая «платформа» считается «болѣе чѣмъ достаточной» замѣной дѣйствительной программы.

Разумѣется, «профессиональные союзы» не являются «партіей» и въ томъ смыслѣ, что они еще лишь подбираются къ этой задачѣ, выполненіе которой только и превращаетъ политическую организацію въ настоящую «партію». Задача эта—организація широкихъ слоевъ тѣхъ массъ, которыя должны составить истинную силу партіи, ея будущихъ «избирателей». Но такихъ «партій» Россія еще не знаетъ сегодня; она должна будетъ узнать ихъ завтра. Сейчасъ же, за небольшими исключеніями (союзъ крестьянъ, отчасти—конторскихъ служащихъ), «профессиональные союзы» объединяютъ подъ знаменемъ буржуазной демократіи лишь интеллигентный авангардъ будущей массовой партіи. Это—кадры «руководителей», и огромные кадры (всего членовъ во

всѣхъ союзахъ насчитываются до 25.000), готовые сплошной организаціонной сѣтью охватить широкія народныя массы. Передъ этой задачей и стоитъ сейчасъ демократическая партія, отъ успѣха или неуспѣха выполненія ея зависятъ судьбы буржуазной демократіи. Лишь когда «профессиональнымъ союзамъ» удастся привлечь въ свои ряды и подчинить своему руководству народныя массы, и лишь поскольку это удастся, буржуазная демократія превратится въ огромную силу. И на нашихъ глазахъ она высовываетъ свои организаціонныя щупальцы во всѣ стороны, пытаясь охватить ими и городское мѣщанство, и крестьянъ, и промышленныхъ рабочихъ.

Г. Струве особенно настойчиво подчеркиваетъ эту задачу демократіи. И методъ, который онъ предлагаетъ для овладѣнія массами, очень характеренъ и поучителенъ. «Революціонизмъ» очень не нравится г. Струве; онъ даже вреденъ, по его мнѣнію, ибо «затрудняетъ доступъ къ народнымъ массамъ», а потому «намъ необходимо оставаться самими собой и не поддаваться искушеніямъ революціонизма». (Осв. № 71). Очень хорошо. И однако, какой же рецептъ даетъ г. Струве, когда рѣчь заходитъ объ «овладѣніи», наприм., крестьянскими массами? Онъ рекомендуетъ «сотрудничество» «соціально-привилегированной интеллигенціи (земскихъ главныхъ, профессоровъ и т. п.) и неизмученной интеллигенціи», «третьяго элемента». Первая принесетъ съ собой «вѣсъ своего соціального положенія», «опытъ управленія», «знаніе дѣйствительности и чутье возможнаго» и даже «безспорныя положительныя черты, которыя присущи русскому культурному дворянину». Словомъ, все, что нужно для благоустроеннаго хозяйства, кромѣ... кромѣ возможности вліянія на народныя массы. Эту задачу, въ дѣйствительности, долженъ выполнить «третій элементъ», интеллигентъ-голякъ, отъ котораго никакими дворянскими «положительными чертами» и не пахнетъ. Что же есть у этого санкилота? Почему «культурный дворянинъ» согласенъ снизойти до союза съ этимъ некомильфотнымъ господиномъ? У него есть «прямолинейная и неукротимая энергія разкочивца», у него «меньше опоръ и задержекъ въ прошломъ, но зато больше перспективъ въ будущемъ», онъ «силеиъ своимъ дерзаніемъ». Мы не знаемъ, что можно подраумѣвать подъ всѣми этими энергическими метафорами, кромѣ того самаго «программнаго и тактическаго революціонизма», который только что былъ нещадно обруганъ и съ презрѣніемъ отвергнутъ г. Струве. «Прямолинейность» — да вѣдь это, пожалуй, то самое «афишированіе республиканской идеи», которое, «съ объективной точки зрѣнія, вредно для революціи!» «Перспективы будущаго», — да вѣдь отсюда рукой подать до разговоровъ

«уже теперь» о «диктатурѣ пролетаріата» или «общей конфискаціи земли въ пользу крестьянства!» «Дерааніе»—но вѣдь оно такъ легко приводитъ на «крайне опасный» путь «вооруженныхъ демонстрацій» и «аграрныхъ бунтовъ»!

Очевидно, угрозы г. Струве, что, «оторвавшись отъ земскихъ элементовъ, третій элементъ круто потянетъ влево и неизбежно впадетъ въ революціонизмъ, т. е. утерять возможность широкаго массоваго воедѣйствія на жизнь», не имѣютъ никакого смысла, или, если имѣютъ, то вотъ какой: «революціонизмъ» хорошъ лишь тогда, когда результаты «революціонизированія» учитываются «соціально-привилегированною интеллигенціей». Революціонный «разночинецъ» хорошъ, когда онъ соглашается играть роль «сапа въ мышеловкѣ».

Вопросъ объ участіи или неучастіи социалдемократовъ въ «профессиональныхъ союзахъ» дебатруется теперь самымъ страстнымъ образомъ, вызывая громы и молнію на голову «ототупишниковъ», не соглашающихся играть по отношенію къ рабочимъ ту роль «сапа въ мышеловкѣ», которая въ средѣ крестьянства отведена, по проекту г. Струве, «третьему элементу». Ибо, разъ политическій характеръ «профессиональныхъ» союзовъ твердо установленъ, вопросъ о роли, которую должны будутъ играть социалдемократы, вступая въ союзъ и тѣмъ самымъ принимая на себя обязательство подчиняться постановленіямъ ихъ большинства, для насъ рѣшенъ. Роль «Россійскихъ Освободительныхъ Союзовъ», общающихся рабочимъ «строгаго пролетарскую» литературу и ведущихъ ихъ въ то же время примехонько въ объятія «строгаго буржуазнаго» Союза союзовъ, не для насъ. Можно сколько угодно говорить о «фракціонномъ самолюбіи», «партийныхъ счетахъ», «жѣстничествѣ» и пр., и пр., все это нисколько не можетъ поколебать разъ установленнаго отношенія нашего къ блокамъ и союзамъ съ другими партіями. А вступленіе въ политическую организацію есть нѣчто большее, чѣмъ блокъ или союзъ; это—полное раствореніе въ ней, поскольку организація не является дискуссіоннымъ клубомъ. Правда, это—раствореніе не цѣлыхъ социалдемократическихъ организацій, а отдѣльныхъ социалдемократовъ; но тѣмъ хуже, ибо такой индивидуальный отборъ могъ бы только внести полное разложеніе въ среду нашихъ организацій, развращая политически отдѣльныхъ членовъ ихъ.

Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, чтобы мы должны были добиваться превращенія «союзовъ» въ «дѣйствительно профессиональныя» организаціи, какъ того требуетъ, напримѣръ, г. Рожковъ (№ 60 «С. О.») Если бы это было и возможно, то далеко не всегда социальный со-

ставъ такихъ союзовъ даетъ возможность социалдемократамъ взять на себя обязательство защищать ихъ корпоративные интересы во всей полнотѣ или питать надежду согласовать ихъ борьбу съ пролетарской классовой политикой. Другое дѣло профессиональные союзы рабочихъ и соприкасающихся съ ними слоевъ наемнаго люда, которые самое социальное положеніе ихъ членовъ толкаетъ, хотя и съ зигзагами и колебаніями, на путь такой политики, и въ которыхъ, слѣдовательно, социалдемократія можетъ съ полнымъ правомъ рассчитывать на руководящую роль. Это во-первыхъ. Но, кромѣ того, самое это стремленіе превратить «союзы» въ чисто профессиональныя организаціи свидѣтельствовало бы о полномъ непониманіи ихъ дѣйствительнаго значенія и являлось бы по существу своему реакціоннымъ. Такое превращеніе, несомнѣнно, ослабило бы общій подъемъ политической борьбы и тѣмъ усиливало бы позицію самодержавной бюрократіи. Ибо при такомъ образѣ дѣйствій мы пытались бы измѣнить соотношеніе силъ между социальной и буржуазной демократіей не нашимъ собственнымъ усиленіемъ, а ея ослабленіемъ, которое пѣликомъ пошло бы на пользу болѣе «правымъ» партіямъ и самодержавному правительству. Для насъ же, являющихся носителями политическаго, экономическаго и культурнаго прогресса, ставящихъ себя ближайшею задачею—наиболѣе революціонное преобразованіе политическаго строя, требующее максимальнаго напряженія всѣхъ наличныхъ общественныхъ силъ, ослабленіе буржуазной демократіи допустимо лишь въ томъ случаѣ, если вся сумма терпящихъ ею силъ переливается непосредственно къ намъ, ибо въ нашихъ рукахъ она дастъ большіе результаты. Поэтому—не ухудшеніе способовъ политической конкуренціи для буржуазной демократіи, а улучшеніе нашихъ собственныхъ способовъ конкуренціи и критика всѣхъ прогрессивныхъ партій съ точки зрѣнія этихъ, лучшихъ способовъ—вотъ нашъ методъ «борьбы». Очередная задача «профессиональныхъ союзовъ»—политическая организація и мобилизація народныхъ массъ подъ знаменемъ буржуазной демократіи. Мы не должны принимать участія въ этомъ дѣлѣ, мы не должны вступать въ «союзы». Но въ такомъ случаѣ мы обязаны организовать и мобилизовать массы подъ знаменемъ демократіи социальной. Только въ этомъ случаѣ мы будемъ исторически и политически правы.

Но для того, чтобы выполнить эту историческую обязанность, мы должны отдать себѣ ясный отчетъ не только въ настоятельности ея, но и въ тѣхъ методахъ, которыми она только и можетъ быть выполнена.

Возвращаясь къ тому, съ чего мы начали, мы снова спросимъ:

далеко ли то блаженное время, когда буржуазная демократія казалась намъ такою «бъдною» и «слабою»? Утѣшительное то было время! Посреди полугдавленнаго, хриплаго шопота всей Россіи такимъ громкимъ казалось каждое слово, сказанное нами полнымъ голосомъ! Среди полного хаоса и раздробленности всѣхъ общественныхъ силъ такою крѣпкою и сильною казалась наша организація! А при полномъ или почти полномъ отсутствіи конкурентовъ такъ безраздѣльно, казалось, принадлежала трудящаяся масса намъ, несшимъ проповѣдь классоваго сознанія и классовой борьбы! И такъ легко, за упоеніемъ своимъ величіемъ, забывались истинные основы и размѣры этого величія! Забывалась та обстановка политическихъ сумерекъ, которая дѣлаетъ всѣ политическіе лозунги сѣрыми и всѣхъ интеллигентовъ красными; забывалось, что очередная, политическая задача заключалась лишь въ пробужденіи и приобрѣтеніи политическаго вліянія на массы, а не въ мобилизаціи самой массы для активнаго участія въ политической борьбѣ во имя опредѣленныхъ и ясно осознанныхъ политическихъ требованій, и что именно поэтому буржуазный либерализмъ и демократія могли не испытывать ни малѣйшей конкурентской зависти, предоставляя намъ эту черную «подготовительную» работу, требовавшую безчисленныхъ жертвъ, и спокойно ожидая, что «больно ушибаясь о разныя препятствія, цѣною политическихъ сивяковъ и ссадинъ» («Осв.» № 71), мы «выработаемъ себѣ вѣрную тактику», ведущую насъ прямо въ лоно «Освобожденія». Забывалось, что, въ силу самыхъ задачъ, рѣчь могла идти пока не объ организаціи массъ, а лишь о «строгой—конспиративной» и «узкой» организаціи «руководителей», необычайно облегчавшейся той «несгибаемой» революціонностью, которая такъ обильно питается послѣдовательностью и оптимистическимъ духомъ нашей программы, построенной на прочномъ фундаментѣ научнаго социализма. Забывалось, словомъ, что «сила» наша въ значительной мѣрѣ обуславливалась слабостью политическаго движенія вообще.

И вотъ, наступилъ «слушный часъ», предъявляющій совсѣмъ иные требованія къ нашимъ силамъ, заставляющій насъ растить ихъ въ такой пропорціи, въ которой количество переходитъ въ качество, ибо мы не можемъ увеличить нашихъ силъ, не измѣняя самой формы, въ какую онѣ отливаются. Мы должны смѣло и рѣшительно порвать съ традиціями «подполья» и встать на путь превращенія изъ партіи для массъ въ партію самихъ массъ. И тотъ самый историческій моментъ, который предъявляетъ намъ такіа требованія создаетъ и условія для ихъ выполненія. Мы можемъ и должны ока-

заться побѣдителями въ борьбѣ за обладаніе массами, и прежде всего пролетарскими массами; но для этого намъ нужно во весь ростъ поставить передъ собою эту задачу и увѣренными шагами пойти къ ея выполненію.

Только большому кораблю поплечу большое плаванье,—вотъ истина которую необходимо усвоить каждому социалдемократу, не заострившему въ представленіяхъ недалекаго, но уже, къ счастью, невозвратнаго прошлаго и понимающему, что въ настоящее бурное время смѣшно мѣрять размахъ «революціонности» своей работы масштабомъ, унаслѣдованнымъ отъ эпохи политическихъ будней.

Ф. Данъ.

Не начало ли поворота?

(15 іюля 1906 г., № 105).

Земскій либерализмъ можетъ съ чувствомъ удовлетворенія отмѣтить, труды только что закончившагося московскаго съѣзда. Впервые за все время своего долготѣтнаго существованія онъ нашелъ въ себѣ мужество разорвать съ традиціями дворянской пореформенной оппозиціи и попытаться играть политическую роль на европейскіи—буржуазный ладъ.

Обольщаться этимъ результатомъ земской эволюціи, разумеется, не приходится. Камни должны были заговорить; русское купечество должно было зашевелиться; броненосцы—угрожать крѣпостямъ, чтобы русскій либерализмъ сдѣлалъ минимумъ того, чего отъ него требовала прежде всего его собственная политическая выгода. Стать безповоротно на почву конституціонализма и проявить хотя бы небольшое желаніе опереться на народъ—это не было бы «преждевременно» и годъ тому назадъ, и если бы земскій либерализмъ тогда уже сдѣлалъ это, позиція его была бы много выгоднѣе. Было ли бы это лучше для революціи—вопросъ другой.

Такъ или иначе, а либеральное движеніе сдѣлало на іюльскомъ съѣздѣ большой шагъ впередъ, и съ нимъ приходится отнынѣ счи-

таться, какъ съ факторомъ, пытающимся занять самостоятельное мѣсто въ народной борьбѣ, ведущейся противъ самодержавной бюрократіи.

Къ сожалѣнію, официальныхъ отчетовъ о сѣздѣ у насъ не имѣется, и мы должны опираться только на свѣдѣнія сообщаемыя иностранными корреспондентами.

Извѣстно, что земскій сѣздъ собрался, вопреки настойчивымъ попыткамъ правительства не допустить его. До 250 земскихъ и думскихъ представителей явилось въ Москву, несмотря на «запретительный циркуляръ», разосланный по губернаторамъ. Вмѣшательство властей въ самыя засѣданія сѣзда окончилось для нихъ жалкимъ фіаско: земцы устояли передъ натискомъ полиціи, самодержавная полиція не устояла передъ первымъ—со стороны вождей имущаго либерализма—серьезнымъ отпоромъ. И если булыгинскій циркуляръ о «непущаніи» земцевъ и думцевъ въ Москву, очевидно, имѣлъ тотъ лишь результатъ, что сѣхались преимущественно лѣвыя элементы земской массы, то треповскій приказъ о распущеніи «незаконнаго собранія», въ свою очередь, только окрасилъ занятія сѣзда въ болѣе «красный» цвѣтъ, давъ земцамъ возможность дешевой цѣной получить «боевое крещеніе». Въ результатѣ этихъ вождействій правительства, іюльскій сѣздъ получилъ характеръ, выгодно отличающій его отъ прежнихъ.

«Шиповцы» сидѣли, набравъ въ ротъ воды, а въ лагерѣ конституціоналистовъ, царившихъ на сѣздѣ, отъянокъ Петрункевича взялъ рѣшительный перевѣсъ надъ болѣе умѣренными отъянками.

Сѣздъ сурово высказался о проэктѣ Булыгина. Сгоряча онъ даже отвергъ предложеніе бюро «не бойкотировать» провозвѣщенную государственную думу, а участвовать въ выборахъ. Но затѣмъ подъ давленіемъ того же бюро, онъ взялъ назадъ это рѣшеніе и постановилъ оставить вопросъ (объ участіи въ выборахъ) открытымъ до слѣдующаго сѣзда, вмѣющаго быть экстренно созваннымъ по официальномъ объявленіи о пожалованіи Россіи булыгинской, съ позволенія сказать, конституціи.

Противорѣчіе въ голосованіяхъ по этому вопросу имѣетъ очень серьезное значеніе и на немъ слѣдуетъ остановиться.

Политическая позиція, которую занялъ іюльскій сѣздъ, есть позиція конституціоналистскаго демократизма «освобожденцевъ». Стоя на этой позиціи, необходимо кореннымъ образомъ отвергнуть булыгинское «представительство». Это и сдѣлали земцы. Но что представляетъ собой это самое представительство? Ни болѣе, ни менѣе, какъ выводъ изъ того самаго «земскаго и городского самоуправленія», на почвѣ котораго выросъ и развился русскій либерализмъ, представленный на

създѣ. Отрицаніе «булыгинской конституціи» есть отрицаніе земскаго либерализма въ томъ видѣ, какъ онъ сложился исторически, это есть крутой разрывъ со всей традиціей либеральной партіи. Традиціонный русскій либерализмъ привыкъ исходить отъ «земскаго Положенія» 1864 года въ своей тактикѣ и неизмѣнно возвращаться къ нему въ своихъ программныхъ требованіяхъ. Давно ли сами либералы не считали для Россіи пригоднымъ что бы то ни было, кромѣ принципа «всесо-словно»-цензуроваго представительства, положеннаго въ основу этого Положенія? Давно ли слово «Земскій Соборъ» являлось альфой и омегой ихъ политической программы? Если теперь на іюльскомъ създѣ произошелъ этотъ разрывъ съ традиціей, если воплощенный въ проектѣ Булыгина (въ отдѣлѣ объ организаціи представительства) былой идеаль самыхъ «передовыхъ» земцевъ, если онъ нынѣ отшатнулъ отъ себя тѣхъ же земцевъ, то въ этомъ интересномъ явленіи безпристрастный и вдумчивый наблюдатель замѣтитъ признакъ колоссальнаго роста и а-родной революціи. Она, эта стихія великой русской революціи, оборвала пуповину, связывающую русскій либерализмъ съ историче-скими традиціями просвѣщенной части дворянства, съ пресловутой «эпохой великихъ реформъ». И тотъ, кому партійная близорукость не мѣшаетъ наблюдать дѣйствительность, не сможетъ не замѣтить въ этомъ воздѣйствіи революціонной стихіи осмысливающее вліяніе работъ соци-алдемократіи, которой удалось въ теченіе послѣдняго года сдѣлать по-пулярными демократическія идеи и оформить то систематиче-ское давленіе народныхъ массъ, которое учитывалось либералами на ихъ създѣ. Идеиную побѣду пролетаріата прежде всего знаменуетъ рѣшеніе іюньскаго създа безповоротно отвергнуть булыгинскую Думу.

Земцы увидѣли, что не только «сословно-бытовой», но и «всесо-словно-земскій» цензъ въ данной исторической обстановкѣ, означаетъ со-храненіе всѣхъ прерогативъ самодержавія, означаетъ самаго худшаго сорта «мнимый конституціонализмъ». Они увидѣли, наконецъ, то, что имъ говорили съ самаго начала социалдемократы, и пришли къ всеоб-щему избирательному праву, какъ единственной гарантіи парламен-таризма (разумѣется по возможности, ограничивъ полноту его примѣ-ненія въ своихъ конституціонныхъ проектахъ).

Но если, ставъ на эту дорогу, земскіе либералы могутъ спасти себя отъ растворенія въ реакціонной массѣ, противъ которой ведетъ свою борьбу русскій народъ, то этимъ шагомъ они—увы!—начали исторію своей ликвидаціи, какъ партіи земской.

За съѣхавшимися въ Москву представителями стоитъ плотная масса истинныхъ «людей земли», довѣрившихъ имъ представительство своихъ

соціальныхъ интересовъ. Эта плотная масса землевладѣльцевъ и городскихъ олигарховъ связана съ «всесловнымъ цензоромъ» и со всеми, надстроенными на немъ, сословными неравенствами чѣмъ-то болѣе прочнымъ, чѣмъ идеологическая привычка. Эти «люди земли» кровными узами связаны съ пореформенной системой мѣстнаго самоуправления, входящаго, какъ часть въ цѣлое, въ систему дворянской и помѣстной гегемоніи въ общественной жизни Россіи. Эти «люди земли» проявили въ достаточной мѣрѣ свое умѣніе использовать свои политическія привилегіи, и исторія земскаго обложенія, земскихъ попытокъ регулированія крестьянскаго вопроса и рабочаго вопроса въ сельскомъ хозяйствѣ ярко свидѣтельствуетъ объ этомъ ихъ умѣніи. Брошенная общественнымъ развитіемъ въ политическую оппозицію, эта земская масса, во многихъ своихъ интересахъ соціально-реакціонная, налагала на русскій буржуазный либерализмъ печать его до-нынѣшней анти-народности. Обостреніе политической борьбы, вызванное могучимъ ростомъ рабочаго движенія, заставляетъ политическую партію, стоящую во главѣ земствъ, разорвать узы, порабоцавшія ее этимъ «людямъ земли». Но тѣмъ самымъ конституціонная партія обрубаешь тѣ корни, которые ее до сихъ поръ питали. И въ вопросѣ о тактикѣ, которую надлежитъ занять по отношенію къ выборамъ въ «Думу», либералы нащупали эту свою бѣду.

Отстраниться отъ участія въ выборахъ въ думу въ данный моментъ, когда они только еще собираются искать себѣ новую соціальную опору,—это значить содѣйствовать эмансипаціи «людей земли» отъ политическаго руководительства ихъ до-нынѣшнихъ вождей. Это очевидно, какъ сама истина. Съ принятіемъ въ программу всеобщаго избирательнаго права, конституціоналисты перестали быть «земской» партіей въ старомъ смыслѣ. Устраняясь отъ выборовъ въ думу, она ту земскую массу, которая, по своимъ интересамъ, отнюдь не склонна отказаться отъ своей привилегіи, толкаютъ на образованіе новой, дѣйствительно земской партіи, которая не жертвовала бы народному движенію этими привилегіями. Если конституціоналисты проведутъ среди либераловъ бойкотъ при выборахъ въ думу, они могутъ быть увѣрены, что большинство помѣщиковъ приметъ участіе въ этихъ выборахъ и заполнить булыгинскій новъе ковчегъ пресмыкающимися различными породъ.

Тактика бойкота, вообще трудно проводимая, можетъ удалась тогда лишь, когда соціальныи классъ, представляемый партіей, прибѣгающей къ бойкоту, по внутренней логикѣ своего собственнаго развитія революціонно идетъ въ ногу съ этой партіей. При такомъ условіи, умѣло проведенный бойкотъ «отпѣдять» отъ массы, идущей

за этой партией, только безнадежно—остальные элементы данного класса, неспособные ни къ какому политическому сплоченію. Другое дѣло тогда, когда партія, зовущая къ бойкоту, вынуждена была далеко опередить свой классъ по пути общественнаго движенія. Въ этомъ случаѣ объявленный ею бойкотъ долженъ привести къ тому, что оставить ее за бортомъ собственного класса, политическое сплоченіе котораго—но въ другую, чѣмъ желательно партіи сторону—только выиграетъ отъ этой операціи. Въ такомъ именно положеніи находится теперь конституціоналистская партія.

Между тѣмъ, ея прошлая работа не даромъ дала ей постъ официальной представительницы «земскихъ сословій». Завоеванное долгой работою политическое положеніе можетъ быть съ успѣхомъ эксплуатировано партией еще долго послѣ того, какъ начала исчезать связь социальныхъ интересовъ между классомъ и партией. Уже въ июльскіе дни земскій съѣздъ не отражалъ объективно развивающихся тенденцій помѣстнаго землевладѣнія. Каждый новый шагъ на пути активной борьбы будетъ увеличивать это несоответствіе. И какъ нельзя болѣе заманчиво для политическихъ вождей либеральной партіи замедлить процессъ отраженія этого несоответствія въ сознаніи «людей земли», продлить свою роль официального представителя земскихъ плателъщиковъ, по-прежнему имѣть въ своемъ распоряженіи вѣсь ихъ социальной мощи для борьбы съ «бюрократіей». Но это достижимо лишь при перенесеніи доселѣ ведшейся въ земствахъ борьбы въ выборную агитацію при созывѣ Думы, лишь при укрѣпленіи на первыхъ выборахъ въ Думу связи между избирающей массой и домыслившимъ избранными,—связи, которая фатально обречена порваться (для партіи въ дѣломъ, по крайней мѣрѣ). Вотъ почему вожди земскихъ либераловъ не могли не ощутить самаго живѣйшаго безпокойства, когда, увлекшись стремленіемъ сбросить съ себя «ветхаго человѣка», земцы склонились къ бойкоту Думы. Вотъ почему они слѣдующемъ голосованіемъ уничтожили смыслъ прежняго голосованія.

Но, съ другой стороны, земцы не даромъ приняли—на минуту—это радикальное рѣшеніе. Строго говоря принципиальная борьба съ булыгинской Думой не подразумеваетъ обязательнаго при выборахъ бойкота. Участіе въ выборахъ съ тѣмъ, чтобы «изнутри взорвать» дрянное учрежденіе не есть тактика оппортунизма. Но, чтобы умѣло провести такую тактику, надо чувствовать за собой поддержку народнаго довѣрія—въ противномъ случаѣ, непременно взорвешь свою собственную партію или, вѣрнѣе, приведешь ее къ внутреннему разложенію. А народное довѣріе пріобрѣтается только борьбой въ ря-

дахъ народа. Между тѣмъ, до сихъ поръ съ народомъ земскіе либералы не имѣли ничего общаго и проявляли къ его революціонной самостоятельности самое реакціонное отношеніе. Собираясь теперь ликвидировать эту полосу своего прошлаго, они видятъ, что не владѣютъ еще никакимъ капиталомъ народнаго довѣрія, за счетъ котораго можно было бы повести рискованную и сложную тактику завоеванія реакціоннаго по своей организаціи государственнаго учрежденія для превращенія его въ орудіе прогрессивнаго движенія. И, поэжая то, что они сдѣлали своей прежней дѣятельностью, земцы не дерзаютъ высказаться за тактику участія въ выборахъ.

Въ результатѣ этихъ сомнѣній сѣздъ отерочилъ рѣшеніе вопроса.

Мы сказали—и въ этомъ мы видимъ историческій смыслъ рѣшеній сѣзда,—что онъ положилъ начало ликвидациі русскаго конституціонализма, какъ земско-помѣщичьей партіи. Другими словами, это значить начало созданія дѣйствительной либерально-демократической партіи ¹⁾.

Неоднократно указывали мы въ «Искрѣ» налнчность въ либеральномъ русскомъ движеніи двухъ существенно различныхъ соціальныхъ элементовъ: помѣщичьей оппозиціи и разночинскаго демократизма. Мы указывали на то, что разрывъ установившейся между ними связи является первой предпосылкой для того, чтобы объективно-революціонный въ современной Россіи разночинскій демократизмъ могъ стать «становымъ хребтомъ» широкаго народнаго (въпролетарскаго) движенія. Поэтому, мы призывали «третій элементъ» къ самостоятельному отъ «земцевъ» дѣйствію, бокъ о бокъ съ революціоннымъ пролетариатомъ. Поэтому мы ставили движенію самого пролетариата задачу оторвать отъ земско-либеральнаго «блока» его лѣвое крыло, такъ усиленно приковывавшееся къ колесницѣ земскихъ тузовъ стараніями «освобожденцевъ». Историческую задачу разночинной демократіи мы видѣли въ революціонизированія и мобилизаціи отсталыхъ и стоящихъ внѣ сферы дѣйствія сознательнаго пролетариата народныхъ массъ.

Дѣйствительное развитіе пошло нѣсколько въ иныхъ формахъ. Организація разночинцевъ успѣли (благодаря, конечно, своей нереволуціонной тактикѣ) сдѣлать слишкомъ мало для политической мобилизаціи народа. Въ то же время обостреніе борьбы пролетариата съ деспотизмомъ создало политическое положеніе, въ которомъ умѣренный, вышедшій изъ земскихъ круговъ, конституціонализмъ долженъ былъ или задохнуться или взять на себя инициативу движенія влѣво, не дожидаясь,

¹⁾ Первый шагъ къ образованію такой партіи сдѣлали лѣвыми земцами на окончаніи сѣзда.

пока его властно потянетъ туда его разночанный союзникъ. Попытку добровольно покончить съ собой (съ самыми благородными жестами) земскіе вожди сдѣлали 6-го іюня въ петергофскомъ дворцѣ. Они лежали уже, казалось, полубездыханными политическими трупамъ у ногъ самодержавія, но послѣдовалъ пріемъ «истинно-русскихъ» людей. Этого не могли снести даже Трубецкой съ братіей. Съ береговъ Чернаго моря донеслись залпы «Потемкина»—и конституціоналисты улыхали отъ иностранныхъ доброжелателей, что теперь имъ можно «мечтать» даже о насильственномъ переворотѣ при помощи недовольнаго офицерства. И вотъ, черезъ мѣсяцъ послѣ петергофскаго самоуниженія, конституціонализмъ пытается снова возродиться въ томъ единственномъ видѣ, въ какомъ онъ отнынѣ можетъ жить, взявъ на себя ту инициативу, которую не сумѣла взять демократическая интеллигенція. Опираясь на аппаратъ земской организаціи, собирать вокругъ своего знамени народъ—такова задача отнынѣ. Разрывая въ принципѣ съ «всесловнымъ земскимъ представительствомъ», земскій конституціонализмъ становится конституціонализмомъ демократическимъ. А пелаяція къ народу—эти слова впервые раздались въ земскомъ лагерѣ.

Съ чѣмъ же земцы обратятся къ народу?

Они намѣрены организовать повсемѣстные митинги противъ булыгинскаго проекта; будутъ пропагандировать неповиновеніе тѣмъ дѣйствіямъ администраціи, которыя нарушаютъ основныя права гражданина (хотя бы эти дѣйствія и соответствовали буквѣ закона).

Это очень недурно. Но, боясь пропагандировать стачку гражданъ, необходимо поставить и вопросъ о средствахъ для веденія гражданами этой стачки.

Земскій сѣздъ посовѣтовалъ примѣнять «своѣ средства», но уступать насилію. Это очень благоразумно, конечно, но едва ли подниметь сколько нибудь охоту гражданъ вступать въ прямую борьбу съ органами самодержавія и едва ли сколько нибудь умѣрять рвеніе администраціи въ попыткахъ примѣненія произвольныхъ мѣръ. Сопротивленіе, поставившее самому себѣ принципиальную границу въ нападѣнн противника, сводится на нѣтъ простой готовностью противника примѣнять насиліе безъ всякой «крайней необходимости». Что правительство Трепова обладаетъ такой готовностью, въ этомъ едва ли сомнѣваются земцы. А если такъ, то ихъ призывъ къ сопротивленію не является призывомъ къ борьбѣ наступательной, къ борьбѣ, которая могла бы имѣть шансы завоевать Россіи свободу. «Пассивное сопротивленіе», какъ это показалъ опытъ Финляндіи, можетъ въ

лучшемъ случаѣ, помѣшать введенію какихъ-либо новыхъ острыхъ репрессій, но заставить измѣнить царящій вѣками порядокъ оно не въ силахъ, ибо для того, чтобы разстроить въ конецъ государственную машину, оно должно дѣйствовать очень долгое время, въ теченіе котораго внесетъ страшный хаосъ въ жизнь самой націи. Собственно говоря, это самый дорогой для народа методъ совершенія революціи.

Рано или поздно, пассивное сопротивленіе наталкивается на предѣлъ, за которымъ наступаетъ необходимость сопротивленія «активного», необходимость наступленія. И если земцы въ серьезъ вступать на путь противодѣйствія самодержавію, они придутъ къ этому предѣлу.

Земцы постановили идти въ народъ съ агитаціей. Они явятся на митинги и будутъ звать народъ не исполнять тѣхъ или иныхъ требованій власти. Что же отвѣтять они на вопросъ народа: нужно ли в о о р у ж а т ь с я для отпора полиціи и хулиганамъ? продолжать ли устраивать отряды самообороны? отказывать ли въ квартирахъ казачьимъ командамъ, прибывшимъ для экзекуціи?

Вѣроятно, земцы отвѣтять на этотъ вопросъ отрицательно. На своихъ засѣданіяхъ они совершенно обошли молчаніемъ вопросъ объ организаціи сопротивленія, совершенно игнорировали поднятый въ столькихъ думахъ вопросъ объ организаціи городской милиціи. Богѣ того: они даже не обязали земства и думы перестать выдавать деньги на содержаніе полиціи и казаковъ. И въ разгаръ дебатовъ съѣзда чрезъ газеты облетѣло позорное извѣстіе, что Нижегородская дума вновь ассигновала 10.000 р. на расквартированіе казаковъ.

Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые думаютъ, что для содѣйствія освобожденію Россіи имущіе классы не могутъ ничего сдѣлать, кромѣ какъ «содѣйствовать социалдемократіи въ дѣлѣ народнаго вооруженія». Напротивъ, мы думаемъ, что буржуазія еще можетъ, а слѣдовательно, и должна многое сдѣлать въ дѣлѣ расшатки самодержавія вовлеченіемъ въ борьбу съ нимъ болѣе отсталыхъ слоевъ народныхъ массъ (особенно сельскихъ), не подавшихся еще революціонному вoadѣйствію «крайнихъ» партій. Въ этомъ смыслѣ, одинъ фактъ перехода официальныхъ организацій имущихъ классовъ къ борьбѣ нелегальною, хотя бы въ формѣ пассивнаго сопротивленія и крупныхъ политическихъ демонстрацій, будетъ имѣть крупное агитационное значеніе. И насъ несколько не можетъ смущать то соображеніе, что, ведя въ народѣ такую агитацію, конституціоналисты—земцы будутъ вербовать себѣ недостающія имъ теперь народныя массы, становясь такимъ образомъ, непосредственными вашими по-

литическими «конкурентами». Политической конкуренціи либераловъ намъ всего менѣе приходится бояться.

Но, чѣмъ болѣе дѣйствительно будетъ положительное значеніе обращенія земцевъ къ народу съ агитаціей, тѣмъ болѣе оно потребуетъ отъ нихъ выполненія второй задачи, лежащей на имущихъ классахъ—задачи вооруженія народа; тѣмъ чаще они сами явятся непосредственно отвѣтственными за тѣ лишнія жертвы, которыя народъ несетъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ, благодаря отсутствію у него средствъ къ отпору. И объ этой отвѣтственности народъ обязанъ напомнить земцамъ, когда они явятся передъ нимъ въ роли кандидатовъ на «политическое руководство». Если земцы не захотятъ—изъ боязни революціи—помогать народу въ этомъ отношеніи, все ихъ хожденіе «въ народъ» окончится жалкимъ фіаско.

Соціалдемократическій пролетаріатъ озаботится о томъ, чтобы возможно скорѣе конституціоналисты увидѣли себя передъ этой дилеммой—или уйти отъ народа обратно въ міръ банкетовъ и съѣздовъ, или сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ.

Другая задача сознательнаго пролетаріата—выступить передъ народомъ съ разоблаченіемъ недостаточности и реакціонности того представительства, которое будутъ пропагандировать земцы согласно рѣшенію июльскаго съѣзда. Двухпалатная конституція съ верховнымъ правительствомъ, имѣющимъ право veto и распоряжающимся арміей и флотомъ—таково это представительство. Пролетаріатъ долженъ со всею энергіей разъяснить широкимъ массамъ населенія отсталость такого представительства и его полную недостаточность для осуществленія тѣхъ социальныхъ реформъ, которыя необходимы пролетаріату и крестьянству.

Земцы постановили—и это очень важное постановленіе—приглашать на свои будущіе конгрессы представителей отъ крестьянъ. Предложеніе приглашать представителей рабочихъ организацій они передали въ бюро, слѣдовательно, не рѣшили или съ его принять (а, можетъ быть, не рѣшились и отвергнуть его). Въ этомъ рабочіе справедливо усмотрять аттестатъ своей политической зрѣлости, невольное признаніе, что въ пригласительномъ классѣ политической школы, каковымъ пока являются «земскіе парламенты», ихъ передовымъ элементамъ дѣлать нечего.

Вмѣстѣ съ тѣмъ земцы создали официальную центральную организацію съ широкими полномочіями центра, установивъ обязательный налогъ со всехъ входящихъ въ организацію земствъ. Если они сумѣютъ связаться съ тѣми или другими народными слоями, земцы будутъ

обладать крупной политической организаціей, способной сыграть замѣтную роль въ борьбѣ съ деспотизмомъ. Какъ ни малъ тотъ шагъ, который они нынѣ сдѣлали, онъ,—если, конечно они не поспѣшатъ взять его назадъ—долженъ будетъ втянуть ихъ въ острую борьбу съ самодержавіемъ. И вокругъ земскаго съѣзда уже носятя (преимущественно въ иностранной печати) толки о «временномъ правительствѣ», о полной «изоляции» самодержавія, которую они проведутъ системой бойкота, стачки и пассивнаго сопротивленія. Если въ данный моментъ, когда земцы еще не напунали почвы въ народѣ, такіе проекты могутъ представляться преждевременными, то несомнѣнно, что бурное развитіе революціонныхъ событій можетъ ихъ завтра же сдѣлать совершенно реальными.

Пролетаріатъ можетъ только пожелать, чтобы представители имущихъ классовъ вступили рѣшительно на этотъ путь. Онъ можетъ только пожелать, чтобы и они, въ свою очередь, сдѣлали кое-что для вовлеченія націи въ острый конфликтъ съ силами реакціи, конфликтъ, который, разумѣется, не удастся разрѣшить однимъ «косвеннымъ сопротивленіемъ», одной изоляціей абсолютизма. И пролетаріатъ весь, какъ одинъ человѣкъ, поддержитъ революціонную инициативу конституціоналистовъ, если они въ одинъ прекрасный день попытаются организовать временное правительство, которое взялось бы выполнить требованія народа, отвергаемыя монархіей. Конечно поддержитъ, поставивъ свои условія, и во главѣ этихъ условій будутъ стоять: разоруженіе реакціи, вооруженіе народа, созывъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія. Попытка «пожаловать» народу іюльскую двухпалатную монархическую конституцію будетъ, разумѣется, встрѣчена пролетаріатомъ такой же борьбой, какъ и попытка Булыгина.

Стать въ глазахъ сознательной части народа не только людьми партіи, но и временнымъ органомъ государственнаго переустройства земцы смогутъ тогда лишь, когда во главу угла своей агитаціи поставятъ созывъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія.

Пролетаріатъ, сказали мы, поддержитъ революціонную инициативу. Но онъ ее поддержитъ только для того, чтобы открыть эру революціи, чтобы не дать остановитъ революціонный процессъ, чтобы не дать водвориться, столь желательному для редактора «Освобожденія» «сильному правительству». Съ этого момента пути революціоннаго пролетаріата и либеральной буржуазіи разойдутся безповоротно.

Л. Мартювъ.

Къ началу академическаго года.

(29-го іюля 1906 г. № 107).

Приближается начало академическаго года, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на очередь становится вопросъ о той позиціи, какую займутъ студенты. Будутъ ли они попрежнему «бойкотировать» университетъ и другія учебныя заведенія, или поишутъ новыхъ, болѣе революціонныхъ, путей не только для выраженія своего протеста противъ самодержавно-бюрократическаго режима, но и для усиленія своей революціонной борьбы съ нимъ.

Незачѣмъ, конечно, говорить о томъ, что какъ ни мала, относительно, социальная сила, представляемая студенчествомъ въ ряду тѣхъ основныхъ массовыхъ силъ, которыя выступили на поверхность и которымъ предстоитъ рѣшить судьбы русской революціи, она все же имѣетъ большое значеніе. Помимо лишняго элемента дезорганиціи правительственной власти, вносимаго «волненіями» учащейся молодежи, студенчество въ революціонныя времена можетъ сыграть и болѣе крупную роль. Тутъ важно, прежде всего то, особо повышенное настроеніе, которое вносится студентами въ ихъ семьи. Но еще болѣе важны тѣ услуги, которыя могутъ оказать студенты революціонной толпѣ въ качествѣ интеллигентныхъ агитаторовъ съ одной стороны, въ качествѣ лицъ, обладающихъ спеціальными техническими знаніями, съ другой. Организованные уже въ силу группировки своей по учебнымъ заведеніямъ, эти тысячи легко возбуждающей молодежи являются отличнымъ проводникомъ революціоннаго тока и, при началѣ великихъ массовыхъ выступленій, и, въ частности, при началѣ активной борьбы, могутъ оказаться незаменимымъ орудіемъ въ рукахъ революціонныхъ партій. Роль, которую студенты играли во всѣхъ революціяхъ, при всякихъ «военныхъ» дѣйствіяхъ народныхъ массъ, достаточно извѣстна, чтобы не останавливаться на ней. Отсюда ясно, что въ интересахъ революціи въ высшей степени важна концентрація студентовъ въ крупныхъ центрахъ политической жизни, какими являются университетскіе города, и поддержаніе той организованности студенчества, какая дается регулярнымъ общеніемъ между ними въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній. Подъ этимъ угломъ зрѣнія и долженъ быть пересмотрѣнъ вопросъ о тактикѣ студенчества теперь, когда, наряду съ дальнѣйшимъ «подготовленіемъ» революціи, на очередь дня все болѣе и болѣе выдвигаются непосредственныя дѣйствія народныхъ массъ.

Въ иностранныхъ газетахъ появилось сообщеніе, будто профессора московскаго университета постановили не читать лекцій до тѣхъ поръ, пока правительствомъ не будетъ гарантирована академическая свобода. Мы не знаемъ, насколько достовѣрно это сообщеніе, но звучитъ оно, во всякомъ случаѣ, вполне правдоподобно. Теперь, въ сентябрѣ, предстоитъ, какъ извѣстно, въ силу рѣшеній студенчества при началѣ академической забастовки, пересмотръ вопроса о тактикѣ самимъ студенчествомъ. Рѣшатъ ли и они, подобно профессорамъ, сохранить старую тактику? Эта тактика, въ свое время, имѣла несомнѣнно полное право на существованіе и большой смыслъ. Въ ряду другихъ, болѣе крупныхъ по своему общественному значенію, проявленій протеста широкихъ народныхъ массъ и общества противъ самодержавнаго режима, и она внесла свою долю въ дѣло его расшатки. Поскольку дѣло сводилось лишь къ такой расшаткѣ, лишь къ дезорганизациіи правительства,—а къ этому, почти цѣлкомъ, дѣло сводилось годъ тому назадъ,—тактика пассивнаго сопротивленія, бойкота, борьбы со сложными руками несомнѣнно соотвѣтствовала поставленной задачѣ. Она вполне удовлетворяла и другому вопросу времени—расширенію и усиленію политической агитаціи. Она наглядно демонстрировала передъ всѣмъ населеніемъ всю невозможность «жить такъ дальше»: невозможность работы для рабочихъ, отправленія адвокатскихъ обязанностей для адвокатовъ, врачебной дѣятельности—для врачей, невозможность научной и учебной дѣятельности для профессоровъ, учителей, студентовъ. Она показала самодержавно-бюрократическій режимъ во весь его ростъ, какъ страшный тормазъ не только для всякаго прогрессивнаго развитія, но и для простого продолженія всѣхъ общественныхъ функций. Тактика пассивнаго сопротивленія—а такова и была по общему своему смыслу тактика забастовокъ и бойкота—дискредитировала этотъ режимъ, вносила во всю страну элементы политическаго возбужденія и политическаго сознанія и подготовляла политическую мысль къ наступательнымъ дѣйствіямъ «Разселеніе» студентовъ по всей странѣ, явившееся естественнымъ результатомъ закрытія учебныхъ заведеній, не мало способствовало занесенію «заразы» въ самые глухіе провинціальныя углы. Недаромъ, «студентъ», наряду съ «жидомъ», сталъ предметомъ самой яростной ненависти организаторовъ «черныхъ сотенъ».

Такимъ образомъ, повторяемъ, для своего времени тактика «леученія» вполне оправдывалась обстоятельствами и вполне соотвѣтствовала поставленнымъ задачамъ. Но иные времена—иные пѣсни, и то, что вчера было прогрессивнымъ и революционнымъ, сегодня легко

становится отсталымъ и реакціоннымъ. Въ статьѣ «Оборона или наступленіе?» (стр. 381) мы старались показать, какой недостаточной и нереволуціонной явилась бы въ переживаемый моментъ тактика несложнаго никакими наступательными дѣйствіями бойкота, проецированнаго «Союзомъ союзовъ» по отношенію къ Булыгинской думѣ.

Тотъ же принципъ применимъ цѣлкомъ и къ студенческой тактикѣ забастовокъ.

Мы должны готовиться къ активнымъ дѣйствіямъ массъ. Разумѣется, и раздробленные, разбросанные по всей странѣ, лишенные взаимной связи, создающейся ежедневнымъ общеніемъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, студенты могутъ, каждый въ одиночку, принимать участіе въ массовыхъ выступленіяхъ, играть въ нихъ известную полезную роль. Но именно только въ одиночку. Вся же сила, которая создается коллективною организованностью студенчества, идетъ при этомъ на смарку. А между тѣмъ, какъ мы уже упоминали, именно эта коллективная организованность и составляетъ одну изъ тѣхъ особенностей студенчества, которыя его дѣлаютъ драгоценнымъ элементомъ въ эпоху революціонныхъ бурь и наступательныхъ революціонныхъ дѣйствій. Революціонныхъ единицъ—много, революціонныхъ организмовъ—мало. Надо дорожить тѣми немногими, которые имѣются въ наличности.

Значитъ, мы зовемъ студентовъ «приступить къ занятіямъ», подчинившись введенному правительствомъ режиму и спокойно ожидая, пока революціонный Аполлонъ призоветъ ихъ къ «священной жертвѣ»? Конечно нѣтъ. Такая диллема—или продолженіе забастовки, или подчиненіе правительственному террору—встаетъ только передъ тѣмъ, кто не можетъ перескочить мыслью черезъ рамки пассивной тактики, пассивнаго сопротивленія.

Студенчество должно въ этомъ случаѣ пойти дальше профессоровъ и показать своимъ «учителямъ» примѣръ активной тактики и въ области академическихъ отношеній. Студенчество вернется въ университетъ не затѣмъ, чтобы мирно вкушать плоды подцензурной науки, а затѣмъ, чтобы своими наступательными дѣйствіями освободить науку отъ той цензуры, которую налагаетъ на нее полицейское самодержавіе. «Захватное право» должно воцариться и въ академическихъ залахъ. Систематическое и открытое нарушеніе всѣхъ правилъ полицейско-университетскаго «распорядка», изгнаніе педделей, инспекторовъ, надсмотрщиковъ и шпионовъ всякаго рода, открытіе дверей аудиторій всѣмъ гражданамъ, желающимъ войти въ нихъ, превращеніе университетовъ и вышнихъ учебныхъ заведеній въ мѣсто народныхъ собраній

и политических митингов—вот цель, которую должно поставить себя и выполнить студенчество при возвращении в покинутые им залы. Превращение университетов и академий в достояние революционного народа,—так можно кратко формулировать задачу студенчества, поскольку она не выходит из академических рамок. Такое превращение, конечно, сделает университет одним из пунктов концентрации и организации народных масс.

Само собой разумеется, что на этом пути революционное студенчество встрянет противодвижение не только со стороны правительства. Многие из тех «радикальных» профессоров, которые упиваются своей собственной гражданской доблестью, выражающеюся в пассивном отказе читать лекции, поднимают страшный вопль по случаю покушения революции на «свободу» науки. Но смущаться этими воплями не следует, не только потому, что «свобода» профессорской «науки», всегда косящей глазами в сторону правящих классов,— вещь довольно сомнительной ценности, но и потому, что те недолгие дни до водворения либерального «порядка», когда университет будет достоянием революционного народа, будет трибуной, с которой в свободном состязании будет раздаваться всякий голос, всякое мнение,—эти недолгие дни и будут днями истинной свободы науки, свободы мысли, свободы исследования. И можно заранее поручиться, что те студенты, которым выпадет на долю счастье пережить эти дни, не так то легко и скоро дадут снова запретить себя в оглобли размеренно-аккуратной «научной мысли» г.г. профессоров.

Конечно, правительство не будет спокойно смотреть на такого рода «возвращение» студентов к «занятиям». Если забастовка была для него «бичем», то прекращение ее окажется «скорпионом». И необходимо считаться с такой перспективой, что правительство очень скоро само будет стараться закрыть те университетские двери, в которых оно так долго и так безуспешно старалось насильно втащить студенчество. Но не говоря о морально-политической выгоде такой позиции, при которой не студенты, а правительство является инициатором «прекращения науки», обстановка революционного времени, поскольку удастся развить наступательную тактику во всех сферах общественно-политической жизни, дает основание рассчитывать и на непосредственные успехи в намеченном направлении. Быть может, даже размеры этих успехов будут так велики, что правительству не удастся вернуть ту эру «неучения», о которой оно будет вздыхать, ибо будет слишком поздно.

Но, разумеется, предъями академической жизни задачи студен-

чества не ограничиваются. Оно должно воспользоваться своимъ общеніемъ между собой и съ тѣмъ революціоннымъ народомъ, который устремится въ открытыя двери университета, для того, чтобы организоваться политически, чтобы примкнуть къ опредѣленнымъ политическимъ партіямъ, завязать тѣсныя сношенія съ партійными организаціями, согласовать свою дѣятельность (хотя бы въ предстоящей «избирательной» агитаціи) съ ихъ дѣятельностью и т. д., и т. д. Въ этой области, разумеется, неизбежно партійное раздвоеніе студенчества, партійная группировка его. Но и этой группировкѣ собраніе разсыпанной студенческой хранины воедино можетъ только способствовать.

Итакъ, вотъ два пути—продолженіе отжившей свое время и, въ значительной степени, утратившей свое значеніе тактики пассивнаго сопротивленія, или широкая перспектива наступательныхъ боевыхъ дѣйствій съ возможностью играть огромную роль въ активномъ выступленіи передовыхъ массъ на штурмъ стараго порядка. Первый путь, несомнѣнно, гораздо болѣе легкій; второй—чреватъ тяжелой борьбой и тяжелыми жертвами, частичными неудачами, неуверенностью въ тѣхъ предѣлахъ, до которыхъ удастся достигнуть успѣха. Студенчеству предстоитъ выбирать, а мы хотѣли бы, чтобы революціонный смыслъ подсказалъ ему именно этотъ, второй путь.

Ф. Данъ.

Рано пташечка запѣла...

(29 іюля 1905 г. № 107).

Событія на «Князь Потемкинъ» были первымъ раскатомъ надвигающагося народнаго движенія. И достаточно было, однако, этого раската, чтобы господамъ освобожденцамъ стали уже сниться дурные сны. Давно ли г. Струве насъ упрекалъ въ томъ, что мы преждевременно «дѣлимъ шкуру убитаго медвѣдя»? Теперь увидѣвши опытъ рѣшительной борьбы, хотя-бы частичной, хотя-бы неудавшейся, онъ и его присные уже беспокоятся о судьбѣ «шкура», уже заговорили объ

ея «дѣлежъ», и какимъ языкомъ заговорила! Еще «демократы» только собираются въ походъ, еще въ первый разъ они промежъ себя рѣшили, что отъ депутацій и адресовъ нечего ждать, что пора апеллировать къ народу, и уже въ головахъ ихъ литературныхъ «регистраторовъ» зрѣютъ контръ-революціонныя идеи! Zwei Seelen wohnen, ach, in meiner Brust!

Въ № 73 «Освобожденія» г. Струве помѣстилъ статью «Князь Потемкинъ и что же дальше»? Въ № 74 «Освобожденія» помѣщена статья нѣкоего «Освобожденца», написанная тоже подъ впечатлѣніемъ событій на «Потемлякѣ». Г. Струве оговаривается, что онъ согласенъ съ «Освобожденцемъ» лишь въ выводахъ, но не согласенъ съ его мотивировкой. Мы не знаемъ, въ чемъ именно г. Струве не согласенъ съ «Освобожденцемъ», но, сравнивая обѣ эти статьи, мы приходимъ къ заключенію, что нашего любителя «изящной политики», г. Струве, шокируетъ развѣ лишь излишняя откровенность и рѣзкость сужденій его единомышленника, граничащая съ парадоксальностью.

Г. Струве продѣлалъ свой путь отъ марксизма къ либерализму рядомъ незамѣтныхъ переходовъ, въ теченіе которыхъ онъ успѣлъ переоцѣнить всѣ дѣятели и отмежеваться отъ насъ по всей линіи. Г. «Освобожденецъ», повидимому, тоже принадлежитъ къ числу «бывшихъ» революціонеровъ. Онъ, по крайней мѣрѣ, не прочь съ нами «роднымъ счастья». Но онъ, видно, такъ быстро отступалъ, что ему еще до сихъ поръ его крутой поворотъ направо представляется въ видѣ нашего столь же внезапнаго поворота налево.

Г. Струве выражается мягко: «Мы несколько не скрываемъ отъ себя, что участіе вооруженныхъ силъ въ политическомъ движеніи страны представляетъ и для дѣла истиной революціи крупныя опасности». Г. «Освобожденецъ» выражается весьма рѣшительно: «Открытую проповѣдь въ Россіи рѣшительнаго выступленія мы считаемъ теперь безумной и преступной». Что-же, это дѣло вкуса, а во вкусахъ мы, какъ извѣстно, сильно расходимся съ либералами и мы бы, пожалуй, не стали спорить противъ рѣшительнаго заявленія неизвѣстнаго намъ г. «Освобожденца». Но, квалифицируя такимъ образомъ тактику, рекомендуемую нами въ настоящее время, г. «Освобожденецъ» имѣетъ наивность утверждать, что не онъ выступилъ противъ революціи, вопреки своему демократическому ярлыку, а что, напротивъ того, мы, русскіе революціонеры, измѣнили своимъ традиціямъ. «Они (представители социалистическихъ революціонныхъ партій) сразу измѣнили всѣ свои тактическіе взгляды,—говоритъ онъ.—Мы не отрицаемъ, что ихъ теоріи заключали нѣкоторыя основанія для того, что

бы эта перемена... не производила впечатлѣнія измѣны своимъ убѣжденіямъ. Тѣмъ не менѣе, фактъ кореннаго измѣненія всѣхъ тактическихъ взглядовъ нашихъ революціонеровъ не подлежитъ сомнѣнію. Въ чемъ же проявился этотъ «фактъ», г. «Освобожденецъ»?

Раньше, видите ли, «всѣ были согласны въ одномъ,— что успѣхъ борьбы съ абсолютизмомъ зависитъ отъ сознательности и организованности народныхъ массъ. Теперь наши революціонныя партіи совершенно измѣнили свои взгляды. Сознательность и организованность, по крайней мѣрѣ, поскольку ею руководить общество (sic!), для нихъ теперь не политическая сила... Теперь для нихъ политическая сила... въ вооруженной силѣ организованнаго народа!»

Мы бы посоветовали г. «Освобожденцу» не писать исторіи русской революціонной мысли «по Дебогорію—Мокривичу и Драгоманову». это, примѣрно, такое же благодарное занятіе, какъ изучать Маркса по Бернштейну. Во-первыхъ, никогда и никакія революціонныя партіи въ Россіи не усматривали революціонной политической силы въ сознательности и организованности народа, поскольку ими руководить общество, т. е. наша либеральная демократія, уже хотя бы потому, что это общество никогда не руководило и даже не обращалось къ народнымъ массамъ. Недовѣріе къ политической силѣ нашего либерализма есть одна изъ прочныхъ традицій нашей революціонной мысли, и если марксисты, въ противовѣсъ революціонерамъ—семидесятникамъ, указывали на то, что наше либеральное общество можетъ еще сыграть извѣстную роль въ борьбѣ за свободу, то они обусловливали это всегда развитіемъ рабочаго движенія, которое придастъ храбрость либераламъ. И, въ концѣ концовъ, рѣшающей революціонной силой въ нашей буржуазной революціи они считали пролетариатъ, и только пролетариатъ.

Во-вторыхъ, мы, социалдемократы, поставившіе на очередь вопросъ о рѣшительномъ выступленіи, теперь, какъ и прежде, очень высоко цѣнимъ политическую силу, вытекающую изъ сознательности и организованности народныхъ массъ, руководимыхъ революціонными партіями, а не «обществомъ». Но это тѣмъ менѣе можетъ намъ помѣшать апеллировать къ физической силѣ народа, что первое второе обусловливаетъ: развитіе политическаго сознанія у народа въ рабской Россіи должно было, раньше или позже, привести народъ къ физическому столкновенію съ самодержавнымъ правительствомъ. Развитіе политическаго сознанія въ народѣ потому и представляло всегда величайшую опасность для стараго порядка, что вмѣстѣ съ этимъ развитіемъ росла рѣшимость народа поддержать свои политическія притязанія силой. Это

всегда созывали революціонныя социалистическія партіи въ Россіи и, если мы только въ послѣднее время дали очередной лозунгъ—подготовляться къ открытому выступленію, то я раньше, выдвигая на первый планъ пропаганду и агитацію, мы всегда имѣли въ виду возможность наступленія гражданской войны и въ своей пропагандистской и агитаціонной дѣятельности мы усматривали, между прочимъ, лучшее средство для этой цѣли.

Да и полно! Дѣйствительно ли г. «Освобожденецъ» такъ навекъ, дѣйствительно ли онъ думаетъ, что давленіе на правительство физической силой массъ находится въ противорѣчьи съ давленіемъ на правительство силою политической сознательности? Это болѣе, чѣмъ сомнительно. «Стихійный взрывъ народнаго гнѣва», пишетъ онъ, «обыкновенно бываетъ даже полезенъ революціи, именно благодаря тому, что онъ облегчаетъ арміи, а особенно офицерству, отказъ отъ примѣненія вооруженной силы и открываетъ переходъ на сторону народа». Въ чемъ же дѣло? А дѣло въ томъ, что «рѣшительное выступленіе можетъ быть оправдано только тогда, когда оно возникаетъ стихійно... Открытая проповѣдь такого выступленія, въ противоположность стихійно возникшему, особенно вредна еще и потому, что она деморализуетъ армію... Для того, что бы придать своимъ требованіямъ болѣе вѣсъ, мы должны привлечь на свою сторону армію, а особенно офицерство». Ту же самую мысль, хотя и облеченную въ болѣе пышную форму, высказываетъ г. Струве: «Чтобы войска могли явиться могучимъ факторомъ политическаго переворота—классовая рознь офицеровъ и солдатъ должна исчезнуть передъ единствомъ дѣйствій, продиктованнымъ идеей національнаго освобожденія». Теперь для насъ ясно, чего собственно хотятъ наши «демократы», г.г. Струве и «Освобожденецъ». Они ничего не имѣютъ противъ возстанія и всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ жертвъ для народа, точно также, какъ либералы въ свое время ничего не имѣли противъ войны и тому подобныхъ стихійныхъ факторовъ, дезорганизующихъ правительство. Но они хотятъ, чтобы всѣ эти стихійно-разрушительныя силы были политически использованы «обществомъ» при поддержкѣ офицерства, составляющаго плоть отъ плоти, кость отъ кости этого общества. Они хотятъ, чтобы народныя силы слѣпо и покорно шли на поводу у «истиннаго представителя націи»—у либеральнаго общества. Они ничего не имѣютъ противъ того, чтобы «чернь» дѣлала революцію, лишь бы только въ народѣ не укрѣпилось вредное сознаніе «права на революцію», дурная «привычка къ гражданской войнѣ». Пусть народъ участвуетъ въ облавѣ на медвѣдъ, лишь бы не участвовалъ въ дѣлежѣ медвѣжьей шкуры.

Вы видите, потуги г. «Освобожденца» доказать, что революционные социалистическія партія перемѣнили кореннымъ образомъ свою тактику, имѣють, сознательно или бессознательно, цѣлью скрыть его собственную намѣну демократіи.

Эта же цѣль скрывается и за другимъ аргументомъ г. «Освобожденца», направленнымъ противъ насъ. «Проповѣдь рѣшительнаго наступленія безумна», говорятъ онъ, «потому что побѣда надъ вооруженными силами правительства зависитъ отъ случайности, и поражение революціонеровъ гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ ихъ побѣда. А въ случаѣ пораженія, неминуемо послѣдуетъ усиленіе позиціи правительства»... И въ данномъ случаѣ г. «Освобожденецъ» считаетъ нужнымъ сослаться на опытъ нашихъ революціонныхъ партій; и въ данномъ случаѣ онъ старается доказать преемственность между его взглядами и прежними взглядами «самыхъ видныхъ изъ литераторовъ» революціоннаго лагера. Онъ цитируетъ слова Плеханова изъ брошюры «Соціализмъ и политическая борьба»: «Мы вездѣ повторяли одну и ту же ошибку. Мы всегда преувеличивали свои силы, никогда не принимали въ расчетъ, во всей его полнотѣ, ожидающаго насъ сопротивленія общественной среды и торопились возвести временно благопріятствуемый обстоятельствами способъ дѣйствій въ универсальный принципъ, исключаящій всѣ другіе способы и приемы. Всѣ наши программы находились, благодаря этому, въ совершенно неустойчивомъ равновѣсіи, изъ котораго ихъ могла вывести самая незначительная перемѣна въ окружающей обстановкѣ». Итакъ, Плехановъ еще въ 83 году спорилъ противъ тактики, рассчитанной на случайности; успѣхъ выступленія зависитъ отъ случайности; стало быть, мы, социалдемократы, пропагандирующіе такое выступленіе, измѣнили своимъ убѣжденіямъ, а г. «Освобожденецъ» является выразителемъ нашихъ лучшихъ революціонныхъ традицій. Не поторопились ли вы, г. «Освобожденецъ», со своимъ выводомъ? Плехановъ въ указанномъ мѣстѣ спорилъ противъ народо-вольческой теоріи «захвата власти». Онъ доказываетъ, что эта теорія построена въ расчетѣ на маловѣроятную «случайную» диктатуру группы революціонеровъ-разночинцевъ, что въ Россіи, при современныхъ условіяхъ, диктатура единственнаго революціоннаго класса, способна осуществить социалистическій идеалъ этихъ революціонеровъ, еще невозможна; что, когда эта возможность дѣйствительно наступитъ, этотъ революціонный классъ не допуститъ замѣны его диктатуры диктатурой кучки разночинцевъ-интеллигентовъ, что, такимъ образомъ, тактика народо-вольцевъ рассчитана на «случайности», находящаяся въ противорѣчій съ исторической «необходимостью». Такъ ли обстоитъ

теперь дѣло съ вопросомъ о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ? Мы уже вступили въ эпоху гражданской войны. Развитие классовыхъ противорѣчій, по всемъ видимостямъ, приводитъ насъ къ острому столкновенію, какъ въ логическому выводу изъ всей политической ситуаціи. Тотъ или другой опытъ можетъ случайно оказаться неудачнымъ. Но именно потому, что рѣшительная борьба надвигается у насъ со стихійной силой, каждое такое столкновеніе, несмотря на неудачный исходъ, не обезкураживаетъ народъ, а революционизируетъ его. Революціоннаго народа не обезкуражили ни «кровавое воскресенье» въ Петербургѣ, ни Лодзинскія, ни Одесскія событія, ни слача «Потемкина». Напротивъ того, послѣ каждой неудачи въ пролетаріатѣ росла революціонная отвага, зрѣли все болѣе смѣлые планы: въ Петербургѣ рабочіе шли безоружными съ крестомъ; въ Лодзи и Одессѣ рабочіе воздвигали баррикады, а во время возстанія «Потемкина» уже возникла конкретная мысль о захватѣ города и всего южнаго побережья и о провозглашеніи республики... Спрашивается, строить ли с.д., свою тактику на случайностяхъ или на тенденціяхъ исторической дѣйствительности? Мы полагаемъ, что на этотъ вопросъ г. «Освобожденецъ», равно какъ и г. Струве, могли бы легко отвѣтить, если бы ихъ буржуазная природа не поставила ихъ въ противорѣчіе съ этой самой исторической дѣйствительностью, еслибы робкая логика ихъ классоваго инстинкта не пасовала передъ революціонной логикой фактовъ. Послушайте, наприимѣръ, въ какихъ дебряхъ софистики запутался г. Струве «страха ради іудейска».

«Всякія отдѣльныя революціонныя вспышки въ войскахъ,—говоритъ онъ,—оставаясь неизбежно неудачными, могутъ, въ то же время, для дальнѣйшаго политическаго развитія Россіи оказаться вредными, приучая страну къ идеѣ и практикѣ «пронунціamento». Главное, къ чему мы должны стремиться, это чтобы армія, въ лицѣ ея сознательныхъ и руководящихъ элементовъ, духовно отпала отъ самодержавія».

Г. Струве человѣкъ образованный; г. Струве хорошо знаетъ, что всегда и всюду «практика пронунціamento» заключалась въ томъ, что кучка офицеровъ устраивала заговоры, опираясь на бессознательную армію. Какимъ же образомъ г. Струве, который самъ возлагаетъ надежды именно на офицерство, на «сознательные и руководящіе элементы въ арміи», который усматриваетъ опасность въ развитіи классоваго сознанія у солдатъ, какимъ образомъ онъ вваливаетъ на возстанія, вродѣ Потемкинскаго, обвиненіе въ томъ, что они приучаютъ страну къ практикѣ пронунціamento? Гдѣ были на «Потемкинѣ» заговорщики офицеры, устроившіе пронунціamento? Не въ матросской ли

организации Крымского Соц-Дем. Союза? Гдѣ была та толпа солдатъ, которая слѣпо шла за коноводами офицерами? Не тѣ ли это матросы которые, устранивъ своихъ офицеровъ, выбрали себѣ свободно все администраціи? Очевидно, что страхъ передъ народомъ кое у кого помрачаетъ сознание и заставляетъ видѣть вещи вверхъ ногами.

Г. Струве и г. «Освобоженецъ» очень обстоятельно распространяются о томъ, что пропаганда рѣшительной борьбы повредитъ дѣлу революціи, дѣлу національнаго освобожденія Россіи. Но читатель этихъ статей не можетъ не чувствовать, что у авторовъ «умыселъ другой тутъ былъ», и подобно тому, какъ въ нѣкоторыхъ пьескахъ самое интересное и существенное стыдливо прячется въ post-scriptum'ѣ, такъ и у нашего г. «Освобоженца» нѣсколько случайныхъ отступленій въ концѣ статьи дадутъ ключъ къ разгадкѣ главныхъ страховъ и опасеній, которые возбудили у нашихъ «демократовъ» событія на «Потемкинѣ». Г. «Освобоженецъ» меланхолически задумывается надъ послѣдствіями, которыя могутъ возникнуть изъ того, что народъ приучится силой защищать свои права, и его разстроенному воображенію рисуются мрачныя картины. «Побѣдителями надъ самодержавнымъ правительствомъ могутъ оказаться небольшія кучки городского населенія»—пишетъ онъ. «Эти кучки городского населенія... могутъ предъявить претензіи на привилегированное положеніе въ управленіи государствомъ, исходя изъ того положенія, что политическая сила—есть физическая сила... Они будутъ даже отрицать авторитетъ Учредительнаго Собранія... такъ какъ Учредительное Собраніе въ Россіи будетъ состоять, по крайней мѣрѣ, на 80 процентовъ изъ представителей сельскаго населенія и его рѣшенія могутъ не понравиться своимъ городскому населенію... Они будутъ заставлять избирателей производить выборы въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ... будутъ вымогать у Учредительнаго Собранія противоположныя рѣшенія тѣмъ, которыя оно приняло бы при свободѣ рѣшеній».

Вотъ это цѣнное признаніе! Предъ нами стоитъ проклятый вопросъ, какъ разбудить политическое сознание народа, который цѣлыя столѣтія находился подъ рабскимъ гнетомъ, какъ завоевать Учредительное Собраніе, какъ устранить безконечныя препятствія для свободнаго выраженія народной воли въ этомъ Собраніи, препятствія, коренившіяся въ унаслѣдованномъ отъ прошлаго полицейскомъ аппаратѣ, въ нуждѣ, въ забитости народа, во всевозможныхъ формахъ соціальной и политической зависимости его; предъ нами стоитъ проклятый вопросъ, какъ освободить выборы въ Учредительное Собраніе отъ давленія всѣхъ тѣмныхъ и мрачныхъ силъ реакціи; а наши идеа-

листы—демократы уже безпокоятся о томъ, какъ бы не пострадалъ въ будущемъ абсолютный принципъ неприкосновенности «народнаго» представительства отъ посягательства революціоннаго пролетаріата; они уже заблаговременно безпокоятся о томъ, какъ бы этотъ пролетаріатъ насильно не навязалъ свою волю отсталому населенію страны!

Народное представительство по либеральному рецепту съ двухпалатной системой и прерогативами короны, народное представительство, созданное обществомъ, раздраемымъ классовыми противорѣчіями, обществомъ, въ которомъ разныя формы современнаго капиталистическаго гнета причудливо сочетаются со всевозможными пережитками феодальнаго гнета, народное представительство, созданное подъ сугубымъ давленіемъ этого многообразнаго классоваго порабощенія, возводится нашимъ «демократомъ» въ «абсолютное», непогрѣшимое и неприкосновенное воплощеніе національной воли, подобно тому, какъ «сознательность и организованность подъ руководствомъ общества», т. е. общественное мнѣніе либеральной буржуазіи, имъ же возводится въ абсолютную форму національнаго самоопредѣленія, въ абсолютное воплощеніе національной мысли. Съ высоты этихъ «абсолютовъ» нашъ идеалистъ-демократъ перестаетъ отличать добро отъ зла, поскольку добро борется со зломъ за свои низменные, «условные» историческіе интересы всеми средствами, которыми оно располагаетъ. «Проповѣдь рѣшительной борьбы преступна,—говоритъ г. «Освобожденецъ»,—потому что... провоцируетъ правительство къ новымъ и новымъ насиліямъ, къ новому и новому пролитію крови, къ новымъ убійствамъ».

Только общественное мнѣніе (т. е. мнѣніе либеральнаго общества) сможетъ вынести категорическій приговоръ надъ тѣмъ, что есть добро и что есть зло. Съ того момента, какъ народъ пересталъ апеллировать къ этому общественному мнѣнію, съ того момента, какъ народъ рѣшилъ противопоставить силѣ азіатскаго правительства свою собственную силу, онъ лишился благодати свыше. На войнѣ, такъ на войнѣ! Разъ народъ объявилъ правительству войну, то кто теперь сможетъ упрекнуть правительство въ томъ, что оно прибѣгаетъ къ силѣ?

Правда, правительство разстрѣливало девятаго января безоружную толпу, правда, оно поступаетъ такъ на каждомъ шагѣ; но развѣ это не оправдывается военной стратегіей, развѣ на войнѣ примѣнныя правила поединка? Развѣ съ того момента, какъ объявлена война, непріятель не имѣетъ права прибѣгать къ военной хитрости и застигать насъ врасплохъ?

Такъ разсуждаетъ нашъ «демократъ», такъ въ его душѣ мирно и дружно уживаются теоретическій идеализмъ съ практическимъ безстыдствомъ! И у г. Струве не нашлось въ запасѣ ни одного слова негодованія противъ этихъ разсужденій его корреспондентовъ.

«Демократъ» Струве понималъ, гдѣ искать виновнаго, когда отдѣльные «герои» совершали террористическіе акты, онъ пересталъ понимать это, когда на сцену выступилъ коллективный герой въ лицѣ народа. Да и что удивительнаго въ томъ, что либералы, играющіе роль пассивныхъ зрителей кровавой борьбы между народомъ и правительствомъ, въ концѣ концовъ, приучаются, подобно Пилату, умыть руки?

Тамъ, гдѣ исходъ борьбы рѣшается силой, тамъ исчезаетъ критерій справедливости, говоритъ г. «Освобожденецъ». Для кого исчезаетъ? Для васъ, наблюдающаго эту борьбу, какъ зритель въ циркѣ? Но думаете ли вы, что и народъ, защищающій свои права, тѣмъ самымъ лишилъ себя критерія справедливости? Думаете ли вы, что народъ относится къ своей борьбѣ съ самодержавной бюрократіей, какъ къ гладиаторскому бою, что онъ забылъ о своей правотѣ и о преступности правительства? Впрочемъ, какую цѣну имѣетъ для г. освобожденца-идеалиста, приверженца абсолютной истины и абсолютной справедливости,—условная, «эгонистическая», классовая мораль народа, его классовыя понятія о правотѣ и виновности?

Мы говоримъ, что г. «Освобожденецъ» относится къ народной борьбѣ, какъ праздный зритель. Это не совсѣмъ точно. Пока народъ борется, истекая кровью, нашъ идеалистъ-демократъ придумываетъ средства для обезпеченія прочности будущаго общественнаго порядка. Его воображенію рисуются ужасы французской революціи, онъ вспоминаетъ санкютозовъ парижской коммуны, диктовавшихъ свою волю Конвенту,—и онъ заранѣе изобрѣтаетъ разныя мѣры предупрежденія и пресѣченія этихъ преступленій противъ абсолютнаго принципа неприкосновенности народнаго представительства. Онъ недоволенъ организаціей «комитетовъ самообороны» противъ хулигановъ, усматривая въ нихъ, не безъ основанія, зародыши будущей революціонной арміи народа. Онъ предлагаетъ замѣнить эти комитеты самообороны народной милиціей, подъ которой онъ понимаетъ, повиданому, стражниковъ, служащихъ по найму у нашихъ буржуазныхъ думъ, нѣчто вродѣ пресловутой летучей гвардіи (*garde mobile*) 48 года, отличившейся въ іюньскіе дни. «Народная милиція, говоритъ онъ, должна быть учреждена прежде всего для борьбы съ черными сотнями и громами. Ей придется дѣйствовать и тогда, когда какія-нибудь общественныя

группы, вмѣсто того, чтобы предоставить рѣшенія государственныхъ вопросовъ Всенародному Учредительному Собранію, избранному всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ, вздумаютъ рѣшать ихъ насиліемъ или, когда они захотятъ, опираясь на свою физическую силу, вынудить у народнаго собранія то или другое рѣшеніе». Это мило! Когда народъ возсталъ противъ своихъ угнетателей, нашъ «демократъ» лишаетъ его своей благодати, ибо народъ принизилъ вопросъ права до вопроса силы. Когда освобожденное буржуазное общество выпуститъ свору своихъ наемныхъ солдатъ противъ пролетаріевъ, на немъ будетъ почивать благодать вѣчныхъ принциповъ истины и справедливости—на этотъ разъ сила превратится въ право. Таковъ идеализмъ нашихъ «демократовъ»!

Только что начинается великая русская революція, только что начинается окрыляться въ борьбѣ съ старымъ порядкомъ буржуазная демократія, а ужъ какія рѣчи срываются съ устъ ея «птенцовъ», уже какія мысли бродятъ въ ихъ головахъ! А социалдемократію упрекаютъ еще за то, что она держитъ всегда камень за пазухой!

Мартыновъ.

Либеральныя измѣны.

(24 сент. 1905 г. № 111).

Цѣлый рядъ фактовъ, происшедшихъ за послѣднее время, свидѣтельствуетъ о глубокомъ деморализованномъ состояніи, въ которомъ нынѣ находится либеральная оппозиція.

Положеніе о Государственной Думѣ не означало еще практическаго шага на пути къ миру между бюрократіей и либерализмомъ; но оно, несомнѣнно, знаменовало собой готовность потолковать о такого рода шагахъ. Портсмутскій миръ, позорно заканчивающій позорную войну, еще не означаетъ укрѣпленія позиціи абсолютизма; но этотъ миръ свидѣтельствуетъ о намѣреніи собрать всѣ свои силы для борьбы съ революціей.

Буржуазный либерализмъ въ западно-европейскихъ странахъ быстро начиналъ измѣнять народу, какъ только, хотя бы слегка, прикасался къ государственной власти. Буржуазный либерализмъ русскій отличается тѣмъ, что совершаетъ измѣнническія дѣянія въ счетъ бу-

душаго, довольствуясь однимъ раздраженіемъ обонянія, предвкушеніемъ будущаго насыщенія. Недаромъ, этотъ либерализмъ любитъ щеголять своимъ «идеализмомъ».

Буржуазный либерализмъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ объявилъ бойкотъ бюрократіи въ цѣломъ рядѣ поприщъ, въ которыхъ бюрократія предлагала ему совмѣстныя дѣйствія подъ своей опекой. Необходимость бойкота вызывалась резоннымъ опасеніемъ, что сотрудничество на этихъ поприщахъ свомпрометируетъ либерализмъ, одѣлавъ его пособникомъ и попустителемъ бюрократіи. Въ настоящее же время замѣчается возвращеніе видныхъ группъ буржуазіи на поклянутыя позиціи, формально приводящее ихъ къ положенію союзниковъ абсолютизма.

Либеральные промышленники, отказавшіеся въ свое время участвовать въ комиссіи Коконцева по рабочему вопросу, теперь обращаются къ тому же Коконцеву съ жалобой на отсутствіе «мѣропріятій» по рабочему вопросу и выслушиваютъ отъ него насмѣшливое напоминаніе, что приостановка работъ комиссіи произошла по желанію самихъ представителей промышленности, считавшихъ ея засѣданія бесполезными. Министръ финансовъ при этомъ заявляетъ, что онъ, съ своей стороны, готовъ возобновить совмѣстную работу, прерванную отказомъ фабрикантовъ.

А рядомъ съ этой поѣздкой столичныхъ промышленниковъ въ Каноссу, ихъ бакинскіе товарищи, нѣсколько разъ торжественно обѣщавшіе бакинскому пролетариату поддержку его политическихъ требованій, нынѣ, послѣ грандіознаго избіенія армянъ, подмѣняютъ свои прежнія требованія объ организаціи милиціи, объ удаленіи полицейскихъ устроителей погромовъ, о введеніи свободъ организацій—требованіемъ высылки «неблагонадежныхъ», усиленія военнаго гарнизона и... «субсидій» изъ народныхъ денегъ на возмѣщеніе убытковъ, вызванныхъ разгудомъ царскихъ башибузуконъ.

Прибавимъ къ этому, что та же армянская буржуазія, которая царитъ въ Баку, въ другомъ мѣстѣ—въ Асхабадѣ,—обсуждая, вмѣстѣ съ магометанскими овыми конкуррентами, вопросъ о предотвращеніи въ западной области національной рѣзни, начинаетъ съ ходатайства передъ властями о выселеніи неблагонадежныхъ политически элементовъ обоихъ народовъ.

Но что говорить объ «армяшкахъ» всероссійскаго купечества! Мѣра ихъ гражданскаго мужества никогда не считалась чрезвычайной. Обратимъ же свой взоръ къ буржуазіи землевладѣльческой, къ центральной группѣ отечественныхъ либераловъ.

Такъ называемая «общеземская» организація рѣшила дѣло помощи

голодающимъ крестьянамъ вести совмѣстно съ бюрократическимъ «Краснымъ Крестомъ».

Бойкотъ—и всесторонній бойкотъ—Краснаго Креста сталъ однимъ изъ лозунговъ либерализма и демократіи, какъ протестъ противъ постояннаго стремленія бюрократіи связать по рукамъ и ногамъ всякую общественную самодѣятельность въ сферѣ «филантропій». Отказъ отъ этого бойкота со стороны земскихъ либераловъ означаетъ важную уступку, сдѣланную ими самодержавію. Какими же соображеніями вызвана эта уступка? Ужъ не тѣмъ ли расчетомъ, что совмѣстная съ Краснымъ Крестомъ организація этого дѣла позволитъ поправить дѣла «стѣсненныхъ» землевладѣльцевъ на мѣстахъ?

Но характернѣе и знаменательнѣе воѣхъ этихъ маленькихъ и грязенькихъ замѣнъ та, которую практикуютъ теперь по всей линіи гг. профессора. Съ поразительнымъ единодушіемъ они перебѣжали на сторону реакціи, какъ только почували запахъ чечевичной похлебки «автономіи», пожалованной имъ «временными правилами» 27 августа.

Революціонное студенчество очень единодушно пошло по пути, на который мы указывали, по пути замѣны пассивнаго бойкота высшихъ учебныхъ заведеній открытымъ приобщеніемъ ихъ къ народному революціонному движенію. Резолюціи студентовъ Петербурга, Москвы, Кіева и Томска одинаково провозглашаютъ необходимость вновь раскрыть двери высшихъ учебныхъ заведеній съ цѣлью превращенія послѣднихъ въ «революціонныя трибуны».

Бойкотъ учебныхъ заведеній сыгралъ ту положительную роль, которую онъ, вообще, могъ выполнить. Студенчество произвело внушительную демонстрацію и внесло свою долю въ дѣло дезорганизаціи правительственнаго механизма. Профессорскія корпораціи были вынуждены примкнуть къ студенческому движенію. Дальнѣйшее революціонизирующее дѣйствіе бойкота не предвидѣлось: правительство и общество приспособились къ такому явленію, какъ закрытіе учебныхъ заведеній. Естественно поэтому, что студенчество охотно сняло бойкотъ, чтобы той же политической цѣли добиваться новыми средствами, соответствующими тому росту революціоннаго движенія, который отмѣчаетъ собой протекшій годъ.

Студенческая забастовка была вызвана всей совокупностью политическаго безправія, тяготящаго надъ Россіей; послѣднимъ же толчкомъ, распространившимъ ее на всѣ высшія учебныя заведенія, была бойня 9-го января. Присоединившись въ то время къ студенческой забастовкѣ, профессора выдвигали, мотивируя ее, тѣ же самыя сообра-

женія объ общемъ политическомъ положеніи и о невозможности «спокойныхъ» занятій въ разгарѣ гражданской войны.

Въ настоящее время, какъ только профессорамъ общано внутреннее самоуправленіе ихъ коллегій, они заговорили инымъ языкомъ. Лейбъ-органъ профессорскаго «вословія» «Русс. Вѣдомости» въ № отъ 7-го сентября заявляетъ:

«Если большинство студенчества выскажется въ пользу занятій, и высшія учебныя заведенія начнутъ функционировать, то поддержаніе правильного хода учебной жизни будетъ существенно обусловливаться готовностью самихъ студентовъ тому содѣйствовать». Расписывая далѣе тѣ идиллическія отношенія, которыя, благодаря «автономіи», воцарятся между студентами и профессорами, какъ старшими и младшими членами академической корпораціи, профессорскій органъ приглашаетъ студентовъ свободно высказывать свои пожеланія профессорамъ. «Но при воѣхъ этихъ пожеланіяхъ и заявленіяхъ необходимо считаться съ основными задачами и условіями дѣятельности высшихъ учебныхъ заведеній и умѣть разумно согласовать желательное съ возможнымъ. Въ академическихъ стѣнахъ можетъ, напригѣръ, быть осуществлена широкая свобода собраній, но при условіи, что это будутъ собранія студенческія; университетъ не можетъ и не долженъ быть мѣстомъ для митинговъ. Студенты въ цѣломъ и въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей должны сознать, что каковы бы ни были политическія убѣжденія въ ихъ средѣ, они нравственно обязаны, находясь въ стѣнахъ своего учебнаго заведенія, имѣть въ виду, прежде всего, интересы общіе для всей корпораціи, не допуская такихъ коллективныхъ стремленій и проявленій, которыя грозятъ подвергнуть риску существованіе университета (курс.. нашъ). Юношеская способность къ увлеченію должна умѣряться разумнымъ мышленіемъ... Академическая корпорація, профессора и студенты должны общими усиліями поддерживать и укрѣплять этотъ корпоративный духъ, ограждать отъ постороннихъ вліяній достоинство университета, и осуществлять въ немъ принципы свободы и право порядка».

Благоуханіе полицейскаго участка, которымъ отдаетъ отъ всей пошлой тирады, ясивѣ всего покажетъ студенчеству, какого рода «старшихъ братьевъ» оно встрѣтитъ, вернувшись въ университетъ, въ лицѣ своихъ просвѣщенныхъ наставниковъ. Продажныя твари, неуспѣвшія еще смѣть поворота тѣхъ дней, когда онѣ отдавали, по приказу Богодѣнова, студентовъ въ солдаты, теперь спѣшатъ отречься отъ политическихъ обязательствъ, данныхъ ими студенчеству полгода назадъ;

спѣшать за льготы, полученные ихъ группою, продать то самое студенчество, которое своей кровью, своими жертвами завоевало имъ нѣкоторую свободу отъ полицейскаго вмѣшательства въ ихъ корпоративныя дѣла. Они спѣшаютъ расписаться въ томъ, что принимаютъ новую «реформу» въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ ее затѣяла бюрократія: они берутъ, за круговой отвѣтственностью, на себя то дѣло обузданія революціоннаго студенчества, которымъ до сихъ поръ занималось полицейское вѣдомство. Вчера еще они говорили, что освобожденный университетъ возможенъ только въ свободномъ государствѣ; сегодня они берутся доказывать, что освобожденный отъ нѣкоторыхъ формъ полицейскаго порабощенія университетъ долженъ жить въ сторонѣ отъ общегосударственной жизни, ограждая себя отъ всякихъ «постороннихъ вліяній». Вчера еще они протестовали противъ недопущенія евреевъ и «неблагонадежныхъ» въ высшія школы; сегодня они требуютъ отъ студентовъ, чтобы они не впускали въ аудиторіи никого изъ «постороннихъ» (распоряженіе «автономной» московской профессорской коллегіи). Вчера они на засѣданіяхъ своихъ корпораций, вопреки закону, занимались составленіемъ политическихъ резолюцій; сегодня они требуютъ, чтобы студенты, согласно закону, не занимались на собраніяхъ своей корпорации такими вопросами, за которые начальство можетъ разоердиться на университетъ.

Во главѣ этого похода профессоровъ поспѣшилъ стать Максимъ Ковалевскій, обратившійся съ воззваніемъ къ студентамъ о прекращеніи «безпорядковъ». Г-нъ М. Ковалевскій давно уже показывалъ, что онъ, даже находясь въ опалѣ, умѣетъ заботиться о своей карьерѣ. Въ открытомъ имъ въ Парижѣ «вольномъ» университетѣ онъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, исправлялъ функціи полицейскаго наблюдателя *in partibus infidelium* за благонадежностью студенчества и за тѣмъ, чтобы оно, своимъ поведеніемъ не огорчало посольской полиціи въ Парижѣ, а въ началѣ русско-японской войны онъ считъ удобнымъ поправить свою собственную репутацію «неблагонадежнаго» шовинистическимъ выступленіемъ въ печати противъ Японіи. Теперь, наканунѣ выстуленія своей кандидатуры въ Думу, этотъ безпринципный карьеристъ выдѣзаетъ въ роли «умиротворителя» студентовъ, рядомъ съ гг. Гольцевымъ и Карѣвымъ, которые изо всѣхъ силъ стараются доказать, что не «шкурныя» соображенія диктуютъ профессорамъ ихъ поворное поведеніе. О, конечно, не шкурныя въ томъ смыслѣ, чтобы эти господа, предавъ студентовъ, въ самомъ дѣлѣ, получали отъ правительства значительныя выгоды! Нѣтъ! Когда они

осуществлять это предательство, бюрократія на ихъ шкуру покажетъ имъ, что они измѣнили слишкомъ рано...

Въ № 76 «Освобожденія» нѣкій «членъ академическаго союза» «принципально протестуетъ» противъ тактики, которую мы предложили студентамъ. Осуществленіе ея, говоритъ профессоръ «въ окончательномъ счетѣ ведетъ къ разгрому высшаго образованія не хуже мѣропріятій храбраго генерала» (Глазова). Это, замѣтите, заявляетъ человекъ, который нѣсколькими строками выше утверждаетъ, что, хотя большинство профессоровъ являются «политиками по-невогѣ», но общая позиція этого большинства состоитъ въ признаніи неотложной необходимости коренной реформы существующаго строя, какъ необходимаго условія самаго функционированія высшихъ учебныхъ заведеній. Но, если безъ коренной политической «реформы», функционированіе является какъ бы фиктивнымъ, то что значить это беспокойство по поводу могущаго, якобы, послѣдовать «разгрома» высшей школы? Видимое противорѣчіе вполне разрѣшается заявленіемъ профессора, что академическій союзъ «долженъ отстаивать интересы и существованіе высшаго образованія, какъ отъ посягательствъ полицейскаго самодержавія, такъ и отъ увлеченія боевой революціонной пропаганды» (курс. нашъ). Спасибо за откровенность! Пусть студенчество выикнетъ въ эти слова и, со своей точки зрѣнія, оценитъ нынѣшнюю позицію профессоровъ. Когда то они и ихъ либеральные сотоварищи въ прессѣ разъясняли студентамъ, что борьба правительства и реакціонеровъ противъ студенческой «политики» есть то же проявленіе опредѣленныхъ политическихъ интересовъ, и именно интересовъ реакціонныхъ; эта формула «чисто академическіе интересы» прикрывала стремленіе обратить университеты въ оплотъ полицейскаго порядка. Теперь студенты могутъ видѣть, что и новѣйшіе лозунги профессорскаго либерализма являются проведеніемъ опредѣленной партійной политики, политики умѣренного либерализма, озабоченнаго борьбой противъ «боевой революціонной пропаганды». На первыхъ своихъ сходкахъ студенчество высказалось противъ умѣренно-«либеральной» политики; оно счумѣетъ, мы увѣрены, отбить всякія репрессіи со стороны измѣнниковъ профессорскаго либерализма.

Впрочемъ, прежде чѣмъ приступить къ репрессіямъ, профессора пробуютъ «попугать» студентовъ... собственной забастовкой. Въ Петербургскомъ Политехникумѣ они объявили, что выйдутъ въ отставку (см. «Наша Жизнь» отъ 13 сентября), если студенты примутъ проектированную ими резолюцію о предоставленіи студенческихъ аудиторій

для народныхъ митинговъ. Несмотря на угрозу, студенты приняли резолюцію, хотя и съ ненужнымъ смягченіемъ (предоставленіе подъ митинги не аудиторія, а зданія общежитія), но, по существу, столь-же неприятную профессорамъ. Тѣмъ не менѣ послѣдніе не успѣли исполнить свою угрозу.

Борьба студенчества противъ вооруженныхъ «автономіей» профессоровъ—укротителей революціоннаго движенія становится абсолютно необходимой, если студенчество не желаетъ содѣйствовать одной изъ либеральныхъ группъ въ совершеніи теперь же измѣны освободительному движенію. Борьбѣ съ этими тенденціями, значить, держаться той программы дѣйствій, которая большинствомъ студентовъ принята при возобновленіи занятій,—вплоть до образованія упомянутыхъ въ резолюціи петербургскихъ студентовъ «академическихъ легионовъ» для революціонной борьбы въ рядахъ народа. И для успѣха этой борьбы необходимо, чтобы революціонная часть студентовъ тѣсно примкнула къ организованному пролетаріату и его политической партіи—соціал-демократіи.

Расхожденіе между профессорами и студентами и аналогичные факты, сопровождающіе тѣ явленія предательства другихъ группъ, о которыхъ говорено выше (расхожденіе бакинскихъ инженеровъ съ нефтепромышленниками, протестъ союза врачей противъ соединенія земцевъ съ Краснымъ Крестомъ), являются симптомомъ подготовляющагося формальнаго раскола въ либерально-демократической оппозиціи *), раскола, связаннаго съ положеніемъ о Государственной Думѣ и съ прекращеніемъ войны, ослабившими надежды либерализма на быструю капитуляцію бюрократіи. Ошибаются, конечно, тѣ, кто, подобно «Пролетарію» или «Сыну Отечества», пытаются изобразить «Положеніе 6-го августа», какъ побѣду умѣренной буржуазіи надъ народомъ, какъ результатъ сдѣлки между ней и абсолютизмомъ. На самомъ дѣлѣ, 6-го августа побѣждена именно умѣренная буржуазія, которой самодержавіе отказало въ минимальныхъ политическихъ уступкахъ. Но вѣрно то, что указъ 6 августа, въ связи съ прекращеніемъ войны, создалъ новое политическое положеніе, толкающее радикальные элементы «общества» къ болѣе активной тактикѣ, а его умѣренные эле-

*) Кстати сказать, какъ видитъ читатель, рѣшающимъ моментомъ въ этомъ раздѣленіи является не вопросъ „бойкотъ или не бойкотъ?“ по отношенію къ правительственнымъ „реформамъ“, а вопросъ: приспособленіе къ „реформамъ“ или революціонная борьба при помощи тѣхъ „уступокъ“, которыя бюрократіи приходится допускать при дарованіи реформъ?

менты—къ реализаціи врожденныхъ имъ способностей къ «преждевременнымъ» намѣнамъ. Дѣло пролетаріата позаботиться, чтобы новое положеніе принесло самодержавію новыя и смертельныя удары.

Л. Мартовъ.

Крахъ либеральнаго блока.

(8 октября 1905 г. № 112).

Государственная Дума еще не собралась; предвыборная агитація—поскольку она вообще возможна въ легальныхъ формахъ—только еще начинается. И все же самая постановка вопроса о собраніи нѣсколькихъ сотъ такъ или иначе выбранныхъ челоѵкъ по дѣламъ, касающимся общегосударственнаго законодательства, произвела уже значительную пертурбацію въ группировкѣ политическихъ силъ, породила страстные споры въ средѣ вчерашнихъ друзей—союзниковъ, послужила реактивомъ, съ большой точностью опредѣлившимъ социальную природу различныхъ общественныхъ группъ. Это значитъ, что созывъ Думы, благодаря особой атмосферѣ революціонной эпохи, имѣетъ большее и качественно иное значеніе, чѣмъ то, которое рисовалось авторамъ закона 6 августа. Это значитъ, что придуманное ими средство «умиротворенія» страны, введенія бунтующаго моря общественныхъ столкновеній въ русло «спокойнаго» развитія, уже теперь, когда оно находится еще *im Werden*, обострило социальные антагонизмы, усилило тѣ столкновенія общественныхъ группъ, которыя являются источникомъ силы, движущей впередъ революцію. Это значитъ, что архи-нелѣпа была бы тактика, которая, исходя изъ правильной посылки, что Государственная Дума, по замыслу творцовъ ея, должна быть ничѣмъ инымъ, какъ одной изъ многочисленныхъ подпорокъ абсолютизма, сдѣлала бы невѣрный выводъ, что Дума и впрямь будетъ играть такую роль въ политической исторіи Россіи, какая желательна была самодержавной бюрократіи; нелѣпа была бы тактика, которая на этомъ основаніи пыталась бы, «облицивъ» Думу и вся иже съ ней, являть къ

«активному выступленію», держа руки по швамъ, не поворачивая головы по сторонамъ и не обращая ни малѣйшаго вниманія на ту группировку общественныхъ силъ, которая создается на почвѣ созыва Бундгагикскаго «представительства».

Передъ только что состоявшимся съѣздомъ «земскихъ и городскихъ дѣятелей» вопросъ объ отношеніи къ Государственной Думѣ всталъ очень остро. Надо было—вещь, всегда очень непріятная!—сказать, что же либеральные земцы и думцы думаютъ, наконецъ, дѣлать? Пока вопросъ о «представительствѣ» плавалъ болѣе или менѣе въ туманѣ, положеніе почтенныхъ либераловъ было довольно выигрышное: можно было «обличать», высказывать требованія, принимать резолюціи. Всѣ эти занятія, несомнѣнно, имѣли весьма полезное значеніе: они служили агитаціоннымъ средствомъ и вносили элементы политической мысли въ слои, для агитаціи революціонныхъ партій недоступные—въ силу ли социальна-прирожденнаго иммунитета, или въ силу отдѣляющей ихъ отъ революціоннаго воздѣйствія толстой стѣны, сложенной изъ традиціонныхъ предрассудковъ и полицейскихъ препонъ. И поскольку—подъ вліяніемъ напора рабочаго движенія и критики социалдемократіи—либеральныя резолюціи и постановленія должны были подвигаться все болѣе и болѣе «вглубо», они несомнѣнно сыграли нѣкоторую роль въ разрушеніи этой стѣны; они могли проникать сквозь нее по тѣмъ тысячамъ невидимыхъ, извилистыхъ ходовъ, которые создаются «легальной» печатью и арміей служащихъ, занятыхъ въ хозяйственныхъ и культурно-просвѣтительныхъ земскихъ и думскихъ учрежденіяхъ и на почвѣ своей «официальной» работы непосредственно соприкасающихся съ глубокими пластами народнои, особенно крестьянской массы. Эта армія несомнѣнно выполняла и выполняетъ «черную работу» внесенія либеральныхъ идей въ деревню. Постепенное «радикализированіе» земскихъ резолюцій облегчало интеллигентному разночинцу выполненіе этой роли проводника либеральнаго тока, ибо родило почтенныхъ земскихъ и думскихъ «хозяевъ» съ ихъ демократическими «слугами».

Насколько сильно было это чувство «родства» въ его крайнихъ проявленіяхъ, показываетъ примѣръ новаго «народнаго героя»—Куликовского. Этотъ членъ «партіи социалистовъ—революціонеровъ», заявляющій, что его партія «желаетъ» «скорѣйшаго введенія демократической республики» и «уничтоженія частной собственности на землю» «еще наканунѣ происшествія» (покушенія на гр. Шувалова) «принимается за газету съ пламенной надеждой—встрѣтить въ ней опубликованіе давно обѣщаннаго и страстно ожидаемаго обществомъ созыва народныхъ

представителей». Когда же вмѣсто этого «созыва» «онъ» прочелъ, что въ Москвѣ запрещенъ съѣздъ земцевъ, что Шуваловъ разогналъ засѣданіе союза инженеровъ, то это показалось ему нестерпимымъ. «Пріемъ депутація либеральныхъ людей и царская рѣчь» заставляли его «надѣяться» и подарить жизнь тому жандарму, на котораго онъ хотѣлъ покуситься. «Но послѣ этого пріема, послѣ известной рѣчи случилось новое звѣрское происшествіе—убійство въ Иваново-Вознесенскѣ. Вѣдь это, съ точки зрѣнія самодержавія, со стороны полиція есть оскорбленіе величества, не говоря объ надѣвательствѣ надъ либеральной депутаціей». И Куликовскій «взялся исполнить постановленіе Московскаго Комитета убить Шувалова»¹⁾. Такъ велика была вѣра этого революціоннаго разночинца въ либераловъ, что онъ больно чувствовалъ издѣвательство правительства надъ либералами, и совершенно мимо его сознанія прошло то издѣвательство либераловъ надъ народомъ и надъ своими собственными резолюціями, которое проявилось во всемъ поведеніи и рѣчахъ «депутація либеральныхъ людей»... А между тѣмъ, дѣло было такъ ясно, что на юльскомъ съѣздѣ «самъ» г. И. Петрункевичъ открыто заявлялъ о своемъ желаніи помочь правительству выйти изъ опасности.

Такъ безмятежно шло мирное сотрудничество «соціально-привилегированной интеллигенціи» и «неимущей интеллигенціи», которое такъ пламенно желалъ увѣковѣчить «несгибаемый» г-нь Струве. Опираясь на это сотрудничество, спекулируя на народное возбужденіе, не успѣвшее еще вылиться въ крестьянствѣ въ рѣзко опредѣленное классовое движеніе, господа либералы умилно поглядывали вверхъ, въ ожиданіи, что своевременная «уступка» ихъ насущнымъ классовымъ интересамъ позволитъ имъ, наконецъ, сбросить съ себя постылый демократическій плащъ, разорвать мезальянсъ съ неимущимъ разночинцемъ и успокоиться на лонѣ цезарова двухпалатнаго парламента, участвующаго въ «осуществленіи законодательной власти».

Но самодержавно-бюрократическому провидѣнію угодно было распорядиться иначе. Прекрасные дни Аранжуца минули, и минули безвозвратно. Вѣднымъ земцамъ не суждено было испытать такого полнаго удовлетворенія, какое дала университетская автономія ихъ ученымъ братьямъ во либерализмѣ. А между тѣмъ, профессора показали наглядно, «какъ это могло-бы быть» съ участниками земскаго съѣзда. Получивъ столь любезную имъ «автономію», вчерашніе непримиримые

¹⁾ Всѣ цитаты взяты изъ рѣчи Куликовскаго на судѣ, помѣщенной въ № 77 «Освобожденія».

оппозиціонеры, вопіявшіе о невозможности свободнаго научнаго изслѣдованія въ самодержавномъ государствѣ, сегодня съ такимъ-же жаромъ, по сношеніи съ надлежащими властями, изъ кожи лѣзутъ вонъ, чтобы водворить въ университетахъ «порядокъ». Это какъ-бы прообразъ того, что стало бы съ земскимъ либерализмомъ, если-бы его «успокоили» дѣйствительною уступкой. Какъ актеръ, только что игравшій на сценѣ надоедливую роль, спѣшить, выбѣжавъ за кулисы и ставъ самимъ собой, сбросить ненужный нарядъ и блестящія погрешки, такъ спѣшили-бы земцы освободиться отъ «несвойственнаго» имъ костюма, спятаго изъ всякихъ «демократическихъ» «четырёхчленныхъ» формулъ и проч. и проч.

Если бы ихъ «успокоили»... Если-бы ихъ могли «успокоить»... Вѣсто «успокоенія» самодержавная бюрократія дала имъ то, что только и могла дать—Думу. Но Дума въ ея натуральномъ видѣ, безъ, тѣни «гарантій»—этого слишкомъ мало для удовлетворенія даже скромныхъ либераловъ. «Успокоить» Дума не могла никого. Даже мистеръ Стедъ, доѣхавъ до Саратова и убѣдившись, насколько русская практика думскаго «конституціонализма» отличается отъ «англійской» теоріи, вынужденъ былъ растерять добрую долю своего оплаченнаго «оптимизма».

Одного браванія оружіемъ оказалось мало. Подъ его воздѣйствіемъ либераламъ не «уступили. Угрозы борьбой оказалось недостаточно. Надо начать самую борьбу. Но какъ бороться? Вотъ «проклятый» вопросъ.

Опереться на народъ—вотъ единственное рѣшеніе, которое возможно. И болѣе дальновидные земцы поняли это. Они рѣшили обратиться къ народу. Но на первыхъ-же шагахъ этого пути они столкнулись съ затрудненіями, заставлявшими мучительно сжиматься ихъ собственническія, землевладѣльческія сердца.

Либеральное евангеліе земскихъ сѣздовъ, какъ мы уже сказали, тысячью различныхъ путей шло «въ народъ». Но тамъ оно стадеиналось съ вліяніемъ, шедшимъ изъ среды революціоннаго пролетарскаго движенія и, благодаря этому, существенно претворалось. То, что для либеральныхъ сѣздовъ было наскоро напаленнымъ демократическимъ костюмомъ, то «низы» принимали совсемъ «въ серьезъ». И болѣе того. Проникая въ народную среду, политическія идеи будили одновременно социальныя стремленія, заставляли ихъ отливаться въ форму опредѣленныхъ социальныхъ требованій.

Благодаря такому самоопредѣленію «низовъ», стало все болѣе и болѣе невозможно опереться на народъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ

этого желали бы либералы—опереться на сочувствіе народа, а не на его движеніе. Борьбѣ, опираясь на народъ, это значило все болѣе и болѣе—идти въ народъ не затѣмъ только, чтобы создать въ немъ политически—возбужденное настроеніе, а затѣмъ, чтобы примкнуть къ его борьбѣ. Но примкнуть къ борьбѣ народа, значить принять требованія народа, принять методы и средства народной, массовой борьбы, значить встать на путь, въ конечномъ пунктѣ котораго видится выступленіе на политическую сцену массовой силы...

Но, чтобы пойти такой дорогой, земскимъ либераламъ надо было рѣшиться на тяжелую операцію урѣзыванія своей классовой физиономіи. Задача трудная. Настолько трудная, что передъ нею спасовалъ на первыхъ порахъ даже разночинный союзникъ либеральнаго «барина»—буржуазный демократъ. Онъ испугался необъятности и революціонности выпавшей на его долю задачи и искалъ спасенія въ закоулкѣ «бойкота». Онъ пытался даже это свое бѣгство прикрыть тою гражданской добродѣтели, «несгибаемой» революціонности. Это плохо удалось ему. Подъ угрозой политической смерти, жизнь повелительно выталкиваетъ демократію изъ «бойкотнаго» тупика; демократія вертится, пытается отговориться фразами объ «активномъ бойкотѣ», но, въ концѣ концовъ, съ оговорками, упираясь, она будетъ вынуждена, если не хочетъ сложить оружія, приняться за то самое дѣло, которое называется революціоннымъ участіемъ въ выборахъ. Идея «бойкота», какъ орудія политической «борьбы», несомнѣнно уже теперь похоронена окончательно. И если эти похороны, это урѣзываніе путей отступленія для буржуазной демократіи есть, дѣйствительно, результатъ той «позорной роли, которую сыграла Искра», какъ увѣряетъ «Пролетарій», то мы можемъ быть довольны этой ролью.

Ну, а земцы? На іюльскомъ съѣздѣ часть ихъ тоже сотрясала воздухъ «бойкотными» рѣчами и, какъ съ наивной откровенностью пояснилъ г. Ошпель, дѣлала это затѣмъ, чтобы «напугать» правительство, держать его «подъ угрозой»: можетъ быть, дескать, оно испугается картоннаго грома. На самомъ дѣлѣ, земцамъ, конечно, нечего было и думать искать спасенія въ «бойкотѣ». Въ противоположность демократическому разночинцу, земскій либераль связанъ съ опредѣленнымъ общественнымъ слоємъ, онъ имѣетъ свою старую социальную среду и знаетъ, что она за нимъ по этому пути не пойдетъ. И если онъ, Иванъ Ивановичъ, вздумаетъ «бойкотировать», то на его мѣсто всегда найдется десятокъ Петровъ Петровичей, ему же останется почетная, но незавидная доля Цинцинната, удалившагося къ своему хозяйству. Новой же социальной опоры либерализмъ найти еще не успѣлъ. При

такихъ обстоятельствахъ немудрено, что июльскій съѣздъ малодушно предложилъ отложить рѣшеніе вопроса объ отношеніи къ Государственной Думѣ, смутно надѣясь, что, быть можетъ, какъ нибудь минуетъ его чаша сія...

Но она не миновала... Передъ послѣднимъ съѣздомъ вопросъ сталъ въ упоръ. Отмалчиваться и откладывать было нельзя. И тутъ сразу оказалось, что для этихъ господъ «бойкотъ» былъ ничѣмъ инымъ, какъ совершенно праздымъ словозверженіемъ.

Неизвѣстно, г. ли Шишковъ согласился фигурировать въ роли «настоящаго представителя», Раевскій ли всталъ «на скольскій путь», Оппелъ ли рѣшилъ «заранѣе уронить свой авторитетъ», или Колкобакинъ, пожеманившись, отправился въ «непотребное учрежденіе»¹⁾, только фактъ таковъ, что 172 голосами противъ одного была принята та самая резолюція бюро, которая была «отложена» въ іюль. Итакъ, земцы и думцы рѣшили «участвовать». Но какъ участвовать? Зачѣмъ? Какъ сдѣлать это участіе орудіемъ для достиженія тѣхъ ценовыхъ «гарантій», которыя либерализму безусловно нужны?

Три силы сейчасъ стоятъ угрозой передъ самодержавнымъ правительствомъ: рабочее движеніе, крестьянское движеніе, національныя движенія угнетенныхъ окраинъ. Всѣ эти силы хотятъ либерализмъ использовать для своихъ цѣлей. Готовясь къ вступленію въ Думу, онъ захотѣлъ опереться на нихъ. Ему оказалась нужна программа, которая давала бы отвѣтъ на рабочій, крестьянскій и національный вопросы. Но эти отвѣты заранѣе жгли его явнымъ несоотвѣтствіемъ интересамъ того слоя, землевладѣльцевъ и домовладѣльцевъ, къ которому пуповина еще прикрѣпляетъ либерализмъ. И съѣздъ началъ съ того, что постарался какъ можно дальше оторочить отвѣтъ на проклятые вопросы. Экономическую программу онъ записалъ въ самый конецъ порядка дня, хотя понималъ, какъ выразился одинъ ораторъ, что она важнѣе всего для народа.

Но, въ концѣ концовъ, неприятными вопросами все же пришлось заняться. И что же? Подаривъ автономію Польшѣ и пробормотавъ нѣсколько туманныхъ резолюцій о децентрализаціи законодательства, надѣливъ крестьянъ землею изъ казенныхъ и удѣльныхъ дачъ, оти́нивъ выкупные платежи и сейчасъ же потребовавъ новаго выкупа («справедливаго вознагражденія») за тѣ земли, которыя могутъ быть отрѣзаны у помѣщиковъ, наградивъ рабочихъ восьмичасовымъ рабо-

¹⁾ Въ кавычки взяты подлинныя выраженія изъ рѣчей на июльскомъ съѣздѣ.

чимъ днемъ, либеральный съездъ сейчасъ же и эти трусливыя рѣшенія обратилъ въ милую шутку, рѣшивъ не включать ихъ въ свое «воззваніе», въ свою программу. Это значитъ, что передъ задачей—идти въ народъ для участія въ борьбѣ народа—земскій либерализмъ, какъ цѣлое, спасовалъ. Это значитъ, что передъ страхомъ народной революціи, съ ея социальными требованіями, часть либерализма уже измѣнила тѣмъ политическимъ лозунгамъ, которые она выставляла, когда рассчитывала на то, что народъ останется въ роли «сочувствующаго».

Земскій съездъ не могъ создать своей программы. Но, такъ какъ «единство» было поставлено выше всего, то это значитъ, что члены его сошлись на реакціонной программѣ: потому что программа, умалчивающая о рабочемъ, аграрномъ и національномъ вопросѣ, не является прогрессивной въ данный моментъ. Земскій съездъ не могъ создать своей партійно-политической организаціи. Но, создавъ, опять-таки ради единства, «консультатiонные» избирательные комитеты, онъ далъ этой организаціи опору всѣмъ реакціоннымъ мѣстнымъ вліяніямъ и стремленіямъ¹⁾. Разбить это единство, значить оказать услугу дѣлу революціи. Обличающее и критическое вмѣшательство партіи пролетаріата въ дѣло выборовъ должно содѣйствовать, между прочимъ, и этому раскалыванію либеральнаго лагеря, которому «единство» придаетъ реакціонный цвѣтъ...

Въ томъ же духѣ, какъ вопросы программы, рѣшилъ либеральный съездъ и вопросъ объ отношеніи къ Думѣ. Въ своей резолюціи объ участіи въ выборахъ, съездъ сказалъ нѣсколько обличительныхъ фразъ по адресу Думы и призвалъ гражданъ войти въ нее, образовать «сплоченную группу» и «черезъ ея посредство», а не черезъ посредство народнаго движенія, «достигнуть гражданской свободы и равенства». Уже эта туманная, рабья резолюція показывала, что не затѣвъ, чтобы сдѣлать изъ Думы всенародную трибуну, думало войти въ «непотребное учрежденіе» большинство членовъ земскаго съезда. Нѣтъ; они уже предвкушаютъ всю сладость «постепенной», «мирной» «положительной» работы по части «усовершенствованія». Послѣднія сомнѣнія на этотъ счетъ исчезаютъ, если прочесть составленное бюро съезда «воззваніе». Оно прямо говоритъ не о борьбѣ за снесеніе «непотребнаго учрежденія» и замѣну его «потребнымъ», а о «дальнѣйшемъ усовершенствованіи самой Думы», оно имѣетъ дерзость сослаться, въ подтвержденіе лояльности своихъ стремленій, на мани-

¹⁾ Кто хочетъ оцѣнить революціонное значеніе этого «объединенія», пусть взглянетъ на списки кандидатовъ, составленные съ точки зрѣнія «единства» и помѣщенные въ „Руск“.

фестъ, который тоже говоритъ «о дальнѣйшемъ усовершенствованіи учрежденія Государственной Думы» ¹⁾. И воззваніе заканчиваетъ призывомъ избирателей сплотиться вокругъ программы, въ которую входитъ, кромѣ всеобщаго (только «всеобщаго!») избирательнаго права, «рѣшающій голосъ для Думы». И если резолюція говоритъ о томъ, что Дума—«не является народнымъ представительствомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова», то невольно вспоминаются слова Колубакина на июльскомъ сѣздѣ, что «непріемлемость проекта обуславливается именно «совокупностью» различныхъ чертъ его. Спрашивается: какое звено изъ цѣпи этой «совокупности» должно выпасть, чтобы сдѣлать Думу вполне «пріемлемой»?

Итакъ, вотъ фактъ: большинство земскихъ либераловъ хочетъ войти въ Думу затѣмъ, чтобы заняться тамъ мирной работой «усовершенствованія» ея. Удастся ли имъ это или нѣтъ—вопросъ другой. Народная революція можетъ придать ихъ пребыванію въ Думѣ совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ она того желаютъ, какъ она придастъ самой Думѣ другой смыслъ, чѣмъ тотъ, какой желали вложить въ нее ея творцы. Но что либералы желаютъ «усовершенствованія»—это несомнѣнно. Какого же сорта это «усовершенствованіе», о томъ свидѣтельствуетъ не только поведеніе г.г. либеральныхъ профессоровъ, но и поведеніе самого сѣзда въ первый же день его засѣданій. Въ отвѣтъ на требованіе министра поставить собраніе подъ надзоръ полицейскаго чиновника, г. Головинъ заявилъ, что бюро охотно приняло эти условія. И въ залѣ не нашлось ни одной руки, которая на щекѣ услужливаго предсѣдателя бюро запечатлѣла бы слѣды этого позора. И, конечно, не отъ этихъ «враговъ бюрократіи», при всей своей враждѣ старающихся даже въ составляемой ими конституціи «держаться языка нашего законодательства» и заботящихся о сохраненіи законовъ о «командованіи арміями» и т. п., не отъ нихъ, привыкшихъ къ окончательному языку канцелярій, можно ожидать огненнаго слова народныхъ трибуновъ.

Послѣдній сѣздъ засвидѣтельствовалъ и окончательно запечатлѣлъ крахъ либеральнаго блока. Передъ политическимъ дѣйствіемъ онъ оказался несостоятельнымъ. Онъ явно умираетъ, и одряхлѣвшее тѣло его распадается на части. Въ противоположность мнѣнію Парвуса, земскій либерализмъ, какъ таковой, не конституировался въ политическую партію; наоборотъ, онъ находится наканунѣ распаденія на

¹⁾ Одно изъ этихъ «усовершенствованій» уже сдѣлано въ видѣ «оговорки» № 7, повышающей избирательный цензъ отдѣльныхъ уѣздовъ.

различныя партіи, изъ которыхъ одні уже становятся реакціонными, другія—въ союзѣ съ разночинцами—по необходимости должны будуть подвигаться влѣво, пока такъ же не исчерпаютъ своей прогрессивности, какъ исчерпалъ ее дворянскоземскій либерализмъ. Не даромъ тѣ самыя освобожденскія свахи, вся задача которыхъ заключалась въ сводничествѣ «соціально-привилегированнаго» барина и «немущаго» разночинца, нынѣ, забывъ о «реальной» политикѣ г. Струве, гремать противъ двуличныхъ «примиренцевъ».

Крахъ либеральнаго блока означаетъ безповоротное расхожденіе между «баринствомъ» и «разночинцемъ». Разночинецъ долженъ искать себѣ новой соціальной опоры; демократія, чтобы стать реальной политической силой, должна стать народной, крестьянской и мѣщанской демократіей. Мы говорили, сколько болѣзненнаго для разночинца заключается въ этой перемѣнѣ общества «барина» на общество «мужика». Мы говорили также, какъ пытается онъ «бойкотомъ» отвертѣться отъ этой задачи. Но онъ долженъ сдѣлать этотъ шагъ, иначе онъ очутится въ соціальной пустынѣ. И чѣмъ скорѣе онъ сдѣлаетъ его, тѣмъ лучше и полнѣе силы демократіи будутъ использованы въ интересахъ революціи. Толкнуть разночинца въ избирательную кампанію, значитъ содѣйствовать ускоренію превращенія демократіи въ массовую народную силу. И, разумѣется, это «участіе» въ выборахъ должно быть инымъ, чѣмъ солидное участіе земца. Революціонное самоуправленіе, какъ руководящая идея, окрашивающая все участіе въ определенный цвѣтъ, должно безповоротно отдѣлать сторонниковъ «усовершенствованія» отъ сторонниковъ революціи...

Ф. Данъ.

Отдѣлъ Ш-й:

Война.

Миръ.

Въ тискахъ.

(1 января 1904 г. № 56).

Война съ Японіей надвигается... Спѣшно вооружаются суда, отливаются новыя пушки, заготовляются боевые снаряды, закупаются съѣстные припасы... Спѣшно стягиваются со всѣхъ концовъ Россіи войска, грузятся, какъ живая кладь, въ товарные вагоны и отправляются на Дальній Востокъ... И, быть можетъ, недалеко уже та минута, когда грянетъ первый выстрѣлъ, и эти сотни тысячъ одѣтыхъ въ солдатскіе мундиры молодыхъ рабочихъ и крестьянъ пойдутъ на смерть и увѣчья, за десятки тысячъ верстъ отъ родныхъ городовъ и деревень, подъ японскія бомбы, пули и штыки, и сами понесутъ смерть и ужасъ въ ряды такихъ же крестьянъ и рабочихъ изъ Японіи. Десятки, а можетъ быть и сотни тысячъ молодыхъ жизней замрутъ на вѣки, десятки и сотни тысячъ вернутся искалѣченными, сотни тысячъ семей осиротѣютъ, потокъ злодѣяній, насилій, грабежей, пожаровъ зальетъ цѣлыя провинціи, смоешь съ лица земли города и деревни... Самые грубые животныя инстинкты, кровожадность, хищничество получаютъ полный просторъ, и зараза нравственнаго одичанія распространится на весь народъ... А сотни милліоновъ рублей, добытыхъ потомъ и кровью трудящагося люда и выжатыхъ изъ него хищнической рукой правительства, пойдутъ на покрытіе расходовъ, вызванныхъ этой грандіозной бойней...

Вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ навѣки канули въ вѣчность золотыя дни абсолютизма. Никому ненужный, не связанный кровными узами ни съ какимя прогрессирующимъ классомъ, онъ все больше и больше становился только тормазомъ для экономическаго, культурнаго и общественнаго развитія страны, все больше и больше вынужденъ былъ давить все живое, все растущее ради сохраненія собственнаго своего существованія и все больше и больше держался только по

дачками господствующимъ классамъ, займами и порабощеніемъ и обнищаніемъ народа.

Стремленіе купить «вѣрноподавническія» чувства крупной буржуазіи, насущнѣйшимъ интересамъ которой угрожало растущее разореніе страны, доставленіемъ ей вѣнскихъ рынковъ, что, при сравнительно низкомъ уровнѣ русской промышленности, равносильно присоединенію къ Россіи все новыхъ и новыхъ земель; необходимость поддержать падающій кредитъ и, главное, позолотить поворъ своей внутренней политики, приведшей страну къ голоду, невѣжеству, разоренію и общему недовольству, блескомъ вѣнскихъ успѣховъ; все это непрерывно толкало и толкаетъ чингисхановъ правительства, проливавшихъ слезы «миролюбія» на Гаагской конференціи, на завоевательныя авантюры.

Шагъ за шагомъ, пользуясь временными затрудненіями другихъ государствъ и воѣми силами стремясь сохранить въ состояніи варварства, слабости и разложенія сосѣднія страны—Турцію, Персію, Китай, Корею—русское правительство спѣшило всюду захватить своими хищными лапами все, что только было возможно. Но каждый захватъ вызывалъ съ роковой необходимостью все новые и новые захваты. Захвативъ Манчжурію, Портъ-Артуръ и Талиенванъ, правительство, для сохраненія ихъ за собою, должно было подумать о томъ, чтобы укрѣпиться въ Корей, безъ владѣнія которой всѣ прежнія «приобрѣтенія» въ Китаѣ не могутъ быть прочно удержаны. Но тутъ интересы самодержавія столкнулись съ жизненными интересами капиталистической Японіи, для которой Корея—и одинъ изъ главныхъ рынковъ сбыта, и резервуаръ, поглощающій избытокъ сгущеннаго японскаго населенія, и важный стратегическій пунктъ. Изъ-за этого столкновенія моментально выросъ грозный призракъ войны.

Какъ зарвавшійся игрокъ, охьяненный удачей и позабывшій о неминуемомъ часѣ расплаты, стоитъ самодержавное правительство передъ созданнымъ имъ же самимъ положеніемъ, въ страхѣ и нерѣшительности мечется оно, ища исхода, стараясь какимъ нибудь фокусомъ перехитрить историческую Немезиду, несущую ему отмщеніе за всѣ его грѣхи. Глупое фанфаронство, болтовня о «необходимости» русскихъ войскъ—и это наканунѣ пятидесятой годовщины Севастополя!—о твердомъ намѣреніи не отступать отъ своей позиціи—сегодня; трусливое лепетаніе о «миролюбіи», о томъ, что Манчжурія намъ въ сущности вовсе не нужна,—завтра; фантастическія мечтанія, что, быть можетъ, война явится «единственнымъ средствомъ грозою очистить и разрядить воздухъ», наполненный электричествомъ грядущей рево-

люди; попытки обмануть самих себя и разжалобить требующий свободы народ робкой надеждой на то, что «мелкие счеты с полицией или местными недоразумения фабричных рабочих замолкнуть сами собой при первом боевом выстреле»; все это со дня на день, на столбах «Новаго Времени» и «Гражданина», отражает предсмертные судороги режима.

Да, это предсмертные судороги, потому что абсолютизм сам уже начинает смутно понимать, что, как бы ни окончилась разыгрываемая теперь на мировой сцене трагедия, живым он из нее не выйдет. И вѣрный песъ, князь Мещерскій, даромъ съ тоскою твердить, что «какой бы ни былъ блестящій результатъ войны... всѣ виды унынія и неудовлетворенія, какъ отдѣльныя рѣки, сольются въ одно море общаго недовольства», что на языкѣ «Гражданина» значить, конечно, не что иное, какъ неминуемость могучаго подъема революціонной борьбы, которой общій экономическій застой, огромное усиленіе котораго неизбежно даже при полной удачѣ военныхъ дѣйствій, придастъ небывалую силу, и которая, наконецъ, смететъ съ лица земли русскую позоръ деспотизма!

И это при полной удачѣ! Но можетъ ли правительство рассчитывать на удачу? Не говоря уже о всѣхъ выгодахъ положенія Японіи, воюющей у себя, почти дома, кто можетъ вѣрить въ успѣхи арміи, вся верхушка которой развѣдена раболѣпствомъ, казнокрадствомъ, взяточничествомъ и даже прямой измѣной, какъ показали столь недавніе процессы Гримма, Парунова и др.? Кто можетъ не задуматься надъ тѣми порядками въ интендантствѣ, перевозочной части и пр. и пр., которые, несомнѣнно, царятъ подъ покровомъ безгласности и всплывутъ на свѣтъ божій такъ же, какъ всплыли въ русско-турецкую войну, когда солдаты питались гнилыми сухарями и ходили въ сапогахъ на картонныхъ подошвахъ, а тифъ выхватывалъ изъ рядовъ несравненно больше людей, чѣмъ вражескія пули? И кто можетъ вѣрить въ воинскій духъ арміи и особенно ея офицерства, вотъ уже сколько лѣтъ получающаго военное воспитаніе въ сраженіяхъ «съ внутренними врагами» на «поляхъ» Ростова, Екатеринослава, Батума, Златоуста и всѣхъ другихъ городовъ и весей, гдѣ народъ борется за свое освобожденіе? И можно ли рассчитывать на тотъ «патріотическій» подъемъ чувства, который удесятеряетъ силы арміи, сознающей или, по крайней мѣрѣ, думающей, что она борется за свои кровные «національные» интересы? Увы, всѣмъ и каждому, въ томъ числѣ и правительству вмѣстѣ съ той шайкой великоовѣтскихъ проходивцевъ и просто проходивцевъ, которые такъ усердно грѣли руки около Манчжуріи, на-

столько ясна невозможность рассчитывать на такой «патріотическій» подъемъ, что тотъ же «Гражданинъ» меланхолично замѣчаетъ, какое «огромное различіе будетъ между духомъ японцевъ, идущихъ на свое «быть или не быть», и духомъ русскихъ», а «Новое Время», пытаясь, какъ страусъ, скрыть отъ себя опасность положенія, спрятавъ голову подъ крыло, можетъ мотивировать свою мнимую увѣренность, что «война съ Японіей будетъ популярнѣе войскою другою», только тѣмъ, что «эта война будетъ не династическая, не политическая и не экономическая, а расовая!» Въ переводѣ на обыкновенный языкъ это значить, что дѣйствительные политическіе и экономическіе интересы даже тѣхъ слоевъ населенія, которые снимаютъ сливки съ капиталистическаго развитія страны, настолько мало объясняютъ эту войну, а «династическая» идея настолько потеряла власть надъ умами и сердцами, что нечего и пытаться создать на этой почвѣ хотя бы тотъ «искусственный» подъемъ «патріотическаго» духа, какимъ былъ въ значительной мѣрѣ—по похвальному признанію кн. Мещерскаго—подъемъ во время войны 1877—1878 г. г.

Остается одно: попытаться сыграть на струнѣ «расовой» вражды, не стѣсняясь даже указать на соблазнительную перспективу того, что вотъ, дескать, «негровъ ливчуютъ!» Но, конечно, сами оффиціозные вдохновители продажной газеты отлично знаютъ, что это только «безсмысленныя мечтанія», что русскій народъ уже давно вышелъ изъ того состоянія варварства, при которомъ только и можно еще съ грѣхомъ пополамъ строить свои расчеты на такомъ шаткомъ основаніи; и уже война съ Китаемъ въ достаточной мѣрѣ показала это, хотя правительственная орда и могла еще найти въ закулисныхъ Благовѣщенскѣхъ охотниковъ принять участіе въ великомъ «патріотическомъ» подвигѣ потопленія тысячъ безоружныхъ и беззащитныхъ китайцевъ. И немудрено, что газеты, вроде «Южнаго Края», подхватившія лозунгъ, данный имъ петербургскимъ оффиціозомъ, вынуждены апеллировать ко временамъ самой первобытной дикости и, защищая «святое дѣло», вытаскивать изъ архивной пыли воспоминанія о войнахъ, «которыя наши предки вели когда-то съ татарами, съ половцами» и даже со «змѣемъ Тугарянычъ»!

Да, правительство предчувствуетъ неудачу и знаетъ, съ какимъ грохотомъ и трескомъ свалится оно послѣ этого новаго Севастополя! Если Крымскій Севастополь вырвалъ у абсолютизма изъ-подъ ногъ самую надежную опору его—крѣпостное право, то Севастополь восточный можетъ не оставить камня на камнѣ отъ всего зданія современной деспотіи. И тоскливо обращаетъ правительство свои взоры къ третьей

возможной перспективѣ—сохраненія мира во что бы то ни стало, отказа отъ всѣхъ своихъ заносчивыхъ притязаній, отъ всѣхъ „пріобрѣтеній“, отъ всѣхъ завоеваній. Но миръ теперь, послѣ того, какъ зашли такъ далеко, поставили на карту все свое существованіе, означалъ бы такое позорное крушеніе всей политики правительства, такое неопровержимое свидѣтельство его внутренней гнилости и слабости, что это отступленіе было бы равносильно жестокому пораженію. Итакъ, чѣмъ бы ни кончилось созданное правительствомъ затрудненіе, оно приведетъ къ побѣдѣ,—побѣдѣ народа надъ абсолютизмомъ! Война или миръ, побѣда или пораженіе,—Россія такъ или иначе быстро приближается къ политической свободѣ.

И социалдемократія, партія рабочаго класса, должна отчетливо сознать всю колоссальную важность переживаемаго историческаго момента, должна напречь всѣ свои силы, чтобы использовать его цѣлкомъ для ускоренія крушенія существующаго режима и развитія классоваго сознанія пролетаріата, чтобы идти не въ хвостъ грядущей революціи, а во главѣ ея.

Нельзя терять времени, ибо и безъ того мы уже слишкомъ много пропустили его. И прежде всего необходимо сейчасъ же, какъ это дѣлаютъ уже и наши японскіе товарищи, развернуть самую широкую агитацію въ пользу сохраненія мира. Пусть правительство лучше падетъ подъ гнетомъ собственной дряблости и безсилія, подъ гнетомъ общаго презрѣнія, чѣмъ подъ грудой мертвыхъ тѣлъ нашихъ братьевъ и дѣтей! Весь вѣсь своего общественнаго значенія и вліянія социалдемократія должна положить на то, чтобы постараться не допустить войны. Пусть миллионы листовъ во всѣхъ уголкахъ Россіи разнесутъ въ рабочую массу, разнесутъ въ крестьянство, въ армію, во всѣ слои общества обличеніе истиннаго виновника кроваваго призрака войны—русскаго режима! Пусть неустанно раздается негодующій голосъ социалдемократіи при всякихъ попыткахъ со стороны группъ хищниковъ, строящихъ на ужасахъ войны планы своего обогащенія, использовать событія на Дальнемъ Востокѣ для пробужденія «патріотическихъ» чувствъ въ народѣ! Пусть рабочий классъ, отчетливо сознавшій свои историческія задачи, во главѣ всѣхъ другихъ слоевъ народа открыто выразитъ свой протестъ противъ безстыдной политики, несущей всюду смерть, насиліе, разложеніе! Пусть всякая отправка войскъ, всякій актъ, связанный съ подготовкой военныхъ дѣйствій, всякія молебствія по случаю ихъ, всякое обращеніе правительства къ народу, всякія шовинистическія выходы подкупленной печати, пусть все это послужитъ все новымъ и новымъ поводомъ для манифестаціи народа про-

тивъ злодѣяній правительства! Пусть социалдемократія заставитъ всѣ группы общества открыто высказать свое отношеніе къ грядущей войнѣ, и пусть разъяснитъ она пролетариату, что кто въ этомъ случаѣ не съ нами, тотъ противъ него, тотъ съ абсолютизмомъ! Мы уже вошли въ революціонную эпоху, наступленіе которой такъ бессмысленно ускорило правительство своей политикой, и тутъ не можетъ быть недомолвокъ; пролетариатъ долженъ знать, кто его врагъ, кто его другъ, кто его временный союзникъ.

И если война все-таки вспыхнетъ, если народу придется кровью своихъ ошновой расплачиваться за грѣхи режима, социалдемократія должна удесатерить свои усилія, чтобы добиться скорѣйшаго заключенія мира, чтобы уменьшить размѣры кровопролитія, чтобы использовать всѣ событія въ интересахъ классоваго развитія пролетариата, чтобы ускорить свою первую историческую побѣду, побѣду народа надъ абсолютизмомъ!

За работу же, товарищи! Пусть исполнится пророчество «Новаго Времени»; пусть дѣйствительно «мелкія стычки съ полиціей» замолкнуть, но замолкнуть только для того, чтобы съ удесатеренной силой возродиться въ грандіозной общероссійской борьбѣ всего рабочаго класса, борьбѣ за волю, свѣтъ и просторъ, за широкій путь для дальнѣйшей борьбы за свое полное освобожденіе отъ всѣхъ видовъ гнета и поработенія, за социализмъ! Пусть, дѣйствительно, «отдѣльные рѣки» недовольства и возмущенія сольются въ одно могучее «море», море революціонной борьбы народа, съ пролетариатомъ во главѣ, подъ краснымъ знаменемъ единой и сплоченной социалдемократической партіи!

Для этого нужно, прежде всего, отдать себѣ самимъ ясный отчетъ во всей сложности и важности задачъ, лежащихъ на социалдемократяхъ, какъ на сознательныхъ представителяхъ рабочаго класса; надо безъ ложнаго стыда, безъ самообольщенія оцѣнить съ точки зрѣнія социалдемократической программы собственную дѣятельность партіи, надо, прежде всего, и больше всего направить усилія на беспощадную борьбу противъ правительства и феодально-буржуазнаго общества; надо наполнить борьбу социалдемократическимъ классовымъ содержаниемъ. Пусть мысль неустанно работаетъ въ этомъ направленіи, и мы будемъ, дѣйствительно, единой, сильной, сплоченной партіей рабочаго класса; мы сумѣемъ съ честью выполнить великія обязанности, взятая нами на себя отъ имени пролетариата; мы не окажемся несостоятельными передъ лицомъ великой русской революціи, которая уже стучится въ двери исторіи!

Война

(25 янв. 1904 г., № 58).

Телеграфъ принесъ извѣстіе, что 24 января въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» опубликовано сообщеніе объ отозваніи японскаго посольства изъ Россіи и русскаго изъ Японіи.

День этотъ будетъ долго памятенъ въ исторіи. Имъ начинается война, которая грозитъ превратиться во всемірное столеновеніе всѣхъ культурныхъ государствъ, грозитъ залить кровью и пожаромъ весь свѣтъ. Не только политическая карта всѣхъ странъ свѣта можетъ измѣниться до неузнаваемости въ результатъ того пожара, который загорается теперь на Дальнемъ Востоцѣ, но, быть можетъ, всѣ основы современнаго капиталистическаго строя будутъ въ корнѣ потрясены надвигающейся бурей. Быть можетъ, близится уже день, когда изъ-подъ груды обломковъ стараго, разъяденнаго гнетомъ и эксплуатаціей общества начнетъ вставать новый, болѣе счастливый порядокъ, который принесетъ, наконецъ, трудящимся классамъ освобожденіе отъ всѣхъ цѣпей рабства, насилія и угнетенія. Вотъ почему пролетаріатъ, и только одинъ пролетаріатъ, безъ страха можетъ смотрѣть въ будущее сквозь заволакивающія его теперь грозныя тучи.

Но какъ бы ни отразилась драма, начинающаяся теперь на берегахъ Тихаго океана, на ходѣ мировыхъ событій, для нашей родины значеніе ея будетъ огромно. Уступчивость и трусливость, проявленныя правительствомъ въ послѣдніе дни, когда у него съ ужасомъ открылись глаза на ту пропасть, передъ которой оно себя поставило, только обнаружили слабость его, но не могли избавить его отъ страшной войны. Не могли, потому что было уже поздно: всѣ прошлыя преступленія толкали его съ роковою неизбежностью на тотъ путь, на которомъ ждетъ его гибель.

Гибель эта почти неминуема, потому что правительство вступаетъ въ войну, ненавидимое всѣми народами, проклинаемое въ своей собственной странѣ, съ истощенными финансами, разъяденное до мозга костей взяточничествомъ, казнокрадствомъ, всѣми видами подлости, безраздѣльно царящими подъ прикрытіемъ безгласности.

Недаромъ ходятъ слухи, что на время войны вся Россія будетъ объявлена на осадномъ положеніи. Правительство знаетъ, что оно, а не японцы, истинный врагъ народа; оно знаетъ, что сумѣло захочъ

неугасимую ненависть къ себѣ въ милліонахъ сердець, и знаетъ, что только пулями, штыками и выстрѣлами можетъ оно навремя сдержать проявленіе народнаго гнѣва. Недаромъ во многихъ городахъ уже начался настоящій штурмъ на сберегательныя кассы; владчики знаютъ, что нельзя довѣрять этому правительству, которое умѣетъ изворачиваться только займами и грабежомъ народа и которое, несомнѣнно, пуститъ по міру милліоны семей, неосторожно вручившихъ ему на сохраненіе свои мелкія сбереженія. И недаромъ также говорятъ о грандіозныхъ хищеніяхъ и грабежахъ, уже теперь происходящихъ во всѣхъ операціяхъ, соприкасающихся съ подготовкой военныхъ дѣйствій. Подъ гнетомъ народнаго гнѣва и недоувѣрія и собственной гнилости долженъ пасть этотъ азіатскій режимъ, въ тискахъ котораго задыхается все рвущееся къ свѣту, къ развитію, къ жизни!

Народъ русскій стоитъ передъ тяжелымъ испытаніемъ. Сотни тысячъ дѣтей его, оторванныхъ отъ сохи, отъ фабричнаго станка, отъ ремесленной мастерской должны съ проклятемъ и ненавистью въ сердцѣ идти умирать за чуждое имъ дѣло. А весь народъ, и прежде всего трудящіеся классы его, должны будутъ взвалить на свои плечи еще новое бремя, которое наложить на нихъ нуждающееся въ деньгахъ правительство. Пусть же жертвы эти не будутъ безплодны! Пусть война эта принесетъ народу побѣду надъ самодержавіемъ! Пусть правительство падетъ жертвой своихъ преступленій! Пусть родина наша, залитая слезами и кровью, выйдетъ изъ этого моря бѣдствій освобожденною отъ ига!

Режимъ стоитъ на краю пропасти; столкнемъ же его въ нее! Миръ, заключенный подъ непосредственнымъ напоромъ народныхъ массъ, руководимыхъ социалдемократіей, былъ бы лучшимъ средствомъ положить конецъ существующему режиму. Приложимъ же всё усилія, чтобы рабочій классъ, а за нимъ и всѣ другіе слов населенія, сознательно и открыто потребовалъ заключенія мира и заставилъ правительство склониться передъ волею народа.

Да здравствуетъ миръ! и—долей самодержавіе!—эти два лозунга должны отнынь неразрывно сплестись въ нашей агитаціи.

Ф. Данъ.

Наша „контръ-революція“.

(10-го февраля 1904 года № 59).

Политически развитымъ людямъ Запада сначала показались мало вѣроятными сообщенія телеграфныхъ агентствъ о такъ называемыхъ патриотическихъ манифестаціяхъ въ Россіи. Эта волна беззащитнаго холопства, захватившаго «всеі слои» русскаго народа, слишкомъ уже рѣзко отличалась отъ цѣлаго ряда всплшекъ народнаго недовольства, которыми отмѣчены были послѣдніе годы внутренней жизни Россіи. Европа переживаетъ моментъ, когда всякій мало-мальски замѣтный фактъ въ домашнихъ распорядкахъ нашего отечества котируется на биржахъ, когда высота курса русской самодержавной бюрократіи, ея кредитоспособность, опѣиваются по результатамъ ея борьбы не только съ вѣншимъ врагомъ, но и съ внутреннимъ, опѣиваются по самому спросу на абсолютизмъ со стороны его потребителей, русокихъ гражданъ. И надо отдать справедливость изворотливости нашего правительства: оно, провоцируя восточныхъ сосѣдей на войну, стремилось не только закрѣпить усійхъ своихъ авантюристическихъ затѣй на крайнемъ Востоцкѣ, но и поднять въ вѣкоторыхъ слояхъ народа спросъ на абсолютизмъ, служащій, якобы, могучимъ оплотомъ русскаго и другихъ народовъ Европы отъ «желтой опасности». Но Россія, казалось, выросла уже изъ стадіи поповско-полицейскаго толкованія политическихъ учрежденій: ея либеральные элементы начинали становиться на путь открытыхъ протестовъ противъ полицейской опеки и обратились къ свободной прессѣ; ея радикальная интеллигенція продумала социально-политическія проблемы и нерѣдко стала переходить подъ красныя знамена быстро пробуждающагося російскаго пролетаріата; они, наконецъ, поднялись, эти знамена, на улицахъ столицъ и большинства крупныхъ городовъ Россіи; своею кровью, пролитой въ борьбѣ за свободу, нашъ передовой рабочій, завоевалъ себѣ гордое убѣжденіе, что онъ поставилъ родину на путь революціи. И, вотъ, та толпа, которая вчера подбодряла самоотверженныхъ демонстрантовъ и кричала «долой самодержавіе!», сегодня «проливаетъ слезы умиленія» передъ дворцами, носить и лобызаетъ какіе-то портреты, реветъ бессмысленно «ура».

Неудивительно, если первую мысль иностранцевъ было предположеніе, что, вслѣдъ за жалкой комедіей, разыгранной щедро оплаченными манифестантами—сынциками, имъ преподносится сказка о мно-

готысячныхъ патриотическихъ демонстраціяхъ. Неужто же было повѣрить, что дикая оргія вѣриподданническаго холопства разыгралась даже и въ Ростовскихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ—въ мастерскихъ, откуда еще вчера выходили дружной толпой воодушевленные рабочіе на массовые политическіе митинги? Этому не вѣрилось. Легче было предположить, что ложь официальныхъ телеграммъ раскроется въ завтрашнихъ частныхъ корреспонденціяхъ. Но дни идутъ за днями, а слухи не опровергаются, они даже подтверждаются. При самомъ оптимистическомъ толкованіи фактовъ, мы должны признать, что не только безразличная и запуганная масса нашего купечества земно челоуъ бьетъ и раскошеляется на «святое дѣло войны», что толпу «патриотовъ» составляютъ не только босяки и мальчуганы, французскіе братья которыхъ первыми падали на баррикадахъ Великой революціи. Одни только эти факты насъ нимало бы не озадачили; очевидно, въ рѣшительный моментъ борьбы съ самодержавной бюрократіей эти элементы или останутся инертны—или поддадутся въ сторону демократіи. Но мы узнаемъ и другое: «просвѣщенные друзья» этой бюрократіи, отъ аграрія—графа, жертвующаго миллионъ на грабительскую войну, до «священныхъ лигъ» реакціоннаго студенчества, словомъ «отцы и дѣти», и дѣтели изъ ряда кншиневскихъ, вчера работавшіе подъ сурдинку,—всѣ сегодня слились въ открытомъ дневномъ культѣ варварскаго режима. Что же это, побѣда бюрократіи? Значить расчеты ея на войну оправдались? Нѣтъ, это побѣда нашей революціонной арміи— арміи російскаго пролетаріата!

Такова уже наша судьба, что не суждено намъ убить нашего классоваго врага спящими. Наша борьба его разбудила. Лишь только пролетаріатъ сталъ на путь революціонной борьбы съ отжившимъ политическимъ строемъ, онъ заставилъ очнуться отъ спячки широкіе круги демократической интеллигенціи и она пошла къ нему на встрѣчу, за ней и интеллигентскій либерализмъ изъ литературной идилліи сталъ превращаться въ опредѣленную политическую силу, которая отмежевалась отъ пролетаріата и поставила себѣ свои собственные цѣли. Такова была наша первая побѣда: дрогнуло сонное болото! Теперь оно всколыхнулось до дна—вотъ почему и разить такимъ политическимъ сирадомъ!.. Въ данный роковой для самодержавной бюрократіи моментъ, когда первые шаги по пути военной авантюры отозвались тяжкими поражениями застывшаго въ располхъ и деморализованнаго войска, правительство пытается спекулировать на «патриотизмъ» народа. Оно хочетъ обмануть внимательность европейской буржуазіи и получить взаимъ подъ вѣрное обезпеченіе своей прочной власти надъ Россіей,

И вотъ жандармоко-полицейская свора скликаеть всёхъ «вѣрнопопдан-ныхъ». Не много ихъ, правда, осталось, но они изъ силъ выбиваются поддержать престоужь своего властелина. Еще недавно, когда мы боролись, устраивали стачки и демонстраціи—эти патріоты скромно ступевывались. Теперь они подняли свои знамена; вотъ ихъ каррикатурная «контръ-революція», которая еще сегодня шумить на всю Европу, и которая завтра вочезнетъ подъ нашимъ рѣшительнымъ натискомъ, подъ кличь: «долой самодержавную бюрократію, да здравствуетъ учредительное собраніе».

Отрѣзавшее себя отъ всёхъ сознательныхъ элементовъ народа, самодержавіе спѣшить создать свой собственный «патріотическій» народъ и, тѣмъ самымъ, дать, съ своей стороны, первый толчекъ *политическому пробужденію* этихъ отсталыхъ массъ. За этимъ первымъ толчкомъ—когда пройдетъ, подъ вліяніемъ краха авантюристской политики, чадь патріотическаго воодушевленія—послѣдуетъ другой, болѣе могучій, который неминуемо броситъ эти массы въ объятія революціи.

Кольцовъ.

Тройная мобилизація.

(10 февраля 1904 г. № 59).

Война! Никогда еще волны патріотизма не вздымались, казалось такъ высоко, какъ въ эти дни, когда вѣсть о войнѣ ударила «съ невѣдомой силой» по нерву общественнаго сознания, въ одинъ мигъ спутавъ прежнія карты и переимѣстивъ вниманіе отъ нарастающей въ утробѣ нашей борьбы къ кровавымъ итогам вѣшней политики.

Еще вчера въ залахъ «дворянскаго собранія» Петербурга раздавался протестующій голосъ двухъ сѣздовъ, а сегодня—послѣ долгаго перерыва—столица Россіи опять увидѣла демонстрирующія колонны студентовъ, но, о чудо! казацкія нагайки висѣли спокойно, а вмѣсто краснаго знамени развѣвался желтый стягъ съ двуглавою птицей...

Недавно еще рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ Ростова круп-

ными буквами вписали свое имя въ мартирологъ революціоннаго движенія Россіи, имъ не разъ грудь съ грудью приходилось встрѣчаться съ воинствомъ, и эти смѣлые рабочіе теперь—безмолвно созерцали, какъ именемъ ихъ служились молебны за тѣхъ, кто посылалъ убивать, и за войско, истреблявшее братьевъ...

Въ Москвѣ многотысячная толпа направляется къ редакціи реакціонной газеты. Зачѣмъ? Для того, чтобы излить свое чувство градомъ камней?— Нѣтъ! Эта толпа проситъ пресловутаго Грингмута снабдить ее національными флагами и почтительно передаетъ ему—всепоподаннѣйшій адресъ! Съ разныхъ концовъ Россіи летятъ телеграммы, возвѣщающія о патріотическихъ манифестаціяхъ. На улицахъ Валдая и Холмогоръ, какъ на площадяхъ Одессы или Кіева, движутся взволнованныя толпы, и вмѣсто клича—долой—раздается національный гимнъ!..

Кн. Мещерскій лобызается со студентами, рабочіе съ триумфомъ несутъ на рукахъ отъѣзжающихъ офицеровъ. Презираемая улица стала вдругъ героиней реакціи, и огромный газетный хоръ торжественно поетъ отходную—русской революціи!

Что значить этотъ сонъ? Или въ самомъ дѣлѣ «прснувшееся русское чувство» развѣяло, какъ кучу «мусора»—по образному выраженію одного нововременскаго ренегата—всю огромную работу освободительныхъ силъ? Или вправду «духъ» русскаго народа далъ отвѣтъ «клеветникамъ Россіи», увѣрившимъ, «будто бы война можетъ быть финаломъ смуты», какъ полагаютъ «Московскія Вѣдомости»,—и передъ «всеаряднымъ патріотическимъ настроеніемъ» «замолкли прежніи шайки безусыхъ социалдемократовъ»? И не былъ ли тысячу разъ правъ елейно-хитроумный г. Меньшиковъ, который еще до начала военныхъ дѣйствій рисовалъ намъ войну, какъ палладіумъ революціоннаго замиренія, какъ единственное, въ своемъ родѣ, средство для отведенія буйныхъ, — «горьковскихъ» — элементовъ въ лоно патріотическаго героизма?

Не подлежитъ сомнѣнію: вопросъ о судьбахъ русской революціи неотвязно стоялъ передъ самодержавіемъ въ тотъ рѣшительный моментъ, когда «дерзкій и коварный» желтолицый противникъ поторопился подвести балансъ его многолѣтней антрепризѣ на Востокъ. Тревожно прислушиваясь къ революціонному гулу, абсолютизмъ прекрасно понималъ, что начинаетъ войну при исключительныхъ условіяхъ: это не крымская кампанія, зачатая въ атмосферѣ мертвой николаевщины; это не «освободительная» война за «братушекъ», окруженная, вначалѣ, хотя тѣнью популярности. Это смертный бой, въ которомъ можно кое-что выиграть, но зато и все потерять, потому что главный врагъ не на

Дахнемъ Востокъ, у береговъ Печелійскаго залива, а здѣсь дома, въ тылу войны, разбросанный всюду, по градамъ и весямъ Россіи.

Ва banque! Отступать было поздно!

Но зато тѣмъ усердѣе начиналось—радомъ съ мобилизаціей военныхъ силъ—мобилизація патріотизма. Не даромъ же сверху, въ обращеніи къ чинамъ государственнаго совѣта, выражена надежду, что Россія, то есть русское самодержавіе, выйдетъ изъ посланныхъ ей испытаній укрѣпленной не только извнѣ, но и изнутри...

Пущено въ ходъ было все: полицейско-бюрократическій аппаратъ, рабочіе союзы—штенцы Зубатова, овѣженспеченными студенческія «корпорации», вродѣ Петерб. «Денницы», «Рус. Собранія» съ его филиальными отдѣленіями въ провинціи, армія пламягѣющихъ газетныхъ добровольцевъ и просто расторопныхъ рентилій; даже театральныя зрѣлища—«Севастополи» и «Измаилы», предназначенныя подымать температуру общественнаго настроенія. А въ то же самое время публицисты старались: призракъ панмонгольской желтой опасности, гипнотизируя читателя, говорилъ ему: забудь свободолюбимыя мечты, оставь «партийные» «счеты», бойся и ненавидь Японію. «Все русское общество безъ различія партій должно сознать, что въ настоящую минуту выясняется направленіе, какое получаютъ силы Россіи въ теченіе вѣка»—писалъ на страницахъ «Петербург. Вѣдомостей» кн. Сергій Трубецкой, московскій «передовой» «идеалистъ».

Мобилизація «духа» шла, какъ будто бы, куда успѣшнѣе той «матеріальной» мобилизаціи, которая производилась, между тѣмъ, съ великими трудностями на безконечныхъ пространствахъ Сибири.

Фейерверкъ патріотическаго подъема былъ блестящъ, онъ ослѣпилъ глаза, помрачалъ разсудокъ, но онъ былъ... фейерверкъ и горѣлъ онъ такъ ярко потому, что воздухъ кругомъ былъ насыщенъ грозovýmъ электричествомъ.

Уже теперь, когда я пишу эти строки, «потѣшныя огни», догорая, чадаютъ... Начальство спѣшить убрать «національные флаги», умѣрнить экспансивную «улицу»; патріотовъ просить чество успокониться, и за слишкомъ громкое «Боже, царя храни» можно, пожалуй, попасть въ кутузку. Непослушная буйная нотка затѣсалась кое-гдѣ въ патріотическую мелодію.

И этого было довольно. Самодержавная бюрократія испугалась тѣхъ огнѣ, которыя сама она вызвала; она начала смутно понимать, что мобилизація патріотизма въ массахъ—при настоящемъ положеніи дѣлъ—неизбѣжно ведетъ къ мобилизаціи политическаго смысла.

Тамъ, гдѣ власть пережала себя, гдѣ налицо широкое броженіе,

война—незамѣнимый агитаторъ. Разрушая равнодушную безсознательность, исконную опору самодержавно-бюрократическаго строя, она шло дня въ день гонять въ школу политическаго интереса самыя отсталыя слои народа. Посмотрите, какой кругъ описала вокругъ себя патриотическая агитация! Вѣдь, Пошехонье всколыхнулось! Оно кричитъ еще ура, но—будьте спокойны, именно потому, что оно всколыхнулось, завтра оно разнесетъ по камнямъ свою доморощенную Бастиллю... Самодержавная бюрократія съѣтъ, жатву соберетъ революція!

Старостръ.

Вѣрноподданная пресса.

(25 февраля 1904 г., № 60).

О чемъ шумите вы, народныя витія?..

Въ минуту, когда русская жизнь настолько осложнилась, что только ударъ революціи можетъ придать ей устойчивость и способность къ неуклонному развитію, въ минуту, когда, истощенная и разоренная, Россія, по волѣ самодержавнаго правительства, втнута въ ненужную, опасную и губительную войну, когда ви́шній врагъ выдвинуть на сцену для борьбы съ врагомъ внутреннимъ и побѣда надъ первымъ имѣетъ въ виду уничтоженіе второго,—въ эту минуту легальная печать не пожелала воспользоваться даже своимъ «драгоценнымъ» правомъ молчать и тѣмъ засвидѣтельствовать свою непричастность къ реакціонной кликѣ. Захлебываясь отъ «патриотическаго» волненія, она вдругъ забыла «эзоповскій» языкъ и заговорила откровенно, нагло, цинично. Съ газетныхъ столбцовъ, привыкшихъ къ трусливой либеральной рѣчи, послышались странныя ноты, которыя, разрастаясь и увеличиваясь, выросли въ стройный гимнъ русскому абсолютизму... Но «патриотическій» жаръ, подогреваемый явными и тайными агентами Плеве, пройдетъ: общественная мысль протрезвится—если уже не протрезвилась,—ей станетъ ясной роль «патриотовъ», подмѣнявшихъ интересы Россіи интересами самодержавной бюрократіи. И слѣ-

дуетъ позаботиться, чтобы въ эти дни расплаты не было забыто положеніе, занятое въ русско—японской войнѣ легальной печатью, «выразительницей русскаго общественнаго мнѣнія».

Мы не станемъ здѣсь цитировать «Новаго Времени» и «Московскихъ Вѣдомостей». О томъ, сколько патріотической грязи влили она въ голову довѣрчиваго русскаго читателя, говорить не приходится. Передъ нами—другая галерея, гораздо болѣе интересная, галерея просто либеральствующей и прогрессивно-либеральной прессы.

Вотъ,—начнемъ съ мѣнѣ «зарекомендованнаго» экземпляра—«Русское Слово», издаваемое при ближайшемъ участіи Дорошевича, бывшаго сотрудника фрондировавшей «Россіи». Приведа патріотическое четверостишіе:

Идутъ всѣ полки могучи,
Шумы, какъ погоня,
Страшно медленны, какъ тучи,
Прямо на востокъ,—

эта газета продолжаетъ въ высоко-патріотическомъ стилѣ: «Это идутъ не звѣри, раззоренные запахомъ крови. Ихъ не будетъ напутствовать приказаніе разорать броненоснымъ кулакомъ все, что попадется на пути. Имъ не будутъ преподаны наставленія убивать плѣнныхъ, добывать раненыхъ. Нѣтъ, это идутъ Микулы Селяниновичи, идутъ Ильи Муромцы—люди, вскормленные и взрощенные землей и знавшіе одинъ только мечь—остріе сохи или плуга»? Чувствуете, сколько подъема въ этихъ немногихъ строкахъ? Намекъ на „гуннскую“ рѣчь Вильгельма, восхваленіе „доблестнаго русскаго воинства“, и, наконецъ, Микулы Селяниновичи и Ильи Муромцы! Последнее въ особенности у мѣста. Изголодавшіеся, обезсиленные, забитые нагайкой крестьяне, рабочіе съ немногими остатками силы, высосанной эксплуататоромъ—капиталомъ,— это они-то Ильи Муромцы, люди, вскормленные и взрощенные землей.

„Новости Дня“—другая бульварно-либеральствующая газета—пустила въ ходъ иное „патріотическое“ средство. Замятивъ, что ожидающее Россію будущее „предуказывается прошлымъ“, московская газета прямо захлебывается отъ любви къ родинѣ: „Страницы русскаго прошлаго являются увлекательнымъ рассказомъ о томъ, какъ всѣхъ своихъ враговъ побѣждала Россія одной силой ни съ чѣмъ несравнимой беззаветной любви къ родинѣ... Могучая родина! Великая земля русская! Ты съ понятной грустью узнала, что противъ тебя ополчаются враги твои. Но ты знаешь также, что каждый изъ сыновъ твоихъ—твой до послѣдней капли крови... Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ! а правда русская не на концѣ меча, но въ непоколебимой вѣрѣ. И да

свершится надъ нами воля Господня!..“ — Бѣдная родина! Еслибы ты могла сознательно относиться ко всему, что пишутъ о тебѣ, поистинѣ, блудные сыны твои, ты бы увидѣла, какъ торгуютъ тобой и твоимъ именемъ, какъ продаютъ тебя за чечевичную похлебку злѣйшимъ врагамъ твоимъ!.. Московскимъ публицистамъ надо создать „патріотическое“ воодушевленіе, нужно оглушить разумъ людей, чтобы они не знали, что дѣлаютъ, и дѣлали все, что имъ приказываютъ. Потоки жалкихъ словъ, разбавляемые лубочнымъ пафосомъ, имѣютъ единственной цѣлью омрачить сознаніе и фальсифицировать чувство. Вѣра въ непогрѣшимость правительства поколебалась въ самыхъ глухихъ и темныхъ слояхъ русскаго народа; одного призыванія „благословенія Божія на доблестныя войска наши“ недостаточно для сколько-нибудь прочнаго воодушевленія. И пресмыкающаяся печать, не взирая на либеральныя „традиціи“, беретъ на себя благодарную задачу—вдолбить въ душу всѣмъ и каждому любовь къ родинѣ, олицетворяемой въ російскомъ правительствѣ, заставить всѣхъ вѣрить въ справедливость и необходимость войны, отъ исхода которой зависитъ „честь“ и „достоинство“ Россіи.

Могутъ, впрочемъ, замѣтить, что „Русское Слово“ и „Новости Дня“ не примѣръ. Мало ли какихъ благоглупостей они ни наговорятъ—не можетъ же за нихъ отвѣтствовать вся либеральная печать. Въ такомъ случаѣ привлекаемъ къ отвѣту двѣ другія газеты, либерализмъ которыхъ, и даже „радикализмъ“ до сихъ поръ, кажется, не подлежали сомнѣнію.

Старый либераль, искушавшійся въ цензурныхъ трудностяхъ—«высокоотчужденныя» «Русскія Вѣдомости» раскрыли свои карты не сразу. Какую позицію занять въ вопросѣ о войнѣ, не имѣющей ближайшаго отношенія къ земскому самоуправленію и крестьянской общинѣ, для которыхъ «профессорская» газета за словомъ въ карманъ не полѣзеть? Это колебаніе сказалось въ первой статьѣ «Русскихъ Вѣдомостей», заключающей въ себѣ незначительную и мутную примѣсь «патріотизма». «Война,—пишетъ газета,—великое бѣдствіе, и если ея нельзя избѣжать, то естественно желать, чтобы она не затянулась на долгое время и не отразилась чрезмѣрно тяжкими испытаніями для русскаго народа. Русскія войска, конечно, исполнять свой долгъ, всѣ русскіе люди будутъ сопровождать ихъ пожеланіями успѣха и готовностью возможно облегчить предстоящія имъ тяготы. Россія неоднократно находилась въ еще болѣе трудныхъ обстоятельствахъ и шла бодро навстрѣчу угрожавшимъ ей опасностямъ». Конечно, война—великое бѣдствіе, и если ея нельзя избѣжать, то естественно желать, чтобы она не затя-

нудась и не принесла чрезвѣрно тяжелыхъ испытаній русскому народу. Это ясно. Зато болѣе чѣмъ подозрителенъ призывъ къ „долгу“ русскихъ войскъ, призывъ ко „всѣмъ русскимъ людямъ“, которые должны желать успѣха доблестнымъ дѣяніямъ „славнаго русскаго воинства“, и въ особенности—идеализація „могучей родины“, по духу родственная пафосу «Новостей Дня». Эти подозрѣнія, для малоопытнаго читателя робкія, переходятъ въ твердое убѣжденіе, когда знакомишься съ слѣдующими строками другой статьи той же газеты: «Вопрека миролюбивому настроенію Россіи, несмотря на искреннія заявленія въ пользу мира, особенно часто повторявшіеся въ послѣднее время во всей Европѣ,—война разразилась, и русскому народу придется нести ея тягости. Какъ всегда бывало и ранѣе, при первыхъ извѣстіяхъ о ея началѣ русскія общественныя собранія спѣшатъ выразить одушевляющія ихъ чувства и отозваться на выдвигаемая войной нужды». Въдъ на страницахъ тѣхъ же «Русскихъ Вѣдомостей» еще недавно неоднократно, хотя и робко, отмѣчались „должны шаги“ „нашей“ вышней политики. И вотъ теперь, когда война разразилась и долгъ каждой честной прогрессивной газеты—поставить точку надъ і или, въ худшемъ случаѣ, молчать,—„Русскія Вѣдомости» снимаютъ съ правительства всю вину, убѣждаютъ, что оно съ начала до конца было миролюбивымъ! Къ чему это? Конечно, въ тому же, къ чему упоминаніе о чувствѣ, «одушевляющемъ» общественныя собранія. Лъстивыя вѣрноподданическія изліянія, «патріотическія» манифестаціи, созданныя шпіонами Плеве, газета отмѣчаетъ въ передовой статьѣ, какъ фактъ, достойный общественнаго вниманія... Зачислившіеся по либеральному штату патріоты своего отечества отличаются отъ „Русскаго Слова“ или „Новостей Дня“ только тѣмъ, что послѣднія откровенно бьютъ въ кимвалы и громко зовутъ въ походъ, а первые, въ критическую минуту, гнусавятъ на мотивъ „народнаго гимна“.

Гнусавить и прогрессивный «Курьеръ». Тотъ самый «Курьеръ», въ которомъ пишутъ «молодые беллетристы» и который иногда заигрываетъ—скажемъ такъ—съ экономическимъ матеріализмомъ; молодой «Курьеръ», конкурирующій со старыми «Русскими Вѣдомостями» по части прогрессивности, совсѣмъ потерялъ голову и впалъ въ патріотическую эпилепсію. Бросивъ «отрадныя» явленія, которые отмѣчались имъ со старательностью архиваріуса, «Курьеръ» весь отдался войнѣ и «патріотическому» воспитанію своихъ читателей. «Россія,—говорить онъ,—въ продолженіе 25 лѣтъ не обнажавшая меча, вынуждена теперь, несмотря на миролюбіе Монарха, призывавшаго всѣ народы къ рѣшенію своихъ споровъ третейскимъ судомъ, обнажить мечъ для за-

щиты своихъ торгово-политическихъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ». «Бѣдные прогрессисты» забыли все, чему они еще такъ недавно поклонялись, и усердно бьютъ челомъ квасному патріотизму. «Всѣ недоразумѣнія въ Европѣ,—пишутъ они,—должны быть ликвидированы и ничего не должно отвлекать насъ отъ озорнѣшаго и успѣшнаго довершенія нашихъ задачъ на Дальнемъ Востокѣ». И въ другой статьѣ: «Итакъ, война началась. Мы ее не желали, но разъ приходится съ оружіемъ въ рукахъ защищать достоинство и честь Россіи и неприкосновенность ея территоріи — нѣтъ мѣста колебаніямъ». И, наконецъ, въ передовой статьѣ «Курьеръ» предрекаетъ: «Исходъ войны заранѣе обезпеченъ, потому что японская сухопутная армія при самомъ большомъ напряженіи военныхъ силъ Японіи не можетъ идти въ сравненіе съ русской арміей, которая можетъ быть сосредоточена въ любой части Дальняго Востока въ какомъ угодно количествѣ и въ каждый данный моментъ».

Сравните все, что говорили наши либералы различныхъ отгннковъ, и вы не найдете въ ихъ словахъ существенной разницы. Не одинаковъ стиль, различны методы, но основа и цѣль одна и та же. Национально-либеральное «Русское Слово» разжигаетъ шовинизмъ Ильями Муромцами и Микудами Селяниновичами,—либерально-прогрессивный «Курьеръ» преувеличиваетъ силу русской арміи, кричитъ о защитѣ оружіемъ достоинства и чести Россіи. Бульварно-либеральныя «Новости Дня» поютъ о «непоколебимой вѣрѣ» и требуютъ, чтобы каждый изъ сыновъ роины принадлежалъ ей до послѣдней капли крови,—«Курьеръ» желаетъ «успѣшнаго довершенія нашихъ задачъ на Дальнемъ Востокѣ». Ложь и подхалимство связали ихъ всѣхъ столь тѣсными узами, что не разберешь, кто изъ нихъ сыгралъ болѣе позорную роль въ «патріотическомъ воодушевленіи», охватившемъ «русское общество», или въ «патріотическихъ» манифестаціяхъ, подготовленныхъ шпионами по министерству внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Эти «друзья народа», въ свободную минуточку толкующіе о «правопорядкѣ», «самодѣтельности» и прочихъ либеральныхъ чаяніяхъ, предательски продаютъ интересы народа какъ разъ въ такое время, когда на защиту не престола-отечества, а именно этихъ интересовъ нужно стать грудью. Не даромъ „Петербургскія Вѣдомости“, редактируемыя Столыпинимъ, ставленникомъ Плеве, откровенно заявляютъ, что „теперь на первый планъ выступаетъ вопросъ о нашемъ внутреннемъ единеніи, на которое только и можно рассчитывать при столкновеніи съ внѣшнимъ врагомъ. Ни прочность броненосцевъ, ни неприступность крѣпостей, ни

даже сила самой армии не могут служить такимъ оплотомъ противъ нашествія вѣшняго врага, какъ единство и сплоченность массъ“. Конечно, теперь, когда правительство въ опасности и чувствуетея потребность въ душечномъ мясѣ, умѣстно вспомнить о народныхъ массахъ. Противъ единства и сплоченности народныхъ массъ, когда онѣ обращаются на самооборону этихъ массъ или на борьбу ихъ за лучшую жизнь, пускаются штыки и нагайки. Когда же приходится спасать самодержавно-бюрократическое отечество,—«единство и сплоченность» становятся выше неприступныхъ крѣпостей, народныя массы превращаются въ богатырскую рать, предводительствуемую Ильей Муромцемъ. И тѣ же «Петербургскія Вѣдомости» спѣшаютъ сдѣлать практическій выводъ изъ «единства и сплоченности народныхъ массъ» и предлагаютъ «воспользоваться» настоящимъ моментомъ, чтобы «сейчасъ же подать руки другъ другу и идти вмѣстѣ на общую работу внутренняго строительства. «Довольно трепетанія передъ призраками несуществующихъ козней и вражды: пора съ довѣріемъ отнестись къ каждому приносящему или желающему принести камень къ фундаменту государственнаго зданія. Тутъ всякая рука нужна и полезна, всякая единица силы служить къ облегченію и ускоренію общей работы». Еще бы! Органъ господина Плеве убѣдился, что козни и вражда со стороны либераловъ только призрачны. На самомъ дѣлѣ, стоило удачно забросить «патріотическую» удочку, чтобы безъ труда поймать всю «вѣрно-подданную оппозицію». Теперь, въ атмосферѣ политическаго разврата, можно заговорить объ уничтоженіи «гидры революціи», о взытіи народныхъ массъ на буксиръ реакціоннаго строительства. Не торопитесь господа!

В—овъ.

На очереди.

(5-го марта 1904 г., № 61.)

Революционные протесты против войны всколыхнули нашу реакционную прессу. Ярко намалеванная картина «всей Россіи», сплотившейся вокруг правительства, сразу как-то потускнѣла, при появлении на свѣтъ этихъ бѣленькихъ бумажекъ, вышедшихъ изъ подпольныхъ типографій. Въ нестройный хоръ «патріотическихъ» глѣцовъ смѣлой нотой врѣзался свистъ революціонера-рабочаго и революціонера-студента... Злобно шипать «Московскія Вѣдомости» о внутреннемъ врагѣ, помогающемъ врагу внѣшнему; лицемерно взываетъ князь Мещерскій къ патріотическимъ чувствамъ студентовъ, а нововременецъ Сыромятниковъ силится увѣрить самихъ революціонеровъ и демократовъ, что въ разгарѣ войны «несвоевременно и несприлично» сводить политическіе счеты съ режимомъ. «Кто не протестуетъ въ мирное время? Но только глупый можетъ протестовать въ военное». Также точно и Мещерскій говоритъ о дозволительности студенческихъ протестовъ въ мирное время. Сыромятниковъ обѣщаетъ намъ, что, если революціонеры не будутъ вести агитаціи, то «прекратятся разговоры объ иностранномъ золотѣ, будто бы возбуждающемъ безпорядки на той или иной окраинѣ». Слышите «будто бы»? Это говоритъ тотъ самый господинъ, который года два назадъ утверждалъ, что русская революція ведется на англійскія и австрійскія деньги. Удивляться, впрочемъ, и нечего этому противорѣчію, ибо г. Сыромятниковъ попросту шантажируетъ во славу Плеве, и его слова значатъ не болѣе, какъ угрозу революціонерамъ окраинъ: если вы не угомонитесь, «мы» пустимъ кличъ, что васъ купила Японія, Англія, Америка... А пока что, изъ другихъ литературныхъ подворотенъ идетъ уже прямая травля евреевъ и революціонеровъ, которые обвиняются въ пособничествѣ «внѣшнимъ врагамъ» Россіи. «Петербургскія Вѣдомости» говорятъ о золотѣ, которое, якобы, получаютъ русскіе революціонеры отъ Англій; Крушеванъ и Грангутъ раздуваютъ пламя юдофобіи, тоскуя о деньгахъ, данныхъ американскими евреями Японіи. Уличные и газетные демагоги явно готовятъ къ тому, чтобы, будучи побиты японцами, насытить свою жажду славы въ новомъ Кишиневѣ.

Не было такого времени, когда бы революціонеры не обвинялись реакціей въ томъ, что продали свою душу иностраннымъ правитель-

ствамъ. Злостное намѣреніе въ этихъ обвиненіяхъ зачастую сплетается съ наивной неспособностью представить иную политическую мораль, чѣмъ та, которую исповѣдуютъ сами реакціонеры. Лакеи своего правительства, они не представляютъ себѣ политики внѣ служенія политическаго дѣятеля к у н и в ш е м у его правительству. Комми-воажеры той государственной фирмы, рада «величія и славы» которой они распинаются, они первымъ дѣломъ ставятъ себѣ вопросъ: «отъ ко́го» дѣйствуютъ эти люди? Чья фирма стоитъ за ними? «Кто изъ акціонеровъ сталъ бы уничтожить предпріятіе, которое основано на его деньгахъ?»—съ наивнымъ безстыдствомъ вопрошаетъ Сыроматяниковъ, убеждая «поляка, армянина и бурята», что и ихъ деньги вложены въ «предпріятіе», во главѣ котораго стоитъ самодержавное правительство. Съ точки зрѣнія «акціонернаго» патриотизма, въ основѣ политическаго дѣйствія лежитъ прямая заинтересованность въ доходности предпріятія, въ которое вложенъ капиталъ, и, видя людей, холодно относящихся къ преуспѣванію акціонерной компаніи, биржевой политикъ спрашиваетъ себя: въ чье же конкурирующее предпріятіе вложенъ ихъ капиталъ?

Наивные юношескіе возгласы «да здравствуетъ Японія» естественно эксплуатируются владѣльцами «патріотическихъ» акцій домашней фирмы въ цѣляхъ сѣянія реакціонной клеветы. «Да здравствуетъ Японія» въ устахъ радикальнаго юношества значитъ только: еще разъ долой самодержавіе, еще разъ—да здравствуетъ свобода! Зрѣлая революціонная мысль чужда этого наивнаго японофильства. Презрѣніе и ненависть къ бандитамъ всевластной бюрократіи въ Россіи не обязываютъ къ восторгамъ передъ пиратами капиталистической эксплуатаціи въ Японіи. Возмущеніе противъ російскихъ бюрократическихъ «просвѣтителей» Манчжуріи не имѣетъ ничего общаго съ апологіей буржуазныхъ японскихъ «просвѣтителей» Кореи. Не воспламеняясь желаніемъ побѣды абсолютистской Россіи, мы менѣ всего жаждемъ побѣды буржуазной Японіи. Словомъ, дѣйствительно-революціонная, т. е. социалдемократическая точка зрѣнія не мирится ни съ реакціонной монголофобіей, ни съ жидко-либеральнымъ «японофильствомъ».

Правда, мы должны признать, что въ борьбѣ между Россіей и Японіей не нашему отечеству—въ его нынѣшней государственной оболочкѣ—приходится играть—относительно—болѣе почетную роль. Не Россія, а Японія олицетворяетъ собою въ данный моментъ революціонизирующія тенденціи капитализма. И—увы!—не Россія, а Японія представляетъ собой культурный прогрессъ, доступный, вообще, капитализму. Къ нашему глубокому стыду, изъ числа этихъ двухъ—равночуждыхъ намъ противниковъ—абсолютистской Россіи и кон-

ституціонной Японіи, не въ Японіи четыре раза въ годъ разстрѣливаютъ на улицахъ рабочихъ, не въ ней запариваютъ на смерть «бунтующихъ» на колѣняхъ мужиковъ, не въ ней устраиваютъ Варфоломеевскія ночи надъ «инородцами», не въ ней изувѣрски преслѣдуютъ иновѣрцевъ. Не Японія, а Россія состязается съ Испаніей въ достиженіи максимальнаго процента безграмотности, не Японія соревнуется съ Китаемъ въ утонченности и «популярности» системы тѣлеснаго наказанія, не Японія, а именно абсолютистская Россія соперничаетъ съ Турціей въ дѣлѣ расцвѣта взяточничества и казнокрадства. И мы достаточно «патріоты», чтобы этотъ свой позоръ насильственной связи съ режимомъ кнута и нагайки искупить активной работой для революціоннаго возрожденія обезчещенной Россіи!

Мы достаточно «патріоты» въ этомъ смыслѣ, чтобы пальцемъ о палецъ не ударить, дабы «помочь» правительству побѣдою надъ Японіей укрѣпить свое, безчестящее Россію, владычество надъ нашей родной. Но въ то же время, мы—интернаціональные социалисты, а потому не наше дѣло «помогать» правящимъ классамъ Японіи разгромить реакціонную Россію и тѣмъ заложить прочныя основы реакціоннаго подавленія японскаго пролетаріата. Мы—интернаціональные социалисты, и въ союзъ съ такими же социалистами Японіи ведемъ войну и противъ русскаго абсолютизма и противъ буржуазіи парламентской Японіи. Не «да здравствуетъ Японія», написано на нашемъ знамени, а «да здравствуетъ миръ!» Мы—интернаціональные социалисты, а потому всякій политическій союзъ социалистовъ нашей страны съ какииъ бы то ни было классовымъ государствомъ сочли бы предательствомъ дѣла революціи. Ибо—мыслимый только въ воображеніи гг. Сыромятниковыхъ—«союзъ» между какой либо революціонной группой въ Россіи и какииъ нибудь «внѣшнимъ врагомъ» русскаго абсолютизма былъ бы въ глазахъ социалдемократовъ простымъ поступленіемъ революціонной группы на службу буржуазному государству, (службу, по существу, близкую къ полицейской). И если бы сонъ гг. Столыпинныхъ какииъ нибудь чудомъ осуществился, и Японія стала бы искать готовыхъ предаться ей русскыхъ, она не нашла бы ихъ въ средѣ російскихъ социалистовъ. Можетъ быть—и очень вѣроятно, что она отыскала бы новыхъ полковниковъ Гриммовъ, какъ Германія нашла среди французскихъ «патріотовъ»—Анри и Эстергази; но русскій социалистъ, который согласился бы,—во имя борьбы съ абсолютизмомъ,—вступить въ какую бы то ни было сдѣлку съ японскимъ правительствомъ, былъ бы безусловно выброшенъ изъ среды социалистовъ.

Именно патріоты изъ господствующихъ классовъ, любящіе кричать

о нашем космополитизмѣ, не брезгаютъ, когда затронуты ихъ классовые интересы, въ борьбѣ съ враждебными имъ народными массами, вступать въ политическій союзъ съ «врагами отечества». Французское дворянство вѣхало обратно во Францію, изъ которой его выбросила метла великой революціи, подъ охраной прусскихъ, англійскихъ и російскихъ штыковъ. Французская буржуазія затопила Парижъ въ крови его пролетарскихъ сыновъ при помощи германской арміи. А прусское дворянство готовилось воспользоваться услугами казаковъ Николая I для возвращенія своей родины въ «первобытное» состояніе до-революціонныхъ порядковъ. И наши казенные патриоты, шумящіе о мнимыхъ иновременныхъ ресурсахъ русской революціи, не постѣнятся въ цѣляхъ борьбы съ этой революціей прибѣгнуть къ услугамъ нынѣшнихъ своихъ «внѣшнихъ» враговъ.

Классовая солидарность эксплуататоровъ—въ извѣстныхъ случаяхъ—такъ же точно переходитъ національныя границы, какъ и классовая солидарность эксплуатируемыхъ. Разница только въ томъ, что классовой интересъ пролетаріевъ дѣлаетъ невозможнымъ для нихъ союзъ съ какой бы то ни было организаціей классоваго господства, т. е. съ какимъ бы то ни было чужимъ государствомъ, тогда какъ классовый интересъ эксплуататоровъ вполне допускаетъ такой союзъ съ органомъ классоваго господства за предѣлами своего отечества.

Пролетаріату незачѣмъ компрометировать себя союзомъ съ какой бы то ни было государственной организаціей классоваго господства, низведеніемъ себя до роли политическаго наемника одной изъ борющихся между собою эксплуататорскихъ силъ. Его политика не имѣетъ ничего общаго съ авантюризмомъ, ибо его политика опирается на непреложный ходъ историческаго развитія. А это развитіе систематически и все ускоряющимся темпомъ работаетъ намъ на пользу. Съ захватывающей духъ быстротой мчатъ насъ исторія къ той минутѣ, когда современный режимъ разлетится въ прахъ. Ускорить этотъ моментъ мы можемъ только организуя свои силы такъ, чтобы достойно встрѣтить предстоящее намъ политическое испытаніе. Эта задача достаточно обширна, чтобы оберечь насъ отъ всякаго искушенія попытаться «ускорить» естественный процессъ авантюристскимъ политическимъ актомъ.

Л. Мартовъ.

О патриотизмѣ.

(15 марта 1904 г., № 62).

Ихъ много сейчасъ, ями хотъ прудъ пруди—«патріотовъ своего отечества», всѣхъ токовъ и мастей: изступленныхъ—отъ реакціи, и стыдливыхъ—отъ либерализма! Упразднителей, привыкшихъ заушать, и упраздняемыхъ, въ полученіи заушеній привыкшихъ расписываться! Тѣхъ, что бряцали на страхъ врагамъ о російскомъ «срединномъ царствѣ», объ азиатскомъ «бѣломъ царѣ», и тѣхъ, что летѣли украдкой мечту о новомъ Севастополѣ!

Ихъ смель въ одну кучу военный катаклизмъ, и они всѣ твердятъ теперь наперерывъ «о любви къ отечеству и о народной гордости».

Патріотизмъ—на очереди! какъ всегда, въ видѣ той ходячей «звонкой» монеты, которою самодержавная власть, въ критическіе для нея моменты, пытается купить податливыя души своихъ подданныхъ. Но стоитъ только пройти моменту, и приманка оказывается ненужной, монета обезцѣнена, а душа, воспламененная не въ мѣру патриотическимъ чувствомъ, неукоснительно шествуетъ въ участки, гдѣ ей преподносится забытый урокъ «вѣрноподданческаго» поведенія. Слушаться и держать языкъ за зубами!—эту русскую добродѣтель вбивалъ въ свое время пресловутый Бенкендорфъ не менѣе пресловутому Булгарину, заявляя, что самодержавію не нужна похвала литературы. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь возможность похвалъ носить въ себѣ зародышъ возможнаго порицанія. Патриотическая инициатива подданныхъ есть первичная форма для политической агитаціи гражданъ. Потому-то мы и видимъ въ исторіи самодержавной Россіи, что за каждымъ подъемомъ патриотическаго настроенія неминуемо слѣдовалъ общественный натяскъ на власть. Только въ рѣдкіе періоды общенациональнаго возбужденія несчастному представителю русской государственности удавалось подняться до идеи общественного цѣлаго, до сознанія необходимости о судьбахъ его позаботиться. Но зато, когда удавалось, въ аморфной обывательской массѣ тотчасъ начинался процессъ кристаллизаціи.

Такъ, еще три вѣка назадъ патриотическій призывъ Пожарскаго и Минина открылъ собою эру земскихъ соборовъ; такъ, за «отечественной войной» противъ Наполеона непосредственно слѣдовало то броженіе дворянъ, заключительнымъ аккордомъ котораго явился заговоръ

декабристовъ; такъ, наконецъ, послѣдняя, дѣйствительно серьезная «национальная» встряска, пережитая пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Россіей, завершалась «эпохой великихъ реформъ», этимъ сложнымъ клубкомъ разнородныхъ общественныхъ движеній.

Но связь между «частью» и «цѣлымъ» едва закрѣпленная.

Во дни торжествъ и бѣдствій народныхъ, неизмѣнно стиралась въ наступавшіе затѣмъ будни—ее безъ пощады рвалъ весь укладъ самодержавно-бюрократическаго строя; укладъ, не знающій «цѣлаго», потому что онъ не знаетъ и «части», какъ творца этого «цѣлаго»: вмѣсто «цѣлаго» существуетъ начальство всѣхъ ранговъ, вмѣсто самодѣятельной «части»—объектъ начальственнаго усмотрѣнія. А гдѣ нѣтъ связи между «цѣлымъ» и «частью», тамъ нѣтъ и не можетъ быть патриотизма, который является вѣдь ни чѣмъ другимъ, какъ элементарнымъ проявленіемъ этой связи. Неудивительно, поэтому, что у насъ процвѣтаетъ патриотическая «словесность», но давнымъ давно не было патриотизма, какъ составнаго элемента общественной жизни. Въ поискахъ за нимъ надо идти въ глубь исторіи, когда Русь «собиралась», когда только что простылъ слѣдъ татарина, когда «лахъ» угрожалъ Москвѣ, словомъ—когда царская власть еще служила эмблемой национальной обороны отъ враговъ съ Востока и съ Запада. Тогда кличъ—заложимъ женъ и дѣтей, но отстоимъ родную землю!—звучалъ величественно грозно, а теперь, повторенный въ одномъ изъ всеподданнѣйшихъ привѣтствій, онъ кажется грубымъ фарсомъ, циничной пародіей на стародавнюю трагедію народа. По мѣрѣ того, какъ самодержавіе изъ ослота противъ вѣчно грозящей «внѣшней» опасности превращалось въ символъ всенароднаго закрѣпленія, все рѣже и рѣже приходилось Россіи переживать тѣ кризисы, которые требовали отъ нея напряженія всѣхъ силъ и таковыми же являлись въ общественномъ сознаніи. Характерный въ этомъ смыслѣ симптомъ назрѣвшихъ переменъ: даже нашествіе Наполеона и пожаръ Москвы въ прошломъ вѣкѣ (не говоря уже про крымскую кампанію) не вызвали чего либо отдаленно подобнаго стихійному взрыву 1612 года. Национальный энтузіазмъ отливался въ переходяція настроенія, не успѣвая формировать патриотовъ. И о томъ же непрерываемо свидѣтельствуетъ и русская литература. Въ большой галлерей ея образовъ нѣтъ ни одного лица, для котораго мысль о «цѣломъ» была бы властной идеей, той пламенной страстью, которая заполняетъ собою личность человѣка. Канцелярія, полкъ, губернской или уѣздной муравейникъ, помѣщичья усадьба, товарищескій кружокъ, семейный очагъ—около этихъ drobныхъ ячеекъ сосредоточивался интересъ безчисленныхъ героевъ русскаго романа;

заменутые въ нихъ, они жили и умирали, не тревожимые душой объ «отечествѣ», ибо дума объ «отечествѣ» относится къ вѣдѣнію того коллектива, который зовется высшимъ начальствомъ. Оно велитъ, и обмундированный обыватель—побѣдитель провинціальныхъ сердець, герой зеленаго поля или скромный семьянинъ,—идеть во имя несознанной цѣли погибать на дальнемъ Кавказѣ, въ траншеяхъ Севастополя, подъ «солнцемъ Аустерлица».

Зачѣмъ?—Жизнь, катящаяся годъ за годомъ по традиціонной колесѣ, раздробленная на рядъ не связанныхъ между собою мірковъ, не знаетъ этого «зачѣмъ»?; какъ не знаетъ, вообще, проклятыхъ вопросовъ; и тѣ простые, незамѣтные, но храбрые люди, которыхъ обезсмертило перо Толстого въ его военныхъ разсказахъ, въ великой эпопеѣ двѣнадцатаго года, столь же мало помышляютъ и размышляютъ объ отечествѣ, какъ и растительное существо—Платонъ Каратаевъ, какъ и вся безымянная масса, безропотно устлавшая своими тѣлами кровавый путь самодержавно-бюрократическихъ успѣховъ. Даже въ самое пекло войны они приносятъ свою скорлупу, скорлупу облекающей ихъ ячейки, и эту скорлупу оказываются безсильными разбить и горячій порывъ и романтическая греза, такъ часто рождаемые—вспомните юношу Ростова—подъ шумъ и грохотъ событій.

Война не создавала патриотовъ, еще меньше создавала ихъ тотъ миръ, который походилъ на спокойствіе кладбища. И недаромъ, конечно, автору «Наканунѣ» пришлось, когда онъ захотѣлъ нарисовать фигуру патриота, обратиться... къ Болгаріи и произвести въ ней заемъ, за отсутствіемъ отечественнаго матеріала. Но зато же и казался «ирой» Инсаровъ тургеневскимъ россиянамъ какимъ то страннымъ чудачкомъ, маниакомъ своей идеей. Маленькая страна имѣла то, чего не было у большой Россіи—она имѣла общенародное дѣло!

А въ Россіи все сидѣло по клѣткамъ-ячейкамъ и занималося приватно, и горе было тому смѣльчаку, кто пытался бы просунуть голову въ щель своей клѣтки: такъ, изъ дали почти цѣлаго вѣка на насъ смотреть печально—величаво обликъ того, кто по словамъ поэта:

„ ... въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Афинахъ—Периклъсъ,
У насъ онъ офицеръ гусарскій!“

Гусаръ имѣлъ несчастье задуматься надъ тѣмъ, что представляетъ собою его отечество, задуматься и сказать это вслухъ, и «отечество» немедленно распорядилось признать «гусара» безумнымъ... Сиди въ своей клѣткѣ!

Литература, дѣйствительно, «сидѣла» и ограничивалась тѣмъ, что

живописала многообразныя клѣтки, на которыя распадается строй общественной жизни. Когда, однако, въ потребныя моменты «отечеству» приходилось обращаться къ литературѣ и говорить ей—воспой меня!— оно получало, къ удивленію въ отвѣтъ лишь хриплые звуки бездарныхъ писаекъ—на родномъ Парнасѣ не оказывалось пѣвцовъ патриотизма!

Двѣ-три строфы Пушкина, нѣсколько Тютчевскихъ стиховъ—таковъ едва-ли не весь поэтический багажъ русскаго патриотизма. Даже даровитые люди, какъ Майковъ, приобрѣтали моментально—бездарность, какъ только припадали къ этой залятой почвѣ.

Что то, очевидно, творилось, какой-то переломъ подготовлялся въ странѣ, величайшій лирикъ которой говорилъ своимъ современникамъ: «потому что я не слышу музыки въ звуканъхъ цѣпей и потому что меня не привлекаетъ блескъ штыковъ—вы утверждаете, что я не патриотъ!—Потому что я совсѣмъ не стараго покроя и закала, и не иду съ каждымъ шагомъ назадъ—вы утверждаете, что я не патриотъ, не люблю своей страны и не понимаю ея!—Они правы: самъ чертъ не разбереть, отчего у насъ быстрѣе подвигаются тѣ, которые идутъ назадъ, такъ что они достигаютъ уже своей цѣли, когда я по своей дорогѣ только что двинулся впередъ!—Богъ даровалъ мнѣ языкъ, но, когда я вздумалъ заговорить, захватило у меня горло! Страшныя вещи происходятъ въ моей странѣ, и удивительный обычай завелся у насъ: разумному нуженъ разумъ для глупости, а языкъ для молчанія»!..

Это было столь же симптоматично, сколь былъ симптоматиченъ и тотъ единственный герой Льва Толстого, который обладалъ всѣми данными для патриота. Мы знаемъ, князь Андрей Болконскій, по замыслу своего творца, былъ прототипомъ декабриста. Прихоть художника увела, правда, его раньше времени изъ жизни, но она оставила ему замѣстителя въ сынѣ. Въ послѣдней главѣ знаменитаго романа уже чувствуется отдаленное дыханье надвигающейся грозы, чувствуется въ рѣчахъ Пьера Безухова, въ томъ напряженномъ вниманіи, съ которымъ мальчикъ Николинъка прислушивается къ этимъ рѣчамъ, Николинъка, со дня на день становящійся все болѣе похожимъ на отца, и такой гордый этимъ сознаниемъ...

Цѣлое столѣтіе совершался въ Россіи знаменательный процессъ; на мѣстѣ, оставшемся вакантнымъ отъ старозавѣтнаго патриотизма, сквозь толщу историческихъ переживаній,—мало-по-малу, медленно и трудно пробивался къ свѣту и къ жизни—патриотизмъ новый, патриотизмъ обновляющейся Россіи, патриотизмъ активнаго протеста. Сначала одинокія фигуры, какъ Радищевъ, потомъ маленькія группы людей—дека-

бристы, затѣмъ мѣтающійся слой народолюбивой интеллигенціи и, наконецъ, цѣлый пластъ народный—передовой пролетаріатъ. Въ прерывисто-растущемъ движеніи видоизмѣнялось содержаніе, мѣнялись формы, неизмѣннымъ оставалось одно: кто бы ни являлся носителемъ этого движенія, онъ былъ той пришедшей къ сознанію «частью», которая готова была принести себя въ жертву только что познанному «цѣлому»; ея взору предносилось идеальное, преобразенное мыслію «отечество», и къ этому „отечеству“ тѣмъ рѣшительнѣе тяготѣла воля сознательной „части“, чѣмъ болѣе сама „часть“ ощущала на себѣ даващую лѣпу конкретнаго „отечества“, чѣмъ болѣе она чувствовала себя—отверженцемъ современности.

Революціонность стала непремѣннымъ атрибутомъ патриотизма,—патриотизмъ растворялся въ революціонности. Подъ сѣнью самодержавнаго режима только революціонеръ былъ патриотомъ, потому что онъ одинъ болѣлъ горемъ своей родины. И только тотъ общественный классъ или слой могъ взвалить на себя тяжелую ношу патриотизма, который волею судебъ вмѣстилъ въ себя необходимый запасъ протестантской энергіи, дабы объявить войну проклятому режиму.

И въ этомъ смыслѣ социалдемократія патриотична *par excellence*. Интернаціональная въ своемъ существѣ, она ставитъ себѣ патриотическія задачи и, именно осуществляя ихъ, творитъ свое—и н т е р н а ц і о н а л ь н о е дѣло. Но потому же самому ея патриотизмъ—патриотизмъ воинствующаго пролетаріата—не есть и не можетъ быть патриотизмомъ порабощенія.

Она знаетъ на сценѣ исторіи лишь одно соперничество, одно законное патриотическое желаніе: чтобы мой народъ внесъ какъ можно больше своего въ мировой процессъ общественнаго пересозданія!

Старовскъ.

„Строгость необходима“...

(1 мая 1904 г., № 85).

Когда русская тихо-океанская эскадра терпѣла одно поражение за другимъ и когда русскіе моряки, несмотря на все свое несомнѣнное мужество, оказывались не въ состояніи причинить сколько-нибудь значительный вредъ неприятелю, правительство и его ретилии увѣряли Россію, что этимъ не нужно смущаться, такъ какъ дѣло приметъ другой оборотъ и военное счастье повернется въ нашу сторону, когда начнется сухопутная кампанія. Теперь эта кампанія началась, и, вопреки успокоительнымъ обѣщаніямъ, телеграфъ снова и снова разноситъ по свѣту вѣсти объ японскихъ побѣдахъ. Наши охранители дѣлаютъ видъ, что ихъ несколько не смущаютъ и эти печальныя для Россіи вѣсти.

Газета г. Грингута съ ученымъ видомъ знатока говоритъ, что «отходъ нашихъ войскъ отъ Ялу былъ предрѣшенъ, повидимому, уже давно и составляетъ, слѣдовательно, одно изъ частныхъ явленій общаго плана дѣйствій, съ которымъ, быть можетъ, можно и не соглашаться, но который, несомнѣнно, представляетъ собой нѣчто дѣльное и строго обдуманное». Но этому врядъ-ли повѣрятъ даже самые простодушные читатели «Московскихъ Вѣдомостей». Если отходъ нашихъ войскъ отъ Ялу былъ предрѣшенъ уже давно, то зачѣмъ же было загораживать дорогу японцамъ, зачѣмъ было начинать то сраженіе, которое по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла не могло не закончиться для русскихъ неудачей? Или, можетъ быть, это неудачное сраженіе, эти орудія, доставшіяся неприятелю, этотъ новый подъемъ духа въ японской арміи составляли необходимую часть плана, «строго обдуманнаго нашими» мудрыми военачальниками? Если—да, то это, конечно, хорошо: но въ такомъ случаѣ почему не пойти дальше и не сказать, что для выполненія этого оригинальнаго плана непременно нужны были наши морскія неудачи до гибели адмирала Макарова включительно? Бумага все терпитъ. Правда, русскій читатель уже не настолько простодушенъ, чтобы могъ повѣрить такимъ нелѣпымъ розказнямъ. Но вѣдь онъ не повѣритъ и тому, что наше отступленіе отъ Ялу не было новой неудачей нашей арміи. Кто не видитъ теперь, что на самомъ дѣлѣ у правительства вовсе нѣтъ никакого серьезнаго плана; что оно было совсѣмъ не готово къ той самой войнѣ, которую дѣлала неизбеж-

ной его же полетика на Дальнемъ Востокѣ; что оно не знало хорошенько размѣровъ ни своихъ собственныхъ военныхъ средствъ, ни средствъ непріятеля *)? Это во всеуслышаніе признаютъ даже тѣ наши публицисты, которые отнюдь не склонны критиковать дѣйствія предержавныхъ властей и подрывать довѣріе къ нимъ въ народѣ и обществѣ. «Мы съ благородной славянской честностью не готовились къ войнѣ, когда вели съ Японіей переговоры», говоритъ г. Суворинъ въ № 10.106 «Новаго Времени», забывая только прибавить, что подобную же «честность» обнаружило правительство Наполеона III лѣтомъ 1870 года, ведя переговоры съ Пруссіей. «Теперь ясно для всѣхъ—продолжаетъ онъ,—что Японія гораздо лучше знаетъ Россію, чѣмъ Россія Японію.. Мы, простые смертные, вообще знаемъ мало. Но очевидно, что и въ вышнихъ сферахъ знали Японію мало. Мы не знали о большомъ развитіи у нея техники, объ этой жаждѣ хвататься за всякое изобрѣтеніе въ Европѣ и тотчасъ же имъ пользоваться, не дожидаясь пока оно оправдаетъ себя. Трусость китайцевъ обмалывала насъ и на счетъ храбрости японцевъ». Словомъ, наши «вышія сферы» совсѣмъ не знали, какого противника вызываютъ онѣ на бой своей политикою захвата чужихъ земель, хотя онѣ обязаны были знать, съ кѣмъ онѣ имѣютъ дѣло, и хотя исполненіе этой обязанности очень облегчалось для нихъ недавнимъ опытомъ войны Японіи съ Китаемъ. Думаетъ ли нашъ публицистъ, что и этотъ непростительный промахъ объясняется «благородной славянской честностью»? Это, безспорно, очень жесткое для насъ объясненіе. Жаль только, что свѣтлая картина «славянской честности» омрачается той «алчностью наживы», на которую указываетъ самъ г. Суворинъ и которая,—приводя къ безчисленнымъ «хищеніямъ» на воѣхъ многочисленныхъ ступеняхъ и во воѣхъ возможныхъ «вѣдомствахъ» нашей администраціи,—еще болѣе ослабляла и безъ того сравнительно слабыя силы Россіи. Трудно представить себѣ, чтобы «честность» этого рода могла нравиться кому-нибудь, кромѣ «правящихъ сферъ». И самъ публицистъ «Новаго Времени» заканчиваетъ

*) Иностранныя газеты сообщаютъ, что генералъ Куропаткинъ въ длинной телеграммѣ, посланной имъ царю, протестуетъ противъ поведенія адмирала Алексѣева, который хочетъ навязать ему планъ военныхъ дѣйствій, прямо противоположный его собственному, г. Куропаткина, плану. Выходитъ что у насъ есть не одинъ, а цѣлыхъ два плана (а у генерала Засулича былъ, пожалуй, третій), и каждый изъ нихъ, вѣроятно, «строго обдуманъ». Это полнѣйшая анархія, какъ двѣ капли воды похожая на ту, которая господствовала во французской арміи во время семилѣтней войны, т. е. есть въ эпоху лучшаго упадка неограниченной монархіи во Франціи.

свое «Маленькое письмо» строками, дающими повод думать, что она начинает находить себя у нас надлежащую оцѣнку.

«Судите нашу распущенность, халатность, пренебреженіе долгомъ, нашими обязанностями къ общественному порядку, къ пользамъ нашего отечества и Государя,—взываетъ онъ,—но судите не для праздныхъ проклятій, а для того, чтобы быть лучшими, благороднѣйшими, великими сынами Россіи!» Стало быть, проклятія раздаются? Противъ кого же они направляются? Не противъ той ли правительственной системы, которая господствуетъ въ нашей несчастной странѣ и которая какъ будто нарочно придумана для того, чтобы воспитать въ своихъ представителяхъ распущенность, халатность и пренебреженіе своими обязанностями по отношенію къ «общественному порядку»? Очень на то похоже. Въ своемъ предыдущемъ письмѣ (№ 10.105 «Н. В.») г. Суворинъ уже сообщилъ намъ, что теперь русское общество начинаетъ скептически относиться не только къ обѣщаніямъ будущихъ побѣдъ нашихъ надъ японцами, но и ко всей политикѣ, приведшей насъ къ вооруженному столкновенію съ Японіей. Этотъ скептицизмъ уже самъ по себѣ долженъ предрасполагать наше общество къ сознанію той простой истины, что отвѣтственность за бѣдствія, переживаемыя Россіей, падаетъ не на отвлеченныя свойства человѣческой природы, а на существующій у насъ политическій порядокъ.

Весьма возможно, правда, что это сознаніе далеко не у всѣхъ еще достигло надлежащей ясности и что весьма многіе изъ людей, «проклинающихъ» существующіе у насъ порядки, еще не успѣли возвыситься до отрицательнаго отношенія къ ихъ политической основѣ. Самъ г. Суворинъ въ своемъ разсужденіи смѣшиваетъ отечество съ правительствомъ и отождествляетъ интересы Россіи съ интересами этого послѣдняго.

Не желая пускаться по этому поводу въ полемику собственно съ г. Суворинымъ,—отъ котораго мы никогда не ожидали ни правильнаго сужденія, ни смѣлаго слова,—мы замѣтимъ, что логика жизни сильнѣе самой застарѣлой нелогичности мысли. Если севастопольскій погромъ въ корень подорвалъ систему Николая Перваго, то Портъ-Артурскій крахъ обѣщаетъ до основанія расшатать современный.

Г. Суворинъ приглашаетъ всѣхъ своихъ читателей быть строгими къ самимъ себѣ. «Строгость необходима,—хнычетъ онъ,—для нашего правоученія, чтобы не повторить нашихъ ошибокъ, заблужденій, вольныхъ и невольныхъ, и пороковъ, чтобы не жить такъ, какъ мы жили»,

Намъ,—г. в. Россіи,—дѣйствительно нельзя жить такъ, какъ мы до сихъ поръ жила, потому что если мы будемъ продолжать жить такъ, то мы по роковой необходимости будемъ повторять ошибки, за которыя намъ придется платить теперь страшно дорогой цѣною. И намъ дѣйствительно «необходима строгость»—необходима не для «праздныхъ» правсученій, которыя ровно никому и ровно ничему не помогали и не помогутъ, а для безпощадной борьбы съ отживающимъ режимомъ, который уже давно сталъ сильнѣйшимъ препятствіемъ для внутренняго развитія Россіи, а теперь завлекъ ее въ бессмысленную войну, грозящую ей цѣлымъ рядомъ непоправимыхъ бѣдствій. Въ этой борьбѣ мы на самомъ дѣлѣ должны быть «строги» не только по отношенію къ прямымъ представителямъ господствующей у насъ позорной политической системы,—съ которыми у насъ не можетъ быть ни продолжительнаго мира, ни самаго короткаго пермирія, но также и по отношенію ко всѣмъ тѣмъ „загадочнымъ натурамъ“, которыя, не принадлежа къ числу обывателей, мало разбирающихся въ политическихъ вопросахъ, и не становясь прямо на сторону правительства, а порой нося даже либеральный плащъ, въ то же самое время усиливаютъ позиціи абсолютизма своимъ неразуміемъ, своей драблостью, слабостью и непослѣдовательностью. Люди этого разряда,—люди—трава, люди—слизняки, какъ говаривалъ покойный А. И. Герценъ,—повидимому, еще долго у насъ не переведутся, и эти люди заслуживаютъ самаго строгаго осужденія, потому что дѣлу свободы они иногда, хотя, можетъ быть, и невзначай, вредятъ больше, чѣмъ самне убѣжденные и упорные охранители.

Къ ихъ числу мы, къ искреннѣйшему нашему сожалѣнію, вынуждены отнести либеральнаго корреспондента либеральныхъ „Русскихъ Вѣдомостей“ г. Sh., который, подобно г. Суворину, не умѣетъ отличить отечество отъ начальства. Въ своемъ письмѣ отъ перваго апрѣля (см. № 97 „Р. В.“) онъ, описывая впечатлѣніе, произведенное на англичанъ гибелью „Петропавловска“, приводитъ мнѣнія тѣхъ „радикальныхъ“ англійскихъ изданій, которыя въ вопросѣ о войнѣ „рѣшительно выступили сторонниками русскаго народа, сдѣлавъ соотвѣтственными оговорки“. (Р. В. № 97). Какія же именно оговорки, г. корреспондентъ? Самой естественной и самой основательной изъ всѣхъ оговорокъ, возможныхъ въ настоящемъ случаѣ, является та, что войну съ Японіей ведетъ не русскій народъ, а его злѣйшій и опаснѣйшій врагъ—русское правительство; но съ точки зрѣнія этой оговорки вопросъ о томъ, на чью сторону должна стать англійская и всякая другая демократія представляется совсѣмъ не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ его видать „Москов-

окія Вѣдомости“, г. Суворинъ, лондонскій корреспондентъ либеральной московской газеты и англійскіе „радикалы“. Г-нъ Sh. говоритъ, что, по мнѣнію „Reynolds Newspaper“, всякій знакомый съ произведеніями нашихъ великихъ писателей,—Гоголя, Достоевскаго, Тургенева,—не колеблясь станетъ на сторону русскихъ въ войнѣ“. Цитируемой г. Sh. „радикальной“ газетѣ, вѣроятно, неизвѣстно положеніе русской литературы, а образованнымъ русскимъ людямъ прекрасно извѣстно все, сдѣланное правительствомъ для того, чтобы помѣшать ея развитію и какъ можно больше отравить существованіе лучшихъ и талантливейшихъ ея представителей. Странно, поэтому, что г. либеральный корреспондентъ съ своей стороны не прибавилъ къ выпискѣ, сдѣланной имъ изъ „Reynolds Newspaper“, „соотвѣтственной оговорки“, гласящей, что, кто любитъ русскую литературу, тотъ вездѣ и всегда противъ русскаго правительства. Даже г. Sh. повторяетъ то несомнѣнно очень „радикальное“ и справедливое мнѣніе, что японскій империализмъ основанъ „на страшной нищетѣ массъ“. Но и оно вовсе не рѣшаетъ вопроса, такъ неумѣло затронутаго г. Sh.: вѣдь нашъ российский империализмъ выждется тоже не на обогащеніи массъ, какъ это извѣстно всему міру, а лучше всего самимъ „массамъ“. Человѣкъ имѣетъ право быть смѣшнымъ, но не слѣдуетъ злоупотреблять этимъ правомъ, а г. либеральный корреспондентъ положительно злоупотребляетъ имъ, цитируя,—вслѣдъ за „однимъ англійскимъ изслѣдователемъ“,— слова „выдающагося и блестящаго японскаго соціолога“, который говоритъ: «Каждый броненосецъ поглощаетъ сотни и тысячи рисовыхъ полей. Вотъ почему наши крестьяне не могутъ ѣсть риса“. „Соціологъ“, конечно, правъ; но г. корреспондентъ, какъ видно, позабылъ, что наши броненосцы,—тѣ самые броненосцы, которые оказались до такой степени никуда негодными,—тоже очень не дешево обходятся русскому крестьянину, который еще рѣже, чѣмъ японскій, наѣдается досыта. Но все это цвѣточки, а вотъ невѣроятно крупная, удивительно сочная ягодка. „Цитируемый изслѣдователь, — продолжаетъ г. Sh.,—обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что этотъ (т. е. японскій) пролетаріатъ отнюдь не настроенъ такъ враждебно къ Россіи, какъ самураи¹⁾ или какъ консервативное деревенское населеніе. Наоборотъ, городской пролетаріатъ желаетъ жить въ мирѣ съ нами, но съ его желаніями не справлялись“. Это звучитъ не только либерально, но даже очень „радикально“. Однако, и это цѣликомъ основано на выгодной лишь для самодержавнаго правительства путаницѣ понятій. Изъ

¹⁾ Т. е. мелкое японское дворянство.

всѣхъ элементовъ японскаго населенія не желали войны только пролетаріи, усвоившіе себѣ социалистическія понятія. Съ мнѣніями этихъ пролетаріевъ дѣйствительно никто не считался. Но вѣдь г. корреспонденту не безызвѣстно, что сознательные пролетаріи существуютъ и въ Россіи. Пусть же онъ скажетъ намъ, считалось ли съ ихъ желаніями самодержавное правительство, ведущее теперь войну съ Японіей: спросило ли оно ихъ, что они думаютъ о занятіи Портъ-Артура, о захватѣ Манчуріи? „Англійскій исследователь“ могъ и не знать или позабыть, а г. Sh. нравственно обязанъ былъ знать и помнить, что російскій пролетаріатъ еще гораздо больше безправенъ, чѣмъ японскій, и что на всѣ его желанія правительство отвѣчаетъ только кагайками и прикладами, штыками и пулями. Г. корреспондентъ нравственно обязанъ былъ знать, что въ борьбѣ съ революціоннымъ пролетаріатомъ и съ голодающимъ крестьянствомъ «христолюбивое» російское воинство пожало очень много лавровъ. Какъ же могъ онъ хоть на мгновение вообразить, что демократы, достойные своего названія и искренно сочувствующіе трудящемуся населенію Россіи, могутъ желать свободы тому самому правительству, которое опирается на это войско и пользуется его силой для неслыханнаго угнетенія своего собственнаго народа? Нѣтъ, если бы г. Sh. дѣйствительно захотѣлъ узнать мнѣніе современной передовой демократіи, то онъ спросилъ бы себя, на чью сторону склоняется сочувствіе международныхъ социал-демократовъ, и тогда ему легко было-бы, — ознакомившись съ ихъ литературой, — убѣдиться, что социалдемократы всѣхъ странъ — не исключая и Англіи, — безъ всякихъ «оговорокъ» желаютъ побѣды японскому оружію¹⁾. И это вполне понятно. Не японскій микадо, а русскій абсолютизмъ всегда служилъ надежнѣйшимъ оплотомъ европейской реакціи; не японскій микадо, а русское правительство давило Польшу, усмирало Венгрію, травилъ «жидовъ», нарушаетъ конституцію Финляндіи; не японскій микадо, а русскій абсолютизмъ до сихъ поръ является величайшей угрозой освободительному движенію въ Европѣ. Вотъ почему представители и друзья этого движенія не могутъ желать, чтобы побѣдило русское правительство. Международная социалдемократія ни мало не склонна къ идеализаціи японскихъ порядковъ. Принципиальная противница милитаризма, она вообще не сочувствуетъ войнѣ и знаетъ, во что обойдется японскому народу побѣда Японіи. Но знаетъ она также, что несравненно дороже обошлась бы Россіи, а

¹⁾ Что касается Англіи, то мы рекомендуемъ г. Sh. хотя бы замѣтку: Crush the Muscovite Turanu to the last man, 1061, номеръ органа Англійской Соціал-Демократической Федерациі „since“.

съ нею и всей Европѣ, побѣда русскаго самодержавія надъ Японіей. Изъ двухъ золь она выбираетъ меньшее. Это извѣстно всѣмъ тѣмъ, кого интересуеъ великое революціонное и единственное истинно-демократическое движеніе нашего времени. И намъ совершенно непонятно, какимъ образомъ г. либеральный корреспондентъ московской газеты рѣшился умолчать объ этомъ, заговоривъ о сочувствіи къ Россіи «радикальныхъ» элементовъ одной изъ европейскихъ странъ. Г. корреспондентъ не солгалъ, но онъ искажилъ истину, сообщивъ своимъ читателямъ лишь ничтожную и наименѣе важную ея часть. А такое искаженіе хуже лжи.

Нечего и говорить! Мы сами какъ нельзя лучше понимаемъ, что въ данномъ случаѣ истина не заключаетъ въ себѣ ничего лестнаго для русскаго національнаго чувства. Намъ очень больно за Россію. Но горю не поможешь искаженіемъ истины. Чтобы помочь ему, необходимы такія серьезныя «оговорки», которыя, войдя въ нашу внутреннюю жизнь, радикально измѣнили бы роль нашей страны въ международной политикѣ. Если намъ обидно, что наша страна представляется передовымъ партиямъ другихъ странъ чѣмъ-то въ родѣ европейскаго жандарма, которому они не могутъ не желать неудачъ и пораженій, то у насъ есть лишь одинъ выходъ: мы должны какъ можно скорѣе покончить съ правительствомъ, позорящимъ насъ въ глазахъ всего цивилизованнаго міра. Нѣтъ и не можетъ быть такихъ исключительныхъ обстоятельствъ, которыя позволяли бы намъ,—и, говоря «намъ», мы имѣемъ въ виду всѣхъ тѣхъ, кому въ самомъ дѣлѣ дороги интересы и честь нашей страны,—хотя бы самое короткое время, хотя бы лишь нѣсколько шаговъ идти рядомъ съ правительствомъ. Даже и война ничего не измѣняетъ въ этомъ, потому что и во время войны интересы нашего народа ни на одно мгновеніе не перестаютъ самымъ кореннымъ образомъ расходиться съ интересами нашего правительства. Тѣ огромныя бѣдствія, которыя война навлекаетъ на русскій народъ, являются лишь новымъ доказательствомъ того, что ему нужно какъ можно скорѣе освободиться. И чѣмъ большѣ отзываются въ нашемъ сердцѣ эти огромныя бѣдствія войны, тѣмъ тверже должны мы помнить, что теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, строгость необходима,—не та фразистая, не беззубая строгость, о которой болтаетъ г. Суворинъ, и не та строгость школьнаго «фискала», о которой распространяется г. Меньшиковъ, а та строгость, которая называется революціонной непримиримостью, та спасительная строгость, которая разрушить безобразное зданіе абсолютизма, «гранетъ божьею грозой» надъ «неправдою лувачею», насажденною самовластіемъ въ нашей странѣ, и сдѣлаетъ

насъ, наконецъ, свободнымъ народомъ. Сравнившись съ внутреннимъ врагомъ, мы, въ качествѣ такого народа, уже сравнительно легко уладимъ свои дѣла со всеми «внѣшними врагами».

Г. Плехановъ.

Разгромъ.

(1 мая 1904 г. № 65).

Послѣ Портъ-Артура—Ялу, послѣ гибели «Петропавловска»—позорное бѣгство со сдачей японцамъ трехъ четвертей русской артиллеріи! Сотни плѣнныхъ—въ томъ числѣ десятки офицеровъ, тысячи убитыхъ и раненныхъ! Выбитые изъ строя генералы и деморализованные паническимъ страхомъ солдаты! «Великій» и «непобѣдимый» Куропаткинъ, телеграфирующий о томъ, что у него—на третій день послѣ сраженія—нѣтъ никакихъ извѣстій о размѣрахъ потерь и что эти потери «должны быть очень велики». Генераль Засуличъ, посылающій подробные отчеты о разныхъ деталяхъ сраженія, но забывающій сообщить одну маленькую подробность: конечный результатъ, число убитыхъ и раненныхъ. И, наконецъ, петербургское правительство, держащее населеніе нѣсколько дней въ неизвѣстности о судьбахъ арміи, не рѣшающееся высказать—даже въ извращенномъ видѣ—горькую истину. А вокругъ—рой жужжащихъ во всё уши журналистовъ, увѣряющихъ почтенную публику, что поражение не настоящее, и что самое сраженіе съ тысячами выбитыхъ изъ строя было не настоящее, и что—невѣроятно, но вѣрно!—«неудача» на Ялу «входила въ плачь» великаго и непобѣдимаго Куропаткина! Онъ, собственно говоря, зналъ, что японцевъ нельзя не пустить черезъ Ялу, онъ зналъ, что они собраны громадныя силы, и онъ даже поставилъ себѣ цѣлью завлечь ихъ въ Манчжурію. Цѣль достигнута—и напрасно японцы торжествуютъ: послѣ пятидневнаго сраженія они, перейдя рѣку, только приблизились къ той «ловушкѣ», которую готовятъ имъ Куропаткинъ.

Всѣ эти и подобныя благоглупости охотно воспринимаются той публикой, для которой специально и нарочито измышляются официальные телеграммы петербургскихъ манчжурцевъ и стратегическія соображенія подкупленныхъ ими европейскихъ журналистовъ. Эта публика, передъ которой одной даетъ отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ самодержавіе, эта публика владельцевъ русскихъ бумагъ и всевозможныхъ издателей, эта трусливая, глупая и утратившая всякое политическое чутье европейская буржуазія удовлетворяется подобнымъ грубымъ обманомъ. Подъ гипнозомъ тѣхъ барышей, которые сулятъ ей соучастіе въ эксплуатаціи всѣхъ несчастій нашего отечества, она слѣпа и глуха ко всѣмъ доводамъ логики и самымъ идиотскимъ «объясненіямъ» способны удовлетворить ея политическій разумъ. Прimitивной зоологической хитрости «сѣвернаго медвѣдя» надолго еще хватитъ, чтобы вести за носъ эту разновидность животнаго царства.

Но русская публика—ее-то, неужели еще разъ проведутъ придворные аферисты и проститутки печатнаго слова? Неужели и сейчасъ, послѣ первой пробы овалъ на сушѣ, они не поймутъ, что наступило уже, что неотвратимо надвигается уже «начало конца» той исторической драмы, въ которой эта широкая русская публика, это буржуазное «общество» играло преступную роль пособника и попустителя?.. Развѣ не ясно уже теперь, что это—разгромъ, самый полный разгромъ самодержавной Россіи?

«Судьбы свершился приговоръ». Стратегическое значеніе перехода японской арміи черезъ Ялу, высадки въ Лiao-Дунѣ и блокады Портъ-Артура можетъ оказаться не такъ велико, какъ представляется на первый взглядъ. «Геройски» отступая къ Муьдену или даже къ Харбину, русскія войска, покинувъ на произволъ судьбы Портъ-Артуръ, быть можетъ, успѣютъ избѣжать рѣшительныхъ сраженій до тѣхъ поръ, пока Куропаткину удастся собрать трехсоттысячную армію. Возможна еще и перемѣна «военнаго счастья». Но политическое значеніе этого ряда неудачъ не можетъ быть ослаблено тѣми успѣхами, на которые вообще можетъ надѣяться русская армія. Внутренняя гнилость самодержавія, какъ политической организаціи современнаго государства, вскрыта гораздо раньше, чѣмъ можно было ожидать, и всѣ тѣ шовинистическія предсказанія, которыя раздавались въ прессѣ и правящихъ сферахъ въ первые дни войны, только еще ярче освѣщаютъ теперь позоръ фактическаго разгрома. Даже рептильная пресса вынуждена дать выраженіе обывательскому недоумѣнію, вызываемому все яснѣе развертывающейся картиной абсолютной неподготовленности русскаго правительства, такъ необдуманно вгравшаго съ огнемъ

Даже «Гражданинъ» отмѣчаетъ, что раненные въ битвѣ на Ялу должны были пройти пѣшкомъ 45 верстъ потому, что за войскомъ не слѣдовали фургоны Краснаго Креста. Даже «Новое Время» выражаетъ сомнѣнiе, хватить ли въ Портъ-Артурѣ боевыхъ средствъ для долгой осады. Замѣчаются уже попытки «снискать виноватаго» въ томъ или другомъ казенномъ «вѣдомствѣ» — въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ канцелярiи намѣстника, въ морскомъ министерствѣ. Несоответствiе между вчерашними хвастливыми увѣренiями и сегодняшними трусливыми и увертливыми самооправданiями въ правительственныхъ сообщенiяхъ и отчетахъ съ театра войны не можетъ быть скрыто отъ глазъ публики. Хочетъ она того или нѣтъ, она должна будетъ придти къ общему выводу: самодержавное правительство утратило всякія организаторскія способности, оно играетъ одну лишь роль паразита.

О! «здравый смыслъ» современнаго культурнаго человѣка не легко поддается такого рода обобщенiямъ, когда они ему преподносятся въ видѣ выводовъ теорiи социальнаго развитiя. Здравый смыслъ, подавленный внѣшнимъ величiемъ этой стомиллионной громады, занимающей шестую часть свѣта и располагающей двухмиллиарднымъ бюджетомъ, не могъ повѣрить, чтобы маленькая, еще очень бѣдная страна осмѣлилась, какъ равная съ равной, помѣраться силами съ Россiей. Здравый смыслъ, оперируя съ «очевидными» — потому что онѣ однѣ доступны ограниченному буржуазному кругозору, — истинами, рѣшилъ разъ навсегда, что Россiя, безъ особеннаго напряженiя, раздавить Японiю. Какъ было не вѣрить этому буржуазнiи европейской, когда вся международная политика ея государственныхъ людей привыкла исходить изъ этого традиціоннаго убѣжденiя въ неистощимыхъ ресурсахъ «шестой части свѣта», въ непоколебимой доблести ея дикахъ казаковъ, въ неограниченности могущества ея? Какъ было не вѣрить этому россиіской либеральной буржуазнiи, когда ея внутренняя политика, трусливая и ничтожная, дѣлкомъ отдалась на признанiе величiя деспотизма способности его раздавить военной силой всякаго врага, возможности сломить его только соединенными силами чуть ли не всего цивилизованнаго міра? Отраженiе дѣйствительнаго нѣкогда положенiя дѣлъ — это традиціонное воззрѣнiе оставалось въ силѣ и послѣ того, какъ социальное развитiе по своему переопѣнило всѣ установившіяся дѣвности. Здравый смыслъ, привыкшій оперировать съ заостреннѣвшими понятiями, не замѣчалъ этого, онъ не видѣлъ, какъ социальное развитiе выѣдало всякое положительное содержанiе изъ всѣхъ историческихъ завоеваній, нѣкогда совершенныхъ русскими абсолютизмомъ.

Чтобъ молодой японскій флотъ могъ, шутя, раздавить флотъ русскій? Никогда! И, однако, русскій флотъ въ три мѣсяца политически обезцѣнивается, и уже заходить рѣчь о предстоящемъ «добровольномъ» потопленіи его въ Портъ-Артурѣ (чтобы не достался японцамъ). Чтобы русскія сухопутныя войска могли быть разбиты на голову полуварварами, усвоившими себѣ культуру на обезьяній манеръ? Здравый смыслъ этого не могъ допустить. И, однако, это случилось, и русскіе въ беспорядкѣ удираютъ отъ японцевъ и не смѣютъ попытаться задержать ихъ побѣдоносное шествіе. Двѣсти лѣтъ интенсивнѣйшаго развитія военнаго финансоваго могущества, 15 лѣтъ правдами и неправдами завоеванной гегемоніи на международной аренѣ, среди ослабленныхъ обостренными внутренними противорѣчіями европейскіхъ государствъ, 40 лѣтъ побѣдоносной борьбы противъ враговъ существующаго политическаго режима... этотъ колоссальный политическій капиталъ, впитавшій въ себя трудовой потъ и кровь безчисленныхъ поколѣній, долженъ оказаться жалкой игрушкой передъ молодой силой маленькой націи, принадлежащей къ низшей расѣ, только вчера еще разбуженной къ міровой жизни капиталистическимъ развитіемъ и въ тридцать лѣтъ успѣвшей наскоро напалить европейскій оюртукъ на желтое тѣло и съ ученической добросовѣстностью завести прусскіе мундиры, много дешевыхъ газетъ, много начальныхъ школъ и плохенькую парламентскую говорильню? Страна, имѣющая въ своемъ послужномъ списокѣ имена Пушкиныхъ, Чернышевскихъ, Толстыхъ, должна спасовать передъ народомъ, который еще не обзавелся ни національной литературой, ни искусствомъ, ни наукой? Этого не понять здравому смыслу.

А, между тѣмъ, „сѣрая теорія“ овладѣтъ, которую теперь подъ силу только социализму,—сѣрая теорія безошибочно предсказывала именно то, что случилось, что развертывается теперь въ калейдоскопѣ военныхъ событій. Въ Портъ-Артурѣ и на Ялу, въ Ляо-Дунѣ и въ Манчжуріи демонстрируется теперь не непобѣдимость „національной идеи“, выразителями коей являются японцы, а непобѣдимость социальнаго прогресса, безнадежность историческаго застоя. Теорія говорила, что закованный въ броню гигантъ не можетъ удержаться на глиняномъ основаніи, что политическая конкуренція на міровой аренѣ несовмѣстима съ социальной и культурной отсталостью, что народная школа, общественная самодѣятельность и правовой порядокъ—необходимыя предпосылки для желающаго отстаивать свои политическія позиціи буржуазнаго государства; что немислимо государственное могущество безъ развитія современной техники, что немислима эта

техника безъ соотвѣтствующей культурной и правовой обстановки. „Теорія“ осуждала, какъ непроеводительную трату силъ, одностороннее развитіе „государственной мощи“, несопровождаемое тѣмъ общественнымъ прогрессомъ, который по плечу буржуазному строю. Теорія дѣлала увѣренный выводъ о томъ, что коренная общественная реформа является, прежде всего, неотложной потребностью всего буржуазнаго общества въ цѣломъ.

И вотъ, капиталистическое развитіе, въ своихъ интересахъ создавшее и питавшее самодержавную Россію и притуплявшее, ради ея сохраненія, дѣйствіе всѣхъ своихъ разрушительныхъ силъ,—капиталистическое развитіе черезъ Японію выполняетъ свою миссію... Ударами извнѣ ставить передъ обезоруженной Россіей дилемму — или освободиться отъ самодержавія, или потерять позицію. Снова на поляхъ сраженія побѣждаетъ «школьный учитель», побѣждаетъ высшая культурность солдата, большая связь его съ «національной» политикой классовъ-угнетателей, большая приспособленность его къ высокой техникѣ современнаго милитаризма. Какъ рыцарская доблесть оказывалась безсильной противъ болѣе совершенной военной техники армій, созданныхъ абсолютными монархами, такъ теперь личное и коллективное мужество нашихъ солдатъ и матросовъ скидывается со счетовъ лучшими броненосцами, лучшей артиллеріей, болѣе совершенной мобилизаціей, болѣе пунктуальной и интеллигентной организаціей военнаго руководства, хорошей постановкой военнаго шпионства, лучшимъ знаніемъ географіи, болѣе умѣлой постановкой желѣзнодорожнаго и интендантскаго дѣла, недоступной для самодержавія организаціей бюрократіи, и пр. и пр., техническими силами. Нивелирующая все и вся техника является побѣдителемъ, передъ которымъ ступенывается все—и выработанный вѣковымъ хищничествомъ «воинскій духъ», и колоссальная сила концентрированной рабской покорности стомиллионной массы, и престижъ «великой державы».

Буржуазная Европа, деморализованная раздѣдающими ее внутренними противорѣчіями, не хочетъ признать въ побѣдителя свое законное дѣтище, не видитъ въ Японіи исполнительницы ея исторической миссіи. Разлагающійся классъ утратилъ способность глядѣть впередъ, поверхъ преходящихъ комбинацій интересовъ настоящей минуты. Общественное развитіе уже не сулитъ ему ничего добраго, и интересы барыша перестали уже совпадать для него съ интересами этого развитія. Счастливый конкурентъ представляется буржуазіи воплощеніемъ всѣхъ злыхъ силъ исторіи, и, вопреки всѣмъ очевидностямъ, она славословитъ въ русскомъ абсолютизмѣ «борца за куль-

туру», клеймить въ Японіи «варварскую націю» и «нижнюю расу». Наша отечественная реакція съ радостью хватается за эту наивную ложь, чтобы идеализировать свою авантюристскую политику, чтобы развратить окончательно общественное сознание. Но наша либеральная буржуазія, при всей своей политической наивности и моральной дряблости, не может не увидѣть, наконецъ, что на Дальнемъ Востокѣ побѣждаетъ не Востокъ, такъ законченно воплощенный въ отечественномъ самодержавіи, а Западъ, съ его культурнымъ и экономическимъ превосходствомъ. Она видитъ это и потому не можетъ сдѣлать войну съ Японіей своимъ «національнымъ» дѣломъ. Но оможетъ ли она сдѣлать послѣдовательные выводы изъ этого положенія и теперь, наконецъ, найти своего «національнаго» врага не въ Токио, а въ Петербургѣ?

Увы! Политически развращенная, прежде чѣмъ пресытилась обладаніемъ политической властью, она въ полномъ смятеніи глядитъ на совершающуюся мировую драму и, очертя голову, ищетъ лозейки, куда могла бы скрыться отъ поставленной передъ ней дилеммы—съ абсолютизмомъ на Востокъ, или черезъ него—къ Западу? Втайнѣ вожделья разгрома, она афишируетъ свой «патріотизмъ» тѣмъ, что отдастъ народныя деньги въ руки правительства. Дождавшись этого разгрома, она усмысляетъ собственное чувство протеста реакціонными увѣреніями въ томъ, что надо «годить», что «не время» положить руку на шиворотъ преступника, пока не миновала «опасность», т. е. пока еще преступникъ у нея въ рукахъ...

Такова логика ограниченной, внутренне-противорѣчивой политической точки зрѣнія либерализма. Онъ не прочь попытаться сдѣлать свое дѣло «народнымъ дѣломъ» въ видѣ протеста противъ «анти-національной» политики самодержавія, компрометирующаго Россію передъ цивилизованнымъ міромъ. Но для этого ему надо выдвинуть «національную идею», ту идею, которая традиціонно сплелась съ политической реакціей, которая въ дни полного банкротства всемірной буржуазіи не можетъ быть уже освобождена отъ реакціонной оправы, не можетъ не отождествляться съ «политикой крови и желѣза». Чтобы написать на своемъ знамени «національную честь», надо центральнымъ пунктомъ обвинительнаго акта противъ самодержавія сдѣлать его измѣну «національнымъ» интересамъ, т. е.—въ данной исторической обстановкѣ—неполное, неумѣлое и не экономное выполненіе имъ той политической задачи, которая означаетъ для народныхъ массъ—раззореніе и гнетъ, порождаемые милитаризмомъ, для угнетенныхъ національностей—бездаянчивыи грабежъ и растущее порабощеніе. Та-

кого перемѣщенія политическаго фокуса въ программѣ либерализма вполне достаточно, чтобы безнадежно развратить и обезличить его революціонную энергію, и вотъ почему русскій либерализмъ едва успѣлъ подняться на высоту исторической задачи борьбы за «національные», интересы государства, какъ тотчасъ же безвольно палъ передъ реакціей подъ тяжестью оппортунистическихъ соображеній о томъ, что данное правительство—каково бы оно ни было—дѣлаетъ, въ силу инстинкта самосохраненія, то же самое дѣло,—борется, какъ умѣетъ, за цѣлость и могущество государства. Либерализмъ палъ, и въ своемъ новомъ паденіи гнусно предалъ интересы народныхъ массъ. И каждое новое событіе, свидѣтельствующее о разгромѣ самодержавія, вноситъ, повидимому, еще больше сумятицы въ умы либераловъ.

Пролетарской партіи остается сдѣлать выводы изъ этого положенія дѣла. Свободный отъ заботъ о «національномъ величій» классоваго государства, свободный отъ всякой положительной связи съ нынѣшнимъ режимомъ,—представляемый ею классъ одинъ можетъ послѣдовательно и неуклонно рыть ему могилу. Такова сущность его классоваго положенія. И одинъ только пролетаріатъ, въ цѣломъ, оказавши въ «патріотическаго» потока, охватившаго Россію съ начала войны и потопившаго столько политическихъ репутацій въ «обществѣ». Отдѣльные факты участія рабочихъ въ патріотическихъ манифестаціяхъ—участія изъ подъ палки, большей частью—не окупили политическихъ издержекъ той реакціонной компаніи, которая имѣла въ виду разгромъ социалистическаго рабочаго движенія. Если этимъ отдѣльнымъ фактамъ пролетаріатъ не противопоставилъ массовыхъ активныхъ протестовъ, если, оглушенный новыми для него явленіями политической жизни, подавленный бѣдствіями, которыя обрушились на него война и еще не оправившіяся отъ ранъ, понесенныхъ прошлымъ лѣтомъ, онъ и не вступилъ еще въ открытый бой съ поднявшею голову реакціей,—зато онъ, въ своей массѣ, не только не пошелъ за патріотами реакціи, но и не отвернулся отъ своей партіи, заявившей опредѣленную принципиально враждебную войнѣ позицію, а въ лицѣ своихъ передовыхъ представителей заявилъ свой активный протестъ противъ войны во имя международной солидарности рабочихъ. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что, будь мы организационно-сильнѣе, будь мы въ состояніи организовать болѣе широкую агитацію, этотъ протестъ былъ бы шире, и непосредственное вліяніе его на массы значительнѣе.

Пролетаріатъ, въ своей массѣ, еще не занялъ той позиціи по отношенію къ войнѣ, которая соответствуетъ его классовымъ интересамъ, принципиально формулируемымъ нашей программой. Но онъ уже на-

столько отделился от официальной России, чтобы быть вполне восприимчивым къ нашей агитаціи противъ войны и противъ ея виновника—самодержавія. И логика его классового положенія, силой связанныхъ съ войной бѣдствій, толкаетъ его ко всебольшей восприимчивости въ этомъ направленіи. И въ нынѣшней войнѣ, ставшей условнымъ пунктомъ, въ которомъ сплелись всѣ противорѣчія, отъ которыхъ погибаетъ и погибаетъ абсолютнымъ,—въ нынѣшней войнѣ пролетаріатъ имѣетъ всѣ шансы точно и отчетливо выполнить ту политическую роль, которая диктуется ему такъ хорошо себя «оправдавшей» «догмой»—теоріей тожъ. Выполнить ли онъ ее на дѣлѣ—это не въ послѣдней мѣрѣ зависитъ отъ нашей партіи.

Молекулярныя силы, подготовляющія «стихійный» взрывъ соціального протеста данного класса, не могутъ быть замѣчены и определены съ полной точностью во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и проявленіяхъ, особенно при нашихъ условіяхъ политической жизни. Въ этомъ смыслѣ, въ каждомъ такомъ взрывѣ, въ каждомъ революціонномъ подъемѣ всегда будетъ элементъ неожиданности. Но изъ этого не слѣдуетъ, что партія осуждена всегда быть застигаема врасплохъ. Ничуть не бывало. Не говоря уже о томъ, что отъ степени активности самой партіи, отъ степени ея близости къ массамъ зависитъ большая или меньшая ея проникательность въ этомъ отношеніи, отъ нея самой зависитъ подготовиться къ предвидимому заранѣе, хотя точно неопредѣлимому моменту, который потребуетъ отъ нея проявленія полной политической зрѣлости. Это—дѣло умѣлой тактики и толковой, политически-продуманной организаціонной работы.

Дѣтнія стачки прошлаго года показали намъ, какихъ проявленій массоваго протеста можемъ мы ждать отъ пролетаріата. Все говорить за то, что по мѣрѣ того, какъ будетъ затягиваться война, а наша агитація будетъ осмысливать растущее недовольство ею, будетъ приближаться и моментъ новаго стихійнаго подъема рабочаго класса. Въ такой моментъ онъ и безъ всякаго политическаго руководства, произведетъ сильное революціонное сотрясеніе. Если же этотъ моментъ онъ встрѣтитъ въ тѣсной политической связи съ нашей партіей, расширившей свой организаціонный базисъ, охватившей своимъ регулярнымъ агитаціоннымъ воздѣйствіемъ широкіе его слои и успѣвшей воспитать ихъ политически этой агитаціей—тогда революціонное значеніе этого момента не можетъ быть измѣрено достаточно высоко. Съ «обществомъ» или безъ него, пролетаріатъ вступитъ въ активную борьбу съ самодержавіемъ во имя социалистическихъ требованій. И тогда еще разъ оправдается столь непонятная «адравому» смыслу

«теорія», и процессъ политическаго разгрома абсолютизма будетъ внесъ въ книгу исторіи, какъ процессъ политическаго самоопредѣленія російскаго пролетаріата.

Л. Мартосъ.

Гибель Портъ-Артура.

(1 января 1905 г., № 82).

Портъ-Артуръ палъ, и отъ его паденія замѣтно дрогнули вѣковыя стѣны Петропавловской бастіи.

Портъ-Артуръ палъ, и, вмѣстѣ съ нимъ, въ милліонахъ обывательскихъ сердець что-то порвалось навѣки. Вновь возрождавшаяся послѣ Крымскаго разгрома, наивная вѣра въ военное могущество самодержавной Россіи скончательно вытравлена изъ сознанія русскаго филистера. Примитивный его «патріотизмъ» отживаетъ свои послѣдніе дни. Частью онъ перерождается въ сознательно-буржуазный воинствующій націонализмъ на «либеральной» подкладкѣ, частью смѣняется тѣмъ зморяднымъ чувствомъ безсильнаго рабскаго протеста, которое побуждаетъ привѣтствовать попираніе «національной гордости», какъ меньшее зло, по сравненію съ продолженіемъ безконечнаго ужаса царскаго строя...

Портъ-Артуръ палъ, и въ своемъ паденіи унесъ послѣднюю надежду, за которую, какъ утопающій за соломинку, хватался оскорбленный въ своихъ «патріотическихъ» чувствахъ обыватель: надежду на «реваншъ» второй либо третьей эскадры, на быстрый побѣдоносный финалъ этой для всѣхъ чрезчуръ затянувшейся, всѣхъ пугающей своими все-осложняющимися перспективами, нелѣпой войны. «Болотные» элементы русскаго общества теряютъ послѣднюю вѣру въ возвращеніе прекрасныхъ дней соннаго политическаго прозябанія, и посмотрите, какъ заквакали, немедленно послѣ Портъ-Артурской капитуляціи, газетныя выразительницы думъ и чувствъ этого болота! Съ какой энергіей заговоряли молодцы обѣихъ Суворовскихъ фирмъ о пре-

ступленіяхъ «бюрократіи», о «жестокомъ судѣ» надъ дѣйствительными виновниками Портъ-Артурской катастрофы! Реакція, сознательно или бессознательно, культивировала неосмысленный шовинизмъ, какъ единственную, закономъ дозволенную, форму гражданского чувства. Теперь это, ея грубо оскорбленное, реакціонное чувство обращается противъ нея, какъ враждебная ей сила, какъ матеріалъ, порождающій, при сжиганіи въ горнилы политическихъ событій, новую революціонную энергію. Революціонное значеніе капитуляціи Портъ-Артурса состоитъ не только въ томъ, что она яркими красками рисуетъ передъ русскимъ буржуазнымъ обществомъ ту перспективу, которую анализировалъ въ № 79 «Искры» тов. Парвусъ: перспективу безконечнаго, съ ничтожными шансами на успѣхъ, обратнаго похода руской арміи отъ Мукдена до Тихаго океана. Революціонное значеніе капитуляціи еще и въ томъ, что она съ обидной для патріотическаго сердца ясностью показала все безсиліе индивидуальнаго и коллективнаго мужества русскихъ воиновъ передъ безнадежной гнилостью того порядка, на защиту котораго они отдають свои силы.

Чѣмъ мужественнѣе и красивѣе, по своему удалству и упорству, была оборона Портъ-Артурса, тѣмъ нагляднѣе вина, падающая за это поражение на голову деспотизма.

Всѣ сходятся на признаніи энергіи и мужества, проявленныхъ Стесселемъ и его помощниками. Объ этихъ вольныхъ и невольныхъ войнахъ можно, по крайней мѣрѣ, сказать, что они честно несли свое званіе. Конечно, мы знаемъ, что оборотной стороной этого офицерскаго мужества здѣсь, какъ и всегда, являлся узкій кастовый духъ, пропитывающій всѣ отношенія въ современной арміи. Въ этихъ трогательныхъ, по своему, описаніяхъ послѣднихъ минутъ крѣпости, послѣднихъ словъ и дѣяній ея защитниковъ, какой жестокой ироніей звучитъ сообщеніе, что генералы выговариваютъ у японцевъ себѣ и офицерамъ право вернуться въ Россію, оставляя въ плѣну солдатъ и матросовъ. Привилегированный классъ и классъ пролетаріевъ и здѣсь, послѣ только что окончившейся кровавой страды, объединявшей ихъ, если вѣрять прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ военнымъ лѣтописцамъ, въ «одну братскую семью»,—эти два класса снова, какъ только миновала опасность, расходятся по разнымъ дорогамъ—почетное возвращеніе и подобающій триумфъ для людей бѣлой кости, и скучные, томительные дни безславнаго плѣна для тѣхъ, которые были дѣйствительными героями и дѣйствительными страстотерпцами долугодовой осады.

Какъ бы то ни было, но, въ тѣсныхъ предѣлахъ своей кастовой

морали, русское армейское офицерство проявило въ Портъ-Артурѣ высокую доблесть. Понятно, поэтому, что именно военная корпорація съ особенной горечью и желчью воспринимаетъ извѣстіе о Портъ-Артурскомъ крахѣ, съ особеннымъ возмущеніемъ слышитъ, что въ началѣ войны укрѣпленія вмѣлились частью на бумагѣ, продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ не было и т. д. Въ «Нов. Вр.» сообщаютъ, что Стессель, могущественный Стессель, тщетно воевалъ съ высшими властями, отстаивая дѣло укрѣпленія артурской твердыни. И здѣсь, рядомъ со столь обычными въ этой войнѣ картинами заражающей в се русское офицерство гангреною продажности, передъ русскимъ обществомъ встаетъ самая мрачная страница военной лѣтописи: вопіющіе, позорные порядки русскаго флота.

Одно изъ послѣднихъ убійствъ хищнаго дворянства, наслѣдственная добыча вороватыхъ аристократовъ—его постоянныхъ начальниковъ—русскій флотъ, съ первыхъ дней войны до сего дня, отъ ночной битвы 29 января до Гульскаго сраженія, покрываетъ себя позоромъ. Въ томъ, что въ оборонѣ Портъ-Артурса связано съ оухопутными операціями, мы встрѣчаемъ примѣры храбрости, энергіи, стойкости; все, связанное съ дѣйствіями флота, дышитъ неспособностью, трусостью, безчестностью. Исторія гибели тихоокеанскаго флота—одно сплошное, бездѣльное, ничѣмъ не оправданное истребленіе человѣческихъ жизней и десятковъ миллионновъ денегъ, бесполезное даже съ точки зрѣнія «военной славы» и являющееся результатомъ сверхчуждаго грабежа и казнокрадства, царящихъ во флотѣ. Теперь, когда послѣ скандальныхъ разоблаченій капитана Кладо, порядки въ русскомъ флотѣ ни для кого не являются тайной, будетъ катать припомнить одинъ трагическій эпизодъ изъ исторіи этого флота—эпизодъ, о которомъ не упоминаютъ его официальные лѣтописцы.

Стоя передъ своими судьями, бывший лейтенантъ Сухановъ говоритъ въ 1882 году имъ о томъ, какъ онъ напрасно боролся съ злоупотребленіями, свившими гнѣздо въ морскомъ вѣдомствѣ, и какъ убѣдился въ безнадежности своихъ попытокъ облагородить это «благородное» вѣдомство.

Ворьба съ казнокрадами логически неизбежно привела Суханова къ разрыву съ флотской корпораціей и переходу въ ряды борцовъ за свободу, а этотъ переходъ столь же неизбежно привелъ его—черезъ казематъ Петропавловской крѣпости—къ смертной казни.

Теперь, когда морской офицеръ, не рискуя служебной карьерой и даже создавая себѣ карьеру политическую, можетъ смѣло подвѣять свой голосъ для критики Авгіевыхъ конюшенъ флотскаго хозяйства, теперь

память моряка-революціонера отомщена. Вспоминают ли о немъ наши воинствующіе патріоты въ тѣ дни, когда они кричатъ объ очищеніи этихъ конюшенъ?

За двадцать слишкомъ лѣтъ—никакой переменъ. Въ роли патронъ флотскихъ казнокрадовъ, перебивали за эти годы господа, показывавшіе склонность къ разнымъ политическимъ теченіямъ. Выѣзка жѣвчалась, но та же скрадная язва скрывается за этой выѣзкой. И, какъ во времена Суханова, бороться съ этой язвой нельзя, оставаясь въ предѣлахъ «легальнаго» общества. По прежнему, борьба съ этимъ частнымъ зломъ растворяется въ борьбѣ съ государственнымъ строемъ, неизбежно его порождающимъ.

Крахъ Портъ-Артура снова и снова навязываетъ «обществу» этотъ выводъ. И вновь, пытаюсь обойти его, революціонному лозунгу социалдемократовъ: «немедленное прекращеніе войны и созывъ учредительнаго собранія» наши національ-либералы праваго и лѣваго отѣнковъ противопоставляютъ свой лозунгъ: обновленіе абсолютизма, путемъ полуконституціонной реформы и укрѣпленіе этой новой системы, путемъ продолженія войны за обратное отнятіе Манчжуріи и Портъ-Артура.

Громадное большинство либеральныхъ газетъ трусливо уклоняется отъ отвѣта на вопросъ, круто поставленный паденіемъ Портъ-Артура. Этотъ вопросъ—вопросъ о продолженіи войны—теперь ясно и безповоротно выдвинутъ на очередь, какъ вопросъ о продленіи самовластия бюрократіи. Отъ него нельзя отвертѣться, нельзя отмолчаться. Продолженіе войны—это значитъ теперь: соучастіе съ правительствомъ въ чудовищныхъ затратахъ на постройку новаго флота, въ обманываніи народа относительно «необходимости» для Россіи возвратиться къ тому status quo, который она утратила за годъ позорной войны и который самъ былъ вѣчной опасностью для мира. Это значитъ—соучастіе въ попыткахъ примирить абсолютизмъ съ болѣе или менѣе легализированнымъ представительствомъ привилегированныхъ классовъ «въ законодательствѣ и управленіи»; это значитъ, слѣдовательно, для либеральнаго «общества»—немедленный и прочный союзъ съ абсолютизмомъ, союзъ противъ пролетаріата и демократіи.

И, наоборотъ, требованіе немедленнаго прекращенія войны означаетъ отказъ Россіи отъ ея теперешней, «колониальной политики», это значитъ—капитуляція бюрократіи передъ волей народа, это значитъ—сверженіе абсолютизма.

Всякое колебаніе между этими двумя путями невозможно теперь, когда съ паденіемъ Портъ-Артура Россіи надо или отказаться

отъ него совсѣмъ или поставить себѣ цѣлью—разгромить Японию, чтобы отнять только что потерянную крѣпость.

«Общество» должно выбирать. И пролетаріатъ заставить его высказаться рѣшительно: за войну ради грошевыхъ «реформъ», или за миръ для уничтоженія абсолютизма? Но какъ бы ни высказались политическіе вожди и представители «общества», которія произнесла свой приговоръ; руководимыя пролетаріатомъ народныя массы приведутъ его въ исполненіе и за паденіемъ Портъ-Артурскихъ стѣвъ неминуемо послѣдуетъ паденіе Петропавловки.

Л. Мартновъ.

Что же теперь?

(3 марта 1905 г., № 90).

Русская армія больше не существуетъ... Она истерта въ порошокъ тяжелыми жерновами разлагающагося абсолютизма и японской стратегіи. Кровь леденѣетъ и воображеніе отказывается служить при попыткѣ хоть сколько-нибудь наглядно представить себѣ колоссальныя размѣры постигшаго русскихъ солдатъ несчастья. Сухія, просѣянные сквозь цѣпурное сито, телеграммы потрясаютъ своею трагическою простотою, больше, чѣмъ знаменитый «красный смѣхъ» Андреева. Сотни тысячъ убитыхъ, раненыхъ, взятыхъ въ плѣнъ... Потери сотенъ пушекъ, огромнаго количества боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ, топлива... Де-зорганизація всей врачебной части, утрата всѣхъ медикаментовъ... Горы неубранныхъ труповъ... Валяющіеся на покрытыхъ снѣгомъ поляхъ раненыя, кровь которыхъ замерзаетъ, лишь только вылетитъ изъ ранъ... Толпы не выдержавшихъ всѣхъ ужасовъ этого ада, помѣшанныхъ солдатъ, то въ дикомъ иступленіи бросающихся другъ на друга, то въ нѣмомъ порывѣ отчаянныя колѣнопреклоненно простирающихъ свои руки къ небу, къ тому небу, именемъ котораго сытые, богатые, довольные освящаютъ свои злодѣянія... Жалкіе остатки четырехсотъ-тысячной арміи, затерявшіеся въ непроходимыхъ горныхъ дебряхъ Манчжуріи, безъ

патроновъ, безъ хлѣба, безъ теплой одежды,—въ добычу лютому морозу и хищному звѣрю...

Если бы жалость, если бы состраданіе, если бы простое чувство ужаса передъ тѣмъ неизмѣримымъ несчастьемъ, которое обрушилось на сотни тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, во имя лѣсныхъ концессій шайки грабителей сторванныхъ отъ родныхъ домовъ и брошенныхъ въ жертву всѣмъ бѣдствіямъ, какія только можетъ придумать изобрѣтательный человѣческій умъ; если бы человѣческія чувства могли играть хоть какую нибудь роль въ рѣшеніяхъ тѣхъ, кто распоряжается судьбой 130-милліоннаго народа, то, конечно, на слѣдующій день послѣ мукденскаго разгрома раздалось бы столь долгожданное слово—миръ! Но нѣтъ! Еще не перестаютъ приходить все новыя и новыя вѣсти объ ужасахъ послѣдняго боя, еще съ каждымъ днемъ все растетъ и растетъ цифра потерь, а ужъ русскому народу возвѣщаютъ о «твердой рѣшимости» продолжать проклятую войну. Съ перекосившимся отъ страха лицомъ—отъ страха за свою шкуру,—съ «печалью» въ сердцѣ—съ печалью не за сотни тысячъ погибшихъ людей, а за неудачу кроваваго плана, —трасуемой рукой правительство подпихиваетъ уже приказъ о мобилизаціи новой четырехсотъ-тысячной арміи! А жалкіе писаки, «патріоты своего отечества», пламенѣющіе воинственнымъ азартомъ въ своихъ теплыхъ и уютныхъ редакторскихъ кабинетахъ, благословляютъ на холодъ, голодъ, лишенія, смерть, новыя и новыя тысячи сыновъ народа! Они сыты—война только повышаетъ розничную продажу. Пусть-же поголодаетъ столь облюбованный ими «солдатикъ»! Имъ тепло—пусть степная вьюга холоднымъ и мяткимъ покровомъ заноситъ «доблестныя войска»! Имъ уютно—а въ уютѣ такъ сладостны мечты о герояхъ, въ студеную и темную ночь на завывающемъ вѣтру стоящихъ на стражѣ патріотической «чести»! Пусть льется ручьями народная кровь! Поточама блудливыхъ словъ и крокодиловыхъ слезъ смоятъ ее газетные патріоты.

Но мало того. Готовая къ новой боинѣ на Дальнемъ Востокѣ, правительствующая шайка готовитъ новый кровавый пиръ и у себя дома. Разстрѣль 9-го января былъ дополненъ гекатомбами при Сандепу, стоившими 10.000 выбитыхъ изъ строя. Страшные дни Мукдена готовятся теперь дополнить новой боиней въ Петербургѣ. Комиссія Шидловскаго закрыта; повѣрившіе обѣщаніямъ рабочіе еще и еще разъ нагло обмануты; ихъ выборные и уполномоченные арестованы, высланы; казенные заводы, одинъ за другимъ, закрываютъ свои двери подъ иредлогомъ «чрезмѣрности» требованій рабочихъ и выгоняютъ на улицу безработную, голодающую толпу; уже заработали перья нововремен-

ских шакаловъ, осыпающихъ клеветами рабочихъ; попы, полиціи и продажные писакы неустанно сѣютъ наглухую ложь объ иностранномъ золотѣ, льющемся, якобы, въ карманъ рабочихъ; правительство явно толкаетъ рабочихъ къ взрыву отчаянья и новой кровавой бани готовится задавить народное движеніе. Кровь на Востокѣ, кровь на Кавказѣ, кровь въ Польшѣ, кровь въ Петербургѣ, кровь по всему лицу земли русской! Никогда еще ни одинъ режимъ не стоилъ ни одной странѣ такого безконечнаго количества крови!

Вотъ она, дорогая цѣна злодѣяній правительства, хищничества стоящей вокругъ трона жадной толпы «презрѣнныхъ потомковъ известной подлостью прославленныхъ отцовъ», дурмана, которымъ не перестаютъ заражать атмосферу бѣшеные вопли лакейской «патріотической» прессы, преступнаго попустительства либеральнаго «общества», роковаго молчанія подавленнаго вѣковымъ гнетомъ народа!

Но теперь народъ заговорилъ, и пришла пора положить конецъ длинному ряду преступленій. Пришла пора властно и рѣшительно вмѣшаться въ кровавыя авантюры правительства и придушить хищнаго звѣря. Нельзя позволить, чтобы могла состояться новая мобилизація. Отказъ идти на войну—долженъ стать общимъ лозунгомъ всего народа, всѣхъ, не желающихъ брать на себя отвѣтственности за всѣ тѣ ужасы, которые готовитъ народу преступная война, затѣянная правительствомъ, война, въ которой правительство не можетъ побѣдить, но въ которой оно можетъ истощить всѣ жизненные соки народа.

Насиліе правительства должно встрѣтить отпоръ. Въ эти ужасные дни, когда обливаются всѣ сердца, способныя болѣть страданіями народа, въ эту великую историческую минуту, когда страна стоитъ на распутьѣ между полнымъ разложеніемъ и гибелью или возрожденіемъ къ новой, свободной жизни, пусть каждый исполнитъ свой долгъ гражданина!

Мы обращаемся къ пролетаріату, ко всему народу и зовемъ его отстаивать свою свободу, болѣе того—свое существованіе, потому что самому существованію его грозитъ дальнѣйшее сохраненіе существующаго режима. Мы обращаемся ко всѣмъ, въ комъ личные помыслы не задавили окончательно мысли о судьбахъ страны, и зовемъ ихъ на помощь народу. Пусть помогутъ они ему своими силами, своими знаніями, своими средствами, своими связями! Пусть помогутъ они народу, пусть дезорганизуютъ они всю работу правительственнаго механизма. Мы обращаемся къ офицерамъ и солдатамъ, этимъ жертвамъ, обреченнымъ на закланіе во славу всепожирающаго абсолютизма, и говоримъ имъ: помните, если бы хоть десятая часть тѣхъ храбрецовъ,

которые безрепетно полегли на полях Манчжуріи, если бы хоть десятая часть ихъ съ такою же смѣлостью и отвагою встала на защиту попранныхъ правъ народа, безъ остатка исчезъ бы развратный и преступный режимъ, прекратился бы потокъ неслыханныхъ несчастій, непрерывно обрушивающихся—вотъ уже больше года—на русскій народъ. Или вы хотите еще ждать? Или вы хотите, чтобы послѣ Ялу, Цортъ-Артура, Ляояна, Мукдена, Телина, былъ Харбинъ и Владивостокъ? Или вы хотите, чтобы сотнями тысячъ вашихъ труповъ японскія войска навязали Россіи ту свободу, которую вы не рѣшаетесь взять сами, хотя вамъ нужно протянуть руку, чтобы взять ее? Нѣтъ дальше ждать нельзя. Мукденскій разгромъ, окончательно разоблачившій всѣ язвы, всю негодность, всю неспособность и пагубность существующаго режима, долженъ послужить сигналомъ ко всеобщему походу на деспотизмъ. Нельзя требовать только мира, потому что миръ при сохраненіи абсолютизма будетъ означать гибель страны. Только вмѣстѣ съ низверженіемъ существующаго режима, миръ послужитъ началомъ мощнаго подъема и расцвѣта народныхъ силъ, сковываемыхъ тисками абсолютизма. И потому, кто хочетъ мира, тотъ долженъ поддержать кличъ пролетаріата:—дой до самодержавіе, да здравствуетъ народная революція!

Ф. Дамъ.

Правительственная война и правительственный миръ.

(25 марта 1905 г., № 94).

Война или миръ? Этотъ вопросъ не сходитъ теперь со столбцовъ газетъ, онъ переворачивается на всѣ лады въ разговорахъ, служитъ предметомъ интервью съ «высокопоставленными» лицами, и каждый день телеграфная проволока разноситъ во всѣ концы міра самыя противорѣчивыя, но всегда почерпнутыя изъ «выполнѣ достовѣрныхъ источниковъ», свѣдѣнія насчетъ намѣреній правительства. Это значитъ, что вопросъ о заключеніи мира сталъ очереднымъ вопросомъ, что отъ мира мы, быть можетъ, не такъ далеки, какъ подчасъ кажется при чтеніи фанфаронадъ газетныхъ рептилій и интервьюируемыхъ «особъ».

Дыму безъ огня не бываетъ, и правительство отлично знаетъ, гдѣ

туть огонь, на которомъ оно обожгло свои пальцы, знаетъ это и вся Россія, ибо, къ несчастію, эти горящія пальцы—живое тѣло народа, истекающаго кровью въ дакой бойнѣ, затѣянной во славу лѣсныхъ концессій «высокопоставленныхъ» особъ и ихъ фаворитовъ. Если вѣрнѣе оффиціальнымъ цифрамъ, опубликованнымъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», то уже болѣе 400000 выбитыхъ изъ строя стояли народу эта концессія. Но, конечно, не размѣры этихъ потерь человѣческими жизнями заставляютъ правительство думать о мирѣ. Человѣческія жизни—въ глазахъ правительствующей клики такой дешевый матеріалъ, что правительству, конечно, никогда не пришло-бы въ голову экономить имъ, разъ дѣло идетъ о такихъ «священныхъ» предметахъ, какъ лѣсопромышленное заведеніе на рѣкѣ Ялу.

Но есть цѣлый рядъ неустранимыхъ причинъ, которыя заставляютъ правительство серьезно подумать о томъ, какъ бы поскорѣ вышутаться изъ затѣянной имъ кровавой авантюры. Весь тихоокеанскій флотъ уничтоженъ, а составъ и качество вооруженной арміи адмирала Рожественскаго заставляютъ опасаться, что одержанная побѣда при Гулѣ, столь лестно оцѣненная международной комиссіей, будетъ и послѣдней. А между тѣмъ, безъ флота, болѣе того—безъ побѣды на морѣ, нельзя и думать о побѣдѣ на сушѣ.

Но и на сушѣ дѣла обстоятъ не лучше. Послѣ Ялу, Кинчжоу, Ляояна, Янтая, Портъ-Артура, Шаха, Мукдена, Телина—отъ русской арміи остались лишь жалкіе обломки, усталые, иззябшіе, голодные, деморализованные. Всѣ военныя репутаціи—Стессель, Скрыдловъ, Куропаткинъ, Гринпенбергъ—подорваны, забрызганы грязью во взаимныхъ попрекахъ и разоблаченіяхъ. Не осталось ни одного имени, которое могло-бы внушить довѣріе арміи и съ которымъ не связывалось-бы представленіе о неспособности, тупости, казнокрадствѣ, трусости. Правительственные генералы слишкомъ хорошо чувствуютъ безнадежность положенія и потому, обливая другъ друга помоями, тщательно уклоняются отъ «чести» главнокомандованія, навязывая ее сибирскому бурбону, который всей военной наукѣ японскаго главнаго штаба можетъ противопоставить одну только русскійскую «лихость». А между тѣмъ, японская армія гонится за русской по пятамъ, обходить ее.

И съ какими мыслями, съ какимъ настроеніемъ идутъ войска въ бой? Можно поручиться, что по крайней мѣрѣ половина солдатъ и офицеровъ совершенно отчетливо сознаютъ истинную цѣну тѣхъ лѣсныхъ «священныхъ благъ», во имя которыхъ гонятъ людскія стада на убой. Съ такими мыслями, во имя такого знамени не одерживаютъ побѣды!

О сколько-нибудь значительномъ усиленіи арміи и думать нельзя.

Провозная способность сибирской дороги мала, а, благодаря потерѣ огромнаго количества съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ, пушекъ, амуниціи и пр. въ Мукденѣ, ее приходится загромождать грузами. Но мало того. Вопреки тѣмъ милліонамъ солдатъ, которые находятся въ «распоряженіи» правительства на бумагѣ, на самомъ дѣлѣ оно не можетъ отправлять теперь много новыхъ войскъ на Востокъ. Восстаніе, городское и сельское, охватившее почти всю Россію, величавшее то тутъ, то тамъ, требуетъ огромнаго количества войскъ для войны внутренней и заставляетъ отодвигать на задній планъ войну виѣшнюю. Впрочемъ, объ войны имѣютъ въ виду одну цѣль—сохраненіе и укрѣпленіе существующаго режима, и потому весьма естественно, что правительству незачѣмъ посылать свое воинство за тридцать земель, когда и въ исконныхъ россійскихъ Горѣловыхъ и Неѣловыхъ такъ много пространства для подвиговъ во славу престолъ-отечества. Почти ежедневно цестрагъ газеты извѣстіями, что та или другая часть войска, предназначенная къ отправкѣ на Дальній Востокъ, была задержана для усмиренія «любозныхъ вѣрнопопдавшихъ». Говорятъ о новой мобилизаціи. Еще вопросъ, будетъ ли она дѣйствительно объявлена, и не есть ли это—одинъ изъ тѣхъ «грозныхъ» слуховъ, распуская которые, правительство, съ той наивной вѣрой въ чужую глупость, которая иногда встрѣчается у испытанныхъ мошенниковъ, силится придать себѣ страшный видъ, думая такимъ образомъ ввести въ обманъ добрыхъ людей и выторговать лучшія условія мира. Не говоримъ уже о томъ, что вновь мобилизуемая войска могли-бы прибыть на театръ войны въ лучшемъ случаѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Но если мобилизаціи и будетъ объявлена, то можно уже теперь сказать, что она далеко не дастъ правительству тѣхъ силъ, о которыхъ оно разглагольствуетъ. Изю дня въ день приходятъ вѣсти объ отказѣ регулярныхъ войскъ идти на войну. Можно предвидѣть, что огромное число запасныхъ вовсе не явится къ призыву, а явившись, откажется идти на войну. Новой мобилизаціей правительство навязаетъ себѣ на шею столько хлопотъ съ призванными подъ знамена запасными, что, пожалуй, эти хлопоты потребуютъ большей затраты силъ, чѣмъ дастъ сама мобилизаціи. Но болѣе того. Мобилизаціи теперь, когда вся страна превратилась въ пороховой погребъ, готовый вспыхнуть отъ малѣйшей искры, можетъ вызвать страшный взрывъ народнаго гнѣва и послужить исходной точкой революціоннаго подъема, который въ щепки разнесетъ все зданіе стараго порядка..

Наконецъ, и денежные средства правительства изсякаютъ. Иностранные кредиторы настрѣзъ отказались ссужать новые милліоны

сомнительному должнику, а черствое сердце французских денежных мѣшковъ съ полнымъ равнодушіемъ относится къ горькимъ попрекамъ въ «измѣнѣ» бывлой «дружбѣ». На 8 миллиардовъ франковъ продала русскаго народа самодержавная бюрократія французскимъ «друзьямъ», но теперь и «друзья» увидѣли, что дальше распродавать Россію въ сколько нибудь солидныхъ размѣрахъ—уже не во власти правительства, ибо Россія явно выходитъ изъ рабства. Двери заграничныхъ банковъ захлопнулись передъ русскимъ абсолютизмомъ, чтобы съ тѣмъ большею предупредительностью настезь раскрыться передъ японскимъ мякдо. Правительству осталось только обратиться къ внутреннему займу, дѣйствительныя условія котораго, особенно размѣры «вознагражденія», получаемого банками, столь чудовищны, что тщательно скрываются отъ нескромныхъ взоровъ. Но дѣлать внутренней заемъ, при теперешнихъ обстоятельствахъ, значитъ чинить кафтаны по образцу знаменитаго Тришки. Если даже г.г. купцы, требовавшіе «участія народныхъ представителей въ контролѣ за государственными бюджетомъ», не устоятъ передъ соблазномъ тѣхъ милліоновъ, которые даруются имъ на счетъ народа «по случаю» займа, и продадутъ за эту золотую синицу тошаго журавля своего либерализма, то можно во всякомъ случаѣ предвидѣть, что въ карманъ правительства попадетъ въ дѣйствительности лишь ничтожная доля тѣхъ 200 милліоновъ, которые придется уплатить народу, если только онъ захочетъ платить всѣ тѣ долги, которые оставить ему въ наслѣдство промотавшійся режимъ.

И такъ вотъ положеніе: ни флота, ни арміи, ни денегъ; рабочее возстаніе, крестьянское возстаніе, возстаніе на окраинахъ; полная дезорганизація въ правительственной верхушкѣ, дезорганизація въ земствѣ, въ городскомъ самоуправленіи, во всемъ обществѣ. Съ такимъ капиталомъ война вести нельзя. И какъ ни парадируетъ правительство своею «твердою» рѣшимостью продолжать войну «во что-бы то ни стало», никто не можетъ уже обманываться насчетъ того, что въ дѣйствительности оно очень и очень серьезно подумываетъ о мирѣ. Разные сенсаціонныя слуха, пускаемые чуть не каждый день о посредничествѣ то Германіи, то Англіи, то Франціи, то Соединенныхъ Штатовъ—это пробные шары. Подозрительная свобода, которую правительствующіе держиморды предоставляютъ російской прессѣ въ обсужденіи вопроса о мирѣ и его условіяхъ,—это средство нащупать почву. Правительство предало народъ, когда затѣяло въ своихъ интересахъ войну. Теперь оно собирается снова предать его, заключивъ въ своихъ интересахъ миръ.

Съ самаго начала войны социалдемократія требовала мира. Она не перестаетъ требовать его и теперь, и не перестанетъ, доколѣ длится преступная война. Но миръ, котораго требовала и требуетъ социалдемократія, это—не тотъ миръ, который хочетъ и можетъ заключить самодержавная бюрократія. При заключеніи мира правительство будетъ заботиться объ одномъ: о своемъ собственномъ сохраненіи и укрѣпленіи, о томъ же, о чемъ оно заботилось, вовлекая страну въ ужасную войну. Оно не остановилось передъ колоссальными жертвами народною кровью и достояніемъ при объявленіи войны; не остановится оно и передъ пожертвованіемъ всѣми интересами народа при заключеніи мира: разореніе всей страны, огромное бремя долговъ, остановка всего хозяйственнаго развитія страны, увѣковѣченіе крестьянскихъ голодовокъ,— все это въ глазахъ самодержавной бюрократіи ничто, если жертвы эти принесены на ея алтарь. Социалдемократія требуетъ другого мира. Странѣ приходится расплачиваться за преступления правительства, ей приходится нести жертвы за грѣхи его. Социалдемократія требуетъ, чтобы эти жертвы были сведены до возможнаго минимума. Единственная цѣль, которой правительство все подчинитъ при заключеніи мира— это самосохраненіе. Социалдемократія же требуетъ, наоборотъ, чтобы абсолютизмъ, прежде всего палъ жертвой войны, потому что паденіе его облегчитъ странѣ бремя тѣхъ жертвъ, которыя неизбежно падутъ на нее въ результатѣ преступной и поворной войны, затѣянной самодержавной бюрократіей.

Война не знаетъ сентиментальности. Не знаетъ ее и побѣдитель. Онъ беретъ отъ побѣжденнаго все, что можетъ. Чѣмъ сильнѣе побѣжденный, тѣмъ меньше жертвы, требуемыя отъ него побѣдителемъ. Но абсолютизмъ—это полный маразмъ Россіи, и при сохраненіи его нѣтъ мѣры тому вознагражденію, которое потребуетъ побѣдоносная Японія. Мнимо-конституціонная монархія—это слабость Россіи, и потому и въ этомъ случаѣ странѣ придется расплачиваться въ усиленномъ размѣрѣ за пораженіе правительствующихъ авантюристовъ. Демократическое народовластіе—это сила Россіи, это—свобода для несвязаннаго никакими путями развитія классовой борьбы, а слѣдовательно, для максимальнаго, при условіяхъ капиталистическаго хозяйства, развитія производительныхъ силъ страны, для максимальнаго, въ обстановкѣ классоваго государства, развитія воѣхъ матеріальныхъ и духовныхъ ресурсовъ ея; и потому демократическое народовластіе обезпечиваетъ наиболѣе выгодныя для страны, наиболѣе «почетныя» условія мира. Можно поручиться, что воинствующая японская буржуазія съ безконечно большимъ удовольствіемъ встрѣтила бы миръ, заклю-

ченный абсолютизмомъ, чѣмъ миръ, заключенный свободной россійской демократіей, и въ этомъ отношеніи чувство горячей симпатіи объединяетъ японскаго микадо съ россійскимъ абсолютизмомъ; какъ русскій абсолютизмъ поддерживаетъ господство турецкаго султана, потому что ему выгодна слабость Турціи, такъ японскій микадо будетъ готовъ поддерживать господство русскаго абсолютизма, потому что ему выгодна слабость Россіи.

Но тѣ колоссальныя жертвы, которыя народъ уже понесъ въ затишья правительствомъ войнъ, и тѣ огромныя усилія, которыя онъ уже сдѣлалъ въ борьбѣ за миръ не должны повести къ усиленію самодержавной бюрократіи и къ ослабленію всѣхъ силъ страны. «Да здравствуетъ миръ! и—долой самодержавіе!» эти два лозунга должны отнынѣ неразрывно слѣдиться въ нашей агитаціи», писали мы при полученіи извѣстія объ объявленіи войны (см. стр. 635—636), и то же самое можно повторить и теперь. Соціалдемократія требуетъ мира во что бы то ни стало! Это значитъ прежде всего: она требуетъ уничтоженія абсолютизма во что бы то ни стало! Долой самодержавіе!—это первое условіе того мира, котораго соціалдемократія всѣми силами добивается и будетъ добиваться.

Итакъ, соціалдемократія всѣ усилія должна употребить, чтобы заставить прекратить войну; но точно также должна она употребить всѣ усилія, чтобы не самодержавная бюрократія заключала миръ. Свободнѣе уничтоженіе абсолютизма—вотъ единственное разрѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ, которое приведетъ къ наиболѣе благоприятнымъ результатамъ для развитія всей страны вообще и для интересовъ пролетаріата въ особенности. Тяжесть войнъ, которыя ведетъ буржуазія, тяжесть того «почетнаго» мира, который она можетъ заключить при пораженіи, тоже падаетъ почти цѣликомъ на плечи рабочаго класса; но еще въ большей мѣрѣ падаетъ на его плечи тяжесть войны и мира самодержавной бюрократіи, ибо двойной грузъ—и абсолютизма и имущихъ классовъ—ложится на него. Самодержавная бюрократія можетъ укрѣпить свою позицію при заключеніи мира лишь на счетъ трудящихся классовъ, и на ихъ же счетъ покроетъ буржуазія тѣ убытки, которыми грозитъ ей миръ, заключенный абсолютизмомъ. Нести двойную тяжесть значитъ для пролетаріата совершенно напрасно расплачиваться слишкомъ дорогой цѣной за ту войну, которая кромѣ жертвъ ничего ему и не могла дать. Если ему суждено еще нести тяжелыя цѣли капиталистической эксплуатаціи, то его собственные интересы настоятельно требуютъ, чтобы онъ послѣднимъ мощнымъ революционнымъ порывомъ сбросилъ съ себя ржавыя оковы стараго режима.

Быть может, правительство все же успеет заключить миръ до своего паденія. Но тогда самыя условія заключеннаго имъ мира, который не можетъ не быть раззорительнымъ для всей страны, дадутъ огромный толчекъ революціи. Быть можетъ, и многіе признаки говорятъ за это, правительство попытается прикрыть свой постыдный миръ авторитетомъ подтасованнаго «народнаго представительства»—земскаго собора, составленнаго изъ креатуръ правительства, назначенныхъ министрами, или выбранныхъ имущими классами. Въ такомъ случаѣ, социалдемократія заранѣе объявить имѣнникомъ народу и предателемъ всякаго, кто посмѣетъ отъ имени народа вступать въ позорную сдѣлку съ правительствомъ. Рабочій классъ возложитъ всю моральную и матеріальную отвѣтственность за условія мира на членовъ этого земскаго собора, а революція потребуетъ и ихъ вмѣстѣ съ самодержавной бюрократіей къ отвѣту.

Немедленный созывъ Учредительнаго Собранія, свободно избраннаго всеобщимъ равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ, для заключенія мира—вотъ чего добивается социалдемократія. И отъ Учредительнаго Собранія же потребуетъ революціонный пролетаріатъ такого рѣшенія вопросовъ о государственныхъ долгахъ, о распредѣленіи налоговъ, о конфискаціи имѣній и капиталовъ, принадлежащихъ удѣламъ, церквамъ, монастырямъ и всѣмъ лицамъ, виновнымъ въ затѣянной войнѣ, которое облегчитъ бремя жертвъ, возложенныхъ правительственной войной, правительственнымъ пораженіемъ и попустительствомъ имущихъ классовъ на все трудящееся населеніе Россіи.

Ф. Данъ.

Миръ.

(29 августа 1905 г., № 109).

Когда, 19 мѣсяцевъ тому назадъ, высокопоставленные корейскіе лѣсопромышленники начали войну съ Японіей, конца-краю не было видно хвастливымъ рѣчамъ. Вооружившись цѣлыми вагонами иконъ и хоругвей, будущіе герои блестящихъ пораженій—генералы отъ канцелярій и судопутные адмиралы—просили у соотечественниковъ лишь немного «терпѣнія», ровно столько, сколько нужно, чтобы доѣхать отъ

Петербурга до Токио и въ столицѣ микадо продиктовать условія мира презрѣннымъ «макакамъ».

Но вмѣсто побѣдоноснаго наступленія на Японію пришлось домогаться «богатырямъ» снѣжно отступить совсѣмъ въ противоположную сторону, и не въ Токио, а въ Портсмутѣ, провинціальномъ городѣ американской республики, пришлось подписывать условія мира уполномоченнымъ русскаго правительства. Это не мѣшаетъ правящей кликѣ черезъ посредство печати трубеть о своемъ «успѣхѣ» на площади дипломатіи послѣ того, какъ выступленіе ея на полѣ брани ознаменовалось рядомъ непрерывныхъ пораженій.

Но если уже тогда, 19 мѣсяцевъ тому назадъ, «патріотическій» угар такъ мало могъ охватить народныя массы, что приходилось полицейскими мѣрами отыскивать въ городскихъ трущобахъ «народъ», пригодный для участія въ «патріотическихъ» манифестаціяхъ, то тѣмъ менѣе теперь можетъ правительство надѣяться ввести въ обманъ хоть кого-нибудь. Слишкомъ больно и слишкомъ долго будутъ болѣть раны, нанесенныя войною, чтобы народъ могъ забыть ихъ ради той изумительной «ловкости», какую проявилъ—по его собственному мнѣнію, по крайней мѣрѣ,—г. Витте. Быть можетъ, то обстоятельство, что бывшій министръ финансовъ оказался наиболѣе «ловкимъ» изъ мошенниковъ самодержавной бюрократіи и побѣдоносно справился со всеми соперниками, не перестававшими, по заведенному обычаю, «интриговать» противъ него и во время веденія переговоровъ о мирѣ, быть можетъ, это обстоятельство и подниметь престожа г. Витте, какъ «государственнаго человѣка» въ глазахъ «государственныхъ мужей» всѣхъ оттѣнковъ либерализма. Быть можетъ, его «стараніе» заключить миръ заставитъ кое кого забыть объ его предшествовавшихъ, не менѣе усердныхъ, «стараніяхъ» поощрять всѣ хищническія предпріятія, вызвавшія кровопролитнѣйшую войну. «Непросвѣщенный» народъ врядъ-ли окажется столь снисходительно забывчивымъ, и для него г. Витте будетъ попрежнему занимать «почетное» мѣсто въ ряду тѣхъ правительствующихъ преступниковъ, которые нанесли народу раны, сочащіяся кровью.

Достаточно вспомнить тѣ причины, которыя вызвали войну, тѣ требованія, которыя предъявляла въ то время Японія и которыя—какъ это теперь достаточно выяснено—не были удовлетворены ради интересовъ лѣсопромышленной компаніи, главными пайщиками и хозяевами которой состояли «высокопоставленныя лица»,—достаточно вспомнить все это, чтобы оцѣнить истинную мѣру «успѣховъ» русскаго дипломатіи. Признаніе преобладающаго вліянія Японіи на

Корею, открытіе Манчжуріи для иностранной торговли—вотъ все, чего добивалась Японія 19 мѣсяцевъ тому назадъ. Вотъ ради чего самодержавное правительство начало войну 19 мѣсяцевъ тому назадъ. Смишлявая интересы государства съ интересами «хозяевъ»—лѣсопромышленниковъ, оно увѣрило, что рѣчь идетъ о «жизненныхъ интересахъ», оно возвѣщало, что борется за «господство на берегахъ Тихаго океана». Сотни тысячъ людей пали въ борьбѣ за это «господство», миллиарды рублей пущены на вѣтеръ, цѣлый флотъ погрузился на морское дно и попалъ въ плѣнъ, и что-же? Японія не только добилась всего, чего требовала до начала войны; она получила неизмѣримо больше. Въ Корей она достигла не только преобладающаго вліянія, но поставила ее подъ свой протекторатъ. Въ Манчжуріи она добилась не только «открытыхъ дверей»; но полного очищенія ея русскими. А кромѣ того, она получила Портъ-Артуръ со всѣмъ Квантуномскимъ полуостровомъ, 1200 километровъ построенной на русскія деньги восточно-азиатской желѣзной дороги, южную половину Сахалина. Ея флотъ вышелъ изъ войны не только неуменьшившимся, но значительно возросшимъ, благодаря взятымъ въ плѣнъ русскимъ судамъ. Ея господствующее положеніе на водахъ Тихаго океана закрѣплено новымъ союзнымъ договоромъ съ Англійей. И вотъ, въ виду такихъ результатовъ войны, стоившей народу неизмѣримыхъ жертвъ людьми и деньгами, російскіе уполномоченные выходятъ съ конференціи съ «веселыми лицами» и въ своемъ неизрѣченномъ безстыдствѣ сами трубятъ на весь міръ о своихъ великихъ «успѣхахъ»!

Потому что Россія не вся растерзана на клочки; потому что въ добавленіе ко всѣмъ жертвамъ войны на народъ не навалена еще новая колоссальная тяжесть въ видѣ военной контрибуціи; потому что, словомъ, японская буржуазія, обезпечившая всѣ свои интересы, получившая въ видѣ территоріи, флота, желѣзныхъ дорогъ миллиарды рублей, сытая по горло, не хочетъ вести дальше войну изъ-за еще одного лишняго миллиарда,—потому именно самодержавное правительство трубятъ о своихъ «успѣхахъ»! Оно громко возвѣщаетъ о своей «побѣдѣ» въ мирѣ, потому что было на голову разбито въ войнѣ!

Напрасный трудъ! Если назвать «позорнымъ» мирный договоръ, въ которомъ неигладинами чертами запечатлѣлось безнадежное пораженіе, то, конечно, рѣдкій мирный договоръ такъ полно заслуживаетъ этого названія, какъ портсмутскій. И отъ этого простого факта правительство не сможетъ отговориться передъ судомъ народа тѣмъ, что могло быть еще хуже. Если теперь, черезъ 19 мѣсяцевъ, можно поздравлять себя съ «успѣхомъ» по поводу заключенія такого мира,

то чѣмъ оправдываетъ правящая кляка самую войну? Что отвѣтитъ она народу, который потребуетъ ее къ отвѣту? И, конечно, органы мародерствующаго «патріотизма» обнаруживаютъ гораздо болѣе тонкій нюхъ, чѣмъ самодержавная бюрократія, когда изображаютъ портсмутскій миръ не какъ «успѣхъ», а какъ «пораженіе» правительства и пытаются идеей «реванша» сплотить новыя силы вокругъ падающаго режима.

Но 19 мѣсяцевъ войны не прошли даромъ. Они не только истощили народныя средства, они обогатили народъ политическимъ сознаниемъ. Та колоссальная встряска, которую произвела война, раскрыла глаза народу: она нагляднымъ урокомъ,—однимъ изъ тѣхъ тяжелыхъ уроковъ, которыми исторія учитъ народы,—показала ему всю смертоносность той самодержавно-полицейской системы, которая тяжелымъ кошмаромъ нависла надъ всей страной.

Она показала,—какъ по мановенію руки правительства, въ кричащемъ противорѣчій со всеми интересами страны и со всеми желаніями народа, расточаются тысячи человѣческихъ жизней и миллионы народныхъ денегъ. Война показала въ гигантскомъ, всемъ видимомъ, масштабѣ тѣ язвы, которыми старый порядокъ изо дня въ день, медленно, но вѣрно подтачивалъ и подтачиваетъ всѣ жизненные силы народа. Не только внѣшняя война, но и война внутренняя была за эти 19 мѣсяцевъ для правительства рядомъ непрекращающихся, тяжелыхъ поражений. Расшатывалась военно-полицейская организація, падала дисциплина въ войскахъ, пробуждались къ сознательной политической жизни и группировались народныя силы. Россія теперь не та, что 19 мѣсяцевъ тому назадъ; другими глазами, съ другимъ пониманіемъ смотреть теперь широкія народныя массы на совершающіяся передъ ихъ глазами событія.

Ни мнимые «успѣхи» правительственной дипломатіи, ни идеи «реванша» не могутъ уже заслонить въ глазахъ народа того факта, что въ условіяхъ только что заключеннаго, такъ долго и страстно жданнаго мира отсутствуетъ одно, главное условіе, которое единственно только и сдѣлаетъ миръ легкимъ и почетнымъ, которое одно только и поможетъ народу залечить раны войны. Это условіе—долой самодержавіе! Безъ этого условія безконечно долго и безконечно болѣзненно будутъ отзываться на народѣ всѣ тяжелыя послѣдствія хищнической войны. Его должна вписать въ портсмутскій договоръ революція.

Ф. Данъ.

